ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

9.

Стр.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1899.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ *Леонидъ Майковъ.* Томъ первый. Лирическія стихотворенія (1812—1817) Спб. тип. Имп. Ак. Наукъ 1899. Большая 8-ка, XX, 296 (текстъ) и 421 (примѣчанія) стр. съ портретами и снимками.

Высшее наше ученое учрежденіе, про которое Ломоносовъ нѣкогда говорилъ, что Нѣмецъ Шумахеръ взялъ его въ приданое за своею женою, дочерью придворнаго повара Фельтена, которое въ прошломъ столѣтіи само себя печатно именовало „академіею-де-сіянсъ", нынѣ уже полвѣка опровергаетъ упреки въ иноземномъ направленіи своей дѣятельности и плодотворно идетъ къ цѣли всякой науки — народному самосознанію. Благой поворотъ въ трудахъ Академіи Наукъ произведенъ вторымъ ея отдѣленіемъ, въ предсѣдательство П. А. Плетнева, при которомъ начали свои работы П. П. Пекарскій и Я. К. Гротъ. Сему послѣднему Академія Наукъ дала возможность выполнить монументальное изданіе сочиненій Державина, которое раскрыло намъ во всѣхъ подробностяхъ даже частнаго быта цѣлыя три четверти вѣка Русской жизни.

Въ царствованіе Александра Александровича уже нельзя было остановиться въ этомъ здравомъ направленіи: начато и ведется изданіе сочиненій Ломоносова, важное содержаніемъ своимъ, но скудное чертами бытовыми, такъ какъ настоящей біографіи великаго дѣятеля Русской науки мы доселѣ не имѣемъ за недостаткомъ необходимыхъ свѣдѣній: личныхъ бумагъ Ломоносова и его переписки сохранилось очень мало. (Искать ихъ нужно у прямого потомка единственной дочери Ломоносова, графа Ностица, либо у наслѣдниковъ его внуки, Раевскихъ: не можетъ же быть, чтобы зять Ломоносова, библіотекарь Екатерины Великой, Константиновъ, не позаботился о томъ, чтò осталось письменнаго отъ его тестя).

Нынѣ начатое изданіе сочиненій Пушкина содѣлаетъ Императорскую *Россійскую* Академію еще болѣе *Русскою*, и за вышедшій первый томъ Русскіе люди отдадутъ сердечный благодарный поклонъ издателю его Леониду Николаевичу Майкову. Хотя этотъ томъ занятъ только лицейскими стихотвореніями Пушкина, но въ немъ эти стихотворенія читаются какъ бы въ обновленномъ видѣ, исполненномъ значенія для вѣрнаго пониманія Пушкина; это, по выраженію Шевырева, „его пеленки, его колыбель, гдѣ развивалось могучее младенчество поэта". Стихотворенія провѣрены по сохранившимся подлиннымъ рукописямъ, либо по наиболѣе вѣрнымъ спискамъ. Каждое изъ нихъ обслѣдовано со всевозможнымъ тщаніемъ, а многія послужили пред-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

1899.

3.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ и Юріемъ Бартеневыми.

„Есть какая-то поэтическая потребность въ нашей душѣ отрывать прахъ протекшихъ вѣковъ и отыскивать слѣды прежней жизни въ ея личныхъ и общественныхъ проявленіяхъ“.

Хомяковъ.

1899.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1899.

ПИСЬМА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ ГРАФУ И. П. САЛТЫКОВУ [1]).

А. Великимъ Княземъ.

„С.-Петербургъ, Декабря 30 (1780) Генваря 10 1781.

Графъ Иванъ Петровичъ.

Начну письмо свое поздравленіемъ васъ съ новымъ годомъ, съ желаніемъ, чтобъ вы его препроводили въ удовольствіи, равномѣрно какъ и графиня[2]), которой прошу отъ меня кланяться. Теперь стану говорить о нашихъ конскихъ дѣлахъ. Я воспользовался позволеніемъ вашимъ при нужномъ случаѣ, который теперь и настоитъ, поискать на вашей конюшнѣ себѣ ремонту, подобно какъ и я нѣкогда помогалъ по ремонту заводовъ вашихъ. Г. Захаровъ дозволилъ мнѣ уповать на доброхотство ваше и въ тоже время на способность къ ѣздѣ игреней лошади; теперь же, имѣя согласіе ваше къ тому, не имѣю ничего иного прибавить какъ мою благодарность за оное, которую вамъ изустно повторю по пріѣздѣ вашемъ, котораго отъ сердца желаю. Вамъ подвигъ[3]) сего желанія долженъ быть извѣстенъ. Онъ конечно основанъ на расположеніи моемъ къ вамъ и на дружбѣ, съ которою пребуду навсегда вашимъ вѣрнымъ Павелъ».

Получено 22 Генваря (9 Февраля) 1781.

*

„Царское Село, Маія 3. 1783.

При семъ посылаю къ вамъ, графъ Иванъ Петровичъ, письмо къ Николаю Ивановичу[4]), про которое вчера вамъ говорилъ. Желаю вамъ

---

[1]) Печатаются съ подлинниковъ, любезно сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ" праправнукомъ графа Ивана Петровича Салтыкова, Николаемъ Владиміровичемъ Мятлевымъ. Большая часть этихъ писемъ и рескриптовъ только подписана Павломъ Петровичемъ. То, что писано имъ собственноручно, печатается здѣсь съ вносными знаками. При нѣкоторыхъ письмахъ опущены обычныя начала и окончанія. Письменныя сношенія начались, когда у Павла Петровича еще не было своего Гатчинскаго войска; но графъ И. П. Салтыковъ (сынъ знаменитаго побѣдителя при Пальцигѣ) уже принадлежалъ къ числу опытныхъ и прославившихся генераловъ. П. Б.

[2]) Графиня Дарья Петровна Салтыкова, дочь графа П. Г. Чернышова и по матери внучка извѣстнаго начальника Тайной Канцеляріи А. И. Ушакова, получила воспитаніе въ Англіи, гдѣ отецъ ея былъ посломъ. П. Б.

[3]) Т. е. по нынѣшнему *поводъ, побужденіе*. П. Б.

[4]) Т. е. вѣроятно къ Салтыкову же, тогда графу, при Александрѣ I-мъ князю. П. Б.

счастливаго пути и прошу быть увѣреннымъ, что есмь и буду вашимъ благосклоннымъ Павелъ».

*

С.-Петербургъ, 14 Феврадя 1786.

Симъ препровождаю къ вамъ, графъ Иванъ Петровичъ, флота капитана второго ранга Муранова, который по болѣзни своей принужденнымъ нашелся оставить морскую службу, желаетъ теперь опредѣлиться къ дѣлу въ Костромской губерніи и прошу васъ пристроить его, помѣщеніемъ гдѣ либо въ начальствѣ вашемъ, и пользуюсь симъ случаемъ увѣрить васъ, что я есмь вашъ благосклонный «Павелъ».

Получено 26 Марта 1786.

*

Павловское, 1790 году Маія 3 дня.

Письмо ваше, графъ Иванъ Петровичъ, отъ 1-го Маія и съ приложеніями я получилъ; благодарю васъ за сіе, поздравляю и желаю отъ всего сердца вамъ новыхъ успѣховъ. Въ протчемъ прошу быть увѣрену во всегдашнемъ моемъ къ вамъ благорасположеніи, съ которымъ пребываю вамъ благосклонный «Павелъ».

*

Павловское, 15 Іюня 1796

На письмо ваше, графъ Иванъ Петровичъ, скажу вамъ, что, получа отъ тайнаго совѣтника Вадковскаго письмо, коимъ онъ просилъ меня о заплатѣ ему 650 рублей за придѣланіе базъ къ мраморнымъ колоннамъ [1]), приказалъ я тотчасъ отдать оную сумму, поставляя себѣ долгомъ платить всѣ причитающіяся на меня требованія; и такимъ образомъ сдѣлавъ свое, остается оное между вами и тайнымъ совѣтникомъ Вадковскимъ. Въ протчемъ съ совершеннымъ моимъ къ вамъ благорасположеніемъ пребуду навсегда вамъ благосклоннымъ «Павелъ».

Получено 15 Іюня 1796.

Б. Императоромъ.

1.

С.-Петербургъ, Генваря 10 1797.

Поздравя васъ, графъ Иванъ Петровичъ, съ новымъ годомъ, извѣщу васъ о пріѣздѣ ротмистра Могилянскаго ко мнѣ отъ васъ съ

---

[1]) Иностранцы и многіе у насъ обыкновенно утверждаютъ, что Екатерина мало давала денегъ Павлу Петровичу, принужденному яко бы отъ того входить въ долги. Но Павловскій и Гатчинскій дворцы и содержаніе особаго войска, заведеннаго въ Гатчинѣ еще за много лѣтъ до воцаренія Павла Петровича, служатъ тому нагляднымъ опроверженіемъ. По природной добротѣ своей и великодушію Павелъ не отказывалъ въ пособіяхъ многочисленнымъ родственникамъ своей супруги и входилъ въ долги. П. Б.

бумагами. Важнаго въ нихъ не предвидится. Благодарю васъ за скорость и исполненіе по сему. Теперь же не имѣя ничего особеннаго вамъ сказать, есмь съ пожеланіемъ благополучія вашимъ благосклоннымъ «Павелъ.» «Графиня ваша здорова».

Получено 17 Генваря 1797 г. съ Могилянскимъ въ Кіевѣ.

2.

С.-Петербургъ, 23 Генваря 1797.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Во избѣжаніе недоразумѣнія о лагеряхъ, предписывается всѣмъ инспекторамъ слѣдовать уставу, а начинать учить съ 1 апрѣля по 15 Маія, и на сіи шесть недѣль сводить полки каждой въ себѣ по способности положенія непремѣнныхъ ихъ квартиръ. Что же касается до специальныхъ смотровъ и маневровъ, для которыхъ инспекція долженствуютъ вмѣстѣ сводимой , о семъ особенно повелѣнія воспослѣдуютъ. Равномѣрно, есть ли востребуется таковой инспекціи за недостаткомъ квартиръ, тогда лагеремъ стать, безъ чего отнюдь лагерямъ не быть, для сбереженія какъ здоровья, такъ и убытку. «Павелъ».

Получено 1 Февраля 1797 на

3.

Отъ 5 Февраля 1797. С.-Петербургъ.

Графъ Иванъ Петровичъ. За присылку фруктовъ васъ благодарю и распоряженіями вашими доволенъ. Что жъ касается до плану крѣпости Печерской, то я оной отъ васъ ожидаю, пребывая вамъ благосклонный «Павелъ».

Получено 16 Февраля 1797.

4.

С.-Петербургъ, 20 Февраля 1797.

Получа донесеніе ваше отъ 11 Февраля, усмотрѣлъ, что Тверскаго карабинернаго полку, за отправленіемъ въ лейбкирасирской полкъ пяти офицеровъ, осталось еще у насъ много, о именахъ коихъ «всѣхъ» меня увѣдомите. Для укомплектованія лейбкирасирскаго моего полка ремонтныя деньги взявъ и сами покупку учиня, гдѣ вы выгоднѣе усмотрите, полкъ укомплектуйте. Пребываю вашъ благосклонный «Павелъ».

Получено 2 Октября 1797.

5.

Клинъ, 15 Марта 1797.

Донесенія ваши отъ 7 Марта я получилъ. Касательно до находящейся у васъ экстраординарной суммы отчеты отсылайте въ Военную Коллегію. Хорошо сдѣлали, что отмѣнили, бывшіе прежде сего пушечные выстрѣлы при заряхъ въ городѣ Кіевѣ, а дурно, что показываете капралъ, когда должно называться унтеръ-офицерами. «Павелъ».

Получено 27 Марта 1797.

6.

„Лида, Маія 16 1797.

Совѣтникъ Николевъ привезетъ вамъ свиту оставшуюся послѣ Суворова*), которую извольте для препровожденія времени помѣстить въ Печерскую крѣпость, откуда ее до повелѣнія не трогать, приставя къ ней должную услугу къ особамъ содержащимся по крѣпостямъ. Вы меня разумѣете. Вашъ благосклонный Павелъ».

Получено 30 Маія 1797 г. съ совѣтникомъ Николевымъ.

7.

„Павловское, Іюня 7 1797.

Г. Николевъ пріѣхалъ сегодня ко мнѣ съ письмомъ отъ васъ и реестромъ къ вамъ, графъ Иванъ Петровичъ, привезеннымъ. Теперь вамъ предоставляю сортировать ихъ по обстоятельству, оставить ли ихъ вамъ задержавъ или разослать по полкамъ, а кто въ отставкѣ, то домой. Ожидая о семъ отъ васъ увѣдомленія, есмь вашъ благосклонный Павелъ».

Получено 11 Іюня 1797 съ фельдегеремъ Глаголевымъ въ Кіевѣ.

8.

Въ Павловскомъ, Іюня 26 1797.

Видя изъ рапорта вашего, что бывшій Павлоградскій легкоконный, а нынѣшній гусарскій Боуровъ полкъ совсѣмъ почти безъ лошадей, я желаю знать настоящія сему причины, поручая вамъ между тѣмъ изыскать виновныхъ таковой неисправности и изъ имѣнія ихъ скорѣе удовольствовать полкъ всѣмъ ему принадлежащимъ. Пребываю «Павелъ».

Получено 12 Августа 1797.

9.

С.-Петербургъ, 12 Января 1798.

Привезеннаго къ вамъ Черниговскаго кирасирскаго полку полковника Козенса судить военнымъ судомъ по приложенному при семъ донесенію. «Павелъ».

Получено 16 Генваря 1798.

---

*) Павелъ Петровичъ въ это время объѣзжалъ присоединенный къ Россіи его матерью Западный край, а Суворовъ находился при войскахъ въ Кобринѣ въ ожиданіи указа идти на Французовъ, тогдашній либеральный деспотизмъ которыхъ былъ страшнѣе любаго тиранства. Кто внушилъ новому Государю мысль оскорбить великаго полководца? Это еще не достаточно разъяснено. При дворѣ Екатерины Суворовъ обезпечилъ себѣ связи, выдавъ свою Наташу за графа Н. А. Зубова. При младшемъ же дворѣ онъ вѣроятно и не заводилъ ихъ, можетъ быть увѣренный въ томъ, что престолонаслѣдіе утверждено за внукомъ, мимо сына. Объ этомъ могъ онъ знать и отъ своего зятя. П. Б.

10.

С.-Петербургъ, Генваря 20 1798.

Увѣдомьте меня немедленно, гдѣ вы намѣрены расположить полки всей Московской дивизіи и три полка кавалерійскихъ Украинской дивизію, кои должны быть на рандеву въ Москву.

Получено 26 Генваря 1798.

11.

С.-Петербургъ, 29 Генваря 1798.

Отданный къ отвѣту Черниговскаго кирасирскаго полку полковникъ Козенсъ, не будучи онаго полку камандиромъ, не могъ отвѣчать за безпорядки и невѣдѣніе службы въ полку во время командованія онымъ подполковника Блюма, коего истребовать изъ полку и взять отвѣтъ. А полковника Козенса, отпустя на 28 дней, по прошествіи оныхъ, приказать явиться къ полку.

Получено 2 Февраля 1798.

12.

С.-Петербургъ, 26 Февраля 1798.

Войдя въ разсмотрѣніе, какой способенъ можетъ быть домъ для помѣщенія ордонансъ-гауза въ Москвѣ и пріискавъ по чему купить изъ продажныхъ, представьте мнѣ планъ и что̀ оный домъ сто̀итъ.

Получено 5 Марта 1798.

13.

С.-Петербургъ, 7 Марта 1798.

Вслѣдствіе донесеній вашихъ отъ 1-го Марта, предписываю вамъ укомплектовать два Московскіе гусарскіе эскадроны не иначе какъ вербовкою вольныхъ людей. Я апробую рѣшеніе дѣла Московской палаты суда и расправы 1-го департамента о исключенныхъ изъ службы маіорѣ Симанскомъ, подпоручикѣ Безсоновѣ и отставномъ маіорѣ князѣ Мещерскомъ. Но при томъ замѣчаю вамъ, такъ какъ это дѣло гражданское, то и должно ему идти своимъ порядкомъ. По представленію вашему, находящимся въ штатѣ Московской полиціи квартальнымъ надзирателямъ, коихъ имена въ вашемъ донесеніи означены, повелѣлъ я производить пенсіонъ половиннаго ихъ жалованья. О квартальномъ же помощникѣ Волковѣ увѣдомьте меня, въ которое время и какимъ образомъ лишился онъ по колѣно ноги. Ярославскаго мушкетерскаго полку маіоръ Тидебель за болѣзнію находится здѣсь въ Петербургѣ и по освидѣтельствованію точно таковымъ оказался.

Получено 15 Марта 1798.

14.

С.-Петербургъ, 15 Марта 1798.

Представляемыхъ Ярославскаго мушкетерскаго полку изъ дворянъ подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ къ произведенію въ портупей-прапорщика оставьте до моего пріѣзда въ Москву.

Получено 21 Марта 1798.

15.

С.-Петербургъ, 22 Марта 1798.

Вслѣдствіе представленія о перемѣнѣ 220 человѣкъ Харьковскаго кирасирскаго полку вновь поступившими рекрутами, я не только что не апробую, но, нашедъ таковое представленіе совершенно пустымъ, командующему онымъ полкомъ полковнику Заплатину [1]) сдѣлалъ при паролѣ выговоръ; а вамъ примѣчу, что вы напрасно позволили держать оныхъ рекрутъ при полку и не предписали отправить ихъ тотчасъ на ихъ мѣсто, куда оные назначены.

Получено 29 Марта 1798.

16.

Городъ Павловскъ, 26 Апрѣля 1798.

Такъ какъ гусарскаго Линденера полку полковника Бобыль выбрапъ полковымъ командиромъ, то на мѣсто его повелѣваю вамъ, для исправленія порученной вышеписанному полковнику колоніи, командировать другого штабъ-офицера. Находящагося же въ Москвѣ въ Правительствующемъ Синодѣ по дѣлу съ женою гусарскаго Боура полку корнетъ Баторскаго отправьте къ полку по немедленномъ окончаніи дѣла; а ежели оный судъ долго еще долженъ продолжаться, въ таковомъ случаѣ увѣдомьте меня.

Получено 2 Мая 1798.

17.

Городъ Валдай, 7 Мая 1798.

Графъ Иванъ Петровичъ. Пожалуйте выѣзжайте ко мнѣ въ Воскресенье на послѣдній мой ночлегъ, куда я надѣюсь пріѣхать часу въ восьмомъ вечера. Доброжелательный вамъ «Павелъ» [2]).

Получено 8 Мая 1798.

---

[1]) Это тесть С. Т. Аксакова, Суворовскій воинъ, дочь котораго отъ брака съ плѣнною Турчанкою, Ольга Семеновна Аксакова, полна была любви къ отечественной славѣ и воспитала въ этомъ чувствѣ всѣхъ дѣтей своихъ. П. Б.

[2]) Это и дальнѣйшія письма—изъ втораго путешествія Павла Петровича по Россіи, когда онъ ѣздилъ въ Поволжье.

18.

Деревня Акказина, Маія 23 1798.

Пришлите мнѣ списокъ всѣмъ 1-мъ штабъ и оберъ-офицерамъ, кои были больны во время ревю*) въ Москвѣ, а особливо увѣдомьте меня о полковникѣ Апличеевѣ.

Получено 26 Мая 1798.

19.

Казань, 27 Маія 1798.

Графъ Иванъ Петровичъ. Получа письмо отъ генерала лейтенанта маркиза Дотишаппа, въ коемъ онъ мнѣ доноситъ, что, садясь въ карету, зашибъ ногу, что̀ и удерживаетъ его въ Москвѣ, я по сему случаю, партикулярно къ вамъ адресуясь, хочу, чтобы вы особеннымъ отъ васъ письмомъ меня увѣдомили о справедливости сего приключенія и нѣтъ ли какихъ другихъ тому причинъ. Доброжелательный вамъ «Павелъ».

Получено 1 Іюня 1798.

20.

„Павловское, Іюня 23, 1798.

Неизвѣстность намѣреній Французскихъ заставляетъ меня брать разныя мѣры, почему и нахожу нужнымъ сообщить вамъ, чтобъ имѣли вы, графъ Иванъ Петровичъ, свою дивизію всю готову. Но не собирайте отпускныхъ еще до повелѣнія. Вы оную въ случаѣ надобности поведете изъ Кіева, исключая драгунской Ростовской и пѣхотной Шлюсельбургской и Ряжской. Съ нею пришедъ къ Кіеву, получите и большую часть Смоленской дивизіи. Батурина баталіонъ пойдетъ съ вами. Приготовляйтесь безъ огласки. Еще все въ неизвѣстности, а особливо чтобъ слухамъ не подать поводу. Есмь вашъ благосклонный Павелъ.»

Получено 27 Іюня 1798.

21.

Петербургъ, 5 Августа 1798.

Вслѣдствіе донесеній вашихъ отъ 29 Іюля касательно произведеннаго слѣдствія въ Софійскомъ кирасирскомъ полку о застрѣлившемся кирасирѣ Ананкѣ, со мнѣніемъ вашимъ я во всемъ согласенъ, почему и имѣете вы предписать шефу онаго полка, дабы, при собраніи штабъ и оберъ-офицеровъ, сдѣлалъ строгій выговоръ подполковнику Хомякову, чтобы онъ къ своей должности болѣе имѣлъ вниманія; а вахмистро Квачева разжаловать въ рядовые. Предписаніе же ваше полкамъ

---

*) Ревю (смотръ) и рандеву (сходъ) Французскія слова (revue, rendez-vous) были заимствованы изъ Прусской военной службы.

Московской дивизіи о уничтоженіи заведенныхъ ими аммуничниковъ я апробую. Представленнаго изъ Костромскаго Губернскаго Правленія въ Староингерманландской мушкетерской полкъ неслужащаго дворянина Михаилу Кадникова, такъ какъ сужденнаго и худымъ поведеніемъ опорочившаго свое состояніе, опредѣлить въ рядовые съ выслугою.

Получено 11 Августа 1798.

22.

Когда вы прибудете съ дивизіею вашею въ мѣста оставленныя дивизіями, ушедшими на помощь Портѣ Оттоманской, не теряйте изъ вида вашего, что главная цѣль служенія вашего должна обращена быть на поведеніе и образъ мыслей жителей губерній отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ, которые, по свойственному имъ безпокойству, могутъ быть поджигаемы Французами, единою цѣлью имѣющими опроверженіе всѣхъ государствъ. Что̀ жъ касается до продовольствія ввѣренныхъ вамъ войскъ, надлежащія повелѣнія даны, и вы ни въ чемъ нужду терпѣть не будете.

Въ Павловскѣ, Августа 7. 1798.
Получено 11 Августа 1798.

23.

Усмотрѣвъ изъ объясненія отставнаго генерала отъ кавалеріи графа Зубова, что здоровье его не весьма разстроено судя по его предположеніямъ, поручаю вамъ объявить ему именемъ моимъ, чтобъ онъ оставался въ Москвѣ. Относительно же потребной вамъ суммы для наблюденія за иностранными, я вамъ дозволяю требовать оную изъ Московской Казенной Палаты, о чемъ и указъ мой въ копіи, у сего приложенный, данъ государственному казначею, частной же отчетъ объ употребленіи той суммы, яко секретной, не оставите сообщить тайному совѣтнику и генералу-прокурору Лопухину.

Въ Павловскѣ, Августа 14. 1798.
Получено 19 Августа 1798.

24.

Гатчино, Августа 24. 1798.

Видя изъ донесенія вашего отъ 16 Августа, что бывшимъ пожаромъ, начавшимся Смоленской губерніи въ Гжатской округѣ, весьма много выгорѣло помѣщичьяго лѣсу, повелѣваю вамъ изслѣдовать настоящую сему притчину и потомъ донесть мнѣ.

Получено 31 Августа 1798.

25.

Гатчино, Августа 28. 1798.

Вы уже видѣли, графъ Иванъ Петровичъ, изъ приказовъ моихъ, что формирую я изъ рекрутъ нынѣ собираемыхъ у васъ въ дивизіи

три кирасирскіе, два драгунскіе, одинъ гусарской и шесть пѣхотныхъ полковъ, на квартирахъ и подъ присмотромъ на оныхъ стоящихъ полковъ, почему и прошу самому, какъ инспектору оныхъ, о нихъ попеченіе приложить. Есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ».

Получено 3 Сентября 1798.

26.

Гатчино, 12 Сентября 1798.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й. По случаю перемѣны обстоятельствъ, имѣете вы съ полученія сего возвратить всѣ полки назначенные къ походу къ Кіеву, равномѣрно и тѣ, кои должны были придти на мѣсто ихъ въ Москвѣ, и оставить всѣ на прежнихъ ихъ непремѣнныхъ квартирахъ, а формированіе новыхъ полковъ должно продолжаться въ мѣстахъ для сего назначенныхъ. Пребываю вамъ благосклонный». Павелъ.

При семъ слѣдуютъ копія*) которыхъ оригиналы побудили сіе учинить.»

Получено 16 Сентября 1798.

27.

„Гатчино, 16 Сентября 1798.

Прошу, графъ Иванъ Петровичъ, поближе примѣчать за поведеніемъ и связями Валеріана Зубова и извѣщать меня партикулярно, ибо дѣло Дехтерево подаетъ мнѣ сумнѣніе, не было ли его наущенія въономъ. Надѣяся на ваше ко мнѣ расположеніе, есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.»

Получено 19 Сентября 1798.

28.

Согласно съ вашимъ представленіемъ произвелъ я въ маіоры плацъ-адъютанта капитана Милованова; но какъ онъ не можетъ отправлять прежнюю свою должность въ новомъ чинѣ, то и поручаю вамъ помѣстить его плацъ-маіоромъ, есть ли есть у васъ ваканція на сію должность.

Въ С.-Петербургѣ, Октября 5. 1798.
Получено 13 Октября 1798.

29.

С.-Петербургъ, 22 Ноября 1798.

Генералъ-маіоръ Хастатовъ, объясняя недостатокъ въ драгунскомъ его имени полку 30 унтеръ-офицеровъ, проситъ, чтобъ ему оное число назначить изъ другихъ конныхъ полковъ находящихся лишнихъ ун-

*) Этихъ копій у насъ не имѣется. П. Б.

теръ-офицеровъ. Повелѣваю вамъ предписать полкамъ, гдѣ находятся таковые унтеръ-офицеры, чтобъ оные переведены были въ полкъ генералъ-маiора Хастатова.

Получено 28 Ноября 1798.

30.

С.-Петербургъ, 5 Декабря 1798.

Возвращая вамъ обратно донесенiе ваше о переводѣ вами сдѣланномъ плацъ-адъютанта Милованова въ плацъ-маiоры въ Володимерѣ, повелѣваю вамъ онаго опять оттуда къ себѣ перевести, замѣтя при семъ, что таковые переводы отъ васъ не зависятъ.

Получено 9 Декабря 1798.

31.

С.-Петербургъ, 14 Генваря 1799 г.

Чрезъ сiе извѣщаю васъ, что оставшiеся полки вашей инспекцiи и новоформирующiеся составляютъ резервный корпусъ подъ начальствомъ вашимъ. Батальону артилерiи генералъ-лейтенанта Амбразанцова повелѣлъ я состоять въ армiи вашей. Назначенiе чиновъ нужныхъ вамъ, какъ начальствующему армiею, оставляю я на ваше распоряженiе, которое сдѣлавъ представьте ко мнѣ на утвержденiе. Полкамъ же предпишите быть всегда готовыми въ случаѣ надобности къ выступленiю.

Получено 22 Генваря 1799 г.

32.

С.-Петербургъ, 22 Генваря 1799 г.

Съ полученiя сего повелѣваю вамъ предписать сводным гранодерскимъ баталiонамъ полковника Разумовскаго и маiора Цагеля выступить изъ непремѣнныхъ ихъ квартиръ и слѣдовать на Днѣстръ въ мѣстечко Цыконовку, гдѣ и состоять въ командѣ генералъ-лейтенанта Шица. «Павелъ».

Получено 26 Генваря 1799 г.

33.

С.-Петербургъ, 5 Февраля 1799.

Повелѣваю вамъ предписать полковому командиру гранодерскаго Бороздина 1-го полку Депрерадовичу*) выступить съ полкомъ и слѣдовать въ городъ Павловское.

Получено 11 Февраля 1799.

---

*) Этотъ Депрерадовичъ вскорѣ сдѣлался командиромъ Семеновскаго полка и былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ ночь 11 Марта 1801 года. П. Б.

34.

„Отъ 13 Февраля 1799. С.-Петербургъ.

Господинъ генералъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Донесенія ваши получа, предписываю вамъ не входить ни въ какія распоряженія, отдаляющіяся отъ предписаній должности вашей; а есть ли востребуется нужда въ воинской командѣ по дѣламъ гражданскимъ, тогда по сношенію, посылать число, кое вы заблагоразсудите. Полковъ казачьихъ не останавливать, также и войскъ за Днѣпръ не переводить. Пребываю вамъ благосклоннымъ. Павелъ».

Получено 1 Марта 1799.

35.

Препроводили мы пятнадцать тысячъ рублей къ митрополиту Московскому и Калужскому Платону для раздачи суммы сей на вспоможеніе вступающимъ въ бракъ недостаточнымъ дѣвицамъ въ нашемъ столичномъ городѣ Москвѣ, по соображенію его ихъ поведенія и состоянія, о чемъ вы и снеситеся съ нимъ*).

С.-Петербургѣ, Февраля 20-го дня 1799 года.
Получено 2 Марта 1799 г.

36.

Городъ Павловскъ, 1799. Маія 25.

Прилагаю при семъ маршрутъ для назначенныхъ мною войскъ въ подкрѣпленіе Архангельска и Онегскаго порта, есть ли востребуетъ нужда имъ туда слѣдовать.

Получено 1-го Іюня 1799.

На приложенномъ исчисленіи мѣстъ, черезъ которыя проходить войскамъ, сдѣланы помѣтки рукою Аракчеева: 1) отъ Москвы до Архангельска 1242 версты „выходитъ должно быть въ маршѣ 85 дней съ раставами, что̀ и выходитъ вообще около 22 верстъ на день“. Отъ Вологды черезъ Кириловъ до города Онеги: „686½ верстъ: выходитъ должно быть въ маршѣ отъ Москвы 77 дней съ роздыхами, что̀ и выходитъ вообще около 22 верстъ также на день“.

37.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ и Московской военной губернаторъ графъ Салтыковъ 2-й. Входя въ гоненія, кои претерпѣваетъ уже съ нѣкотораго времени отъ матери своей мой генералъ-адъютантъ

---

*) Въ этомъ году Павелъ Петровичъ выдавалъ въ замужество двухъ дочерей своихъ, великихъ княженъ Александру и Елену. П. Б.

князь Щербатовъ *) и желая прекратить оныя, какъ отъ качествъ и непохвальнаго нраву ея происходящія, захотѣлъ я, для обоюднаго ихъ спокойствія, отъ имени моего написать къ матери увѣщательное письмо и вслѣдъ за онымъ послалъ къ ней сына нарочно для сихъ причинъ. Она же, не взирая на все что я отъ моего благоволенія располагалъ къ ея пользѣ и чести, вмѣсто ожидаемаго мною миролюбія, въ другой разъ еще проклятіе свое на него князя Щербатова наложила. Видя въ таковыхъ поступкахъ ея совершенное забвеніе всего того чѣмъ она обязана не особѣ моей, но моему сану, повелѣваю вамъ, тотчасъ по полученіи сего, ѣхать къ ней и ежели она въ тоже самое время не проститъ своего сына, то взять ее и отдать подъ начало въ монастырь, оглася по городу и по губерніи ея продерзостной противу меня и жестокосердый противу сына поступокъ и о всемъ безъ замедленія меня увѣдомить. Прибываю вамъ благосклоннымъ «Павелъ».

Городъ Павловскъ, Маія 29 дня 1799.
Получено 1 Іюля 1799.

38.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ и Московской военной губернаторъ графъ Салтыковъ 2-й. Извѣстясь, что содержащійся подъ арестомъ въ Москвѣ Лабатъ де Вивансъ ушелъ изъ подъ ареста, весьма недоволенъ я симъ послабленіямъ и безпорядкамъ въ командѣ вашей и изъявляю вамъ за оное мое неудовольствіе. «Павелъ».

Городъ Павловскъ Іюня 2, 1799.
Получено 6 Іюня 1799.

39.

Городъ Павловскъ, 1799. Іюня 13.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 5 Іюня, вслѣдствіе котораго повелѣваю вамъ велѣть судить маіора Челищева въ Московскомъ ордонансъ-гаузѣ, а Криднера гражданскимъ судомъ.

Получено 20 Іюня 1799.

40.

Получилъ я донесеніе ваше отъ 21 Іюля касательно, что нѣкоторые изъ отставныхъ кавалергардовъ желаютъ вступить въ воинскую службу, то я на оное согласенъ, чтобы ихъ принимать юнкерами въ кавалерію или инфантерію по ихъ желанію и потомъ по старшинству и достоинству производить на вакансіи въ корнеты или прапорщики и

*) Это былъ, если не ошибаемся, князь Александръ Ѳедоровичъ Щербатовъ, дѣдъ князя Александра Петровича, бывшаго товарища министра путей сообщенія и автора жизнеописанія фельдмаршала князя Паскевича. П. Б.

такъ далѣе, такъ какъ уже сіе и исполняется въ гусарскомъ Линденера полку.

Петергофъ 1799 г. Іюля 27-го.
Получено 4 Августа 1799 г.

41.

Въ мѣсячномъ рапортѣ мушкетерскаго Маркловскаго 1-го полку показывается больными 9 оберъ-офицеровъ и 296 нижнихъ чиновъ, то повелѣваю вамъ, узнавъ причины сего неумѣреннаго количества больныхъ, мнѣ донести. Касательно же отставнаго секретаря Тодорскаго, участвующаго въ печатаніи мнительно пожалованной звѣзды князю Италійскому, то повелѣваю онаго содержать мѣсяцъ на гаубвахтѣ на хлѣбѣ и водѣ [1]).

Г. Павловскъ, 1799. Августа 18.
Получено 25 Августа 1799.

42.

Доноситъ мнѣ полковникъ князь Циціановъ, что по выступленію его изъ непремѣнныхъ квартиръ со ввѣреннымъ ему гранодерскимъ баталіономъ въ повелѣнный походъ, рапортовалъ онъ вамъ, что потребно ему для пользованія больныхъ лѣкаря и медикаменты, но не получилъ отъ васъ никакого на оное отвѣта: то, удивляясь таковому вашему упущенію, дѣлаю вамъ на оное выговоръ.

Гатчино, 1799 г. Августа 24 дня.
Получено 1 Сентября 1799 г.

43.

Получа сіе, повелѣваю вамъ немедля живущаго въ Москвѣ отставнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Барятинскаго[2]) изъ Москвы выслать въ тѣ самыя деревни его, въ которыхъ ему жить прежде повелѣно было.

Г. Гатчина, Ноября 9. 1799.
Получено 15 Ноября 1799.

44.

Графъ Иванъ Петровичъ! Получилъ я письмо ваше, въ коемъ испрашиваете вы моего согласія для бракосочетанія меньшой вашей

---

[1]) Объ этомъ Тодорскомъ см. „Русскій Архивъ" 1898 I, 84. Очевидно, что Павелъ Петровичъ тогда начиналъ снова гнѣваться на Суворова.

[2]) Это былъ престарѣлый князь Өедоръ Сергѣевичъ, дѣдъ-дядя фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго.

дочери съ отставнымъ камергеромъ графомъ Орловымъ, то, соизволяя на оное, желаю ей всякаго благополучія въ семъ новомъ ея положеніи [1]).

Ноября 9. 1799. Гатчино.
Получено 21 Ноября 1799.

45.

Отставному отъ службы сенатору князю Долгорукову дозволяя жить съ женою его и дѣтьми въ Москвѣ, повелѣваю вамъ дать ему о семъ знать, а вамъ рекомендую имѣть надъ образомъ жизни его прилежный надзоръ, дабы они себѣ подобныхъ прежнимъ ихъ нескромнымъ поступкамъ имѣть не дозволяли [2]).

Г. Гатчина, Ноября 18. 1799.
Получено 23 Ноября 1799.

46.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й. Въ донесеніи вашемъ отъ 20 Февраля упоминаете вы про какую-то пожарную команду, совсѣмъ мнѣ неизвѣстную, потому что въ установленномъ мною уставѣ такого названія никакой командѣ тамъ не существуетъ; а можетъ быть употребляете сіе по старому обряду службы, которой болѣе трехъ лѣтъ стараюся искоренить, и съ удивленіемъ даже вижу, что вы оному держитеся, не взирая на многократные дѣлаемые мною вамъ выговоры за оное. То заключаю изъ сего, что вамъ уставъ совсѣмъ неизвѣстенъ, хотя бы онъ долженъ васъ руководствовать во всемъ до службы касающемся. Дѣлаю вамъ за сіе выговоръ и подтверждаю въ послѣдній разъ, чтобъ вы исполняли ввѣренную вамъ должность сообразно моимъ установленіемъ. Неисправность же вашу примѣчаю и въ присланномъ вами ескадронномъ росписаніи, гдѣ ротмистръ назначенъ вами ротнымъ командиромъ, а маіоръ находится въ вашей ротѣ, не имѣвъ свою: то за сіе незнаніе службы сдѣланъ вамъ нонеча выговоръ при паролѣ.

Февраля 24, 1800. С.-Петербургъ.
Получено 28 Февраля 1800.

47.

Усматривая изъ поступавшихъ ко мнѣ прошеній отъ недорослей о опредѣленіи въ службы, что многіе показываются дворянами Московской губерніи, не бывъ совсѣмъ оными и основываясь на данные

---

[1]) Графиня Анна Ивановна Салтыкова выходила за графа Григорія Владиміровича Орлова. Сестра ея Прасковья Ивановна Мятлева—прабабка Николая Владиміровича Мятлева, которому обязаны мы сообщеніемъ въ „Русскій Архивъ" этихъ писемъ. П. Б.

[2]) Не знаемъ, какой это князь Долгоруковъ. П. Б.

имъ аттестаты за подписаніемъ предводителя Московскаго дворянства отставнаго генералъ-маіора князя Лобанова, то, не удивляяся таковой отъ него неосновательности, повелѣваю вамъ, по полученіи сего, отрѣшить его отъ должности и приступить къ выбору другого предводителя, которой бы достоинъ былъ Московскаго дворянства.

Сентября 1. 1800. г. Гатчино.
Получено 9 Сентября 1800.

48.

Назначивъ будущаго Мая 10 числа въ Москвѣ ревю полкамъ инспекціи вамъ ввѣренной, повелѣваю вамъ предписать имъ, чтобъ начали они шестинедѣльное свое ученіе за шесть недѣль до выступленія въ походъ, а тѣ которые въ Москвѣ до назначеннаго времени для ревю.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 20. 1800.
Получено 3 Генваря 1801.

49.

„С.-Петербургъ, Генваря 7, 1801.

Теперь уже вы извѣстны, что надѣюсь имѣть удовольствіе васъ видѣть нынѣшнюю весну. Я буду къ вамъ къ 6 Маію и пробуду у васъ недѣли двѣ. Послѣдніе четыре дни будутъ употреблены мною: два на ревю вашей и Украинской инспекціи, а два для маневровъ одной противъ другой. По сему случаю и нужно будетъ приготовить квартиры для Украинской, такъ чтобъ она была въ близости, и для того поставить ее въ Преображенскомъ, Семеновскомъ и близъ сего лежащихъ частяхъ города и селеніяхъ. Тоже будетъ и Чугуевскій полкъ и артиллеріи полкъ. Въ первые дни я буду смотрѣть Рехенберговъ полкъ, за нимъ всѣ полки Московскаго гарнизона вмѣстѣ и сіи въ линіи. Пристану же я на двѣ ночи въ Кремлѣ, а потомъ въ Слободѣ. Я надѣюсь, что, хотя я и проказливъ, но пустите къ себѣ, хотя бы только полюбоваться на вашихъ красавицъ. Но старому не пора о томъ помышлять, а лучше думать, какъ бы мнѣ Украинскую инспекцію переплавлять черезъ Преображенской дефиле и деплоировать ею противъ васъ и полковъ вашихъ, стоящихъ на Сокольничьемъ полѣ и чтобъ Феншъ не остыдилъ себя противу васъ. Но я не чувствую, что я записался: плоды уже старости. Вашъ благосклонный Павелъ» *).

Получено 10 Генваря 1801.

*) Достопамятное письмо. Могъ ли графъ П. П. Салтыковъ предвидѣть, что изложенныя въ немъ намѣренія Государя не исполнятся? Въ Москвѣ стали готовиться къ третьему пріѣзду Павла Петровича. Въ Мартѣ этого года уже назначались помѣщенія въ частныхъ домахъ для имѣвшихъ сопровождать его лицъ; графъ А. Р. Воронцовъ безплатно предоставилъ для того свой домъ въ Нѣмецкой Слободѣ.

50.

„С.-Петербургъ, Генваря 12. 1801.

Весьма благодарю васъ, графъ Иванъ Петровичъ, за знакъ усердія показанный вами. Но, читавъ нѣсколько разъ, ничего не нашелъ. Послалъ на мѣсто провѣдать, нѣтъ ли чего инаго развѣ еще; ибо изъ сего ничего не нахожу. Есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ».

Получено 15 Генваря 1801.

51.

„С.-Петербургъ, Генваря 22. 1801.

Обѣщанные мною планы, графъ Иванъ Петровичъ, воротъ при семъ къ вамъ посылаю. Хотя и писалъ, что думаю ихъ поставить, гдѣ Тверскіе-Ямскіе ворота, но желалъ бы отъ васъ знать мнѣніе, тутъ ли или у заставы (гдѣ бы и слѣдовало по военному порядку), или у гулянья, гдѣ были Тверскіе ворота, какъ мѣсто на виду и высокое. Pesez et choisissez![1]) Есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ. A propos. Послѣднее письмо ваше мнѣ весьма было по шерсти и, сколь уже она ни стара, за что весьма благодарю».

Получено 26 Генваря 1801.

52.

„С.-Петербургъ, Генваря 29. 1801.

Открылъ я, графъ Иванъ Петровичъ, переписку г. гр. Панина, въ которой титулуетъ онъ к. Репнина Цинцинатусомъ, пишетъ о нѣкоторой мнимой теткѣ своей (которой у него однакоже здѣсь никакой нѣтъ), которая одна только изъ всѣхъ насъ на свѣтѣ душу и сердце только и имѣетъ, и тому подобныя глупости. А какъ изъ сего я вижу, что онъ все тотъ же, то и попрошу мнѣ его сократить, отослать подалѣ, да отвѣчать, чтобъ онъ впередъ ни языкомъ, ни перомъ не вралъ. Прочтите ему сіе и исполните все. Есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ».

Получено 1 Февраля 1801.

53.

„Мих. Зам. Февраля 7. 1801.

Въ улику того и тому о чемъ и кѣмъ дѣло было, посылаю къ вамъ копіи перлустрированныхъ Панина писемъ, которыми извольте его уличать, и какъ я уже далъ вамъ и безъ того надъ нимъ волю, то и поступите уже по заслугѣ и такъ, какъ со лжецомъ и обманщикомъ. Вы можете для прочтенія его къ себѣ съ надежнымъ провожатымъ на то только время привести. Впрочемъ сіе все уже ваше дѣло, и вамъ за сіе и за него и отвѣчать. Вашъ благосклонный Павелъ».

Получено 9 Февраля 1801 [2]).

---

[1]) Сообразите и выберите.

[2]) Объясненіе обоихъ этихъ писемъ къ графу Салтыкову (бывшему тогда Московскимъ военнымъ губернаторомъ) читатели найдутъ въ VII-й книгѣ бумагъ о графѣ Н. П. Панинѣ, изданныхъ его внукою, княгинею М. А. Мещерской.

ГЕНЕРАЛЪ - ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, сынъ генералъ-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова, родился въ 1730 году; обучался въ домѣ своего родителя; сначала служилъ въ гвардіи (съ 1745 г.), потомъ при высочайшемъ дворѣ въ званіи камеръ-юнкера, и (1760 г.) выпущенъ въ армію бригадиромъ. Онъ участвовалъ въ знаменитыхъ подвигахъ Россіянъ противъ Прусаковъ; за оказанную храбрость произведенъ въ генералъ-маіоры (1761 г.); получилъ отъ императора Петра III орденъ св. Анны (1762) и Александровскую ленту въ день коронованія императрицы Екатерины II.

Черезъ семь лѣтъ открылась война съ Турціею; графъ Салтыковъ, бывшій тогда генералъ-поручикомъ (съ 1766 г.), снова обнажилъ мечъ, содѣйствовалъ князю Голицыну въ разбитіи Карамана-паши подъ Хотинымъ (1769 г.), въ овладѣніи этою крѣпостію; служилъ потомъ подъ знаменами славнаго Задунайскаго; предводительствовалъ на Ларгскомъ сраженіи (1770 г.) частію конницы, слѣдовавшей за пѣхотою; но, къ огорченію главнокомандовавшаго, опоздалъ преслѣдованіемъ непріятеля, не получивъ въ свое время посланныхъ повелѣній; начальствовалъ на Кагульской битвѣ (въ томъ же году) тяжелой кавалеріею, расположенною между карре, врубился въ толпы янычаръ, положилъ множество на мѣстѣ, остальныхъ обратилъ въ бѣгство и занялъ ретраншаментъ. Румянцовъ *донесъ* своему бывшему начальнику, фельдмаршалу графу Салтыкову, о знаменитой побѣдѣ и назвалъ его *счастливымъ отцомъ,* упоминая объ *отличномъ мужествѣ* графа Ивана Петровича. Послѣдній награжденъ тогда алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго.

Въ 1772 году графъ Салтыковъ первый переправился чрезъ Дунай съ ввѣреннымъ ему корпусомъ; произведенъ (1773 г.) въ генералъ-аншефы; учредилъ сообщеніе съ Дунаемъ между Силистріи и Рущука, выгналъ Турокъ изъ Марутинскихъ ретраншаментовъ, овладѣлъ ихъ лагеремъ, взялъ три пушки, принудилъ непріятеля отступить въ Рущукскія укрѣпленія и обложилъ городъ отъ самаго Дуная по

рѣку Ломъ; но не могъ взять онаго. Отряженный имъ генералъ Суворовъ овладѣлъ Туртукаемъ. 14 Іюля (1774 г.) Салтыковъ готовился подъ стѣнами осажденной крѣпости къ рѣшительному бою съ сераскиромъ Гассанъ-пашею, бывшимъ въ послѣдствіи капитаномъ-пашею и визиремъ, какъ прибылъ курьеръ отъ главнокомандовавшаго съ извѣстіемъ о заключенномъ мирѣ при Кайнарджи.

Императрица наградила военные подвиги графа Ивана Петровича (1775 г.) орденомъ св. Георгія второго класса и золотою шпагой, украшенною алмазами. Въ 1780 году, начальствуя двадцатью шестью полками и сильною артиллеріей, онъ составлялъ противъ Турокъ цѣпь войскъ и имѣлъ главную квартиру въ Немировѣ; продолжалъ командовать корпусомъ въ бывшихъ Польскихъ провинціяхъ до 1784 года, въ которомъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и генералъ-губернаторомъ Владимирскаго и Костромскаго намѣстничества, удостоенный за два года передъ тѣмъ ордена св. апостола Андрея Первозваннаго.

Графъ Салтыковъ исправлялъ должность намѣстника по 1788 годъ: возобновившаяся война съ Турціею призвала его снова на бранное поле. Онъ увѣнчалъ себя занятіемъ крѣпости Хотина (8 Сентября), которая, послѣ тѣснаго облежанія, сдалась ему и принцу Саксенъ-Кобургскому, командовавшему союзными Австрійскими войсками, на слѣдующихъ условіяхъ: двухъ-тысячный Турецкій гарнизонъ и всѣ жители Магометанскаго исповѣданія, числомъ обоего пола до 16 тысячъ человѣкъ, получили позволеніе выйти изъ крѣпости; 153 пушки разнаго калибра, 14 мортиръ и множество другихъ оружій и военныхъ припасовъ достались побѣдителямъ. За этотъ подвигъ графъ Салтыковъ получилъ орденъ св. Владимира первой степени (1789 г.).

Доселѣ графъ Иванъ Петровичъ побѣждалъ Турокъ; въ 1790 году Императрица ввѣрила ему Финляндскую армію. Спачала Шведы имѣли нѣкоторую поверхность надъ нашими войсками; потомъ потерпѣли пораженіе, между кирхи Валкіала и деревни Тайкалы (22 Апрѣля), отъ храбраго генералъ-маіора Денисова, который, захвативъ обозъ ихъ и артиллерію, прогналъ за Кюмень. Въ этомъ дѣлѣ находился король. Между тѣмъ генералъ-поручикъ Нумсенъ овладѣлъ на правомъ берегу рѣки Кюмени укрѣпленіями, взялъ 12 пушекъ и болѣе 300 плѣнныхъ; генералъ-маіоръ Ферзенъ дѣйствовалъ столь же удачно въ Свеаборгскомъ округѣ. Непріятель не смѣлъ тревожить границы наши, поражаемый также на морѣ Чичаговымъ. Въ Стокгольмѣ возникъ ропотъ. Густавъ III принужденъ былъ предложить миръ Екатеринѣ. Въ день торжества онаго (8 Сентября) графъ Иванъ Петровичъ былъ награжденъ званіемъ подполковника гвардіи коннаго полка, шпагою съ алмазами и алмазными знаками ордена св. апостола Андрея Первозваннаго.

Неожиданное событіе разстроило на нѣкоторое время ходъ службы Салтыкова: онъ обратилъ на себя неудовольствіе Задунайскаго, въ арміи котораго находился корпуснымъ командиромъ и принужденъ былъ выйти въ отставку (1795 г.). Императоръ Павелъ I принялъ его снова въ службу (1796 г.), переименовалъ генераломъ отъ кавалеріи (17 Ноября), назначилъ шефомъ кирасирскаго полка и, на другой день, Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, инспекторомъ по кавалеріи; 15 Декабря того года генералъ-фельдмаршаломъ, генералъ-инспекторомъ надъ всею кавалеріею, съ подчиненіемъ Украинской арміи до выздоровленія Румянцова; наконецъ, въ исходѣ 1797 года, перевелъ его военнымъ губернаторомъ въ Москву, пожаловалъ ему, вслѣдъ за тѣмъ, болѣе шести тысячъ крестьянъ въ Польскихъ губерніяхъ [1]) и опредѣлилъ главнокомандующимъ арміи, долженствовавшей сосредоточиться въ Витебской губерніи (1800 г.). По случаю кончины Государя назначеніе это не состоялось.

Императоръ Александръ I, въ день своего коронованія (1801 г.) препроводилъ къ графу Ивану Петровичу табакерку съ портретомъ, осыпанную бриллiантами. Онъ оставался военнымъ губернаторомъ въ Москвѣ до 1 Мая 1804 года, получивъ тогда увольненіе, согласно собственному желанію, по причинѣ разстроеннаго здоровья, и вскорѣ скончался, 14 Ноября 1805 года, на 76 отъ рожденія. Тѣло его предано землѣ подлѣ родителя, въ Ярославскомъ имѣніи.

Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, во всю жизнь свою никого не сдѣлавшій несчастнымъ, былъ чуждъ постыдной гордости и презиралъ только высокомѣрныхъ временщиковъ; отличался ласковымъ, добродушнымъ пріемомъ; жилъ въ Москвѣ чрезвычайно пышно; каждый день за обѣдомъ и ужиномъ его находилось шестьдесятъ приборовъ; каждое Воскресенье съѣзжалось къ нему на балъ нѣсколько сотъ человѣкъ [2]). Онъ старался искоренять въ присутственныхъ мѣстахъ лихоимство, водворялъ повсемѣстный порядокъ и благочиніе, пользовался общею любовію и уваженіемъ, любилъ дѣлать добро; занимался въ свободное время охотою, имѣя собственныхъ псарей до ста человѣкъ; оставилъ сыну своему шестнадцать тысячъ крестьянъ, въ томъ числѣ тысячу двѣсти человѣкъ дворовыхъ людей и два милліона восемьсотъ тысячъ долгу.

Изъ 2-й части книги Біографіи Россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ (Д. Н. Бантыша-Каменскаго). Спб. 1840, стр. 240—245.

---

[1]) Имѣніе это было продано сыномъ графа Ивана Петровича за милліонъ девятьсотъ тысячъ рублей.

[2]) Иногда до восмисотъ человѣкъ.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

(1809—1824).

2-го Января 1809 года скончался въ Петербургѣ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. Его кончина должна была болѣзненно отозваться на многихъ лицахъ, которымъ жизнь его была дорогà.

Пятилѣтній ребенокъ, единственный сынъ его, очутился въ положеніи круглаго сироты, среди множества людей жившихъ въ домѣ и безъ дѣйствительной родственной опоры.

Люди, которымъ графъ Николай Петровичъ довѣрилъ своего сына, были людьми близкими ко двору вдовствовавшей Императрицы, всегда помнившей неприкосновенность его къ темнымъ дѣламъ царствованія глубоко-несчастнаго Императора Павла.

Участіе и вниманіе императрицы Маріи Θеодоровны сказалось очень скоро и никогда не прекращалось. Въ молодыхъ воспоминаніяхъ сироты свѣтлымъ впечатлѣніемъ сохранялись поѣздки въ Павловскъ, прогулки въ Розовый Павильонъ, и всегдашній привѣтъ Императрицы. Bonjour, mon petit choux говаривала она ему всегда при встрѣчѣ. Вниманіе ея простиралось такъ далеко, что только личнымъ ея содѣйствіемъ удержалась въ домѣ и стала жить въ немъ спокойно Т. В. Шлыкова, о значеніи которой въ семьѣ было извѣстно Императрицѣ*)

Въ 1811 году графу Дмитрію Николаевичу минуло 8 лѣтъ; въ 1820—17 лѣтъ. Въ 1824 г. онъ поступилъ на службу въ кавалергардскій полкъ.

По сохранившимся бумагамъ домашняго архива можно отчасти возстановить какъ домашній бытъ, такъ и обстановку окружавшую малолѣтняго графа. Только познакомившись съ условіями его развитія и воспитанія, можно составить ясное пониманіе послѣдующаго; такимъ путемъ должны опредѣлиться многія обстоятельства, незнаніе которыхъ вводило въ тѣ невольныя заблужденія, которыя такъ больно подъ часъ отражались на его внутреннемъ мірѣ.

---

*) О Татьянѣ Васильевнѣ Шлыковой, которая была другомъ матери графа Д. Н. Шереметева, см. въ „Русскомъ Архивѣ" 1889 года I, 506. П. Б.

Съ 1809 по 1812 годъ учрежденное надъ нимъ опекунство занималось приведеніемъ въ исполненіе пунктовъ завѣщанія графа Николая Петровича, предоставившаго 60.000 рублей на раздачу служившимъ у него, прислугѣ и пансіонерамъ, а также разсылкою денегъ по монастырямъ и въ Страннопріимный домъ, попечителемъ котораго былъ тогда В. С. Шереметевъ: онъ явился ближайшимъ по чувству родства лицемъ къ малолѣтнему, сохранившему о немъ наилучшую память и далеко не избалованному въ дѣтствѣ родственнымъ вниманіемъ.

Изъ дѣлъ домашняго архива видны частыя обращенія разныхъ лицъ къ «почтеннѣйшимъ гг. опекунамъ» о ссудѣ имъ значительныхъ суммъ изъ капитала малолѣтняго графа Дмитрія Николаевича. Не видно, чтобы подобныя домогательства были всегда отклоняемы.

Недостатокъ управленія сказывался въ многочисленности хозяевъ, всегда неудобномъ для пользы дѣла, по пословицѣ «у семи нянекъ дитя безъ глазу». Такая сложная коллегія опиралась на цѣлую домашнюю организацію старыхъ дѣльцовъ, управителей, ходаковъ по дѣламъ, стряпчихъ, повытчиковъ, экспедиторовъ, повѣренныхъ, привыкшихъ къ порядкамъ прошлаго вѣка и до извѣстной степени избалованныхъ. Сліяніе этого домашняго элемента съ пришлымъ неминуемо имѣло послѣдствіемъ небывалое столкновеніе лицъ и интересовъ, при чемъ пользы главнаго заинтересованнаго лица, малолѣтняго, отходили на второй планъ.

Всему этому сложному управленію оставался чуждымъ попечитель, Михаилъ Ивановичъ Донауровъ, на обязанности котораго были лишь попеченія о воспитаніи и о здоровьѣ малолѣтняго. При всѣхъ его качествахъ присущая ему слабость характера и преклонный возрастъ и здѣсь служили помѣхой. Общая неурядица не могла не отразиться на развитіи и воспитаніи одинокаго наслѣдника, подвергаемаго случайностямъ всякихъ вліяній, безъ должной подготовки къ предстоявшей ему сложной дѣятельности, къ тому же во многомъ унаслѣдовавшаго отъ отца своего впечатлительность и доброту.

Первою и поспѣшною повидимому заботою гг. опекуновъ была продажа различнаго имущества, подъ предлогомъ необходимости уплаты долговъ. Всѣхъ же долговъ было такъ немного при наличности состоянія, что предлогъ этотъ многимъ казался непонятнымъ. Въ семьѣ князя А. Н. Щербатова сохранилось преданіе, что рѣшено было продавать то, что̀ подвержено тлѣнію; но подъ эту рубрику не могли подойти проданные на значительную сумму семейные бриллiанты, такъ что когда малолѣтній вышелъ изъ опеки, то таковыхъ у него почти не оказалось.

По другому преданію бриллiанты эти были куплены и перепроданы во Францію, гдѣ въ то время Наполеонъ искалъ подарка для императрицы Жозефины, незадолго до развода съ нею. Тогда посломъ его былъ Коленкуръ, и онъ не оставался чуждымъ этой сдѣлкѣ.

Мы видимъ, что той же участи подвергались растенія, вина и даже недвижимое имущество: въ 1811 году проданъ домъ подъ предлогомъ, что онъ лишній.

Т. В. Шлыкова неохотно говорила о распоряженіяхъ того времени, никого не желая обвинять и только добавляла: «Богъ имъ судья!»

Наступившій вслѣдъ затѣмъ 1812-й годъ былъ особенно благопріятенъ для всякаго рода хищеній, при чемъ трудно разобраться, много ли выпало на долю Французовъ и много ли на своихъ доморощенныхъ. Въ современныхъ описяхъ то и дѣло встрѣчается замѣтка «не оказалось». Такъ отходили не однѣ вещи, но и земли, коими завладѣвали произвольно, и, по истеченіи давностей, эти земли отходили чужимъ.

Приводимъ выдержки изъ домашняго архива.

1810.

Приказъ канцеляріи съ приложеніемъ реестра о взносѣ къ его высокопревосходительству Михайлѣ Ивановичу Донаурову на раздачу по достиженіи графа Дмитрія Николаевича въ семилѣтній возрастъ въ награжденіе, какъ находящимся при немъ, такъ и разнаго званія находящимся въ домѣ людямъ его, тоже для раздѣла въ главной домовой канцеляріи, 1350 р., всего 2980 рублей.

*

Приказъ канцеляріи о препровожденіи съ казначеемъ Еруниным въ остаточное казначейство на переводъ въ Москву для обзаведенія и разныхъ надобностей по открывающемуся тамъ Странноприимному дому, учрежденному иждивеніемъ покойнаго графа Николая Петровича Шереметева, 30.000 рублей.

*

Приказъ канцеляріи о взносѣ въ Св. Синодъ при донесеніи господъ опекуновъ изъ числа назначенныхъ по учрежденію о Странноприимномъ домѣ въ день открытія онаго на раздачу въ милостыню и въ богадѣленные дома 50.000 р., слѣдующихъ по расписанію въ беднѣйшіе въ Москвѣ въ С.-Петербургѣ и въ Кіевѣ монастыри, 10.000 р.

*

По докладу управителя Никиты Александрова велѣно полученные отъ ювелира Лумберга за проданные ему брилліантовыя вещи, всего 109.844 р., записать въ приходъ.

*

По донесенію институтскаго учителя о учащихся въ Останковѣ мальчикахъ велѣно объявить отъ гг. опекуновъ учащимся похвалу, а учителю за его попеченіе благодарность.

*

Приказъ канцеляріи съ препровожденіемъ взнесенныхъ при докладѣ отъ управителя Никиты Александрова за проданныя послѣ покойнаго графа Николая Петровича съ аукціона разныя вещи вырученныхъ денегъ 70.622 р. 25 коп.

Полученныя за проданную графу Растопчину табакерку деньги 325 р. записать въ приходъ.

Въ резолюціи почтеннѣйшихъ господъ опекуновъ сказано: на сдѣланное Прокопіемъ Михайловичемъ Духовницкимъ распоряженіе объ отъѣздѣ его въ с. Кусково для описи библіотеки согласны.

На докладъ отъ управителя Александрова послѣдовала резолюція почтеннѣйшихъ гг. опекуновъ такова: брилліанты и прочіе каменья цвѣтные соединить съ другими таковыми же въ опись и вмѣстѣ дать ювелиру Дювалю въ оцѣнку.

Ему же поручается и мѣдную доску съ надписью и позолотою на гробъ покойнаго графа Николая Петровича Шереметева сдѣлать.

По выпискѣ, учиненной изъ гардеробной книги, остающемуся послѣ покойнаго графа Николая Петровича на лицо разному платью, велѣно означенныя вещи за состоявшуюся при продажѣ оныхъ вещей за ювелиромъ Лумбергомъ цѣну 11.500 р. отдать.

За золотыя старыя вещи 13.849 р. въ казначейство принять.

Велѣно по духовному завѣщанію графа Н. П. Шереметева въ награжденіе достальной суммы, а именно: надворному совѣтнику Дмитрію Григорьевичу Малимонову, мамѣ Авдотьи Черкасовой и дѣвицѣ Татьянѣ Шлыковой, всего 28.200 р., выдать.

1811.

Его превосходительство Прокофій Михайловичъ Духовницкій увѣдомляетъ о продажѣ изъ Кускова двухъ лимонныхъ деревцовъ 70 р. по пропечатаніи въ другой разъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ реестра продаваемымъ въ Кусковѣ деревьямъ съ оцѣнкою и представленіемъ при томъ, не угодно ли будетъ для обвѣщенія Петербургской публики приказать припечатать о семъ. Между тѣмъ и предлагается на продажу оставшійся еще послѣ графа Петра Борисовича тертый табакъ.

Въ Февралѣ 1811 г., въ одинъ мѣсяцъ продано деревьевъ на 2765 р. Всего по 1 Апрѣля продано ихъ на 6.603 р. 20 к.

Прошенія отъ дѣвицъ Елены Казаковой *) и Татьяны Шлыковой о прибавкѣ имъ къ положеннымъ на столовую провизію 5000 р. еще 1000 р., или производить натурою.

---

*) Елена Казакова выѣхала изъ мызы Ульянки Іюля 15 (1814) и обвѣнчалась съ титулярнымъ совѣтникомъ Василіемъ Погодинымъ Іюля же 17-го.

Письмо отъ П. М. Духовницкаго о разборѣ имѣющихся въ Воздвиженскомъ погребѣ*) винъ и о приказаніи испорченныя вина продать по вольной цѣнѣ, кто больше дастъ, а при томъ объ отправленіи съ купоромъ Зейлеромъ на пробу Венгерскихъ винъ.

Изъ хозяйственной экспедиціи въ казенное вѣдомство на отношеніе верховаго управителя Алексѣя Жеркова, писанныхъ 7 Ноября, что на мѣсто отрѣшеннаго за проступки ключника Николая Бахтемірова, въ ключники опредѣленъ медоваренный ученикъ Алексѣй Ломакинъ, съ тѣмъ, чтобы онъ при дворецкомъ занималъ и должность писаря, а на мѣсто Ломакина помѣщенъ изъ дворовыхъ Николай Калмыковъ.

1813.

Штатъ въ 1813 году.

Домоуправитель Никита Александровъ	2000	
Управляющій экспедиціями Алексѣй Глѣбовъ	1500	
Экспедиторъ Борисъ Дубовъ	800	
„ Василій Жерковъ	900	
Казначей Иванъ Рамбовскій	500	
Повытчикъ Василій Алейниковъ	350	
Бухгалтеръ Александръ Курзинъ	700	
„ Егоръ Алабушевъ	400	
Копіисты: Иванъ Синицынъ	200	
„ Александръ Барачаевъ	225	
Столоначальникъ Николай Мейнаковъ	500	Столъ крест. и рекр.
Повытчикъ Иванъ Ушаковъ	350	
Копіисты: Василій Сарафановъ	225	
„ Сергѣй Герасимовъ	—	
„ Василій Пленкинъ	—	
„ Лука Кветкинъ	—	
Столоначальникъ Козьма Халдинъ	—	Ст. хозяйств.
Повытчикъ Родіонъ Жуковъ	—	
Копіисты: Александръ Седраховъ Балачаевъ	—	
„ Петръ Рыбаковъ	—	
Ученикъ Григорій Жуковъ	200	
Столоначальникъ Михайла Корпылянскій	500	Столъ стряпческій.
Повытчикъ Константинъ Глѣбовъ	350	
Копіистъ Денисъ Скворцовъ	225	
при стряпчемъ учениковъ:		
Алексѣй Ситовъ	225	
Иванъ Щепеткинъ	225	
при Архивѣ.		

*) Т. е. въ погребѣ села Воздвиженскаго, подъ Петербургомъ.

За архиваріуса повытчикъ Михайла Дубовъ	350
при регистратурѣ:	
Осипъ Алабушевъ	400
подъ названіемъ повытчика Михайла Кешниковъ...	225
Три сторожа, всѣ изъ отставныхъ солдатъ.........	625
да сверхъ онаго на лицо:	
При г. попечителѣ за секретаря Павелъ Дмитріевъ Александровъ	600
При опекунскихъ дѣлахъ секретарь помощникъ Василій Александровъ	350
Копіистъ Илья Скипенковъ....................	275
При верховомъ управителѣ для письмоводства Иванъ Псаломщиковъ	225
Геодезіи помощникъ Сергѣй Коршуновъ...........	200
Всего......	15400

Во всемъ утверждается. Иванъ Алексѣевъ, Иванъ Ананьевскій. Вѣрно: Козьма Халдинъ, читалъ повытчикъ Родіонъ Жуковъ.

Февр. 8 дн. 1813 г.

1814.

Нужныя для ученія вещи и книги куплены мною для малолѣтняго графа:

Два большіе глобуса и принадлежности за..................	150
Лесажевъ географическо-политическій атласъ съ 3 прибавочными картами	280
Всѣ вояжи, сочиненные для юношества Кампе 78 частей въ переплетѣ	274
Черная доска обтянутая кожею съ подножіемъ................	25
Какъ выше значитъ, дано учителю Колпакову..................	200
Настройщику Герасимову................................	200
Итого...	1129

(Писано рукою М. И. Донаурова).

На что послѣдовала резолюція почтеннѣйшихъ опекуновъ И. Алексѣева и М. Ананьевскаго, во исполненіе которой написано слѣдующее: купленные его высок. для е. с. графа глобусы, атласы, книги и доску причислить къ библіотекѣ и записать въ особо заведенную опись, о чемъ библіотекарю Черкасову *) дать знать, а уже на покупку оныхъ вещей деньги взять отъ казначейства къ его высокопревосходительству Михаилу Ивановичу и записать въ расходъ на счетъ библіотеки.

Н. Александровъ, Александръ Глѣбовъ, Павелъ Александровъ.

Дек. 28 д. 1814 г.

*

*) Библіотекарь Черкасовъ былъ человѣкъ развитой; хорошій портретъ его поясной сдѣланъ извѣстнымъ художникомъ Кипренскимъ, жившимъ одно время въ домѣ на Фонтанкѣ. Черкасовъ покровительствовалъ Г. Я. Ломакину въ его молодые годы, и портретъ его долго хранился у послѣдняго. Портретъ этотъ, подаренный Г. Я. Ломакинымъ, находится въ Фонтанномъ Шереметевскомъ домѣ въ Петербургѣ.

1816.

Между хранящимися въ главной домовой канцеляріи покойнаго графа Николая Петровича Шереметева повелѣніями имѣется одно отъ 23 Февраля 1804 года, опредѣляющее точную его волю о чиненіи ежегодно поминовенія по покойной его супругѣ графини Прасковьи Ивановнѣ, коимъ онъ убѣждаетъ наисильнѣйшимъ образомъ какъ сына своего, такъ равно и *всякаго по немъ наслѣдника* о непремѣнномъ исполненіи онаго, говоря: «Кто жъ изъ нихъ наслѣдниковъ отречется выполнить сіе мое завѣщаніе, тотъ судиться станетъ со мною въ страшный день пришествія Господня». А какъ въ вышеупомянутомъ предписаніи назначено именно совершать память по покойной графинѣ три раза въ годъ, т. е. въ день ея рожденія 20-го Іюля, въ день ангела ея 26 Іюля, и въ день кончины ея 23 Февраля и для сего опредѣлено имъ каждый разъ въ дачу священно и церковно-служителямъ и для бѣдныхъ по 1000 р. на раздачу неимущимъ, то по столь сильному изъявленію желанія его и дабы не навлечь на себя нареканіе малолѣтняго нынѣ сына его, по пришествіи его въ совершеннолѣтіе, считаемъ обязанностію нашею не токмо что привесть въ дѣйствіе еще его волю, но и подобно сему учредить поминовеніе и по покойномъ родителѣ его и тѣмъ удовлетворить чувствамъ сыновней его любви и почтенія къ памяти родителей его, и для того полагаемъ отнынѣ впредъ до пришествія его въ возрастъ, назначенныя покойнымъ графомъ Н. П. по супругѣ его поминовенія чинить по утвержденному имъ реестру и сверхъ того назначенные ежегодно по три тысячи рублей обратить на поминовеніе по покойномъ графѣ тоже три раза въ годъ, т. е. въ день его рожденія 28 Іюня, въ день его ангела 6 Декабря, въ день его кончины 2 Января, раздѣля по тысячѣ рублей на каждое поминовеніе, сообразно его назначенію по покойной его супругѣ 1 Генваря 1816 г. Михаилъ Донауровъ, Дмитрій Трощинскій, Иванъ Алексѣевъ, Иванъ Ананьевскій *).

Сей завѣтъ неуклонно соблюдался во всю жизнь графа Дмитрія Николаевича и соблюдается до нынѣ въ полной неприкосновенности; только съ 1871 года службы соборныя, архіерейскимъ служеніемъ, замѣнены обыкновенными, совершаемыми непремѣнно въ назначенные дни. Къ нимъ присоедился и день рожденія графа Дмитрія Николаевича 3 Апрѣля и день его кончины 12 Сентября.

*) Изъ числа подписавшихъ этотъ документъ М. И. Донауровъ, человѣкъ добрый и сердечный, лично сблизившійся съ графомъ Н. П. и искренно полюбившій своего малолѣтняго питомца. Д. П. Трощинскій, извѣстный государственный дѣятель и также искренно приверженный къ памяти завѣщателя, котораго не могъ не оцѣнить за его дѣятельность на пользу человѣчества. И. А. Алексѣевъ былъ сенаторъ и, по отзывамъ Т. В. Шлыковой, человѣкъ весьма умный и благорасположенный. О послѣднемъ лучше не говорить.

На письмо г-жи попечительницы ея высокопревосходительства Маріи Өедотовны къ господину главному попечителю е. в. Дмитрію Прокофьевичу (Трощинскому) о принятомъ для ученія е. с. графа верховой ѣздѣ берейтора *Эгерсъ* съ жалованьемъ въ годъ по 1200 р., также и для обученія пѣвчихъ, находящихся при домовой церкви извѣстнаго въ семъ родѣ, г-на *Антонолини* съ жалованьемъ 2100 въ годъ, въ 8 день моего же опекунства послѣдовала резолюція.

Что же касается до прежняго учителя пѣнія *Линицкаго*, то при увольненіи его отъ настоящей должности опекунство довольнымъ почитаетъ выдать ему въ награду 500 р. [1]).

Протоіерею Бедринскому, наставляющему въ Законѣ Божіемъ графа Д. Н. Шереметева, производить по 600 р. въ годъ.

1. На мѣсто обучавшаго графа Дмитрія Николаевича Шереметева Закону Божію протоіерея Ермолая Бедринскаго, поѣхавшаго за границу съ великою княгиней Анной Павловной, поступилъ братъ его Казанскаго собора протоіерей Іоаннъ Бедринскій съ полученіемъ того жъ жалованья, т. е. по 600 р. въ годъ, которое производить съ 1-го Сентября сего года.

2. Обучавшему Россійской Словесности и переводамъ губернскому секретарю, помощнику библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, Михайлѣ Лобанову, жалованья по 1500 р. въ годъ, о чемъ составить журналъ и поднесть къ нашему подписанію. Михаилъ Донауровъ.

29 Декабря 1816 г.

*

1. Со вступленіемъ графа Дмитрія Николаевича Шереметева на 15-й годъ его возраста пріуготовительное его ученіе будучи окончено, приступилъ я къ математическому его обученію по сдѣланному на сей конецъ и испытаному плану, для приведенія котораго въ дѣйствіе отыскалъ и условился съ первѣйшими здѣсь и искуснѣйшими учителями, какъ то: для Россійской словесности, Россійской географіи и исторіи съ помощникомъ библіотекаря Императорской Библіотеки г. Лобановымъ; Нѣмецкой литературы, древней и новой всеобщей географіи съ профессоромъ педагогическаго института Раупахомъ, Французской литературы и всеобщей новѣйшей исторіи, сверхъ того логики и философіи, съ г. Брошье (Brochiet), математики и физики и частію механики педагогическаго института и корпуса путей сообщенія, съ профессоромъ Чижовымъ съ произведеніемъ имъ жалованья начиная съ 1 Февраля сего года г. Рау-

---

[1]) Позднѣе регентомъ пѣвчихъ былъ Итальянецъ *Sapienza*, у котораго учился *Ломакинъ*.

паху, по 2500 р., а г. Чижову по 3000 и г. Брошье по 5000 р. въ годъ съ 1 Января сего года; съ того числа по новой методѣ уже г. Брошье преподаетъ ученіе ежедневно, слѣд. вдвое противъ другихъ.

2. Поставляя долгомъ моимъ отдать совершенную справедливость попеченію находящагося при воспитаніи малолѣтняго графа д. с. с. Павла Ѳеодоровича Малиновскаго, нахожу, что по уменьшенію лѣтъ въ половину цѣны денегъ и по сравненію окладовъ получаемыхъ другими производимыми, 7000 недостаточно, а потому и полагалъ прибавить въ началѣ сего года къ нынѣшнему его окладу еще по 5000 р. въ годъ, считая, что сія умѣренная прибавка будетъ вѣрна справедливости.

3. Ожидающее малолѣтняго графа разное имѣніе налагаетъ на него и обязанность благоразумнаго и добраго употребленія онаго, а для сего необходимо нужно предварительное направленіе, навыкъ и опытность, то и полагаю для пріученія его къ сему, чтобы съ начала сего года давать ему по 6000 р. въ треть карманныхъ денегъ, тѣмъ болѣе, что и онъ самъ меня о томъ уже просилъ.

Михаилъ Донауровъ.

Февраля 18 дня 1817.

Находящійся при воспитаніи гр. д. Н. Г. д. с. с. Павелъ Ѳеодоровичъ Малиновскій представляетъ опекунству, что назначенной на издержки графа суммы по 6000 р. въ треть недостаточно, какъ по ежедневному подаянію бѣднымъ приходящимъ и засвидѣтельствованнымъ о таковомъ ихъ положеніи, такъ и потому, что изъ той же суммы имѣетъ графъ на содержаніе своемъ пенсіонерокъ и пенсіонеровъ, на число коихъ ежемѣсячно и другимъ по третямъ года или по полугодовому содержанію употреблялъ болѣе, почему и проситъ о назначеніи на тѣ издержки суммъ, до 10.000 р. въ треть.

Опекунство, пріемля въ уваженіе, что по мѣрѣ сближенія совершеннолѣтія графа Д. Н. кругъ благотвореній его дѣйствительно разшириться долженъ, къ чему подаетъ поводъ, какъ знаменитое состояніе его, такъ и поощреніе со стороны, даже высочайшихъ особъ, чего доказательство недавно опекунство видѣло въ письмѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, коимъ Ея Величество почтить его изволила *), соглашается на удовлетвореніе требованію г. Малиновскаго, предписывая канцеляріи отпускать впредъ на расходы графа по 10.000 р. въ треть, начавъ производство оныхъ съ 1 прошлаго Сентября.

Ноября 13 дня 1817. Дмитрій Трощинскій.

*) Письмо это до сихъ поръ не найдено.

Г. д. с. с. Малиновскій свидѣтельствовалъ, какъ извѣстно канцеляріи, объ отличномъ усердіи г. Симонена, находящагося гувернеромъ при графѣ Дмитріи Николаевичѣ въ преподаваніи ему Латинскаго языка и другихъ полезныхъ по части ученія упражненій[1]). Марья Ѳеодотовна[2]) съ своей стороны также весьма одобряетъ его, желая, чтобъ содержаніе его улучшено было. Въ семъ уваженіи и для поощренія г. Симонена къ вящему усердію, опекунство, уравнивая съ прочими учителями, предписываетъ канцеляріи удвоить ему нынѣшнее его жалованье, производя онаго по 3000 р. съ 1 Генваря наступающаго года.

Дмитрій Трощинскій[3]), Иванъ Ананьевскій.

Декабря 31 дня, 1817 г.

*

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ главному попечителю и опекуну, что Государь Императоръ, пріемля живѣйшее участіе въ судьбѣ малолѣтняго графа Дмитрія Николаевича, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы по случаю кончины бывшаго попечителя Михаила Ивановича Донаурова въ образѣ воспитанія графа не было сдѣлано ни малѣйшей перемѣны, но чтобы оное продолжать, точно на томъ основаніи, на какомъ было при жизни его. На сей конецъ его императорское величество желаетъ, чтобъ Марья Ѳеодотовна заступила въ семъ отношеніи къ графу мѣсто покойнаго супруга своего, оставаясь жительствовать въ домѣ графа, на томъ самомъ положеніи, на какомъ былъ покойный Михаилъ Ивановичъ, что таковое воспитаніе его будетъ продолжаться до самого того времени, пока Государь Императоръ самъ признаетъ за благо дать оному другое направленіе. Вслѣдствіе сего опекунство предписываетъ домовой канцеляріи и пр.

Дмитрій Трощинскій, Иванъ Ананьевскій.

Декабря 31 дня, 1817 г.

Дядька Николай *Бемъ*—довѣренное лицо графа Николая Петровича, одинъ изъ немногихъ свидѣтелей его свадьбы. Ему порученъ былъ малолѣтній, какъ человѣку вѣрному и испытанному, и онъ былъ щедро награжденъ за свои заботы и труды.

*

[1]) Воспитатель m-r Simonin дожилъ въ домѣ до 1850 года.

[2]) Супруга М. И. Донаурова.

[3]) Д. П. Трощинскій въ то время былъ „главнымъ попечителемъ“ малолѣтняго графа Д. Н. Шереметева.

1818.

Опредѣленному къ обученію графа Д. Н. фектовальному учителю *Вальвилю* производить жалованья по 1.500 р. въ годъ.

Февраля 4. 1818.

На мѣсто смотрителя домовой больницы *Пимена Семенова* *), который назначается къ опредѣленію въ ученіе врачебному искусству, опредѣленъ С. Ливешкинъ.

23 Сентября 1818.

1820.

Приказы графа Д. Н. Шереметева.

Его превосходительству П. Ѳ. Малиновскому производить въ пенсіонъ по смерти его по 12.000 р. въ годъ по третямъ года по прошествіи каждой, начавъ производство съ начала года.

Изъ хранящихся въ канцеляріи билетовъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта на внесенные мои капиталы внесть ко мнѣ на 300,000 рублей.

Февраля, 9 дня 1820.

Хранящуюся въ канцеляріи на занятые изъ капитала моего 1818 г. Августа 23 числа ея высокопревосходительствомъ Марьею Ѳедотовною Донауровою деньги, 300.000, закладную внесть ко мнѣ.

Февраля, 9 дня 1820.

Въ ознаменованіе совершеннолѣтія моего и вступленія въ управленіе имѣніемъ моимъ, предписываю канцеляріи въ нѣкоторое сравненіе съ награжденіемъ учиненнымъ всѣмъ служителямъ и дворовымъ людямъ моимъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ С.-Петербургскаго дома, находящимся въ Москвѣ въ домахъ, подмосковныхъ вотчинахъ, въ Прудахъ, при должностяхъ, служителямъ и дворовымъ моимъ людямъ, также и Вешняковскимъ богадѣленнымъ, выдать не въ счетъ ихъ окладовъ третное жалованье.

Февраля, 14 дня 1820.

По извѣстности о предположеніи покойнаго родителя моего, учредителя Страннопріимнаго въ Москвѣ дома, заведя при ономъ садъ для прогулокъ пользуемыхъ отъ болѣзней людей и огородъ для самой экономіи того дома потребный, предписываю канцеляріи изъ числа Кусковскихъ или Останковскихъ садовыхъ учениковъ для развитія и заведенія сада и огорода отрядить въ Страннопріимный домъ двухъ учени-

*) Лѣкарь *Пименъ Семеновичъ* жилъ въ Москвѣ еще въ 50-хъ годахъ.

ковъ и съ ними четырехъ рабочихъ изъ дворовыхъ людей, при тѣхъ садахъ находящихся, съ производствомъ имъ изъ доходовъ моихъ тѣхъ же самыхъ окладовъ, какіе они теперь получаютъ, о чемъ къ исполненію предписать Московскому управленію съ тѣмъ, чтобы конверты въ Страннопріимный домъ слѣдующіе къ г. попечителю того дома, его превосходительству Василію Сергѣевичу Шереметеву, принимать въ домовомъ правленіи и присылать въ оную канцелярію для доставленія къ нему г-ну попечителю.

Марта 16 дня 1820.

Костромскаго помѣщика флота капитана 2-го ранга, *Матвѣя Юрьевича Лермонтова*, за дочь дѣвицу Софію, поступающую моей пансіонеркою въ училище Ордена Святой Екатерины, предписываю канцеляріи уплатить въ пансіонъ деньги, по требованію того училища. Г. Д. Ш.

Сентября 4 дня 1824 г.

*

Находящимся въ Смольномъ благородныхъ дѣвицъ училищѣ княжнамъ Надеждѣ и Екатеринѣ Долгоруковымъ*), производить съ 1-го числа сего Августа, на чай, кофе и сахаръ по 200 р. въ годъ. Г. Д. Ш. (1824 г.).

Малороссіянину *Никитенкову*, по предписанію е. с. графа 11 Октября послѣдовавшему, дана отпускная на вѣчную свободу, а потому сношеніе сіе и остается безъ исполненія. Столоначальникъ Рязанцевъ.

Изъ вотчиной экспедиція въ казенное вѣдомство.

Резолюціею его сіятельства графа, 9 Іюня послѣдовавшею, велѣно находящагося здѣсь слободы Алексѣевки Малороссіянина *Александра Никитенкова* отправить обратно въ вотчину, о чемъ оному вѣдомству шлю и сообщеніе. Борисъ Дубовъ.

Іюня 10 дня 1824 г.

По предписанію е. с. графа, 11 Октября данному канцеляріи, слободы Алексѣевки Малороссіянину *Александру Никитенкову* дана на вѣчную свободу отпускная, а потому и имѣетъ оное вѣдомство выдачу ему Никитенкову кормовыхъ денегъ прекратить. Борисъ Дубовъ.

Октября 11 дня 1824 г.

Въ 1824 г. въ числѣ пѣвчихъ находился «Корней Дехтяревъ»; (родственникъ извѣстному композитору *Степану Дехтяреву*).

*

---

*) Дочери княгини Анастасіи Алексѣевны Долгоруковой, ур. графини Шереметевой, которая была дочь графа Алексѣя Сергѣевича Шереметева (брата Претендателя).

На письмо ваше ко мнѣ отъ 18 Сентября имѣю честь васъ увѣдомить, что я нетерпѣливо желаю имѣть удовольствіе видѣться и познакомиться со всѣми моими родственниками, но къ сердечному сожалѣнію моему, время еще не позволило видѣть лично и родную мою тетушку графиню Варвару Петровну Разумовскую. Скоро надѣюсь найти пріятный къ тому случай, по пріѣздѣ моемъ въ Москву, гдѣ пріобрѣсти ея благосклонность и могу удостоиться ея посредства между нашими родными. Она конечно откроетъ мнѣ ближайшую возможность оказать имъ мое усердіе.

Въ ожиданіи сей радости имѣю честь быть и прочее.

Октября 3. 1822.

Оказываемыя ваши благодѣянія ко всѣмъ несчастнымъ и сиротамъ подали и мнѣ смѣлость прибѣгнуть съ просьбой къ в. с., умоляя о помощи въ несчастномъ моемъ положеніи. Въ бытность въ Москвѣ непріятеля квартира сгорѣла, имѣніе все сгорѣло, что̀ было всего на пять тысячъ рублей. Безъ родныхъ безъ убѣжища, въ старости семидесяти пяти лѣтъ, страдая внутреннею болѣзнью 30 лѣтъ, желала бы лѣчиться, но состоянія не имѣя лишенная всѣхъ средствъ и къ содержанію себя и при мнѣ служащихъ, кромѣ Бога и сострадапія чувствительныхъ сердецъ, не вижу никакой надежды, прошу слезно в. с. подать мнѣ руку помощи, сколько ваша милость ко мнѣ будетъ. Вы благодѣтель человѣчества. Удѣлите часть отъ милостивыхъ вашихъ благотвореній. Самая несчастнѣйшая, препоручаю себя въ ваше покровительство, остаюсь всегда васъ почитающая княжна Елена Волконская.

Квартиру наняла въ Мѣщанской части, въ приходѣ церкви у Спаса въ Спасской, въ домѣ госпожи Булыгиной, № 437.

Октября 5 числа 1822.

Милостивый государь дядюшка графъ Дмитрій Николаевичъ.

Не имѣю счастія лично в. с. знать, но родственныя чувства въ сердцѣ съ почитаніемъ любовь мою имѣю къ вамъ, почему должностью считаю донести вамъ о своемъ чрезвычайномъ несчастіи. Я имѣла единаго сына графа Ѳедора Михайловича Шереметева и по воли Вышняго, а по моему несчастію, будучи въ старости, лишилась, прошедшаго Ноября 20 числа: онъ, будучи въ Москвѣ, скончался. Слыша ваше добродѣтельное сердце къ родству, то и я, несчастная въ мірѣ, надѣюсь, что изволите принять родственное участіе въ моей чрезмѣрной горести; осмѣливаюсь просить в. с. удостоить меня вашимъ отвѣтомъ.

Имѣю честь пребыть и пр. Граѳиня Пелагея Шереметева *).

1822 г. Января 12 дня.

Владимирской губерніи, Суздальскаго уѣзда, село Екимово.

*) Жена бывшаго „Претендателя“.

Милостивая государыня графиня Пелагея Ивановна.

Принимаю истинное участіе въ скорби вашего сіятельства о смерти сына вашего графа Ѳедора Михайловича. Важность сей потери тѣмъ для меня чувствительнѣе, что у васъ былъ сынъ единственный, онъ конечно служилъ подпорою и утѣшеніемъ въ преклонности лѣтъ вашихъ. Да ниспошлетъ Всевышній вамъ небесное Свое утѣшеніе, да подкрѣпитъ Онъ силы ваши. Отъ души сего желаю. Графъ Д. Шереметевъ.

24 Января 1822 г.

Милостивая государыня моя Вѣра Лукинична.

Убѣждаясь послѣднимъ вашимъ письмомъ отъ 16 Октября, въ которомъ жалуетесь на ваше недостаточное состояніе, препровождаю здѣсь 1000 р., о чемъ не оставлю сказать и попросить почтеннѣйшую мою тетушку графиню Варвару Петровну, чтобы она хотя заочно покуда до пріѣзда моего въ Москву ознакомила меня съ моими ближними родными и находящимися со мною въ свойствѣ. Примите уваженіе моей преданности и пр. Графъ Дмитрій Шереметевъ.

Октября 27 дня 1822 г.

Милостивый государь.

Простите, что дерзаю представить в. с. не увеселительный романъ, а краткую скучную идею собственнаго событія. Я сынъ одного Россійскаго дворянина, бѣднаго состояніемъ, но богатаго добродѣтелью и строгою къ дѣтямъ любовью. Отъ сего виновника бытія моего получивъ свойственный возможности его урокъ воспитанія и лишенъ бывъ способовъ къ прохожденію иной службы, посвятилъ себя на гражданскую, хотя впрочемъ не имѣлъ къ ней особенной привязанности. Вступивъ такимъ образомъ въ сіе не сверкающее внѣшностью вида, но сіящее внутренностью отечественнаго управленія поприще, уже оказывалъ я примѣрный успѣхъ отличнаго чиновника и гордящагося надеждою юриспрудента, какъ пламеннѣйшій взоръ одной Сиренны (sic) лишилъ меня дальнѣйшаго въ успѣхахъ моихъ хода. Одна благородная и соотвѣтствующая своимъ моему состоянію дѣвушка, на 19 году отъ моего рожденья, нечаянно показалась для сердца моего пріятною. Съ той минуты я обожалъ ее. Она меня любила, ибо бѣдныя или судя по естественной склонности и самыя поселянки равно любить умѣютъ... Не стану распространять о томъ моихъ изъясненій, но предамъ казусъ сей на разрѣшеніе нѣжныхъ и подвластныхъ скипетру Купидона сердецъ. Рѣшился я увѣнчать ее союзомъ законнаго брака. Воскурился ѳиміамъ, и я сталъ мужемъ моей обладательницы!

Проситель пишетъ: «по служенію моему въ губернскомъ правленіи

имѣю пребываніе въ городѣ Херсонѣ. Ефремъ Яновскій, коллежскій регистраторъ.»

*

Давно желанный пріѣздъ въ Москву не могъ скоро состояться. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ и съ какимъ любопытствомъ молодой графъ ожидалъ этого событія, и когда оно состоялось, то впечатлѣніе его было глубоко.

Не знаемъ, почему такъ медленно знакомили его съ родными, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ жили и попечитель Страннопріимнаго дома, В. С. Шереметевъ, и родная тетка его, графиня Варвара Петровна Разумовская... Изъ разсказовъ Г. В. Грудева припоминается о томъ, какъ впервыя графъ Дмитрій Николаевичъ пріѣзжалъ въ домъ Разумовскихъ. Его застѣнчивость много ему вредила, но не являлась ли она иногда отраженіемъ извѣстнаго впечатлѣнія?

Въ другой родственной средѣ, подъ Донскимъ монастыремъ, среди простого и чисто-Русскаго быта семьи С. В. Шереметева, пріемъ былъ теплѣе и шире, и впечатлѣніе его отразилось глубоко. 1826-й годъ остался самымъ свѣтлымъ въ воспоминаніяхъ графа Дмитрія Николаевича, и въ старости своей любилъ онъ вспоминать это счастливое время. Москву онъ любилъ горячо и пламенно, какъ любитъ ее истинно Русскій человѣкъ.

*

Въ высшей степени впечатлительный и чуткій, онъ замѣчалъ малѣйшіе оттѣнки отношеній и столь же легко отдавался впечатлѣнію и порыву, когда видѣлъ сочувствіе, какъ и сжимался, когда ощущалъ чуть замѣтную тѣнь...

Въ полку онъ имѣлъ случай видѣть А. С. Пушкина, нерѣдко появлявшагося среди офицеровъ.

Въ 1836 году Пушкинъ пожелалъ ему счастливаго брака:

„Пора—введи въ свои чертоги
Жену—красавицу, и боги
Вашъ бракъ благословятъ!“

*

ИЗЪ ДѢЛЪ ОБЪ А. П. ВОЛЫНСКОМЪ.

Писатели конца XVIII и начала XIX столѣтія признавали А. П. Волынскаго политическимъ геніемъ и считали мученикомъ патріотомъ, невинно и безвременно погибшимъ отъ руки палача за любовь къ Россіи. Съ появленіемъ новыхъ матеріаловъ по исторіи первой половины XVIII вѣка установились и новые взгляды на Волынскаго, уже далеко не въ его пользу. Первымъ обличителемъ Артемія Петровича выступилъ I. И. Шишкинъ (въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1860 годъ), который, подтасовывая факты и сгущая краски, старался развѣнчать мученика-патріота и умалить его заслуги и значеніе въ средѣ выдающихся дѣятелей первой половины прошлаго столѣтія. Но спустя шестнадцать лѣтъ, въ «Древней и Новой Россіи» (за 1876 кн. I и 1877 г. кн. I, III—VIII и XI) появилась новая и на этотъ разъ обстоятельная и безпристрастная біографія Волынскаго, составленная, большею частію, на основаніи рукописныхъ источниковъ, профессоромъ Казанскаго университета Д. А. Корсаковымъ; она, по матеріаламъ и подробностямъ въ описанія дѣятельности Волынскаго, можетъ считаться въ своемъ родѣ единственнымъ трудомъ, и если позднѣе печатались о Волынскомъ какіе-либо біографическіе очерки (какъ, напримѣръ, въ «Наблюдателѣ» за 1893 годъ, XI, 89—106, К. В. Ярошемъ), то это были уже только компиляціи и притомъ безъ всякаго опредѣленнаго облика и какихъ либо новыхъ выводовъ за и противъ. Однако, и въ сочиненіи почтеннаго Казанскаго профессора находится значительный пробѣлъ, особенно за время губернаторствованія Волынскаго въ Астрахани (съ 1719 по 1725 г.).

Нынѣ, при разборѣ дѣлъ Астраханскаго губернскаго архива, въ числѣ забытыхъ и разрозненныхъ бумагъ*), намъ удалось отыскать еще нѣсколько новыхъ данныхъ о Волынскомъ, которыя, правда, далеко не выясняютъ вполнѣ всей его дѣятельности по званію губерна-

*) Астраханскій губернскій Архивъ заключаетъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ (начиная съ конца XVII столѣтія) не только для исторіи мѣстнаго края, но и для исторіи нашихъ сношеній съ Персіей, Турціей, Кавказомъ и Средне-Азіатскими ханствами. Но, благодаря отсутствію необходимаго порядка, невозможно найти нужныя данныя полностію. Многихъ дѣлъ, значущихся по описямъ, нѣтъ въ архивѣ. Между тѣмъ въ разрозненныхъ связкахъ находятся такія дѣла, которымъ описей не имѣется.

тора въ этой отдаленной и населенной разноплеменнымъ людомъ окрайнѣ, тѣмъ не менѣе довольно ярко изображаютъ его, какъ человѣка и правителя [1]).

I. Ссора Волынскаго съ преосвященнымъ Іоакимомъ.

Прибывъ въ Астраханскій край въ началѣ 1719 года, Волынскій на первыхъ же порахъ показалъ свой «необузданный нравъ, не терпящій противорѣчій». Онъ избилъ въ томъ же году до полусмерти коменданта г. Петровска [2]) Ивинскаго [3]). Пользуясь въ чинѣ полковника правомъ «Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанта» [4]), онъ вмѣшивался въ дѣла, не подлежавшія его вѣдомству. Почти съ самаго пріѣзда въ Астрахань у него пошли нелады съ епископомъ Астраханскимъ и Терскимъ Іоакимомъ. Ссора возникла изъ-за пустяковъ, а потомъ разгорѣлась въ открытую вражду: оба строчили другъ на друга злобные доносы. Произошло это вотъ по какому случаю.

«Августа 23 дня 1720 (какъ доносилъ губернатору фискалъ Кузьма Воронинъ) Астраханскаго архіерейскаго дома дворецкій Иванъ Агаѳонниковъ волею Божіею умре». Жены, дѣтей и прямыхъ наслѣдниковъ послѣ него не осталось. Жили только въ его домѣ пріемный сынъ Яковъ Дмитріевъ съ женой и нѣсколько дворовыхъ людей. Вслѣдствіе этого, на основаніи узаконеній «о такихъ безродныхъ и безгласныхъ», было сдѣлано распоряженіе описать имущество приказнаго Агаѳонникова и «взять его на великаго государя имя». Въ присутствіи бургомистра, старосты, посадскихъ людей и двухъ депутатовъ (отъ духовнаго приказа, дьяка Барминцова, и отъ казеннаго приказа, дьяка Скорнякова) подьячимъ губернской канцеляріи Волковойновымъ была «учинена» надлежащая опись, при чемъ оказалось недвижимаго имущества: домъ съ дворовымъ мѣстомъ и каменнымъ выходомъ «въ Бѣломъ го-

---

[1]) Нижеприводимые два случая взяты изъ дѣла № 6—4088 по указу Сената 28 Іюня 1740 года и изъ № 3790.

[2]) Саратовской губерніи, которая въ то время входила въ составъ Астраханской.

[3]) По описи дѣло это озаглавлено такъ: „О битіи Астраханскимъ губернаторомъ Волынскимъ Петровскаго коменданта Ивинскаго безчеловѣчно“, начато *13 Февраля 1719 г.* № 1. Но самаго дѣла въ архивѣ не отыскивается. Профессоръ Корсаковъ описываетъ (въ „Древней и Новой Россіи“ 1877, I, 60) этотъ случай такимъ образомъ: „Проѣзжая чрезъ г. Петровскъ, по дорогѣ въ Саратовъ на Пензу, Волынскій очень разсердился на коменданта Ивинскаго, что тотъ выставилъ для посланника недостаточное число подводъ“... Слѣд. обстоятельство это пріурочено ко времени возвращенія (въ Декабрѣ 1718) Волынскаго изъ Шемахи (гдѣ онъ былъ посланникомъ) въ Петербургъ. Но изъ вышеприведеннаго дѣла явствуетъ, чтообстоятельство это произошло позднѣе и уже во время управленія Артемія Петровича Астраханской губерніей. (Жалоба помѣщена въ „Р. Архивѣ“ за 1865 г., 983—986).

[4]) Дѣло Астраханск. губерн. архива за 1722 г., № 36.

родѣ въ приходѣ Церкви Рождества Богородицы» *), два виноградныхъ сада съ фруктовыми деревьями и «земляными овощами»: одинъ за р. Кутумомъ (притокъ Волги, раздѣляющій Астрахань на двѣ части), а другой на Черномъ бугрѣ у Мошанка, и рыбная ватага на Болдинскомъ островѣ. Изъ числа движимаго имущества, часть «пожитковъ» была сложена въ выходѣ при городскомъ домѣ и запечатана архіерейской печатью; другая часть, также опечатанная духовнымъ приказомъ, находилась въ домѣ въ Закутумскомъ саду, а серебро и жемчугъ взяты въ архіерейскій домъ.

Во время описи, пріемышъ Агаѳонникова, «дьяконскій сынъ» Яковъ Дмитріевъ, состоявшій въ архіерейскомъ домѣ «въ дворянахъ», заявилъ подъячему, что покойникъ «при духовномъ своемъ отцѣ Рождественскомъ попѣ Владимировѣ», «приказалъ» ему домъ въ городѣ, все сложенное въ выходѣ платьѣ и Закутумный садъ, другой же садъ велѣлъ продать и «деньги употребить на поминъ души по церквамъ», ватагу на р. Болдѣ еще при жизни отдалъ въ Ивановскій монастырь, серебряную посуду и жемчугъ завѣщалъ на прикладъ въ соборную церковь, а дворовыхъ людей, при томъ же духовномъ отцѣ, отпустилъ на волю, только «крѣпостныхъ писемъ» дать имъ не успѣлъ. Обстоятельства эти подтвердили и дворовые люди Агаѳонникова Иванъ Яковлевъ съ своей женой Анной, «женка» Арина Ѳедотова и двоюродная сестра покойнаго, «бывшаго подъячаго Лукьянова жена Матрена Григорьева». По этому случаю Рождественскому священнику о. Ивану Володимирову былъ «чиненъ допросъ». Онъ относительно завѣщанія дома, сада и платья въ пользу пріемнаго сына отозвался незнаніемъ; что же касается приклада въ соборъ посуды и жемчуга о. Иванъ хотя подтвердилъ это обстоятельство, но не «сказалъ, сколько и чего» было завѣщено, «ибо росписи тому покойный не оставилъ». Дьякъ Барминцевъ, на посланный въ духовный приказъ запросъ, также не сообщилъ, какія изъ вещей Агаѳонникова взяты въ архіерейскій домъ и «сдѣлана ли тому духовная», очевидно, стараясь скрыть стоимость и количество ихъ. Вслѣдствіе того, что обстоятельства завѣщанія такимъ образомъ не доказались окончательно, 23-го Октября того же

*) Церковь эта и до сихъ поръ существуетъ на Екатерининской (бывшей Московской) улицѣ. Бѣлый городъ, построенный по повелѣнію Михаила Ѳеодоровича въ 1631 году, занималъ пространство по длинѣ своихъ (каменныхъ) стѣнъ 991 саженъ. Стѣны эти тянулись по нынѣшнимъ улицамъ Бѣлогородской, Малой Демидовской, Эспланадной и мимо Кремля на Татарскій съѣздъ. Въ него вело семь воротъ: Вознесенскіе, Спасскіе, Косые, Агарянскіе, Кабацкіе, Мочаговскіе и Рѣшеточные. Ширина города отъ Пречистенскихъ (и нынѣ существующихъ въ Кремлѣ) воротъ до Вознесенскихъ (на противоположной сторонѣ Бѣлаго города) равнялось 414 саж., отъ Кабацкихъ до Мочаговскихъ воротъ (поперекъ) 214 саж. и отъ Косыхъ до Рѣшеточныхъ—209 саженъ.

года, «по приговору» губернатора Волынскаго съ товарищемъ Кикинымъ» [1]), было опредѣлено всѣ оставшіеся послѣ Агаѳонникова «пожитки взять на Его Императорское Величество имя, понеже наслѣдниковъ не сыскалось, и продать настоящею повольною цѣною при фискалѣ». Такимъ образомъ у пріемнаго сына были отобраны домъ, сады и прочее имущество, у Ивановскаго монастыря рыбная ватага, оцѣнены и частію проданы[2]), а деньги отосланы въ Астраханскую «рентерею». Дѣло окончилось безъ всякой помѣхи, не вызвавъ никакого неудовольствія со стороны преосвященнаго Іоакима и духовнаго приказа.

Въ слѣдующемъ (1721) 21 Августа, «по присланному Ея Императорскаго Величества указу изъ Военной Коллегіи объ объявленіи недорослей, по опубликованіи (онымъ) печатныхъ указовъ, явились въ губернскую канцелярію солдатскія дѣти и прочихъ чиновъ люди», въ томъ числѣ бывшій дворовый человѣкъ Агаѳонникова Иванъ Яковлевъ (тогда уже въ духовномъ приказѣ приставъ), «который въ сказкѣ своей написалъ: «какова отца сынъ былъ, того не упомнитъ», и вслѣдствіе этого, «по размѣркѣ воеводы Кикина былъ написанъ въ солдаты въ Астраханскій гарнизонъ въ Смоленскій полкъ».

Но Яковлевъ, видимо, считая себя обиженнымъ этимъ и желая, должно быть, доказать, что онъ человѣкъ вольный, котораго нельзя брать въ солдаты, вскорѣ послѣ того подалъ преосвященному Іоакиму челобитную, въ которой жаловался на пріемнаго сына Агаѳонникова Дмитріева, что тотъ, согласно желанію покойнаго, не отпустилъ его на волю и не отдалъ ему завѣщанныхъ 30 рублей, попутно обвиняя его въ утайкѣ разныхъ вещей и денегъ, оставшихся послѣ умершаго. Слѣдствіе по этому дѣлу поручено было духовному судьѣ о. Петру Никифорову. Сей послѣдній, какъ-то разъ напившись «пьяный», «безъ зова явился въ домъ» къ Кикину и обо всемъ оказавшемся по слѣдствію ему разсказалъ. Кикинъ объ этомъ донесъ губернатору. Тогда, «по приговору Волынскаго», 3-го Сентября, Дмитріевъ и Яковлевъ были потребованы въ губернскую канцелярію къ допросу. И здѣсь выяснилось, что послѣ Агаѳонникова остались два «подголовника»: одинъ, будто бы, пустой, а другой, наполненный письмами и «домовыми архіерейскими записями», и былъ взятъ, по распоряженію преосвященнаго, въ духовный приказъ. По этой причинѣ и въ виду того, что Яковлевъ показывалъ «по челобитью своему» противъ Дмитріева

---

[1]) Иванъ Васильевичъ Кикинъ былъ при Волынскимъ генералъ-аудиторомъ и воеводой Астраханскимъ съ 1719 по 1723 г. (Дѣло Астрах. губ. арх. 1722, № 36).

[2]) Оба сада оцѣнены въ 350 рубл. 85 коп., ватага въ 110 р. 50 к. Домъ въ Бѣломъ городѣ проданъ уже послѣ Волынскаго, при губернаторѣ ген.-маіорѣ Фонъ-Менгденѣ, 18 Февраля 1730 г., за 103 рубля 75 коп.

«уликою», а не *«извѣтомъ»*, губернская канцелярія признавала дѣло это не подлежащимъ вѣдѣнію духовному и потребовала его присылки къ себѣ. О судьѣ же священникѣ Никифоровѣ за то, что онъ «дерзнулъ по тому дѣлу вступиться въ изслѣдованіе, не объявя губернской канцеляріи», Волынскій (9 го Ноября) донесъ Сvноду.

Началась длинная и кляузная переписка. Духовный приказъ выслалъ только копіи съ челобитной Яковлева и снятаго съ него священникомъ Никифоровымъ допроса, безъ дальнѣйшаго производства слѣдствія и «судейскаго опредѣленія». Это въ сущности весьма незначительное обстоятельство такъ раздражило Волынскаго, что онъ, не долго думая, послалъ поручика Ермолова «взять духовнаго судью попа Петра да дьяка Барминцева и привести къ себѣ въ домъ», гдѣ, указывая имъ на неправильность начатаго безъ его позволенія дѣла, дьяка избилъ, а попа-судью отправилъ въ канцелярію для допроса. Конечно, оба обвиняемые и принесли жалобу преосвященному, который послалъ въ Сvнодъ донесеніе *).

«Многіе изъ пришлыхъ въ Астрахань разныхъ городовъ служители и тяглые люди, оставя отечество и происками своими избывая платежа податей, въ разныхъ чинѣхъ жили за архіереемъ и имѣли торги, промыслы, заводы и вотчины», чѣмъ «чинили Астраханскому купечеству помѣшательство немалое, понеже въ Астрахани посадскихъ» (людей) было немного, почему «содержаться имъ повсягодно въ службахъ со многимъ излишествомъ зѣло трудно», отчего они раззорялись, между тѣмъ какъ «оные служители, въ такой свободности отъ податей и службы, всегда въ торгахъ и промыслахъ умножались». По этой причинѣ, рапортомъ 23-го Іюля 1723 года, бургомистръ Астраханской земской ратуши Иванъ Умакъ просилъ губернатора «присовокупить для службъ къ Астраханскому тяглу», «имѣющихъ купеческое содержаніе» архіерейскихъ «служителей и служебниковъ», шесть дѣтей боярскихъ, двухъ пѣвчихъ, пять сторожей и восемь звонарей, изъ коихъ только восемь человѣкъ «съ торговъ своихъ» платили въ земскую ратушу «посадскій окладъ» по 36 рублей 16 алтынъ и 4 деньги въ годъ, а остальные никакихъ повинностей не несли.

Согласно указа, «за подписомъ бригадира, лейбъ-гвардіи капитана и всего государства надъ магистратами оберъ-президента князя Юрія Юрьевича Трубецкаго», Волынскій (30 Сентября) распорядился вызвать поименованныхъ служителей въ губернскую канцелярію, допросилъ ихъ

*) Преосв. писалъ: „Волынскій, призвавъ къ себѣ въ домъ духовнаго приказа дьяка Ивана Барминцова, билъ его своими руками и послѣ того по духовному дѣлу домоваго печника Артемія Ѳедорова, который билъ челомъ ему (архіерею) въ растлѣніи сына (sic) его отъ безмѣстнаго дьякона Ѳедора Алексѣева, его же дьяка билъ батожьемъ безвинно“

и занимающихся торгами и промыслами «написалъ въ посадъ», обязавъ подпиской «быть въ равенствѣ съ купеческими людьми и обложивъ по промысламъ и торгамъ въ тягло».

Объ этомъ якобы незаконномъ дѣйствіи губернатора преосвященный Іоакимъ также донесъ Синоду, обвиняя Волынскаго еще въ растратѣ такъ называемыхъ «лазаретныхъ денегъ», что «когда онъ епископъ хотѣлъ отправить ихъ въ Казань и просилъ у Волынскаго конвоя 12 солдатъ», то губернаторъ ему въ томъ отказалъ, отозвавшись тѣмъ, что «и безъ того людямъ много расхода», и предложилъ епископу отправить деньги, когда изъ Астрахани «оказія будетъ», почему онъ епископъ передалъ деньги въ губернскую канцелярію, но «куда въ расходъ они употреблены, ему неизвѣстно». Конечно, такое обвиненіе не могло пройти безслѣдно, и Сенатъ, получивши отъ Синода «свѣдѣніе» о поступкахъ Волынскаго, указомъ 17-го Октября 1723 г., предписывая ему «отнюдь не вступать въ Синодскія дѣла», по всѣмъ пунктамъ архіерейскихъ донесеній потребовалъ объясненій.

Артемій Петровичъ не могъ сдержать своего гнѣва, по полученіи такого строгаго предписанія. Будучи далеко не правъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ, однако, послалъ въ Сенатъ (20 Января 1724 г. съ капитаномъ драгунскаго губернскаго полка Андреяномъ Лопухинымъ) дерзкій отвѣтъ. Не отрицая захвата имущества архіерейскаго дворецкаго Агаѳонникова, тѣмъ не менѣе онъ оправдывался, что «оные пожитки описаны и взяты въ казну до прибытія его Волынскаго въ Астрахань [1]), по принятію Ивана Кикина въ 1720 г. запечатаны и проданы» (перечислено когда, чего и насколько продано), «а дворъ его (Агаѳонникова въ Бѣломъ городѣ) не проданъ; и сіе написалъ на него Волынскаго епископъ напрасно, осердяся, что не дали прибрать ему всего (имущества), ибо онъ не только выморочные пожитки, но и домовые прежнихъ архіереевъ заводъ и сады хотѣлъ всѣ распродать, въ чемъ Волынскій ему воспрепятствовалъ тѣмъ, что купчихъ писать не велѣлъ. Губернаторъ настойчиво увѣрялъ, что «которые купеческіе и прочихъ чиновъ люди, вѣря покойному Сампсону митрополиту [2]), отдавали на соблюденіе пожитки свои и, умирая, приказывали дѣтей своихъ, но потомъ, когда Сампсонъ умеръ, а Іоакимъ епископъ сюда прибылъ [3]), вмѣсто того, что тѣмъ сиротамъ надлежало тѣ пожитки

---

[1]) Это, какъ видно изъ дѣла, не вѣрно.

[2]) Сампсоній (1697—1714) былъ послѣднимъ митрополитомъ Астраханскимъ. Послѣ него учреждена въ Астрахани епископія, первымъ преосвященнымъ которой (22 Января 1716 г.) назначенъ Іоакимъ, съ прежнимъ титуломъ Астраханскаго и Терскаго.

[3]) Прибылъ въ Астрахань въ первыхъ числахъ Ноября 1716 г.

послѣ отцовъ отдать, онъ вплелся души строить (sic) и поминать, чтобъ тѣмъ карманъ свой наполнить, и такъ бѣдныхъ сиротъ лишилъ всего родительскаго (достоянія), о чемъ уже въ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи и челобитье есть». Выведя затѣмъ справку изъ дѣла о доносѣ архіерейскаго пристава Ивана Яковлева и о допросѣ священника Петра Никифорова, Волынскій далъ оправданіе, что «оный Яковлевъ въ солдаты взятъ не безпорядочно» а явился въ канцелярію самъ «и въ сказкѣ своей написалъ непомнящимъ чина своего отца»; послѣ же отпуска Агаѳонниковымъ «на волю (?), сталъ гулящимъ, для того и написанъ въ солдаты, какъ о такихъ указъ повелѣваетъ». «А что епископъ написалъ на него Волынскаго будто онъ говорилъ племяннику его, духовнаго приказа судьѣ, помянутому попу Петру, чтобъ они впредъ никакихъ дѣлъ безъ вѣдома его не дѣлали, и будто въ томъ угрожалъ (ему), то онъ (епископъ) на него солгалъ, ибо какъ возможно ему вступать въ духовныя дѣла, которыя ему Волынскому не подлежатъ? А къ тому жъ и безъ того губернаторскихъ дѣлъ ему довольно».

Сознался Артемъ Петровичъ только въ одномъ, что «онаго дьяка Барминцова онъ къ себѣ призывалъ и говорилъ ему о дѣлѣ одного солдата *), который у него былъ въ приказѣ, и то говорилъ ему не повелѣніемъ, но просилъ его только, чтобъ онъ то дѣло разсмотрѣлъ въ правдѣ, а онъ (дьякъ) тогда былъ пьянъ и сталъ съ нимъ (Волынскимъ) невѣжливо говорить, и за то онъ его по щекѣ ударилъ. А потомъ, по нѣсколькихъ мѣсяцахъ, паки онъ (дьякъ) напился пьянъ, выбранилъ Астраханскаго губернскаго драгунскаго полку поручика Ивана Сытина матерно и назвалъ его и другихъ офицеровъ свиньями. Того ради послалъ онъ (Волынскій) къ епископу просить въ томъ на него дьяка сатисѳакціи; но онъ (епископъ) за то ничего ему не учинилъ, и для того онъ (Волынскій) одного дьяка за то высѣкъ. Однакожь оный дьякъ потомъ и самъ въ томъ признался и на него въ томъ никогда бить челомъ не будетъ».

Единственными цѣлесообразными оправданіями были отвѣты Волынскаго о зачисленіи въ «посадскій» окладъ архіерейскихъ служителей и относительно растраты присланныхъ епископомъ суммъ. Въ своемъ донесеніи Волынскій писалъ, что преосвященный конвоя для отправленія лазаретныхъ денегъ у него не просилъ и «коликое число (было) въ сборѣ тѣхъ денегъ въ 1714—1716 гг., онъ не вѣдаетъ, понеже въ тѣхъ годѣхъ въ Астрахани не былъ». За это время были получены отъ казначея Бахтіарова только «вѣнечныя пошлины», которыя своевременно (задолго еще до пріѣзда Волынскаго

*) Очевидно, вышепоказаннаго Ивана Яковлева.

въ Астрахань) и были отправлены въ Казань, на что имѣлись «отписки» и квитанціи.

Сенатъ такой отвѣтъ губернатора, очевидно, признавалъ правильнымъ; по крайней мѣрѣ Волынскій не получилъ за то никакого наказанія. Между тѣмъ въ поступкахъ преосвященнаго Іоакима Сvнодъ усмотрѣлъ дѣйствія неправильныя и, не дожидаясь отвѣта губернатора, вытребовалъ его въ Петербургъ [1]), откуда онъ ужъ больше въ Астрахань не возвращался, а на его мѣсто въ томъ же 1723 г., 8-го Сентября, былъ хиротонисанъ бывшій префектъ Кіевской Академіи, архимандритъ Воскресенскаго монастыря (Новаго Іерусалима), знаменитый Лаврентій Горка, съ титуломъ епископа Астраханскаго и Ставропольскаго, человѣкъ свирѣпый и надменный, по своему характеру немногимъ отличавшійся отъ Волынскаго. Разсказываютъ, что «въ продолженіе трехлѣтняго своего управленія епархіей онъ оставилъ по себѣ память безчеловѣчнаго тирана; ибо, не взирая ни на какое лицо, изъ духовныхъ ли оно было или изъ свѣтскихъ, вмѣсто пастырскихъ увѣщаній и исправленій духомъ кротости, плети и конныя нагайки изъ собственныхъ его рукъ рѣшали участь каждаго виновнаго и праваго, не изслѣдуя вины, а кто на кого прежде донесъ, то тутъ же были и судъ и расправа. Сіи мучительныя орудія занимали у него первое мѣсто на стѣнѣ, при входѣ въ гостиную, подлѣ мантіи и посоха. Возрастъ, дородство, осанка, видъ лица и самая суровая пища, имъ употребляемая (борщъ, въ разведенной водѣ тѣсто, именуемое галушками, свиное сало, хрѣнъ, сурѣпица, нынѣ называемая горчица, лукъ и чеснокъ) все согласовалось съ жестокостію его характера» [2]). И съ такимъ преосвященнымъ Волынскій свободно ужился, тогда какъ смирный и заботливый о своей паствѣ Іоакимъ пришелся ему не по вкусу.

II. Дѣло „о разбитомъ и потопломъ провіантѣ“.

Извѣстно, что А. П. Волынскій, какъ даровитый администраторъ и талантливый дипломатъ, зарекомендовавшій себя въ бытность резидентомъ къ Персіи, назначенъ былъ Петромъ I въ Астрахань губернаторомъ, чтобы имѣть его неустаннымъ наблюдателемъ за этой сосѣдкой, чтобы упорядочить Астраханскій край, а самое главное удержать

---

[1]) Куда владыка выѣхалъ изъ Астрахани 30 Апрѣля 1723 года (см. Ключаревская лѣтопись, стр. 45).

[2]) Ключаревская лѣтопись, стр. 46. Напослѣдокъ епископъ Лаврентій сталъ касаться имущества городскихъ церквей. Вслѣдствіе многихъ жалобъ въ Сvнодъ и Государынѣ, указомъ 31 Августа 1726 г. (на другой годъ послѣ отъѣзда изъ Астрахани Волынскаго) онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и потомъ (черезъ годъ) смѣненъ.

въ нашемъ подданствѣ безпокойныхъ инородцевъ, особенно Калмыковъ, перекочевывавшихъ съ мѣста на мѣсто и прибѣгавшихъ то къ покровительству Турціи и Крыма, то стремившихся подъ власть Персіи, и въ тоже время составить изъ нихъ боевую силу на случай военныхъ дѣйствій противъ Персіи. Передъ походомъ же 1722 года Волынскому поручено было заготовить для войскъ фуражъ и провіантъ 300 тыс. четвертей муки. Для сбереженія провіанта этого ему было приказано устроить въ Астрахани амбары и магазины и постоянно пополнять муку до указанной нормы. Царь хотѣлъ, чтобы Астрахань въ этомъ случаѣ была центральнымъ складочнымъ пунктомъ, откуда бы провіантомъ могли свободно снабжаться и Терскіе городки, и Яикъ, и Поволжскія мѣста. Хлѣбнымъ запасамъ велѣно вести отчетность, и каждогодно о состояніи магазиновъ губернаторъ долженъ былъ доставлять въ Камеръ-коллегію подробныя свѣдѣнія.

Какъ все это происходило ранѣе, неизвѣстно. Только въ концѣ 1723 года Волынскій вмѣстѣ съ оберъ-провіантмейстеромъ Головленковымъ доносили въ Коллегію, что изъ числа 300 тыс. четв. провіанта Астраханскаго «перваго приготовленія», за отпускомъ за море «отъ Сентября въ Октябрь мѣсяцъ 1723 года», въ Астрахани осталось муки 103,054 четверти, «въ томъ числѣ годной 6653 чет., разбитой въ куляхъ и неперебитой за умаленіемъ кулей 81,107 четв., да потоплой и неперебитой 15,294 четв.; но не сообщили, «откуда явилась та разбитая и перебитая мука и какимъ образомъ оная подмокла». Камеръ-коллегія, принимая во вниманіе, что «по контрактамъ съ подрядчиками велѣно ставить муку добрую и неподмокшую, въ твердыхъ куляхъ, а потоплой принимать не велѣно», объяснила это происшествіе тѣмъ, «что провіантъ въ магазинахъ содержится въ небрежности», и потому, указомъ 28 Января 1724 года, потребовала привести муку «въ точную извѣстность», отдѣлить отъ нея такую, которая еще могла бы быть годной въ пищу, а испорченную «передѣлать, перебить и пересыпать въ новые и твердые кули», за чѣмъ губернатору имѣть «всемѣрное стараніе, чтобъ въономъ къ прибытку Его Императорскаго Величества убытка не было», употребивъ на то въ расходъ деньги, «которыя велѣно собрать на приготовленіе провіанта и фуража изъ подушнаго сбора и, изслѣдовавъ о томъ во всей точности», донести Камеръ-коллегіи «въ самой скорости».

Но Волынскій не счелъ себя обязаннымъ что либо сдѣлать и что либо отвѣчать на это требованіе. Въ видѣ оправданія, онъ послалъ въ Петербургъ отъ себя донесеніе. Головленковъ же всю вину въ порчѣ провіанта сваливалъ на своихъ предмѣстниковъ, генералъ-провіантмейстера лейтенанта полковника Полянскаго и провіантмейстера Ива-

на Болотникова, принявшихъ отъ подрядчиковъ означенную потоплую муку будто бы ранѣе его прибытія въ Астрахань. Что же касается пересыпки муки въ новые кули, то этого своевременно сдѣлать было нельзя «за ненахожденіемъ таковыхъ въ Астрахани, на кои и подрядить вскорѣ было некого». Головленковъ къ этому добавлялъ, что «подрядъ кулей производится отъ губернской канцеляріи» и онъ «непрестанно напоминалъ ей дошеніями»; но послѣдняя «отбывалась письменно», что кули подряжены, «токмо подрядчики еще тѣхъ кулей на указанные сроки не поставили», почему «той потоплой мукѣ въ перебойкѣ чинилась остановка».

Такимъ образомъ послѣ этого вся вина въ медлительности распоряженій и плохомъ «смотрѣніи» падала на самого губернатора. Вслѣдствіе этого, 21-го Февраля на этотъ разъ съ нарочнымъ лейбъ-гвардіи унтеръ-офицеромъ Алымовымъ, Камеръ-коллегія вновь предъявила къ Волынскому требованіе дать необходимыя по сему случаю объясненія «неотмѣнно въ три дня по полученіи указа». Артемій Петровичъ, видимо, заранѣе предвидѣлъ получить такой строгій наказъ и поэтому поспѣшилъ выѣхать изъ города. Прибывшій 16-го Марта въ Астрахань курьеръ не засталъ тамъ Волынскаго и долженъ былъ предъявить указъ оставшемуся за губернатора коменданту Митрофанову.

Вмѣстѣ съ комендантомъ, съ товарищемъ его Никитой Бехтѣевымъ, камергеромъ Яковомъ Анненковымъ и Головленковымъ, по вѣдомостямъ послѣдняго и Болотникова, курьеромъ былъ произведенъ осмотръ магазинамъ и мукѣ. Провіантъ оказался сложеннымъ «на Житномъ дворѣ *) въ житницахъ и сараяхъ великими ярусами» безъ всякаго порядка. Часть муки была въ цѣлыхъ тискахъ, часть въ половинныхъ и часть въ кучахъ. При такомъ положеніи и Алымовъ находилъ невозможнымъ привести количество годной и негодной муки въ точную извѣстность и сдѣлать ей переборку. Всему видѣнному былъ составленъ актъ, который и былъ потомъ представленъ въ Камеръ-коллегію. Чѣмъ кончилось это дѣло въ то время, остается неизвѣстнымъ...

---

*) Житный дворъ находился внѣ Кремля на Юговосточной сторонѣ, около Пыточной (нынѣ Житной) башни, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь бульваръ императора Александра II.

ПИСЬМА А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ ВЪ ВѢНУ [1]).

1808-й годъ.

С.-Петербургъ, 25-го Апрѣля 1808 года.

По пятнадцатидневномъ путешествіи достигнулъ я Петербургъ, милый и любезный братъ. Это пятое письмо съ тѣхъ поръ, что̀ мы разстались: я тебѣ писалъ изъ Тешена, изъ Кракова, Коцка и Вильны. Австрійскій курьеръ, коего я встрѣтилъ въ Краковѣ, посовѣтовалъ мнѣ ѣхать на Вильну. Съ великимъ трудомъ перебрался я черезъ Вислу, Ніеменъ и Двину; но хорошо еще, что удалось, а то легко бы могъ и эту поѣздку столь же несчастливо совершить, какъ первую до Вѣны. Насъ разъ пять вывалили, но все такъ счастливо, что одинъ только разъ мы нѣсколько ушиблись, а то все болѣе было смѣху, нежели бѣды. On ne m'a pas fait de procès ici, что долго ѣхалъ; правду ты говорилъ: по нимъ пріѣзжай или нѣтъ, рано или поздно, скоро или тихо, все имъ равно. Графъ[2]) меня принялъ какъ будто стариннаго пріятеля, поцѣловалъ и велѣлъ мнѣ паки къ себѣ быть, когда поотдохну, что̀ я и учинилъ. Онъ сущая фаля: никому добра не желаетъ, non s'incarica di niente. За то все идетъ нельзя хуже, и никто его не терпитъ, даже Государь надъ нимъ смѣется. По всему кажется, ему не долго пировать. Боголюбовъ доставляетъ мнѣ случай къ тебѣ писать съ фельдъ-егеремъ, въ Вѣну отправляемымъ; онъ его выпросилъ въ корпусъ сей, il lui est dévoué и письмо тебѣ вѣрно самъ отдастъ, слѣдовательно могу тебѣ писать съ бо̀льшею вольностію обо всемъ. Будь не скотъ Румянцовъ министромъ, крестъ бы былъ уже на тебѣ. Вотъ твоя исторія. Онъ депешу князеву[3]) о тебѣ утаилъ; Жерве ему замѣтилъ, что это могутъ узнать и будетъ худо, ибо князь часто въ письмахъ своихъ прямо къ Государю ссылается на депеши, посылаемыя къ министру. Онъ поднесъ слѣдовательно ту; Государь ска-

[1]) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпускъ 7-й.

[2]) Т. е. министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Н. П. Румянцовъ.

[3]) Т. е. депешу, посланную изъ Вѣны княземъ А. Б. Куракинымъ.

залъ: il faut lui donner la croix; а онъ замѣтилъ que c'est prodiguer les récompenses et que vous n'avez fait que votre devoir. Однакожъ, не смотря на все это, Императоръ не велѣлъ отказывать и прибавилъ: Je parlerai de cela à Pozzo. Я былъ у сего, говорилъ съ нимъ, обо всемъ его увѣдомилъ; онъ сбирается въ Вѣну и на дняхъ долженъ быть призванъ къ Государю; онъ меня обнадежилъ, что все устроитъ къ нашему удовольствію, и я не имѣю въ томъ сомнѣнія. Ты видишь, что, не смотря на худыя слова Р., Государь расположенъ снизойти на представленіе князево.—Мое дѣло идетъ очень медленно; но я, правду сказать, и мало стараюсь. Я болѣе часу былъ съ Румянц. наединѣ. Онъ мнѣ предлагаетъ первое мѣсто мнѣ приличное, которое представится; но я такъ боюсь попасться къ какому-либо новому коронованному вшивику, что иной милости не прошу, какъ только возвратиться къ моему любезному Татищеву. Гудовичъ проситъ секретаря для трактованія мира*); графъ мнѣ это мѣсто предложилъ; но я поблагодарилъ, хотя оно и можетъ принести великую пользу. Жилъ я два года далеко отъ тѣхъ, коихъ люблю, безъ способовъ съ ними сообщаться; будетъ съ меня этого: теперь меня не заманишь никакими конфетами. Предложено мнѣ будетъ Минхенское секретарство, врядъ ли рѣшусь туда ѣхать, развѣ для того, чтобъ быть въ твоемъ сосѣдствѣ; все отъ того зависитъ, какого министра туда пошлютъ: sera ce un Bibikoff ou un Tatistcheff? Впрочемъ буду требовать батюшкинова совѣта. Дм. Павл. не думаютъ давать мѣста. Графъ, кажется, хочетъ меня оттянуть отъ него, не знаю для чего; я далъ ему очень почувствовать que je désire partager son sort. Je pars donc, sans que rien soit arrêté sur mon sort à venir, въ отпускъ на годъ. Графъ мнѣ учтиво отказалъ и обѣщалъ оный на 4 мѣсяца. Вчера подалъ я прошеніе: просился я къ Вѣнской миссіи. Зачѣмъ же вамъ быть сверхъ комплекта? me dit le comte: вы имѣете право на мѣсто, соотвѣтствующее потерянному вами etc. Всѣ мои происки къ тому клонятся, чтобы съ тобою какъ нибудь пожить вмѣстѣ. Insinuez au prince d'écrire ici qu'il serait bon qu'on laissa T. à Rome sans caractère publique, que sous le titre de voyageur il pourrait, sans donner de l'ombrage aux Fr., être utile, surtout dans un moment où nous n'avons point d'employés en Italie qui est le théâtre d'événement important. Впрочемъ, какъ бы они ни ворочали, а я ужъ въ Вѣну попаду какимъ-нибудь да манеромъ. — Оставлю это на часъ; j'y reviendrai plus tard. Стану говорить о матушкѣ.

*) Съ Персіею. Этотъ миръ тогда не состоялся. Графъ И. В. Гудовичъ командовалъ войсками въ эту войну съ Персіею.

Я у ней живу, comme de raison, но ужъ не тамъ, гдѣ ты былъ. Мое появленіе произвело въ ней волнованіе, отъ котораго она насилу оправилась, не смотря на всѣ взятыя мною предосторожности, чтобы отвратить отъ нея всякое насильственное движеніе. Я послалъ сперва къ ней Антоніо, который очень хорошо привелъ въ дѣйствіе данный мною урокъ; со всѣмъ тѣмъ, какъ обнялъ я ее, сдѣлался ей обморокъ; радость моя обратилась въ безпокойствіе. Теперь она, слава Богу, здорова. Не повѣришь, какъ я ее нашелъ ослабѣвшею и перемѣнившеюся; она чувствуетъ живо нужду ѣхать въ Москву и отправится туда въ будущемъ мѣсяцѣ. Слава Богу, убѣдилась она пользою и выгодами сего перемѣщенія. Я буду покоенъ, когда она прибудетъ туда; а между тѣмъ ничего не упущаю, чтобы всячески ее утѣшать и укрѣплять ея здоровье. Съ тѣхъ поръ, чтò я пріѣхалъ, вижу уже большую перемѣну въ ней. Я далъ ей отъ тебя 10 ч. и устроилъ ея дѣла; теперь нѣтъ на ней ни копейки долгу; 430 рублей заплатилъ я за нее; кромѣ того оставлю ей еще сотенки три, ежели Коллегія заплатитъ мнѣ передержанныя мною 156 ч. въ куріерство мое изъ Палермы въ Вѣну. Вестманъ мнѣ это обѣщалъ навѣрное и велѣлъ только счетъ подать. Намъ надобно добавить каждому по 400 р. въ годъ, тогда будетъ она имѣть по 2000 р., съ коимъ доходомъ славно ей можно жить въ Москвѣ; elle me dit que c'est tout ce qu'elle désire. Но кто намъ мѣшать будетъ посылать Extra - Einkünften? Надобно утѣшать старость ея; лучше мы потерпимъ, лишимся даже нужнаго, чтобы доставить ей лишнее. Я знаю твое сердце, милый братъ; лишнее тебѣ это предлагать или, лучше сказать, лишнее было бы требовать согласія твоего на предлагаемое мною устройство. J'ai donc dit à maman que cet arrangement avait été concerté entre nous à Vienne. Какъ обрадовало ее это! Бѣда имѣть сердце нѣжное какъ ея: tout l'affecte trop. Ты знаешь, какъ она любитъ цвѣты. Я сдѣлалъ ей сюрпризъ, накупивъ розановъ прекрасныхъ, гвоздикъ, левкоевъ, гіацинтовъ на 20 рублей и заставилъ всѣ окна ея комнаты; все утро проплакала: столь была ей чувствительна память сія. А чтò трогаетъ сердце, то вредитъ здоровью: ей нуженъ покой, но съ ея чувствительностію какъ найти ей оный? Это, право, меня сокрушаетъ. Дѣти очень выросли, особливо старшая, которая съ Henriette; Лизочка хороша собою. Знаешь ли, какой у меня проектъ въ головѣ? Право, я онымъ часто забавляюсь: выдать ее замужъ за Фаста; дѣло-то, право, сбыточное. Можетъ ли онъ найти лучшую жену, а она мужа? Объ этомъ подумаемъ посеріознѣе en tems et lieu. Скажи мнѣ, чтò ты думаешь объ этомъ? Приступаю къ Александру Васильевичу: il y a de quoi amuser le tapis. Жалко смотрѣть на него: со всѣмъ пропадаетъ молодой человѣкъ. Nous faisons

tout pour l'amener à Moscou; принудили его выпросить отпускъ; князь Сергій[1]) оставилъ мнѣ деньги на заплату его долговъ, и я везу его съ собою въ Москву; тамъ дадимъ ему мѣсто. Надобно его имѣть въ глазахъ, а то здѣсь наноситъ онъ безславіе нашему дому: пьетъ безмилосердно. Намедни сидитъ въ театрѣ; актеръ, не знаю, что-то сказалъ, а мой Приклонскій вздумалъ ему съ креселъ закричать отвѣтъ по своему вкусу. Эртель тутъ былъ и велѣлъ молодца вывести изъ театра. Tout le théâtre était rempli de cette scène, qui a amusé plus que la pièce; on dit que la repartie de P. était pleine de sel; je ne sais ce qu'il a dit. Анна Петровна все еще здѣсь; Николаша ее колотитъ, а она кричитъ съ восторгомъ: какъ онъ милъ! Правду говоритъ батюшка ей: покуда хороша Наталья Алексѣевна, процессъ вамъ не выиграть; пріѣзжайте въ Москву ждать ея упадка. Elle se détermine enfin aussi à partir pour Moscou dans deux semaines. Слѣдовательно всѣ наши вонъ отсюда. Мой отпускъ выйдетъ на дняхъ, я его только и жду, чтобы поскакать; умираю отъ нетерпѣнія обнять батюшку; а онъ, нашъ любезный, во всякомъ письмѣ своемъ къ князю Серг. Ив. все говоритъ: Куда дѣвался мой Александръ? Старайтесь что нибудь объ немъ узнать отъ Сергѣя Павловича или въ канцеляріи Министерства etc. То-то обрадуется, какъ получитъ письмы наши изъ Вѣны; я ихъ отдалъ Прокофію Лукичу, коего не могъ не видѣть въ Вильнѣ. Я не забылъ дѣло Вѣнской Бѣлой Бабки[2]). Она нашла въ Боголюбовѣ золотого стряпчаго; такой фарисей! Разсуди, что онъ былъ у Литши и привелъ ее въ слезы и съ нею плакалъ, сдѣлавъ ей картину княгининаго положенія. Вы вѣдь потеряли уже одну дочь[3]), сказалъ онъ матери; неужели и этой хотите лишиться? Войдите въ ея состояніе: она бѣдная больна. Кому же пещись объ ней, ежели не вамъ etc.? Только ужъ онъ до того наговорилъ, что та въ слезы. Elle a épousé l'affaire de sa fille en répétant avec chaleur: je suis mère avant tout, Cathinka est mon enfant, ужъ поставлю на своемъ etc. Я, чаю, Боголюбовъ пишетъ самъ обо всемъ; il s'est acquitté en maître de sa commission, и моей помощи не надобно было. Только знай, что Боголюбовъ препролазъ-малый: il sait tout, mais tout; il m'a été d'une grandissime utilité et secours

---

[1]) Князь Сергій Ивановичъ Голицынъ, женатый на сестрѣ А. В. Приклонскаго, Елисаветѣ Васильевнѣ, племянницѣ Я. И. Булгакова.

[2]) Т. е. жившей въ Вѣнѣ княгини Екатерины Павловны Багратіонъ (любовницы кн. Меттерниха), мать которой (ур. Скавронская, племянница князя Потемкина) была во второмъ бракѣ за графомъ Литтою, державшимъ ея богатства въ, рукахъ.

[3]) Графиню Марью Павловну Паленъ (мать графини Ю. П. Самойловой).

ici et nous aime tous deux de tout son coeur. Я имъ, право, не могу довольно нахвалиться: милой малой и преуслужливой, ужъ умѣетъ въ душу влѣзть хоть кому. Мнѣ здѣсь очень клеится: всѣ меня очень ласкаютъ; Якова Ивановича сыну всюду двери откроются. Куда лестно и весело имѣть такого отца какъ нашъ! R. dans sa longue conférence avec moi (pendant laquelle j'eus le temps de remarquer que non seulement il n'avait pas du sens commun, mais qu'il ne savait pas même la géographie) me parla de la haute estime qu'il avait pour un serviteur distingué de la patrie, comme papa. Eh! bien, lui dis-je, en l'interrompant avec chaleur: faites le bonheur de sa vieillesse en obtenant de l'Empereur les récompenses que nos chefs demandaient pour moi et mon frère. Я это произнесъ, кажется, съ такимъ чувствомъ, а онъ, ... отвѣчалъ: Soyez sûr que je ferai tout ce qui sera en mon pouvoir, какъ будто бы не могъ онъ словомъ все сдѣлать; лучше было молчать, чѣмъ пустое молоть. Не подумай, что тутъ есть какая либо личность къ намъ; онъ со всѣми такъ, за то всѣ отъ него бѣгаютъ, никому добра не дѣлаетъ. Я не вытерпѣлъ и сказалъ ему, что Свиньину, который былъ почти у тебя подъ командою, дали крестъ. Весь отвѣтъ былъ пошевелиться на стулѣ. Его скоро спихнутъ; дѣла дѣлаются нельзя глупѣе и подлѣе. Сегодня ходили по всѣмъ домамъ квартальные съ запрещеніями носить въ столицѣ впредъ бѣлыя кокарды и кресты Св. Лудовика; этого Алькье никогда не могъ вынудить у генерала Актона въ Неаполѣ, а Россія главу преклоняетъ. Ведемъ двѣ войны, Аглинскую и Шведскую, Богъ знаетъ зачѣмъ, объявляемъ Финляндію нашею областію тогда, какъ всѣ крѣпости еще въ могуществѣ Шведскаго короля и, можетъ быть, будемъ принуждены оставить постыдно сіе завладѣніе или сдѣлать большія усилія и пожертвованія, чтобы удержать закладъ; съ Турками не хотимъ ни драться, ни мириться; въ государствѣ нѣтъ соли, ни сукна на армію; въ Казани и Саратовѣ чума; войско разбросано на Сѣверѣ и Западѣ, а весь центръ Россіи открытъ. Вздумай теперь Бонапарте идти прямо изъ Варшавы въ Гродну, не найдетъ сопротивленія etc. etc. Вотъ въ какомъ положеніи матушка-Россія, первое государство земного шара! Но полно о семъ, грустно говорить. Третьяго дня былъ балъ у княгини Долгорукой, былъ великій князь. C'était fort animé, et je m'en suis donné comme il faut. Нашелъ пропасть Московскихъ, Виленскихъ и Неапольскихъ знакомыхъ. Влодековы стали прекрасны, особливо меньшая, а старшая мала ростомъ. Обѣ тебѣ велѣли кланяться и множество другихъ; но не упомню всѣхъ.

*

С.-Петербургъ, 29-го Апрѣля 1808 г.

Съ Козенцомъ пишетъ Румянцовъ къ князю. Отправляя его, графъ сказалъ Жерве: à propos, il faut que je termine l'affaire de Boulhakow *de Vienne* pour l'expédition de Bogoloubow. Кажется, теперь должно ожидать намъ успѣха, тѣмъ болѣе, что Поццо получилъ уже отпускъ свой въ чужіе краи и недѣли черезъ двѣ поѣдетъ; передъ отъѣздомъ долженъ онъ видѣть Государя и обѣщалъ мнѣ непремѣнно выпросить крестъ твой; il est sûr que cela ne lui sera pas refusé, et Bogoloubow se démêne pour être le porteur du гостинецъ. On lui dit qu'il sera expédié dans dix jours. Мое дѣло идетъ тихо. Тургеневъ все меня бранитъ, что я слишкомъ равнодушенъ и не хлопочу; il croit que la chose se ferait très facilement. Завтра, такъ и быть, поѣду къ графу, поговорю еще и отдамъ ему маленькую записку службы моей со времени, что я въ чужихъ краяхъ; надѣюсь, что это произведетъ что-нибудь. Щулеповъ увѣряетъ меня, что графъ очень ко мнѣ хорошо расположенъ. Мнѣ кажется, что онъ не хочетъ сдѣлать угодное Татищеву, коего онъ не любитъ. Мнѣ предлагали ѣхать къ Гудовичу, я отказался. Какъ уѣхать такъ далеко отъ тебя и своихъ? Теперь посылается туда Kürner. Вестманъ hier m'a insinué que j'aurais tout-de-suite la place de Naples et qu'on n'attendait que j'en fasse la demande. Je lui ai répondu qu'on attendrait longtemps.—Mais si on vous l'offre?—Je remercierai, car il n'est pas décent pour moi d'y retourner, moi qui y a été et moi qui vient de Sicile. Для одной причины былъ бы мнѣ Неаполь пріятенъ: моя Гишпанка бы туда вѣрно переселилась изъ Сициліи; но, будучи въ Римѣ у Дм. Павл., я легко могу ѣхать въ Неаполь, сколь скоро узнаю, что любезная тамъ. Вотъ одна причина, могущая меня понудить быть при лазаронцѣ Іосифѣ съ такою умною головою какъ Бибиковъ. Но положимъ все это на сторону: какъ разстаться съ такимъ начальникомъ каковъ Т.? Какъ оставить такого друга?

Вечерà провожу у Орловой, Долгорукой (князь, сынъ и всѣ они тебѣ кланяются), у князя Алексѣя Борисовича (Куракина) и у Александра Львовича (Нарышкина), où il y a toujours foule. Pozzo va beaucoup dans les deux premières maisons. Ну, братъ, что здѣсь за стужа по сю пору. По утрамъ бѣгаю, гуляю по набережной, по бульвару и Лѣтнему саду, бываю у князя Чарторыскаго, у дюка Serra-Capriola, qui est devenu simple particulier, въ лавкахъ etc. Разумѣется, que dans toutes ces expéditions Bogoloubow est toujours à mes flancs. Мы почти всегда вмѣстѣ. A propos, il faut que je vous

dise quelque chose que je tiens de lui; mais promettez moi de ne pas en parler à la princesse, car cela ne ferait que la chagriner. Sachez qu'Anstett a écrit à Ribeaupierre que le nez de la Багр..... allait tomber, qu'il était là tout prêt pour le ramasser et qu'il se proposait d'en faire une relique. R. a eu l'imprudence de répéter cette plaisanterie qui est parvenu aux oreilles de la mère et du mari; ils ne se sont tranquillisé que quand la Жеребцовъ (je crois), arrivée ici récemment, s'empressa de réfuter cette fausseté. R. a été obligé de nier d'avoir jamais reçu l'avis en question. Ежели правда это, то не хвалю тòлстаго: позволено шутить, но эта шутка пересолена. Скажи княгинѣ, что ея дѣло совершенно кончено, т. е. что съ 1-го Маія начнутъ ей пересылать доходы ея въ Вѣну черезъ князя Александра Борисовича. Представь ей (si elle le veut) Kosenz, qui est au fait de ses affaires et connaît son mari et la Litta. Багратіону дана аренда въ 18000 р. и 15000 р. на проѣздъ къ водамъ Кавказскимъ. Взятіемъ Швейбурга кончилась Шведская война. Три дни назадъ были поднесены Государю ключи крѣпости сей и знамена, взятыя у Шведовъ. Церемонія происходила возлѣ статуи Петра Великаго съ великою помпою: всѣ были полки въ парадѣ etc. Островъ Готландъ взятъ нами. On dit que les Turcs consentent à nous abandonner la Moldavie et la Valachie pourvu que la France ne se mêle plus de leurs affaires. *Коленкоровому* человѣку*) данъ титулъ duc de Vicence. Jamais duc ne fit plus de visites que celui-ci le jour de la réception de cette nouvelle. Говорятъ также, что Аракчееву, который чрезвычайно всемогущъ, будетъ данъ титулъ Финскаго князя, а Румянцовъ будетъ пожалованъ первоклассньмъ. Лобановъ, сказываютъ, будетъ военнымъ губернаторомъ въ Москвѣ, а Молчановъ министромъ комерціи. Вотъ всѣ наши городскія вѣсти. Не дождусь минуты отсюда убраться. Какая дороговизна! То ли еще будетъ? А рубль такъ въ чести теперь, что мнѣ за треть моего жалованья выдали здѣсь 1312 р.; это за Генварскую, Сентябрская послана въ Палерму; я хлопочу, чтобы мнѣ ее здѣсь выдали, а деньги бы взыскали съ Татищева, коему пишу пользоваться моимъ Сентябрскимъ доходомъ; Вестманъ согласился на это устройство.

*

С.Петербургъ, 1-го Маія 1808.

Вообрази, что по сю пору не могу добиться отпуска. Теперь новая остановка: императорская фамилія въ печали по смерти великой княжны Елисаветы Александровны; Государь никого не видитъ, слѣдо-

*) Т. е. Французскому послу при нашемъ дворѣ Коленкуру.

вательно докладъ объ отпускѣ моемъ отсроченъ по крайней мѣрѣ на пару дней. Я умираю съ тоски здѣсь, Петербургъ для меня несносенъ, не смотря на то, что всѣми я очень обласканъ. Батюшка у меня не выходитъ изъ ума.

Поццо сегодня долженъ былъ имѣть прощальную аудіенцію у Государя, но вѣроятно не состоится по случившейся въ царской фамиліи смерти. Онъ обѣщалъ непремѣнно выходить тебѣ Владимира, и я увѣренъ, что ему не будетъ отказано. Тогда буду я совершенно счастливъ, ибо мой крестъ меня не интересуетъ; онъ у Румянцова пришитъ къ кишкамъ; пусть себѣ тамъ будетъ. Меня все оттираютъ отъ Татищева.

Hier j'ai vu le ministre de Danemark chez la prince Dolgorouky; il venait de chez Caulincourt, qui lui a dit avoir reçu par Berlin la nouvelle que m-r Anstett, homme de beaucoup d'esprit, employé à l'ambassade de Vienne, était mort subitement, laissant une jeune femme dans la désolation. Le Caulincourt donna tant de détails sur cette mort que nous n'osons pas en douter. Nous attendons avec une inquiétude penible les lettres de vous autres. Между тѣмъ многіе молодцы вострятъ зубы на покойниково мѣсто. Si cela était, j'espère que le prince, en annonçant la perte qu'il a faite, nommera lui-même la personne qu'il désirera pour remplacer Anstett. Dieu veuille que rien ne soit vrai. Mais comment croire après cela à ce que les Fr. répandent? Багратіонъ здѣсь; онъ хотѣлъ ѣхать къ Баденскимъ водамъ. Вообрази себѣ, что Боголюбовъ подвелъ штуки, чтобы онъ туда не ѣхалъ, а на Кавказскія воды, дабы избавить княгиню отъ милаго ея супруга. Il ne voulait adhérer à aucun arrangement avec elle; mais la chose a été faite sans lui, comme je vous l'ai écrit, et la princesse recevra dès le 1-er de May l'argent de sa mère. За взятіе Швебурга дали Буксгевдену Георгія 1-го класса противъ устава, ибо крѣпость не взята осадою. Было много другихъ награжденій. Островъ Готландъ занятъ нами. Вообрази, что я и на гулянье 1-го Маія не ѣздилъ; ни къ чему нѣтъ охоты; послалъ матушку съ дѣтьми; воротилась она очень слаба, отъ усталости легла; но увидала, что я пишу тебѣ, встала и сама стала тебѣ писать. Sans quoi, dit-elle, Constantin croira que je suis malade, cela le chagrinera. Я думаю, такой души, какъ у матушки, не найти во всей вселенной; ея чувствительный нравъ главная причина разстроеннаго ея здоровья; я всячески стараюсь возставлять силы ея.

Тургеневъ намедни меня разругалъ, что я о себѣ хлопотать не хочу; увѣряетъ, что послѣ раскаиваться буду. Взяло меня раздумье,

написалъ маленькую промеморію подвиговъ моихъ со вступленія въ Неапольскую миссію; я читалъ ее князю Чарторыскому, qui a dit que c'est fort bien, que je devais la présenter au comte de Romanzof, et que lui de son côté l'appuyerait par ses bons offices. J'intéresserai aussi le petit Galitzin [1]), qui me fait des politesses et qui est très en faveur toujours.

Вчера ужинали мы у Куракиныхъ съ Боголюбовымъ. Были тутъ Завадовская, Кутузова и пр. Заговорили о Вѣнской Бѣлой Бабкѣ. Кутузова, en s'attendrissant, сказала томнымъ голосомъ: Какая жалость! Багратіонъ больна безъ надежды. Куракина начала ей противорѣчить, а она стала доказывать, что Багратіонъ такъ больна, что ей жить нельзя. Насъ позвали въ судьи. Я сказалъ: Avec des grands soins et une vie réglée dans un climat tempéré, elle pourra échapper. А Куракина свое да свое: C'est impossible! Je sais cela de comte Litta, qui le sait de la Jérebzoff. Во все это время наши колѣна съ Боголюбовымъ дѣйствовали подъ столомъ. Ты видишь, что бабка è stata ben servita. Боголюбовъ ея дѣла славно устроилъ. Деньги ей уже послали. Посовѣтуй ей написать къ мужу ласковое письмо.—Я прошу батюшку, чтобъ Поццо былъ у насъ въ домѣ. Надобно ему воздать за дружбу къ тебѣ; да при томъ общество его очень пріятно. Государь ѣдетъ скоро въ Финляндію. Коленкуръ собирается побывать тѣмъ временемъ въ Москвѣ [2]).

*

С.-Петербургъ, 9-го Мая 1808 г.

Мой отпускъ, наконецъ, вышелъ безъ жалованья, но съ позволеніемъ безъ платежа четыре мѣсяца дышать Московской воздухъ, и этой-то милости на силу добился.

Поццо, бывъ вчера у Государя, очень настоялъ на твоемъ крестѣ. Государь изволилъ спросить: Mais en conscience et honneur l'a t-il mérité? На чтò отвѣчалъ П: J'en assure V. M. sur mon honneur et conscience, cette recompense lui est due de toute justice. Eh bien, сказалъ Государь, c'est bon, j'y consens, arrangez cela avec le comte R. Кажется, дѣло конченое; но, зная графа, я все еще сомнѣваюсь: онъ какую-нибудь штуку да подведетъ чтò все испортить, ибо онъ добро дѣлать скупъ, а кормитъ одними баснями ревностныхъ служителей отечества.

*

[1]) Т. е. князя А. Н. Голицына, тогда уже оберъ-прокурора Св. Синода.

[2]) Кажется, что эта поѣздка не состоялась.

С.-Петербургъ, 11-го Мая 1808.

Вчера заѣхали мы съ Боголюбовымъ къ * * * послѣ театра, застали ее съ какою-то старою дѣвицею гр. Головкиною, ужинаютъ простоквашу; насъ заставили ѣсть. Боголюбовъ увѣряетъ, что, pour que cela ne fasse pas de mal, надобно запить. Хозяйка этому обрадовалась (любитъ подпить). Спрашиваетъ: чего? Старой мадеры, отвѣчаетъ Боголюбовъ. Приносятъ, и онъ, обѣихъ барынь подпоя, уговорилъ ихъ ѣхать ни вечеръ къ Александру Львовичу [1]), гдѣ сѣлъ съ ними играть въ бостонъ и взялъ четвертымъ Реневаля, Фр. секретаря посольства. Надобно было видѣть эту комедію: Боголюбовъ всѣмъ глазомъ мигаетъ, а самъ помираетъ со смѣху. Эдакой вѣдь проказникъ! А пьяная * * * такъ была въ памяти, что Французу говорила все по-русски, а когда плевать хотѣлось, не оборачиваясь и забывшись, часто плевала на свои карты. Скажи это княгинѣ, ежели можетъ ее это повеселить: кланяйся ей усердно отъ меня.

Посовѣтуй ей написать къ мужу ласковое письмо; онъ хорошо расположенъ, даже хочетъ, чтобы окружающіе княгиню были довольны и шлетъ подарокъ à m-elle Aurore, кажется, шаль славную Турецкую. Очень я радъ, что выпущенная Французскимъ посломъ вѣсть о смерти Анстета не правда; онъ теперь запирается, что отъ него вышелъ слухъ о смерти сей. Поццо на будущей недѣлѣ ѣдетъ, т. е. нѣсколько дней послѣ меня. Я предупредилъ батюшку; прошу его, чтобы Поццо жилъ у насъ въ домѣ; надобно ему воздать за дружбу къ тебѣ; да при томъ общество его столь пріятно: батюшка вѣрно его полюбитъ. Государь ѣдетъ скоро въ Финляндію. Коленкуръ собирается побывать этимъ временемъ въ Москвѣ у насъ. Этому не жить близъ Салтыкова мосту подъ № 106.

La jeune Impératrice est au désespoir de la perte de son enfant. On ne peut pas parvenir à lui faire verser une larme: elle est comme un marbre. On craint beaucoup que cela n'ait de suites fâcheuses. Elle va passer à Zarsko-Selo. L'Empereur part pour la Finlande, où on vient de nous frotter. Le g-l Boulatoff a été tué. Говорятъ, что Букегевденъ будетъ смѣненъ. На дняхъ будетъ объявлена свадьба Бориса Куракина съ дочерью князя Бориса Голицына[2]). Ты ихъ зналъ въ Вѣнѣ.

*

---

[1]) Нарышкину.

[2]) Это дядя и бабка князя Ѳеодора Алексѣевича Куракина, коему Русская исторіографія столь обязана за обнародованіе его „Архива“.

С.-Петербургъ, 14-го Маія 1808.

Поццо ѣдетъ также въ Москву; онъ будетъ жить у насъ, хлопочетъ о деньгахъ своихъ и жалованьи и смертельно боится, чтобъ ничего не устроилось до отъѣзда Государева въ Финляндію, что̀ имѣетъ быть въ Пятницу. Оттуда плохія извѣстія: Шведы пришли съ 6-ю кораблями и много войска и отняли у насъ Готландъ, которымъ мы завладѣли слишкомъ слегка. На сушѣ имѣли мы также уронъ: убито и потеряно человѣкъ 1000, между первыми генералъ Булатовъ; все дѣло, произошло, говорятъ отъ ненависти Буксгевдена къ Тучкову, коего онъ хотѣлъ сакрифировать, давъ ему повелѣніе съ охабкою людей поворотить большой Шведскій корпусъ. Сказываютъ, что Буксгевденъ будетъ отозванъ.

P. S. Caulincourt теперь запирается, что отъ него вышла вѣсть о смерти Анстета. Всѣ очень рады, что это неправда; а многіе, было, навострили зубы на мѣсто его, и между прочими сказываютъ Рибопіеръ, котораго Государь терпѣть не можетъ.

Здѣсь такіе морозы по сю пору, что способу нѣтъ выходить изъ дому. Талейранчикъ, котораго ты знавалъ въ Вѣнѣ, поѣхалъ отсюда вчера въ Парижъ; прощаясь съ Государемъ, получилъ онъ Анну на шею съ бриллiантами. За что̀? А нашъ братъ, Русскій, служитъ и тужитъ. Бѣдному сыну Анны Любимовны прострѣлили Французы шею, за то дали Аннинскую шпагу: а у другихъ Георгій на шеѣ, не дай, не вынеси за что.

*

Москва, 28 Маія 1808.

Выѣхалъ я изъ Петербурга 21-го съ Приклонскимъ; по случившейся ему на дорогѣ болѣзни не могли мы сюда прибыть прежде 26-го ввечеру. Дорога вела насъ мимо новаго князева дома, дядею ему*) отданнаго; заѣхали туда, спросили: дома ли? Говорятъ, что нѣтъ, но что тетушка тутъ и проситъ меня очень забѣжать. Какъ отказать то, что̀ самъ смертельно желаешь? Соскочилъ съ брички, побѣжалъ. Вообрази себѣ: ея радость столь была велика, что она, увидѣвъ меня за сорокъ шаговъ, забыла старость свою и благимъ матомъ пустилась *бѣжать* мнѣ навстрѣчу; какъ стала меня цѣловать, то чуть не задохлась отъ усталости и сдѣланнаго ею усилія, такъ что я перепугался; сыну своему даже не столь она обрадовалась, какъ мнѣ. Мы поплакали и поѣхали вмѣстѣ къ батюшкѣ, она въ своей коляскѣ намъ показала до-

---

*) Т. е. князю Сергію Ивановичу Голицыну, женатову на сестрѣ Приклонскаго. Ихъ мать—сестра Я. И. Булгакова.

рогу, ѣхала впередъ и, я чаю, скакала въ первый разъ сроду. Какъ поравнялись мы къ Чевкиныхъ дому, я не могъ стерпѣть: сердце такъ забилось, что я принужденъ былъ давить его обѣими руками, чтобъ себя облегчить, соскочилъ съ облучка, побѣжалъ напередъ. Первый человѣкъ, мною встрѣчаемый, Евсей, говоритъ, что батюшка ушелъ пѣшкомъ въ лѣтній садъ; думалъ было туда бѣжать, но, вспомнивъ глупую мою шутку съ тобою, послалъ батюшкѣ сказать, что я пріѣхалъ; черезъ четверть часа бѣжитъ ко мнѣ Фастъ. Ты можешь себѣ представить радость обоихъ насъ! Я, говоритъ онъ, гулялъ съ батюшкою въ лѣтнемъ саду, какъ пришелъ мальчикъ сказать, что ты пріѣхалъ; мы оба заплакали отъ радости. Я вижу, сказалъ Фасту батюшка, что тебѣ хочется очень бѣжать къ Алексашѣ; ступай впередъ, мнѣ бѣгать не въ мочь, я приду за тобою вслѣдъ, пойду какъ можно скорѣе. Я все стоялъ у окошка, ждавши батюшку. Тетушка первая, увидѣвъ его, закричала: вотъ и братецъ! Ну, братъ, какъ увидѣлъ я его, идущаго большими скорыми шагами, утирающаго потъ съ него лившійся отъ усталости, какъ увидѣлъ я его ищущаго меня у всякаго окна глазами, тутъ не могу тебѣ пересказать, что̀ со мною произошло въ душѣ: я завылъ во весь голосъ, побѣжалъ вонъ изъ комнаты. Фастъ меня, спасибо, удержалъ, а то бы далъ себя въ позорище всѣмъ прохожимъ на улицѣ; въ передней кинулся я на шею нашему земному богу-отцу и благодѣтелю. Нѣтъ, братъ, я кинулъ теперь перо, нѣтъ силъ, духу, досказывать; это слишкомъ терзаетъ мое сердце, да и твоего растрогивать не хочу: оно у тебя нѣжно. Ты себѣ вообразить можешь блаженство мое, состояніе мое, слыша сіи батюшкины слова: *вы*, сказалъ онъ, перебивъ мою рѣчь, *вы благодѣтели мои, вы старость мою утѣшаете, вы продлите жизнь мою.* Тутъ онъ такъ сильно заплакалъ, что не могъ продолжать. Какая картина! Всѣ люди, вокругъ стоявшіе, всѣ плакали съ нами. Вдругъ батюшка возмужался, хлопнулъ въ ладони. Ну, ксендзъ, сказалъ онъ, zàgrai nam ćokolevek na zymbalkach! И пошла радость. Подъѣхалъ потомъ князь съ княгинею, сошелъ внизъ Павликъ, Александра Петровна. Батюшка велѣлъ ужинъ приготовить; ѣли и пили, покуда силы были. Послѣ ужина самъ меня проводилъ въ мою квартиру и положилъ спать. Живу я (покуда не окончится покрытіе желѣзомъ библіотеки) въ покояхъ Анны Петровны.

Давай входить теперь въ подробности. Батюшка истинно мало перемѣнился, мало очень состарился; а такъ какъ онъ обрилъ пукли свои, отрѣзалъ косу и ходитъ *à la Titus*, то это его дѣлаетъ моложе и отнимаетъ отъ него нажитыя лѣта послѣ нашего отъѣзда изъ Россіи; онъ все веселъ, не проходитъ пяти минутъ, чтобъ не смѣялся,

дурачитъ Фаста, говоритъ тетушкѣ небылицы, дразнитъ собакъ, подшучиваетъ надъ княземъ Сергѣемъ Ивановичемъ; ну, однимъ словомъ, онъ все тотъ же, только что со мною ужъ не какъ отецъ говоритъ и поступаетъ, но какъ братъ и другъ. Вчера все утро пробылъ я съ нимъ въ кабинетѣ; онъ мнѣ свои шашни разсказывалъ. Дай Богъ тебѣ, прибавилъ онъ, не только дожить до моихъ лѣтъ, но пережить оные; а пуще всего желаю тебѣ въ 64 года приволачиваться, какъ я; а это отъ того, что я себя въ молодости не изнурялъ etc. Твой экранчикъ дѣлаетъ батюшкѣ благополучіе; онъ именно сіи вымолвилъ слова: вѣдь у меня Богъ знаетъ чего не перебывало въ родѣ такихъ бездѣлицъ; но я ничего не видалъ подобнаго; эта вещь такая, что не стыдно Императрицѣ подарить: красиво, щеголевато, хорошо сдѣлано; ай да Кастентинъ? Не могъ налюбоваться; да и скажу, братъ, что подлинно прекрасно. Батюшка безпрестанно говоритъ о бездѣлюшкахъ, тобою присылаемыхъ; между прочими есть одна дѣвчонка, очень мило присѣдающая и нагибающая голову, какъ подернешь внизу за кусочекъ бумажки; эту штучку такъ онъ любитъ, что носитъ ее всегда съ собою въ записной книжкѣ, и часто ее вынимаетъ и ею забавляется; но экранъ особенно его утѣшаетъ: кто ни придетъ, всѣмъ показываетъ, посмотритъ, похвалитъ, щелкнетъ однимъ пальцемъ по двумъ другимъ вмѣстѣ сжатымъ (ты помнишь это) и скажетъ: ай да Кастентинъ!

Садъ нашъ прелесть, ѣздятъ въ немъ гулять, какъ въ дворцовый; какъ разросся, это непонятно! Домъ—игрушка, все, все на своемъ мѣстѣ, какъ было въ старину. Я, говоря съ батюшкой о бездѣлкахъ, подзывалъ его въ Вѣну. Вотъ тамъ ужъ найдете что̀ покупать. И, да на что мнѣ ѣхать, отвѣчалъ: у меня тамъ Кастентинъ караулитъ всѣ эти милыя бездѣлюшки, ужъ не прозѣваетъ ничего; вотъ ты не видалъ ничего: у меня бездна всякой всячины, имъ присланной.

*

Москва, 31-го Мая 1808.

Сегодня Воскресенье; у батюшки по старому обѣдъ. Насъ было человѣкъ тридцать: всѣ на свѣтѣ Хованскіе, всѣ на свѣтѣ Итальянцы, всякіе музыканты etc. Меня призываетъ батюшка, заговорилъ со мною, да вдругъ: это что̀ такое лежитъ тамъ на полу? и подлинно какой-то пакетъ. Я побѣжалъ поднимать. Что жъ вышло? Пакетъ отъ тебя. Ахъ! братъ, сегодняшній день радостный для меня: ты пишешь мнѣ, мой дорогой Татищевъ и кто еще? Моя возлюбленная Гишпанка. Ну, право, я внѣ себя отъ радости. Ай, да сюрпризъ сдѣлалъ мнѣ батюшка! Il a exposé aujourd'hui aux yeux curieux des convives tous nos cadeaux: чашки наши, твой экранчикъ и карикатуры. Съ чашками славно все

обошлось: я поставилъ ихъ на столъ, стоящій въ большой гостинной, противъ Турецкаго канапе; особеннаго стола не сдѣлалъ, ибо негдѣ поставить, такъ покои батюшкины завалены всякими мебелями. Какъ вошелъ батюшка, да увидѣлъ: ба! ба! ба! да это что̀ такое? Sono i due figli, закричалъ орлинымъ своимъ голосомъ. Bianchi, che vi fanno questa surpresa? Батюшка ну меня цѣловать; потомъ пошелъ пить въ кабинетъ и нашелъ мои граненые Вѣнскіе карафины и кружку; тамъ положилъ я записочку съ сими словами: *послѣдняя, болѣе сюрпризъ не будетъ.* Гляжу, батюшка идетъ ко мнѣ, цѣлуетъ, говоря: Ахъ, ты мой Алексаша! Вчера подарилъ онъ мнѣ 1000 р. «Ежели выйдутъ, скажи, я дамъ тебѣ еще», прибавилъ онъ.

*

Валуево [1]), 6-го Іюня 1808.

Третьягодня отправились Сердобины[1]) въ путь; они будутъ къ вамъ дней въ 40; у князя есть въ домѣ здѣсь нѣкто комиссіонеръ его Петръ Александровичъ, малый очень услужливый; батюшка его зоветъ къ себѣ часто обѣдать; онъ всегда предупреждаетъ его, когда бываютъ случаи въ Вѣну, беретъ письма и даже посылки очень охотно. Я вручилъ ему для пересылки къ тебѣ съ Сердобиными двѣ посылки: въ одной двѣ шали, одна темная съ мушками, другая желтая, также съ мушками; обѣ, кажется, хороши, моего выбора, по всѣмъ дамамъ были испробованы, одну чуть было не отняли, теперь увѣрились, что я дамѣ именуемой Константинъ, даю надо всѣми преимущество. Пожалуй, напиши правду: будутъ ли по вкусу; буде есть какіе либо цвѣта предпочитаемые, скажи, я пришлю того цвѣта. J'ai pris une couleur modeste et une brillante pour satisfaire tous les goûts. Въ другомъ свертке пара сапожковъ красныхъ сафьянныхъ, золотомъ шитыхъ, для ношенія вмѣсто туфель: это купилъ я въ Торжкѣ, гдѣ работа въ родѣ семъ доведена до большого совершенства. Отдай ихъ отъ меня Дмитрію Павловичу, ибо его красные сапожки утренніе давно просятся въ отставку. Ежели онъ уже уѣхалъ изъ Вѣны (что̀ очень невѣроятно), то возьми ихъ себѣ, ибо пересылать такую бездѣлицу въ Римъ не стоитъ труда: они папскихъ туфель не затмятъ. Третьяго дни княгиня Урусова[2]) праздновала его рожденіе ужиномъ; не было тутъ какъ только родныхъ, а изъ постороннихъ (ежели можно дать мнѣ имя это, когда дѣло идетъ о Татищевой семьѣ) были я и Фастъ. Елисавета Павловна много пѣла; голосъ удивительный; жалость, что она довольствоваться

---

[1]) Въ Вѣну, гдѣ посломъ былъ отецъ ихъ князь А. Б. Куракинъ.

[2]) Сестра Д. П. Татищева.

должна Маскатіемъ; въ Италіи у послѣдняго porte-chaise метода лучше и болѣе вкусу. Онъ ее мучитъ гаргуліадами; однимъ словомъ, Русскіе запѣвалы дѣлаютъ тѣже пассажи, что Маскати.

Знаешь ли, что я на досугѣ хочу перебѣлить мой журналъ порядочно, потому что все писано второпяхъ и безъ всякаго старанія и вниманія. Ежели ты прочелъ что-нибудь, то увидишь qu'il est fait pour n'être lu que de mes intimes. De 6 à 7 volumes que je vous ai laissé il y aurait de quoi faire 20. Вотъ пріѣду въ Вѣну, такъ стану, право, работать; батюшка также въ семъ настоитъ; а я ему столь же охотно бы оный ввѣрилъ, какъ тебѣ. Онъ совсѣмъ сталъ не тотъ, и я съ нимъ столь же вольно и откровенно обхожусь, какъ съ тобою или Фастомъ. А ужъ какъ любитъ насъ, это нельзя изъяснить: всякое слово, всякой шагъ его доказываетъ это. Онъ одно поетъ, что состарился; я это не нахожу и всѣ со мною согласны. Право сталъ веселѣе прежняго: ну нѣтъ минуты, чтобы не подшучивалъ и не припѣвалъ: «А кто иде?» любимый его дуэтъ. Онъ тебѣ послалъ нѣсколько экземпляровъ съ Сердобиными.

*

Москва, 8-го Іюня.

Я сюда пріѣхалъ. Выходя изъ коляски, узнали мы, что пріѣхалъ сюда Поццо. Я къ нему побѣжалъ и къ сожалѣнію моему нашелъ его въ постелѣ больнымъ жабою: простудился въ дорогѣ, заболѣло горло, не хотѣлъ останавливаться, ну его пуще растрясло; попался ему коновалъ, а не лѣкарь, далъ ему полосканье, отъ котораго ему стало еще хуже; теперь охрипъ, съ трудомъ глотаетъ и говоритъ. Я ему далъ перваго здѣсь доктора Wills et j'espère que ce ne sera que l'affaire de quelques jours. Батюшка у него былъ, и они ужъ другъ друга полюбили.

Князь Өедоръ Сергѣевичъ Одоевскій*), промучась долго отъ каменной болѣзни, умеръ на сихъ дняхъ; а нашъ родня Өедоръ Дмитріевичъ Колтовской женится. Наслѣдники до того изъявляли радость свою получить его имѣніе ради лѣтъ его, не позволяющихъ ему жениться, что онъ, разсердясь, взялъ, да и женился не помню на комъ. Стало молодые Өедоры умираютъ, а старые женятся. У старика 2000 душъ слишкомъ и 300.000 р. деньгами слишкомъ же.

Вообрази, что 30 и 31 Мая шелъ сильный снѣгъ въ Петербургѣ; скажи это Дмитрію Павловичу; онъ огорчится, что въ чужихъ краяхъ,

---

*) Отецъ писателя.

а не въ Россіи. J'aime passionement ma patrie, mais on s'y ennuye furieusement, on n'y mange pas et n'y digère pas.

*

Москва, 11 и (12) Іюня 1808 г.

Сегодня везетъ батюшка меня на званый обѣдъ къ Черткову; смерть не хочется: надобно пудриться и надѣвать мундиръ; тамъ будутъ всѣ матадоры: Марковъ, Растопчинъ, Тутолминъ, градоначальникъ и другіе матадоры. На вечеръ ѣдемъ мы къ Хованскимъ; вчера былъ у нихъ. Княжны много мнѣ говорили о тебѣ и помнятъ услугу, тобою всей семьѣ оказанную; также велѣли тебѣ напомнить, какъ вы гдѣ-то перепились такъ, что тебя и князя Василья Наташа вела за руку. Онѣ все такія же миленькія. Старшая поетъ, какъ Богъ, что̀ за голосъ, такъ въ сердце и лѣзетъ!

Поццо здѣсь, пріѣхалъ больной; теперь ему часъ отъ часу становится лучше; батюшка у него бываетъ всякой день, часто и по два раза. Вчера далъ ему нашъ пріѣзжій въ подарокъ планъ и рисунокъ Кампосантской баталіи и рисунокъ карикатуры, представляющей Болонію, консула, идущаго съ женою на гулянье 1-го Мая въ Корфѣ. Батюшка очень смѣялся фигуркѣ коротенькаго и долговязой. Много говорилъ я съ Поццою о тебѣ; онъ мнѣ разсказывалъ въ большой подробности странствованіе ваше, твою болѣзнь. О, милый братъ, если бы я тогда зналъ, въ какой ты былъ нуждѣ, опасности, все что̀ ты терпѣлъ, я думаю, не перенесъ бы печали этой. Ты мнѣ десятой доли не писалъ и не разсказывалъ того, что̀ я узналъ отъ Поццо. Видно, Провидѣніе надо мною бдитъ, ежели тебя сохранило. Натерпѣлся и я въ странствованіе мое; но былъ, слава Богу, всегда здоровъ, и все это не послужило ни къ выгодамъ, ни къ награжденіямъ. Patience!.

*

Москва, 18 Іюня 1808 года.

Третьяго дня возилъ батюшка Поццу, Приклонскаго и меня къ Тутолмину, который прислалъ вчера звать къ себѣ перваго обѣдать; намъ нельзя было: мы ѣздили съ Хованскими обѣдать въ Очаково къ Нарышкинымъ, т. е. къ Опочининой; у ней живутъ Петръ Петровичъ съ женой и Милашевичъ съ женой; весело провели день: гуляли, прыгали, пѣли, танцовали; мнѣ было ловко приволачиваться: мужа Саковниной не было; онъ боится, чтобъ я не догадался, что онъ ревнивъ; а жену, шельма, бранитъ всякой день за меня потихоньку. Ты не повѣришь, какъ Сонюша интересна. Nous sommes grands amis. Я ей открылъ бо̀льшую часть моихъ секретовъ, а она свои мнѣ. Нельзя ничего предвидѣть; но, можетъ быть, дружба и въ другое превратится, хотя я

очень далеко отъ того, чтобъ быть влюбленну. Вечеръ мы проводили у Хованскихъ. Поццо былъ званъ, но усталъ слишкомъ отъ обѣда своего и не пріѣхалъ на вечеръ. Князь его очень полюбилъ. У Хованскихъ есть нѣмой, пресмѣшной; не знаю, помнишь ли ты его. Я ему далъ зажечь одну изъ этихъ хлопушекъ, что̀ ты мнѣ далъ, чтобъ Фаста обмануть. Надобно было видѣть, какъ онъ испугался, побѣжалъ за мною, хотѣлъ меня за волосы взять; я тѣмъ только избавился, что другую хлопушку ему показалъ со свѣчею въ рукахъ. А батюшка такъ и помираетъ со смѣху; онъ всегда былъ веселъ, но теперь нѣтъ минуты, чтобъ не шутилъ и не смѣялся. И я, кажется, веселъ; чего мнѣ недостаетъ? А онъ все пеняетъ, что я не въ духѣ и спрашиваетъ часто: что̀ у тебя?

Le 14 j'ai mené Pozzo voir les curiosités du Kreml; il a été émerveillé de la vue qu'on découvre d'Iwan Wélikoy. Il part pour Vienne par Kief lundi prochain. Il dit que quand on a vu les monstruosités de Moscou, la grande cloche, le grand canon, le grand Iwan, on a tout vu. Поццо мнѣ давалъ читать всѣ тѣ бумаги, которыя ты ему въ порядокъ привелъ и перебѣлилъ, будучи на кораблѣ. C'est très intéressant. Le soir il y a eu chez ma cousine grand souper pour le maréchal Pouchkine*); Pozzo y fut, et tout le monde est enchanté de la société. Le 16 nous avons dîné dans le pavillon de notre jardin, а кофей пили въ бесѣдкѣ подъ дубами.

Ты не повѣришь, съ какимъ чувствомъ батюшка представляетъ Поццу пріятелямъ своимъ: Voici, dit-il toujours avec les larmes aux yeux, une personne à laquelle je dois la conservation de Constantin. Nous avons dîné aujourd'hui chez Toutolmine: papa, Pozzo, Алекс. Васильевичъ et moi. Le second était assis à côté du prince Basile Havansky, qui donnait à un gros chien, qui était sous la table, tout ce qu'il avait sur l'assiette. Ah, mon prince, dit Pozzo, vous faites aller le dîner à sa véritable destination. Мерзкой обѣдъ!

*

Москва, 23 Іюня 1808.

Сегодня у насъ много обѣдаетъ; назвался также, Богъ знаетъ зачѣмъ, Тутолминъ; я боюсь, что онъ разстроитъ наше санфасонство. Впрочемъ княжонъ не будетъ: Софья уѣхала съ мужемъ и Полиною къ Троицѣ Богу молиться, а Наталья будетъ ихъ, вѣроятно, оплакивать.

---

*) Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, внукъ того, что̀ управлялъ Монастырскимъ Приказомъ при Петрѣ Великомъ, близкомъ его родственникѣ.

Notre dîner aujourd'hui a eu lieu: c'était charmant, et je m'en étonne, car les Havansky n'en étaient pas. Вотъ кто были: Баранова съ дочерью, Зиновьевы, Багратіоны, Волковы, полицмейстеръ Александръ Александровичъ, Марія Ивановна Корсакова съ прекрасною своею дочерью; Бѣлая Бабка, тетушка Александра Петровна просидѣла весь день въ своей норѣ; Иванъ Ивановичъ Демидовъ, Чертковъ, князь Урусовъ, но безъ жены, которая, ѣдучи завтра въ деревню, хотѣла провести день съ родными. Князь далъ мнѣ письмо для Дмитрія Павловича, которое ему пришлю съ Поццою, завтра ѣдущимъ. Было множество мущинъ: оберъ-полицмейстеръ, полицмейстеръ Дурасовъ и пр. и проч., Амплюшка. Да! были также Шведскіе плѣнные: генералъ и Вѣнской нашъ Clairfeld, которые не могутъ нахвалиться Москвою, не успѣваютъ поспѣвать на всѣ зовы. Обѣдъ былъ славный, на двухъ столахъ: одинъ въ галлереѣ, а другой въ клавикордной; тутъ хозяйничали я, Фастъ и Косой [1]); кофей пили въ бесѣдкѣ подъ дубами: тутъ были Цыгане, славные плясуны; потомъ мороженое ѣли за прудомъ въ бесѣдкѣ, тутъ пѣсельники насъ утѣшали; наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ подавали липецъ, восхищаясь Фастовыми музыкантами, въ кустарникахъ спрятанными. Батюшка былъ очень веселъ, да и всѣ такъ были довольны, что Тутолминъ самъ [2]) уѣхалъ почти послѣдній. Время прекрасное всему способствовало. Пришли подъ вечеръ гулять въ садъ какія-то три Нѣмецкія актрисы, батюшкѣ знакомыя; онъ ихъ удержалъ ужинать въ саду же. C'était un véritable souper fin: онѣ только три, батюшка, я, Фастъ, Поццо, попъ-ксендзъ, Николай Богдановичъ, Амплюша и Косой, который день со дня становится лучше. Послѣ ужина пустились въ три пары танцовать, а батюшка прихлопываетъ руками и припѣваетъ Фастовымъ музыкантамъ. Новосильцовъ Николай Николаевичъ, бывъ здѣсь, уѣхалъ; онъ будетъ объѣзжать всѣ школы, университеты и подобныя заведенія, въ Россіи находящіяся.

*

Москва, 29-е Іюня 1808 г.

Козадавлеву дали Александровскую ленту, Т. П. Тутолмина сыну Анну на шею съ брилліантами, равно какъ и пяти другимъ по представленію отца за подвиги по милиціи. Говорятъ, что Куракина дочь, Салтыкова, разводится съ мужемъ en faveur du colonel des gardes à cheval Чичеринъ [3]). Не могу этому повѣрить и прошу это не говорить никому; cela pourrait déplaire à votre chef [4]) et surtout être faux, comme

---

[1]) Т. е. А. В. Приклонскій.

[2]) Тогдашній Московскій главнокомандующій.

[3]) Этотъ слухъ оправдался.

[4]) Т. е. князю А. Б. Куракину, послу въ Вѣнѣ; онъ былъ дядею Салтыковой.

je le crois. Вашего Сологуба женять на какой-то, кажется, княжнѣ Горчаковой. Старому Масальскому въ сердцахъ на сына вздумалось жениться на какой-то дѣвушкѣ, которая съ тѣмъ на то согласилась, чтобъ онъ ей до брака тотчасъ укрѣпилъ хоть 500 душъ.

Балашовъ, Петерб. оберъ-полицмейстеръ, ѣдетъ сюда и подцѣпляетъ какую-то купчиху съ двумя милліонами. Орлова[1]) все неподвижна еще, а смотри, ежели не возметъ какого-нибудь горбуна или Лаваля [2]). On dit que c'est une perfection, ses richesses même à part. Я не видалъ ея еще по сю пору, а хочется на чудо это посмотрѣть.

*

Москва, 6-го Іюля 1808 г.

Хованскіе уѣхали въ Горбово [3]); сегодня ѣдутъ также Соковнины; 8-го числа поѣду я, а батюшка будетъ нѣсколько дней позже меня и проживетъ тамъ до 24-го. Я везу съ собою Антоніо; онъ сочинилъ маленькую Итальянскую фарсу il Fanatico, которую будемъ тамъ играть. Меня втащили въ оперу Русскую. Что̀ дѣлать. Надобно пѣть; роль, спасибо, не велика, одна только арія, но много разговора. Музыка оперы *Ямъ* прекрасная, въ Русскомъ вкусѣ; Боголюбовъ ее знаетъ; мы часто въ Петербургѣ съ нимъ ее слушали. Намедни обѣдалъ у насъ Репнинъ, а третьяго дня мы у него обѣдали; онъ очень перемѣнился въ свою пользу, живетъ чрезвычайно согласно съ женою; она брюхата на сносѣ, sans compter qu'elle a un fils et une fille [4]).

*

Москва, 4 Августа 1808 г.

Loubianofsky[5]) est arrivé ici; il vient épouser la fille du g—l Merline que nous avons connu à Grodno et qui lui porte 2000 paysans en dotte. Il a paru ici une vie de Potemkine en trois volumes. L'auteur parle de papa souvent et comme d'un ministre éclairé, adroit et doué de grands talens.

*

---

[1]) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, за которую передъ тѣмъ сватался князь А. Б. Куракинъ.

[2]) Говорили, что извѣстный впослѣдствіи церемоніймейстеръ графъ Лаваль былъ нѣкогда Петербургскимъ виноторговцемъ и при Павлѣ женился на богачкѣ Козицкой, мать которой была Мясникова, изъ простолюдья.

[3]) Нѣкогда великолѣпное помѣстье князя В. А. Хованскаго подъ Рузою, съ суконною фабрикою.

[4]) Говорится про князя Н. Г. Репнина (Волконскаго) и его супругу, Варвару Алексѣевну, ур. графиню Разумовскую. Они жили тогда въ прекрасной усадьбѣ своей въ Москвѣ, на Воронцовомъ полѣ. Вскорѣ родилась у нихъ дочь, княжна Варвара.

[5]) Өеодоръ Петровичъ Лубяновскій, котораго Записки въ „Русскомъ Архивѣ" 1872 г.

Москва, 6-е Августа 1808 г.

Въ Ригѣ умеръ Александръ Андреевичъ Беклешовъ, всѣми оплакиваемый; а въ деревнѣ, среди своихъ разоренныхъ мужиковъ, изволила на тотъ свѣтъ отправиться графиня Буксгевденъ[1]), жена того героя, котораго Шведы всякой день колотятъ. Генералу Витте дали алмазные знаки Александровскіе. Всѣхъ здѣшнихъ театральныхъ директоровъ отрѣшили, а будетъ одинъ только Всеволожскій камергеръ управлять театральною Московскою дирекціею. A propos. Много теперь шуму дѣлаетъ слѣдующее: Итальянецъ одинъ возвращается изъ Макарьевской ярмарки съ двумя гіенами, которые показывалъ тамъ за деньги. Сорокъ верстъ отъ Москвы онѣ у него какъ-то изломали клѣтки желѣзныя, вырвались, убѣжали и теперь причиняютъ великія опустошенія. По полученнымъ главнокомандующимъ рапортамъ пожрали онѣ уже 24 человѣка. Одну гіену мужики убили, другая еще существуетъ; зима ее убьетъ; но до того времени можетъ она надѣлать много вреда. Въ одной деревнѣ мужики вздумали, что это-то Бонапарте: немногимъ ошиблись. Il est cruel que la Russie doive souffrir les ravages des monstres enfantés par l'Afrique. Возвращаясь отъ князя Сергія Ивановича, который живетъ за городомъ, мы обыкновенно беремъ дорогу полемъ; тетушка [2]) велѣла сынку всегда городомъ ѣздить, не смотря на большой объѣздъ; а на вопросъ: зачѣмъ? отвѣчала, что «въ полѣ можетъ еще попасться стерва-то эта гіена». Toute la ville est remplie de cette fameuse aventure; on dirait que nous sommes transportés dans le temps de Pougatchef; au moins parle-t-on de la hyène avec le même effroi qu'on parlait du brigand; peut-être la fera-t-on pendre comme feu monsieur le marquis cosaque. Итальянецъ, сказываютъ, въ отчаяніи, бѣгаетъ по лѣсамъ, ищетъ или смерти или своихъ дезертировъ.

Выписываю тебѣ статью изъ «Вѣстника Европы», журнала печатаемаго въ Россіи[3]): «Посланникъ Персидскаго шаха Фетъ-али, ѣдущій во Францію, останавливался въ Вѣнѣ и обѣдалъ у Фр. посланника, у котораго находился тогда весь дипломатическій корпусъ. Онъ родственникъ шаха и везетъ къ Наполеону двѣ Тамерлановы сабли. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда курилъ онъ табакъ и пилъ кофе. Русскій посолъ, князь

---

[1]) Графиня Наталья Алексѣевна, въ дѣвицахъ Алексѣева, дочь князя Г. Г. Орлова и сестра перваго графа Бобринскаго. Ей принадлежали большое помѣстье Лигово подъ Петербургомъ и замокъ Лоде за Ревелемъ.

[2]) Мавра Ивановна Приклонская.

[3]) Въ это время издателями основаннаго Карамзинымъ „Вѣстника Европы" были профессоръ М. Т. Каченовскій и начинавшій свою извѣстность В. А. Жуковскій.

Куракинъ, сидѣлъ за столомъ съ нимъ рядомъ, и его Персидское высочество въ знакъ вниманія положилъ своеручно на тарелку князя нѣсколько макароновъ» и пр. и пр. Правда ли это?

*

Москва, 10 Августа 1808.

Que de choses, qui nous regardent, vous aura dit Pozzo! Papa le regrette beaucoup et répète qu'il a couru beaucoup, mais qu'il a rencontré peu de personnes d'un commerce aussi agréable. Il dit aussi que sa lettre au reiss-effendi est un chef d'oeuvre et qu'on ne peut pas dire plus poliment aux Turcs qu'ils sont des animaux. Papa lui a ecrit la semaine passée. Tout ce que vous me dites du jour de la bataille Camposanto m'attache encore plus à Pozzo. Il nous a parlé des dangers que vous avez couru, de vos souffrances, mais il n'ajoutait pas qu'il était votre ange-gardien. Tant mieux: nous n'aurions été plus porté de ne pas pouvoir faire pour lui tout ce qu' il a fait pour vous.

*

Москва, 29-е Августа 1808.

Третьяго дня обѣдалъ я на званомъ обѣдѣ у Broglio: молодой голышъ, который женился на вдовѣ князя Трубецкаго (она, мнѣ кажется, Левашова); ты ее видалъ въ Марѳинѣ; она родня графу Ивану Петровичу[1]) покойному, и бойкая особа[2]). Видѣлъ я тутъ Шведовъ, коихъ всѣ здѣсь очень любятъ, угощаютъ. Клерфельдъ велѣлъ тебѣ много очень кланяться и просилъ сказать мнѣ что либо о дамѣ, коей имя написалъ мнѣ на карточкѣ своей, при семъ прилагаемой. Была тутъ также толстая Гагарина[3]), что̀ ушла съ Тончи, живописцемъ. Où avez vous appris mon mariage? me demanda-t-elle.—Oh, à Naples encore. —De qui?—De mon frère et de tous ceux qui m'écrivaient de Moscou.— Cela vous a étonné, n'est-ce pas?—Pas du tout.—Comment donc?—Non, car le même jour à Naples on disait que le prince Buttera, bel homme, le plus riche seigneur des Deux Siciles, grand d'Espagne etc. etc. etc., allait épouser sa cuisinière. Voilà cependant, dit-elle furieuse, une comparaison bien grossière.—Pourquoi? Peindre des friandises ou les apprêter n'est-ce pas la même chose? Et quand une fois on fait tant que de manger du fruit défendu, que ce soit du melon ou de la pomme, n'est-ce pas la même chose? Видя, что она сердится въ самомъ дѣлѣ, j'ai tourné sur autre chose. Au reste, ajoutai-je, j'ai tort. La comparai-

---

[1]) Салтыкову.

[2]) Это графиня Анна Петровна Бролiо, изображенная въ перепискѣ ея друга Кристина съ княжною Туркестановой („Русскiй Архивъ“ 1881 и 1882 годовъ).

[3]) Княжна Наталья Ивановна.

son n'est pas juste: le prince Buttera voulait se marier par scrupule pour des enfants qu'il avait eus, et vous vous êtes mariée pour en faire, et voyons un peu, combien en avez-vous? Elle sourit et répondit qu'elle était grosse du premier[1]). Отецъ давно простилъ; даетъ ей по 3000 р. на годъ и говоритъ: да что и другія-то не уйдутъ съ кѣмъ нибудь? Я неважное имѣю мнѣніе о нравственности князя Ивана Сергѣевича [2]). По Москвѣ говорятъ, что онъ опекунствомъ своимъ разорялъ Николушку; а теперь, что старшій вышелъ изъ малолѣтства, принялся за меньшаго. Мнѣ пріятно было говорить съ Тончіемъ объ Италіи, куда ему очень хочется ѣхать; спрашивалъ о братѣ, коего мы знали въ Неаполѣ.

Поццу, конечно, болѣе всего за то батюшка любилъ, что онъ тебя уберегъ. Представляя его тетушкѣ, онъ сказалъ: «вотъ, сестрица, командиръ Константиновъ; онъ ему на морѣ жизнь спасъ». Выговоривъ эти слова, батюшка не могъ слезъ удержать. Онъ всегда имѣлъ чувствительное сердце; но теперь сдѣлался даже нѣженъ. Какъ будемъ вмѣстѣ, перетолкуемъ все до него касающееся. Я не знаю, сказалъ ли я тебѣ, что батюшка отрѣзалъ свои прекрасные волосы; cela le rajeuni beaucoup. Il me dit que la queue le gênait beaucoup et que sa toilette se trouve réduite à rien, car il ne porte plus de boucles non plus. Cette opération a été le signal pour faire la même chose au peu de personnes à Moscou qui tenaient encore à la queue comme à une relique: Пушкинъ, Ив. Ив. Демидовъ, всѣ сенаторы etc. etc.

*

Москва, 7 (19) Августа 1808.

Olivieri est arrivé; c'est un Ragusais qui a été chez papa à Constantinople, un grand latiniste; ses oeuvres sont imprimées. Papa dit qu'il surpasse quelquefois Ovide; il lui a obtenu à l'Université la chaise de la langue Latine. Le comte Alexis Rasoumovsky [3]) par égard pour papa lui donne 1000 r., quartier, bois etc. etc. C'est un homme fort agréable, drôle, instruit, il amuse extrêmement papa: ils parlent très souvent de Constantinople. Olivieri dit que du temps d'Obreskof à Constantinople c'était *l'enfer*, du temps de Stakhiew le *purgatoire*, du temps de Bulhakow-le *paradis* et du temps de Kotchoubey—un *chaos*.

Я вспомнилъ, что въ послѣднемъ письмѣ обѣщалъ тебѣ пересказать исторію Николушки Салтыкова съ женою. Вотъ она. Онъ съ ка-

---

[1]) Тончи и его супруга не оставили потомства.

[2]) Гагарина.

[3]) Тогдашній попечитель Московскаго учебнаго округа.

rауломъ во дворцѣ; жена пользуется его отсутствіемъ и ѣдетъ на балъ къ Хитрову, гдѣ былъ великій князь и много людей и куда говорила мужу, что не была приглашена. Онъ узнаётъ о томъ, но не вѣритъ: наконецъ, чтобы увѣриться въ томъ, надѣваетъ лакейскій сюртукъ и уѣзжаетъ съ караула на балъ, который давали, кажется, на Каменномъ острову, велитъ сказать женѣ, что пришелъ отъ князя Ал. Бор. человѣкъ и вызываетъ ее; она выходитъ, видитъ мужа, кричитъ, какъ испужавшаяся, вбѣгаетъ въ залу: всѣ выходятъ и находятъ переодѣтаго Салтыкова, fumant de colère. Il est mis aux arrêts, il devait être cassé, envoyé au Caucase; le maréchal Soltykof obtient qu'il conserve son grade de gentil homme de la chambre et en fasse le service. Cette histoire fait beaucoup de bruit et à mon avis fort peu d'honneur à la nièce de notre chef. C'est une fière coquine et étourdie. Я на мѣстѣ мужа этихъ дурачествъ не дѣлалъ бы, а дома, ничего не говоря, выпоролъ бы ее славнымъ манеромъ. C'est un nigaud. On prétend qu'elle a demandé au grand-duc sa voiture pour retourner à la maison en sûreté. Voilà l'histoire, comme on la conte ici. Est-ce vrai ou non, je n'en sais rien; c'est toujours très désagréable qu'on applique cette fable (si c'en est une) sur la tête de m-me Soltykow. Le grand palais, où étaient les casernes, a été donnée à l'Université de Moscou. Гдѣ былъ Университетъ, будутъ присутственныя мѣста; а солдатъ куда-то за городъ переводятъ. Kothoubey va venir chez vous; je vous prie de le rechercher. Qui sait? Il pourrait devenir votre chef de nouveau.

*

Москва. 3-го Сентября 1808.

Румянцовъ, должно вамъ быть извѣстно уже, поѣхалъ въ сѣверную Германію на переговоры (говорятъ, съ Наполеономъ). Теперь ѣдетъ и Государь самъ въ Лейпцигъ, другіе же говорятъ, въ Эрфуртъ. Отсутствіе его величества продолжится шесть недѣль. Съ нимъ князь Алекс. Никол. Голицынъ и генералъ-адъютанты Гагаринъ, Шуваловъ, Трубецкой и Ожаровскій. Должно быть у васъ извѣстно морское сраженіе наше со Шведами и Агличанами въ Юнгферъ-Зундѣ. On nous a pris un vaisseau qu'on a été obligé de brûler; sa résistance héroïque a excité l'effroi et l'admiration de l'ennemi: le c.-amiral Hord a dit au capitaine du *Wsewolod*, en refusant de prendre son épée, qu'il était digne de commander la plus belle flotte de l'univers. Онъ дрался противъ двухъ Шведскихъ и двухъ Аглицкихъ кораблей; весь экипажъ перебитъ, 37 попалось въ плѣнъ, всѣ переранены и изувѣчены. L'ennemi était supérieur en nombre. Il est dit que les Russes feront toujours des prodiges de valeur qui n'aboutiront à rien, en se battant

toujours et par terre et par mer contre des forces supérieures; il est singulier que dans une mer fermée que nous disons nous appartenir, une mer qui baigne les côtes de notre empire, nous n'ayons pas l'esprit de nous trouver au moins à forces égales avec un ennemi venu de loin. Тоже бы было идти въ Дувръ, явиться тамъ съ большими силами и побить Агличанъ. Ханыковъ ушелъ въ Балтійскій Портъ, гдѣ онъ вѣроятно будетъ тоже дѣлать, что̀ Сенявинъ въ Лиссабонѣ; ибо его тѣсно блокируетъ Шведскій флотъ, изъ 13 кораблей состоящій. Сказываютъ, что Ханыковъ нарушилъ всѣ пункты своихъ инструкцій. Au lieu d'attaquer les Suédois qui se trouvaient un moment inférieurs en forces, il s'est amusé à les observer, il leur a donné le temps de demander des secours aux Anglais; au lieu d'éviter avec *ceux-ci* le combat, comme cela lui était prescrit, il l'engagea. Чичаговъ поскакалъ въ Балтійскій Портъ. Но какъ помочь этому? Voilà ce que m'a dit le comte Gr. Tcherniсheff, qui vient d'arriver avec sa femme de Pétersbourg et loge chez la Boutourline.

По Четвергамъ, а особливо по Воскресеньямъ, наѣзжаютъ къ намъ пріятели обѣдать. Сегодня накопилось человѣкъ десятокъ: Біянки, Бечи, Амплей Васил., Шведы, Малиновскій, Николай Богдан., Приклонскій, Ѳедоровъ, Olivieri, попъ, Фастъ etc. Батюшка отозванъ на несчастіе; il me recommande de bien faire les honneurs et me remet la liste que je joins ci-près des vins que nous boirons.

*

Москва. 28-го Сентября 1808.

Вчера, Воскресенье, обѣдать наѣхало такъ много, что батюшка былъ жизни не радъ: всякой шематонъ думаетъ быть въ правѣ на сіи обѣды приглашать, какъ на свои. Чижикъ*) устроиваетъ себѣ партіи, и ежели чуть только игроки знакомы батюшкѣ, зоветъ ихъ обѣдать; поитъ всѣхъ сихъ господъ хорошими нашими винами не въ мочь. Кромѣ того между скотомъ Вологодскимъ мужичкомъ и нѣкіимъ называемымъ Карнѣевымъ произошелъ послѣ обѣда споръ, который батюшкѣ очень былъ непріятенъ. Чижикъ затѣялъ банкъ, всѣ перессорились. Батюшка положилъ, что не будетъ болѣе у него обѣдовъ по Воскресеньямъ, а будетъ звать самъ по выбору, въ какой день вздумается. Онъ думалъ имѣть только Чернышова вчера и обыкновенныхъ, т. е. Біянки, ксендза, Оливіери и родныхъ; вмѣсто того наѣхало человѣкъ съ 20; сѣли за столъ въ три часа съ половиною, а онъ при-

---

*) Такъ Булгаковъ зоветъ князя С. П. Голицына, женатаго на его двоюродной сестрѣ, Елисаветѣ Васильевнѣ Приклонской.

выкъ обѣдать въ два. Зачѣмъ ему въ своемъ же домѣ женироваться? И для кого? Для . . . . . которые недостойны въ передней его быть. Карнѣевъ, мальчишка, не имѣетъ ни кола, ни двора, живетъ одною игрою; Чижикъ его протежируетъ. Je ne lui fais jamais l'honneur de lui parler. Après dîner papa ammena Czernicheff dans son cabinet pour lui montrer la collection de billets de visite de Vienne, que vous lui avez envoyée peu à peu et qu'il a fait tous coler dans un livre; les billets à transparent, les petites carricatures etc., enfin tout y est. Je vous préviens qu'il a dit à Czernicheff: Вотъ скоро будетъ новый годъ, Константинъ пришлетъ мнѣ, я думаю, новыхъ. Его эти бездѣлицы чрезвычайно утѣшаютъ; постарайся достать хорошенькихъ, т. е. смѣшныхъ; да вотъ я подъѣду, тебѣ помогу въ выборѣ. Да полно, что̀ выбирать! Пришли все, что̀ найдешь. Съ нами былъ также Малиновскій [1]); которому онъ далъ на время какой-то присланный тобою же Иллирическій лексиконъ; и въ семъ родѣ, ежели попадется тебѣ что нибудь хорошаго историческаго, присылай.

Князь Александръ Никол. Голицынъ [2]) обмотавшійся поѣхалъ въ чужіе краи. За нѣсколько почтъ отъ Москвы должники его поймали и воротили. Il a un superbe cheval de selle; il le laissa au payement à trois personnes différentes: à l'ecuyer qui l'avait dressé, à un Бухарецъ et à son tailleur. C'est de cette manière aparemment qu'il paya toutes des autres dettes aussi.

Cette lettre me paraît une véritable mosaïque; pourvu que l'ensemble vous soit agréable, c'est tout ce qu'il faut. Ma tante me chargea l'autre jour de remettre au prince Lapoukhine une lettre, par laquelle elle le priait (vu l'ancienne amitié qui a subsisté entre lui et Василій Андреевичъ) d'accorder une audience à Анна Петровна. Lapoukhine lui répond très poliment, en fixant une heure pour А. П.; sur l'adresse il y avait: «Ея превосходительству м. г. Маврѣ Ивановнѣ» etc. Мы чуть ее не увѣрили, что какъ это министръ юстиціи къ ней пишетъ, то адресъ этотъ можетъ ей служить вмѣсто патента на чинъ. Только то ее амбарасировало, что мужъ давно умеръ, а женскія лица въ чины не жалуютъ. А. П. ѣздила въ Петербургъ, чтобы кончить дѣло свое противъ Нат. Алексѣевны; прожила тамъ три года, не могла поговорить даже съ Лопухинымъ, сколь это ни искала. Здѣсь назначиваетъ онъ ей часъ на переговоръ. Что же бы ты думалъ? Пе-

---

[1]) Алексѣй Ѳедоровичъ, служившій тогда въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ подъ начальствомъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, который былъ другомъ Я. И. Булгакову.

[2]) Это первый супругъ графини Марьи Григорьевны Разумовской.

редъ тѣмъ, что ѣхать ей къ Лопухину, приходитъ къ батюшкѣ, да говоритъ: «Да объ чемъ мнѣ, дядюшка, Лопухина просить?» Vous voyez qu'elle connaît son affaire à fond, à ce qu'il paraît. Il n'est pas étonnant qu'elle n'ait rien fait en trois ans à Pétersbourg.

*

Москва, 17-го Октября 1808 г.

Въ Среду былъ балъ у бывшей княгини Прасковьи Юрьевны Гагариной, что̀ теперь за Кологривовымъ. Балъ кончился очень поздно; а какъ мнѣ болѣе часу ѣзды въ Слободу, легъ я спать въ седьмомъ часу и всталъ en conséquence во второмъ; надобно было какъ можно скорѣе одѣться и ѣхать обѣдать съ батюшкою къ генералу Кнорингу. Меня въ домъ тотъ разъ двадцать звали на вечеръ; все не удавалось попасть; наконецъ хозяйка даетъ балъ имянинъ своихъ и зоветъ меня двѣ недѣли напередъ, чтобы я не успѣлъ получить другого приглашенія, потому что Прасковій въ Москвѣ очень много. Я пріѣхалъ на балъ въ полночь. Ладно! Такъ какъ Кологривовъ очень тученъ, то я тотчасъ его замѣтилъ и раскланялся съ нимъ; но о существованіи его жены я совершенно забылъ: поставилъ мою шляпу, надѣлъ перчатки и пустился въ плясъ, а о хозяйкѣ дома и не помышляю. Проходитъ съ часъ времени. Я танцую Польскій съ Софьей Пушкиной, переходя изъ комнаты въ комнату, наступаю кому-то на ногу, при окончаніи танца оборачиваюсь и вижу... о Боже! г-жа Кологривова! Что̀ дѣлать? Съ чего начать? «Добрый вечеръ, сударыня» или «прошу тысячу извиненій»; но я былъ такъ смущенъ, что не сказалъ ни того, ни другого. «Сударыня, пробормоталъ я наконецъ, желаю видѣть васъ въ 1879 г. въ этотъ же день вполнѣ здоровой, красивой и любезной, какъ сегодня, а себя болѣе вѣжливымъ и менѣе разсѣяннымъ. Какъ видите, я назначаю весьма продолжительное время для моего воспитанія и потому надѣюсь, что къ назначенному сроку буду вполнѣ приличнымъ юношей». Эта шутка выручила меня изъ бѣды. Поставлено было условіемъ перемирія, что я долженъ много танцовать и съ бала уѣхать послѣднимъ, что̀ я въ точности и исполнилъ; а хозяйка дома не преминула разсказать объ этомъ приключеніи, и все общество много смѣялось.

*

Москва, 26-го Октября 1808 г.

Сегодня вечеромъ я приглашенъ къ Василію Львовичу Пушкину, гдѣ соберется много умныхъ людей, а такъ какъ не надѣюсь блистать тамъ своимъ умомъ, то извинился, что, не имѣя таковаго, обладаю въ замѣнъ его страшнымъ кашлемъ. Не знаю, вѣрно ли первое; но

второе—грубѣйшая ложь, во избѣжаніе скучнѣйшаго вечера. Для меня нѣтъ ничего противнѣе, какъ стараніе сдѣлать такой-то день умнѣе обыкновеннаго или такой-то вечеръ любезнѣе обыкновеннаго. Я предпочитаю провести время въ болтовнѣ съ тобой; это для меня гораздо забавнѣе.

Батюшка ищетъ повара. Отшедшій отъ насъ нашелъ очень хорошее мѣсто у Мерлина по 450 р. въ годъ.

Сегодня открылся Демидова театръ; играли тамъ какіе-то поганые Нѣмцы. Я думаю, что Коцебу сошелъ бы съ ума, ежели бы видѣлъ, какъ его несчастную піесу отдѣлали. Я былъ тамъ съ Repmann и Волковымъ, начальникомъ полиціи; мы смѣялись, какъ сумасшедшіе; было очень холодно. Былъ между прочимъ одинъ актеръ, постоянно согрѣвавшій дыханіемъ свои руки, то ту, то другую. Антоніо заломался въ креслахъ также; ты можешь себѣ представить, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣлъ мой Гарикъ на чудаковъ Слободскихъ.

*

Москва, 29 Октября 1808 г.

Весь городъ наполненъ вѣстію о перемѣщеніи князя Алекс. Борисовича въ Парижъ; полагаютъ это вѣрнымъ, потому что Толстой назначенъ уже къ арміи князя Прозоровскаго; а за князя, говорятъ, Государь Императоръ заплатилъ 200.000 р. долгу. Буде то и другое правда, кажется, сомнѣваться нельзя, что послѣдуетъ перемѣщеніе князево. Батюшка ждетъ съ великимъ нетерпѣніемъ писемъ отъ тебя, дабы знать правду, а паче всего, какая будетъ твоя и слѣдовательно моя участь. Всѣ у него спрашиваютъ: поѣдешь ли ты въ Парижъ? Первое твое письмо все разрѣшитъ. Сегодня приходитъ иностранная почта; но я отозванъ на цѣлый день обѣдать къ Пелли, одному Англичанину, батюшкиному пріятелю, а ужинать къ Хованскимъ.

Петербургъ и Москва въ великомъ огорченіи по случаю смерти генералъ-адъютанта князя Михаила Долгорукова, убитаго подъ Шведомъ. Нѣсколько дней передъ смертію былъ онъ за отличіе пожалованъ генералъ-лейтенантомъ. Боятся, что отецъ и мать, которые по сіе время не могутъ успокоиться отъ смерти перваго сына, не перенесутъ сего удара въ престарѣлыхъ своихъ лѣтахъ. Въ день полученія сего извѣстія въ Петербургѣ, по волѣ Его Императорскаго Величества, былъ отмѣненъ театръ. Я покойника зналъ очень коротко и былъ съ нимъ друженъ; въ Неаполѣ были мы всякой день вмѣстѣ, а потомъ переписывались. Если бы онъ былъ живъ, то сталъ бы героемъ Россіи*). По-

*) Двоюродный его братъ, Владиміръ Сергѣевичъ Толстой, неоднократно передавалъ

теря эта всѣми оплакиваема. Съ тѣхъ поръ, что вашъ Гагаринъ [1]) въ Вѣнѣ сдѣлалъ штучку эту съ Цызыревымъ, всѣ Гагарины перебѣсились. Вообрази (пишутъ изъ Петербурга), что мой князь Павелъ, генер.-адъютантъ, женится на какой-то marchande de mode: а другой Гагаринъ, что̀ имѣлъ Балабину за собою, женится на актрисѣ Семеновой,—это Жоржъ Русской сцены. Не желалъ бы я, чтобы тѣмъ же недугомъ заразился и Гриша.

*

Москва. 30-е Ноября 1808 г.

Наконецъ данъ Государю офицерскій праздникъ въ Петербургѣ. Уваровъ съ женою принимали и угощали. Былъ смертельный холодъ; музыкантовъ заглушали всѣ кашлемъ. Дамы въ паутинныхъ своихъ платьяхъ перемерзли; наконецъ дошло до того, что Фуріозо, соскакивая съ веревки, сильно расшибъ себѣ ногу.

1809-й годъ.

Москва, 11-го Генваря 1809 г.

Я остаюсь въ Россіи, въ Москвѣ, съ батюшкою. Знай это покуда про себя, а въ свое время напишу я самъ Дм. Павл.: я почитаю для себя обязанностію подробно его извѣстить о причинахъ, побуждающихъ меня разлучиться съ нимъ. Одно только такое обстоятельство могло меня заставить не съ нимъ раздѣлять службу, время и пр. Ты его по немногу приготовляй къ этому. Возвращаюсь къ себѣ: я скоро, т. е. можетъ быть на этой недѣлѣ, пущусь съ Богомъ въ Петербургъ. Полетика, Боголюбовъ воспѣваютъ мнѣ любовь Салтыкова [2]) къ справедливости и праведнымъ требованіямъ. Я крѣпко надѣюсь на его пособіе; буду просить перейти въ Архивъ съ сохраненіемъ секретарскаго жалованья безъ курсу; что̀ выслужено, то отнять не можно безъ-какого либо повода основательнаго негодованія. Вотъ что̀ буду я просить вмѣсто награжденія за мою ревностную службу, столь жарко Д. П. засвидѣтельствованную. Поспѣшу ѣхать до возвращенія Румянцова, чтобы вѣрнѣе достигнуть успѣха; мои Петербургскіе друзья ручаются мнѣ за него (разумѣется, они все говорятъ о крестѣ

намъ, что этотъ князь Долгоруковъ влюбленъ былъ въ Екатерину Павловну, что великая княжна отвѣчала ему взаимностью, что императоръ Александръ соглашался на этотъ бракъ и писалъ о томъ къ матери молодаго князя и что это письмо сохранялось въ ея имѣніи, Рязанской губерніи.

[1]) Князь Павелъ Павловичъ?

[2]) Князя Александра Николаевича, который былъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, графа Румянцова.

моемъ, не зная моихъ настоящихъ намѣреній). И такъ, прощай Парижъ, Константинополь и проч.

Въ Петербургѣ праздникъ за праздникомъ для ихъ Прусскихъ величествъ; чудо будетъ, ежели имъ не отморозятъ носовъ. Были производства, но мало: нашему Салтыкову дали Александровскую. Князя Павла Гагарина домъ на набережной сгорѣлъ со всѣми сокровищами покойной жены и пр.; сгорѣлъ отъ него самого: зажегъ каминъ въ кабинетѣ, заперъ комнату ключомъ и самъ уѣхалъ на весь вечеръ и ночь. Ничто ему скупердягѣ! Никто объ немъ не жалѣетъ. Шереметевъ умеръ, какъ святой, оставивъ всѣ имѣнія малолѣтнему своему ребенку, а въ случаѣ его смерти—*все казнѣ*; родня бѣсится. Пенсіоновъ оставилъ тысячъ на сто. Государь апробовалъ духовную. Умеръ также Шуваловъ[1]), что̀ на Щербатовой женатъ, оставивъ много дѣтей, 600.000 долгу, а имѣнія нѣтъ. Подъ конецъ пилъ съ отчаянія.

*

Москва, 14-го Генваря 1809.

Такая стужа! Всѣ термометры лопаютъ. Третьягодня, вообрази, было 35 градусовъ замерзанія. Графъ Бутурлинъ сказывалъ мнѣ, что самъ дѣлалъ опытъ: меркурій замерзъ, и онъ его рубилъ, какъ кусокъ льда. Со вчерашняго дня только 22 градуса, и всѣ радуются. Сегодня пошелъ снѣгъ; это сдѣлаетъ переломъ стужѣ. Нѣтъ почти лакея въ домѣ, у котораго что нибудь не было бы отморожено; а у твоего Яшки заморожена верхняя губа.

Говорятъ, что послѣ славнаго праздника, даннаго ихъ Прусскимъ величествамъ въ Таврическомъ, дворецъ сей на другой день сгорѣлъ почти весь.

*

С.-Петербургъ, 1-го Февраля 1809.

Я выѣхалъ изъ Москвы 24-го съ флигель-адъютантомъ Бальменомъ и съ Логиновымъ[2]), служившимъ при Лондонской миссіи: милые ребята, содѣлавшіе мнѣ дорогу чрезвычайно пріятною. Она совершилась благополучно: я только носъ отморозилъ, но теперь все прошло. Крайне для меня было пріятно застать здѣсь милаго Боголюбова. Я у него сталъ сначала; но такъ какъ онъ живетъ съ сестрами, чтобы ихъ

---

[1]) Графъ Петръ Андреевичъ.

[2]) Т. е. съ Николаемъ Михаиловичемъ Лонгиновымъ, сыномъ Харьковскаго сельскаго священника, поступившимъ на гражданскую службу изъ причта нашей Лондонской посольской церкви и благодаря высокимъ качествамъ ума и сердца поднявшимся высоко въ службѣ и въ обществѣ. Это дѣдъ княгини Анны Михаиловны Козловской.

не безпокоить, переѣхалъ я возлѣ него въ Hôtel du Nord. Мы всякой день и безпрестанно вмѣстѣ. Прибылъ я сюда 28-го; а на другой день былъ ужъ допущенъ къ Салтыкову, благодарилъ его за то, что мнѣ далъ преимущество предъ прочими просителями, хотя я былъ за глазами, и представилъ причины, не позволяющія мнѣ продолжать службу въ чужихъ краяхъ и удерживающія меня возлѣ батюшки, коему подъ старость нужна подпора. Графъ очень одобрилъ меня; я ему въ двухъ словахъ разсказалъ мою службу, подалъ ему записочку объ ней; онъ читалъ ее со вниманіемъ и положилъ въ карманъ, сказавъ: Мнѣ не нужно было и читать эту записку для того, чтобы отдать должную справедливость какъ вашимъ способностямъ, такъ и вашему усердію: я знаю, какъ вы и вашъ братъ относитесь къ службѣ. Но развѣ вы хотите совсѣмъ бросить службу?—Нѣтъ, графъ, я никогда не брошу того поприща, къ которому чувствую влеченіе; но отецъ мой желаетъ, чтобы я перешелъ въ Московскій Архивъ съ жалованьемъ, какое получаю въ Коллегіи.—А какъ оно велико?—Тысяча рублей.—Что жъ? Это очень легко устроить; желаніе ваше и справедливо, и умѣренно.—Всѣ лица, оставшіяся на службѣ, прибавилъ я, всегда находили доступъ къ вашему сіятельству, вашему правосудію и покровительству; и я смѣю надѣяться, что и мнѣ не будетъ отказано въ поддержкѣ; а такъ какъ я имѣю счастіе быть принятымъ вашимъ сіятельствомъ, то покорнѣйше прошу прочитать отзывъ обо мнѣ г-на Т. Мнѣ очень неловко восхвалять самого себя, но я могу сослаться на свидѣтельство какъ всѣхъ моихъ начальниковъ, такъ и лицъ, коихъ имѣю честь знать.

Графъ не обѣщалъ мнѣ хлопотать о крестѣ и сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ представить Государю отзывъ Дмитрія Павловича, написанный болѣе года тому назадъ. Я сказалъ ему, что могу написать г-ну Т., который охотно согласится вновь написать столь справедливый отзывъ. Графъ замѣтилъ мнѣ на это, что когда придетъ депеша, Румянцовъ уже возвратится и еслибы графъ, прибавилъ онъ, расположенъ былъ сдѣлать для васъ то, что̀ я сдѣлалъ для вашего брата, онъ не имѣлъ бы болѣе подходящаго для того случая, какъ вашъ пріѣздъ изъ Палермо. Хотя этотъ разговоръ и не обѣщаетъ мнѣ ничего кромѣ мѣста въ Москвѣ съ сохраненіемъ моего жалованья; но я тѣмъ не менѣе очень доволенъ тѣмъ, что С. говорилъ со мной такъ ласково и откровенно. Боголюбовъ увѣряетъ меня, что онъ никогда ничего не обѣщаетъ, такъ какъ его обѣщаніе бываетъ несомнѣнно; но онъ часто безъ обѣщанія дѣлаетъ одолженія. Да благословитъ ихъ всѣхъ Господь! Что до меня касается, то мнѣ такъ надоѣла служба, что я совсѣмъ бы ее бросилъ и безъ воли батюшки, потому что всѣ честные люди,

служащіе добросовѣстно и съ усердіемъ, всячески притѣсняются, а проныры возвышаются во вредъ людей способныхъ. Бородавицынъ, не имѣющій понятія даже о географіи, едва знающій Русскую грамоту, одинъ посланъ въ Персію для дипломатическихъ сношеній; онъ сдѣланъ коллежскимъ совѣтникомъ, а другіе 54 статскихъ совѣтника, которые старше его, остались назади. Кресты, чины и пенсіи такъ дождемъ и сыпятся: но всегда находится какой нибудь дождевой зонтъ, который меня предохраняетъ. Будь я честолюбивъ, меня давно задушила бы желчь. Эти пять дней, что̀ я нахожусь здѣсь, всеобщее вниманіе, похвалы, расточаемыя мнѣ, и уваженіе ото всѣхъ вознаграждаютъ меня вполнѣ. Ни кресты, ни почести не даютъ этого. Я въ восхищеніи отъ того, что иду, хотя въ миніатюрѣ, въ парѣ съ Д. П. Кто легкомысленнѣе его? А между тѣмъ его болѣе, чѣмъ кого другого признаютъ за человѣка достойнаго. Единственно о чемъ я жалѣю, удаляясь съ поприща (которое, признаюсь тебѣ, страстно люблю) это то, что не придется мнѣ, быть можетъ, раздѣлять трудовъ Д. П., котораго люблю сердечно. Коль скоро доложено будетъ о перемѣщеніи меня въ Архивъ (ибо и для эдакой бездѣлицы надобенъ докладъ) и что̀ будетъ сообщено коллегіею въ Москву, тотчасъ уѣду изъ пропасти этой. Мнѣ грустно по Москвѣ; а здѣсь тоска, какъ ни ласкаютъ меня всюду. Искать, право, не умѣю, языкъ не ворочается; а здѣсь надобно бронзовый лобъ представлять, а не заслуги. Александру Пинію дали Аннинскій крестъ за претерпѣнныя въ морской переѣздъ непріятности. Я тебѣ изъ любопытства пришлю съ первымъ случаемъ мою послужную записочку.

Не могу нахвалиться Боголюбовымъ; этотъ малый сущій демонъ, вездѣ поспѣетъ и всѣмъ умѣетъ услужить. Онъ остается здѣсь до возвращенія знаменитаго Р., который пишетъ, что Струве сдѣланъ секретаремъ посольства въ Касселѣ. Это какой-то роковой человѣкъ для всѣхъ насъ, даже помимо его старанія и желанія. Того и жду, что онъ воспротивится и отыметъ у меня мѣсто, данное мнѣ С. Всѣ дураки дивятся, что я отказалъ Кассельское мѣсто; а до пріѣзда моего сюда благомыслящіе готовы были биться объ закладъ, что я мѣста не приму, и теперь хвалятъ меня. Никогда бы и ни въ какомъ случаѣ не принялъ я этого мѣста. Репманъ жалѣетъ, что я не ѣду съ нимъ; теперь Струве будетъ, я думаю, назначенъ; князь его въ глаза не знаетъ.

Здѣсь часто бываю я вотъ гдѣ: у Ивана Алексѣевича, у Орловыхъ, которые тебѣ кланяются очень; у нихъ живетъ графъ Чернышовъ, пріѣхавшій на малое время за дѣломъ и съ коимъ я ворочусь вѣроятно въ Москву; у княгини К. Ѳ. Долгорукой, у Александра Льво-

вича Нарышкина; вечера часто провожу у графа Воронцова молодого; у него живутъ Бальменъ и Логиновъ; мы занимаемся музыкой, поемъ и проч. Кстати, Александръ Бальменъ посланъ къ вамъ; кланяйся ему отъ меня, а отъ здѣшняго княгинѣ Багратіонъ. Я въ восхищеніи отъ Дюпора, онъ чудесенъ; Жоржъ я еще не видалъ. Вотъ острота Александра Львовича: мы пріѣзжаемъ къ нему съ Боголюбовымъ, которому онъ дѣлаетъ упрекъ за то, что тотъ не былъ у него наканунѣ, когда былъ концертъ, въ которомъ участвовалъ знаменитый віолончелистъ. Боголюбовъ извиняется и говоритъ: Je n'ai pas osé venir, ayant appris que c'était une soirée engagée. Allons donc!, reprit Александръ Львовичъ, quelle engagée! Moi je n'engage jamais que mes diamans et mes terres.

*

3-го Февраля.

Послѣднее мое странствованіе по Корсикѣ, Сардиніи и пр. довольно интересно; но мой дневникъ ты окончилъ какъ разъ на томъ, гдѣ путешествіе мое только начинается. Ты говоришь, что до Гишпаніи еще не дошелъ и что теперь читаешь все еще Евангеліе; это меня насмѣшило *).

Егорка, пажъ батюшкинъ, теперь въ заточеніи, прогнанъ къ дворникамъ батюшкою за поступокъ, заслуживающій поистинѣ медаль. Вообрази себѣ, что онъ умѣлъ вытащить изъ кармана у Оливіерія Рагузейца кошелекъ, взять изъ него два цѣлковыхъ и опять въ карманъ положить кошелекъ. Когда же это сдѣлалъ? Въ глазахъ десяти человѣкъ, покуда мы играли въ вистъ. Каковъ хватикъ! Вотъ блестящія способности! Его драли въ продолженіе двухъ недѣль чуть не ежедневно. Оливіери настаиваетъ, что его слѣдуетъ повѣсить, такъ какъ онъ обѣщаетъ многое.

Вчера ужиналъ я у графини Головкиной; тутъ былъ Салтыковъ нашъ. Жена его со мною тотчасъ познакомилась, выучила меня вальсъ, ею сочиненный, а я ей свой вальсъ выучилъ; заставляли меня несчастнаго пѣть «Quand tu m'aimais» и «Per una volta solta» и пр., что такъ любитъ Дмитрій Павловичъ; эта арія произвела восторгъ. Салтыкова пригласила меня бывать у нея и для начала позвала меня завтра

*) Въ подлинныхъ письмахъ А. Я. Булгакова (здѣсь помѣщаются лишь извлеченія изъ нихъ) подробно описываются его амурныя похожденія. Послѣ Неаполитанки (Евангелистки) ему вскружила голову одна Испанка. Александръ Яковлевичъ неоднократно упоминаетъ о своемъ дневникѣ. Гдѣ онъ, намъ неизвѣстно. Отъ одной изъ его внучекъ слышали мы, что этого дневника было нѣсколько томовъ.

обѣдать къ себѣ. Головкина говорила графу о моемъ дѣлѣ и сказала ему, что я ужасно боюсь возвращенія гр. Р-ва. С. на это улыбнулся и поручилъ Боголюбову сказать завтра Вестману, чтобы онъ приготовилъ къ Четвергу докладъ, такъ какъ это день, когда онъ работаетъ съ Государемъ. Быть можетъ, одна Итальянская аріетка сдѣлаетъ то, чего не могли сдѣлать цѣлые пергаменты о моей службѣ. Позже пріѣхала также Марья Антоновна Нарышкина; я былъ ей представленъ. Почему она тебя знаетъ? Такъ какъ она, узнавши, кто я такой, сказала, обращаясь къ графинѣ Головкиной: «Я бы узнала сама, потому что онъ очень похожъ на своего брата». Играли въ лото, смѣялись, еще заставляли меня пѣть и играть на клавикордахъ. Нарышкина звала меня къ себѣ, и я ужъ былъ съ визитомъ у нея. Это, ей-ей, находка, которой я пренебрегать не стану, а напротивъ того, приложу все стараніе, потому что счастіе такое привалило: можно стать камеръ-юнкеромъ! Но Бога ради, чтобъ это осталось между нами; даже здѣсь я никому этого не повѣряю, потому что объявить такую вещь, и она потомъ не состоится, это стать всеобщимъ посмѣшищемъ. Кочубей мысли свои перемѣнилъ, перебросился на Фр. сторону и интригуетъ въ Парижѣ: хочетъ княжое мѣсто*); князь это видитъ и радёхонекъ. Р. оставилъ уже Парижъ и ѣдетъ сюда; очень сердитъ на себя, на Алекс. ленту графа Салтыкова и вообще на всѣхъ; везетъ съ собою стыдъ и раскаяніе напрасной ѣзды. Салтыковъ такъ дѣла устроилъ, что Стакельбергъ не будетъ посланъ въ Вѣну; онъ къ Т. хорошо очень расположенъ. Maisonneff, котораго мы всегда почитали шельмою, страшно и явно интригуетъ противъ гросъ-мейстера; того и гляди, что самъ себѣ шею сломитъ. Лобановъ дуется, что Прусской король не далъ ему Чернаго Орла; онъ хочетъ мстить за это Государю и выходитъ въ отставку. Этимъ онъ только оказываетъ всѣмъ услугу. Военная часть мѣста его отдана военному министру, гражданская губернатору, а по полицейской велѣно имѣть попеченіе Балашову съ званіемъ генералъ-адъютанта. Черные Орлы даны были королемъ: Бѣлосельскому, Ал. Льв. Нарышкину, Толстому, Аракчееву, Ливену, въ Берлинъ министромъ назначенному; Краснаго Орла почти всѣмъ генералъ-адъютантамъ, Синодскому Голицыну и пр. Холодъ нестерпимый, а каждый вечеръ идутъ спектакли, хотя афиши и объявляютъ о ихъ закрытіи при 14° мороза. Всѣмъ, кто говоритъ объ этомъ, Ал. Льв. отвѣчаетъ, что онъ ручался только за превосходство спектакля, но отнюдь не за непогрѣшимость его термометра. Актеры всѣ до одного тоже пришли съ замѣчаніемъ, что ихъ заставляютъ играть, не смотря на объявленія въ

*) Т. е. мѣсто посла въ Парижѣ, которое занималъ князь А. Б. Куракинъ. А. С. Пушкинъ въ одной неизданной своей рукописи ярко изобразилъ В. П. Кочубея.

афишахъ. «Господа, отвѣчаетъ имъ Н., старайтесь избѣгать холода въ вашихъ піесахъ; но, что холодно въ Россіи, какое до того дѣло?» Молчановъ именемъ князя Александра Борис. паки просилъ камеръ-юнкерство Дивову; Государь отказалъ очень сухо, прибавивъ, что уважаетъ княжое представленіе, но камеръ-юнкерство даетъ или за отцовскія или за собственныя услуги, а Дивовъ не можетъ ни того, ни другого представить; кромѣ того поведеніе матери его дѣлаетъ его того недостойнымъ [1]).

*

С.-Петербургъ, 14 (26) Февраля 1809.

Дивизіямъ Суворова, Горчакова и Докторова посланъ приказъ подвинуться на границы Галиціи. Пусть говорятъ, что̀ хотятъ; но я не могу помириться съ мыслію о войнѣ съ Австріей, нашей союзницей во всѣхъ Европейскихъ войнахъ. Это будетъ не болѣе какъ предостереженіе. Бонапартъ увѣрилъ здѣсь, что сто̀итъ прикрикнуть на Австрію, какъ она испугается и воинственный жаръ ея потухнетъ. Государь нерѣшителенъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Увѣряютъ, будто Сперанскій далъ ему совѣтъ подражать въ политикѣ своимъ союзникамъ, оставить прямоту дѣйствій и думать только о своихъ собственныхъ интересахъ, съ Франціей держаться политики выжидательной, не досаждать ей и въ тихомолку войти въ соглашеніе съ Австріей, чтобы перейти потомъ на сторону того, кто окажется побѣдителемъ въ борьбѣ. Если это возможно, то конечно это лучшее что̀ можно выбрать. Положеніе Б. очень критическое, если не удастся ему опустошить всю Испанію и Италію. Гдѣ возметъ онъ войско? Намъ совершенно нечѣмъ воевать, денегъ нѣтъ; ни Англичанъ, ни денегъ! Коленкуръ говоритъ, что не надобно ни денегъ, ни магазиновъ: надобно воевать на счетъ непріятеля и войти тотчасъ въ Галицію. Но кто пуститъ туда? Надобно прежде раза два подраться и два раза побѣдить, а не то умретъ съ голоду армія, ежели не подумать заранѣе о кормѣ. Всѣ въ унынии отъ одной мысли войны этой; цѣль ея еще фатальнѣе Шведской: она насъ поведетъ совершенно къ гибели нашей. Говорятъ, что пишутъ къ Толстому, къ вамъ, чтобы предложить ему мѣриться съ эрцъ-герцогомъ Карломъ; предвидя, что онъ откажется, предложатъ Кутузову, князю Сергію Ѳедоровичу [2]); а другіе увѣряютъ, что Бенигсену. Желаю, чтобы Шварценбергу удалось что-нибудь сдѣлать здѣсь въ пользу своего двора; но порабощеніе волѣ Б. здѣсь очень велико, а Коленкуръ стоитъ на караулѣ съ желѣзнымъ прутомъ. Ежели подъѣдетъ свинья Рум.,

[1]) Елисавета Петровна, ур. графиня Бутурлина. Она жила въ Парижѣ пріятельницею Жозефины. Говорится вѣроятно о старшемъ ея сынѣ Петрѣ Андріановичѣ Дивовѣ.

[2]) Князю Голицыну, который и командовалъ нашими войсками въ этой невольной войнѣ нашей съ Австріею.

не надобно ожидать ничего хорошаго. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Видя все это вблизи, я не могу нахвалиться, что удаляюсь нѣкоторымъ образомъ отъ службы, которая, право, мнѣ огадилась: теперь не можетъ быть цѣли служить, а пріятства службы совсѣмъ исчезли.

Батюшка препоручилъ мнѣ взыскать нѣкоторые долги здѣсь; коль скоро это кончу, тотчасъ уѣду. Графъ сказалъ мнѣ, что вчера былъ наконецъ подписанъ указъ мой Государемъ. Я переведенъ наконецъ въ Архивъ съ 1000 р. жалованья. Салтыковъ, ничего не говоря мнѣ, хотѣлъ сдѣлать пріятный сюрпризъ и сохранить мнѣ секретарское жалованье и для того велѣлъ написать указъ глухо, т. е. такому-то, перемѣщенному въ Архивъ, выдавать жалованье предъ симъ имъ получаемое и велѣлъ было мнѣ производить секретарское жалованье. Надобно быть несчастію моему: Государь это замѣтилъ и сказалъ, что это жалованье мнѣ не по чину, чтò дастъ другимъ поводъ тоже просить, что вслѣдствіе указа надобно мнѣ дать по чину 1000 р. Салтыковъ жалѣетъ вопервыхъ, что не удалось сдѣлать мнѣ пріятное, а вовторыхъ, что не воспользовался случаемъ представить меня въ чинъ за отличіе; это пришло ему въ голову, какъ не время уже было. Со всѣмъ тѣмъ надѣюсь, что ежели Рум. замедлитъ быть, графъ что-нибудь для меня сдѣлаетъ. Государь у него спросилъ: тотъ ли я Б., коего Куракинъ къ себѣ требуетъ? Графъ отвѣчалъ, что нѣтъ, а что это ты былъ въ Вѣнѣ. Графъ насъ обоихъ хвалилъ Государю. Это намъ пригодится на будущее время: Государь будетъ о насъ хорошаго мнѣнія. Меня очень ласкаютъ у Головкиной, которая отрекомендовала меня Нарышкиной съ лучшей стороны. Я тебѣ признаюся, что мнѣ хочется камеръюнкерства; это было бы хорошо передъ свадебкою. Я еще не сдѣлалъ предложенія, но Боголюбовъ ручается мнѣ за успѣхъ. Начну дѣйствовать. Къ свадьбѣ великой княжны будутъ разныя милости; авось либо удастся.

Я въ восхищеніи, что Т. опять на ногахъ; Государь очень къ нему смягчился. Придетъ и его царство. Лишь бы ваши Нѣмцы поколотили Французовъ, здѣсь все въ мигъ перемѣнится: куда дѣнется славный Рум., его и собаками тогда не отыщешь. Графъ умѣлъ такъ славно сработать, что Стакельбергъ будетъ вѣкъ свой in vista. Только и это сдѣлано изъ предпочтенія, которое графъ даетъ моему любезному начальнику. Нельзя предвидѣть, чтò будетъ; статься можетъ, что Куракинъ воротится въ Вѣну и Дм. Павл. будетъ при немъ, какъ Разумовскій былъ при Голицынѣ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы Т. имѣлъ это въ виду; при первомъ случаѣ я въ разговорѣ скажу объ этомъ графу и увижу, чтò онъ мнѣ отвѣтитъ; хорошо, коли промолчитъ, такъ какъ у него это всегда означаетъ благопріятный отвѣтъ. Кажется, Ко-

чубей домогается мѣста въ Парижѣ; Талейранъ пишетъ Коленкуру, что это одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ министровъ Россіи и что онъ смотритъ на вещи съ ихъ настоящей точки зрѣнія. Куракинъ, вмѣсто того чтобы воспротивиться, дастъ ему, я думаю, всѣ возможныя преимущества къ достиженію его цѣли, потому что самъ князь желаетъ возвратиться въ Вѣну, судя по тому, что̀ онъ пишетъ Боголюбову, а именно: «Я здѣсь скучаю, а по Вѣнѣ не перестаю тосковать».

Очень кланяюсь Бальмену; я очень друженъ съ его братомъ: прелестный юноша. Онъ живетъ у молодого Воронцова, тоже прекраснаго юноши. Смерть Салтанова меня очень тронула; это большая потеря!

*

С.-Петербургъ, 7-го (19) Марта 1809.

Прежде всего переговорилъ я съ Головкиною, которая подала мнѣ великую надежду къ успѣху, но не взялась за обоихъ просить, прибавя: «на очереди сто человѣтъ, и Государь не сдѣлаетъ этого, чтобы не раздражать всѣхъ; къ тому же М. А., не зная вашего брата, едва ли захочетъ просить за двоихъ вмѣсто одного. Что̀ касается до васъ, то я ручаюсь, что она возмется за ваше дѣло». Въ семъ случаѣ сдѣлалъ я то, что̀ и ты бы сдѣлалъ, т. е. не велѣлъ и говорить о тебѣ, дабы не испортить моего дѣла. Я увѣренъ, милый братъ, что ты меня одобришь, зная, сколь всѣ радости у насъ общи. Головкина говорила уже М. А.; а сія очень охотно взялась выпросить, велѣла мнѣ сдѣлать записочку, которую я въ мигъ у графини же и написалъ. Я тебѣ перепишу ее здѣсь, благо она коротка. Я особенно указываю на заслуги моего отца, какъ ты увидишь.

«Дѣйствительный тайный совѣтникъ Б. служилъ 42 года. Услуги, оказанныя имъ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II-й, въ бытность его въ Варшавѣ, и особенно во время пребыванія его въ Константинополѣ, извѣстны всей Европѣ. Заключеніе его въ теченіе двухъ лѣтъ въ Семибашенномъ за̀мкѣ тоже всѣмъ извѣстно, равно какъ и переговоры, порученные ему вести въ то время и приведшіе къ ускоренію сдачи Крыма Россіи. Его сынъ Александръ, надворный совѣтникъ Департамента Иностранныхъ Дѣлъ, состоитъ на дѣйствительной службѣ въ продолженіе 13 лѣтъ, изъ коихъ 7 лѣтъ въ чужихъ краяхъ, служилъ всегда съ такимъ усердіемъ, за которое нѣсколько разъ былъ представляемъ къ наградамъ, но никогда не имѣлъ счастія ихъ получить, хотя всѣ его сослуживцы сдѣланы статскими совѣтниками и получили ордена. Онъ можетъ сослаться на свидѣтельства: князя Чарторыскаго, барона Будберга, г. Татищева *) и другихъ своихъ начальниковъ.

*) Я не назвалъ Румянцова, потому что его имя принесло бы мнѣ несчастіе.

Вышеозначенныя услуги его отца и его собственное усердіе, не прекращавшееся до сего времени въ его службѣ, не дѣлаютъ его недостойнымъ милости быть принятымъ ко двору въ званіи камеръ-юнкера. Милость эта будетъ утѣшеніемъ преклонныхъ дней стараго и вѣрнаго слуги отечества, который и самъ бы пріѣхалъ просить о ней августѣйшаго внука Великой Екатерины, его благодѣтельницы, если бы годы и болѣзни ему это позволили.»

Я старательно переписалъ эту маленькую записочку, и графиня въ тотъ же день передала ее своей невѣсткѣ, которая весьма ее одобрила и обѣщала заняться этимъ дѣломъ. Батюшку она называетъ достойнымъ и уважаемымъ старцемъ, а меня прелестнымъ молодымъ человѣкомъ. Третьяго дни была она вечеромъ у графини, играли въ лото; она позвала ее къ себѣ обѣдать на слѣдующій день и, оборотясь ко мнѣ, меня также пригласила, на что̀ графиня вскричала: «Я въ восторгѣ, что вы приглашаете Б., потому что я начинаю убѣждаться, что жить не могу безъ него». Уѣзжая М. А. напомнила мнѣ объ обѣдѣ и прибавила: «А о дѣлѣ, о которомъ говорила мнѣ невѣстка, будьте покойны». Кажется, лучше ничего желать не можно. И такъ вчера я обѣдалъ у нея. Графиня спросила: какъ идетъ дѣло ея protégé? Предоставьте его мнѣ, отвѣчала М. А. Ты можешь себѣ представить, въ какихъ я ажитаціяхъ, и выйдетъ, что аріетка *Quelques fleurettes* то сдѣлаетъ, чего не произвела служба, рекомендаціи etc. Такъ и все на свѣтѣ! Это грустно. За столомъ говорили много о Вѣнѣ; Дмитрій Львовичъ сказалъ Шварценбергу: «По милости его брата (указывая на меня), я видѣлъ въ Вѣнѣ все достойное вниманія.» Нарышкинъ часто мнѣ говоритъ о тебѣ, хвалитъ тебя, любитъ.

Нѣтъ никакого затрудненія получить позволеніе Государя. Это все Мезоннёфъ упорствуетъ въ календарныхъ свѣдѣніяхъ. Бѣлосельскій никакъ не можетъ добиться, чтобы занести туда свою жену. М. интриганъ; я не понимаю, какая цѣль у этого человѣка. Досадно, что Литта принимаетъ въ этомъ участіе и направляетъ М. вслѣдствіе старинной вражды своей къ Караччіола. Нашъ С. смѣется надъ ихъ происками; но слѣдовало бы ему положить этому предѣлъ. Онъ написалъ сдержанное письмо М.; по поводу Боголюбова онъ сказалъ: Государь, позволя надворному совѣтнику Б. надѣть крестъ, который великій мастеръ и пр. прислалъ ему, выразилъ желаніе, чтобы вы занесли его имя въ число кавалеровъ ордена. М. не замедлилъ это исполнить. Какой милый человѣкъ Салтыковъ! Я очень часто у него бываю съ Боголюбовымъ; жена его подарила мнѣ шаль на жилетъ. «Per una volta» производитъ восхищеніе. Вчера я далъ ее Мар. Ант. Не имѣю времени пере-

писывать ее: со всѣхъ сторонъ просятъ копій. И такъ, Боголюбовъ написалъ Дм. П., чтобы меня замѣстить! Экой плутъ, а мнѣ ничего не говоритъ. Я буду въ восторгѣ, если онъ будетъ у Т., такъ какъ онъ славный малый, но слишкомъ болтливъ. М. А. спасла его отъ большого несчастія: Государь былъ сердитъ и хотѣлъ велѣть ему голову вымыть за то, что языкъ длиненъ. Я сто разъ предостерегалъ его быть осторожнѣе. Пусть это будетъ между нами. Боюсь, чтобы на будуще время онъ не былъ на дурномъ счету у его величества.

Въ театрѣ давали «Сотвореніе міра». Нарышкину приносятъ афишу, гдѣ вмѣсто *міра* напечатано *Сотвореніе мира*. Велите, сказалъ онъ Шаховскому, перепечатать афишку; каждый долженъ дѣлать свое дѣло, я не хочу мѣшаться въ дѣла г-на Румянцова. Про одного генерала нашего, у котораго изъ роту воняетъ, онъ говоритъ: о, этотъ генералъ съ духомъ! Этотъ Александръ Львовичъ неисчерпаемъ. Поѣхалъ въ Москву.

Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ въ Совѣтъ записку, въ которой доказываетъ невозможность снабженія провіантомъ новой арміи въ случаѣ войны съ Австріею. Онъ предвидитъ такія препятствія, что готовъ выйти изъ министерства, если его мнѣніе не одержитъ верха. Государь 13-го ѣдетъ въ Финляндію, Сперанскій его препровождаетъ, о прочихъ не слышно еще. Отсутствіе продолжится двѣ недѣли. Штаты будутъ держаны въ *Борго*; Финляндіи дана будетъ конституція. Алопеусъ маршаломъ сейма. Румянцовъ пріѣхалъ 28-го; увѣряютъ, что ему худо; не очень вѣрю этому: говорятъ всегда о томъ, чему желаютъ исполненія. Негодованіе противъ него растетъ со дня на день вмѣстѣ съ страшной дороговизной: мукà поднялась въ цѣнѣ съ 7 р. до 26 р.; неслыханная доселѣ вещь, e tutto và come la farina.

Вчера я обѣдалъ у М. А.; самъ съ нею говорилъ; она меня обласкала, обнадежила. Милая женщина дала славную причину, отчего еще не говорила Государю: она доказываетъ, что будетъ говорить только навѣрняка, чтобы дѣло непремѣнно состоялось. Можешь себѣ представить, въ какомъ я волненіи. Держи все это въ секретѣ. Я въ отчаяніи, что не могу дать тебѣ отвѣта по поводу Мальтійскаго ордена. Богъ знаетъ, сколько разъ былъ я у Салтыкова и все не могу его застать, все нахожу жену, а его никогда; я не сомнѣваюсь, что онъ тебѣ устроитъ это дѣло; во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, а это не уйдетъ отъ тебя; носи свой крестъ тамъ, а я здѣсь буду хлопотать.

У насъ будутъ шитые мундиры. Рум. привезъ рисунки изъ Парижа; Государь ихъ опробовалъ, скоро выйдутъ.

*

Москва, 29 Марта 1809.

Я пріѣхалъ сюда третьяго дни. Въ Клину бросилъ Антоніо съ Гришкою и кибиткою, а самъ поскакалъ на перекладныхъ; въ восемь часовъ былъ въ Москвѣ, не смотря на дьявольскую дорогу; но за то и теперь бока еще болятъ. Батюшка очень обрадовался: боялся, что я пропущу зимнюю дорогу и заживусь въ Петербургѣ. Долго мы очень болтали, пришелъ Фастъ, Чернышовъ и Жанно, узнавши, что я пріѣхалъ; пили всѣ вмѣстѣ чай. Батюшка въ свое время легъ спать, а я къ Фасту, у котораго ночевалъ. На другой день опять долго поутру говорилъ съ батюшкою. Онъ говорилъ мнѣ объ извѣстномъ письмѣ, о которомъ я писалъ тебѣ подробно изъ Петербурга и въ которомъ я говорилъ ему объ N. Вотъ его слова: «Ну, братецъ, я получилъ письмо, въ которомъ ты мнѣ говоришь о княжнѣ, думалъ много объ этомъ; ты знаешь чванство князя Василія, знаешь также состояніе моего кошелька. Княжна, конечно, Ангелъ; но я вижу много затрудненій. Прежде всего, на ваше устройство нужно 50000 р., нуженъ домъ, затѣмъ платья, шали. Я хотя и не ханжа, но думаю, что если тутъ Божья воля, то мы не должны ей противиться». Я его перервалъ, сказавъ: «Все, что̀ у васъ прошу, есть не отымать у меня надежду счастія, коимъ себя ласкою». Батюшка отвѣчалъ: «Ну, увидимъ; Божья воля исполнится. Не довѣряйся никому, будь скроменъ; ты вѣришь Фасту, какъ Евангелію, и онъ не что иное какъ шалунъ». Княгиня Куракина (Воронцовская), сестра П. П. Нарышкина*), наша повѣренная; это очень достойная женщина и любитъ насъ съ нѣжностію и N, и меня. У князя Василія я думалъ, что меня удушатъ отъ цѣлованій.

*

Москва, 15 Апрѣля 1809.

Mon mariage est presque bâclé. J'ai eu plusieures conférences avec papa. Je croyais remarquer de la froideur en lui; au lieu de cela il se trouve que depuis ma fameuse lettre de Pétersbourg il n'a cessé de s'occuper à applanir les difficultés. J'ai enfin son consentiment. Il me dit qu'il se chargera des frais de mon établissement. Vous savez

---

*) Княгиня Наталья Петровна жила тогда въ разводѣ съ княземъ Степаномъ Борисовичемъ Куракинымъ. По матери своей она была родная племянница князя Н. В. Репнина, и Булгаковъ называетъ ее *Воронцовскою* по пригородной Московской дачѣ князя Репнина *Воронцову*.

que papa nous laisse 1000 paysans à chacun dégagés de toute dette*). Le prince Basile m'a dit: «je me moque de ce que la ville dit. Vous n'êtes pas un roturier. Que m'emporte que Moscou soit rempli de bruits sur ce mariage». Papa a donné l'autre jour un grand dîner aux Wolkoff de Pétersbourg et aux Mouromzoff. Катерина Матвѣевна, la nouvelle mariée, y était. Papa était fort gai. Былъ тутъ Иванушка, дурачокъ Хованскихъ. Папа заставилъ его плясать и бросилъ подъ ноги хлопушки. Il marcha dessus; aussitôt que le coup partit, ce fou se jette par terre, commença à faire les signes de croix et à crier comme si on lui coupait la gorge. Папа не выѣзжаетъ со двора не имѣя коробочку хлопушекъ.

*

Это послѣднее письмо А. Я. Булгакова къ его брату за время ихъ холостой жизни. Кажется, что Константинъ Яковлевичъ вскорѣ пріѣхалъ изъ Вѣны въ Москву, гдѣ въ Іюнѣ 1809 года скончался Яковъ Ивановичъ, а въ Сентябрѣ состоялась свадьба Александра Яковлевича съ княжною Натальей Васильевной Хованской (род. 7 Мая 1785, ум. 9 Апрѣля 1841) мать которой Екатерина Петровна (умершая въ Кіевѣ въ 1795 году) была племянницей князю Н. В. Репнину. Князья Хованскіе и Репнины — потомки Рюрика. П. Б.

---

*) Братья Булгаковы не получили вполнѣ наслѣдства послѣ отца своего; Анна Петровна Колтовская (кажется, двоюродная ихъ сестра) завела съ ними тяжбу объ имѣніи, продолжавшуюся много лѣтъ, доходившую до Государя и проигранную ими.

ВОСПОМИНАНІЯ Н. Д. БОГАТИНОВА*).

Когда И. Я. Ростовцева смѣнилъ Пиленко, то и онъ былъ все время образцовымъ инспекторомъ и достойнымъ продолжателемъ дѣла, начатаго И. Я-мъ послѣ погрома Пироговскаго періода. Въ 1873 году замѣнилъ Пиленка, назначеннаго директоромъ реальнаго училища въ Кіевѣ, учитель Латинскаго языка Юліанъ Ивановичъ *Стимскій*, вступившій въ нашу Гимназію, полагаю, въ 1867-мъ или около этого года; онъ тоже былъ неутомимо преданъ дѣлу строгаго порядка въ заведеніи. При его инспекторствѣ я оставилъ Кіевскую Первую Гимназію.

Во весь этотъ длинный періодъ двѣнадцати лѣтъ я вполнѣ наслаждался миромъ въ отношеніи къ классной дисциплинѣ, за исключеніемъ одного мною случая съ ученикомъ Муслицкимъ, но это былъ послѣдній случай огорченія мнѣ отъ учениковъ. Много разъ я имѣлъ и въ этотъ періодъ истинное утѣшеніе видѣть со стороны дѣтей свидѣтельства ихъ искренней мнѣ преданности и дѣтской любви. Такъ, въ день моихъ имянинъ, наиболѣе преданные мнѣ ученики писали на красиво раскрашенномъ листѣ почтовой бумаги какое-либо стихотвореніе изъ выученныхъ въ классѣ (и теперь еще хранятся у меня эти дорогія для меня свидѣтельства дѣтской любви); разъ одинъ мальчикъ принесъ мнѣ въ день имянинъ двѣ или три банки варенья, другой богато убранный тортъ. Когда я былъ боленъ горячкою въ 1869 году, дѣти приходили освѣдомляться о моемъ здоровьѣ. Но общая ихъ любовь ко мнѣ выражалась въ замѣчательно дружной учебной работѣ и успѣхахъ по моему предмету. Я уже говорилъ, какъ занимались Русскимъ и даже Ц.-слав. языкомъ Римско-католики. Когда, въ періодъ съ 1862 года и далѣе, стали появляться въ нашей Гимназіи ученики изъ Евреевъ, эти послѣдніе замѣчательно усердно занимались и Русскимъ, и Ц.-славянскимъ языкомъ, и были изъ нихъ наиболѣе успѣвающіе ученики. Съ большою охотою трудились не только дѣти низшихъ классовъ, гдѣ я попреимуществу все время занимался, но и

*) См. 8-й выпускъ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 515.

высшихъ 7-го, напр., гдѣ я часа два повторялъ грамматику Русскаго и Ц.-слав. языковъ, а одинъ часъ, за выбытіемъ въ отставку В. И. Лучицкаго и до назначенія на его мѣсто Д. И. Синицкаго, занимался и словесностью. Случалось встрѣчаться съ моими учениками, по окончаніи курса Гимназіи, и я слышалъ слова горячей благодарности. Одинъ изъ нихъ, Кочауловъ, говорилъ: «если бы не вы, я никогда не зналъ бы Русскаго языка и правописанія». Другой, уже пользующійся доброю славою докторъ, говорилъ: «никогда не забуду вашихъ нравственныхъ наставленій, которыми будили вы въ насъ чувство добра и воспитывали для добра». Дѣти понимали мои труды для нихъ, а я трудился таки немало въ своемъ скромномъ учительскомъ положеніи. Когда я перебрался жить въ Гимназію, то неуспѣвавшихъ постоянно оставлялъ для приготовленія вновь урока послѣ конца классовъ, а самъ оставался съ ними, пока они не приготовятъ урока, спѣша предварительно пообѣдать; приходилъ и выслушивалъ, или пересматривалъ тетрадки; когда было и вторично дурно написано, еще заставлялъ вновь написать и такъ настойчиво добивался, чтобы ученикъ привыкалъ относиться къ дѣлу вполнѣ сознательно и прилежно. Или назначалъ я ученикамъ придти ко мнѣ на квартиру, и здѣсь ихъ выслушивалъ и пересматривалъ ихъ работы; это послѣднее дѣлалъ я, когда сталъ чувствовать себя очень слабымъ, избѣгая усталости. Такъ я дѣлалъ въ теченіе 12 лѣтъ, а когда былъ годъ 2-мъ класснымъ наставникомъ, то такое выслушиваніе или выучиваніе неудовлетворительно приготовленныхъ уроковъ распространялъ и на другіе предметы класснаго курса. Ученики знали, что если они не приготовятъ, какъ должно, урока или работы, то будутъ непремѣнно наказаны, и старались готовить какъ можно основательнѣе уроки и какъ можно тщательнѣе письменныя работы. Не могли дѣти не придавать особеннаго значенія моему такому отношенію къ ихъ ученію, видя, что я одинъ только такъ поступаю, и никто другой; я же, поселившись въ Гимназіи, считалъ уже эту непосредственную близость къ мѣсту моей службы безусловно обязывающимъ меня побужденіемъ всѣ мѣры употреблять, и внѣ урочнаго времени, къ подъему уровня успѣховъ всего класса, а не отдѣльныхъ лишь лучшихъ учениковъ. Я никогда при этомъ ни слова не говорилъ о своихъ такихъ дополнительныхъ трудахъ никому, и весьма часто свидѣтелями этихъ трудовъ были только ученики да сторожа, остававшіеся убирать классы; иногда видѣлъ ихъ инспекторъ или надзиратель, по очереди остававшіеся послѣ уроковъ съ оставленными учениками, ибо оставляли и другіе, но не приходили выслушивать. Директоръ же никогда; только разъ и онъ видѣлъ, когда въ числѣ оставленныхъ много учениковъ былъ его сынъ, неудовлетворительно приготовившій свой урокъ. Онъ пришелъ и при-

слалъ въ классъ Пиленка просить отпустить его сына домой, какъ больного мальчика. Впрочемъ съ 1866 года, когда здоровье мое сильно пошатнулось и сталъ я впервыя страдать нервами, хотя я прибѣгалъ къ такой мѣрѣ, но рѣже, назначая по преимуществу въ исправленіе домашнія работы.

Отзываясь вообще объ этихъ 12 годахъ гимназической службы, могу по совѣсти сказать: благодарю Бога за все, эти годы были лучшими годами моей служебной дѣятельности. Нерѣдко я испытывалъ и переживалъ минуты высокаго, чистаго наслажденія, когда, какъ это бывало нерѣдко, объяснялъ дѣтямъ какое-либо стихотвореніе, басню, пословицу, какую-либо мысль и бесѣдовалъ съ ними отъ глубины любящаго сердца, или читалъ имъ какое-либо избранное стихотвореніе или повѣсть. При свойственной дѣтямъ разсѣянности и безпечности, однако въ каждомъ курсѣ находились дѣти, особенно изъ учениковъ 3-го класса, какъ наиболѣе уже способные понимать любовь къ нимъ учителя, дѣти съ отзывчивымъ сердцемъ, которыя глубоко въ душу принимали мои нравственные уроки, мои совѣты и наставленія. Такъ, въ послѣдніе годы уже моего учительства, въ числѣ моихъ учениковъ былъ сынъ одного изъ нашихъ учителей. Отецъ говорилъ мнѣ: «Мой сынъ въ восторгѣ отъ васъ, любитъ васъ, всею душою преданъ вамъ». А это былъ Католикъ! Одинъ изъ квартиросодержателей, въ разговорѣ со мною, отзываясь о моихъ урокахъ, сказалъ: «Съ такимъ учителемъ директоръ можетъ спать спокойно!» Слова эти не могли быть лестію, ибо я не поддавался на льстивыя рѣчи, и квартиросодержатель могъ это знать хорошо, ибо и его ученики не разъ сидѣли со мною послѣ уроковъ и учили уроки. $18\frac{1}{2}$, почти 19 учебныхъ лѣтъ прошли для меня въ этомъ учительскомъ трудѣ; но, благодаря Бога, я никогда не скучалъ повтореніемъ изъ года въ годъ одного и того же, ибо именно и не было этого: каждый годъ я привносилъ много новаго въ мои занятія, иныя стихотворенія изучались, иные примѣры предлагались, съ иной стороны дѣлались объясненія, иные способы прилагались къ дѣлу, иныя задачи назначались для письменныхъ работъ, иныя темы сочиненій, иныя статьи для чтенія прочитывались, иныя мысли высказывались при объясненіяхъ, и я никогда, никогда не скучалъ дѣломъ, и чтò годъ, шелъ другою дорогою, занимался другою работой. Такъ было изначала, когда горько доставалась мнѣ возможность сдѣлать что-нибудь доброе въ пору страшной распущенности Гимназіи; тѣмъ отраднѣе было для меня чувствовать самому это обновленіе и оживленіе труда въ эти 12 послѣднихъ лѣтъ, когда я могъ свободно предаваться влеченію сердца и вносить въ уче-

ніе мальчиковъ элементъ воспитательный въ полномъ значеніи этого слова, воспитывая ихъ чрезъ родное слово, родную рѣчь, возбуждая въ нихъ благородныя чувствованія, открывая ихъ дѣтскую душу къ воспріятію добра. Я съ неизъяснимымъ удовлетвореніемъ въ сердцѣ чувствовалъ, что Господь благословляетъ мой наставническій трудъ, даруя мнѣ, по моей недостойной молитвѣ, возможность въ жизни исполнять то, къ чему стремилась душа моя съ дѣтства, служить Ему, жить для Него и приводить къ Нему людей чрезъ ученіе и просвѣщеніе. Я горячо молился: «Господи, даруй мнѣ даръ слова, дай силу слову моему безсильному, свѣтъ мысли моей, даруй сердцу моему любовь Твою святую!» Когда на литургіи священникъ, благословляя діакона къ чтенію св. Евангелія, возглашалъ: «Богъ, молитвами святаго Апостола и Евангелиста, да дастъ тебѣ глаголъ благовѣствующу силою многою во исполненіе Евангелія возлюбленнаго Сына Своего Господа нашего Іисуса Христа», я горячо молился: «дай и мнѣ глаголъ благовѣствовати силою многою въ исполненіе св. Евангелія!» И этотъ божественный глаголъ настраивалъ и мое слабое недостойное слово дѣтямъ быть орудіемъ просвѣщающей истины, вѣры, надежды и любви, и на свою рѣчь къ дѣтямъ по поводу уроковъ, при чтеніи, при объясненіяхъ, я смотрѣлъ, какъ на проповѣдь о Богѣ, о церкви, о душѣ, о вѣчности. Въ каждомъ классѣ былъ для меня храмъ Божій, гдѣ я сознательно признавалъ себя служителемъ Божіей истины, проводникомъ ея въ души дѣтей. Глубоко, безконечно я благодарилъ Бога, что Онъ исполнялъ, помогалъ мнѣ исполнять обѣты моей юности. Не попалъ я въ монастырь; но молился, да поможетъ мнѣ Богъ, оставаясь въ міру, посвятить себя на служеніе Ему, во благо ближнихъ. И Господь услышалъ мои молитвы и матушки, которая всею силою своей любящей души желала, чтобы мы, ея дѣти, жили духомъ вѣры и любви къ Богу и молила о томъ Бога, да спасетъ насъ, просвѣтитъ и сохранитъ Своею благодатью на трудномъ пути жизни. И мнѣ нелегко, о, нелегко досталась эта высоко-блаженная доля, служить дѣлу Божію, забывая себя или, лучше сказать, принося свою личную, человѣческую жизнь въ жертву высокой идеѣ, благодати, сіявшей въ душахъ первыхъ подвижниковъ христіанскихъ началъ жизни, послужившихъ идеаломъ всѣмъ христіанствомъ обновленному человѣчеству, святыхъ апостоловъ и учителей церкви, на путь которыхъ и меня поставила избравшая и меня недостойнаго любовь Божія, приготовившая меня моимъ воспитаніемъ къ сему высокому служенію. Не напрасно же я имѣлъ счастіе получить такое воспитаніе, какимъ было мое, по милости Божіей!

Изъ такого христіанскаго начала воспитанія истекла и моя воспитательно-учебная дѣятельность, проявлявшаяся въ разнообразныхъ видахъ и отношеніяхъ, но главнымъ образомъ, по силѣ обстоятельствъ, сосредоточившаяся въ учительствѣ, въ прямомъ, непосредственномъ вліяніи на дѣтей самими уроками и объясненіями, ибо другимъ путемъ мнѣ не дано было дѣйствовать. Я уже сказалъ, что къ жизни дѣтей въ пансіонѣ я не имѣлъ никакого отношенія, не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не могъ: это я хорошо понималъ. Еще менѣе доступна была моему вліянію семейная среда моихъ учениковъ, которой я вовсе и не касался. Только уроками и только во время уроковъ я могъ дѣйствовать на дѣтей словомъ, одушевленнымъ любовью къ нимъ. Я сѣялъ охотно, щедро бросая сѣмена въ дѣтскія души, Богу предоставляя возрастить посѣянное добро.

Въ такомъ духѣ Богъ благословилъ мнѣ какъ начать, такъ и исполнить 19 учебныхъ лѣтъ въ одномъ и томъ же заведеніи, на одномъ и томъ же мѣстѣ, и даже, за исключеніемъ перваго года, 18 лѣтъ въ одномъ и томъ же зданіи. Здѣсь же Богъ судилъ мнѣ и прожить много лѣтъ со своею семьею, продолжая въ семьѣ то дѣло, которое занимало и все мое время внѣ семьи. Отъ глубины души моей благодарю Благодѣтеля Бога за эти годы моей жизни!

Но много ли пользы принесла моя дѣятельность за эти 19 лѣтъ?

Приходится отвѣтить горестнымъ отвѣтомъ: едва ли много! Пока дѣти оставались въ низшихъ классахъ, не выходя изъ круга дѣтскихъ расположеній и чувствованій, обновляя въ себѣ доброе и бодрое нравственное настроеніе въ непосредственномъ общеніи со мною, до тѣхъ поръ можно было радоваться за нихъ: милыя дѣти, прелестные мальчики. А пока эти милыя дѣти пройдутъ курсъ Гимназіи, смотришь, въ 7-мъ классѣ изъ этихъ милыхъ, мягкихъ, симпатичныхъ дѣтей выходятъ колоды безчувственныя, огрубѣваютъ, ожесточаются, дичаютъ: распущенность поразительная, непочтительность, ухватки повѣсъ, облѣниваются. И сколькихъ приходилось оплакивать въ сердцѣ изъ тѣхъ, на которыхъ смотрѣлъ и не нарадовался въ ихъ миломъ дѣтствѣ! Этимъ свойствомъ искажать такъ дѣтскую натуру особенно отличался пансіонъ. Что̀ тутъ за воспитаніе давалось дѣтямъ, не знаю; но только немногіе изъ добрыхъ дѣтей, пройдя Гимназію въ пансіонскомъ обществѣ, сохраняли въ себѣ эту привлекательную мягкость дѣтскаго сердца, эту преданность добру, эту свѣжесть воспріимчивости и чувствительности. Если всѣ эти качества и сохраняли ученики при окончаніи курса Гимназіи, то преимущественно

тѣ, кто имѣлъ счастіе жить въ семьѣ у родителей или родственниковъ. Съ теплою любовью относились ко мнѣ эти юноши и по окончаніи курса. Но бывали и изъ жившихъ въ семействахъ, что̀ отворачивались и не кланялись при встрѣчѣ, по выходѣ изъ Гимназіи. *Роговичъ* одинъ, напр., уже будучи студентомъ, разъ встрѣтился со мною въ семействѣ моего сослуживца В. И. Лучицкаго въ день св. Пасхи, даже не посмотрѣлъ въ мою сторону, не то чтобы привѣтствовать. А съ нимъ я еще частнымъ образомъ занимался уроками Русскаго языка, когда онъ былъ въ 7-мъ классѣ и прибѣгъ къ моей помощи, плохо зная Русскій языкъ. Другой, *Чоновскій*, прекрасный мальчикъ, лучшій мой ученикъ, пока былъ въ низшихъ классахъ, когда кончилъ Гимназію и поступилъ на медицинскій факультетъ, уже сталъ избѣгать встрѣчи со мною, точно я его исконный врагъ: уже иное направленіе получали его мысли и симпатіи, и на меня, конечно, онъ смотрѣлъ, какъ на обскуранта, ханжу, быть можетъ, съ сожалѣніемъ, а не то и съ презрѣніемъ, особенно послѣ того, какъ я имѣлъ съ нимъ разговоръ по поводу картины художника Крамскаго, на передвижной выставкѣ: «Христосъ въ пустыни». Онъ, со словъ проф. Шкляревскаго (статья въ «Кіевлянинѣ»), восторгался воплощеніемъ человѣческихъ страданій души Богочеловѣка, боровшейся съ собою, и въ этой борьбѣ просвѣтлявшейся величіемъ принятой миссіи. Я порицалъ такое направленіе живописи, которое идетъ въ разрѣзъ съ изображеніемъ Христа въ св. Евангеліи, съ божественнымъ образомъ Христа, носимымъ въ церковномъ сознаніи. Третій, *Под—ій*, тоже пока былъ мальчикъ, прекраснѣйшее дитя, былъ лучшій мой ученикъ; тоже въ 6 или 7 классѣ бралъ у меня и частные уроки, чувствуя себя слабымъ въ правописаніи. А сталъ студентомъ, распился, распустился, самое лицо до безобразія расплылось. *С—въ*, *Б—евъ*, милыя дѣти, любимѣйшіе ученики мои, въ Университетѣ стали отъявленными нигилистами. Станешь считать, припоминать, и ужаснешься. Иные изъ этихъ милыхъ дѣтей, еще не выходя изъ Гимназіи, явно оказывали мнѣ страшное презрѣніе и враждебность даже. Такъ въ 1862 году, когда я проводилъ лѣто въ Голосѣевѣ, разъ туда же забрелъ и одинъ изъ такихъ несчастныхъ мальчиковъ, ученикъ 6-го класса, надъ которымъ много я поработалъ, пока былъ онъ ученикомъ моимъ въ низшихъ классахъ: онъ писалъ крайне дурно, ошибочно. Гуляя въ лѣсу, онъ увидѣлъ меня, сидѣвшаго на колодѣ, приваленной къ дереву, такъ какъ мѣсто тамъ было покатое надъ оврагомъ. Прошелъ, не поклонился. Я всталъ и пошелъ къ своей квартирѣ, и когда возвратился опять къ своей колодѣ, она уже была сброшена по обрыву на дно оврага. И какъ подумаешь, что изъ множества учениковъ за эти 19 лѣтъ, проведенныхъ мною чрезъ 4 пер-

вые класса Гимназіи, только очень и очень немногіе вышли порядочными людьми, съ теплотою чувства вспоминающими мою услугу ихъ нравственному воспитанію, то смиришься и признаешь невольно, что плода-то не очень много вышло изъ того труда, которому предавался я вседушевно въ эти 19 лѣтъ моей службы. Жизненная среда наша не такова, чтобы дать благопріятный ростъ тѣмъ сѣменамъ добра, которыя я щедро бросалъ въ души моихъ учениковъ. Къ тому же истинна и пословица: «одинъ въ полѣ не воинъ». Я работалъ въ одиночку; поддержки со стороны не было ни откуда; мои сотоварищи съ дѣломъ ученія не соединяли и дѣла воспитанія, не всѣ даже въ скромныхъ предѣлахъ школьной дисциплины. Уже и за то благодарю Бога, что не было никогда явнаго противодѣйствія: никто не стѣснялъ меня, не ограничивалъ, не ревизовалъ, такъ сказать, не слѣдилъ за моими трудами окомъ соглядатая. Я читалъ ученикамъ, что̀ хотѣлъ, давалъ учить стихотворенія, какія признавалъ для нихъ полезными, давалъ для сочиненія темы, какія хотѣлъ, давалъ примѣры все по своему усмотрѣнію; словомъ, пользовался полнѣйшею свободою. Даже посѣщенія уроковъ моихъ начальствомъ были крайне, крайне рѣдки; бывали годы, когда директоръ за цѣлый курсъ ни разу не входилъ въ мой классъ, ни въ одинъ классъ. Я даже бывалъ недоволенъ. Пусть бы знали, пусть бы слышали, видѣли, чѣмъ занимаюсь, что̀ говорю, чему учу. И мнѣ кажется, что никто меньше не зналъ о характерѣ моихъ уроковъ, о тонѣ и содержаніи моихъ собесѣдованій съ учениками, какъ мое ближайшее гимназическое начальство. И оцѣнивали мою службу, мой трудъ не столько со стороны его содержанія, сколько со внѣшней стороны исправности, исполнительности, такъ сказать, служебности: я былъ добрый «служака», требовательный учитель, опытный, вотъ и все въ глазахъ гимназическаго начальства; уроковъ не пропускалъ, первый спѣшилъ по звонку *на урокъ* въ классъ, приходилъ, выслушивать, велъ дѣло обученія умѣло: вотъ что̀ знало начальство; а тотъ духъ, то высоко-нравственное направленіе, которому я былъ вѣренъ въ своемъ учительствѣ отъ перваго дня и до послѣдняго, которое я влагалъ въ свою бесѣду съ дѣтьми, во всѣ свои къ нимъ отношенія, во все свое дѣло, нисколько не подлежали вѣдѣнію начальства, оно и не заботилось объ этомъ; сочиненія ученическія никѣмъ, кромѣ меня, никогда не прочитывались. Вѣрно, родители учениковъ больше знали о направленіи моихъ уроковъ, чѣмъ мое начальство. Это полнѣйшее равнодушіе къ существеннѣйшему въ дѣлѣ общественнаго, да и всякаго, впрочемъ, воспитанія, предоставлявшее меня самому себѣ, это нравственное одиночество учителя, конечно, къ чему же оно и могло иному привести, какъ къ тому, что̀ и было на самомъ дѣлѣ. Брошенныя мною сѣмена скоро засыхали въ

этой каменистой почвѣ; наставленія, совѣты, добрые уроки улетучивались для большинства учениковъ; направленіе, сообщенное мною ихъ духовной жизни, скоро ослаблялось, лишь оставляли они мои классы; дурныя вліянія брали силу безъ противодѣйствія имъ, среда вовсе ужъ не напоминала ничѣмъ о томъ, что̀ проповѣдывалъ имъ учитель, чтеніе безъ контроля, безъ добрыхъ указаній, чтеніе «Грозы» и «Горькой Судьбины» и пр. произведеній отрицательной литературы окончательно сбивало учениковъ съ толку. Видѣть такое разрѣшеніе въ жизни своихъ трудовъ, усилій, напряженія, видѣть такое страшное безплодіе на той нивѣ, гдѣ, можно сказать, въ потѣ лица, забывая свой покой, свое здоровье, свою родную семью, я трудился, утѣшая себя мыслію, что это дѣлаю для Бога, для счастія духовнаго этихъ дѣтей, о это было горькою чашею для меня, и я испилъ ее до дна, эту чашу самыхъ тяжкихъ огорченій и не только по службѣ своей въ Гимназіи, но и по своимъ частнымъ урокамъ, въ Кадетскомъ Корпусѣ и въ частныхъ домахъ: вездѣ пришлось «солоно хлебать», говоря языкомъ пословицы.

Что̀ сталось съ моими «благодарными» учениками Кадетскаго Корпуса, о чувствахъ которыхъ ко мнѣ я писалъ выше? Одинъ пошелъ въ банду повстанцевъ; другой, спасая промотавшагося командира батареи, покривилъ душою; третій за несоблюденіе военной дисциплины разжалованъ въ солдаты; четвертый, въ дѣтствѣ и въ пору ученія кадетомъ мальчикъ очень религіозный и набожный, оставивъ военную службу, поступилъ въ Университетъ и потерялъ всякое чувство вѣры и своей прошедшей свѣтлой поры дѣтства, сталъ индиферентомъ къ дѣлу духовной жизни; пятый застрѣлилъ свою сестру и сосланъ въ каторжную работу; шестой не знаю, что̀ онъ, но уже, встрѣчаясь со мною, не узнавалъ меня болѣе; седьмой, еще будучи ученикомъ Корпуса, заразился сомнѣніемъ во всемъ сверхъестественномъ, проникся нигилизмомъ до мозга костей, какъ говорится (прелестный мальчикъ, мягчайшее сердце). Таковы плоды и здѣсь моихъ, можно сказать, самоотверженныхъ трудовъ для учениковъ Кадетскаго Корпуса; для нихъ, быть можетъ, я еще больше потрудился въ свое время, чѣмъ для учениковъ Гимназіи. Это для нихъ я составлялъ по ночамъ записки, засиживаясь до 3 часовъ. И что̀ вышло? Нужно смириться и признать ничтожность своего жизненнаго труда, если оцѣнивать его не по напряженію и не по хотѣніямъ воли, а по его плодамъ или, вѣрнѣе, его безплодію.

Такъ какъ зашла здѣсь рѣчь о Кадетскомъ Корпусѣ, то кстати скажу и о моихъ занятіяхъ тамъ послѣ того знаменитаго прощанія въ

1861 г., которое мною описано выше. Еще два года я занималъ уроки словесности въ 5-омъ и, кажется, если не ошибаюсь, въ спеціальномъ классахъ; но и въ этотъ періодъ не могу ничего вспомнить особенно утѣшительнаго изъ моихъ уроковъ по Корпусу: все по заведенному порядку: уроки, чтенія, сочиненія. Въ это время въ Корпусѣ происходило какое-то броженіе, какіе-то безпорядки; пріѣзжалъ ревизоръ, генералъ Анненковъ (ревизоръ былъ и на моихъ урокахъ); отбирались по домамъ отдѣльно отъ каждаго служащаго какія-то письменныя показанія, какіе-то отвѣты на вопросы; словомъ, внутренняя жизнь Корпуса была возмущена. Не удивительно, что это отзывалось и на ученіи: ученіе шло вяло, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже и слабѣе. Въ 1862 и 1863 г.г., видя, что тутъ мало толку, я не особенно настаивалъ на удержаніе за собою уроковъ словесности, которые и были предоставлены другому, я же удержалъ за собою только 3 или 4 урока во 2-мъ классѣ съ маленькими дѣтьми. Тутъ уже дѣло шло совсѣмъ плохо. Между учениками было немало негодныхъ мальчиковъ, которые, по водворившейся распущенности, пользовались безнаказанностью и за лѣность, и за шалости. Особенно выдавался своею непочтительностью одинъ негодяй, *Аѳанасьевъ*, сынъ полковницы, домовладѣлицы на старомъ Кіевѣ. Лишь только кончался урокъ и билъ барабанъ, какъ онъ, не ожидая моего выхода, выскакивалъ изъ класса, иногда просто перескакивалъ чрезъ скамьи. Порядокъ въ классѣ разстраивался. Желая предупреждать такой непорядокъ, я къ концу урока былъ всегда наготовѣ, и лишь билъ барабанъ, какъ я первый выходилъ изъ класса, и затѣмъ скоро, скоро проходилъ по коридору, спѣша выставить отмѣтки, записать о данномъ урокѣ, съ тѣмъ, чтобы имѣть время пораньше придти къ дилижансу и занять удобное мѣстечко, что̀ не всегда удавалось, когда я замедлялъ приходомъ. Замѣтивъ мое скорое удаленіе, ученики вывели заключеніе, зная о моихъ непріятностяхъ по классу изъ-за нарушенія порядка и изъ-за враждебнаго настроенія ко мнѣ Аѳанасьева и его сподвижниковъ, что я спѣшу именно съ цѣлью не подвергнуться непріятностямъ отъ учениковъ при проходѣ въ коридорѣ, и разъ, когда Аѳанасьевъ все-таки ухитрился раньше меня выскочить изъ класса, и я по своему обыкновенію шелъ поспѣшно, ученики вслѣдъ за мной подняли крикъ: «Богатиновъ, Богатиновъ!» Пріѣхавъ домой, я просилъ кондуктора дилижанса пообождать нѣсколько (а дилижансъ останавливался какъ разъ у самой моей квартиры, я уже жилъ въ Гимназіи) и написалъ инспектору Корпуса, Петру, кажется, Михайловичу Половцеву жалобу на такое оскорбленіе мнѣ со стороны учениковъ и на явную непокорность Аѳанасьева. Въ военномъ учебномъ заведеніи такая наглость и неповиновеніе должны бы строже судиться, чѣмъ гдѣ либо; но ничего не вышло

изъ моей жалобы. На другой урокъ Половцевъ пришелъ въ мой классъ къ концу урока и вмѣстѣ со мною прошелъ по коридору до учительской, проведя меня какъ бы подъ прикрытіемъ, Аѳанасьевъ же остался въ Корпусѣ и понесъ, должно быть, самое обычное наказаніе за «шалость». Правда, должно быть и классу данъ былъ нагоняй; думаю такъ потому, что до конца учебнаго года порядокъ въ классѣ не нарушался, и я спокойно довершилъ годъ, сильно тяготясь этими почти безполезными, такъ я ихъ признавалъ, уроками.

Съ концомъ 1863—1864 года я не изъявилъ желанія продолжать свои занятія въ Корпусѣ. Такъ, можно сказать, печально кончилось мое преподаваніе въ Корпусѣ. Тутъ, по плодамъ, по ученію, дѣло стояло куда какъ хуже, чѣмъ въ Гимназіи. И не мудрено. Уроки только утренніе, т. е. первый утренній, начинались молитвою; затѣмъ по окончаніи уроковъ уже не было молитвы, послѣобѣденные уроки не начинались молитвою, и въ концѣ уроковъ молитвы тоже никогда не читалось. Ударъ барабана въ тишинѣ вечеромъ, въ 7 час., производилъ какое-то магическое дѣйствіе: все встрепенется, всѣ спѣшатъ, учителя домой, кадеты строиться въ ряды къ отходу въ роты, а о Богѣ и помину нѣтъ. Уже по этому одному можно судить, что̀ за воспитаніе было въ Корпусѣ, и какимъ добромъ на жизнь запасались эти дѣти и юноши, воспитываясь подъ барабанъ, вышибавшій изъ нихъ мысли все духовное, истинное. Когда я впервыя началъ свои занятія въ Корпусѣ, и начались уроки по теоріи поэзіи, то одинъ изъ учениковъ громогласно возгласилъ мнѣ въ видѣ не то отвѣта, не то возраженія: «проза-ѣсть, поэзія-пить». Этотъ несчастный и былъ тотъ, что̀ пошелъ въ каторгу за убійство сестры. Кромѣ отраднѣйшихъ воспоминаній о моихъ занятіяхъ по Корпусу за время 1858—1861, хранящихся въ душѣ моей, памятью о Корпусѣ служатъ въ моей библіотекѣ за нѣсколько лѣтъ «Журнала для дѣтей» а также нѣсколько учебниковъ по словесности: Тулова, о родахъ и видахъ поэзіи, хрестоматія Галахова три части, Полная хрестоматія историческая Галахова же, историческая грамматика Буслаева, грамматика Греча. Изъ этого уже видно, какими богатыми средствами располагалъ Корпусъ въ дѣлѣ образованія, когда каждый преподаватель могъ безплатно получить нужные учебники, которымъ, кажется, и счету не велось. А какіе плоды въ духовной жизни этихъ дѣтей и юношей выходили изъ этихъ щедрыхъ затратъ правительства?

Я упомянулъ, что одинъ изъ моихъ учениковъ по корпусу разжалованъ былъ въ солдаты. Это В — ъ. Узналъ я объ этомъ, должно быть, отъ его товарища Иконникова; это было, вѣроятно, въ 1864 году. Въ это время въ Петербургѣ жило семейство

Давыдовыхъ; я былъ съ ними въ перепискѣ и рѣшился просить Давыдову ходатайствовать предъ ея знакомымъ, начальникомъ артиллеріи генер. Баранцевымъ, о помилованіи несчастнаго юноши. Я описалъ въ письмѣ добрыя его качества, какъ кадета. Не могу теперь припомнить подробности всего дѣла, но только чрезъ нѣкоторое время я получилъ утѣшительное письмо отъ Давыдовой, что ея заступничество предъ Баранцевымъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: В—чъ снова произведенъ въ офицеры. Не помню уже, самъ ли я писалъ къ нему, поздравляя его съ помилованіемъ и призывая къ исправленію жизни, если она такъ уже потекла, что привела его къ такому несчастію, а также взывая въ его христіанскому чувству благодарности Богу за Его милость. В-чъ былъ Римско-католикъ. Завязалась у меня переписка съ нимъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ, мало имѣвшимъ по содержанію общаго съ духомъ моихъ обращеній къ нему; едва ли достаточно и оцѣнилъ онъ оказанное ему добро; еще менѣе видно было, чтобы несчастіе смирило его гордую душу и вызвало чувство теплой вѣры въ Промыслъ. Я отвѣчалъ ему письмомъ, полнымъ соболѣзнованія о такомъ его духовномъ состояніи. Въ отвѣтъ на это письмо онъ прислалъ письмо, гдѣ отъ первой строки до послѣдней слышался голосъ человѣка разочарованнаго, снѣдаемаго духомъ сомнѣній и отрицанія. «Тотъ только можетъ спокойно жить въ мірѣ, кто ни о чемъ не думаетъ»: такова мысль, изъ которой онъ выводитъ заключеніе о жалкой участи всякаго мыслящаго человѣка, который, въ силу уже того, что онъ размышляетъ, не находитъ себѣ покоя, окруженный, подавляемый на каждомъ шагу противорѣчіями въ законахъ жизни, природы и человѣка. И все въ этомъ родѣ. Отвѣтное письмо мое на эту философію отчаянія находится въ ряду черновыхъ моихъ писемъ къ ученикамъ. Тѣмъ и кончилась моя переписка съ В—чемъ. Что̀ съ нимъ сталось послѣ, поднялся ли его удрученный, разочарованный духъ на высоту свѣтлаго христіанскаго міровоззрѣнія или окончательно погибъ въ безднѣ невѣрія, не знаю.

Былъ я нѣсколько позже въ перепискѣ и съ другимъ такимъ же сбившимся съ толку моимъ ученикомъ по Гимназіи. Въ числѣ лучшихъ учениковъ моихъ по низшимъ классамъ Гимназіи былъ нѣкто *Ш—ій*, премилое дитя. Шелъ онъ все время хорошо, кончилъ первымъ и курсъ Гимназіи. Но тутъ его кто-то подбилъ вмѣсто поступленія въ Университетъ идти въ домашніе учителя въ семейство графовъ К. въ Херсонской, кажется, губерніи. Общество это и погубило юношу. При свиданіи онъ передавалъ мнѣ, по теченію разговора, характеръ разговоровъ его съ графинями и ихъ подругами: безъ стѣсненія шла рѣчь

о незаконныхъ сожитіяхъ, о вольномъ обращеніи обоихъ половъ, о порѣ половой зрѣлости и подобныхъ матеріяхъ. Это была преобладающая тема семейныхъ разговоровъ, въ которыхъ и его дѣлали участникомъ. Проживъ такъ годъ два или три, Ш—скій наконецъ опомнился, что ему нужно доучиться и отправился въ Петербургъ для поступленія въ Медико-хирургическую Академію, куда и поступилъ. Не помню, какъ это устроилось, но въ бытность мою въ Петербургѣ мы сошлись, разговорились, и тутъ опять разговоръ сошелъ на туже тему, что̀ и въ семействѣ. Какое невѣжество господствуетъ въ обществѣ въ отношеніи къ охраненію своего здоровья! Изъ ложной стыдливости дѣвушки, страдающія болѣзнями, стыдятся прибѣгнуть къ медицинской помощи, ложный стыдъ! Такіе разговоры дали мнѣ поводъ спросить, неужели молодые люди, его сотоварищи, не придаютъ никакого значенія чувству стыдливости и такъ заурядно, такъ неосторожно относятся къ этому важному жизненному вопросу? Отвѣтъ: «Да такъ, быть можетъ на весь составъ студентовъ Академіи и 30 не найдется, которые хранили бы цѣломудріе. Этому и не придаютъ никакого значенія, дѣло обычное!» Съ болью сердечною я простился съ моимъ искалѣченнымъ нравственно юношею. Такъ вдругъ получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ старается убѣдить меня жениться, доказывая безусловную необходимость этого акта въ жизни человѣка, подвергая рѣшительному сомнѣнію возможность избѣгнуть человѣку подчиненія этому закону его природы, приводя въ доказательство господство *тайнаго разврата* въ жизни монашествующихъ и все въ подобномъ родѣ. Я отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ старался выяснить ему забытый имъ законъ свободы духа и необходимость для человѣка, не меньшую, если не бо̀льшую, торжества духа надъ плотію, обличалъ *новыхъ апостоловъ* матеріализма, проповѣдующихъ грубые законы природы, какъ единственныя силы, управляющія жизнью человѣка. Ш—ій отвѣчалъ рѣзкимъ письмомъ въ защиту новаго міровоззрѣнія, выдвигающаго на первый планъ необходимость для правильнаго развитія жизни взрослаго человѣка, мужчины и женщины, измѣнить взглядъ на бракъ и перестать смотрѣть на бракъ, какъ на таинство, а стать смотрѣть на него, какъ на физіологическій законъ и пр. и пр., въ томъ же родѣ. Кажется, я уже и не отвѣчалъ ему ничего на эту безумную проповѣдь.

Итакъ, вотъ плоды моего воспитательнаго вліянія на дѣтокъ,—учениковъ низшихъ классовъ Гимназіи. Подумаешь: не то же ли бы вышло и въ томъ случаѣ, если бы я вовсе и не думалъ съ ученіемъ соединять и воспитаніе, и велъ дѣло по общепринятому способу: урокъ, разборъ, диктовка, спросилъ, задалъ урокъ; словомъ, какъ ремеслен-

никъ школы? Въ этомъ круговоротѣ жизни, который охватываетъ юношу по выходѣ въ свѣтъ, всѣ уроки дѣтства, если они приходятъ извнѣ, а не прорабатываются въ глубинѣ души подъ вліяніемъ доброй семейной среды, всѣ стороннія внушенія скоро выдыхаются изъ мысли и сердца, и юноша скоро рѣшаетъ разрывъ съ своимъ глупымъ дѣтствомъ и его простотою.

Не счастливѣе, не благопріятнѣе были плоды моихъ занятій и въ частныхъ домахъ. Возьму прежде всего семью баронессы Б. Прекрасная, религіозная женщина, болѣла душою о сынѣ, который, послѣ приготовленія мною къ экзамену, поступилъ, кажется, во 2 или въ 3-й классъ нашей Гимназіи и тутъ сошелся съ дурными мальчиками, между прочимъ, съ Батіевскими, о которыхъ рѣчь была выше. Еще до поступленія въ Гимназію я немало бился надъ нимъ, замѣчая въ немъ какую-то необычайную вялость, точно усыпленіе мысли. Я возбуждалъ его всячески къ труду, старался развить любовь къ ученію и однако все таки видѣлъ въ немъ какое-то непонятное облѣненіе и догадывался о какомъ-то стороннемъ дурномъ, разслабляющемъ вліяніи. Бывая въ Михайловскомъ монастырѣ, я видѣлъ его не разъ въ обществѣ послушниковъ. Въ церкви онъ не стоялъ, а въ алтарѣ, въ пономарнѣ и развлекался сборами къ выходу архіерейскому, и прочимъ, совершавшимся предъ глазами, а не молился. Я не одобрялъ его за такую разсѣянность, совѣтовалъ помнить, для чего въ церковь приходимъ, а чтобы отвлечь отъ сообщенія съ послушниками, сообщества во многихъ отношеніяхъ крайне опаснаго по своему развращающему вліянію, я совѣтовалъ матери сблизить его съ лучшими моими учениками по Гимназіи, приглашалъ ихъ къ себѣ въ гости на праздники, съ дозволенія инспектора. Увы! эти мои лучшіе ученики *З—нъ*, *С—нъ* оказались негоднѣйшими уже въ 6-мъ классѣ, и первый изъ нихъ былъ исключенъ. Однако общество «слимаковъ» должно быть сильно подѣйствовало на мальчика. Учиться онъ не обнаруживалъ особенной охоты и дома, а когда поступилъ въ Гимназію и совсѣмъ измѣнился, такъ что долженъ былъ остаться на 2-ой годъ въ томъ же классѣ. Огорченная мать рѣшила взять его домой и тѣмъ окончательно испортила дѣло. Мальчикъ окончательно распустился. Уже и прежде бѣдная мать томилась горемъ объ опасности для сына нравственнаго развращенія въ сообществѣ Батіевскихъ. Разъ послѣ обѣда, она пригласила меня къ себѣ въ кабинетъ и наединѣ горько сѣтовала на свое несчастіе. Сынъ ушелъ съ Батіевскими гулять въ царскій садъ и, не видя его долго дома, мать кинулась искать его и нашла въ саду въ сообществѣ съ Батіевскими и какими-то дѣвками. «Еще

недолго бы продлилось такое сообщество, и Яша мой, быть можетъ, сталъ бы мужемъ», говорила огорченная до глубины души мать. Когда же Яша очутился на свободѣ отъ уроковъ, и, вѣроятно, еще болѣе сблизился съ праздными «слимаками», то дурныя вліянія совсѣмъ овладѣли лѣнивымъ мальчикомъ. Разъ, должно быть, весною 1862 г., возвращался я домой рано утромъ около 6½ часовъ изъ Гимназіи, гдѣ по случаю вечера 9-го Апрѣля, въ день рожденія А. К. Деллена заночевалъ, боясь позднею ночью возвратиться домой, и что же я вижу, спускаясь съ горы? Яша идетъ мнѣ навстрѣчу съ Подола, весь въ измятомъ платьѣ, смущенный, приниженный. Я догадался, откуда онъ идетъ: опасенія бѣдной матери сбылись—пропалъ мальчикъ. И что же? Мнѣ же скоро послѣ конца моихъ занятій съ нимъ пришлось слышать со стороны нареканіе матери, что я сгубилъ ея сына! Чѣмъ?... Будто я его наталкивалъ на мысль о монастырѣ, о суетности мірской жизни, и тѣмъ убилъ въ немъ энергію воли, разслабилъ его волю! Ахъ, напротивъ, я-то и возставалъ противъ его близкаго обращенія съ монастырскими служками, я-то и выяснялъ ему истинную суть молитвы а не празднаго зѣванія въ церкви, я настойчиво возбуждалъ въ немъ любовь къ ученію. Вотъ истинно незаслуженное нареканіе, какъ говорится «съ больной головы на здоровую».

Что̀ вышло изъ моихъ учебныхъ занятій въ семействѣ князя В? Тутъ-то менѣе всего я и могъ ожидать какого-либо плода въ нравственномъ смыслѣ. Я былъ просто учителемъ Русскаго языка не болѣе, и было надъ чѣмъ работать, не увлекаясь бесѣдами. Сережа писалъ крайне ошибочно, читалъ очень дурно. На эти слабости и обращено было все вниманіе; однако все же я и здѣсь дѣлалъ что̀ могъ въ смыслѣ и нравственнаго воспитанія чрезъ выборъ стихотвореній къ изученію, объясненіе которыхъ и давало мнѣ случай нравственно дѣйствовать на чувство мальчика, чрезъ выборъ статей для чтенія, примѣровъ и пр. Но лучшею воспитательницею сына была мать, проникнутая глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Разъ попалась мнѣ записная книжка Сережи. Тамъ между прочимъ рукою княгини написанъ былъ урокъ сыну: «Блюди себя, другъ мой! Храни чистоту души, чистоту сердца. Будь на стражѣ своихъ пожеланій. Помни слово Божье: сокровище духа мы носимъ въ скудныхъ сосудахъ. Такъ слабы мы по природѣ! Оттого ищи въ Богѣ своей силы, своей опоры!» Въ такихъ выраженіяхъ былъ написанъ урокъ рукою любящей матери. Въ 1863 году прекратились мои уроки Сережѣ. Княгиня съ дѣтьми оставила Кіевъ навсегда, и только чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратилось сюда ея тѣло, чтобы быть погребену бокъ о бокъ съ могилою мужа. Разъ

встрѣчаюсь съ бывшимъ законоучителемъ Сережи, священникомъ о. Александромъ Борецкимъ, разспрашиваю о Сережѣ. «Шалитъ кирасиръ въ Питерѣ!» Значитъ, опять къ чему же привели и мои уроки, направленные къ нравственному воздѣйствію на мальчика?

Еще я давалъ уроки, какъ писалъ выше, въ семействѣ Д., занимался тутъ съ дочерью и сыномъ. Много души, много жизни, много святой любви вложилъ я въ эти мои незабвенныя для меня занятія. Сама ученица моя разъ свидѣтельствовала: «Вы пробудили во мнѣ совѣсть!» И что̀ же вышло и на этой моей «нивѣ трудовой?» Только свѣтская жизнь безъ вдумчивости въ смыслъ и значеніе жизни по духу вѣры и при свѣтѣ разума. Уже скоро послѣ прекращенія моихъ уроковъ въ 1861 году, въ этомъ семействѣ тѣ, кого училъ и уча старался воспитывать, могли, безъ угрызенія совѣсти, наканунѣ Крещенія Господня, весь день проводить въ репетиціи къ домашнему спектаклю, а въ самый канунъ праздника разыгрывать свои роли въ этомъ спектаклѣ, а на другой день высыпаться вмѣсто участія въ Божественной литургіи. До глубины души я былъ огорченъ такимъ забвеніемъ всѣхъ моихъ внушеній: жить въ духѣ церкви православной, въ тѣснѣйшемъ общеніи съ нею. А сколько жертвъ принесъ я своему учительству въ этомъ семействѣ? Вмѣсто полутора часового урока я проводилъ въ урокѣ по три часа, читая Шекспира и прочихъ; чего стоили мнѣ эти уроки изъ желанія дать имъ наиболѣе воспитательный характеръ! Значитъ, опять могу съ горечью въ сердцѣ самого себя спросить: къ чему же эти усилія воспитательно дѣйствовать и на эти добрыя души привели?

Такъ, когда разберешь хорошенько и оцѣнишь по плодамъ свою дѣятельность, невольно смиришься въ виду убогаго ничтожества истинныхъ плодовъ многолѣтняго труда въ той средѣ, гдѣ туго, туго прививаются къ сердцу внушенія, истекающія изъ сознанія иныхъ просвѣтительныхъ и руководительныхъ началъ жизни, чѣмъ тѣ трясины, на которыхъ покоятся людскія понятія о нравственности, о долгѣ, о патріотизмѣ въ жизни и воспитаніи, о общемъ строѣ жизни. Оттого-то такъ еще рано, послѣ начала моей службы, видя съ горестью, какъ мало истинной пользы приноситъ въ этой средѣ самый напряженный трудъ надъ нравственнымъ воспитаніемъ, я всею душею устремился къ иной дѣятельности, къ иной, еще неиспорченной, средѣ народной, и возгорѣлъ непреодолимымъ желаніемъ посвятить себя всецѣло просвѣщенію народа чрезъ приготовленіе учителей въ народныя училища. Отсюда-то истекли мои статьи объ учительскихъ институтахъ, мои отчаянія и надежды дождаться счастія стать именно въ эту среду, объ-

щавшую больше плода, больше воспріимчивости къ добру, больше отзывчивости на добро. Не скоро, но Богъ благословилъ исполниться моимъ надеждамъ.

Дамъ себѣ трудъ припомнить кое-что и изъ моихъ служебныхъ отношеній за этотъ длинный 12-ти лѣтній періодъ.

Новый попечитель Витте прибылъ въ Кіевъ во время вакацій, когда я жилъ въ Голосѣевѣ. По возвращеніи въ городъ, я явился къ нему и былъ принятъ очень любезно: посадилъ меня, поговорилъ. Жилъ онъ въ попечительской квартирѣ, но, какъ писалъ я выше, недолго. Стукъ надъ головою, гдѣ помѣщались классы, неспокойство вообще жизни въ многолюдномъ учебномъ заведеніи, особенно при болѣзненности его жены, которой мы вовсе и не видѣли никогда, эти причины заставили его скоро перемѣнить квартиру, которую онъ и нанялъ на Крещатикѣ. Здѣсь-то мы, т. е. всѣ служащіе въ гимназіяхъ съ своимъ начальствомъ во главѣ, въ лицѣ его приносили свою благодарность правительству за улучшеніе быта учителей въ средѣ учебныхъ заведеніяхъ возвышеніемъ жалованья. Дѣло это было начато еще при баронѣ Николаи; при Витте разрѣшено благопріятно, благодаря дѣятельной поддержкѣ тогдашняго министра Головина. Ѣздили мы благодарить Витте въ недѣлю Вайй, послѣ обѣдни. Это былъ первый шагъ къ дальнѣйшему улучшенію быта служащихъ въ гимназіяхъ. Совершенно не помню подробностей этого дѣла; кажется, жалованье возвышено было до 600 рублей съ уничтоженіемъ различія между учителями, старшими и младшими.

Около этого же времени Витте посѣтилъ классы гимназій. Онъ прямо пришелъ въ мой классъ по пріѣздѣ въ Гимназію. Очень незадолго до этого въ педагогическомъ совѣтѣ Гимназіи, не помню уже по какимъ побужденіямъ, состоялось рѣшеніе обращаться съ учениками, кажется, низшихъ классовъ до 4 включительно, съ мѣстоименіемъ *ты* вмѣсто *вы*, какъ было до сихъ поръ. Вѣрный опредѣленію совѣта и вполнѣ сочувствуя такой разумной мѣрѣ, я тотчасъ же сталъ и примѣнять ее къ дѣлу; но въ нѣкоторыхъ ученикахъ 1-го класса не разъ встрѣчалъ озлобленіе противъ *ты*, довольно рѣзко высказываемое тутъ же, въ классѣ ропотомъ, передразниваніемъ «ты»; однако, строго преслѣдуя такія дерзкія выходки, я сталъ учениковъ пріучать къ такому обращенію. Не знаю, дѣлали ли тоже другіе учителя; но мнѣ пришлось въ 3-мъ классѣ выдержать борьбу съ учениками изъ за этого «ты». И вотъ, когда ученики попривыкли къ такому тону, приходитъ Витте; я и при немъ говорю ученикамъ *ты*. Перемѣна. Витте въ учитель-

ской подзываетъ меня къ окну, поодаль другихъ, и говоритъ: «Вы обращаетесь съ учениками на *ты*. Это очень рѣзко звучитъ и въ противорѣчiи съ общепринятымъ въ учебныхъ заведенiяхъ обычаемъ говорить ученикамъ *вы*». Я тутъ же объяснилъ ему, что такъ говорю, строго слѣдуя недавно состоявшемуся опредѣленiю совѣта. Пошелъ онъ по классамъ послѣ меня, и хотя это замѣчанiе было сдѣлано лишь мнѣ и, кажется, довольно тихо, негласно, онъ всюду уже слышалъ *вы*. Никто не поддержалъ меня, никому не захотѣлось повторить предъ Витте мое объясненiе, что дѣлаемъ въ согласiи съ опредѣленiемъ совѣта, когда не такъ бы удобно было перемѣнять обращенiе, имѣющее основанiемъ педагогическiя соображенiя, придать обращенiю съ дѣтьми оттѣнокъ искренности, простоты, семейственности.

По переходѣ съ Подола я довольно часто ходилъ къ обѣдню въ университетскую церковь, былъ здѣсь и въ недѣлю Православiя, въ 1864 году и впервыя видѣлъ, что̀, должно быть, здѣсь годами практиковалось. Сюда ходили слушать обѣдню ученики 2-ой Гимназiи изъ общей ученической квартиры. Сюда же приходили на обѣдню и ученицы частнаго женскаго пансiона г-жи Лейсъ, помѣщавшагося въ большомъ домѣ угольномъ съ Университетомъ. Здѣсь дѣвочки и причащались въ этотъ день, а къ концу обѣдни гимназисты, къ нимъ присоединялись и кадеты, выстраивались отъ дверей церкви чрезъ всю переднюю и дальше, по обѣ стороны, и чрезъ этотъ рядъ своего рода «сквозь строй» (столь извѣстный въ Россiи въ былое время) бѣдныя дѣвочки должны были проходить, пожираемыя впивающимися въ нихъ глазами этихъ повѣсъ. Страшно тяжелое, отвратительное зрѣлище! Я не могъ примириться съ такимъ страшнымъ безобразiемъ, тѣмъ болѣе что это какъ «сквозь строй» было обычнымъ явленiемъ въ университетской церкви при расходѣ изъ церкви. Я написалъ рѣзкую замѣтку и отдалъ ее въ редакцiю «Кiевскаго Телеграфа». Г. Юнгъ, редакторъ, немедленно напечаталъ ее въ ближайшемъ нумерѣ за подписью «одинъ изъ молящихся», не помню, или посѣтителей университетской церкви. Замѣтка эта произвела страшную бурю. Всполошился Витте; всполошились директоры, инспекторы и, первое дѣло, стали разыскивать *преступника*, дерзнувшаго опозорить честь Гимназiи и выставить въ такомъ мрачномъ смыслѣ безрелигiозное направленiе воспитанiя въ нихъ. Витте самъ ѣздилъ къ Юнгу просить сказать ему, кто писалъ замѣтку. Юнгъ отказалъ сообщить эту тайну редакцiи, хотя объяснилъ «одинъ изъ учителей». Тутъ уже стало ясно, кто. «Кто же могъ такъ написать, кромѣ Богатинова? Онъ же тамъ и бываетъ часто». Прихожу въ Гимназiю, прохожу по коридору, подходитъ ко мнѣ директоръ, Андрiя-

шевъ, обнимаетъ мою талію такъ любезно, дружественно, и такимъ мягкимъ, располагающимъ къ откровенности тономъ спрашиваетъ меня: «Скажите, Николай Дмитріевичъ, говорятъ, что вы писали замѣтку о безпорядкахъ въ университетской церкви?» Я прямо сказалъ: «Да, я!» Что же мнѣ было и отвѣчать на эту льстивую рѣчь, чувствуя вокругъ себя руку дружественнаго собесѣдника? «Да, я такъ и думалъ. Однако, не хорошо вы сдѣлали бросить тѣнь на Гимназію, на директора, на порядки». Я просилъ Андріяшева не выдавать моей тайны. А въ это уже время онъ послалъ въ «Кіевскій Телеграфъ» опроверженіе за подписью «директоръ Андріяшевъ», гдѣ смѣло отрицалъ возможность такого явленія изъ общаго направленія гимназій, и обличалъ автора замѣтки въ преувеличеніи. Встрѣтилъ меня на улицѣ инспекторъ 2-ой Гимназіи Сомчевскій. «Правда ли, что вы писали замѣтку?» Что далѣе говорилъ, уже не помню. Вижусь вскорѣ съ настоятелемъ университетской церкви, протоіереемъ Назаріемъ Ѳаворовымъ, моимъ хорошимъ знакомымъ; зашла рѣчь и о замѣткѣ; не помню, зналъ ли онъ, или отъ меня узналъ. «А я собирался писать опроверженіе отъ себя, да увидѣлъ, что уже напечатано опроверженіе отъ округа. Тутъ затронута нѣкоторымъ образомъ и моя честь, что я могу допускать такіе безпорядки въ церкви». Нѣсколько времени спустя, пріѣзжаетъ изъ Житоміра Т. И. Пристюкъ, бывшій въ то время директоромъ Житом. гимназіи. «И у насъ знали, что это вы писали замѣтку. И что же? Все благополучно окончилось? Слава Богу! А я думалъ и боялся, чтобы не побили васъ оскорбленные гимназисты и кадеты: какъ же назвать ихъ «повѣсами», «такъ разбранить!» А я, вѣдь, въ порывѣ негодованія на эту мерзость, рѣшительно ни о чемъ не подумалъ, что можетъ выйти изъ моей замѣтки: обидится попечитель, приметъ за личную себѣ обиду директоръ 2-ой Гимназіи (тогда Вилуевъ), вкупѣ съ инспекторомъ, брошу укоризну вообще гимназическому воспитанію, посягну на честь причта унив. церкви, оскорблю повѣсъ... рѣшительно, ни о чемъ этомъ я и не подумалъ, руководимый единственно мыслію прекратить такое вопіющее безобразіе, такую наглость. Благодареніе Богу! Меня оставили въ покоѣ. Узналъ ли Витте, или нѣтъ, не знаю; но я продолжалъ ожидать всяческихъ себѣ огорченій и непріятностей, и какова была моя радость, когда еще въ Іюнѣ 1864 года мы узнали, что Витте переводился попечителемъ въ Варшаву. Только тогда я успокоился душею и благодарилъ Бога, что далъ мнѣ рѣшимость сдѣлать доброе дѣло и въ тоже время охранилъ отъ преслѣдованій, которыя обыкновенно выпадаютъ на долю подобныхъ мнѣ смѣльчаковъ, рѣшающихся безбоязненно говорить правду. А доброе дѣло именно было сдѣлано. Съ перваго же Воскресенія по появленіи въ печати моей замѣтки послѣдовало

распоряженіе попечителя округа, чтобы ученики 2-ой Гимназіи навсегда прекратили посѣщеніе университетской церкви и ходили на службу Божью въ церковь 1-ой Гимназіи; только пѣвчимъ изъ состава квартиры 2-ой Гимназіи, по ходатайству, дозволено было принимать участіе въ университетскомъ хорѣ; потомъ и эта льгота отнята, и съ той именно поры 2-ая Гимназія слушаетъ богослуженіе въ церкви 1-ой Гимназіи. Вѣроятно, немногіе теперь знаютъ, кому этимъ порядкомъ обязано начальство 2-ой Гимназіи. Благодареніе Богу! Когда я впервыя увидѣлъ учениковъ 2-ой Гимназіи, идущихъ въ нашу церковь, я готовъ былъ тогда все вынесть, радуясь въ душѣ, что теперь уже не повторится болѣе такихъ безчинствъ въ университетской церкви.

Впрочемъ, отъ Витте я удостоился получить и благодарность, уже послѣ этого случая. Разъ онъ былъ въ Гимназіи, въ классахъ, зашелъ и въ учительскую, и здѣсь при всѣхъ благодарилъ меня за участіе въ занятіяхъ педагогической школы. Что̀ это за педагогическая школа? Работа въ педагогическомъ мірѣ, поднятая Пироговымъ въ нашемъ округѣ, не улеглась съ его удаленіемъ. Это было время, какъ я уже выразился, общаго возбужденія въ Россіи, когда все зашевелилось, или, вѣрнѣе, стало бродить, поднялись вопросы, прежде не возникавшіе, выдвигались стороны, прежде не замѣченныя и пр. Это была великая эпоха освобожденія крестьянъ. Такъ и въ мірѣ педагогическомъ закипѣла работа при Пироговѣ. Ушелъ онъ, а работа шла, какъ? какою дорогою? куда вела? дѣло другое. Стали ни съ того, ни съ сего устраиваться воскресные классы, такъ называемыя воскресныя школы, точно грибы послѣ дождя. Охотниковъ учительствовать въ нихъ явилось великое множество. Были опыты такой воскресной школы и при той Гимназіи; я былъ въ сторонѣ этого дѣла, ибо жилъ въ то время еще на Подолѣ, но знаю достовѣрно, что учительствовали въ этихъ воскресныхъ классахъ ученики-охотники. Главными же двигателями этого дешеваго просвѣщенія явились студенты Университета, для которыхъ открылся способъ безконтрольный широкой пропаганды разныхъ модныхъ идей. А что̀ было въ то время студентство, можно заключить изъ слѣдующаго. Именно въ это же время въ Софійскомъ соборѣ, во время богослуженія, студенты проходили по заднимъ галлереямъ собора, куря папиросы. Это было время появленія въ печати «Отцовъ и Дѣтей» Тургенева, и кто изъ молодежи тогда не читалъ этого произведенія, гдѣ впервыя выступали представители Русскаго нигилизма? Къ счастію, скоро поняли, чего можно ожидать отъ этихъ разсадниковъ Базаровскаго міровоззрѣнія, и школы повсюду были закрыты. Но люди благомыслящіе все-таки думали, что въ воскресныхъ школахъ можно было сдѣлать много добра,.

что̀, конечно, несомнѣнно, но при другихъ, другого характера просвѣтителяхъ. Моя добрая знакомая, Елисавета Алексѣевна, именно для дѣтей, посѣщающихъ эти воскресныя классы, пожертвовала 100 экземпл. Евангелія, которые и были мною переданы И. Слѣпушкину, тогда смотрителю Кіево-подольскаго дворянскаго училища, гдѣ тоже была воскресная школа. Но все таки школы скоро были повсемѣстно закрыты. Къ числу созданій того времени, духомъ того времени порожденныхъ, принадлежала и названная мною педагогическая школа при Кіевской 1-ой Гимназіи. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ явилось впервыя ясное сознаніе необходимости и распространенія грамотности въ народѣ посредствомъ сельскихъ училищъ. Правда, по почину Кіевскаго митрополита Арсенія, духовенство Кіевской епархіи стало заводить церковно-приходскія школы; но управленіе Кіевскимъ округомъ сочло необходимымъ и отъ себя дать бытіе извѣстному числу народныхъ училищъ, здѣсь же въ Кіевской губерніи. Тутъ начало ожесточеннаго столкновенія духовной власти въ лицѣ митрополита съ учебнымъ округомъ, дошедшаго до крайней степени раздраженія, почти враждебности. Округъ открываетъ училище, митрополитъ запрещаетъ священнику принимать на себя законоучительство въ школѣ; поднимается жалоба на округъ, что округъ отбираетъ для своего училища учениковъ, поступающихъ въ церк. приходскую школу; учителя въ глазахъ крестьянъ представляются проповѣдниками безбожія и невѣрія. Въ округѣ и донынѣ вѣроятно хранится любопытная жалоба, кажется попечителю округа, какого-то сельскаго общества на «какого-то» Тулова (а это и былъ главный двигатель въ открытіи первыхъ народныхъ училищъ въ Кіевской губерніи, въ то время окружной инспекторъ округа), что онъ разъѣзжаетъ по селамъ и проповѣдуетъ, что Бога нѣтъ и проч., почему крестьяне, кажется, отказывались отъ содѣйствія въ учрежденіи у нихъ предположеннаго училища, словомъ что-то въ родѣ того. Вообще архивы консисторіи и канцеляріи округа за все это страшное время представляютъ, несомнѣнно, громадныя кипы бумагъ, сношеній, донесеній, откуда увидятъ, что борьба велась между обоими вѣдомствами духовнымъ и учебнымъ ожесточенная. Округъ, конечно, не былъ намѣренъ отказываться отъ мѣръ въ просвѣщеніи народа, въ согласіи съ государственной пользою, строго опредѣляя главнѣйшую и существеннѣйшую задачу, въ тоже время самую скромную, чуждую всякого задирательства въ дѣлѣ обученія грамотности. Нужно сказать, весь пылъ, вся горячность борьбы исходила не отъ округа, а отъ митрополита, и округъ, благоразумно уклоняясь отъ всякихъ препирательствъ съ предубѣжденнымъ, страстнымъ противникомъ, дѣлалъ *что̀ могъ*, для народнаго образованія; именно: *что̀ и какъ могъ.*

Съ цѣлью обезпечить вновь открываемыя училища учебными силами, при округѣ, по представленію окружного инспектора Тулова, во время попечительства Витте учреждена *педагогическая школа*, т. е. классы, куда принимался каждый, изъявлявшій желаніе быть учителемъ въ сельскомъ училищѣ, не для прохожденія правильнаго курса, а только для болѣе или менѣе продолжительной подготовки къ учительству; сюда поступали едва-едва способные учиться, полуграмотные парни, исключенные изъ уѣздныхъ и духовныхъ училищъ и прямо, можно сказать съ улицы всякій сбродъ; но попадались и порядочные люди. Ежедневно они собирались въ эту школу; сюда приходилъ и учитель предметовъ давать уроки. Учителями были, по преимуществу, кажется, студенты; но былъ и учитель Гимназіи, не помню, за плату ли или такъ изъ ревности къ народному просвѣщенію. Подучивши немножко, сборъ этотъ размѣщали по училищамъ. Помню публичный экзаменъ этой педагогической школы въ залѣ нашей Гимназіи. Были поставлены для дѣтей скамьи, приведены дѣти изъ приходскихъ училищъ; сѣли на скамьяхъ, и начался публичный экзаменъ, т. е. собственно пробные уроки нѣкоторымъ ученикамъ этой школы, предназначеннымъ къ отпуску; давали пробные уроки въ присутствіи попечителя округа и многочисленныхъ посѣтителей собственно изъ учебнаго міра. Въ веселомъ настроеніи были посѣтители. Одинъ такой педагогъ объяснялъ дѣтямъ устройство глобуса и размѣщеніе воды на земномъ шарѣ. «Отчего въ южномъ полушаріи воды такъ много—все океаны? Вотъ видите, отчего. Если вы обмакнете палецъ въ воду и затѣмъ наклоните палецъ къ низу, то вся вода стремится къ концу пальца, къ нижнему его концу, и вода стечетъ сюда наиболѣе. Тоже и на глобусѣ; смотрите южная часть глобуса—она же и нижняя часть. Сюда-то и стекаетъ со всего міра вода, оттого-то здѣсь и болѣе всего воды!» Слушая такое смѣхотворное объясненіе, какъ было не подумать: «смѣлость города беретъ?» Уже къ концу существованія этой необычайной школы, напоминавшей собою что-то въ родѣ школы Сократовъ и мудрецовъ Аѳинскихъ, т. е. жалкой ихъ пародіи, и я былъ приглашенъ, за выбытіемъ кого-то, кому поручено было веденіе занятій по родному языку, говорю, и я былъ приглашенъ М. Туловымъ заниматься собственно чтеніемъ. Я занимался исключительно выразительнымъ чтеніемъ, чѣмъ и былъ занятъ, кажется, часа 3 въ недѣлю, преимущественно въ послѣобѣденное время; учениковъ въ то время было не болѣе 15-ти, разнаго рода люди: были и очень благонравные и исправные, были и тупицы страшные. Бьешься бывало весь урокъ съ такими тупыми, и рѣшаешь, какая несчастная будетъ школа, въ которой будутъ учительствовать такіе тупицы. За эти-то занятія и благодарилъ меня Витте. Впрочемъ, я нисколько не вмѣ-

шивался въ дѣло школы, тѣмъ менѣе имѣлъ отношенія къ направляющему ея дѣятельность началу. А начало это было какое-то странное, темное, спутанное. Для этихъ вновь открываемыхъ училищъ приготовлялись учителя, смѣло можно сказать, взятые съ улицы, подучивали ихъ кое-какъ, кое-чему, но что-то такое непонятное сообщалось ихъ разумѣнію: ходили они все какіе-то косматые, неряшливые, какими-то Запорожцами выглядывали; для практики ихъ при Гимназіи на черномъ дворѣ открыта была школа для мальчиковъ, и изъ этого простого дѣла, обученія дѣтей грамотѣ, они дѣлали что-то такое необычайное, точно они Америку открывали или порохъ изобрѣтали: такъ много они думали уже о себѣ, лишь только допускали ихъ къ занятіямъ грамотѣ по звуковому способу. Какая-то гордость прививалась этимъ людямъ, и ихъ точно готовили въ какіе-то бойцы за какую-то идею. Для училищъ печатали на казенный счетъ «Байки», т. е. передѣлки басенъ Крылова на Малороссійскій языкъ, приготовляли къ изданію большія стѣнныя картины, для нагляднаго обученія изъ Малороссійскаго быта. Словомъ, что-то нехорошее, неладное, опасливое творилось въ этой педагогической школѣ, которая, къ счастію, уже доживала свое жалкое существованіе въ то время, когда я сталъ тамъ заниматься.

Время это вообще было временемъ особеннаго оживленія въ педагогическомъ мірѣ; помимо такихъ мечтательныхъ предпріятій, какъ воскресныя школы, серьезно въ то время занялись пересмотромъ программъ по предметамъ гимназическаго образованія. И у насъ въ Кіевѣ поручено было профессору А. И. Селину въ комитетѣ изъ преподавателя Русскаго языка и словесности составить новыя программы; этимъ мы были заняты довольно таки долгое время, собираясь въ квартирѣ А. И—ча. Затѣмъ, въ 1863 году, съ разрѣшенія министерства, состоялся лѣтомъ, предъ экзаменами, съѣздъ всѣхъ учителей гимназій округа. Съѣздъ былъ открытъ рѣчью самого попечителя Витте, въ передней залѣ Университета. Здѣсь впервыя встрѣтились учителя округа въ одномъ общемъ собраніи. Это было *первое въ Россіи* собраніе учителей гимназій для рѣшенія педагогическихъ вопросовъ, въ отношеніи къ установленію единства въ преподаваніи. Мнѣ не трудно было принимать участіе въ засѣданіяхъ съѣзда, ибо квартира моя была тутъ же, рядомъ съ Университетомъ. Впрочемъ, лично я не ожидалъ многаго отъ съѣзда, при томъ столь многочисленнаго (до 50 человѣкъ) и по застѣнчивости, несмѣлости въ общественныхъ собраніяхъ, я принималъ очень малое участіе въ говореніи на съѣздѣ; если же что̀ нужно было сообщить или выяснить, читалъ заранѣе приготовленное. Въ такомъ многочисленномъ собраніи я всегда чувствую себя неловко

и съ большою робостью и опасеніемъ говорю, ожидая, что каждое слово мое тутъ же осудится, пересудится, окритикуется и, пожалуй, осмѣется. Въ числѣ же членовъ съѣзда были и острые язычки. Однако, съѣздъ все-таки выработалъ кое-какія основныя положенія и правила, которыя и предложено было попечителю округа принять къ непремѣнному исполненію всѣмъ преподавателямъ Русскаго языка и словесности съ предупрежденіемъ, что съѣздъ снова соберется въ будущемъ 1864 г., чтобы дать отчетъ объ испытанныхъ пріемахъ преподаванія и приведенныхъ въ исполненіе положеній съѣзда. Такъ и было. Въ 1864 году снова собрался съѣздъ; но уже нѣкоторыхъ изъ бывшихъ на первомъ съѣздѣ не было. Польскій мятежъ 1863 года разсѣялъ и нѣкоторыхъ изъ нашей братіи по всему лицу Русской земли. Тотъ переведенъ въ Николаевъ, тотъ въ Новочеркаскъ, тотъ вовсе удалился изъ службы, и такихъ было нѣсколько за потворство Польскимъ затѣямъ, а иные и прямо за слишкомъ либеральное направленіе преподаванія. Иные же, какъ надежные люди, получили назначеніе въ гимназіи царства Польскаго. Иные, чувствуя крайнее стѣсненіе своему патріотическому чувству въ учебныхъ заведеніяхъ края, переполненныхъ Поляками и волнуемыхъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ этимъ мятущимся элементомъ, связывающимъ по рукамъ Русскаго человѣка, сами перевелись во внутреннія губерніи, даже на Кавказъ.

Съѣздъ 1864 г. прошелъ еще болѣе вяло, чѣмъ 1863 года. Я еще менѣе въ немъ принималъ участіе и по причинамъ, выше объясненнымъ, и прямо таки по нескрываемому неудовольствію на непорядки въ засѣданіяхъ, терпимые предсѣдателемъ, въ этотъ разъ А. П. Линниченкомъ. Мнѣ было крайне непріятно, что онъ позволялъ вмѣшиваться въ сужденія съѣзда людямъ постороннимъ и тѣмъ болѣе уже извѣстнымъ своею предосудительною исключительностью взглядовъ и убѣжденій; къ числу такихъ принадлежалъ извѣстный тогда въ Кіевѣ *Судовщиковъ*, преподаватель словесности въ новооткрытомъ тогда пансіонѣ Ніельговской, и *Драгомановъ*, недавно окончившій курсъ Университета и уже извѣстный, какъ завзятый украйнофилъ-хлопоманъ. Разъ, не имѣя возможности остановить его рѣчь, съ которою онъ обратился къ съѣзду, я прямо выразилъ свое неудовольствіе удаленіемъ изъ залы собранія въ ту самую минуту, когда Драгомановъ сталъ говорить свою рѣчь. Будь я рѣшительнѣе, смѣлѣе, я прямо воспротивился бы произнесенію этой рѣчи совершенно постороннимъ человѣкомъ, неимѣющимъ никакого отношенія къ составу учителей Гимназіи; но какъ я не привыкъ къ открытому изложенію мысли въ большомъ собраніи, то предпочелъ прибѣгнуть къ безмолвному протесту. Оба эти оратора таки догово-

рились въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Первый, *Судовщиковъ*, взятый въ учители словесности въ богатую и знатную семью Г—на, къ сыну Г—на, послѣ выстрѣла 4-го Апрѣля 1866 года, выразился дерзко въ кружкѣ близкихъ этому семейству людей и былъ сосланъ въ Архангельскую, кажется, губернію. Другой *Драгомановъ*, уѣхалъ за-границу на казенный счетъ съ ученою цѣлью, уже болѣе и не возвращался, самъ себя устранивъ отъ общерусскаго дѣла на пользу отечества и, питая непримиримую ненависть къ родному, явился эмигрантомъ-врагомъ Россіи.

Эти два съѣзда преподавателей Русскаго языка и словесности принесли немалую пользу: учителя имѣли уже опредѣленную программу, съ которою должны были сообразжаться, чтобы дѣло шло по должному. Но и послѣ этихъ съѣздовъ, преподаваніемъ Русскаго языка вмѣстѣ съ Ц.-славянскимъ и словесностью много занималось окружное начальство, ровно какъ и выработкою подробныхъ правилъ внутренней жизни Гимназій, правилъ внутренней дисциплины и по всѣмъ сторонамъ внутренней жизни заведеній. Снова разсматривались и программы по Русскому языку и словесности, уже на этотъ разъ подъ предсѣдательствомъ проф. *В. Д. Яроцкаго*, который собиралъ насъ въ лекторіи профессорской по вечерамъ много разъ въ зимнюю пору, въ которомъ году не помню, но не задолго отъ предѣльнаго въ моемъ настоящемъ разсказѣ года 1874. Засѣданія педагогическаго совѣта въ этотъ періодъ были особенно часты, и положеніе ихъ постоянно печатались въ циркулярахъ по управленію К. У. О., которые много лѣтъ со времени Н. И. Пирогова представляли очень интересный для педагоговъ сборникъ различныхъ мнѣній по предметамъ всесторонней жизни и дѣятельности заведеній, мнѣнія о преподаваніи то того, то другого предмета, отчеты на различныхъ собраніяхъ съ цѣлью подвести итогъ педагогически-воспитательной дѣятельности извѣстныхъ лицъ и учрежденій. И я за этотъ періодъ тоже помѣстилъ въ циркулярѣ мои двѣ статьи, первую: «Объ отношеніи поэзіи къ преподаванію прочихъ предметовъ гимназическаго курса». Помню, статью эту я носилъ къ помощнику попечителя г. *Михневичу*, который самъ держалъ редакцію циркуляровъ. Михневичъ былъ приглашенъ Н. И. Пироговымъ смѣнить Могилянскаго, служилъ при б. Николаи и при Витте, отчасти и при Ш.-Шихматовѣ, когда при самомъ началѣ попечительства сего послѣдняго смѣненъ былъ *М. Туловымъ*—прекрасный, мягкій, всегда ровный себѣ человѣкъ; знавшіе его профессора Ришельевскаго лицея говорили: какой былъ тогда, такой и теперь, нисколько не измѣнился въ немъ человѣкъ добрый, внимательный, спокойный и простой. Это былъ совершенно

вѣрный отзывъ. Вторую свою статью я помѣстилъ въ циркулярѣ нѣсколько позже, уже въ 1876 г.: «О патріотизмѣ въ воспитаніи». Здѣсь же въ свое время помѣщались отрывки изъ моего дневника по командировкѣ на Волынь для открытія народныхъ училищъ. Не скоро улеглось поднятое Пироговымъ оживленіе въ округѣ, проявлявшееся между прочимъ обогащеніемъ и циркуляра литературно-отдѣланными матеріялами по учебно-воспитательной части. Во время попечительства князя Ширинскаго-Шихматова особенно богато былъ содержанъ циркуляръ, и только съ начала попечительства Антоновича циркуляръ по преимуществу становится сборникомъ офиціальныхъ распоряженій и мѣръ срединнаго и мѣстнаго учебнаго управленія.

Самое время располагало людей школы къ особой усиленной дѣятельности. Въ краѣ подготовлялся и наконецъ вспыхнулъ Польскій мятежъ. И оказалось, что учебныя заведенія края скрывали въ своихъ нѣдрахъ наиболѣе значительный составъ повстанскихъ силъ. Нечего уже и говорить про студентовъ Университета. Еще задолго до возстанія, еще при жизни кн. Васильчикова, въ костелѣ распѣвались гимны воспалительнаго свойства, главными пѣвцами которыхъ были студенты. Гимназіи, слѣдя за своими учениками въ костелѣ, посылали туда нарочно къ народному праздничному богослуженію надзирателей. Полиція наряжала усиленный полицейскій дозоръ. Еще весною 1862 года на подъѣздѣ костела избитъ былъ студентами полицейскій квартальный. Отсюда, изъ Университета, шла пропаганда въ среду гимназій. Какими средствами ни пользовались, чтобы добыть нужныя деньги на дѣло повстанія. Въ нашей Гимназіи, въ залѣ, разъ былъ данъ концертъ, собравшій народу полнехонькую залу. Было объявлено, «съ благотворительною цѣлью». Не обратили даже вниманія, что главные исполнители и руководители концерта были Поляки. Никому и въ голову не приходило заподозрить истинную цѣль этого невиннаго удовольствія. Это было, можно сказать, наканунѣ самаго возстанія, Великимъ постомъ 1862 года.

Все въ городѣ повидимому было спокойно. Вдругъ 23-го Апрѣля пронесся слухъ, что Поляки бунтуютъ, вышли за городъ бандою. Посланы были казаки въ погоню, мимо нашихъ оконъ проскакали пожарныя повозки, наполненныя солдатами, такъ какъ вблизи города были уже стычки. Къ 10 или 11 часамъ къ университетской клиникѣ подвезенъ былъ раненый въ стычкѣ казакъ. Въ гимназіяхъ въ этотъ день не досчитались нѣсколькихъ учениковъ, въ нашей тоже. По справкамъ оказалось, что и на квартирѣ ихъ не было. Созванъ былъ во время большой перемѣны совѣтъ. Директоръ Андріяшевъ объяснилъ совѣту положеніе дѣлъ, отсутствіе учениковъ-Католиковъ и предложеніе рѣшить

объ ихъ виновности. Учитель Должиковъ сталъ возражать противъ виновности прежде собранія уликъ и пр. Андріяшевъ вышелъ изъ себя и закричалъ: «Я приказываю вамъ замолчать! Оправдывать, хлопотать объ этомъ есть признаки равнодушія къ Русскимъ интересамъ, которое въ виду совершающагося не можетъ быть дозволено Русскому вѣрноподанному. Такая вспышка и такое обращеніе съ учителемъ, который только нѣсколько словъ еще не успѣлъ сказать, какъ получилъ приказаніе молчать, насъ всѣхъ оскорбило; однако не такое было время, чтобы свои личныя расположенія принимать въ расчетъ. Конечно, отсутствовавшіе ученики-Католики были исключены; но не они только оставили Гимназію. Учитель Польскаго языка Козловскій, учитель географіи Рутіевскій были высланы изъ Кіева на службу во внутреннія губерніи, какъ сопричастные къ мятежнымъ начинаніямъ. Изъ 2-ой Гимназіи высланъ учитель Французскаго языка *Малербъ*. Преподаваніе Польскаго языка было повсемѣстно прекращено навсегда. И Андріяшевъ имѣлъ неудовольствіе истреблять Польскія книги, которыми онъ такъ заботливо снабдилъ ученическую библіотеку вскорѣ послѣ своего назначенія инспекторомъ. Благодареніе Богу, этимъ и кончилось въ Кіевскихъ гимназіяхъ. Съ первыхъ же дней все пошло своимъ чередомъ, и ничто не мѣшало правильнымъ занятіямъ. Много хуже, безпокойнѣе, мятежнѣе было по провинціальнымъ гимназіямъ края. Въ Житомірѣ, разсказывали, ученики на площади водрузили траурный крестъ и тутъ пѣли революціонные гимны. Въ Немировѣ особенно было тревожно. Начальство и учители получали письменныя угрозы смертію; наконецъ, въ дверяхъ главнаго входа нашли всѣ матерьялы къ поджогу, который, кажется, уже и былъ учиненъ, но во время усмотрѣнъ. По распоряженію Витте, для производства слѣдствія по Гимназіи, былъ командированъ нашъ Андріяшевъ, какъ юристъ. По возвращеніи, онъ передавалъ много подробностей, но я ничего теперь не припомню. Въ городѣ тоже все было спокойно, но арестовъ было немало. Въ началѣ Мая, я былъ на урокѣ у княгини Васильчиковой, оставленъ обѣдать и послѣ обѣда сидѣлъ съ прочими въ гостиной. Въ это самое время послышалось особенное движеніе народа по улицѣ Крещатицкой, и мимо оконъ прошла большая толпа повстанцевъ, окруженная казаками и уланами, кажется. Это была послѣдняя, такъ сказать, уличная тревога въ городѣ. Вскорѣ затѣмъ съѣхавшіеся въ Кіевъ на съѣздъ гости-учителя Русскаго языка и словесности выражали сѣтованія на положеніе свое среди учащихся, въ значительномъ большинствѣ по провинціямъ Поляковъ, тревожную заботу о своей личной безопасности и вообще свое крайне тяжелое, мучительное положеніе представляли въ тревожныхъ отзывахъ. Одинъ изъ нихъ Шелковичъ тогда же возымѣлъ намѣреніе оставить край и перевелся на Кавказъ. По этому можно было судить,

каково было вообще состояніе воспитанія въ училищахъ края, какъ трудно доставалось честнымъ труженикамъ школы что-либо сдѣлать въ интересахъ Русскаго дѣла и воспитанія въ ихъ тревожномъ, всегда подъ страхомъ, положеніи! А я въ своей Гимназіи мирно работалъ въ этомъ самомъ направленіи, и ничто не преслѣдовало меня даже тѣнью грозящей опасности изъ за угла за Русское направленіе, за православно-Русское дѣланіе. Тогда только я сознаъ свое великое счастіе, и мелкія непріятности потеряли для меня всякое значеніе.

Въ 1864 году, по перемѣщеніи попечителя Витте, на такую же должность въ Варшаву, къ намъ назначенъ былъ на его мѣсто попечитель Виленскаго учебнаго округа, князь Ширинскій-Шихматовъ. Онъ прибылъ въ началѣ Сентября и остановился пока временно, до прінсканія квартиры въ городѣ, въ квартирѣ инспектора Гимназіи, занявъ двѣ комнаты. Еще не видавъ меня, князь уже зналъ меня по моимъ сношеніямъ съ управленіемъ Виленскаго округа. Польскій мятежъ, особенно сильно разыгравшійся въ Сѣверо-западномъ краѣ, открылъ глаза многимъ въ Россіи на печальное положеніе дѣлъ въ краѣ, особенно на печальное положеніе православной церкви и православно-народной школы. Въ издававшейся въ то время въ Москвѣ газетѣ И. С. Аксакова «День» печатались корреспонденціи изъ края, взывавшія къ Русскимъ людямъ о помощи православному духовенству и народно-русской школѣ присылкою, между прочимъ, Русскихъ книгъ и церковно-богослужебныхъ книгъ и утвари. Послѣ усмиренія мятежа правительство принялось за образованіе школъ народныхъ въ краѣ, а попечитель округа кн. Ш.-Шихматовъ вложилъ въ это дѣло всю свою душу, умѣвъ пріискать себѣ и дѣльныхъ помощниковъ, въ числѣ которыхъ особенно отличался *Кулинъ*, окружной инспекторъ. Я въ то время получилъ изъ редакціи «Руководства для сельскихъ пастырей» до 500 экз. моей статьи: «Впечатлѣнія пасхальнаго богослуженія», напечатанной въ этомъ изданіи тотчасъ послѣ праздника Пасхи, и 400 экз. послалъ къ этому *Кулину* для разсылки по училищамъ края. Вскорѣ я получилъ благодарность за пожертвованія отъ попечителя округа кн. Ш.-Шихматова. Одновременно съ этимъ, чрезъ мои руки было выслано довольно книгъ въ одно изъ православныхъ братствъ при какой-то сельской церкви, въ томъ числѣ *Четьи-Минеи* святого Димитрія Ростовскаго, оставленныя мнѣ Елисаветою Алексѣевною Кублицкою, при отъѣздѣ ея въ Петербургъ, о чемъ я выше писалъ, много и другихъ книгъ, своихъ и пожертвованныхъ, которыя предварительно были переплетены въ кантоническомъ военномъ училищѣ по доброму вниманію къ моей жертвѣ инспектора этого училища *М. Курдюмова*, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ по Корпусу, гдѣ онъ, состоя учителемъ 2-ой Гимназіи, тоже давалъ уроки.

ЮРІЙ НИКИТИЧЪ БАРТЕНЕВЪ *).

1843.

Жизнь въ Евпаторіи.

Середа, 21-го Іюля. Сакскія грязи. (День 37).

Когда есть деньги, являются тогда и прихоти. Вотъ поутру опять я пошелъ въ лавку къ Еврею и купилъ себѣ шелковой матеріи на два шлафорка, одинъ для себя, другой для Ив. Пет. Егорова. У хозяина и сегодня я обѣдалъ, но уже одинъ только. У насъ торопятся укладывать, всѣ спѣшатъ; вотъ и лошадей привели; Жегочевъ пришелъ прощаться. Ѣдемъ, покатили. Два раза переѣзжали рѣчку Салгиръ, она вездѣ вертится въ глаза: съ Сѣвера, Запада, Полудня, вездѣ ее встрѣчаешъ. Степь необозримая, только въ балкахъ по Салгиру зеленѣется зелень; чѣмъ болѣе къ Западу, тѣмъ пустѣе. Рѣдко встрѣтишь грустную Татарскую деревню, которой избы похожи на землянные бивуаки: ни деревца, ни цвѣточка. Первая станція 27 верстъ. Станція простая землянка; пустились до Сакскихъ грязей. Куда прикажите заѣзжать? спросилъ меня извозчикъ, широкоплечій Русскій мужикъ въ нарядной, цвѣтной рубашкѣ, на почтовую ли станцію, или во дворецъ? Отвѣчено, разумѣется, во дворецъ, т. е. въ домъ, гдѣ больные пользуются грязями. Пріѣзжаемъ ко дворцу; встрѣчаетъ насъ у воротъ смотритель дворца. Есть ли комнаты? Есть двѣ, только не въ домѣ, а во флигелѣ. Иду осматривать комнаты. Взошли въ узенькій коридоръ, наполненный Жидами, Жидовками, Жиденятами; въ коридорѣ толпится народъ, гладятъ утюгами платье женское, зловоніе, и отъ людей, и отъ платья, чѣмъ-то горѣлымъ. Назначаемыя комнаты хуже того карцера, куда меня посадили нѣкогда за то, что я пошелъ въ театръ, находясь на службѣ въ Дворянскомъ полку. Ничего не можетъ быть неопрятнѣе этихъ двухъ комнатокъ; тутъ было бы оставаться и одному несносно, а обставленному Жидами, Жидовками, Жиденятами невыносимо. Вотъ врачъ Оже увѣдомляетъ меня, что какой-то вновь пріѣзжій больной

---

*) См. 8-й выпускъ „Русскаго Архива" сего года, стр. 549.

желаетъ меня видѣть; иду и вижу Дмитр. Иван. Попова. Я вздохнулъ свободнѣе, что могу, хотя кое-какъ, переночевать, а иначе пришлось бы ѣхать ночью по степи и по выбоинамъ отъ прежнихъ дождей. У Попова двѣ комнаты; дамы мои помѣстились съ его женою, а я въ той комнатѣ, гдѣ онъ спитъ. Семейство Поповыхъ пріѣхало сегодня же поутру. Нашли для меня короткую кровать, помѣстились кое-какъ. Однако я всю ночь не спалъ, все проговорилъ съ Поповымъ о Москвѣ, о истинной премудрости, о нашихъ общихъ знакомыхъ и Богъ знаетъ о чемъ; стало разсвѣтать, какъ я уснулъ. Съ пріѣзда, вышедши на галлерею, гдѣ собираются больные, я услышалъ совокупный хораль жалобъ и ропота на неудобства и недостатокъ комфорта въ помѣщеніи; все напичкапо многолюдствомъ, слуги, служанки, малыя дѣти толпятся, бѣгаютъ по узкимъ коридорамъ; въ комнатахъ нечистота и неопрятность. Смотритель пріѣзжаетъ на лѣтнее время изъ Одессы, какой-то ветеранъ кавалерійскій; онъ фамиліярничаетъ и остритъ воинскими поговорками. Отвратительно и неудобно. Мнѣ нельзя было исполнить своей обязанности предъ Господомъ; я спалъ мало и былъ не одинъ въ комнатѣ. Господи! Благослови новый мой подвигъ на новомъ мѣстѣ. Отъ Тебя всего ожидаю, предаю Тебѣ себя и всѣхъ меня обставляющихъ; сохрани насъ невредимо подъ кровомъ Твоея благости.

Четвертокъ, 22-го Іюля, гор. Евпаторія. (38 день стараго и 1 день новаго пребыванія).

День былъ прекрасный, и поздненько мы проснулись. Добрый мой хозяинъ подарилъ мнѣ маленькій трактатецъ о молитвѣ, переводъ незабвеннаго Петра Дмитріевича Маркелова, который онъ напечаталъ во время пребыванія своего въ Одессѣ. Мы напились чаю и кофею, и здѣшній докторъ Оже пригласилъ осмотрѣть заведеніе. Мы пошли къ озеру. Дорога вблизи онаго, какъ убитая ладонь; но ежели вскопать эту ладонь, то сей часъ же бы увидѣли родъ ила болѣе и болѣе жидкаго, чѣмъ глубже стали бы рыть. Вблизи озера приготовлены были ванны для болящихъ; онѣ состояли изъ массы грязи въ видѣ продолговатаго овала и довольно густо начинены, чтобъ человѣку можно было свободно лежать и помѣститься на этой кучѣ; потомъ лежащаго обкладываютъ также грязью, однако такъ, чтобъ онъ могъ свободно дышать. Послѣ того его уводятъ въ близъ лежащее помѣщеніе, гдѣ его обмываютъ согрѣтою водою изъ того же озера. Все это очень бѣдно и наскоро устроенное. Плоскіе берега озера покрыты какъ бы снѣгомъ: это соль окристализовавшаяся, и самая даже часть озера покрыта солью, какъ бы инеемъ; озеро не глубоко, потому что въ иныхъ мѣстахъ и переѣзжаютъ чрезъ него; я видѣлъ, какъ лошадь перехо-

дила чрезъ озеро. Болѣе нечего было смотрѣть, и мы поѣхали въ Евпаторію, отстоящую отсюда въ 19 верстахъ. Дорога унылая, степь голая, на степи растетъ какая-то трава, которую скотъ не ѣстъ; таже трава растетъ и въ морѣ, какъ я послѣ замѣтилъ: доказательство, что степь была нѣкогда дномъ морскимъ. Пріѣхали въ Евпаторію. Городъ Татарскій, все исчерчено кривыми переулками; вездѣ каменныя ограды; за оградами низенькіе домики Караимовъ и Татаръ. Квартира наша надъ самымъ моремъ; каменная высокая ограда отдѣляетъ хозяйскій садикъ отъ набережной. Садикъ здѣсь есть чрезвычайная рѣдкость; здѣсь, какъ видно, ничего не растетъ. Садикъ заведенъ не болѣе трехъ лѣтъ, нѣсколько уксусныхъ деревцовъ, молодыхъ тополей и виноградныхъ лозъ съ большими раскладистыми гроздами, вотъ всѣ сокровища этого вертограда. Квартира состоитъ изъ маленькихъ комнатокъ, откуда видъ на улицу и на море. Первое наше дѣло было какъ нибудь размѣститься. Предводитель Офрейнъ всякое показалъ стараніе для нашего успокоенія. Даже мебель изъ своего дома прислалъ на мою квартиру. По словамъ мальчика, онъ нѣсколько разъ прибѣгалъ вчера въ домъ и навѣдывался о нашемъ пріѣздѣ. Нельзя болѣе показать усердія. Зная, что намъ некогда изготовить стола, онъ прислалъ къ намъ человѣка съ предложеніемъ супа и жаркаго. Послѣ обѣда я уснулъ, а послѣ сна исполнялъ свою обязанность ко Господу, какъ умѣлъ; поутру также призывалъ Его благословеніе, но все это не такъ продолжительно, какъ бы мнѣ желалось. Въ Офрейнѣ Господь послалъ намъ утѣшеніе немалое. Хозяинъ Грекъ, а жена его Петербургская урожденка. Болѣзнь бока моего немножко поусилилась, не знаю отъ чего; кажется, негдѣ было простудиться.

Пятница, 23-го Іюля, городокъ Евпаторія. (День 39 и день 2-й).

Предводитель, усердствующій мнѣ, предложилъ для моего пользованія живущаго въ его домѣ отставнаго штабъ-лѣкаря Нарышкина, который и ходилъ со мною въ ванну, и при немъ вылили на меня три ведра морской воды. Ощущеніе было сильное и вмѣстѣ пріятное по непривычкѣ моей къ водѣ. Ванна, принадлежащая хозяину, сей часъ же за стѣнкою его сада, такъ что я могъ проходить въ нее въ халатѣ. Такимъ образомъ я два раза сегодня обливался, но въ послѣдній разъ вылилъ на себя воды шесть ведеръ. Докторъ не малый чудакъ: не любитъ сидѣть и все ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; онъ отставной штабъ-лѣкарь, прослужившій въ военной службѣ двадцать лѣтъ и оставленный судьбою въ Евпаторіи какъ ракъ на мели.

Такимъ образомъ установились мои купанья, и въ моей настоящей жизни учредился и возможный комфортъ. Ксаверій Амвросьевичъ Оф-

рейнъ исподоволь исполняетъ всѣ мои коммиссіи, и я дошелъ даже до того, что уже позвалъ его къ себѣ и обѣдать; онъ сейчасъ же пришелъ, но долго отговаривался остаться раздѣлить со мною трапезу, не скудную однакожъ, потому что у меня былъ славный супъ, котлеты съ превосходнымъ сладкимъ горошкомъ, какого рѣдко и въ Петербургѣ найдешь, жареные дрозды съ свѣжепросольными огурцами, присланными самимъ гостемъ.

На дворѣ жара нестерпимая, въ комнатахъ душно, и жена моя рѣшилась обливаться морскою водою. Лѣкарь пришелъ ко мнѣ послѣ обѣда, и мы, послѣ купанья, пошли прогуливаться. Я зашелъ къ женѣ Офрейна, которая, повидимому, мнѣ была очень рада. Помѣщеніе и у нихъ незавидное. Три комнаты въ одной анфиладѣ. Я напился чаю и пѣшкомъ пошелъ домой въ сопровожденіи предводителя. Была свѣтлая, мѣсячная ночь; шли по берегу моря, отъ котораго запахъ несносенъ. Здѣсь есть зданіе мечети очень замѣчательное; оно было нѣкогда церковью, построенною Генуэзцами, и осталось одно, чтобы напомнить о древнемъ существованіи Евпаторіи. Мечеть красуется посреди низенькихъ строеній Караимовъ и Татарскихъ саклей не подвинувшихъ и доселѣ архитектуру свою выше обыкновенныхъ бивуаковъ или лагерныхъ балагановъ, но послѣдніе безспорно лучше въ относительномъ своемъ достоинствѣ. Мы съ Офрейномъ подходили и къ здѣшнему фонтану; это Артезіанскій колодезь, котораго ключъ бьетъ достаточно для утоленія цѣлаго города. Замѣчательно, что прежде чѣмъ нашлась прѣсная вода, должно было проводить буравъ чрезъ морскую воду.

По словамъ моего хозяина дома, эта вода цѣлебна для геморроя, и дѣйствительно она сильно отзывается веществомъ сѣрнымъ; вода непротивна и въ чаѣ и въ обыкновенномъ питьѣ и мягка въ умываньѣ. Мы проходили съ Офрейномъ мимо одного дома, который рядомъ съ нами. Въ немъ живетъ прелестная женщина, невысокаго роста, прогуливающаяся одна по городу въ сопровожденіи черной собачки, ея неизмѣннаго товарища. Часто видятъ ее и за городомъ, всегда одну и всегда съ собачкою. Дама эта есть генеральша Лачинова; она уже не въ первый разъ пріѣзжаетъ въ Евпаторію, преимущественно нанимаетъ такой домъ, гдѣ бы не было хозяина, платитъ неслыханную въ городѣ цѣну, напр. 300 рубл. въ мѣсяцъ, живетъ въ домѣ по нѣскольку таковыхъ мѣсяцевъ и ни съ одною душею не знается, не видится. Но въ этомъ недоступномъ домѣ есть однако Антиной, который изъ дома ни на одинъ шагъ не выступаетъ, даже не прогуливается; его никто совершенно не видитъ. Антиноя зовутъ какимъ-то Толстымъ; въ прежнихъ пріѣздахъ Лачиновой видѣли его однако въ мундирѣ, нынѣ онъ

одѣвается во фракъ. Эта чета не одинъ разъ, такимъ образомъ, пріѣзжала въ Евпаторію и исчезала изъ этого городка до срочнаго времени. Романтизмъ и таинственность подобной жизни, видно, не слишкомъ поражаютъ здѣшнихъ Караимовъ. Ночь я провелъ не такъ душно, какъ вчерашнюю. Обязанность свою ко Господу я исполнилъ какъ могъ и какъ умѣлъ, вѣроятно, недостойно; ибо проникнутое грѣхомъ и разсѣяніемъ сердце не можетъ и не умѣетъ славословить чистаго Бога. Болѣзнь бока моего усилилась, и я съ трудомъ могу переворачиваться; будущность моя необъяснима для соображеній, но не безотрадна, ибо я въ рукахъ Отца милосерднаго и благодатнаго.

24-го Іюля, Суббота гор. Евпаторія. (40 день и 3 день).

Въ нынѣшній день, по совѣту врача, я уже началъ купаться въ самомъ морѣ; два раза я купался, по утру, т. е. до обѣда и вечеркомъ; при второмъ разѣ вода была нѣсколько похолоднѣе. Ванну мнѣ предоставилъ городничій свою. Худо, что очень много ходитъ народу: надобно уловлять свободный случай, иначе не удастся и выкупаться. Ванна, которою завѣдываетъ городничій, стоитъ на удобномъ мѣстѣ; въ морѣ нѣтъ ни камешка, ни травы: такъ гладко, какъ въ ваннѣ. Помоги, Господи, найти мнѣ пользу въ купаньѣ! Городничій сдѣлалъ мнѣ честь посѣтить меня; по наружности, онъ долженъ быть добрый человѣкъ; впослѣдствіи слышалъ я объ немъ, что онъ содержитъ до сорока человѣкъ близкихъ къ нему людей, родственниковъ и проч. Онъ причиною, что городъ имѣетъ Артезіанскій колодезь. Онъ поразсказалъ мнѣ про городъ довольно страннаго, напримѣръ, что Евпаторія имѣетъ у себя до 167 улицъ; можно себѣ представить, какія это улицы. Здѣсь до 3000 Караимовъ. Это народъ богатый и благовидный, но они живутъ отдѣльно и не имѣютъ сношенія съ христіанами, особенно ихъ жены, которыя даже по русски говорить не умѣютъ. Потомъ слѣдуютъ Татары; этихъ, какъ мнѣ помнится, до 7000, потомъ Греки, Молдаване, Цыгане, Армяне; послѣдніе двухъ исповѣданій, Григоріанскаго и Каѳолическаго; они не терпятъ другъ друга вслѣдствіе ревнованія по вѣрѣ. Татары, особенно Цыгане, очень бѣдны; но мнѣ кажется, что всѣ эти народы любятъ городничаго за его справедливость и добродушіе. Явился ко мнѣ и почтмейстеръ въ мундирѣ и привезъ остальныя деньги, слѣдующія мнѣ получить отъ Симферопольскаго почтмейстера.

Почта пришла изъ Симферополя, и по доброжелательству городничаго принесъ ее ко мнѣ частный приставъ; кромѣ обыкновенныхъ газетъ, была ко мнѣ записочка отъ кн. Козловскаго съ поздравленіемъ

полученія царской милости, но что всего важнѣе, по волѣ князя, приложена была копія съ отношенія къ нему Адлербергова, въ которой прописаны замѣчательныя слова Государя Императора: «При этомъ случаѣ его величество приказалъ поблагодарить ваше сіятельство за ваше письмо, на которое самъ желалъ отвѣчать, но долженъ былъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи по неимѣнію вовсе свободнаго отъ безпрестанныхъ занятій времени». Вотъ какъ Государь отвѣтилъ на то письмо, которое, въ сопровожденіи моего, послано было къ нему отъ князя. Могу ли не благодарить щедраго Бога за столь благополучное окончаніе моего желанія? Будь Ему благодарностью моею нѣжность, которую питаетъ къ нему единородный Сынъ Его, а я замолчу, ибо огонь нечистаго моего сердца не можетъ быть достойно возжигаемъ предъ престоломъ чистаго божества. Кромѣ того, получилъ письмо отъ племянницы изъ Костромы, и эта радостно удивила меня. Она въ сильныхъ, исполненныхъ любви и признательности, выраженіяхъ проситъ моего благословенія на бракъ; достойный, какъ она пишетъ, человѣкъ, предложилъ ей свою руку, чрезъ посредство брата. Слава Богу и за это. Сегодняшнимъ сюрпризамъ нѣтъ конца, и вотъ сказываютъ мнѣ, что Дмитрій Ивановичъ съ своею больною женою пріѣхалъ ко мнѣ изъ Сакскихъ грязей; я былъ имъ очень радъ, хотя и негдѣ было помѣстить ночевать ихъ. Мы пріятно побесѣдовали съ Дмитріемъ Ивановичемъ. Онъ человѣкъ весьма интересный и серіозный. Онъ привезъ мнѣ дорогой гостинецъ изъ Одессы: серебряный вызолоченный ножъ съ рукояткою изъ агата для разрѣзыванья книгъ. Женѣ его немножко получше отъ грязей Сакскихъ. Я былъ очень веселъ и прогуливался по отъѣздѣ гостей моихъ, по саду и двору хозяйскому. И хозяину моему отъ грязей дѣлается лучше. У него простужены ноги, въ первый день послѣ погруженія все у него снова и острѣе заболѣло, такъ что онъ хотѣлъ бросить свои грязныя ванны, но съ другой ванны началъ быть довольнѣе, и теперь это идетъ возвышаясь. Я исполнилъ долгъ свой предъ Господомъ, какъ умѣлъ, безъ особеннаго затрудненія.

25-го Іюня Воскресенье, гор. Евпаторія. (День 44 и день 4-й).

Я посылалъ Вариньку на рынокъ; она мнѣ принесла нѣсколько дынь, арбузъ и блюдо сливъ. За обѣдомъ ѣлъ со вкусомъ и немножко полакомился дынею, которую ѣлъ въ сахаромъ и перцомъ. Я не могу довольно нахвалиться дынею; она сладка и разсыпчива, но не имѣетъ такого пріятнаго запаха, который мы встрѣчаемъ въ дыняхъ выращаемыхъ въ Россіи. Купался два раза; во вторый разъ даже при волненіи моря; вода тепла и пріятна. Благодареніе Богу, женѣ она помогаетъ. У нея нѣтъ судорогъ, нѣтъ тяжелаго спанья, и она,

по ея словамъ видимо облегчается. Сегодня, послѣ обѣда я писалъ письма въ Петербургъ къ женѣ, а въ Усть-сысольскъ къ матери Василія Николаевича Латкина и къ обѣимъ приложилъ къ письмамъ каждой по сту рублей серебромъ. Эта обязанность, по журналу общества, давно тяготила меня. Богу благодареніе, что я развязался. Къ старику Бардовскому также написалъ письмецо и ему приложилъ сорокъ рублей серебромъ въ подкрѣпленіе труда его и въ число того долга, который сдѣланъ при покупкѣ ста экземпляровъ его перевода. Докторъ и предводитель по нѣскольку разъ посѣщаютъ меня, и я не могу довольно нахвалиться усердіемъ послѣдняго, съ которымъ я прогуливался вечеркомъ и осматривалъ двѣ квартиры; онѣ не удовлетворили моимъ требованіямъ. Офрейнъ разсказалъ мнѣ водевильное приключеніе прошлаго или третьяго года, случившееся съ генеральшею Лачиновою. Она часто прогуливается и одна съ собачкою. Ходя по здѣшнему гостиному двору, замѣтилъ и влюбился въ нее одинъ сидѣлецъ лавки. Любовь росла болѣе и болѣе, и онъ рѣшился написать къ ней письмо, гдѣ открылъ всю глубину души своей и какъ велико его чувство, не называя, впрочемъ, своего имени. Если вы хотите меня знать, писалъ восторженный юноша, то въ прогулкахъ встрѣтите меня безъ шляпы; заговорите со мною, и это будетъ знакомъ, что вы не отвергаете почтительную любовь и позволите къ себѣ явиться, чтобы на колѣнахъ досыта насмотрѣться на прелестныя черты лица вашего. Сидѣлецъ письмо положилъ на окошко, которое обыкновенно открывала и закрывала сама генеральша; видно, онъ на досугѣ успѣлъ это все высмотрѣть. Мы незнаемъ навѣрное, какъ г-жѣ Лачиновой это показалось; только она сдѣлала, какъ будто не получила письма; сидѣлецъ опять подкинулъ ей второе письмо, нѣтъ отвѣта; сидѣлецъ третье письмо бросилъ непризнательной женщинѣ, и вотъ по третьему уже письму ея превосходительство обратилась къ здѣшнему городничему. Начались розыски, нѣтъ успѣха; но по нѣкоторымъ сближеніемъ, по одному писанному счету, поданному изъ лавки, начали подозрѣвать моего молодца. Городничій призываетъ юношу, подъ какимъ-то предлогомъ заставляетъ его писать, собираетъ здѣшнихъ матадоровъ смотрѣть на каллиграфію и по общемъ сужденіи, что почеркъ письма и бумаги очень близки между собою, рѣшается спросить писавшаго, не онъ ли подкидывалъ письма къ генеральшѣ. Юноша оробѣлъ, но признался, говоря, что у него не было никакой другой цѣли, какъ только досыта насмотрѣться на прелестную Лачинову. Дѣлайте со мною, что угодно, я не отпираюсь отъ своего желанія. И вотъ городничій въ сопровожденіи преступника и его дяди пошли къ генеральшѣ. Сидѣлецъ поблѣднѣлъ какъ полотно при видѣ своей очаровательницы, которая протянула ему

руку. Онъ бросился предъ нею на колѣни, а руку поцѣловалъ городничій, говоря, что лучше ему такую ручку поцѣловать, нежели какому нибудь лавочнику. Генеральша въ свое удовлетвореніе потребовала, чтобъ выслали изъ города сидѣльца, что̀ дядя его и сдѣлалъ, отправивъ племянника въ какой-то ближайшій городокъ, и вотъ до сихъ поръ племянникъ не является къ дядѣ, хоть срокъ осужденія давно уже минулъ. Представьте же себѣ, каково было бѣдному юношѣ стоять при этомъ торжественномъ осужденіи предъ тою, на которую онъ хотѣлъ только наглядѣться, стоять при счастливомъ его соперникѣ, Толстомъ, или, какъ его тогда называли, графѣ Толстомъ, который вѣроятно съ торжествомъ уничтожалъ взорами презрѣннаго плебея. И вотъ судьба человѣческая въ этой траги-комедіи заставила только выиграть городничаго, который поцѣловалъ маленькую ручку у миленькой генеральши. Довольно о человѣческомъ вздорѣ. Я исполнилъ долгъ свой къ моему благодѣтельному Господу безъ особенныхъ препятствій и прошу, чтобы простилъ меня за литературное отступленіе въ моихъ запискахъ.

26-го Іюля, Понедѣльникъ гор. Евпаторія. (42 день и 5 день).

Въ нынѣшній день не могъ купаться, ни поутру, ни ввечеру: море страшно волнуется, вѣтеръ крѣпчаетъ часъ отъ часу; ванны сняты и какъ онѣ на колесахъ, то втащены на берегъ; морская вода сгустилась; илъ, всякая дрянь, даже *мертвыя головы* выбрасываетъ сердитое море; зловоніе ужасное, въ комнатѣ и на дворѣ какъ клоакъ. Я писалъ записки или коротенькія письмецы къ князю Козловскому, къ своему хозяину, управителю Коренсскому и къ Ялтскому лѣкарю Зеленкевичу; первому отложилъ 125 рубл. сер., второму 200 рубл. сер., и третьему 50 рубл. сер., всего 375 рублей. Всѣ сіи уплаты облегчаютъ мою заботливость. Предводитель Офрейнъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать и самъ за нами пріѣхалъ; мы сѣли всѣ четверо въ его повозку и отправились. Хозяинъ и хозяйка были намъ очень рады. Обѣдъ былъ довольно оригиналенъ. Красный супъ съ ножками и мозгами, блюдо говядины съ гарниромъ капусты и какого-то овоща, мягкаго, похожаго на лукъ; здѣсь его называютъ кабакомъ. Этотъ овощъ прекрасенъ, очень нѣженъ и придаетъ много вкуса мясу; по мнѣ эта приправа лучше артишоковъ и спаржи, я первый разъ въ жизни ѣлъ этотъ легюмъ; потомъ подали пловъ изъ дичины и знаменитое жаркое: gigot de mouton à l'aile, баранину съ чеснокомъ и, наконецъ, сладкій пирогъ на манеръ яблочнаго, но только изъ свѣжихъ сливъ; и этотъ пирогъ я тоже первый разъ ѣлъ. Обѣдъ кончился кускомъ очень хорошаго Голландскаго сыра; вино было доброе, хотя и дешевое изъ погребка Крича; хотя бутылка онаго и по 30 только копѣекъ серебр.

продается, однако его можно съ удовольствіемъ пить, особенное красное. Странно и даже изумительно, что тогда какъ все ѣло за столомъ, сама хозяйка кушала одинъ лишь картофель и свѣжій огурецъ; она никакого не можетъ ѣсть мяса, ни рыбы, чувствуя ко всему этому отвращеніе, и это продолжается около полутора года; это родъ нѣкотораго разстройства нервовъ. Сегодня поутру являются ко мнѣ два Караима, посланцы отъ Симы Бобовича; я ихъ принялъ, и они подносятъ мнѣ пучекъ изъ цвѣтовъ. Восточная эта учтивость расположила меня сдѣлать Бобовичу посѣщеніе, и вотъ послѣ обѣда съ предводителемъ и лѣкаремъ мы отправились къ сему знаменитому Караиму. Городъ, который мы проходили, составленъ весь изъ коридоровъ, такъ я назову его улицы, которыя не похожи на Симферопольскія: во-первыхъ, чище, во-вторыхъ, стѣны лучше сложены, нѣтъ воротъ, а однѣ лишь калитки. Домъ Бобовича подобенъ прочимъ, весь дворъ выложенъ каменными плитами, у крыльца зеленѣетъ какое-то старинное дерево, это оживляетъ и утѣшаетъ взглядъ при отсутствіи зелени. Бобовичъ былъ не здоровъ, насъ приняли въ нижнемъ этажѣ въ такъ называемой пріемной комнатѣ. Она прохладна и убрана по европейски; вотъ является и самъ Бобовичъ, какъ кажется, довольный нашимъ посѣщеніемъ, и приглашаетъ идти наверхъ; по узкой лѣстницѣ мы взобрались въ свѣтлую и обширную горницу, у которой окошки съ обѣихъ противулежащихъ сторонъ, на всѣхъ повѣшены или опущены сторы расписныя. Посрединѣ комнаты стоитъ столъ съ бумагами; предъ столомъ стулъ, покрытый какъ бы тигровою кожею; возлѣ стѣны длинный и довольно покойный диванъ; кое-гдѣ висятъ эстампы, и въ сторонѣ на столѣ расположена электричесвая машина съ приборомъ. Вотъ наружность комнаты. Являются прислужники, изъ коихъ одинъ—сѣдой старикъ между двухъ возрастовъ и юноша ловкій и стройный. Сейчасъ подали намъ по трубкѣ табаку; потомъ началось угощенье; придвинули противъ меня небольшій столикъ съ перламутровыми украшеніями, на которомъ поставлена была бутылка мадеры, нѣсколько рюмокъ, тарелка съ грушами и блюдечко съ вареньемъ изъ розоваго листа; я отказался отъ мадеры, и мнѣ подали другого вина, кажется изъ лозъ Бобовича. Пришелъ его дядя, тоже старикъ почтеннаго вида, съ которымъ Бобовичъ меня познакомилъ. Бобовичъ пріѣзжаетъ сюда на время, чтобы покупаться въ морской водѣ; онъ живетъ здѣсь въ домѣ брата, съ которымъ еще не дѣлился послѣ смерти родительской, хотя тому и прошло очень давнее время. Домъ Бобовича находится въ Карасу-базарѣ и, по словамъ, прекрасенъ и удобенъ. Разставшись съ хозяиномъ, мы пошли съ Офрейномъ по базару; я зашелъ въ близъ находящуюся кофейню и пригласилъ съ собою двухъ Караимовъ, одного купца и хозяина этой

кофейни, небогатой, впрочемъ; вездѣ низкіе диваны, гдѣ сидящіе курятъ табакъ и пьютъ кофе, чашка котораго продается по гривнѣ мѣди; кофе безъ молока съ гущею, и не скажу, чтобъ дуренъ. Молодой человѣкъ варилъ его въ печуркѣ и разносилъ въ маленькихъ чашечкахъ. Мнѣ пріятно было видѣть степенныхъ Караимовъ, молча пившихъ кофе; мое соображеніе переносило меня на Востокъ. Оттуда я прошелъ къ городничему; я довольно посидѣлъ у него, познакомился съ женою его, которая, какъ мнѣ кажется, женщина говорливая и привѣтливая, видѣлъ и брата Казначеева. Возвратившись домой я нашелъ уже у себя гостинцы отъ Бобовича: груши, кукурузу и еще что-то, чего назвать по-русски не умѣю, а по-французски называютъ herbegine. Ночь спалъ въ волненіи; я былъ не трезвъ; можетъ быть, много пилъ и кофе, смятенные сны тревожили меня. Поутру я исполнилъ мою обязанность ко Господу безъ особенныхъ препятствій.

27-го Іюля, Вторникъ, гор. Евпаторія. (День 43 и день 6-ой).

Погода не измѣняется къ лучшему; море бушуетъ и завываетъ, какъ дикій звѣрь, разъяренныя волны плещутъ съ шумомъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности и сего дня купаться. Ко мнѣ принесли почту; письмо отъ брата Всевол. Никитича, въ которомъ увѣдомляетъ о согласіи имъ данномъ на бракъ Машеньки; отъ сестрицы князя, въ которомъ косвенно напоминаетъ мнѣ, чтобъ я озаботился написать управителю Кореисскому о поправкѣ дома. Вотъ является ко мнѣ съ золотою медалью на шеѣ Караимскій раввинъ Авраамъ Фирковичъ. Этотъ старецъ очень замѣчателенъ по своему образованію; онъ членъ корреспондентъ историческаго Общества въ Одессѣ, медаль получилъ за открытіе важныхъ рукописей и документовъ, касающихся до мѣстности. Онъ путешествовалъ на счетъ Караимскаго общества, открывалъ курганы, отыскивалъ закладенныя въ стѣнѣ старинныя хартіи. Такимъ образомъ извѣстился онъ, что въ Бахчисараѣ скрываются въ потаенномъ мѣстѣ древнія бумаги и книги; онъ является уполномоченный правительствомъ для взятія оныхъ; беретъ съ собою городничаго, стряпчаго, нѣсколько Татаръ. Между тѣмъ собираются Жиды, поборники Талмуда. Фирковичъ приказываетъ Татарамъ рубить стѣну; въ то время Евреи говорятъ Татарамъ на ихъ языкѣ, что они смертію умрутъ, если приступятъ къ столь беззаконному дѣлу, ибо древнія книги заложены были въ стѣну подъ клятвою. Татары робѣютъ, и топоръ выпадаетъ изъ ихъ рукъ. Неробкій раввинъ беретъ самъ въ руки топоръ, прорубаетъ отверстіе, входитъ безбоязненно въ тайникъ и выноситъ оттуда книги, столь долгое время заключенныя; мало этого, роется подъ жертвенникомъ и находитъ еще въ тайнѣйшемъ мѣстѣ обвитую мате-

ріею книгу очень древнюю и важную. Всѣ эти находки проливають свѣтъ на мѣстную исторію, объясняютъ, когда Хозары поступили въ караимство, то есть перешли въ чтителей Пятикнижія Моисеева. Фиркович даже нашелъ, отрывая старые камни и отыскивая на ихъ надписи, гробницу того изъ знаменитыхъ Іудеевъ, который первый обратилъ изъ язычества царя Хозарскаго, между тѣмъ какъ гробница была не извѣстна и любителями старины усвояема разнымъ мѣстамъ. Общество Одесской исторіи и древностей не повѣрило Фирковичу въ открытіи подлинной гробницы знаменитаго мужа; оно выбрало агента, знатока Еврейскаго языка и семитическихъ отраслей онаго, какъ-то Халдейскаго и проч. Тайно отправили развѣдать и обслѣдить открытіе. Пріѣхавшій для этого Одесскій раввинъ по долгомъ исканіи удостовѣрился въ подлинности гробницы и даже нашелъ по надписи и гробницу жены искомаго мужа. Такимъ образомъ просвѣщенная и добросовѣстная находка Фирковича подтвердилась. Хозарскія рукописи тѣмъ важны, что Еврейскій текстъ Пятикнижія вмѣщаетъ въ себѣ можетъ быть подлинную орфографію текста, о которой такъ много споровъ между учеными; извѣстно, что знаки препинанія очень измѣнялись въ позднѣйшія времена между раввинами и вводимы, можетъ быть, были произвольно въ текстъ Священнаго Писанія. Фирковичъ за Кавказомъ нашелъ одну древнюю рукопись Пятикнижія Моисеева, гдѣ сохранилась замѣчательная приписка, изъ коей видно, какъ давно и откуда пришли Караимы на здѣшнее жительство. Раввинъ говоритъ хорошо по русски; онъ много читалъ, страстный любитель археологическихъ знаній, отличный, по моимъ намекамъ, Ебраистъ, помнитъ тексты Священнаго Писанія, судитъ о нихъ современнымъ образомъ. Мы говорили съ нимъ о Моисеѣ, о его неизвѣстной гробницѣ, о сокровищахъ перваго храма гдѣ-то сохраняющихся, объ Уримѣ и Тумимѣ, о голосѣ изъ сокровеннаго мѣста или Коль-кореѣ, о гробницѣ царей Израилевыхъ. Фирковичъ былъ въ Іерусалимѣ съ Симою Бобовичемъ. Въ то время пришелъ на поклоненіе въ Іерусалимъ изъ Египта князь Илья, единственный остатокъ Давыдова рода или династіи. Князь Израильскій былъ бѣденъ и обиженъ въ средствахъ; Бобовичъ одѣлъ его, снабдилъ деньгами, отдалъ всю честь князю Давыдова рода. Раввинъ говорилъ мнѣ, что есть неизвѣстная книга пророка Эздры, сохраняемая также въ стѣнахъ одной Египетской синагоги. Старецъ и теперь поѣхалъ бы отыскивать ее, не смотря на труды и опасности; но нѣтъ вызова на это предпріятіе, нѣтъ средствъ, а онъ готовъ бы былъ даже жертвовать на это своею жизнію... Заговорили о философіи; ему извѣстенъ Филонъ, Ессеяне и проч. О Талмудахъ онъ судитъ очень здраво. Знаніемъ Евангелія онъ также удивилъ меня. Какъ прекрасно толкуетъ онъ превосходную мо-

литву: Отче Нашъ, съ какимъ благоговенiемъ смотритъ онъ на этотъ залогъ милости и безмѣрной любви Бога къ тварямъ.

Когда мы говорили съ раввиномъ, нашла туча; мы закрыли окошки и остались въ потьмахъ. Какъ бы удивился тотъ, который, вошедши въ маленькую темную комнату, увидѣлъ бы меня въ халатѣ, боязливаго и встревоженнаго, и почтеннаго старца, похожаго величавостью своею на горнаго жителя изъ «Тоски по отчизнѣ» Штилинга. Потомъ явился ко мнѣ посланецъ отъ жены Петербургскаго Калифа, спрашивать приму ли я ее и когда раввинъ ушелъ, жена Калифова и его сестра, вдова пришли посѣтить меня. Головы у женщинъ закутаны были въ бѣлыя покрывала, и онѣ разговаривали со мною черезъ переводчика. Бѣдная, оставленная жена жаловалась на мужа, что тотъ ее совершенно покинулъ и не даетъ ничего на содержанiе; она во все продолженiе разговора плакала, бросалась цѣловать мои руки, упадала къ ногамъ моимъ, можетъ быть, вслѣдствiе восточнаго обыкновенiя. Спускаю завѣсу на поступки Калифа, котораго въ Петербургѣ я считалъ честнымъ и добрымъ Караимомъ; я не думалъ, чтобъ онъ сталъ подражать Соломону въ его непонятномъ паденiи...

Обѣдъ мой сегодня былъ у меня необыкновенный; я посылалъ Семена къ Бобовичу, чтобъ тотъ приказалъ своему повару поучить моего приготовленiю присланныхъ вчера имъ же ко мнѣ легюмовъ. И подлинно, я давно такого не ѣдалъ плова и этой рубленной баранины съ тѣми легюмами, которые были присланы.

Вечеромъ былъ предводитель; принесли ко мнѣ изъ Саковъ письмо отъ Дм. Ив. Попова, при ономъ фунтъ Московскаго чаю и банку варенья. Сакскiй врачъ тоже заѣхалъ ко мнѣ. Мой хозяинъ призывалъ баньщика Грека и условился съ нимъ о цѣнѣ за ванну по 7 рублей за каждую; онъ обѣщалъ мнѣ указать подрядчику самую лучшую грязь. И такъ примемся за новое лѣченье, только бы погода позволила. И доктора Оже довольно чудна исторiя. Онъ мальчикомъ ушелъ изъ Францiи въ Россiю, и вотъ судьба бросила его на Сакскiя грязи. Я исполнилъ свою обязанность предъ Господомъ, безъ особенныхъ препятствiй. Но развлеченiямъ нѣтъ конца; съ радостiю бы я оставилъ Евпаторiю и перебрался въ Кореисъ, гдѣ мнѣ свободнѣе, но не вижу возможности скоро это сдѣлать. Господи, помоги мнѣ въ моемъ желанiи, если на это есть Твоя святая воля; впрочемъ и отъ двухдневнаго погруженiя въ морѣ боку моему сдѣлалось немножко получше. Докторъ Оже рѣшительно совѣтовалъ мнѣ приняться за коренное средство.

28-го Іюля, середа, гор. Евпаторія. (44 день и 7 день).

Описывая вчерашній день, я забылъ упомянуть объ одномъ и занимательнѣйшемъ эпизодѣ того дня; приступаю. Вечеромъ мимо нашихъ окошекъ вдругъ раздаются рѣзкіе тоны органа съ серебрянымъ женскимъ голосомъ, напѣвающимъ отечественную пѣсню; я велѣлъ позвать къ себѣ пѣвунью и музыканта. Пришелъ обыкновенный, полугрязный Жидъ съ шарманкою, но вмѣстѣ съ нимъ пришла дѣвочка стройная въ одномъ бѣломъ платьицѣ, хотя па дворѣ былъ рѣзкій вѣтерокъ. Я заставилъ ее сперва пѣть, и вотъ въ сопровожденіи органа пригожая дѣвушка залилась: Не шей ты мнѣ матушка, красный сарафанъ. Пропѣла очень мило и потомъ спрашивала насъ, не прикажу ли я все ей дѣлать. Разумѣется, надобно дѣлать все, отвѣтствовалъ я. Дѣвочка налила стаканъ и рюмку полные водою, поставила первый къ себѣ на лобъ, а рюмку на уста и начала разныя эквилибрическія положенія, вставала, ложилась, завязывала себѣ глаза и пролѣзала сквозь стулъ; готовилась и на другое кое-что, но намъ стало ея жалко, и мы прекратили дальнѣйшее ломанье; велѣли ей поплясать, и дѣвочка отличнымъ образомъ проплясала намъ матросскій танецъ. Какихъ она фигуръ не выкидывала и гдѣ всему этому научилась! Потомъ еще пѣла намъ Соловья и Тройку. Дѣвушка извинялась, что на этотъ разъ хорошо пѣть не можетъ, потому что простудила горло; она жаловалась, что бѣдна и нѣтъ платья; помнится, что отняли платье у нея въ Севастополѣ. Вотъ ея исторія. Одинъ Еврей съ женою и малолѣтнимъ сыномъ жили назадъ тому нѣсколько лѣтъ по Севастопольской дорогѣ, недалеко отъ города и содержали гостинницу для проѣзжающихъ; посреди дня приходятъ къ нимъ двое проходящихъ; въ это время Еврей собирался въ Севастополь, проходящіе просятъ, чтобы хозяинъ подвезъ ихъ въ городъ, на что сей и согласился; не успѣли они отъѣхать, какъ одинъ изъ этихъ неизвѣстныхъ возвращается къ оставшейся Еврейкѣ и съ ножомъ въ рукахъ требуетъ у нея денегъ; та отдала, что̀ у нея было; разбойникъ требуетъ болѣе. Что̀ дѣлать бѣдной женщинѣ? Вотъ она говоритъ, что есть еще нѣсколько денегъ въ сундукѣ стоящемъ въ подвалѣ или погребѣ. Разбойникъ туда отправляется, взявши малолѣтняго сына хозяйки; хозяйка запираетъ дверь погреба. Разбойникъ стучится, угрожаетъ убить сына и стращаетъ скорымъ приходомъ товарища, который, угомонивъ ея мужа, непремѣнно поспѣшитъ къ нему на выручку. Смущенная Еврейка не отпираетъ погреба, разбойникъ убиваетъ сына; вотъ и товарищъ его возвращается, убивъ мужа Еврейки; но въ это время бѣдная женщина заперлась, какъ могла у себя въ комнатѣ. Разбойникъ вламывается въ окошко. Еврейка, не теряя при-

сутствія, беретъ топоръ и ударяетъ имъ просунувшуюся въ окошко голову злодѣя; между тѣмъ выбѣгаетъ на улицу, кричитъ какъ можетъ; горное эхо подкрѣпляетъ крикъ, и вотъ сбѣжавшіеся люди изъ ближней деревни хватаютъ разбойника, который остался въ погребѣ и который въ безсильной злобѣ своей зарѣзалъ мальчика. Въ это время бѣдная Еврейка была беременна, и родившееся чадо есть та самая дѣвочка, которая у насъ плясала и для которой всѣ эти, увы, можетъ быть и невольныя забавы, суть средства къ жизни, къ пропитанію и къ избавленію себя отъ голодной смерти. Мать умерла, она осталась круглою сиротою. Когда кликали дѣвочку съ улицы, то хозяинъ нашъ рядилъ ее: если поиграть просто на шарманкѣ, то пятачекъ серебра; если ей пропѣть съ шарманкою, то тогда дать надобно гривенникъ. Когда потѣха окончилась, она пошла съ рюмочкою; я ей далъ карбованецъ, а хозяинъ какую-то серебряную монету; жена изъ жалости подарила ей какой-то вязаный платочекъ, дабы сохранить ея горло отъ дальнѣйшей простуды. Съ какимъ рѣзкимъ стремленіемъ бѣдная дѣвка бросилась обнимать и цѣловать руки жены моей. Этотъ даръ, видно, очень важенъ для ея скудости.

Перехожу въ другую матерію. Довольно было рано, какъ сынъ Бобовича ко мнѣ явился, тотъ самый мальчикъ, котораго я видѣлъ въ Петербургѣ, годъ назадъ тому. Онъ пришелъ отъ имени отца, и я подарилъ ему новыя подтяжки, полученныя мною изъ Петербурга отъ кумы моей Фредерики. Сынъ Бобовича принесъ мнѣ грушъ; но онѣ не такъ хороши какъ тѣ, которыя присланы отцомъ его. Я отправлялъ почту, писалъ къ князю, къ сестрѣ его, отправлялъ въ разныя мѣста и къ разнымъ лицамъ; на одно отправленное...

*

На этомъ мѣстѣ въ дневникахъ Ю. Н. Бартенева находится значительный пробѣлъ; дальнѣйшіе листки затеряны, и мы имѣемъ продолженіе лишь съ 9-го Октября. Изъ другихъ источниковъ видно, что лѣченіе грязями помогло ему, и онъ уже 10 Сентября былъ въ Коренсѣ возлѣ своего „благодатнаго“ князя А. Н. Голицына, по ходатайству котораго императоромъ Николаемъ Павловичемъ дано было ему щедрое пособіе для поѣздки въ Евпаторію. Ю. Б.

БІОГРАФІЯ Д. А. ВОЛУЕВА [1]).

Дмитрій Александровичъ Волуевъ родился въ Симбирской губерніи, 1820 г. Сентября 14-го. Еще не было ему году, какъ лишился онъ матери, скончавшейся въ юныхъ лѣтахъ, и онъ какъ бы заступилъ ея мѣсто въ любви къ ней ея семейства, ея братьевъ. Она была урожденная Языкова [2]). До 11-ти лѣтняго возраста воспитывался онъ въ домѣ отца своего и тамъ уже отличался особеннымъ прилежаніемъ и любовію къ чтенію. Въ 1832 году отецъ привезъ его въ Москву, и онъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ проф. Павлова. Онъ явился туда тихимъ и робкимъ мальчикомъ. Кто бы тогда вглядѣлся въ прекрасныя черты и цвѣтъ его лица, въ красоту его большихъ голубыхъ глазъ, и увидалъ бы въ тоже время необыкновенную застѣнчивость, даже неловкость всѣхъ его движеній, особенно выказывавшуюся всякій разъ, какъ его заставляли участвовать въ играхъ, тотъ угадалъ бы уже тогда, что для внутренней жизни, не для радостей мірскихъ и внѣшнихъ, ему суждено было развиться. Онъ привезъ съ собою сундучекъ, наполненный книгами, частію уже прочитанными имъ прежде. Въ первое время это было его единственное сокровище, единственное утѣшеніе въ его одиночествѣ; ибо долго чувствовалъ онъ себя одинокимъ въ кругу своихъ товарищей. Волуевъ не былъ первымъ въ своемъ классѣ и, казалось, не хотѣлъ имъ быть; между тѣмъ онъ пріобрѣлъ любовь и уваженіе лучшихъ изъ учениковъ высшаго класса, которые одни могли его понять и оцѣнить. Какъ и въ послѣдствіи, онъ не былъ одаренъ ни особеннымъ даромъ слова, ни быстротою мысли, ни блестящею памятью; но жажда знанія, желаніе усвоить себѣ и распространять на другихъ все доброе въ нравственномъ мірѣ, явились въ немъ рано отличительными его чертами. Въ изысканіи средствъ къ удовлетворенію этой жажды знанія, въ безпрерывномъ стараніи доставать и сообщать другимъ книги, уже тогда проявлялась въ немъ дѣятельность, такъ сильно послѣ развившаяся для общей пользы. По счастливому стеченію обстоятельствъ, Волуевъ рано могъ уже пользоваться обществомъ и руководствомъ людей съ истиннымъ образованіемъ. На праздники иногда его брали къ себѣ нѣкоторые изъ друзей его дядей по матери. Робкій и дикій въ отношеніи

---

[1]) Перепечатывается съ рѣдкой брошюры, вышедшей въ Москвѣ въ 1846 г. и написанной, сколько намъ извѣстно, Василіемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ (?), котораго сестра была мачихою Д. А. Валуева. Вездѣ тутъ онъ именуется Во, а не Ва—луевымъ. П. Б.

[2]) Александра Михаиловна. П. Б.

къ незнакомымъ, онъ со всею горячностію души своей привязывался къ тѣмъ, къ кому привыкалъ, съ кѣмъ сближался, и самъ никогда не сомнѣвался въ ихъ взаимной къ себѣ дружбѣ. Силою своею довѣрчивости къ другимъ, своего стремленія къ благому, онъ, будучи почти ребенкомъ, нерѣдко заставлялъ бесѣдовать съ собою людей, давно уже дѣйствовавшихъ на поприщѣ литературы. У нихъ находилъ онъ также богатые матеріалы для чтенія: кромѣ того, бралъ книги изъ нѣсколькихъ книжныхъ лавокъ, гдѣ былъ абонированъ. На 13 и 14-ти лѣтнемъ своемъ возрастѣ онъ увлекался чтеніемъ произведеній романтической, особенно Французской, литературы: въ какіе-нибудь полтора, много два года, перечелъ онъ почти все, что̀ въ ней было новаго и сколько-нибудь замѣчательнаго, посвящая на это всѣ свободныя отъ классическаго ученія минуты. Его нравственная природа была такъ хороша, что это чтеніе нисколько не развратило его воображенія, но произвело на него только то дѣйствіе, что онъ рано увидѣлъ всю пустоту произведеній этого рода и обратился вполнѣ къ чтенію книгъ историческихъ, или классическихъ литературныхъ произведеній. Его не удовлетворялъ уже болѣе Французскій языкъ: онъ сталъ совершенствовать себя въ Нѣмецкомъ, занялся Англійскимъ и Итальянскимъ.

Около трехъ лѣтъ пробылъ онъ въ пансіонѣ и въ 1835 г., по желанію родныхъ своихъ, перешелъ въ домъ къ близкому имъ человѣку, къ проф. Шевыреву, гдѣ въ продолженіе года готовился подъ его руководствомъ ко вступленію въ Университетъ, въ 1-е отдѣленіе философскаго факультета, и потомъ годъ прожилъ студентомъ. Здѣсь онъ не былъ уже обязанъ вставать и ложиться по звонку, онъ свободно могъ располагать своимъ временемъ, своими уроками; и потому, здѣсь вполнѣ уже проявились его трудолюбіе и сила воли. Онъ распредѣлялъ свое время не по часамъ, а по минутамъ. Всякое упущеніе онъ послѣ вознаграждалъ въ минуты отдыха и въ часы, опредѣленные для сна. Тогда уже видна была въ немъ строгость къ самому себѣ, вѣрность въ храненіи своего слова, въ исполненіи задачъ, самому себѣ заданныхъ; только съ помощію этихъ качествъ души могъ онъ впослѣдствіи въ немногіе юношескіе годы прожить такъ много жизни внутренней, общеполезной, совершить такъ много благихъ дѣлъ и предпріятій.

Кромѣ новыхъ языковъ и литературъ, въ это время онъ занимался преимущественно изученіемъ языковъ древнихъ, и не однимъ уже чтеніемъ, но и изслѣдованіями историческими. Болѣе половины второго года по вступленіи его въ Университетъ, онъ вслѣдствіе частныхъ обстоятельствъ долженъ былъ провести въ Синбирскѣ*), и потому этотъ годъ былъ для него потерянъ въ отношеніи къ Университету. Возвратившись въ Москву, онъ нанялъ себѣ комнату въ одномъ домѣ, гдѣ жило семейство ему близкое, гдѣ нашелъ онъ себѣ товарищей и старшихъ, способныхъ руководить его на все полезное и благое. Онъ сдѣлался какъ бы членомъ этого семейства и въ немъ провелъ послѣдніе три года своего Университетскаго курса. Онъ занимался здѣсь, какъ и прежде, читалъ бездну, изучалъ Гомера, Виргилія,

*) Тоже вездѣ въ брошюрѣ Синбирскъ, по старинному, напечатанъ съ буквою *н*.

Нибура, Канта, Бакона, Русскія лѣтописи. Къ этому времени относится начало многихъ его сочиненій, оконченныхъ и неоконченныхъ, многихъ предпріятій, исполненныхъ и неисполненныхъ. Тогда уже цѣлью его занятій не было пріобрѣтеніе знанія мертваго или отвлеченнаго; онъ хотѣлъ знать только то, въ чемъ видѣлъ смыслъ духовный; какъ и въ самой жизни обращалъ вниманіе только на внутреннюю ея сторону. Онъ предался исключительно наукѣ исторической и въ ней дорожилъ только началами, составляющими сущность самой жизни. Въ тѣсномъ кругу, въ которомъ онъ жилъ. было много блестящихъ дарованій, и они всѣ были достойно цѣнимы. Въ этой постоянной взаимной оцѣнкѣ они находили для себя полную самоудовлетворенность, и она, можетъ быть, приносила имъ временный, частный вредъ. Но Волуевъ—любимый всѣми, но не превозносимый черезъ мѣру, уступавшій другимъ въ дарованіяхъ—находилъ въ этомъ кругу одно постоянное соревнованіе и побужденіе къ неослабному труду. Видя вокругъ себя людей съ самыми блестящими способностями, съ самыми благими намѣреніяти, но часто недѣйствующихъ, онъ понялъ, чѣмъ они могли быть для него и онъ для нихъ.

Въ 1841 году онъ вышелъ изъ Университета, 21-го года, со всею дѣтскою чистотою, человѣкомъ уже зрѣлымъ, сознавшимъ свои силы, свое назначеніе. Проф. Крюковъ, котораго раннюю потерю недавно мы оплакивали, понялъ и оцѣнилъ его прежде и болѣе другихъ. Онъ понялъ и оцѣнилъ въ немъ небреженіе къ одной мертвой формальности, мѣрилу ложнаго просвѣщенія: отъ Волуева, кончившаго курсъ хотя и кандидатомъ, но далеко не первымъ, онъ ожидалъ гораздо болѣе, нежели отъ всѣхъ его товарищей, несравненно блистательнѣе кончившихъ свой экзаменъ.

Въ этомъ же 1841-мъ году Волуевъ лишился отца и явился подпорою оставленнаго имъ семейства. Съ 1842-го года онъ вступилъ дѣятельно на поприще литературы. Задачей своей жизни онъ положилъ способствовать проявленію талантовъ видимыхъ, но бездѣйствующихъ въ людяхъ, которые его окружали, перелить имъ свою любовь къ труду, заимствуя отъ нихъ и знаніе, и ясность, и опредѣленность убѣжденій. *Всякому дано явленіе духа на пользу.* И онъ хотѣлъ всѣ дары соединить на общую пользу, ничему такъ не соболѣзнуя, какъ ихъ безплодности. Этой цѣли онъ, 21-го года, началъ жертвовать своимъ имуществомъ, самимъ собою.

Нелицепріятная любовь къ отечеству, безпристрастное уваженіе и любовь къ Русской старинѣ, во сколько въ ней самобытно проявлялись чистыя духовныя начала, но еще сильнѣйшая и безусловная привязанность къ Церкви, въ непогрѣшимость, въ единство коей онъ непоколебимо вѣрилъ: вотъ чувства и убѣжденія, развитыя въ немъ его юношескимъ образованіемъ. Занятія его были всѣ устремлены на распространеніе и утвержденіе этихъ убѣжденій, и въ этомъ стремленіи своемъ онъ примирялъ науку съ жизнію.

Одинъ изъ предметовъ, обратившихъ на себя первую его дѣятельность, было собираніе и обнародованіе нетронутыхъ дотолѣ источниковъ Русской

Исторiи. Замѣчанiе одного ученаго ревнителя нашей народности, что между старинными бумагами, такъ называемыми крѣпостями Русскихъ дворянъ, находятся многiе драгоцѣнные памятники, коихъ обнародованiе было бы весьма важно для Русской Исторiи, переданное Волуеву, не пропало даромъ и возбудило эту первую его дѣятельность. Онъ понялъ важность и истину этого замѣчанiя и, рѣшившись тотчасъ имъ воспользоваться, соединился для этой цѣли съ своими дядями, тремя Языковыми и Хомяковымъ. Онъ обратился, разумѣется, къ дворянамъ той губернiи, которой самъ принадлежалъ. Онъ былъ въ Симбирскѣ лѣтомъ 1842 года. Къ этому времени, кажется, можно отнести начало его дѣятельнаго служенiя обществу. Среди занятiй дѣлами своего семейства и своими собственными, онъ не проводилъ ни одного дня безъ трудовъ общеполезныхъ. Не въ однихъ дворянскихъ архивахъ, вездѣ искалъ онъ древнихъ рукописей: въ архивахъ правительственныхъ, во сколько они могли быть для него доступны, у лицъ духовныхъ, у купцовъ, у подъячихъ въ Симбирскѣ, даже въ тѣхъ лачугахъ, которыя сокрыты отъ свѣта и отъ глазъ въ обширномъ оврагѣ, подъ мостомъ. Эти поиски продолжалъ онъ все лѣто. Для нихъ и на возвратномъ пути въ Москву, черезъ Нижнiй, онъ останавливался въ городахъ. Болѣе всего нашелъ онъ драгоцѣнныхъ памятниковъ въ самомъ Симбирскѣ, въ Алатырѣ и Курмышѣ. Его юношескiя надежды при этихъ поискахъ далеко не совершились вполнѣ; съ богатымъ однакожъ запасомъ онъ возвратился въ Москву и началъ изданiе *Симбирскаго Сборника,* который онъ посвятилъ памяти знаменитаго Симбирскаго уроженца, исторiографа Н. М. Карамзина. Три года еще прошло до совершеннаго окончанiя и выдачи имъ въ свѣтъ 1-го тома. Въ эти три года онъ воспользовался, кажется, всѣмъ, что̀ Москва, ея ученые, ея архивы, могли доставить ему для усовершенствованiя и распространенiя этого изданiя; написалъ по поводу его разысканiе о мѣстничествѣ, служащее предисловiемъ къ напечатанной въ немъ разрядной книгѣ. Этотъ послѣднiй трудъ представляетъ, можетъ-быть, лучшую разработку специальнаго вопроса въ нашей Исторiи. За такiя изслѣдованiя до него у насъ еще не принимались.

Но много, много еще въ эти три года было имъ сдѣлано, начато, задумано. Трудно исчислить всѣ труды, имъ самимъ и другими по его побужденiю предпринятые. О многихъ еще нельзя говорить; ибо тайну ихъ онъ самъ хранилъ свято до ихъ будущаго исполненiя. Но главными его предпрiятiями, приведенiе которыхъ въ дѣйствiе началось уже при немъ, кромѣ изданiя Симбирскаго Сборника, были изданiя *Библiотеки для Воспитанiя, Сборника Историческихъ и Статистическихъ свѣдѣнiй о Россiи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ,* основанiе складочнаго мѣста для Русскихъ книгъ въ Лейпцигѣ; сношенiя съ землями православными внѣ Россiи и нѣкоторыми людьми въ странахъ другихъ исповѣданiй, показывавшими сочувствiе къ Восточной церкви и желанiе познать ее.

Знакомство его съ А. П. Зонтагъ, коей нѣкоторыя сочиненiя и переводы для дѣтскаго чтенiя онъ взялся выдать въ свѣтъ, подало ему поводъ

къ изданію Библіотеки для Воспитанія, собранія статей для дѣтскаго чтенія въ стихахъ и въ прозѣ, большею частію оригинальныхъ. Еще въ 1842 году, когда онъ въ послѣдній разъ былъ въ Синбирскѣ и занимался преимущественно собраніемъ историческихъ актовъ, онъ вездѣ, гдѣ только ему могло удасться, раздавалъ работы, извлеченія, переводы, заготовляя матеріалы для Библіотеки. Изданіе ея началось съ 1843 года; съ 1845-го онъ далъ ему лучшій и обширнѣйшій планъ. Къ участію въ немъ склонилъ онъ многихъ профессоровъ Московскаго Университета и другихъ ученыхъ и литераторовъ. Онъ его раздѣлилъ на два отдѣла; одинъ собственно для дѣтскаго чтенія, другой для теоретическихъ статей о дѣтскомъ воспитаніи. Самъ онъ завѣдывалъ вполнѣ первымъ отдѣломъ; редакцію второго принялъ на себя проф. Рѣдкинъ. Но это раздѣленіе оказалось неудобнымъ; опытъ убѣдилъ, что второй отдѣлъ не соотвѣтствуетъ изданію періодическому. Уѣзжая за границу нынѣшнею осенью, Волуевъ на 1846 годъ прекращалъ изданіе Библіотеки, но предоставлялъ себѣ право возобновить его по своемъ возвращеніи, ограничившись уже однимъ отдѣломъ для дѣтей.

Самое обширнѣйшее изъ литературныхъ предпріятій Волуева было изданіе Историческаго и Статистическаго Сборника. Онъ сначала хотѣлъ назвать его Славянскимъ; но потомъ измѣнилъ это названіе, когда увидѣлъ, что его стали у насъ употреблять во зло безъ всякаго толку и разумѣнія, и что это слово вошло въ моду въ разговорахъ чуждыхъ всякой мысли и общаго интереса и въ особенности науки. Печатаніе этого Сборника началось въ началѣ 1843 года. Первый томъ его, совершенно приготовленный Волуевымъ передъ самымъ его отъѣздомъ, вышелъ на дняхъ изъ печати. Слѣдующія статьи принадлежатъ въ немъ самому Волуеву: 1. Предисловіе, 2. Города Нѣмецкіе и Славянскіе, 3. Славянское и Православное населеніе въ Австріи, 4. нѣсколько разборовъ въ библіографическомъ отдѣлѣ, названномъ „Историч.Наука Слав. міра въ послѣднее пятилѣтіе", и наконецъ главная – 5. Христіанство въ Абиссиніи. Изъ этихъ статей можно получить довольно полное понятіе обо всемъ его направленіи, объ его убѣжденіяхъ въ наукѣ и отчасти въ самой жизни. Кромѣ того въ первой части перваго тома заключаются: пять статей оригинальныхъ (Хомякова, Попова. Грановскаго, Снегирева и Соловьева) и пять переводныхъ, или извлеченій изъ сочиненій о Славянахъ Чоппе и Штенцеля, Іос. Губе, Суровецкаго, Кледена и письмо Еврея Рабби-Хисдай къ царю Хозарскому; наконецъ 2-я часть, занимающая не болѣе третьей доли всего тома, заключаетъ въ себѣ полный переводъ большого сочиненія проф. Дерптскаго Университета Рейца о политическомъ и муниципальномъ устройствѣ Далмаціи въ среднихъ вѣкахъ. Компактность изданія дала возможность представлять такимъ образомъ вмѣстѣ съ оригинальными статьями извлеченія и цѣльные переводы изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій на другихъ языкахъ о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ. Цѣль изданія этого Сборника ясно высказана Волуевымъ въ предисловіи; тамъ же, на стр. 22—23, можно видѣть, что̀ уже имъ заготовлено для слѣдующихъ томовъ.

И такъ. вотъ что совершилъ Волуевъ въ послѣдніе три года своей жизни... Дѣятельность въ такіе годы безпримѣрная! Кто сообразитъ всѣ тѣ предпріятія и труды, на которые мы только намекнули, тотъ составитъ себѣ хотя слабое объ ней понятіе; тотъ согласится, что это была жизнь достойная остаться въ памяти людей и служитъ примѣромъ для настоящихъ и будущихъ поколѣній.

Въ чемъ состояла тайна этой дѣятельности? Въ силѣ любви, въ силѣ вѣры и надежды, въ силѣ внутренней жизни, отражавшейся и во внѣшнихъ его дѣйствіяхъ. Она внушала ему довѣріе къ самому себѣ и еще большее къ другимъ. Ею объясняется его неотразимое вліяніе на другихъ. Онъ самъ какъ будто сознавалъ, что вѣкъ его не дологъ, что онъ мимолетный гость на сей землѣ. Это видно изъ того, что хотя много онъ сдѣлалъ, но еще болѣе началъ, завѣщалъ, указалъ другимъ, какъ дѣлать. И другіе тоже какъ будто предчувствовали его судьбу и показывали ему вниманіе и уваженіе, по обыкновенному порядку не соотвѣтствовавшее его юнымъ лѣтамъ. Онъ этому радовался; ибо чувствовалъ, что это ему нужно не для одного самолюбія, но и для общей пользы. Онъ радовался всему, что̀ устроивало эти отношенія, хотя бы это стоило ему великой жертвы. Такъ въ началѣ 1843 года вслѣдствіе его болѣзни его стали посѣщать его близкіе, друзья, сотрудники, сверстники и старшіе, и такимъ образомъ всѣ привыкали бывать у него; онъ думалъ, сколько это можетъ принести ему выгоды въ отношеніи ко времени и радовался своей болѣзни... Никто не умѣлъ такъ пользоваться временемъ, такъ мало терять его для суетности внѣшней. Однѣ минуты отдыха посвящалъ онъ бесѣдѣ сердечной съ людьми самыми близкими. и въ эти минуты почерпалъ новую силу для своей дѣятельности. Рѣдко. и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже, являлся онъ въ многолюдныя общества его друзей. Его прежняя внимательность къ шумнымъ разговорамъ исчезала; онъ видѣлъ въ нихъ мало пользы. Онъ искалъ только тѣхъ, съ кѣмъ могъ переговорить о дѣлѣ, и удалялся. Крѣпко было въ немъ сознаніе своего дѣла, и для него онъ не отступалъ ни передъ какими приличіями, неумолимо грозными для прочихъ. Иногда даже люди, болѣе всѣхъ его цѣнившіе и понимавшіе, находили въ его поступкахъ странность, какое-то пренебреженіе къ прочимъ, и обращались къ нему съ укоромъ; тогда онъ устремлялъ на нихъ свои умоляющіе взоры и какъ бы говорилъ: „я знаю, что̀ я дѣлаю; простите меня, но оставьте!“

Войдемъ въ его комнату, прослѣдимъ за его днемъ въ тѣ полгода, съ Генваря до Іюля 1844 года, когда, возвратившись изъ-за границы, онъ казался совершенно здоровымъ. Едва раскрывалъ онъ глаза, какъ уже начиналъ распредѣлять свои занятія. Всѣ столы во всѣхъ 3-хъ или 4-хъ его комнатахъ постепенно занимались людьми, которые ему помогали въ черной работѣ по его изданіямъ. Кто принимался за переписываніе, кто за выписки, за сличеніе копій какихъ-нибудь столбцовъ съ подлинниками; другіе переводили что-нибудь подъ его надзоромъ. Между тѣмъ писецъ ожидалъ

уже его диктовки. У него всегда было что-нибудь для диктовки въ то время, когда самъ онъ не могъ еще сѣсть за свой письменный столъ. Потомъ являлись корректуры изъ типографіи, приходили наборщики, переплетчики, граверы, бумагопродавцы, книгопродавцы и пр. и пр. Приходили и друзья его и сотрудники, и не разъ встрѣчали у него какого-нибудь старца съ бородою, пришедшаго къ нему для духовной бесѣды. Наконецъ онъ уединялся въ своей комнатѣ и сосредоточивался надъ какою-нибудь собственною оригинальною работою и въ это время, хотя онъ и не отказывалъ своимъ посѣтителямъ, но никогда не отрывался отъ своего дѣла и посѣтителя своего старался тоже занять дѣломъ. Около трехъ часовъ онъ распускалъ своихъ домашнихъ сотрудниковъ, приводилъ въ порядокъ всѣ свои дневныя дѣла, заготовлялъ множество записокъ, корректуръ, посылокъ и, выѣзжая, вручалъ это все своему служителю для разноски по городу, продолжавшейся иногда до самаго вечера. Самъ онъ отправлялся куда-нибудь обѣдать. Иногда еще до обѣда заѣзжалъ къ разнымъ лицамъ наводить справки объ общихъ дѣлахъ, опаздывалъ иногда къ обѣду и забывалъ объ немъ. Время обѣда было единственное, которое онъ опредѣлялъ на посѣщеніе самыхъ близкихъ ему семействъ. Тутъ онъ часто игралъ съ дѣтьми, которымъ былъ другъ и наставникъ, которые его любили всею душею и для него свободныя отъ уроковъ минуты съ охотою, съ радостію, посвящали на заданныя имъ работы, на переписки, сличенія, считыванія. Въ остальное время дня онъ старался свидѣться со всѣми, кто въ это время былъ занятъ съ нимъ какимъ-нибудь общимъ дѣломъ, или кого онъ только надѣялся побудить къ такому занятію, или у кого нужно было испросить совѣта. Заѣзжалъ въ типографію, къ цензору. Если это было лѣтомъ, онъ соединялъ всѣ эти посѣщенія съ прогулками, которыя обыкновенно дѣлалъ верхомъ. Одинъ ему близкій человѣкъ, въ шутку, но безъ насмѣшки, обыкновенно называлъ его часовщикомъ, который всякій день объѣзжаетъ всѣ дома, гдѣ находится заводимые имъ часы. Хотя это была шутка, но она вѣрно выражаетъ его внѣшнюю дѣятельность. Пусть часы, заводимые нашимъ Волуевымъ, не останавливаются долго и безъ видимой его руки... Ежедневно одинъ часъ вéчера любилъ онъ наблюдать за ходомъ ученаго труда, однимъ изъ близкихъ ему людей по его побужденію предпринятаго и отъ котораго ожидалъ онъ болѣе плода, нежели отъ своихъ предпріятій. Никогда, ни по какимъ причинамъ, самъ не пропускалъ онъ этого часу. Остальное время онъ проводилъ частію въ чтеніи, частію въ бесѣдѣ...

Общественная и внѣшняя дѣятельность Волуева была проявленіемъ его внутренней жизни: въ ней видна была его душа. Но, чтобы вполнѣ ее постигнуть, надобно было ее видѣть въ его отношеніяхъ частныхъ; надобно знать, какъ онъ умѣлъ любить. Въ этихъ отношеніяхъ, въ его юные годы, проявилась вся сила и чистота его души. Юноша, едва вступившій въ жизнь, онъ окружалъ людей ближайшихъ его сердцу всѣми заботами объ единомъ, чтò есть на потребу жизни, о ихъ жизни внутренней, духовной, нравственной. Въ немъ это было незамѣтно и просто: его собственная чи-

стота давала ему на то внутреннее право. Онъ сохранилъ эту чистоту до гроба.

Въ 1842 году осенью Волуевъ занемогъ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1843 года онъ отправился для поправленія своего здоровья за границу *). Отъ этой поѣздки особенно надѣялись пользы, потому что думали такимъ образомъ оторвать его отъ усильной дѣятельности здѣсь. Но возможность ея находилась для него вездѣ, гдѣ онъ встрѣчалъ отношенія къ своему отечеству, и еще болѣе къ видимой Церкви Христовой. Въ полгода онъ объѣхалъ большую половину Европы. Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, онъ рылся въ библіотекахъ, собиралъ матеріалы для своихъ сочиненій объ Ирландской церкви, объ Абиссиніи; изъ Праги вывезъ много рѣдкихъ книгъ и замѣчательнѣйшихъ рукописей касательно Чешской исторіи; въ Англіи вошелъ въ сношенія съ людьми, сочувствовавшими одушевлявшей его мысли о соединеніи церквей. Во многихъ мѣстахъ онъ слышалъ жалобы на трудность литературныхъ сношеній съ Россіею, на невозможность доставать книги. Жалобы эти давно уже были слышны и со всякимъ днемъ увеличивались; но никто помочь этому недостатку не умѣлъ; Волуевъ за это взялся и, по возвращеніи его въ Москву, его мысль обратилась тотчасъ въ дѣло: весной 1844 года Лейпцигъ снабжалъ уже Парижъ лучшими произведеніями Русской литературы. За границей Волуевъ познакомился только съ нѣкоторыми лицами въ Англіи и въ Прагѣ, близкими ему по своимъ стремленіямъ. Сношенія съ ними онъ продолжалъ въ Россіи, но еще болѣе побуждалъ къ нимъ другихъ. Излишне говорить о любви, которую ему оказали и послѣ сохраняли къ нему люди, какъ Ганка, Шафарикъ, исторіографъ Палацкій. Нигдѣ не могъ онъ оставаться долго: его повсюду сопровождала тоска неодолимая. Это былъ, можетъ быть, единственный случай, въ которомъ онъ не показалъ достаточной силы воли надъ собою: здѣсь дѣло шло объ его здоровьи. Вдругъ, къ радости и прискорбію своихъ друзей, онъ уже въ Генварѣ мѣсяцѣ 1844 года возвратился къ нимъ въ Москву, къ своей обычной дѣятельности, къ своимъ изданіямъ.

Его здоровье поправилось вслѣдствіе его поѣздки, но не надолго: она была слишкомъ кратка и тревожна. Къ тому же его отсутствіе только усилило его рвеніе къ общественному служенію; онъ привелъ въ дѣйствіе всѣ возстановившіяся свои силы. Ихъ стало не на долго. Лѣтомъ 1844-го года его здоровье разстроилось еще болѣе прежняго. Онъ собирался ѣхать къ своимъ въ Синбирскъ, но уже не былъ у нихъ ни разу. Въ зиму 1844 и 1845 года онъ долженъ былъ оставаться большею частію дома; онъ сдѣлался сосредоточеннѣе, и съуменьшеніемъ внѣшней дѣятельности усиливалось въ немъ напряженіе умственное. Къ этому времени относится его огромный трудъ объ мѣстничествѣ, окончаніе первой статьи о Христіанствѣ въ Абиссиніи и редакція Библіотеки. Кругъ его сотрудниковъ еще увеличился; невозможность всѣхъ объѣзжать попрежнему онъ вознаграждалъ дѣятельной перепиской. Урывками повторялись дни его прежней полной движенія жизни.

---

*) Въ Лейпцигѣ Д. А. Валуевъ напечаталъ небольшую книжку „La Russie envahie par les Allemands", безъ имени сочинителя, коимъ былъ Ф. Ф. Вигель. П. Б.

Прошедшею весной ему сдѣлалось хуже: онъ сталъ видимо ослабѣвать. Начало чахотки въ немъ сдѣлалось несомнѣнно. Въ Августѣ 1845-года, по общему совѣту врачей и друзей его, ему рѣшено было ѣхать за границу. на Югъ Франціи. Трудно было его на это склонить: невыносима была для него мысль оторваться отъ того мѣста, въ которомъ онъ видѣлъ для себя столько дѣла впереди, отъ тѣхъ людей, въ кругу которыхъ онъ находилъ счастіе. Общій приговоръ убѣдилъ его въ необходимости этой поѣздки. Но скоро самъ почувствовалъ онъ свою слабость; увидѣлъ, что до возстановленія своего онъ долженъ отказаться отъ всякой дѣятельности и внѣшней, и умственной. Мысль оставаться здѣсь въ бездѣйствіи стала ему невыносима, и онъ также сильно сталъ желать и требовать отъѣзда, сколько прежде отъ него отвращался. Воображенію его стали представляться труды, которые онъ могъ бы предпринять за границей, когда сколько нибудь возстановились бы его силы, та польза, которую могъ извлечь изъ своего путешествія, и оно сдѣлалось уже для него привлекательнымъ. Въ это время былъ здѣсь въ Москвѣ одинъ Англійскій пасторъ, въ короткое время заслужившій любовь и уваженіе своей временной паствы и всѣхъ его знавшихъ. Чувство оторванности церквей Западныхъ отъ единства Церкви Христовой, уваженіе къ Восточному Православію, были достаточными причинами къ сближенію его съ Волуевымъ. Однажды, выходя отъ него послѣ искренней бесѣды, пораженный чистотою и горячностью его высокихъ, духовныхъ стремленій, онъ со слезами на глазахъ сказалъ, обращаясь къ другому: „такіе люди не долго живутъ на свѣтѣ!“ Пророческія были эти слова. Первая статья Волуева о Христіанствѣ въ Абиссиніи къ 1-му тому Историческаго Сборника была окончена въ это время. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ имѣлъ утѣшеніе получить ее изъ духовной цензуры съ самымъ лестнымъ отзывомъ отъ ученаго человѣка, ее цензоровавшаго, достойнѣйшаго судьи въ этомъ дѣлѣ *).

Въ Сентябрѣ онъ получилъ заграничный паспортъ: онъ уѣхалъ бы, можетъ быть, въ Августѣ, но паспортъ изъ Петербурга нельзя было получить прежде трехъ недѣль. Потомъ сильная лихорадка задержала его еще недѣль 6-ть. Думали его совсѣмъ не пускать, но онъ самъ непремѣнно хотѣлъ ѣхать. Противорѣчить ему было невозможно. Притомъ здѣсь не видали никакой надежды; единственную возможную надежду предполагали въ перемѣнѣ климата. Какъ скоро лихорадка уступила, отъѣздъ былъ рѣшенъ. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 3-го Ноября, 8-го прибылъ въ Новгородъ и не могъ ѣхать далѣе, хотя и не терялъ надежды. Еще 18-го числа онъ думалъ продолжать путь свой чрезъ Петербургъ, но въ этотъ день къ вечеру не въ силахъ уже былъ передвинуть ногъ. Въ немъ не было предчувствія приближающейся кончины; но безпрестанныя видѣнія, непонятныя для прочихъ, а ему представлявшіяся дѣйствительностью, показывали, что бодрая его душа уже разрѣшается отъ оковъ тѣлесныхъ. Онъ окружалъ себя своими друзьями,

---

*) Ѳ. А. Голубинскаго? П. Б.

разговаривалъ съ ними часто, призывалъ ихъ, воображая ихъ возлѣ себя, часто мановеніемъ руки отправлялъ къ нимъ письма, которыя писалъ только мысленно. Вся сосредоточенная сила, вся бодрость его души, съ новымъ блескомъ явились въ послѣдніе его дни при окончательномъ разслабленіи его силъ тѣлесныхъ. Въ Москвѣ передъ отъѣздомъ онъ не могъ болѣе четверти часа выслушивать никакого чтенія. Въ Новгородѣ въ одинъ вечеръ, ни разу не прервавши чтенія, онъ выслушалъ Апокалипсисъ весь, съ начала и до конца. Раздражительность, отличительный признакъ чахотки, терзавшая его въ послѣдніе мѣсяцы въ Москвѣ, исчезла совершенно. Ни его спутникъ за границу *), тотъ самый человѣкъ, ему душею преданный, который сопровождалъ его въ его послѣднюю поѣздку въ Симбирскъ еще въ 1842 году, ни его служитель, не видали отъ него нетерпѣливаго движенія во всѣ двадцать дней послѣ его отъѣзда изъ Москвы. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ болѣе кротокъ и покоренъ онъ становился. Казалось, милость Божія ему назначила эти двадцать дней для полнаго очищенія. Онъ такъ былъ радъ, когда, пріѣхавъ въ Новгородъ, вошелъ въ ту комнату, изъ которой болѣе не вышелъ! Еще за три дня до кончины онъ диктовалъ къ одному изъ друзей своихъ письмо, въ которомъ говорилъ, что доволенъ своимъ пребываніемъ въ Новгородѣ. Общество его друзей могло поддерживать въ немъ самолюбіе, единственную слабость, которую могли въ немъ замѣтить или предполагать, хотя онъ постоянно противъ нея боролся и, по возможности, хранилъ въ тайнѣ свое служеніе на пользу общую, свои дѣйствительныя и незабвенныя заслуги; присутствіе гордости въ немъ, кажется, было только свидѣтельствомъ той силы душевной, съ которой онъ ее въ себѣ поборолъ. Среди уединенной святыни Новгородской онъ чистъ предсталъ передъ судомъ Господнимъ. 20 Ноября причастился Св. Таинъ, въ ночь съ 22 на 23-е почувствовалъ приближеніе кончины. Въ пять часовъ онъ три раза перекрестился и скоро затѣмъ испустилъ духъ....

На другой день тѣло Волуева вынесено было въ церковь св. Димитрія Солунскаго. Въ 6-й было отпѣваніе. Черты его лица были все еще прекрасны. Народъ приходилъ толпами къ его гробу и, посмотрѣвъ на его еще прекрасные останки, люди простые, его не знавшіе и не слыхавшіе о немъ, молились искренно за упокоеніе души его. Въ вечернюю панихиду послѣ отпѣванія гробъ закрыли крышею. Когда же черезъ трое сутокъ его подняли, чтобъ совершить послѣдній обрядъ церковный, бросить на тѣло горсть земли и потомъ закрыть его навѣки лице, руки его не представили ни малѣйшаго измѣненія. 23 Декабря тѣло привезено въ Москву, 29 предано землѣ въ Даниловскомъ монастырѣ возлѣ Венелина.

Блаженны, ихъ же избралъ и пріялъ еси, Господи!

В......

Москва, 29 Декабря 1845 года.

*) Это былъ Михаилъ Егоровичъ Своехотовъ. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Д. Н. СВЕРБЕЕВА *).

Д. А. Валуевъ.

Болтливымъ гостемъ бывалъ въ домѣ статсъ-секретаря Кикина одинъ морской офицеръ молодыхъ лѣтъ, Александръ Дмитріевичъ Валуевъ. Онъ привезъ на своемъ военномъ кораблѣ въ 1815 году Кикина изъ Англіи и пользовался, какъ услужливый и знаменитый путешественникъ, бывалый въ Англіи, всею свободою нѣсколько нахальной рѣчи (этимъ правомъ умѣлъ онъ пользоваться). Его сосватали Кикины на родственницѣ нашей, Языковой, старшей сестрѣ Екатерины Михайловны Хомяковой, необыкновенно красивой, молодой, 20-ти лѣтней дѣвицѣ, которая отличалась, какъ и всѣ Языковы, необыкновенной дикостью, такъ что я, не смотря на всю мою короткость въ ихъ семьѣ и даже ухаживанье за ней, когда она была невѣстой (къ явному негодованію и сватовъ, и самого жениха), никакъ не могъ добиться, была ли она сколько-нибудь умна. Съ хвастуномъ-мужемъ жила она недолго и оставила по смерти четырехъ дѣтей, изъ коихъ одинъ, Дмитрій, былъ необыкновенно даровитый и въ тоже время красивый юноша, работящій и смышленный труженикъ возникавшаго уже тогда общества Славянофиловъ, издавшій «Дѣтскую Библіотеку», Симбирскій и еще какой-то Сборникъ. По выходѣ изъ Университета онъ весь предался страстному изученію напущеннаго на него Славянства и отъ усиленныхъ трудовъ и изысканій, которыми никакъ не могли быть удовлетворены пылкія, возвышенныя стремленія его даровитой юности, впалъ въ злую чахотку. Присутствію въ немъ этой тяжкой болѣзни долго не хотѣлъ вѣрить наставникъ и учитель его, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, и

---

*) Въ „Русскомъ Архивѣ", еще при жизни Дмитрія Николаевича Свербеева, появлялись выдержки изъ Записокъ его (см. въ „Росписи" за первыя тридцать лѣтъ, приложенной въ 1894 году нашего изданія), а также и другія статьи его. За сообщеніе настоящихъ страницъ обязаны мы дочери его, Софьѣ Дмитріевнѣ Свербеевой. Будемъ надѣяться, что Записки Д. Н. Свербеева появятся на свѣтъ въ полномъ видѣ, особою книгою, къ утѣшенію людей знавшихъ этого человѣка, память о которомъ дорога многимъ, и къ обогащенію нашей исторіографіи. П. Б.

лѣчилъ гомеопатіей, какъ обыкновенную лихорадку. Другъ дяди его, поэта Языкова, Московскій знаменитый врачъ Иноземцевъ убѣдился наконецъ самъ, что у Валуева чахотка, увѣрилъ въ существованіи ея и другихъ членовъ кружка, способнаго увлекаться вѣрою въ мечты и сомнѣніемъ въ дѣйствительности, отправилъ молодаго Валуева въ чужіе края въ позднюю осень и уже полумертваго. Его довезли до Новгорода, гдѣ онъ и умеръ 23 Ноября 1845 года.

Изъ всѣхъ изданныхъ имъ сочиненій самымъ замѣчательнымъ была обширная статья о «Мѣстничествѣ». Надъ нею отчасти трудился онъ на моихъ глазахъ и уже страждущій въ нашемъ Солнышковѣ. Надо сказать, что съ одной стороны запутанность избраннаго имъ, никѣмъ еще не разработаннаго предмета, и болѣзненное состояніе автора съ другой, дѣлали эту статью неудобопонятною, а потому и неудобочитаемою. По появленіи ея въ печати всѣ наши тогдашніе серьезные журналы отдали ей громкую честь на своихъ страницахъ, обѣщая отчетливый разборъ, который однако нигдѣ не явился. Нѣсколько разъ прочитывалъ онъ мнѣ написанное имъ о «Мѣстничествѣ» наканунѣ и вчернѣ, и когда я, что̀ случалось часто, не могъ отыскать въ его выводахъ яснаго, здраваго смысла, то самъ помогалъ ему въ изысканіяхъ и не разъ тутъ же набрасывалъ мои собственныя замѣчанія. Онъ принималъ ихъ охотно и добродушно, и съ моего согласія они переходили въ текстъ статьи. Кромѣ собственныхъ своихъ усиленныхъ занятій юный ревнитель народнаго просвѣщенія заставлялъ работать и всѣхъ ему близкихъ, начиная отъ своего великаго учителя Хомякова, которому онъ строго опредѣлилъ послѣобѣденное время отъ 7 до 9 часовъ вечера писать «Семирамиду», т. е. его историческія мечтанія. Мнѣ собственно срочнаго времени къ занятію не опредѣлялось; за то подъ его усидчивымъ надзоромъ работали охотно двѣ старшія мои дѣвочки, разбирая и переписывая для него столбцы. Работалъ для него и товарищъ его Пановъ и чуть ли не Иванъ и Петръ Кирѣевскіе. Ежедневно онъ обходилъ заподряженныхъ имъ мастеровыхъ, наблюдая за работами, почему и прозванъ былъ мною часовщикомъ, повѣряющимъ по домамъ всякаго рода часы. Бѣдная его мать не дожила до того, чтобы порадоваться своимъ сыномъ; а безтолковый отецъ, также не долго прожившій, не могъ предвидѣть въ немъ будущаго кратковременнаго дѣятеля науки. Къ сожалѣнію и самая наука, которой онъ предался всецѣло, почерпаема имъ была изъ возмущенныхъ страстями источниковъ. Съ любовію остановился я, какъ бы на цвѣткѣ песчанаго пространнаго поля, на этомъ, такъ скоро отцвѣтшемъ, юношѣ.

Семья Языковыхъ.

Теперь въ моей картинной галлереѣ выставлю я разомъ портреты трехъ братьевъ Языковыхъ, внучатныхъ моихъ братьевъ по ихъ матери, урожденной Ермоловой. Двое старшихъ, Петръ и Александръ, начали и кончили свое образованіе въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ; меньшой, поэтъ Николай, рано перешелъ въ Инженерный Институтъ Путей Сообщенія и, убоясь математики, перебрался оттуда въ Дерптскій университетъ. Изъ всѣхъ трехъ только старшій, Петръ, занимался серьезно науками, спеціально преподаваемыми въ Горномъ Корпусѣ, и изъ него могъ бы выдти весьма полезный и образованный горный чиновникъ, въ которыхъ и въ настоящее время имѣется у насъ великій недостатокъ для нашихъ казенныхъ и частныхъ заводовъ. Но Петра Языкова, тотчасъ по выходѣ его изъ корпуса съ чиномъ гютенфервальтера, обуяла страшная лѣнь и навела на него спячку. По цѣлымъ днямъ лежалъ онъ, бывало, въ халатѣ на своемъ диванѣ въ той обширной комнатѣ, въ которой также на диванахъ проживали, вѣрнѣе сказать пролеживали, свои дни и два меньшие брата. Но два послѣдніе ежедневно выходили на Божій свѣтъ изъ этой норы: Александръ—въ канцелярію Кикина, а Николай—въ свой Инженерный Институтъ. Образъ жизни ихъ всѣхъ былъ самый оригинальный. Послѣ отца осталось имъ огромное состояніе; но ни одинъ изъ нихъ имъ не пользовался какъ бы слѣдовало, не то чтобы по скупости, а по одной присущей имъ лѣни, лишавшей ихъ способности чего-нибудь захотѣть или имѣть для собственнаго комфорта. Такъ напр., прогнавъ отъ себя спившагося крѣпостного поваренка, обѣдали они изъ ближайшаго Русскаго трактира, скорѣе харчевни. Лѣнивый же ихъ собственный слуга приносилъ имъ поѣсть безъ разбора, что̀ попадется; и мнѣ, часто у нихъ обѣдавшему, очень рѣдко случалось ѣсть за ихъ столомъ что нибудь хорошо поданное и не совсѣмъ простылое. Когда, бывало, уговоришь Петра послѣ долгихъ усилій подняться съ дивана и выдти на Божій свѣтъ прогуляться, сонный слуга Моисей почти цѣлый часъ времени употреблялъ на чистку платья и сапоговъ, чтобы одѣть своего барина. Платье его по цѣлымъ недѣлямъ бывало не чищено, и выходилъ онъ обыкновенно изъ своей трущобы осыпая бранью возмутителей его покоя.

Александръ Языковъ, встрѣтивъ подобно мнѣ препятствія къ серьезному занятію по своей службѣ въ канцеляріи Кикина, менѣе поддавался комнатной халатной жизни, погружался въ глубокомысленное чтеніе и, если не ошибаюсь, бралъ частные уроки у трехъ замѣчательныхъ тогда Петербургскихъ профессоровъ, Германа, Ар-

сеньева и Галича, которые вмѣстѣ съ Раупахомъ подверглись потомъ извѣстнымъ гоненіямъ отъ Магницкаго и Рунича; профессоръ Галичъ даже посвятилъ своему ученику Александру Языкову книгу о философіи, за которую пострадалъ.

Меньшой, Николай, начиналъ въ это время уже быть извѣстнымъ своею бойкою, разгульною поэзіей. Да, кажется я немного напуталъ: въ 1823 году чуть ли не былъ онъ въ Дерптскомъ университетѣ, и я видалъ его тогда у братьевъ въ вакаціи, передъ Новымъ годомъ и Пасхой. Всѣ трое были они очень красивы собой.

Петра Языкова, какъ отличнаго воспитанника, въ которомъ Министерство Финансовъ хотѣло имѣть дѣльнаго чиновника, причислили къ департаменту, обѣщали ему видное штатное мѣсто; но онъ выпросился въ отпускъ въ Симбирское свое имѣніе, совсѣмъ позабылъ про свою службу и, что̀ всего курьёзнѣе, его служба забыла про него на цѣлыя десять лѣтъ. По пріѣздѣ въ Симбирскъ его женили, кто и какъ врядъ ли и самъ онъ про то зналъ, въ семьѣ генерала Ивашева, на сестрѣ Декабриста этой фамиліи, дѣвушкѣ образованной и рѣшительной. Будучи еще очень молодою, не помню, еще въ дѣвицахъ или уже замужемъ, ѣздила она повидаться съ сосланнымъ братомъ въ самую глушь Сибири и это путешествіе совершила безъ позволенія правительства, тайкомъ и подъ чужимъ именемъ.

Петръ Языковъ проснулся къ жизни лишь тогда, когда поѣхалъ съ истощеннымъ болѣзнью братомъ Николаемъ за границу. Тамъ, на минеральныхъ водахъ, въ Гаштейнѣ, встрѣтился онъ съ единственнымъ ученымъ нашимъ министромъ финансовъ, графомъ Канаринымъ, и обратилъ на себя вниманіе этого замѣчательнаго государственнаго человѣка своими основательными познаніями въ горныхъ наукахъ. Министръ выразилъ ему сожалѣніе, что онъ не служитъ по этой части. Тутъ только Петръ Языковъ вспомнилъ, что онъ, служа именно по этой части, находится въ такомъ продолжительномъ отпуску, и озадачилъ министра своей беззаботностью и бездѣйствіемъ въ отношеніи къ нему самого Министерства Финансовъ, къ которому принадлежалъ горный департаментъ. Поѣздка за границу, которую онъ повторилъ, совсѣмъ переродила Петра Языкова. Изъ увальня и лежебока сдѣлался онъ прелюбезнымъ, презабавнымъ, подъ тридцать лѣтъ, человѣкомъ холоднымъ, насмѣшливымъ. Бывая иногда по зимамъ въ Москвѣ для посѣщенія брата, здоровье котораго явно разрушалось, вдохновилъ онъ неистовою злобою нервнаго поэта противъ враговъ Славянофильства. Поэтъ Языковъ сочувствовалъ этому направленію по исключительной

любви своей къ Русской литературѣ, въ которой онъ занималъ уже весьма почетное мѣсто, и сверхъ того по родственнымъ связямъ своимъ съ Алексѣемъ Степановичемъ Хомяковымъ, женатымъ на меньшой сестрѣ Языковыхъ.

Чтобы не возвращаться въ моихъ «Запискахъ» къ тѣмъ изъ трехъ братьевъ, старшему и меньшому, которые такъ рано сошли со сцены, я скажу здѣсь все, что̀ о нихъ знаю. Старшій, Петръ, недовольный судьбою, преслѣдовавшей его воплощенною фигурою бойкой супруги, могъ бы найти успокоеніе въ служебной и полезной дѣятельности; но на это, не смотря на встрѣчу свою съ Канкринымъ, онъ не рѣшился. Началъ онъ хозяйничать и въ тоже время собирать минералогическій кабинетъ, который, какъ утверждаютъ знатоки этого дѣла, слѣдовало бы его сыновьямъ и наслѣдникамъ привести въ порядокъ и гдѣ-нибудь, въ какомъ-либо музеѣ, сдѣлать доступнымъ любопытству ученыхъ спеціалистовъ [1]). Подъ конецъ жизни, ранѣе 50 лѣтъ, вздумалъ онъ купить какое-то значительное имѣніе, запутался въ долгахъ на его пріобрѣтеніе и умеръ послѣ кратковременной болѣзни. Двѣ его дочери—баронесса Шёппингъ и графиня Биландъ; первая, болѣзненная, живетъ въ Москвѣ; а вторая, напротивъ, цвѣтущая здоровьемъ и перевоспитанная славнымъ своимъ мужемъ, Голландцемъ, графомъ Биландомъ, вполнѣ достойна семейнаго счастія [2]).

Много было говорено, писано и печатано о поэтѣ Николаѣ. Знаменитѣйшіе изъ его пріятелей не разъ собирались издавать его біографію, но почему-то, собравъ всевозможные о немъ матеріалы, встрѣчали, какъ видно, затрудненія. Я началъ знать его съ ранней его молодости и въ то время, когда онъ переходилъ изъ Горнаго Корпуса въ Инженерный Институтъ. Поэтъ Языковъ въ 20-хъ годахъ за отсутствіемъ братьевъ жилъ мѣсяца два со мною. Отличительной чертой его характера были необыкновенная доброта и любовь къ ближнему. Въ каждомъ человѣкѣ видѣлъ онъ брата, но природная Языковская дикость мѣшала ему сближаться съ людьми. Женщинъ боялся онъ какъ огня [3]) и вмѣстѣ съ тѣмъ мечталъ о нихъ постоянно. Образъ женской кра-

---

[1]) Минералогическое собраніе П. М. Языкова передано его наслѣдниками въ Императорскую Академію Наукъ. П. Б.

[2]) О П. М. Языковѣ Пушкинъ писалъ 12 Сентября 1833 года изъ села Языкова: „Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить, какъ люблю Плетнева или Нащокина.“ П. Б.

[3]) Одна изъ сестеръ Н. М. Языкова переодѣлась до неузнаваемости и пріѣхала къ нему, чтобы потѣшиться его смущеніемъ. При видѣ ея онъ не зналъ, куда ему дѣться и до того затормошился, что ей сдѣлалось его жалко, и она поспѣшила разоблачиться. П. Б.

соты воспламенялъ его воображеніе. Онъ воспѣвалъ ихъ не одну, а многихъ, и былъ, кажется, пресерьезно влюбленъ въ Воейкову, родственницу Жуковскаго и жену профессора. Кромѣ страсти къ женщинамъ въ полномъ смыслѣ платонической, по примѣру Анакреона и другихъ эротическихъ поэтовъ, имѣлъ онъ слабость къ дарамъ Бахуса. Вино долго одушевляло его поэзію. Разгульная Дерптская жизнь и гулявшее съ нимъ и опивавшее его товарищество изъ Русскихъ Дерптскихъ студентовъ, воспрепятствовали ему заниматься, какъ слѣдуетъ, въ университетѣ. Сладострастныя грезы и частыя возліянія во славу отчизны, женщинъ и поэзіи, скоро истощили его здоровье и заставили, не выдержавъ ни одного изъ студентческихъ экзаменовъ, переселиться въ Москву подъ кровъ Елагиныхъ и Кирѣевскихъ. Въ послѣднія десять лѣтъ его жизни Муза его отрезвилась, выработала и усвоила и высокую мысль, и вѣскій звучный стихъ, строго вѣрный мысли, которымъ такъ рѣзко отличается его поэзія. Если первыя его стихотворенія прельщали читателей легкостью и благозвучіемъ, то не имѣли въ себѣ серьезнаго содержанія; если первая его манера была только художественная, то послѣднія произведенія Языкова поражаютъ величіемъ представляемыхъ имъ образовъ и увлекаютъ невольно, напр. хоть бы меня, своею искреннею, религіозною и народною, восторженностію. Таковы по моему мнѣнію стихи Языкова: «Землетрясеніе», «На памятникъ Карамзина», «Пророкъ», псалмы и др. Говоря собственно про себя и о впечатлѣніи на меня поэзіи Языкова, я долженъ сознаться, что даже два-три стихотворенія, которыя Николай Языковъ тщательно скрывалъ отъ меня, раздраженнаго его нападками на уважаемыя мною личности: Чаадаева, Грановскаго и тогдашняго Герцена, что даже и эти до сихъ поръ не обнародованные нигдѣ комическіе бранные стихи имѣютъ неоспоримую красоту и достоинство. Славянофилы раздразнили въ немъ религіозное и народное чувство и поставили противъ названныхъ мною трехъ главныхъ нашихъ Западниковъ; но рѣшительно неспособный кого бы то ни было ненавидѣть поэтъ не разразился бы надъ ними въ громахъ своего поэтическаго негодованія, если бы старшій братъ его, Петръ, великій охотникъ до всякихъ споровъ, за недостаткомъ у насъ пѣтушинаго и кулачнаго боевъ, не вздумалъ стихами брата вызвать на публичную драку Славянофиловъ съ Западниками, и никто, какъ мефистофель Петръ Языковъ, не торжествовалъ такъ открыто этотъ починъ нашихъ литературныхъ браней *).

*) Дѣло принимало даже не подобающій ему оборотъ: Т. Н. Грановскій вызывалъ Н. М. Языкова на поединокъ, а за болѣзнію поэта, вызовъ принималъ П. В. Кирѣевскій. Хомякову посчастливилось устроить примиреніе. П. Б.

Въ это время отношенія мои къ истощаемому уже болѣзнію Николаю Языкову были очень неловки. Онъ не только искренно любилъ меня, но какъ старшему по лѣтамъ всегда изъявлялъ мнѣ особенное уваженіе. Зная мою терпимость къ Западникамъ и нерасположеніе къ исключительному, враждебному народному чувству, никогда не предавался онъ при мнѣ обнаруженію своихъ убѣжденій, моимъ противоположныхъ. И вотъ почему мы ни разу промежъ себя не говорили съ нимъ о его задорныхъ стихахъ. Не только молчалъ онъ о нихъ самъ передо мною, но и уговорилъ рукоплескавшихъ имъ Славянофиловъ при немъ ничѣмъ не напоминать мнѣ о существованіи его поэтическихъ проклятій Западникамъ.

Я уже разсчитывалъ окончить здѣсь воспоминанія мои о Н. М. Языковѣ, но прочитавъ въ только что вышедшемъ 7 и 8 № «Русскаго Архива» за 1871 годъ небольшую статейку къ двумъ, нигдѣ не напечатаннымъ стихотвореніямъ Языкова, возвращаюсь опять въ оживленномъ воспоминаніи къ этому милому мнѣ поэту. Г. В. К-ъ (какъ жаль, что я не знаю полнаго его имени), какъ видно, былъ очень къ нему близокъ и въ немногихъ словахъ вѣрно и мѣтко опредѣлилъ его характеръ. По его словамъ, вѣрнымъ во всемъ моимъ воспоминаніямъ, Языковъ въ 1823 году жилъ въ Дерптѣ, въ квартирѣ синдика тамошняго университета, Борга, въ этотъ первый годъ своего вступленія въ университетъ. Уважаемое всѣми въ городѣ семейство Борка доставляло ему полную свободу для занятій, и тогда онъ учился чрезвычайно прилежно, но побывавъ на вакаціонное время въ своей Симбирской деревнѣ и возвратясь оттуда, остановился онъ уже не у Борга, а на особой квартирѣ, чтобы имѣть болѣе свободы. Изъ деревни писалъ онъ къ этому пріятелю, что деревенская жизнь въ Россіи отупляетъ молодыхъ людей, и что едва ли онъ когда нибудь туда воротится. Къ сожалѣнію, при всей возродившейся въ немъ жаждѣ труда, при всемъ желаніи подвергнуть себя строгому ученію, найденная имъ въ Дерптѣ свобода внѣ чужой семьи, вмѣсто того чтобы способствовать его занятіямъ, ему помѣшала, а застѣнчивость и робость не допустили его даже выдержать перваго студенческаго экзамена. Нѣсколько студентовъ-товарищей нашли очень пріятнымъ для себя пользоваться его добродушіемъ и широкимъ Русскимъ гостепріимствомъ, и вотъ въ другомъ письмѣ къ тому же пріятелю горько жалуется онъ и говоритъ, что у него ежедневныя оргіи, въ которыхъ самъ онъ не принимаетъ участія, но отъ которыхъ отдѣлаться не можетъ. Не надѣясь уже выдержать экзаменъ, Языковъ выѣхалъ изъ Дерпта *безпатентный*, какъ самъ упоминаетъ о томъ въ одномъ стихотвореніи. Вотъ два отрывка изъ его посланія къ г-ну В. М. К-у, служащіе объясненіемъ сказаннаго этимъ неизвѣстнымъ мнѣ его пріятелемъ. Я подтверждаю эту характеристику, какъ самую вѣрную.

Младой поклонникъ суеты
На лирѣ, дружбой ободренный,
Чуть знаемый молвой и славою забвенный,
Я пѣлъ безпечности мечты.
Но гордость пламеннаго нрава
На новый путь меня звала:
Чего-то лучшаго душа моя ждала...
Хвала друзей еще не слава..
Очистивъ юный умъ въ горнилѣ просвѣщенья,
Я стану пѣть дѣла воинственныхъ Славянъ,
И яркіе лучи святого вдохновенья
Прорѣжутъ древности туманъ.
Ты, радуясь душой, услышишь пѣснь свободы,
Въ живой гармоніи стиховъ,
Какъ съ горной высоты внимаетъ сынъ природы
Побѣдоносный крикъ орловъ.

Я уже сказалъ выше, что позднѣйшія стихотворенія Языкова были дѣйствительно яркими лучами его святого вдохновенія вѣрою и народнымъ чувствомъ; но къ сожалѣнію, какъ сказалъ онъ, не одна деревенская жизнь отупляетъ молодыхъ людей. Къ такому слишкомъ строгому замѣчанію поэта я беру смѣлость прибавить выводы моихъ прозаическихъ наблюденій. И молодыхъ и взрослыхъ, и разгульныхъ, и строго аскетическихъ, притупляетъ въ Россіи жизнь въ особыхъ, замкнутыхъ кружкахъ, особливо Московскихъ, людей самыхъ даровитыхъ.

Постараюсь доказать это. Не знаю, докажу ли въ продолженіе моего труда, а теперь доскажу о Языковѣ. Изъ Дерпта переселился онъ въ Москву, въ лоно литературной семьи тѣхъ Кирѣевскихъ-Елагиныхъ, въ которой царила ласковой любовью и нѣжно внимательнымъ добродушіемъ мать этой семьи, другъ Жуковскаго, все еще милая и въ настоящее время, хотя уже въ преклонной старости, Авдотья Петровна Елагина. Она и ея сыновья Кирѣевскіе тотчасъ же стали баловать, лелѣять, обогрѣвать настуженную неудачами поэзію Языкова. Крылья поэта встрепенулись, и этимъ годамъ Московской жизни принадлежатъ едва ли не лучшіе его стихи. Но и въ это время образы женской красоты все еще ему грезились и его воспламеняли. Подъ вліяніемъ этого чувства написалъ онъ нѣсколько стиховъ тогдашней безпримѣрной красавицѣ, Кирѣевой, совсѣмъ ея лично, можно сказать, не зная. Но эту Московскую знаменитость онъ по крайней мѣрѣ встрѣчалъ, и хотя рѣдко, робко восхищался ею издали. Другой же, княгинѣ Голицыной, урожденной Балкъ, написалъ онъ не менѣе звучные стихи по одному моему приглашенію, никогда ея не видавъ и не имѣя о ней никакого понятія. Когда я, возвратясь изъ за границы, уже женатый, нашелъ въ этой Московской средѣ Языкова, я къ сожалѣнію убѣдился въ томъ, что его уже слишкомъ ублажали. Всѣ его странности, всѣ его недостатки не только извиняли, но находили особенно привлекательными.

Такъ однажды привело меня въ негодованіе предложеніе А. П. Елагиной довести до опьяненія Языкова въ небольшомъ нашемъ обществѣ и заставить его въ этомъ положеніи читать нашему небольшому кружку какое нибудь особенно торжественное произведеніе его Музы. Какъ я ни упрашивалъ этого не дѣлать, меня не послушали. Языкова накатили Шампанскимъ. Онъ прочелъ стихи съ изступленіемъ, какъ помѣшанный. Я любилъ Языкова любовью болѣе строгой. Мнѣ больно было видѣть, какъ дѣлаютъ изъ него какого-то шута *).

По понятіямъ того времени каждому дворянину, какимъ бы великимъ поэтомъ онъ ни былъ, необходимо было служить, или по крайней мѣрѣ выслужить себѣ хоть какой нибудь чинишко, чтобы не подписываться недорослемъ. Безпатентный Языковъ понималъ эту потребность, и даже заоблачная семья Елагиныхъ сознавала такую необходимость. Я думалъ, что одинъ родъ службы въ Москвѣ, къ которой его тогда приковали разными обольщеніями, можетъ доставить ему нѣкоторое занятіе и полезное развлеченіе. Въ это самое время былъ я главнымъ смотрителемъ Комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, отдѣльно учрежденной при Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ стараніемъ и иждивеніемъ покойнаго канцлера, графа Николая Петровича Румянцева. Однимъ изъ чиновниковъ этой комиссіи и подъ моимъ вѣдомствомъ былъ извѣстный собиратель Русскихъ пѣсенъ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, сынъ А. П. Елагиной. Я предложилъ Языкову записать его туда же на службу, обѣщая доставлять ему любопытные древніе наши матеріалы для занятій и не требовать отъ него никакого усиленнаго труда. Семья Елагиныхъ перетревожилась, выдумавъ, не знаю почему, что я его буду притѣснять; мой поэтъ испугался и нашелъ себѣ покровительствуемый Елагиными пріютъ въ Межевой Канцеляріи. Онъ вступилъ въ нее, не входя ни однимъ шагомъ.—Годъ отъ году здоровье его разстраивалось, поѣздки въ чужіе края были безплодны, для лѣченья безуспѣшны. Напрасно Иноземцевъ, другъ и товарищъ его по Дерпту, лѣчилъ его съ горячимъ участіемъ какъ родного брата; ослѣпленный этимъ чувствомъ онъ не хотѣлъ видѣть опасности и за полчаса до кончины увѣрялъ меня въ его выздоровленіи. Языковъ умеръ 26-го Декабря 1846 года, не доживъ до 45-ти лѣтняго возраста. За нѣсколько часовъ до смерти онъ заказалъ похоронный себѣ обѣдъ и требовалъ, чтобы на немъ было много вина. Я былъ хозяиномъ на этой тризнѣ, и вспомнили мы одинъ изъ стиховъ Языкова, гдѣ онъ завѣщевалъ своимъ друзьямъ:

„И пьянствуйте о имени моемъ“.

*) Тутъ А. П. Елагиною конечно руководило художественное ея чувство. При стихотвореніяхъ Н. М. Языкова (въ изданіи Перевлѣскаго) приложенъ его портретъ молодымъ человѣкомъ съ распахнутою грудью: онъ точно прекрасный Вакхъ-Діонисій въ древнемъ эстетическомъ его значеніи. П. Б.

Похоронная оргія продолжалась слишкомъ долго. Разогорченные и еще болѣе разгоряченные гости не удалялись, не смотря на то, что и старшій братъ покойника, и я, распорядитель тризны, оба мы удалились въ нижній этажъ. Когда все было выпито, шумная бесѣда потребовала меня къ себѣ и заставила посылать еще за виномъ и ромомъ; началась жженка и продолжалась за полночь, когда я уже давно былъ у себя дома. Главными запѣвалами на этой попойкѣ были Павелъ Нащокинъ, забубенный пріятель Пушкина, и Николай Филипповичъ Павловъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ скромно при этомъ присутствовалъ.—Языкова похоронили мы рядомъ съ могилой умершаго за годъ передъ этимъ племянника его, Валуева, такъ много обѣщавшаго и такъ рано, на 23-мъ году, скошеннаго смертію, а прахъ самого Валуева пріютили къ могилѣ Венелина, того Венелина, который первый изъ Славянофиловъ призвалъ къ жизни Болгарскій народъ и объявилъ объ немъ Россіи: предметъ теперешнихъ церковныхъ распрей. Кстати я долженъ прибавить, что о Венелинѣ совсѣмъ уже забыли и какъ-то слегка и то однимъ словомъ вспомнили на Славянскомъ съѣздѣ въ Сокольникахъ. Кстати заявляю здѣсь и о томъ, что Николай Языковъ имѣлъ намѣреніе издавать журналъ и выбралъ Ѳ. В. Чижова въ редакторы, назначивъ на это 30,000 р. Братья-наслѣдники не согласились, и воля поэта не была исполнена.

Давно сказано: «De mortuis aut bene, aut nihil». Это, положимъ, не совсѣмъ правда: отжившіе подлежатъ суду исторіи; гораздо труднѣе, напротивъ, историку и даже хроникёру говорить о пребывающихъ. У меня напр. на очереди стоитъ теперь первый изъ всѣхъ моихъ пріятелей, Александръ Языковъ. Какъ же мнѣ поступить съ нимъ? Говорить о немъ одно хорошее, онъ оскорбится самъ и приметъ это за лесть; а всѣ остальные, которые уже попадались здѣсь, будутъ, пожалуй, оскорблены моимъ пристрастіемъ. Выставлять какія нибудь отличительныя странности въ характерѣ моего задушевнаго пріятеля (кто же безъ нихъ бываетъ?), оскорбится собственно мое чувство дружбы. Замѣчу покуда одно: его во всѣхъ важныхъ и мелкихъ случаяхъ нерѣшительность, повредившую и, можетъ быть, испортившую ему всю его жизнь. Оба мы съ нимъ на концѣ нашего пути; если суждено пережить меня ему, то завѣщеваю здѣсь Александру Языкову нарисовать мою фигуру, насколько онъ ее знаетъ, прося всѣхъ другихъ убѣдительно оставить память мою въ покоѣ; если же я переживу его, то обѣщаю себѣ, насколько могу вѣрно, представить его изображеніе *).

---

*) А. М. Языковъ умеръ за нѣсколько недѣль до смерти моего отца. *С. Свербеева.*

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

1864 *).

S-t Pétersbourg, 28 Mai. A mesure que je vois la ville se vider et qu'à toute heure de la journée je rencontre des gens m'annonçant leur départ prochain, je me sens suffoqué par l'envie de m'en aller, et c'est vers Kissingen que converguent toutes mes aspirations. Grand-Dieu, comme je m'y serais trouvé bien!.. Comme ce va-et-vient perpétuel, toutes ces rencontres inattandues de figures connues, tout ce passé rescuscitant, plein de vie et venant coudoyer le présent, tout ce foyer de nouvelles et d'actualités palpitantes, comme tout cela m'aurait convenu, m'aurait rafraîchi, vivifié! Comme un pareil séjour, rapprochant les époques, m'aurait aidé à renouer la chaîne des temps, ce qui constitue le besoin le plus impérieux de mon être... Et au lieu de cela voilà demain Gortchakoff qui s'en va! Je lui ai fait promettre qu'il me faciliterait les moyens de m'en aller aussi.

С.-Петербургъ, 28 Мая. По мѣрѣ того какъ городъ на моихъ глазахъ пустѣетъ, какъ во всѣ часы дня мнѣ встрѣчаются лица, сообщающія о своемъ отъѣздѣ, я начинаю задыхаться отъ желанія уйти отсюда, и всѣ мои стремленія сходятся въ Киссингенѣ. Боже Правый, какъ хорошо чувствовалъ бы я себя тамъ! Безпрестанное движеніе толпы, неожиданныя встрѣчи знакомыхъ лицъ, прошедшее, возникающее вновь, полное жизни, соприкасающееся съ настоящимъ, этотъ очагъ новостей и трепещущей современности, о, какъ все это пришлось бы мнѣ по сердцу, освѣжило бы меня, оживило! Дни, проведенные тамъ, сближая различныя времена жизни, помогли бы мнѣ возстановить непрерывность въ смѣнѣ годовъ, что̀ составляетъ настоятельнѣйшую потребность моего существа... А вотъ вмѣсто того завтра уѣзжаетъ Горчаковъ! Я заставилъ его дать обѣщаніе, что онъ облегчитъ мнѣ возможность уѣхать отсюда.

Moscou, 22 Juin. La lecture de votre lettre si complète m'a envéloppé tout entier de l'atmosphère où vous vivez et renouvelé tous mes

---

*) См. выше въ 8-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 584.

regrets. Kissingen restera un des grands regrets de ma vie. J'avoue ma faiblesse. C'était la dernière bonne fortune que le sort me gardait; je l'ai manquée... Je n'ai cessé d'éprouver tout le temps-ci ce que doit éprouver une jeune fille, qui de la chambre où elle est enfermée entend sourdement et par bouffées les sons d'une musique de bal dans une des maisons du voisinage... Le *Landregen* lui-même, cette chose haïssable et si connue et qui dans le moment donné fait si bien contraste avec les soleils radieux qui nous éclairent, avec les splendides matinées et les nuits tièdes qu'on est heureux de laisser entrer par la fenêtre toute grande ouverte, même cette circonstance du *Landregen* qui règne à Kissingen, n'a pas eu le pouvoir de me consoler de mon exil... C'est, si l'on veut, la folie habituelle de l'homme d'aspirer à ce qu'il n'a pas, mais je sens que cette fois-ci j'ai raison dans ma folie... Bien que j'en ai déjà parlé, je ne puis assez dire de la magnificence de la saison qu'il fait. En ce moment même il est dix heures du matin, une grande conversation aërienne de cloches en branle se fait sur toute l'immensité de la ville dans le ciel le plus radieux, un vrai ciel d'Orient, qui envoie toutes ses bénédictions à ma chère Marie.

Москва, 22-го Іюня. Читая твое письмо, такое подробное, такое точное, я весь погрузился въ ту атмосферу, гдѣ ты живешь; это чтеніе обновило всѣ мои сожалѣнія. Киссингенъ останется въ числѣ величайшихъ сожалѣній моей жизни. Сознаюсь въ своей слабости. То былъ послѣдній счастливый случай, сбереженный для меня судьбой, и я не сумѣлъ имъ воспользоваться. Все это время каждое мгновеніе испытываю я тоже чувство, какое должна испытывать молоденькая дѣвушка, слушая изъ комнаты, гдѣ она заперта, смутные отголоски бальной музыки, доносящіеся до нея порывами изъ сосѣдняго дома. Хотя въ Киссингенѣ царствуетъ *Landregen* (затяжной дождь), составляющій въ данную минуту столь рѣзкую противоположность съ лучезарнымъ солнцемъ, которымъ мы озарены, съ блистательными утрами и теплыми ночами, которымъ съ радостью позволяешь входить въ широко открытое окно, но даже самъ этотъ *Landregen*, вещь мнѣ знакомая и ненавистная, не можетъ примирить меня съ моимъ изгнаніемъ. Если угодно, это обычная человѣческая глупость: желать того, чего не имѣешь; но я убѣжденъ, что на этотъ разъ моя глупость разумна. И притомъ, какъ я уже говорилъ, невозможно описать всего великолѣпія нынѣшняго лѣта. Вотъ теперь десять часовъ утра; надъ всей необозримостью города идетъ великая воздушная бесѣда гудящихъ колоколовъ въ лучезарнѣйшемъ небѣ, въ небѣ воистину восточномъ, посылающемъ всѣ свои благословленія моей дорогой Машѣ*).

*) Говорится о дочери Ѳ. И. Тютчева, Маріи Ѳеодоровнѣ Бирюлевой, которая тогда поѣхала за границу лечиться. П. Б.

Moscou, 17 Juin. J'ai revu l'ami *Schnitzler* . . . . . à Moscou à un dîner chez Катковъ dans une *дача* à l'entrée du Parc. La journée était magnifique, la conversation très animée. Dans la matinée on avait reçu la nouvelle de la rupture de la conférence et de la reprise imminente des hostilités. Quelle raison de plus de me sentir désesperé de n'être pas *là-bas* aux premières loges pour assister au spectacle qui va se rouvrir et qui promet d'être curieux. Je le suis pour mon compte et beaucoup pour voir comment on s'y prendra cette fois pour échapper à la grande guerre, à la guerre générale... Que ne donnerais-je pas en ce moment pour une demi-heure de promenade là-bas à la source, sous les arbres!..

Москва, 17 Іюня. Мы снова повстрѣчались съ другомъ *Шницлеромъ*..... въ Москвѣ, на одномъ обѣдѣ у Каткова на дачѣ при въѣздѣ въ Паркъ. День удался вполнѣ, разговоръ шелъ очень оживленно. Утромъ было получено извѣстіе, что переговоры прерваны и что предстоитъ возобновленіе враждебныхъ дѣйствій. Вотъ еще причина, и какая! жалѣть, что я не тамъ, не въ первыхъ ложахъ, откуда такъ удобно наблюдать начинающійся спектакль, который обѣщаетъ быть любопытнымъ *). Со своей стороны я слѣжу за нимъ внимательно, чтобы увидѣть, какъ-то ухитрятся на этотъ разъ увернуться отъ великой войны, отъ войны всеобщей. Чего не отдалъ бы я въ данное мгновеніе за получасовую прогулку тамъ у ручья, подъ деревьями!

S-t Pétersbourg, 27 Juillet. C'est encore le prince Gortschakoff que je vois le plus souvent et dont la société me ranime le plus. Il n'est guère satisfait en ce moment, et il trouve de la douceur à verser ses griefs dans mon sein. C'est surtout de l'Impératrice qu'il est le moins content... Elle ne lui dissimule, à ce qu'il paraît, l'espèce de dedain que lui inspirent les candides ridicules de cet homme si bon et si intelligent, mais qui malheureusement est incapable de se rendre compte de l'effet qu'il produit sur les autres, sur les femmes surtout, dont la vanité décidement ne s'accorde pas de la sienne.

С.-Петербургъ, 27 Іюля. Опять чаще другихъ видаю я кн. Горчакова, и его общество немного оживляетъ меня. Въ настоящее время онъ вовсе не чувствуетъ себя удовлетвореннымъ и находитъ сладость изливать свои жалобы въ мою душу. Менѣе всего доволенъ онъ Императрицей. Какъ кажется, она не скрываетъ предъ нимъ нѣкотораго презрѣнія, возбуждаемаго въ ней наивными смѣшными сторонами этого столь добраго и столь умнаго человѣка, который, къ сожалѣнію неспособенъ понять, какое впечатлѣніе производитъ онъ на другихъ, особенно на женщинъ, чье честолюбіе рѣшительно не согласуется съ его честолюбіемъ.

---

*) Тогда происходило второе свиданіе Наполеона III-го съ нашимъ Государемъ. На Киссингенскихъ совѣщаніяхъ Пруссія обезпечила себѣ возможность ограбить Данію (что потомъ такъ возмущало митрополита Филарета). П. Б.

1866.

S-t Pétersbourg, 23 Juin. Eh bien, voilà les Autrichiens définitivement enfoncés... Je suis allé ce matin chez Gortchakoff qui m'a étonné de rechef par son incroyable futilité!.. Et tous les autres sont à peu près de la même force. Pauvre pays que le nôtre!..

С.-Петербургъ, 20 Іюня. Ну вотъ Австрійцы окончательно запутались. Сегодня утромъ я былъ у Горчакова, и онъ поразилъ меня своей невѣроятной пустотой. И всѣ остальныя приблизительно таковы же. Что за несчастная страна!

25 Juin. La grande nouvelle donnée par le Moniteur Français et qui se trouve dans le Journal de S-t Pétersbourg aujourd'hui va complétement changer la situation. L'empereur d'Autriche, s'étant décidé *à renoncer à la Vénétie,* vient de s'adresser à son bon ami l'empereur des Français pour lui demander sa médiation, et on est en train de négocier une suspension d'hostilités aussi bien en Italie qu'en Allemagne. Voilà assurément un glorieux règne que celui de s. m. l'empereur François Joseph, et on pourrait en faire un apologue très-édifiant à l'usage des enfants qui se sentiraient des dispositions à l'ingratitude. Mais quel coup de fortune pour Napoléon, qui plus que jamais va se poser en arbitre du monde et être salué comme le bienfaiteur du genre humain, ce qui ne l'empêchera pas de se faire payer ce magnifique rôle par quelques petits revenus, sans compter l'avantage d'arrêter à temps l'ascendant des armes prussiennes.

25 Іюня. Важная новость, сообщенная въ Moniteur Français и перепечатанная сегодня въ Journal de S-t Péterbourg, совершенно перемѣнитъ положеніе. Императоръ Австрійскій, рѣшивши отречься отъ Венеціанской короны, обратился къ своему доброму другу императору Французовъ, чтобы узнать его мнѣніе. Такимъ образомъ, видимо, есть стремленіе договориться о пріостановкѣ враждебныхъ дѣйствій какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи. Поистинѣ славно царствованіе императора Франца Іосифа: весьма назидательный апологъ написанный въ пользу дѣтямъ, склоннымъ къ неблагодарности. Но что за удача для Наполеона! Болѣе чѣмъ когда либо ему представляется случай предстать въ видѣ судьи міра, слушать, какъ его будутъ величать благодѣтелемъ человѣческаго рода. Конечно, это не помѣшаетъ ему получить въ уплату за эту великолѣпную роль, какое-нибудь маленькое вознагражденіе, не считая уже выгоды во время остановить наступательное движеніе Прусскихъ войскъ.

2 Juillet. J'ai eu des détails authentiques sur l'entrevue du Катковъ avec l'Empereur, on ne peut plus satisfaisante, si bien qu'à la

fin elle a même été trempée de quelques larmes de part et d'autre. A propos de la gazette de Moscou, les appréciations qu'elle contient sur ce qui se passe en ce moment au déhors, lui ont été inspirées par moi. Ces inspirations d'ailleurs n'ont rien de particulier, attendu qu'il serait difficile d'avoir au point de vue de l'intérêt russe deux manières d'envisager la situation. Napoléon, en acceptant Venise, s'est mis dans l'obligation d'assurer à tout prix la paix, c'est-à-dire la vie à l'Autriche. Or, jusqu'au jour d'hier l'armistice n'avait pas encore été conclu. Les Prussiens, sans se refuser aux négociations, sont en pleine marche sur Vienne pour dicter la paix à l'Autriche, et les Italiens déclarent subordonner leur conduite à celle de la Prusse, son alliée, si bien que Napoléon n'a plus pour se tirer d'affaire que l'intervention armée, c'est-à-dire la guerre générale avec toutes les chances incalculables, la rupture de l'Angleterre y comprise... Notre tenue à nous est très-bonne en dépit de toutes les instances, tant de la part de la France que de celle de l'Autriche. Nous persistons à déclarer que nous ne nous prêterons aux négociations que quand nous en serons requis part toutes les parties belligérantes... Napoléon joue gros jeu en ce moment, car il a accepté le dilemme ou de devenir dictateur de l'Europe ou d'en être la risée.. On est tout étonné de n'être pas plus étonné de l'immense portée du moment actuel. C'est le procès de l'avenir du monde qui s'instruit sous nos yeux et dont chaque jour nous lisons l'histoire rédigée comme un roman en feuilletons.

2-го Іюля. Я узналъ достовѣрныя подробности о свиданіи Каткова съ Императоромъ, какъ нельзя болѣе утѣшительныя: въ концѣ свиданія съ обѣихъ сторонъ были даже пролиты слезы *). Что касается до Московскихъ Вѣдомостей, то содержащаяся въ нихъ оцѣнка внѣшнихъ событій внушена мною. Впрочемъ, эти внушенія не заключаютъ въ себѣ ничего личнаго; трудно съ точки зрѣнія Русскихъ интересовъ смотрѣть на современное положеніе двумя различными способами. Наполеонъ, принимая Венецію, принялъ на себя обязательство во что бы то ни стало обезпечить миръ, то-есть самое бытіе Австріи. Между тѣмъ вплоть до вчерашняго дня перемиріе не было еще заключено. Не отказываясь отъ переговоровъ, Пруссаки продолжаютъ идти полнымъ маршемъ на Вѣну, чтобы предписать Австріи условія мира, а Итальянцы заявляютъ, что подчинятъ свое поведеніе волѣ Пруссіи, своей союзницы; такъ что Наполеону остается только одно средство, чтобы выпутаться изъ этихъ обстоятельствъ: вооруженное вмѣшательство, иначе говоря всеобщая война со всѣми ея непредвидѣнными случайностями, считая въ томъ числѣ разрывъ съ Англіей. Наше положеніе ока-

*) Это историческое свиданіе въ Петровскомъ паркѣ описано покойнымъ Н. А. Любимовымъ въ его книгѣ о М. Н. Катковѣ. П. Б.

зывается для насъ очень удобнымъ, наперекоръ всѣмъ кознямъ какъ со стороны Франціи, такъ и Австріи. Мы продолжаемъ утверждать, что вступимъ въ переговоры только въ томъ случаѣ, если насъ пригласятъ къ этому всѣ воюющія стороны. Наполеонъ играетъ теперь въ опасную игру; изъ той задачи, за которую онъ взялся, есть только два выхода: стать или диктаторомъ Европы или ея посмѣшищемъ. Поражаетъ то, что люди не поражены великимъ значеніемъ теперешняго мгновенія. Предъ нашими глазами создается будущая жизнь міра, и каждый день мы читаемъ отрывокъ изъ исторіи, какъ романъ въ фельетонахъ.

9 Juillet. Il y a un nouvel incident—Катковъ. Le comte Муравьевъ, outre une communication directe, s'était adressé à moi pour l'engager à se rendre à Pétersbourg afin de conférer avec lui sur la situation du moment, telle qu'elle a été révélée par les travaux de l'enquête, et lui communiquer les pièces à l'appui... Je me suis employé de mon mieux à servir cette négociation et comme de raison je n'avais pas mis un instant en doute sa réussite... Mais nous avions compté sans notre hôte et hier on a reçu une dépêche télégraphique de Moscou notifiant un refus cathégorique à l'invitation. Il y a positivement du Jean-Jacques dans cet excellent Катковъ, et c'est bien malheureux dans un publiciste qui a tous les jours affaire au public et ne saurait par conséquent sans de graves inconvénients se laisser aller à toutes les hallucinations d'une imagination malade... On s'attend d'un moment à l'autre à recevoir la nouvelle d'une bataille sous les murs de Vienne, et celle-ci, si elle est perdue par les Autrichiens, sera, je suppose, la dernière et sera le signal de la dissolution. Telle est du moins l'opinion de l'empereur Napoléon qui disait l'autre jour pour se justifier en parlant de l'Autriche qu'il ne pouvait pourtant pas «*s'allier avec un cadavre*». C'est bien pis que l'homme malade de l'empereur Nicolas. Mais c'est la position de Napoléon lui-même, qui me paraît bien gravement compromise, et il faudrait que la France fût tombée bien bas pour lui pardonner l'incalifiable résultat de sa politique. Il se trouve en fin de compte qu'il a créé avec une industrie extrême et force sacrifices de tous genres sur les frontières de la France deux puissantes unités nationales, très mal disposées pour lui et qui déjà à l'heure qu'il est se sont donné la main pour agir contre la France. Si un régime pareil n'amène pas une révolution en France, c'est preuve qu'elle aussi a abdiqué tout comme l'Autriche.

9 Іюля. Произошелъ новый Катковскій инцидентъ. Графъ Муравьевъ, кромѣ того, что отнесся къ Каткову лично, обратился еще ко мнѣ, чтобы пригласить его въ Петербургъ, гдѣ съ нимъ хотѣлъ посовѣтоваться относительно современнаго положенія, насколько оно выяснено слѣдственными работами, и сообщить ему въ подкрѣпленіе документы... Я отъ всего сердца

взялъ на себя это порученіе и, понятно, ни одного мгновенія не сомнѣвался въ успѣхѣ. Но въ своемъ расчетѣ мы позабыли, что все зависитъ не отъ насъ; вчера получена изъ Москвы телеграмма съ рѣшительнымъ отказомъ на предложеніе[1]). Право, въ этомъ прелестномъ Катковѣ есть что-то Жанъ-Жаковское. Для публициста, ежедневно имѣющаго дѣло съ публикой, это очень неудобно, такъ какъ онъ не въ состояніи будетъ безъ рѣзкихъ противорѣчій идти вслѣдъ за призраками больного воображенія.—Съ минуты на минуту ждутъ извѣстія о сраженіи подъ стѣнами Вѣны: если такое сраженіе будетъ проиграно Австрійцами, оно окажется, какъ я полагаю, послѣднимъ и послужитъ знакомъ къ гибели государства. По крайней мѣрѣ таково мнѣніе императора Наполеона, который, въ оправданіе себѣ, сказалъ однажды объ Австріи, что не можетъ же онъ „заключить союзъ съ трупомъ“. Это посильнѣе чѣмъ „больной человѣкъ“ императора Николая[2]). Но и положеніе самого Наполеона кажется мнѣ въ значительной степени потрясеннымъ; Франція должна пасть очень низко, чтобы простить ему невѣроятныя послѣдствія его политики. Ему приходится разсчитываться за то, что онъ создалъ съ необычайною ловкостью, принеся всевозможныя жертвы на границѣ Франціи два могущественныя народныя единства, очень враждебно расположенныя къ нему и въ настоящее время уже подавшія другъ другу руки, чтобы дѣйствовать противъ Франціи. Если подобное правленіе не приведетъ во Францію къ революціи, это послужитъ доказательствомъ, что она также отреклась отъ всего какъ и Австрія.

21 Juillet. La guerre n'est qu'interrompue. Ce qui vient de finir n'aura été que le prélude du grand massacre de la grande lutte entre la France Napoléonienne et les Allemands. C'est l'Allemagne du Midi gravissant irrésistiblement vers le Nord, en dépit de toutes ses misérables dynasties, qui la fera éclater. La France, quoiqu'on fasse, ne pourra pas se résigner à laisser l'achever l'unification de l'Allemagne tout entière... C'est une question de vie pour elle. Elle peut ne pas reussir à l'emporter, mais elle essayera. Et c'est pourtant cette politique de Napoléon III si fort admirée pour son habilité et sa portée par les imbéciles du monde entier qui lui aura valu cela. Jamais on a vu une mystification pareille. Je viens de passer trois jours entre Oranienbaum et Peterhof en rapport de discussions politiques avec tous les membres de l'auguste famille... seule chose vraiment abjecte, c'est le point de vue russe sur la question. Cela m'a fait faire de pénibles réflexions... Napoléon vient d'adresser une lettre autographe à l'Empereur pour lui offrir son alliance et l'engager à jeter un voile sur le passé. Une lettre pa-

---

[1]) Вѣроятно М. Н. Катковъ въ это время зналъ уже, что дальнѣйшая близость съ престарѣлымъ графомъ М. Н. Муравьевымъ, которому поручено было слѣдствіе по дѣлу о покушеніи Каракозова, повредитъ ему. П. Б.

[2]) Выраженіе императора Николая Павловича про Турцію. П. Б.

reille est un aveu bien significatif. Quant à mon cher prince et ami, il patauge décidément, et il en est ainsi de tout ce monde... Ignorance si complète des premiers éléments de la question que toute discussion sérieuse avec eux devient une impossibilité. Et voilà pourquoi je me console de notre inaction forcée dans le moment donné; car leur impuissance réelle est l'unique garantie que nous ayons contre les désastreuses conséquences de leur inintelligence... Ce sont des gens qui allaient se tromper de wagon, mais qui heureusement auront manqué le train.

21 Іюля. Война только пріостановлена. То, что̀ кончилось, окажется только предисловіемъ великаго побоища въ великой борьбѣ между Нѣмцами и Наполеоновской Франціей. Разразиться заставитъ ее никто иной, какъ южная Германія, которая, не смотря на всѣ свои жалкія правительства, неодолимо рвется къ Сѣверу. Что̀ бы тамъ ни дѣлали, Франція не рѣшится допустить безъ сопротивленія, чтобы Югъ завершилъ полное объединеніе Германіи. Для Франціи это вопросъ жизни. Быть можетъ, у нея не хватитъ силъ воспрепятствовать этому, но несомнѣнно, что она попытается. И привела къ такому положенію Наполеона III-го именно та его политика, ловкости и силѣ которой такъ много удивлялись глупцы всего свѣта. Никогда еще не видывали столь блестящаго обмана. Я только что провелъ три дня между Ораніенбаумомъ и Петергофомъ, служа посредникомъ въ бесѣдахъ о политикѣ между всѣми членами царскаго семейства.... Русская точка зрѣнія на вопросы, вотъ единственная вещь, къ которой дѣйствительно относятся съ презрѣніемъ. Это привело меня къ мучительнымъ раздумьямъ. Наполеонъ прислалъ собственноручное письмо къ Императору, предлагая ему союзъ и приглашая набросить покровъ на прошлое. Подобное письмо—свидѣтельство многозначительное. Что касается моего дорогого князя и друга, то рѣшительно онъ запутывается, что̀ случается со всѣми этими людьми..... Столь полное незнакомство съ самыми основами вопроса, что всякое серьезное разсужденіе съ ними становится невозможнымъ. Вотъ поэтому-то я утѣшаюсь въ нашемъ теперешнемъ вынужденномъ бездѣйствіи; ихъ дѣйствительное безсиліе служитъ единственной порукой, что мы будемъ спасены отъ гибельныхъ послѣдствій ихъ недомыслія. Вотъ люди, которые попали бы не въ тотъ вагонъ, но по счастью опоздали на поѣздъ.

31 Juillet. J'ignore encore l'objet précis de la mission de Manteuffel, arrivé il y a trois jours, mais il se laisse pressentir. S'il est vrai que Napoléon réclame ses frontières de 1814, bien que ce soit le *minimum* de ce qu'il pourrait avoir à demander, cela ne laissera pas que de mettre le cabinet prussien dans un grand embarras, attendu qu'il y aurait autant d'inconvénient à refuser qu'à accorder. Toute la situation de l'Europe n'est qu'un piège. La crise ne fait que de commencer, elle est loin encore de son apogée....

31 Іюля. Мнѣ еще неизвѣстно, какую именно цѣль преслѣдуетъ миссія Мантейфеля, прибывшаго сюда дня три тому назадъ; но ее можно предугадать. Если правда, что Наполеонъ требуетъ для Франціи границъ 1814 г., то это должно поставить Прусскій кабинетъ въ очень затруднительное положеніе, хотя бы то и было minimum того, что онъ можетъ потребовать. Столь же неудобно отвергнуть это требованіе, какъ и согласиться на него. Все положеніе Европы составляетъ западню. Кризисъ только начался; онъ еще далекъ отъ своего крайняго напряженія.

11 Août. J'ai été passer deux jours à Peterhof d'où je me suis rendu à Kronstadt pour inspect le monstre américain. Je n'ai rien compris bien entendu à tout cet enfer de machines qui représente, à ce qu'on prétend, une force capable d'anéantir, impunément pour elle-même, une flotte toute entière. Mais ce qui m'a frappé comme un contre-sens, c'est le contraste de cette toutepuissance savante de destruction avec ce pauvre corps humain si chétif et si fragile, contre lequel cette toutepuissance est dirigée, ce pauvre corps qui ne demande qu'à tomber en poussière... Manteuffel est toujours encore ici, et l'excellent prince est convaincu qu'il fait de grandes affaires avec lui. Jamais mieux que le cher prince personne n'a mérité qu'on lui appliquât ce vers gracieux d'André Chenier: «*L'illusion féconde habite dans son sein*». Seulement il n'y aurait de contestable dans le cas donné, en vue de resultats, que sa *fécondité*.

11 Августа. Я провелъ два дня въ Петергофѣ, откуда ѣздилъ въ Кронштадтъ посмотрѣть на Американское чудовище. Конечно, я ничего не понялъ въ этой преисподней машинѣ, представляющей, какъ утверждаютъ, такую силу, которая способна безнаказанно для себя уничтожить цѣлый флотъ. Но что поразило меня какъ противорѣчіе, это рѣзкая противоположность между хитро-изобрѣтеннымъ всемогуществомъ разрушенія и бѣднымъ человѣческимъ тѣломъ, столь жалкимъ, столь хрупкимъ, противъ котораго направлено это всемогущество и которое каждое мгновеніе готово разсыпаться въ прахъ. Мантейфель все еще здѣсь, и мой дорогой князь убѣжденъ, что онъ устраиваетъ съ нимъ великія дѣла. Никто никогда не заслуживалъ больше чѣмъ милый князь, чтобы къ нему примѣнили извѣстный стихъ Андрэ Шенье „L'illusion féconde habite dans son sein“ (Въ его душѣ живутъ благія заблужденья); въ нашемъ случаѣ оспаривать можно было бы только одно, принимая во вниманіе послѣдствія: именно благодѣтельность этихъ заблужденій.

18 Août. Le prince Gortschakoff rentre demain. Je suis curieux d'apprendre par lui le résultat des pourparlers avec Manteuffel, bien qui j'aie la conviction intime qu'ils n'ont fait que de l'eau claire. Rien de sérieux ni de réel ne saurait germer ni se développer dans ce

milieu d'incurable niaiserie. Ils manquent non seulement de l'énergie voulue, mais ils ignorent même ce qu'ils devraient vouloir.

18 Августа. Князь Горчаковъ возвращается завтра. Мнѣ очень любопытно узнать отъ него послѣдствія его переговоровъ съ Мантейфелемъ, не смотря на мое внутреннее убѣжденіе, что они только переливали изъ пустого въ порожнее. Ничего важнаго и дѣйствительнаго не можетъ зародиться и вырости въ этой средѣ неисцѣлимаго пустяшничества. Имъ не только не хватаетъ желанія рѣшительныхъ дѣйствій, но они даже не знаютъ, чего имъ надо желать.

1867.

Pétersbourg, 13 Juin. Hier nous avons été à la gare recevoir notre cher prince jubilaire que nous allons fêter aujourd'hui. J'avais lu le matin son compte-rendu de la conversation intime qu'il avait eu avec l'empereur Napoléon. C'est de l'eau claire, et la première conversation vaine entre deux individus n'importe lequel, aura juste le même degré d'efficacité et d'influence sur l'état des questions pendantes que ce dialogue soi-disant politique dont le prince a fait à peu près tous les frais. En un mot, c'est niais comme tout le reste. On parle de la démission offerte par deux ministres: Милютинъ et Зеленый, ce qui s'explique tout naturellement. Une troisième demande de démission, c'est celle de notre ambassadeur à Constantinopole, qui se juge trop compromis par l'absence de toute direction sérieuse de notre politique en Orient.

Петербургъ 13 Іюня. Вчера мы встрѣчали на вокзалѣ дорогого нашего князя, юбилей котораго будемъ праздновать сегодня. Утромъ я читалъ его отчетъ о тайной бесѣдѣ, бывшей у него съ императоромъ Наполеономъ. Все это пустяки; любой пустой разговоръ между какими угодно лицами будетъ имѣть такое же значеніе, такое же вліяніе на положеніе вопроса подлежащаго рѣшенію, какъ эта такъ называемая политическая бесѣда, всѣ почти протори которой достались на долю князя. Однимъ словомъ, это глупо, какъ все остальное. Говорятъ, что два министра, Милютинъ и Зеленый, подали въ отставку, что̀ объясняется вполнѣ естественно. Третья просьба объ отставкѣ идетъ отъ нашего посла въ Константинополѣ, который считаетъ себя поставленнымъ въ неловкое положеніе отсутствіемъ всякаго серьезнаго направленія въ нашей восточной политикѣ.

14 Juin. Hier a été célébré le jubilé, puisque c'est ainsi que cela s'appelle, du cher prince. A onze heures nous étions tous réunis dans la chapelle du ministère où se sont dites les prières, après quoi nous nous sommes transportés dans les grands appartements où était déposé le fameux album contenant 460 portraits tous perdus pour la postérité. Là, au milieu d'un cercle formé autour du jubilaire, son adjoint Westman a lu l'adresse. Mais jusqu'à ce moment pas la moindre nouvelle

de sa nomination de chancelier. On se livrait à toutes sortes de conjectures; l'incertitude devenait engoissante, lorsque tout à coup au milieu de ce silence, qui devenait embarrassant, une voix ferme et claire a annoncé l'arrivée d'un rescript impérial. C'était sous forme de dépêche télégraphique un billet très-affectueux de l'Empereur lui annonçant sa nomination au titre de chancelier. Jomini en a fait la lecture et pendant qu'il lisait, je regardais la bonne figure de ce pauvre cher vieux, arrivé au comble des honneurs et n'ayant dans ce genre-là plus rien en perspective que les magnificences d'un enterrement de chancelier. Il avait de la peine à refouler ses larmes, et ce qui prouve combien c'est une nature bonne et sympathique, c'est qu'autour de lui l'attendrissement était général. Quand je me suis approché de lui pour le féléciter, nous nous sommes embrassés comme deux pauvres.

13 Іюня. Вчера былъ отпразднованъ юбилей (такъ вѣдь это называется) дорогого князя. Къ одиннадцати часамъ мы собрались въ министерской церкви, гдѣ отслужено было молебствіе. Послѣ этого мы перебрались въ большое помѣщеніе, гдѣ былъ поставленъ знаменитый альбомъ съ 460 портретами, которые всѣ погибнутъ для потомства. Тамъ, въ серединѣ круга, образованнаго вокругъ юбиляра, товарищъ его по министерству Вестманъ прочелъ адресъ. Но до самаго этого мгновенія не было ни малѣйшаго извѣстія о назначеніи его канцлеромъ. Терялись во всевозможныхъ предположеніяхъ, и неувѣренность становилась мучительной; какъ вдругъ посреди молчанія, дѣлавшагося уже затруднительнымъ, твердый и ясный голосъ объявилъ о прибытіи императорскаго рескрипта. То было весьма благосклонное посланіе Императора въ видѣ телеграфической депеши, въ которомъ князю сообщалось о назначеніи его въ званіе канцлера. Жомини читалъ депешу, а я во время чтенія глядѣлъ на милое лицо бѣднаго дорогого старика, достигшаго до вершины почестей и для котораго въ этомъ направленіи впереди предстояло только одно: великолѣпіе канцлерскихъ похоронъ. Онъ съ трудомъ могъ удержаться отъ слезъ, а то, что кругомъ него всѣ были растроганы, доказываетъ, что̀ за добрый и привлекательный это человѣкъ. Когда я подошелъ поздравить его, мы обнялись какъ двое несчастныхъ.

22 Juin. Je suis allé voir la g-de-duchesse Hélène aux Iles. Elle était sortie, mais j'ai vu la g-de-d. Cathérine. C'était le jour où l'on avait reçu la première nouvelle de la mort de ce pauvre empereur Maximilien, fusillé par ces misérables à la suite d'un simulacre de jugement. Quelle tragédie! Et la déstinée, en grand poète qu'elle est, la fesant coïncider avec les fêtes de Paris!.. N'est-ce-pas la main sortant visible du mur au festin de Balthasar et écrivant un arrêt de condamnation? C'est le 19 Juin à 6 heures du matin que cette abomination s'est accomplie. On dit Napoléon consterné, et il y a de quoi. C'est un stygmate ineffaçable.

22-го Іюня. Я ѣздилъ къ великой княгинѣ Еленѣ на острова. Ея не было дома, но я видѣлъ великую княгиню Екатерину. То было въ тотъ самый день, когда получили первое извѣстіе о смерти бѣднаго императора Максимиліана, разстрѣленнаго тѣми негодяями послѣ подобія судебнаго разбирательства. Что за трагедія! А судьба, этотъ великій поэтъ, заставила ее совпасть съ Парижскими празднествами... Развѣ это не рука, видимо выступающая изъ стѣны на пиршествѣ Валтасара и пишущая смертный приговоръ. Ужасное дѣло было свершено 19 Іюня въ 6 часовъ утра. Говорятъ Наполеонъ потрясенъ и есть отъ чего. Это знаменіе, котораго стереть нельзя.

29 Juin. J'ai été passé deux jours à Tsarskoë, ou j'ai assisté aux fiancailles et revu une foule de monde à commencer par l'Empereur, et voici ce qui m'est arrivé avec Sa Majesté. Je le rencontrai entre 8—9 heures du matin au parc, faisant sa promenade habituelle autour du lac. A mesure qu'il s'approchait, je sentais l'émotion me gagner et quand il s'arrêta pour m'adresser la parole, je me trouvai l'émotion aidant et le gagnant à son tour, nous embrassant l'un l'autre... et ce qui prouve combien une émotion vraie est une puissante chose, c'est que tout cela c'était fait sans la moindre inconvenance. Il me fit des questions avec sa bonté et sa simplicité habituelles sur tous les membre de la famille, entre autre que Daria avait eu l'amabilité de lui écrire après l'attentat etc. etc. Toute cette scène n'avait eu pour temoin qu'une vieille femme à dix pas de nous, qui, elle aussi, lui adressait des prières et des bénédictions...

En politique on en est toujours encore à la mort de Maximilien, dont on attend les détails. Une autre tragédie tout aussi lugubre c'est celle des pauvres Candiotes qui vont être écrasés... Notre conduite dans toute cette affaire est misérable. Il y a quelquefois crime et toujours déshonneur à être aussi évidemment au-dessous de sa tâche.

29-го Іюня. Два дня я провелъ въ Царскомъ, гдѣ присутствовалъ на обрученіи*) и повидался съ цѣлымъ рядомъ лицъ, начиная съ Императора, и вотъ что произошло у меня съ его величествомъ. Я повстрѣчалъ его часовъ въ 8— 9 утра въ паркѣ, во время его обычной прогулки вокругъ озера. По мѣрѣ того какъ онъ приближался, я чувствовалъ, что мной овладѣваетъ волненіе, онъ остановился, чтобы заговорить со мною; тутъ волненіе помогло намъ, овладѣвъ и имъ въ свою очередь, такъ что мы очутились другъ у друга въ объятіяхъ; а то, что все это произошло безъ малѣйшей неловкости служитъ доказательствомъ, какой властью обладаетъ искреннее волненіе. Онъ спрашивалъ у меня со своей обычной добротой и простотой о

*) Великой княжны Ольги Константиновны съ Греческимъ королемъ Георгомъ. П. Б.

всѣхъ членахъ семьи, упомянувъ между прочимъ, что Дарія [1]) была очень добра, написавъ ему послѣ покушенія [2]) и т. д. и т. д. Свидѣтельницей этой сцены была одна только старуха шагахъ въ десяти отъ насъ, тоже за него возсылавшая свои молитвы и къ нему обращавшая свои благословленія.

Въ политикѣ все еще главное—смерть Максимиліана, подробностей о которой ожидаютъ. Другая столь же печальная трагедія, это исторія бѣдныхъ Кандіотовъ, которые будутъ избиты... Наше отношеніе къ этому постыдно. Кто столь явно остается ниже своего предназначенія тотъ иногда поступаетъ преступно и всегда безчестно.

2 Juillet. Le journal d'Aksakoff a paru[3]), et son premier article à propos de l'attentat est une des choses les plus vraies et les plus incisives qui aient été dites sur la question polonaise. Je ne serais pas étonné néanmoins si déjà ce premier № lui valait un avertissement à cause de quelques paroles préliminaires de remercîment à l'adresse de ses abonnés pour la fidélité qu'ils lui ont gardée et qui expriment le mépris le moins dissimulé pour le pouvoir qui l'a frappé. C'est incontestablement un athlète que cet homme. là.

2-го Іюля. Газета Аксакова вышла; его первая статья по поводу покушенія — одно изъ самыхъ вѣрныхъ и рѣзкихъ словъ, сказанныхъ о Польскомъ вопросѣ[4]). Однако я не удивлюсь, если уже за этотъ первый № получитъ онъ предостереженіе, такъ какъ въ немъ есть нѣсколько предварительныхъ благодарственныхъ словъ, обращенныхъ къ подписчикамъ: онъ благодаритъ ихъ за вѣрность, которую они сохранили къ нему, и очень прозрачно выражаетъ презрѣніе къ удару, постигшему его со стороны властей. Несомнѣнно, этотъ человѣкъ атлетъ.

Moscou, 7 Août. Je me suis donné la fête d'aller à Troïtza assister au jubilé du métropolitain de Moscou. C'était assurément une belle fête d'un caractère tout particulier. Les journaux contiennent les détails de cette journée avec la liste des adresses, discours etc., etc; mais ce qui est difficile à saisir à moins de l'avoir vu, c'est la physionomie qu'imprimait à l'ensemble l'individualité de l'homme qui était le héros de cette fête. J'étais dans la salle de réception à deux pas du fauteuil

[1]) Дарья Ѳеодоровна Тютчева, нынѣ камеръ-фрейлина императрицы Маріи Ѳеодоровны, вторая дочь Ѳеодора Ивановича отъ перваго брака его. П. Б.

[2]) Императоръ Александръ Николаевичъ возвратился передъ тѣмъ съ Парижской выставки, гдѣ произошло второе покушеніе на его жизнь. П. Б.

[3]) Это была газета „Москва". П. Б.

[4]) Извѣстно, что револьверъ, изъ котораго стрѣлялъ Березовскій въ императора Александра Николаевича въ Парижѣ, былъ наканунѣ купленъ имъ на деньги, которыя получилъ онъ (на равнѣ съ другими Поляками) въ видѣ пособія на прожитіе отъ Французскаго правительства. По поводу суда надъ нимъ, Парижскія газеты наполнялись оскорбительными для Россіи статьями. П. Б.

devant lequel il se tenait la plupart du temps débout, en recevant les adresses et félicitations qu'on lui offrait. Petit, frêle, réduit à la plus simple expression de son être physique, mais l'œil plein de vie et intelligence et dominant par une force supérieur incontestable tout ce qui se passait autour de lui. Quand il répondait, c'était la voix d'une ombre. Ses lèvres remuaient, mais la parole qui en sortait n'était plus qu'un souffle... Devant toute cette apothéose, il était parfait de simplicité et de naturel, et il avait l'air de n'accepter tous ces hommages que pour les transmettre à Quelqu'un d'autre, à Quelqu'un dont il n'était là que le mandataire occidentel. C'était très-beau... C'était vraiment la fête de l'esprit. Le service divin avait été d'une magnificence et d'une ampleur remarquable. J'y ai assisté à la grande église de l'Assomption, aussi grande que celle de Moscou, dans l'enceinte même de l'autel. Six archevêques assistant avec trois archiprêtres mitrés dont l'un était *Рождественскій*. Tout l'intérieur de l'autel était comme une ruche sacrée; les abeilles de l'or le plus vif allaient et venaient avec toute sorte de bourdonnements profonds et mystérieux. A deux heures on a servi le banquet pour deux cents convives, auquel pourtant le métropolitain Philarète n'a point assisté. Son fauteuil est resté vide. A droite du fauteuil les dignitaires laïques, à gauche dix archevêques arrivés exprès pour assister à cette solennité. Un diacre à la voix tonnante proclamant les santés. Le second toaste aux quatre patriarches d'Orient, et la chapelle du métropolitain chantait des cantiques pendant toute la durée du repas. On retrouvait dans tous les détails comme un cachet de l'eglise d'Orient. C'était grandiose et parfaitement sérieux.

Москва, 7 Августа. Я устроилъ себѣ праздникъ, отправившись къ Троицѣ на юбилей Московскаго митрополита. Дѣйствительно, то былъ чудный праздникъ, имѣвшій совершенно своеобразный оттѣнокъ*). Въ газетахъ сообщаются подробности этого дня, отчеты о адресахъ, рѣчахъ и т. под., но что̀ трудно представить себѣ, по крайней мѣрѣ не видавши лично. какъ на всѣмъ отражалось личность того, кто былъ героемъ празднества. Мое мѣсто въ пріемной залѣ было въ двухъ шагахъ отъ кресла, стоя передъ которымъ провелъ онъ большую часть времени, принимая подносимыя ему адресы и поздравленія. Маленькій, хрупкій, сведенный къ простѣйшему выраженію своего физическаго существа, но съ глазами полными жизни и ума, онъ непобѣдимой высшей силой господствовалъ надо всѣмъ, что̀ происходило вокругъ него. Когда онъ отвѣчалъ, слышался какъ

*) Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась тогда великолѣпная статья, написанная, какъ было слышно, при участіи оберъ-прокурора Св. Синода, графа Д. А. Толстаго. Въ этой статьѣ воздана подобающая честь юбиляру, но въ то же время выражено, что церковное управленіе застыло въ неподвижности обряда и значительно окончилось. П. Б.

бы голосъ призрака. Губы его шевелились, но слова, вылетавшія изъ устъ, были только вѣяніемъ *). Предъ своимъ апоѳеозомъ онъ оставался совершенствомъ простоты и естественности; казалось, что онъ принимаетъ всѣ эти почести только затѣмъ, чтобы передать ихъ Кому-то другому, чьимъ случайнымъ представителемъ онъ теперь являлся. Это было прекрасно! Воистину то былъ праздникъ духа. Богослуженіе было замѣчательно великолѣпіемъ и полнотой; я былъ на немъ въ Успенскомъ соборѣ, почти столь же большомъ какъ Московскій, и въ самомъ алтарѣ. Присутствовало шесть архіепископовъ и трое протоіереевъ въ митрахъ, среди которыхъ былъ Рождественскій. Внутренность алтаря была похожа на священный улей, въ которомъ золотыя пчелы быстро появлялись и исчезали съ жужжаніями разнаго рода, глубокими и таинственными. Въ два часа былъ накрытъ столъ на двѣсти приглашенныхъ, за которомъ однако митрополитъ Филаретъ не присутствовалъ. Его кресло осталось незанятымъ. По правую сторону кресла помѣстились свѣтскіе сановники, по лѣвую десять архіепископовъ, нарочно пріѣхавшихъ, чтобы участвовать въ этомъ торжествѣ. Діаконъ громовымъ голосомъ возглашалъ здравія. Второй тостъ былъ за четырехъ восточныхъ патріарховъ. А митрополичій хоръ пѣлъ духовные стихи въ продолженіе всей трапезы. На всѣхъ подробностяхъ лежалъ отпечатокъ восточной церкви. Все было величественно и полно истиннаго значенія.

Pétersbourg, 19 Octobre. Nous avons célebré ici le mariage du roi de Grèce avec sa jolie fiancée. J'ai été de toutes les fêtes, sauf la présentation, que j'ai cru pouvoir supprimer. La cérémonie du mariage a eu lieu le 15. Le lendemain banquet etc. etc. Le jeune roi de Grèce a voulu témoigner sa réconnaissance à la presse russe pour les bons services qu'elle rend à la cause grecque, et a resolu d'envoyer son ordre de S-t Sauveur entr'autre à Aksakoff, mais des personnes bienveillantes ont assuré le roi que le dit Aksakoff était un farouche démagogue, qui serait capable de lui renvoyer son ordre. J'ai cru devoir protester contre une pareille *misreprésentation.*

Петербургъ, 19 Октября. Мы отпраздновали здѣсь свадьбу Греческаго короля съ его прекрасной невѣстой. Я присутствовалъ на всѣхъ празднествахъ, кромѣ представленія, избѣгнуть котораго почелъ себя въ правѣ. Бракосочетаніе состоялось 15-го числа. На слѣдующій день былъ обѣдъ и т. д., и т. д. Молодой Греческій король хотѣлъ выразить Русской печати свою признательность за добрыя услуги, оказываемыя ею Греческимъ дѣламъ, и рѣшилъ было послать знаки своего ордена св. Спасителя между прочимъ и Аксакову; но лица доброрасположенныя увѣрили короля, что сей Аксаковъ отчаянный демагогъ и способенъ вернуть ему орденъ. Я почелъ себя обязаннымъ возражать противъ подобнаго лжесвидѣтельства.

---

*) 19 Ноября того же 1867 года митрополитъ Филаретъ скончался. П. Б.

22 Octobre. En ce moment il n'y a d'autres nouvelles à mander de Pétersbourg que de nouvelles de politique générale: tant l'intérêt du public est absorbé par les événements, et en effet jamais drame ni roman n'ont reproduit un imbroglio plus palpitant d'intérêt que ce qui se passe en ce moment en Italie. C'est, je crois, la dernière partie de Napoléon III, et il est à peu près sûr qu'il la perdra.

Je n'ai pas encore revu le ministre de l'intérieur depuis son retour, quoique j'aie dû lui faire une visite. L'autre jour le prince Souvoroff, le rencontrant sur le chemin de fer, l'a interpellé pour lui demander de sa voix éclatante qui de lui, *Valoueff* ou du ministre français Rouher était le plus grand phraseur?... (Cette lettre interrompue et terminée par le télégramme d'Aksakoff, annonçant le malheureux accouchement de la pauvre chère Anna!!! Télégramme de Moscou à nous à Oustug 31 Октября: Анна лучше; опасности нѣтъ, слаба).

22 Октября. Въ настоящее время изъ Петербурга можно сообщать только одно: новости внѣшней политики, на столько любопытство публики поглощено событіями. И въ самомъ дѣлѣ никогда никакая драма, никакой романъ не развертывали передъ читателемъ такой запутанной интриги, столь захватывающей любопытство какъ то, что совершается теперь въ Италіи. Мнѣ думается, что это послѣдняя игра Наполеона III, и онъ почти увѣренъ, что проиграетъ ее.

Я еще не видалъ министра внутреннихъ дѣлъ по его возвращеніи, хотя мнѣ и слѣдовало посѣтить его. На дняхъ князь Суворовъ встрѣтился съ нимъ на желѣзной дорогѣ и обратился къ нему, спрашивая своимъ громовымъ голосомъ, кто величайшій говорунъ—онъ, Валуевъ, или Французскій министръ Руэ. (Письмо это прервано *) и окончено телеграммой отъ Аксакова, сообщающей о несчастныхъ родахъ нашей бѣдной, дорогой Анны!!! Телеграмма изъ Москвы къ намъ въ Овстугъ 31 Октября: Аннѣ лучше; опасности нѣтъ, слаба).

30 Octobre. Hier c'était le 9-ème jour d'Anna, et son état est satisfaisant. J'ai pris le parti de me rassurer... L'histoire de Napoléon III commence à ressembler à une de ces histoires comme on en fait pour les enfants avec une moralité toute transparente au bout. Il périra à force de malhonnêteté, mais après avoir puissamment contribué à la propager dans ce monde. Aussi sa fin sera-t-elle aussi ignoble que tragique.

---

*) Это приписка Эрнестины Ѳедоровны Тютчевой. Самъ Тютчевъ оставался въ Москвѣ, дожидаясь разрѣшенія отъ бремени Анны Ѳедоровны Аксаковой. Родившійся ребенокъ мужскаго пола немедленно скончался. П. Б.

30 Октября. Вчера былъ девятый день Анны; состояніе ея удовлетворительно. Я началъ успокоиваться. Исторія Наполеона III становится совершенно похожей на одну изъ тѣхъ исторіекъ, которыя пишутся для дѣтей съ слишкомъ прозрачной моралью въ концѣ. Онъ погибнетъ въ наказаніе за свою порочность, но раньше послужитъ къ сильному распространенію ея въ мірѣ. Такимъ образомъ конецъ его будетъ столь же позорнымъ, какъ и трагическимъ.

1868.

S-t Pétersbourg, 29 Juin. Ici j'aurai bientôt manqué toutes mes prévisions et épuisé toutes mes ressources de ce régime d'été à Pétersbourg si monotone dans son agitation. Il me reste, il est vrai, Peterhof où je ne suis pas allé encore et qui depuis hier est devenu résidence pour une dizaine de jours. . Mais ce n'ent encore qu'une redite, et cependant ce n'est qu' à travers quelques impressions du passé comme dans un fugitif éclair que tous ces endroits ont quelque chance de m'émotionner un peu. C'est comme les quelques passages soulignés d'un livre qu'on a lu jadis et qu'on ne se soucierait plus de relire!...

Je suis toujours encore à courir après P. Melnikoff pour lui demander aide et protection dans quelques semaines d'ici à l'époque où je compte me rendre à Oustoug... Car je tiens, coûte que coûte, à utiliser le chemin de fer dont le reflet civilisateur ne manquera pas de se progéter sur Oustoug lui-même. Cette fois c'est le moyen qui justifierait le but. Je suis curieux de voir dans quelle mesure la présence du chemin de fer modifiera certaines impressions d'abandon absolu et de confinement solitaire qui se rattachent invinciblement à la vue de toute cette grisaille d'isbas et de certains bouts de chemin allant se perdre dans les champs. Ah, que j'ai une nature de peu de ressources en elle-même et toute opposée à celle du poète, heureux de se sentir *oubliant* et *oublié*.

С.-Петербургъ, 29 Іюня. Здѣсь скоро потеряю я все мое предвидѣніе и останусь рѣшительно ни съ чѣмъ подъ вліяніемъ лѣтней Петербургской жизни, столь однообразной при всей ея оживленности. Правда у меня есть Петергофъ, въ которомъ я еще не былъ и который со вчерашняго дня сдѣлался дней на двѣнадцать резиденціей. Но все это только повторенія; только сквозь впечатлѣніе прошлаго, какъ бы при мимолетныхъ вспышкахъ, видъ этихъ мѣстностей можетъ хоть немного взволновать меня. Таковы подчеркнутыя строки въ книгѣ: ихъ читалъ когда-то, и нѣтъ желанія перечесть еще разъ.

Все еще гоняюсь за П. Мельниковымъ *); я хочу попросить, чтобы онъ оказалъ мнѣ помощь и поддержку на то время, когда я разсчитываю быть

*) Павелъ Петровичъ Мельниковъ былъ тогда министромъ путей сообщенія. П. Б.

въ Овстугѣ, то-есть черезъ нѣсколько недѣль. Во что бы ни стало я хочу воспользоваться выгодами желѣзной дороги, которой просвѣщающее вліяніе достигнетъ и до самого Овстуга[1]). На этотъ разъ средство оправдаетъ цѣль. Мнѣ такъ хочется увидать, въ какой степени присутствіе желѣзной дороги умѣритъ то особое впечатлѣніе полнаго запустѣнія, какого-то одиночнаго заключенія, которое неодолимо связано съ видомъ посѣрѣвшихъ избъ и обрывковъ дороги, теряющихся въ дали полей. Ахъ, какъ безпомощенъ я самъ по себѣ, насколько душа моя не похожа на душу поэта, счастье котораго въ томъ чтобы забыть и быть забытымъ[2]).

27 Septembre. La brochure de Samarine est toujours encore à l'ordre de jour. C'est un événement. On s'est décidé à en défendre la vente publique après que la brochure a paru presque ou entrée dans les colonnes des deux grands journaux de Moscou. Mais il aurait manqué quelque chose au succès de la brochure si une pareille mesure n'eût pas été prise.

27 Сентября. Брошюра Самарина все еще составляетъ злобу дня. Это цѣлое событіе. Порѣшили запретить ее въ отдѣльной продажѣ, послѣ того какъ брошюра почти что появилась; она была помѣщена на столбцахъ двухъ большихъ Московскихъ изданій. Если бы подобная мѣра не была принята, успѣхъ брошюры нельзя было бы назвать полнымъ.

1869.

Moscou, 30 Août. Hier soir je suis allé avec Aksakoff assister à la première séance de la Дума, réunie sous la présidence du prince Черкаскій. Il s'est passé la une chose singulière. Le nouveau président, qui a la parole si facile et si sûre d'elle-même, a été tellement ému à son début qu'il s'est troublé et est tout bonnement resté court. Il est vrai qu'il n'a pas tardé à se remettre de cette défaillance momentanée. Mais quelqu'un dont la parole ne branche guère c'est Samarine. C'est un vrai plaisir de l'entendre parler...

Москва, 30 Августа. Вчера вечеромъ я пошелъ съ Аксаковымъ въ Думу и присутствовалъ на первомъ засѣданіи, собранномъ подъ предсѣдательствомъ князя Черкаскаго. Тамъ случилось нѣчто особенное. Новый голова, такъ свободно и увѣренно владѣющій словомъ, оказался столь смущеннымъ, начиная свои новыя обязанности, что смѣшался и попросту запнулся въ своей рѣчи. Впрочемъ надо отдать справедливость, онъ тотчасъ оправился отъ этой минутной слабости. Вотъ у Самарина, у того рѣчь течетъ безъ сучка и задоринки. Слушать какъ онъ говоритъ—истинное удовольствіе.

---

[1]) Орловской губерніи, Брянскаго уѣзда, родовое имѣніе Тютчевыхъ. П. Б.

[2]) Кажется, что тутъ намекъ на князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

S-t Pétersbourg, 28 Mai. En fait de nouvelles politiques en voici une dont vous serez les seules à avoir la confidence. Les patriarches d'Orient viennent de nous proposer de réunir un grand concile à *Kieff* (ce que je savais depuis 18 ans). Mais pour le moment nous nous sommes révoltés à cette proposition...

С.-Петербургъ, 28 Мая. Что касается политики, то вотъ новость, о которой узнаете вы однѣ. Восточные патріархи предложили намъ собрать въ Кіевѣ большой соборъ (я знаю объ этомъ уже лѣтъ 18). Но въ виду современнаго положенія дѣлъ мы возмущены этимъ предложеніемъ.

Koursk, 26 Juillet. Eh bien, voilà encore une localité qui partout ailleurs qu'en Russie aurait été depuis longtemps signalée à la curiosité des touristes. Le site d'abord en est magnifique et rappelle vaguement les environs de Florence, quelque ridicule que cette assertion puisse sembler. Et puis l'impression que m'a laissé ma promenade d'hier soir sur les hauteurs est d'un genre tout particulier. Il faut se représenter au pied de ces hauteurs sur lesquelles la ville est située, une rivière toute resplendissante au soleil et peuplée de plusieurs centaines de groupes de baigneurs. On pouvait se croire revenu aux temps mythologiques. En effet toute la population jeune de l'endroit, garçons et filles, était là à prendre ses ébats, à l'instar de plusieurs bandes de canards et d'oies et avec le même sans-gène que ces volatilles aquatiques... Cela m'a rappelé une pièce française que j'ai vue dans le temps à Paris: *les Mystères de l'été*, également éclose sous l'influence des chaleurs tropicales de la saison d'alors... Le soir et très avant dans la nuit il y a eu de la musique dans un jardin public, naissant il est vrai, mais admirablement situé. En un mot, l'impression que j'emporterai de Koursk est favorable et restera telle, à condition de ne pas se renouveler... Car au fond ce n'est que dans les tous premiers moments que l'on sent la poésie d'une localité quelconque... Ce que les Anciens appelaient le *Génie* du lieu ne vous apparaît qu'à votre arrivée comme pour vous souhaiter la bienvenue et disparaît aussitôt... Il est midi, je repars à 4 heures pour Kieff. J'ai appris qu'il s'y prépare une magnifique illumination pour l'arrivée de la famille impériale.

Курскъ, 26 Іюля. Ну вотъ еще одна мѣстность, которая во всѣхъ другихъ странахъ, кромѣ Россіи, уже давно была бы предметомъ любопытства для путешественниковъ. Прежде всего мѣстоположеніе великолѣпно и въ общемъ напоминаетъ окрестности Флоренціи, сколько ни казалось бы страннымъ подобное утвержденіе. И было что-то совершенно особенное въ томъ впечатлѣніи, какое произвела на меня моя вчерашняя прогулка по возвышенностямъ. Надо представить себѣ у подножья возвышенностей. на кото-

рыхъ расположенъ городъ, сверкающую на солнцѣ рѣчку, всю заполненную сотнями кучекъ купающихся. Можно было вообразить, что вернулись миѳологическія времена. Въ самомъ дѣлѣ тамъ собралась вся окрестная молодежь, юноши и дѣвушки; они предавались своимъ забавамъ совершенно такъ же какъ стаи гусей и утокъ и рѣшительно съ тѣмъ же отсутствіемъ застѣнчивости какъ эта водяная птица... Это напомнило мнѣ Французскую пьесу, которую въ былые дни я видѣлъ въ Парижѣ: *Чудеса лѣта*, создавшуюся тоже подъ вліяніемъ тропической жары, стоявшей въ тотъ годъ... Вечеромъ и до поздней ночи играла музыка въ городскомъ саду, правда еще только возникающемъ, дивно расположеннымъ. Однимъ словомъ, я вынесъ изъ Курска благопріятное впечатлѣніе, и оно останется такимъ, конечно при томъ условіи, если не будетъ возобновлено. Ибо въ концѣ концовъ поэзію какого бы то ни было мѣста можно чувствовать лишь въ первыя мгновенія... То, чтò древніе называли Геніемъ мѣста, яв ляется къ вамъ лишь въ минуту вашего пріѣзда, говоритъ свое привѣтствіе и тотчасъ исчезаетъ... Теперь полдень: въ 4 часа я возвращаюсь въ Кіевъ. Я узналъ, что тамъ готовится великолѣпная иллюминація къ пріѣзду царскаго семейства.

Kieff, 4 Août. Je pourrais écrire des volumes sur mon sejour d'ici. Je me bornerai à dire que Kieff est du très petit nombre des choses de ce monde qui n'ont pas trompé mon attente. Quant à l'acceuil qui m'a été fait de toute part, il a de beaucoup dépassé mon attente bien que je suis habitué à être bien accueilli partout où je me trouve.

Кіевъ, 4 Августа. Я могъ бы исписать цѣлые томы о своемъ пребываніи здѣсь, но скажу только, что Кіевъ принадлежитъ къ числу предметовъ, въ этомъ мірѣ весьма немногочисленныхъ, которые не обманули моихъ ожиданій. Чтò до оказаннаго мнѣ всѣми пріема, то онъ далеко превзошелъ ихъ, хотя я и привыкъ, что меня принимаютъ хорошо вездѣ, гдѣ бы я ни былъ.

Moscou, 25 Août. Hier au Comité Slave nous avons fêté l'aniversaire de *Jean Huss*, et on y a fait la lecture d'une pièce de vers que j'ai écrite pour la circonstance et qui servira d'accompagnement à un très-beau calice que la société envoie aux amis de Prague.

Москва. 25 Августа. Вчера въ Славянскомъ комитетѣ мы праздновали годовщину Іоанна Гусса, при чемъ читалось мое стихотвореніе, написанное на этотъ случай; оно будетъ приложеніемъ къ прекраснѣйшей чашѣ, посылаемой обществомъ Пражскимъ друзьямъ *).

---

*) Причастная чаша послана была Московскою Городскою Думою въ Прагу, въ церковь на Коловратской улицѣ, гдѣ Австрійскимъ правительствомъ дозволено было совершать богослуженіе православное на Церковно-Славянскомъ языкѣ. П. Б.

ЗАМѢТКА СТАРАГО БИБЛІОТЕКАРЯ.

(По поводу новаго зданія библіотеки Московскаго Университета).

Царская щедрота пролилась на Московскій Университетъ, и никогда, за полтораста почти лѣтъ своего существованія, не пользовался онъ столь обильными, можно сказать, безпримѣрными пособіями и съ высоты престола, и отъ частныхъ пожертвованій. Кромѣ студенческаго общежитія, обогатился и отстраивается цѣлый рядъ состоящихъ при Университетѣ учрежденій. Москвичи не нарадуются, проѣзжая по Большой Никитской улицѣ и по ея околотку. Какъ одинъ изъ старѣйшихъ студентовъ Московскаго Университета (1847—1851, не могу не выразить сердечнаго желанія, чтобы господа профессора и студенты соотвѣтствовали тому попеченію, которое имъ оказывается).

На Моховой, противъ Манежа, воздвиглось огромное и прекрасное зданіе для Университетской библіотеки, число книгъ въ которой столь умножилось, что уже едва едва помѣщается въ большомъ, еще Екатерининскомъ и уже значительно обветшавшемъ домѣ такъ называемаго Стараго Университета. Если не ошибаемся, библіотека считаетъ у себя свыше *двухъ-сотъ тысячъ* сочиненій, хотя и не пользуется даровыми присылками изъ цензурныхъ комитетовъ (какъ въ Москвѣ Румянцовскій Музей). Такъ называемаго инвентаря, т. е. краткаго перечня всѣхъ книгъ, въ шнуровыхъ книгахъ, по которому можно было бы принять и сдать библіотеку, какъ собственность казенную, конечно не имѣется.

Близко знакомый съ этимъ дѣломъ по завѣдыванію въ теченіе многихъ лѣтъ Чертковскою (нынѣ городскою Московскою) библіотекой, коей перечневый, азбучный и предметный каталоги составлены мною (а послѣдній и напечатанъ въ 53 листахъ при «Русскомъ Архивѣ»), долженъ я заявить, что теперь же слѣдуетъ приступить къ составленію такого перечня, по которому легко уже будетъ переносить книги въ новое зданіе. Для этого необходимо, чтобы библіотека Московскаго Университета руководилась *неуклонно* книгою покойнаго библіотекаря

Императорской Публичной библіотеки, Василія Ивановича Собольщикова, объ устройствѣ общественныхъ и большихъ частныхъ библіотекъ: въ ней подробно и ясно изложено, какъ должны быть устроены книжные собранія. Пора давно оставить устарѣлую систему разстановки книгъ только по содержанію. Всякое иное устройство сопряжено со множествомъ помѣхъ, хлопотъ и издержекъ. Извѣстно, что національная библіотека на Ришельевской улицѣ въ Парижѣ истратила около *двухсотъ-пятидесяти тысячъ* франковъ на свои перемѣщенія и каталоги (часто выдумываемые произвольно), прежде чѣмъ перешла къ той системѣ, которая нынѣ введена во всѣхъ большихъ библіотекахъЕвропы и у насъ въ Императорской Публичной.

Наша Университетская испытаетъ затрудненіе въ томъ, что множества книгъ не имѣется налицо, и взяты они профессорами къ себѣ на продолжительное время. Подобаетъ получить эти книги назадъ въ библіотеку и хоть на полгода прекратить всякую выдачу, пока библіотека будетъ перенесена въ свое новое помѣщеніе, и кромѣ того ходатайствовать о томъ, чтобы библіотекарь поставленъ былъ въ положеніе независимое отъ гг. профессоровъ и отвѣтственное лишь передъ высшею властью съ возложеніемъ обязанности на Правленіе Университета всячески помогать библіотекарю и его помощникамъ, и не тормозить дѣло излишествомъ переписки и формальностей. Сами гг. профессора будутъ благодарны библіотекарю за быстрое отысканіе книгъ, а начальство за всегдашнюю легкую возможность удостовѣриться въ ихъ наличной цѣлости.

Петръ Бартеневъ.

26 Августа 1899 г.
Несторово.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА.

Мой Ангелъ, какъ мнѣ жаль, что я васъ уже не засталъ, а какъ обрадовала меня Евпр. Ник., сказавъ что вы опять собираетесь пріѣхать въ наши края! Пріѣзжайте, ради Бога, хоть къ 23-му. У меня для васъ три короба признаній, объясненій и всякой всячины. Можно будетъ на досугѣ и влюбиться. Я пишу къ вамъ, а наискось отъ меня сидите Вы сами въ образѣ Маріи Ивановны. Вы не повѣрите, какъ она напоминаетъ прежнее время и путешествія въ Опочку и прочее. Простите мнѣ мою дружескую болтовню. Цѣлую Ваши ручки А. П.

Другой почеркъ, повидимому, женскій: «Письмо *Пушкина* въ Сентябрѣ 1835-го года» *).

Это доселѣ нигдѣ не напечатанное письмо Пушкина было сообщено пишущему настоящія строки для работы о лирикѣ и перепискѣ великаго поэта почтеннымъ профессоромъ А. И. Маркевичемъ, въ распоряженіи котораго оно находилось. Подлинникъ принадлежащій г-ну министру финансовъ С. Ю. Витте, былъ помѣщенъ на Одеской Пушкинской выставкѣ. Объ этомъ письмѣ я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Судя по сдѣланной на письмѣ постороннею (повидимому, женскою рукой) помѣткѣ, оно писано въ Сентябрѣ 1835 года. Тогда поэтъ находился въ Михайловскомъ, куда изъ Петербурга выѣхалъ 7-го Сентября. (26-мъ Сентября помѣчено знаменитое стихотвореніе: „Вновь я посѣтилъ)"... Къ кому письмо писано, неизвѣстно; но изъ содержанія его усматривается, что обращено оно къ женщинѣ. Въ письмѣ этомъ поэтъ разсказываетъ о своемъ свиданіи съ Евпраксіей Николаевной урожденной Вульфъ, съ 1831 года бывшей замужемъ за барономъ Бор. Александр. Вревскимъ. Свиданіе это происходило, несомнѣнно, въ Тригорскомъ, имѣніи Осиповыхъ, въ 3 верстахъ отъ Михайловскаго; Тригорскимъ же помѣчено и письмо Пушкина къ женѣ отъ 25 Сентября (см. изд. лит. фонда, т. VII, № 429). Въ писанномъ раньше (14 Сентября) письмѣ (№ 427) изъ Михайловскаго Пушкинъ проситъ жену адресовать свои письма въ Тригорское. Въ другомъ, отъ 21 Сентября, тоже изъ Михайловскаго (№ 428), поэтъ пишетъ женѣ, что „былъ у Вревскихъ

*) Бумага формата обыкновенная 4-ка, безъ знаковъ.

третьяго дня и тамъ ночевалъ". Въ разсматриваемомъ письмѣ Пушкинъ проситъ свою, очевидно, очень близкую знакомку пріѣхать „въ наши края" *хотя бы къ 23-му*, изъ чего явствуетъ, что письмо писано гораздо раньше этого времени. Шутливый тонъ письма, обѣщаніе влюбиться на досугѣ, наговорить съ три короба признаній и объясненій, отмѣчаемое Пушкинымъ большое сходство предмета этихъ будущихъ признаній и объясненій съ „Маріей Ивановной", а главное, одно выраженіе: „прежнее время и путешествія въ Опочку", все это убѣждаетъ, что разсматриваемое письмо писано къ Александрѣ Ивановнѣ Осиповой, бывшей съ зимы 1833 года замужемъ за Псковскимъ полицеймейстеромъ Беклешовымъ (см. Л. Н. Майкова „Пушкинъ", стр. 182, 186—187) и адресовано, по всей вѣроятности, въ Псковъ, гдѣ, по свидѣтельству двухъ относящихся къ тому же времени писемъ (№№ 427 и 429), находилась тогда ея мачиха Прасковья Александровна Осипова, которую Пушкинъ глубоко уважалъ и любилъ и которой посвятилъ свои „Подражанія Корану" (1824 г.). Эта догадка какъ нельзя лучше разъясняется и подтверждается упоминаніемъ о сходствѣ съ Маріей Ивановной, очень естественномъ между двумя родными сестрами по отцу, хотя еще разныхъ матерей. Вдобавокъ, весь тонъ письма приводитъ на память стихотвореніе Пушкина 1824 г. „Признаніе" („Я васъ люблю, хоть и бѣшусь"; см. изд. лит. фонда, т. I, стр. 328—329), обращенное къ той же Александрѣ Ивановнѣ урожд. Осиповой. Это было одно изъ самыхъ слабыхъ и мимолетныхъ увлеченій великаго поэта, и въ Сентябрѣ 1835-го года, въ близкихъ его сердцу мѣстахъ, подъ наплывомъ былыхъ впечатлѣній, онъ припомнилъ и это увлеченіе, а съ нимъ и свои стихи; воспоминаніе это обратилось въ письмѣ къ той же особѣ, гдѣ упомянутое выше выраженіе: „прежнее время *и путешествія въ Опочку*, несомнѣнно, навѣяно воскресшимъ въ памяти поэта стихотвореніемъ („И ваши слезы въ одиночку, И рѣчи въ уголку вдвоемъ, *И путешествіе въ Опочку*, И фортепьяно вечеркомъ"...). Замѣчу кстати, что въ автографѣ въ этомъ выраженіи *и* прописное; по крайней мѣрѣ, оно больше всѣхъ другихъ встрѣчающихся въ немъ *и*.

Смѣю думать, что приводимыя мною данныя достаточно убѣдительны. Итакъ, письмо это писано *между 7 и 23 Сентября 1835 года, въ Тригорскомъ, къ Александрѣ Ивановнѣ Беклешовой*, находившейся тогда, вѣроятно, *въ Псковѣ*.

Николай Лернеръ

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ Д. Т. ЛЕНСКАГО НА АКТЕРОВЪ МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

Не въ бой противъ враговъ летитъ
Отрядъ лихой кавалеристовъ:
Ватага смирная артистовъ
Верхами за городъ спѣшитъ
И всѣхъ на улицѣ смѣшитъ.

*

Желая публикѣ добра,
Они оставили кулисы.
Подъ ними лошади какъ крысы
Всѣ съ постоялаго двора,
Всѣ по полтинѣ серебра.

*

Какая смѣсь одеждъ и рожъ!
И ѣдутъ всѣ они въ заставу.
Одинъ какъ с... сынъ хорошъ,
Другой на чучелу похожъ.
Скажите: это кто таковъ?

*

Въ Черкесской буркѣ и фуражкѣ,
Къ сѣдлу привѣшены двѣ фляжки.
— Илья Васильевъ сынъ Орловъ,
Словарь простонародныхъ словъ,
И врать, и пить куда здоровъ!

*

А этотъ Пиндаръ Пастушковъ
Съ широкимъ носомъ, съ миной женской?
— Несчастный переводчикъ Ленскій;
Онъ каждый мигъ упасть готовъ
И на конѣ точь въ точь таковъ,
Какъ на Пегасѣ графъ Хвостовъ.

*

А это что за испитой,
Въ очкахъ, фигура невеличка;
Надъ лошадью торчитъ какъ спичка?
— То Кони, Нѣмецъ удалой,
Водевилистъ нашъ дорогой,
Давно обруганный „Молвой“ *).

*

---

*) Газета „Молва“ издавалась въ 30-хъ годахъ, къ которымъ и относятся эти стихи. П. Б.

А этотъ съ парой толстыхъ губъ
И въ родѣ глупаго розини?
— Нашъ комикъ Вася Живокини,
Отличный малый, добръ, не скупъ,
Но сколько веселъ, столько глупъ.

*

А это что бы за актёръ,
Амурчикъ въ радужномъ нарядѣ,
На сѣренькой плетется сзади?
— Мардарьичъ Щепинъ Миловзоръ,
Хохлатый и сурьёзный вздоръ...

*

Вотъ Щепкинъ! Какъ же онъ мясистъ!
Да это, право, чудо юдо:
Онъ мяса уплететъ полпуда,
Онъ превосходнѣйшій артистъ,
Уменъ, забавенъ и рѣчистъ;
Но жаль, душой не очень чистъ.

*

Что̀ вижу? Въ явѣ иль во снѣ?
Кто это тамъ въ кольцо согнулся?
Такъ точно! Я не обманулся:
Иванъ Лобановъ на конѣ,
Скакунъ верхомъ на скакунѣ.

*

Еще вотъ ѣдетъ Купфершмитъ,
Онъ нашъ запасный магазинъ,
Онъ что угодно смастеритъ,
Ремень порвется прикрѣпитъ
И лошадей всѣхъ напоитъ.

*

Степановъ, богъ карикатуры,
Степановъ выродокъ натуры.
Онъ всѣхъ скопировать готовъ,
Онъ Өедоровъ и Ушаковъ,
Онъ и Нарышкинъ, и Тепловъ.

*

Вотъ Сила Кротовъ режиссёръ;
А что̀ касается до силы·
То описать ее нѣтъ силы,
Что̀ онъ такое до сихъ поръ,
У насъ идетъ ужасный споръ,
А надо думать, что онъ –воръ.

Д. Ленскій.

(Съ своеручнаго подлинника, хранящагося въ музеѣ П. И. Щукина).

ДОПОЛНЕНІЕ

къ „Матеріаламъ для исторіи рода князей Прозоровскихъ“. (Русскій Архивъ 1899, выпускъ 7-й).

Въ одной неизданной поколѣнной росписи *князей Волконскихъ* находится довольно важное показаніе, относящееся до рода князей Прозоровскихъ. Показаніе это гласитъ, что *князь Василій Александровичъ Прозоровскій* (№ 16-й нашей росписи) былъ женатъ на княжнѣ *Аграфенѣ Константиновнѣ Волконской*, сестрѣ *княжны Анны Константиновны*, которая, вышедши замужъ за *Лукьяна Степановича Стрѣшнева*, была матерью *царицы Евдокіи Лукьяновны*, второй супруги *царя Михаила Θеодоровича*.

Такимъ образомъ оказывается, что, съ 1626 года, единственные въ то время представители рода князей Прозоровскихъ, *князья Семенъ и Михаилъ Васильевичи* (№№ 20 и 21 нашей росписи) находились въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ царскою семьею, будучи двоюродными братьями царицы.

М. М.

Іюль 1899.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ

(къ 7-му выпуску)

Стр. 453. Нижегородскаго губернатора Быховца звали не Степаномъ Антоновичемъ, а Степаномъ *Антиповичемъ*.

Стр. 455. Строка 10-я снизу: вмѣсто 1839 надо 1849.

(къ 8-му выпуску).

Стр. 596,	строка	3 снизу	Новграда	Новгорода.
„ 632	„	7 сверху	начальникомъ	посланникомъ.
„ „	„	11 „	кнлзя	князя.

метомъ цѣлыхъ большихъ разъисканій біографическихъ, историко-литературныхъ и критическихъ (въ семъ послѣднемъ отношеніи, пожалуй, чрезмѣрныхъ). Эти драгоцѣнныя примѣчанія наполняютъ собою бо́льшую половину вышедшаго тома. Можно замѣтить, что они могли бы напечатаны быть помельче, и это сократило бы объемъ тома, ко внѣшнему его удобству. Невольно поминается отзывъ князя П. А. Вяземскаго объ академическомъ изданіи сочиненій Державина: *руколомное* изданіе. А президентъ Академіи графъ Блудовъ сказалъ о немъ: издатель любитъ лучше пересолить, нежели не досолить. Но остроты въ сторону. Отъ полноты почтительнаго сочувствія пожелаемъ издателю скорѣйшаго выпуска II-го тома, въ которомъ должны появиться произведенія Пушкина за самое важное время его жизни *П. Б.*

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ 1898—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

10.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

НОВЫЯ КНИГИ.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга седьмая. С.-Пб. 1899. Большая 4-ка, IX, 470 и 4 нен. стр. со снимкомъ.

Послѣ семилѣтняго перерыва, вышло продолженіе этого единственнаго въ своемъ родѣ историческаго труда. Имя Шереметевыхъ слито съ нашею исторіей, и трудно указать событіе, въ которомъ бы они не участвовали. Къ сожалѣнію, ихъ архивъ, по кончинѣ графа Н. П. Шереметева († 1809), въ малолѣтство сына его, лишился многихъ важнѣйшихъ бумагъ, какъ, напр., переписки боярина Ѳедора Ивановича съ патріархомъ Филаретомъ, и въ этомъ отношеніи Куракины и Воронцовы были счастливѣе Шереметевыхъ. За то исторіографу рода ихъ обильная жатва въ государственныхъ бумагахъ и въ печатныхъ историческихъ показаніяхъ, и надо отдать А. П. Барсукову честь: со всею добросовѣстностью изысканій и съ художественною постройкой въ изложеніи, умѣетъ онъ вести свое повѣствованіе. Надо удивляться его искусству изъ мелочныхъ указаній возстановлять цѣлыя картины быта. Таковы, напримѣръ, проводы Антіохійскаго патріарха Макарія и прощаніе съ нимъ царя Алексѣя Михайловича.

Героями седьмой книги являются Кіевскій воевода Петръ Васильевичъ Большой и плѣнникъ Василій Борисовичъ, котораго окончательная судьба еще не досказана. (Книга доведена только до рожденія Петра Великаго). Обоихъ Шереметевыхъ читатель видитъ предъ собою. Смута въ Малороссіи изложена съ полною ясностью, и подробностями не заслоненъ общій ходъ событій. Тутъ является и нынѣ явленный святитель нашей церкви, св. Ѳеодосій Углицкій. Ярко выступаютъ Великорусскій толкъ и Малороссійская горячность. Можно безъ преувеличенія сказать, что для исторіи царствованія второго Романова А. П. Барсуковымъ въ этомъ сочиненіи сдѣлано очень много, и нельзя не пожалѣть, что сочиненіе это самымъ внѣшнимъ видомъ своимъ назначено лишь для сравнительно-немногихъ читателей. Въ обыкновенномъ изданіи оно читалось бы гораздо болѣе. Въ упрекъ сочинителю можно поставить развѣ то, что онъ, подобно брату своему въ его превосходномъ трудѣ о М. П. Погодинѣ, отводитъ иногда многія страницы описанію того, что прямого отношенія къ предмету не имѣетъ; таковы, напр., въ седьмой книгѣ „Рода Шереметевыхъ“ родословія Чириковыхъ и Сомовыхъ. Но все это ново и потому цѣнно.

Въ концѣ седьмой книги напечатана подробная родословная Шереметевыхъ, начиная отъ Андрея Кобылы (1347) до младенцевъ настоящаго времени. П. Б.

*

Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть четвертая. Москва, 1899; большая 4-ка, IV, 357 и 2 неп. стр. Напечатано 200 экземпляровъ.

Книга эта начинается дѣломъ о Московскомъ купцѣ Позняковѣ и его женѣ, которая воспитывалась у князя Понятовскаго. Позняковъ носилъ трехугольную шляпу съ бѣлымъ бантомъ и служилъ Французамъ. Оказывается, что правитель Москвы Лессепсъ умѣлъ говорить по-русски. Познякову дано было десять тысячъ рублей, для раздачи бѣднымъ и по-

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО КОНСТАНТИНУ ЯКОВЛЕВИЧУ.

1809—1810 годы *).

7-го Іюля 1809 года скончался въ Москвѣ отецъ братьевъ Булгаковыхъ Яковъ Ивановичъ, товарищъ князя Потемкина по Московскому университету и дѣятельный его сотрудникъ по служенію родинѣ. Съ нимъ читатели „Русскаго Архива" нынѣшняго и прошедшаго годовъ познакомились по его біографіи и по выдержкамъ изъ писемъ его и старшаго его сына. До конца долгой жизни сохранялъ онъ равновѣсіе общительнаго своего нрава и еще въ Іюнѣ этого года былъ въ театрѣ и ѣздилъ въ Валуево (подмосковную графа А. И. Мусина-Пушкина). Лѣтомъ же этого 1809 года скончалась и Екатерина Любимовна Шумлянская, мать его двухъ сыновей.

Перешедшій на службу въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ А. Я. Булгаковъ 27 Августа 1809 года женился, въ Рузскомъ селѣ Горбовѣ, на княжнѣ Натальѣ Васильевнѣ Хованской и съ той поры жилъ въ Москвѣ, въ теченіи слишкомъ полувѣка почти безъ перерыва. Братъ его Константинъ, пріѣзжавшій передъ тѣмъ изъ Вѣны въ Россію и бывшій (кажется) при кончинѣ своихъ родителей, поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о наслѣдствѣ послѣ отца. У Я. И. Булгакова, кромѣ извѣстной намъ сестры Мавры Ивановны Приклонской (дочь которой Елисавета Васильевна была за княземъ Сергіемъ Ивановичемъ Голицынымъ) была еще сестра, и у нея остались три дочери Александра, Вѣра и Анна Петровны; сія послѣдняя была за Колтовскимъ, и она-то предъявила правá малолѣтняго племянника своего Николая (фамильное имя его намъ неизвѣстно), состоявшаго подъ ея опекою, на имѣнія своего знаменитаго дяди. Тяжба эта въ Государственномъ Совѣтѣ была рѣшена въ пользу Булгаковыхъ, но противная сторона подала жалобу Государю. Приказано было пересмотрѣть дѣло, и чтобы оно шло обычнымъ порядкомъ. Ради этого, въ Ноябрѣ 1809 года, А. Я. Булгаковъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ долго оставался младшій братъ его, слѣдя за ходомъ тяжбы. Александръ Яковлевичъ съ молодою женою и малолѣтными двумя сестрами своими по матери, Шумлянскими, продолжалъ жить и проживаться въ Нѣмецкой Слободѣ, въ богатомъ домѣ покойнаго отца своего, и думалъ уже хлопотать о полученіи мѣста съ обезпечивающимъ жалованьемъ, теряя надежду выиграть тяжбу. Между тѣмъ Константинъ Яковлевичъ назначенъ былъ въ Молдавію правителемъ канцеляріи нашего главнокомандующаго въ войнѣ съ Турціею графа Н. М. Каменскаго. Такимъ образомъ братья снова были въ продолжительной разлукѣ, и отъ нихъ осталась за это время переписка, изъ которой извлекаемъ черты біографическія, бытовыя и вообще имѣющія общую занимательность, опуская мелкія частности и то что̀ неудобно для печати. П. Б.

*) См. выше стр. 49.

Москва, 5 Августа 1809.

Я надѣюсь, что молитвами тебя любящихъ ты благополучно приближаешься къ Петербургу, милый и любезный братъ. Съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю первое твое письмо, дабы успокоиться, узнавъ, что ты путь совершилъ безъ всякихъ припадковъ, здоровъ и приступилъ къ дѣлу, столь много вліянія на будущее наше благоденствіе имѣющему. Весь городъ теперь онымъ наполненъ. Утѣшительно мнѣ видѣть, что генерально всѣ одно говорятъ: наши непріятели покрыли себя омерзеніемъ всеобщимъ и безславіемъ; всѣ берутъ нашу сторону и не сомнѣваются въ успѣхѣ. Князь Серг. Ив., едва о семъ узналъ какъ написалъ мнѣ записочку, прося тотчасъ къ нему быть на переговоръ; все то что онъ мнѣ сообщилъ, было уже мнѣ извѣстно. Онъ чрезвычайное, кажется, принимаетъ участіе въ насъ, а княгиня отъ желчи на Анну Петр. занемогла опять. Не смотря на все это, я ничего не открылъ имъ о нашихъ поступкахъ, а только просилъ ихъ быть покойными: ибо, прибавилъ я, есть духовная, и она уже у Ив. Алекс. Алексѣева, его душеприкащика, и вмѣсто сего одного документа имѣемъ мы двадцать для обезоруженія нашихъ непріятелей. Князь и княгиня успокоились, но заклинали, чтобы одинъ изъ насъ не мѣшкая поѣхалъ въ Петербургъ. Я отвѣчалъ, что дѣло безъ того обойдется. О твоей поѣздкѣ никому въ голову не входитъ, а любящіе насъ обвиняютъ тебя, что разъѣзжаешь по дачамъ, вмѣсто того чтобъ заняться дѣломъ и ѣхать въ Петербургъ. Ma tante ne veut plus voir ces furies, tout le monde les fuit et les abandonne. A. П. se confesse et demain prend la communion. Dans quel état elle ose paraître devant le Juge Universel! Elle est dans un état pitoyable et bat la campagne; maintenant elle dit qu'elle cède sa part à moi, sa soeur la sienne à vous, pourvu que Nicolas ait la sienne. Tout cela n'est fait au reste que pour nous mettre dedans. Elle a dit à quelqu'un que la grande maison revenait à moi et l'autre à vous, qu'elles n'aspiraient qu'à la partie des terres qui revenait à Nicolas etc. Cette femme succombera vraisemblablement à ses remords, si toute fois elle a une conscience. Tout est mis en sûreté en partie chez le prince Basile [1]), en partie chez Wolkoff et Faste [2]). Князь говорилъ вчера о дѣлѣ Петру Петр. Нарышкину; онъ ужаснулся и обнадежилъ меня быть покойнымъ, прибавивъ: я беру на себя дать вамъ подписку подъ присягою всего Сената Московскаго, что воля и желаніе Якова Ивановича

---

[1]) Т. е. у князя В. А. Хованскаго, на дочери котораго вскорѣ женился А. Я. Булгаковъ.

[2]) Александръ Александровичъ Волковъ, другъ Булгаковыхъ, служившій тогда однимъ изъ Московскихъ полицмейстеровъ. Другимъ другомъ ихъ былъ Фавстъ Петровичъ Макеровскій, богатый человѣкъ, по происхожденію близкій къ Нарышкинымъ.

были именно вамъ все имѣніе свое оставить, и что иные кромѣ васъ наслѣдники быть не могутъ. Il s'est offert à nous servir et avec de expressions qui m'ont arraché des larmes. Одоевской готовитъ доносъ на насъ и намъ говоритъ именно, что мы завладѣли неправильно, что имѣнія на 400 т., вещей на 300 т., денегъ въ ломбардѣ на 200 т. и что мы изъ дому выгнали племянницъ безчиннымъ образомъ палкою. Tant mieux. Чѣмъ болѣе будетъ нелѣпостей въ ихъ поступкахъ, тѣмъ лучше для насъ. Войти въ кабинетъ я никакъ не позволю, а пусть оный запечатается общими печатями; кому будетъ присуждено имѣніе, тотъ первый туда и войдетъ. Впрочемъ не видно, чтобъ намѣреніе ихъ было нагло съ нами поступить и опечатывать все имущество; а буде сіе бы и воспослѣдовало, нужнѣйшее сохранено уже. Буде спросятъ, какимъ правомъ владѣю, скажу, что правомъ сына наслѣдовать отцу; что впрочемъ есть духовная батюшкина, повезенная тобою въ Петербургъ къ душеприкащику И. А. Алексѣеву, и что впрочемъ безъ тебя я одинъ не имѣю ни власти, ни желанія имъ ни на что отвѣчать. Ma résolution à été approuvée par tout le monde. Вообрази себѣ, что три дни послѣ кончины батюшки дѣло начало у нихъ стряпаться; это узналъ я отъ Баранова, и змѣи сіи имѣли духъ насъ видѣть и ласкать, имѣли духъ отдавать тѣлу батюшкиному долгъ, питая столь беззаконный умыселъ противъ родныхъ его дѣтей.

*

Москва, 13 Сентября 1809.

По батюшкиному завѣщанію отдалъ я въ приходъ нашъ крестъ съ частію Животворящаго Креста Господня; вчера была тамъ большая служба по сему случаю. Попъ говорилъ приличную случаю сему проповѣдь и увѣдомилъ прихожанъ, какъ древо это найдено, прочитавъ грамоту, батюшкѣ данную, и сказалъ, что дѣти его, по повелѣнію отца своего, доставили древо сіе въ приходъ. Cela a fait une révolution dans le quartier; il y a des marchands qui ont déjà donné des pierres précieuses pour embellir cette rélique, qui sera exposée à l'adoration. Что̀ свѣчь ставятъ уже, это страхъ!

*

Москва, 10 Октября 1809.

Я третій день какъ здѣсь; поѣхалъ напередъ, дабы все въ домѣ приготовить для пріему твоей сестрицы Наташи. Я ее жду сегодня въ вечеру; завтра идетъ почта, я заготовляю письмо это наканунѣ. Вчера ужиналъ я у Пушкиныхъ; едва вошелъ я въ комнату, какъ всѣ кинулись мнѣ на шею какъ къ брату: А. П. Волкова, Афросимова, князь Ѳед. Ник. Голицынъ; однимъ словомъ, всѣ меня стали обнимать съ ра-

достными восклицаніями, поздравляя меня то съ женою, то съ рѣшеніемъ въ нашу пользу. Весь городъ этимъ только и наполненъ. Признаюсь тебѣ, что я былъ въ чрезвычайномъ недоумѣніи что̀ мнѣ дѣлать и говорить; всякой говоритъ, отъ кого это слышалъ, кто это пишетъ изъ Петербурга; ну я всѣмъ сказалъ, что ты обѣщаешь скоро меня обрадовать своимъ возвращеніемъ и просишь взять только терпѣніе. Иные говорятъ, что я секретничаю; а другіе, что довольно того что̀ ты пишешь, чтобъ радоваться. Что̀ это будетъ, какъ ты пріѣдешь! Теперь весь городъ радуется, всѣ крестятся говоря: слава Богу, молитвы наши дошли до неба. Il m'est impossible de douter, mon cher, d'avantage, puisque ce gueux d'Adouefsky lui-même a été chez le maître de police W., pour lui dire que l'affaire avait été terminée en notre faveur. Ну видишь, lui observa l'autre, что ты взялъ на себя вещь невозможную и себя только обезславилъ. О, я, прибавилъ А., знаю, что̀ дѣлать теперь! Je ne vois pas trop ce qu'il fera à moins de nous empoisonner, car je ne vois pas de pouvoir audessus de l'Empereur.

Wolkoff, cet homme vraiment rare, a traîné l'affaire cinq semaines. Poussé à bout, il ordonna à Акимъ de faire le rapport par écrit au частный приставъ, que nous étions absens l'un à Pétersbourg et l'autre à la campagne et qu'il ignorait quand nous reviendrions; en attendant il m'écrivit de ne pas bouger de Gorbowa. Plus d'une semaine se passa. Il y a quelques tems qu'А. П., penétrant apparement notre dessein de gagner du tems, présenta une seconde requête à l'Уѣздный Судъ, plus forte que la première, se plaignant que l'affaire traînait et que nous continuons à régir un bien qui ne nous revient pas. Elle exigea qu'on fasse un сообщеніе à Руза (Gorbowa étant dans ce district) pour que l'Уѣздный Судъ de Rouza me demande des éclaircissemens et de quel droit je jouissais du bien d'autrui. Едва успѣлъ я уѣхать изъ Горбова какъ судья, который почти всякой день бываетъ у князя Василья (добрый малый и влюбленный даже въ Наташу), сообщилъ ему полученную изъ Москвы бумагу. Онъ будетъ отвѣчать, что меня тамъ нѣтъ, что я въ Москвѣ; опять на домъ пришлютъ, но безцѣнный этотъ Волковъ опять такъ все устроилъ, что проволочатъ еще недѣлю и болѣе. Будетъ бумага въ Управу: Волковъ, который все долженъ приводить въ исполненіе, протянетъ сколько будетъ отъ него зависѣть, а въ самой же крайности дамъ я отзывъ, какъ мы уже давно и съ тобою согласились, что кромѣ, того, что мы наслѣдники, яко сыновья (въ чемъ не можетъ она спорить, ибо предъявимъ письма ея собственной руки, гдѣ называетъ насъ братьями), есть духовная, которую младшій сынъ представилъ Государю Императору на высочайшую конфирмацію. Этимъ за-

ткнемъ ротъ. Въ прочемъ будь покоенъ: мы не допустимъ ни до чего непріятнаго здѣсь; только, пожалуй, старайся какъ можно скорѣе доканчивать тамъ. Я насилу могъ уговорить Наташу ко мнѣ переѣзжать. Она говоритъ, что безъ слезъ быть въ домѣ этомъ не можетъ: тебя нѣтъ, батюшки, родственниковъ, и кромѣ того еще боязнь, ежели слишкомъ замедлятся въ Петербургѣ, быть выгнанными изъ дому. Я ставлю себя на ея мѣсто и признаюсь, что положеніе не завидное; но Богъ милостивъ. Ради Бога старайся, чтобы указъ чрезвычайно былъ ясенъ и не подлежалъ никакому истолкованію. Адуевской всѣмъ твердитъ: я симъ не удовольствуюсь, не остановлюсь на рѣшеніи семъ. Сіи слова должно презирать конечно; рѣшеніе Совѣта, Государемъ всемилостивѣйше конфирмированное, высшей власти, никакому истолкованію подлежать не можетъ; но мы должны быть удостовѣрены, что А. не упуститъ ни единой возможности насъ тревожить и огорчать.

Въ промежутокъ времени и А. Я. Булгаковъ ѣздилъ въ Петербургъ по той же тяжбѣ, рѣшеніе которой было Государемъ предоставлено общему ходу дѣлопроизводства. П. Б.

*

Москва, 21 Апрѣля 1810 г.

На счетъ твоей посылки въ Молдавію я тебѣ скажу, что, сколь ни огорчительно будетъ для меня не пожить съ тобою, сколько бы того желалъ, я тебя не удерживаю принять предлагаемое мѣсто. Каменскій благородный человѣкъ; Милашевичъ, глава Молдавскаго Сената, былъ другъ батюшкинъ, это не далеко отъ Москвы, по словамъ канцлера война скоро прекратится. Все это хорошо, но ужели не легче тебѣ будетъ управиться съ Турками, нежели мнѣ съ Колтовскою? Обѣимъ дадимъ подзатыльника. Уговоръ лучше денегъ, смотри заѣзжай къ намъ сюда, на сколь бы ни было короткое время; а я увѣренъ pour finir, que le nom de Boulhacoff portera bonheur aux affaires de Turquie.

*

Москва, 4 Іюня 1810 г.

Вчера мы ужинали у князя Багратіона *); тутъ былъ какой-то гусарскій офицеръ князь Мадатовъ, ѣдущій въ Молдавію; узнавши это, мы тотчасъ его задрали, и онъ взялся доставить тебѣ письмо это, милый и любезный братъ. Мы были обрадованы твоими письмами: одно изъ Знаменскаго, другое изъ Мценска.

Одно только желаніе теперь у обоихъ, чтобы ты кончилъ счастливо комиссію свою и возвратился къ намъ въ Слободу пожить съ душевно тебя любящими.

---

*) Это братъ славнаго воина.

Уѣздный Судъ avait décrété de faire l' *опись* de tout ce qui se trouve dans la maison (ce qui est juste) et de la donner въ казенный присмотръ; le décret de l' У. С. fut communiqué à la police pour l'exécuter. Ivachkine [1]), mené par Adouevsky, l'ordonna à notre частный приставъ en cacheté de Wolk.; mais dès que celui l'eût appris, il commença à agir avec son zéle infatignable pour traverser cela. Il fit une bonne scène au maître de pol. général et trouva le moyen de parler au maréchal [2]) et de l'intéresser en notre faveur. Il lui écrivit une lettre fort pressante, en l'assurant que personne ne pouvait avoir un plus grand soin de la maison que moi. A la suite de ma lettre le maréchal fit chercher le губернскій прокуроръ, lui confia le soin de notre affaire et ordonna à même temps au Губерн. Правленіе de faire une savonnade à l'У. Судъ pour avoir décrété sans nous entendre, et me donner la saticfaction requise. Voilà donc le décret de l'У. С. suspendu par ordre du maréchal. J'ai presenté mon papier justificatif, j'ai trouvé un excellent avocat que Faste m'a recommandé. En un mot tous nous servent bien et de coeur: le maréchal (qui m'a fait assurer que je resterai dans la maison) и губерн. прокуроръ, уѣзд. стряпчій, Хрулевъ и Волковъ. Ну, братъ вотъ другъ! Онъ неутомимо намъ служитъ; не было бы конца тебѣ пересказывать все что̀ онъ дѣлаетъ для пользы нашей. Сколько извѣстно намъ, Уѣздный Судъ не приговоритъ намъ имѣніе, но рѣшеніе его будетъ такого рода, что ясно доказывать будетъ, что нельзя и отнять у насъ отцовское. Все обрывается на томъ, что форма не соблюдена въ духовной. Черезъ три недѣли дѣло будетъ въ Гражданской Палатѣ. Ежели (что̀, не сомнѣваюсь, будетъ) графъ велитъ ей рѣшить наше дѣло не въ очередь, то въ три мѣсяца и прежде оно въ Сенатѣ; идетъ оно въ седьмый департаментъ; надобно къ счастію нашему, чтобы Столыпинъ [3]) былъ тутъ оберъ-прокуроръ. Въ Витебскъ [4]) послано все скоро послѣ твоего отъѣзда. Cette expédition m'a fait courir à Gorbovo; je suis charmé que tout est en train. A présent je suis devenu un véritable крючокъ: самъ ѣзжу въ присутственныя мѣста и бумаги подаю съ Фастомъ, который мой сопутникъ. Никакого не имѣю отвѣта отъ Румянцева, которому по совѣту твоему писалъ я убѣдительно; не бѣда, ежели ничего не выйдетъ, ибо нужно мое присутствіе здѣсь теперь. Татищевъ назначенъ въ Швецію, а покуда Гриша [5]), который совѣтникомъ посольства, ѣдетъ туда повѣр. въ дѣлахъ. Государь въ Твери, но сюда не будетъ. Графъ туда поѣхалъ, обѣщавъ воз-

---

[1]) Московскій оберъ-полицмейстеръ.

[2]) Фельдмаршалъ графъ И. В. Гудовичъ, тогдашній Московскій главнокомандующій.

[3]) Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, зять Н. С. Мордвинова.

[4]) Въ Витебской губерніи были деревни Я. И. Булгакова.

[5]) Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ?

вратиться съ арендою для Волкова. Дай Богъ! Этотъ Волковъ истинно безцѣнный человѣкъ. Ну, право, я того для себя самъ не дѣлаю, что онъ дѣлаетъ. Il est infatiguable, et il a fait au maréchal un tableau si frappant et énergique de tout ce qui nous regarde, que le maréchal nous protège fortement. Графъ ему сказалъ: будьте увѣрены, А. А., что эта тяжба только проформа; Булгаковымъ отдастся все, я это знаю вѣрно и знаю мысли государевы. Son frère, le comte Michel, qui nous aime beaucoup, ne veut pas que j'entre dans les accomodemmens, mais moi j'y consens de grand coeur, si cela peut être avantageux et surtout stable. Будь покоенъ, любезный братъ: добрые рано или поздно возмутъ верхъ, а здѣсь не будетъ упущено ничего. Какъ поѣду со двора въ шесть часовъ утра и похлопочу часовъ шесть, то обѣдаю лучше, и съ восхищеніемъ смотрю на твой портретъ, чувствуя, что старался и о твоемъ благѣ. Какое будетъ для меня блаженство сказать тебѣ обнявши, когда возвратишься: ну, братъ, слава Богу мы покойно теперь будемъ наслаждаться отцовскимъ добромъ; миновались наши хлопоты.

*

Москва, 20 Іюня 1810 г.

Мы утѣшаемся очень твоими милыми письмами. Наташа, князь и всѣ очень велѣли тебя разцѣловать за то, что ты княгиню*) покойную вспомнилъ въ Кіевѣ и велѣлъ спѣть панихиду.

Дѣло идетъ здѣсь своимъ порядкомъ и очень хорошо до сихъ поръ. Видя участіе, Гудовичемъ въ насъ принимаемое, Уѣздный Судъ свой приговоръ о взятіи въ казенное вѣдомство имѣнія отмѣнилъ. Теперь повѣрку дѣлаетъ нашимъ документамъ, потомъ потребуетъ у А. П., на чемъ основываетъ свое право, т. е. на какомъ актѣ, дѣяніи или словахъ покойнаго; ибо хотя завѣщаніе и полной силы не имѣетъ, но уничтожить его не можно. Вслѣдствіе приговора Уѣздн. Суда нашъ частный приставъ у нее былъ, показывалъ завѣщаніе и требовалъ, чтобы она или *опровергнула* или *засвидѣтельствовала* письменно, что это рука батюшкина. Она все откладывала со дня на день, наконецъ дала отзывъ, въ коемъ пускается на глупыя разсужденія, а главнаго не говоритъ; и такъ приставъ ей бумагу ея возвратилъ, яко вздорную, и далъ ей день сроку, чтобы отвѣчать, его ли рука или нѣтъ; ежели завтра не скажетъ, то силою ее принудятъ къ тому. На эту угрозу начала она себя бить по головѣ, ругать полицію, особливо Волкова, говоря, что онъ ей все эти хлопоты наводитъ. Il faut que la démarche soit assez décisive, puisqu'elle hésite si longtemps; elle sait qu'elle ne peut pas nier l'écriture,

*) Княгиню Хованскую, которая такъ восхвалена въ Запискахъ Вигеля.

mais elle a peur de constater un document de cette force. Le major de la police, homme sensible, bon et loyale, m'a fait part de toutes ses conversations avec elle; il a été trois fois chez elle et lui a parlé avec énergie, et à tel point qu'elle se trouva mal; elle a des convulsions affreuses. Le major m'assure qu'elle a la raison troublée et qu'elle bat continuellement la campagne.

J'ai recu enfin la réponse de chancelier; il m'écrit aves une excessive politesse et me dit: «recevez mes regrets de ne pouvoir réaliser mes dispositions à votre égard pour la place de d. de la ch. de commerce; car je suis à la veille *de renoncer* à ce département; dans toute autre occasion il me sera fort agréable de vous donner des témoignages de mon désir de vous être utile». Je regrette cette place d'un côté, mais d'un autre côté je vois que personne n'aurait pu me remplacer ici. Je suis très nécessaire pour l'affaire. J'apprends que le départ. de commerce est aboli, qu'il n'y aura qu'une expédition et que c'est Gourieff, qui en sera le chef (c'est le ministre des finances). Я совсѣмъ не жалѣю о потерѣ сего мѣста; были бы хлопоты, а особливо издержки.

*

(1810).

Подробности твоего путешествія весьма интересны. Я радъ, что ты увидишь край этотъ, довольно мало извѣстный и узнаешь походную жизнь; я ее велъ пять мѣсяцевъ въ Калабріи, и она мнѣ самому очень была по сердцу, хотя войска Неаполитанскія, не смотря на ревность Дамаса*), совсѣмъ противную играли роль вашимъ. Здѣсь только и разговора что о Молдавіи: всѣ взоры устремлены на васъ; думаютъ, что, какъ и ты говоришь, если графъ Каменскій побьетъ визиря и выгонитъ его изъ Шумлы, то Стамбулъ сдастся, и миръ будетъ подписанъ на барабанѣ. Чтò меня удивляетъ, это-то, что твой начальникъ имѣетъ здѣсь только поклонниковъ, но не завистниковъ; всѣ отдаютъ ему справедливость; это значитъ, что всѣ мы здѣсь истые Русскіе люди. Я былъ въ соборѣ на молебнѣ по случаю взятія Силистріи и Базарджика. Никогда не забуду того впечатлѣнія, какое произвела на меня бывшая тамъ графиня Каменская; всѣ взоры были устремлены на нее какъ бы съ благодарностью за такихъ ея сыновей. Какъ сердцу ея должно было быть весело слышать молебствіе за побѣды, одержанныя сыновьями ея! Фельдмаршалъ къ ней подошелъ и поздравилъ, а потомъ всѣ прочіе. Это было чудное зрѣлище.

*

---

*) Французъ Дамасъ (кажется, бывшій потомъ и въ нашей службѣ), командовалъ Неаполитанскими войсками.

Горбово, 26 Іюля 1810.

Наташа гулять пошла съ Иваномъ Савельичемъ, придетъ, сама припишетъ тебѣ. A propos de lui. Вчера потѣшилъ онъ насъ. Были мы на имянинахъ у сосѣда, князя Сибирскаго, le fameux par son malheur [1]); набралось тутъ пропасть народа. Сдѣлалъ я le cocagne, кидалъ деревенскимъ пряниковъ, калачей; стало этого недовольно, взялъ я шута, натыкалъ ему за шею, въ сапоги, за галстукъ, въ рукава, въ штаны пряниковъ, однимъ словомъ, начинилъ его всякимъ лакомствомъ и пустилъ его въ народъ. Надобно было видѣть, какъ бросились на него бабы, дѣвки, мальчики и начали изъ него вытаскивать добычу; было съ чего лопнуть со смѣху. Les femmes lui mettaient les mains dans les culottes, et lui leur troussait les jupes, c'était fort pittoreque; imaginez que même les шумишки, que je lancais parmi ces dames, ne pouvaient pas les distraire de leur occupation. Nous avons passé une journée bien agréable. Et général nous sommes bien ici, il ne nous manque que nos amis Wolkoff. A propos, nous avons le projet d'aller avec eux chez Jeannot [2]). Après-demain j'irai à Moscou pour deux jours, et nous arrangerons la partie, постараемся Фаста вытащить. Nathalie reste ici (à présent s'entend), car elle sera de la tournée chez Jeannot. Поутру была у насъ комедія съ шутомъ. Для наказанія князь велѣлъ его привязать къ качелямъ круглымъ, и подняли его на верхъ; просидѣлъ онъ тамъ довольно, вдругъ прихожу и говорю, что князь хочетъ его велѣть разстрѣлять и что для того и привязали его къ качелямъ. Приходитъ Бѣловъ, камердинеръ, съ ружьемъ, заряжаетъ его; тотъ все думаетъ, что шутка, какъ вдругъ бацнутъ въ него холостымъ зарядомъ. Vous voyez que nous passons notre temps à faire des farces, et j'étais très bien disposé ayant eu votre bonne lettre, qui m'a transporté de joye.

*

Горбово 6 Августа 1810.

Сожалѣю очень о болѣзни Воронцова [3]); поберегите его. Какъ мнѣ тебѣ пересказать, что̀ происходило въ сердцѣ моемъ, читая, что ты говоришь о князѣ Александрѣ Борисовичѣ, безо всякаго внушенія тебя Каменскому рекомендовавшемъ; я читаю это тогда, какъ едва извѣстили меня о кончинѣ сего ангельскаго человѣка. Я чрезмѣрно огорченъ, и дорога меня разсѣять не могла; желаю не быть первымъ тебѣ эту

[1]) Князь Сибирскій потерпѣлъ въ царствованіе Павла.

[2]) Это Иванъ Васильевичъ Нарышкинъ, тесть графа М. Д. Бутурлина.

[3]) Т. е. графа (позднѣе князя) М. С. Воронцова.

потерю объявляющимъ. Вамъ извѣстна Парижская катастрофа. Шварценбергъ даетъ Наполеону балъ, загорается домъ, всѣ бѣгутъ, князя сшибаютъ на лѣстницѣ съ ногъ, у него сгораютъ волосы, брови, правая рука. Приносятъ замертво домой, ограбленнаго, всѣ брилліантовые знаки сняты, и князь умеръ нѣсколько дней послѣ. Какая потеря! Воображаю, какъ тебя это огорчитъ!

*

Горбово, 20 Августа 1810.

Tourghéneff vous aura déjà informé de mariage futur de notre bon Ouvaroff avec la comtesse Razoumoffsky, soeur de la princesse Repnine. On lui donne pour 100 m. r. de diamants, pour 100 m. de trousseau et 6.000 paysans. C'est joli et remettra les affaires de ces braves garçons[1]. Je ne crois pas que Serge épouse par amour, ni même inclination; car jamais il ne nous a parlé de la jeune personne, je suis sûr qu'il aura voulu se sacrifier pour sa mère et son frère. On l'a dit très bonne fille au reste.

Уваровъ напечаталъ элегію Les biens de poète и поднесъ ее невѣстѣ своей.

*

Москва, 29 Августа 1810.

Ты одинъ при графѣ [2]) теперь; дай Богъ найти тебѣ другого Куракина въ немъ. Князь Александръ Борис. живёхонекъ и совсѣмъ выздоровѣлъ. Это были Московскія сплетни, равно какъ и о трехъ графахъ, о чемъ я писалъ тебѣ, не правда. Блудову отплачу, ежели будетъ сюда, за дружбу его къ тебѣ. Мѣсто Львова отъ меня улизнуло; но Тургеневъ, мой неутомимый другъ, обѣщаетъ мнѣ другое. Говорятъ, что Гриша Орловъ будетъ назначенъ начальникомъ государственныхъ имуществъ; что будутъ, какъ прежде, директоры экономіи во всѣхъ губерніяхъ, которые кромѣ 2.500 р. годового оклада получатъ много другихъ преимуществъ; онъ юлитъ, чтобы назначили меня въ Москву. Это, конечно, будетъ хорошо; но я не спѣшу. Я написалъ Татищеву (пріѣхавшему въ Петербургъ), чтобъ попытать его и напомнить ему нашу дружбу. Говорятъ, что онъ будетъ начальникъ надъ Коллегіею и въ такомъ случаѣ можетъ мнѣ дать славное мѣсто. Я ему говорю какъ другу откровенно и такой же требую отвѣтъ; увижу, что̀ мнѣ напишетъ и, смотря по отвѣту его, соображу свои планы. Татищева приняли очень хорошо, жена представлена ко двору; скоро оба будутъ сюда.

---

[1]) Т. е. Сергѣя и Өедора Семеновичей Уваровыхъ.

[2]) Т. е. при графѣ Н. М. Каменскомъ.

Скажи Влодеку, что его страданія меня очень сокрушаютъ; но что съ другой стороны, имѣя въ виду его успѣхи на славномъ боевомъ поприщѣ, я радуюсь за его рану, если только она не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій, а лишь причинитъ ему кратковременное страданіе. Ты не сказалъ мнѣ, гдѣ онъ былъ раненъ, когда и какъ; хочется знать все, касающееся до друга; а Мишеля я люблю давно. Спасибо, что за нимъ смотришь. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ сочувствіе людей къ нашимъ страданіямъ.

*

Москва, 31 Августа 1810.

Какъ Куракина не любить! Да и дрянные эти Французы показываютъ великое участіе въ его несчастіи: во всякой газетѣ ихъ есть артикулъ о состояніи его здоровья. Буду къ нему писать непремѣнно; у меня есть прекрасный предлогъ: вся Москва интересуется его здоровьемъ. Я давно забылъ о тѣхъ проказахъ, какія учинилъ мнѣ канцлеръ; все было къ лучшему. Кто знаетъ, попалъ ли бы я къ Гурьеву (котораго едва знаю) подъ начало? Этотъ пролазъ Тургеневъ хочетъ, во что бы то ни стало, доставить мнѣ мѣсто директора экономіи въ Московской губерніи. Мнѣ пишутъ, что Дм. Павл., пріѣхавшій наконецъ въ Петербургъ, по прежнему очень меня любитъ и что носятся слухи, что онъ займетъ мѣсто графа А. Салтыкова. Я ему тотчасъ же написалъ, чтобы напомнить о нашей дружбѣ и спросить о его планахъ; прошу его также выхлопотать мнѣ что-нибудь за мою прошлую службу и устроить меня повыгоднѣе.

Balacheff est d'une toute-puissance, qui rivalise avec celle de Speransky. On a fait entrer dans le ministère de la police des fragments de tous les ministères, même du nôtre, car il donnera les passeports pour l'étranger, les peuples nomades de l'Asie dépendront de lui.

*

Москва, 4-го Октября 1810 г.

Ну, братъ, хваты вы! Говорятъ, что въ Петербургѣ только и разговоровъ, что о подвигахъ графа. Послѣднее его донесеніе читалось во дворцѣ, послѣ обѣдни, военнымъ министромъ вслухъ; только и слышны были восклицанія: хватъ! ай да молодецъ! А я говорю: герой во всѣхъ отношеніяхъ. Анекдоты о графѣ обошли весь городъ. Говорятъ напримѣръ, что у него прекрасное зрѣніе, неоцѣнимая вещь въ начальникѣ арміи, что когда онъ на лошади, онъ смотритъ и вычисляетъ и если лошадь въ это время заупрямится, онъ ее тотчасъ мѣняетъ, чтобы ничѣмъ не развлекать своего вниманія; восхваляютъ нѣкоторую сдержан-

ность его съ подчиненными ему генералами, но безъ малѣйшей гордости, чтò придаетъ вѣсъ его словамъ; говорятъ о его строгости и замѣчаютъ, что будь таковая въ наши послѣднія войны въ Австріи и особенно въ Пруссіи, многаго бы не случилось; наконецъ, всѣ его дѣйствія, какъ говорятъ, доказываютъ, что онъ зрѣло обсудилъ прошлое. Армія тоже, говорятъ, обильно снабжена и проч. Я сообщаю тебѣ все это, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе. Пріѣхалъ сюда полковникъ Свѣчинъ, отправленный графомъ къ Гудовичу съ извѣстіемъ о взятіи Рущука и Журжи. Волковъ съ нимъ много говорилъ, распрашивалъ, кого графъ отличаетъ. Волковъ говоритъ, что не могъ скрыть своей радости, слыша слова: «Есть тамъ молодой Булгаковъ; хотя недавно пріѣхалъ, но графъ, кажется, великую къ нему оказываетъ довѣренность; онъ много тамъ значитъ; графъ работаетъ съ нимъ часто» и проч. Какъ насъ это порадовало!

*

Москва, 25 Октября 1810 г.

Je suis devenu un véritable крючокъ. Je passe des matinées entières à l' Уѣздный Судъ; j'ai été avant-hier au Sénat moi-meme, au quel j'ai présenté ma réfutation aux absurdités que la cousine lui a étalé dans son mémoire. Le premier procureur Stolypine m'a fort bien reçu, et j'ai beaucoup causé avec lui. А. П. осмѣлилась сказать Сенату, будто Государь *отринулъ* нашу просьбу, утвердивъ мнѣніе шести голосовъ. Я радъ, что она тронула эту деликатную и ей вредную струну, и сказалъ, что большинство столь знаменитое голосовъ означаетъ справедливость нашего дѣла, что впрочемъ 6 голосовъ ни мало не опровергаютъ правъ нашихъ въ ея пользу: Государь, утвердивъ мнѣніе 6 голосовъ, полагавшихъ дать дѣлу законное теченіе, далъ только новый опытъ своего отеческаго безпристрастія, изъявя волю свою, дабы тяжбы между его вѣрноподданными для всѣхъ безъ изъятія производились въ установленныхъ для судопроизводства мѣстахъ и пр. Это будетъ загвоздка для А. П. Уѣздный Судъ въ большомъ недоумѣніи съ тѣхъ поръ, что извѣстенъ о томъ, чтò въ Совѣтѣ происходило; по сю пору ничего не постановилъ еще. Пусть тянетъ, а ежели Богъ поможетъ мнѣ успѣть совершить введеніе во владѣніе, то тогда тянись тяжба хоть 10 лѣтъ!

Третьяго дня получилъ я письмо отъ Татищева; нельзя быть добрѣе его. Едва назначили его въ главные начальники внѣшней торговли и управляющимъ всѣми таможнями, какъ тотчасъ за меня хватился и предлагаетъ мнѣ ce qu'il a de mieux. Comme mon idée est des rester à Moscou, je lui ai écrit en conséquence; n'ayant pas de place à disposer à Moscou, il s'offre de me faire nommer par Gourieff directeur des do-

maines de la couronne à Moscou; il y a 4000 r. d'appointements outre le 2 pour 100 sur exportation et d'autres revenus encore. Je désire beaucoup que cela réussisse; mes voeux seraient comblés. Тургеневъ меня мучаетъ, чтобы я въ томъ же званіи ѣхалъ въ Казань, гдѣ доходъ больше и мѣсто выгоднѣе; но я говорю, что лучше 4000 т. здѣсь, нежели 20000 т. тамъ. J'espère qu'il n'en sera pas de cette place comme de celle du chancelier, que tout le monde quitte peu à peu. Гриша перешелъ къ Гурьеву и будетъ у Татищева, а Сережа къ будущему своему тестю. Le bon Turghéneff, comme il nous sert aussi! Ce maroufle a près de 6000 r. de revenus, il est directeur de la chancelerie de Galitzine. Blodoff est ici. Очень его благодарилъ за ласки тебѣ оказанныя. Quel drôle de corps! Voilà qu'il désire de noveau retourner à l'armée; je ne sais pas trop connu il l'obteindra de Romanzoff.

*

Москва, 15 Ноября 1810 г.

Вчера былъ я у Александра Львовича, который здѣсь проѣздомъ; ѣдетъ въ деревню оброкъ сбирать. Зала была полна гостьми, пѣвчими, полковыми, музыкантами, театральною дирекціею, актерами, Бухарцами и пр. и пр. Княгиня К. Ѳ. Долгорукова также здѣсь; мы у нея бываемъ. Я познакомился съ Юсуповымъ, который спрашивалъ о тебѣ; онъ здѣсь поселился. Переселенія изъ Петербурга становятся все чаще и чаще; дорогоизна тамъ страшная.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРАСКОВЬИ НИКОЛАЕВНЫ ТАТЛИНОЙ.

(1812—1854).

Дѣдъ мой, по отцу, былъ протоіерей Архангельскаго собора въ Москвѣ Петръ Алексѣевъ. О немъ съ благоговѣніемъ вспоминали въ семействѣ; разсказывали объ его отношеніяхъ къ митрополиту Платону, о томъ, что онъ подалъ записку о сокращеніи въ Россіи числа чернаго духовенства; говорили, что эта записка была доложена императрицѣ Екатеринѣ II. Все это говорилось, какъ я помню, съ большой опасливостью, озираясь по сторонамъ. Это пробуждало во мнѣ пытливость ума: я старательно вслушивалась, запоминала отдѣльныя слова, но мало понимала самое дѣло, а самостоятельно обдумывая слышанное, пришла къ заключенію, что дѣдъ мой былъ гордый человѣкъ. Этотъ выводъ былъ основателенъ: гордость составляла выдающійся недостатокъ его характера. Онъ образовался преимущественно вслѣдствіе того, что протоіерей достигъ высокаго положенія въ средѣ современнаго духовенства, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, безъ всякой протекціи. Занять замѣтное положеніе (онъ былъ членомъ Академіи Наукъ и катихизаторомъ въ Московскомъ университетѣ), мнѣ кажется, помогли ему и ученость, и практическій умъ, умѣнье не упускать благопріятныхъ случайностей, рѣшительность и быстрота въ дѣйствіяхъ. Теперь я называю гордость Алексѣева недостаткомъ, но не такъ было прежде. Высокое почтеніе моего семейства къ Петру Алексѣевичу возбудило во мнѣ уваженіе ко всѣмъ безъ разбора духовнымъ качествамъ его, и гордость показалась мнѣ такимъ основаніемъ всего хорошаго въ человѣкѣ, что я усвоила ее себѣ и развила во всѣхъ дѣтяхъ своихъ. Почти всю жизнь свою я провела съ убѣжденіемъ, что гордость—основа честности, что гордость удерживаетъ человѣка отъ низкихъ поступковъ и вселяетъ въ него стремленіе улучшаться. Такія понятія поддерживалъ во мнѣ и отецъ, тоже горделивый человѣкъ.

И такъ, гордость укоренилась въ моей семьѣ прежде, чѣмъ я родилась. Годомъ моего рожденія считали 1808. Въ двѣнадцатомъ году отецъ управлялъ громадными имѣніями графа Шереметева. Съ этимъ

годомъ соединяются первыя воспоминанія въ моей жизни: очень грязная комната, очень толстое дерево и подлѣ него мохнатый человѣкъ на цѣпи, потомъ небольшая комната и много табакерокъ съ разными изображеніями на нихъ; дорóга, по которой ѣдутъ экипажи и нѣсколько Арабовъ; сами мы ѣдемъ въ телѣгѣ, а отецъ идетъ пѣшкомъ, потому что на телѣгѣ нѣтъ мѣста; чувствую въ ногахъ неловкость и думаю, что тараканы черные залѣзли въ чулки; обращаюсь назадъ, все небо красное: это Москва горитъ. Была ли я приготовлена къ этому ужасу разговорами окружавшихъ, но я живо помню, что я не испугалась, а мнѣ сдѣлалось скучно. Мы остановились въ полѣ, я попросила иголку и лоскутковъ и стала сшивать ихъ. Въ крестьянской избѣ, гдѣ мы остановились отдохнуть, я не могу ѣсть деревянной ложкой и прошу серебряную; мать сердится, а даетъ. Пріѣзжаемъ въ большой домъ, въ которомъ много дѣтей, и я весело бѣгаю. Разговариваютъ о дѣвкѣ, которую утопилъ родной братъ, привязавъ камень на шею. Передъ окнами рѣка: это Волга. Мы не останавливаемся здѣсь, а ѣдемъ далѣе. Сколько времени продолжалось наше странствованіе, я не помню и не знаю, потому что мать не любила вспоминать о бѣдственномъ годѣ. Возвратный путь остался у меня въ памяти только по ночи, проведенной въ избѣ, въ которой мы спали на палатяхъ, а внизу было много мужиковъ. На другой день я съ отцомъ и матерью была у рѣки и видѣла, какъ выходили изъ барки какіе-то люди: ихъ зовутъ Французами, они сожгли Москву. Всеобщее горе было непонятно мнѣ; но впечатлѣніе, которое оно производило на старшихъ, не могло укрыться отъ моего младенческаго ума. Заболѣло мое маленькое сердце, когда моя мать горько плакала: отецъ ушелъ въ Москву.

Но вотъ и мы въ Москвѣ. Житье наше было стѣсненное. Въ большомъ домѣ мы занимали одну комнату, отецъ, мать, я, сестра, няня Пелагея и крѣпостная Анютка; въ этой же комнатѣ, въ Голландской печкѣ, няня варила намъ кушанье. Впослѣдствіи эта женщина сдѣлалась почетнымъ лицомъ въ моемъ семействѣ: она не только вынянчила меня и всѣхъ сестеръ и братьевъ, но и всѣхъ дѣтей моихъ, была жива при рожденіи первой внучки. Въ нянѣ Пелагеѣ выработался властолюбивый характеръ, поэтому она могла имѣть дѣло только съ дѣтьми и любила только маленькихъ дѣтей и преимущественно мальчиковъ; поставивши ихъ на ноги, она вселяла въ дѣтяхъ страхъ Божій и развивала зачатки нравственности. Когда же новыя жильцы міра позволяли себѣ самостоятельность въ сужденіяхъ, няня Пелагея грустно качала головой, отворачивалась, а въ сердцахъ и «тьфу» говорила. Она была набожна, хорошо знала порядокъ церковныхъ службъ и не выносила въ людяхъ несоблюденія религіозныхъ обрядовъ.

Знакомыхъ у насъ не было. Городъ былъ пустъ, такъ что, когда родился братецъ, я была крестною матерью, а дядя крестнымъ отцомъ. Мальчикъ умеръ: его закурилъ табакомъ двоюродный братъ; такъ говорили мать и няня.

Природа у меня была живая, веселая. Не помню, чтобъ я когда нибудь плакала. Тѣснота помѣщенія не производила во мнѣ досады, а хаосъ, въ которомъ лежала Москва, не былъ мнѣ ощутителенъ. А можетъ быть, и въ тѣ мои годы (какъ это было впослѣдствіи) няня умѣла удерживать меня отъ роптанія: она пользовалась всякимъ случаемъ, чтобъ говорить о терпѣніи и смиреніи. «Не гнѣви Бога ропотомъ», часто повторяла она. Наконецъ, въ моей дѣтской жизни случались обстоятельства, которыя отвлекали отъ горестныхъ чувствованій, если они подчасъ и навѣвались всеобщимъ бѣдствіемъ. Такъ какъ я была веселенькой, то скоро очутился около меня какой-то мальчикъ, немного старше меня, который сдѣлалъ на дворѣ печку изъ кирпичей, и я изъ песку пекла въ ней гречневики. Часто водила меня мать въ гости къ дядѣ, который жилъ тоже въ большомъ домѣ; изъ оконъ виднѣлась каменная стѣна, а подъ ней палатки, въ которыхъ жили Цыганы. Быстро бѣжала жизнь въ то время. Скоро стали съѣзжаться Москвичи, и городъ началъ обстраиваться. Общее горе сближаетъ людей, отношенія становятся сердечнѣе, и знакомства дѣлаются быстрѣе. Помню домъ какой-то богатой барыни, много прислуги, и въ домѣ все лучше, чѣмъ у дяди. Одна комната уставлена образами въ кіотахъ, масса золота и нѣсколько лампадокъ. Разъ, въ дѣвичьей я взяла ножницы, вошла въ гостиную и стала обрѣзывать ногти. «Что̀ ты дѣлаешь! Развѣ прилично въ гостяхъ обрѣзывать ногти? На все есть свое время и мѣсто». Мнѣ дѣлается страшно стыдно, и я краснѣю. Въ другой разъ, у нея же, я налила чай на блюдечко и, стоя у стола, пью изъ него. «Что̀ ты, теленокъ?» говорятъ мнѣ, и мнѣ опять страшно стыдно, и я опять краснѣю. Во второй разъ мнѣ никогда не приходилось указывать: я и тогда была очень горда.

Вотъ мы въ гостяхъ у сенатора, нашего родственника. Онъ главный попечитель графа Шереметева *). Великолѣпное устройство комнатъ. Вечеръ. Блестящее освѣщеніе. Мнѣ очень весело; я разгуливаю по всѣмъ комнатамъ, бѣгаю за ежомъ и попадаю въ спальню: на возвышеніи стоитъ кровать съ поражающими меня занавѣсками. Мнѣ очень нравится Прокопій Михайловичъ; я говорю ему, что онъ очень уменъ, всѣ смѣются.

*) Павла Өедоровича Малиновскаго. Онъ былъ не попечителемъ, а однимъ изъ опекуновъ малолѣтняго графа Д. Н. Шереметева. Сенаторомъ былъ его братъ Алексѣй. П. Б.

Мы устроились въ новомъ жилищѣ изъ четырехъ комнатъ, съ особой дѣтской. Мальчикъ, который дѣлалъ мнѣ печки, пришелъ поздравить меня съ новосельемъ и принесъ крендель; я была еще въ шлафрокѣ и побѣжала переодѣться, чтобъ принять крендель и поблагодарить за вниманіе. Къ намъ часто приходятъ старухи, которыя подолгу гостятъ у насъ. Мать все читаетъ имъ Четьи-Минеи; я бросаю свои игры и бѣготню по двору и слушаю, притаившись гдѣ нибудь въ углу; иногда становится очень страшно, но чтеніе интересуетъ меня, и я все слушаю. Когда я выучилась читать и кто училъ меня, не помню; но въ памяти моей сохранилось, что, часто бывая у дяди, я произношу выученныя наизустъ стихотворенія Ивана Ивановича Дмитріева, и дядя, конечно, одобряетъ меня. Въ то время я была еще очень мала, потому что дядины гости, которыхъ всегда бывало много, цѣловали мои пальчики и носили меня на рукахъ. Вся прислуга любитъ меня и называетъ милой барышней. Я начинаю замѣчать, что всѣ забавляются мною, и мнѣ очень весело. Дядя приглашаетъ танцмейстера, и я съ четырьмя дѣвочками моихъ лѣтъ, нашими родственницами, учусь танцовать разнохарактерные танцы; танцуемъ каждое Воскресенье. У дяди устраивается и домашній театръ. Играютъ и родные, и настоящіе актеры; между участвующими помнятся трое: Буденбранъ, двое Лобановыхъ, Лисицына, три двоюродные брата мои. Представленія кончаются нашими плясками: кто по русски, кто по цыгански, кто по казацки. Другой домъ, который мы посѣщали, принадлежалъ теткѣ. Разсказывали, что она ушла въ окошко и обвѣнчалась съ родственникомъ; она была красавица, а онъ безобразный. У нихъ въ домѣ я впервыя увидала обезьяну, попугая и сороку, а у лакея чижъ носилъ воду въ ведрышкѣ въ свою клѣтку.

Такъ просто, по принятымъ обычаямъ, и весело, какъ въ свѣтлые Майскіе дни, проходили дѣтскіе годы мои; но слѣды Наполеоновскаго нашествія существовали кругомъ нашего мирнаго дома. Меня окружала любовь родителей, родственниковъ и знакомыхъ, а во многихъ семьяхъ былъ плачъ по убитымъ и горе отъ потери имущества Если бъ я была постарше, то и тогда могла бы понять громаду бѣдствія, и вотъ по какому обстоятельству. Отецъ задумалъ купить землю, чтобъ выстроить домъ, такъ какъ бывшій у насъ до нашествія Наполеона сгорѣлъ. Подыскивая мѣсто для дома, отецъ исходилъ большое пространство по Москвѣ и всегда бралъ меня съ собою. Тогда-то я и увидала Московское пожарище, развалины, груды камней, обгорѣлыя деревья и много людей, кое-какъ ютившихся въ полуразвалившихся зданіяхъ. Истиннаго смысла этого пожарища я не понимала и, должно

быть, никто не желалъ объяснить мнѣ его, а потому развалины меня интересовали, но жалости или грусти не возбуждали.

Въ 1817-мъ году мы переходимъ въ собственный новопостроенный домъ. До девяти лѣтъ я воспитывалась въ религіозно-нравственномъ направленіи: слушала Четьи-Минеи, отецъ по Воскресеньямъ ходилъ со мной къ обѣднѣ, преимущественно въ монастыри, чаще всего въ Донской, гдѣ были похоронены дѣдъ мой и прочіе родные, не пропускалъ ни одного крестнаго хода, изъ которыхъ наибольшее впечатлѣніе производили на меня Успенскіе, начинавшіеся ночью и кончавшіеся съ разсвѣтомъ; въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ съ иконами и хоругвями мое вниманіе часто останавливалось на какихъ-то женщинахъ въ парчевыхъ фатахъ. Новыя идеи, свѣтскаго характера, начали нашептываться мнѣ въ домѣ дяди. Я часто гостила у него и по вечерамъ въ гостиной слушала разговоры о Гришкѣ Отрепьевѣ, Петрѣ I, Мазепѣ, Наполеонѣ, Растопчинѣ; смутно слыхала о Новиковѣ, Походяшинѣ, Сперанскомъ и Карамзинѣ, о Николаѣ Чудотворцѣ и Аріи. Эти разговоры мнѣ нравились болѣе, чѣмъ Четьи-Минеи, во первыхъ потому, что это была не монотонное чтеніе, а во вторыхъ потому, что они давали моей любознательности болѣе обширную сферу. Доводя мою любознательность до сильнѣйшаго напряженія, эти разговоры, вѣроятно, положили основаніе тѣмъ взглядамъ, которые впослѣдствіи отличали меня отъ окружавшихъ меня людей. Личность дяди была обаятельна; я не спускала съ него глазъ, когда онъ говорилъ. Мать моя замѣтила это, и враждебныя чувства ея къ дядѣ усилились; врагомъ же своимъ она считала его за неправильный раздѣлъ имѣнія по смерти дѣда. Можетъ быть, и убѣжденія дяди не нравились моей матери; какъ бы ни было, а я получала большія непріятности отъ матери за дядю, но твердо выносила преслѣдованія и не измѣняла своей симпатіи. Дядя покупаетъ всѣ выходящіе переводы и оригинальныя сочиненія, имѣетъ ложу въ театрѣ. Я перечитываю все, что̀ онъ имѣетъ; восхищаюсь Шписомъ и Радклифомъ, а нравоучительныхъ повѣстей г-жи Жанлисъ не люблю. Театральныя представленія болѣе занимаютъ меня, чѣмъ ученье. А учитъ меня приглашенный отцомъ Нѣмецъ. Онъ учитъ всему, а я ничего не понимаю. Нельзя сказать, что я не желала учиться; но умъ мой постоянно былъ занятъ прочитаннымъ и слышаннымъ; одну ариѳметику я любила и хорошо знала. Я очень любила женскія рукодѣлья, а въ дѣтской и въ кухнѣ нога моя не была; на маленькихъ дѣтей не могла смотрѣть, мнѣ дѣлалось тошно; такъ же противна была и кухня, а сильная привязанность была къ книгамъ. Исторію Карамзина я начала читать на второй годъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома, т. е.

въ 1819 году, читала съ начала до конца нѣсколько разъ и прочла въ послѣдній разъ въ 1842 году. Тогда взглядъ мой на Карамзина ужъ измѣнился, такъ какъ въ промежутокъ этого времени измѣнились мои отношенія къ ближнимъ: другія сочиненія дали новое направленіе моему мышленію и перемѣнилась моя жизнь. Въ родительскомъ домѣ вѣяли на меня идеи старо-Русскія. Бытъ устроенъ былъ на началахъ дореформенныхъ. Домъ былъ наполненъ старухами, тихими, приниженными, постоянно напоминавшими мнѣ о страхѣ Божіемъ. Мать моя называла себя многострадальнымъ Іовомъ, говорила, что человѣкъ безъ религіи погибшій, а отецъ часто повторялъ: не покланяйся никому, кромѣ Господа. Совсѣмъ иная атмосфера была въ домѣ дяди и у тетки, что̀ выскочила въ окно. Пусть болѣе свѣдущіе люди рѣшаютъ, могла ли одиннадцатилѣтняя дѣвочка, безъ насилія, по собственному желанію, удерживать взгляды и понятія матери и устоять противъ соблазна идей, которыя слышались въ обстановкѣ веселой, жизнерадостной. Іовъ мнѣ совсѣмъ не нравился, но̀ завѣтъ отца «никому не поклоняться» глубоко запалъ мнѣ въ душу. Впослѣдствіи я поняла, что моя мать была православная аристократка, а отецъ христіанинъ. Дядя не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. И потому ли, что у меня была дурная природа (какъ мнѣ часто говорила это мать, когда я была за мужемъ), но я оставила отца и мать, съ ихъ высокими и мрачными идеями, и душою предалась дядѣ. Моя мать была проницательная женщина; она сразу замѣтила, что я остаюсь безучастной къ ея воззрѣніямъ; но она любила меня и не хотѣла разстраивать мое здоровье постоянными спорами; притомъ она иногда произносила фразу, которая какъ будто указывала на шаткость ея собственныхъ убѣжденій: не дѣлай своего бѣлаго, а дѣлай мое черное! Я никогда не могла понять этой фразы въ устахъ матери. Была ли это увѣренность въ силѣ своего авторитета, увѣренность, что дочь предпочтетъ своему бѣлому родительское черное, или это было хитростью съ ея стороны: снисходительно обѣляя мое поведеніе, она, можетъ быть, думала уменьшить силу моего упорства. Какъ бы ни было, но эти слова не оказывали на меня благодатнаго вліянія.

Однако, моя мать была дипломатка, и относительно дядина вліянія на меня случилось такъ, какъ она желала: оно было прекращено. Когда минуло мнѣ 14-ть лѣтъ, между отцомъ и дядей начали возникать такія ссоры, что прекратилось знакомство ихъ. Между тѣмъ, на мою духовную жизнь разрывъ съ дядей произвелъ дѣйствіе, совершенно противоположное тому, какого могла ожидать мама: я подверглась болѣе грозному воздѣйствію и окончательно антихристіанскому. За два года до прискорбнаго разрыва, дочь одной проживавшей у моей матери бѣдной попадьи

кончила курсъ ученія въ институтѣ и поступила гувернанткой къ маленькимъ дѣтямъ сенатора Яковлева. Когда библіотека дяди закрылась для меня, тогда эта гувернантка, въ угожденіе мнѣ, тайкомъ отъ моей матери, начала возить книги изъ библіотеки мизантропа Яковлева. Она сама не читала доставляемыхъ книгъ и о содержаніи ихъ не имѣла понятія. Это были сочиненія просвѣтителей XVIII вѣка и гремѣвшаго тогда Вольтера. Произведенія послѣдняго поразили, изумили меня: его взгляды были новы, а выводы неотразимы для меня. Однако, старыя понятія не уступали новизнѣ, и, по прочтеніи Вольтера, на меня напалъ такой страхъ, что я хотѣла бросить книги въ огонь; но онѣ были не мои. Никогда я не видала сновъ, болѣе страшныхъ, чѣмъ въ то время. Когда же бредъ прошелъ, и наступило успокоеніе, мое сознаніе, какъ я понимаю это теперь, вступило въ новую фазу развитія. Ничьи интересы не были близки мнѣ, я зажила особою отъ другихъ жизнью, и жизнь эта была пріятна мнѣ; ни къ чему окружавшему меня я не чувствовала симпатіи. Вотъ доказательство. Въ то время познакомились мы съ семействомъ, въ которомъ были двѣ дѣвушки старше меня. Разговоры ихъ вертѣлись о предметахъ любви. Вообще, онѣ были жалки мнѣ, а временами возбуждали смѣхъ и даже презрѣніе; но участія къ себѣ онѣ тогда не пробуждали во мнѣ, и я нисколько не интересовалась ими. О бракѣ я имѣла такое понятіе: родители не живутъ вѣчно и передаютъ дочерей младшимъ мужчинамъ, мужьямъ; эти мужчины становятся покровителями ихъ дочерей. Но я никогда не желала быть переданной молодому, потому что они всѣ не нравились мнѣ; я имѣла симпатію только къ старикамъ. Отъ матери я слышала, что такое разсужденіе безнравственно; не понимаю этого и теперь. Сочиненія Энциклопедистовъ развили во мнѣ желаніе критически относиться къ окружавшимъ меня людямъ. Я внимательно слѣдила за разговорами и отъ молодыхъ не услыхала ни одного умнаго слова: они показались мнѣ дураками; старики же говорили объ интересныхъ для меня предметахъ, и я уважала ихъ. Моя критика многихъ раздражала, а меня очень забавляло это. Произведенія Русской литературы рѣдко доходили до меня. Всѣмъ извѣстно, какъ относились тогда къ всему Русскому. Случайно ознакомлялась я съ нѣкоторыми сочиненіями Жуковскаго и Пушкина, а въ восторгъ пришла только отъ Грибоѣдова, комедію котораго переписала съ рукописи. Она произвела на меня тѣмъ большее впечатлѣніе, что я видѣла ее разыгранною въ частномъ домѣ. Мнѣ наступилъ восемнадцатый годъ.

Моя погибель. Мимо нашего дома нѣсколько разъ въ день на парѣ красивыхъ лошадей проѣзжалъ военный. Была зима. Лицà, закрытаго

воротникомъ, я не видѣла, а султанъ на шляпѣ видѣла. Разъ, одна изъ приживалокъ обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, нравится ли мнѣ этотъ военный и, не получивъ отвѣта, прибавила, что, въ случаѣ моего желанія, онъ пріѣдетъ просить моей руки. Я приняла это за шутку, и какъ же могла отвѣчать на нее какъ не взрывомъ смѣха! Приживалка словно коммиссію получила вести сватовство и продолжала, что военный знаетъ наше семейство и желаетъ быть принятъ въ домъ. Но я и слушать перестала что̀ она говорила. Между тѣмъ, нянька моего брата, не понявши разговора, а можетъ быть, желая подслужиться матери, искаженно передала ей о нашей бесѣдѣ, и мнѣ досталось не меньше, чѣмъ губернаторской дочкѣ изъ-за Чичикова. Около этого времени мы были ночью разбужены повѣсткой, требовавшей отца къ присягѣ Константину. 9-го Января пріѣхалъ мой будущій мужъ. Онъ разговаривалъ въ гостиной, куда я и не заглядывала, протанцовавши весь вечеръ съ молодежью, которой ужъ очень много набралось тогда. Равнодушная къ окружавшимъ, я не догадывалась, что рѣшалась моя участь. 10-го Января было Воскресенье. Отецъ пошелъ со мной въ Донской монастырь, а снѣгу было такъ много на площади передъ монастыремъ, что я едва прошла. Вечеромъ отецъ и мать поѣхали къ военному человѣку. На другой день, утромъ, когда отецъ не приходилъ еще со службы, явился Петръ Васильевичъ. Я была въ это время наверху, въ своей комнатѣ. Когда пришли просить, чтобъ я сошла внизъ, со мной сдѣлалась лихорадка, забились зубы, и живо, вереницею, стали проноситься предо мной страшныя сцены изъ романовъ Радклифа, а дѣйствительная обстановка отошла въ сумрачную даль. Я смотрѣла на комодъ, но видѣла что-то иное, безформенное, не имѣющее ничего общаго съ комодомъ, что-то иное, чему и названія подыскать нельзя. Мнѣ казалось, что и мой организмъ видоизмѣнился, что я не та, что̀ была прежде, и что я могу разсматривать себя какъ нѣчто отдѣльное отъ своей персоны. Овладѣвши собой, стремительно сбѣжала я съ лѣстницы и вошла въ одну дверь гостиной, когда въ другую входилъ отецъ. Подойдя къ отцу, Петръ Васильевичъ сталъ на одно колѣно и что-то говорилъ ему. Отецъ что-то отвѣчалъ ему. Вставши, женихъ подошелъ ко мнѣ и, тоже ставъ на одно колѣно, сказалъ, что умѣетъ горячо любить и еще что-то. Отвѣчала ли я ему, не помню. Какъ желала я, чтобъ это было только комедіей! Но вечеромъ пришелъ священникъ, насъ благословили, и 24-го числа назначили свадьбу. Женихъ пріѣзжалъ каждый вечеръ; каждый вечеръ были гости, и двѣ недѣли прошли въ приготовленіяхъ, примѣриваніи платьевъ и поѣздкахъ по городу, а въ свободное время я читала романы Радклифа и какъ нарочно самые страшные. Я жила въ мірѣ фантазій, а изъ дѣйствитель-

ности понимала одно: я переходила изъ-подъ опеки отца подъ опеку мужчины, который сказалъ, что любитъ меня. Шаферомъ у меня былъ двоюродный братъ, очень расположенный ко мнѣ. Видно, вѣнецъ былъ очень тяжелъ, потому что онъ такъ держалъ его, что часто закрывалъ мнѣ глаза, и я едва удерживалась отъ смѣху. Когда ему замѣтили это, онъ сказалъ: сестра такъ хочетъ. Ну, я не хотѣла быть безъ глазъ, а у меня ихъ не было. Да къ чему они и теперь!....

Мой мужъ былъ воинъ, закаленный въ бояхъ съ Наполеоновскими войсками, имѣлъ Кульмскій крестъ и Георгія за храбрость, въ 1814-мъ году былъ въ Парижѣ. Онъ былъ стройный, съ горделивой осанкой и самоувѣреннымъ видомъ; поэтому кумушки повѣрили, что у него сто тысячъ капиталу и убѣдили въ этомъ мать. Онъ былъ вдовецъ и на семнадцать лѣтъ старше меня. О прежней женѣ своей, умершей скоро послѣ свадьбы, онъ ничего не говорилъ мнѣ. Чтобъ выпытать что-нибудь, я поддразнивала его и называла Синей бородой; въ отместку за это, онъ разсказывалъ сцены изъ жизни своего отца и дѣда. Онѣ были страшны: я вспомнила о нихъ, читая впослѣдствіи «Семейную Хронику» Аксакова. Грубый бытъ, въ которомъ возросъ мой мужъ, и военная простота того времени отражались въ его словахъ, когда онъ приходилъ въ негодованіе: тогда можно было услыхать такія выраженія, какъ свести женщину на конную, содрать съ живого кожу. Но онъ былъ очень добрый человѣкъ и страстно любилъ меня: когда родился первый ребенокъ, онъ отъ радости упалъ въ обморокъ. Его любовь ко мнѣ поселяла во многихъ зависть, и въ числѣ этихъ многихъ—странно сказать—была мать моя, которая впрочемъ тоже любила меня. Ея зависть, происходившая между прочимъ отъ воображенія, что мы богаты, а роднымъ мало помогаемъ, страшно портила мой счастливый характеръ. Я не осмѣливаюсь анализировать то чувство, которое на мгновеніе вспыхнуло во мнѣ, когда послѣ непріятнаго разговора мать злобно произнесла: какъ все ей благопріятствуетъ! Были безумныя, которыя завидовали даже тому, что мужъ ревнуетъ меня. Вѣдь ревность считали тогда высочайшимъ проявленіемъ чувства любви. Имѣвъ случай не на сценѣ и въ романахъ, которые лгутъ на дѣйствительность, наблюдать припадки безсмысленной ревности, я назову ее яркимъ проявленіемъ человѣческой тупости. Ревность обнаруживаетъ близорукость ума, отсутствіе логическаго мышленія, признаніе себя недостойнымъ любви ревнуемаго; ревность несовмѣстна съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства, а съ другой стороны, недовѣріе, скрывающееся въ ревнивцѣ, оскорбляетъ человѣческое достоинство того, къ кому относится ревность. Если бъ мой мужъ сразу могъ понять меня,

онъ не ревновалъ бы. Во первыхъ, и тогда и послѣ, я была того убѣжденія, что замужняя женщина, интересующаяся романическими похожденіями, непремѣнно дура, женщина неспособная къ умственной дѣятельности, не умѣющая найти серіозной цѣли въ жизни. Во вторыхъ, гордость не дозволила бы мнѣ перемѣнить мужа на другого мужчину. Онъ былъ мой мужъ, — и довольно. Я умѣла найти въ немъ много прекрасныхъ качествъ и никому не позволила бы не уважать его, вслѣдствіе моей измѣны. А проявленія его неосновательной ревности доходили до ломанія столовъ. Случаевъ, ничѣмъ съ моей стороны не вызванныхъ, было очень много. Ограничусь приведеніемъ одного.

Однажды мы обѣдали у моего брата. Была весна, по Москвѣ-рѣкѣ шелъ ледъ. Послѣ обѣда братъ предложилъ мнѣ посмотрѣть на разливъ рѣки съ Каменнаго моста, находившагося близъ его квартиры. Я согласилась, а мужъ остался у брата. Возвратившись, я замѣтила, что мужъ сердится: онъ приревновалъ меня къ брату. Не сознавая за собой никакой вины, я смѣялась и весело шутила съ братомъ. Наступали сумерки. Петръ Васильевичъ заторопился домой. Хмурый вышелъ онъ на крыльцо и, садясь въ коляску, нервно крикнулъ кучеру: въ Хорошево! Хорошево—деревня въ 5 верстахъ отъ города, на Москвѣ-рѣкѣ. Какъ артиллеристъ, мой мужъ былъ охотникъ до лошадей. Тогда онъ имѣлъ пару бѣшеныхъ вороныхъ коней, съ которыми кучеръ едва справлялся. Эти лошади и прежде нѣсколько разъ разносили насъ; я боялась ѣздить на нихъ и терпѣть не могла ихъ. Мы помчались въ Хорошево. Я была ни жива, ни мертва. Я не пробовала говорить съ мужемъ, потому что онъ былъ страшенъ; но думаю, что и голоса-то у меня не было. Подъѣхавши къ рѣкѣ, мы остановились. Мужъ вѣжливо предложилъ мнѣ руку (онъ всегда учтиво, по-рыцарски, обращался со мной). Посмотрите на разливъ, прозвучалъ онъ. Рѣка красиво бурлила, озаряемая луннымъ свѣтомъ. Я тряслась и молчала. Постоявши немного, онъ тѣмъ же порядкомъ посадилъ меня въ коляску, и мы ночью возвратились въ Москву. Сначала такія выходки поселяли во мнѣ страхъ, а потомъ онѣ были смѣшны мнѣ. Не смотря на это, я любила мужа болѣе всѣхъ, кромѣ дѣтей, а онъ ревновалъ меня и къ нимъ, обижаясь, что я болѣе, чѣмъ для него, употребляю времени на заботы объ этихъ безпомощныхъ созданіяхъ.

И такъ, не ревность моего мужа составила горе нашей брачной жизни. Не раздражая Петра Васильевича, правдиво смѣясь надъ этимъ чувствомъ его, я отыскала примиреніе. Но я не могла примириться съ тѣмъ взглядомъ, который до сихъ поръ лежитъ въ основѣ всѣхъ отношеній Русскаго мужчины къ женщинѣ. Для него женщина есть вещь.

И такой взглядъ до поры до времени останется неизмѣннымъ, такъ какъ и мужчина-то нашъ не сознаётъ себя индивидуумомъ. А между тѣмъ Русская женщина, при нѣкоторыхъ условіяхъ, далеко опережаетъ сожителя въ сознаніи своей человѣчности. Онъ рабски влачитъ свое существованіе въ служебныхъ сферахъ, а женѣ предоставляется дѣйствовать какъ рабынѣ, но свободно мудрствовать. Вотъ почему мужчины называютъ насъ фантазёрками. Говоря аллегорически, мы дѣйствительно для нихъ фантазія. Но объ этомъ послѣ. У меня съ Петромъ Васильевичемъ были совершенно различныя понятія о жизни, были разные интересы въ жизни и различныя цѣли. Я нѣсколько разъ убѣгала отъ него къ родителямъ, хотѣла совсѣмъ убѣжать; но возвращалась, потому что безъ него я не могла бы провести въ своей жизни цѣли, которыя намѣтила. А цѣли у насъ были неодинаковы; но я говорю это не въ порицаніе своему мужу: разныя были у насъ жизни.

Отецъ его былъ суровъ и мало просвѣщенъ, общественнаго воспитанія Петръ Васильевичъ не получилъ, изъ дома родителей поступилъ въ военную службу, которая всякаго пріучитъ жить съ оглядкой; далѣе слѣдовала служебная практика, способная озадачить и война съ Георгіевскимъ крестомъ. У Петра Васильевича выработался практическій взглядъ на жизнь и оробѣлость. Вотъ случаи, которые оправдываютъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаютъ мой взглядъ на Русскаго мужчину вообще. По природѣ, мой мужъ былъ даровитъ и способенъ къ разнообразнымъ служебнымъ занятіямъ. Оставивши строевую службу, онъ сдѣлался инженеромъ. Однажды, красивыя лошади его, запряженныя въ коляску, стояли у магазина на Кузнецкомъ мосту. Къ тому же магазину подъѣхалъ инженеръ баронъ Ф. Завистливый баронъ спросилъ у кучера, кому принадлежатъ кони, потомъ что-то кому-то сказалъ, и чрезъ нѣсколько времени мой мужъ, заподозрѣнный въ казнокрадствѣ, лишился мѣста (а лошади были куплены на деньги первой жены его). Другой случай тоже изъ странныхъ. Генералъ Б., бывшій начальникъ Петра Васильевича, недалеко отъ Москвы устроилъ заводъ. У него были обширные планы. Чтобъ привести ихъ въ исполненіе, управляющимъ нужно было опредѣлить человѣка честнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно покорнаго. Вышколенный въ военной службѣ вполнѣ удовлетворялъ такому требованію. Мой мужъ работаетъ усердно: днемъ не бываетъ дома, а по ночамъ спитъ въ сапогахъ. Устроеніе завода заняло нѣсколько лѣтъ. Генералъ доволенъ. Моя дочь воспитывается (въ награду за усердіе отца) вмѣстѣ съ дѣтьми генерала, а гувернантка у нихъ (у дочери генер.-лейтенанта) учительница пѣнія, приглашена изъ

Италіи. Но въ головѣ владѣльца завода роятся дьявольскія намѣренія. Для осуществленія ихъ и нуженъ былъ человѣкъ, неспособный на доносъ и дисциплинированный до рабства. Моего мужа приглашаютъ подороже застраховать заводъ и сжечь его! Привычка подчиняться чужой волѣ была до такой степени сильна, что Петръ Васильевичъ не осмѣлился сразу возразить генералу. Растерянный, блѣдный, обезличенный, онъ прибѣжалъ ко мнѣ, ища нравственной поддержки, чтобъ отказаться отъ дурного дѣла. Онъ ни минуты не колебался, но въ немъ была заглушена рѣшимость протестовать. Черезъ нѣсколько дней мы выѣхали въ Москву. Заводъ, конечно, не горѣлъ, а мы бѣдствовали. Бѣдствіе состояло не въ потерѣ хорошаго денежнаго содержанія, такъ какъ мой мужъ быстро получилъ не худшее мѣсто, а въ потерѣ обстановки, очень благопріятной для воспитанія нашихъ дѣтей. Знаменитые учителя и учительницы занимались съ старшей дочерью и развили въ ней охоту учиться: Французскій языкъ она усвоила въ совершенствѣ, къ музыкѣ получила склонность. Когда порвалась связь съ домомъ генерала Б., мнѣ пришлось не только изобрѣтать средства къ продолженію образованія дѣтей, но и бороться за это образованіе. Обстоятельства клонили къ тому, чтобъ я отказалась отъ своего намѣренія; но отказаться было равнозначительно смерти. И вотъ почему. Тогдашняя литература укоренила во мнѣ убѣжденіе, что человѣкъ долженъ быть счастливъ на землѣ. Вѣдь это остроумно доказывалъ г. Карамзинъ. Хотя исторія и дѣйствительность не подтверждали этого взгляда, но я, наперекоръ всему, считала его непреложнымъ. Молодые люди думаютъ найти счастіе въ бракѣ, но онъ всегда приноситъ горе: любящіе другъ друга мучаются изъ-за любви, а ненавидящіе—изъ-за непріязни. Да мнѣ не нужно было и такихъ разсужденій, чтобъ сдѣлать оцѣнку брака: я жила въ бракѣ честно и добросовѣстно, неэгоистично и разсудительно, а онъ погубилъ меня. Въ силу одного этого сознанія я неизбѣжно должна была прійти къ желанію устранить свою дочь отъ брака; единственно этимъ я думала сдѣлать ее счастливой. Бракъ есть несчастіе, а человѣкъ долженъ быть счастливъ; слѣдовательно не нужно брака. Но вѣдь бракъ служитъ обезпеченіемъ женщинѣ, значитъ нужно найти другое обезпеченіе для дочери, нужно сдѣлать ее способной жить независимо отъ мужчины, дать ей надежную опору въ самостоятельной дѣятельности. И такъ, задача рѣшена: моя жизнь получаетъ осмысленность и озаряется благимъ стремленіемъ сдѣлать дочь счастливой посредствомъ музыкальнаго образованія.... И съ ужасомъ вспоминаю я теперь, что̀ я сдѣлала, что̀ я сдѣлала!

Борьба за образованіе своихъ дѣтей. Мой мужъ получилъ мѣсто въ Попечительномъ Комитетѣ о тюрьмахъ. Онъ очень дешево, за четыре

тысячи, купилъ небольшой деревянный домъ около Сухаревой башни, у хлыстовъ, которымъ запретили жить въ Москвѣ. Денежныхъ средствъ было достаточно, чтобы существовать; но мужъ любилъ комфортъ, любилъ угощать пріятелей; тщеславіе вынуждало его дѣлать лишнія траты, а мнѣ нужны были деньги на музыкальное образованіе дочери. Удовлетворить этимъ разнымъ требованіямъ не было никакой возможности: нужно было пожертвовать или тѣмъ, или другимъ. Петръ Васильевичъ не видалъ надобности вообще въ образованіи дочери, тѣмъ болѣе въ музыкальномъ. Когда я въ первый разъ изложила ему свой планъ воспитанія дѣтей, онъ былъ такъ изумленъ, что, должно быть, никакая бомба не производила на него такого эффекта. Онъ доказывалъ, что наше общественное положеніе не требуетъ такого воспитанія, какое я видѣла въ домѣ генерала Б, и что у насъ нѣтъ средствъ на выполненіе моей фантазіи: что мальчиковъ нужно отдавать въ казенныя заведенія, хоть, напр., въ Межевой Институтъ, а дѣвочекъ пріучать къ домашнему хозяйству. Мои родные были солидарны съ нимъ. Отца и дяди не было въ живыхъ. Мать имѣла свои причины не раздѣлять моихъ взглядовъ касательно расходовъ на воспитаніе моихъ дѣтей. У нея была дочь, очень несчастно вышедшая замужъ; она бѣдствовала съ маленькими дѣтьми; болѣло сердце матери, а помочь, по скудости своихъ средствъ, она не могла. Моей матери всегда казалось, что мой мужъ очень богатъ; подтвержденіе этого она находила и въ томъ, что я намѣревалась дать хорошее образованіе своей дочери. Съ ея точки зрѣнія, было гораздо добродѣтельнѣе воспитывать дѣтей такъ, какъ обыкновенно воспитывали въ нашемъ кругу, а остающимися деньгами оказывать помощь сестрѣ. Она не рѣшалась говорить объ этомъ съ мужемъ моимъ съ полною откровенностью; но, порицая мои планы, упрекая меня въ высокомѣріи, она поддерживала мужа въ убѣжденіи, что мои воспитательныя затѣи химера, навожденіе дьявола. Мой братъ воспитывался на казенный счетъ въ Сиротскомъ Институтѣ, кончилъ курсъ въ Университетѣ, но былъ пришибеннымъ человѣкомъ. По природѣ гордецъ, онъ замкнулся въ самомъ себѣ. Бывши свидѣтелемъ униженій и оскорбленій, всегда составляющихъ удѣлъ вдовы, сочувствуя матери и не имѣя силъ давать отпоръ наглецамъ, онъ сдѣлался воспріимчивымъ и крайне чувствительнымъ къ обидамъ. Во спасеніе себя, онъ тщательно избѣгалъ волненій, которыя приноситъ отважная борьба съ противорѣчіемъ. «Дѣлайте что̀ хотите, только оставьте меня въ покоѣ» было девизомъ его жизни. Такой человѣкъ не могъ быть пособникомъ въ моихъ начинаніяхъ. Одна сестра, по гордости, ушла въ монастырь, а самая младшая только лишь кончила курсъ въ Петербургскомъ институтѣ: непониманіе жизни и робость были отличительными качествами

ся въ то время. Слѣдовательно, въ семейной средѣ я не имѣла людей, которые безпристрастно отнеслись бы къ вопросу о воспитаніи, въ то время совершенно неразработанному у насъ: каждый взглянулъ на дѣло съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ.

А общество? Вѣдь, говорятъ, оно должно быть заинтересовано воспитаніемъ гражданъ. Это «среда, въ которой совершается дѣятельность» народнаго самосознанія, развитіе и жизнь «народныхъ началъ» *). Такъ нужно сказать объ этой средѣ, но, конечно, только о той, въ которой я жила, въ которую ввелъ меня мой бракъ. Бо̀льшая часть нашихъ знакомыхъ были люди очень добрые, а злые какъ-то скоро отпадали. Но это относится только къ той серіи людей, которые окружали меня въ то время, когда я терзалась труднымъ вопросомъ о направленіи, которое предполагала дать первымъ дѣтямъ. Чаще всѣхъ посѣщалъ насъ Петръ Николаевичъ Н., помощникъ смотрителя пересыльнаго замка. Онъ былъ немножко образованъ, поэтическаго дара не имѣлъ, но слагалъ стихи, которые, впрочемъ, нигдѣ не печатались, а служили забавой въ кругу знакомыхъ. Онъ имѣлъ кое-какія свѣдѣнія изъ современной жизни и остроумно разсказывалъ, но завирался до помраченія ума. Такъ, онъ говорилъ, что воспитывался вмѣстѣ съ Байрономъ, способствовалъ побѣгу Наполеона съ острова Эльбы и получилъ отъ него табакерку, которая сгорѣла во время пожара; сынъ его былъ коронованъ лавровымъ вѣнкомъ въ Италіи. Онъ былъ готовъ оказать всевозможныя услуги нашему дому, но для рѣшенія важныхъ вопросовъ не имѣлъ познаній. Въ сосѣдствѣ съ нами имѣлъ собственный домъ Тихонъ Иларіоновичъ С., служившій въ Синодальной типографіи. Онъ считалъ себя остроумнымъ. Но остроты онъ выдумывалъ заблаговременно и, должно быть, съ большимъ трудомъ, такъ какъ его остроумія хватало только на одну фразу, которую онъ произносилъ входя въ гостиную или переднюю. Придя во время дождя, онъ таинственно произнесъ: пыль въ Москвѣ вздорожала, и разразился дѣтскимъ хохотомъ при всеобщемъ молчаніи. Затѣмъ, хихикая цѣлый вечеръ, онъ балясничаетъ, не заботясь о впечатлѣніи, которое производитъ на слушателей. Въ другой разъ, входя въ домъ, говоритъ: если бъ не было лѣстницы, какъ бы я пришелъ къ вамъ? при этомъ слѣдуетъ смѣхъ, и конецъ остроумію. Онъ имѣлъ добрую жену и троихъ дѣтей. Когда у насъ былъ пожаръ, онъ прибѣжалъ спасать насъ: топоромъ изрубилъ полутороаршинный карнизъ кіота съ образами и, не вынувши ни одной иконы, положилъ лампадку съ деревяннымъ масломъ въ задній карманъ

*) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

сюртука и ушелъ домой. Ограниченный умъ Тихона Иларіоновича не допускалъ возможности серіозныхъ разговоровъ. Не мнѣ было обращаться къ нему за совѣтомъ; онъ самъ слѣдилъ за моими дѣйствіями, и когда я отдала сына въ Гимназію, онъ сдѣлалъ тоже; когда я настояла, чтобъ сынъ поступилъ въ Университетъ, въ Университетѣ очутился и сынъ Тихона Иларіоновича. Такимъ образомъ, путь къ образованію былъ проложенъ мною, и участія въ рѣшеніи воспитательнаго вопроса добрый чиновникъ Синодальной типографіи принимать не могъ. Но это было позже того времени, о которомъ вспоминаю.

Каждое Воскресенье проводилъ у насъ архитекторъ Илья Дормедонтовичъ, кроткій, ничѣмъ не интересующійся холостякъ, спокойный труженикъ. Выдающеюся дѣятельностью его въ нашемъ домѣ было то, что онъ садился на диванъ, клалъ одну ногу на другую, поочередно сажалъ моихъ маленькихъ мальчиковъ на кончикъ сапога и, держа за обѣ руки, качалъ ихъ. Живописецъ Озеровъ былъ идеаломъ смиренія; но онъ только показывалъ свои картины: кажется, никто не покупалъ ихъ. Онъ наивно удивлялся, если какая нибудь мысль входила въ его голову. Бѣднякъ жилъ вдвоемъ съ своимъ братомъ, прислуги у нихъ не было. Случайно завелась у нихъ лошадь, которую они очень полюбили. Но внезапно наступила дороговизна въ городѣ. Братьямъ и самимъ-то было голодно, а лошадь и совсѣмъ нечѣмъ было кормить. Озеровы долго горевали и не знали, что имъ дѣлать; посовѣтоваться ни съ кѣмъ не могли, потому что знакомства не имѣли и очень рѣдко выходили изъ дома. Но вотъ, съ сіяющимъ лицомъ приходитъ къ намъ живописецъ (другого брата я никогда не видала) и удивленно, умиленно разсказываетъ, какая необыкновенная мысль вошла ему въ голову: не спалъ цѣлую ночь, жалко мнѣ было голодной лошади; вдругъ вздумалъ отворить ворота и выгнать лошадь на улицу. Спрашиваю у брата, который, вижу, тоже не спитъ: о чемъ ты думаешь? О лошади, говоритъ онъ. Я ему и говорю свою мысль. Онъ обрадовался. Мы и выпустили на улицу лошадь. Зачѣмъ же вы не продали ея? спросили у живописца.—Да все равно: какой нибудь добрый человѣкъ возметъ ее.

Иванъ Ивановичъ Т. не принадлежалъ къ этому кругу людей. Онъ занималъ видное мѣсто въ Москвѣ и вращался въ аристократическомъ обществѣ; у него я встрѣчала знаменитаго Ермолова. Онъ былъ, какъ говорятъ, музыкантъ въ душѣ, очень любилъ играть на скрипкѣ, но игралъ безчувственно и не хотѣлъ или не умѣлъ соблюдать тактъ, игралъ, словно мужикъ дрова пилитъ. У Ивана Ивановича обо всемъ были традиціонныя понятія, и говорилъ онъ съ апломбомъ;

для своего круга онъ былъ человѣкомъ практическаго направленія, но оно было односторонне, а потому его сужденія были поверхностны и рутинны, когда касались дѣлъ невѣдомыхъ въ его кругу. Но сына своего онъ направилъ такъ, что онъ занимаетъ высокое мѣсто въ государствѣ.

Къ женскому персоналу знакомыхъ принадлежали двѣ старыя дѣвы, убитыя одинокою жизнью; сердитая дѣвица Вѣра Алексѣевна, дочь священника, по бѣдности проживавшая въ знакомыхъ ей семействахъ; акушерка Анна Алексѣевна, женщина строгая и рѣшительная, державшая своего мужа въ ежёвыхъ рукавицахъ (высказывая свои взгляды, она не терпѣла противорѣчій), свѣтская барышня Лиза, дочь полковника, напоминавшая Софью изъ комедіи Грибоѣдова; скромная, безотвѣтная, загнанная мачихой жена Тихона Прохоровича С. Вся эта прекрасная половина ничего не читала, слѣдовательно и не мыслила; ничтожество имя ей.

Мнѣ говорили родственники, что я не должна вырывать своихъ дѣтей изъ среды, къ которой они принадлежатъ; что дѣвушка, воспитываясь дома, приготовляясь быть женой и матерью, должна заниматься рукодѣльемъ, шить, вязать, вышивать въ пяльцахъ, словомъ: поменьше умственныхъ занятій и побольше практическихъ упражненій. Приготовлять дѣвочку въ рабыни, думала я, дѣлать ее вещью! Вотъ чѣмъ достигается обезпеченіе и счастливая жизнь. Это вздоръ! Моя теорія благороднѣе, чище, свѣтлѣе. Я сдѣлаю ее музыкантшей, она будетъ независимой. На фортепьяно она начала учиться съ семи лѣтъ. Однажды пріѣхалъ къ намъ Иванъ Ивановичъ Т., послушалъ игру Наташи, сидѣвшей на стулѣ со скамейкой подъ ногами, посмотрѣлъ на ея пальцы и увѣренно изрекъ: богатыя музыкальныя дарованія! Этого было достаточно: я убѣдилась въ правильности своихъ намѣреній и почувствовала силы идти намѣченный путемъ. На хозяйственныя сбереженія, отказывая себя въ чемъ могла, приглашаю Фанагина, ученика Фильда, учителемъ музыки, покупаю рояль Вирта, арфу; уроки пѣнія даетъ бывшая учительница въ домѣ генерала Б. И началась борьба. Мужъ бранится, дѣлаетъ сцены, потрясающія мои нервы; родные поддерживаютъ его; знакомые за спиной издѣваются, передаютъ мнѣ колкости, сказанныя на мой счетъ и о моей дѣвочкѣ, клевещутъ, изображаютъ меня какой-то еретичкой. Раздражаемая, въ пылу любви къ дочери и досады на препятствія, я усиливаю порывы дать ей умственное образованіе. Чѣмъ же его дать какъ не чтеніемъ? Я абонируюсь въ книжномъ магазинѣ Французскихъ книгъ Готье. Наташа читаетъ

Жоржъ-Занда, Бальзака, Сю, Виктора-Гюго и tutti quanti. Тогда нападки на меня окружающихъ сдѣлались смѣлѣе и ядовитѣе. Я не сознавала себя виноватой: я стремилась къ добру, но временами колебалась, слыша со всѣхъ сторонъ неодобреніе себѣ. Что ватага людей говорила вздоръ относительно воспитанія, мнѣ было ясно; но мои-то взгляды, понятія и дѣйствія правильными въ этомъ, по нѣкоторымъ признакамъ, я начала сомнѣваться. Мучительное раздумье охватывало меня. Я обратилась къ священнику. Пейте водочку, сказалъ онъ мнѣ. Я возненавидѣла... и заболѣла. У меня сдѣлалось что-то въ родѣ помѣшательства; согнулась спина, я не могла лежать; лѣчили меня холодной водой. Когда я оправилась отъ болѣзни, Иванъ Ивановичъ Т. началъ устраивать у насъ музыкальные вечера, пріѣзжалъ съ артистами, ввелъ Наташу въ домъ, гдѣ собирались артистки и любители музыки. Кто-то изъ нихъ сказалъ, что для усовершенствованія въ музыкѣ необходимо слушать хорошее исполненіе ея въ театрѣ. Въ это время въ Москву пріѣхала Нѣмецкая оперная труппа, а потомъ Итальянская. Мы ѣздили слушать Фенеллу, Роберта, Лючію, Люкрецію, Норму, Осаду Коринфа и пр.; концертовъ знаменитыхъ піанистовъ, Листа и другихъ, Наташа не пропускала.

И такъ, главная часть моего плана успѣшно выполнена: дочь артистка, владѣетъ двумя иностранными языками (впослѣдствіи она сама выучилась по итальянски), исторію Франціи знаетъ подробно. Музыка приводила ее въ восторженное состояніе, она забывалась за роялью, и, какъ герои Гофмановыхъ сказокъ, считала искусство выше жизни. Естественно, что на практическое примѣненіе искусства смотрѣла она презрительно. Безнравственно продавать свои знанія, говорила она.

Подросталъ первый сынъ. Опять борьба за образованіе. На среду я ужъ не обращала вниманія; разъ одержавши побѣду, я сдѣлалась отважнѣе, но трудно было уговорить мужа на новыя пожертвованія въ пользу высшаго образованія сына. Добрый былъ человѣкъ Петръ Васильевичъ, но дѣтей хоть въ школу кантонистовъ отдавай! А мнѣ нуженъ былъ Университетъ. Николай два года обучался въ Петро-павловской школѣ, а потомъ я сама повела его на экзаменъ въ 3-ю Гимназію. Директоромъ былъ Погорѣльскій. Мальчикъ удовлетворительно выдержалъ испытаніе въ первый классъ. Но директоръ завелъ такой обычай, что выдержавшихъ экзаменъ, для уразумѣнія умственныхъ способностей, подводили къ нему, и онъ давалъ замысловатые вопросы. Въ десяти яблокахъ сколько половинъ? спросилъ Погорѣльскій. Двадцать, отвѣтилъ сынъ мой. Дуракъ! Во всякомъ предметѣ двѣ половины. А какъ твоя фамилія? присовокупилъ мудрый директоръ. Николай обп-

дѣлся, и отвѣта не послѣдовало. Не принятъ. Мнѣ показалось это на столько смѣшнымъ, что сразу я не сообразила, какое горе произойдетъ отъ этой комедіи. Директоромъ 1-ой Гимназіи былъ камергеръ Окуловъ. Онъ немножко зналъ моего мужа, по военной службѣ. Съ трудомъ уговорила я Петра Васильевича обратиться въ 1-ю Гимназію. Директоръ согласился принять нашего сына пансіонеромъ въ пансіонъ, который онъ содержалъ въ собственной квартирѣ, съ платою по 500 рубл. за десять мѣсяцевъ. Выплачивать такую сумму намъ было очень тяжело, но за то Николай перешелъ во 2-й классъ. Продолжать платить на второй годъ не было никакой возможности.

Я поручила Петру Николаевичу Н. подыскать намъ домъ около 1-й Гимназіи, такъ какъ ходить каждый день сыну отъ Сухаревой башни на Пречистенку было немыслимо: задумала я продать домъ, въ которомъ жили, и купить другой.

Восхитительный тѣнистый садъ имѣли мы при домѣ. Сто квадратныхъ шаговъ неширокими дорожками было разбито на нѣсколько куртинъ, густо засаженныхъ малиной; въ серединѣ отдѣльныхъ участковъ возвышались яблони и груши; по бокамъ, около заборовъ, тянулись аллеи изъ акацій, мѣстами сидѣли кусты крыжовника и смородины. Куртины окаймлялись грядками съ цвѣтами. А самое уютное мѣсто образовалъ старый вязъ, подъ раскидистыми вѣтвями котораго стояли скамейки и столъ. Здѣсь въ лѣтніе вечера собиралась семья пить чай. Однажды, сидя подъ вязомъ, услыхала я голосъ приближающагося по извилистымъ дорожкамъ мужа и странные, отрывистые звуки шедшаго съ нимъ мужчины. Петръ Николаевичъ Н. привезъ продавца дома на Остоженкѣ, близъ 1-ой Гимназіи. Дѣловой разговоръ былъ конченъ въ кабинетѣ; мужъ пригласилъ продавца познакомиться со мной. Это былъ Петръ Васильевичъ Киреевскій. Онъ немного заикался, но любилъ говорить и говорилъ мастерски. Какъ славянофилъ, онъ тотчасъ выбралъ предметомъ разговора реформу Петра Великаго. Славянофильскіе взгляды были новы для меня; я иначе смотрѣла на древнюю Русь. Между нами завязался горячій споръ, и Киреевскій уѣхалъ, когда начало свѣтать. Домъ былъ купленъ. Но такъ какъ Киреевскій былъ плохимъ хозяиномъ, то потребовалось много времени, чтобъ привести домъ въ порядокъ. Въ теченіе этого времени Киреевскій часто пріѣзжалъ къ намъ, и разговоры наши были очень оживленны. Необыкновенное событіе прекратило это знакомство. Подъ тѣмъ же самымъ вязомъ онъ пилъ чай у насъ. Мужу вздумалось угостить его виномъ, и, кажется, самъ мужъ, а не служанка, принесъ бутылку вина. Киреевскій выпилъ бокалъ, глотнулъ немного чаю и вскорѣ уѣхалъ. Убирая со стола, уви-

дали, что вмѣсто вина Киреевскому былъ предложенъ уксусъ. Мужъ, конечно, тотчасъ поѣхалъ съ извиненіемъ; но Киреевскій былъ увѣренъ въ умышленности поступка. Съ переѣздкой на Остоженку, два сына поступили въ 1-ую Гимназію своекоштными. Черезъ нѣсколько лѣтъ оба кончили курсы въ Университетѣ. А безъ препятствій не обошлось. Для поступленія въ Университетъ, старшему сыну съ четвертаго класса нужно было учиться Греческому языку. Учитель этого предмета сказалъ Николаю: твой отецъ имѣетъ домъ; лучше бы было давать тебѣ уроки по гречески на дому, а то ты не перейдешь въ 5-й классъ. Оказалось необходимымъ пригласить этого учителя: онъ назначилъ три рубля за часъ. Я терзалась отъ такой дороговизны, но уговорила мужа платить. Занятія, конечно, шли успѣшно. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришлось сдѣлать какую-то справку въ Гимназіи. Я попросила знакомаго оказать мнѣ эту услугу...

Чтобъ собраться съ силами продолжать, я сдѣлаю перерывъ и разскажу объ этомъ знакомомъ. Григорій Александровичъ В. былъ Армянинъ, воспитывался въ Институтѣ Восточныхъ Языковъ, но, по неимѣнію средствъ, не кончилъ курса и поступилъ въ домъ князя Г. компаньономъ его сына. Когда князь женился на своей крѣпостной, положеніе Григорія Александровича въ княжескомъ домѣ сдѣлалось невыносимымъ: у княгини развилась чертовская склонность мучить другихъ, она быстро пріобрѣла пріемы унижать и выказывать презрѣніе. Григорій Александровичъ оставилъ домъ князя и поступилъ въ канцелярію моего мужа. Онъ былъ очень бѣденъ, онъ бралъ хлѣбъ изъ нашей кухни, уходя домой послѣ занятій; но умственное развитіе сдѣлало его другомъ мнѣ. Исполнивъ мое порученіе въ Гимназіи, Григорій Александровичъ вошелъ ко мнѣ блѣдный, какъ мертвецъ. Въ Гимназіи сказали, чтобъ изволили взять сына, а то его выгонятъ. Во время томительнаго вечерняго урока и усыпляющаго полусвѣта въ классѣ, Николай вырѣзалъ, вмѣстѣ съ товарищами, на казенной скамейкѣ Греческихъ героевъ въ шлемахъ. Было утро. Я въ чемъ сидѣла, побѣжала въ Гимназію. Такъ какъ всѣмъ былъ извѣстенъ П. инспекторъ, я просила доложить о себѣ директору. Грузный директоръ сошелъ ко мнѣ. Я объяснила ему какъ могла. Я пришлю къ вамъ инспектора, сказалъ начальникъ заведенія, потому что ничего не знаю. Не помню, что̀ я говорила инспектору; но онъ повторилъ нѣсколько разъ: берите сына, или онъ останется на второй годъ въ 4-мъ классѣ. Я предлагала перемѣнить скамейку, но инспекторъ не перемѣнилъ рѣшенія. Цѣлую ночь я не спала; Греческіе герои въ шлемахъ мерещились мнѣ. Сынъ не будетъ въ Университетѣ, это казалось мнѣ несомнѣннымъ. А на Университетъ

я смотрѣла въ то время какъ на храмъ науки. Съ университетомъ соединялось у меня представленіе о возвышенномъ, разумномъ, благородномъ. Я считала цѣлью своей жизни дать дѣтямъ университетское образованіе. Что же мнѣ дѣлать, чтобы не выгнали сына изъ Гимназіи? Онъ, хорошо учившійся, оставаться на второй годъ не хотѣлъ, и сказалъ мнѣ, что сбросится съ крыши дома. Обратиться за совѣтомъ къ мужу? онъ изуродуетъ сына. Обратиться къ своимъ.... но у меня своихъ не было: они вмѣстѣ съ чужими все время насмѣхаются надо мной въ глаза и издѣваются, злословятъ за глаза. Я не спала и другую ночь. Сильное напряженія мозга въ одномъ направленіи возстановило въ моей памяти разсказы о какомъ-то заведеніи, которое, вслѣдствіе скандала въ немъ, закрыли, основавши вмѣсто него 4-ю Гимназію. На слѣдующій день я собрала кое-какія справки, и, когда мужъ уѣхалъ на службу, схватила сына и побѣжала съ нимъ въ домъ Пашкова. Директоръ Коншинъ выслушалъ меня, предложилъ инспектору проэкзаменовать сына и оставилъ въ Гимназіи, прося доставить документы. Тутъ есть часовня и въ ней образъ Страдавшаго за людей... Я молилась, и Богъ вразумилъ меня: не во всякой средѣ счастіе есть удѣлъ просвѣщеннаго человѣка, потому что образованность воспринимается народомъ исподволь.

Счастіе на минуту ухмыляется. Я стремилась дать дѣтямъ умственное образованіе, чтобы сдѣлать ихъ свободными. Женщина въ бракѣ рабыня. Въ пылу гнѣва и одурманенный виномъ (на что у насъ смотрятъ снисходительно) мужъ можетъ и толкнуть жену, а старушки успокоятъ: за каждымъ пинкомъ не угоняешься. А оскорбительная ревность, а мрачное тупоуміе! Развѣ они не создаютъ рабства? На сколько хватало разумѣнія, я разрушала обстоятельства, грозившія моей дочери бракомъ. Архитекторъ Илья Доримедонтовичъ, играя со мной въ карты, однажды сказалъ: знакомые спрашиваютъ меня, зачѣмъ я часто бываю у васъ, не хочу ли жениться? Вмѣсто отвѣта, я нарисовала на карточномъ столѣ меломъ дурацкій колпакъ. Вскорѣ и дочь, кажется, самостоятельно приняла участіе въ осмѣяніи Ильи Доримедонтовича. Случилось это такимъ образомъ. Собравшіеся у насъ гости, при разговорѣ, выразили сожалѣніе, что Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, умный и разговорчивый собесѣдникъ, имѣетъ недостатокъ, сильно стѣсняющій его; кто-то шутя сказалъ, что лучше бы болтунъ Петръ Николаевичъ былъ заика. Архитекторъ хвастнулъ, что онъ сдѣлаетъ Петра Николаевича заикой. Пошутили и позабыли объ этомъ разговорѣ. Пришелъ канунъ Новаго года. Утромъ явился Петръ Николаевичъ и разсказалъ, что получилъ отъ архитектора записку съ просьбой притвориться у насъ

подъ Новый годъ шапкой. Онъ зналъ о моей выходкѣ съ архитекторомъ по поводу его желанія жениться на дочери. Чтобъ привести сватовство къ концу, вмѣстѣ съ Наташей онъ придумалъ обидную для архитектора шутку. Вечеромъ, пришедшаго Илью Доримедонтовича посадили на диванъ. Изъ дѣтской медленно вышла процессія: впереди двигались меньшія дѣти, наряженныя въ домашніе костюмы, со свѣчами въ рукахъ, за ними двое старшихъ, изображавшіе маговъ, несли большой подносъ со стихами, сочиненными Петромъ Николаевичемъ:

Какъ катился народъ
Да отъ Яузскихъ воротъ
Славно!
Мудреца посмотрѣть,
На шапку глядѣть.
Славно!
Тутъ мудрецъ приходилъ
И шапку лѣчилъ
Славно!
Не шапку лѣчилъ,
А самъ носъ получилъ.
Длинный.

На подносѣ лежалъ большой кокосовый орѣхъ съ запиской:

За этотъ за грѣхъ
Раскуси-ка орѣхъ.

Шествіе замыкала Наташа въ фантастическомъ нарядѣ. Увидавъ въ этой шуткѣ Малороссійскій обычай подношенія гарбуза мужчинѣ, за котораго дѣвушка не хочетъ выйти замужъ, Илья Доримедонтовичъ обидѣлся. Мужъ очень разсердился. Вечеръ разстроился, и даже не ужинали, потому что отецъ разбранилъ Наташу, а она была всеобщая любимица. Глядя на это происшествіе съ иной стороны, не съ той, какую видѣлъ мужъ, я была обрадована имъ: мнѣ было пріятно, что дочь не думаетъ о замужествѣ, и мнѣ представилось, что стремленіе касательно независимости дочери достигнуто.

Музыка безумитъ. Послѣ Крейцеровой сонаты и Войны и Мира графа Толстого можно понять, какое значеніе имѣетъ музыка для молодыхъ людей и какое вліяніе оказываетъ на нихъ атмосфера зрительнаго зала опернаго театра; но въ мое время ничего подобнаго не было въ литературѣ.

Я кое-что слыхала о любовной страсти, но анализировать ее не умѣла, сама никогда не ощущала ея въ себѣ, а въ другихъ считала болѣзнью, физическимъ разстройствомъ. Начала я замѣчать у Наташи

какіе-то странные взгляды, непріятные. Рѣчь ея становилась отрывистой, мысли перебѣгали отъ одного предмета къ другому. И наконецъ, я увидала цѣлованіе портрета тенора Итальянской труппы Сальви. Очень деликатно я сдѣлала замѣчаніе дочери. Боже мой, что̀ я услыхала! Теперь ко всему этому привыкли, но тогда для меня это было убійственной неожиданностью. Она сказала, и страшно сказала, что хочетъ влюбиться, въ кого бы то ни было влюбиться.

А отецъ! Онъ сдѣлалъ пренебрежительную гримасу. Много лѣтъ прошло съ того времени; но и теперь я не забыла тѣхъ пытокъ, какія испытала. Я поняла ясно, что все зданіе, на которое я потратила столько своихъ нравственныхъ силъ и средствъ моего мужа, рухнулось, что остался одинъ висящій камень, который рано или поздно упадетъ на мою голову. Такъ и случилось. Ужасный бракъ совершился. Но не рабой сдѣлалась моя дочь, а мученицей.

Каждое сложное явленіе происходитъ не отъ одной, а отъ нѣсколькихъ причинъ; главнѣйшею причиною несчастія, которое случилось съ дочерью, я признаю музыку. Романы пробуждаютъ чувства, растраиваютъ нервы; но, какъ всякая книга, дѣйствуютъ и на разсужденіе; ихъ вліяніе не одностороннее. Въ книгѣ человѣкъ чаще всего отыскиваетъ то, что̀ подтверждаетъ его взгляды, что̀ ему мило, или во что онъ вѣритъ. Инымъ молодымъ людямъ смѣшны героини Жоржъ-Занда, инымъ не отвратительны герои «Мертвыхъ Душъ». Читающій знакомится съ воззрѣніями автора, когда уже имѣетъ кое-какія понятія, съ которыми ничто не препятствуетъ ему сравнивать новыя воззрѣнія; такимъ образомъ книга будитъ сознаніе, а не угнетаетъ его. Вліяніе же музыки, т. е. возбужденіе въ любителѣ однообразныхъ чувствованій, неотразимо. Отъ подчиненія музыкѣ можетъ быть свободенъ только тотъ, кто не терпитъ ея. Я никогда не слыхала, чтобъ кто-нибудь заболѣлъ отъ чтенія романа, а отъ музыки нервы разстраиваются; немало музыкантовъ и съ ума сошли.

Чтобъ подготовить второго сына въ Гимназію, инспекторъ студентовъ Нахимовъ отрекомендовалъ намъ бѣднаго немолодого студента. Онъ былъ блѣденъ и худъ, съ выразительными глазами; труды и лишенія изморили его; голосъ его былъ хриплый. Онъ держалъ себя робко, испуганно; ходилъ по стѣнкѣ и садился на кончикъ стула. Уроки давалъ каждый день, кромѣ Субботы; назвалъ себя Лютераниномъ. Такъ какъ я всегда сочувствовала бѣднякамъ, а дочь еще болѣе меня, то студентъ скоро освоился съ нашей семьей, началъ называть старшую дочь Таничкой, а вторую Катей и безцеремонно плевалъ посреди ком-

наты. По Воскресеньямъ онъ оставался у насъ цѣлый день и велъ разговоры, которые обнаруживали достаточныя историческія познанія. Студентъ часто излагалъ Еврейскую мартирологію, говорилъ пылко, и видимо, старался произвести эфектъ.

Наташа продолжала увлекаться пѣвучими произведеніями Мендельсона. Мы часто бывали въ оперѣ. И получились результаты: однажды, возвратившись изъ театра, Наташа упала въ обморокъ; ночью обнаружился жаръ, бредъ, и она надолго слегла въ постель. Лѣчили ее знаменитый Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ и докторъ Ясинскій. Послѣдній сказалъ, что онъ приписываетъ болѣзнь не простудѣ, а какому-нибудь нравственному потрясенію. Наташа была большую часть времени въ безпамятствѣ, въ сознаніе приходила рѣдко. Я умоляла докторовъ спасти ей жизнь; но мнѣ казалось, что это невозможно: такъ быстро и ужасно развивалась болѣзнь. Въ безсонныя ночи и тревожные дни я старалась отыскать причину ея болѣзни. Естественно было остановиться на мысли, что она влюблена. Но приведя себѣ на память все предшествовавшее ея болѣзни и отношенія ея къ окружавшимъ лицамъ, я убѣдилась, что влюбленности у Наташи не было въ какое-нибудь опредѣленное лицо изъ числа нашихъ знакомыхъ. Вслѣдствіе чтенія у нея образовалось идеальное представленіе мужчины; въ дѣйствительности ничего подобнаго не встрѣчалось; поэтому, при всемъ желаніи влюбиться, она была равнодушна къ молодымъ людямъ, отношеніе къ нимъ постоянно было насмѣшливое. Выдающимся лицомъ былъ студентъ, приготовлявшій сына въ Гимназію. Но совокупность нѣсколькихъ фактовъ дѣлала очевиднымъ, что студентъ не занималъ ея воображенія. Приведу одинъ. Мужъ какъ-то сказалъ, что онъ ревнуетъ Наташу къ студенту; ей передали это; Наташа обидѣлась: подумать, что я выйду замужъ за эту замухрышку, это ужъ ни на что не похоже!

Но вотъ сами доктора начали отчаеваться въ выздоровленіи. Мужъ и я измучились отъ безсонныхъ ночей и постояннаго волненія и попросили хорошую знакомую посидѣть ночью у постели больной. Но она ушла въ сосѣднюю комнату и заснула отъ утомленія. Замѣтивши это, вторая дочь моя, четырнадцати лѣтъ, и сынъ, двѣнадцати, пробрались въ комнату, гдѣ лежала Наташа, и сѣли на полу у печки. На столѣ лежали порошки и стояла микстура. Дѣти замѣтили, что какъ только больная приметъ лѣкарство, тотчасъ заснетъ. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они стали давать ей попеременно то одно, то другое лѣкарства, не наблюдая сроковъ, а вслѣдъ за тѣмъ, какъ она открывала глаза. Въ три часа ночи Наташа проснулась съ ясными гла-

зами и совершенно осмысленно спросила: гдѣ маменька? Я прибѣжала на зовъ дѣтей. Началось выздоровленіе.

Развившаяся отъ музыки болѣзнь Наташи произвела въ ней перемѣну: измѣнился образъ мышленія ея, исчезла прежняя насмѣшливость надъ молодыми людьми, оказалась раздражительность. По временамъ, она останавливалась въ саду посреди дорожки, безъ движенія, съ открытыми, но не видящими глазами; если коснешься или заговоришь съ ней, упадетъ. Это былъ моментъ физическаго разстройства и умственнаго разслабленія. Жизнь есть страданіе, говорила она; нужно жертвовать собой, а не добиваться счастія, потому что его нѣтъ на землѣ. Студентъ, имѣвшій видъ угнетеннаго, началъ въ то время сильно интересовать Наташу. Онъ сказалъ ей, что принадлежитъ къ націи, которую не терпятъ христіане, разсказывалъ о бѣдности, въ которой Евреи живутъ на Югѣ, о терпѣливо переносимыхъ ими страданіяхъ и проч., и проч. Фантазія доброй дѣвушки стала созидать планы помощи, которую она могла бы оказать несчастному. Въ мірѣ фантазіи все возможно, искаженію дѣйствительности нѣтъ предѣла; но предметъ фантазіи, какъ собственное творчество, всегда окажется любезнымъ. Отецъ не согласился на бракъ дочери съ перекрестившимся Евреемъ; но приходскій священникъ уговорилъ его дать согласіе. Встрѣтились препятствія со стороны университетскаго начальства; они были отклонены вліяніемъ митрополита Филарета. Бракъ состоялся, и черезъ нѣсколько лѣтъ тягостной жизни и самопожертвованія дочь лишилась разсудка. Она воспитывалась не для той среды, въ которой пришлось жить. Много лѣсу темнаго, да нѣтъ дерева годнаго.

Вскорѣ на нашу семью обрушилось новое несчастіе.

Въ пансіонѣ директора Гимназіи репетиторомъ былъ студентъ медицинскаго факультета Левъ Ефимовичъ, уроженецъ западной губерніи. Онъ десять лѣтъ пробылъ въ Университетѣ, былъ очень тихъ и скроменъ, часто посѣщалъ нашъ домъ для миролюбивыхъ разговоровъ, любилъ слушать музыку и на праздникахъ устраивалъ дѣтскія игры.

Въ политическомъ отношеніи онъ былъ безупреченъ.

Однажды Левъ Ефимовичъ печалился, что двумъ студентамъ не позволяютъ повидаться въ тюремномъ зàмкѣ съ отправляемыми въ Сибирь двумя Поляками, знакомыми ихъ.

Мой мужъ не отказался переговорить объ этомъ съ тюремнымъ смотрителемъ. Студентамъ разрѣшили повидаться съ ссылаемыми Поляками, но чрезъ нѣсколько лѣтъ мужъ мой былъ отданъ подъ судъ,

и, до рѣшенія дѣла, устраненъ отъ должности. Дѣло тянулось очень долго, такъ какъ, пройдя всѣ судебныя инстанціи до министра юстиціи, вслѣдствіе разногласія членовъ, было возвращено для пересмотра.

Между прочимъ, Петру Васильевичу было поставлено въ упрекъ, что онъ купилъ пересылаемымъ въ Сибирь политическимъ ссыльнымъ самоваръ и два ковра на ноги. Удрученный неизвѣстностью исхода уголовнаго дѣла, мужъ умеръ. По смерти его, вышло рѣшеніе: оставить въ сильномъ подозрѣніи и на службу въ тѣ учрежденія, гдѣ находятся арестанты, не принимать.

Нравственной поддержки отъ людей я никогда не имѣла, а теперь лишилась и матеріальной.

Воспитаніе второй дочери. Съ того времени какъ замужняя жизнь потребовала отъ меня воспитанія дѣтей, я начала анализировать себя, вдумываться въ особенности своего характера, наблюдать за своими поступками; я старалась уразумѣть, въ чемъ состоитъ добро и что̀ такое зло. Сочиненія Платона, которыя я нѣсколько разъ перечитывала, дали мнѣ извѣстное, платоновское, представленіе жизни; но я упорствовала въ убѣжденіи, что человѣкъ на землѣ долженъ быть счастливъ и что для этого ему слѣдуетъ, по возможности, быть самостоятельнымъ. Когда у первой дочери я подмѣтила непреодолимое и никогда неизвѣданное мною желаніе влюбиться, я поняла, что, образовывая изъ дѣвушки гувернантку или учительницу музыки, нельзя отклонить ее отъ замужества. Потерявъ довѣріе къ могучей силѣ образованности, конечно, только для женской натуры, я, въ сердцахъ и съ отчаянія, оставила вторую дочь безъ образованія: она только два года ходила въ Петропавловскую школу. Разумѣется, это было только временнымъ ослѣпленіемъ моимъ, результатомъ несбывшихся надеждъ. Мои размышленія были таковы: путь, который я избрала при воспитаніи первой дочери, не приводитъ къ намѣченной цѣли, — поведу другую иначе. Преслѣдуемая мною цѣль осталась таже самая, независимость, самостоятельность; но средства другія: упражненіе въ практическихъ занятіяхъ, пріученіе къ домашнему хозяйству, къ рукодѣлью. Я намѣревалась образовать изъ дочери серіозную мастерицу, способную управлять какимъ-нибудь обширнымъ заведеніемъ. Несомнѣнно, что мнѣ удалось бы это, если бъ не помѣшала среда, въ которой я жила. Произошелъ случай непостижимый, или, лучше сказать, понятный только тому, у кого нѣтъ логики въ головѣ. Когда я, съ горячностью любящей матери, терзалась отъ затрудненій дать старшей дочери умственное образованіе, а родственники и знакомые издѣвались

надо мной и порицали, и я порѣшила, для пользы же второй дочери, не обучать ея музыкѣ и Французскому языку, укорамъ и злословію не было конца. Забавно было то, что раскипятились сердцемъ люди, принадлежавшіе къ средѣ, въ которой женскій умъ не считали способнымъ къ наукѣ и на женщину смотрѣли какъ на существо низшее, придаточное къ мужчинѣ: между образованными людьми 40-хъ годовъ были споры о пригодности женскаго образованія, да и въ настоящее время въ Россіи большинство нетрезво смотритъ на это дѣло.

Меня упрекали въ томъ, что одной дочери давалось образованіе, а другой нѣтъ; но меня справедливо можно было упрекнуть только въ томъ, что я на образованіе смотрѣла съ практической стороны, лучше сказать, какъ на средство для достиженія посторонней цѣли практическаго характера. А что касается разницы въ воспитаніи дочерей, такъ по этому пункту я защищаю себя слѣдующимъ. Образованность понималась въ тогдашнее время фальшиво, и мною, и другими; въ составъ его входило многое, что не нужно, и не вносилось то, что необходимо—почти такъ же, какъ и теперь. Сама жизнь раскрывала передо мной ложность образованія: я потеряла довѣріе къ нему. Но кромѣ того, была и другая, самая важная причина разницы въ воспитаніи моихъ дочерей: на образованіе второй дочери у меня не было денегъ. Подростали мальчики: имъ нужно было дать университетское образованіе.

Но окружавшіе меня не вѣрили, что у насъ не было денегъ на образованіе второй дочери, и клеймили меня скаредной, несправедливой, ненавидящей свою дочь. Понятно, какое впечатлѣніе производило на дѣвочку это злословіе. И такъ смущалась душа ея очевидной разницей между воспитаніемъ ея и образованностью сестры: ее не занимаютъ игрой на арфѣ и на рояли, не обучаютъ иностраннымъ языкамъ, для нея не пріѣзжаетъ со скрипкой важный аристократъ, Иванъ Ивановичъ Т.; у нея, вмѣсто Французскаго романа, въ рукахъ ключи отъ чулана и погреба. Ей естественно было прійти къ мысли, что мать не любитъ ея: вѣдь и посторонніе ропщутъ за нее на мать. Она ни въ чемъ не виновата, скромна, послушна, усердна, любитъ учиться, а мать дѣлаетъ ее несчастной; какъ же не возроптать, какъ же не почувствовать къ матери горькаго нерасположенія? И дочь возмутилась противъ матери. Какъ я ни старалась разъяснять знакомымъ и родственникамъ, что у меня нѣтъ дурныхъ чувствъ къ дочери, что я веду ее иначе изъ желанія ей добра,—все тщетно. Среда была вполнѣ неправа, а дочь я оправдываю совершенно. Я не скажу, что она по-

нимала наши отношенія; но она правильно чувствовала то, въ чемъ мнѣ было больно признаться самой себѣ: я любила вторую дочь менѣе, чѣмъ первую; но любовь къ ней не была слабѣе той, какую имѣютъ вообще родители къ дѣтямъ. Первая любовь была страстью, увлеченіемъ, забвеніемъ самой себя, а вторая была тихимъ, безкорыстнымъ желаніемъ добра и счастія, безъ самопожертвованія. Разумѣется, разница велика и притомъ очень замѣтна, тѣмъ не менѣе она естественна. Первая дочь была не только плотскимъ созданіемъ моимъ, но и духовнымъ: въ ней я видѣла результаты своего мышленія, результаты моей нравственной борьбы, плоды моей фантазіи, какова бы она ни была, а человѣкъ страстно любитъ только то, что̀ составляетъ его свободное собственное твореніе.

Существуетъ неразумное мнѣніе, что женщина любитъ своего ребенка потому, что въ страданіяхъ рождаетъ его. Это мнѣніе опровергается тѣмъ, что бываютъ матери, которыя совсѣмъ не любятъ своихъ дѣтей; да кромѣ того, страданіе есть несчастіе, а несчастіе любить нельзя: страданіе при родахъ скорѣе можетъ возбудить ненависть къ дѣтямъ, чѣмъ любовь. Но она не возбуждается, и страданіе предается забвенію. Это происходитъ отъ того, что женщина исполняетъ свое назначеніе быть творцомъ. Чѣмъ свободнѣе отдалась женщина мужчинѣ, тѣмъ любезнѣе ей результатъ брака, а принужденные браки (которые собственно и составляютъ то, что̀ нужно назвать сожительствомъ для приплода) не даютъ ручательства материнской привязанности къ дѣтямъ. Физическое рожденіе есть и у животныхъ, слѣдовательно его недостаточно для человѣческихъ отношеній; необходимо духовное рожденіе. Русская семья въ послѣднее время распадается; это отъ того, что нѣтъ духовной связи между родителями и дѣтьми, что родители перестали быть духовными творцами своихъ дѣтей.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Для второй дочери я не могла приглашать учителей; но стремленіе къ образованію уже было въ семьѣ, старшая дочь и два сына гимназиста сообщали семьѣ опредѣленное направленіе, и вторая дочь самостоятельно пошла по слѣдамъ сестры и братьевъ. Она сама выучилась по-французски, въ такой мѣрѣ, что обучала этому языку въ частныхъ домахъ. Другимъ предметамъ она выучилась по книгамъ. Любимымъ предметомъ ея была исторія: многотомное сочиненіе Шлоссера она прочла нѣсколько разъ. Хозяйство не интересовало ея; у нея было одно желаніе — обогатить свой умъ познаніями. Она хорошо ознакомилась съ лучшими писателями Западной Европы и Россіи, обративъ особое вниманіе на сочи-

ненія педагогическія, такъ какъ посвятила свою жизнь учительской дѣятельности. Въ Малороссійскомъ помѣщичьемъ обществѣ она пользовалась такимъ авторитетомъ, что безконтрольно воспитывала дѣтей, пока имъ нужно было воспитаніе. Замужъ она не вышла.

Когда Катерина была молода, когда видѣла исключительную заботливость объ образованіи старшей сестры, когда отчаевалась превозмочь трудности самообразованія, характеръ ея былъ безпокойный; она раздражительно высказывала мнѣ недовольство моими распоряженіями, нервно осуждала мои взгляды и убѣжденія. Знакомство съ дѣйствительностью и съ прошлою жизнью человѣчества умиротворили ее; къ абсолютной честности, составляющей основу ея характера, присоединились трезвая снисходительность и безпредѣльная любовь къ сестрамъ и братьямъ. Не получивъ ни пансіонскаго, ни институтскаго образованія, Катерина сдѣлалась гувернанткой, и, получая скудное содержаніе, помогала женатому брату, не кончившему гимназическаго курса. Я не хочу унижать другихъ дѣтей моихъ, но никто изъ нихъ не можетъ равняться съ ней въ безкорыстной любви и самоотверженности. И ее-то я любила меньше всѣхъ и для другихъ забывала ее въ тяжелыя минуты ея жизни! Я никогда не прощу себѣ этого и никакими своими чувствами не расплачусь съ ней. Катерина—выдающаяся изъ Русскихъ дѣвушекъ, я не видала ей подобной и позволила другимъ заслонить ее! Мои бѣдствія образумили меня, и я почитаю ее. Насъ обѣихъ выработала жизнь.

Московскій Университетъ, въ которомъ, послѣ смерти мужа, окончили курсы мои два сына, оказалъ нѣкоторое вліяніе и на мое умственное развитіе. Первый сынъ поступилъ на математическій факультетъ. Когда кто-то спросилъ его, почему онъ избралъ отдѣленіе чистой математики, онъ сказалъ: потому что оно труднѣе. Это приводитъ на память подобный же отвѣтъ второго сына. Будучи на послѣднемъ курсѣ историко-филологическаго факультета, онъ задумалъ жениться на дѣвушкѣ, которая ничего не имѣла. Вѣдь трудно будетъ жить безъ денежныхъ средствъ, сказали ему. За то сразу я попаду въ море житейское. Университетъ оказалъ на меня вліяніе слѣдующимъ образомъ. У сыновей собирались студенты, которые передавали или спорили о лекціяхъ профессоровъ; я или слушала или вступала въ препирательства. Заинтересованная чѣмъ нибудь, я доставала сочиненія, въ которыхъ думала найти разъясненія. На молодыхъ людей Московскій Университетъ пятидесятыхъ годовъ имѣлъ благотворное дѣйствіе въ нравственномъ отношеніи: почти всѣ извѣстные мнѣ студенты тогдашняго времени, а также и сыновья мои, были неизмѣримо честнѣе небывшихъ въ Уни-

верситетѣ; они стыдились эгоистическихъ поползновеній, уважали самоотверженность и считали обязанностью человѣка приносить обществу пользу. Учености въ нихъ я не замѣтила. Я не говорю о математикахъ, потому что высшей математики не понимаю. А вообще о Русской учености я скажу слѣдующее. Русскіе ученые были не самостоятельны, а Русская наука безжизненна. Это я вывела не только изъ разговоровъ съ студентами, а изъ фактовъ болѣе крупныхъ. Разскажу вотъ что. Мой братъ, извѣстный Русскій математикъ, Николай Николаевичъ Алексѣевъ (онъ въ жизни интересовался только одной математикой и только одну ее и понималъ) держалъ экзаменъ на магистра и не выдержалъ. Честолюбивая сестра его была этимъ очень огорчена и всячески разжигала его самолюбіе, неослабно настаивая, чтобъ онъ написалъ что нибудь замѣчательное, и онъ написалъ что-то объ интегралахъ. Сочиненіе Алексѣева сдѣлалось извѣстнымъ на берегахъ Сены, Парижскій Университетъ прислалъ ему дипломъ доктора математики; тогда Алексѣевъ удостоился чести быть приглашеннымъ въ Русскую Академію Наукъ. Кажется, предварительно ему дали степень доктора и у насъ.

Жизненности нѣтъ въ Русской наукѣ, и оригинальныя сочиненія какъ будто переводы съ иностраннаго языка: или содержаніе ихъ чуждо Русской жизни и съ бóльшимъ успѣхомъ могло бы быть разработано за границей, или методъ изслѣдованія и изложеніе отзываются Нѣмецкимъ пошибомъ. Русскія сочиненія или сырой матеріалъ, какъ, напр., Исторія России Соловьева, или произведенія неувѣренныя и недосказанныя. Читаешь иностранное сочиненіе, напр., о воспитаніи или о психологіи, все понятно, полная система, къ какимъ бы результатамъ она ни приводила; читаешь Русское ученое сочиненіе, только и пользы, что возникаютъ новые вопросы. Полагая цѣлью своей жизни воспитаніе дѣтей, я постоянно задавала себѣ вопросы: гдѣ же истина, въ чемъ состоитъ прекрасное? Я хотѣла составить вѣрное понятіе о жизни и людяхъ. Работалъ мозгъ, трещала голова, а знаній нѣтъ какъ нѣтъ. Какъ это было ужасно!

Воспитаніе остальныхъ дѣтей. Ихъ было трое: два мальчика и одна дѣвочка. Послѣдней было 4 года, когда умеръ мой мужъ. Послѣ него остался домъ, купленный у Петра Васильевича Киреевскаго, четыре тысячи въ банкѣ и двѣ акціи страхового общества. Зять, получивши мѣсто врача на заводѣ въ Вятской губерніи, уѣхалъ съ женой и потребовалъ тысячу рублей, будто бы обѣщанную ему покойнымъ мужемъ. Я выслала. Вторую тысячу отдала дочери Катеринѣ, которая отправилась къ замужней сестрѣ. За двухъ сыновей платила въ Уни-

верситетъ; двое, на мой же счетъ, обучались въ Гимназіи. А съ дома, за покрытіемъ расходовъ, получала 200 рублей въ годъ. Нужно было жить очень скромно: я шила, мела комнаты, гладила бѣлье, даже стирала. Меня поддерживала мысль, что сыновья кончатъ курсъ въ Университетѣ, и мнѣ полегчаетъ. Третій сынъ былъ добрый мальчикъ, но съ больной головой; ему трудно было учиться въ Гимназіи. Онъ получилъ неудовлетворительный балъ изъ математики и долженъ былъ остаться на второй годъ въ томъ же классѣ. Намѣреваясь пригласить учителя, чтобъ онъ подготовилъ сына къ экзамену послѣ каникулъ, я обратилась за совѣтомъ къ зятю. А онъ, при Егорѣ, сказалъ, что это будетъ безполезной тратой денегъ, что Егору не по силамъ учиться въ Гимназіи. Мальчикъ воспользовался этимъ и самовольно пересталъ ходить въ Гимназію. Судьба его плачевна. Онъ поступилъ на службу въ Магистратъ и, будучи 19-ти лѣтъ, объявилъ мнѣ, что хочетъ жениться. Я старалась разъяснить нелѣпость этого желанія. Зять смѣялся. Старшій сынъ мой сказалъ, что поѣдетъ къ архіерею и будетъ просить воспретить вѣнчаніе, такъ какъ Егоръ несовершеннолѣтній. А Егоръ отвѣтилъ, что онъ станетъ стекла бить. Да я и на это согласилась бы, если бъ мы жили въ собственномъ домѣ; но домъ былъ проданъ, и мы нанимали бѣдненькую квартиру. Я была такъ растерянна, такъ убита, въ головѣ моей все перепуталось, и съ языка сорвалось: пусть нога твоя не будетъ въ моей квартирѣ. Егоръ нанялъ извозчика, забралъ свои вещи и уѣхалъ. Черезъ нѣсколько недѣль онъ вошелъ ко мнѣ. Лицо такое кроткое, невинно смотритъ на меня. Я и прежде не сердилась на него. И что жъ онъ сдѣлалъ? Такую же глупость, какъ и многіе. Развѣ онъ понималъ, что бракомъ онъ губитъ и себя, и меня? Я привелъ свою жену, сказалъ онъ; позвольте ей войти. Я приняла ихъ и отъ послѣднихъ крохъ удѣляла имъ каждый мѣсяцъ на содержаніе. Они страшно бѣдны, оба трудятся, оба честны. Простота и доброта, но такимъ людямъ нѣтъ мѣста въ Россіи. У насъ нѣтъ и хищныхъ натуръ, о которыхъ говоритъ Левъ Толстой, а есть только мелкіе мошенники... съ крупными капиталами.

Сынъ мой Филиппъ былъ даровитъ: онъ очень хорошо учился въ Гимназіи, по недостатку денежныхъ средствъ не кончилъ курса въ Университетѣ, участвовалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, написалъ большое сочиненіе о пчелахъ, которое никому не было нужно (вотъ она, оторванность отъ жизни) и умеръ въ Петербургѣ съ голоду.

Маша родилась слабенькой. Я отдала ее въ новоучрежденную Гимназію; но дальность разстоянія изнуряла ее: изъ опасенія совер-

шеннаго разстройства ея здоровья, я прекратила ея занятія въ Гимназіи. Дальнѣйшее воспитаніе ея, при моемъ безсиліи, совершалось подъ вліяніемъ разныхъ людей и обстоятельствъ. Это безсиліе прежде всего произошло отъ моего бѣдственнаго состоянія въ денежномъ отношеніи. Послѣ продажи дома, я обратилась къ Михаилу Петровичу Погодину за совѣтомъ, какъ распорядиться деньгами, такъ какъ положить ихъ въ Опекунскій Совѣтъ, вслѣдствіе предполагавшейся реформы его, оказывалось очень невыгоднымъ. Въ то время Кокоревъ, въ ряду разныхъ предпріятій, проводилъ желѣзную дорогу между Волгой и Дономъ. Михаилъ Петровичъ самъ взялъ у Кокорева нѣсколько акцій общества Волжско-Донской желѣзной дороги, посовѣтовалъ и мнѣ сдѣлать тоже. Предпріятіе не удалось, проценты перестали выдавать, а акціи упали со 100 рублей на 45. Страшное тогда было для меня время! По приглашенію зятя, я пріѣхала къ нему въ Полтаву. Въ матеріальномъ отношеніи я получила удовлетвореніе, но въ нравственномъ подавлена. Здѣсь Маша подпала подъ вліяніе старшей сестры. Люди не ищутъ истины и прекраснаго, а признаютъ за то и другое образы и направленія, которые случайно впервыя удовлетворили ихъ чувствованія. Жоржъ-Зандъ обольстила Наташу. Она дальше и не пошла, тогда какъ сочиненія этой писательницы вовсе не представляютъ идеала женщины, а только одинъ изъ выходовъ изъ рабскаго, безсмысленнаго состоянія ея, и притомъ самый скверный. Чтеніе Жоржъ-Занда, а потомъ нашего Тургенева сильно развивали въ молодежи и безъ того присущее многимъ стремленіе къ чувственной любви; оно до такой степени отуманивало головы, что совсѣмъ невысокое, а очень обыкновенное, низменное чувство возвысили до идеальнаго. А вина не въ писателяхъ, а въ неумѣньи читать: большинство читаетъ не для того, чтобъ обогатить умъ новыми познаніями, психологическими или иными какими-нибудь, а для того, чтобъ найти подтвержденіе пріятнымъ заблужденіямъ, подкрѣпить прежнія идеи свои и успокоиться. Я совершенно расходилась съ Наташей во взглядѣ на призваніе женщины. Я уважала любовь дѣятельную, просто сказать, полезную; а она была заражена, такъ называемыми Жоржъ-Зандовскими идеями. Эта зараза распространилась и на Машу. Да произошло еще худшее: разность взглядовъ произвела охлажденіе между Наташей и мной, а за этимъ послѣдовалъ разладъ между мной и Машей. Моему воспитательному значенію былъ нанесенъ непоправимый ударъ. И такъ, опять моя ошибка: я убѣжала изъ Москвы отъ нищеты, а подвергла себя страшной отвѣтственности за сближеніе сестеръ. Маша отстранилась отъ меня, мои разговоры не нравились ей: она начала своевольно уходить изъ дому. Ходитъ одна по городу, а я мучаюсь, не случилось ли съ

ней что нибудь. Дѣвочка слабая, нервная. Скажу что-нибудь не по ней—обморокъ. Зять съ женой кричатъ, что жестоко поступаю съ Машей. Его перевели инспекторомъ врачебной управы въ Ковно. Съ сокрушеннымъ сердцемъ и я поѣхала. Тамъ лѣчилъ Машу и другой докторъ; но обмороки стали чаще и продолжительнѣе. Стало выясняться, что она томилась бездѣйствіемъ. Въ это время было произнесено слово «эманципація». Слово произнесли, а сферы свободной дѣятельности не оказалось: не изъ Русской жизни вышло это слово, и много ему было принесено человѣческихъ жертвъ. Въ основѣ эманципаціи женщины лежитъ честная идея; но осуществленіе ея у насъ сопровождалось такими пріемами, которые могли совсѣмъ погубить ее: короткіе волосы, мужская шляпа, наглость и самообольщеніе. Мнѣ было ясно, что Машу нужно было увезти; но куда же дѣться? Помогъ случай. Въ Ковно пріѣхалъ, по дѣламъ, сынъ моей сестры. Она была вдова и бѣдно существовала въ Петербургѣ, со взрослыми дѣтьми, на средства своего сына. Племянникъ былъ у насъ и на другой день возвращался въ Петербургъ. Съ этой сестрой у меня не было ничего общаго, мы даже не переписывались; жить у нея нельзя было ни на какихъ условіяхъ, а кромѣ нея въ Петербургѣ не было ни одного знакомаго. Но мнѣ нужно было ѣхать; племянникъ уѣхалъ, вотъ и я поѣхала. То ли, что я обрадовалась устраненію дочери отъ дурного вліянія, или измученной душѣ пріятны воспоминанія дѣтства, а пять дней, проведенныхъ въ семьѣ сестры, были отраднѣйшими днями въ моей жизни. Въ разговорахъ съ сестрой воскресла наша счастливая молодость. Мы хохотали съ утра до ночи, какъ дѣти. Племянницы говорили, что онѣ отъ роду не видали свою мать такой оживленной. А мое счастливое настроеніе омрачалось мыслями о Машѣ. Для нея нужно было отыскать дѣятельность. Въ Москвѣ жила другая сестра моя, бывшая институтка, съ братомъ-математикомъ. Она предложила мнѣ остановиться у нея на время, до устройства на собственной квартирѣ. Я провела у нея два мѣсяца. Сестра давала Машѣ уроки, приходилъ и сынъ Филиппъ заниматься съ ней, но за деньги, въ силу новыхъ отношеній между отцами и дѣтьми. И сестра, и я замѣчали, что не этого нужно Машѣ: она стремилась къ какой-нибудь дѣятельности. Тогда была мода на типографіи. Какъ ни было мнѣ страшно, какъ ни казались занятія въ типографіи черной работой, скрѣпя сердце, съ затаенными мученіями, я согласилась на занятія Маши въ типографіи. Но у нея не хватило физическихъ силъ. Она проработала только три мѣсяца, а я это время горѣла какъ въ огнѣ. Бѣдная дѣвочка! Какъ ей было тяжело, тяжело нравственно! Какъ смотрѣли на нее, на честную и гордую! Вѣдь я все понимала, понимала болѣе, чѣмъ она сама. А какая масса дѣву-

шекъ прочувствовала все это! И у называющихъ себя людьми нѣтъ сочувствія! Забуду о нихъ поскорѣе.

Мой любимецъ. Это мой первый сынъ. Въ немъ полнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ въ другихъ сыновьяхъ, выразились основныя черты моего характера—честность и гордость. Въ сдѣлку съ своею совѣстью онъ никогда не вступалъ. Никакія личныя выгоды не измѣняли его взгляда на неправду, и смѣло онъ обнаруживалъ ее, не взирая ни на какія пагубныя для себя послѣдствія. Сначала онъ давалъ уроки въ частныхъ домахъ, потомъ поступилъ въ Уголовную Палату. Индѣйца, привезшаго два сундука съ драгоцѣнностями, нашли мертвымъ въ гостинницѣ. Началось дѣло. Оно переходило изъ одного стола въ другое, какъ доходная статья для чиновниковъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ выросли домики въ разныхъ концахъ города; сундуки опорожнились отъ сокровищъ, а дѣло такъ запуталось, что не отличить праваго отъ виноватаго. Тогда оно поступило къ Николаю. Онъ обнаружилъ правду. Но этого-то и не было нужно. Ловкимъ маneромъ, въ присутствіи, при докладѣ, Николая вывели изъ терпѣнія и раздражили до такой степени, что онъ произнесъ неосторожныя слова. Предсѣдатель и, кажется, одинъ изъ членовъ были очень расположены къ Николаю; но оскорбленная куча чиновниковъ не могла допустить, чтобъ оставался среди нихъ честный человѣкъ. Въ другомъ судебномъ учрежденіи съ нимъ поступили еще ловчѣе... Но я не пишу исторію его жизни, а потому ограничусь приведеннымъ случаемъ. Основныя свойства его характера, честность и гордость, принесли ему много горя. Честность оказалась ненужной и вредной для общества, а гордость была элементомъ, отталкивающимъ отъ него все неоднородное. Были люди, которые уважали его; но вѣдь и они были страдальцами. Я хотѣла дать Николаю иное назначеніе: мечтала, что онъ будетъ образованнымъ архіереемъ. Вышло только то, что онъ не женатъ.

Машѣ въ Москвѣ дѣятельности не нашлось: мы поѣхали къ Николаю. Положеніе наше не улучшилось; а такъ какъ его состояніе было тоже не цвѣтущее, то, пробывши восемь мѣсяцевъ, мы простились съ Николаемъ.

Неженивый печется о Богѣ, а женивый печется о женѣ. Второй сынъ давно звалъ меня къ себѣ. Онъ былъ женатъ, служилъ въ Минской губерніи и арендовалъ казенное имѣніе. Я надѣялась, что Иванъ своимъ вліяніемъ на Машу поможетъ мнѣ. Но мнѣ горько было разстаться съ Николаемъ, такъ горько, что, плывя по Днѣпру на пароходѣ, приходило въ голову броситься въ рѣку. Чрезъ тринадцать дней

ужаснаго путешествія, въ обществѣ Евреевъ, мы пріѣхали въ земной рай: барскій домъ въ двѣнадцать комнатъ, на горѣ небольшой паркъ, за домомъ фруктовый садъ, масса нежилыхъ построекъ. Я никогда не жила въ такомъ довольствѣ. По совѣту врача, въ бывшей пекарнѣ устроили душъ для Маши. Сынъ очень обрадовался нашему пріѣзду. Красавица жена совсѣмъ не знала меня. Она добрая женщина, но увлекающаяся и вспыльчивая; въ ней сказался Французскій характеръ отца. О бракѣ я имѣю особое понятіе, не такое, какъ другіе. Это дало поводъ къ разногласію съ невѣсткой. Вообще, на тещу смотрятъ какъ на причину раздора между мужемъ и женой, и невѣстка рѣдко уживается съ тещей. Я ничего не имѣла противъ жены сына, но она вообразила, что, по моему мнѣнію, другая была бы лучшею женой. Ни тогда, ни теперь я не признаю такое мнѣніе основательнымъ. Никакія увѣренія мои не произвели на невѣстку благодѣтельнаго дѣйствія, потому что нѣтъ ничего мудренѣе, какъ разговаривать съ предубѣжденнымъ человѣкомъ. Я не виню ея: у нея было шесть человѣкъ дѣтей и предстояла труженическая жизнь. Матеріально я не обременяла ея, но нравственно она могла быть недовольна мной. Нужно было уѣхать. Послѣ тринадцатимѣсячнаго пребыванія у нихъ, мы поѣхали опять къ Николаю. Иванъ былъ очень огорченъ необходимостью разлучиться и вскорѣ заболѣлъ. А я съ Машей совершила не только непріятное, но даже опасное путешествіе; до парохода сорокъ верстъ пришлось плыть въ душегубкѣ, въ которой помѣстилось только четыре человѣка. Я была равнодушна ко всему, и ничто не пугало меня. Когда я пріѣхала къ Николаю, я была такъ измучена, что ничего не соображала и ничего не могла предпринять относительно Маши. Николай распоряжался и совѣтовалъ.

Жизнь гаснетъ. Въ Малороссіи Маша вышла замужъ, и моя воспитательная дѣятельность кончилась, а эту дѣятельность я только и считаю призваніемъ замужней женщины, у которой есть дѣти. На что-нибудь другое я ужъ была неспособна.

Припоминая свою жизнь, спрашиваю себя: что̀ же я сдѣлала? У меня была цѣль, состоявшая въ томъ, чтобы, посредствомъ образованія, сдѣлать дѣтей независимыми, т.-е. счастливыми. Я не ждала, чтобы достиженіе цѣли произошло само-собою; боролась, боролась на сколько хватало силъ. А цѣль не достигнута! Въ чемъ же я виновата? Развѣ моя цѣль была преступна, т.-е. несогласна съ закономъ природы, или съ законами человѣческаго общества? Но я остаюсь съ убѣжденіемъ, что человѣкъ долженъ быть счастливъ на землѣ. Слѣдовательно, у меня

не достало средствъ для достиженія цѣли и совсѣмъ не тѣхъ средствъ, которыя обыкновенно считаютъ самыми важными или единственно необходимыми — матеріальныхъ. Не отрицая значенія ихъ для всякаго дѣла, не признаю исключительной необходимости ихъ. Эти средства, при умѣ и энергіи, добываются; но не добывается, при самыхъ серіозныхъ одинокихъ усиліяхъ, желательная зрѣлость общества. Я виновата въ томъ (безобиднѣе будетъ сказать), что не имѣла сочувствія общества.

Послѣ замужества Маши, нѣсколько лѣтъ продолжалась моя странническая жизнь. Я отдыхала въ Петербургѣ у сестры Алексѣевой. Она умерла; а брата ея, математика, родные отговорили пріютить меня. Была на Кавказѣ у Николая, провела нѣсколько мѣсяцевъ у Ивана, въ Гроднѣ и, наконецъ, поселилась у Маши.

Нѣтъ цѣли существованія! Иногда блеснетъ лучъ, да и погаснетъ.

*

Прасковья Николаевна Татлина скончалась 5-го Января 1899 года въ г. Лубнахъ, Полтавской губерніи. Отпѣвали ее въ церкви во имя Всѣхъ Святыхъ и похоронили подлѣ церкви, рядомъ съ могилой послѣдней ея дочери Марьи.

(*Сообщено И. П. Татлинымъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ Н. Д. БОГАТИНОВА*).

Мои отношенія къ народному дѣлу въ Сѣверо-западномъ краѣ и къ тамошнимъ братствамъ познакомили меня съ новымъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, добрѣйшимъ княземъ *Александромъ Прохоровичемъ Ширинскимъ-Шихматовымъ*.

Вскорѣ по пріѣздѣ князь потребовалъ меня къ себѣ и, послѣ моего перваго представленія къ нему, говорилъ со мною съ полною откровенностью, какъ съ человѣкомъ, въ направленіи котораго онъ видѣлъ полное соотвѣтствіе своимъ стремленіямъ. Въ задушевной бесѣдѣ онъ выразилъ, между прочимъ, что ему извѣстно индиферентное отношеніе большинства учащихъ къ строгимъ задачамъ истиннаго воспитанія въ духѣ церкви и народности, но что пусть думаютъ о немъ, что̀ хотятъ, онъ будетъ дѣлать свое дѣло, какъ велитъ долгъ Русскаго и надѣется имѣть и во мнѣ, между прочими, дѣятельнаго помощника. Тогда же онъ сообщилъ мнѣ, что немедленно приступаетъ къ открытію новыхъ народныхъ училищъ въ округѣ и прежде всего въ Волынской губерніи. Скоро князь увидѣлъ и узналъ, что̀ такое педагогическая школа при 1-ой Гимназіи, и первымъ его дѣломъ было закрытіе этой школы, что̀ совершилось уже къ концу 1864 года. Имущество школы, т. е. книги, библіотека, учебныя пособія, было передано въ храненіе чиновнику особыхъ порученій при попечителѣ *Ардальону Калистратову*; остававшіеся же слушатели оной (это вѣрнѣе, чѣмъ сказать: ученики) были кое-какъ подготовлены съ грѣхомъ пополамъ къ выпуску и распредѣлены по училищамъ, вновь открытымъ на Волыни. Закипѣла работа. И прежде всего приступлено было къ открытію училищъ на Волыни. Князь снарядилъ цѣлую миссію на Волынь. Въ числѣ избранныхъ княземъ для изысканія мѣстностей, удобныхъ къ открытію училищъ и къ склоненію общества къ ихъ устройству, былъ и я. Здѣсь не буду распространяться объ этомъ важномъ событіи въ моей жизни, о чемъ думаю подробнѣе сказать въ другомъ мѣстѣ.

---

*) См. выше, стр. 89.

24-го Октября я уже ѣхалъ въ Житомиръ, куда скоро прибылъ и самъ князь въ сопровожденіи И. Я. Ростовцева, въ качествѣ дѣлопроизводителя, секретаря, казначея. Князь остановился вмѣстѣ съ Ростовцевымъ у Т. И. Пристюка, а я у моего добраго изъ дѣтства знакомаго М. Г. Барскаго, учителя Житомирской гимназіи, который тоже былъ избранъ въ помощники къ сельскимъ обществамъ. Раздѣлили губернію по уѣздамъ между посланцами отъ Министерства Нар. Просвѣщенія. Мнѣ дали уѣзды Заславскій и Новоградъ-Волынскій, Барскому Житомирскій и Овручскій, Лукѣ Рафальскому (тоже учителю Житомирской гимназіи, кажется, уже бывшему въ то время въ отставкѣ) уѣзды Острожскій и Кременецкій, Георгію Страшкевичу, смотрителю Теофипольскаго дворянскаго училища, Староконстантиновскій и еще какой-то. О содѣйствіи намъ, посылаемымъ по губерніи, князь просилъ и архіепископа Антонія, и губернатора Черткова. Всѣ мы съ попечителемъ и губернаторомъ собрались разъ вечеромъ у архіепископа для установленія единства дѣйствій и одобренія составленныхъ княземъ инструкцій намъ, посылаемымъ. Инструкціи (онѣ и донынѣ хранятся въ моихъ бумагахъ) одобрены и архіепископомъ, и губернаторомъ. Архіепископъ далъ отъ себя каждому изъ насъ письма къ благочиннымъ, а губернаторъ такія же письма къ мировымъ посредникамъ, съ предложеніемъ полнаго содѣйствія намъ въ исполненіи возложеннаго на насъ порученія. Каждому изъ насъ выдано по 150 рубл. на нужное для дороги обзаведеніе и расходы по переѣздамъ. Послѣ окончательнаго установленія порядка нашихъ дѣйствій, мы отправились въ путь. Я выѣхалъ только (кажется) 3-го Ноября. Для меня все, къ чему ни приходилось прикасаться въ исполненіи моего порученія, было новостью; не зналъ я порядковъ сбора волостныхъ сходокъ, и съ перваго же волостнаго схода въ с. Смолдыревѣ, недалеко отъ Новоградъ-Волынска, пришлось учиться. Въ непрерывныхъ переѣздахъ провелъ я вплоть до 5-го Декабря, когда, наконецъ, возвратился домой, изнеможенный, натерпѣвшійся всего по деревнямъ и въ пути, но увидѣвшій свѣтъ впервыя въ моей жизни. Это было первое мое выступленіе изъ тѣснаго круга, въ которомъ донынѣ вращалась моя жизнь. Здѣсь никакихъ подробностей о поѣздкѣ не пишу: всѣ они отъ перваго до послѣдняго дня описаны, въ формѣ дневника, веденнаго мною изо дня въ день въ самомъ пути, въ особой книгѣ.

Въ мое многонедѣльное отсутствіе мои уроки занималъ одинъ изъ кандидатовъ-педагоговъ или *Кустовскій*, или, не помню, двоюродный братъ мой *Гр. Богатиновъ*, теперь учитель Петровской гимназіи. По пріѣздѣ я испросилъ себѣ еще дней десять отпуску отъ преподава-

нія для составленія подробнаго отчета объ исполненіи возложеннаго на меня порученія. Извлеченіе изъ отчета помѣщено въ Циркулярѣ по управленію Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ, также въ выдержкѣ въ «Кіевлянинѣ» и отдѣльною брошюрою: «Первыя училища на Волыни, открытыя при содѣйствіи Министерства Народнаго Просвѣщенія въ началѣ 1865 года». По представленіи отчета я получилъ формальную благодарность князя за исполненіе порученія и одновременно имѣлъ предложеніе принять въ свое вѣдѣніе какъ библіотеку бывшей педагогической школы, такъ и складъ учебниковъ и книгъ для разсылки по училищамъ. Въ началѣ 1865 года я принялъ то и другое.

Привезенные мною приговоры сельскихъ обществъ объ учрежденіи народныхъ училищъ были разсмотрѣны попечителемъ и, согласно моимъ отзывамъ, были избраны мѣстности, гдѣ предположено открыть училища. Въ Январѣ 1865 года изъ выпущенныхъ изъ закрытой педагогической школы слушателей были назначены учители. Въ одномъ училищѣ Любарскомъ проявилъ желаніе соединить въ своемъ лицѣ и учителя и законоучителя мѣстный священникъ о. Іаковъ Ганжулевичъ; это единственный случай. Какъ завѣдывающій складомъ народныхъ училищъ, я богато надѣлилъ всѣмъ, что̀ было въ силахъ, открытыя мною народныя училища, и все почти время моего участія въ дѣлѣ управленія училищами былъ въ дѣятельной перепискѣ съ нѣкоторыми изъ учителей, изъ которыхъ два, Васильевъ и Голиватовскій, и донынѣ служатъ въ тѣхъ самыхъ училищахъ, куда были назначены. Съ 1865 года по 1868 годъ длилось мое завѣдываніе складомъ народныхъ училищъ, и во все это время чрезъ мои руки снабжались всѣ открытыя и прежде до князя, и при князѣ вновь открываемыя училища всѣми учебными пособіями. Трудовъ было много: отчетность, выписка новыхъ учебниковъ, сдача въ переплетъ, пріемъ изъ переплета, распредѣленіе по училищамъ, которыхъ уже было до 40, разсылка по училищамъ. Мнѣ былъ данъ особый служитель, который все это время и служилъ при складѣ собственно по упаковкѣ книгъ и сдачѣ на почту. Всѣ эти труды я несъ совершенно безвозмездно. Такъ, участіемъ въ педагогической школѣ, далѣе поѣздкою на Волынь для открытія народныхъ училищъ, завѣдываніемъ книжнаго склада началось мое участіе въ народномъ образованіи края, къ чему я такъ стремился всею душею еще съ достопамятнаго въ моей жизни 1861 года. Все это были шаги, которые приближали меня къ моей завѣтной цѣли. Завѣдуя складомъ, я велъ переписку не только съ учителями открытыхъ мною училищъ, но и съ нѣкоторыми изъ законоучителей, и даже съ мировыми посредниками, особенно часто съ однимъ замѣчательнымъ покровите-

лемъ нар. школы *Кравцовымъ* въ Заславскомъ уѣздѣ. Письма нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ числѣ моихъ бумагъ. Я благодарилъ Бога, что открывалась мнѣ возможность служить дѣятельно своими по крайней мѣрѣ письменными совѣтами дѣлу народнаго образованія. Князь называлъ открытыя мною училища моими «дѣтками», и, дѣйствительно, я относился къ нимъ отечески-заботливо. Между тѣмъ, въ попеченіи о дальнѣйшей судьбѣ дѣла народнаго образованія въ краѣ, князь вознамѣрился взамѣнъ закрытія педагогической школы и крайне дурно шедшихъ учительскихъ курсовъ, открыть при уѣздныхъ училищахъ для края учительскую семинарію по образцу имъ же открытой Молодечнинской семинаріи въ Виленской губерніи, и разъ милостиво объявилъ мнѣ, что меня имѣетъ въ виду на должность директора этой проектированной семинаріи. Князь тогда же вручилъ мнѣ копію съ инструкціи для Молодечнинской семинаріи и правила дисциплины въ семинаріи для ознакомленія съ тѣми и другими, разспрашивалъ, знакомъ ли я съ правилами счетоводства при недавно передъ тѣмъ введенной системѣ единства кассъ. Въ это время (лѣтомъ 1865 г.) князь уже озабоченъ былъ пріисканіемъ мѣстности для учительской семинаріи и между прочимъ въ разговорѣ сказалъ, что кто-то указывалъ ему на Межигорскій монастырь, или, вѣрнѣе, фабрику, въ которую обращенъ былъ уже давно упраздненный монастырь. Въ Іюлѣ, въ день св. Бориса и Глѣба, я и съѣздилъ туда. День былъ праздничный; я, однако, когда пріѣхалъ, не засталъ обѣдни, но просилъ жившаго тамъ для исполненія богослуженія и требъ іеромонаха лавры *) отслужить молебенъ съ акаѳистомъ Спасителю и горячо молился здѣсь, поручая исполненіе горячихъ моихъ желаній Богу, Совершителю всякаго блага. Храмъ прекрасный, постройки нельзя лучшаго желать, только, конечно, потребовали бы приспособленія; мѣстность на берегу Днѣпра среди горъ очаровательная, только ужъ очень пустынная, жилья близко нѣтъ. Въ воображеніи моемъ представало благоустроенное учебное заведеніе съ строгимъ характеромъ своего рода монастыря-пустыни, и я считалъ возможнымъ осуществленіе мысли, кѣмъ-то внушенной князю. Но тамъ же я встрѣтился съ А. Н. Муравьевымъ, который вмѣстѣ съ экономомъ лавры, іером. Мельхиседекомъ, пріѣхалъ въ тотъ день провести время на свѣжемъ воздухѣ. Экономъ былъ знакомъ мнѣ еще съ 1864 года, со времени моей поѣздки на Волынь. А познакомился я такъ. Живя вакаціи въ Голосѣевѣ въ 1863 году, кажется, я встрѣтился тамъ съ типографомъ лавры, іером. Лаврентіемъ, пріѣзжавшимъ навѣстить мо-

*) Въ то время фабрика уже давно, болѣе 10 лѣтъ, была закрыта, и церковь и постройки переданы въ вѣдѣніе Кіевопечерской Лавры.

его сосѣда по жительству, послушника *Владимира Шепелева*, присланнаго изъ лаврской типографіи, гдѣ онъ былъ рисовальщикомъ и переплетчикомъ, по болѣзни на поправку. Этотъ Владимиръ, прелестнѣйшій юноша лѣтъ 22-хъ, очень коротко сошелся со мною; гуляли вмѣстѣ, читали, бесѣдовали. Онъ былъ сынъ, кажется, капитана. Въ то время недалеко отъ 1-й Гимназіи учреждено было частное училище рисованія. Сюда Владимиръ ходилъ брать уроки рисованія, рисовалъ отлично; въ память онъ подарилъ мнѣ два изображенія своей работы: образки Покрова Божьей Матери и св. Николая, исполненные карандашемъ (эти образки и теперь у меня). Чрезъ него-то я коротко познакомился съ типографомъ лавры о. Лаврентіемъ, бывая въ Лаврѣ, заходилъ къ нему; вели бесѣду о дѣлахъ типографіи, о нововведеніяхъ по типографіи, которыя клонились къ развитію типографскаго дѣла въ Лаврѣ. Литографія, словолитня, хромолитографія, паровая сила при типографскихъ станкахъ, гальванопластика, рѣзьба на деревѣ, приводы къ паровику для разныхъ мастерствъ, нужныхъ при сложныхъ машинахъ, подъемная машина, усовершенствованная чугунная цистерна для собранія дождевой воды, снабжающая всю типографію въ избыткѣ водою и снаружи украшенная фонтаномъ, полное переустройство типографіи на новыхъ началахъ послѣ пожара 1857 года, школа для малолѣтнихъ, наконецъ рисовальный классъ при типографіи подъ управленіемъ художника сначала, кажется, Сорокина, потомъ Ромалевскаго (или наоборотъ, не помню), все это получило жизнь, движеніе по началу о. Лаврентія, который отличался удивительною организаторскою способностью. Когда о. Лаврентій узналъ о моей поѣздкѣ на Волынь и о затрудненіяхъ моихъ по облегченію для меня этого труднаго по моему слабому здоровью дѣла, то оказалъ мнѣ такое вниманіе и содѣйствіе, какого я никакъ не могъ и ожидать даже. Онъ снабдилъ меня шубою Владимира, которая должна была служить въ дополненіе къ моей мѣховой шинели, а главное выпросилъ для меня у о. эконома Лавры коляску, которая спасала бы меня отъ необходимости разъѣзжать на обывательскихъ возахъ въ суровую зиму безъ всякаго прикрытія, тряскихъ, тѣсныхъ. Въ покойной на рессорахъ колясочкѣ я и совершилъ свое трудное путешествіе по Волыни. И съ этого - то времени я былъ знакомымъ о. эконома, и при встрѣчѣ въ Межигорьѣ былъ, какъ знакомый, приглашенъ къ обѣду, которымъ онъ угощалъ Муравьева. Здѣсь за обѣдомъ зашла рѣчь и о цѣли моего пріѣзда, ибо я сталъ разспрашивать у эконома, что̀ мнѣ было нужно знать о Межигорьѣ. На эти разспросы Муравьевъ отвѣтилъ удивленіемъ, откуда могла взяться мысль о помѣщеніи здѣсь учебнаго заведенія, когда ему хорошо извѣстно, что Удѣльная Контора мѣстность эту имѣетъ въ виду присоединить къ

именіямъ великаго князя Константина Николаевича. Такъ я тогда уже могъ заключить, что предположенія мои относительно Межигорья не осуществятся; тѣмъ не менѣе я уѣзжалъ отсюда съ полнымъ удовлетвореніемъ въ душѣ, укрѣпленной горячею молитвою къ Спасителю, въ надеждѣ, что молитву мою исполнитъ Господь, если не здѣсь, то въ другомъ мѣстѣ. Это уже не первая моя попытка была такъ или иначе выйти на дорогу въ глубь народной жизни, къ которой съ 1861 года, можно сказать, рокового въ моей жизни, я влекся всѣми стремленіями души. Около этого же времени я почему-то намѣтилъ себѣ Корсунь Кіевской губ., какъ благопріятное мѣсто для открытія учительской семинаріи, вѣроятнѣе всего, въ тѣхъ расчетахъ, что это имѣніе богача Лопухина, на щедрость котораго почему-то разсчитывалъ. Я писалъ о томъ митрополиту Арсенію, который меня зналъ уже въ то время по Голосѣеву, гдѣ я съ нимъ познакомился, представленный ему каѳедральнымъ протоіереемъ Крамаревымъ. Лично я не рѣшился излагать свою затѣйливую просьбу о ходатайствѣ митрополита предъ Лопухинымъ относительно содѣйствія къ открытію учительской семинаріи въ его имѣніи, въ письмѣ же смѣлѣе былъ и самъ отнесъ это письмо въ покои митрополита, прежде горячо помолившись предъ иконою Божіей Матери. Я горячо, слезно молился, какъ рѣдко молится человѣкъ, прося небесной помощи въ устроеніи моей жизни на избранномъ мною пути, который что̀ далѣе, то болѣе безповоротно велъ меня къ цѣли моихъ стремленій. Ничего не вышло изъ этого моего письма. Но помимо меня заботился не менѣе меня и князь о выборѣ мѣста для будущей учительской семинаріи. Были собраны справки о всѣхъ закрытыхъ или предполагаемыхъ къ закрытію Римско-католическихъ монастыряхъ, о всѣхъ зданіяхъ, запустѣло стоявшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ края. Шла рѣчь о какихъ-то Бѣлиловцахъ Кіевской губ. и о Вишневцахъ Волынской губ. Князь одно время серіозно останавливался и на Бердичевскомъ Римско-католическомъ монастырѣ, гдѣ до Польскаго мятежа издавался патерами общераспространенный въ то время Бердичевскій календарь. Разсчеты его были слишкомъ тверды, и я уже мечталъ о различныхъ мѣрахъ къ переустройству монастыря подъ учительскую семинарію, о храмовомъ праздникѣ семинарской церкви, который, по моей мысли, долженъ бы быть не иначе, какъ Воскресеніе Христово, въ виду массы Еврейскаго населенія, наполняющаго Бердичевъ. Другое мѣсто, о которомъ князь тоже подумывалъ, это Межиричи, вблизи г. Острога, закрытый католическій монастырь съ величественнымъ храмомъ, построенный княземъ Константиномъ Острожскимъ. Князь поручилъ мнѣ войти въ сношенія съ штатнымъ смотрителемъ Острожскаго дворянскаго училища И. В. Лысенкомъ, съ просьбою о сообщеніи мнѣ, для доклада князю, свѣдѣ-

ній объ этомъ монастырѣ, о его размѣрахъ, числѣ комнатъ, планѣ окружающей мѣстности. Лысенко прислалъ мнѣ всѣ просимыя свѣдѣнія, далеко не удовлетворительныя для рѣшенія вопроса въ пользу избранія этой мѣстности подъ семинарію. Наконецъ, осенью 1865 года, посылая меня для ревизіи открытыхъ мною училищъ на Волынь, князь поручилъ мнѣ дорогою заѣхать въ м. Брусилово, гдѣ былъ еще тогда, кажется, Францисканскаго ордена Римско-католическій монастырь; вмѣстѣ со мною онъ послалъ и архитектора округа П. И. Шлейфера осмотрѣть этотъ монастырь. Были мы оба здѣсь и удивлялись, кто могъ посовѣтовать князю эту мѣстность подъ семинарію. Монастырь крайне тѣсенъ, обстроенъ по католическому обычаю вокругъ церкви, стѣны толстѣйшія, а кельи ужасно тѣсныя; подъ самымъ монастыремъ кладбище съ одной стороны, а съ другой монастырь затапливается болотомъ, которое подходитъ подъ самую стѣну монастыря. Мѣстность вообще низкая, болотистая, вода зеленая съ гнилымъ вкусомъ болота. А между тѣмъ князь серіозно думалъ объ этомъ Брусиловѣ, такъ что я долженъ былъ употребить въ своемъ отчетѣ объ осмотрѣ особый трудъ, чтобы представить эту мѣстность въ самомъ непривлекательномъ видѣ, что̀ въ свою очередь подтвердилъ и архитекторъ округа. Въ такихъ поискахъ прошла вся зима 1865 — 1866 годовъ.

Ко времени моей поѣздки на Волынь стали появляться зловѣщіе слухи о развитіи въ краѣ холеры, и особенно въ Волынской губерніи. Между тѣмъ ѣхать было нужно, и было предположено ѣхать въ началѣ Октября, какъ вдругъ разболѣлся у меня страшно животъ. Иду къ князю за наставленіями на дорогу и говорю ему о своемъ нездоровьѣ. Князь просто прогналъ меня. «Не нужно ѣхать, пока не оправитесь». Къ 7-му Октября я чувствовалъ себя хорошо и, получивъ деньги на прогоны и подъемныхъ (послѣднихъ до 50 рублей, кажется) отправился въ путь, въ сопровожденіи служителя по складу. Погода стояла все время отличная: теплая, сухая, тихая. Предъ отъѣздомъ я получилъ отъ князя инструкцію, уполномочивавшую меня, если признаю нужнымъ, закрывать училища въ одномъ мѣстѣ, гдѣ они окажутся неправильно поставленными, и переводить въ другое мѣсто, гдѣ отъ нихъ можно ожидать болѣе пользы, или отъ общества больше сочувствія и поддержки, а также увольнять и неспособныхъ учителей. Правомъ своимъ я и воспользовался. Ревизуя училища, всѣ открытыя мною, я долженъ былъ закрыть два училища: одно въ *Коськовѣ,* гдѣ училище все время, съ самаго начала, шло очень дурно, не получая отъ общества никакой поддержки. Не было даже мебели устроено, дѣти почти

не ходили, и крестьяне, между прочимъ, и особенно священникъ приходскій, жаловались на учителя, какъ на причину, отбившую у нихъ охоту къ содержанію училища: человѣкъ лѣнивый, часто, даже въ будни, ходитъ «на полеваніе» (охоту), водитъ съ собою дѣтей, вмѣсто того, чтобы обучать ихъ. Это училище я перевелъ въ м. *Бѣлогородку*, учителю предложилъ искать себѣ мѣста, а имущество училища, т.-е. книги и учебныя пособія, высланныя изъ округа, передалъ по описи волостному старшинѣ Бѣлогородки. Другое училище закрылъ я въ *Михновѣ*; тамъ за все время съ Января крестьяне не отвели подъ училище даже удобной земли, гдѣ бы могло устроиться училище, не наняли даже дома, и училище помѣщалось въ домѣ священника, потому при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. На бѣду священникъ, много обѣщавшій мнѣ въ мою поѣздку 1864 г., теперь всю свою энергію употребилъ па уничиженіе присланнаго учителя, худшаго изъ недокончившихъ педагогическую школу, *Ивана Юрченка*. Онъ у него былъ «полный дуракъ», не умѣщій даже говорить хорошо, полный «невѣжа» и пр. Это училище перевелъ я въ *Заславль*, гдѣ до этого времени, кромѣ церковно-приходской школы, не было никакой другой. По пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ, туда былъ назначенъ *Пропоповичъ*, изъ духовныхъ, въ *Бѣлогородку* же окончившій курсъ Волынской семинаріи (не помню фамиліи его), по крайне слабый въ правописаніи; однако, онъ былъ назначаемъ главнымъ образомъ потому, что въ своемъ лицѣ могъ совмѣщать и законоучителя, такъ какъ приходскій священникъ, старикъ *Петръ Берендовскій*, не изъявилъ желанія законоучительствовать. Въ *Антониновѣ*, Заславльскаго же уѣзда, тоже было открыто училище, такъ какъ гр. *Адольфъ Потоцкій*, по личному моему предъ нимъ ходатайству въ пріѣздъ его въ Кіевъ, въ 1865 году, на контракты, повидимому, обезпечилъ училище, согласившись пожертвовать крестьянамъ землю подъ училище; училище, однако, было въ крайне незавидномъ положеніи: крестьяне и не думали строить училищный домъ, считали удобнымъ его помѣщеніе вмѣстѣ съ волостнымъ правленіемъ, гдѣ оно и дѣйствительно помѣщалось; мебели не было, учитель мѣстился гдѣ-то на квартирѣ. Священникъ, дряхлый старикъ, не занимался законоученіемъ. Учитель оказался крайне плохъ; пришлось и отсюда взять учителя и замѣстить тоже изъ духовныхъ, съ цѣлью замѣнить законоучителя. Быстро все это я сдѣлалъ, ни минуты, можно сказать, не теряя, объѣздилъ всѣ открытыя училища и къ 20-му Октября былъ уже дома, со страхомъ и трепетомъ проѣхавъ ночью чрез Житомиръ, гдѣ въ то время холера порядочно свирѣпствовала.

Вечеромъ же я спѣшилъ съ личнымъ докладомъ къ князю и чтобы проститься съ нимъ, такъ какъ на другой день рано утромъ былъ

назначенъ отъѣздъ его въ Петербургъ. Изъ тѣхъ полномочій, какими я былъ облеченъ при моей командировкѣ, можно видѣть, что князь питалъ ко мнѣ полное довѣріе. Незадолго передъ этимъ онъ приказалъ директору представить меня къ наградѣ орденомъ *Св. Анны 3-й степени*, помимо ордена Св. Станислава 3-й степени, что̀ тогда можно было дѣлать. Такое близкое отношеніе мое къ князю не скрылось отъ людей, которымъ направленіе дѣятельности князя, строго-православно-народное, не нравилось. Въ то время въ Кіевѣ издавался юмористическій, каррикатурный журналъ. Издателями или издателемъ (не знаю, одинъ или нѣсколько) приготовленъ былъ каррикатурный листокъ, на которомъ князь Ш.-Шихматовъ изображенъ былъ архіереемъ, а по сторонамъ его я—архимандритомъ, кажется, Андріяшевъ—тоже, и подписана изъ одного псалма передѣлка въ родѣ этого: «Андріяшевъ—крѣпость главы моея, Богатиновъ—полонъ упованія моего»... Я не видѣлъ самъ этого листка, видѣвшіе же передавали и рисунокъ, и подпись. Цензура не дозволила, конечно, изданіе листка; однако, изъ этого можно заключить, какъ инымъ не по нутру была дѣятельность князя, и особливо тамъ, гдѣ незадолго до него (при Витте) можно было такимъ воспитателямъ, какъ Рутовскій, занимать учениковъ искусственнымъ маскарадомъ въ дни Великаго Поста... Князь ѣздилъ въ Петербургъ съ своимъ проектомъ, какъ устройства народныхъ училищъ, такъ и открытія учительской семинаріи. Относительно семинаріи не было возраженій; что же касается народныхъ училищъ, дѣло замялось, затянулось, единственно изъ-за противодѣйствія митрополита Арсенія, которому нежданно явился подражателемъ и архіепископъ Волынско-Литовскій. Какъ тотъ, такъ и другой доходили въ своей непріязни къ училищамъ министерства до того, что воспрещали священникамъ преподавать Законъ Божій въ училищахъ; кто изъ священниковъ соглашался законоучительствовать, того не утверждали, тянули дѣломъ утвержденія, если ужъ нельзя было отказать въ томъ; словомъ, вели слѣпую ожесточенную борьбу противъ училищъ. Чтобы представить свое дѣло правымъ и себя въ положеніи обиженнаго, Волынскій Антоній собралъ всѣ клеветы и доносы благочинныхъ на меня: что я во время первой поѣздки дѣйствовалъ въ противность инструкціи, не предлагалъ священникамъ занимать мѣста̀ учителей, располагая крестьянъ къ закрытію ц.-приходскихъ школъ, бралъ учениковъ этихъ училищъ и переводилъ въ министерскія (это любимый доносъ духовенства), не обращался за содѣйствіемъ благочинныхъ, намѣренно объѣзжалъ ихъ и пр. и пр. Князь поручилъ мнѣ составить записку съ опроверженіемъ клеветы. Я составилъ подробную записку; но она ему не понравилась, ибо написана была съ раздраженіемъ, какъ онъ выра-

зился, и поручилъ мнѣ передѣлать записку, придавъ ей возможно сдержанный, спокойный тонъ изложенія, и описать правдивость своихъ отношеній къ духовенству во время первой моей командировки. Дѣло, однако, со стороны духовенства, т.-е. епархіальныхъ архіереевъ (за исключеніемъ Каменецъ-Подольскаго, которымъ тогда былъ *Леонтій*, чрезвычайно симпатично относившійся къ учрежденію министерскихъ училищъ), крайне тормозилось.

Объ этомъ духѣ противодѣйствія извѣстно было и въ Министерствѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, почему проектъ, представленный министромъ въ Государственный Совѣтъ, былъ возвращенъ, съ предложеніемъ примирить обѣ стороны и поставить дѣло внѣ препирательствъ. Дѣло такимъ образомъ затянулось. А когда уже оно было подготовлено въ смыслѣ требованія Государственнаго Совѣта, и на Страстной седмицѣ 1866 года кипѣла у князя съ Андріяшевымъ (тогда завѣдывавшимъ народными училищами) горячая, спѣшная работа, чтобы къ возобновленію засѣданій Совѣта все кончить къ Ѳомину Воскресенію... какъ вдругъ выстрѣлъ 4-го Апрѣля изъ руки Каракозова все перевернулъ вверхъ дномъ. Все пропало: и народныя училища, и семинаріи... Вскорѣ послѣдовала перемѣна министра народнаго просвѣщенія. Головнинъ, какъ представитель либеральнаго направленія въ школѣ, былъ замѣщенъ гр. Д. А. Толстымъ, тогда оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода; ему было повелѣно быть одновременно и министромъ.

Графъ Толстой иначе посмотрѣлъ на приготовленіе учителей въ народныя училища. Онъ объявилъ себя сразу противъ учительскихъ семинарій, съ цѣлью приготовленія учителей въ начальныя училища, и сказалъ себѣ: «зачѣмъ заводить новыя учебныя заведенія съ этою цѣлью, когда въ Россіи есть достаточно учебныхъ заведеній, воспитанники коихъ лучше прочихъ могутъ исполнить дѣло обученія, это наши духовныя семинаріи?» Подумалъ себѣ новый министръ и распорядился: 1) объ открытіи въ духовныхъ семинаріяхъ каѳедры педагогики, 2) объ открытіи при каждой семинаріи воскресной школы, гдѣ ученики, слушающіе педагогику, могли бы практиковаться; 3) объ отпускѣ на устройство въ нихъ классовъ, кажется, по 300 р. въ годъ на каждую семинарію. Такъ дѣло объ учительскихъ семинаріяхъ, повидимому, сдано было въ архивъ, и вмѣсто нихъ выдвинулись духовныя семинаріи со своими педагогами. Такъ было, впрочемъ, недолго. Уже къ 1868 г. графъ Толстой увидѣлъ ошибочность своихъ надеждъ на учениковъ духовныхъ семинарій, какъ народныхъ учителей. Немногіе шли въ учителя, даже при сильной поддержкѣ со стороны Министерства, которое назначило до 100 р. ежегодно награды каждому учителю

сельской школы изъ окончившихъ духовныя семинаріи. Если и шли иные, то скоро покидали свою службу при училищѣ, охотно мѣняли ее на приходъ, на другія занятія. Опять пришли къ мысли о необходимости учительскихъ семинарій, и вотъ въ 1868 году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ открытіи учительской семинаріи и для Юго-западнаго края.

Но тогда уже не было въ Кіевѣ князя Ш.-Шихматова. Еще въ 1867 году, къ осени, князь былъ переведенъ попечителемъ въ Московскій Учебный Округъ. И когда я возвратился изъ своего 3-хъ мѣсячнаго отпуска въ Самару для лѣченія, я уже не засталъ его въ Кіевѣ. Новый попечитель, *Платонъ Александровичъ Антоновичъ*, пріѣхалъ въ Кіевъ уже поздненько, кажется, что въ Февралѣ 1868 года. Все время, съ отъѣзда князя до прибытія Антоновича, округомъ управлялъ *М. Л. Туловъ*, помощникъ попечителя. Князь Ш.-Шихматовъ, по выходѣ въ отставку Михневича, избралъ въ помощники себѣ *М. Л. Тулова.* Трудно объяснить причины этого избранія. Князь не могъ не знать, что Туловъ составилъ себѣ славу украинофила. Еще когда онъ знакомилъ князя съ положеніемъ дѣла народнаго образованія, онъ, въ званіи окружнаго инспектора, представилъ ему приготовленныя къ изданію картины, для нагляднаго обученія, изъ быта Малороссовъ, представилъ ему отпечатанныя на казенный счетъ Байки Глѣбова на Малороссійскомъ языкѣ. Наконецъ, изъ дѣлъ канцеляріи князь зналъ про знаменитое донесеніе изъ села о пропагандѣ невѣрія нѣкіимъ Туловымъ. Князя, какъ человѣка дѣятельнаго, вѣроятно къ этому избранію привела мысль: М. Л. Туловъ, какъ старый служака, отлично зналъ округъ, и положеніе, и состояніе учебныхъ заведеній, почему въ этомъ отношеніи и обѣщалъ дѣятельнаго помощника въ себѣ князю. Однако, избирая М. Л. Тулова, князь нисколько не стѣснился дать мнѣ, какъ завѣдующему книжнымъ складомъ нар. училищъ, гдѣ хранилось еще до 500 экз. Баекъ Глѣбова, приказаніе всѣ до единаго экземпл. этихъ Баекъ сжечь, какъ вредное изданіе, которому не должно имѣть мѣста въ народномъ училищѣ, что̀ и было исполнено мною. Только ради смѣха я оставилъ на память себѣ одну эту, истинно смѣхотворную книженку, читая которую на исковерканномъ Малороссійскомъ языкѣ, нельзя не смѣяться...

М. Л. Туловъ неособенно долюбливалъ меня. Ему не могло нравиться мое направленіе. Когда я по дѣламъ склада нар. училищъ бывалъ у него, онъ никогда не приглашалъ меня сѣсть, хотя иногда и долго приходилось говорить. Ну и самъ стоялъ, а посадить не могъ. Вообще онъ былъ очень холоденъ ко мнѣ. Быть можетъ, тутъ и Байки

Глѣбова виноваты. Малѣйшей ошибки, обмолвки съ моей стороны было для него довольно, чтобы представить меня въ дурномъ свѣтѣ. Разъ онъ былъ на урокѣ у меня. Шла рѣчь о правописаніи словъ съ буквою *ѣ*. Держась объясненій Павскаго и другихъ, я говорилъ ученикамъ: если въ словѣ слышится два звука е, то тотъ, который произносится протяжно, если только онъ коренной, пишется чрезъ ѣ; привелъ и примѣры: «желѣзо», «вѣтеръ» и пр. Туловъ, направляясь мимо меня уже къ выходу, предложилъ мнѣ вопросъ: а какъ, держась этого объясненія, нужно писать слово «телѣга»? Я, съ ослабленнымъ отъ работы вниманіемъ, отвѣчалъ: «послѣ т—ѣ». Туловъ ничего не сказалъ, поклонился и ушелъ. Это было въ періодъ страшнаго нервнаго разстройства, которое я переживалъ съ 1866 по 1870 годъ, когда весьма часто на урокахъ я заговаривался, искажая слова, искажая фамиліи учениковъ, заминая слова и пр. Вскорѣ послѣ этого появилась въ «Кіевлянинѣ» передовая статья о неудовлетворительности положенія въ преподаваніи словесности и Русскаго языка въ гимназіяхъ. Въ это время я исполнялъ должность преподавателя словесности въ высшихъ классахъ вмѣсто вышедшаго въ отставку В. И. Лучицкаго. Никогда у меня на урокахъ словесности Туловъ не былъ. Но вотъ въ статьѣ этой вставляется такое *приблизительно* мѣсто: Есть учители, которые берутся не за свое дѣло, преподавать и словесность и.... а если *поколупать* хорошенько ихъ знанія, какъ они окажутся бѣдны, недостаточны и....» Такъ какъ статья явилась вскорѣ послѣ моей обмолвки, то я всѣ подобные намеки прямо отнесъ къ себѣ.

Такой человѣкъ, оставшись единственнымъ оффиціальнымъ и ближайшимъ докладчикомъ объ округѣ и служащихъ въ немъ новому попечителю, конечно, не могъ ничего сказать въ мою пользу. Новый попечитель ничего не зналъ, конечно, и о намѣреніяхъ князя Ширинскаго-Шихматова относительно моего служебнаго движенія. Поэтому, когда было утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта въ 1868 г. объ учрежденіи учительскихъ семинарій для Юго-западнаго края, Антоновичъ представилъ на эту должность совершенно чужого округу человѣка, воспитателя Полоцкаго кадетскаго корпуса И. Я. Посяду. Не зная ничего объ этомъ избраніи, я въ простотѣ сердца рѣшился просить Тулова доложить г. попечителю о мнѣ, какъ о кандидатѣ на должность директора учительской семинаріи по намѣренію его предшественника, просилъ и съ его стороны не отказать сказать о мнѣ доброе слово. На это Туловъ отвѣчалъ: «Хорошо, я доложу, и съ своимъ мнѣніемъ». Что̀ было, не знаю; каково было его «мнѣніе», тоже не знаю, только вскорѣ я узналъ не безъ огорченія о назначеніи Посяды.

Многіе знали объ ожидавшемъ меня назначеніи. За двѣ недѣли до роковаго выстрѣла 4-го Апрѣля, когда учрежденіе семинаріи уже считалось несомнѣннымъ, я приглашалъ одного изъ своихъ знакомыхъ преподавателей духовной семинаріи И. Т. Экземплярскаго занять должность законоучителя семинаріи, и онъ соглашался почти, колеблясь только при мысли о возможности открытія семинаріи въ селеніи, что̀ его, какъ слабаго здоровьемъ человѣка, очень страшило. Еще раньше приглашалъ я другого изъ знакомыхъ моихъ, тоже преподавателя духовной семинаріи, но тотъ отказался. Чрезъ этихъ двухъ знали и другіе изъ мѣстнаго духовенства, зналъ и митрополитъ, не отъ меня впрочемъ, а отъ самого князя, котораго избраніе и онъ подтвердилъ своимъ одобрительнымъ отзывомъ. И вдругъ не я назначенъ! Слышу сѣтованія каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева, сожалѣнія другихъ. Тяжело было переносить это крушеніе несбывшихся надеждъ. Но я поручилъ свое стремленіе въ Божью волю и скоро утѣшился въ огорченіи. Я даже горячо благодарилъ Бога, что не исполнились мои ожиданія. Семинарія открыта, но въ Кіевѣ, временно, въ наемномъ домѣ; ученики, всякій сбродъ, кого тамъ не было, размѣщены тоже въ наемныхъ домахъ; наставники приглашались по найму изъ учителей Гимназіи; никакого правильнаго надзора за учениками не организовано, живи на полной свободѣ; одинъ въ шинкѣ заставилъ ворованныя вещи; подучившіеся пѣть расходились пѣть по церквамъ за плату; словомъ, неустроенность полная. Бѣдный Посяда потерялъ голову въ этомъ хаосѣ. И такъ было не мѣсяць, не два, а цѣлыхъ почти три года, почти до 1871 (хорошо не помню), пока строились зданія для семинаріи. Но верхъ несчастія, это было самое избраніе мѣстности для семинаріи, въ Жидовскомъ мѣстечкѣ Коростышевѣ, хотя по почтовой дорогѣ, но безъ всѣхъ удобствъ къ жизни, въ разстояніи 30 верстъ отъ Житомира, куда въ случаѣ болѣзни нужно бываетъ посылать за докторомъ, туда ѣздить (или даже въ Радомысль, еще дальше) за полученіемъ жалованья и всего прочаго содержанія по заведенію. И этого мало: для постройки избрана мѣстность низменная, топкая, кочки: копнуть менѣе аршина, и вода; къ самому забору усадьбы прилегаетъ болото. Директоръ былъ вовсе устраненъ какъ отъ избранія мѣстности, такъ и совершенно отъ самой постройки. При постройкѣ не было никакого правильнаго дозора, и оттого она произведена крайне недобросовѣстно изъ сырого лѣса, допущено множество неправдъ и когда уже все было готово, предложено было директору принять безъ противорѣчій, какъ есть и что̀ сдаютъ. Слыша обо всемъ этомъ, видя все это, я только сердечно благодарилъ Бога, что Его премудрое попеченіе спасло меня отъ великаго несчастія, какимъ было бы для меня,

слабаго, немощнаго, такое назначеніе, хотя мною горячо желанное. Истинно, рука Промысла Божія сказалась и въ этомъ событіи моей службы, какъ и во многихъ другихъ изъ моей личной жизни. Господь спасъ меня. И въ то время, какъ Посяда терялъ голову, метался во всѣ стороны, ѣздилъ по шинкамъ выручать заставленныя вещи и возился съ этою распущенною, грубою, уличною толпою, я спокойно занимался своимъ излюбленнымъ дѣломъ преподаванія, исключительно сосредоточивъ свой трудъ на Гимназіи, и только отъ времени до времени давая частные уроки кому-нибудь изъ учениковъ, но приходившихъ ко мнѣ на квартиру. Но еще болѣе пламенна была моя благодарность Богу за Его спасеніе по отношенію къ тогдашнему состоянію моего здоровя, когда именно въ эту самую пору нервы мои страшно разстроились, и я едва, едва могъ вести свое привычное дѣло учительства. Вмѣстѣ съ назначеніемъ Посяды я былъ облегченъ немало освобожденіемъ отъ завѣдыванія библіотекою педагогической школы и книжнымъ складомъ народныхъ училищъ: библіотеку и всѣ къ ней относящіяся учебныя пособія я передалъ Посядѣ, а книжный складъ директору Андріяшеву, который съ того времени, по соглашенію съ управленіемъ округа, принялъ на себя обязанность разсылать по училищамъ учебныя пособія изъ своего книжнаго магазина, открытаго имъ въ помѣщеніи 1-й Гимназіи при редакціи «Кіевскаго Народнаго Календаря». Онъ сталъ издавать его еще съ 1864 года, постоянно болѣе и болѣе расширяя свою издательскую дѣятельность и придавая ей характеръ вполнѣ торговаго предпріятія. Такимъ образомъ и положенъ былъ конецъ самостоятельному существованію книжнаго склада при канцеляріи попечителя округа, до того времени державшагося только безплатнымъ исполненіемъ обязанностей завѣдующаго книжнымъ складомъ. Сданы были мною и библіотека, и книжный складъ, и никому и въ голову не пришло поблагодарить меня за трудъ завѣдыванія съ 1865 по конецъ 1869 года, точно дѣло мое состояло въ томъ, чтобы только держать у себя ключи отъ комнаты и шкафовъ, и между тѣмъ много, много дорогого времени да и здоровья (въ зимнее время комната вовсе не отапливалась) стоилъ мнѣ этотъ безмездный трудъ. Однако, все же служба моя не была лишена поощреній по Гимназіи. Въ 1867 году, для предпринятаго мною лѣченія кумысомъ, мнѣ было выдано пособіе, кажется, въ 300 рублей и въ первый отпускъ на 3 мѣсяца; затѣмъ въ этотъ же періодъ времени до 1874 года я награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени, а со введеніемъ новаго устава гимназій получилъ высшій окладъ жалованья за 12 уроковъ 1250 р. Кстати упомянуть, что отъ Гимназіи я получалъ за свой особенный трудъ и другія пособія, достаточно вознаграждавшія мою слу-

жебную дѣятельность: 2 года по введеніи устава я исполнялъ должность секретаря педагогическаго совѣта, получая за этотъ трудъ по 120 р. въ годъ, 2 или 3 года былъ классныкъ наставникомъ, получая за это по 160 р., за чтеніе письменныхъ ученическихъ упражненій получалъ 100 р. и сверхъ того дополнительный процентъ, уже не помню, въ какомъ размѣрѣ, за службу въ Юго-западномъ краѣ и еще по 60 р. за каждый дополнительный сверхъ 12 урокъ, которыхъ тоже было у меня, кажется, до 6-ти. Въ матеріальномъ отношеніи я былъ совершенно обезпеченъ. Въ дополненіе къ этимъ средствамъ разъ я воспользовался жалованьемъ учителя словесности въ теченіе почти полгода за исполненіе его должности, послѣ выхода въ отставку В. И. Лучицкаго и до назначенія Д. А. Силицкаго, кажется, до 500 р.; точно такъ же послѣ выхода Лучицкаго въ отставку я былъ приглашенъ участвовать въ испытательномъ комитетѣ при попечителѣ округа для производства испытаній на званіе учителя уѣзднаго, городского, приходскаго и сельскаго училищъ и домашнихъ учителя и учительницъ, что̀ тоже приносило мнѣ въ годъ, кажется, до 180 рублей, занимая относительно немного времени: 2 раза въ недѣлю отъ 6 до 8, рѣдко до 9 часовъ съ 1-го Сентября по 1-ое Мая.

Новый попечитель округа, хотя и не скоро, все же узналъ меня и оказывалъ мнѣ замѣтные знаки своего вниманія. Впрочемъ, дѣло началось было у меня съ нимъ очень дурно. Не помню, когда, въ 1868 или въ 1869 году, онъ пришелъ разъ на пріемный экзаменъ, производившійся тогда въ актовой залѣ Гимназіи, побылъ нѣсколько и, уходя, позвалъ къ себѣ на квартиру меня и другого еще учителя *Ѳедора Леонтьевича Стефановича.* Мы недоумѣвали, что за причина зова, но скоро дѣло разъяснилось. Еще съ 1864 года, т. е. со времени поѣздки на Волынь, я сталъ носить бакенбарды, къ чему особенно меня привели сильныя зубныя боли, къ ослабленію которыхъ кто-то изъ знакомыхъ посовѣтовалъ запустить бакенбарды. Сначала я носилъ ихъ небольшія; затѣмъ, страшно тяготясь бритьемъ, которое я вовсе не умѣлъ производить, постоянно рѣжа себѣ щеки, подбородокъ, не умѣя вовсе бриться и даже держать бритвы и обращаться съ ними, какъ должно, я запустилъ бакенбарды побольше, обривая только усы и подъ губами верхній подбородокъ. Кромѣ неумѣнія бриться, въ періодъ сильнѣйшаго нервнаго разстройства съ 1866 по 1870 г., я даже боялся браться за бритву: какое-то тяжелое чувство овладѣвало мною при одномъ видѣ бритвы, остріе бритвы внушало мнѣ безотчетный страхъ за мое здоровье, за жизнь; такъ и представлялось, что какое нибудь нервное неудержимое движеніе руки сполоснетъ меня по горлу и на-

конецъ словомъ, я всячески старался избѣгать обращаться съ острыми вещами. Оттого даже, насколько только позволяло приличіе, я брился рѣдко, иногда всего разъ въ недѣлю, иногда и того рѣже, заростая волосами, иногда въ такомъ видѣ являлся къ знакомымъ, зная хорошо, что это отнесутъ къ моему невѣжеству или и неуваженію. Разъ съ такимъ заросшимъ волосами лицомъ, необритый, я пришелъ къ ректору академіи, архимандриту Филарету. У него въ то время былъ тоже мой знакомый по академіи. Не утерпѣлъ Филаретъ. Принявъ меня сухо, прибавилъ: «И не обритый пришелъ», т. е. не уважилъ о. архимандрита. Больно было вынесть этотъ холодный взглядъ, это довольно рѣзкое замѣчаніе и мнѣніе о невѣжливости, непочтительности. Волоса же у меня были черные-пречерные, густые, все лицо заросло волосами, и только вокругъ рта чистое мѣсто, да и то даже я не брился, а чаще всего только ножницами остригался. Иногда князь Ширинскій-Шихматовъ, встрѣчаясь со мною въ корридорѣ, замѣчалъ: «Какія у васъ густыя бакенбарды, все лицо заросло!» но этимъ и оканчивалось дѣло. Да, кажется, я не все нарушалъ законы: нося большія густыя бакенбарды, я все же, какъ гражданскій чинъ, брилъ усы и верхній подбородокъ, внизу же волоса такъ расчесывалъ, что, дѣйствительно, выходили бакенбарды, а не борода. И вотъ эта-то моя богатая борода, подбородокъ и обратили вниманіе Антоновича. Стефановичъ тоже, какъ и я, дѣлалъ: носилъ бороду, обривая усы. Вошелъ Антоновичъ, сразу рѣзко сталъ говорить, что вмѣсто того, чтобы, въ званіи учителя, подавать примѣръ исполненія законовъ, мы, напротивъ, своимъ примѣромъ учимъ неповиновенію законамъ Имперіи. Я на это замѣтилъ: «Я такъ ходилъ при предшественникѣ вашего превосходительства, и онъ не видѣлъ въ этомъ нарушенія закона. Поэтому, не зная, при какомъ способѣ ношеніи бакенбардовъ нарушается законъ, осмѣлюсь просить ваше превосходительство указать мнѣ, какого размѣра бакенбарды я могу носить». Не успѣлъ я еще кончить своего слова, какъ Антоновичъ разразился гнѣвомъ. «Вотъ я вамъ укажу, я тотчасъ уволю васъ изъ службы за грубость. Что же я долженъ вамъ циркулемъ отмѣривать ваши бакенбарды?» Я поспѣшилъ извиниться за, можетъ быть, неосторожное выраженіе, просилъ простить, что не такъ высказался: именно имѣвъ въ виду, дѣйствительно, разъяснить себѣ, какъ же я могу носить бакенбарды, если не могу такъ носить, хотя также я носилъ при Ширинскомъ-Шихматовѣ и ничего, но носить я долженъ. Прошла вспышка, и Антоновичъ отпустилъ насъ, пригрозивъ, что «этого разговора онъ не забудетъ». И однако, благодареніе Богу, забылъ. Но онъ перемѣнилъ о мнѣ мнѣніе къ лучшему. Вскорѣ стали у насъ собираться коммиссіи для составленія новой программы по Рус-

скому языку въ низшихъ классахъ (эти безконечныя комиссіи, которыя въ теченіе моей 19 лѣтней учительской службы собирались раза четыре) подъ предсѣдательствомъ помощника попечителя Тулова. Тяжелы были, даже невыносимы, эти комиссіи для меня. Туловъ дозволялъ по по своему либерализму куреніе; комната небольшая, учителя обѣихъ гимназій, Русскаго, Латинскаго и новыхъ; языковъ, дымъ страшный, къ концу засѣданія голова страшно разболится. Помню, одно засѣданіе Туловъ открылъ такимъ вступленіемъ. «Разсказываютъ, что во время Дунайской кампаніи погоньщики обоза, при подъемѣ въ гору, гдѣ-то въ Молдавіи, изъ нашихъ южноруссовъ, когда всѣ ихъ усилія побудить лошадей или воловъ везти подводы, нагруженныя войсковыми вещами, истощились, подошли къ завѣдующему обозною частью съ низкимъ поклономъ и просили позволенія «лаятыся». Позволеніе дано; посыпалась брань на животныхъ, и подводы взъѣхали на гору. Такъ и я, въ интересахъ общей пользы, прошу позволенія въ вашемъ собраніи «лаятыся», т. е. критически отнестись къ нѣкоторымъ непорядкамъ. Какъ онъ «лаялся», уже вовсе не помню. Въ одно изъ такихъ-то общихъ засѣданій комиссіи пожаловалъ и Антоновичъ. Шла рѣчь о программѣ для первыхъ 3 низшихъ классовъ Гимназіи по Русскому языку. Долго, много говорили; я все большею частью молчалъ, видя всю безплодность этого говоренія, потомъ съ своей стороны предложилъ проходить грамматику Русскаго языка концентрически: въ 1-мъ возможно обстоятельно, въ главнѣйшихъ чертахъ, всю грамматику, во 2-мъ уже дѣлать дополненія того, что̀ пройдено въ 1-мъ, и въ 3-мъ классѣ полнѣе и окончательно. Я представилъ образецъ такого распредѣленія. Мое мнѣніе было принято, и поручено было мнѣ и составить такую программу. Уходя по окончаніи засѣданія, Антоновичъ подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и сказалъ: «Вы все большею частью молчали, но сказали самое дѣльное изъ всего, что̀ я слышалъ здѣсь за все засѣданіе». Когда къ нему обратился князь Кочубей съ просьбою посовѣтовать учителя для занятій Русскимъ языкомъ съ его воспитанникомъ, нѣкіимъ *Гриценкомъ*, Антоновичъ прямо послалъ его ко мнѣ, объяснивъ: «если онъ не научитъ, то уже никто не научитъ». Такъ передано было мнѣ тѣмъ лицомъ, въ присутствіи котораго шелъ разговоръ. Когда я разъ, узнавъ объ ожидаемомъ выходѣ въ отставку инспектора Острожской Гимназіи (тогда еще Прогимназіи, преобразованной изъ дворянскаго уѣзднаго училища) просилъ Селина, моего добрѣйшаго профессора, попросить о мнѣ Антоновича съ цѣлью обратить на меня вниманіе и предоставить мнѣ это мѣсто, Селинъ, дождавшись случая, исполнилъ мою просьбу, говорилъ о мнѣ Антоновичу, не указывая, впрочемъ на Острогъ, а такъ вообще о мнѣ, что пора бы

меня и двинуть нѣсколько повыше, на это Антоновичъ замѣтилъ, что онъ этого не сдѣлаетъ. «Почему же?» спросилъ Селинъ. «Да если я буду трогать хорошихъ, опытныхъ преподавателей, то что же выйдетъ съ ученіемъ?» Когда въ 1873 году министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой посѣщалъ и нашу Гимназію, то въ теченіе 3-хъ или 4-хъ дней ни разу не побывалъ у меня; случилось однако встрѣтиться съ нимъ на парадной лѣстницѣ, когда онъ шелъ съ Антоновичемъ въ Гимназію, а я, кончивъ свои уроки, изъ Гимназіи. Антоновичъ представилъ меня графу и сказалъ: «Это изъ старѣйшихъ и лучшихъ нашихъ учителей». Графъ подалъ мнѣ руку и выразилъ сожалѣніе, что не могъ быть на моемъ урокѣ по недостатку времени. Антоновичъ неоднократно бывалъ у меня на урокѣ и одинъ, и съ посѣтителями, разъ съ членомъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія Вороновымъ, который, уходя, выразилъ мнѣ полное удовольствіе и одобреніе; другой разъ какъ-то съ какими-то пріѣзжими Чехами (два или три человѣка), которыхъ привелъ на мой урокъ, чтобы показать пріемы хорошаго преподаванія Русскаго языка. Вообще, въ отношеніяхъ его ко мнѣ и тѣни не осталось того неудовольствія, какое онъ такъ умѣло высказалъ мнѣ по случаю моихъ бакенбардовъ. Все позабыто было!..

Когда я получилъ орденъ св. Станислава 2-ой ст. (или когда назначенъ мнѣ былъ высшій окладъ жалованья, уже не помню), я ходилъ благодарить Антоновича; онъ принялъ меня очень любезно, и, ободренный такимъ вниманіемъ, при удобномъ случаѣ я просилъ его не забыть меня при открытіи новой учительской семинаріи, которую задумали тогда открыть въ Подольской губ., о чемъ и шла уже переписка. Антоновичъ обѣщалъ и тогда же, въ виду подготовки къ должности директора, предложилъ, если хочу, поступить въ Коростышевскую семинарію наставникомъ, «чтобы присмотрѣться и ознакомиться». Я поблагодарилъ, но отклонилъ это совсѣмъ. Между тѣмъ, князь Ширинскій-Шихматовъ, съ которымъ я продолжалъ переписываться, т. е. посылать въ Новый годъ свои привѣтствія, не забылъ меня и дважды звалъ къ себѣ въ Московскій округъ на должность директора вновь открывавшихся тогда учительскихъ семинарій, сначала въ Ярославской губ. въ с. Новомъ, потомъ приглашалъ въ Смоленскую губ. въ с. Алферово. На то и другое приглашеніе я отказался. Служить въ селѣ я не рѣшился бы и на Югѣ, при моемъ всегда слабомъ здоровьи; тѣмъ болѣе немыслимо для меня было ѣхать на Сѣверъ, въ суровый климатъ и въ село. Отсовѣтывали и добрые знакомые. «Заѣдятъ Великороссы! Не знаете ни мѣстныхъ обычаевъ, ни края, ни народа; новыя отношенія, самый говоръ, все это сдѣлаетъ трудно выносимымъ ваше по-

ложеніе.» Я признавалъ полную справедливость такихъ практическихъ совѣтовъ. Въ 1873 году уже звали меня и на Югъ. На праздникъ Рождества Христова, пріѣзжалъ въ Кіевъ князь В. Д. Дабижа, видѣлся со мною и, удивляясь тому, что я все на томъ же мѣстѣ въ 1-ой Гимназіи, безъ дальнѣйшаго движенія, обѣщалъ способствовать моему перемѣщенію на Югъ, въ Одесскій округъ. Вскорѣ я и получилъ отъ него приглашеніе занять должность инспектора Гимназіи въ г. Θеодосіи. Заѣзжать въ такую даль отъ родного Кіева, жить у моря, среди тумановъ зимнихъ, не имѣя надежды воспользоваться близостью моря для купаній (ибо мнѣ строго воспрещено было купанье) страшно показалось, и я отклонилъ это предложеніе, прося В. Д. Дабижу не забыть о мнѣ при открытіи учительской семинаріи гдѣ либо въ округѣ, такъ какъ онъ мнѣ уже сообщалъ и прежде, что имѣется въ виду учрежденіе новыхъ семинарій, и одной между прочимъ въ г. Вознесенскѣ, Херсонск. губ. По его совѣту, въ Сентябрѣ 1873 г., я даже писалъ письмо къ попечителю Одесскаго учебнаго округа Сергѣю Платоновичу Голубцову, пославъ ему списокъ всѣхъ моихъ литературныхъ печатныхъ трудовъ, а также и нѣсколько брошюръ. Вскорѣ я получилъ уже непосредственно отъ попечителя приглашеніе занять должность директора учительской семинаріи въ Херсонской губ., но не въ Вознесенскѣ, какъ прежде было рѣшено, а въ м. Новомъ Бугѣ, по желѣзной дорогѣ Знаменско-Николаевской, верстахъ въ 60 отъ Николаева. Тяжелою порою была пора эта для меня. Желанія души влекли къ этого рода дѣятельности, уже болѣе десяти лѣтъ я лелѣялъ въ душѣ эту надежду посвѣтить себя этому дѣлу; но опять село, степное село, безъ лѣсу, безъ саду даже, безъ всякихъ удобствъ жизни, нужныхъ для человѣка слабаго здоровья. А тутъ и сестра моя прямо поднялась противъ принятія этого предложенія. Трудныя минуты въ жизни переживалъ я. Самъ просился на эту должность и, когда она предложена столь любезно, отказываться! И однако отказался, выяснивъ князю В. Д. Дабижѣ, что я имѣю въ виду городъ Вознесенскъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, прося г. попечителя, а между тѣмъ теперь открываютъ семинарію въ селѣ. В. Д. Дабижа и на этотъ разъ принялъ во вниманіе уважительность отказа и обѣщалъ дальше хлопотать о мнѣ. Въ это время, т. е. зимою 1874 года, уже шли въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія подготовительныя работы по преобразованію управленія народными училищами Имперіи съ привлеченіемъ къ ближайшему участію въ дѣлѣ народнаго образованія дворянства и съ учрежденіемъ должности директора народныхъ училищъ губерніи. В. Д. Дабижа, въ бытность свою снова въ Кіевѣ, въ Февралѣ 1874 г., отъ имени попечителя округа снова предложилъ мнѣ принять должность директора народныхъ учи-

лицъ въ любой изъ губерній: Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской. Тогда я подалъ В. Д. Дабижѣ прошеніе о назначеніи меня директоромъ училищъ Екатеринославской губерніи и этимъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ въ моей служебной дѣятельности. Въ началѣ Іюня Антоновичъ получилъ запросъ попечителя Одесскаго округа относительно моего перемѣщенія; онъ немедленно призвалъ меня къ себѣ и уговаривалъ остаться въ Кіевскомъ округѣ, при чемъ предлагалъ мнѣ занять мѣсто директора въ открывавшемся въ томъ же году учительскомъ институтѣ въ Глуховѣ. Не хотѣлъ онъ отпускать меня; но я счелъ уже крайне невѣжливымъ въ третій разъ отказываться на зовъ попечителя Одесскаго округа, даже рѣшительно невозможнымъ; къ тому же и учительскій институтъ для приготовленія учителей въ городскія училища, и учительская семинарія съ ея народнымъ характеромъ влекли меня къ себѣ; наконецъ, въ Глуховѣ—мои любезные родичи, пренебрегшіе нами и даже обидѣвшіе насъ въ пору нашего дѣтства (о томъ я писалъ выше)... Больно мнѣ было. Я поблагодарилъ Антоновича за его вниманіе и отказался, но усердно просилъ его не забыть о мнѣ, если откроется семинарія въ Кіевскомъ округѣ; ибо по слабому здоровью своему я не разсчитывалъ, что въ силахъ буду исполнять должность директора народныхъ училищъ, соединенную съ разъѣздами по губерніи. Антоновичъ любезно обѣщалъ мнѣ имѣть меня въ виду и охотно принять къ себѣ обратно при первомъ моемъ желаніи возвратиться въ свой округъ. Любезно простились мы; но я не терялъ надежды, что разстаюсь съ ними на время. Мнѣ, во что бы то ни стало, нужно было оставить Первую Гимназію.

Со введеніемъ новаго устава 1871 года положеніе мое въ Гимназіи стало для меня невыносимымъ. По уставу, учитель Русскаго языка въ низшихъ классахъ долженъ соединять въ своемъ лицѣ и учителя Латинскаго языка, къ 4-мъ урокамъ Русскаго языка присоединяя 8-мь Латинскаго языка. И такъ 8 уроковъ я долженъ убивать на зубреніе Латинской грамматики съ маленькими дѣтьми, на склоненія, спряженія, на формы. Положимъ, и здѣсь можно сдѣлать много для умственнаго развитія учащихся, осмыслять для нихъ законъ употребленія этихъ формъ по зависимости словъ, но требованія устава были невыносимо тяжелы и превышали силы малютокъ, 10-лѣтнихъ дѣтей: отъ нихъ требовалось не только знаніе формъ, но и безошибочное ихъ употребленіе въ письменныхъ работахъ. Я внесъ въ свое преподаваніе много труда, настойчивости и терпѣнія, я заохотилъ дѣтей съ любовью заниматься ученіемъ, я самъ съ интересомъ велъ дѣло, и даже письменныя работы, при постоянномъ руководствѣ съ моей стороны, обращенномъ главнымъ

образомъ къ возбужденію вниманія къ дѣлу, очень часто выходили весьма удовлетворительными; въ случаяхъ же ошибокъ, ученикъ могъ, подумавши, исправить ошибку, объяснить правило и пр.; словомъ, я былъ вполнѣ доволенъ успѣхами своего класса, но глубоко и уже изъ собственнаго опыта убѣждался, что бóльшаго требовать невозможно отъ дѣтей 10 лѣтъ. Всего этого было мало бездушному уставу: ученикъ долженъ былъ безошибочно перевести съ Русскаго на Латинскій, и только тогда онъ удостоивался повышенія. Труды года, усердіе въ теченіе года, засвидѣтельствованные учителемъ, не принимались во вниманіе, и коммиссія, состоявшая изъ классиковъ высшихъ классовъ, безжалостно ставила неудовлетворительныя отмѣтки, только принимая въ расчетъ *письменную работу* учениковъ, которые въ теченіе года шли вполнѣ успѣшно. Ученики наиусерднѣйше занимались, и будь они спрошены, дали бы вполнѣ удовлетворительное объясненіе своихъ ошибокъ, только потому вкравшихся въ письменный отвѣтъ, что это *дѣтская* работа. Вдругъ изъ 40 учениковъ только 14—16 переводятся, а 26 остаются въ томъ же классѣ изъ-за письменныхъ отвѣтовъ! Легко ли бѣднымъ дѣтямъ пережить это бездушное рѣшеніе? Гдѣ же у нихъ возмется энергія къ дальнѣйшему труду? Гдѣ же они возмутъ то, чего не даетъ имъ ихъ еще *дѣтская* природа?.. Мало этого. Набрасывается тѣнь и на способность учителя къ своему дѣлу: учитель не умѣетъ учить, не знаетъ самъ своего дѣла; учитель виноватъ; веди дѣло иначе учитель— вышло бы лучше... Невыносимо больно было видѣть себя и своихъ учениковъ въ такомъ ужасномъ положеніи, особенно при сознаніи, что лучше вести дѣло, чѣмъ я его велъ, приложивъ къ ученію формъ мертваго языка всѣ выработанные мною въ теченіе 18 лѣтъ пріемы преподаванія, содѣйствующіе легчайшему изученію формъ языка, лучше вести дѣла нельзя, не убивъ окончательно духа дѣтей строгостію требованій... А у меня дѣти любили занятія Латинскимъ языкомъ, охотно и дружно работали; единицами и нулями не мучилъ я ихъ, а только добивался твердаго знанія формъ, какъ разнообразнѣйшими пріемами преподаванія, такъ и непремѣннымъ исправленіемъ сдѣланныхъ ошибокъ. Дѣти дружно работали въ классѣ, и *ни одна* минута не пропадала въ этой дружной, общей работѣ. И послѣ всего этого—26 учениковъ остаются въ классѣ!.. Мало и этого. Директоръ Андріяновъ, *ни разу* въ теченіе года не пришедшій въ мой классъ, даетъ въ отчетѣ о состояніи Гимназіи неудовлетворительный отзывъ объ успѣхахъ класса, выражаетъ неодобреніе моимъ требованіямъ, не вдумавшись въ ихъ значеніе, и все это изъ словъ и заключеній инспектора Паліенка, который въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ своей жены, имѣвшей причину къ неудовольствію на мою сестру и настроивавшей и мужа къ недружелюбному

отношенію ко мнѣ, сталъ со мною въ натянутыя отношенія и не задумывался сочинить какую-либо выдумку о моемъ преподаваніи, тоже ни разу не входя въ мой классъ. Трудиться, сознавать, что тружусь умѣло и не безъ пользы, что вношу въ трудъ и разумѣніе, и опытность,—и вдругъ получать оскорбленіе и являться въ средѣ неумѣлыхъ учителей, которыхъ только терпѣть можно, но, главное, терять время на занятія, къ которымъ мало лежало сердце, каковы занятія Латинскою грамматикой, стало тяжело, невыносимо для меня, и вотъ въ этомъ-то кроется главнѣйшая побудительная причина моихъ исканій пути къ выходу изъ этого мучительнаго положенія. Мнѣ было страшно больно подумать о разлукѣ съ моимъ роднымъ, милымъ Кіевомъ, гдѣ прошла вся моя жизнь отъ колыбели, гдѣ Богъ далъ мнѣ счастіе получить доброе воспитаніе и затѣмъ, въ теченіе 19 лѣтъ, трудиться надъ воспитаніемъ другихъ, испытывая высочайшее счастіе въ этомъ просвѣтительномъ трудѣ, который, среди немалыхъ огорченій, выпавшихъ на мою долю, давалъ нерѣдко переживать прекраснѣйшія минуты жизни, незабвенныя, счастливѣйшія... Тяжело было думать и о сестрѣ, которой Богъ судилъ со мною дѣлить и радости, и горе всякое: въ Кіевѣ она, какъ въ своемъ гнѣздѣ, по ея выраженію, и въ церковь пойдетъ, и пройтись выдетъ, и къ роднымъ, и въ обществѣ добрыхъ знакомыхъ время проведетъ, и мирно, и счастливо; въ чужомъ же мѣстѣ ничего этого не найдетъ, и при той трудовой жизни будетъ обречена на тоскливое одиночество... Но и я чувствовалъ, и сестра видѣла, что оставаться мнѣ въ Кіевѣ долѣе нельзя, не рискуя обречь себя на самоуничиженіе, на своего рода прозябаніе и на безконечный рядъ огорченій... Преобладаніе классицизма, сухаго, бездушнаго, жестокаго, полагало предѣлъ моимъ стремленіямъ къ живой дѣятельности въ области воспитанія, чрезъ посредство роднаго слова, ограничивало средства къ воспитательному воздѣйствію, ибо значительная часть уроковъ шла на Латинскую грамматику. Словомъ, я долженъ былъ навсегда отказаться отъ счастія жить духомъ въ своемъ учительскомъ трудѣ и обращался въ простаго учителя, изучающаго Латинскія вокабулы, до формы, «не мудрствующаго лукаво», добиваясь лишь того, чтобы комиссія классиковъ, собиравшаяся экзаменовать учениковъ, нашла ихъ способными, сверхъ своихъ дѣтскихъ лѣтъ, къ безошибочному употребленію Латинскихъ формъ въ письменномъ отвѣтѣ. И въ этомъ поставлять всю цѣль своего труда! Но добиться-то этого, я это уже испыталъ, было невозможно; а разсчитывать на снисхожденіе къ дѣтскимъ слабостямъ членовъ комиссіи классиковъ уже потому я не могъ, что снисхожденію этому мѣшали опять личныя отношенія. Я становился въ положеніе подсудимаго, а они являлись судьями, вѣсы правосудія въ рукахъ которыхъ очень наклоняло

въ одну сторону пристрастное отношеніе ко мнѣ, какъ къ человѣку, который былъ для нихъ «спица въ глазу» по пословицѣ, и по многимъ причинамъ: я не знался съ ними, не бывалъ въ ихъ обществѣ, не встрѣчался съ ними ни въ клубѣ, нигдѣ; жилъ особнякомъ, самъ съ собою, въ своемъ духовномъ мірѣ, въ своемъ трудѣ. Выносить на себѣ этотъ судъ неправедный, который создалъ новый уставъ гимназій, породивъ въ составѣ служащихъ духъ партій, это тоже было немалою побудительною причиной постараться «уйти отъ зла и сотворить благо»... И я ушелъ, Богъ помогъ мнѣ уйти. Богъ все и велъ къ тому, чтобы мнѣ уйти, и чтобы и уйти было легче, не такъ мучительно, допустилъ и тяжелыя для меня нравственныя муки въ явно пристрастномъ отношеніи ко мнѣ людей, съ которыми я служилъ. Слава и благодареніе Богу за все: и за радости, и за горе жизни, которое потомъ, смотришь, приготовило благо жизни, такъ что, не будь этого горя, не было бы несомнѣнно и блага, имъ подготовленнаго. Да, истинно, не будь этихъ нравственныхъ мукъ, не видѣлъ бы я и великаго блага въ жизни, не бросилъ бы я Гимназіи, не сталъ бы въ среду народа, не послужилъ бы его просвѣщенію, какъ Богъ благословилъ мнѣ послужить. За все слава и благодареніе Богу!...

Съ началомъ учебнаго 1874—1875 года я уже, въ ожиданіи назначенія, хотя и считался еще учителемъ, не ходилъ на пріемныя испытанія, потому что все это время былъ боленъ; наконецъ 15-го Августа я совсѣмъ слегъ въ постель, и въ постели застала меня бумага попечителя Одесскаго округа о моемъ назначеніи въ Екатеринославъ съ предложеніемъ немедленно отправиться къ мѣсту новой должности. Это было 18-го Августа. Сборы при моемъ нездоровьѣ затянулись, и я только 3-го Сентября съ сестрою и своею слугою Александрою выѣхалъ въ Екатеринославъ, куда и прибылъ 5-го Сентября. Переѣздъ по желѣзной дорогѣ чрезъ Курскъ и Харьковъ, затѣмъ немедленныя усиленныя хлопоты и разъѣзды по городу для визитовъ и пріисканія квартиры, все это привело къ печальному концу: 8-го Сентября у меня открылось сильнѣйшее кровотеченіе горломъ и носомъ. Господь посѣтилъ меня великимъ несчастіемъ, но при мнѣ была моя дорогая любящая сестра, мнѣ подана была немедленная медицинская помощь (докторъ Голубскій, благодѣтель мой); нашлась здѣсь и знакомая по Кіеву, дочь нашего законоучителя 1-й Гимназіи Вас. Калишскаго, бывшая замужемъ за протоіереемъ каѳедральнаго собора о. Петромъ Катрановымъ. Они приняли въ насъ родственное участіе. Близко сталъ ко мнѣ и мой письмоводитель по канцеляріи директора нар. учил. Алексѣй Христофоровичъ Зоммеръ, пожилой уже человѣкъ, но по несча-

стнымъ обстоятельствамъ лишившійся должности въ акцизномъ управленіи и приведенный къ необходимости письмоводствомъ зарабатывать средства къ жизни съ своимъ семействомъ, за довольно скудное вознагражденіе. Всѣ эти люди окружили насъ своею заботливостью. Попечитель округа, требовавшій меня телеграммою въ Одессу явиться къ нему, узнавъ изъ моего отзыва на эту телеграмму о моей серьезной болѣзни, по моей просьбѣ дозволилъ мнѣ въ теченіе всей зимы не дѣлать никакихъ разъѣздовъ по должности директора народн. училищъ. Нашли квартиру въ верхней части города, почти за городомъ, и я принялся за кабинетную работу: прежде всего написалъ циркулярное предложеніе подвѣдомымъ мнѣ инспекторамъ народныхъ училищъ, съ изложеніемъ своего взгляда на постановку народной школы въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ въ духѣ православія и народности, и этотъ циркуляръ, прежде сообщенія инспекторамъ я представилъ на утвержденіе попечителя округа. Долго не имѣлъ я никакого отвѣта, наконецъ вмѣсто отвѣта получилъ 400 экз. брошюръ моего циркуляра, который былъ одобренъ попечителемъ округа и по его распоряженію напечатанъ въ циркулярѣ по управленію округомъ. Этотъ циркуляръ г. попечитель сообщилъ и всѣмъ преосвященнымъ своего округа, какъ выраженіе взглядовъ окружнаго управленія на дѣло народнаго образованія. Кончивъ циркуляръ, я энергично принялся за канцелярскія дѣла по управленію городскими уѣздными училищами, предложивъ доставить копіи съ каталоговъ въ училищныхъ библіотекахъ. Словомъ, закипѣла усиленная канцелярская дѣятельность: заказы учебниковъ для училищъ, запасы нужныхъ вещей для обзаведенія канцеляріи, мебелей для нея, разсылка переданныхъ мнѣ бывшимъ инспекторомъ цѣлыхъ кучъ разныхъ книгъ, и много, много другихъ дѣлъ, о которыхъ теперь и не припомню, заняли все мое время. Тутъ съ концомъ года подоспѣлъ отчетъ о состояніи народнаго образованія въ губерніи, который пришлось составлять изъ отчетовъ всѣхъ училищныхъ совѣтовъ, инспекторовъ и частныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ. По желанію попечителя, я тогда же написалъ конфиденціальное донесеніе о степени сочувствія и участія въ дѣлѣ народнаго образованія призваннаго къ тому волею Государя Императора дворянства и за тѣмъ, по составленіи, ради конфиденціальности, самъ я долженъ былъ переписать его. Неутѣшительныя свѣдѣнія пришлось писать въ этомъ донесеніи. Губернскій предводитель дворянства, отставной генералъ *Струковъ*, при моемъ визитѣ ему по должности директора училищъ, нисколько не стѣсняясь, сразу отрѣзалъ: «Знайте, и я самъ, и дѣтямъ моимъ завѣщаю, ни единой копѣйки не давать на народное образованіе». Уѣздный предводитель Павлоградскій не отставалъ отъ своего старѣй-

шаго въ непріязни къ народнымъ школамъ и всячески старался ограничивать ихъ развитіе. Новомосковское уѣздное собраніе ассигновало на народное образованіе только 60 р. въ годъ, и то въ пособіе для канцеляріи уѣзднаго училищнаго совѣта. Больше энергіи высказывало Моргуновское земство, Верхнеднѣпровское. Повсюду почти отношеніе къ законоученію было крайне безотрадное: нисколько не заботились привлечь священниковъ къ школамъ, напротивъ, всячески отталкивали, назначая, напр., законоучителю не болѣе 30 р. въ годъ за уроки закона Божія. Цѣлую огромную тетрадь моего мелкаго почерка составило мое донесеніе, которое коснулось и вообще дѣлъ народнаго образованія, напр., способа снабженія школъ учебниками и пр. Что̀ сталось съ моимъ донесеніемъ, не знаю; отчетъ же мой по губерніи былъ напечатанъ въ циркулярѣ. За это короткое время я уже удостоился получить три формальныя благодарности попечителя округа. Много разныхъ мнѣній было представлено мною г. попечителю. Отношеніе къ двумъ инспекторамъ, моимъ помощникамъ, Яблочкову, котораго и засталъ, и Лободовскому, одновременно почти со мною назначенному изъ Кіева же было самое тяжелое, что̀ осталось въ моихъ воспоминаніяхъ изъ моей Екатеринославской службы. «Оба, одинъ другого лучше, оба лучше». Яблочковъ, помѣщикъ одной изъ внутреннихъ губерній, промотавшійся и поступившій на службу по министерству совершенно случайно, безъ всякаго пониманія и обязанности службы, и отвѣтственности по службѣ: крайняя степень неисправности въ служебныхъ отношеніяхъ, запутанность дѣлъ, задержаніе отчетовъ въ расходованіи казенныхъ суммъ, всему этому я имѣлъ несчастіе быть свидѣтелемъ, и наконецъ по многократномъ напоминаніи ему о представленіи денежныхъ отчетовъ въ Контрольную Палату вынужденъ былъ о немъ донесть попечителю, который и предалъ его суду, прежде и отъ себя испытавъ всѣ мѣры къ его спасенію. Онъ жилъ въ Таганрогѣ. Попечитель поручилъ директору тамошней Гимназіи лично настоять на доставленіи отчетовъ, лично убѣдить его быть исправнымъ; ничто не помогло, и онъ былъ преданъ суду. Чѣмъ кончилось его дѣло, не знаю. Слышалъ, что онъ покушался на самоубійство, что вызывали къ нему его брошенную имъ жену, что онъ очутился въ самомъ ужасномъ бѣдственномъ положеніи, безъ средствъ къ жизни. Что̀ далѣе было, не знаю. Дѣло о Яблочковѣ тянулось почти до Марта, когда былъ представленъ мною, его на его мѣсто штатный смотритель Бахмутскаго уѣзднаго училища Григорій Михайловичъ Нечипоренко, въ дѣловитости котораго и усердномъ исполненіи служебныхъ обязанностей я имѣлъ возможность убѣдиться по его исправности въ сношеніяхъ съ дирекціею.

Другой мой инспекторъ, мой землякъ, Лободовскій, изъ окончившихъ курсъ нашего Университета, сынъ священника г. Кіева, оказался никуда негоднымъ человѣкомъ и скоро себя обнаружилъ негоднымъ и къ службѣ какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и въ дѣловомъ, *служебномъ*. Когда вошло въ дѣйствіе мое циркулярное предложеніе, о которомъ выше сказано, онъ сталъ примѣнять его по своему. Тамъ, между прочимъ, требовалось, чтобы день открытія училища праздновался въ немъ совершеніемъ молебна. Онъ же, безъ моего вѣдома, своею властью сталъ требовать, чтобы устраивались иконы того святаго, въ чей день открыто училище, по сбору пожертвованій въ обществѣ и деньги представлялись ему на устроеніе св. иконъ. Чѣмъ это разрѣшалось на мѣстѣ, я не могъ удостовѣриться, находясь по училищамъ. Наступила самая горячая пора разъѣздовъ, Ноябрь, Декабрь; онъ вдругъ присылаетъ рапортъ о болѣзни, болѣетъ болѣе мѣсяца, и я узнаю, чрезъ моего письмоводителя, что болѣзнь-то его вызвана пристрастіемъ къ вину, и другія нехорошія вѣсти о его домашней жизни приходятъ ко мнѣ. Я посылаю письмоводителя навѣстить его. Онъ обижается: «шпіоновъ подсылаетъ слѣдить за мною». Спустя нѣкоторое время, самъ ѣду къ нему, нарочно вхожу прямо безъ докладу въ его комнату: боленъ отъ чирьевъ на тѣлѣ вздутыхъ, лицо распухлое. А тутъ отчетъ писать, и у него нѣтъ никакихъ данныхъ. Однако на отчетѣ я налегъ и заставилъ написать его. Но что̀ это былъ за отчетъ? Какая безграмотность! Что̀ за рѣчь! Какое множество ошибокъ въ правописаніи! Дважды заставлялъ я переписывать отчетъ, выправивъ письмо, и все-таки въ третій разъ послалъ его къ попечителю въ довольно неисправленномъ видѣ. Я видѣлъ, что никакого толку не выйдетъ изъ этого человѣка и донесъ объ этомъ попечителю. Такъ съ новаго года я почти съ нимъ уже и не видѣлся; по крайней мѣрѣ, самъ онъ ко мнѣ не приходилъ, а только по моему зову, въ рѣчахъ дозволялъ рѣзкій тонъ, крайнюю непочтительность. Только моя серіозность сдерживала нѣсколько этого грубаго человѣка. Однако я уже не особенно и оскорблялся, ибо замыслилъ проситься о перемѣщеніи снова въ свой округъ.

Высочайше утверждено 10-го Декабря 1874 года мнѣніе Государственнаго Совѣта объ учрежденіи учительской семинаріи въ г. Острогѣ. Встрепенулись мои мечты, мои стремленія къ завѣтной, желанной дѣятельности. Но я не вдругъ однако поддался своимъ мечтамъ. По обычаю, продолжая писать въ день Новаго года къ князю Ш.-Шихматову, который въ это время былъ уже товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, я и теперь послалъ свое привѣтствен-

ное письмо, въ которомъ, между прочимъ, описывалъ свое настоящее положеніе, когда въ своей новой должности, при разстроенномъ здоровьи, я очутился точно на вулканѣ: масса дѣлъ по губерніи, въ которыхъ приходилось копаться и день цѣлый, и вечеръ до глубокой ночи, непріятности съ инспекторами, затрудненія въ наблюденіи за училищами вслѣдствіе моего разстроеннаго здоровья, столкновенія съ земцами, этими наѣздниками въ область учебнаго дѣла, враждебно расположенными ко всему, носящему казенный характеръ и должностной мундиръ, этими самозванными хозяевами земли Русской, своенравно хозяйничавшими и по училищамъ, отставлявшими неугодныхъ имъ учителей, посылаемыхъ инспекторами, безъ куска хлѣба, простирающими свои притязанія на весь строй учебнаго дѣла; наконецъ, столкновенія съ губернскимъ предводителемъ дворянства (на мѣсто Струкова былъ избранъ богатый помѣщикъ Алексѣевъ), какъ предсѣдателемъ губернскаго училищнаго совѣта, который въ директорѣ народныхъ училищъ видѣлъ не болѣе, какъ дѣлопроизводителя совѣта. Самое двусмысленное, крайне неопредѣленное по сферѣ вліянія было положеніе дирекціи и инспекціи народныхъ училищъ среди этихъ «дѣльцевъ», ничего не дѣлающихъ, но заявляющихъ притязанія на правящую силу, вообще страшная безтолочь всего этого управленія народными училищами, созданнаго положеніемъ о нихъ 25 Мая 1874 года, эти училищные совѣты съ ихъ предсѣдателями, уѣздными предводителями дворянствъ, и безъ того страшно заваленными разными видами управленій и завѣдываній, съ ихъ разнокалибернымъ составомъ, съ этимъ правомъ пренебрегать представленіями директора и инспектора, касающимися дѣлъ народнаго образованія въ губерніи; вся эта неприглядная почва земщины, этого по истинѣ «государства въ государствѣ», почва интригъ и партій, пристрастій и антипатій, истекающихъ изъ личныхъ расчетовъ: все это стояло въ страшной дисгармоніи со всѣмъ складомъ моихъ убѣжденій, моего гражданскаго сознанія, моихъ понятій о дѣйствіяхъ правительственной власти и ея органовъ, которыя могутъ въ такомъ дѣлѣ, какъ народное образованіе, истекать только изъ единаго правящаго начала, а не отъ этого стаднаго начала, которое водворено положеніемъ 25 Мая 1874 г. по Русской землѣ, къ великому несчастію народа. Я не могъ служить здѣсь съ пользою дѣлу народнаго образованія и запереться только въ тѣсный кругъ канцелярщины, которая ужъ начинала страшно томить меня за отсутствіемъ живаго педагогическаго дѣла: все бумаги, отношенія, представленія, повторенія, и, что̀ всего тяжелѣе, положеніе ни болѣе, ни менѣе какъ пересыльнаго пункта между управленіемъ округа и училищами съ одной стороны, училищными совѣтами съ ихъ «дѣльцами» съ другой. А тутъ

доносы, назначай слѣдствіе, даже самъ поѣзжай, а ѣхать не могу. И еще съ конца 1874 года уже я задумалъ подать въ отставку, разсчитывая получить только $^{2}/_{3}$ оклада, сталъ вчитываться въ уставъ о пенсіяхъ, списывался съ моимъ добрѣйшимъ Т. И. Пристюкомъ, уже въ это время вышедшимъ въ отставку и жившимъ въ Кіевѣ. Онъ строго осудилъ мое малодушіе, уныніе и прямо воспротивился всякой мысли объ отставкѣ, не подавалъ даже надежды на успѣхъ дѣла о подведеніи меня подъ разрядъ разстроенныхъ здоровьемъ, пользующихся сокращеніемъ сроковъ на пенсію; совѣтовалъ, напротивъ, служить и служить, а если тяжела для меня служба и отвѣтственность директора народныхъ училищъ, просить попечителя округа о перемѣщеніи меня на должность директора учительской семинаріи, такъ какъ и ему извѣстно было стремленіе мое къ этого рода дѣятельности. И князь въ отвѣтъ на мое письмо тоже совѣтывалъ, если возможно, подумать о перемѣщеніи на болѣе спокойную должность. Это письмо, исполненное теплаго участія, получено мною уже 3-го Марта 1875 г., день знаменательный въ моей жизни! Письмо это рѣшило мои колебанія. 5-го Марта я пригласилъ одного изъ опытныхъ врачей Екатеринослава Вышеславскаго, просилъ его подробно осмотрѣть меня и опредѣлить, могу ли я продолжать службу въ Екатеринославѣ безъ вреда для здоровья. (Всю зиму я просидѣлъ въ комнатѣ, только въ день имянинъ былъ въ церкви у обѣдни и въ день Рождества Христова, никуда не выходилъ и не выѣзжалъ, все грудь болѣла, холоднаго воздуха не могъ выносить). Вышеславскій объявилъ: климатъ степной, сухіе вѣтры здѣшніе не благопріятны моему здоровью, и если я имѣю возможность переселиться въ лѣсную мѣстность, онъ рѣшительно совѣтуетъ и признаетъ для меня такое перемѣщеніе необходимымъ. Такой приговоръ врача я принялъ за указаніе свыше и на другой день послалъ прошеніе къ Антоновичу вмѣстѣ съ частнымъ письмомъ объ опредѣленіи меня директоромъ Острожской учительской семинаріи, писалъ и князю съ просьбою о содѣйствіи къ сему перемѣщенію. Опять учительская семинарія стала на пути моемъ цѣлью сердечныхъ стремленій. Мнѣ только крайне прискорбно было, что сестра моя добрая, какъ прежде, такъ и теперь была рѣшительно противъ моего перемѣщенія въ семинарію. Но тутъ она видѣла положительную необходимость этого шага; она видѣла, какъ я томлюсь подъ бременемъ канцелярщины и страшной отвѣтственности по губерніи; видѣла, что и здоровье мое не позволяетъ мнѣ занимать эту разъѣздную должность, особенно въ степной губерніи, и мирилась съ этою необходимостью. Наступила весна, здѣсь всегда ранняя, поднялись вѣтры сухіе, пыльные, стремительные; въ комнатѣ сидѣть нельзя, отъ пыли нѣтъ спасенія, поневолѣ приходилось закрывать и въ жару окна; на дворѣ же

нѣтъ уголка укрыться отъ вѣтру съ моею еще весьма слабою грудью: вѣтеръ и тутъ же зной. Въ огородѣ при квартирѣ стоятъ деревья, нѣтъ ни тѣни, ни защиты. Сяду, бывало, спиною къ вѣтру, такъ и сижу по часамъ, ибо прохаживаться нельзя противъ вѣтра, или спрячусь въ сѣняхъ и только что не въ комнатѣ сижу тоже по цѣлымъ часамъ. Квартира попалась отвратительная: всю зиму невыносимый холодъ, только въ 2-хъ комнатахъ изъ 5 и было сносно жить; а настала весна, другой еще худшій недостатокъ: изъ подъ полу потянулъ такой убійственный удушливый воздухъ, что дышать становилось невозможно къ утру за ночь, и мы въ концѣ 5-го часа иногда отворяли окна, задыхаясь отъ этой гнили. Въ такомъ томленіи мы ждали рѣшенія начатаго мною дѣла, которымъ, какъ нарочно для испытанія нашего терпѣнія, медлили въ Кіевѣ. Между тѣмъ было видно, что жить дольше въ этой квартирѣ нельзя было, если бы и пришлось остаться въ Екатеринославѣ; а хозяинъ, узнавъ, что я получилъ отпускъ въ Кіевъ, о которомъ я просилъ еще въ Январѣ, прежде чѣмъ рѣшилъ о перемѣщеніи, настаивалъ или заключить контрактъ на слѣдующій годъ, или выйти изъ квартиры. Тяжелы были эти, можно сказать, безконечные дни испытанія въ ожиданіи, что̀ будетъ изъ Кіева. Наступилъ и Май, а нѣтъ вѣсти изъ Кіева; вотъ и 11-ое Мая, день свв. Кирилла и Меѳодія, воскресный день, я былъ въ семинарской церкви у обѣдни, горячо молился, въ этотъ знаменательный день, такъ торжественно празднуемый въ Острогѣ, куда теперь стремились мои думы. Прихожу изъ церкви и вскорѣ получаю письмо изъ Кіева, отъ правителя канцеляріи попечителя Николая Павловича Забугина, которымъ онъ извѣщаетъ меня, что онъ медлилъ извѣщеніемъ меня по настоянію попечителя, который хотя сразу рѣшилъ предоставить это мѣсто мнѣ, но не приказалъ писать до разъясненія вопроса: можетъ ли быть открыта семинарія съ началомъ учебнаго года, и только теперь, когда дѣло это разъяснилось, и оказывается возможнымъ открытіе семинаріи въ этомъ же году, попечитель поручилъ ему извѣстить меня о предстоящемъ мнѣ назначеніи, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Я не зналъ, какъ благодарить Бога за Его великую милость, радъ былъ несказанно. Не такъ приняла эту вѣсть моя сестра: она стала томиться, тосковать и цѣлыхъ два дня просидѣла въ своей комнатѣ въ слезахъ, не хотѣла ни говорить со мною, ни видѣться... Для меня это душевное состояніе милой сестры было непостижимо. Она вмѣстѣ со мною все время съ началомъ весны страшно тяготилась, сама надоѣдала мнѣ, съ нетерпѣніемъ ожидала вѣстей изъ Кіева, сама задыхалась отъ гнили въ квартирѣ и отъ сухихъ вѣтровъ на воздухѣ, и вдругъ такое уныніе, такое отчаяніе, такой упадокъ духа! Я глубоко былъ этимъ огорченъ, но уважалъ ея скорбь и не пытался

ее утѣшить. Три дня она была сама не въ себѣ, убитая, огорченная, заплаканная, безмолвная. Увы! то было непостижимое предчувствіе того, что̀ ожидало ее въ Острогѣ, гдѣ она послѣ тяжкой болѣзни скончалась 11-го Апрѣля 1878 года. Прошли эти дни тоски, и сестра, какъ и я, только и думала объ одномъ, какъ бы скорѣе убраться изъ Екатеринослава: каждый день съ приближеніемъ лѣта приносилъ новое томленіе, новыя муки; ни единаго дождя, вѣтры страшно сухіе, стремительно несущіе облака пыли, удушье въ воздухѣ, гниль въ квартирѣ. Наконецъ, я получилъ и офиціальную бумагу отъ помощника попечителя г. Новикова, заступившаго мѣсто Тулова еще въ бытность мою въ 1-ой Гимназіи, о томъ, что послѣдовало сношеніе съ попечителемъ Одесскаго округа относительно сообщенія о неимѣніи препятствій къ моему перемѣщенію. Извѣстіе о моемъ переходѣ обратно въ Кіевскій округъ очень огорчило Голубцова; онъ за это короткое время такъ много оказалъ мнѣ знаковъ особеннаго вниманія, отзывался о мнѣ съ особенною похвалою предъ Екатеринославскимъ епископомъ Ѳеодосіемъ и Херсонскимъ Леонтіемъ (объ этомъ писалъ мнѣ В. Д. Дабижа), считалъ меня лучшимъ изъ директоровъ округа, и вдругъ я покидаю округъ, не сказавъ даже ни слова, не попросивъ у него о перемѣнѣ должности... Если Голубцовъ огорчился, то В. Д. Дабижа уже прямо разозлился на меня за такой неприличный поступокъ: онъ меня присовѣтовалъ, и вдругъ я, не успѣвъ и 10 мѣсяцевъ послужить въ округѣ, бѣгу назадъ, бросая тѣнь на округъ, которому я предпочитаю свой Кіевскій. Объ этой злости сообщилъ мнѣ Т. И. Пристюкъ, отъ котораго Дабижа, въ бытность свою въ то время въ Кіевѣ, и узналъ впервыя о моемъ перемѣщеніи. «Никогда я не видѣлъ В. Д., всегда сдержаннаго, спокойнаго и владѣющаго собою, въ такомъ озлобленіи, какъ когда онъ узналъ отъ меня о вашемъ перемѣщеніи», писалъ ко мнѣ Т. И—чъ, и тоже не одобрялъ меня и признавалъ мой поступокъ неприличнымъ. Но въ степяхъ я задыхался, въ земщинѣ я не могъ служить; я находилъ полнѣйшее оправданіе своему поступку въ совѣсти и только былъ огорченъ главнымъ образомъ скорбію сестры; да жаль было, что гнѣвается на меня Голубцовъ, которому я такъ много, много былъ обязанъ, и прежде всего за ту милость, какую онъ оказалъ мнѣ, освободивъ меня на всю зиму отъ разъѣздовъ по губерніи, а еще прежде за то, что, наконецъ, взялъ меня за руку, выдвинулъ впередъ и поставилъ на ту дорогу, которая вела къ народу и привела къ семинаріи, хотя въ сопровожденіи сестры, далеко не раздѣлявшей ни моихъ увлеченій, ни моихъ стремленій и ожиданій и боявшейся за меня, что, вступая въ среду грубыхъ мужиковъ, я не найду въ себѣ силы и здоровья на трудъ, ка-

каго потребуютъ эти грубыя натуры для ихъ перевоспитанія... Но во мнѣ этого именно страха и не было. Я видѣлъ предъ собою, конечно, не путь усыпанный розами, а тернистый путь самоотверженнаго труда, но все же трудъ живой, дѣятельной любви, трудъ проникнутаго ею наставничества, а не эту мертвящую канцелярщину, не этотъ пересыльный пунктъ, гдѣ душа застываетъ въ бумажной холодной атмосферѣ, гдѣ угрюмо молчишь за бумагами, которыя изготовлялись за №№, точно блины пеклись... одна за другою. Въ это самое время Голубцовъ разъѣзжалъ по округу, и отсутствіе его задерживало отзывъ на отношеніе Кіевскаго округа. Получивъ оффиціальное увѣдомленіе, я писалъ къ нему письмо, просилъ извинить меня за мой поступокъ, объяснилъ причины, побудившія меня къ тому, и молилъ объ ускореніи отзывомъ. Прошло еще больше мѣсяца. Теряя терпѣніе, изнывая буквально въ этой душной атмосферѣ сухого вѣтра и гнили, безпокоимый хозяиномъ на счетъ квартиры, которую онъ, узнавъ, наконецъ, о моемъ предстоящемъ перемѣщеніи, настойчиво торопилъ очистить къ предстоящей Петропавловской большой скотопригонной ярмаркѣ, я не зналъ что̀ дѣлать, чтобы ускорить свой выѣздъ, и просилъ князя Ш.-Шихматова придти мнѣ на помощь. Дѣйствительно, онъ помогъ. Въ виду замедленія представленій Кіевскаго попечителя, вслѣдствіе замедленій отзыва отъ Голубцова, который возвратился въ Одессу только въ половинѣ Іюня, кн. Ш.-Шихматовъ, чтобы предоставить мнѣ возможность уѣхать скорѣе изъ Екатеринослава (гдѣ съ наступленіемъ ярмарки уже положительно нельзя было оставаться: наша квартира была какъ разъ у площади ярмарочной, стали собираться гурты скота, крикъ, шумъ, ржанье коней, несносный запахъ навоза, и тутъ же страшная пыль и удушье сухого вѣтра), распорядился прикомандировать меня временно въ распоряженіе Кіевскаго попечителя, о чемъ и послалъ прямо изъ Министерства предложеніе Голубцову. Вскорѣ получилъ я бумагу о моемъ прикомандированіи, съ предложеніемъ сдать должность инспектору Лободовскому; но я уже распорядился о пріѣздѣ изъ Бахмута инспектора *Нечипоренка,* которому и приготовилъ все къ сдачѣ, а какъ онъ все-таки не пріѣзжалъ и настало уже время моего отъѣзда, а его еще не было, то дѣла и имущество я сдалъ штатному смотрителю Екатеринославскаго уѣзднаго училища *Александровскому* для передачи Нечипоренку.

1812 годъ.

1. Разсказъ священника Успенскаго собора I. С. Божанова.

Съ позволенія П. И. Щукина, извлекаемъ изъ 4-й части изданныхъ имъ „Бумагъ относящихся до отечественной войны 1812 года“ нижеслѣдующія страницы, имѣющія всю цѣну историческаго показанія. Разсказъ записанъ въ 1813 году и позднѣе посвященъ тогдашнему министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицыну. Онъ начинается стихами:

Осьмь сотъ и тысяча тринадцатаго году,
Тетрадь сію писалъ друзьямъ моимъ въ угоду и пр.

Далѣе слѣдуютъ разсужденія о Наполеонѣ, въ которыхъ видна богословская начитанность разскащика, выкладки апокалипсическихъ цифръ въ примѣненіи къ судьбѣ Наполеона, выписка изъ Россіады Хераскова, и въ подтвержденіе благочестивыхъ убѣжденій начинается „Описаніе моей жизни“. Вѣроятно, князь А. Н. Голицынъ передалъ эту тетрадь Московскаго священника Ю. Н. Бартеневу, и вмѣстѣ съ бумагами сего послѣдняго она перешла въ Музей П. И. Щукина, котораго любители историческаго чтенія поблагодарятъ за ея изданіе. П. Б.

1812-го года Сентября 2-го дня, въ 4 часа пополудни, я былъ захваченъ въ Кремлѣ, во время благовѣста къ вечернѣ, ибо я былъ чередной при Большомъ Успенскомъ соборѣ. Благовѣстъ продолжался долѣе обыкновеннаго времени; но какъ изъ братіи никого не являлось, то съ находящимися при мнѣ діакономъ Иваномъ Андреевымъ и нѣкоторыми изъ нижнихъ чиновъ служителями въ соборъ взойти и начать службу не посмѣли; а посему и приказано было мною унять благовѣстъ. Но едва сіе учинить успѣли, какъ услышали выстрѣлъ изъ пушки. Таковая нечаянность побудила насъ выйти изъ комнаты и узнать сему причину. Но, о ужасъ!.. зримъ со всѣхъ сторонъ вступающихъ Галловъ, въ страшныхъ волосатыхъ своихъ каскахъ и въ странныхъ мундирахъ, изъ коихъ нѣсколько человѣкъ бросились, какъ гладные львы, на насъ. Сотоварищи мои разсѣялись и скрылись; а я

не успѣлъ на себя возложить верхнія одежды, какъ враги вбѣжали въ покой и, вопервыхъ, всего меня обнажили; потомъ требовали хлѣба, вина, денегъ. Но какъ я знаками отвѣчалъ имъ, что ничего изъ требуемаго ими не имѣю, то они настоятельно истязывали, бія меня плашмя палашами и дали нѣсколько не такъ тяжелыхъ ранъ; потомъ чрезъ знаки же допрашивали, гдѣ ключи отъ собора; на отвѣтъ мой, что они увезены, одинъ изъ нихъ ранилъ меня по головѣ и половину отрубилъ другимъ ударомъ уха. Неминуемою бы жертвою ихъ свирѣпости былъ я, ежели бы не взошелъ, къ счастію моему, ихъ офицеръ. Онъ, видя, что я духовный, спрашивалъ меня по-латыни о причинѣ, за что я такъ терзаемъ. Услышавъ знаемый мнѣ языкъ, весьма я былъ обрадованъ, что имѣю такого человѣка, съ которымъ могу объясниться. Открылъ ему причину и притомъ сказалъ: потому требуемаго ими не имѣю, что не живу здѣсь, что это есть такое мѣсто, куда священно-церковнослужители собираются для принесенія Господу жертвъ и молитвъ, по чиноположенію нашего вѣроисповѣданія, въ соборѣ, по окончаніи коихъ каждый изъ насъ возвращается въ свой домъ. Онъ вопросилъ меня еще: имѣю ли я домъ, есть ли въ немъ все требуемое солдатами и далеко ли живу? Узнавъ изъ моего отвѣта, что все имѣю и жительствую близко, то, переговоривъ со своими по-французски, коего языка я не разумѣю, повели меня обнаженнаго и окровавленнаго, окруживъ, яко уголовнаго преступника, въ мой домъ. И какъ вели меня по Никитской улицѣ, въ которой я жилъ двадцать лѣтъ, а посему всѣми жителями коротко былъ знаемъ: то они, видя меня въ такомъ состояніи, разгласили, что меня непріятели умертвили.

По пришествіи въ домъ, вспомнилъ я слова премудраго Сираха: «аще врагъ твой алчетъ—ухлѣби его; аще жаждетъ—напой его». Первое мое попеченіе было, чтобъ угостить ихъ. Почему оставшейся со мною старушкѣ приказалъ подать все то, что̀ токмо имѣлось лучшаго, думая гостепріимствомъ приласкать ихъ и укротить свирѣпство. Въ семъ я на нѣсколько времени и не обманулся. И они, донелѣ же вкушали предложенныя брашна и питія, казалось, были снисходительны и благосклонны, и на лицахъ ихъ нималой свирѣпости не примѣтно было; тѣмъ только скуку наводили, что принуждали, дабы я самъ прежде ѣлъ и пилъ. Но какъ скоро утолили гладъ и жажду, то приказали отворять сундуки и комоды. Я съ прискорбіемъ зрѣлъ, что они все лучшее выбирали; но безъ всякаго противорѣчія принужденъ былъ отдать все то, что̀ имъ угодно было и нужно. Такимъ образомъ собранное нѣсколькими лѣтами въ единъ часъ погибло. Забравъ все, какъ мое, такъ и женино и заготовленное въ замужство дочери платье

и бѣлье, и завязавъ въ простыни, требуютъ денегъ. Безъ всякаго прекословія отдалъ имъ всѣ, сколько имѣлъ я (а было очень немного оставлено для непредвидѣнныхъ случаевъ; прочія же деньги, сколько случилось въ сіе время, отпустилъ съ женою, которую съ семерыми дѣтями того же утра на одной телѣжкѣ выпроводилъ за заставу, а потому изъ имѣнія ничего вывезти было невозможно).

Начальникъ грабежа или офицеръ ихъ, судя по порядочному имуществу и видя толь малое количество денегъ, думая, что я скрылъ, грубымъ и строгимъ голосомъ сказалъ мнѣ: неужели ты только имѣешь? Я клялся ему всѣмъ тѣмъ, что̀ токмо онъ за священное почитаетъ, что больше не имѣю; но онъ мнѣ въ отвѣтъ: у меня священнаго ничего нѣтъ, а ты долженъ отдать всѣ деньги непремѣнно. Иначе угрожалъ мнѣ неизбѣжною смертію, ударивъ меня по щекѣ. Въ то самое время одинъ изъ его солдатъ, слѣдуя достохвальному примѣру своего начальника, учинилъ мнѣ штыкомъ въ бокъ значущую рану. Погибъ бы я отъ сего удара, ежелибъ, узрѣвъ его размахъ, нѣсколько не уклонился. Отъ страха и ужаса палъ я безъ чувствъ на полъ и лежалъ въ таковомъ состояніи до другаго дня.

Никто не смѣлъ выходить изъ своего дома, а потому никто не зналъ бы о бѣдственной моей участи, ежели бы сосѣда моего, Московскаго купца Ивана Яковлева Зеленина, не разрѣшилась отъ бремени жена. Онъ, зная, что я остался въ Москвѣ, пришелъ наудачу отыскивать меня въ мой домъ, дабы съ новорожденнымъ дитею учинить по закону. Нашедъ меня едва жива, обмылъ мою кровь, обвязалъ раны и привелъ меня въ чувство. И что же первѣе представилось моему взору?... Все ограблено, изломано и перебито, даже самыя книги изорваны и разбросаны на полу и валяются на дворѣ. Съ сердечнымъ прискорбіемъ вздохнувъ, пошелъ я съ Зелениным въ его домъ и, исполнивъ съ младенцемъ должное, остался у него до того времени, какъ домы ближніе начали пылать огнемъ.

Убѣгая таковой опасности, принуждены по примѣру другихъ идти въ поле. Дорогою множествомъ народа мы разлучены были, и я съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ прошелъ къ Лазареву кладбищу, гдѣ собралось множество людей обоего пола плачущихъ и рыдающихъ *).

И подлинно нигдѣ мы убѣжища обрѣсть не могли. Вступили Поляки, сіи присяжные и присные враги Россіи, которые всегда намъ

---

*) Далѣе приведены мѣста изъ пророка Іереміи. П. Б.

погибели искали. О, да угаснетъ сія древняя злоба и вражда! Да благословитъ и утвердитъ Господь отнынѣ соединеніе ихъ съ Россіею вовѣки! Время, давно было время пріидти имъ въ себя и соединиться съ единоплеменнымъ Россійскимъ народомъ и съ предками и съ праотцами своими. Не претерпѣли бы они толико гибельныхъ и страшныхъ перемѣнъ и разореній подъ защитою и кроткимъ правленіемъ Всероссійскихъ монарховъ. Они были яко овцы, не имѣющія пастыря. Но, се нынѣ любезнѣйшій нашъ императоръ Александръ Первый, съ отеческою любовію, отторгшійся отъ древняго своего отечества и паки къ нему обратившійся народъ Польскій, яко блуднаго сына, воспріялъ въ сильное свое покровительство. Да будетъ отнынѣ онъ съ нами едино стадо, а Первый Александръ единъ императоръ, царь и пастырь! [1])

Итакъ, Поляки, говорю, будучи тогда наги и гладны, не давали намъ и въ полѣ покоя, но послѣднія одежды и все, что̀ кто имѣлъ, грабили и отнимали. Почему я рѣшился удалиться въ институтъ ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны [2]). Здѣсь меня приняли находящіеся при должности старой службы унтеръофицеры; но Поляки вытѣснили насъ и отселѣ; а меня узнавъ, что я духовный, намѣревались изрубить. Наши служивые успѣли меня выпроводить тайно въ садъ, и я укрывался въ алеяхъ, повсюду ища убѣжища; но вездѣ казалось опасно: наконецъ, узрѣвъ во устіи пруда островокъ густою осокою обросшій, прибѣгъ въ его защиту, опустился въ воду и прикрылъ осокою главу. Сидѣлъ я такимъ образомъ до того времени, какъ искавшіе меня Поляки скрылись. Они неоднократно мимо островка пробѣгали, и я слышалъ, коль язвительно меня поносили, и съ какимъ остервенѣніемъ моей жизни искали; однако меня увидѣть не могли. Богъ, защитникъ невинности, какъ бы ослѣпилъ ихъ. Онъ чудесно меня сохранилъ и невидимою дланію прикрылъ отъ ихъ взора.

При всемъ томъ не посмѣлъ я возвратиться въ институтъ, слыша раздающіеся въ саду вопли и плачъ Россіянъ. Почему, перешедъ на другой брегъ пруда, спѣшилъ сокрыться въ рощѣ и наконецъ достигъ дома покойнаго генералъ-фельдмаршала, графа Ивана Петровича Сал-

---

[1]) Не за долго передъ тѣмъ какъ это писано, изданъ высочайшій манифестъ о преданіи забвенію измѣны Поляковъ и Нѣмцевъ, приглашавшій Русскихъ людей не попрекать имъ совершенныхъ ими злодѣяній. П. Б.

[2]) Въ который изъ двухъ институтовъ, Екатерининскій или Александровскій? Должно быть, въ первый, такъ какъ отъ него ближе домъ графа Салтыкова, въ нынѣшней Божедомской улицѣ. У обоихъ институтовъ пруды и обширные сады. Воспитанницы были увезены въ Казань, о чемъ имѣются также показанія въ изданныхъ П. И. Щукинымъ бумагахъ. П. Б.

тыкова. Но какимъ неизъяснимымъ ужасомъ объятъ я былъ, узрѣвъ стоящихъ его людей, которые, опасаясь, можетъ быть, враговъ, очень неопрятно были одѣты: я мнилъ отъ страха, что то враги Россіи, почему палъ на колѣни и впервыя произнесъ сіе ненавистное слово «пардонъ» и, поникнувъ главою къ землѣ, ожидалъ, что̀ со мною будетъ... Одинъ изъ нихъ, подошедши ко мнѣ, тихо и ласково вопросилъ, кто я и чего отъ нихъ требую? Познавши родственный языкъ, изъ необычайнаго ужаса перешелъ я въ неизъяснимую радость. Такъ вы Русскіе, съ поспѣшностію и съ чувствительнымъ движеніемъ возопилъ я, о любезные други!... Потомъ объявилъ имъ, кто я, открылъ все, что̀ со мною случилось, и просилъ ихъ вспомоществовать мнѣ. Они съ величайшимъ удовольствіемъ и любовію меня приняли, перемѣнили обмокшее и измаранное мое одѣяніе, угостили съ ласкою изобильно и обогрѣли оледенѣвшее мое тѣло. Россіяне всегда и ко всѣмъ гостепріимны, а наипаче въ сіе несчастное время и притомъ къ своимъ единоземнымъ. Къ славѣ ихъ сказать предъ цѣлымъ свѣтомъ по праву можно, что они всѣ любятъ жить въ согласіи, другъ другу помогать и оказывать услуги. Итакъ, настоящую ночь и будущій день у гостепріимныхъ и человѣколюбивыхъ соотчичей препроводилъ я покойно. Въ сіе время все мое одѣяніе было вымыто и вычищено.

Между тѣмъ не токмо Никитская, но Тверская, Дмитровка и Петровская улицы выгорѣли; слѣдовательно, не опасаясь пламени, можно было возвратиться на свое жилище. Почему, принеся своимъ гостепріимцамъ особенную благодарность со слезами, чѣмъ и у нихъ взаимно исторгнулъ слезы, съ ними распростился. Они меня снабдили притомъ кое чѣмъ нужнымъ; но на дорогѣ все то отнято врагами было.

Пришедъ на мѣсто, гдѣ былъ мой домъ и видя единый пеплъ, сердце мое вострепетавъ сжалось, окаменѣло, облилось кровію, и я, падши на теплый еще пеплъ, впервыя желалъ себѣ смерти и могилы на милой сей землѣ, на которой двадцать лѣтъ жилъ въ изобиліи и покоѣ съ своимъ семействомъ, но теперь избитъ и израненъ, разлученъ съ женою и дѣтьми, лишенъ всего имѣнія и дома, остался, какъ бы нѣкоторый пришлецъ въ чуждой и неизвѣстной землѣ. Злодѣи, шедши мимо и узрѣвъ меня лежаща, принудили меня встать, бія плашмя тесаками, и что̀ награбили возложить на плеча. Истощенъ отъ ранъ, босъ и почти нагъ, гладенъ и жажденъ, можно ли было несть тягость? Но, чтобъ избѣжать мучительныхъ ударовъ, собравъ послѣднія силы, съ величайшею трудностію донесъ до Тверской; тутъ уже совершенно изнемогши, я палъ подъ тяжестію ноши. Враги мои съ большимъ усиліемъ меня поднимали, повторяя удары палашами; но я какъ бы уже

ихъ не чувствовалъ и недвижимъ оставался. Они же выдумали новое мученіе: били тесаками по пятамъ и голенямъ. Отъ роду не чувствовалъ я подобной боли, однако встать не могъ. Не помню, какъ меня оставили; но, пришедъ въ себя на разсвѣтѣ дня, едва, едва могъ дойтить до своего пепелища. Люди Петра Алексѣевича Наумова, видя меня въ такомъ изнеможеніи, съ усердіемъ исполненнымъ почитанія, яко бывшіе мои прихожане, приняли къ себѣ въ подвалъ и, сколько можно было, всѣмъ и во всякомъ случаѣ мнѣ оказывали свои услуги. Да наградитъ ихъ Господь Богъ сторицею!...

Помощію ихъ и особеннымъ раченіемъ мало по малу началъ я поправляться. Въ сіе же время Вражко-воскресенская просвирница Настасья Тимоѳѣева и Московская мѣщанка Екатерина Кирилова много мнѣ помогали, принося пищу и обязуя раны. Когда же я могъ выходить, то уже, чтобъ не отяготить толь ревностныхъ моихъ попечителей, посѣщалъ упомянутаго купца Зеленина, то Гнѣздническаго іерея Петра Аѳанасьева и діакона его Александра Семенова, то Московскаго купца Николая Иванова Рюмина и мѣщанина Дмитрія Иванова; то ходилъ въ домъ его сіятельства князь Юрія Владимировича Долгорукаго*) къ его людямъ, а наипаче къ Андрею Прохорову, которые всѣ послѣдній укругъ хлѣба со мною раздѣляли. Ясно я видѣлъ, что у всѣхъ въ хлѣбѣ недостатокъ; а потому, дабы частымъ своимъ хожденіемъ не навести кому либо скуки и неудовольствія («не учащай бо», сказано, «друга, да не возненавидитъ тя»), чередовалъ ихъ поденно, и они, яко по долгу меня пришедшаго, какъ бы имѣющаго на сіе нѣкое право, безъ всякаго отрицанія и огорченія питали. Се блистательная черта и доказательство гостепріимства и человѣколюбія Россіянъ!... Наконецъ всѣ мои благодѣтели сами обнищали и начали терпѣть голодъ: ибо враги не переставали ходить по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ токмо пристанище Русскіе имѣли; и хотя грабить было уже нечего, но будучи гладны какъ и мы, требовали и искали хлѣба, и гдѣ что либо находили, все отнимали. Такимъ образомъ всѣ лишены насущнаго хлѣба были, послѣдняго средства къ продолженію жизни. Но коль мучительно отъ глада умереть! Лучше претерпѣть смерть отъ штыка или тесака, по словамъ пророка Іереміи, который говоритъ: «Лучше быша язвленніи мечемъ, нежели погублени гладомъ». Но пословица Русская говорится:

Что брюхо не гудокъ;
Нельзя, коль хочешь ѣсть,
Повѣсить на гвоздокъ.

---

*) На Большой Никитской, нынѣ домъ Вельтищевыхъ, гдѣ Реальное училище. П. Б.

Въ Тверской Ямской, по истребленіи мучныхъ лавокъ отъ пламени, осталось много горѣлой пшеницы. Съ сердечнымъ прискорбіемъ пошли здоровые на толь плачевный и необыкновенный имъ промыслъ, пшеницы принесли, сварили сіи зерна; но они крѣпки, и притомъ весьма непріятный, горѣлый запахъ отъ себя издавали, такъ что самые здоровые съ великимъ трудомъ и принужденіемъ могли ихъ вкушать. Что жъ принадлежитъ до меня, то, будучи лишенъ всѣхъ почти зубовъ, не могъ разжевать ни единаго зерна. Признаюсь, что по легкомыслію своему отъ прискорбія охотно желалъ принять отъ непріятеля смерть. Согрѣшихъ ко Господу!

Рождественскаго дѣвичь монастыря монахини Павла, Надежда и Паисія, которыя не токмо мнѣ были знакомы, но одна изъ нихъ и родственница, узнавши, что я хотя и много пострадалъ отъ непріятеля, но еще живъ и брожу, яко нѣкій странникъ по обгорѣлымъ домамъ для куска хлѣба, прислали ко мнѣ съ приглашеніемъ, чтобы я пришелъ въ смиренную ихъ обитель; приказали при томъ увѣрить меня, что у нихъ очень покойно, и что онѣ имѣютъ все нужное къ продолженію жизни: ибо остановившійся въ ихъ монастырѣ непріятельскій начальникъ столь былъ человѣколюбивъ и снисходителенъ, что, видя ихъ смиренную, убогую и святую жизнь, далъ твердое и вѣрное обѣщаніе, что онъ не допуститъ сожигать ихъ келіевъ, производить грабежъ и чинить какое либо оскорбленіе. Къ великой чести достойнаго сего воина служитъ, что онъ свято и вѣрно выполнилъ свое обѣщаніе, и сей слабый, немощный и беззащитный преподобныхъ дѣвъ ликъ во все его пребываніе въ обители ни малѣйшаго не терпѣлъ притѣсненія.

Съ великимъ восторгомъ внималъ я сію благовѣстницу; каждое ея слово возрождало во мнѣ надежду къ жизни. И я, выслушавши все со вниманіемъ, первѣе съ крайнимъ усердіемъ, отъ чистаго сердца и духа, особеннаго благоволенія исполненнаго, воспрославилъ Господа, толико милостивно на меня призрѣвшаго; потомъ немедленно, въ чемъ токмо находился, почти нагъ и босъ, слѣдовалъ съ полною радостію за своею путеводительницею. И какъ пришелъ къ нимъ, то сіи Самаряныни ужаснулись, видя меня въ толь странномъ одѣяніи и всего окровавленна. Потомъ, иныя омываютъ кровь, иныя возливаютъ елей на мои раны, иныя къ нимъ пластыри и мази прилагаютъ, иныя предлагаютъ пищу для подкрѣпленія ослабшихъ силъ, иныя же приготовляютъ убогое, но пристойное моему сану одѣяніе. И коль покойно послѣ столь сильнаго обуреванія, толь превратныхъ, страшныхъ и

томительныхъ происшествій, со мною повстрѣчавшихся, препроводилъ я у нихъ нѣсколько дней!

Но Богъ, какъ я несомнѣнно уже сему вѣрю, восхотѣлъ еще испытать мое терпѣніе и наказать за сомнѣнія попечительнаго Его промысла. Родственникъ мой, причетникъ съ Даниловскаго кладбища, Петръ Ивановъ, удостовѣрясь, что слухи о моей смерти несправедливы, презрѣвъ всѣ опасности, отыскалъ меня въ монастырѣ, извлекъ изъ сего мирнаго и тихаго жилища и вызвалъ къ себѣ. Не согласился бы я на его предложеніе, ежели бы причины его вызова не были столь важны и не касались моей должности. Отъ мученія враговъ скончалась его сестра, а священникъ ихъ отъ болѣзни былъ при смерти. Обязанность моя и христіанская любовь къ ближнимъ убѣдили меня къ исполненію его просьбы. Воздавъ достодолжное благодареніе симъ мудрымъ дѣвамъ, ихъ же свѣтильники, будучи вожжены елеемъ милосердія, никогда не угасаютъ, а всегда готовы суть ко срѣтенію возлюбленнаго своего жениха Іисуса Христа,—растался я съ ними.

Такимъ образомъ вышли мы изъ обители и достигли Охотнаго ряда. Здѣсь встрѣтились съ непріятелями, которые шли изъ города съ добычей (ибо въ погребахъ подъ лавками много еще находили). Товарищъ мой успѣлъ укрыться, а я по слабости сего учинить не могъ; и какъ одежда моя показываетъ уже меня быти духовнаго человѣка, то я думалъ, что меня не коснутся; но они, не смотря ни на что и не внемля никакимъ отзывамъ, возложили на меня тягость, и я съ великимъ трудомъ донесъ ее до Смоленской заставы.

Шедши съ ношей, замѣтилъ я, что принуждали паки брать тягости тѣхъ, которые, донесши до мѣста, возвращались праздны. Почему не посмѣлъ я идти обратно чрезъ мостъ большой мостовой: ибо по улицѣ и по переулкамъ разставлены были вездѣ ихъ кордоны, а потому уклониться куда либо никакъ невозможно; слѣдовательно неминуемо должно попасться въ руки врагамъ. Для избѣжанія сей опасности, я рѣшился перейти чрезъ рѣку къ Благовѣщенію на Бережки, зная твердо и совершенно, что рѣка въ семъ мѣстѣ очень мелка. И такъ, пользуясь темнотою нощи, индѣ мимо домовъ тихимъ шагомъ крался, индѣ полемъ бѣжалъ сколько было силъ, и наконецъ достигъ рѣки. Не снимая одежды, я перешелъ на другой берегъ. Немалаго труда мнѣ стоило взойтить на гору, ибо очень крута и глиниста; а притомъ ноги и одежда, будучи мокры, весьма много мнѣ препятствовали. Но трудъ мой довольно былъ награжденъ, хоть не лакомымъ, но сытнымъ ужиномъ и

покойнымъ ночлегомъ у священника Сvмеона Стефанова помянутой Благовѣщенской церкви.

Могъ бы я нѣсколько дней препроводить здѣсь; но тщательное рвеніе по своей должности и сострадательная любовь къ ближнимъ убѣждали меня и усильно влекли къ кладбищу. Сіи чувствованія меня воодушевляли, бывшу мнѣ еще въ изнеможеніи отъ ранъ и живущу въ подвалѣ на пепелищѣ, подобныя отправлять служенія и похоронять при церкви Воскресенской *), чему свидѣтели быть могутъ всѣ сосѣди, а паче купецъ Иванъ Зеленинъ, яко достовѣрный и извѣстный въ купеческомъ обществѣ человѣкъ.

И такъ, раноросталъ я и чрезъ Крымскій мостъ мимо Донского монастыря пришелъ на помянутое кладбище благополучно: ибо враги по утрамъ предавались крѣпкому сну и по улицамъ очень, очень рѣдко бродили. Здѣсь по пришествіи первѣе исповѣдывалъ священника Василія Яковлева, потомъ отпѣлъ по чиноположенію нашего вѣроисповѣданія усопшую и предалъ общей нашей матери-землѣ, которая всѣхъ насъ единаго по единому въ лоно свое воспріять имѣетъ.

Друзья пріятели и родственники милы!
Ударитъ часъ, и мы не избѣжимъ могилы.
О други близкіе толь сердцу моему!
Ахъ, время ближитъ насъ къ концу всѣхъ одному.
Живите жъ правдою, счастливы всѣ вы будьте,
Сего единаго, прошу васъ, не забудьте:
Безъ вѣры въ Господа, а къ ближнимъ безъ любви,
Никто рай въ небесахъ обрѣсть себѣ не мни.
Любовію одной, смиреньемъ, простотою,
Блаженство снищетъ всякъ и вѣрою святою;
А смерти никому изъ насъ не избѣжать:
Равно мы будемъ всѣ въ сырой землѣ лежать
До страшна того дня, какъ Богъ насъ воззоветъ
Въ дѣяніяхъ своихъ вѣрнѣйшій дать отчетъ.

Такъ я въ сіе ужасное время размышлялъ, взирая на памятники и монументы, поставленные на гробахъ умершихъ по всему кладбищу и на убѣдительное доказательство, вѣрнѣйшій опытъ: усопшее тѣло, предлежащее моему взору.

Такимъ образомъ окончивъ дѣла, касающіяся до моей должности и поживъ нѣсколько дней на кладбищѣ, я намѣревался возвратиться на выжженное старое свое жилище, какъ увидѣлъ представшую мнѣ старушку, присланную отъ моей жены. Она, узнавши, что уже вхожденіе

*) Т. е. у Воскресенья на Овражкѣ, что̀ между Большой Никитской и Тверской улицъ. П. Б.

въ Москву и исхожденіе отъ врага не возбранено было, прислала упомянутую старушку, чтобы она разыскала о мнѣ обстоятельно; ибо различные слухи о жизни и смерти моей до нея доходили. Самъ бы я давно пошелъ къ ней, но не зналъ вѣрно, гдѣ ее отыскать. Какою радостію былъ восхищенъ духъ мой, когда услышалъ отъ посла, что жена и другъ мой со всѣми дѣтями жива и благополучна и притомъ не такъ далеко, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, находится!

Давно стремительное и пылкое желаніе, но за невозможностію таящееся въ моей мысли видѣть жену и дѣтей, при семъ благополучномъ случаѣ, какъ бы вспыхнуло въ моемъ сердцѣ. Не теряя ни мало времени, пошелъ я на Никитскую къ сосѣдямъ и открылъ имъ о своемъ намѣреніи выдти изъ Москвы. Отставной землемѣръ Александръ Ивановъ Пановъ съ своею сестрою и людьми ко мнѣ присоединилися; такъ же дворовые люди сосѣда Ивана Яковлева сына Яковлева, и другихъ собралось человѣкъ пятнадцать. Всѣ мы вышли близъ Семеновской заставы изъ Москвы къ звѣринцу; потомъ одинъ по единому совращались съ большой дороги въ сторону, избирая ближайшую и извѣстную себѣ дорогу къ своему жилищу, а я съ Пановымъ и его семействомъ мало-по-малу достигли обиталища моей жены. И что̀ сказать, какъ мы другъ друга увидали?.. Воспріявъ въ супружескія объятія другъ друга, мы какъ бы окаменѣли и безмолвны надолго оба были, изливая только на грудь другъ другу горькія, но пріятныя слезы, и едва едва наконецъ я могъ произнести: здорово!... Тутъ же притекли семеро дѣтей, изъ коихъ каждый, упреждая одинъ другого, лобызають мнѣ во слезахъ руки и радостныя восклицанія произносятъ, возсылая благодареніе Господу, что сохранилъ мою жизнь.

Я надѣялся, что здѣсь съ любезной мнѣ семьею буду уже препровождать время покойно; но сверхъ нашего чаянія совсѣмъ противное повстрѣчалось. Враги, какъ бы вслѣдъ за мною (цѣлая дивизія со всѣми военными орудіями) вступили въ Купавну, которая отъ нашего жилища отстоитъ не болѣе трехъ верстъ. Она была назначена, какъ говорятъ, зимовать здѣсь. Непріятели начали дѣлать всюду по окрестностямъ разъѣзды для добычи провіанта и фуража. Страхъ отъ сихъ безпокойныхъ и опасныхъ сосѣдей принудилъ насъ изъ селенія перебраться въ лѣса, которые были непроходимы и въ которые враги вступать очень опасались. Въ нихъ мы жили, претерпѣвая частію голодъ, частію холодъ, до того времени, какъ непріятели выступили изъ Купавны въ Москву, что̀ было 10-го числа Октября.

На 12-е число слышали удары съ чувствительнымъ потрясеніемъ земли; послѣ узнали, что сіе происходило отъ взорванія Кремля, хотя

селеніе наше отстояло отъ Москвы за двадцать восемь верстъ. Узнали также и о семъ, что злодѣй со всею своею сволочью бѣжалъ со стыдомъ отъ глада и страха изъ Москвы. Съ сего времени я началъ отправлять, за болѣзнію приходскаго священника, божественную службу и свободно исполнять всѣ таинства православнаго нашего вѣроисповѣданія.

Нѣсколько дней занимался я должностію своею; потомъ услышалъ, что полиція и казаки въ Москву давно вступили и привели все въ первый порядокъ, то рѣшился я къ должности явиться. Итакъ 20-го Октября отправился въ Москву и пришелъ къ означенному купцу Зеленину, отъ коего узналъ, что діаконъ нашего собора, со мной вмѣстѣ полоненный Иванъ Андреевъ, живетъ въ домѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына, отыскалъ его и, увидѣвшись съ нимъ, оплакали общее бѣдствіе горькими слезами. Но какъ въ Кремль никого еще не допускали, а въ пустой и выжженной Москвѣ прибѣжища для жительства съ своимъ семействомъ нигдѣ сыскать не могъ; то, поживъ у отца діакона дня три, возвратился обратно въ село Бисерово къ женѣ и дѣтямъ.

Сердечное прискорбіе и скука въ кругу моего семейства не давали мнѣ покоя; а паче дороговизна съѣстныхъ припасовъ (ибо пудъ ржаной муки продавался по четыре рубли) принудила меня идти въ Москву съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ просить у правительства пристанища и дневнаго пропитанія; ибо двѣнадцать человѣкъ содержать совсѣмъ я былъ не въ состояніи, отчего вторично приходилъ въ совершенное уныніе.

Прихожу, наконецъ, къ вышеозначенному діакону, который уже не со слезами, но съ лицомъ исполненнымъ веселія меня встрѣчаетъ. Вопрошаю о причинѣ таковой его перемѣны; но онъ одно сіе повторяетъ, чтобъ я шелъ немедленно въ Никитской домъ его сіятельства князь Юрія Володимировича Долгорукаго къ его пріѣхавшему изъ-за Воронежа домоправителю, который давно тебя ищетъ. Пошелъ и чтò слышу и вижу?.. Не могу безъ слезъ вспомянуть. Его сіятельство предписалъ управителю, чтобы онъ непремѣнно и вѣрно розыскалъ поскорѣе: вопервыхъ, живъ ли я; вовторыхъ, цѣлъ ли мой домъ и имѣю ли нужное къ продолженію жизни, и ежели я не въ числѣ убитыхъ, или хотя и живъ, но ничего не имѣю, то дать мнѣ лучшія какія токмо найдутся способными къ жительству комнаты, хлѣбъ и деньги на обзаведеніе домашнихъ вещей. Предписаніе золотыми литерами начертано быть достойно... Какое неожиданное благодѣяніе!.. Да воздастъ

ему Господь сторицею и исполнитъ вся желанія по сердцу его! Въ такомъ будучи отдаленіи, о мнѣ памятовать!.. Какое прямо христіанское сердолюбіе къ ближнимъ! Въ такое критическое и смутное время заниматься мною! Нѣтъ!—милость сія и по смерти моей, и по ту сторону гроба моего незабвенна будетъ предъ Отцомъ Небеснымъ, а здѣсь тѣмъ паче я долженъ чувствовать, что пять лѣтъ [1]) по милости его сіятельства всѣмъ пользовался и жилъ покойно въ его домѣ.

Истинность и справедливость сего описанія свидѣтельствую всѣми тѣми, о которыхъ въ немъ упоминается. Благодареніе Господу, они всѣ въ живыхъ находятся. Любопытный или сомнящійся да благоволитъ справиться и узнать отъ нихъ.

*

Добродушный священникъ написалъ послѣ этого длинные стихи подъ заглавіемъ: „Тоже, да выворочено на изнанку", и въ этихъ стихахъ витіевато описалъ испытанныя имъ бѣдствія. Такъ и слышится голосъ духовнаго лица, получившаго воспитаніе во времена митрополита Платона, который любилъ сообщать обученію своеобразный оттѣнокъ изящества: безъ стиховъ не обходился тогда ни одинъ выпускъ юношей изъ училищъ. Въ наши дни послѣднимъ представителемъ тѣхъ временъ былъ покойный архимандритъ Московскаго Петровскаго монастыря Никифоръ, который въ подобныхъ же стихахъ излилъ свое чувство къ заслугамъ митрополита Филарета и читалъ ихъ въ торжественномъ засѣданіи Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія. П. Б.

II. Письмо Юрія Никитича Бартенева къ его матери [2]).

1813 года Марта 2-го дня. Городъ Вильна.

Матушка кормилица!

Отъ 6-го числа Мая 1812 года, моя дорогая кормилица, я не получалъ отъ васъ никакого извѣстія. Положимъ, что въ первыхъ мѣсяцахъ нельзя было сего сдѣлать по причинѣ стремительности Французскаго вшествія и по незнанію куда адресовать письма; а теперь это легче можно выполнять, тѣмъ болѣе что почты, кажется, установлены на довольно твердой ногѣ Но, чтобъ не терять времени въ пустыхъ изъясненіяхъ, приступаю къ дѣлу.

---

[1]) Слѣдовательно, записка эта, начатая въ 1813 году, докончена нѣсколько лѣтъ позднѣе. П. Б.

[2]) Изъ книги: „Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть 1-я, М. 1897, стр. 77—89. Читатели „Русскаго Архива" уже знакомы съ своеобразною личностью Ю. Н. Бартенева, въ зрѣлыхъ лѣтахъ его; тутъ они увидятъ его военнымъ-юношей, въ достопамятную эпоху Русской жизни. П. Б.

Въ предыдущихъ письмахъ увѣдомлялъ я васъ кратко о всемъ, чтò со мною ни случалось; а теперь, полагая, что письмо сіе вѣрно достигнетъ васъ, и притомъ сегодня узнавши, что принимаются денежныя посылки и страховыя письма, я рѣшился какъ возможно точнѣе увѣдомить васъ о всемъ томъ, чтò со мною ни происходило со дня отшествія моего изъ города Санктпетербурга.

Намъ путь предписанъ былъ въ городъ Вильну, и мы уже подходили весьма близко къ сему городу, какъ въ уѣздномъ городкѣ Якобштатѣ, чтò на границахъ Курляндіи и Витебской губерніи, встрѣтилъ насъ курьеръ, и вмѣсто прежняго нашего назначенія велѣно намъ идти до города Дриссы, и тамъ явиться къ полковнику Генеральнаго Штаба г. Эйхену. У самаго онаго мѣстечка мы услышали объ открытыхъ военныхъ дѣствіяхъ противъ Французовъ. Полковнику Эйхену была бы въ насъ нужда тогда, ежели бы у нашихъ понтоновъ были паруса, и мы бы наводили мосты на Западной Двинѣ, противъ укрѣпленій дѣланныхъ имъ для отраженія Французовъ; но какъ у насъ вышеупомянутыхъ снарядовъ не находилось, то его ожиданіе весьма обмануло́сь, и онъ началъ насъ употреблять совсѣмъ на другія должности: мы ходили на караулъ къ большимъ магазейнамъ, строили батареи и проч., и проч. Не стану вамъ упоминать о всѣхъ безпокойствахъ и происшествіяхъ, которыя съ нами случались во время марша отъ Петербурга до Дриссы; они не иное что, какъ слабая тѣнь противъ всего того, чтò мы или, лучше сказать, чтò я претерпѣлъ въ послѣдующее время. Удивительна милость, показанная мнѣ Господомъ Богомъ, что я избѣжалъ столько опасностей и неудобствъ, къ чему слабая моя натура ничуть не привыкла, и казалось по всему, что я никакъ бы сего не перенесъ, безъ особенныхъ и, можетъ быть, жарчайшихъ молитвъ, вами произнесенныхъ къ моему Создателю.

Вся наша рота (впослѣдствіи времени) почти отъ заразы вымерла, и офицеры-товарищи мои были больны весьма опасно; меня же Богъ хранитъ, и я до сихъ поръ въ самомъ лучшемъ здоровьѣ и во всю кампанію не былъ ни одного разъ больнымъ. Этотъ походъ меня многому научилъ; дай Богъ, чтобы все сіе было въ пользу на предбудущее время. Мнѣ нельзя вамъ описывать мои обстоятельства подробно, они бы заняли много мѣста и времени, хотя я знаю, что таковыя подробности вашего сына были бы пріятны для сердца любящей насъ родительницы, которая все свое блаженство полагаетъ въ благодарныхъ дѣтяхъ. Но оставлю покамѣстъ все сіе на предбудущее время, въ послѣдствіи котораго не замедлю, моя родная, увѣдомлять васъ, о многихъ интересныхъ для меня случаяхъ; а теперь ограничу себя однимъ

краткимъ эскизомъ. Я упомянулъ выше, что, по приходѣ нашемъ въ Дриссу, полковникъ Эйхенъ употреблялъ насъ въ разныя должности, чтò продолжалось дней десять, послѣ чего Россійскія войска зачали здѣсь показываться, и инспекторъ всей артиллеріи прибылъ къ намъ вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ. Онъ отправилъ насъ въ городокъ Себежъ для сформированія, но мы не успѣли сдѣлать и пяти верстъ, какъ намъ велѣно было воротиться и дожидаться въ Дриссѣ новыхъ приказаній. Здѣсь ожидали большаго сраженія; войска уже были расположены на укрѣпленіяхъ, выстроенныхъ, какъ я выше упомянулъ, полковникомъ Эйхеномъ; здѣсь же находился и центръ продовольствія. Большіе магазейны не оставались пустыми: хотя пришедшія сюда войска и брали изъ нихъ для себя все нужное, и всѣ были снабжены въ довольствѣ; но все еще оставалось многое, чтò должно бы было сожечь, дабы не попалось въ жертву врагамъ отечества нашего.

Таковъ былъ порядокъ вещей, какъ Государь Императоръ вздумалъ сформировать военный походный провіантскій магазейнъ, вслѣдствіе чего двѣ роты понтонныхъ, одна подполковника Иванова, а другая наша, обращены были на сіе учрежденіе, и по собственной волѣ Императора понтоны обѣихъ ротъ сожжены на берегахъ Западной Двины; подполковникъ же Ивановъ и нашъ капитанъ Дитерихсъ сдѣлались начальниками двухъ отдѣленій подвижныхъ магазейновъ. Къ нимъ причислены были и другіе офицеры изъ армейскихъ полковъ; также кромѣ понтонныхъ фуръ и лошадей находилось довольное количество и легкихъ повозокъ съ лошадьми и упряжью, которыя всѣ употреблены на сіе намѣреніе. Капитанъ Дитерихсъ, изъ седми офицеровъ находящихся при его ротѣ, откомандировалъ на сей случай троихъ, а именно: поручика Журихина, прапорщиковъ Деливрона и Гордовскаго, снабдивши ихъ людьми, лошадьми, повозками и всѣмъ чтò оказалось нужно; при чемъ досталось на всякаго по триста лошадей. Я самъ хотѣлъ имѣть сіе препорученіе, довольно лестнымъ казавшееся для меня, потому что я тутъ игралъ бы первую персону; но отецъ и благодѣтель мой капитанъ Дитерихсъ, предвидя по опытности своей могущія произойти худыя слѣдствія, отказалъ мнѣ въ пустомъ семъ требованіи и оставилъ меня при себѣ въ ротѣ. Впослѣдствіи оказалось слѣдующее. Поручикъ Журихинъ, имѣя въ своей командѣ людей всякихъ полковъ, и натурально самыхъ удалыхъ (потому что порядочныхъ никакой полкъ отъ себя добровольно не отпуститъ) и имѣя на своемъ отчетѣ лошадей, продовольствіе оныхъ, упряжь (которую онъ получилъ въ самомъ ветхомъ состояніи), да притомъ и везомыя имъ вещи, и предвидя, что все сіе при сдачѣ спросится съ

большою строгостію, заболѣлъ по несчастію, оставя людей безъ всякаго присмотра, хотя поручилъ сіе на своего фейерверкера, который никакъ не могъ принудить своихъ подчиненныхъ, чтобы они не упивались виномъ, везомымъ ими на своихъ фурахъ. Кромѣ солдатъ, бывшихъ въ командѣ вообще у всѣхъ сихъ офицеровъ, находились Жиды и Поляки, взятые со своими лошадьми въ подводчики только что до ближайшаго мѣстечка, но за неимѣніемъ ямщиковъ были оставлены въ сихъ магазейнахъ; а потому предвидя, что ничего благопріятнаго съ ними не можетъ воспослѣдовать, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ своей родины, убѣгали и съ лошадьми; и рѣдкій день проходилъ, чтобъ сихъ бѣглецовъ не считалось до трехъ, четырехъ и болѣе. Ямщиковъ и лошадей не доставало; казенныя вещи могли бы остаться на жертву Французамъ, и всякая бездѣлица изъ оныхъ тащила бы нашего Журихина подъ строгость военныхъ законоположеній. Такимъ бѣдственнымъ положеніемъ бывъ утягченъ, нашъ поручикъ, и притомъ думая о неблагопріятныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ съ нимъ повстрѣчаться, также и угнетаемый горячкою, избавился, наконецъ, сихъ неудобствъ, уже спустя довольно долгое время со своего вступленія въ сію командировку, чрезъ благодѣтельное посредство Егора Ивановича Дитерихса; онъ сдалъ свой отрядъ уже прошедши Москву, за селомъ Тарутинымъ. Теперь посмотримъ, что̀ съ другими откомандированными случилось благопріятнаго.

Второй послѣ поручика Журихина былъ прапорщикъ Деливронъ; онъ, какъ и всѣ другіе офицеры, находящіеся подъ командою нашего капитана, слѣдовалъ не въ дальномъ разстояніи отъ роты, потому что всѣ получали приказанія непосредственно отъ Дитерихса.

Мы стояли верстахъ въ пяти отъ города Полоцка, какъ пріѣхалъ къ намъ генералъ Ермоловъ (онъ былъ въ то время первымъ членомъ генеральнаго штаба) и приказалъ лично одному изъ нашихъ офицеровъ, чтобъ мы скорѣе убирались съ этого мѣста, потому что непріятельскіе пикеты показывались на противолежащемъ берегу Двины, протекающей отъ насъ шагахъ въ пятидесяти, при чемъ далъ и маршрутъ слѣдовать по проселочной дорогѣ: ибо та, которою мы шли, не была обезпечена со стороны непріятельскаго нападенія. Всѣмъ транспортамъ, зависящимъ отъ нашей и подполковника Иванова роты, приказано поспѣшно туда же слѣдовать и отнюдь отъ насъ не отставать. Тогда не было капитана при ротѣ (онъ поѣхалъ незадолго до сего за какими-то своими надобностями въ Полоцкъ. Приказаніе отъ генерала Ермолова, полученное внѣ его присутствія, онъ забылъ выполнить или почиталъ за маловажное и не пошелъ означенною дорогою, а потому

и подвижнымъ паркамъ, отъ него зависящимъ, не далъ на сей случай никакого повелѣнія. Мы слѣдовали по прежней дорогѣ; отряды нашего магазейна, бывшіе подъ командою господъ офицеровъ, въ числѣ коихъ былъ и нашъ Деливронъ, за нами же потянулись. Мы увидимъ ниже сего, какое послѣдствіе будетъ имѣть бо̀льшая часть сихъ мелкихъ, подвижныхъ парковъ. Сдѣлавъ одинъ переходъ отъ прежняго нашего пребыванія, остановились мы, дабы накормить лошадей, кои отъ поспѣшнаго шествія очень устали; потомъ капитанъ пошелъ далѣе, оставивъ меня одного на мѣстѣ, съ нѣсколькими понтонами и кузницею, неспособныхъ къ дальнѣйшему слѣдованію, и велѣлъ какъ можно скорѣе починить у сихъ понтоновъ желѣзныя вещи, кои были у нихъ отъ худой дороги, да притомъ и скораго шествія, попорчены. Какова моя была участь оставаться одному, притомъ видя каждую минуту проходящіе мимо меня обозы, увѣряющіе, что непріятель находится въ близкомъ разстояніи! Какой тогда бы стыдъ былъ, ежелибъ попался въ плѣнъ не съ поля битвы, но находясь при изломанныхъ понтонахъ, гдѣ не можно ни защищать себя, тѣмъ менѣе предаться бѣгству! Но, слава Богу, сего со мною не воспослѣдовало; я избавился отъ сей комиссіи, но съ большими затрудненіями, кои всѣ счастливо преодолѣлъ. Тотъ же день, кузнецъ починилъ всѣ недостатки нашихъ понтоновъ; колеса были исправлены, и мы отправились уже ночью въ дальнѣйшій путь, не надѣясь однакожъ скоро догнать роту, которая вѣрно далеко отъ насъ находилась.

Я не стану описывать ночнаго моего странствія, оно было ужасно: всякую минуту думалъ быть раздавленнымъ или подъ своими фурами, или отъ обгоняющихъ насъ легкихъ повозокъ, которыя спѣшили убираться далѣе; только и слышны были разсказы о Французахъ, которыхъ уже легкія и заботливыя головы нѣкоторыхъ солдатъ думали видѣть за спиною. Отъѣхавши, сколь было возможно ѣхать на усталыхъ лошадяхъ, остановились мы на одномъ лугу ночевать; дальнѣйшій путь намъ былъ воспрещенъ темнотою ночи. Поутру, очень рано мы поднялись съ мѣста и увидѣли, что Деливроновъ паркъ, стоялъ отъ насъ не въ далекомъ разстояніи. Вставши, я очень удивился, что лошади мои были не такъ накормлены, какъ бы мнѣ того хотѣлось, что̀ въ теперешнемъ случаѣ много значило. Я затѣмъ описываю вамъ сіи, повидимому, ненужныя подробности, чтобы показать вамъ, какія напасти и бѣды можетъ получить неопытный офицеръ, полагаясь на солдатъ своихъ. Причина того, что лошади наши простояли почти цѣлую ночь безъ фуража, была слѣдующая: люди мои, увидя, что я уже легъ спать, почли себѣ за удобный случай сходить между тѣмъ въ

какую-нибудь близъ лежащую деревню и тамъ пограбить; они оставили всѣхъ лошадей безъ всякаго присмотра, не опасаясь того, что близъ стоящіе казаки могли бы многихъ изъ нихъ увесть съ собою и меня оставить въ немпнуемой бѣдѣ и напасти.

Однакожъ я отблагодарилъ сихъ людей достойнымъ онаго поступка образомъ и украденныхъ овецъ отдалъ первому мнѣ попавшемуся крестьянину, чѣмъ и лишилъ добычи пріобрѣтенной постыдными трудами ихъ.

Я упомянулъ выше сего, что поутру, хотя было пасмурно, и близкія облака возвѣщали скорый дождь, однакожъ я замѣтилъ Деливроновъ паркъ, который еще не трогался съ мѣста, и извозчики кормили покойно своихъ лошадей. Это я для того упомянулъ, чтобъ сказать вамъ, что послѣ сего времени я уже долгое время не видалъ онаго Деливрона; а въ скоромъ времени узнали мы, что нѣкоторые изъ парковъ, въ числѣ коихъ и ему принадлежащій, перехвачены были Французами; объ его же особѣ формально ни отъ кого не получая слуха, предполагали навѣрное, что былъ убитъ или взятъ въ плѣнъ; какъ спустя уже послѣ того долгое время, стояли мы въ близи Смоленска, явился онъ къ намъ нечаянно, избитый и изсѣченный палками, надъ коего спиною трудились почтенныя руки нашихъ Польскихъ патріотовъ, лишившійся всего, что̀ съ собою не имѣлъ: чемоданъ его, вещи, какія при немъ находились, все попало въ руки Французовъ. Денщикъ его пропалъ безъ вѣсти, и онъ самъ навѣрное полагаетъ, видя какъ его подчивали дубьемъ, за то что онъ защищалъ имѣніе своего барина, что Василій долженъ находиться теперь въ счастливыхъ поляхъ Елисейскихъ странъ. Перенося такимъ образомъ мученіе связаннаго Тантала (ибо онъ дѣйствительно былъ привязанъ веревками къ телегѣ, гдѣ злодѣи ругались его отчаянію и злословили самыми поносными и безчестными словами, кои болѣе значатъ для офицера, нежели всѣ колья и побои на свѣтѣ), успѣлъ онъ какимъ-то образомъ отвязаться въ виду Французской кавалеріи, которая бросилась переплывать рѣку, дабы перенять отъ Поляковъ сей паркъ, а можетъ быть и для того, чтобъ наказать сихъ изувѣровъ за ихъ ожесточеніе и варварство, производимое надъ Русскимъ офицеромъ; поелику право чести должно быть сохраняемо, даже и во время самыхъ отчаянныхъ положеній, случающихся въ войнѣ. Онъ успѣлъ, говорю я отвязаться, и въ виду Французской кавалеріи, которая бросилась переплывать рѣку, убѣжать съ двумя солдатами своего парка въ ближній лѣсъ, гдѣ, пробираясь стороною и ежеминутно ожидая, что нагонятъ и убьютъ, успѣлъ

достичь одного, еще не занятаго Французами Русскаго городка, гдѣ нѣкоторый милосердный коммисаръ, призря его бѣдность, далъ ему старое платье и подарилъ лошадей, на коихъ и пріѣхалъ онъ къ намъ въ роту. Вотъ приключенія второго отдѣленнаго изъ нашихъ офицеровъ.

Теперь остается упомянуть о третьемъ, послѣднемъ откомандированномъ офицерѣ; но я, не желая болѣе распространяться и имѣя притомъ много еще вещей васъ увѣдомить, ограничу себя и только вамъ скажу, что съ самаго отхода нашего изъ Москвы, мы ничего до Октября мѣсяца объ немъ не знали; а въ Октябрѣ, приближаясь къ городку Ельнѣ, я видѣлъ Гордовскаго въ самомъ жалкомъ положеніи: лошади его, чемоданъ съ платьемъ, деньги, кои онъ имѣлъ, все украли, послѣ чего остался въ одной рубашкѣ. И мнѣ бы та участь могла быть удѣломъ, ежелибъ, снисходя моему вспыльчивому характеру, капитанъ поручилъ мнѣ какую нибудь отдѣленную команду; но, слава Богу, все прошло! Хотя я имѣлъ въ сію кампанію множество случаевъ быть почти въ отчаяніи и много перенесъ неудовольствій, а даже, можно сказать, и смертельныхъ горестей, но еще не помрачилъ ничѣмъ свою репутацію: честь моя ничѣмъ не запятнена. Сколько было препорученій возложенныхъ на меня, коихъ исполненіе было сопряжено съ большою трудностію, и даже казавшихся невозможными; но я исполнялъ оныя, какъ можно было. Описаніе таковыхъ случаевъ было бы любопытно для васъ, матушка кормилица, а мнѣ пріятно ихъ описывать, потому что прошедшія напасти и бѣдствія съ удовольствіемъ воспоминаются, и мы любимъ питать душу нашу впечатлѣніемъ прошедшихъ горестей, кои тѣмъ привлекательнѣе для насъ кажутся, что онѣ уже прошли, и мы счастливо перенесли оныя. Такъ мореходецъ, разсказывая милому семейству своему кораблекрушенія и опасности, испытанныя имъ въ продолженіе долговремѣннаго странствія, услаждается описаніемъ оныхъ и стремится на новыя. Но я не хочу стремиться на новыя: поприще мое отнынѣ должно кончиться, и я буду искать спокойнѣйшей службы, нежели досѣлѣ въ каковой находился *).

Но, чтобы слѣдовать порядку происшествій и васъ хотя необстоятельно, но обо всемъ увѣдомить, я возвращаюсь къ городку Дриссѣ, гдѣ роты наши были уничтожены и получили проименованіе запас-

*) Читатели уже знаютъ, что Ю. Н. Бартеневъ покинулъ военную службу и, подобно многимъ другимъ бывшимъ воинамъ, сдѣлался директоромъ Гимназіи въ Костромѣ, на своей родинѣ. Такъ, въ Рязанской гимназіи былъ директоромъ И. М. Татариновъ, передъ тѣмъ комендантъ города Карлсруе, а за нимъ Н. Н. Семеновъ изъ гвардейцевъ. П. Б.

ныхъ подвижныхъ парковъ. Ниже сего мы увидимъ, долго ли находились мы въ сей должности и какую новую обязанность на насъ возложили.

По выходѣ изъ Дриссы, ходили мы по Бѣлоруссіи назадъ и впередъ, были въ Полоцкѣ, Витебскѣ и почти во всѣхъ городахъ оной губерніи; потомъ дошла очередь и до Смоленской, и по той мы прогуливались вездѣ, и почти всѣ города и дороги сей губерніи намъ тоже извѣстны. Наконецъ, пришли въ Московскую, гдѣ у городка Можайска остановились. Тутъ дѣла перемѣнились; свѣтлѣйшій князь Кутузовъ насъ расформировалъ и, причисливши нѣсколько офицеровъ и солдатъ къ нашей ротѣ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Ивановымъ, отдалъ насъ въ команду дежурнаго генерала при большой дѣйствующей арміи, господина Кикина; а тотъ велѣлъ намъ находиться около третьей линіи войскъ, расположенныхъ на достопамятное Бородинское сраженіе. Здѣсь намъ дали непріятнѣйшую въ свѣтѣ должность, которую я лучше хотѣлъ промѣнять на потерявіе самой моей жизни. Оная состояла, чтобы брать съ мѣста сраженія тяжело раненыхъ и отправлять ихъ далѣе.

Наканунѣ 26-го Августа 1812 года, въ сей день столь сильнаго сраженія, мы стояли за двѣ версты отъ Можайска. Я лежалъ со своими солдатами подъ соломою, какъ ужаснѣйшій шумъ многочисленной Русской и Французской артиллеріи разбудилъ меня; тотъ же часъ къ намъ пришелъ и ордеръ—слѣдовать поспѣшно къ своимъ мѣстамъ. Пришедши туда, я не знаю, что̀ я чувствовалъ; шумъ пушекъ, ружей, вопль и стенанія изувѣченныхъ воиновъ поражали насъ отовсюду. Словомъ, этотъ день останется наиужаснѣйшимъ днемъ въ моей жизни. Я не могу хвастать, чтобъ была большая опасность въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились; пули насъ совсѣмъ не достигали, и рѣдко, рѣдко когда какое-нибудь бѣшеное ядро къ намъ прилетало; но я бы лучше согласился быть въ пылу самаго жесточайшаго сраженія, нежели находиться на томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли. По крайней мѣрѣ, находясь въ сраженіи, занятъ бываешь своею должностью, объ томъ только и думаешь, какъ бы исполнять оную, не видишь и не слышишь ни окровавленныхъ тѣлъ, ни вопля стенящихъ и просящихъ смерти воиновъ; страшная ярость, вступя въ сердце, прогоняетъ всѣ слабѣйшія страсти, тревожащія человѣка при видѣ опасностей. А здѣсь былъ совершенный адъ: кучи тѣлъ, вопль умирающихъ сопутствуютъ тебя повсюду; иного увидишь безъ головы, другаго безъ рукъ и безъ ногъ; я видѣлъ тамъ и такого, который, бывъ легко раненъ, не могъ говорить, потому что ротъ его былъ наполненъ мозгомъ убитаго возлѣ него солдата. Всѣ

почти шевелятъ губами, и какъ бы вы думали, о чемъ они просятъ, чего имъ хочется? Они просятъ добить ихъ до смерти, дабы не чувствовать такого жесточайшаго мученія, какое они ощущаютъ. Какія сцены, любезная матушка! Признаюсь, что за всею твердостію, какую подаетъ намъ религія въ подобныхъ случаяхъ, сердце мое не было изъято отъ ужаса. Не боязнь дѣлала мнѣ сіе мѣсто толь страшнымъ (она уже совсѣмъ исчезла во мнѣ, по мѣрѣ привычки находиться всегда при арміи и слышать только про однихъ убитыхъ), но картина, представляющая мнѣ всѣ образы смерти и мученія человѣчества, потрясала мою внутренность и заставляла отвращать очи мои отъ столь ужаснѣйшаго позорища.

Мы стояли въ лощинѣ, на большой дорогѣ, и видѣли бо́льшую часть маневровъ сего достопамятнаго сраженія. Послѣ сего мы возились съ ранеными до самой Москвы, гдѣ и сдали ихъ въ лазареты. Всякую ночь помирало у насъ великое множество сихъ несчастливцевъ, и солдаты наши спали въ сей дорогѣ съ мертвыми трупами, потому что, пробудясь отъ сна, находили уже сихъ бѣдняковъ окостенѣлыми. А какъ мы проводили ночи въ сію дорогу, то одинъ только Богъ могъ сохранить меня отъ злой смерти; не знаю, какъ слабое мое здоровье то выдержало. Но за всѣмъ тѣмъ это была одна только слабая тѣнь трудовъ военныхъ, коимъ я послѣ подвергался. Все сіе происходило осенью, а зимою что̀ со мною случалось? Не знаю, какъ я могъ пережить сію зиму, не имѣвъ ни шубы, ни шенели, которыхъ и за большія деньги не можно было достать; нерѣдко постель наша была и на снѣгу, дождь и ненастье покрывалами; цѣлый день идя пѣшкомъ, ноги промокнутъ отъ снѣга; думаешь отдохнуть отъ сего труда, но не тутъ-то было: не въ теплую избу придешь осушиваться, но на чистое поле.

Упомянулъ я вамъ, что ни шинели, ни шубы у меня не было; но я радъ еще былъ, что только платьемъ своимъ могъ отдѣлаться, а то еще съ Сентября мѣсяца былъ бы вашъ Юрій Никитичъ на томъ свѣтѣ, сгорѣвши въ здѣшнемъ, на подобіе южнаго Американца.

Прошедши Москву, войска остановились около села Тарутина; ротѣ нашей приказано было слѣдовать за главною квартирой, а потому она всегда останавливалась близко отъ оныя. Мы стояли тогда въ деревнѣ, коя называлась Буевымъ Колодеземъ, и спокойно провождали свое время, ежели можно покойно провождать оное, бывъ отдаленнымъ отъ своего семейства. Вся деревня наполнена была солдатами разнаго рода; казаки вездѣ тамъ раскладывали огонь, чтобъ го-

товить себѣ кушанье и грѣться около онаго; передъ окошками на улицѣ, за сараями и возлѣ самыхъ избъ, пылали большіе костры дровъ. Въ одну ночь, когда мы трое офицеровъ находились въ глубокомъ снѣ, вдругъ разбужаетъ насъ одинъ изъ нашихъ служителей, крича дикимъ голосомъ, что мы пропали, и что огонь уже пробрался за потолокъ и весь дворъ объятъ пламенемъ. Тутъ нечего было размышлять; одинъ изъ товарищей выбилъ окошко, выскочилъ въ оное, и къ счастію, что окна отъ земли не такъ высоко отстояли, мы могли выскакивать изъ нихъ безъ всякой опасности; я же, образумясь отъ сего непріятнаго сюрприза, пока прочіе торопились выбрасываться, успѣлъ надѣть на себя мой халатъ и схватить первѣйшую мою драгоцѣнность, образъ Божіей Матери, который отыскалъ въ темнотѣ съ трудомъ, и туда же за товарищами выпрыгнулъ, оставя всѣ свои вещи на жертву пламени. Гаврило мой, рискуя потерять жизнь свою, бросился въ падающую и разрушенную отъ огня избу, чтобъ спасти остатки моего чемодана, и вынесъ мнѣ что̀ могъ схватить уцѣлѣвшаго; въ другой было разъ онъ хотѣлъ тоже сдѣлать, чтобъ еще что-нибудь спасти изъ моихъ вещей, но я его отъ сего предпріятія удержалъ: всѣ шинели, всѣ шубы на свѣтѣ не могли бы мнѣ замѣнить моего человѣка, въ случаѣ могущей съ нимъ встрѣтиться какой-либо опасности, которая на сей разъ была очевидною; человѣка, коего привязанность, вѣрность и безкорыстіе точными опытами мнѣ извѣстны. Я одолженъ своимъ постояннымъ здоровьемъ его бдительности и торжественно предъ всѣми произнесу мои благодарные отзывы. Прошу васъ, матушка кормилица, ежели спокойствіе вашего сына для васъ любезно, не оставить жену и дѣтей его, а я, съ своей стороны, знаю чѣмъ наградить моего вѣрнаго служителя: я слишкомъ ему обязанъ, чтобъ забыть его заслуги и не отблагодарить достойнымъ образомъ.

Но чтобъ, наконецъ, кончить мое письмо, какъ можно поспѣшнѣе (ибо оно чрезмѣрно пространно становится), увѣдомляю васъ, что съ Октября по Январь мѣсяцъ мы все были въ походахъ, проходили дремучіе и обширные лѣса Минской и Могилевской губерній, сами рубили большія сосны, сами прокладывали новую дорогу и терпѣли нужды различнаго рода. Моровая язва, здѣсь царствующая, похитила всѣхъ почти нашихъ солдатъ; двадцать человѣкъ осталось здоровыхъ, но и тѣ тоже, въ свою очередь, были больными. Я, Гаврило и Итальянецъ, коего вырвалъ я изъ челюстей смерти, взявъ на подмогу моему Гаврилѣ и коимъ я также доволенъ, какъ и имъ, остались цѣлыми и невредимыми отъ сей жестокой и мертвящей болѣзни, которая, однакожъ, нынѣ не такъ всеобща становится.

Роту нашу въ Вильнѣ разбили по артиллерійскимъ паркамъ, туда же отдали и лошадей, конскую аммуницію, а послѣ сего они и отправились за границу, вмѣстѣ съ нашимъ поручикомъ Журихинымъ. Потомъ, когда инспекторъ всей артиллеріи пріѣхалъ въ Вильну, что̀ случилось уже послѣ двухмѣсячнаго тутъ нашего пребыванія, то нашего Дитерихса, съ малыми остатками его роты и съ четырьмя офицерами, въ коемъ числѣ находился и я, отправляютъ Орловской губерніи въ городъ Брянскъ, для сформированія новой роты, не знаемъ еще навѣрное понтонной ли, или легкой артиллерійской, что̀ продолжится, какъ я полагаю, немалое время. Городъ Брянскъ отъ Москвы считается въ 300 верстахъ разстоянія, и я было употреблялъ всѣ мои старанія, дабы получить позволеніе къ вамъ съѣздить повидаться, писалъ самое наиубѣдительнѣйшее письмо къ правителю инспекторской канцеляріи Перенгу, но все не помогло, и я долженъ слѣдовать за ротою. По крайней мѣрѣ, то меня радуетъ, что я буду находиться въ Россіи и тысячью верстъ ближе къ вамъ, нежели прежде того находился, притомъ буду получать объ васъ свѣдѣнія и помощь. Прошу васъ, матушка кормилица, прислать мнѣ на мою поправку: я формально ничего у себя не имѣю, кромѣ бездѣлицъ, сдѣланныхъ изъ нашего толстаго крестьянскаго сукна, которыя уже и износилъ; кромѣ двухъ или трехъ солдатскихъ рубашекъ, уже ветхихъ и неспособныхъ къ ношенію, а прочаго бѣлья у меня ничего нѣтъ; жалованья уже цѣлый годъ какъ не получаю. Да что̀ нашимъ жалованьемъ можно и дѣлать, когда за все наше жалованье, т. е. за двѣсти восемьдесять рублей, давали сперва въ Вильнѣ только одиннадцать червонцевъ, коихъ едва на двѣ недѣли доставало, чтобъ купить на то съѣстныхъ припасовъ?

Ежели бы мы пошли за границу, отъ которой уже за нѣсколько верстъ стояли, то я бы и не думалъ просить васъ о деньгахъ; но къ несчастію или счастію нашему мы не пошли за нее, а остановились въ Вильнѣ. Всякій Виленскій день, съ медикаментами, коими мы обкуривали свою комнату, стоилъ мнѣ по крайней мѣрѣ червонецъ. Въ Вильнѣ я могъ только прокармливаться, такъ какъ офицеру прилично, а о платьѣ уже и не думалъ. Корыстей же никакихъ отъ сей кампаніи не получилъ, развѣ только что здоровья не убыло. Безъ помощи Егора Ивановича, нашего капитана, который всѣхъ насъ офицеровъ ссужалъ деньгами, мы бы не знали какъ и быть, а потому я и остался ему червонцевъ съ шестьдесятъ должнымъ. Зная, что мнѣ нужна немалая сумма на мою поправку и на уплату долговъ моихъ, долгомъ себѣ поставляю увѣдомить и о прошедшихъ деньгахъ, мною въ Петербургѣ полученныхъ, и о тѣхъ, кои взялъ съ крестьянъ; но изъ сего количе-

ства я и сотой доли не понесъ съ собою въ походъ: имѣвъ несчастіе или, лучше сказать, безразсудность задолжать, всѣ ихъ употребилъ на уплату и, не взирая на мои усилія заплатить и отквитаться совершенно, все еще остался рублей со сто съ небольшимъ должнымъ. Я не требую сего новаго пособія изъ участковъ принадлежащихъ братьямъ моимъ, ихъ великодушію я обязанъ и такъ много; братъ, отецъ и другъ мой Всеволодъ Никитичъ снабдѣвалъ меня всегда, когда мнѣ случалась нужда, но отнынѣ я уже не хочу во зло употреблять его великодушнаго и дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Я прошу васъ, ежели можно сіе учинить, то прислать изъ пожалованнаго вами мнѣ имѣнія тысячу семьсотъ рублей, которое количество непремѣнно мнѣ нужно для моей экипировки, ибо она должна быть для похода вдвойнѣ и для заплаты долговъ моихъ. Пожалуйста не безпокойтесь въ разсужденіи моихъ пустыхъ издержекъ, сіе никогда не было моею слабостію, а ежели бывъ въ Петербургѣ, я и вступилъ въ долги, то это, признаюсь откровенно, произошло отъ незнанія моего людей: я былъ легковѣренъ, подобно покойному брату Ивану Никитичу; ложные друзья пользовались моею особою и моими деньгами, а потому они и были понапрасну и излишне употреблены. Нынѣшняя кампанія открыла мнѣ глаза, я узналъ много людей съ настоящей ихъ стороны, избавился сего порока, а потому и полагаю, что ошибка, случившаяся со мною на двадцатомъ году моего возраста, не случится уже на двадцать второмъ. Кто былъ не подверженъ слабостямъ, кто былъ изъятъ въ жизни своей ошибокъ? Кто, живя въ столицѣ, окруженный товарищами молодыми, какъ и онъ самъ, столь же вѣтренными, и притомъ слѣдуя духу нашего времени блестѣть между себѣ подобными, нося на себѣ предпочтеніе артиллерійскаго офицера, могъ бы устоять отъ искушеній и не поскользнулся на столь нетвердомъ для соблазна поприщѣ, каково военное? Назовите мнѣ хотя одного такого, и тогда я останусь виновнымъ предъ людьми! Но ежели я былъ виновнымъ, то не передъ кѣмъ, какъ предъ вами, моя любезная матушка, и тѣмъ болѣе, что не объявилъ моего долга. Я думалъ его заплатить тѣми деньгами, кои вы мнѣ пожаловали, но ошибся; заплатить долги и жить въ тоже время сими деньгами было не достаточно. Признаюсь и безъ стыда вамъ доложу, что все продолженіе сей кампаніи было труднымъ оселкомъ для моей опытности: пожаръ, потери и время отняли у меня все. Ни платья, ни бѣлья, и ничего нужнаго для офицера я не имѣю; нужно ли мнѣ сожалѣть о непотеряніи своего здоровья, или лучше сказать о томъ, что я не умеръ въ моемъ несчастіи, и перенесъ его въ надеждѣ лучшаго времени, еще рѣшить не умѣю. Здоровье, самое драгоцѣннѣйшее качество въ человѣкѣ, едва ли отъ трудовъ осталось невредимо; а мзда моихъ усилій

осталась очень малою: мы работали не менѣе другихъ, но однакожъ медіаторъ нашъ, дежурный генералъ Кикинъ, обѣщавшій намъ чины, уѣхалъ за границу, а Дитерихсова жестокая болѣзнь остановила всѣ наши успѣхи; онъ хотѣлъ было меня послать за симъ въ Кенигсбергу, но обстоятельства перемѣнились, и ничего не воспослѣдовало. Все что намъ можно ожидать, то сіе не что иное есть, какъ крестикъ св. Михаила, вновь учреждаемаго ордена [1]); но сіе нисколько не радуетъ. Когда человѣкъ увѣренъ, что онъ болѣе работалъ и болѣе раздѣлялъ военные труды, нежели другой, да притомъ тотъ и награжденъ; то признаюсь, охота къ службѣ совсѣмъ охлаждается и, наконецъ, совершенно пропадаетъ.

Въ Брянскъ мы придемъ къ 10-му числу Мая мѣсяца; вы можете смѣло посылать ваши деньги, по приложенному у сего адресу. Сіе письмо и посылка вѣрно получатся мною по приходѣ моемъ въ Брянскъ, и окажете немедленною присылкою вашею большую милость и великодушіе: вы поможете бѣднѣйшему по стеченію обстоятельствъ, но всегда благородному и признательному къ вашимъ благодѣяніямъ сыну. Ежели наличныхъ денегъ у васъ не будетъ находиться, что очень можно по нынѣшнимъ временамъ и предполагать, то хоть займите на мое имя (со временемъ можно выплатить) и не оставляйте меня въ такомъ положеніи, въ каковомъ бы я и послѣдняго изъ своихъ подчиненныхъ не хотѣлъ видѣть. Отвѣчайте, моя родная, въ Брянскъ, какъ только что получите сіе мое письмо; ибо мы послѣ завтра непремѣнно отправляемся въ путь, въ означенную Орловскую губернію, а идя туда не замедлимъ на дорогѣ. Отъ туда я буду вамъ регулярно писать со всякою почтою, ибо я имѣю чрезвычайно много вамъ сообщить и увѣдомить. Бога ради не замедлите исполнить мою просьбу, ежели вамъ благосостояніе мое можетъ быть пріятно. Оканчивая сіе письмо желаніемъ вамъ всякихъ благъ и испрашивая вашего благословенія, честь имѣю пребыть

Усерднѣйшій и покорнѣйшій вашей волѣ сынъ вашъ Юрій Бартеневъ [2]).

10-го Марта, 1813 года, городъ Вильно.

P. S. Мы получили совсѣмъ другое отъ воинскаго начальства приказаніе: не въ Брянскѣ уже роты разстроенныя будутъ формиро-

---

[1]) Такого ордена учреждено тогда не было. Мысль о новомъ орденѣ возникала и въ прошлое царствованіе, въ виду обезцѣненія остальныхъ орденовъ. П. Б.

[2]) Мать Ю. Н. Бартенева Марья Васильевна, ур. Колобова, съ 1806 г. вдова надворнаго совѣтника и Галичскаго дворянскаго предводителя. П. Б.

вать, но не доходя къ нему, за двѣсти восемьдесятъ верстъ, они должны расположиться въ Могилевской губерніи, около мѣстечка Кричева. Вы болѣе не пишите на Брянскъ, а пишите въ городъ Чериковъ, отъ коего мы не болѣе отстоять будемъ, какъ верстъ за двадцать пять. Письмо и деньги дойдутъ непремѣнно, ежели вы будете слѣдовать совершенно сему адресу, кой къ сему препровождается. Въ мѣстечкѣ Кричевѣ артиллерійскій полковникъ Глинка, коему препоручено формированіе сихъ ротъ, уже давно живетъ и насъ дожидается. Мы туда должны поспѣшать какъ возможно скорѣе и мѣста сего нашего назначенія отнюдь не перемѣнять; по приходѣ моемъ туда, я увѣдомлю васъ, и вы съ своей стороны, Бога ради, матушка кормилица, увѣдомьте меня, хотя о своемъ здоровьѣ, которое мнѣ всего драгоцѣннѣе. Мѣстечко Кричевъ отстоитъ отъ Вильны 67 Нѣмецкихъ миль и $^{2}/_{7}$; а Русскими нашими верстами считается 471 верста. И все ближе къ Москвѣ.

P. S. Батюшкѣ, братцу Всеволоду Никитичу [1]), свидѣтельствую мое душевное почтеніе. Извини мой любезный, что я къ вамъ не пишу ничего особеннаго. Хотя и совсѣмъ уже написано къ вамъ письмо, но разные случаи запрещаютъ мнѣ къ вамъ его переслать; по приходѣ моемъ въ городокъ Кричевъ, вы получите его отъ меня непремѣнно; много кое чего мнѣ нужно вамъ разсказать и увѣдомить.

Любезной сестрицѣ моей Марьѣ Никитишнѣ [2]) свидѣтельствую мое почтеніе и цѣлую мою милую отъ чистаго сердца и съ сердечною радостію, но увы! все еще заочно. И тебя, милая Машенька, припасено было мною много писанныхъ листовъ, кои во время похода я для тебя пріуготовлялъ: съ самаго отбытія моего изъ Петербурга, т. е. съ 6-го Мая прошедшаго года, я велъ вѣрный журналъ всему тому, что́ ни видѣлъ и чѣмъ ни наслаждался, зная, что сестра моя охотница интересоваться судьбою каждаго, когда объ семъ ей будетъ сказано; она съ удовольствіемъ займется и мною, и въ томъ намѣреніи я описывалъ все что́ мнѣ ни попадалось; въ продолженіе времени всѣ сіи письма къ тебѣ перешлются [3]).

Милому моему портрету, сестрѣ Катеринѣ Никитишнѣ [4]), и брату Егору Степановичу мое усердное почтеніе и совершенная преданность.

---

[1]) Капитанъ-лейтенантъ Всеволодъ Никитичъ Бартеневъ (1787—1845) былъ въ 1834 году предводителемъ дворянства въ Буйскомъ уѣздѣ. П. Б.

[2]) Скончалась дѣвицею. П. Б.

[3]) Гдѣ этотъ журналъ и пи́сьма? П. Б.

[4]) За Егоромъ Степановичемъ Борноволоковымъ. П. Б.

МОРЕХОДНАЯ ШКОЛА ВЪ ХОЛМОГОРАХЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

Вопросъ объ учрежденіи мореходныхъ школъ впервыя возникъ въ царствованіе императора Петра I. Государь этотъ, обнаруживавшій особенную склонность къ мореходству и военнымъ наукамъ, свои стремленія къ насажденію просвѣщенія въ Россіи сосредоточилъ главнымъ образомъ на учрежденіи школъ, „навигацкихъ“, т. е. мореходныхъ и „гарнизонныхъ“ т. е. военныхъ [1]). Первая „навигацкая“ школа была учреждена, въ самомъ началѣ XVIII в., въ Москвѣ; въ нее велѣно было принимать дѣтей дворянскихъ, дьячьихъ и подьячьихъ и другихъ чиновъ отъ 12 до 17 и даже до 20 лѣтъ. Предметами преподаванія въ ней были: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, болѣе же всего навигація и нѣкоторая часть астрономіи [2]). Курсъ образованія въ навигацкой школѣ былъ такимъ образомъ довольно высокій, и въ нее могли поступать только люди, хорошо обученные грамотности.

Въ 1714 г. состоялось распоряженіе объ учрежденіи по провинціямъ школъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „цыфирныхъ“: „во всѣхъ губерніяхъ дворянскихъ и приказнаго чина, дьячихъ и подьяческихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцевъ, учить цыфири и нѣкоторую часть геометріи.“ Помѣщеніе для цыфирныхъ школъ приказано было „отвесть при архіерейскихъ домѣхъ“ и знатныхъ монастыряхъ, почему и самые указы объ учрежденіи цыфирныхъ школъ разосланы были „ко архіреомъ.“ Для преподаванія наукъ въ цыфирныхъ школахъ велѣно было послать „математическихъ (навигацкихъ) школъ учениковъ по нѣсколько человѣкъ въ губерніи и во время ученія тѣмъ учителямъ давать кормовыхъ по 3 алтына по 2 деньги на день изъ губернскихъ доходовъ“... Указъ этотъ былъ полученъ Холмогорскимъ архіепископомъ Варнавою 11 Мая и 13 Мая посланъ къ настоятелю Архангельскаго монастыря съ припискою: „и какъ къ вамъ ся наша грамота подана будетъ, и вы бъ архимандритъ съ братіею о учрежденіи у себя школъ и объ отводѣ тѣмъ ученикомъ (навигацкой школы, посылаемымъ въ качествѣ учителей), которые къ вамъ прибудутъ, учинили по вышеявленному указу“... [3])

---

[1]) Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I стр. 122.

[2]) Веселаго, Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса, стр. 8, 46—47.

[3]) Полное собр. зак. V, № 2.778; Дѣла архива Архангельскаго мон., т. № 1: дѣла и указы съ 1702 по 1719 г.

Однако дѣло не осуществилось; учителя не явились, ученики собраны не были, и ученіе не открывалось. Указъ былъ повторенъ въ 1716 г., но также безуспѣшно. Въ 1718 году указомъ Сената опредѣлено было для ученія цыфири и нѣкоторой части геометріи „быть у Архангельскаго города" учителемъ „съ Москвы Ѳедору Брюзгину", а указомъ 2 Ноября 1719 года, помѣщеніе для школы отвести въ „гошпитальномъ дворѣ для того, что у города (Архангельска) архіерейскихъ и монастырскихъ подворьевъ такихъ нѣтъ, а нынѣ въ ономъ гошпиталѣ больныхъ число малое"... Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненъ былъ и самый составъ учащихся: велѣно было брать „поповскихъ и церковныхъ причетниковъ дѣтей", которыхъ по росписи Архангелогородской губернской канцеляріи изъ „Двинскаго, Важескаго, Кевролъскаго и Мезенскаго уѣздовъ" слѣдовало собрать 46 человѣкъ въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ. Ученики собирались однако медленно, и въ концѣ 1719 года учитель Ѳедоръ Брюзгинъ жаловался, что за неприбытіемъ многихъ учениковъ „въ школьномъ ученіи учинилась остановка" [4]). Грозными указами духовнаго начальства ученики наконецъ были вытребованы и ученіе „цыфири" было открыто, но продолжалось не болѣе 3-хъ лѣтъ. Въ 1723 году ученіе въ цыфирныхъ школахъ для дѣтей духовенства было сдѣлано не обязательнымъ, а велѣно было представлять ихъ (дѣтей) въ духовныя школы, учрежденіе которыхъ было установлено Духовнымъ Регламентомъ при архіерейскихъ домахъ. Холмогорская архіерейская школа была учреждена въ 1723 году, и въ составѣ ея оказываются нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ Архангелогородской цыфирной школы; учитель Ѳедоръ Брюзгинъ, какъ кажется, снова уѣхалъ въ Москву, за неимѣніемъ учениковъ [5]); по крайней мѣрѣ о дальнѣйшемъ его существованіи въ Архангельскѣ упоминаній не встрѣчается.

Въ Январѣ 1725 года императоръ Петръ І-й скончался, и вопросъ объ учрежденіи мореходныхъ школъ не возбуждался до царствованія императрицы Екатерины ІІ-й. Въ 1769 году Адмиралтействъ-коллегія признала за полезное, для снабженія шхиперами и штурманами купеческихъ кораблей, учредить въ С.-Петербургѣ, Архангельскѣ, Астрахани и Иркутскѣ навигацкія школы для дѣтей купеческаго и крестьянскаго сословій и ввести въ этихъ школахъ обученіе Голландскому и Англійскому языкамъ [6]). Однако прошло еще двѣнадцать лѣтъ прежде, чѣмъ проектъ этотъ сталъ приводиться въ исполненіе, причемъ одна изъ этихъ школъ, уже называвшихся „мореходными", была учреждена въ Петербургѣ, а другая... не въ Архангельскѣ, гдѣ существовало нѣсколько корабельныхъ верфей, откуда велась довольно значительная заграничная торговля и гдѣ сосредоточивались другія учебныя

---

[4]) Дѣла архива Архангельск. монаст., указы съ 1702 по 1719 г.

[5]) „Въ губерніи изъ Москвы и Петербурга было отправлено учителей 47, изъ нихъ 18 возвратились назадъ за неимѣніемъ учениковъ". Пекарскій, Наука и литература т. І стр. 126.

[6]) С. Огородниковъ, Очеркъ исторіи г. Архангельска, стр. 238.

заведенія Архангельской губерніи, а въ заглохшемъ и удаленномъ отъ моря уѣздномъ городѣ Холмогорахъ.

Въ объясненіе этого нѣсколько страннаго обстоятельства не лишне припомнить слѣдующее. Предположивъ ввести въ „Архангелогородской губерніи“ учрежденіе объ управленіи губерній, изданное 7 Ноября 1775 года, Императрица указомъ 17 Апрѣля 1779 года повелѣла Ярославскому и Костромскому генералъ-губернатору Мельгунову объѣхать упомянутую губернію и „самолично представить, жителей на сколько раздѣлить областей и гдѣ приличнѣе и удобнѣе городу губернскому быть“. Мельгуновъ пріѣзжалъ въ Архангельскъ три раза: съ 8 по 26 Августа 1779 года, съ 19 по 22 Февраля и 20 Іюня по 19 Іюля 1780 года, при чемъ въ этомъ же году съ 22 по 28 Февраля онъ находился въ Холмогорахъ. Нужно еще замѣтить, что въ 1779 году въ Архангельскѣ было два пожара, изъ которыхъ первымъ (20 Іюля) былъ истребленъ губернаторскій домъ, а вторымъ (10 Декабря) длившимся болѣе полусутокъ, уничтожена была губернская канцелярія съ ея обширнымъ и цѣннымъ архивомъ [7]). Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе „самоличнаго“ представленія Мельгунова, Архангельскъ въ 1780 году лишенъ былъ, хотя не надолго, самостоятельнаго административнаго значенія, переименованъ изъ губернскаго въ областной городъ и наравнѣ съ Холмогорами присоединенъ къ новоучрежденному Вологодскому намѣстничеству, подчиненному въ свою очередь Ярославско-Вологодскому генералъ-губернатору Мельгунову [8]).

Высочайшимъ указомъ 12 Марта 1781 года было предложено упомянутому генералъ-губернатору учредить въ гор. Холмогорахъ мореходную школу по примѣрному плану таковой же школы, заводимой въ С.-Петербургѣ „отъ именій приказа“, т. е. управленіемъ удѣловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что указаніе на Холмогоры, какъ на мѣсто учрежденія школы, было сдѣлано по представленію Мельгунова, который усмотрѣлъ въ этомъ городѣ весьма пригодное для указанной цѣли каменное (какихъ еще не было въ Архангельскѣ) „казенное строеніе“ [9]).

Исторія этого „казеннаго строенія“ не лишена нѣкотораго интереса. Это былъ архіерейскій домъ, построенный въ 1688 году „тщаніемъ и трудами“ первопрестольнаго Холмогорскаго архіепископа Аѳанасія, вблизи бывшаго тогда каѳедральнымъ Холмогорскаго Преображенскаго собора. Первый и третій преемники Аѳанасія, архіепископы Сильвестръ и Варнава, произвели къ этому дому нѣкоторыя пристройки и отчасти измѣнили его внутреннее расположеніе. 24-го Октября 1744 года, когда здѣсь проживалъ уже 7-й

---

[7]) В. Крестининъ, Краткая исторія о гор. Архангельскѣ, 1792 г. стр. 77—78, 125—127.

[8]) Огородниковъ, Очеркъ истор. Архангельска, стр. 242.

[9]) Дѣла архива Арханг. губернскаго правл., Дѣла Архангельск. приказа обществ. призрѣнія объ учрежд. въ Холмогорахъ мореходной школы, №№ 1, 2 и 3.

преемникъ преосвященнаго Аѳанасія, архіепископъ Варсаноѳій, къ нему неожиданно прибылъ изъ Петербурга курьеръ и именемъ Императрицы объявилъ, что занимаемый имъ домъ поступаетъ отнынѣ въ казенное вѣдомство и чтобы онъ, преосвященный, немедленно выѣхалъ изъ этого дома со всѣмъ своимъ штатомъ. Категоричность требованія, предъявленнаго отъ имени Императрицы, не оставляла мѣста для какихъ-либо возраженій и колебаній, и преосвященный, не имѣя возможности найти болѣе соотвѣтствующее помѣщеніе, вынужденъ былъ, не смотря на глухое осеннее время, поселиться въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, выстроенномъ имъ для лѣтняго пребыванія за близъ-лежащимъ „Михеевскимъ" озеромъ [10]). Чрезъ нѣсколько дней въ каменный домъ подъ великимъ секретомъ были привезены какіе-то важные арестанты, „извѣстныя Его Императорскому Величеству персоны"; всѣ ворота, находившіеся въ оградѣ, окружавшей домъ, были наглухо закрыты, вездѣ поставлены часовые, и глубокая тайна окружила бывшее мѣстожительство Холмогорскихъ архіереевъ. Какъ извѣстно, этими таинственными заключенниками были бывшая правительница государства Анна Леопольдовна, ея супругъ принцъ Брауншвейгскій Антонъ Ульрихъ и ихъ малолѣтнія дѣти...

Прошло 36 лѣтъ; заключенные супруги скончались: она въ 1746 г. (отъ родовъ), онъ въ 1776 году. Четверо ихъ дѣтей не только возмужали, но почти состарились отъ бездѣйствія и скуки, оставаясь въ неизвѣстности относительно всего, что̀ находилось за стѣнами окружавшей ихъ ограды. Между тѣмъ насталъ часъ ихъ освобожденія: въ ночь на 27 Іюня 1780 года они были перемѣщены на казенное морское судно „Полярная Звѣзда" и въ сопровожденіи нѣсколькихъ прислужниковъ отправлены „за море" [11]), какъ оказалось, до Норвежскаго города Бергена, гдѣ должны были пересѣсть на Датскій корабль для переѣзда „въ Ютландію"... Мѣсто долговременнаго заключенія ихъ въ Холмогорахъ опустѣло, но ненадолго: оно-то и было тѣмъ „казеннымъ строеніемъ", которое предназначено было генералъ-губернаторомъ Мельгуновымъ для помѣщенія въ немъ новоучреждаемой въ этомъ городѣ мореходной школы и которое получило такимъ образомъ третье для себя назначеніе.

Копія съ высочайшаго указа и приложеннаго къ нему „примѣрнаго плана" была препровождена Мельгуновымъ „для исполненія" въ Вологодскій приказъ общественнаго призрѣнія, который, сообразуясь съ упомянутымъ „примѣрнымъ планомъ", „установилъ" учрежденіе мореходной школы въ Холмогорахъ „на слѣдующемъ основаніи":

---

[10]) С. Постниковъ: Аѳанасій, первый архіепископъ Холмогорскій, 1866 г. стр 28 В. Чернышевъ: Архіерейскій д. въ Архангельскѣ (Арханг. Губ. Вѣд. 1845 г. № 44). А. Ѳирсовъ: Историч. опис. Холмогорскаго женскаго монастыря (Арханг. Епарх. Вѣдом. 1894 г. № 24).

[11]) Дѣла архива губернск. правл., дѣла военнаго губернатора о Холмогорской мореходной школѣ, по 2 описи, № 215.

„1. Учреждаемая въ г Холмогорахъ мореходная школа имѣетъ служить для всѣхъ жителей Вологодскаго намѣстничества губернскаго, областныхъ и уѣздныхъ городовъ, такъ что дѣти ихъ будутъ обучаемы наукамъ, къ мореходству потребнымъ, безъ всякой заплаты.

3. [12]) Особливое попеченіе о мореходной школѣ приметъ на себя одинъ изъ членовъ приказа общественнаго призрѣнія, который и не преминетъ посѣщать ее въ разсужденіи отдаленности г. Холмогоръ отъ приказа общественнаго призрѣнія, въ губернскомъ городѣ Вологдѣ находящагося, въ годъ два раза, когда ему отъ приказа повелѣніе о томъ дано будетъ, осматривать ея производство, исправлять потребное и увѣдомлять приказъ о нуждахъ и недостаткахъ ея.

4. Въ школу сію нынѣ опредѣляется приказомъ общественнаго призрѣнія экономъ для содержанія расхода и пропитанія учениковъ, а со временемъ директоръ изъ отставныхъ морскихъ офицеровъ или другихъ въ мореходствѣ искусный и потребныя къ тому науки знающій, который, кромѣ главнаго надзиранія надъ школою, могъ бы еще преподавать одинъ изъ классовъ, въ ней назначиваемыхъ.

5. Въ сей школѣ для надзиранія за пансіонерами и учениками со временемъ опредѣляется приказомъ общественнаго призрѣнія инспекторъ или надзиратель изъ отставныхъ офицеровъ, человѣкъ добронравный, который долженъ знать всѣ тѣ науки, коимъ въ оной школѣ обучаться будутъ ученики. Всѣ учителя должны быть въ его повелѣніяхъ, и онъ долженъ смотрѣть ихъ прилежность и въ обученіи учениковъ и при переводѣ изъ класса въ классъ экзаменовать, а въ небытность директора смотрѣть за экономомъ, чтобъ наблюдаемъ былъ порядокъ въ пищѣ, чистотѣ, платьѣ, въ каморахъ и классахъ.

6. Въ мореходной школѣ полагаются слѣдующіе классы нынѣ: 1) Россійской грамоты и письма. 2) Ариѳметики и 3) Геометріи, а со временемъ 4) Тригонометріи, 5) Купеческой навигаціи, 6) Сферики, 7) Астрономіи, 8) Круглой (?) навигаціи, 9) Географіи и морскихъ картъ, 10) Голландскаго, 11) Англинскаго, 12) Нѣмецкаго, 13) Французскаго языковъ и 14) Бухгалтерству на Италіанскій образецъ.

7. Для вышеписанныхъ классовъ принять учителей и установить приличную имъ за труды плату, а для другихъ имѣющихъ со временемъ учредиться классовъ принимать учителей, когда будутъ надобны, смотря по успѣхѣ въ наукахъ учениковъ.

8) Дабы завести со временемъ собственныхъ своихъ учителей, назначается имѣть пансіонеровъ для каждаго класса по 3 человѣка, а во всѣхъ 42, на иждивеніи приказа общественнаго призрѣнія.

9. Пансіонеры имѣютъ быть единственно изъ мѣщанскихъ дѣтей неимущихъ, и особливо сиротъ..., кои уже въ народныхъ школахъ сдѣлали начало ученія, въ 6-й статьѣ изображенное.

---

[12]) 2 § нами опущенъ; въ немъ говорится „о пріемѣ обитателей прочихъ городовъ" въ школу

10. На каждаго пансіонера приказъ общественнаго призрѣнія назначаетъ сумму по 45 рубл. на человѣка, съ тѣмъ, чтобы они содержаны были за общимъ столомъ и получали нужную одежду, такожъ все для ученія потребное.

11. Экономъ будетъ имѣть при себѣ бухгахтера для записи прихода и расхода денежнаго, въ чемъ онъ и долженъ давать отчетъ.

13. [13]) Ежегодно въ сей школѣ будутъ дѣлаемы экзамены при членѣ приказа общественнаго призрѣнія, пекущемся о школѣ, который будетъ имѣть честь пригласить нѣсколько особъ Россійскаго морского департамента, лаская себя надеждою, что они, способствуя благу отечества, не отрекутся дать свои мнѣнія и совѣты къ поправленію недостатковъ и распространенію сего заведенія"...

Выписанныя нами „основанія" показываютъ, въ какихъ широкихъ планахъ и съ какими широкими задачами предположено было учрежденіе мореходной школы въ г. Холмогорахъ. Посмотримъ теперь на успѣхи.

Составленныя приказомъ общественнаго призрѣнія „основанія" были препровождены въ Маѣ мѣсяцѣ къ генералъ-губернатору, который нашелъ, что „1) нѣтъ надобности, чтобы посѣщающій сію школу членъ былъ изъ флотскихъ офицеровъ, а надобенъ такой, кто приметъ на себя оный трудъ изъ членовъ приказа или верхняго земскаго суда, чтобъ не менѣе 4-хъ разъ тѣ посѣщенія дѣлалъ..., 2) нѣтъ еще нужды въ положенномъ директорѣ, а стараться пріискать только эконома..., 3) не надобно теперь знающаго всѣ прописанныя въ репортѣ науки учителя, а нуженъ на первый случай учитель ариѳметики и геометріи, который имъ, генералъ-губернаторомъ, уже и принятъ"... Что касается учениковъ, то, по распоряженію Мельгунова, въ Архангельскѣ тогда же было набрано 10 человѣкъ, а о наборѣ еще 23-хъ человѣкъ предписано всѣмъ городскимъ головамъ отъ Вологды до Мезени.

Такъ какъ изъ числа членовъ приказа общественнаго призрѣнія никто завѣдыванія Холмогорской мореходной школой на себя не принялъ, то Мельгуновъ назначилъ на эту должность засѣдателя земскаго суда поручика А. Брянчанинова и предложилъ приказу дать ему, Брянчанинову, соотвѣтствующее „наставленіе". Въ данномъ 21 Іюня „наставленіи" приказъ поручалъ Брянчанинову „осмотрѣть назначенный для школы домъ, сдѣлать обстоятельную его опись", узнать, нужна ли въ немъ какая либо починка и какія нужны для мореходной школы вещи и другія потребности, пересмотрѣть набранныхъ въ Архангельскѣ учениковъ, чтобы всѣ они были изучены въ школахъ или дома Россійской грамотѣ и писать; узнать, сколько будетъ стоить содержаніе учениковъ пищею и приличною одеждою и, наконецъ, „пріискать эконома за годовое жалованье въ 200 рубл. и потребныхъ служителей", и „о всемъ вышеписанномъ почасту увѣдомлять приказъ". На потребные расходы Брянчанинову было выдано, частію Мельгуновымъ, частію по его распоряженію, 2500 рублей.

---

[13]) 12 § нами опущенъ.

Между тѣмъ распоряженіе о наборѣ учениковъ для учреждаемой школы по уѣзднымъ городамъ не имѣло почти никакого движенія: нѣкоторые головы репортовали только о полученіи указа и о томъ, что „исполненіе чинено быть имѣетъ“ и болѣе никакихъ свѣдѣній не представляли. 25 Іюня приказъ получилъ слѣдующее донесеніе Устюжскаго городского головы Григорія Захарова: „Минувшаго Маія отъ 27 числа отъ приказу общественнаго призрѣнія предложено мнѣ о наборѣ въ мореходную школу учениковъ; а коликое число и изъ какихъ дѣтей, отъ коликихъ и до коликихъ лѣтъ, ученыхъ или хоша и неученыхъ, и при наборѣ какъ ихъ содержать — того не изъяснено... По наборѣ же какъ ихъ содержать, *подъ стражею ли, а буде безъ стражи, то уповательно разбредутся,* а неотмѣнно таковыхъ до отсылки надо кормить и одѣть и изъ какой же суммы употреблять не знаю, того ради всепокорнѣйше доношу, не благоволите ли приказать объ ономъ“... Приказъ остался крайне недоволенъ донесеніемъ; заслушавъ его противъ обыкновенія въ день полученія, приказъ постановилъ послать какъ къ Устюжскому, такъ и къ прочимъ главамъ, магистратамъ и словеснымъ судамъ..., что... учреждаемая въ г. Холмогорахъ мореходная школа имѣетъ служить для всѣхъ сего намѣстничества городскихъ жителей въ ихъ пользу, такъ что дѣти ихъ будутъ обучаемы наукамъ, къ мореходству потребнымъ, безъ всякой заплаты..., а посему и должно быть набраны оными главами въ пансіонеры (сей школы) по предписанному—изъ дѣтей мѣщанскихъ, неимущихъ и особливо сиротъ и изъ незаконорожденныхъ... для собственной ихъ пользы, которыя бы хотя только Россійской грамотѣ были выучены *не ниже десяти и не выше двадцати лѣтъ,* и кто пожелаетъ въ таковы ученики, то, учиня имъ именной списокъ, прислать въ сей приказъ, а ихъ оставить по прежнему у родителей или родственниковъ ихъ... и при проѣздѣ чрезъ ихъ города засѣдателя Брянчанинова представить къ нему сихъ учениковъ для пересмотра. Однако и послѣ второго предписанія приказа, дѣло о наборѣ учениковъ подвигалось медленно. Шенкурскій городовой магистратъ писалъ, что „учениковъ“ для учреждаемой школы „за разными отлучками нынѣ здѣсь не обыскалось, а кои хотя и имѣются, и тѣ самые малолѣтніе“. Въ репортѣ Сольвычегодскаго магистрата пишется, что „изъ дѣтей купечества и мѣщанства никто мореходами не находятся, почему за необыкновенность ихъ къ тому для обученія во оной школѣ мореходству желанія не имѣютъ.“ Яренскій городской голова репортовалъ, что онъ, предложеніе приказа общественнаго призрѣнія Яренскимъ купцамъ и мѣщанамъ объявлялъ съ подписками и о дачѣ въ оную школу въ ученики дѣтей ихъ, сколько силъ было, склонялъ, и къ тому крайне старался и попеченіе имѣлъ, но въ дачѣ въ ту школу въ ученики желающихъ никого не отыскалось“... Изъ другихъ городовъ поступали донесенія о наборѣ одного или двухъ учениковъ, причемъ Тотемскій городской голова увѣдомлялъ, „что за несыскомъ“ желающихъ при собраніи въ городовомъ магистратѣ выбранъ въ Холмогорскую мореходную школу между прочимъ „сынъ сосланнаго на поселеніе“...

Брянчаниновъ, прибывъ въ Холмогоры, „учинилъ назначенному для оной школы строенію обстоятельную опись“, нужныя на первый случай

вещи исправилъ и строеніе починкою, по повелѣнію его высокопревосходительства, поручилъ Холмогорскому капитану - исправнику Протопопову, коему и выдалъ подъ росписку его“ на этотъ предметъ „750 руб.“. Столь значительная сумма, заставляетъ думать, что „строеніе“ это было найдено Брянчаниновымъ въ запущенномъ состояніи: вѣроятно во время 36-лѣтняго пребыванія въ немъ несчастныхъ узниковъ никакихъ починокъ въ „строеніи“ не производилось.

Съ 10 Іюля начали прибывать въ школу набранные ученики: къ 19 числу ихъ было 8, къ 22—9, къ 24-му—20, къ 6-му Августа—22, къ 7-му—28, къ 30-му—30, къ 1-му Октября—31, и наконецъ къ 20-му Октября полный комплектъ, 33 человѣка.

Первые расходы на содержаніе школьниковъ были произведены Брянчаниновымъ: имъ были куплены деревянныхъ 15 „ставцей“, 10 чашекъ, 20 блюдъ, 50 ложекъ, 182 арш. холста на 36 рубашекъ, 9 паръ „котовъ“, 9 паръ чулковъ и т. под., издержано на содержаніе пищею 35 руб. 63½ коп. и на пріобрѣтеніе съѣстныхъ припасовъ 351 рубл. 5 коп.; сверхъ сего имъ куплено 24 аспидныхъ доски, 81 грифель, 400 экз. Россійскихъ азбукъ, 2 стопы бумаги писчей и дано Холмогорскому лѣкарю на лѣкарства для учениковъ 30 рубл. Наконецъ имъ же, по приказанію его высокопревосходительства, принятъ экономомъ въ оную школу капитанъ (онъ же „секундъ-маіоръ“) *Михаилъ Путкинъ* съ жалованьемъ въ годъ по 200 рубл.“, въ учители Нѣмецкаго и „Англійскаго“ языковъ *Андрей „Кондрадій“* (*Конради*) съ жалованьемъ въ годъ по 300 рубл., математики—*Никита Исаевъ* съ жалованьемъ въ годъ по 90 рубл., навигаціонной науки — *Алексѣй Шабалинъ* съ жалованьемъ также по 90 рубл., писарь за 30 рубл., работники и работницы—всѣ съ 1-го Августа 1781 г. Сверхъ сего Брянчаниновымъ былъ „пріисканъ для толкованія обучающимся во оной школѣ ученикамъ катихизиса“ (предмета, опущеннаго въ положеніи о школѣ) „Архангельской семинаріи грамматическаго класса учитель (діаконъ) *Степанъ Петровъ*“, о принятіи котораго и объ опредѣленіи ему годового жалованья уже лично представлялъ приказу по возвращеніи въ Вологду въ концѣ Октября мѣсяца. Приказъ постановленіемъ 2 Ноября опредѣлилъ упомянутаго учителя „для толкованія... катихизиса принять и за оный его трудъ производить ему жалованья въ годъ по 40 рубл. и о томъ оной школы эконому Путкину предложить“, а равно о томъ, „когда онъ (Петровъ) вступитъ въ должность, приказу дать знать“.

Ученіе открылось въ школѣ еще при Брянчаниновѣ, но не по всѣмъ предметамъ; въ подписанномъ имъ реестрѣ учениковъ школы, составленномъ уже въ Октябрѣ мѣсяцѣ значится, что 7 изъ нихъ „обучаются словесному„, 1—„учитъ псалтирь“, 3—„пишутъ азбуку“, 1—„учитъ коммерцію“, 2—„учатъ вычитаніе“, 2—„учатъ сложеніе“, 8—„учатъ умноженіе“, 3—„учатъ дѣленіе“, 2—„учатъ именованныя числа“, 1„—учитъ примѣненіе въ доляхъ“ и 1—„раздробленіе въ доляхъ“, и о двухъ ничего не сказано. Панятый

Брянчаниновымъ учитель Конради, состоявшій переводчикомъ при Архангельской таможнѣ, не былъ отпущенъ въ Холмогоры оберъ-комендантомъ Архангельска генералъ-маіоромъ Ливеномъ, о чемъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ приказъ репортовалъ генералъ-губернатору. Навигаціонный учитель Алексѣй Шабалинъ (какъ доносилъ о томъ приказу экономъ Путкинъ отъ 26 Ноября) „съ самаго опредѣленія своего въ школѣ не бывалъ и никого не обучалъ", почему и былъ имъ „изъ учителей" исключенъ. „Нѣмецкой учитель и по сіе число въ школу изъ города не бывалъ; опредѣленной катихизическій учитель только 2 Декабря началъ обучать катихизмусу".

29 Ноября приказъ заслушалъ „доношеніе изъ мірской Архангелогородскаго посада губы 25 и 26 Октября о томъ, что, „по извѣту" двухъ Архангелогородскихъ мѣщанскихъ вдовъ и двухъ мужнихъ женъ", „въ Холмогорской мореходной школѣ обучающимся ихъ и прочихъ мѣщанъ дѣтямъ производится весьма худая и недостаточная пища, одежды и постелей никому изъ нихъ не достается, свѣчъ даютъ очень мало, такъ что большее время проводятъ въ темнотѣ, рубахи немытыя носятъ по три недѣли, отчего оные (ученики) претерпѣваютъ голодъ, холодъ и изнуреніе и многіе находятся нынѣ въ коростовой болѣзни, въ покояхъ же, въ коихъ они живутъ, великая нечистота, такъ же за пьянство учителя Шабалина ученіе имѣютъ худое и безнадежное". Доношеніе это сильно встревожило приказъ, и онъ, хотя не принялъ „за совершенно основательное, дабы такъ въ томъ училищѣ все происходило, какъ описывается въ изъявленіи означенныхъ мѣщанокъ", однако нашелъ „въ долгѣ своемъ узнать объ ономъ достовѣрно", для чего и объявилъ своему засѣдателю Брянчанинову, чтобы онъ „безмедленно совершилъ въ г. Холмогоры отъѣздъ и вошелъ въ узнаніе совершенное противу сего доношенія". Приказъ поручилъ Брянчанинову, что „имъ на мѣстѣ найдено и усмотрѣно будетъ къ лучшему въ содержаніи сего училища въ благоустроеніи порядку—установить и распорядиться... и приказъ о томъ увѣдомить; что же надлежитъ до учителя навигаціоннаго класса Шабалина, какъ велѣно его за пьянство отрѣшить, то на мѣсто его пріискать другаго"... Прошло болѣе мѣсяца, прежде чѣмъ Брянчаниновъ прибылъ въ Холмогоры; въ это время произведено было немало улучшеній въ школьной обстановкѣ и содержаніи учениковъ: было увеличено число столовъ, скамей, кроватей: на тюфяки куплено „кежу" *), заведены желѣзные подсвѣчники, щипцы, вставлены и законопачены другія „окончины"; успѣлъ прибыть, 24 Декабря, даже учитель Конради. Брянчаниновъ нашелъ „извѣтъ" во всемъ неправильнымъ, особенно по содержанію учениковъ пищею; однако найдено было нужнымъ „достроить" самое „строеніе", улучшить ученическую обстановку, завести подушки и наволочки къ нимъ изъ „кежу", увеличить число перемѣнъ бѣлья и особенно завести для всѣхъ учениковъ казенную однообразную одежду, камзолы и штаны изъ василькового сукна, галстухи изъ алой китайки, чулки, „коты"; чулки около колѣна и назади д. б. завязываться тесьмою. Относительно учебной части Брянчаниновъ писалъ, что

*) По словарю Даля, кежа—пестрядь, затрапезина (льняная ткань). П. Б.

Нѣмецкій учитель Конради зачалъ обучать свой классъ, но за неимѣніемъ потребныхъ къ тому книгъ, дальняго успѣха ожидать не можно, и что вмѣсто Шабалина „въ навигаціонные учители имъ былъ принятъ 12 Января 1782 года „инвалидной роты лейтенантъ *Степанъ Фроловъ* съ положеннымъ жалованьемъ“, для занятій котораго съ учениками однако необходимо было завести „книги и инструменты“. Учитель же Исаевъ былъ настолько исправенъ и усерденъ, что еще въ Декабрѣ мѣсяцѣ „за добропорядочные его поступки и прилежное обученіе дѣтей произведенъ былъ“ генералъ-губернаторомъ въ „сержанты“; и дѣйствительно, приложенныя къ дѣламъ вѣдомости или списки учениковъ содержатъ въ себѣ показаніе успѣховъ каждаго изъ нихъ въ занятіяхъ только математикою.

На достройку зданія, въ которомъ пригодны были для жилья только два покоя, а крыша „въ поворотѣ отъ каменныхъ покоевъ даже до каменныхъ воротъ была сломана“ и требовала „перекрытья“, было вновь выдано Брянчаниновымъ Холмогорскому исправнику Протопопову 500 рубл.; такимъ образомъ на исправленіе пресловутаго „казеннаго строенія“ въ первый годъ существованія школы употреблено было уже 1250 рублей.

Дальнѣйшее исполненіе предположенныхъ улучшеній и ближайшее завѣдываніе школою было возложено на эконома Путкина; Брянчаниновъ же назначенъ прокуроромъ Архангельскаго магистрата и произведенъ въ коллежскіе асессоры. Изъ донесеній Путкина между прочимъ видно, что пошитіе камзоловъ съ приборами было окончено въ Мартѣ мѣсяцѣ; но тѣмъ не менѣе условія пребыванія учениковъ въ школѣ не были благопріятны для ихъ здоровья: почти во всѣхъ донесеніяхъ Путкина говорится о болѣзни нѣкоторыхъ учениковъ „коростою“, „чесоткою“, „чахоткою“, „животомъ“, „горячкою“ и т. п. О состояніи учебной части Путкинъ доносилъ въ Мартѣ, что для обученія навигаціи потребны, согласно „регистеру“ учителя Фролова, „циркули простые, циркули треножные, перья линейныя, перья для размѣру, транспортиры или шкала, книга—лагаривы, синусы, тангенсы и таблицы меридіональныя..., безъ которыхъ инструментовъ и книгъ обойтись „никакъ невозможно“; что „Нѣмецкой учитель обучаетъ по нѣмецки нѣкоторыхъ писать, а діаконъ въ положенные часы обучаетъ катихизмусомъ“. Въ донесеніи за Апрѣль мѣсяцъ значится, что навигаціонный учитель, „за неимѣніемъ инструменту и книгъ, обучаетъ егометріи“. Ни инстументовъ, ни книгъ для занятій этого учителя не было и въ Іюнѣ мѣсяцѣ, почему онъ и въ этомъ мѣсяцѣ навигаціи не обучалъ, а только имѣлъ „присмотръ въ егометрической наукѣ съ учителемъ Исаевымъ“. „Учитель Конради обучалъ нѣкоторыхъ только по нѣмецки, а по аглецки еще и начала къ обученію не имѣлъ“ и 30 Мая выѣхалъ въ Архангельскъ „по должности переводчика въ портовой таможнѣ“.

Каникулярнаго времени въ школѣ, какъ видно, не было, и ученье продолжалось все лѣто. Въ Іюлѣ 1782 года въ учительскомъ персоналѣ школы появляется новое лицо—учитель „плоской навигаціи“, Архангельскій мѣща-

нинъ *Яковъ Бейеръ*, опредѣленный генералъ-губернаторомъ Мельгуновымъ еще въ Апрѣлѣ съ жалованьемъ по 200 рубл. въ годъ. Въ концѣ этого же мѣсяца были получены выписанные для занятій учителя Флорова инструменты и книги: 2 астролябіи, 10 „гантирскихъ школъ“, 15 „сектуровъ“, 15 геометрическихъ инструментовъ, 2 „актагаліевыхъ мѣдныхъ“, 1 „квадрикетъ“, 1 „граштокъ“; 15 логариѳмическихъ таблицъ, 20 „Бугеровыхъ навигацій“, 25 „Крафтовыхъ геометрій“, 10 Англійскихъ грамматикъ, 10 азбукъ Нѣмецкихъ, 4 Нѣмецкія грамматики и проч. Успѣхи учениковъ къ этому времени выражались въ слѣдующемъ видѣ: 7 читали по россійски и писали склады, 3 учили умноженіе, 1 училъ 4-ю книгу тройныхъ правилъ“, 1 училъ сложеніе долей, 2—„примѣненіе долей“, 7—„вторую книгу тройныхъ правилъ“. 2—„ пятую книгу тройныхъ правилъ“, 2—„смѣшеніе вещей“, 6 начинали геометрію и 2 проходили планиметрію. Этими показаніями, относящимися при томъ къ одной только „математикѣ“, и заканчиваются, къ сожалѣнію въ имѣющихся у насъ подъ руками документахъ свѣдѣнія объ успѣхахъ учениковъ; дальнѣйшихъ показаній успѣховъ ни по математикѣ, ни по другимъ предметамъ не находится, хотя „рапорты“ „кто во оной школѣ что̀ учитъ; кто понятенъ и кто не понятенъ, въ которомъ классѣ“—приложены.

Генералъ-губернаторъ Мельгуновъ прилагалъ всѣ заботы о приведеніи въ надлежащее состояніе учрежденной имъ въ Холмогорахъ школы: онъ щедро выдавалъ деньги на ея благоустроеніе и нужды, опредѣлялъ и поощрялъ учителей, требовалъ ежемѣсячныхъ свѣдѣній о ходѣ учебнаго дѣла, высылалъ книги и учебныя пособія. Спустя годъ послѣ учрежденія школы, въ Октябрѣ 1782 года, когда необходимыя преподавательскія должности были замѣщены, онъ назначилъ сюда (въ соотвѣтствіе съ предположеннымъ „основаніемъ“) директора, опредѣливъ на эту должность „инвалидной команды штабъ-офицера“ (онъ же капитанъ 3-го ранга) *Ивана Нѣмчинова* съ годовымъ жалованьемъ въ 300 рублей. Когда прибылъ Нѣмчиновъ въ Холмогоры, изъ дѣлъ усмотрѣть нельзя: повидимому его не было въ школѣ еще и въ Мартѣ 1783 года. Между тѣмъ, не смотря на всѣ заботы генералъ-губернатора объ улучшеніи условій пребыванія учениковъ въ школѣ, не смотря, на расширеніе помѣщенія, умноженіе школьной обстановки, улучшеніе пищи и одежды, ученики, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, сильно тяготились школьною жизнью. 31 Марта 1783 года Путкинъ доносилъ приказу, что ученикъ Алексѣй Гостевъ 15 числа сего мѣсяца „безъ вѣдома отлучился, за коимъ и было послано, но нигдѣ не нашли; уповательно, что *бѣжалъ* и съ собою унесъ казенныхъ вещей: камзолъ, штаны васильковые, рубашекъ четыре, коты одни, чулки одни, галстухъ“... и просилъ исключить этого ученика. Приказъ былъ недоволенъ этимъ донесеніемъ и, сообщивъ намѣстническому правленію, „дабы оно благоволило о сыску означеннаго ученика и, буде гдѣ явится, о немедленномъ представленіи его въ Холмогорскую мореходную школу“, предписалъ Путкину о пріемѣ ученика „ожидать наставленія отъ прокурора Архангельскаго магистрата Брянчани-

нова, принявшаго на себя трудъ имѣть смотрѣніе за школою". Отыскался ли этотъ ученикъ и былъ ли принятъ въ школу, изъ дѣлъ не видно.

Съ наступленіемъ лѣта 1783 года учитель Конради по должности переводчика портовой таможни опять уѣхалъ въ Архангельскъ.

Вслѣдствіе донесенія о семъ директора Нѣмчинова и эконома Путкина приказъ, „въ сходственность предложенія г. генералъ-губернатора", предписалъ исключить Конради изъ службы при школѣ и разсчитать его жалованьемъ по 10 Іюля, (и опредѣлилъ принять) съ 11 Іюля—въ учители Нѣмецкаго языка, „*исторіи*" и всѣхъ частей грамматики Ревельскаго уроженца *Адама Фельдштрауха*, съ годовымъ жалованьемъ въ 300 рубл. при казенной квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи. По повелѣнію генералъ-губернатора увеличено было на 30 рублей въ годъ и жалованье „находящемуся въ учителяхъ навигаціи морского флота лейтенанту Фролову". Продолжали улучшаться школьная обстановка и содержаніе учениковъ: для нихъ устроены были «свѣтлицы" (лѣтнія помѣщенія), печи были перестроены и покрыты „бѣлой глиной", заведены новыя рамы съ новыми стеклами, увеличено число прислуги, заведенъ для каждаго ученика полный комплектъ спальныхъ приборовъ и для лѣта бѣлыя одѣяла; по праздникамъ стали давать пироги. Экономъ Путкинъ началъ просить денегъ на покупку сукна для заведенія новыхъ камзоловъ и штановъ; но приказъ, въ виду того, что со времени „сдѣланія камзоловъ и штановъ" не прошло еще и двухъ лѣтъ, предписалъ Путкину „обстоятельно репортовать о цѣнѣ во сколько встанутъ и точно ли оные такъ нужны, что и поправить никакъ уже не можно", однако добавлялъ: буде весьма уже ветхи", то донести. Для учебныхъ занятій воспитанниковъ были куплены 14 катихизисовъ, по 20 коп. каждый, и присланы генералъ-губернаторомъ чрезъ приказъ общественнаго призрѣнія „закупленныя имъ для учрежденной въ Холмогорахъ мореходной школы книги во Французскомъ переплетѣ: 12 экземпляровъ „Разговоровъ на Нѣмецкомъ, Французскомъ и Русскомъ языкахъ" да 1 экземляръ въ трехъ томахъ на Нѣмецкомъ языкѣ „Крюйсовъ конторисъ", за которыя было заплачено 29 рублей.

Какъ щедро выдавались деньги на школу, можно напр. видѣть изъ того, что при предложеніи приказа эконому Путкину отъ 11 Января 1783 года было послано „для оной школы расхода" тысяча рублей, затѣмъ 9 Іюня еще 994 рублей. Для сравненія замѣтимъ, что въ тоже самое время Архангельская духовная семинарія, въ которой было до 100 учащихся и до 5—6 учащихъ, получала на свое содержаніе только 816 руб. 93¾ коп. въ годъ... [14])

Но какъ ни заботилось начальство о преуспѣяніи учрежденной имъ въ Холмогорахъ мореходной школы, дѣло продолжало сопровождаться неудача-

[14]) Арх. Губ. Вѣд. 1847 г. № 10: „Архангельская духовная семинарія".

ми. За недолгое существованіе школы немало смѣнилось въ ней преподавателей и при томъ большею частію по непригодности. Прошло не болѣе года со времени прибытія въ школу перваго ея директора (Нѣмчинова), какъ предложеніемъ „его высокопревосходительства г. генералъ-губернатора“, предписано было „находящагося въ Холмогорской мореходной школѣ директора Нѣмчинова изъ списка *за неспособностью* исключить, удовольствуя его жалованьемъ по 20 число Марта (1784 г.), и на мѣсто въ списокъ взнесть отставного штабъ-офицера *Филатова* и жалованье производить ему съ вышеписаннаго числа“. Въ своемъ „предложеніи“ отъ 13 Мая 1784 г. приказъ писалъ между прочимъ эконому Путкину, чтобы „по дѣламъ не терпящимъ времени и чтобы въ перепискѣ съ приказомъ въ разсужденіи отдаленности не могло быть медленности“, относиться къ прокурору Брянчанинову и какія отъ него будутъ получены „наставленія, исполнять по онымъ и приказу обстоятельно репортовать“. Отсюда можно заключить, что въ Маѣ 1784 года Филатова еще не было въ Холмогорахъ, и школа оставалась безъ директора.

Извѣстіемъ о назначеніи Филатова директоромъ школы заканчиваются свѣдѣнія объ этой школѣ, заключающіяся въ архивныхъ документахъ [15]) Изъ другихъ источниковъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что 26 Марта 1784 года послѣдовало увольненіе Мельгунова отъ должности генералъ-губернатора [16]), что тогда же Архангельскъ, въ разсужденіи положенія этого города“, вновь былъ переименованъ въ губернскій городъ [17]) и что „въ 1786 году“ Холмогорское „мореходное училище было переведено въ Архангельскъ и соединено съ только что открытымъ главнымъ народнымъ училищемъ“ [18]). Это послѣднее извѣстіе подтверждается сообщеніемъ П. И. Челищева, который въ описаніи своего путешествія по Сѣверу Россіи въ 1791 году говоритъ, что въ существовавшемъ въ то время въ Архангельскѣ народномъ училищѣ обучали „грамматикѣ, правописанію, ариѳметикѣ и геометріи“ и присовокупляетъ, что въ его „бытность“ въ этой „школѣ обучалось 335 мальчиковъ“ [19]). Замѣтимъ при этомъ, что, упомянувъ о существованіи „народной городской школы въ г. Онегѣ, и даже наименовавъ учителя этой школы (Григ. Иван. Иванова), Челищевъ совершенно не упоминаетъ о существованіи какого-либо училища въ Холмогорахъ, хотя, находясь въ этомъ городѣ три дня, внимательно сдѣлалъ статистическое его описаніе[20]). Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что послѣ оставленія Мельгуновымъ должности генералъ-губернатора учрежденная имъ въ Холмогорахъ мореходная школа суще-

---

[15]) Дѣла архива Арх. Губ. Правленія за 1781—1784 годы.

[16]) Справочная книжка Арх. губ. на 1852 г., стр. 199.

[17]) Молчановъ, Историч. описаніе Арх. губ. 1818 года, стр. 86.

[18]) Справочная книжка Арх. губ. на 1861 г.: Историч. статист. обозрѣн. г. Архангельска, К. Пилацкаго, стр. 43.

[19]) Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г. П. И. Челищева, изданіе Общества Любителей Древней письменности 1886 г., стр. 83.

[20]) Тажъ же, стр. 119—125.

ствовала недолго; вполнѣ вѣроятно, что ее смѣнило открытое въ Архангельскѣ въ 1786 году „Главное народное училище", курсъ образованія въ которомъ и мѣстонахожденіе котораго болѣе соотвѣтствовали потребностямъ и обстоятельствамъ времени [21]), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и многочисленность учащихся въ немъ въ 1791 году. Къ сожалѣнію, въ нашихъ рукахъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, при какихъ обстоятельствахъ прекратила свое существованіе Холмогорская мореходная школа и какая судьба постигла служившихъ и учившихся въ ней; знаемъ только, что домъ, въ которомъ помѣщалась школа, 26 Октября 1798 года высочайше повелѣно было „принять по прежнему въ свое (духовное) вѣдомство и помѣстить въ немъ Холмогорскій женскій монастырь" [22]). Замѣчательно, что въ высочайшемъ повелѣніи домъ этотъ названъ „бывшимъ архіерейскимъ", а не „казеннымъ", какимъ считался онъ въ послѣдніе 54 года своего существованія, и что во время принятія духовнымъ вѣдомствомъ упомянутый домъ былъ почти въ полуразрушенномъ состояніи и не сохранялъ никакихъ призна-ковъ бывшей въ немъ столь роскошно обставленной мореходной школы. Потребовалось немало времени, чтобы приспособить этотъ домъ для жительства инокинь: еще въ 1802 году „вновь отведенные подъ женскій монастырь каменные покои" называются поправляющимися, при чемъ въ верхнемъ этажѣ тогда были „вставлены окончины". Въ 1814 г., вслѣдствіе „расщелинъ" въ стѣнахъ и сводахъ зданія, послѣдніе во многихъ мѣстахъ были разобраны и замѣнены накатными потолками, а для большей устойчивости южной стѣны, стоящей на покатости къ озеру, къ ней были придѣланы два контрфорса [23]). Въ теченіе послѣдующаго времени внутренность зданія подвергалась разнымъ передѣлкамъ, а совнѣ были сдѣланы пристройки. Въ настоящее время въ этомъ зданіи помѣщаются двѣ придѣльныя церкви, келіи монашествующихъ и больница. Первая отъ церкви—келья казначеи; здѣсь сохранились еще прежніе своды и окна старинной архитектуры, а на стѣнахъ висятъ два портрета, бывшей правительницы Анны Леопольдовны и ея дочери Елисаветы Антоновны; но отъ бывшей школы никакихъ реликвій нѣтъ.

Въ памяти жителей г. Холмогоръ хранится смутное преданіе о бывшихъ въ городѣ какихъ-то „мореходахъ"; а мѣстность, прилегающая къ монастырю съ сѣверозападной стороны, и до настоящаго времени носитъ названіе „Мореходской слободки".

Іустинъ Сибирцевъ.

---

[21]) Въ 1803 г. училище это было преобразовано въ гимназію (Историкостат. обозр. г. Архангельска, Пилацкаго, стр. 43), объ учрежденіи которой въ Архангельскѣ еще въ 1762 т. ходатайствовали лучшіе изъ Архангелогородскихъ купцовъ. (Очеркъ исторіи города Архангельска, Огородникова стр. 237).

[22]) А. Ѳирсовъ, Историческое описаніе Холмогорскаго Успенскаго женскаго монастыря., Арх. Епарх. Вѣдомости за 1894 г. № 23.

[23]) Лѣтопись монастыря № 506.

Письма Александра Алексѣевича Муханова къ брату его Николаю Алексѣевичу.

1.

Благодарю тебя, душа моя, за послѣднее письмо твое. Виноваты мы оба, что не писали другъ къ другу: ты крутился въ Питерѣ, я въ Москвѣ, и взамѣнъ писемъ мы награждались живыми разсказами прiѣзжающихъ. Александръ Пушкинъ, отправляющiйся нынче въ ночь, взялся доставить тебѣ это письмо. Постарайся съ нимъ сблизиться; нельзя довольно оцѣнить наслажденiе быть съ нимъ часто вмѣстѣ, размышляя о впечатлѣнiяхъ, которыя возбуждаются въ насъ его необычайными дарованiями. Онъ стократъ занимательнѣе въ мужскомъ обществѣ, нежели въ женскомъ, въ которомъ, дробясь безпрестанно на мелочь, онъ только тогда дѣлается для этихъ самокъ понятнымъ*). Ты грустенъ, и я очень понимаю твои чувства: съ прекращенiемъ шумныхъ веселiй и съ наступленiемъ весны, столько наклоняющей человѣка къ размышленiю, ты начинаешь себя отыскивать, и находка несчастлива! Проживая и растрачивая все въ жизни, какъ мы это умѣемъ такъ мастерски дѣлать, мы, обращаясь къ самимъ себѣ, дивясь, ужасаемся пустоты своей. Не одинъ земной поклонъ положу я, выѣхавши изъ Московскихъ заставъ. Грустно и невыгодно будетъ съ собою сойтись; да нечего дѣлать: лучше поздно, чѣмъ никогда. Не знаю, что̀ буду дѣлать по возвращенiи въ Тульчинъ; Богъ знаетъ, удастся ли прогулять тоску свою по Бессарабскимъ степямъ и стремнинамъ Крымскимъ.

19-е Мая 1827.
Москва.

2.

8 Мая 1828, при рѣчкѣ Карасу или Черно-вода, на Трояновомъ валу, въ 20 верстахъ отъ Кистенжи, *въ Болгарiи.*

Я, кажется, получалъ отъ тебя письма, мой милый Николай, но не умѣю сказать, когда и отъ какихъ чиселъ: такъ безпутно живется

---

*) Л. С. Пушкинъ, наоборотъ, утверждалъ, что, когда братъ его говорилъ съ женщинами, то рѣчь его была еще лучше его стиховъ. П. Б.

въ походѣ. Помню только, что было одно письмо о Хомяковѣ съ припискою отъ брата его. Вчера пріѣхалъ сюда Хомяковъ, котораго я увидѣлъ съ особенною радостью; выполню твои желанія и приказанія: буду блюсти его какъ милое чадо и друга хорошаго.

Приписка А. С. Хомякова [1]).

«Отъ души обнимаю васъ, любезный Николай Алексѣевичъ. Я въ лагерѣ, слышалъ пушечные выстрѣлы, и только. Впрочемъ я еще не совсѣмъ опредѣленъ, но кажется буду въ полку (принца) Оранскаго и ординарцемъ при Киселевѣ. Прощайте, будьте здоровы и веселы, коли можно, и любите меня какъ васъ любитъ А. Хомяковъ».

3.

Укрѣпленный городъ Роховъ, по правую сторону Дуная. 4 Іюня 1829.

Послѣ крайняго и продолжительнаго безпокойства я несказанно былъ обрадованъ вчерашній вечеръ полученіемъ, любезный другъ, милаго и длиннаго письма твоего отъ 19-го Апрѣля, съ Хомяковымъ отправленнаго и доставленнаго мнѣ Голяминымъ. Твое положеніе грустно, я согласенъ; но что же мнѣ съ тобою дѣлать, коли ты не вѣришь истинному моему убѣжденію, на опытѣ послѣднихъ лѣтъ основанному, что всѣ положенія въ жизни приправляются горечью?

Многое зависитъ отъ того, какъ на жизнь смотришь, а съ утратою радужныхъ цвѣтовъ молодости, все прикрашивающихъ, и все пропало. Остается передъ тобою одно жалкое человѣчество, гадкое и противное безобразіемъ испятнанной своей изнанки. Какъ же не желать, хоть на время уединеннаго отдохновенія? Писемъ твоихъ съ Скарятинымъ и Ермоловымъ не получалъ, не отъ ихъ забывчивости, а отъ недостатка случаевъ къ пересылкѣ. Убѣдительно прошу васъ не иначе писать мнѣ какъ по почтѣ, но адресуя попрежнему прямо письма въ Букарестъ: тамошній почтмейстеръ будетъ ихъ пересылать ко мнѣ, и я никогда въ прошедшее время не оставался такъ долго о васъ въ невѣдѣніи. Слабость и нездоровье батюшки [2]) крайне меня безпокоятъ; но я радуюсь, что онъ рѣшился оставить службу, въ его преклонныхъ годахъ отяготительную, и еще нахожу лучшимъ намѣреніе жить лѣ-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпускъ 7-й, стр. 464 и слѣд.

[2]) Почетный опекунъ Алексѣй Ильичъ Мухановъ служилъ въ 8-мъ департаментѣ Московскаго Сената. П. Б.

томъ въ подмосковной *). Если это последнее сбудется, похлопочите, друзья мои, объ уединенномъ и добромъ помѣщеніи для меня. Вы засмѣетесь этимъ бреднямъ моего воображенія, вдаль безсмысленно загадывающаго; но въ этомъ вся жизнь проходитъ и, кажется, хорошо, какъ въ полной картинѣ, отражается въ теперешнемъ моемъ положеніи. Я пишу тебѣ, сидя въ Турецкомъ домѣ, въ городѣ, 28-го прошедшаго мѣсяца войсками нашего отряда приступомъ взятаго, посреди развалинъ, пожарищъ и мертвыхъ тѣлъ, между коими изрѣдка проявляются кусты бѣлыхъ лилей и розановъ, коихъ запахъ сливается съ мертвымъ смрадомъ. Не все ли въ жизни также чудно перемѣшано и съ такою же малою примѣсью добра?

Душевно желаю, чтобы ты прожилъ лѣто въ Москвѣ съ семьею нашею и съ минеральными водами. Я по высочайшей волѣ утвержденъ исправлять нынѣшнюю мою обязанность и весьма за то благодаренъ. Не сожалѣй о томъ мѣстѣ, которое ты желалъ бы для меня: нынѣшнее сообразнѣе съ моими желаніями и положеніемъ какъ и здоровья, такъ и души. О тѣхъ вещественныхъ выгодахъ по службѣ, которыя я могъ бы получить тамъ, думать не должно. Не онѣ должны быть цѣлію жизни, а ты знаешь, что я всегда старался болѣе сію последнюю изучивать, нежели младенцемъ въ ней развиться. Оставимъ безпечности счастливой и незрѣлой, или хитрости въ лукавствѣ искушенной, то ловить все налету играя, то ползкомъ вскарабкиваться часто не для собственнаго счастья, а еще чаще для вреда посторонняго.

Премного благодаренъ за «Полтаву». Сравнивая ее съ «Годуновымъ», Пушкинъ еще шагнулъ исполински. Красоты поэзіи чудныя и дознаніе жизни глубокое. Самое слабое мѣсто, по моему мнѣнію (можетъ быть ошибочному) есть описаніе самой битвы. Воображеніе генія даже не въ состояніи постигнуть того, что̀ не удалось видѣть въ природѣ. Но какъ грустно сравненіе первыхъ поэтическихъ опытовъ Пушкина, рѣзвыхъ, безпечныхъ, веселыхъ, съ сими послѣдними произведеніями, на которыхъ уже врѣзались глубокими чертами чувства несчастій, бурь, волненія и проч.

Яссы 17 Іюня 1829 (на томъ же листѣ).

Я не успѣлъ еще среди хлопотъ докончить тебѣ письма моего, какъ уже меня перенесло сюда. Взгляни на карту: Орховъ или Орсовъ стоитъ на той сторонѣ Дуная между Никополемъ и Видинымъ, а я теперь пишу тебѣ изъ Яссъ. Я былъ посланъ съ донесеніями къ Государю, не ожидая встрѣтить двойной преграды Прутскихъ и Днѣстров-

---

*) Село Успенское, близъ Троицкой Лавры. Тамъ усыпальница достопочтеннаго рода Мухановыхъ. П. Б.

скихъ карантиновъ. 13-го числа текущаго мѣсяца, перешедши въ *переговорную* Скулянскаго карантина, для передачи бумагъ фельдъегерю, я не могъ довольно надышаться Бессарабскимъ воздухомъ, какъ будто бы онъ былъ родной, Русскій!! Ты знаешь, какъ трудно улаживается жизнь и устроивается къ нашему угожденію; слѣдовательно трудно сказать, долго ли продолжится удовольствіе возвращенія домой (если тому когда либо сбыться); но завѣряю тебя, что чувства одиночества и разлуки продолжительной такъ горьки, что конечно одна изъ счастливѣйшихъ минутъ въ жизни будетъ та, когда мнѣ можно будетъ васъ обнять, мои милые! Меня дорогой снова было посѣтила лихорадка съ болью въ бокахъ, отъ употребленія хиннаго сульфаса происходящею, но теперь оставила, и я остаюсь здѣсь нѣсколько дней для пользованія. Дней черезъ пять надѣюсь ѣхать къ своему мѣсту. Ты спрашиваешь про моего Егора; онъ живъ, и я имъ весьма доволенъ; грубый его характеръ оказывается всегда хорошимъ въ обстоятельствахъ трудныхъ. Кромѣ его и Филиппа кучера у меня живетъ еще Арнаутъ, изъ Сербовъ, многоязычный и воинственный; такого рода человѣкъ необходимъ и во время похода, и во время поѣздокъ. Кромѣ сего при мнѣ есть казакъ.

18-го Іюня.

Брата Владиміра благодарю за дружеское письмецо; пріѣздъ Голямина, утѣшившій вашими письмами, совершенно оживилъ меня. Радуюсь сердечно, что вы съ Николаемъ вмѣстѣ. Это письмо для всѣхъ. Ради Бога пишите мнѣ по старому, т. е. по почтѣ *въ Букарестъ для доставленія въ отрядъ г. генералъ-адъютанта Гейсмара,* что не помѣшаетъ писать и съ отъѣзжающими; но первое вѣрнѣе. Я наѣхалъ здѣсь снова на Константина Стурдзу, который тебя, Николай, очень любитъ. Онъ порасказалъ мнѣ про Алексѣя Хомякова, уже послѣ возвращенія его изъ Москвы. Грустныя сѣтованія его о потерѣ брата *) раздражительны и трогательны до необычайности; я боюсь, чтобы огорченное его воображеніе и душа, печалью отягченная, не заставили его подвергать себя тѣмъ опасностямъ, которыхъ глубокое горе ищетъ, жадно надѣясь въ нихъ найти избавленіе. Впрочемъ съ игрою случая счетовъ нѣтъ, и не разъ жертвы себя приговорившія отвергались; это самая жалкая насмѣшка надъ безсильною волею человѣка! Цѣлую васъ всѣхъ и батюшкины ручки; не знаю, удастся ли написать еще до отъѣзда отсюда, но по возвращеніи въ отрядъ постараюсь съ точностью писать вамъ. Ободряйте только меня вашими частыми извѣстіями. Да хранитъ васъ Провидѣніе и да подкрѣпитъ горюющихъ нашихъ въ безутѣшномъ ихъ несчастіи!

---

*) Старшій и единственный братъ Хомякова, Ѳедоръ Степановичъ, служившій въ дипломатической канцеляріи у Паскевича, умеръ на Кавказѣ. П. Б.

КЪ БІОГРАФІИ АДАМА МИЦКЕВИЧА.

Adam Mickiewicz se trouve depuis l'année 1825 auprès de s. ex. le général gouverneur de Moscou. Désirant pour des affaires de famille se fixer à Pétersbourg, et l'obligation de servir lui étant imposée par le gouvernement, il sollicite provisoirement une place quelconque, pour avoir le temps d'en trouver une qui fût en rapport avec ses occupations antérieures. Mickewicz ose se flatter qu'une communication officielle avec s. e. le général gouverneur de Moscou apporterait les témoignages honorables sur son service actuel.

Pétersbourg
le 24 juillet 1828.

Переводъ. Съ 1825 года Адамъ Мицкевичъ состоитъ при его сіятельствѣ Московскомъ генералъ-губернаторѣ. Правительство возложило на него обязанность служить. По семейнымъ дѣламъ ему желательно основаться въ Петербургѣ, и онъ предварительно проситъ какого либо мѣста, чтобы со временемъ сыскать себѣ другое, которое бы соотвѣтствовало его предъидущимъ занятіямъ. Мицкевичъ смѣетъ надѣяться, что если служебно снесутся о немъ съ его сіятельствомъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, отзывъ о настоящемъ его служеніи послѣдуетъ благопріятный. Петербургъ, 28 Іюня 1828 г.

*

Печатается съ современнаго листка, писаннаго, кажется, самимъ Мицкевичемъ и сохранившагося въ Музеѣ П. И. Щукина между бумагами братьевъ Мухановыхъ, черезъ посредство которыхъ, можетъ быть, Мицкевичъ и думалъ перейти на службу изъ Москвы (гдѣ его такъ цѣнили и такъ радушно принимали и Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ и лучшіе представители просвѣщеннаго общества) въ Петербургъ. Какія могли быть его служебныя занятія въ Москвѣ, о которыхъ онъ говоритъ, догадаться трудно. П. Б.

ПИСЬМА М. П. ПОГОДИНА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ [1]).

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Я слышалъ о вашемъ неудовольствіи на меня за помѣщеніе статьи г. Арцыбашева [1]). Ничто въ литературномъ мірѣ не могло уязвить меня столько, какъ подозрѣніе въ неуваженіи къ Карамзину: я *воспитался* на его сочиненіяхъ, обязанъ ему рѣшительно всѣмъ, что̀ ни есть во мнѣ путнаго; ни одного писателя не любилъ такъ горячо, какъ его; портретъ его виситъ у меня почти въ образной.

Между тѣмъ я думаю, что если бы ангелу тьмы случилось замѣтить какое нибудь пятнышко въ ангелѣ свѣта, и онъ сталъ бы богохульствовать, то и его должно бы выслушать: богохуленія не могутъ поколебать вѣрнаго, а справедливымъ замѣчаніемъ можетъ воспользоваться всякій.

Занимавшись нѣсколько времени историческою критикой, я узналъ на опытѣ великія затрудненія, съ нею сопряженныя, и научился уважать изслѣдователей, этихъ тружениковъ несчастныхъ, которые всю свою жизнь посвящаютъ на десятокъ утвержденій или отрицаній историческихъ. Они крохоборы, правда; но безъ ихъ крошекъ изъ чего же художникъ испечетъ хлѣбъ? Съ этой стороны [2]) я уважаю г. Арцыбашева и думаю, что онъ можетъ судить о Карамзинѣ, какъ критикъ. Боже мой! Тридцать лѣтъ человѣкъ ворочаетъ каменья въ подземельѣ, и ему, за тотъ или другой частный порокъ, не позволить выговорить

---

[1]) Николай Сергѣевичъ Арцыбашевъ (ум. 1841) жилъ въ городѣ Цивильскѣ Казанской губерніи и занимался Русскою исторіею вполнѣ самостоятельно. Много позднѣе, М. П. Погодинъ содѣйствовалъ къ изданію въ свѣтъ обширнаго и добросовѣстнаго труда его: „Повѣствованіе о Россіи“ (это сводъ лѣтописныхъ показаній). Въ своемъ „Московскомъ Вѣстникѣ“ М. П. Погодинъ напечаталъ замѣчанія Арцыбашева на „Исторію Государства Россійскаго.“ П. Б.

[2]) Съ другой я его совершенно не знаю.

слово! Не жестоко ли это будетъ, и гдѣ же святая терпимость? Нѣтъ, никогда не буду я имѣть духа на то, чтобъ отказать такому человѣку въ листкѣ журнала.

Прочтите, прошу васъ убѣдительно, всѣ бумаги, написанныя мною въ «Московскомъ Вѣстникѣ» по этому процессу, и тогда произнесите приговоръ мнѣ, котораго я буду ждать съ *нетерпѣніемъ*. Впередъ скажу вамъ, что я виноватъ въ двухъ-трехъ неосторожныхъ выраженіяхъ и оборотахъ; но я писалъ все это наканунѣ печатанія, въ страсти, и подъ грозою разныхъ враждебныхъ обстоятельствъ.

Въ послѣднее время я выпилъ горькую густую чашу, по вашими словами въ письмѣ къ Авдотьѣ Петровнѣ [1]) «однимъ словомъ, это было бы мнѣ очень больно», прилилось въ нее и много сладкаго. Я увидѣлъ ваше живое участіе во мнѣ, а оно для меня драгоцѣнно.

Съ искреннимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнымъ слугою. М. Погодинъ.

1829. Января 14.

Сейчасъ блеснула у меня въ головѣ свѣтлая мысль: исходатайствуйте у Государя сумму на напечатаніе Свода Арцыбышева и пошлите это извѣстіе Цывильскому затворнику. Вотъ дѣло, достойное Карамзина и Жуковскаго. Какъ тотъ Грекъ завѣщатель [2]), я смѣю сдѣлать вамъ такое предложеніе.

*

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Обращаюсь къ вамъ съ молитвою: Шафарикъ, первый человѣкъ въ Славянскомъ ученомъ мірѣ, человѣкъ высокій по своей душѣ, терпитъ крайнюю нужду. Нельзя ли вамъ собрать для него что нибудь между вашими знакомыми? Я собралъ здѣсь нѣсколько и нынче послалъ къ нему. Если бъ Богъ помогъ составить вамъ двѣ тысячи рублей, то вы могли бы отправить одну тысячу прямо къ нему (однакожъ безъ всякаго письма), an Paul Joseph Schaffarik, in Prag, Böhmen. Auf der Neustadt in der Stefansgasse, № 646. Я предупредилъ его вообще, что онъ будетъ получать на изданіе своихъ Славянскихъ Древностей [3]). Подъ этимъ только предлогомъ можно помогать ему.

---

[1]) Елагиной, племянницы В. А. Жуковскаго. П. Б.

[2]) Кто, не знаемъ. П. Б.

[3]) М. П. Погодину обязанъ Славянскій міръ за появленіе въ печати на Чешскомъ языкѣ такъ называемыхъ „Славянскихъ Старожитностей“. Этотъ монументальный трудъ, въ которомъ каждая страница есть плодъ самыхъ добросовѣстныхъ разысканій, переве-

А другую тысячу пошлите Вуку Стефановичу въ Вѣнѣ. Онъ также живетъ съ многочисленнымъ семействомъ сотнею червонныхъ, кои даетъ ему Русское правительство, удѣляя еще оттуда на ученыя поѣздки. Вуку можно послать чрезъ священника нашего при посольствѣ, кажется г. Мегницкаго.

Если вы соберете только одну тысячу, то ее также должно раздѣлить надвое.

Это еще не все: для нихъ и для другихъ Славянскихъ ученыхъ надо собрать Русскую избранную библіотеку; благоволите прислать мнѣ экземпляровъ пять вашихъ сочиненій.

Я пишу къ вамъ просто, ибо увѣренъ слишкомъ въ вашей готовности помогать вообще, а при такомъ случаѣ кольми паче.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію пребыть честь имѣю вашимъ покорнѣйшимъ слугою. М. Погодинъ.

1836. Апрѣля 4.

Авдотья Петровна [1]) разскажетъ вамъ, каковы эти люди. Если угодно, то пришлите сумму ко мнѣ, а я отправлю отсюда.

*

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Искренно васъ благодарю за трудъ, который приняли вы на себя, чтобы уничтожить мое безпокойство и опасеніе. Это письмо пишу къ вамъ уже потому, что здѣсь съ частнымъ предметомъ соединяется общій.

Рѣшительно смѣю отвѣчать вамъ за публику, которая все еще умнѣе многихъ Московскихъ умниковъ: при имени Жуковскаго она не предположитъ никогда насмѣшки, въ голову никому не придетъ насмѣшка; а если бъ паче чаянія и пришла, то развѣ на голову того, кто вздумалъ бы шутить съ такимъ умысломъ. Нѣтъ, Василій Андреевичъ (говорю это какъ будто бы не имѣлъ счастія быть съ вами знакомымъ), вы слишкомъ дороги и любезны для всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, и шутливое выраженіе объ ужасно-прелестныхъ балладахъ, едва ли не старое, заставитъ только съ *пріятностью улыбнуться*, говоря по

денъ и напечатанъ по русски О. М. Бодянскимъ. Шафарикъ въ Прагѣ, въ 1858 году, отзывался намъ о Погодинѣ съ живымъ благодарнымъ чувствомъ. П. Б.

[1]) А. П. Елагина передъ тѣмъ путешествовала по чужимъ краямъ и жила долго въ Дрезденѣ. Отъ сыновей своихъ, и особенно отъ П. В. Киреевскаго, она близко знала о возрожденіи Славянства. В. А. Жуковскій не могъ не цѣнить Сербскихъ пѣсенъ, собранныхъ и изданныхъ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ: самъ Гёте посвятилъ имъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ. П. Б.

провинціальному. Такъ и разсуждало самолюбіе моей Смѣси[1]), которая, увы, прихожанъ не насмѣшила, а меня чуть не прослезила.

Теперь съ тою же искренностію скажу нѣсколько словъ о себѣ. Хотя письмо ваше не печатное, но оно огорчило меня вашимъ требованіемъ не печатать вашихъ словъ, рѣчей и писемъ. За кого же вы принимаете меня, считая нужнымъ объявить эту волю? Я могу разсказать анекдоты, притомъ анекдоты о духахъ и привидѣніяхъ, а не объ людяхъ, кои принадлежатъ всякому слушателю (и это было именно сказано за обѣдомъ обо мнѣ и объ Загоскинѣ), но печатать рѣчи, письма, съ живою плотію и кровію, можно запрещать только Сенковскому или Полевому. Я хоть не Европеецъ и не хочу быть Европейцемъ, но понимаю самъ законность на столько, чтобъ не посягать на священную собственность всякаго лица, не только Жуковскаго. Предположить во мнѣ такое развращеніе—ей Богу, я этого не заслуживалъ.

Въ заключеніе позвольте историку подать свой голосъ: не только васъ носятъ на рукахъ, но и носимъ; носятъ и носимъ. Это есть истина, и эту истину я записываю въ лѣтописецъ, записываю съ удовольствіемъ, потому что она утѣшительна для всякаго порядочнаго человѣка, который любитъ добро, добрыхъ и отечество.

«Жадный посѣтитель обѣдовъ» [2]) принялъ за шутку, и не смотря на нестерпимо мучительную боль, расхохотался, вообразивъ, какимъ тономъ произнесли вы эти слова.

Смѣю думать, что вы прочли мои строчки или въ дурномъ расположеніи духа или предубѣжденные какимъ нибудь Азіатскимъ Европейцемъ и, надѣюсь, перемѣните свое мнѣніе, прочтя въ другой разъ этотъ несчастный обѣдъ, послѣ котораго я занемогъ и физически, и морально.

Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. «Михаилъ Погодинъ».

6 Февраля, 1841.

---

[1]) Т. е. отдѣла „Смѣси“ въ Февральской книжкѣ „Москвитянина“ 1841 года (первый годъ изданія), гдѣ Погодинъ, описывая обѣдъ данный губернскимъ предводителемъ Московскаго дворянства А. Д. Чертковымъ В. А. Жуковскому, неловко выразился о балладахъ его. Прекрасное письмо о томъ Жуковскаго къ Погодину напечатано въ VI-й книгѣ Н. П. Барсукова о Погодинѣ, стр. 20 и 21.

[2]) Это выраженіе изъ письма Жуковскаго къ Погодину. П. Б.

«Перемѣните-ка гнѣвъ на милость и разскажите Авдотьѣ Петровнѣ ваше Шведское происшествіе» *).

Писано не своеручно, кромѣ подписи и послѣднихъ двухъ строкъ. На четвертой страницѣ этого письма находимъ отмѣтки, которыя Жуковскій, живя въ Москвѣ сдѣлалъ карандашомъ и которыя относятся къ раннимъ воспоминаніямъ его дѣтства и отрочества. Онъ какъ будто предчувствовалъ, что ему больше побывать въ родной Москвѣ не приведется; жизнь въ семьѣ А. П. Елагиной оживила въ немъ старинныя воспоминанія. П. Б.

„*87*. (т. е. 1787 годъ) Мартъ. Пріѣздъ изъ (*слово не разобрано*). Кіевъ. Зимой въ Москву. Смерть N. Аѳан. (т. е. *Натальи Аѳанасьевны Вельяминовой, старшей сестры Жуковскаго*).

88. Зимою дома. В. А. (т. е. *Варвара Аѳанасьевна Юшкова, мать А. П. Елагиной*) въ Калугѣ. Н. И. (т. е. *Николай Ивановичъ Вельяминовъ, мужъ покойной Натальи Аѳанасьевны, дѣдъ Н. П. Киреевской*).

89. Зимой въ Тулу. Н. И. П. Н. (т. е. *Вельяминовъ и Петръ Николаевичъ Юшковъ, отецъ А. П. Елагиной*).

90. Въ Тулѣ.

91. Въ М. (т. е. *въ Мишенскомъ, подъ Бѣлевомъ*) † А. И. (т. е. *смерть Аѳанасья Ивановича Бунина*). Всѣ въ Москву. На зиму въ Тулу.

92. Свадьба. (*Чья, намъ неизвѣстно*). Въ деревнѣ. На зиму въ Тулу.

93, *94*. Въ Тулѣ.

95. Зимою въ Кексгольмъ.

96. Возвращеніе.

Въ этихъ отмѣткахъ имѣемъ начало автобіографіи Жуковскаго. На томъ же листѣ его запись (чернилами): „Воскресенье. На большомъ (*т. е. театрѣ*) Уголино по утру, Цампа ввечеру. На маломъ Chevelier Le... утромъ, Ревизоръ ввечеру. Heilfreich. Les vues de Paris“.

Все это цѣнно для біографіи Жуковскаго. П. Б.

*

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Какъ давно не имѣемъ мы объ васъ никакого извѣстія! Всѣ Киреевскіе разъѣхались по деревнямъ, и некому сказать объ васъ слово. Здоровы ли вы? Какъ вы поживаете? Когда же пріѣдете къ намъ? Мы ожидаемъ васъ всякую зиму, и все понапрасну. Получаете ль вы исправно «Москвитянина», котораго я тяну лямкой, чтобъ не прервалось по крайней мѣрѣ доброе преданіе? Иванъ Васильевичъ взялся было издавать, но, отвыкнувъ отъ срочной работы, долженъ былъ оставить на 4-мъ №, какъ «Европейца». Я не знаю также, дошло ли до васъ

*) Извѣстный нынѣ по собранію сочиненій В. А. Жуковскаго разсказъ его о привидѣніи въ одномъ изъ Шведскихъ замковъ во время путешествія въ 1838 году съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. П. Б.

мое «Похвальное Слово» Карамзину. А мнѣ очень хотѣлось бы услышать ваше мнѣніе о немъ. Прошу васъ покорнѣйше черкнуть мнѣ хоть два слова à Marienbad, poste restante, гдѣ я лѣчу свою больную ногу. Еще другая убѣдительная просьба къ вамъ — переслать это письмо, прочитавъ и запечатавъ, къ Н. И. Тург(еневу). Если вы присоедините отъ себя что-нибудь, то обяжете меня много. Мои собранія для Исторіи и Словесности возрасли до невѣроятности (съ одними древними вещами у меня 40 шкаповъ, рукописей 1200, картоновъ съ бумагами 200), и было бы очень жаль, если бъ труды Ал(ександра Ив(ановича) для насъ пропали. Не у васъ ли Мельгуновъ? Онъ хотѣлъ, кажется, ѣхать въ Парижъ. Въ такомъ случаѣ можно бъ попросить его о посредничествѣ, тѣмъ болѣе, что и съ покойнымъ Ал. Ив. я вступалъ въ переговоры чрезъ него и Свербеева [1]).

Благоволите, прошу васъ, отвѣтить мнѣ поскорѣе. Преданнѣйшій

М. Погодинъ.

Гдѣ Гоголь? Чтò онъ?

Простите меня—еще вопросъ: не во Франкфуртѣ ли Мещерская, урожденная Труб(ецкая), сестра Мансуровой, съ больнымъ безногимъ мужемъ? [2])

4 (16) Августа 1846.

Доношу вамъ о Московскихъ вашихъ знакомыхъ. Труды, т. е. стихи и проза, Языкова и Хомякова, въ «Москвитянинѣ» и «Московскомъ Сборникѣ». Шевыревъ печатаетъ свой курсъ. Я кончаю три тома Изслѣдованій древней Русской Исторіи. Киреевскій, говорятъ, принялся что-то писать. Цензура (въ Москвѣ) доходитъ до нелѣпости, вмѣстѣ съ графомъ Строгоновымъ, которой оказался совершенно пустымъ человѣкомъ. Вообще филологія Славянская и Русская Исторія идутъ очень хорошо, а прочее спитъ.

*

Какъ мнѣ жаль, милостивый государь Василій Андреевичъ, что вы до сихъ поръ не видали моего Слова [3]), украшеннаго вашимъ именемъ. Чтò сдѣлалось съ г. Ростиславовымъ, или даже Александромъ Яковлевичемъ [4]), чрезъ котораго я отправляю вамъ Московскія новости?

---

[1]) Говорится объ историческихъ бумагахъ, которыя А. И. Тургеневъ собиралъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Они приводятся нынѣ въ порядокъ въ Парижѣ его племянникомъ Петромъ Николаевичемъ Тургеневымъ. П. Б.

[2]) Это была княгиня Александра Ивановна Мещерская, нѣкогда предметъ долгой страсти М. П. Погодина. П. Б.

[3]) Т. е Похвальнаго Слова Карамзину на открытіе ему памятника. П. Б.

[4]) Булгаковымъ, Московскимъ почтдиректоромъ. П. Б.

Вѣрно, Москвитянина вы получаете неисправно. Посылаю вамъ теперь одинъ экземпляръ, который прошу васъ возвратить, poste restante, à Teplitz: мнѣ надо отвезти его Славянскому корифею, Коляру, въ Пестѣ, который принимаетъ живѣйшее участіе въ Русской словесности. За отправленіе письма приношу усерднѣйшую благодарность. Преданнѣйшій М. Погодинъ.

13 Августа (1846).
Маріенбадъ.

Если вы не знаете никакихъ новостей, то вотъ вамъ нѣкоторыя: князь Вяземскій здоровъ, нѣсколько грустенъ, но попрежнему добръ, и любезенъ, и преданъ Русской литературѣ. Читали ли вы послѣднее его стихотвореніе?

Предъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ,
И кто же не грѣшенъ предъ Нимъ?
Но тѣмъ я хоть мало утѣшенъ,
Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ.

Жаль, что я не помню сполна. Онъ говоритъ послѣ, что жизнь не счастьемъ, не наслажденіемъ, не радостью, а тайной тоской хороша.

Оно напечатано въ «Московскомъ Сборникѣ», изданномъ молодыми людьми и заключающемъ много очень хорошихъ вещей. Тамъ же помѣщено стихотвореніе Языкова прекрасное на открытіе памятника Карамзину.

Филаретъ издалъ собраніе своихъ проповѣдей, въ трехъ большихъ томахъ: монументъ!

Для Русской исторіи и филологіи выходитъ много хорошаго.

Андрей Ник. Карамзинъ женится на г-жѣ Демидовой, вдовѣ; свадьба должна была быть въ срединѣ Іюля. Графъ Віельгорскій здоровъ и оберъ-шенкъ. Графъ Блудовъ ѣдетъ въ Римъ для негоціаціи à la Rossi.

Побудите Киреевскаго писать: грѣхъ ему зарывать такой талантъ въ землю! И что̀ онъ дѣлаетъ въ деревнѣ, не пишучи, не можемъ придумать.

Я пріобрѣлъ (между прочимъ) собраніе писемъ Сперанскаго къ товарищамъ и друзьямъ религіозно-духовнаго содержанія. Очень примѣчательны.

Я думаю, что вы получаете подробныя извѣстія о Россіи.

*

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Г. Владиславлевъ, воспитанникъ Училища Правовѣдѣнія, а теперь секретарь Сената, мой сowодопіецъ[1]), просилъ меня убѣдительно доставить ему случай засвидѣтельствовать вамъ глубочайшее свое почтеніе. Мнѣ совѣстно было отказать молодому человѣку, и я осмѣливаюсь обезпокоить васъ, можетъ быть, его посѣщеніемъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего мнѣнія о моемъ Словѣ. Не помню, написалъ ли я вамъ, что занимаюсь и полной біографіей нашего незабвеннаго историка. Вы одолжили бы меня и всѣхъ Русскихъ, благоговѣющихъ къ его памяти, если бы подарили насъ своими объ немъ воспоминаніями: такъ долго и близко вы его знали! Подобныхъ впечатлѣній замѣнить ничѣмъ нельзя.

Еще просьба моя къ вамъ: прислать мнѣ что нибудь для «Москвитянина». Вы награждаете всѣхъ своими стихотвореніями, и, признаюсь, меня огорчаетъ отсутствіе вашего имени въ моемъ изданіи: какъ будто бы вы не хотѣли принимать въ немъ участіе. Г. Владиславлевъ почтетъ за удовольствіе переписать, что̀ вамъ будетъ угодно назначить.

Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю вашимъ покорнѣйшимъ слугою. М. Погодинъ.

21 Августа н. с.
1846.

Въ Франкфуртъ я никакъ, кажется, не поспѣю: велятъ цѣлый мѣсяцъ купаться въ Теплицѣ. А возвращаться думаю по Дунаю, чтобъ заѣхать въ Венгрію и Сербію.

*

Теплицъ, Сентябрь 1 (Августа 20) 1846.

Очень радъ, милостивый государь Василій Андреевичъ, что Слово мое доставило вамъ удовольствіе. Но вы не подарили мнѣ ни одного замѣчанія частнаго: что̀ недомолвлено, что̀ пропущено, что̀ выражено слабо, или сказано невѣрно. Я повторяю мою просьбу, потому что возвратясь долженъ буду печатать второе изданіе, которое хотѣлось бы, сколько можно, исправить или дополнить. Благоволите прислать мнѣ замѣчанія ваши или въ Теплицъ, гдѣ я пробуду до 17 н. с. Сентября, или уже въ Москву, куда надѣюсь воротиться по Дунаю въ Октябрѣ[2]).

[1]) Т. е. пившій вмѣстѣ съ Погодинымъ воды въ чужихъ краяхъ. П. Б.

[2]) Признаюсь, я желалъ бы знать и то, что̀ заслуживаетъ вашего одобренія, и почему.

Письма Карамзина я собираю и очень счастливъ. До сихъ поръ у меня:

Около 300 писемъ къ старшему *его брату* 1789—1825. (Половина въ оригиналѣ, половина въ спискахъ).

Чуть ли не столько же писемъ къ *И. И. Дмитріеву*, въ вѣрныхъ спискахъ съ подлинниковъ.

Всѣ письма и записки къ А. И. *Тургеневу*, въ спискахъ съ рукописи, приготовленной имъ къ печати. Я желалъ бы, чтобы Н. И. позволилъ мнѣ напечатать ихъ, хоть въ журналѣ. Подлинникъ у Свербеева, копія у племянниковъ.

Всѣ письма къ *Калайдовичу*, письма къ *Муравьеву*, письма къ *Малиновскому* получу; тоже есть слѣдъ и къ письмамъ къ *Бекетову*.

Письма къ *Строеву*, *Ходаковскому*, *Долгорукому*, ко мнѣ, *Новосильцеву, Хлѣбникову* и проч.

Князь Вяземскій и Екатерина Андреевна обѣщали сообщить мнѣ все что̀ у нихъ есть. Въ васъ увѣренъ.

Я не рѣшился еще, напечатаю ли ихъ сполна, или выборъ въ біографіи.

Передъ вашимъ письмомъ получилъ я письмо отъ Шафарика, который почти одними словами съ вами говоритъ и о Карамзинѣ, и о настоящемъ состояніи Русской словесности. Надѣюсь доставить вамъ удовольствіе, сообщая его слова:

Ihre Lobrede auf Karamsin will ich nächste Tage, bei ruhiger Musse, von neuem durchlesen. Ich wiederhole es, sie gefiel mir unendlich. Ich endigte tief erschüttert und mit Thränenerguss. Sie wissen seit Anbeginn unserer Bekanntschaft, wie ich über Karamsin dachte, urtheilte, sprach und schrieb. Ich ehrte und achtete in ihm nicht nur den grossen Schriftsteller und Geist (denn dass ist nicht die Hauptsache), sondern ganz vorzüglich den reinen, edlen und desshalb wahrhaft grossen Menschen. Die Auszüge, die sie aus seinen Briefen mittheilen, setzen allen seinen Werken die Krone auf: in ihnen ist der Schlüssel zum Verständniss seiner wahren Grösse enthalten. Welch ein Charakter! Seine Geschichte wird stets nicht nur in der Russischen, sondern in der gesammten Slawischen Litteratur unerreicht und unerreichbar dastehen als Denkmahl einer besseren Zeit, deren Blüthe und Schlussstein

sie ist. Mit ihr ist die Periode der Natur, Einfalt und Wahrheit in der russischen Litteratur abgeschlossen. Die Zukunft wird gewiss *grössere historische Kunstwehrke* gebären; aber eine bessere Geschichte nicht. Denn mir gilt eine Geschichte nichts, die nicht ein *Spiegel der ewigen Wahrheit* ist, die sich wohl *fühlen* und *anschauen*, aber nicht *messen*, nicht *vordemonstriren* lässt. Die Zeit des Fühlens und Anschauens hörte mit Karamsin auf; die des Machens, des *Objectivirens* in *beliebig geschliffenen Spiegeln* hat auch in Russland begonnen. Das Alte ist unerrettbar dahin! Doch darum nicht verzagt! Karamsins Geist ist nicht gestorben und wird nie sterben, so wenig als Gottes heilige Allmacht, das Gute, das er und ihm verwandte Geister ausgesäet haben, in der jetzt herrschenden Begriffsverwirrung und Grundsatzlosigkeit, wird untergehen lassen. Es ist nur traurig, dass gerade wir in diese zerrissene Zeit gerathen sind etc. etc.

Переводъ. Эти дни, на спокойномъ досугѣ, хочу прочитать вновь ваше Похвальное Слово Карамзину. Повторяю, оно мнѣ безконечно понравилось. Я дочитывалъ его глубокопотрясенный и со слезами. Вы знаете съ самаго начала нашего знакомства, какъ я думалъ, судилъ, говорилъ и писалъ о Карамзинѣ. Я почиталъ и уважалъ въ немъ не столько умъ и великаго писателя (это не главное), но преимущественно человѣка чистаго, благороднаго и оттого по истинѣ великаго. Приводимыя вамъ выдержки изъ его писемъ вѣнчаютъ собою всѣ его творенія: тутъ ключъ къ пониманію его истиннаго величія. Какой характеръ! Его исторія останется навсегда образцовою не только въ Русской, но и во всей Славянской словесности, какъ памятникъ лучшаго времени, коего она есть цвѣтъ и заключеніе. Ею докончился въ Русской словесности періодъ природы, простоты и правды. Въ будущемъ появятся конечно болѣе значительныя историческія художественныя произведенія, но лучшей исторіи больше не выдетъ: потому что для меня дорогà исторія лишь какъ зеркало вѣчной правды, которая даетъ себя чувствовать и созерцать, а не вымѣрять и выставлять. Время чувствованія и созерцанія кончилось съ Карамзинымъ; началось и въ Россіи время дѣланія и оказательства въ зеркалахъ, отшлифованныхъ произвольно. Старое ушло, и его не спасешь! Но отчаеваться тутъ нечего. Духъ Карамзина не умеръ и никогда не умретъ, во сколько святое всемогущество Божіе не дастъ погибнуть добру, которое посѣяли онъ и ему родственныя души, вопреки господствующей нынѣ путаницѣ понятій и шаткости правилъ. Жаль только, что намъ пришлось жить въ это раздробленное время и пр.

Неправда ли, что это очень примѣчательно слышать изъ устъ человѣка другаго нарѣчія? Въ Шафарикѣ много Карамзинскаго. Жаль, горько жаль, что онъ долженъ много времени тратить попусту, для насущнаго хлѣба, между тѣмъ какъ всякій часъ его дóрогъ для Сла-

вянской и для Русской литературы. Десять лѣтъ вопію я это въ пустынѣ, и могу доставить только малую помощь!

На дняхъ получилъ я письмо отъ Смирдина, который расправляетъ крылья. Этотъ человѣкъ можетъ еще принести большую пользу литературѣ, особенно послѣ горькихъ опытовъ. Онъ проситъ ссуды довольно значительной, намѣреваясь переселиться въ Москву и затѣвая изданіе классиковъ Русскихъ. Отсюда не могу я дать ему никакого отвѣта, но въ Москвѣ буду хлопотать объ немъ въ нашемъ кругу. Много надежды полагаетъ онъ на васъ въ Москвѣ; не пріѣдете ли вы когда туда? *)

Свидѣтельствую вамъ глубочайшее свое почтеніе. Преданный

М. Погодинъ.

Съ подлинниковъ, любезно сообщенныхъ Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ.

---

*) Получивъ деньги отъ правительства за свое Древлехранилище, М. П. Погодинъ послалъ щедрую помощь и Шафарику, и Смирдину. П. Б.

ДВОРЪ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ.

(1865—1867).

Я провела два года при дворѣ великой княгини Елены Павловны и при моемъ исключительномъ положеніи пріемной дочери*) находилась съ нею въ постоянномъ общеніи; но къ сожалѣнію, по молодости лѣтъ, я не обладала еще способностію видѣть и улавливать скрытое значеніе дѣйствій и рѣчей, а видѣла и слышала только показную, внѣшнюю сторону жизни. Съ годами мнѣ многое стало ясно.

Въ то время женскій персоналъ двора состоялъ изъ гофмейстерины княжны Екатерины Владимировны Львовой, фрейлинъ баронессы Эдиты Θедоровны Раденъ и Елены Сталь. Княжна Львова была старушка добрая, слабаго здоровья и характера, безгласная, для которой этикетъ былъ высшимъ закономъ. Елена Сталь, непервой молодости, эффектной красоты дѣвица; не знаю, на сколько она была свободномыслящая, но она была безусловно свободноговорящая и привлекала такіе умы какъ канцлеръ князь Горчаковъ и поэтъ Тютчевъ. Она приходилась родственницей графу Киселеву, нашему послу въ Парижѣ и иногда гостила у дяди.

Баронесса Эдита Θедоровна Раденъ, сильная по уму и характеру и свѣтлая по духу, имѣла большое значеніе при дворѣ великой княгини въ теченіе почти тридцати лѣтъ. За все это время она помогла многимъ даровитымъ личностямъ пробить себѣ дорогу на избранномъ ими поприщѣ. Эдита Θедоровна составляла центръ, къ которому стекались многія умственныя силы и отъ котораго струйками

---

*) Графиня М. Г. Разумовская (ум. 9 Авг. 1865) завѣщала жившую у нея внуку ея брата князя Вяземскаго попеченію великой княгини Елены Павловны. Это была 16-лѣтняя княжна Марья Григорьевна Вяземская, нынѣ Назимова, написавшая эти воспоминанія. (См. „Историческій Вѣстникъ“ 1899, кн. 3-я). Извѣстно, что великая княгиня Елена Павловна пріобрѣла за дешевую цѣну отъ престарѣлой Разумовской обширное ея Малороссійское имѣніе Карловку (нѣкогда принадлежавшее Карлу Бирону) съ тѣмъ, чтобы пользоваться этимъ имѣніемъ лишь по кончинѣ графини. П. Б.

свѣта проникали, подъ ея покровительствомъ, въ сферу великой княгини. Такъ, въ ея маленькой гостиной Михайловскаго дворца появились Побѣдоносцовъ, еще не женатый на красавицѣ Энгельгардъ, Антонъ Рубинштейнъ, еще не знаменитый, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, будущій военный министръ, Александръ Агѣевичъ Абаза, Осининъ, Миклуха-Маклай, нашъ безкорыстный путешественникъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, Ѳ. М. Дмитріевъ, Б. Н. Чичеринъ, князь В. А. Черкасскій и другіе. Привѣтливый пріемъ и уютно обставленная гостиная баронессы Раденъ довѣрчиво располагали входившаго въ нее; кромѣ того, она умѣла заставлять высказываться, слушала со вниманіемъ; но въ этомъ вниманіи, помимо ея воли, проглядывала доза снисхожденія. При ея чуткости къ малѣйшей неискренности въ разсказѣ, неблагопріятное впечатлѣніе выражалось у нея нервнымъ подергиваніемъ бровей, и иногда однимъ мѣтко поставленнымъ вопросомъ она освѣщала скрываемую истину. Горячо преданная своей семьѣ, она никогда не воспользовалась своимъ положеніемъ для доставленія общественныхъ или матеріальныхъ выгодъ своимъ близкимъ. Ея ровное, спокойное обращеніе со всѣми исключало мысль о дружескомъ предпочтеніи къ кому либо и если, въ тайникахъ ея души, когда либо скрывалось предпочтеніе, то это было относительно Ю. Ѳ. Самарина, и то сильно подогрѣтое, быть можетъ, борьбой каждаго изъ нихъ за свою родину и вѣру. Родина ея была Курляндія и вѣра протестантская, но она относилась съ глубокимъ уваженіемъ къ православію и даже любила православное богослуженіе, которое удовлетворяло порывамъ ея души. Уважая свободу мнѣнія и свободу совѣсти, она признавала за каждымъ право самостоятельнаго взгляда, хотя бы этотъ взглядъ былъ ей не сочувственъ. Религіозные вопросы ее сильно волновали; она глубоко страдала отъ непріязненныхъ чувствъ и нетерпимости Курлянцевъ къ нашему исповѣданію и одновременно огорчалась враждебными нападеніями на Остзейскій край. Она горячо защищала Балтійскихъ помѣщиковъ отъ поголовнаго обвиненія въ жестокомъ обращеніи съ Латышами и Эстами во время крѣпостной зависимости и отрицала правдивость книги Меркеля, написанной сто лѣтъ тому назадъ: «Die Letten vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts»*), и вдругъ появились «Окраины Россіи» Самарина! Этотъ новый обличитель Балтійцевъ, но уже настоящаго времени, неустрашимый раскрыватель всѣхъ прошлыхъ и настоящихъ хитростей Балтійскаго дворянства, какъ въ истолкованіи положенія 1804 года, такъ и въ неуваже-

*) Это знаменитое сочиненіе Латыша Меркеля помѣщено къ Русскомъ переводѣ (который провѣренъ Ю. Ѳ. Самаринымъ) въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года. П. Б.

ніи къ именнымъ и сенатскимъ указамъ, издаваемыхъ въ пользу крестьянъ, и въ неисполненіи ихъ, всѣ эти обвиненія, подтвержденныя фактами, совершенно сразили Эдиту Ѳедоровну. Она предположила, что факты подтасованы и, взглянувъ на трудъ Самарина какъ на сознательную клевету, внушенную племенною ненавистію къ Нѣмцамъ, написала ему крайне строгое письмо и порвала съ нимъ отношенія. Только впослѣдствіи, когда она убѣдилась, что въ поступкѣ Юрія Ѳедоровича не было погрѣшности съ нравственной стороны, что его мнѣніе о Балтійскомъ дворянствѣ истекало изъ убѣжденій, она вернула ему свою дружбу. Между ними возникла дѣятельная переписка, длившаяся съ 1861 по 1876 годъ и постоянно питавшая то страстное участіе, которое принимала Эдита Ѳедоровна во всѣхъ религіозныхъ и соціальныхъ вопросахъ. Въ этой перепискѣ ясно выразилась съ обѣихъ сторонъ внутренняя борьба между желаніемъ сохранить дружбу и сознаніемъ своего долга относительно своей родины и своей вѣры. По сердцу у Эдиты Ѳедоровны были двѣ родины, и всякая возстающая между ними принципіальная вражда убѣжденій глубоко волновала ее.

Желая распространить между католиками и протестантами вѣрное понятіе о православной церкви, она перевела на Нѣмецкій языкъ и издала въ Берлинѣ предисловіе Самарина къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова и катехизическое ученіе Хомякова о церкви. При замѣчательномъ умѣ и образованности, Эдита Ѳедоровна обладала удивительной способностію мѣтко выражать самые утонченные оттѣнки мысли и притомъ одинаково свободно какъ на своемъ родномъ Нѣмецкомъ языкѣ, такъ и на Французскомъ, и люди, способные цѣнить дарованія, не разъ убѣждали ее выступить на литературное поприще. Но она отдавала все свободное отъ придворныхъ обязанностей время заботѣ о пользѣ ближняго, при томъ страждущаго, неимущаго, нуждающагося либо въ умственномъ развитіи, либо въ нравственной поддержкѣ. Такимъ образомъ возникли, подъ всесильнымъ покровительствомъ великой княгини, училище Св. Елены, Елисаветинская больница, Консерваторія и дешевыя столовыя. Богато одаренная и подвижная натура великой княгини легко поддавалась призыву осмысленной благотворительности, въ которой почипъ принадлежалъ главнѣйше Эдитѣ Ѳедоровнѣ. Во всѣхъ учрежденіяхъ великой княгини она неусыпно наблюдала за правильнымъ ихъ развитіемъ, а потомъ, по волѣ великой княгини Екатерины Михайловны, всѣ эти учрежденія были ей предоставлены въ полное вѣдѣніе.

По смерти великой княгини Эдита Ѳедоровна очутилась въ крайне затруднительномъ матеріальномъ положеніи; она разсчитывала на обѣ-

щаніе обезпечить ее, но въ духовной ничего не оказалось въ ея пользу. Тогда Государь Александръ Александровичъ назначилъ ее фрейлиной большого двора [1]).

Съ Эдитой Ѳедоровной меня сблизило одно странное обстоятельство. Мы жили въ лѣвомъ[2]) флигелѣ Михайловскаго дворца, и наши апартаменты были смежны. Разъ, ночью, я была разбужена тягой холоднаго воздуха. Я встала и пошла въ гостиную, откуда неслась холодная струя; но тамъ все было затворено, и струя, какъ казалось, проникала изъ коридора. Я вышла туда и къ моему удивленію нашла Эдиту Ѳедоровну стоящую въ какомъ-то ожиданіи у двери своего апартамента. На меня нашелъ страхъ, и я быстро подошла къ ней. Холодъ былъ страшный, вѣтеръ несся изъ глубины коридора, примыкавшаго къ главному корпусу дворца. Естественно было уйти, но меня приковывала къ мѣсту какая-то невѣдомая сила. Я не успѣла обратиться къ Эдитѣ Ѳедоровнѣ съ вопросомъ, какъ услышала шаги, тяжелые, мѣрные; можно было опредѣлить, что нѣсколько человѣкъ приближалось къ намъ, и вдругъ прослышалось бряцаніе цѣпей. Эдита Ѳедоровна крѣпко взяла меня за руку «N'ayez pas peur, mon enfant», сказала она. Шумъ шаговъ все приближался, уже можно было опредѣленно указать мѣсто ихъ прохожденія; но проходившіе оставались для насъ невидимы. Лязгъ цѣпей раздавался въ такой близости отъ насъ, что мы отступили отъ занимаемаго нами мѣста. Но въ эту минуту труппа остановилась, послышался звукъ отпиравшагося замка, скрипъ тяжелой двери на заржавленныхъ петляхъ, снова шаги и лязгъ цѣпей, затѣмъ раздался страшный, отчаянный крикъ. Наступила минута полной тишины; вотъ снова проскрипѣла дверь, щелкнулъ замокъ и снова неспѣшные шаги постепенно удалявшіеся, но безъ лязга цѣпей. Когда все затихло и пришло въ обычное состояніе ночнаго спокойствія, а теплый воздухъ замѣнилъ бывшій холодъ, мы вопросительно и испуганно взглянули одна на другую. Я не могла успокоиться и осталась у Эдиты Ѳедоровны до разсвѣта. Для нея это явленіе не было новостію, но до сихъ поръ никто не раздѣлялъ его съ ней, и она сердечно сожалѣла, что невѣдомыя силы привлекли меня испытать весь страхъ необъяснимаго.

На другой день, страшно усталая, я вышла поздно. Какъ только я проснулась, мнѣ доложили, что княжна Львова проситъ меня къ себѣ.

---

*) Объ Э. Ѳ. Раденъ (ум. 9 Октября 1885) см. прекрасныя страницы (21—25) К. П. Побѣдоносцова въ его небольшой книжкѣ „Вѣчная память“ (Москва 1896). П. Б.

[2]) Т. е. глядя съ площади, ближе къ роковому мѣсту, гдѣ убили Александра II-го. П. Б.

Je vous prie, Marie, de ne jamais dire un mot à personne de ce qui s'est passé cette nuit, сказала старушка. Видимо, Эдита Θедоровна уже передала ей о случившемся. Такъ это и осталось. Хотя я просила княжну объяснить мнѣ тайное значенiе слышаннаго нами, но она отказала мнѣ, говоря, что это было бы непрiятно великой княгинѣ. Этотъ случай сблизилъ меня съ Эдитой Θедоровной и далъ мнѣ возможность оцѣнить всѣ дарованiя ея сердца.

Великая княгиня ѣздила ежегодно лѣчиться въ Рагацъ и Гаштейнъ, и въ этихъ поѣздкахъ Эдита Θедоровна неизмѣнно сопровождала ея высочество. Возвратясь изъ такого путешествiя, великая княгиня привезла съ собой новаго библiотекаря. Это былъ высокiй, худой желтоватый Нѣмецъ, съ огромнымъ Римскимъ носомъ, въ очкахъ и парикѣ. Онъ сразу завоевалъ себѣ вполнѣ независимое положенiе, не подчинялся никакому этикету, свободно расхаживалъ по всему дворцу, что̀ конечно не входило въ его обязанности библiотекаря. Онъ ни съ кѣмъ изъ насъ не говорилъ, и Эдита Θедоровна относилась къ нему съ нескрываемымъ презрѣнiемъ. Но онъ не смущался и позволялъ себѣ невѣроятныя отступленiя отъ простыхъ правилъ вѣжливости. Такъ, во время нашего лѣтняго пребыванiя въ Ораніенбаумѣ, вечеромъ, когда всѣ домашнiе и гости собирались въ залу подъ названiемъ «La Rotonde» (родъ громадной оранжереи, уставленной цвѣтами и съ нѣсколькими выходами въ садъ), онъ вдругъ появлялся изъ сада и, не снимая пальто, положивъ шляпу на столъ, требовалъ себѣ чаю. Въ тотъ день, когда это случилось въ первый разъ, разливать чай была очередь Эдитѣ Θедоровнѣ; мы уже отпили и сидѣли группами, когда камеръ-лакей подошелъ къ Эдитѣ Θедоровнѣ и сказалъ, что г-нъ N. N. проситъ чая. «Налейте ему чаю и никогда не смѣйте мнѣ объ этомъ докладывать», былъ ея отвѣтъ. Мы съ нею всегда чередовались въ обязанностяхъ хозяйки, и мнѣ было подсказано не уступать требованiямъ N. N. Отпивъ свой чай въ одиночествѣ, онъ проходилъ въ пальто черезъ всю залу мимо насъ и никому не кланяясь, не спѣша, достигалъ двери, ведущей во внутреннiя комнаты. Эта дерзость, повторявшаяся каждый вечеръ, заставляла насъ кипѣть отъ негодованiя и портила намъ удовольствiе слушать превосходную музыку: въ это лѣто гостили у насъ Давидовъ, нашъ знаменитый вiолончелистъ, и мы почти каждый вечеръ наслаждались его игрой; затѣмъ Е. В. Лавровская, только что окончившая свои занятiя съ г-жой Ниссенъ-Соломонъ.

Въ слѣдующiй зимнiй сезонъ, прiѣздъ высокихъ гостей, наслѣднаго принца Прусскаго и принца Валiйскаго, привелъ Михайловскiй дворецъ въ необычайное оживленiе. Для принцевъ и ихъ свиты были назначены

ежедневные вечера, на которые приглашались также лица «имѣющія входъ ко двору».

Такъ какъ на оффиціальные обѣды великая княгиня Екатерина Михаиловна не была приглашаема, то Елена Павловна сочла возможнымъ мною, въ качествѣ пріемной ея дочери, замѣнять родную дочь, и на оффиціальныхъ обѣдахъ я въ ту пору занимала мѣсто противъ великой княгини, имѣя около себѣ министровъ иностранныхъ дворовъ, тогда какъ великая княгиня имѣла возлѣ себя наслѣднаго принца Прусскаго и принца Валійскаго. Въ теченіе обѣда разговоръ часто касался вопросовъ политики, и случалось, что великая княгиня вдругъ обращалась ко мнѣ съ вопросомъ: «Marie, comment était ce? Que disait-on dans le «Temps»? и чтобы я была на высотѣ этого призванія, ежедневно присылала мнѣ утромъ, со своимъ камердинеромъ, номера газетъ «Temps», «Débats», «Figaro» гдѣ я находила цѣлые столбцы для прочтенія, отмѣченные краснымъ карандашомъ, рукою великой княгини.

Принцы не почтили нашихъ вечеровъ своимъ присутствіемъ: они находили себѣ другія развлеченія, особенно принцъ Валійскій, а изъ свиты я видѣла герцога Гамильтона и графа Бисмарка.

Бисмаркъ былъ со всѣми привѣтливъ, но говорилъ преувеличенно громко. Внѣшность Бисмарка особенно рельефно врѣзалась въ моей памяти во время офицерскихъ состязаній въ Михаиловскомъ манежѣ. Во время антракта онъ ходилъ по аренѣ около ложъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ разсматривалъ дамъ. Онъ сдвинулъ свою Прусскую каску на затылокъ, чтобы она ему не мѣшала, и останавливался передъ хорошенькими, и когда удивленныя дамы смѣялись, онъ смотрѣлъ въ упоръ и тоже смѣялся. Въ смѣхѣ его было больше наглости, чѣмъ добродушія; онъ держалъ себя съ увѣренностію, что всякая дерзкая его выходка будетъ принята за милую шутку.

Вечера Михайловскаго дворца скоро прекратились. Они были скучны; насъ они страшно стѣсняли, такъ какъ мы не имѣли права располагать своимъ временемъ. У насъ были свои опредѣленныя обязанности: княжна Львова занимала разговоромъ les vieux gros bonnets, Эдита Ѳедоровна всѣхъ умныхъ и чѣмъ либо выдающихся людей, я имѣла на своемъ попеченіи молодежь. Въ отдѣльной комнатѣ, прозванной на случай «le salon de la jeunesse», былъ сервированъ чай со сладостями и фруктами.

Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ къ моему чайному столу подошли, княжна Львова и съ ней молодой человѣкъ въ адъютантской

казачьей формѣ. «Marie, je vous présante m-r N. Monsceur vient d'arriver et ne connait personne; prenez le sous votre protection». Послѣдовали представленія, послѣ которыхъ я усадила г-на N. возлѣ себя, и завязался общій разговоръ.

Прежде чѣмъ быть адъютантомъ наказного атамана войска Донского, N. былъ морякомъ и очень увлекательно разсказывалъ о своемъ трехлѣтнемъ плаваніи кругомъ свѣта. Этотъ свѣжій элементъ всѣхъ заинтересовалъ; всѣ его слушали и закидывали вопросами, такъ что въ этотъ вечеръ наши обычные кавалеры играли незавидную роль. Всѣ были рады новинкѣ. Послѣ третьяго посѣщенія г-на N., княжна Львова обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «Comment trouvez-vous m-r N?—«Il est fort bien, princesse»—«Madame la grande-duchesse n'a rien contre l'intêret que vous lui témoignez. Elle a beaucoup connu sa mère, qui a été lectrice auprès de son altesse; c'est une famille très honorable».

Мнѣ не пришло въ голову, что этотъ разговоръ—первое предостереженіе.

Прошло нѣсколько дней, вечера уже прекратились, и вотъ утромъ меня зовутъ, въ неурочный часъ, къ княжнѣ Львовой. Я застаю ее въ ея самомъ маленькомъ интимномъ будуарѣ. «Marie, m-r. N. viendra tout de suite, et je vous laisserai seuls, car il a quelque chose à vous dire».—«Quoi, princesse?» съ неподдѣльнымъ удивленіемъ спросила я. «Il viendra demander votre main». Тутъ я вскочила. «De grâce, princesse, ne me quittez pas; je n'ai jamais considéré m-r N. au point de vue d'un mari; je l'apprécie comme conteur amusant, voilà tout, mais je ne le connais pas». Въ это время взошелъ человѣкъ и доложилъ: «г-нъ N.» Я бросилась къ двери, ведущей въ спальню; но княжна меня силой удержала. N. взошелъ, княжна встала со словами: «Je crois que vous avez quelque chose à dire à Marie». Тутъ я въ свою очередь вцѣпилась въ платье княжны, умоляя ее остаться; но она ушла. Что̀ тутъ произошло, я въ точности отъ смущенія не помню. N. что-то говорилъ, прижимая руку къ сердцу; а я, желая остановить потокъ его словъ, протянула къ нему руку со словами: «Погодите, выслушайте меня»; но онъ не понялъ или не хотѣлъ понять значеніе моего движенія, схватилъ мою руку и началъ покрывать ее поцѣлуями. Въ эту минуту двѣ двери разомъ отворились; въ одной показалась великая княгиня, въ другой княжна Львова. Великая княгиня заключила меня въ свои объятія, всѣ стали цѣловаться, всѣ разомъ заговорили, поздравляли и не дали мнѣ слова сказать, какъ все было кончено, и г-нъ N. былъ выпровожденъ, чтобы подѣлиться радостной новостію со своимъ дядюшкой адмираломъ Л.

Тутъ взошла Эдита Өедоровна, и ея большіе голубые глаза пытливо и вопросительно остановились на мнѣ. Я рыдая бросилась ей на шею, и только тутъ у меня вернулась способность говорить. «Je ne veux pas, je ne veux pas! въ отчаяніи повторяла я. Но подобный порывъ былъ противъ этикета, и меня увели.

Тутъ произошелъ перерывъ нѣсколькихъ дней, гдѣ я могла думать, что попытка г-на N. не будетъ имѣть рѣшающихъ послѣдствій; но оказалось, что за это время моими родными было офиціально спрошено у адмирала Л. о состояніи его племянника, и онъ отвѣчалъ, что у него громадное имѣніе на Дону, которое даетъ до 40 тысячъ рублей годоваго дохода. Этотъ отвѣтъ разрѣшилъ всякія колебанія со стороны моихъ близкихъ, и свадьба состоялась черезъ мѣсяцъ.

«Громадное имѣніе» на Дону оказалось нераздѣльное имѣніе между матерью и сестрою г-на N., дающее около трехъ тысячъ рублей въ годъ.

Вотъ роковая развязка моего пребыванія въ Михайловскомъ дворцѣ на положеніи пріемной дочери. Надо сказать, что за все время я за все платила. Я оплачивала столъ, освѣщеніе и прислугу, состоявшую изъ компаньонки, горничной и выѣзднаго лакея; экипажъ также я держала на свои средства. Ко всѣмъ этимъ расходамъ я платила еще за курсы Troubat, которые великая княгиня требовала чтобы я посѣщала, такъ что на мой туалетъ у меня оставалось очень немного.

Послѣ моего замужества семейныя обстоятельства удалили меня отъ общества. Нѣкоторое время я переписывалась съ Эдитой Өедоровной, но и эта соединявшая насъ нить порвалась съ ея отъѣздомъ за границу.

М. Назимова.

2-го Августа 1899 г.
Суражъ (Витебской губ.).

*

Портретъ баронессы Э. Ө. Раденъ читатели „Русскаго Архива“ 1893 года имѣютъ на рисункѣ, гдѣ она изображена въ бесѣдѣ съ четою князя и княгини Одоевскихъ. Намъ передавали, что, по кончинѣ ея, въ числѣ завѣтныхъ вещей и бумагъ, которыя она берегла, оказались стихи Ө. И. Тютчева: „Я Лютеранъ люблю богослуженіе“, и это вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію превосходныхъ ея писемъ къ Ю. Ө. Самарину. Кстати замѣтить, что печатавшій эту необыкновенно-цѣнную переписку повторилъ почему-то во второмъ ея изданіи указанную нами ему ошибку его, по которой выходитъ, будто Ю. Ө. Самаринъ назвалъ наше изданіе его книги объ Іезуитахъ criblée de fautes (искаженною опечатками), тогда какъ это выраженіе относится къ отдѣльнымъ оттискамъ того сочиненія, спѣшно сдѣланнымъ изъ газеты „День“, гдѣ оно сперва появилось. П. Б.

НЕИЗВѢСТНАЯ РУКОПИСЬ А. И. МАНКІЕВА, ПИСАННАЯ ВЪ 1714 ГОДУ ВЪ ШВЕДСКОМЪ ГОРОДѢ ВЕСТЕРАСѢ.

Лѣтомъ 1896 года, находясь въ Стокгольмѣ, купилъ я у тамошняго антикварнаго торговца, г. Быковскаго, рукописную книжку въ малую четверку, переплетенную въ старинный кожаный переплетъ, съ золотымъ обрѣзомъ, писанную четкимъ почеркомъ XVIII вѣка и озаглавленную:

„Выписка
истóріи россíйскои
ко
оугожде́нію Історіолюби́телемъ
в' Вестеросѣ
Году от Р: Х: 1714. 15-де Іюня".

Заглавіе рукописи въ рамкѣ, писанной перомъ и тушью. Въ серединѣ верхней части рамки нарисованъ гербъ, подобный Ярославскому: въ круглом̆ъ щиткѣ, увѣнчанномъ короною, медвѣдь стоящій на заднихъ лапахъ и держащій въ переднихъ лапахъ бердышъ; по бокамъ щитка двѣ сидящія нагія человѣческія фигуры, со звѣриными ушами, съ трубами во рту. Въ верхней же части рамки, по обѣимъ сторонамъ, орнаментальные листья съ гирляндами цвѣтовъ, по единорогу и по птицѣ.

Вслѣдъ за заглавнымъ листомъ предисловіе:

„К чита́телю

Между прочіими моими праздностми за ближайшую забаву я себѣ почиталъ чтеніемъ Історій время прокоротать, а особно коли иные всеобщіе бытія пересматривалъ о бытіи моего отечества Россіи по подлиннѣе свѣдать не баздѣлно мнѣ быть показалося. Которое коли я по многому испытанію изъ книгъ собралъ, жаль показалося маленкое мое искуство пустить в' забвеніе; но паче избралъ то на бумагу в'несено инымъ кто о томъ вѣдать хочетъ причастить. И понеже я Історію всеа Россіи какъ кратчайше было можно выписалъ. И что памяти и примѣчанія достойно то толко привелъ. Буди сіе выписка Історіи Россійской. Которую читателю благохотный прійми за благо и буде что в ней от меня какъ от человѣка погрѣшено, то по своему благоразсудію на добрую стать раз'толковать изволь прошу".

Затѣмъ слѣдуетъ самый текстъ Русской исторіи, между каждымъ листомъ котораго вставлено по чистому листу. Всѣхъ писанныхъ въ рукописи страницъ 100. Къ книгѣ приложены двѣ родословныя таблицы и рисунокъ, изображающій двуглаваго орла, съ тридцатью тремя гербами Россійскаго государства. Таблицы и рисунокъ писаны перомъ и красками.

По сличеніи рукописи съ первымъ изданіемъ „Ядра Россійской исторіи" 1770 года, она оказалась тождественной съ нимъ, но значительно сокращенной. Вышеприведеннаго обращенія „К читателю" въ „Ядрѣ" нѣтъ.

Г. Ф. Миллеръ, ошибочно считавшій авторомъ „Ядра Россійской исторіи" бывшаго Русскаго резидента въ Швеціи, князя А. Я. Хилкова, а не его секретаря А. И. Манкіева, на третьемъ листѣ своего предисловія къ „Ядру" говоритъ о „приношеніи", т.-е. посвященіи книги Петру Великому, писанномъ въ 1715 году 7 Апрѣля, въ Вестерасѣ. Это „приношеніе", находящееся въ нѣкоторыхъ спискахъ „Ядра", отсутствуетъ въ купленной мною рукописи.

Имѣющееся въ моемъ собраніи и напечатанное въ первой части издаваемаго мною „Сборника старинныхъ бумагъ" (стр. 149) письмо князя А. Я. Хилкова къ Шведскимъ графамъ, отъ 28 Октября 1706 года, изъ Стокгольма, лишь подписано княземъ Хилковымъ*); все же письмо писано другой рукой, и именно той же, какъ и „Выписка історіи россійской". Въ виду важности письма (о размѣнѣ плѣнныхъ), нельзя не предположить, что оно было писано если не самимъ Русскимъ резидентомъ, то никѣмъ другимъ, какъ его секретаремъ, Алексѣемъ Ильичемъ Манкіевымъ.

П. Щукинъ.

---

*) Въ краткомъ описаніи моего музея, изданномъ въ 1895 году, на стр. 59-й, напечатано письмо, все писанное рукою князя А. Я. Хилкова, изъ Юнкепинга, 20 Октября 1705 года, къ Θедору Алексѣевичу Головину. П. Щ.

горѣлымъ Москвичамъ, но ассигнаціи оказались фальшивыми. Уголовная Палата присудила Познякова къ 15 ударамъ кнута, вырѣзанію ноздрей, кандаламъ и каторжной работѣ. За него ходатайствовала его теща, Варшавская обывательница, Жанета Соловьева, и Государь, 8-го Сентября 1814 года, помиловалъ его. Въ дѣлѣ этомъ очень живо рисуется Московское купечество и его отношенія къ непріятелю.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ автобіографическая записка священника Московскаго Успенскаго собора, І. С. Боженова. Съ позволенія издателя, мы перепечатываемъ ея въ извлеченіи въ нынѣшнемъ выпускѣ „Русскаго Архива".

Затѣмъ въ этомъ сборникѣ П. И. Щукина слѣдуетъ списокъ сгорѣвшихъ въ Москвѣ церквей во время Французскаго нашествія, всего 122.

Стр. 104—117 заняты знаменитымъ дѣломъ Верещагина, историческій безпристрастный судъ о которомъ до сихъ поръ не произнесенъ. Въ связи съ другими бумагами о немъ, напечатанными въ Чтеніяхъ Общества и Древностей, показанія изданныя П. И. Щукинымъ должны быть предметомъ особаго изслѣдованія. Дѣло кончилось только 21 Августа 1814 года; а покровитель Верещагина, Московскій почтдиректоръ Ключаревъ, тогда же не только оправданъ, но опредѣленъ сенаторомъ, съ чиномъ тайнаго совѣтника. Могъ ли послѣ этого оставаться въ своей должности графъ Растопчинъ, котораго императоръ Александръ Павловичъ имѣлъ поводы ненавидѣть еще въ царствованіе отца своего?

Затѣмъ читаемъ любопытнѣйшую переписку графа Аракчеева съ Новогородскимъ губернаторомъ, П. И. Сумароковымъ, который не побоялся писать очень сильному уже въ 1812 году Грузинскому помѣщику: „Я въ дѣяніяхъ моихъ неизгибенъ. Я готовъ ваше сіятельство почитать; но обидныхъ или повелительныхъ писемъ, кромѣ начальства, ни отъ кого не пріиму, почему и прошу ваше сіятельство впредъ писать ко мнѣ поучтивѣе". А самъ Аракчеевъ такъ писалъ: „Кажется, я помѣстье свое въ губерніи нажилъ не фаворитствомъ, не откупами и не интригами, а службой, и послѣ того ничего отъ Государя не бралъ и не возьму никогда, дабы болѣе было и оставалось въ казнѣ у Государя къ награжденію гг. губернаторовъ".

На стр. 190—202 цѣлый романъ военноплѣннаго Итальянца Крозино, въ Костромской губерніи. Курскій однодворецъ Григорій Родіоновъ выражался о Государѣ, что „онъ пропалъ Москву и всю Россію". Старшая Императрица хлопочетъ облегчить участь взятыхъ въ плѣнъ Веймарцевъ, Мекленбургъ-Шверинцевъ и Виртембергцевъ, а Елисавета Алексѣевна пишетъ (стр. 205), что „Россія пріобрѣтаетъ новую славу чувствіями великодушія и сострадания къ несчастнымъ". Молодой графъ М. С. Воронцовъ посылаетъ въ Могилевское помѣстье свое Круглое (унаслѣдованное имъ отъ княгини Дашковой и потомъ проданное для уплаты нажитыхъ во Франціи долговъ) плѣнныхъ Французскихъ музыкантовъ, съ большимъ жалованьемъ, чтобы они обучали своему искусству „нашихъ". Французы безобразничали, и по этому поводу идетъ переписка между тамошнимъ управляющимъ и Н. М. Лонгиновымъ. Особенно любопытенъ разсказъ о 1812 годѣ дьякона церкви на Шаболовкѣ. Вообще эта книга ярко рисуетъ намъ страшную картину великаго погрома, значеніе котораго останется въ вѣкахъ, и Русская исторіографія должна благодарить за нее П. И. Щукина. П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ 1898—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

11.

Стр.

РУССКІЙ АРХИВЪ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1900 ГОДУ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

НОВАЯ КНИГА

Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ 6-й. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. 8-ка. М. 1899. VIII+XI + 556 + 51 — 546 + LXXXI—CDLXXIV стр. Цѣна 3 р.

Лежащій передъ нами сборникъ отличается разнообразнымъ и цѣннымъ составомъ своимъ; по богатству матеріала онъ значительно превосходитъ предыдущіе выпуски и краснорѣчиво говоритъ о подъемѣ научнаго рвенія въ томъ учрежденіи, которое всегда было гордостью Москвы.

Всѣхъ сообщеній и изслѣдованій въ сборникѣ восемь, и всѣ они написаны главнымъ образомъ на основаніи хранящихся въ Архивѣ документовъ.

Обстоятельное изслѣдованіе С. А. Бѣлокурова (онъ же и редакторъ настоящаго выпуска сборника) о библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI ст., уже появившееся въ 1898 г. отдѣльнымъ изданіемъ, даетъ цѣлый рядъ свѣдѣній о книжно-рукописныхъ собраніяхъ Посольскаго приказа, Патріаршей библіотеки и Московскаго печатнаго двора. Послѣ тщательно произведеннаго разбора всѣхъ данныхъ почтенный изслѣдователь приходитъ къ выводу, что: 1) у царя Ивана Грознаго не было обширнаго собранія иноземныхъ рукописей; 2) царской библіотеки въ Кремлевскихъ тайникахъ нѣтъ. Особенно любопытны будутъ приложенія, которыя войдутъ въ VII-й выпускъ сборника. С. А. Бѣлокуровымъ же сообщены: 1) Выдержки изъ записной книжки Н. Н. Бантыша-Каменскаго; самая книжка попала въ руки сестры покойнаго и неизвѣстно, гдѣ теперь находится, а извлеченія изъ нея сдѣланы А. Ѳ. Малиновскимъ. Изъ нихъ мы узнаёмъ, между прочимъ, что Григорій Отрепьевъ носилъ въ иночествѣ имя Германа. 2) Всеподданнѣйшее донесеніе Николаю Павловичу А. Ѳ. Малиновскаго съ приложеніемъ списка служившихъ и служащихъ въ Архивѣ чиновниковъ: это цвѣтъ тогдашняго Московскаго юношества. Страхъ послѣ бѣдственнаго событія 14-го Декабря 1825 г. былъ такъ великъ, что нелѣпыя рѣчи Архивскихъ инвалидовъ вызвали „строжайшее о семъ изысканіе“, и даже подозрѣніе пало на 70 лѣтняго заслуженнаго директора Архива А. Ѳ. Малиновскаго. Смущенный старецъ написалъ оправданіе свое.

Г. Муркосъ даетъ описаніе (приложенъ и фототипическій снимокъ) Арабской рукописи Павла Алепскаго. О Русскомъ переводѣ этого важнаго для Русской исторіи памятника мы уже имѣли случай говорить.

Н. В. Рождественскому принадлежитъ любопытная статья „П. А. Кры-

ОТЪ ДУНАЯ ДО ЦАРЬГРАДА.

1877—1878.

Воспоминанія участника.

I часть.

КАВКАЗСКАЯ КАЗАЧЬЯ БРИГАДА.

Казачья пѣсня. *)

ЗАПѢВАЛО:

Полно вамъ снѣжочкамъ
На талой землѣ лежать;
Полно намъ казаченькамъ
Горе горевать.

*

ХОРЪ:

Полно намъ казаченькамъ
Горе горевать.
Оставимъ тоску печаль
Во темныхъ во лѣсахъ.

*

Будемъ привыкать
Къ чужой дальней сторонѣ,
Будемъ уважать
Чужой молодой женѣ.

*

Съ дѣвками, съ молодками
Полно намъ гулять,
Перины, подушечьки
Пора намъ забывать.

*

Чекменикъ, бешметикъ
Намъ не надобно скидать;
Вспомнимъ про военные
Кинжалъ, шашку и ружье.

*

---

*) Пѣсня Кубанскихъ казаковъ.

Еще не забыть
Намъ про коней вороныхъ.
Есть у насъ, ребята,
Крупа и мука.

*

Кашицы наваримъ,
Мягкихъ хлѣбовъ напекемъ,
Сложимся по денежкѣ,
Пошлемъ за винцомъ.

*

Выпьемъ мы по чарочкѣ,
Позавтракаемъ;
Выпьемъ по другой,
Разговоры заведемъ.

*

Выпьемъ мы по третьей,
Съ горя пѣсни запоемъ,
Пѣсни запоемъ,
Сами во походъ пойдемъ.

I. Сборы.

1877 г. 12 Апрѣля была объявлена война Турціи. Давно уже всѣ были возбуждены противъ Турокъ, мучившихъ Балканскихъ христіанъ; газеты были полны извѣстій о Турецкихъ звѣрствахъ. Сербія и Черногорія давно дрались за свою независимость, и болѣе пылкія натуры изъ нашихъ уѣхали въ Сербію волонтёрами и тамъ подъ командою генерала Черняева отстаивали свободу Славянъ. Это, конечно, было начало, какъ бы аванпостная перестрѣлка; всѣ ждали наступленія главныхъ силъ, т. е. высочайшаго манифеста о войнѣ Россіи съ Турціей.

Войска наши уже стояли въ Кишиневѣ, и много ходило разнорѣчивыхъ слуховъ. Главнокомандующимъ назначенъ былъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій, пользовавшійся общей любовію войска и довѣріемъ народа, ждавшаго отъ него побѣдъ. Гвардію еще не трогали, хотя слухи носились, что скоро и ее потребуютъ на театръ военныхъ дѣйствій. Про нашъ л.-гв. Уланскій полкъ, въ которомъ я служилъ въ то время, упорно говорили, что Государь разрѣшилъ, по просьбѣ великаго князя, взять его себѣ какъ свой гусарскій полкъ въ конвой. *)

И вотъ, наконецъ раздался Царскій голосъ, война была объявлена, и войска двинулись на Дунай.

*) Кое-кто изъ нашего полка былъ уже вызванъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи, а другіе ожидали назначенія.

Надо было видѣть всеобщую радость: знакомые и незнакомые поздравляли на улицахъ другъ друга съ объявленіемъ войны. Манифестъ и газеты раскупались на расхватъ. Воинственная горячка охватила всѣхъ; всѣ старались быть причастниками къ дѣлу. Кто хлопоталъ поступить въ дѣйствующія войска, кто въ «Красный Крестъ», кто жертвовалъ, кто пилъ за успѣхъ Русскаго оружія; однимъ словомъ, всякій старался, какъ могъ, выразить свою готовность быть хочь чѣмъ-нибудь полезнымъ въ эти важныя минуты и способствовать побѣдѣ Креста надъ Луною.

Многіе, не стѣсняясь своимъ положеніемъ по гражданской службѣ, поступали рядовыми въ дѣйствующіе полки. Не помню фамиліи, но помню молодцевато-разъѣзжавшаго по улицамъ Петербурга съ прощальными визитами сенатора, лѣтъ 70-ти, поступившаго корнетомъ въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. По улицамъ появились бѣлыя фуражки, т. е. на обыкновенныя фуражки были надѣты бѣлые чехлы, присвоенные назначеннымъ въ дѣйствующую армію. Эти фуражки возбуждали въ насъ зависть и еще болѣе разжигали страсти.

Отъѣзжавшіе, конечно, гордились своимъ положеніемъ и къ намъ относились съ высока, покровительственно, а нѣкоторые съ серіознымъ видомъ, воображая себя уже бывалыми, давали намъ совѣты на случай, если насъ потребуютъ на Дунай, чѣмъ намъ запастись и какъ себя вести въ походѣ. Были и такіе, которые рѣшали на глазокъ, по какимъ-то имъ однимъ извѣстнымъ соображеніямъ, кто годится въ походъ и кто нѣтъ.

Магазины всякихъ патентованныхъ походныхъ вещей торговали на славу; но многое потомъ пришлось бросить за негодностью этихъ походныхъ вещей въ походѣ.

Съ Кавказскаго театра военныхъ дѣйствій въ полку получилась телеграмма, гласившая, что нашъ товарищъ поручикъ Ханъ Нахчеванскій, уѣхавшій еще до начала кампаніи въ Кавказскую армію, былъ въ дѣлѣ, велъ себя молодцемъ и раненъ въ руку пулей. Телеграмму прочли во всѣхъ эскадронахъ, а ему послали поздравленіе.

Многіе изъ назначенныхъ жаловались, что долго задерживаютъ переводы въ дѣйствующіе полки, хотя это только казалось; слышались опасенія опоздать къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ то время всѣ предполагали, что Турки—чурки и мы ихъ шапками закидаемъ, что и оружія-то у нихъ нѣтъ, и запасовъ нѣтъ, и войска не устроены; ну, словомъ, отъ Дуная и до Царьграда это будетъ не война, а торжествен-

ный маршъ, въ чемъ впослѣдствіи пришлось разочароваться, и войны хватило на всѣхъ. Я сильно рвался въ дѣйствующую армію; что-то заманчивое слышалось въ словахъ: «дѣйствующая армія». Просился я въ Кавказскую казачью бригаду за Дунай, и мнѣ это было обѣщано.

Всѣмъ намъ не сидѣлось на мѣстѣ; мы бѣгали изъ дома въ домъ, по штабамъ и канцеляріямъ, справляясь, скоро ли и до насъ дойдетъ чередъ. Хотѣлось узнать повѣрнѣе, но слухи были разнорѣчивы и не опредѣленны. Въ одну изъ такихъ развѣдокъ я былъ въ Петербургѣ и, не узнавъ ничего новаго, пошелъ къ одному моему пріятелю ночевать. Только-что улеглись, какъ является мой камердинеръ Тимоѳей и сіяющій подаетъ мнѣ телеграмму говоря: извольте читать; я читаю: «Вы назначаетесь въ Кавказскую бригаду. Тутолминъ». (Полковникъ Тутолминъ командовалъ Кавказскою казачьей бригадой). Радость была неописанная. «Ѣду на войну!» кричу я пріятелю, не менѣе моего желавшему того же. «Быть не можетъ», кричитъ онъ, подбѣгая ко мнѣ. «Смотри самъ», говорю я, протягивая телеграмму. «Ну поздравляю!» Радуется и онъ, прочтя ее.

Сонъ какъ рукой сняло; начались разсужденія, что̀ теперь дѣлать: ѣхать ли сейчасъ въ полкъ, или дождаться утра? Но нетерпѣніе брало свое; я послалъ за тройкой и неизвѣстно зачѣмъ поскакалъ въ Петергофъ, гдѣ стоялъ нашъ полкъ. Въ полку, конечно, всѣ спали, и мы съ Тимоѳеемъ поговорили о предстоящихъ сборахъ, «посмотрѣли на карту, опредѣлили гдѣ въ настоящее время наши войска и, воткнувъ булавку въ то мѣсто, куда мнѣ надо было ѣхать, я улегся спать.

Утромъ пошелъ я къ адъютанту, который сказалъ, что приказа въ полку еще нѣтъ, а что это частное извѣстіе. Сейчасъ же я отыскалъ товарища моего корнета Ѳедорова. Онъ тоже ждалъ перевода въ Кубанскій полкъ, той же бригады, и вмѣстѣ съ нимъ мы покатили въ Петербургъ заказывать черкески и закупать оружіе.

Много времени проходило у насъ въ разговорахъ со встрѣчавшимися знакомыми. Мы каждаго останавливали, объявляя ему, что ѣдемъ въ дѣйствующую армію. Всѣ намъ сочувствовали и поздравляли. Предлагаемые намъ шашки и кинжалы мы долго испытывали: гнули и махали ими, пробуя упругость стали.

Въ числѣ походныхъ покупокъ я пріобрѣлъ себѣ складную деревянную постель, подъ названіемъ «сомель», а корнетъ Ѳедоровъ купилъ непромокаемую гуттаперчевую постель. Въ полкъ мы больше не являлись, а поселились въ Петербургѣ, на квартирѣ нашего товарища, ротм. А. П. Сафонова, подъ Смольнымъ монастыремъ; онъ тоже ждалъ на-

значенія въ главную квартиру дѣйствующей арміи. Когда мы обзавелись походными кроватями, то, конечно, сейчасъ же приспособили ихъ къ дѣлу. Ѳедоровъ въ своей непромокаемой укладывался прямо на полъ, но послѣ нѣсколькихъ испытаній нашелъ, что на кровати лучше и сдалъ ее въ складъ. Моя хотя была несравненно мягче, но послѣ нѣсколькихъ дней опыта не выдержала и разрушилась. Сдавать въ складъ было нечего: остались только щепки, да кусокъ холста, изъ котораго сшили торбы лошадямъ для желѣзной дороги. Сафоновъ надъ нами посмѣивался и изображалъ насъ въ каррикатурахъ. «Вы бы, говорилъ онъ, попробовали на плацу въ лужѣ поспать на своихъ патентованныхъ кроватяхъ; это было бы по походному».

Вскорѣ наша компанія увеличилась однимъ новымъ членомъ: это былъ морякъ, лейтенантъ; онъ командовалъ какой-то лодкой въ Кронштадтѣ, бросилъ ее и болтался по Петербургу. Мы гдѣ-то на гуляньѣ встрѣтили его, пригласили къ себѣ, и онъ зажилъ у насъ, позабывъ свою лодку; но, кажется, за эту самовольную отлучку ему впослѣдствіи досталось.

Для этого компаніона была вытребована изъ склада непромокаемая постель и раскинута на сдвинутыхъ стульяхъ посреди комнаты. Часто ночью насъ будилъ трескъ и стукъ падающаго тѣла: это морякъ, неосторожно поворачивавшійся во снѣ, проваливался сквозь раздвигавшіеся стулья; мы просыпались, смѣялись и говорили: «морякъ потерпѣлъ крушеніе!» и спрашивали: «на какой рифъ онъ наткнулся?» Потерпѣвшій подымался изъ груды стульевъ, ругался, устраивалъ свою животрепещущую постель и снова укладывался спать: эти крушенія нисколько его не смущали. Такъ шли дни за днями въ ожиданіи приказа. Ежедневно утромъ, напившись чаю, мы выходили изъ дому въ полномъ составѣ, шли къ Смольному, садились въ двадцати-двухъ мѣстную карету, какъ мы называли конку, и ѣхали на Михайловскую улицу; тамъ мы вылѣзали и продолжали путь пѣшкомъ въ ресторанъ Доминика, куда насъ привлекала масса газетъ и иллюстрацій, въ которыхъ мы почерпали извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Прежде всего мы завтракали, а затѣмъ, взявъ по кружкѣ пива, углублялись въ литературу. Иллюстраціи изъ военнаго быта мы разсматривали сообща, при чемъ Сафоновъ и тутъ не пропускалъ случая подтрунить надъ нами и, указывая на Турецкія звѣрства, увѣрялъ, что меня Турки посадятъ на колъ, а Ѳедорову отрѣжутъ носъ и уши.

Окончивъ свои литературныя занятія, мы выходили изъ ресторана и шли каждый по своимъ дѣламъ, согласившись предварительно гдѣ встрѣтиться къ обѣду или вечеромъ.

Мы съ Өедоровымъ шли обыкновенно въ Главный Штабъ, гдѣ у насъ завелся пріятель-писарь, у котораго мы справлялись, не вышелъ ли приказъ о нашемъ назначеніи, но получали каждый разъ отрицательный отвѣтъ.

На прощанье побывали мы въ Ливадіи, гдѣ пѣлъ въ то время Иванъ Калистратовичъ Молчановъ со своимъ хоромъ. Попили съ нимъ чайку; онъ намъ спѣлъ и пожелалъ всего хорошаго и благополучно возвратиться. Мы ему на это замѣтили: «Почемъ знать? Можетъ быть и не вернемся», но Молчановъ сказалъ: «Это вѣрно я говорю, что вернетесь, вотъ увидете!» Слова его оправдались, и не разъ потомъ онъ припоминалъ мнѣ это.

Наконецъ, пришелъ приказъ о моемъ назначеніи. Я не медля поѣхалъ въ полкъ за полученіемъ билета на проѣздъ, денегъ и вообще для общаго расчета съ полкомъ. Затѣмъ я отправился въ Красное Село представиться начальству и проститься съ товарищами. Прощаніе было шумное, при чемъ было немало выпито, чему способствовали полковые пѣсенники. Одинъ изъ товарищей, пор. В. А. Левстрёмъ, любившій подъ веселую руку сочинять, какъ говорится, небылицы въ лицахъ, и уѣзжавшій въ это время въ отпускъ, разсказывалъ, что ѣдетъ въ Америку, тоже на войну. Насъ вынесли на рукахъ и посадили въ коляску при крикахъ «ура». Мы говорили какія-то прочувствованныя рѣчи и, махая фуражками, поѣхали на вокзалъ.

Мнѣ пришлось подождать немного перевода корнета Өедорова, чтобы ѣхать вмѣстѣ. Вскорѣ переводъ его въ Кубанскій полкъ пришелъ, и мы начали укладываться, назначивъ день отъѣзда; но тутъ случился казусъ, остановившій насъ на нѣсколько дней. Дѣло было въ томъ, что деньги, полученныя нами на проѣздъ, мы уже всѣ растратили и ѣхать намъ было не съ чѣмъ. Послали телеграммы роднымъ о высылкѣ денегъ. Деньги скоро получили, вторично назначили день отъѣзда и, боясь какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ задержекъ, распорядились съ вечера, чтобы деньщикъ завтра рано утромъ съ лошадьми и вещами отправился на вокзалъ, сдавалъ бы вещи въ багажъ и ставилъ бы лошадей въ вагонъ.

Просыпаемся утромъ, идетъ дождь: по Русскимъ примѣтамъ, предзнаменованіе хорошее; а между тѣмъ вставать лѣнь, да вдобавокъ вечеръ провели бурно. Но дѣлать нечего, надо торопиться, чтобы не опоздать на поѣздъ.

Когда совсѣмъ собрались, Өедоровъ опять вспомнилъ, что-то такое забылъ; но откладывать было нельзя, и мы въ сопровожденіи

Сафонова поѣхали на Николаевскій вокзалъ, гдѣ насъ ожидалъ деньщикъ, получившій уже по нашимъ предложеніямъ билеты. Все было готово, оставалось сѣсть и ѣхать; мы не вытерпѣли и забѣжали въ буфетъ выпить, какъ говорится, «посошокъ». Сафоновъ пожелалъ намъ всего хорошаго, а мы ему пожелали скорѣе присоединиться къ намъ. Обнявшись, расцѣловались и, напутствуемые добрыми пожеланіями даже незнакомыхъ, мы вошли въ вагонъ. Раздался свистокъ, и поѣздъ тронулся. Сафоновъ снялъ фуражку и, поднявъ ее кверху, разинулъ ротъ, изображая, что кричитъ ура. Мы тоже сняли фуражки, перекрестились и кланялись. Долго мы еще смотрѣли изъ окна, прощаясь съ Петербургомъ и оставшимися на платформѣ.

Это было 25 Іюня 1877 года. Въ Колпинѣ были еще прощанія: Ѳедорова встрѣтили какія-то знакомыя дамы, мужчины и, кажется, младенцы. Они выѣхали проводить его, и должно быть близкіе, потому что цѣловались, крестили, желая всего хорошаго и, кажется, собирались плакать, но не успѣли; поѣздъ свиснулъ, и мы покатили дальше, не предвидя никакихъ задержекъ и рѣшивъ всякія къ тому препятствія нергично отклонять. «Ну», говорили мы съ Ѳедоровымъ «поѣхали воевать съ Турками, наконецъ-то выбрались!

II. Въ вагонѣ до г. Журжева и по берегу Дуная въ г. Зимницу.

Ѣхали мы на скорыхъ поѣздахъ, на которыхъ везли и нашихъ верховыхъ лошадей: это было преимущество ѣхавшихъ въ дѣйствующую армію.

Чѣмъ дальше мы удалялись, тѣмъ воинственнѣе становились. Всѣ насъ окружавшіе и встрѣчавшіеся относились къ намъ сочувственно, разспрашивая, куда мы ѣдемъ, гдѣ стоитъ такой-то полкъ, въ которомъ непремѣнно у нихъ находился родственникъ или знакомый. Въ общемъ наше путешествіе ничѣмъ особеннымъ не отличалось. Мы безъ остановокъ катили къ берегамъ Дуная. Навстрѣчу намъ часто попадались поѣзда Краснаго Креста, переполненные ранеными *); мы ихъ разспрашивали, какъ и что и не знаютъ ли они, гдѣ наша Кавказская бригада. По дорогѣ начали подсаживаться ѣдущіе въ дѣйствующію армію; тутъ попадались и молодые офицеры, раньше обыкновеннаго произведенные по случаю войны, и статскіе, желавшіе опредѣлиться куда нибудь въ

*) Это производили „эвакуацію“ или просто по-русски сказать перевозку; также попадались поѣзда съ плѣнными Турками, у которыхъ, не смотря на все ухаживаніе нашихъ дамъ-благотворительницъ, видъ былъ очень печальный.

полкъ охотникомъ или вольноопредѣляющимся; ѣхали и отставные хлопотать о томъ же.

Только и разговору было, что о войнѣ и Туркахъ; всѣмъ остальнымъ мало интересовались. За Кіевомъ насъ поразила масса Жидовъ, толпившихся на станціяхъ. Эти Жиды не такіе, какъ въ средней Россіи, а настоящіе, въ длинныхъ лапсердакахъ съ пейсами, въ бархатныхъ ермолкахъ, въ башмакахъ и чулкахъ. Они, оглашая воздухъ своимъ говоромъ и крикомъ, шныряли по платформѣ и вагонамъ. Тутъ были и подростки, и маленькіе, тоже принимавшіе живое участіе въ общей дѣятельности. Въ вагонахъ также ѣхали Жиды, но это уже были крупные; тѣ и другіе занимались сообща торговлей. Это вѣроятно были все сподвижники знаменитыхъ Грейера, Горвица, Когана и комп., ловкихъ поставщиковъ арміи. Одинъ изъ этихъ крупныхъ, вѣроятно подрядчикъ или агентъ, ѣхалъ въ нашемъ вагонѣ. При каждой остановкѣ поѣзда къ его окну съ гвалтомъ бросалась толпа станціонныхъ Жидовъ; почти у каждаго былъ мѣшочекъ съ образцами зерна, которыя ѣхавшій съ нами бралъ, высыпалъ зерна себѣ на руку, разсматривалъ, взвѣшивалъ, пробовалъ на зубъ и отдавалъ обратно, а нѣкоторыя оставлялъ или обмѣнивалъ на бывшія съ нимъ. Гвалтъ стоялъ невообразимый. Все это насъ забавляло. Нѣкоторые изъ Шмулекъ ѣхали отъ станціи до станціи и, кажется, безъ билетовъ. Эта общая ихъ дѣятельность была поразительна по всему пути. Тутъ встрѣчались всякіе Жиды: и оборванные, и худые, и жирные, и наконецъ, одѣтые по европейски, съ толстой золотой цѣпью и болтающимся медальономъ на животѣ и съ перстнями чуть не на всѣхъ пальцахъ. Всѣ они заняты были однимъ ханделемъ. Польскій элементъ хотя тоже изобиловалъ, но это были все помѣщики.

Такимъ образомъ, сопутствуемые Жидами всѣхъ видовъ, мы добрались благополучно до Кишенева. Сидя день въ вагонѣ въ обществѣ пассажировъ, мы на ночь переселялись въ вагонъ къ лошадямъ, гдѣ преспокойно спали на сѣнѣ; случалось иногда и днемъ сходить туда отдохнуть. Изъ Кишенева поѣхали мы дальше до Унгенъ, пограничной съ Румыніей станціи.

При проѣздѣ пограничной линіи, поѣздъ былъ остановленъ, и пасажиры приглашены показать багажъ таможеннымъ чиновникамъ. Насъ, ѣхавшихъ въ дѣйствующую армію, не осматривали. По окончаніи быстраго таможеннаго обзора, поѣздъ пошелъ дальше и остановился уже на Румынской станціи.

При выходѣ на эту пограничную станцію, насъ поразила сразу измѣнившаяся декорація Россіи на Румынію. Мы вообще были въ пер-

вый разъ за границей. Форма одежды жандармовъ напоминала намъ старинныя гравюры двѣнадцатаго года.

Служащіе, публика и все было ново, все не по нашему, и Русскій говоръ смѣнился на какой-то намъ непонятный. Теперь намъ приходилось продолжать путь въ Румынскихъ вагонахъ. Вообще Румынскія желѣзныя дороги прескверныя, узкоколейныя; вагоны маленькіе и безъ удобствъ. Все это казалось намъ весьма страннымъ. Иногда приходилось намъ дожидаться поѣздовъ, и плохо бы было сидѣть съ людьми не понимающими по-русски; но, благодаря тому, что на каждой станціи комендантами были наши Русскіе офицеры, мы могли сколько нибудь пріятно проводить время. Только на одной изъ нихъ попался намъ начальникъ станціи, не знаю какой національности, но говорившій коекакъ по-французски. Стоять намъ пришлось тутъ цѣлый день, и мы съ нимъ провели бо̀льшую часть времени. Онъ высказалъ намъ съ сожалѣніемъ, что мы по отъѣздѣ забудемъ о нашей встрѣчѣ и пріятно проведенномъ времени, но что онъ будетъ помнить, питая почему-то къ намъ большое расположеніе. Мы въ свою очередь увѣряли его въ своемъ сочувствіи. По всѣмъ линіямъ Румынскихъ желѣзныхъ дорогъ были расположены наши желѣзнодорожные баталіоны, несшіе службу наравнѣ съ Румынами, такъ что всегда можно было видѣть рядомъ съ Румыномъ-стрѣлочникомъ нашего солдатика.

На одной изъ станцій мы встрѣтили плѣннаго капитана Египетской кавалеріи. Онъ разсказалъ, что его взяли въ плѣнъ подъ Шумлой Донскіе казаки и чрезвычайно удивлялся той быстротѣ, съ которой онъ былъ схваченъ, и ихъ внезапному появленію. Онъ говорилъ хорошо по-французски и былъ, повидимому, неособенно огорченъ своимъ положеніемъ.

Наконецъ добрались мы до Бухареста. Поѣздъ шелъ далѣе только на другой день, и мы рѣшили воспользоваться этимъ временемъ для осмотра города.

Остановились въ гостиницѣ, куда не замедлилъ явиться факторъ, предлагая свои услуги, но мы отказались и пошли пѣшкомъ. Зашли въ какой-то трактиръ, гдѣ обѣдало нѣсколько нашихъ офицеровъ; спросили пообѣдать и мы; насъ накормили своеобразными кушаньями, приправленными не въ мѣру краснымъ перцомъ. Къ перцу мы скоро привыкли, потому что въ Болгаріи и Турціи его ѣдятъ даже съ хлѣбомъ. Въ большомъ ходу тутъ была «омлетъ», яичница, запеченая и завернутая пирожкомъ.

Въ особенности насъ удивило, что при разсчетѣ требовали съ насъ платы за хлѣбъ, какъ за особое блюдо; какъ мы ни старались

ихъ убѣдить, что у насъ въ Россіи за хлѣбъ ничего не берутъ, но они все-таки настаивали на своемъ. Наѣвшись всякой всячины, мы взяли извозчика, чистенькую, парой въ дышло, коляску, въ Англійской упряжи.

Въ Бухарестѣ множество Русскихъ извозчиковъ, и сначала насъ удивило, откуда могли они взяться, но разговорившись съ ними, мы узнали, что это скопцы, ушедшіе въ Румынію во избѣжаніи кары. Намъ же попался извозчикъ Румынъ, который, выслушавъ хладнокровно наше приказаніе, отданное по-русски, ѣхать по лучшимъ улицамъ города и показать всѣ его достопримѣчательности, мотнулъ головой и покатилъ. Вполнѣ увѣренные, что онъ насъ понялъ, мы удивлялись, что видѣнное нами не представляло ровно ничего замѣчательнаго: улицы узкія, дома некрасивые, и повсюду грязь. Наконецъ извозчикъ подъѣхалъ къ тротуару, остановился, подозвалъ какого-то прохожаго и заговорилъ съ нимъ. Мы удивились такой безцеремонности. Прохожій, переговоривъ съ извозчикомъ, сказалъ намъ по-французски, что извозчикъ проситъ узнать, куда намъ нужно ѣхать. Мы сказали случайному посреднику, что мы приказывали извозчику везти насъ и показывать достопримѣчательности города и спросили въ свою очередь, гдѣ извозчикъ насъ возилъ. Оказалось, что онъ возилъ насъ по какимъ-то закоулкамъ. Тогда мы, разсердившись, велѣли ѣхать обратно въ гостинницу.

Съ утреннимъ поѣздомъ мы отправились дальше къ Дунаю. Въ вагонѣ сидѣли Румыны и нѣсколько нашихъ офицеровъ. Разговоры, конечно, шли о событіяхъ дня. Всѣ мы, какъ умѣли, объяснялись по-французски. Румыны выставляли достоинства своей арміи, возлагая на нее большія надежды, и одинъ изъ нихъ, заврашись не въ мѣру, обратился къ намъ и спросилъ: «Ну, хорошо, что вы теперь, въ союзѣ съ нами, безпрепятственно прошли до береговъ Дуная и бьете Турокъ; а что бы вы сдѣлали, если бы мы васъ не пропустили?» Сказавъ это, Румынъ, самодовольно улыбнулся, окинулъ всѣхъ гордымъ взглядомъ и ждалъ отвѣта, предполагая, вѣроятно, что озадачилъ насъ.

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать; одинъ изъ нашихъ офицеровъ сказалъ ему: «Ну, это была бы еще не особенная бѣда; мы сначала побили бы васъ, а потомъ били бы Турокъ!» Румыны, какъ ошпаренные, въ одинъ голосъ закричали: «помилуйте, у насъ шестьдесятъ тысячъ войска». «Что же значатъ ваши шестьдесятъ тысячъ войска, когда Россія во всякое время можетъ выставить въ десять разъ больше, а прибавлять можетъ сколько угодно». Румыны остались очень недо-

вольны, что не понимали мы той любезности, которую они намъ оказывали, пропуская наши войска, а что мы считали это за должное.

Поѣздъ нашъ катилъ на столько быстро, на сколько позволялъ весь изрытый путь желѣзной дороги, прямо къ Журжеву.

На одной изъ станцій произошло маленькое столкновеніе поѣздовъ, окончившееся безъ несчастій съ людьми, но съ непріятностью для Румынской администраціи, которую мы заставили, съ начальникомъ станціи во главѣ, поднять и поставить на рельсы соскочившій вагонъ, не давъ въ наказаніе за ихъ нерадѣніе ни одного нашего солдата въ помощь. Дальнѣйшее путешествіе совершилось благополучно, и поѣздъ остановился не доѣзжая станціи Журжево. Намъ объяснили, что Турки всегда открываютъ огонь съ того берега Дуная изъ крѣпости Рущука по станціи и по поѣзду, если подойти близко.

Городъ Журжево, расположенный на берегу Дуная, какъ разъ противъ Рущука, былъ пустъ; жители всѣ разбѣжались, осталась полиція, да и то мы видѣли одного только комиссара: цѣлый день ходилъ онъ съ нами по городу, показывая съ грустью разрушительное дѣйствіе Турецкихъ дальнобойныхъ орудій.

Масса домовъ была разрушена, остальные съ громадными брешами въ стѣнахъ и крышахъ. Турки громили городъ не только гранатами, но и старинными круглыми бомбами. Среди этого общаго разрушенія уцѣлѣла какими-то судьбами башня, на которую водилъ насъ любезный комиссаръ и показывалъ въ бинокль Рущукскіе укрѣпленія и городъ. Особенно онъ обращалъ наше вниманіе на батарею (Арабъ-Табія), которую считалъ сильнѣйшею и очень вредившею городу.

Осмотрѣвъ бренные остатки Журжева, мы пошли на берегъ Дуная, на нашу батарею съ осадными орудіями, защищавшую городъ. Въ первый разъ намъ пришлось видѣть этотъ величественный Дунай. Берега его въ этомъ мѣстѣ высоки и обрывисты. На противуположной сторонѣ высились минареты Рущука и кое-гдѣ бѣлѣлись коническія палатки Турокъ.

Все было тихо. День былъ жаркій, и на зеркальной поверхности Дуная не было видно ни одной лодочки. Только подъ самымъ берегомъ у Рущука стоялъ Турецкій пароходъ. Онъ, какъ намъ сказали наши артиллеристы, давно уже не разводилъ паровъ и не тревожилъ водъ рѣки изъ опасенія взлетѣть вслѣдъ за своими предшественниками, взорванными лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ.

На Румынскомъ берегу кое-гдѣ расположились бѣжавшіе изъ Рущука Болгары и спокойно ловили рыбу для своего пропитанія. Мы ждали бомбардировки, желая испытать, какое она на насъ произведетъ впечатлѣніе, но Турки не догадались потѣшить насъ.

Озабоченные дальнѣйшимъ нашимъ путешествіемъ, неоднократно обращались мы съ просьбой къ комиссару достать намъ гдѣ-нибудь подводу до Зимницы, куда намъ нужно было добраться для переправы черезъ Дунай. Только къ вечеру намъ кое-какъ удалось добыть телѣгу, запряженную парой лошадокъ въ дышло. Переночевавъ, мы выѣхали изъ Журжева въ этой телѣгѣ, а деньщикъ слѣдовалъ за нами верхомъ, ведя въ поводу другую лошадь.

Видъ и одежда Румына - подводчика показались намъ немного странными. Длинные волосы по плечамъ, борода бритая, высокая соломенная шляпа съ широкими полями, бѣлые узкіе штаны на выпускъ, изъ которыхъ торчали босыя ступни, длинная бабья рубашка, чѣмъ-то подпоясанная, и длиннѣйшій бичъ дополняли его нарядъ. Мы съ нимъ пробовали завести разговоръ, но другъ друга не поняли и отложили дальнѣйшее попеченіе. Протащившись по жарѣ немалое время вдоль берега, то удаляясь, то приближаясь къ Дунаю, мы, наконецъ, достигли Зимницы, расположенной тоже на берегу. Мы до сихъ поръ, не успѣвъ еще освоиться со всѣми неудобствами походной жизни, предполагали, что куда ни пріѣдемъ, вездѣ найдемъ и гостинницы, и трактиры, а потому и не думали запастись даже съѣстными припасами, увѣренные, что чай, яйца и хлѣбъ вездѣ найдутся; но намъ приходилось на каждомъ шагу разочаровываться.

Подъѣзжая къ Зимницѣ, мы наткнулись на цѣлую вереницу повозокъ, лазаретныхъ фургоновъ Краснаго Креста, отдѣльныя части войскъ, и все это непрерывной кишкой тянулось къ Зимницѣ. Дорога была изрыта движеніемъ, и намъ очень трудно было обогнать эти обозы.

Самый городъ Зимница походитъ на большую деревню, съ мощеной улицей, камни которой отъ движенія колесъ были вывернуты изъ своихъ мѣстъ и громоздились кучами; черезъ нихъ лазили чуть не опрокидываясь съ повозки. Мы очутились въ какомъ-то хаосѣ и не знали что̀ дѣлать. Улица кишѣла народомъ. Интенданты, Жиды, агенты всякаго сорта, солдаты, офицеры, погоньщики, все это кричало, махало плетьми и кнутами, двигаясь между стѣснившихся повозокъ. Мы спрашивали, гдѣ гостинница или постоялый дворъ. Намъ никто не отвѣчалъ, занятый каждый своимъ дѣломъ, а кто снисходилъ отвѣтить намъ, то тыкалъ пальцемъ неопредѣленно въ пространство.

Среди этого шума и гама, мы добрались до берега Дуная у какой - то избушки, оказавшейся потомъ нашей почтовой конторой, остановились, разостлали бурки и улеглись отдохнуть, любуясь величественнымъ видомъ Дуная. Извощикъ нашъ дальше дороги не зналъ, а можетъ быть просто не хотѣлъ подвергать себя какимъ-нибудь непріятностямъ, но только везти насъ дальше не брался, и мы, расплатившись съ нимъ, отпустили его, въ надеждѣ на Русское «авось да небось» добраться какъ-нибудь куда нужно.

Захотѣлось ѣсть, а съ собой ничего нѣтъ; отправились на розыскъ, и ходить пришлось недалеко: тутъ же на берегу почти у самаго обрыва пріютился баракъ иностранца-афериста, съ тесовыми столами, такими же скамейками и холстиннымъ верхомъ. Спросили обѣдъ, и намъ дали просто помои подъ названіемъ щей и еще какой-то гадости, подъ названіемъ консервовъ. Въ добавокъ пошелъ дождь, полотно крыши промочило, и струйки грязной воды потекли въ наши тарелки: приправа не особенно пикантная.

Кое-какъ утоливъ голодъ, пошли мы искать, нѣтъ ли чего получше, Попался ресторанъ, заходимъ. Въ первой комнатѣ по срединѣ билліардъ, кругомъ по стѣнамъ скамейки и нѣсколько столовъ. Въ разныхъ мѣстахъ расположились торгаши всякой мелочи. Дальше еще комната съ такой же обстановкой, но безъ билліарда. Оба эти помѣщенія были переполнены нашими офицерами и, какъ говорится, негдѣ было яблоку упасть. На билліардѣ спало нѣсколько человѣкъ, спали и на скамейкахъ и даже на полу. Табачный дымъ густымъ туманомъ застилалъ все. Пристроившись кое-какъ за столами, офицеры пили, ѣли и громко разговаривали; если кто-нибудь обращался съ вопросомъ вообще ко всѣмъ, то откуда-нибудь изъ дальнаго угла слышался отвѣтъ. Были и подъ хмѣлькомъ. Грязь и вонь повсюду непомѣрныя, а безцеремонное отношеніе прислуги къ публикѣ, которой тутъ же дѣлали по-русски внушеніе о вѣжливости, насъ поражало.

Послѣ того какъ мы убѣдились, что мѣста въ этомъ столпотвореніи не найдешь, мы пошли дальше. Наискосокъ черезъ улицу было такое же заведеніе, двухъэтажное; направились туда. Публика таже, но нѣсколько почище и поприличнѣе, да и самый трактиръ поблагообразнѣе. Мы сѣли на балкончикѣ и спросили закусить, чтобы дополнить скудное меню нашего обѣда. Разговоръ шелъ общій, рѣчь шла болѣе о дѣлѣ 18 Іюля, подъ Плевной. Обсуждали этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, критикуя дѣйствія и отыскивая виновныхъ, и нѣкоторые видѣли въ этомъ пораженіи поворотъ къ худшему всей кампаніи.

Однимъ словомъ, всякій судилъ съ своей точки зрѣнія. Мы слушали, не вступая въ разговоръ; для насъ все это было ново, мы только справлялись, не знаетъ ли кто, гдѣ Кавказская бригада въ настоящее время, но никто не могъ намъ на это отвѣтить.

Солдатики, Жидки изъ Евреевъ, и тутъ успѣли заняться гешефтомъ, и одинъ изъ нихъ шнырялъ между сидѣвшими, предлагая табакъ разныхъ сортовъ. Офицеры у него покупали и давали заказы. Никому и въ голову не приходило, почему и зачѣмъ онъ тутъ вертится, занимаясь ханделемъ, тогда какъ долженъ былъ бы находиться при своей части; но всѣ относились къ этому какъ къ обыкновенному явленію. Онъ торговалъ на какія-то «оки» и велъ счетъ на Румынскія деньги «галоганы». Всѣ ихъ уже знали, но мы къ нимъ еще не примѣнились, хотя тоже купили табаку на эти галоганы.

Воинственнѣе другихъ во всѣхъ трактирахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ были пресловутые «опекуны арміи», какъ военные, такъ и гражданскіе. Они, съ ногъ до головы увѣшанные всякимъ оружіемъ и непремѣнно со шпорами, будто опытные рубаки, давали совѣты и, разсказывая всякія страсти про Турецкія звѣрства, по сильнѣе всего критиковали дѣйствія отрядовъ. Однимъ словомъ, удали ихъ не было конца; можно было только удивляться и преклоняться передъ ними. Строевые, видавшіе уже виды, смирно попивали вино, «вѝнце» Румынскаго приготовленія, не хвастались своими подвигами и слушали разсказы этихъ храбрыхъ кормильцевъ арміи, у которыхъ Шампанское лилось рѣкой, воодушевляя ихъ на новые подвиги, конечно, не военнаго характера.

Вечеръ провели мы на берегу, любуясь закатомъ солнца, гдѣ и заснули порядочно утомленные. Утромъ долго совѣщались о дальнѣйшемъ путешествіи, но ни къ какому рѣшенію не могли прійти. Перевозочныхъ средствъ негдѣ было взять, и никто не зналъ, гдѣ стоитъ Кавказская бригада. Думали, думали и рѣшили обратиться за свѣдѣніями на почту, но и тамъ намъ ничего не могли сказать; узнали мы только, что главная квартира находится въ Тырновѣ; но на чемъ туда добраться, тоже никто не зналъ. Сидимъ мы на чемоданахъ, смотримъ на рѣку и ждемъ золотой рыбки, чтобы она насъ утѣшила. Вдругъ вмѣсто золотой рыбки явился почтовый чиновникъ; разспросилъ онъ насъ относительно поѣздки и, ничего не сказавъ, ушелъ; мы опять сидимъ и ждемъ, что̀ будетъ дальше. Ѳедоровъ пошелъ поискать попутчика въ ту сторону и, вернувшись черезъ нѣсколько времени, сказалъ, что почтовый чиновникъ предлагаетъ намъ пару лошадей съ

телѣжкой, конечно, за плату. Мы обрадовались, начали торговаться; долго ломался чиновникъ, говоря, чтобы мы сами назначили цѣну, а мы ему говорили, что его товаръ, ему и цѣну назначать. Наконецъ, чиновникъ выпалилъ цѣну, восемнадцать золотыхъ; мы такъ и ахнули, это 90 рублей золотомъ, а по 8 рублей по курсу 144 р.; думали, не сумашедшій ли онъ, но нѣтъ, по виду здравомыслящій человѣкъ. Насилу мы его уломали взять съ насъ 15 золотыхъ. Дѣлать было нечего, надо было соглашаться, а иначе приходилось безъ конца любоваться Дунаемъ. Давай скорѣе собираться, а то говоримъ, пожалуй набавитъ. Подали намъ телѣжку, уложили мы вещи, уплатили всѣ 15 золотыхъ сполна впередъ, и прощаясь послали мысленно ко всѣмъ чертямъ любезнаго чиновника, напутствовавшаго насъ всякими добрыми пожеланіями.

Въ томъ же порядкѣ, какъ изъ Журжева въ Зимницу, такъ и изъ Зимницы двинулись мы къ мосту, куда уже тянулась масса повозокъ и пѣшаго и коннаго люда.

III. Переправа черезъ Дунай и до селенія Парадима.

У въѣзда на мостъ мы остановились. Тутъ по правую сторону въ землянкѣ жили морскіе офицеры, наблюдавшіе за переправой и мостомъ, ширина котораго была достаточна для прохода одной повозки, и потому соблюдалась очередь движенія въ ту и другую сторону въ назначенные часы.

Намъ пришлось поджидать пока переправится послѣдняя повозка и съ того берега фонаремъ покажутъ (это было уже подъ вечеръ), что путь свободенъ. Наконецъ, путь очистился, и мы еще засвѣтло начали переправу. При вступленіи на мостъ моряки осмотрѣли наши проѣздные билеты, безъ которыхъ никого не пропускали, и сказали намъ, что ѣхать въ повозкахъ и верхами не позволяется, а надо идти пѣшкомъ. Понтонный мостъ былъ великолѣпно устроенъ; онъ, пересѣкая Дунай, состоялъ изъ трехъ колѣнъ, звеньями которыхъ были два островка; теченіе рѣки сильное, и понтоны держались на якоряхъ съ толстыми цѣпями. Мы шли какъ по клавишамъ: каждая половица издавала особенный звукъ. Дойдя до острова и пройдя его, мы вступили на среднее колѣно, съ котораго открывалась вся ширь могучей рѣки. Много воспоминаній роилось въ головѣ при видѣ этого Дуная-Ивановича, какъ именуетъ его Русскій народъ. Мы теперь ѣхали въ то войско, которое когда-то давно называлось «славнымъ войскомъ Запорожскимъ-Низовымъ» и которое много надѣлало «шкоды» въ свое время Османамъ. Каждый вновь поступающій въ это войско долженъ

былъ участвовать въ набѣгѣ на Турокъ черезъ Дунай, и тогда только его считали настоящимъ Запорожцемъ, и Потемкинъ, славный князь Тавриды, записанный въ Запорожское войско, «Грицко Нечёса», переправился черезъ Дунай во время Турецкой войны съ Запорожцами на ихъ челнѣ, чтобы посвященіе въ казачество было полное. Мы считали, что и мы исполняемъ завѣтъ старины. Перейдя третье колѣно моста, мы, наконецъ, очутились на Турецкомъ берегу. Снявши шапки, мы перекрестились и стали взбираться на крутой обрывистый берегъ.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы выбрались на верхъ и, налюбовавшись закатомъ, сѣли въ телѣжку и поѣхали къ Тырнову. Темнота наступила быстро, какъ вообще на Югѣ, и жара смѣнилась прохладой. Дорога была хорошая, и возница нашъ припустилъ лошадей. Вдругъ неожиданно телѣга опрокинулась на бокъ, и мы изъ нея кубаремъ со всѣми пожитками вылетѣли вонъ. Такое быстрое перемѣщеніе изъ телѣжки на землю чрезвычайно насъ озадачило; но по изслѣдованію оказалось, что мы попали въ канаву. Разговаривать было некогда: подобрали вещи и себя, вложили все это въ телѣжку и опять тронулись въ путь, но уже съ большей осмотрительностью. Доѣхали до деревни Царевище и въ ней на площади у колодца расположились ночевать. Тутъ же еще раньше насъ расположились Жидъ-маркитантъ и солдаты какого-то уланскаго полка. Рано утромъ поѣхали мы дальше. Чаю у насъ своего не было, а попить по привычкѣ хотѣлось. Мы расчитывали найти этотъ Китайскій напитокъ, потому что казалось намъ всѣ должны питать къ нему такое же уваженіе, которымъ онъ пользуется у насъ въ Россіи, и въ первой же попавшейся деревнѣ мы спросили, нѣтъ ли чаю и чего-нибудь закусить. Оказалось, что жители частью разбѣжались, а оставшіеся были разорены и боялись всякихъ вопросовъ о съѣдобномъ. «Сичко Турка зѐмалъ, ничь нема», говорили они, цѣпляя при этомъ большимъ пальцемъ правой руки за верхніе передніе зубы и производя такимъ образомъ какое-то щелканіе, означающее, вѣроятно, ихъ полное отчаяніе, а въ тоже время они кивали утвердительно головой. Мы этого понять не могли; но оказалось, что это у нихъ знаки отрицанія, а наши знаки отрицанія у нихъ утвердительные. Получалась какая-то ерунда, въ которой мы только впослѣдствіи разобрались.

Нашлась тутъ корчма, и мы, войдя въ нее, опять повели рѣчь о чаѣ. Болгаринъ встрѣтившій насъ, качая отрицательно головой, сказалъ: «има, братушка, има». Это «братушка» намъ очень понравилось, мы слышали это названіе въ первый разъ. Подали чай, и я съ жадностью хлебнулъ, но о ужасъ, что это была за гадость: чай не чай, а какая-

то мутная бурда; я плюнулъ, братушка удивленно смотритъ; «ну, говорю, братушка, спасибо, угостилъ чаемъ, нечего сказать!» Братушка объяснилъ мнѣ, что это чай съ корицей, что это очень хорошо, но я ему не повѣрилъ, чтобы это было хорошо, и пить больше не сталъ. Такъ мы и уѣхали не солоно хлѣбавши. При выѣздѣ изъ деревни встрѣтился намъ громадный транспортъ раненыхъ. Это все были, какъ оказалось, изъ-подъ Плевны послѣ 18 Іюля. Мы ихъ разспрашивали, и раненые намъ расказывали о бывшемъ сраженіи, возмущаясь неудачею и утверждая, что тутъ была измѣна такого-то, что пораженія не могло быть, что Плевна совсѣмъ была въ нашихъ рукахъ.

Какъ мыши мокрыя отъ жары и духоты, сидѣли мы въ своей таратайкѣ; солнце палило немилосердно, а вѣтру ни дуновенія, и уже сотнику Өедорову обожгло носъ, и онъ у него лупился.

Проѣхали нѣсколько верстъ; дорога раздваивалась; главная шла на Тырново, а вправо на Булгарены.

На перекресткѣ стояла корчма. Ну, думаемъ, авось здѣсь чего нибудь закусимъ. Былъ уже адмиральскій часъ, а у насъ въ желудкѣ было пусто. Заходимъ и застаемъ тамъ нѣсколько нашихъ офицеровъ. Они, какъ и мы, пробирались къ своимъ отрядамъ. Не успѣли мы проглотить по куску засохшей ржавой колбасы и выпить вонючей «ракіи» (кукурузная водка), какъ показалась пыль по дорогѣ отъ Тырнова. Мы вышли на дорогу; видимъ, впереди скачутъ нѣсколько лейбъ-казаковъ, за ними коляска четверкой, и на козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидитъ штабъ-ротмистръ нашего полка Еврейновъ, ординарецъ главнокомандующаго, а сзади опять лейбъ-казаки съ офицеромъ. Подъѣзжаютъ ближе; видимъ: сидитъ въ коляскѣ великій князь Николай Николаевичъ Старшій съ начальникомъ штаба дѣйствующій арміи Непокойчицкимъ; мы стали во фронтъ. Великій князь узналъ насъ, приказалъ остановиться и подозвавъ спросилъ: «что̀ вы тутъ дѣлаете?» «Ѣдемъ въ Кавказскую бригаду, ваше императорское высочество», отвѣтили мы и что насъ направили въ Тырново. Поговоривъ еще немного, его высочество сказалъ: «Сзади меня ѣдетъ командиръ 4-го корпуса генералъ Зотовъ; вы ступайте за нимъ и съ 4-мъ корпусомъ дойдете до Кавказской бригады; она стоитъ у Булгаренскаго моста». Великій князь поѣхалъ дальше, а мы остались поджидать генерала Зотова. Немного погодя, подъѣхалъ генералъ Зотовъ съ своимъ начальникомъ штаба; мы подошли и передали приказаніе главнокомандующаго. Ген. Зотовъ сказалъ, чтобы мы ѣхали за нимъ. Мы вскочили въ телѣжку и поскакали слѣдомъ за генераломъ, радуясь, что скоро увидимъ бригаду.

Пріѣхавъ на бивуакъ 4-го корпуса, мы не знали куда намъ приткнуться, а начальство объ насъ забыло. Мы пошли искать себѣ ночлега, да и ржавая колбаса давно переварилась, и желудокъ требовалъ новой провизіи, а намъ никто ея не предлагалъ. На счастье, неподалеку отъ бивуака, нашли садъ, сложили подъ дерево чемоданы, дали на чай возницѣ и отпустили его, а сами задумали крѣпкую думу, гдѣ бы и чего бы намъ поѣсть. Рѣшили пойти узнать, какіе тутъ стоятъ полки и нѣтъ ли знакомыхъ. Къ общей радости узнали, что есть одинъ знакомый эскадронный командиръ въ Стародубскомъ драгунскомъ полку. Разыскиваемъ, и онъ приглашаетъ насъ къ себѣ въ палатку.

Ну, думаемъ, теперь-то поѣдимъ. Но не тутъ то было, вѣроятно и у нихъ было плохо по части ѣды. Угостилъ онъ насъ чаемъ и колбасой, и то слава Богу. Разбудилъ насъ утромъ денщикъ и говоритъ, что всѣ уже собираются и укладываются. «Куда же», говоритъ, «вещи будемъ класть?» «Развѣ никто не приходилъ,» спрашиваемъ; оказывается «нѣтъ». Пошли мы на опушку сада и ждемъ, что теперь вѣроятно за нами пришлютъ; но никто насъ никуда не звалъ, а всѣ укладывались и готовились выступать. Вотъ, думаемъ, исторія! Лошадей своихъ отпустили, какъ же мы теперь-то чемоданы свои повеземъ и деньщика? Вдругъ видимъ—идетъ ординарецъ главнокомандующаго, нашего полка шт.-ротм., графъ Штакельбергъ; мы къ нему, вотъ, говоримъ, исторія какая съ нами. «Да откуда вы взялись»? удивился онъ. «Воевать пріѣхали» и разсказываемъ, какъ сюда попали. «Ну такъ вы велите скорѣе нести ваши чемоданы въ обозъ, а то онъ уйдетъ, и вы останетесь не при чемъ».

Деньщика и чемоданы мы спровадили, а сами пристроились къ свитѣ генерала Зотова. Около полудни отряду сдѣлали привалъ, а насъ опять таки никуда не позвали, а мы уже вовсе оголодали. Ну, говоримъ, совсѣмъ дѣло дрянь; пойдемъ хоть воды попьемъ. Пошли къ колодцу-фонтану, у котораго солдатики набирали воду въ манерки, выпили по нѣскольку этихъ манерокъ и какъ будто бы стало легче. Бродя между полковъ и обозами, видимъ, интендантъ знакомый, мы къ нему: онъ насъ узналъ, пригласилъ чаю выпить. Думаемъ теперь-то у интенданта закусимъ, но не тутъ то было: вмѣсто закуски интендантъ предложилъ намъ лимонной кислоты въ чай, увѣряя, что это чрезвычайно полезно въ жаркомъ климатѣ. Ну ужъ не знаю, полезна кислота или нѣтъ, только для насъ было бы гораздо полезнѣе что нибудь посущественнѣе. Такъ мы и поѣхали дальше съ привала съ кислотой въ желудкѣ.

На дорогѣ узнаёмъ, что шт.-ротм. графъ Штакельбергъ ѣдетъ сегодня же въ Кавказскую бригаду; мы рѣшили ѣхать съ нимъ. Часа въ четыре мы подошли къ Турецкой деревнѣ, гдѣ долженъ былъ расположиться на ночлегъ 4-й корпусъ.

Жители этой деревни, Турки, оставшіеся здѣсь, не покидая своихъ домовъ, вышли съ котелками холодной воды, по восточному обычаю, встрѣтить войска. Всѣ пили воду съ удовольствіемъ, а Турки любезно улыбались, въ душѣ же вѣроятно желали намъ провалиться и отправится въ общество къ шайтанамъ. Не теряя времени, мы съ графомъ Штакельбергомъ отправились дальше и уже въ сумеркахъ пріѣхали къ Булгаренскому мосту, гдѣ стоялъ 2-ой Кубанскій полкъ подъ командой полковника Степана Яковлевича Кухаренка; Терскій же полкъ былъ съ командиромъ бригады въ Парадимѣ. Полковникъ Кухаренко, когда мы ему представились, встрѣтилъ насъ радушно и сейчасъ же приказалъ жарить шашлыки и подавать вина, чтобы выпить, «по чарцѣ», какъ онъ говорилъ. Вѣроятно онъ замѣтилъ, что пора насъ кормить. Послѣ первыхъ объясненій: откуда, какъ, отчего и почему, мы почувствовали себя дома и, выйдя изъ палатки, смотрѣли, какъ апетитно казаки жарили у костра шашлыки.

Наконецъ шашлыки были готовы, полковникъ Кухаренко пригласилъ насъ выпить по чарцѣ и ѣсть шашлыкъ; повторять приглашеніе не пришлось, мы принялись за то и другое, злоупотребляя любезностью хлѣбосольнаго хозяина. Степанъ Яковлевичъ не переставалъ подкладывать и подливать, а мы добросовѣстно все уничтожали. Уже поздно разошлись мы и легли спать подъ буркой, на сѣнѣ, среди бивуака. Какъ хорошо заснули мы съ сытыми желудками, просто прелесть! Утромъ солнышко уже припекало, когда мы проснувшись увидали, что лежимъ около чьей-то палатки. Офицеръ, въ красномъ бешметѣ, сидѣвшій у входа, подошелъ и пригласилъ насъ пить чай. Это былъ сотникъ Мѣняевъ. Тутъ мы еще познакомились съ нѣсколькими офицерами, а затѣмъ обошли всѣ палатки и представились всѣмъ офицерамъ полка. Все это оказалось народъ простой, любезный, и мы сразу почувствовали себя хорошо среди нихъ. Потомъ пошли къ полковнику Кухаренку, который присылалъ уже за нами казака. Какъ и вчера, усѣлись мы на землѣ, поджавши ноги по-турецки, а полковникъ Кухаренко насъ принялся угощать опять по «чарцѣ» и великолѣпнымъ шашлыкомъ, снимая его кинжаломъ съ «шампуры» еще шипящимъ.

Здѣсь мы наслушались разсказовъ про бывшія дѣла, а въ особенности про ночное дѣло подъ Никополемъ и 18 Іюля подъ Плевной.

Около полудня подошелъ 4-й корпусъ, и генералъ Зотовъ, къ которому въ отрядъ поступала теперь бригада, приказалъ Кубанскому полку, оставивъ здѣсь одну сотню, идти въ Парадимъ.

Мы съ сотникомъ Өедоровымъ, поискавъ въ обозѣ свои вещи и не найдя ихъ, пошли съ полкомъ и, сдѣлавъ одинъ привалъ, присоединились къ Владикавказскому полку въ Парадимѣ. Сейчасъ же представились мы бригадному командиру полковнику Ивану Өедоровичу Тутолмину, встрѣтившему полкъ. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ палатку и угостилъ «чѣмъ Богъ послалъ», какъ онъ сказалъ.

Сотникъ Өедоровъ былъ назначенъ во 2-ю сотню Кубанскаго полка, а я ординарцемъ къ полковнику Тутолмину. Поселился я въ палаткѣ адъютанта бригады Индриса Дударича Шанаева, сотника Владикавказскаго полка, гдѣ также помѣщался и начальникъ штаба бригады, капитанъ ген. штаба Николай Николаевичъ Стромиловъ.

Къ намъ къ каждому были назначены казаки для ухода за конемъ и офицеромъ; это положительно были няньки, которые всегда и всюду слѣдовали за нами, хотя бы мы ѣхали и по своимъ дѣламъ. Въ дѣлѣ они тоже слѣдовали за нами, а на бивуакѣ заботились о всемъ несложномъ офицерскомъ хозяйствѣ, включая и мытье бѣлья.

Такимъ образомъ мы доѣхали до мѣста своего назначенія и попали наконецъ въ то войско, которое влекло насъ многовѣковой своей славой и, какъ оно называлось съ незапамятныхъ временъ «славнымъ войскомъ», такъ осталось и понынѣ тѣмъ же «славнымъ», не смотря на многократныя переименованія и передряги отъ «Низоваго» до «Кубанскаго».

Мытарства наши окончились, и мы вступили въ новую жизнь, полную тревогъ. Это было 21 Іюля 1877 года.

IV. Омаркіойская долина. Рекогносцировка г. Ловчи. По горамъ къ г. Сельви.

Кавказская казачья бригада состояла изъ 2-го Кубанскаго коннаго полка, изъ 6-ти сотенъ Кубанскаго казачьяго войска и Владикавказскаго полковъ изъ 4-хъ сотенъ Терскаго казачьяго войска, при которомъ находился дивизіонъ Осетинъ (каждый рядовой его назывался «всадникъ»). Въ составъ бригады входили 8-я Донская батарея полковника Власова и горная Донская батарея полковника Костина; эту скоро взяли въ главную квартиру и перевооружили въ дальнобойную, составивъ ее изъ отбитыхъ у Турокъ орудій.

Бригада составляла самостоятельную боевую единицу, дѣйствовавшую по указаніямъ изъ главной квартиры или направляемая по обстоятельствамъ своимъ бригаднымъ командиромъ полковникомъ Тутолминымъ, почему къ ней былъ прикомандированъ и офицеръ генеральнаго штаба.

Иногда она входила на короткое время въ составъ какого-нибудь корпуса или отряда, чаще же всего ходили мы съ Мих. Дм. Скобелевымъ 2-мъ. Онъ очень любилъ бригаду и часто пріѣзжалъ къ намъ въ гости, какъ говорилъ: «посмотрѣть на Турокъ», которыхъ мы съ глазъ не спускали; а какъ только онъ получалъ назначеніе, то непремѣнно бралъ въ свой отрядъ нашу бригаду. Да и бригада любила ходить съ Михаиломъ Дмитріевичемъ: у него всегда толково и спокойно были объяснены цѣль и назначеніе отряда, и каждый зналъ, зачѣмъ идетъ и чтѐ отъ него требуютъ. Не у многихъ командировъ былъ такой порядокъ.

И вотъ черезъ нѣсколько дней по нашемъ вступленіи въ ряды бригады намъ пришлось выступать въ отрядѣ ген. Скобелева 2-го подъ городъ Ловчу.

При походныхъ движеніяхъ соблюдалась очередь полковъ: то Кубанцы шли впередъ, то Терцы.

Впереди бригады ѣхалъ полк. Тутолминъ, сопутствуемый «всадникомъ». Осетиномъ Кайтовымъ, со значкомъ бригаднаго командира; на черномъ древкѣ развивался малиновый трехугольный съ чернымъ восьмиконечнымъ крестомъ флагъ (такіе значки были присвоены всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей). На этотъ разъ во главѣ нашей бригады ѣхалъ на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ кителѣ и бѣлой фуражкѣ, Мих. Дм. Скобелевъ 2-й; за нимъ ѣхалъ вывезенный имъ изъ Хивы Калмыкъ «Нурбайка», въ своемъ національномъ костюмѣ, съ краснымъ шелковымъ значкомъ отряднаго начальника, съ буквами М. Д. С.: это былъ значекъ Скобелева. Начальникомъ штаба у Скобелева былъ капитанъ генеральнаго штаба Куропаткинъ*), который только-что передъ этимъ прибылъ въ армію. Про Нурбайку сложилось убѣжденіе въ войскахъ, что онъ заговаривалъ Скобелева отъ пуль, и потому они попасть въ М. Д. не могутъ; но въ концѣ-концовъ Нурбайку подъ Плевной убили.

Часу въ третьемъ мы взошли на возвышенность, съ которой открывался глазамъ видъ на равнину съ г. Ловчей. Скобелевъ спросилъ,

*) Нынѣ военный министръ.

кто можетъ набросать кроки́ мѣстности; всѣ молчали. Тутолминъ подозвалъ меня, далъ бумагу и карандашъ, и съ видомъ, не допускающимъ возраженій, сказалъ: «рисуйте».—Ну, что же, думаю, начальство велитъ рисовать; значитъ, надо рисовать. Я, не видя никакихъ укрѣпленій, сливавшихся на солнцѣ, я изобразилъ, какъ умѣлъ, расположеніе города, рѣки Осьмы и окружающихъ возвышенностей, и отдалъ Тутолмину. Этотъ чертежъ, какъ видно, не понравился ему, потому что онъ самъ началъ на немъ что-то чертить.

Въ тоже время горная батарея ввезла свои орудія на возвышенность и снялась съ передковъ. Эти маленькія пушечки казались игрушками въ рукахъ рослыхъ Донцевъ. Мы, смѣясь, просили полковника Костина не стрѣлять изъ нихъ, чтобы своихъ не побить, увѣряя его, что не граната полетитъ въ Турокъ, а соскочатъ пушки и полетятъ въ насъ.

Послѣ этого бѣглаго взгляда на Ловчу, мы расположились въ Омаркіойской долинѣ, близъ р. Осьмы, на ночлегъ, попавъ на какое-то сырое мѣсто съ милліонами лягушекъ разныхъ величинъ. Спали мы завернувшись съ головой въ бурки, а по насъ скакали, шлепаясь, эти лягушки. Утромъ мы разошлись; ген. Скобелевъ съ пѣхотой ушелъ на Сельви-Ловчинское шоссе, а мы перешли на болѣе сухой бивуакъ, гдѣ намъ пришлось стоять довольно долго, находясь въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ Черкесами, которымъ не нравилось, что мы занимаемъ гребни горъ, въ виду г. Ловчи и Плевненскаго шоссе, и слѣдя за каждымъ шагомъ Турокъ.

На другое утро, 26-го Іюля, на разсвѣтѣ, бригада выступила на рекогносцировку г. Ловчи со стороны Плевно-Ловчинскаго шоссе, а ген. Скобелевъ долженъ былъ наступать со стороны Сельви-Ловчинскаго шоссе.

Это было первое дѣло, въ которомъ я долженъ былъ участвовать.

На походѣ полк. Тутолминъ далъ мнѣ нѣсколько наставленій, какъ вести себя въ дѣлѣ, гранатамъ и пулямъ не кланяться и т. д. Я слушалъ со вниманіемъ, ожидая съ нетерпѣніемъ, что̀ такое «дѣло». Въ такой обстановкѣ я находился въ первый разъ: приближался моментъ, когда я воочію увижу войну и буду въ ней ближайшій участникъ.

Все это роилось въ головѣ, и я по разсѣянности заѣхалъ впередъ полк. Тутолмина и командира Терскаго полка, полковника Левиса-офъ-Менара, ѣхавшихъ рядомъ во главѣ бригады. Полк. Тутолминъ окликнулъ меня и сказалъ: «когда вы получите Георгіевскій крестъ, тогда можете ѣздить впереди, а пока извольте ѣхать на своемъ мѣстѣ».

Мы въѣхали на гору, гдѣ стоялъ нашъ крайній постъ. Два орудія 8-й Донской батареи, снявшись съ передковъ, открыли огонь и, къ нашему удивленію, гранаты упали на полдорогѣ. Турки не замедлили намъ отвѣтить, и гранаты ихъ разорвались между нами, не причинивъ, впрочемъ, никому вреда, и видя, что мы, при всемъ желаніи, вредить имъ не можемъ, повернули огонь на Скобелева, уже начавшаго рекогносцировку. Мы сейчасъ же пошли впередъ и поставили два орудія сотника Савченка на курганъ; кажется, на то мѣсто, гдѣ разорвались наши первыя гранаты.

Въ рощѣ, справа, завязалась перестрѣлка Кубанцевъ съ Черкесами. Орудія наши, управляемыя опытными наводчиками, сразу начали вредить Туркамъ, которые, желая отдѣлаться отъ насъ, направили свой огонь теперь уже противъ насъ. Гранаты ихъ давали то перелетъ, то недолетъ, и большинство ихъ, благодаря мягкой почвѣ кукурузнаго поля, не рвались. Тогда мы говорили: «граната захлебнулась».

Ген. Скобелевъ, выяснивъ себѣ достаточно силы Турокъ, началъ отступать, и весь огонь сосредоточился теперь на нашей бригадѣ. Насъ, стоявшихъ на батареѣ съ бригаднымъ командиромъ, осыпало землей; но осколки, распѣвая на разные голоса, миновали благополучно; лишь одна граната чуть было не надѣлала бѣдъ, упавъ между орудіями, какъ разъ передъ сотникомъ Савченкою. Всѣ замерли въ ожиданіи, разорветъ ее, или она захлебнется. Гранату разорвало, обдавъ всѣхъ землей, а Савченко волчкомъ завертѣлся на мѣстѣ, схватившись за голову. Думаемъ — готовъ; но дымъ разсѣялся, и Савченко стоялъ и посмѣивался, говоря, что сильно его оглушило и запорошило глаза. Всѣ присутствовавшіе при этомъ поздравили Савченка.—Ну, думалъ я, вспоминая наставленія Тутолмина, если это всегда такъ, когда же тутъ поспѣешь кланяться гранатамъ?

Орудія взяли въ передки, и мы начали отступать, считая рекогносцировку оконченною, такъ какъ со стороны Скобелева перестрѣлка смолкла.

Турки еще далеко провожали насъ изъ своихъ дальнобойныхъ орудій гранатами, которыя ложились то справа, то слѣва нашего движенія. Это была та самая знаменитая рекогносцировка Ловчи Скобелевымъ 26 Іюля, о которой всѣ военные писатели отзывались потомъ, какъ объ одномъ изъ блистательныхъ проявленій военнаго таланта Михаила Дмитріевича.

Мы возвратились на прежній бивуакъ и стали на старыя мѣста. Въ слѣдующіе дни пошелъ дождь, и до сихъ поръ мелкая, хотя быстрая,

но проходимая въ бродъ, рѣка Осьма вдругъ разбушевалась, выступя изъ береговъ и разрушая все встрѣчающееся на пути. Сообщеніе съ ген. Скобелевымъ, оставшимся по ту сторону рѣки, прекратилось; а нашъ постъ, стоявшій за рѣкой, нѣсколько дней не смѣнялся.

Размокшая земля плохо держала колышки отъ палатокъ, и при этомъ поднявшійся ночью вѣтеръ сорвалъ нашу палатку. Мы, не понимая съ просонья въ чемъ дѣло, барахтались въ мокрой парусинѣ, пока насилу вылѣзли и увидали, что жилище наше разрушено. Подошедшіе казаки, конечно, привели палатку въ порядокъ. Николай Николаевичъ Строминовъ, заботившійся о своемъ здоровьѣ, былъ въ негодованіи. Только что мы успѣли уснуть, какъ снова такая же исторія. и въ третій разъ тоже, но только послѣдствія были хуже: вода подтекла подъ насъ, и Николай Николаевичъ, выражая громко свое неудовольствіе, что не заботятся о сохраненіи его здоровья, свернулъ свою непромокаемую постель и, сѣвъ на нее, продолжалъ кипятиться; а мы, завернувшись въ бурки, заснули. Немного погодя, и компаніонъ нашъ, наворчавшійся вдоволь и, видя, что слушать его некому, счелъ за благо послѣдовать нашему примѣру. Утромъ отъ Скобелева пріѣхалъ казакъ и, не будучи въ состояніи переправиться, держалъ надъ головой записку и что-то кричалъ; но за шумомъ воды нельзя было разслышать его голоса.

Стали устраивать плотъ; но какъ перекинуть веревку на тотъ берегъ, всѣ призадумались. Вызвался Осетинъ-всадникъ и говоритъ: «переплыву».—«Смотри», говоримъ ему, «теченіе слишкомъ быстро»; но онъ настоялъ на своемъ и, усѣвшись на плотъ съ концемъ веревки, поплылъ. Нѣсколько разъ его кувыркало; но, благодаря умѣнью плавать, онъ добрался до противоположнаго берега и привезъ оттуда записку. Скобелевъ писалъ, что онъ идетъ съ отрядомъ и чтобы приготовили ему переправу.

Дождь уже прекратился, и вода мало-по-малу сбывала. Меня и сотн. Шанаева послали устроить переправу. Мы разобрали кое-какія постройки расположенной на берегу брошенной деревни, пытаясь устроить какую-нибудь переправу. Смотримъ, а уже Скобелевъ подошелъ къ берегу, раздѣлся и верхомъ, въ одной рубашкѣ, съ Георгіемъ на шеѣ, переплылъ на нашъ берегъ со своей свитой.

Генералъ Скобелевъ, окончивъ свою миссію, уѣхалъ, а мы остались наблюдать за Турками, проводя время въ ежедневныхъ аванпостныхъ стычкахъ съ Черкесами, желавшими сбить нашу сторожевую цѣпь съ занимаемыхъ ею возвышенностей и не допускавшей ихъ за-

глянуть въ наше расположеніе, чтобы узнать наши силы. Должно быть, имъ надоѣли эти пустыя перестрѣлки и нашъ постоянный надзоръ за ними. 27 Іюля они собрались большой партіей, желая хорошенько потормошить насъ, но имъ это не удалось. Хотя кряжъ, занимаемый нами, переходилъ неоднократно изъ рукъ въ руки, и въ дали виднѣлась приближавшаяся Турецкая пѣхота, но Черкесы въ концѣ концовъ потерпѣли пораженіе ранѣе прибытія своихъ подкрѣпленій и отступили, потерявъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Съ нашей стороны раненыхъ было немного. Осетины, очередь которыхъ была въ этотъ день стоять на аванпостахъ, подкрѣпленные Владикавказцами и Кубанцами, дѣйствовали молодцами и отняли у Черкесовъ хорошій клинокъ, который по ихъ просьбѣ былъ посланъ съ двумя выбранными изъ ихъ дивизіона въ главную квартиру для поднесенія его Великому Князю Николаю Николаевичу Младшему. Вернулись они оттуда украшенные Георгіевскими крестами и съ сіяющими лицами. Товарищи встрѣтили ихъ съ восторгомъ. и долго вечеромъ гудѣла зурна и слышалась заунывная Осетинская пѣсня съ ударами въ ладоши: плясали лезгинку.

Генералъ Скобелевъ не забывалъ насъ, пріѣзжая изрѣдка провѣдать. Онъ останавливался обыкновенно въ палаткѣ полковника Тутолмина, куда собирались командиры полковъ и желавшіе повидаться съ нимъ. Со всѣми онъ былъ ровенъ и любезенъ. Одинъ разъ онъ пріѣхалъ, привезя съ собой какого-то толстаго иностранца-корреспондента, ничего не понимавшаго по-русски и, указывая на него, сказалъ: «надо его обстрѣлять». Ему отвѣтили, что уже опоздали, перестрѣлка была, и Черкесы ушли въ городъ; но Скобелевъ, желая все-таки прокатиться по цѣпи и посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается, пригласилъ съ собой желающихъ. Мы конечно сейчасъ же посѣдлали и поѣхали за Скобелевымъ, который остался недоволенъ, что не нашлось бѣлой лошади подъ него. Подъѣзжаемъ къ аванпостамъ, все спокойно. Гдѣ же, спрашиваетъ Скобелевъ, Черкесы? Ему отвѣчаютъ шутя: «отдыхать ушли». Тутъ кстати сказать, что аванпосты и вмѣстѣ сторожевая служба содержатся у казаковъ своеобразно; тутъ не придерживаются буквально уставу, а примѣняются сообразно обстоятельствъ: вы идете съ непріятельской стороны и не замѣчаете сторожевой цѣпи, ея нѣтъ; но на самомъ дѣлѣ она есть и видитъ васъ отлично и своевременно выростетъ какъ изъ земли. Невольно спросите «да откуда взялися?» Это не больше, не меньше какъ умѣнье примѣняться къ мѣстности, пользуясь всякими особенностями даннаго мѣстоположенія. Такой способъ можетъ выработаться только у людей, съ малолѣтства перенимающихъ всѣ уловки опытнаго бывалаго воина.

Скобелевъ взялъ сотню изъ главнаго караула съ собой и поѣхалъ за цѣпь, къ рыжей горѣ, чтобы подразнить Турокъ; но они не показывались; подъѣхавъ къ горѣ, остановились, поджидаемъ, но напрасно; солнце палитъ, а Турокъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Вдругъ по дорогѣ у города показалась пыль. «Въѣзжайте скорѣе на гору», говоритъ мнѣ генералъ Скобелевъ, «посмотрите, не Черкесы ли выѣхали».

Я вскарабкался, смотрю Черкесовъ нѣтъ, а это стадо барановъ паслось между укрѣпленій и, переходя дорогу, подняло пыль. Генералъ Скобелевъ разсердился, но общее веселье охватило всѣхъ, когда я указалъ съ горы на корреспондента, о которомъ всѣ забыли, занятые Черкесами. Онъ ничего не понималъ, но соображая, что показались вѣроятно Турки, и вѣроятно неособенный любитель сильныхъ ощущеній, повернулъ коня назадъ и пригнувшись, оглядываясь назадъ, ждалъ появленія Черкесовъ, чтобы немедленно ускакать. Всѣ расхохотались отъ души надъ такой предусмотрительностью корреспондента, и онъ тоже не отставалъ отъ насъ, объясняя намъ, что̀ же бы онъ написалъ, если бы его убили. Мы конечно согласились съ нимъ. Генералъ Скобелевъ непремѣнно хотѣлъ переправиться черезъ рѣку и захватить барановъ; но кое-какъ удалось отговорить его, доказывая, что врядъ ли изъ укрѣпленій удастся взять барановъ, а только потеряемъ даромъ нѣсколько человѣкъ.

Объѣхавъ гору, мы вернулись на бивуакъ, гдѣ пѣсенники закончили день. На этотъ бивуакъ прибылъ присланный отъ Государя сотникъ Козловъ благодарить бригаду за ночное дѣло подъ Никополемъ. Бригада была выстроена, и посланный объявилъ высочайшую благодарность; казаки отвѣтили могучимъ «ура». Поставили аналой, и монахъ, состоявшій при бригадѣ, отслужилъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ Государю. На другой день раздавали Георгіевскіе кресты; это была первая награда, полученная бригадой съ начала кампаніи. Было прислано на сотню по четыре креста. Сотенные командиры собрали сотни и объявили имъ, чтобы они сами выбрали достойныхъ. По голосамъ выбрали достойныхъ больше, чѣмъ крестовъ. Тогда выбранныхъ поставили въ рядъ, а сотня пошла съ права по одному сзади ихъ, и каждый бросалъ свою папаху тому, котораго находилъ достойнымъ. Это, была такъ сказать, закрытая балотировка. Потомъ сочли у каждаго папахи, и у кого ихъ оказалось больше, тѣмъ и выдали кресты. Казаки качали счастливыхъ товарищей и долго не могли угомониться.

На этой же стоянкѣ случилось еще маленькое происшествіе. При нашей бригадѣ состоялъ проводникомъ болгаринъ Бельчикъ, атаманъ

разбойничьей шайки, много надѣлавшій непріятностей Туркамъ, но съ появленіемъ нашихъ войскъ, онъ, зная всѣ тропинки, предложилъ свои услуги намъ.

Его шайка мало-по-малу собралась къ нему и была хорошими лазутчиками. Но, какъ говорится, «повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить», такъ и этимъ головорѣзамъ не сидѣлось спокойно. Постоянно они шныряли гдѣ-то, принося какіе-то узелки со всякой всячиной и всякія извѣстія: мы полагали, что это они брали въ брошенныхъ Турками деревняхъ, но какъ-то разъ ихъ засталъ на мѣстѣ преступленія прапорщикъ милиціи Цамай: они грабили домъ въ какой-то Болгарской деревнѣ. Онъ донесъ объ этомъ бригадному командиру, и какъ только они возвратились, сейчасъ награбленное отобрали, а ихъ разложивъ наказали нагайками. Бельчика, какъ не участвовавшаго, призвали только присутствовать, сказавъ, что если еще будутъ грабежи, то его также накажутъ, а ихъ повѣсятъ. Назиданіе было внушительное и сразу положило конецъ ихъ шалостямъ. Они участвовали съ нами въ дѣлахъ, а Бельчикъ подъ огнемъ разъѣзжалъ верхомъ, и подъ Плевной былъ раненъ подъ нимъ конь.

10 Августа пріѣхалъ къ намъ снова генералъ Скобелевъ и объявилъ, что онъ получилъ отрядъ съ приказаніемъ идти къ г. Сельви, и въ случаѣ надобности на выручку Шипки. Въ составъ отряда входила конечно и наша бригада.

Подъ вечеръ того же дня пришелъ къ намъ капитанъ Куропаткинъ и передалъ, что генералъ Скобелевъ желаетъ, чтобы я у него былъ ординарцемъ, а сотникъ Верещагинъ адъютантомъ. Я сказалъ, что очень радъ, но долженъ спросить согласія полковника Тутолмина, такъ какъ я нахожусь при немъ ординарцемъ. Полковникъ Тутолминъ разрѣшилъ, и я такимъ образомъ поступилъ ординарцемъ къ одному изъ героевъ Турецкой войны.

Когда я явился къ генералу Скобелеву, то онъ вмѣнилъ мнѣ въ обязанность слѣдить за его краснымъ значкомъ, сказавъ: «вы должны всегда слѣдить, чтобы значокъ не отставалъ отъ меня, и если убьютъ одного казака, то чтобы сейчасъ бралъ его другой».

На слѣдующій день рано утромъ выступилъ нашъ отрядъ, во главѣ котораго пошла наша Кавказская бригада, сдавъ свои посты Донской бригадѣ. Скобелевъ остался для послѣднихъ распоряженій по пѣхотѣ и обозу, окончивъ которыя поѣхалъ впередъ, обгоняя войска, здоровался съ ними и разговаривалъ съ офицерами и солдатами, объ-

яснялъ имъ цѣль нашего движенія, что это фланговое движеніе около Ловчи довольно опасно, почему двигаться надо скорѣй. Всѣ его весело встрѣчали и провожали.

Охрана движенія была возложена на Кавказскую бригаду. Въ этомъ случаѣ казаки незамѣнимы: когда высланы разъѣзды ихъ, передовые и боковые, имъ не нужно указывать носомъ, осмотри тамъ, пошарь вонъ въ тѣхъ кустахъ, загляни за возвышенность и т. д. Все это у нихъ дѣлается само собой безъ всякаго напоминанія, и о малѣйшемъ подозрительномъ обстоятельствѣ, замѣченномъ ими, казакъ сейчасъ же доноситъ начальнику подробно и толково съ прибавленіемъ своихъ соображеній.

День былъ чрезвычайно жаркій, такъ что было нѣсколько случаевъ солнечныхъ ударовъ; дорога извивалась по горамъ, узкая, окаймленная колючимъ кустарникомъ, по которой карабкаться было трудно, въ особенности обозу. Мнѣ, посылаемому то въ голову, то въ хвостъ колоны съ разными приказаніями, приходилось лазить около дороги по камнямъ и пробираться сквозь колючки. Черкеска была въ лохмотьяхъ, солнце палило, лошадь выбилась изъ силъ.

При такихъ обстоятельствахъ понятна моя радость, когда я увидалъ, что генералъ Скобелевъ остановился на небольшой площадкѣ, покрытой кустарникомъ и деревцами. Онъ легъ въ тѣни, и вся остальная свита послѣдовала его примѣру. Достали изъ ближайшаго ручейка воды, и генералъ Скобелевъ окатился ею въ кустахъ. Прошли мимо насъ войска; потянулись обозы. Генералъ Скобелевъ говоритъ: «Подождемъ полковника Власова: онъ всегда съ собой везетъ превкусные пирожки». Я конечно отнесся сочувственно къ этому, но какъ нарочно пирожки были эти гдѣ-то въ хвостѣ, а передъ нами на дорогѣ уступъ, на который съ трудомъ взбирались повозки. Насталъ конецъ моему блаженству: я былъ посланъ гонять эти повозки, чтобы онѣ скорѣе проходили этотъ уступъ, но дѣло отъ этого не подвинулось; лошади отъ жары и дороги совсѣмъ стали. Тогда меня послали привести взводъ пѣхоты, чтобы помогать лошадямъ. Я поѣхалъ и вскорѣ встрѣтилъ на дорогѣ какой-то взводъ, которому сказалъ, чтобы шелъ за мной помогать повозкамъ. «Слушаю», отвѣтили старшіе, и я поѣхалъ впереди.

Подъѣзжаю къ уступу, на которомъ уже стоялъ генералъ Скобелевъ, подгоняя самъ повозки и крича мнѣ издали: «гдѣ же взводъ?» Я оборачиваюсь назадъ и вижу только двухъ шагающихъ солдатъ, а остальные куда-то исчезли; да и понятно: въ такую жару, да при такомъ трудномъ подъемѣ, всякій старался скрыться куда нибудь въ

тѣнь. Ни слова не говоря, я повернулъ коня и ускакалъ за новымъ взводомъ пѣхоты. Жара на меня такъ повліяла, что меня начала трясти лихорадка; голова была какъ свинцомъ налита, а лошадь, вся взмыленная, едва волочила ноги. Отыскалъ я какого-то маіора и передалъ ему приказаніе генерала Скобелева послать взводъ на помощь обозу.

Тутъ же увидалъ я капитана Куропаткина, наблюдавшаго за движеніемъ; я ему сказалъ, что больше не могу двигаться и конь отказывается. Капитанъ Куропаткинъ, увидавъ меня, сказалъ: «ложитесь скорѣе въ тѣнь; у васъ лицо слишкомъ красное, можетъ сдѣлаться солнечный ударъ». Я тутъ же у дороги легъ и, несмотря на страшный шумъ отъ понуканій повозокъ, заснулъ, какъ убитый. Проснулся я подъ вечеръ; вижу: въ такомъ же положеніи лежитъ неподалеку отъ меня сотникъ Верещагинъ. «Что, говорю, усталъ?» «И я, и конь», отвѣчаетъ онъ, «выбились изъ силъ: всѣхъ загоняли сегодня».

Отрядъ уже весь прошелъ. Мы, подкрѣпленные сномъ, пустились догонять генерала Скобелева и только что догнали, какъ онъ опять меня отправилъ впередъ съ приказаніемъ предупредить отдыхавшія войска, чтобы они при его пріѣздѣ не вставали, а сидѣли и лежали; однимъ словомъ, чтобы не безпокоить ихъ. Только что я это исполнилъ, опять послали меня, теперь уже въ хвостъ колоны, передать какому-то пѣхотному полку, чтобы онъ тамъ и заночевалъ на площадкѣ въ виду трудности перехода. Когда я вернулся, генерала Скобелева уже не было; онъ уѣхалъ дальше, но по какому направленію, я не зналъ. Передо мной разстилалась долина и вдали виднѣлся лѣсъ. Уже темнѣло, думать долго было нечего, и я поѣхалъ наугадъ, спрашивая на дорогѣ попадавшихся братушекъ; каждый изъ нихъ указывалъ все разныя направленія.

Ночь была лунная; подъѣзжаю къ перекрестку, направо или налѣво ѣхать—не знаю. Поѣхалъ къ лѣсу. Немного проѣхавъ, вижу, какая-то фигура обрисовывается отъ лѣса; останавливаюсь и всматриваюсь, свой или чужой, но, конечно, ничего не разберу. Вижу только, фигура двигается на меня; я тоже двинулся впередъ, заѣзжая ей съ боку. Слышу, щелкаетъ затворъ винтовки и фигура тоже старается заѣхать меня съ боку; я вытащилъ револьверъ, и мы, крутясь одинъ около другого, мало-по-малу съѣзжались, разглядывая другъ друга. Наконецъ я окликнулъ, и оказалось, что это мой вѣстовой Дехтеревъ; онъ тоже былъ посланъ куда-то и тоже заблудился.

Оба мы, не зная дороги, плутали, пока не наткнулись на какую-то деревню, гдѣ нашли двухъ Осетинъ-всадниковъ, тоже заблудившихся.

Мы рѣшили ночевать въ этой деревнѣ, а утромъ разыскивать бригаду. Только что стали засыпать, лошадей не разсѣдлали, слышимъ конскій топотъ и голоса. Вскакиваемъ на коней и ждемъ, кого Богъ дастъ. Вышло что-то въ родѣ засады съ нашей стороны. Оказалось, что это капитанъ Куропаткинъ съ нѣсколькими казаками возвращался къ генералъ Скобелеву на бивуакъ.

Я разсказалъ ему, какъ мы всѣ сюда попали и поѣхалъ съ нимъ. Въ эту ночь было лунное затменіе, и многіе говорили, что это плохое предзнаменованіе для Турокъ. На другое утро ген. Скобелевъ, со мной въ бричкѣ и съ Абадціевымъ, своимъ ординарцемъ, всадникомъ Осетинскаго дивизіона, на козлахъ, поѣхалъ въ г. Сельви узнать о дѣлахъ на Шипкѣ, чтобы выяснить образъ дѣйствій нашего отряда. Въ разговорѣ со мной ген. Скобелевъ сказалъ, что онъ замѣтилъ у многихъ солдатъ черезъ-чуръ рваныя рубашки, и чтобы по возвращеніи я напомнилъ ему объ этомъ, а онъ позаботится достать имъ рубашекъ.

По дорогѣ мы встрѣтили полковника Энгельгарда. Ген. Скобелевъ его пригласилъ къ себѣ въ бричку; я пересѣлъ на козлы, а Абадціевъ сѣлъ на лошадь полковника Энгельгарда.

Ген. Скобелевъ поручилъ намъ съ полк. Энгельгардомъ купить хорошаго вина въ г. Сельви. По пріѣздѣ въ городъ, ген. Скобелевъ отъ насъ ушелъ, а мы пошли поискать гдѣ бы намъ пообѣдать, и найдя что-то подъ названіемъ гостинницы, наѣлись чего попалось подъ руку, а затѣмъ отправились осматривать городъ, не представлявшій ничего замѣчательнаго. Его администрація была уже изъ Болгаръ, и въ лавкахъ кое-чѣмъ начали торговать; мы купили себѣ очень порядочной матеріи на черкески и ситцу на рубашки. По шоссе, проходившемъ черезъ городъ, намъ попались артельныя повозки, въ которыхъ подвозили на Шипку стрѣлковъ, чтобы подкрѣпить тамъ наши войска. Потомъ попалась намъ табачная фабрика, гдѣ въ папушникахъ лежалъ табакъ на разныя цѣны. Мы купили «око», это около трехъ нашихъ фунтовъ; при насъ же его накрошили, и табакъ оказался очень хорошимъ, а заплатили за око одинъ рубль. Наткнулись на кузницу, гдѣ ковали Терскіе казаки своихъ лошадей; они сказали, что недалеко въ домѣ стояли офицеры; мы зашли туда, спрашиваемъ, гдѣ достать намъ хорошаго вина ген. Скобелеву? Они послали за Болгариномъ, изображавшимъ въ городѣ блюстителя порядка. Братушка былъ весь увѣшенъ оружіемъ. Онъ очень быстро исполнилъ наше порученіе, принесъ два кувшина прекраснаго, недорогого вина. Одинъ кувшинъ

мы послали на пробу ген. Скобелеву, который одобрилъ нашу находку, а другой кувшинъ оставили себѣ на пробу.

Собрались ребятишки, мы имъ купили корзину винограду и сливъ, усадили ихъ кругомъ и сказали, чтобы они все уничтожили. Ребятишки остались очень довольны нашимъ угощеніемъ, кричали ура и плясали. Кончивъ кувшинъ, мы прилегли отдохнуть, а когда проснулись, то оказалось, что ген. Скобелевъ уже уѣхалъ. Мы прожили тутъ дня два, пока прислали мнѣ изъ бригады лошадь, и мы поѣхали обратно всѣ вмѣстѣ. Съ шоссе изъ г. Сельви въ г. Ловчу, по которому мы ѣхали къ себѣ на бивуакъ, виднѣлись Турецкія деревни, жители которыхъ обладали большимъ количествомъ рогатаго скота, который тутъ же пасся. Вдоль шоссе бивуакировали въ палаткахъ разогнанные Турками братушки, изъявляя при нашемъ проѣздѣ всевозможными способами радость. Они намъ сказали, что скотъ, который мы видимъ, принадлежитъ Турецкимъ войскамъ изъ г. Ловчи, и Турки этихъ деревень гоняютъ его по ночамъ сколько нужно въ городъ.

Услыхавъ это, мы рѣшили за благо лишить городъ продовольствія и, обскакавъ скотъ, погнали его къ себѣ въ лагерь. Жители-Турки хотя и выбѣжали, но догнать не успѣли, а пастуха, который было хотѣлъ оказать сопротивленіе, мы забрали съ собой.

Шоссе проходило лѣсомъ, и тутъ-то у насъ скотъ разбѣжался, и пастухи бѣжали, когда мы, занятые сборомъ скота, забыли объ нихъ; изъ чащи лѣса они дали по насъ нѣсколько выстрѣловъ. Стемнѣло, и мы послали въ бригаду за подкрѣпленіемъ; вскорѣ были присланы казаки, съ помощью которыхъ мы собрали сколько можно было скота, благодаря наступившей темнотѣ, и пригнали въ бригаду, гдѣ скотъ былъ раздѣленъ по сотнямъ, и пошелъ пиръ горой: и борщи, и шашлыки, и студни, и всякая всячина готовилась на кострахъ, а остальной угнали на пастбище. Черезъ нѣсколько дней явились Турки, депутаты тѣхъ деревень, гдѣ былъ взятъ скотъ, съ бумагой изъ главной квартиры, въ которой приказывалось отдать скотъ. Скота оказалось что-то очень незначительное количество, который и былъ отданъ Туркамъ, да и этотъ-то собрали съ трудомъ, а Турки въ туже ночь угнали его въ городъ, да и сами убѣжали туда же, о чемъ мы немедленно донесли въ главную квартиру.

Дѣла на Шипкѣ, какъ мы узнали отъ своихъ, поправлялись: войска подвозились и подходили, а намъ приказано было ждать исхода на мѣстѣ.

Ген. Скобелевъ, ѣздившій въ г. Сельви и вернувшіяся оттуда, приказалъ выстроить всю нашу бригаду и поздравилъ насъ съ побѣдой на Шипкѣ, а затѣмъ разсказалъ всей бригадѣ своимъ звучнымъ голосомъ въ краткихъ словахъ, какъ наши подоспѣвшія войска отбили стремительный натискъ 30-тысячнаго отряда Сулеймана-паши, и объявилъ намъ, что теперь мы пойдемъ брать г. Ловчу.

Извѣстіе это было встрѣчено радостными криками «ура», да въ добавокъ въ этотъ же день были имянины сотеннаго командира Владикавказскаго полка Астахова, и праздникъ вышелъ на славу. У палатки Астахова горѣли костры, на которыхъ жарили шашлыки. Кувшины съ краснымъ виномъ стояли чуть не передъ каждымъ. Хоръ пѣсенниковъ его сотни дополнялъ картину, а въ кругу ихъ танцовали лезгинку. Тосты смѣнялись одинъ за другимъ, а радушный хозяинъ успѣвалъ только потчивать. О Туркахъ никто и не думалъ.

Вскорѣ послѣ этого наша бригада возвратилась подъ г. Ловчу старой дорогой, а ген. Скобелевъ со всѣмъ отрядомъ остался на мѣстѣ. Только что стали мы спускаться въ долину, какъ видимъ, на нашихъ высотахъ стоитъ сторожевая цѣпь, и внизу въ равнинѣ другая конная цѣпь, а вдали бивуакъ Донцевъ. Понять не можемъ, что̀ это значитъ. Послали разъѣздъ узнать, въ чемъ дѣло; оказалось, что Черкесы такъ надоѣли Донцамъ, что тѣ отошли съ гребня и стали внизу, а Черкесы по гребню. Полковникъ Тутолминъ приказалъ намъ немедленно сбить Черкесовъ и стать на прежнія мѣста, что̀ и было нами тотчасъ же, безъ особеннаго затрудненія, исполнено, а Донцы пошли присоединиться къ своему отряду.

V. Штурмъ г. Ловчи.

Расположились мы на мѣстѣ прежняго нашего бивуака, гдѣ простояли нѣсколько дней въ ожиданіи общаго наступленія на г. Ловчу, по старому, т. е. въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ Черкесами.

Наканунѣ взятія Ловчи, Черкесы, предчувствуя вѣроятно надвигавшуюся грозу, съ большимъ азартомъ нападали на наши высоты, но были отбиты попрежнему.

Сотникъ Шанаевъ и я были посланы въ цѣпь узнать, въ чемъ дѣло и что если что-нибудь серіозное, то донести, а если это только Черкесы, то, дождавшись конца, вызвать изъ Осетинъ охотниковъ и идти съ ними осмотрѣть весь незанятый нашими аванпостами прогалокъ между нашей бригадой и отрядомъ г. Скобелева. Этотъ прогалокъ

долженъ былъ занять своими постами конвой Его Величества, выставившій посты противъ г. Ловчи со стороны ген. Скобелева, т. е. отъ Сельви-Ловчинскаго шоссе, но почему-то не соединившійся съ нашими. Велѣно намъ также узнать судьбу нашихъ разъѣздовъ, посланныхъ къ ген. Скобелеву и не вернувшихся до сихъ поръ обратно: могло случиться, что Турки, занявъ пустой прогалокъ, перехватываютъ наши разъѣзды.

Перестрѣлка кончилась. Сотникъ Шанаевъ вызвалъ охотниковъ, но ихъ оказалась чуть не цѣлая сотня, такъ что пришлось отобрать человѣкъ пятнадцать, съ которыми поѣхалъ сотникъ Исеновъ.

Всю мѣстность тщательно осмотрѣли и никакихъ Турокъ не нашли, хотя были видны ихъ слѣды.

Въ покинутыхъ деревняхъ мы нашли гусей и медъ. Все это собрали въ одно мѣсто, чтобы на возвратномъ пути захватить съ собой.

Наконецъ, увидѣли мы посты конвоя, которые, принявъ насъ за Турецкихъ Черкесъ, такъ какъ мы подходили съ Турецкой стороны, стали готовиться принять насъ съ честью и, усиливъ цѣпь, поджидали. Чтобы прекратить это недоразумѣніе, мы съ сотн. Шанаевымъ поѣхали впередъ, оставивъ Осетинъ съ сотн. Исеновымъ дожидаться. Махали имъ папахами, чтобы дать знать, что мы свои. Конвойцы ждали все еще, не довѣряя нашимъ успокоительнымъ сигналамъ, пока мы не подъѣхали къ цѣпи и не заговорили съ ними, показывая свои погоны, которыхъ Турецкіе Черкесы не имѣли.

Посмѣявшись надъ тревогой, которую устроили, мы узнали, что разъѣзды наши цѣлы и находятся у ген. Скобелева, что мѣстность, не занятая нами, посѣщается Черкесами, но что конвой за ней наблюдаетъ. Кромѣ того они намъ сказали, что возвышенности вокругъ г. Ловчи вчера съ боя заняты нашими войсками и всю ночь укрѣплялись подъ руководствомъ капитана Куропаткина, а въ настоящее время мы сами видѣли, какъ кипѣла работа по всей линіи, которой Турки старались мѣшать гранатами.

Только-что мы поѣхали обратно, смотримъ: изъ-за кустовъ показался красный значекъ ген. Скобелева, а минуту спустя и самъ онъ, сопровождаемый сотней Пшеленскаго Владикавказскаго полка, подъѣхалъ къ намъ.

Авангардъ его составляли четыре Донца. Увидавъ насъ, онъ спросилъ, зачѣмъ мы пріѣхали; мы сказали, что посланы узнать, куда дѣлись наши разъѣзды посланные къ нему.

— «Разъѣзды», сказалъ онъ, «я задержалъ у себя; они цѣлы», и, поговоривъ еще немного, велѣлъ, чтобы мы ѣхали съ нимъ осматривать завтрашнія позиціи. Мы поскакали за ген. Скобелевымъ по кустамъ къ г. Ловчѣ. На опушкѣ перелѣска ген. Скобелевъ остановился, а четыре Донца выѣхали на поляну передъ Турецкими ложементами. Но не успѣли они показаться, какъ Турки, не скупившіеся на патроны, открыли по нимъ убійственный ружейный огонь. Донцы, не ожидавшіе такой встрѣчи, конечно попятились къ опушкѣ. Ген. Скобелеву это не понравилось, и онъ, выругавъ ихъ, крикнулъ: «впередъ!», пришпорилъ коня и самъ выскакалъ на поляну. Мы за нимъ.

Передъ нами открылись ряды ложементовъ съ засѣвшими въ нихъ Турками, красныя фески которыхъ обозначали линію огня. Такое неожиданное появленіе «Акъ-паши», какъ называли Турки ген. Скобелева, т. е. «Бѣлый Генералъ», и на такомъ близкомъ разстояніи, ошеломило Турокъ. На минуту все стихло, а затѣмъ сразу поднялась трескотня по всѣмъ ложементамъ, и градъ пуль посыпался на насъ. Турки окончательно ошалѣли. Мы стояли, какъ вкопаные; четыре Донца отстрѣливались отъ цѣлаго дымившагося фронта Турокъ, а ген. Скобелевъ, не обращая вниманія на этотъ бѣшеный огонь, указывалъ, гдѣ должны завтра стать батареи для обстрѣливанія укрѣпленій и города. Онъ объяснялъ общее наступленіе на завтрашній день. На нѣкоторыхъ возвышенностяхъ уже начались земляныя работы, и Турки гранатами старались мѣшать имъ.

Всѣ эти объясненія долженъ былъ слушать прибывшій съ ген. Скобелевымъ генералъ, у котораго на душѣ было повидимому не особенно спокойно. Онъ неоднократно заявлялъ, что все понялъ и что все будетъ исполнено; но ген. Скобелевъ, не замѣчая безпокойства генерала, продолжалъ свои указанія. Да и всѣ, я думаю, были не особенно покойны. Всѣ стояли и ждали конца объясненій, а кругомъ, какъ рой пчелъ, жужжали на разные голоса пули. Вдругъ мнѣ что-то горячее ударило въ лѣвую ногу, около стремени, и съ такой силой, что ногу закинуло за заднюю луку.

Первая мысль была, конечно, что раздробили ступню, и эта мысль до того меня испугала, что я сразу забылъ о Туркахъ и ихъ жужжащемъ роѣ, схватилъ обѣими руками ступню и ощупывалъ, все еще не вѣря, что она цѣла.

Кто-то спросилъ: «Что̀ ранили?»—«Нѣтъ», говорю, обрадованный: «слава Богу, нога цѣла, а только подлецы напугали.» Думалъ, раздробили; но оказалось, что пуля, попавъ мнѣ въ стремя, скользнула и оцарапала заднюю ногу лошади.

Такимъ образомъ мы простояли минуть десять и шагомъ стали отходить въ кустарники. Тогда Турки открыли огонь изъ орудій и провожали насъ гранатами, но все обошлось благополучно: ранили только еще лошадь въ сотнѣ.

Ген. Скобелевъ, отпуская насъ, сказалъ: «Передайте полк. Тутолмину, кромѣ посланнаго приказанія на словахъ, чтобы завтра, какъ только наша пѣхота начнетъ выбивать Турокъ изъ города, бригада съ другой стороны рубилась бы въ шашки въ городъ, гнала и рубила бы ихъ, пока будетъ возможно.» Вернувшись, мы донесли все какъ было. Разсказывали, что на одну изъ батарей, которую возводили къ завтрему, ложилась такая масса гранатъ, что рабочіе не разъ разбѣгались и что будто бы ген. Скобелевъ, чтобы ободрить ихъ, приказалъ на этой батареѣ разбить свою палатку для ночлега. Много будто бы стоило труда отговорить его не дѣлать этого.

Утромъ 22-го Августа, не успѣло солнце взойти, какъ Кавказская бригада, уже подсѣдланная, стояла готовая къ выступленію. Раздалась команда «садись»! и затѣмъ по командѣ «справа по три шагомъ маршъ!» бригада спокойно двинулась брать г. Ловчу.

Лица у всѣхъ были серіозныя, всѣ какъ одинъ сняли папахи и крестились; это производило глубокое впечатлѣніе. Пройдя немного, послышались разговоры, и все пошло по старому.

День былъ прекрасный, но чрезвычайно жаркій. Выйдя на Плевно-Ловчинское шоссе и выславъ разъѣздъ на Плевну, бригада пошла къ г. Ловчѣ и остановилась у спуска въ долину.

Цѣль наша была не допустить изъ Плевны подкрѣпленій Туркамъ, а также преградить туда путь отступленія Ловчинскому гарнизону.

Передъ нами разстилалась долина рѣки Осьмы, съ раскинувшимся въ ней городомъ Ловчей, окруженнымъ ложементами и редутами. Слѣва извивалась голубой лентой рѣка, за которой съ высотъ, покрытыхъ кустарниками, наши батареи громили Ловчинское укрѣпленіе, а спускавшаяся съ нихъ наша пѣхота изъ виноградниковъ завязала уже перестрѣлку съ ближайшими къ рѣкѣ ложементами. За городомъ и вправо, за рощей, высились Малые Балканы, куда былъ единственный путь отступленія Туркамъ.

Бригада наша еще не принимала участія въ дѣлѣ; мы были пока простыми зрителями. Теперь гудѣли орудія, подготовляя атаку, а мало-по-малу разросталась и ружейная трескотня.

Но вотъ наша пѣхота усилила огонь и начала подвигаться къ рѣкѣ; Турки покинули ложементы и бѣжали въ ближайшій редутъ. Изъ редута началась лихорадочная стрѣльба, и какое-то безпокойство охватило его защитниковъ, возраставшее по мѣрѣ приближенія нашей пѣхоты, среди которой начали ложиться Турецкія гранаты. Надо было отвлечь огонь, да вдобавокъ и Турки ни съ того ни съ сего послали по насъ нѣсколько гранатъ. Мы спустились въ равнину, и наша батарея открыла огонь во флангъ Туркамъ; теперь имъ приходилось отвѣчать намъ, а слѣдовательно пѣхотѣ нашей меньше доставалось. Цѣпь ея вошла уже въ рѣку и, не прекращая огня, двигалась къ противуположному берегу. Турки въ редутѣ пришли въ крайнее замѣшательство; отдѣльные люди выскакивали и бѣжали къ ближайшимъ къ городу ложементамъ. Командиръ, защищавшій редутъ, сидя на бѣломъ конѣ, съ обнаженной саблей, удерживалъ ихъ у горжи редута; а самъ, не надѣясь, вѣроятно, отстоять редутъ, нѣсколько разъ порывался ускакать въ городъ, но каждый разъ толпа Турокъ выбѣгала за нимъ; онъ поворачивалъ коня, вгонялъ ихъ обратно, а самъ опять скакалъ къ городу. Такъ повторилось нѣсколько разъ. Все это происходило передъ нами какъ на сценѣ театра, и мы даже не нуждались въ бинокляхъ, чтобы слѣдить за ходомъ дѣла; мы хохотали и хлопали въ ладоши. Наконецъ, пѣхота наша выбралась изъ рѣки и съ крикомъ «ура» бросилась къ редуту, командиръ котораго, безнадежно махнувъ саблей, безъ оглядки поскакалъ къ городу, а Турки, прекративъ огонь, побѣжали по его слѣдамъ, и редутъ былъ взятъ. Наши немного пріостановились, какъ бы переводя духъ, и вслѣдъ затѣмъ началось наступленіе на самый городъ.

Мы тоже мало-по-малу подвигались впередъ; батарея наша подбила у нихъ одно орудіе, другая батарея взорвала зарядный ящикъ. Суматоха у Турокъ поднялась и въ городѣ; пѣхота наша подвигалась все ближе къ городу; въ разныхъ мѣстахъ слышалось «ура».

Мы, завязавъ перестрѣлку, охватывали лѣвый флангъ непріятеля. Небольшія конныя партіи Турокъ быстро удалялись изъ города. Сотн. Шанаевъ приставалъ къ полк. Тутолмину. «Пора рубиться въ шашки», говорилъ онъ, «вѣдь Скобелевъ приказалъ». Но Иванъ Ѳедоровичъ, внимательно слѣдившій за ходомъ сраженія, говорилъ: «рано». Пули летѣли уже въ насъ; это всегда случалось, когда наша пѣхота подходила подъ самыя укрѣпленія Турокъ, которые, не желая высовывать изъ-за бруствера головы для прицѣла, конечно, при стрѣльбѣ поднимали дуло ружей вверхъ, и потому пули летѣли въ пространство и доставалось дальнимъ. Рядомъ со мной стоявшій всадникъ Кайтовъ го-

ворилъ: «нужно будетъ сегодня достать себѣ феску». А я отвѣчалъ ему шутя: «мнѣ надо будетъ достать себѣ трубку, а то свою раскололъ». Не успѣлъ я это сказать, какъ Кайтовъ охнулъ и схватился за лѣвый бокъ. «Убили», говоритъ. Я его подхватилъ подъ руку и повернулъ коня назадъ; увидѣвшіе Осетины подскакали и приняли у меня своего товарища, чтобы доставить его на перевязочный пунктъ.

Часа въ четыре дня «ура» раздалось по всей линіи, орудія смолкли, и масса красныхъ фесокъ показалась бѣгущею изъ главнаго редута; пѣхота наша штыками выбивала ихъ изъ города. Терцы и Осетины по очереди понеслись въ атаку. Кубанцевъ велъ самъ Тутолминъ и, немного погодя, пустилъ ихъ правѣе Терцевъ. Изъ-за города отъ Сельви-Ловченскаго шоссе вынесся эскадронъ Терцевъ конвоя Его Величества. Турки, охваченные съ трехъ сторонъ, отстрѣливаясь, бѣжали къ горамъ и устилали, подъ ударами казачьихъ шашекъ, своими трупами равнину. Батарея Донцевъ не отставала отъ насъ. Ген. Скобелевъ стоялъ на главномъ редутѣ и любовался атакой, о которой онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ и впослѣдствіи.

Меня охватила общая горячка, и я просился у полк. Тутолмина къ Терцамъ; онъ мнѣ далъ какое-то порученіе къ полк. Левису, командиру Владикавказскаго полка, и я, съ моимъ вѣстовымъ Дехтеревымъ, очутился въ рукопашной.

Громадное поле представляло мѣсто атаки, въ концѣ котораго высились горы—цѣль Турецкаго бѣгства.

Уже порядочно Турокъ валялось во всѣхъ направленіяхъ; пѣхота смѣшалась съ казаками и, не смотря на призывы своихъ рожковъ, вошедшіе въ азартъ солдатики работали штыками и прикладами, шныряя межъ лошадей казаковъ. Пули свистали со всѣхъ сторонъ, стоялъ какой-то общій гулъ. Полк. Левиса я нашелъ посреди всей этой кутерьмы. Онъ спокойно разъѣзжалъ съ нагайкой въ рукѣ, любуясь молодецкою работою своихъ Терцевъ. Немного дальше вижу, ѣдетъ сотн. Шанаевъ, въ рукахъ ружье, черезъ плечо Турецкій рожокъ: «вотъ говоритъ, смѣясь, отобралъ трофеи!»

Мнѣ тоже хотѣлось кого-нибудь рубнуть; выбралъ рослаго Турка, съ окладистой русой бородой, который отстрѣливаясь спокойно отступалъ. Я пустилъ на него коня и уже занесъ надъ нимъ шашку, какъ Турокъ бросаетъ ружье, падаетъ на колѣни и, поднимая вверху руки, кричитъ: «аманъ! аманъ!» Рука у меня опустилась. Что же, думаю, безоружнаго рубить? Вижу, за поясомъ у него торчитъ трубка, какъ разъ что̀ мнѣ нужно. Отличный трофей, думаю. «Бана чубукъ веръ», гово-

рю Туркѣ. Онъ подалъ мнѣ трубку, и я, сунувъ ее за голенище, спокойно поѣхалъ дальше. Трубка и до сихъ поръ у меня цѣла, напоминая этотъ случай. Не успѣлъ я отъѣхать нѣсколько шаговъ, какъ сзади раздался выстрѣлъ, и пуля просвистѣла около уха. Обертываюсь и вижу: тотъ же Турка, поднявъ свое ружье и еще съ колѣнъ, пустилъ въ меня пулю. Не успѣлъ я повернуть коня къ нему, какъ наскакавшій на него казакъ махнулъ шашкой, и полчерепа у Турки слетѣло долой. Дальше встрѣчаю сотн. Ѳедорова. «Ну, что говорю, теперь это уже на самую войну попали.» Въ это время слышимъ грохотъ колесъ: это наша батарея выѣзжаетъ на позицію и открываетъ картечный огонь черезъ оврагъ по убѣгавшимъ въ горы. Оврагъ съ обрывистыми берегами, встрѣченный нами на пути преслѣдованія, въ первый моментъ для конныхъ представлялъ препятствіе, которое однако вскорѣ миновали, найдя удобные спуски, и погнали дальше бѣглецовъ въ горы. Горная дорога, извиваясь между утесовъ съ одной стороны и обрывовъ съ другой, была загромождена повозками съ разной кладью и зарядными ящиками; ихъ поставили поперекъ бѣжавшіе Турки, чтобы этимъ задержать сколько-нибудь наше преслѣдованіе.

Уже стемнѣло; стрѣльба повсюду смолкла, мы продолжали идти въ горы, сталкивая въ кручу мѣшавшія намъ повозки. Полк. Тутолминъ шелъ во главѣ Кубанской сотни и, дойдя до площадки, рѣшилъ было уже повернуть назадъ, какъ изъ кустовъ раздался выстрѣлъ; бывшіе впереди казаки, быстро обшаривъ кусты, покончили съ этимъ послѣднимъ Туркомъ. Осмотрѣвъ тщательно все кругомъ и не видя болѣе врага, мы повернули обратно. Наступила полная темнота, и мы кое-какъ добрались до города; лошади поминутно спотыкались на трупы. Насилу выбрали мѣсто для бивуака и усталые порядкомъ расположились на ночлегъ.

Тутъ мы узнали, что Астаховъ, командиръ сотни Владикавказскаго полка, раненъ въ руку и что ее отняли. Всѣ горячо сожалѣли раненаго. Я и теперь живо представляю себѣ, какъ онъ лихо повелъ въ атаку свою сотню на стлавшемся подъ нимъ красавцѣ свѣтлосѣромъ Джамалѣ.

Въ городѣ стоялъ шумъ; оставшіеся въ живыхъ радовались, празднуя по Русскому обычаю побѣду; въ городѣ было найдено вино и довольно порядочное.

Поздно все угомонилось и заснуло мертвецки. Сторожевая цѣпь наша стояла къ сторонѣ Плевны, тамъ, откуда мы начали сегодня наступать.

На другое утро, 23 Августа, слышу, меня кто-то будитъ; открываю глаза, вижу сотн. Шанаевъ старается меня растолкать: «Турки пришли, вставай!» Я думалъ, что онъ шутитъ. «Отстань, какіе тамъ Турки? Вчера всѣхъ переколотили, я спать хочу», и опять завертываюсь въ бурку. «Да слышишь, изъ орудій бьютъ», продолжалъ приставать сотн. Шанаевъ; «бригада уже посѣдлала». Прислушался, и въ самомъ дѣлѣ слышу: гудятъ орудія и на бивуакѣ возня. Я вскочилъ, одѣваться не приходилось (спали одѣтые), только умылся.

Въ это время черезъ нашъ бивуакъ проскакалъ какой-то юный пѣхотный адъютантъ, крича: «Турки наступаютъ, казацкая цѣпь сбита». Мы его ругнули вслѣдъ, потому что цѣпь наша и не думала отступать, а только завязала перестрѣлку.

Ген. Скобелевъ уже былъ на конѣ и повелъ насъ на рысяхъ поддержать нашу цѣпь до прихода пѣхоты.

Нѣсколько нашихъ сотенъ спѣшенныхъ разсыпались въ виноградникахъ. Турки, уже начавшіе было спускаться въ равнину, немедленно подобрались на возвышенность. Ген. Скобелевъ подъѣхалъ къ цѣпи стрѣлковъ и сталъ неподалеку отъ стога сѣна, осматривая позицію и силу Турокъ. Полк. Тутолминъ и мы стояли тутъ же. Весь въ бѣломъ и на бѣломъ конѣ, ген. Скобелевъ представлялъ прекрасную цѣль. Турки сейчасъ же направили на насъ орудія и, не довольствуясь гранатами, начали пускать по насъ шрапнели, которыя довольно удачно рвались надъ нами, обдавая пространство массой пуль, производившихъ шумъ, похожій на шумъ поднявшейся стаи куропатокъ. Подъ этимъ огнемъ ген. Скобелевъ писалъ донесеніе начальнику нашего отряда князю Имеретинскому, смотрѣвшему изъ города съ кургана на перестрѣлку. Записка была отдана мнѣ, и я отвезъ ее князю Имеретинскому. По дорогѣ мнѣ попалась пѣхота съ артиллеріей, смѣнившая нашу спѣшенную цѣпь стрѣлковъ, и Турки не замедлили возвратиться въ Плевну.

Весь остальной день мы отдыхали, осматривая городъ, не представлявшій ничего замѣчательнаго, и поле сраженія. Цѣлая армія Болгаръ, всегда слѣдовавшая за нами по пятамъ, забирала въ городѣ все, что̀ ей попадалось подъ руку, говоря: «Турка сичко зималъ», а потому они Турецкое считали своимъ. Мы имъ не мѣшали возмѣщать свои убытки. На этихъ же братушекъ была возложена обязанность убрать тѣла Турокъ, которыхъ они безъ церемоніи волочили, какъ попало, и складывали въ ямы. Пришелъ къ намъ и всадникъ Кайтовъ, раненый вчера; оказалось, что пуля повредила только мякоть; онъ сожалѣлъ,

что отстанетъ на время отъ бригады. Мы, конечно, уговаривали его залѣчить рану и тогда уже пріѣхать къ намъ.

VI. Бомбардировка и штурмъ Плевны 30-го Августа.

24-го Августа Кавказская бригада выступила съ генераломъ Скобелевымъ подъ Плевну. Очередь была идти впередъ Владикавказскому полку Терскаго войска, но къ намъ присоединился еще эскадронъ Терскаго войска конвоя Его Величества, который и пошелъ во главѣ Владикавказцевъ. Полковникъ Тутолминъ сказалъ имъ по этому случаю маленькую рѣчь.

Подойдя къ Плевнѣ, генералъ Скобелевъ сдѣлалъ бѣглую рекогносцировку, такъ сказать, представился Туркамъ, и затѣмъ мы стали на бивуакъ. У деревни Боготъ войска собралось уже порядочно. Плевну бомбардировали усиленно *), подготовляя ее къ штурму на 30-е Августа. По временамъ слышалась кое-гдѣ ружейная перестрѣлка, это были легкія аванпостныя стычки, наша пѣхота занимала выгодныя позиціи и окапывалась. Аванпосты мы выставили на лѣвомъ флангѣ расположенія нашихъ войскъ, со стороны Кришенскаго редута. Въ виноградникахъ, гдѣ стояла и Турецкая цѣпь, часовые относились совершенно хладнокровно другъ къ другу, иногда даже разговаривали. У Турокъ были умѣвшіе говорить по-русски, и они намъ кричали: «Счастливъ вашъ Богъ, что мы не знали, что восемнадцатаго Іюля васъ было мало; мы думали, что это только вашъ передовой отрядъ, а то бы мы васъ всѣхъ перетопили въ Дунаѣ». Иногда съ позиціи мимо насъ перевозили въ обозъ наше мѣдное девятифунтовое орудіе. «Куда везете? спрашивали мы», и артеллеристы смѣясь отвѣчали: «забеременѣла». Это значило, что отъ усиленной стрѣльбы орудіе раздуло и снарядъ соскальзывалъ съ нарѣзокъ.

28 числа вечеромъ генералъ Скобелевъ вызвалъ насъ по тревогѣ, чтобы отогнать насѣдавшую Турецкую конницу на нашъ батальонъ, который слишкомъ выдвинулся впередъ. Турецкая пѣхота, атаковавшая позиціи, занятыя Михаиломъ Дмитріевичемъ, отброшенная нашей пѣхотой, уже скрылась за укрѣпленія, и была выслана конница, которая, какъ только насъ увидала, скрылась за свои батареи; а мы, давъ устроиться нашей пѣхотѣ, вернулись назадъ.

*) Теперь Турки видѣли, что готовятся что-то серьезнѣе 18 Іюля. Уже начиная съ 26 Августа всѣ четыре дня гудѣли неумолкаемо орудія, происходилъ исключительно артиллерійскій бой подъ Плевной. Орудія изъ Плевны отвѣчали нашей артиллеріи; но сами Турки держались спокойно, какъ бы сберегая силы для рѣшительнаго момента.

Всѣ ждали рѣшительнаго штурма. Войска облетѣла радостная вѣсть, что Государь Императоръ прибылъ на позицію и будетъ присутствовать при штурмѣ. Это всѣхъ подбодрило, и никто не сомнѣвался въ побѣдѣ, а въ особенности мы, только что взявшіе г. Ловчу, увѣрены были въ успѣхѣ. Наканунѣ 30-го Августа, утромъ, подойдя подъ Кришенскій редутъ, Кавказская бригада расположилась въ глубокомъ оврагѣ. Турки не подозрѣвали такого близкаго нашего сосѣдства, и часто надъ нашими головами шумѣли гранаты, которыми они угощали вдали передвигавшіяся наши войска. Вообще Турки не стѣснялись расходывать гранаты, пускали ихъ не жалѣя по отдѣльнымъ всадникамъ. Мы въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій лежали и сидѣли по склону оврага, болтая и посмѣиваясь надъ невѣдѣніемъ Турокъ, готовые по первому сигналу вступить съ ними въ бой. Между нами находился почтенный докторъ Вороновъ; онъ былъ глухъ и все удивлялся, что Плевну еще не начали бомбардировать, и, какъ мы ни старались его увѣрить, что ее неустанно громятъ со всѣхъ сторонъ, онъ упорно отвергалъ это.

Немного погодя, нѣсколько любопытныхъ казаковъ, не смотря на запрещеніе, вылѣзли изъ оврага посмотрѣть, что̀ дѣлаютъ тамъ Турки. Тѣ сейчасъ пустили по нихъ гранату, упавшую какъ разъ сзади нашей кучки, шагахъ въ пяти. Гранату разорвало, а докторъ пресерьезно сказалъ: «вотъ теперь я слышу, что начали пострѣливать, а вы говорите, что давно стрѣляютъ; вѣдь я слышу»; мы всѣ покатились отъ хохоту и кричали ему: «повернитесь назадъ, да посмотрите.» Онъ обернулся и, видя яму, взрытую только что гранатой и валявшіеся осколки, удивленно спросилъ: «что̀ это такое?» Мы ему объяснили, какъ это случилось, и что этотъ-то выстрѣлъ онъ и слышалъ. Не знаю, повѣрилъ ли докторъ нашему объясненію, но только больше о стрѣльбѣ не справлялся, а мы долго не могли безъ смѣху вспомнить это происшествіе.

Наконецъ наступилъ давно жданный день штурма. Канонада, гудѣвшая всю ночь, утромъ еще съ большей яростью продолжалась съ обѣихъ сторонъ.

Мы до разсвѣта вышли изъ оврага, чтобы Турки не замѣтили мѣста нашей стоянки, и расположились на возвышенности противъ праваго фланга Кришенскаго редута, составлявшаго крайній лѣвый флангъ нашего расположенія. Къ намъ подошли бригада Донцевъ Чернозубова съ батареей и еще кавалерійская бригада тоже съ батареей. Всѣ три батареи, вытянувшись по гребню возвышенности, открыли

огонь по редуту, на который наступалъ генералъ Скобелевъ. Владикавказскій полкъ охранялъ правый флангъ расположенія нашего отряда, гдѣ находился и полковникъ Тутолминъ, а Кубанцы стерегли лѣвый флангъ. Были уже убитые и раненые въ тѣхъ двухъ батареяхъ, а въ нашей всѣ цѣлы.

Ларчикъ просто открывался. Полковникъ Власовъ, командиръ нашей 8-й Донской батареи, осадилъ нѣсколько своп орудія назадъ, поставивъ ихъ за гребнемъ, такъ что Турки видѣли только взвивавшіеся дымки отъ выстрѣла, а самихъ орудій не видѣли; цѣлить-то имъ и приходилось на угадъ, отчего получался то недолетъ, то перелетъ. Самъ Власовъ покуривалъ изъ своего длиннаго черешневаго мундштука самокрутки, ходилъ по батареѣ, хладнокровно распоряжаясь наводкой орудій, подтрунивая надъ неудачей Турокъ.

Сидѣвшимъ впереди редута въ ложементахъ Туркамъ, вѣроятно, стало скучно, или наша артиллерія надоѣла редуту; только они начали одинъ по одному пострѣливать въ насъ, и видя, что мы не отвѣчаемъ, стали выѣзжать на брустверъ, собираясь кучами и учащая огонь. Это намъ весьма не понравилось.

Выслали было спѣшенныхъ казаковъ; они, ползкомъ подкравшись по кукурузѣ, открыли огонь по ложементамъ; но Турки, какъ всегда, засыпали ихъ и насъ градомъ пуль.

Конечно, чтобы не терять напрасно людей, казаковъ отозвали, а полковникъ Власовъ обѣщался отвадить Турокъ, и правда, онъ навелъ орудіе и пустилъ по нимъ шрапнель, и Турокъ какъ не бывало: всѣ попрятались до одного. Такъ онъ продолжалъ каждый разъ, какъ только они вылѣзали на брустверъ. «Угости-ка ихъ горошкомъ», говорилъ полковникъ Власовъ, смѣясь наводчику, и наводчикъ угощалъ. Туркамъ этотъ горошекъ былъ не по вкусу, они кубаремъ летѣли съ бруствера и наконецъ перестали вылѣзать и насъ безпокоить.

Меня послали съ приказаніемъ въ Кубанскій полкъ. Надо было ѣхать вдоль трехъ батарей. Думаю, какъ ѣхать? Если проскакать, подумаютъ струсилъ; а шагомъ ѣхать долго, пріятнаго мало. Поѣду шагомъ, рѣшилъ и поѣхалъ, косясь вправо на летѣвшіе снаряды. Немного погодя, нагоняетъ меня сотникъ Шанаевъ, туда же посланный; стало веселѣе. Перекидываясь замѣчаніями, поѣхали мы рядомъ. Вдругъ насъ обоихъ что-то такъ толкнуло сзади, что мы чуть было лбами не ткнулись въ шеи лошадей. Сразу мы не поняли, что̀ случилось. Влѣво взорвало гранату, и все разъяснилось. Эта граната пронеслась сзади

насъ такъ близко, что воздухомъ отъ ея движенія насъ толкнуло, а граната, пролетѣвъ дальше, ударилась подъ корень дерева, у котораго разговаривали два казака; гранату разорвало, но благополучно: казаки остались невредимы.

Пріѣзжаемъ къ Кубанцамъ; тамъ въ бинокль показываютъ намъ, какъ Турки укладываютъ обозы и направляютъ ихъ на Софійское шоссе. Сейчасъ же мы поскакали назадъ донести объ этомъ, а тамъ уже пришло, оказывается, приказаніе генерала Скобелева идти намъ, всѣмъ тремъ бригадамъ, на Софійское шоссе, встрѣтить и преслѣдовать, какъ было подъ г. Ловчей, непріятеля.

Наша бригада пошла во главѣ отряда, и только что мы успѣли переправиться въ бродъ, черезъ рѣку Видъ, какъ прискакалъ ординарецъ отъ генерала Скобелева съ приказаніемъ скорѣе вернуться назадъ и прикрывать отступленіе его пѣхоты. Какъ громъ насъ всѣхъ поразила такая быстрая перемѣна. Съ минуту стояли мы молча, не вѣря своимъ ушамъ; но дѣлать было нечего, надо было вѣрить и торопиться на выручку.

На рысяхъ пошли мы назадъ. Уже темнѣло, когда, вернувшись на прежнюю позицію, наши батареи открыли огонь во флангъ Туркамъ.

Наступила ночь, а стрѣльба не ослабѣвала. Стоялъ какой-то общій гулъ; перерываемый по временамъ ревомъ орудій; это были залпы. Въ темнотѣ виднѣлось, какъ цѣлые снопы огня вырывались изъ жерлъ орудій, а ружейные огоньки, какъ звѣздочки, мелькали повсюду. Мы ждали своей очереди. То и дѣло на насъ натыкались отдѣльныя кучки солдатъ, отбившихся въ потьмахъ отъ своихъ частей. Мы спрашивали ихъ, какъ идетъ отступленіе; намъ отвѣчали: «вотъ насъ только и осталось изъ роты». Эти кучки проходили за насъ и тамъ устраивались, насколько было можно. Ночевали мы въ своемъ оврагѣ подъ редутомъ, гдѣ получили приказаніе генер. Скобелева быть готовыми чѣмъ свѣтъ и въ случаѣ если Турки выдутъ преслѣдовать отступающія наши войска, то чтобы мы ихъ атаковали и на ихъ плечахъ ворвались бы въ Плевну. «Отступленія не будетъ, я васъ поддержу пѣхотой», оканчивалось приказаніе. Войска оставались на позиціяхъ. Всю ночь не прекращался ревъ орудій съ той и другой стороны. Постоянно приходили донесенія съ аванпостовъ и разсылались приказанія по разнымъ направленіямъ. Спали урывками, готовые выступить по первому требованію. Съ разсвѣтомъ началось общее отступленіе. Мы все время держались на флангѣ нашей пѣхоты, но Турки и не думали преслѣдовать наши войска, спокойно отходившія за насъ. Не весело было на душѣ; мы не ожидали такого отпора, и послѣдняя надежда наша на атаку

ускользала отъ насъ. Турки сидѣли въ окопахъ, лѣниво пострѣливая; должно быть, и они устали за эти дни.

Такъ кончилось 30-е Августа, возбудившее много толковъ въ послѣдствіи, почему штурмъ былъ неудаченъ, кто правъ, кто виноватъ.

Разсказывали, какъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, огорченный неудачей штурма и отказомъ ему въ подкрѣпленіи, атаковалъ лично, Турокъ, подъ сѣнью своего краснаго значка съ сотней Терцевъ, выбилъ ихъ изъ ложементовъ и взялъ редутъ, на который вскорѣ прибылъ капитанъ Куропаткинъ, никогда и нигдѣ не отстававшій отъ Скобелева, съ пѣхотой; но удержать редутъ было невозможно, такъ какъ система ихъ расположенія была такова, что внутренность каждаго обстрѣливалась изъ остальныхъ редутовъ. Вскорѣ былъ взорванъ Турками зарядный ящикъ въ редутѣ близъ распоряжавшагося обороной его капитана Куропаткина, и очевидная невозможность держаться здѣсь безъ овладѣнія слѣдующими редутами (для чего не хватало силъ) заставила храбрецовъ отступить безъ особыхъ потерь.

Кончилось отступленіе, пѣхота окопалась, орудія еще продолжали гудѣть, а наша бригада отошла назадъ на отдыхъ; да и было отчего отдохнуть (всѣ эти дни почти не спали, пищу готовили тутъ же на позиціи, подъ пулями; въ оврагѣ ночью разводить костровъ нельзя было: открыли бы нашъ секретъ). За время штурма Государева ставка находилась въ Парадимѣ, куда я поѣхалъ повидаться съ братомъ *). Тамъ я узналъ, что гвардія выступила на театръ военныхъ дѣйствій, а черезъ нѣсколько дней я получилъ предписаніе отправиться въ л. г. уланскій полкъ, подходившій уже къ Дунаю.

Жаль было разставаться съ боевыми товарищами, съ которыми я сдружился за это время; но дѣлать было нечего. Распростившись со всѣми, уѣхалъ я въ сопровожденіи вольноопредѣляющагося Кубанскаго полка Милія Дмитріевича Киселева и вѣстового своего Колесникова, въ Горный Студень, куда уже перешла ставка Государя, а оттуда поѣхалъ въ городъ Систово. Пріѣхали мы въ Систово подъ вечеръ; тамъ уже была наша администрація, которая отвела намъ квартиру у Болгарина. Онъ оказалъ намъ радушный пріемъ и на другой день угощалъ насъ кофіемъ на балконѣ, съ котораго открывался прелестный видъ на Дунай и на Румынскій берегъ, съ нашей старой знакомой Зимницей. Хозяинъ нашъ разсказывалъ намъ, съ какимъ нетерпѣніемъ Болгары ожидали переправы Русскихъ войскъ черезъ Дунай и какъ

---

*) Недавно умершимъ ген.-адъютантомъ Николаемъ Васильевичемъ. П. Б.

Турки ихъ увѣряли, что никогда Русскимъ не удастся переправиться; а любопытныхъ Турки разгоняли съ берега и нерѣдко пускали пули въ наблюдавшихъ за движеніемъ нашихъ войскъ Болгаръ съ этого балкончика или съ другихъ возвышенныхъ мѣстъ. Разсказывалъ онъ еще, что помнитъ, когда приходилъ императоръ Николай I воевать съ Турками, и много еще кой-чего интереснаго узнали мы отъ него. Когда мы уѣзжали, онъ ни копѣйки не взялъ съ насъ за постой.

*

Съ Богомъ, Терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Басурманина-врага.

*

Тамъ далеко за Балканы
Русскій много разъ шагалъ;
Покоряя вражьи станы,
Гордыхъ Турокъ побѣждалъ.

*

Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры славы добывать;
Смерть за Вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.

*

День двѣнадцата Апрѣля
Будемъ помнить мы всегда,
Какъ нашъ Царь, Отецъ державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда.

*

Какъ онъ, полный Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
„Берегите, сказалъ, брата;
„Будьте каждый молодцомъ.

*

„Если нужно будетъ въ дѣло
„Николаю васъ пустить,
„То идите въ дѣло смѣло,
„Дѣдовъ славы не срамить!"

*

Съ Богомъ, Терцы, не робѣя
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Басурманина-врага *).

---

*) Эта пѣсень сложена въ походъ 1877—1878 годовъ Терскимъ казакомъ собственнаго Его Величества конвоя.

КЪ БІОГРАФІИ КОМПОЗИТОРА А. Ѳ. ЛЬВОВА.

Сообщаемыя здѣсь письма Алексѣя Ѳедоровича Львова къ Ярославскому архіепископу Нилу не лишены нѣкотораго значенія для біографіи знаменитаго творца Русскаго народнаго гимна. Въ своей автобіографіи *) Львовъ упомянулъ, между прочимъ, что имъ написано „простыхъ напѣвовъ" для текста на Монгольскомъ языкѣ „до тысячи листовъ". Рѣчь идетъ о нотахъ для богослужебныхъ книгъ, переведенныхъ на означенный языкъ архіепископомъ Ниломъ, при участіи Константина Ѳедоровича Голстунскаго, извѣстнаго (недавно умершаго) оріенталиста. Въ это дѣло положено было много труда какъ со стороны переводчиковъ, такъ и композитора, который имѣлъ несчастіе почти совсѣмъ лишиться слуха въ послѣдніе годы своей жизни. Весь упомянутый музыкальный трудъ былъ исполненъ Львовымъ безъ всякаго матеріальнаго вознагражденія, съ единственною цѣлью облегчить „братьямъ по вѣрѣ (т. е. обращеннымъ въ Христіанство Бурятамъ) способъ пѣнія во славу Божію". Несомнѣнно, что переходъ отъ ласкающихъ звуковъ Итальянскаго языка къ грубымъ звукамъ Монгольско-Бурятскаго нарѣчія не былъ особенно пріятенъ для А. Ѳ. Львова; но онъ утѣшалъ себя надеждою, что исполнилъ трудъ полезный и богоугодный. Любопытно бы узнать, имѣютъ ли какое-либо понятіе о Львовѣ бывшіе Ламаисты-Буряты, и поютъ ли они, напримѣръ, по Львовскому „простому напѣву": „Нама́й-іи тусала́н халхалакчи́-ану́, нама́й-іи тонилгаху́-бен удзекдексе́н-бой..." (Великое повечеріе, „*Помощникъ и покровитель*")? И еще вопросъ: ради чего никто не почтилъ хотя бы нѣсколькими словами исполнившееся 21 Іюня сего года двадцатипятилѣтіе со дня кончины архіепископа Нила? Эта забывчивость не соотвѣтствуетъ той высокопочтенной дѣятельности, которою ознаменовалъ себя другъ композитора Львова, архіепископъ Нилъ.

Л. Трефолевъ.

I.

Ваше преосвященство!

Изъ дальнихъ странъ Италіи, города Ниццы, перешедшаго во владѣніе Французовъ, напоминаю вамъ о себѣ, многоуважаемый архипастырь, и отъ всего сердца поздравляю васъ съ великимъ праздникомъ и наступающимъ Новымъ Годомъ.

---

*) „Русскій Архивъ" 1884 г., № 5, стр. 113.

Вотъ уже два мѣсяца, что̀ я здѣсь. Знаю, что теперь Декабрь, а передъ глазами вижу траву зеленую, розы въ цвѣтахъ, фрукты на деревьяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на томъ же деревѣ вижу цвѣтъ; въ дни ясные ощущаю живительность солнца, столько теплаго, что необходимо отъ яркихъ лучей его прикрываться зонтикомъ и носить очки темнаго цвѣта.

Въ эту страну доктора̀ послали меня зимовать, съ тѣмъ, чтобы 1-го Мая я отправился въ Германію и сдѣлалъ тамъ курсъ минеральныхъ водъ; при томъ запретили мнѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ не только играть на какомъ-либо инструментѣ, но слушать гармонію и даже писать ноты. На всё это я долженъ былъ согласиться, и какъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга чувствовалъ себя весьма больнымъ, то взялъ съ собою всю семью свою: жену, сына и дочь съ мужемъ и на всякій случай доктора. Такимъ образомъ, сдѣлавъ всё, что̀ отъ меня зависѣло, я поѣхалъ, положась на волю и милосердіе Господа Бога.

До сихъ поръ я не нахожу, чтобы мнѣ было лучше. Впрочемъ, и времени мало, и самое дурное по здѣшнему климату. Съ помощію Божіею, буду имѣть терпѣнье. Буду молиться. Здѣсь же есть наша церковь. А тамъ, если Богу будетъ угодно, возвращусь въ Петербургъ въ половинѣ Іюля... Съ чѣмъ возвращусь? Буду ли въ состояніи окончить ваше порученіе? Не знаю. Желаю, желаю всей душой. Понимаю, сколько трудъ этотъ можетъ принести пользы. Сохраните, что̀ уже сдѣлано, высокопреосвященнѣйшій владыко, и не давайте другимъ портить.

Какъ бы мнѣ желательно было знать о состояніи вашего здоровья. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ написать нѣсколько словъ и въ такомъ случаѣ прошу адресовать письмо ваше такъ:

Въ С.-Петербургъ. Его превосходительству Андрею Александровичу Растовскому*), у Пѣвческаго моста, въ домѣ Калугина, съ покорнѣйшею просьбою переслать *Алексѣю Θедоровичу Львову.*

Благоволите, отецъ и братъ (sic) мой, принять увѣреніе въ совершенномъ высокопочитаніи, преданности и любви всепокорнѣйшаго вамъ

Алексѣя Львова.

Ницца.
21 Декабря 1862 г. (2 Января 1863 г.).

---

*) Женатому на сестрѣ А. Θ. Львова, Марьѣ Θедоровнѣ, издательницѣ дѣтскаго журнала „Семейные Вечера“. П. Б.

II.

Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь!

21 Декабря минувшаго 1862 года я писалъ вашему высокопреосвященству изъ дальнихъ странъ Италіи, города Ниццы, перешедшаго во владѣніе Французовъ. Не имѣвъ счастія получить отвѣта, я не смѣлъ болѣе васъ безпокоить моими письмами. А какъ приближается время моего возвращенія въ отчизну, и чувствуя, что, не смотря на слабость моего здоровья, я могу окончить предпринятый мною трудъ приспособленія церковныхъ нотъ къ Монгольскому языку, я рѣшился всепокорнѣйше васъ просить подготовить къ 20-му Іюля сего года остальной текстъ молитвъ, которыя поются при богослуженіи.

Окончаніе сего обширнаго труда я почелъ бы истиннымъ счастіемъ, оставляя братьямъ моимъ по вѣрѣ способъ къ облегченію ихъ пѣнія во славу Божію.

Смѣю надѣяться, что здоровье ваше поддерживается симъ великимъ предпріятіемъ, и покорнѣйше прошу васъ, милостивѣйшій архипастырь, принять увѣреніе въ совершенномъ высокопочитаніи и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшимъ слугою. А. Львовъ.

2 (14) Мая 1863.
Ницца.

III.

Ваше высокопреосвященство, всемилостивѣйшій архипастырь!

Какъ давно не имѣлъ я объ васъ свѣдѣнія! Живя въ отдаленности отъ всего и всѣхъ, кромѣ Богомъ даннаго семейства, мнѣ съ поврежденнымъ слухомъ трудно освѣдомляться даже о тѣхъ, которыхъ чту всѣмъ разумомъ и люблю всѣмъ сердцемъ.

Въ концѣ 1864 года я понесъ многія несчастія: матушка моя *) скончалась, сестра, оставившая большое семейство, мужъ ея, почти въ одно время и братъ жены моей!.. Свѣтъ таковъ, всемилостивѣйшій архипастырь. На человѣка посылаются кресты и болѣзни, содѣлывающія его неспособнымъ; все проходитъ на нашей бѣдной землѣ, и тотъ, который всегда старался угождать ближнимъ, теперь находитъ себя совершенно однимъ (sic); счастливъ еще, если можетъ вспомнить, что въ свое время, съ Божіею помощію, былъ занятъ и оставилъ по себѣ

---

*) Такъ звалъ А. Ѳ. Львовъ свою мачиху Елисавету Николаевну (урожд. Львову же). П. Б.

трудъ полезный и богоугодный! Въ подобныя минуты обращаюсь мысленно на Монгольцевъ и ихъ церковное пѣнiе. Послужилъ ли къ чему нашъ обширный трудъ? Достигъ ли своей цѣли и удовлетворилъ ли вашему желанiю? Письмомъ вашимъ по сему предмету вы крайне меня порадуете и утѣшите. Буду благодарить Бога.

Примите, милостивѣйшiй архипастырь, увѣренiе въ совершенномъ почтенiи, преданности и любви, съ коими пребуду навсегда вашего высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугою. Алексѣй Львовъ.

11 Iюня 1865.
Петергофъ.

IV *).

Въ великомъ удовольствiи душевномъ пишу вамъ. Во-первыхъ, поздравляю васъ съ великимъ праздникомъ, и если ранѣе сего не сдѣлалъ, то единственно по обязанностямъ служебнымъ, которыми всѣ дни, до 25 числа, былъ занятъ ежечасно: новый хоръ Исакiевскаго собора потребовалъ много труда и терпѣнiя. Примите же теперь изъявленiе чувствъ моихъ, которыми духомъ неоднократно къ вамъ приближался.

Вѣрю, вполнѣ вѣрю, сколько трудовъ вашихъ, и потому прошу, да не безпокоятъ васъ мои скорыя посланiя. Имѣя болѣе тысячи пѣвчихъ, средства мои огромны, и матерiальный трудъ у меня совершается мигомъ; а на трудъ духа времени надо немного, и этотъ трудъ, не довѣряя никому, предоставляю себѣ собственно.

Весьма радуюсь, что напѣвы вамъ нравятся. Тутъ нѣтъ ничего новаго, ничего сочиненнаго, нѣтъ и быть не должно, а соблюдены лишь напѣвы, которые исполняются въ высочайшемъ присутствiи и утверждены Святѣйшимъ Синодомъ. Въ этотъ обиходъ войдутъ до десяти молитвъ по нотамъ нашего знаменитаго Бортнянскаго; ими я займусь исключительно, и надѣюсь, что Богъ поможетъ, сохраняя текстъ, не умалить достоинства произведенiй. Молитвы сiи въ семъ видѣ исполняются въ церквахъ высочайшаго двора болѣе 50-ти лѣтъ. Впрочемъ, приложу къ тѣмъ же молитвамъ и древнiе напѣвы. Что̀ вамъ болѣе понравится, то и утвердите. Молитвы эти суть: 1) Да исправится, 2) Воскресни, Боже, 3) Архангельскiй гласъ, 4) Исполла, 5) Благообразный Iосифъ, 6) Чертогъ Твой и проч. и проч.

Итакъ, не безпокойтесь, если мои ноты скоро къ вамъ возвращаются. Будучи отъ природы характера мрачнаго, я всё тороплюсь и

*) Это письмо А. Ѳ. Львова сохранилось между бумагами архiеп. Нила только въ спискѣ и, вѣроятно, относится къ послѣднимъ днямъ 1865 или къ началу 1866 года.

всё забочусь объ окончаніи дѣла, да не придетъ конецъ прежде окончанія! Кажется, Господь всѣмъ надѣлилъ меня не по заслугамъ: жена у меня добрая, милыя дѣти, состояніе хорошее, и житейское всё есть, а какъ-то невольно смотришь въ даль непроницаемую. Да будетъ Его святая воля! Я не извиняюсь предъ вами, отецъ мой, за сіи послѣднія слова. Мы такъ условились. Весной, можетъ быть, буду въ Москвѣ, и въ такомъ случаѣ непремѣнно и въ Ярославлѣ, нарочно, чтобъ видѣть васъ, чтобъ обнять васъ своимъ сердцемъ, и если Господь сохранитъ насъ, то вмѣстѣ поблагодаримъ Его за труды наши.

Будьте здоровы. Богоугодные труды васъ поддержатъ и сохранятъ на благо цѣлаго народа!

P. S. Отношеніе ваше ко мнѣ отъ 18 Ноября, за № 3202, было представлено Государю Императору.

V.

Милостивѣйшій архипастырь!

Всё это время я былъ боленъ и только вчера въ возможности писать, поздравить ваше высокопреосвященство съ праздникомъ и Новымъ Годомъ.

Радуюсь всѣмъ сердцемъ, что вы здоровы.

Радуюсь, что въ книгахъ вашихъ всё исправно и вѣрно, вопреки доходящимъ до меня интригамъ и зависти.

Господь укрѣпилъ меня и дозволилъ угодить вамъ.

На сихъ дняхъ увижусь съ К. Ѳ. Голстунскимъ, и вслѣдъ за симъ повѣренныя нотныя книги вамъ будутъ представлены.

Простите, добрѣйшій отецъ и братъ, что я попросилъ прислать книги на короткое время: мнѣ это было необходимо . . . . *(Точки въ подлинникѣ)*. Болѣзненное состояніе сердца ведетъ къ ошибкамъ. Да проститъ мнѣ Богъ! Простите и вы.

Примите, милостивѣйшій архипастырь, высокопочитаніе и усердную преданность, съ коими честь имѣю быть вашего высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугою. Алексѣй Львовъ.

25 Декабря 1863 г.

Сообщилъ **Л. Н. Трефолевъ.**

ВОСПОМИНАНІЯ Н. Д. БОГАТИНОВА *).

1875—1883.

24-го Іюня 1875 года (о незабвенный день въ моей жизни!), сопровождаемый моимъ письмоводителемъ А. Я. Зоммеромъ, отправился я съ сестрою и своимъ слугою къ пароходной пристани верстахъ въ 7-ми (у Діевки, кажется) вверхъ по Днѣпру изъ Екатеринослава, чтобы сѣсть на пароходъ въ Кіевъ. Мнѣ больно было только съ нимъ, съ моимъ достойнѣйшимъ помощникомъ и сотрудникомъ Зоммеромъ, разставаться. Съ первыхъ дней нашей встрѣчи и до послѣдняго имѣлъ я въ немъ неутомимаго пособника. Приходя въ 9 часовъ и не вставая, можно сказать, изъ-за стола, просиживая за бумагами до 3-хъ, до 4-хъ часовъ, онъ бралъ бумаги домой для вечерней работы, такъ проработалъ онъ со мною цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ и не зналъ устали. Только ему я и обязанъ тѣмъ, что въ канцеляріи моей бумаги текли, точно «блины пеклись», какъ онъ, шутя, смѣялся надъ нашею усидчивою работою. Только въ немъ я и сестра моя и имѣли добраго собесѣдника среди чужихъ людей.

28-го Іюня прибыли мы въ Кіевъ и остановились въ квартирѣ законоучителя Гимназіи И. Т. Экземплярскаго, нашего добраго знакомаго. 29-го я явился къ г. попечителю и былъ принятъ имъ очень любезно, хотя нѣсколько сдержанно. Я подумалъ: не виною ли здѣсь кн. Ш.-Шихматовъ? Не онъ ли направилъ дѣло и поставилъ необходимымъ со стороны Антоновича мое опредѣленіе? Очень можетъ быть: я просилъ о томъ князя, и вотъ Антоновичъ видимо какъ бы недоволенъ. Моя догадка такъ и осталась неразгаданною; ничего и доселѣ не знаю, кому главнымъ образомъ я обязанъ своимъ назначеніемъ въ Острогъ: непосредственно ли Антоновичу или, напротивъ, князю Ш.-Шихматову; но мое чувство и доселѣ главнымъ виновникомъ великой перемѣны въ моей жизни благодарно признаетъ князя. О, съ какимъ теплымъ чувствомъ я благословлялъ его снова, когда впервыя,

---

*) См. выше, стр. 225.

подъѣзжая по Днѣпру къ Кіеву, узрѣлъ храмы Кіево-печерской Лавры, всю эту нашу Кіевскую святыню.

Съ 1-го Іюля 1875 года я былъ назначенъ директоромъ Острожской Учительской Семинаріи, и съ первыхъ же дней принялся за дѣла будущаго заведенія: составилъ описи вещамъ, нужнымъ къ пріобрѣтенію, учебнымъ пособіямъ по разнымъ предметамъ, представленія объ ассигнованіи остатковъ за 1-е полугодіе 1875 для нуждъ Семинаріи и на ея первоначальное обзаведеніе, просилъ и мнѣ выдать пособіе по переѣзду 500 р., ибо два переѣзда въ Екатеринославъ и обратно, съ значительными потерями въ хозяйствѣ (изъ котораго и въ Кіевѣ, и въ Екатеринославѣ многое было просто раздарено) потребовали весьма значительныхъ расходовъ, которые вовсе остались не покрытыми въ Екатеринославѣ, гдѣ я ни копѣйки не получилъ на переѣздъ. Первымъ моимъ дѣломъ для Семинаріи было испрошеніе у моего добраго знакомаго іеросхимонаха лавры о. Антонія (котораго я засталъ 5-го Іюля въ опасномъ положеніи болѣзни) согласія на пожертвованіе Семинаріи его богатой библіотеки, которую онъ собиралъ болѣе 25 лѣтъ. О. Антоній, въ ожиданіи смерти, охотно передалъ мнѣ всю свою библіотеку для Семинаріи, съ просьбою немедленно же ее взять, чтобы, въ случаѣ его смерти, не явилось препятствія къ исполненію его воли со стороны обители, къ которой переходитъ право по закону на все имущество монашествующаго по его смерти. Но куда было помѣстить это сокровище, пока я соберусь ѣхать въ Острогъ? Къ счастію, управляющимъ конторою транспортовъ «Надежда» былъ мой сослуживецъ по 1-й Гимназіи, Андрей Васильевичъ Шульцъ. По моей просьбѣ онъ охотно согласился принять ящики съ книгами на храненіе въ амбарахъ конторы до времени отправленія въ Острогъ.

Спѣшно книги уложены въ ящики безъ всякаго порядка; ибо о. Антоній поспѣшалъ забраніемъ библіотеки. 10-го Іюля, день его имянинъ, а я и еще мой знакомый, тоже сослуживецъ по 1-ой Гимназіи, Петръ Аѳанасьевичъ Олиферовъ, котораго я приглашалъ на должность учителя математики въ Семинарію, мы оба цѣлую ночь на пролетъ забирали книги и укладывали въ ящики. Къ 7-ми часамъ утра ящики проѣхали по лаврскому двору среди толпы богомольцевъ, и только въ амбарахъ досмотрѣно было, что ящики куплены непрочные, въ которыхъ нельзя дальше направлять кладь; пришлось снова перекладывать на дворѣ всѣ ящики въ новые, болѣе прочные. Здѣсь мой избранный будущій сослуживецъ Олиферовъ, котораго я пригласилъ помочь мнѣ при перекладкѣ книгъ, обнаружилъ себя такимъ тяжелымъ на подъемъ,

такъ тяготящимся всякимъ нѣсколько труднымъ дѣломъ, что я не рѣшился брать его, тѣмъ болѣе, что и въ канцеляріи попечителя узналъ нѣкоторыя подробности изъ его отношеній къ инспектору Прилукской Прогимназіи съ характеромъ непокорности. Больно было мнѣ объявить ему объ этомъ; но, избѣгая будущихъ непріятностей, которыхъ не могъ не предвидить, я это сдѣлалъ и выслушалъ тяжелые упреки. Я просилъ на его мѣсто указать другого, и по указаніи И. Я. Ростовцева (который уже былъ окружнымъ инспекторомъ со времени назначенія М. А. Тулова помощникомъ попечителя еще при кн. Ш.-Шихматовѣ) просилъ назначить учителя Ольгопольскаго городского училища Николая Ѳедотовича Попонацкаго. Другимъ же наставникомъ, по моему же избранію, былъ назначенъ тоже бывшій мой сослуживецъ по 1-ой Гимназіи въ званіи надзирателя за учениками, Андрей Кононовичъ Ивченко, штатный смотритель Лохвицкаго уѣзднаго училища.

Пообождавъ, пока въ Кіевѣ получено было разрѣшеніе на покупку заторгованныхъ для Семинаріи домовъ, я, снабженный полномочіемъ заключить купчія крѣпости, выѣхалъ въ Острогъ 16-го Іюля, вечеромъ, а въ Острогъ прибылъ 17-го Іюля, одинъ, оставивъ пока сестру въ Кіевѣ, до поры, пока устроюсь какъ нибудь. Здѣсь я, по предварительной перепискѣ съ инспекторомъ Прогимназіи П. В. Лысенкомъ, нашелъ себѣ пріютъ временно въ его квартирѣ, немедленно, при его содѣйствіи, занялся заключеніемъ купчихъ крѣпостей, съемкою общаго плана и пр., но только 4-го Августа перешелъ въ одинъ изъ домовъ, купленныхъ для Семинаріи. Въ тотъ же день прибыла и моя сестра, больная, блѣдная. Горькія минуты были видѣть ее въ такомъ положеніи, когда она усѣлась утомленная дорогою у стола. Скоро началась для насъ съ нею ужасная жизнь. Въ одной комнатѣ помѣстились мы съ нею, всѣ наши вещи и вся библіотека о. Антонія. И тутъ же въ такой страшной тѣснотѣ мы прожили по 23 Сентября, окруженные крикомъ, шумомъ, стукомъ, ибо вокругъ шли передѣлки въ домѣ. 23-го Сентября я съ сестрою уѣхалъ въ Кіевъ покупать необходимыя вещи для хозяйства и первоначальнаго обзаведенія Семинаріи, гдѣ и пробыли по 21 Октября, не имѣя покоя отъ этой возни съ покупками и бѣготни по разнымъ лавкамъ. Въ это время Ивченко производилъ окончательное приспособленіе моей квартиры, и когда мы вернулись, квартира почти была готова. До отъѣзда въ Кіевъ были произведены пріемныя испытанія, приняты ученики, но размѣстились въ городѣ по квартирамъ, а въ Семинарію собирались на ежедневныя спѣвки съ вновь назначеннымъ мною учителемъ пѣнія Романомъ Бондаренкомъ изъ Кременца, который поступилъ въ Семинарію

съ 14-го Сентября, бывъ испытанъ мною предварительно при фисгармоникѣ: кромѣ спѣвокъ Ивченко и Канониццкій занимались съ учениками, какъ бы разнымъ образомъ, по Русскому языку и математикѣ, безъ опредѣленныхъ указаній, повтореніемъ, письмомъ, задачами, для чего ученики, за неимѣніемъ гдѣ, собирались въ квартирѣ Канониццкаго. Только въ концѣ Октября квартировавшій въ большомъ домѣ полковникъ Колозничевъ согласился оставить квартиру, и только по необходимомъ приведеніи комнатъ въ должный видъ, оказалось возможнымъ приступить къ открытію Семинаріи, къ чему уже было все готово: прибыли изъ Кіева купленныя мною церковныя вещи и прочія, а также уже изготовлена была необходимая класная мебель; приготовились ученики пѣть всенощную и молебенъ.

1-го Ноября состоялось открытіе Семинаріи. Всенощная началась пѣніемъ «Благослови, душе моя, Господа» Лаврскаго напѣва, и съ того дня и донынѣ, въ память открытія, этимъ напѣвомъ поютъ этотъ псаломъ на всенощной подъ 1-е Ноября. Молебенъ съ водоосвященіемъ совершенъ въ 9 часовъ, въ присутствіи графини Антонины Дмитріевны Блудовой. Служилъ всенощную и молебенъ протоіерей мѣстнаго собора, о. Игнатій Залитинкевичъ. Предъ открытіемъ я прочелъ краткое свѣдѣніе объ учрежденіи Семинаріи, о назначенныхъ на ея устройство суммахъ, далѣе сказалъ краткую рѣчь о ея значеніи и объявилъ Семинарію открытою. Это было послѣ водоосвященія, предъ молебномъ. Предъ многолѣтіемъ протоіерей отъ себя сказалъ поученіе собравшимся ученикамъ. Торжество наше, очень скромное, заключилось подписаніемъ акта графинею и всѣми присутствующими, какъ и учениками, объ открытіи Семинаріи. Ученики были угощены чаемъ, и тотчасъ началось ученіе по составленному распредѣленію уроковъ. Такъ и начала́ свое существованіе Острожская Учительская Семинарія. Такъ и исполнилъ Господь желаніе души моей, ея стремленіе къ дѣятельности на пользу народа. Я сталъ во главѣ заведенія, какъ кормчій на кораблѣ, и вотъ когда исполнился сонъ, еще въ моемъ студенчествѣ видѣнный мною въ скромномъ нашемъ жилищѣ въ Флоровской гостиницѣ... Благодареніе Богу-Промыслителю, ведущему человѣка путемъ жизни и благоустрояющему все на пользу и во благо наше! И началась моя трудовая жизнь въ разнообразнѣйшихъ занятіяхъ на нѣсколько лѣтъ.

Первое, что̀ предстояло сдѣлать по открытіи, было устройство общежитія казенныхъ стипендіатовъ. 1-го же Ноября имъ приказано собраться всѣмъ въ одинъ изъ домовъ Семинаріи, предназначенный для ихъ жилья. Здѣсь они занялись приготовленіемъ для себя постелей изъ соломы и лавокъ изъ стараго лѣса отъ одного разобраннаго

дома. До 7-го Ноября они довольствовались кулешомъ, который варилъ для нихъ старикъ-сторожъ, пока шли переговоры съ женщиною, пожелавшею принять на себя довольствіе учениковъ. 7-го Ноября она вступила въ исполненіе должности хозяйки учениковъ по столу и мытью бѣлья. Такъ и началось общежитіе казенныхъ стипендіатовъ въ страшной тѣснотѣ. Такъ пошли всѣ самыя настоятельнѣйшія занятія, одно другое замѣняя, вытѣсняя. Первоначальное обзаведеніе всего необходимаго для хозяйства заведенія: мебели, коекъ, матрацовъ, посуды, бѣлья, больничныхъ, столовыхъ, кухонныхъ принадлежностей, тачекъ, лѣстницъ, пожарныхъ инструментовъ, лампъ,—словомъ всего, всего для хозяйства... на тысячи рублей. Пріобрѣтеніе учебныхъ пособій по всѣмъ предметамъ. Выписка книгъ для библіотеки и учебниковъ, переплеты тѣхъ и другихъ. Производство надворныхъ построекъ—сарая, деревянныхъ дорожекъ по усадьбѣ. Постоянныя сношенія съ Округомъ, съ Петербургомъ, Москвою, Кіевомъ по первоначальному обзаведенію. Составленіе подробныхъ инструкцій для Семинаріи по всѣмъ частямъ внутренней ея жизни. Производство ремонтовъ въ остальныхъ двухъ домахъ Семинаріи. Устройство и отдѣлка садовъ. Введеніе порядка внутренней жизни общежитія на основаніи утвержденной попечителемъ инструкціи. Приготовленіе нотныхъ тетрадей для церковнаго хора воспитанниковъ. Составленіе каталоговъ книгъ казенной и отца Антонія библіотекъ. Собраніе данныхъ для составленія смѣтъ на постройку зданій. Сношенія съ владѣльцемъ гор. Острога Танѣевымъ объ уступкѣ земли. Усиленная переписка съ Округомъ по тому же предмету, какъ и по окончательному избранію мѣста для построекъ. Составленіе нѣсколькихъ плановъ для размѣщенія зданій. Ходатайства объ измѣненіи плановъ зданій и ихъ размѣщенія, о покупкѣ сосѣдняго участка земли, для расширенія семинарской усадьбы. Перемѣна всего личнаго состава служащихъ уже въ концѣ 1-го учебнаго года и пріисканіе новыхъ учителей и законоучителя. Производство торговъ на постройку зданій и сношенія по сему предмету. Заключеніе контрактовъ съ подрядчикомъ по постройкѣ зданій и по разбору зданій Іезуитской коллегіи. Пріемъ и передача сихъ зданій, пріемъ—отъ исправника, передача—подрядчику. Начало работъ по постройкѣ зданій. Закладка зданій 9-го Мая 1877 года. Безконечный рядъ непріятностей по постройкамъ съ подрядчикомъ, съ архитекторомъ, съ канцеляріей попечителя и самимъ попечителемъ. Пріѣздъ попечителя для разбирательства несогласій. Производство разсчетовъ по постройкамъ, заставлявшее работать и просиживать надъ повѣркою квитанцій архитектора по ночамъ до 3—4-хъ часовъ. Составленіе протоколовъ по уплатѣ денегъ, по пріемкѣ матеріаловъ, по освидѣтельствованію постройки зданій. Не-

посредственное наблюденіе за работами. Пріемка матеріаловъ. Составленіе даже смѣтъ дополнительныхъ и квитанцій для разсчета съ подрядчикомъ во время болѣзни архитектора, усиленное наблюденіе за нимъ по его смѣтѣ. Составленіе свода данныхъ по всѣмъ смѣтамъ, кореннымъ и дополнительнымъ, для окончательнаго разсчета. Тысячи непріятностей изъ-за разборки стараго зданія и незаконнаго добыванія и присвоенія подрядчикомъ добытаго матеріала. Разсчетъ съ подрядчикомъ и пріемка отъ него зданій. Устройство домовой церкви, заказъ для нея иконостаса, св. иконъ, ризницы и церковной утвари и прочихъ церковныхъ вещей. Переходъ въ новое зданіе и приспособленіе его окончательное ко всѣмъ нуждамъ заведенія. Освященіе зданій 1-го Октября 1879 г. Напряженныя хлопоты по устройству, украшенію домовой церкви и, наконецъ, ея освященію—31 Января 1880, какъ завершеніе всего почти пятилѣтняго труда. И во все время постоянное и продолжающееся устроеніе учебной и воспитательной частей заведенія: вотъ длинный рядъ трудовъ, хлопотъ и занятій, который выпалъ на мою долю въ теченіе почти пять лѣтъ, съ 5-го Іюля 1875 г. по 1880 годъ, и который довелъ меня до такого страшнаго нервнаго разстройства, что я вынужденъ былъ уже, съ окончаніемъ этого ужаснаго періода моей службы, когда я работалъ такъ, какъ никогда во всю мою службу въ Гимназіи, просить трехмѣсячнаго отпуска, который мнѣ и былъ данъ.

16-го Мая 1880 года, по окончаніи первой ревизіи Семинаріи И. Я. Ростовцевымъ (который, за выходомъ въ отставку Новикова, занялъ мѣсто помощника попечителя), я отправился на Кавказъ и проѣздомъ чрезъ Кіевъ впервыя имѣлъ удовольствіе видѣться съ моимъ благодѣтелемъ, Сергѣемъ Платоновичемъ Голубцовымъ, тогда уже попечителемъ Кіевскаго у. округа, съ Марта 1880 г., на мѣсто вышедшаго въ отставку Антоновича. Я счелъ своимъ долгомъ поблагодарить и Антоновича, жившаго тогда еще въ Кіевѣ, за все его вниманіе ко мнѣ, и сердечно просилъ извиненія, что причинилъ ему немало безпокойствъ и огорченій по дѣламъ постройки, своимъ неослабнымъ надзоромъ и наблюденіемъ, побуждаемый доводить до его свѣдѣнія о замѣчаемыхъ мною непорядкахъ по постройкамъ, жаловаться то на подрядчика, то еще болѣе на архитектора, сердечно благодарилъ его и за награды, полученныя мною за это время по его представленію, *Св. Анны 2-й ст.* и *Св. Владимира 3-й ст.* Антоновичъ много, много злился на меня за постройки, много и лично говорилъ мнѣ непріятнаго и огорчительнаго, приписывая интригантству мои попеченія объ интересахъ казны и пользахъ заведенія, собирался устранить меня вовсе отъ наблюденія за

постройкою, отъ разсчетовъ по нимъ, даже грозилъ мнѣ увольненіемъ, въ пылу гнѣва, въ одномъ изъ своихъ предложеній, въ Сентябрѣ 1877 г.; пріѣзжая въ Острогъ и бывая въ Семинаріи даже не удостоивалъ меня зайти въ мою квартиру; словомъ, много дѣлалъ мнѣ непріятностей, и все же въ концѣ-концевъ не могъ не признать, что я дѣло велъ съ энергіей, настойчивостью, и не щадилъ себя, сберегая интересы казны, преслѣдуя злоупотребленія и упущенія. Онъ сердился и переставалъ сердиться и воздавалъ мнѣ должное непрошенными мнѣ наградами. Сердечно мы простились; онъ пожелалъ мнѣ столь же усердно и съ такою же пользою продолжать свою службу и дальше, и простились навсегда. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ Крымъ, тамъ поселился въ Керчи, гдѣ и скончался 7-го Декабря 1883 г. Благодарная Семинарія внесла его имя въ свой церковный синодикъ, для вѣчнаго поминовенія, въ числѣ своихъ благотворителей. С. П. Голубцовъ принялъ меня любезно, и тутъ-то отъ него лично я узналъ, что онъ очень былъ огорченъ моимъ переходомъ изъ Одесскаго округа. Но Богъ привелъ меня снова служить съ нимъ, и въ этомъ я не могу не видѣть для себя особенной Божьей милости. Онъ зналъ меня уже по Одесскому округу, гдѣ исполнялъ всѣ мои ходатайства и представленія, сочувствуя моему направленію. Тоже обѣщалъ и онъ въ новомъ своемъ положеніи попечителя Кіевскаго округа въ отношеніи къ благоустроенію жизни Острожской Учительской Семинаріи.

И тогда же, когда я останавливался въ Кіевѣ на нѣсколько дней, онъ былъ озабоченъ пріисканіемъ лица, которое приняло бы на себя званіе почетнаго попечителя Семинаріи, съ обязательствомъ извѣстнаго годичнаго взноса, и посылалъ меня съ такимъ предложеніемъ къ моему родичу Терещенку Николаю и его брату Ѳедору. Это тѣ Терещенки, о которыхъ я упоминалъ въ разсказѣ о моей юности въ пору Гимназіи и студенчества; это тотъ Ѳедоръ, что разъ какъ-то вспомнилъ про насъ сиротъ и привезъ намъ нѣсколько фунтовъ чаю. Не узнали или, вѣрнѣе, не признали меня братья, хотя и приняли любезно; но прямо отказались принять предложеніе попечителя. Думаю: тѣмъ дѣло и кончено. Но Голубцовъ на этомъ не остановился, и уже въ Октябрѣ 1880 г. я получилъ бумагу объ опредѣленіи почетнымъ попечителемъ О. У. Семинаріи Бориса Штиглица, моего ученика, того самаго, что̀, встрѣчаясь со мною, по окончаніи курса, не узнавалъ меня, со взносомъ 500 р. въ годъ. Это первый и единственный источникъ спеціальныхъ средствъ, которымъ Семинарія всецѣло обязана заботливости и попеченію С. П. Голубцова.

Съ окончаніемъ заботъ по устройству Семинаріи въ 1880 году, началась для меня мирная учебно-воспитательная дѣятельность въ средѣ, столь мною желанной, народной, но увы!—съ немалымъ разочарованіемъ. Въ средѣ учащихся попадается немало грубыхъ натуръ, которыя, какъ безплодная почва, кажется, неспособны къ живому сердечному воспріятію отъ сердца идущихъ внушеній, наставленій, руководства къ жизни. Есть и такіе, которые даже вовсе и не понимаютъ, для чего они пришли въ Семинарію и которыхъ привлекъ сюда только разсчетъ избавиться отъ воинской повинности, да неопредѣленное, безсознательное стремленіе учиться, съ тѣмъ, чтобы отдѣлиться отъ народа, стать выше, перейти въ разрядъ «благородныхъ». Такихъ-то большинство. Вступаютъ въ Семинарію люди уже съ испорченною волею и съ дурно направленными наклонностями. Бываютъ разные. И вотъ и здѣсь, какъ и въ Гимназіи, нѣтъ того полнаго удовлетворенія для сердца, которое служило бы утѣшеніемъ и наградою за труды, за напряженіе. И приходится утѣшать себя только тою мыслью, что все же есть между разными людьми и добрые, съ сердцемъ воспріимчивымъ къ добру, стремящимся къ свѣту, что есть и добрая почва, на которой павшее сѣмя ученія и воспитанія въ духѣ христіанскомъ принесетъ свой плодъ въ свое время. Такъ или иначе, Богъ помогъ мнѣ поставить заведеніе въ такія условія внутренней жизни, при которыхъ люди, стремящіеся къ добру и свѣту, могутъ получать для себя здѣсь въ избыткѣ это добро и свѣтъ. Порядки заведенія располагаютъ и къ труду, къ строгой точности и порядочности въ жизни, и ведутъ всѣ къ «единому на потребу»—къ неоскудному просвѣщенію жизни свѣтомъ Христовой вѣры и нравственности, изъ нея истекающей. Печатная инструкція О. У. С. оправдаетъ мои отзывы о духѣ заведенія. Въ такомъ видѣ предстала наша Семинарія и С. П. Голубцову, когда въ Сентябрѣ 1881 года онъ впервыя пріѣхалъ осмотрѣть ее и остановился у меня. Ознакомившись съ заведеніемъ и его порядками, побывавъ на урокахъ, на предурочныхъ чтеніяхъ Св. Писанія, на утренней молитвѣ учениковъ, осмотрѣвъ зданія, посѣтивъ церковь, попечитель округа выразилъ мнѣ сердечную благодарность за направленіе внутренней жизни заведенія. Наканунѣ отъѣзда, 18 Сентября, онъ собралъ учениковъ въ залу, вечеромъ, чтобы послушать ихъ пѣніе, и когда пѣніе кончилось, онъ, въ присутствіи всѣхъ служащихъ и директора Прогимназіи, Леонида Николаевича Омельянскаго, обратившись къ ученикамъ, объяснилъ, что онъ въ долгій періодъ своего попечительства видѣлъ много учительскихъ семинарій, но въ первый разъ видитъ семинарію вполнѣ благоустроенную и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, руководимую въ такомъ прекрасномъ направленіи,

согласномъ съ намѣреніями правительства, съ истинною пользою учащихся и съ предстоящими имъ задачами въ жизни. «Вы счастливы, что получаете воспитаніе именно въ этомъ заведеніи»... Кончивъ обращеніе къ ученикамъ, Голубцовъ обратился ко мнѣ, поцѣловалъ меня, сердечно благодарилъ за все видѣнное имъ въ заведеніи, за доброе направленіе внутренней жизни Семинаріи, и просилъ наставниковъ содѣйствовать мнѣ въ этомъ же духѣ. Вскорѣ по возвращеніи его въ Кіевъ, я получилъ отъ него письмо съ офиціальнымъ выраженіемъ благодарности мнѣ и прочимъ членамъ педогическаго совѣта за примѣрное состояніе заведенія. Въ Апрѣлѣ 1882 года и въ Сентябрѣ 1883 года Голубцовъ снова посѣтилъ О. У. С. и всегда оставлялъ ее съ искреннею благодарностью за доброе руководство заведеніемъ. Свою благодарность онъ выражалъ и другими способами: въ Февралѣ 1883 г. я получилъ отъ него въ награду 300 р., непосредственно по его личному назначенію изъ суммъ, назначенныхъ на пособія чиновникамъ Округа, а 15-го Мая 1883 года, въ день священнаго вѣнчанія Его Величества Государя Императора Александра Александровича на царство, по его ходатайству, произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Но еще прежде Голубцовъ охотно, какъ онъ писалъ, «съ истиннымъ удовольствіемъ», ходатайствовалъ объ оставленіи меня на пятилѣтіе на службѣ, по исполненіи 25 лѣтъ моей службы, *21-го Января 1882 года.* Богъ сподобилъ меня праздновать этотъ счастливый день въ моей жизни. Утромъ я самъ читалъ утреннюю молитву въ общежитіи и объявилъ ученикамъ, что̀ за день Богъ далъ мнѣ сегодня переживать, пожелавъ и имъ каждому дождаться въ своей учительской жизни этого счастливаго дня; объяснилъ, что честная, воздержная, разумная жизнь при мирномъ направленіи, отличающемъ въ ряду другихъ занятій учительскую дѣятельность, можетъ охранить ихъ здоровье отъ разстройства, и что совершенно несправедливы тѣ, кто увѣряетъ, что трудъ учителя способенъ преждевременно истощить силы и разстроить здоровье. Я смѣло указалъ на себя. Истинно Богъ явилъ мнѣ Свою великую милость. Немощный, болѣзненный, я не чаялъ дожить до этого свѣтлаго дня въ жизни; испытавъ много горя, тяжелаго, жгучаго, вынесши немало огорченій, я, однако, оставался вѣрнымъ своему, съ юности влекшему меня стремленію—служить просвѣщенію дѣтей и, въ мѣру своихъ силъ, трудился, находя покой, отраду и помощь себѣ въ доброй, любящей семьѣ, въ обществѣ прежде матушки и сестры, затѣмъ, въ теченіе 14 лѣтъ, въ обществѣ любящей сестры. Этой мирной, лелѣявшей меня средѣ семейной, берегшей мой покой, мои слабыя силы, я обязанъ тѣмъ, что здоровье мое, ослабленное трудами службы, находило себѣ должное укрѣпленіе въ невозмутимомъ семейномъ покоѣ.

Во время перемѣны учителя собрались меня поздравить. Каждому изъ нихъ я подарилъ на память о себѣ кое-что изъ моихъ вещей: прессъ-папье разныхъ видовъ и пр. Тогда же и ученики собрались тоже поздравить меня, и имъ каждому я подарилъ по книгѣ изъ моей библіотеки. Впослѣдствіи однако я узнаю, что это поздравленіе не было для многихъ изъ нихъ дѣломъ искренности. Находились изъ учениковъ 3-го класса (тотъ выпускъ особенно былъ плохъ въ нравственномъ отношеніи, все собрались дрянные люди), которые не хотѣли поздравлять меня, чтобы «уколоть меня» за мою строгость и требовательность. Но я выше сказалъ, что въ Семинаріи чаще можно имѣть дѣло именно съ такими людьми, чѣмъ съ добрыми, искренными, преданными сердцемъ добру. Впослѣдствіи уже я узналъ, что именно въ этомъ курсѣ въ 3-мъ кл. были ученики, которые по ночамъ ходили изъ заведенія, подобравъ ключи, въ городъ, гдѣ видѣли ихъ въ трактирахъ; а во время моего отпуска въ 1882 г. для лѣченія за границу, когда я выѣхалъ еще до времени испытанія, ходили купаться въ 4 часа утра. Такимъ лицемѣрамъ развѣ могло быть по нутру то строгое направленіе, которому подчиняла ихъ испорченную волю жизнь въ Семинаріи? Нѣтъ розы безъ шиповъ въ цвѣтникахъ земли! Часто, часто и моя душевная радость смѣняется горькою скорбію о потерянныхъ для многихъ изъ моихъ учениковъ плодахъ добраго направленія, которое добрые изъ нихъ получили бы на всю жизнь. Но что же дѣлать? На нивѣ Божьей, среди чистой пшеницы добрыхъ сердецъ, тоже неизбѣжно растутъ и плевелы всяческаго зла. Семинарія принимаетъ учениковъ въ возрастѣ 16—19 лѣтъ, изъ самыхъ низшихъ слоевъ народной жизни; тутъ попадаются служившіе лакеями, въ артеляхъ плотничьихъ, по сахарнымъ заводамъ, по канцеляріямъ мировыхъ судей, бывшіе до того учителями школокъ по селамъ, значитъ, уже жившіе на своей волѣ. Но все же Семинарія не представляетъ условій, благопріятствующихъ вольному развитію этихъ паразитовъ народной жизни: они здѣсь сжимаются, съеживаются, елико можно и выносимо для нихъ, хитро и лукаво поддѣлываются подъ общій ладъ, проходятъ курсъ Семинаріи среди даже отличныхъ по поведенію и потомъ, уже на свободѣ, по выходѣ изъ заведенія, скоро распускаются во всемъ безобразіи лицемѣрной души. И то уже можно вмѣнить въ немалую заслугу Семинаріи, что она ограничиваетъ эти испорченныя натуры и все же бросаетъ хоть, быть можетъ, и слабые, все же бросаетъ лучи свѣта въ сознаніе и даетъ невольный толчекъ вдуматься, дать отчетъ себѣ, пріучаетъ хотя къ нѣкоторой порядочности въ жизни и занятіяхъ. Нужно сказать и то, не всѣ годы одинаковы въ этомъ отношеніи: личный составъ мѣняется съ годами. За эти восемь съ половиною лѣтъ были

курсы, провесть которые стоило великихъ трудовъ и напряженія: устанешь отъ этихъ непрестанныхъ разговоровъ, отъ всегдашнихъ выговоровъ и взысканій даже. Бывали, напротивъ курсы, когда дѣло руководства давалось какъ-то легче, люди мягче, воспріимчивѣе, точно понятливѣе, сообразительнѣе, исправнѣе, порядочнѣе, говорить и съ ними приходится тоже немало, да какъ - то это легче дается: не такъ раздражаешься, не такъ волнуешься. Изъ 40-ка ежегодно приводимыхъ, съ иными, можно сказать, и слова не проронишь, точно ихъ нѣтъ въ заведеніи; за то другіе... только съ ними и говоришь, только ихъ и стыдишь, только ихъ и распекаешь, только ихъ фамиліею и исписана «книга поведенія». Пришлось, къ сожалѣнію, за эти восемь лѣтъ существованія Семинаріи и увольнять немало, преимущественно за куреніе табаку, строго воспрещенное въ заведеніи, за крайнее облѣнѣніе и несоблюденіе правилъ дисциплины; всѣхъ уволенныхъ за это время наберется до 12-ти по разнымъ причинамъ. Но, строго говоря, все же, если принять во вниманіе невѣжественную, грубую среду, изъ которой поступаютъ въ Семинарію крестьяне, мѣщане, сапожники, плотники, дѣти солдатъ, все же люди эти представляютъ здѣсь отрадное явленіе трудящейся среды, ведущей себя очень сдержанно, почтительно, тихо. Случаи неисполнительности чрезвычайно рѣдки; и то большею частью отъ забывчивости, дерзости еще рѣже, напр. въ отношеніи къ наставнику. Бывали случаи воровства. Они возбуждаютъ общее смятеніе, общее соглашеніе; въ пользу обиженнаго разъ даже была собрана порядочная сумма, до 13 рублей (уворовано было 19 рублей), но и эти случаи весьма рѣдки. Разъ пришелъ одинъ мальчикъ просить помощи для больной, кажется, матери; опять складки, пожертвованіе ненужными вещами; разъ одинъ вновопоступившій долго не получалъ документовъ, чрезъ что и не былъ допускаемъ въ общежитіе и не имѣлъ денегъ уплатить за телеграмму съ просьбою о скорѣйшей высылкѣ документовъ; опять складка болѣе 3 рублей. Одинъ изъ наставниковъ, по постигшей его внезапно душевной болѣзни (М. П. Соловьевъ) оставилъ Семинарію; ученики сложились всѣ до единого и купили ему на память дорогой для нихъ подарокъ, письменный приборъ въ 20 рублей, написали ему сердечный адресъ, благодаря за труды, прося извиненія за проступки, имъ пропускаемые безъ вниманія, за что доставалось ему отъ меня часто; но именно за это-то и извинялись, что черезъ нихъ ему доставалось отъ директора. Мало этого: пожелавъ имѣть его портретъ-карточку, заказали фотографу приготовить для каждаго изъ нихъ. Повторяю: для той среды, къ которой принадлежатъ эти люди, поведеніе ихъ въ большинствѣ образцово въ дисциплинарномъ отношеніи. Что́ остается въ ихъ душѣ отъ такой жизни,

что выносятъ они въ жизнь, это тайна ихъ душъ; но оставляютъ они заведеніе большею частью съ видимымъ чувствомъ тихой тоски и сожалѣнія, выражаютъ свою благодарность въ теплыхъ словахъ. Бывали случаи, что, со слезами прощаясь, цѣлуютъ мою руку, просятъ прощенія въ своихъ проступкахъ. Семинарія «мать-матушка»: вотъ отклики сердечнаго чувства въ ихъ письмахъ ко мнѣ, которыя отъ иныхъ приходится получать по окончаніи курса. Въ письмахъ своихъ иные изъ нихъ выражаютъ такъ искренно, сердечно свою благодарность мнѣ и наставникамъ, въ такихъ теплыхъ выраженіяхъ вспоминаютъ о Семинаріи и ея порядкахъ, что думаешь: не даромъ трудишься. Кромѣ безчисленныхъ случаевъ дѣйствовать на учениковъ въ званіи директора, я имѣю еще пять уроковъ педагогики и здѣсь уже словомъ наставника могу дѣйствовать на ихъ сердца, открывая имъ законы и явленія духовной природы и жизни человѣка. Такимъ богатымъ содержаніемъ благость Божія исполнила мою жизнь въ послѣдніе годы ея, въ утѣшеніе за скорби, въ отраду моей одинокой въ мірѣ душѣ, счастіе которой въ этомъ трудѣ.

Я сказалъ: «одинокой въ мірѣ душѣ». Истинно такъ. Хотя я всю жизнь мою, благодареніе Бога, живу въ лучшемъ изъ обществъ человѣческихъ, въ дѣтскомъ обществѣ, сначала какъ ученикъ, потомъ уже какъ учитель-воспитатель, хотя и общество сослуживцевъ—опять лучшій видъ общественныхъ отношеній, чуждыхъ интригъ, сплетень и др.; но съ лишеніемъ счастія жить семейною жизнію, которая прекратилась для меня со смерти моей незабвенной сестры, съ которою я дѣлилъ и думы, и чувства свои, которой открыта была душа моя, я истинно остался «одинокъ въ мірѣ» среди людей и если я чувствую себя охватываемымъ притокомъ жизни общей, такъ это въ обществѣ моихъ учениковъ, когда читаю или пою съ ними, собираю ихъ для различныхъ объясненій. Здѣсь я живу полною жизнію, совершенно забываю свое «одиночество въ мірѣ» и бываю счастливъ. Въ обществѣ же наставниковъ Семинаріи я являюсь всегда только какъ должностное лицо, въ служебныхъ отношеніяхъ. Благодареніе Богу, между нами существуютъ всегда добрыя отношенія, и миръ блюдется ненарушимый; но все же мы сходимся только по службѣ, на службѣ, для службы. Ни я ихъ къ себѣ не приглашаю для частной бесѣды, ни у нихъ не бываю. Причинъ тому немало. И во 1-хъ, я одинокій человѣкъ, они люди семейные; во 2-хъ, я постоянно занятой человѣкъ, и они, тоже люди, для которыхъ, собственно говоря, мало свободнаго времени, да и никогда всѣ не могутъ собраться ко мнѣ, ибо одинъ изъ нихъ всегда занятъ въ общежитіи, какъ дежурный; въ 3-хъ, собираясь, нужно же о

чемъ-нибудь дѣльномъ говорить, ибо въ карты я не играю, но тогда о чемъ же говорить. Чтобы разговоры эти имѣли характеръ общезанимательный, поучительный, полезный, просвѣтительный, дышали непринужденностью, свободою, служили обмѣномъ мысли и чувства, дополняли личный каждаго опыта, служили духовному каждаго обогащенію? Читать? Но тогда эти собранія не будутъ имѣть характера свободнаго общенія, а какъ бы офиціальныхъ собраній. Играть на фисгармоникѣ? Пѣть? Но тогда нужно бы готовиться къ этому, разучивать новыя пьесы, а времени для этого вовсе нѣтъ. Дѣлиться прочтеннымъ въ живой передачѣ? Но тогда опять нужно читать, писать внимательно, изучая читаемое, опять за служебными обязанностями времени нѣтъ для такого дѣла. Въ 4-хъ, самый характеръ мой, внутренній складъ жизни, установившійся десятками лѣтъ, располагаетъ меня болѣе къ одиночеству, къ занятіямъ въ молчаливой тишинѣ, чѣмъ къ оживленной бесѣдѣ въ обществѣ людей, гдѣ я всегда чувствую себя чужимъ, какъ бы стараясь поскорѣе уйти отсюда въ свою завѣтную, милую души моей тишину и покой одиночества-уединенія. Въ 5-хъ, наконецъ, въ положеніи директора, при искреннемъ доброжелательствѣ ко всѣмъ и сердечномъ расположеніи къ охранѣ добрыхъ отношеній, всегда я признавалъ, что наилучшее условіе независимости дѣйствій и отношеній къ подчиненнымъ установить такой «modus vivendi», при которомъ я былъ бы всегда не стѣсненъ передать свое наблюденіе, сдѣлать замѣчаніе, произнести иногда строгое сужденіе, когда нахожу то нужнымъ, не рискуя разочаровать въ дружбѣ, въ пріятельскихъ отношеніяхъ, не боясь обидѣть, оттолкнуть отъ себя. Таковы мои отношенія къ сослуживцамъ по Семинаріи отъ начала и донынѣ. Я даже не особенно думаю о томъ, любятъ ли меня, уважаютъ ли и какъ о мнѣ думаютъ, тѣмъ менѣе, что̀ о мнѣ говорятъ, какъ судятъ мои дѣйствія. И откровенно скажу: даже и не знаю и не стараюсь узнать и развѣдать. Относятся почтительно, выслушиваютъ замѣчанія спокойно, предлагаютъ свои сужденія всегда сдержанно, и этого съ меня, какъ директора, и довольно. На большее не имѣю никакого притязанія собственно лично. И, благодареніе Богу, живемъ смирно, засѣданія совѣта проходятъ всегда невозмутимо-спокойно. И за все это 8 лѣтнее время, послѣ первой перемѣны служащихъ съ концемъ 1-го учебнаго года, я имѣлъ несчастіе только одного устранить изъ Семинаріи, но послѣ безконечнаго ряда внушеній, напоминаній и побужденій, ни къ чему неприводившихъ ни въ отношеніи къ улучшенію учебно-воспитательной его дѣятельности, ни въ отношеніи къ его личной жизни, уже очень разсѣянной и внѣдомной для такого серьезнаго дѣятеля, какимъ долженъ быть наставникъ Семинаріи. Оставилъ Семинарію въ 1883 году также

М. В. Соловьевъ, котораго тоже я очень часто безпокоилъ своими начальническими напоминаніями, замѣчаніями и внушеніями, но оставилъ по болѣзненному состоянію, по обнаружившемуся душевному разстройству, которое подготовлялось исподоволь уже года три, обнаруживаясь весьма замѣтными выходками, движеніями, жестами и пр., и когда онъ писалъ ко мнѣ изъ дому, то выражалъ сожалѣніе, что дѣйствительно давалъ поводы къ неудовольствію на него. Оставилъ и законоучитель о. Александръ Калинскій, но тоже по разстроенному здоровью, главнѣе же всего по наставленію своей жены, тосковавшей въ Острогѣ, подобно моей сестрѣ, и все стремившейся въ кругъ родныхъ, въ Петербургъ; но оставилъ послѣ нелегкой борьбы, колебаній, нерѣшительности и съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ, что̀ и при прощаньи высказывалъ, и въ своихъ письмахъ выражалъ. И мнѣ было прискорбно разставаться съ нимъ, человѣкомъ, преданнымъ своему долгу, труду и серьезно понимавшему обязанность свою. Особенно тяжелы были для него предурочныя поученія по поводу чтенія изъ Св. Писанія, къ которымъ онъ готовился серьезно, тщательно обдумывая предметъ поученія, вырабатывая самую точную, строго литературную форму наставленій, гдѣ каждое слово было на мѣстѣ, говорилось отъ сердца, изъ убѣжденія и по строгомъ отчетѣ въ содержаніи. Онъ не оставлялъ ни одного выдающагося явленія въ церковной и гражданской жизни заведенія, какъ члена церкви и государства, безъ соотвѣтствующаго слова. Въ дни открытія Семинаріи, конца учебнаго года, начала ученія, въ дни печали и молитвъ, въ торжества заведенія, всегда оглашалось наше малое общество его оживленнымъ словомъ. Онъ оставилъ въ Семинаріи добрую память о себѣ. На мѣсто выбывшихъ Долгова, Соловьева, и о. Калинскаго поступили въ 1881 году въ Августѣ Александръ Ивановичъ Тарнавскій, Михаилъ Васильевичъ Гнѣвушевъ и свящ. Іаковъ Голобковскій. Отношенія мои къ этимъ новымъ лицамъ тѣже, что̀ я выше описалъ, строго служебныя, но вполнѣ благожелательныя: когда нужно, сдѣлаю замѣчаніе, передамъ свое наблюденіе и свое строгое сужденіе. Впрочемъ всѣ эти случаи относятся не къ ихъ исполнительности и усердію по должности, въ чемъ ихъ никогда нельзя упрекнуть, а исключительно къ ихъ учебно-воспитательной дѣятельности, въ которой приходится замѣчать недостатки, проявленія поверхностнаго, иногда невдумчиваго въ дѣло отношенія, просто педагогическіе промахи. Нерѣдко, чтобы избѣжать непріятности личнаго объясненія, я прибѣгаю къ изложенію замѣчаній въ видѣ записки, прося по прочтеніи возвратить ее мнѣ для справокъ и провѣрки выполненія моихъ требованій и усвоенія моихъ указаній.

По просьбѣ типографа Лавры о. Лаврентія, я написалъ статью «О священныхъ изображеніяхъ, печатаемыхъ при Псалтирѣ и другихъ церковныхъ книгахъ, издаваемыхъ Кіево-печерской Лаврою», помѣщенную въ Кіевлянинѣ, кажется, за 1864 годъ. Поводомъ къ просьбѣ о. Лаврентія о написаніи этой статьи послужило серьезное затрудненіе, которое онъ встрѣтилъ въ членахъ духовнаго собора Лавры при разсмотрѣніи его доклада относительно улучшенія изображеній чрезъ заготовленіе рукою извѣстнаго художника-академика Сѣрякова новыхъ клише разной работы, на что члены собора не давали своего согласія въ виду значительныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ этою замѣною, находя прежнія, уже совсѣмъ избившіяся, клише вполнѣ годными, хотя изображенія при употребленіи этихъ клише выходили крайне оскорбляющими религіозный эстетическій вкусъ. Вотъ о. Лаврентій, думая подкрѣпить себя въ борьбѣ съ этою скупостью и косностію печатнымъ словомъ, и просилъ меня придти ему на помощь статьею.

Предпріимчивый нововводитель, какимъ я выше его изобразилъ, о. Лаврентій около этого времени задумалъ напечатать новымъ изданіемъ Славянско-Русскій букварь, печатавшійся въ типографіи Лавры уже многократно по давно устарѣлому изданію слогослагательнымъ способомъ, и хотѣлъ при этомъ букварѣ приложить что-либо для чтенія. Онъ сообщилъ мнѣ свою мысль. Я вздумалъ, посовѣтовавшись съ нимъ, написать для этого букваря «Краткую церковную исторію» и, пользуясь значительнымъ досугомъ, за неимѣніемъ уже частныхъ уроковъ, и дѣйствительно написалъ. Но отцы духовнаго собора рѣшительно воспротивились этому нововведенію, и букварь былъ напечатанъ вѣрный преданію установившагося букварнаго типа. Мою же статью, подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ церковной исторіи для народныхъ школъ» съ «Наставленіемъ», я напечаталъ въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», въ 1864 году, №№ 48, 49 и 51.

Ограниченіе частныхъ уроковъ, а затѣмъ и совершенное прекращеніе ихъ, имѣло и другое послѣдствіе: я больше времени проводилъ въ семьѣ, больше гулялъ съ сестрою, раздѣлялъ свободнѣе общество добрыхъ знакомыхъ, которые посѣщали насъ, и у нихъ бывалъ съ сестрою. Семья моя зажила тогда совершенно новою жизнію. Въ сосѣдствѣ съ нами жили: семейство окружного инспектора Тулова и моего сослуживца В. И. Лучицкаго; въ Гимназіи же жило семейство учителя физики И. Г. Радкевича; изъ семейныхъ учителей бывали у насъ и мы у нихъ: Паліенко, Кизимовскій со своими женами; добрыми знакомыми была семья и директора Андріяшева. Въ такомъ добромъ и близкомъ по роду занятій обществѣ, въ своемъ же учительскомъ

кругу, проводили мы вечера, по преимуществу въ воскресные и праздничные дни, за чашкою чаю, въ пріятной бесѣдѣ, которая длилась не долѣе 10 часовъ. Около этого времени расходились, каждый спѣша къ предстоявшему труду завтрашняго дня, приготовиться и укрѣпиться своевременнымъ сномъ. Такъ было, по крайней мѣрѣ, тогда, когда у насъ кто-либо изъ знакомыхъ гимназическихъ бывалъ, или мы бывали у знакомыхъ. Исключеніе составляли (впрочемъ, весьма рѣдкое) вечера у директора, въ день его имянинъ, или его жены, когда угощеніе длилось за полночь, съ ужиномъ и пр.; но я безъ стѣсненія покидалъ общество и спѣшилъ къ себѣ, оставляя сестру развлечься рѣдкимъ случаемъ подобнаго удовольствія и видѣть себя въ большомъ веселомъ обществѣ, гдѣ танцовали. Немало разнообразія въ жизнь нашей скромной семьи вносили и разнаго рода концерты и публичныя чтенія, которые давались и читались въ залѣ нашей Гимназіи. Слушать концерты, большею частью безплатно, наша гимназическая семья, т.-е. семейства живущихъ въ Гимназіи, собиралась въ одномъ изъ классовъ, смежныхъ съ залою, противоположномъ эстрадѣ; пріотворялась дверь, и мы отлично все могли слышать. Публичныя лекціи въ это время читалъ въ нашей залѣ Виталій Яковлевичъ Шульгинъ «о Французской революціи», собиравшія многочисленное общество. Это было въ Ноябрѣ - Декабрѣ 1862 года. Я и сестра прослушали весь курсъ съ большимъ удовольствіемъ. Открылась полная возможность бывать въ концертахъ, въ оперѣ; всѣ эти мѣста общественныхъ собраній, залы, клубы, театръ, были не въ дальнемъ разстояніи, и отъ времени до времени я пользовался этимъ удобствомъ, вмѣстѣ съ сестрою, хотя и рѣдко, даже очень, чему главнымъ препятствіемъ служила моя нервность. Бывали случаи, напримѣръ, послѣ оперы, кажется, «Гугеноты» я не спалъ цѣлую ночь: до того разболѣлась голова, разстроились нервы. Однако, все же я не могъ одолѣть въ себѣ желанія доставить себѣ это великое удовольствіе, и за этотъ періодъ до 1874 года бывалъ нѣсколько разъ въ оперѣ. Я видѣлъ слышалъ оперы: «Страделла», «Линда-де-Шамуни», «Ромео и Юлія», «Мученики (Поліевктъ)», «Гугеноты», а изъ Русскихъ только «Жизнь за Царя» два раза; бывалъ въ концертахъ, когда выполняли «Stabat Mater» Россини и «Requiem» Моцарта, въ концертахъ Кіевскаго филармоническаго общества, которые, впрочемъ, большею частью бывали днемъ, около 3-хъ часовъ, въ концертахъ извѣстнаго Кіевскаго композитора Лысенка, который въ то время давалъ ихъ одинъ разъ въ годъ, весною, въ Мартѣ мѣсяцѣ; изрѣдка на концертахъ кого-либо изъ пріѣзжихъ артистовъ, напр., Славянскаго, Губерта. Но всѣ эти высокія удовольствія я имѣлъ возможность доставлять себѣ преимущественно до 1866 г., т.-е. пока еще

не страдалъ значительнымъ разстройствомъ нервовъ... Я глубоко былъ огорченъ, что при моей любви къ прекрасному пѣнію и музыкѣ я лишенъ былъ, я былъ вынужденъ лишать себя этого наслажденія. Но въ тѣ рѣдкіе случаи, когда я, забывая свои недуги, уступалъ своему влеченію и входилъ въ концертную залу, о какъ я былъ счастливъ въ эти благодатныя минуты! Каждый такой концертъ, каждое такое милое, скромное, чинное, вполнѣ приличное собраніе, при блестящемъ освѣщеніи залы, при этой торжественной обстановкѣ, въ этомъ высоко-настроенномъ обществѣ, каждый такой концертъ былъ для меня великимъ праздникомъ и торжествомъ духа человѣческаго надъ плотію, возвышалъ и мой духъ въ область высшихъ стремленій, ободрялъ, проливалъ отраду, покой въ душу, служилъ краснорѣчивымъ свидѣтелемъ ни съ чѣмъ несравненнаго преимущества жизни въ области духа и его высокихъ выраженій въ искусствѣ надъ остальною сферою земного прозябающаго существованія, заключеннаго и исполненнаго интересами плоти. Какое высокое настроеніе принимали помыслы души въ эти неподражаемыя минуты! Что-то доброе нисходило въ душу и сливало въ братской любви и единеніи съ этими братьями и сестрами, сошедшимися сюда тоже зачерпнуть изъ этого обильнаго источника духа каждый и каждая и себѣ утѣшеніе, ободреніе, подкрѣпить и свою душу въ жизненномъ подвигѣ, въ борьбѣ, въ скорбяхъ нашихъ, а ихъ немало выпадаетъ на долю каждаго мыслящаго и живущаго сердцемъ человѣка! А эти люди, эти пѣвцы и пѣвицы, эти артисты, съ какимъ благоговѣніемъ я смотрѣлъ на нихъ, благословляя ихъ служеніе высокое, ихъ блестящее шествіе въ свѣтѣ духа среди толпы людской, преданной попеченіямъ о земномъ, вещественномъ и бредущей во мракѣ и оцѣпенѣніи заботъ только о тѣлѣ и работы для тѣла, утучняемаго, холимаго и лелѣямаго съ полнымъ забвеніемъ о душѣ безсмертной! А вотъ они свѣтоносно выступаютъ изъ ряда этихъ жалкихъ рабовъ плоти, какъ торжествующіе, счастливые носители сокровищъ человѣческаго духа, ими пріумножаемыхъ, возращаемыхъ и развиваемыхъ во славу Свѣтодавца, Владыки и Отца всякаго блага, и отъ Него же всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть исходяй!» Подъ обаяніемъ такихъ впечатлѣній я возвращался съ этого свѣтоноснаго праздника духа, исполненный высшихъ стремленій въ царство свободы и жизни духа, и съ поднимающеюся отъ избытка и притока этой вдохновляющей силы грудью, съ волнующимся отъ восторга дыханіемъ вступалъ въ мирную среду своей семьи, гдѣ все, все служило только къ тому, чтобы такому высокому настроенію дать свободно течь въ жизни, все его поддерживало и завѣтно хранило. И я только могу глубоко сожалѣть, что моя нервность заставляла меня из-

бѣгать случаевъ бывать въ такихъ собраніяхъ съ неизбѣжнымъ и неустранимымъ спертымъ, душнымъ воздухомъ. Такое же впечатлѣніе производили на меня балы у кн. Васильчикова, въ бытность мою учителемъ его сына и домашніе спектакли, въ которыхъ принимала особенное дѣятельное участіе его старшая дочь Софія. Эти чинныя благородныя собранія, этотъ отпечатокъ приличія и благородства на всемъ, на чемъ только въ эти вечера ни останавливался радостный взоръ, на людяхъ, на обстановкѣ, это спокойствіе и беззаботная веселость, выражавшаяся въ приличныхъ, исполненныхъ граціи и изящества танцахъ, эти стройныя гармоническія волны музыки, покрывающія чистое веселіе и дающія ему такую чарующую прелесть, вся эта доброта, мягкость, нѣжность сердечная, вся эта братская, родственная близость которыми, кажется, каждая душа въ этомъ обществѣ дышетъ и живетъ, заимствуя ихъ изъ какого-то невѣдомаго, общаго всѣмъ и каждому, источника наслажденія и упоенія, всѣхъ объединяющаго, всѣхъ дѣлающаго счастливыми и довольными, покойными и беззаботными, братски благожелательными и настроенными другъ къ другу, все это счастіе идеальное въ эти дорогія для меня по воспоминаніямъ минуты такъ поднимало мою душу, такою добротою ее исполняло, такою любовью проникало, что невольно думалось: «ахъ, какъ бы были счастливы люди, если бы добро, любовь, согласіе царили въ ихъ жизни, если бы они знали цѣну этихъ высокихъ благъ, которыя одни даютъ и охраняютъ истинную радость и миръ жизни людской!» Но грѣшный родъ людской можетъ только чувствовать минутно это высокое счастіе жизни, а жить имъ, дышать имъ, какъ воздухомъ, ему не дано, за «невѣжество ихъ и жестокосердіе». Такія мысли, бывало, роются въ душѣ, когда оставишь эту блестящую огнями залу гостепріимнаго князя, пробираясь въ свою тихую и мирную обитель семейную. И такъ сладостно, и радостно, и тоскливо все вмѣстѣ бываетъ на душѣ въ эти часы перехода къ обычному теченію будничной жизни.

Еще одинъ видъ участія моего въ обществѣ людей давалъ мнѣ испытывать такое же высокое счастіе. Это передвижныя картинныя выставки, которыхъ въ мою бытность въ Кіевѣ до 1874 г. было, кажется, три черезъ длинный періодъ цѣлаго года. Выставки обыкновенно помѣщались въ залѣ дворянскаго собранія. Здѣсь, въ рѣдкой впрочемъ толпѣ посѣтителей, я проводилъ цѣлые часы, разсматривая картины нашихъ даровитыхъ художниковъ, Перова, Крамскаго, Мясоѣдова, Ге, Боголюбова, Маковскаго; здѣсь по часамъ я стоялъ у одной какой-либо картины и былъ несказанно счастливъ въ этомъ невидимомъ прикосновеніи душою къ свѣтлому міру искусства и высокой жизни человѣческаго духа, въ немъ

выражающейся въ разнообразныхъ формахъ творчества. Какъ несказанно я радовался, что и въ наше холодное, эгоистическое, практическое время есть люди, которымъ доступны эти высоты духа, это священное служеніе высшей красотѣ и правдѣ, которыхъ всѣ помыслы и идеи возводятся къ началу всеоживляющаго Духа, какъ сокровищу всякаго истиннаго блага...

И легче жилось въ горестяхъ жизни, и сноснѣе терпѣлось за свободу духа въ Богѣ и для Бога Единаго!...

Но тайна этого благотворнаго вліянія на меня, моего сближенія съ людьми, въ лучшія минуты ихъ общенія между собою въ мірѣ искусства и просвѣщенной общественности (я это смѣло и рѣшительно признаю) крылась въ моемъ несказанномъ счастіи жить въ семьѣ родной при такихъ условіяхъ, которыя давали мнѣ возможность относиться къ людямъ именно въ такомъ духѣ доброжелательности и видѣть въ нихъ только добро и лучшія стороны ихъ жизни, видѣть ихъ на балу добрыми, въ концертѣ—счастливыми, въ оперѣ—чистыми и исполненными высокихъ проявленій духа, видѣть ихъ всюду съ отпечаткомъ добра и пріязни. Миръ этотъ, добро это я находилъ въ великомъ избыткѣ въ своей родной семьѣ: здѣсь ничто меня не ожесточало, не раздражало, не безпокоило, все дышало любовью, пріязнію, искренностью... Съ людьми же внѣ семьи я и встрѣчался именно и единственно въ тѣхъ положеніяхъ, когда ихъ жизнь и отношенія водились обаятельнымъ вліяніемъ духовной силы въ искусствѣ и общественности подъ сѣнью мира, довѣрія, искренности, и оттого я узнавалъ и чувствовалъ такъ живо, такъ полно своею душой, что я среди нихъ именно въ своей средѣ. Это безцѣнный даръ, которымъ я всецѣло обязанъ своей вѣчно-незабвенной семьѣ, общенію своему съ милыми мнѣ матушкою и сестрою. Жизнь ихъ была полна доброты, была воплощеніемъ простоты сердечной, искренности, преданности и горячей любви; чистымъ свѣтомъ сіяли мнѣ эти добромъ жившія души, эти къ Отцу Свѣтовъ пламенѣвшія сердца, ко всѣмъ доброжелательныя, всѣмъ близкія, ласкающія, привѣтливыя, готовыя всякаго утѣшить, чѣмъ и какъ могутъ. Ни тѣни лукавства, ни слова зависти, осужденія, злословія; всегда миръ, благодушіе, и въ ту тяжелую пору, которую Богъ далъ намъ уже теперь прожить, и теперь, когда милость Божья окружила насъ довольствомъ и покоемъ, въ воздаяніе за претерпѣнныя лишенія и тревоги сиротской жизни. Благодушіе и преданность въ волю Божію и теперь миротворно настроивали нашу семейную жизнь, и имъ теперь только больше, при новыхъ условіяхъ жизни и обстановки, представлялось случаевъ проявляться и питаться въ свою очередь, пользуясь лучшими,

сравнительно съ прежними, условіями окружающей среды. Помню одинъ лѣтній вечеръ: я, матушка и сестра вышли на улицу и сѣли у оконъ нашей квартиры, и что за чудная картина раскрылась предъ нами! Впереди безмолвный рядъ высокихъ деревьевъ бульвара, далѣе широчайшая университетская площадь, за которою теряется ниже ея расположенный городъ, съ одной стороны громада университета, а сверху на всю эту ширь и тишину ложится легкій поворотъ лунного освѣщенія. Вечеръ прелестный, теплый. Можно забыть, что это въ большомъ городѣ: тишина. Матушка и говоритъ: «Какъ хорошъ Божій міръ! Какъ все премудро устроено Богомъ! И какъ людямъ должно бы жить на землѣ хорошо подъ этимъ покровомъ Божіимъ!» Еще раньше, говоря о своемъ дѣтствѣ, я упоминалъ, что матушка обладала глубиною художественнаго чувства, обнаруживавшагося, такъ сказать, минутными проблесками въ счастливую пору душевнаго мира. Горькая жизнь семьи, лишенія, скорби надолго заключили это чувство въ душѣ матушки, и не слышали мы прежнихъ пѣсень поры моего дѣтства. Но годы тяжелыхъ испытаній окончились теперь уже для нашей семьи, и умиротворенная, успокоенная, матушка чувствовала всю полноту Божьей благости въ своемъ новомъ положеніи. Но ни на минуту она не забывала этой благодѣющей десницы Божьей, и сердце ея влеклось и теперь къ храму Божьему; а между тѣмъ, при всѣхъ удобствахъ нашей новой жизни храма-то Божьяго и недоставало ей здѣсь, вдали отъ Подола. Проходя мимо строющагося собора Св. Владимира, гуляя въ Ботаническомъ саду и оттуда глядя на соборъ, матушка тоскливо говорила: «за все я сердцемъ благодарю Бога, здѣсь такъ хорошо, только церкви нѣтъ! Ахъ, если бы можно было быть тому: тутъ, при соборѣ, построить домикъ, въ три окошка не болѣе, тутъ провести послѣдніе дни жизни, посѣщая храмъ Божій! Бóльшаго счастія не желала бы я для себя».

Я чувствовалъ, какую еще новую, великую жертву для моего счастія принесла ея любящая душа, оторвавшись ради меня отъ Подола, гдѣ ей были и церковь и монастырь.

Начались у матушки сильные приливы крови еще осенью 1863 г. Разъ она встала съ постели съ глазами, налитыми кровью. Голова горѣла, какъ въ огнѣ. Нужно было просто обливать голову холодною водою. Ординаторъ клиники, г. Миллётъ, приглашенный къ матушкѣ, прописалъ ей какой-то уксусъ для примочки, и это ей помогло. Немного спустя такой приливъ повторился въ сильнѣйшей степени; другой ординаторъ клиники, г. Крыжановскій, тоже помогъ ей. Но весною 1864 г. матушка уже серьезно занемогла повидимому отъ легкой простуды. 4-го Апрѣля (тогда это былъ, кажется, 3-ій или 2-й день Св.

Пасхи), утромъ, пришедши изъ церкви, мы пили чай, а въ сосѣдней комнатѣ была отворена форточка. Этого не замѣтили; матушка сидѣла спиною и вскорѣ почувствовала въ лѣвомъ плечѣ колики; боль все усиливалась, стали обтирать плечо холодною водою (тогда уже было въ употребленіи лѣченіе холодною водою), но должно быть неумѣло, не послѣдовательно, вдругъ холодною водою. Боль перешла въ руку, обнаружились явные признаки ревматизма. Одновременно съ этимъ у ноги ниже живота появился какой-то наростъ злокачественный. Матушка приглашала акушерку осмотрѣть. Наростъ все растетъ; появился и другой на шеѣ. Ревматизмъ переходилъ уже и въ ногу, съ удивительною быстротою, ослабляя и разстраивая матушку. Къ Вознесенію матушка уже съ страшною болью могла лечь на постель, вставала тоже съ крикомъ и стономъ. А ко дню Пятидесятницы уже не могла совсѣмъ ложиться на свою высокую постель, а перешла на постель сестры болѣе низкую и то только съ постороннею помощью, со стономъ и крикомъ. Сталъ ѣздить докторъ. Былъ нѣсколько разъ и Мерингъ. Онъ не могъ ничего помочь, давалъ только капли для успокоенія нервовъ, Валеріановы капли и, осмотрѣвъ наросты, пришелъ къ заключенію, что это какая-то злокачественная болѣзнь, не имѣющая ничего общаго съ ревматизмомъ. Форточка, отворенная въ сосѣдней комнатѣ, слишкомъ ничтожная причина для такихъ ужасныхъ послѣдствій. Видя неуспѣхъ врачебной помощи, мы съ сестрою потеряли совсѣмъ голову, а тутъ стали совѣтовать тотъ то, тотъ другое средство. Одинъ совѣтуетъ муравьинымъ спиртомъ смазывать у печки, мы смазываемъ; другой горчичнымъ; не помогаетъ муравьиный, начинаемъ смазывать горчичнымъ; тремъ настоемъ изъ мухоморовъ. Прошу нашего гимназическаго врача, старика Зевеке, прописать и эту настойку; прописываетъ. Въ лучшей аптекѣ Неметти вовсе нѣтъ такой настойки; обѣщаютъ черезъ недѣлю приготовить, нарочно посылаемъ въ лѣсъ искать мухоморовъ. Четвертый говоритъ: меня смочилъ страшный дождь-ливень, ревматизмъ уложилъ меня неподвижнымъ пластомъ въ постель, нашлась одна простая баба, вылѣчила меня ваннами изъ березовыхъ листьевъ и еще какими-то примѣсями. Ѣду къ бабѣ, какъ къ единственной надеждѣ для все болѣе и болѣе изнемогающей матушки, везу съ собою... Боже мой! Страшно, больно, совѣстно вспомнить про все это, а тогда отчаяніе вытѣсняло всякое разсужденіе. Баба, прежде всего, требуетъ денегъ; видно, избалована, зазналась, самоувѣренна, съ полнымъ обладаніемъ своимъ достоинствомъ цѣлительницы и спасительницы, приступаетъ къ лѣченію, назначаетъ ванну горячую съ разными примѣсями, ставитъ матушкѣ піявки, и тотчасъ послѣ піявокъ въ ванну. Томится въ ваннѣ бѣдная страдалица, плачетъ... баба ея не выпу-

скаетъ; наконецъ, я вижу, что матушка вся разгорѣлась, лицо красное... Приказалъ вынуть изъ ванны, и прямо на мою постель уложили больную... Съ нею стало еще хуже послѣ такого лѣченія. Неприступная баба (нужно было унижаться, упрашивая ее ѣхать со мною: такъ величалась), теперь, когда я отсылалъ ее домой, съ выраженіемъ негодованія на ея лѣченіе, потребовала платы за лѣченіе, за два или три пріѣзда, и за снадобья, ею употребленныя для ванны, и рада была, что ей далъ я три или четыре рубля; а мнѣ говорили, что ее подвинуть съ мѣста иначе и нельзя было, какъ за каждый разъ платить по три-четыре рубля... Не удалось это отчаянное лѣченіе. Кто-то сказалъ про бывшее въ то время въ модѣ лѣченіе «брауншветизмъ», кажется, что-то въ родѣ этого: насѣчка, напитанная муравьинымъ масломъ; указали и одного сапожника-Нѣмца, который этимъ лѣченіемъ занимался: того-то вылѣчилъ, и еще того-то. Ищу сапожника, везу съ собою, насѣкаетъ онъ этою насѣчкой больную руку матушки... Рука еще сильнѣе разболѣлась... Страданія матушки стали невыносимы. Она уже не могла ходить сама, а ее подводили посидѣть у окна. Въ Августѣ мы пригласили еще одного доктора, Н. П. Водопьянова, извѣстнаго въ Кіевѣ примѣненіемъ къ лѣченію воды. И Мѣринга, и Водопьянова просилъ посѣтить матушку, и бывалъ у нея генералъ Волкенштейнъ, у котораго въ это самое время я давалъ уроки, приготовляя его двухъ сыновей по Русскому языку къ поступленію въ Гимназію. Онъ съ участіемъ отнесся къ моему горю, и его-то просьбамъ я обязанъ, что бывалъ нѣсколько разъ у матушки Мерингъ, а потомъ и Водопьяновъ. Водопьяновъ нашелъ положеніе матушки очень серьезнымъ, предложилъ употребить лѣченіе водою, какъ единственное, на чтò можно еще разсчитывать; но тутъ же объявилъ, что, принимая во вниманіе возрастъ матушки, за 50 л., и страшно развившуюся болѣзнь, онъ не можетъ обнадежить въ благопріятномъ исходѣ лѣченія... Чтò мы должны дѣлать? Болѣзнь болѣе и болѣе усиливалась, ни малѣйшаго облегченія. Мы рѣшились; матушка покорно подчинилась. Водопьяновъ приказалъ принести холодной воды, температуру которой измѣрялъ термометромъ, не помню ужъ теперь сколько градусовъ, посадилъ матушку на стулъ и сталъ сверху лить воду на голову, откуда вода стекала по тѣлу... Такъ было повторено раза два. Это было уже въ первой половинѣ Августа. Наконецъ, наканунѣ Успенія Божіей Матери, Водопьяновъ, посѣтивъ матушку, нашелъ положеніе ея уже совсѣмъ безнадежнымъ, и прямо сказалъ, что нужно приготовить ее къ христіанской кончинѣ. Послѣ употребленія водолѣченія матушка совершенно лишилась владѣнія ногами и вообще движенія тѣломъ: шея искривилась, голова подалась впередъ, стали мучить ее конвульсіи въ ногахъ. Водопьяновъ

тогда же объяснилъ, что болѣзнь матушки окончилась пораженіемъ спинного мозга. Нервы страшно разстроились. Лѣченіе ограничилось только укрѣпляющими каплями и виномъ Малагою высшаго сорта, чтобы только поддерживать силы, быстро упадавшія. Матушка и сама сознавала свое отчаянное положеніе, съ изумительнымъ терпѣніемъ перенося страданія. При малѣйшемъ прикосновеніи къ ней, когда, напр., нужно было ее поднять, она издавала раздирающій душу крикъ. Въ теченіе Августа матушка уже дважды пріобщалась Св. Таинъ, и въ послѣдній разъ въ день Владимирской иконы Божьей Матери, 26-го Августа, когда матушка благословила меня съ сестрою. Это былъ и последній день ея жизни, когда Богъ посѣтилъ душу ея небесною радостью и миромъ. Съ этого времени уже жизнь ея постепенно угасала; она часто засыпала и спала непробуднымъ сномъ, котораго не могли нарушить ни стукъ мостовой, ни стукъ работниковъ, складывавшихъ въ то время въ нашей квартирѣ Голландскую печь и пробивавшихъ отверстіе въ стѣнѣ для дымового канала. Послѣдніе дни ея жизни, ея кончины и ея погребенія описаны мною тогда же на особомъ листѣ, почему здѣсь и не помѣщаю моихъ горькихъ воспоминаній. Въ моихъ бумагахъ есть связка: «Памяти моей матушки».

Въ ночь съ 14-го на 15-е Сентября 1864 года угасла жизнь нашей доброй матушки, и мы съ сестрою во второй разъ и вполнѣ осиротѣли. Богу поручила нашу жизнь умирающая матушка. Ея святая любовь къ Богу, преданность въ Его волю, чистая вѣра, кроткій, смиренный духъ, стали завѣтами въ нашей жизни, обращающими и наши души къ Единому Отцу Небесному съ мольбою о руководствѣ на пути жизни, гдѣ мы остались одни-одинешеньки, предоставленные сами себѣ: безъ совѣта, безъ любящей охраны, и, главное, безъ молитвеннаго предстательства о насъ къ Богу здѣсь, среди жизненныхъ испытаній. Но духъ матушки и ея благословеніе не оставили насъ, и ея чистая молитва и по ея смерти, вѣрили мы, будетъ охранять насъ въ жизни. Матушка желала быть похороненною въ Флоровскомъ монастырѣ, на горѣ, вблизи церкви: «пусть кости мои будутъ оглашаться святыми звуками молитвы»... Ея желаніе исполнено. 17-го Сентября 1864 г., въ Среду, мы опустили въ могилу дорогой прахъ и, помянувъ тамъ же, на горѣ, въ келіяхъ игуменьи, скромною закуской, къ вечеру возвратились въ свою квартиру, предавая себя и свою жизнь Христу Богу. Горько было привыкать жить новою жизнью, безъ любви, безъ ласки матери. Но, мы это чувствовали, смерть прекратила страшныя страданія матушки, и при безнадежности ея положенія, была успокоеніемъ для страдалицы. Это сознаніе ослабляло чув-

ство горести, и съ молитвою объ успокоеніи ея праведной души соединялась въ насъ и молитва благодаренія Богу, что Онъ удостоилъ насъ послужить страдалицѣ въ ея тяжкихъ страданіяхъ. Съ Мая по Сентябрь 3 я съ сестрою не имѣли покоя, каждую ночь проводя безъ сна, чередуясь сномъ и услугою больной. Въ это время и мое здоровье стало мнѣ измѣнять совершенно.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ кончины матушки пріѣхалъ въ Кіевъ новый попечитель, князь Ш.-Шихматовъ. О первомъ свиданіи съ нимъ я уже разсказалъ. Скоро я получилъ отъ него приглашеніе отправиться на Волынь, для предпринятаго имъ открытія училищъ. И тутъ-то началась для меня пора боренія. Ѣхать на два мѣсяца, оставивъ только-что осиротѣвшую сестру одну, съ прислугою. Долго мы съ сестрою думали-гадали, какъ быть; думалъ сидя дома, думалъ гуляя, и помню, разъ, гуляя по бульвару, мы рѣшили было отказаться отъ предложенія, не подвергая свою жизнь опасности: впервыя въ жизни въ зимнюю пору ѣздить по селамъ приходилось, при моемъ слабомъ здоровьѣ, еще такъ недавно выдержавшемъ сильнѣйшее кровотеченіе. Я рѣшился и пошелъ объявить объ этомъ И. Я. Ростовцеву, которому поручено было княземъ вести всѣ предварительныя работы по этому предпріятію. Но И. Я—чъ на отрѣзъ посовѣтовалъ мнѣ не отказываться, успокоилъ меня и насчетъ поѣздки, представивъ, что вездѣ я могу найти нужный покой и радушный пріемъ у священниковъ, и относительно сестры, что она остается не одна же, а въ средѣ семействъ сослуживцевъ моихъ по Гимназіи, которые позаботятся о ней, чтобы она не скучала; наконецъ, привелъ и то, какъ убѣжденіе, что трудъ мой не останется безъ награды и вообще безъ послѣдствій для дальнѣйшей моей службы. Съ благодарностью тогда я принялъ это сердечное участіе во мнѣ И. Я—ча, и мы съ сестрою не разъ, проходя тѣмъ мѣстомъ бульвара, гдѣ состоялось наше рѣшеніе объ отказѣ, называли его «мѣстомъ малодушія» и спрашивали себя: «что бы хорошаго вышло изъ того, если бы я отказался?» И послѣ съ глубокою благодарностью вспоминалъ я о любезномъ участіи во мнѣ И. Я., которому я рѣшительно обязанъ, что сталъ на путь, уже прежде мною, еще съ 1861 года, избранный, на путь служенія народному образованію, и съ того времени и иду имъ, благодареніе Богу, и донынѣ. Я рѣшилъ ѣхать; сестра охотно согласилась. Предъ отъѣздомъ я и она снялись въ фотографіи въ траурной одеждѣ, прося снять въ уменьшенномъ видѣ и карточку съ портрета матушки, въ форматѣ четверти большого листа, снятаго еще въ 1857 году, можно сказать, при первой возможности удѣлить изъ моего скромнаго жалованья нѣсколько

рублей на удовлетвореніе этого пламеннаго желанія—видѣть предъ собою портретъ матушки, по крайней мѣрѣ, если уже лишены счастія имѣть портретъ покойнаго отца. Къ концу 6-ти недѣль по кончинѣ матушки я уже готовъ былъ въ путь и, выслушавъ заупокойную обѣдню въ Флоровскомъ монастырѣ, такъ-называемую «беззвоницу», я 22-го Октября, въ день Казанской Божьей Матери, уѣхалъ въ Житомиръ, въ сопутствіи одного унтеръ-офицера, взятаго мною для услуженія, Матѳея, въ колясочкѣ изъ Лавры, о чемъ я выше говорилъ, одѣтый въ нарочно пошитый теплый ваточный казакинъ, въ высокой барашковой шапкѣ, впервыя преобразившись въ народнаго человѣка, впервыя и на пути въ народъ. 5-го Декабря только я возвратился въ Кіевъ, найдя, благодареніе Богу, сестру мою здоровою и благодушною...

Въ 1865 году намъ пришлось разстаться съ своею удобною квартирой въ зданіи Гимназіи. Князь Ш.-Шихматовъ пожелалъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, помѣститься въ зданіи Гимназіи, и намъ предложено было искать квартиры. Страшно были поражены мы съ сестрой этою вѣстью: таскаться по квартирамъ мы не привыкли, всюду жили подолгу. А тутъ точно въ чужомъ городѣ. Да и вдали отъ церкви, да и отъ Гимназіи, быть-можетъ, тоже далеко, и между чужими людьми. Съ своею скорбію я обратился къ князю, прося вникнуть въ наше положеніе и предложить директору Гимназіи дать намъ помѣщеніе во флигелѣ Гимназіи, гдѣ, тогда открылась свободная квартира. Мое ходатайство было уважено, и я получилъ возможность устроиться, хотя уже съ меньшими удобствами, въ новой квартирѣ, во флигелѣ Гимназіи, за ту же цѣну 200 р. въ годъ съ казенными дровами и водою. А В. И. Лучицкій долженъ былъ уйти изъ Гимназіи, М. А. Тулову отвели квартиру въ 3-мъ этажѣ, въ сосѣдствѣ съ канцеляріей попечителя. Какъ мы были счастливы! Какъ благословляли Бога за эту великую къ намъ милость Его! Флигель въ разстояніи саженъ 10 отъ зданія, близко и въ церковь, и мы въ своей учительской средѣ, среди людей, живущихъ общими интересами. Здѣсь мы и прожили цѣлыхъ девять лѣтъ, съ Іюля 10-го 1865 г. до 3-го Сентября 1874 г., когда уѣхали въ Екатеринославъ.

Переходя съ Подола въ Гимназію, я думалъ, что съ этимъ переходомъ соединится и перемѣна въ моей жизни, что Богъ благословитъ меня счастіемъ супружеской жизни. Думали такъ и въ семействѣ Д. П., которое въ тоже время съ Липокъ перешло на Елисаветскую улицу, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Гимназіи; думала такъ, по крайней мѣрѣ, Ал. Ив—на Д—ва, мать моей ученицы, въ искреннемъ расположеніи ко мнѣ которыхъ я имѣлъ основаніе не сомнѣваться еще

въ пору моихъ занятій съ ученицею. Но когда такъ стали близки одно къ другому наши семьи по мѣсту жительства, стала окончательно проясняться и громадная рознь во внутреннѣйшемъ пониманіи жизни, какая отличаетъ аристократку отъ того, кто «одинъ изъ тѣхъ, которыхъ много такъ на улицѣ», по глубоко врѣзавшемуся въ мою душу выраженію о себѣ Инсарскаго въ «Наканунѣ» Тургенева. Была пора въ моихъ отношеніяхъ къ этому достойнѣйшему семейству, которому я безконечно обязанъ многимъ, многимъ, если не всѣмъ, въ моей жизни, въ смыслѣ направленія жизненнаго пути; была пора, когда счастіе мое казалось такъ близкимъ, такъ вѣрнымъ, когда «одинъ изъ тѣхъ, которыхъ много такъ на улицѣ», повидимому, втѣснялся съ своимъ міросозерцаніемъ въ сферу духовной жизни этого семейства, рѣдкаго, лучшаго въ мірѣ аристократіи, и рознь міровоззрѣній уступала мѣсто искреннему, взаимному чувству любви, чистой, прекрасной, свѣтлой... Но тутъ въ нѣдрахъ семейства Д—хъ обнаружилось вліяніе, поборовшее и совсѣмъ устранившее вліяніе «одного изъ тѣхъ, которыхъ много такъ на улицѣ». Началась борьба міровоззрѣнія съ чувствомъ, болѣе и болѣе суживавшая чувство, однако не вытѣснявшая его окончательно. Но съ переходомъ семейства Д—хъ въ близкое сосѣдство съ Гимназіей произошла окончательная побѣда аристократическаго міровоззрѣнія надъ чувствомъ, и это такъ сдѣлалось негаданно для меня, такъ рѣшительно на перекоръ всему тому, что̀ я видѣлъ въ этомъ семействѣ въ первую счастливую пору, о которой только-что упомянулъ, что я не могъ не видѣть во всемъ этомъ перетвореніи невидимо направляющей мою жизнь руки Божьей. Но сознать это не такъ-то было легко для бѣднаго и слабаго тѣлеснаго человѣка, особенно въ духѣ глубокаго чувства горькой обиды, которое пришлось при этомъ разрѣшеніи моей жизненной задачи испить до дна. Но все это только намеки на то страшное состояніе души, которое я переживалъ, покоряясь невидимо сказывавшейся въ эту великую, многознаменательную пору моей жизни волѣ Божьей... Огорченный въ лучшихъ чувствованіяхъ любящаго сердца, я буквально обливалъ мою подушку слезами, взирая на висѣвшій противъ моей койки ликъ Божественнаго Страдальца прося у Него помощи, свѣта и отрады.

Я сталъ уже замѣчать значительное охлажденіе ко мнѣ въ семействѣ Д—хъ, кромѣ всегда любезной и ко мнѣ сердечно расположенной А. И—ны. Міръ бралъ рѣшительный верхъ надъ простотою сердечнаго чувства. Страшно мнѣ больно было видѣть, какъ всѣ мои труды цѣлыхъ трехъ лѣтъ надъ духовнымъ развитіемъ моей ученицы, изъ которой я силился сдѣлать добрую, простую, любящую христіанку, раз-

летались въ прахъ, и совсѣмъ иное направленіе стало преобладать въ жизни моей ученицы. Вмѣстѣ съ этимъ, конечно, рушились и мои простосердечныя мечты въ возможность для меня семейнаго счастія, которое для меня было немыслимо внѣ жизни въ духѣ Церкви и религіознаго начала, освящающаго и возвышающаго естественную любовь. Изъ такого совершенно непредвидѣннаго мною разрѣшенія моей горячей привязанности къ моей ученицѣ, выразившагося въ то время въ довольно рѣзкихъ формахъ отчужденія, я видѣлъ, что Богу неугодно, чтобы я шелъ тѣмъ путемъ, къ какому влекло меня мое естественное чувство, хотя согрѣтое высшею любовью; и томился, и страдалъ, и горѣлъ я въ горнилѣ тяжкаго для тѣлеснаго человѣка испытанія, и сталъ чувствовать потребность въ подмогу молитвѣ покоряющагося и предающагося Богу духа и земного утѣшенія. Задумалъ я, въ первый разъ въ жизни, учиться музыкѣ, чтобы въ ней находить усладу и отраду въ скорби душевной... Но тутъ поднялся вопросъ, на какомъ инструментѣ? Сначала я прямо остановился на скрипкѣ, и уже хотѣлъ было приступать къ дѣлу; но мои знакомые, вѣрные сослуживцы, съ которыми объ этомъ говорилъ, рѣшительно отсовѣтовали мнѣ игру на скрипкѣ, какъ неимовѣрно трудную для человѣка въ возрастѣ уже 30 лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, покойникъ Петръ Корнаковскій (вѣчная память ему и вѣчная моя благодарность за этотъ добрый совѣтъ), посовѣтывалъ мнѣ учиться играть на фисгармоникѣ, о которой я даже и понятія не имѣлъ никакого, объяснилъ мнѣ, что игра на ней не требуетъ особеннаго развитія рукъ въ той степени, какъ, напримѣръ, игра на фортепьяно; для моей же цѣли, именно церковной музыки, этотъ инструментъ всего болѣе подходитъ плавностью и тягучестью своихъ звуковъ. Съ глубокою благодарностью я принялъ его совѣтъ. Это было еще въ Октябрѣ, думаю, на переѣздѣ нашемъ въ дилижансѣ въ корпусъ; но я медлилъ выполненіемъ, все откладывая приступать къ новому трудному дѣлу. И только 16 Ноября 1862 г. (о незабвенный для меня на всю мою жизнь день!) я окончательно рѣшилъ брать уроки музыки.

Добрѣйшій князь Иларіонъ Иларіоновичъ Васильчиковъ скончался 12-го Ноября, 16-го Ноября было назначено его погребеніе въ Лаврѣ на ближнихъ пещерахъ. Какъ близкій его семьѣ человѣкъ, я счелъ обязанностью отдать послѣдній долгъ усопшему и, попрося позволенія у директора, не быть въ этотъ день на урокахъ, былъ на погребеніи. Величественный чинъ отпѣванія въ великой церкви Лавры, умилительнѣйшее пѣніе, все это христіанское торжество духа, просвѣтляющаго для человѣка темную область смерти и тлѣнія, охватили всю мою душу, тогда и безъ того собственною своею жизненною скорбію настроенную къ молитвѣ и высокимъ порывамъ.

Кончилось отпѣваніе. Гробъ вынесли изъ церкви. На дворѣ стоялъ морозъ; но было тихо такъ, день былъ слегка пасмурный, кругомъ все покрыто было глубокимъ снѣгомъ, было около 2-хъ часовъ дня. И въ этой торжественной тишинѣ уже преполовившагеся зимняго дня раздавалось чудно-умилительное пѣніе митрополичьяго хора: «Святый Боже!» Среди торжественнаго шествія подвигали гробъ, осѣненный знаменами войскъ, приближаясь къ святымъ вратамъ Лавры. И лишь только открылись для шествія врата, вдругъ, въ этой чудной тишинѣ, понеслись въ воздухъ мягкіе, нѣжные звуки гимна «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» соединенныхъ военныхъ оркестровъ, встрѣтившихъ гробъ у арсенала. Казалось, вся Лавра со всѣхъ сторонъ окружена этими умилительно-торжественными звуками молитвы, такъ отчетливо слышанными какъ бы отовсюду въ такой дивной чарующей гармоніи, въ тишинѣ зимняго Ноябрьскаго облачнаго дня. Звуки молитвъ смѣнились затѣмъ печальными звуками похороннаго марша, сопровождавшими шествіе до ближнихъ пещеръ, и звуки эти даже и въ отдаленіи такъ и носились въ воздухѣ, только ихъ и было слышно, когда замолкалъ колокольный звонъ. А самый этотъ лаврскій звонъ, тоже своего рода прелестная гармонія, вторилъ общему торжеству церкви и войска, провожавшихъ на вѣчный покой достойнѣйшаго человѣка. Я весь объятъ былъ этимъ моремъ звуковъ пѣнія, оркестровъ, колоколовъ; я въ эти великія минуты жилъ неземнымъ восторгомъ души, рвавшейся горѣ, чувствовавшей притокъ благодатной силы, подъемлющей духъ. Весь полный этихъ чудныхъ звуковъ, подъ обаяніемъ этой впервыя мною въ жизни при такой торжественной обстановкѣ слышанной музыки, я возвратился домой; но я не могу словами передать, что за чувства тихой, умиляющей, миротворной тоски и сладостной преданности Богу, Себя открывающему душѣ моей въ этомъ прикосновеніи къ ней Своею любовью и благодатнымъ озареніемъ высшихъ думъ и стремленій, наполняло сердце мое въ тотъ вечеръ: слезы, слезы такъ и текли обильно прямо изъ сердца; повидимому, безъ причины, безъ повода, хотѣлось плакать и молиться. Это и для меня были «минуты жизни трудныя, и вѣрилось и плакалось и такъ легко, легко» было подъ эти слезы на душѣ! Въ этихъ слезахъ безотчетной тоски, но соединенной съ сладостнѣйшимъ чувствомъ умиленія, въ сознаніи, что творится со мною нѣчто Божье, а не мое, родилось для меня мое музыкальное образованіе: этотъ истинно даръ Божій мнѣ недостойному и величайшее изъ Божьихъ благодѣяній мнѣ въ теченіе всей моей жизни, мнѣ лично, но и не мнѣ одному. Богъ такъ попечительно приготовлялъ меня чрезъ скорби служить и другимъ моимъ знаніемъ музыки. И когда я сталъ директоромъ Учительской Семинаріи, тутъ-то мнѣ пригодилось мое умѣнье

играть на фисгармоніи вполнѣ, съ великою пользою для христіанскаго церковнаго воспитанія этихъ дѣтей народа подъ звуки церковныхъ пѣснопѣній, разучиваемыхъ семинарскимъ хоромъ при фисгармоникѣ, на которой я играю. Сколько добра для этихъ юныхъ душъ истекло изъ этого способа веденія спѣвокъ подъ звуки фисгармоники! На другой же день я сталъ брать уроки музыки. Сначала я учился только на фортепьяно, пользуясь, съ разрѣшенія директора, казеннымъ, стоявшимъ безъ употребленія въ складѣ пансіона, куда я и ходилъ разучивать уроки, проводя тамъ по цѣлымъ часамъ и потому, что еще не успѣлъ купить фисгармоники и потому, что только на фортепіано и можно было разучивать гаммы, для чего фисгармоника не годится вслѣдствіе непрерывной текучести своихъ звуковъ.

Мой учитель хорошо зналъ музыку не только практически, но и теоретически, и я задумалъ тоже вести съ нимъ свои занятія не только практической игры, но и знанія теоріи музыки, по его объясненіямъ составлялъ записки, которыя и доселѣ хранятся у меня, писалъ упражненія. Болѣе семи мѣсяцевъ я занимался съ Новакомъ; затѣмъ уже, видя что теорію музыки мнѣ не добыть никоимъ образомъ, я прекратилъ уроки съ учителемъ музыки, и самъ сталъ понемногу разучивать, что̀ приходилось по силамъ.

Трудно мнѣ было собрать нужную сумму для покупки фисгармоники: денегъ у насъ не было лишнихъ, ибо приходилось жить только скромнымъ жалованьемъ, въ размѣрѣ до 450 р. за 1863 годъ, а частныхъ уроковъ почти что не было вовсе, за исключеніемъ случайныхъ, недолговременныхъ. И я только въ Маѣ 1863 года могъ купить небольшую фисгармонику Вѣнской работы, за которую заплатилъ Верле до 180 р. Какъ я былъ радъ, что вся сумма эта образовалась у меня къ этому времени изъ вознагражденія, выданнаго мнѣ редакціею «Руководства для сельскихъ пастырей» (органа Кіевской Духовной Семинаріи) за мои впервыя тамъ помѣщенныя статьи. Разъ, не скоро послѣ того, какъ я началъ учиться музыкѣ, посѣтила мою матушку Александра Ивановна Д-ва; зашла рѣчь и о моихъ занятіяхъ музыкою. Александра Ивановна замѣтила: «Хорошо-то хорошо; да уже, знать, не жениться вамъ. Трудно будетъ вамъ!» Она точно сердцемъ угадывала, откуда взялась у меня охота учиться музыкѣ, что̀ породило во мнѣ это горячее желаніе. И дѣйствительно музыка занимала все мое свободное время, и я все рѣже и рѣже бывалъ у Д-выхъ, частенько посѣщая сосѣда ихъ на квартирѣ, моего учителя музыки, Новака, но проходя мимо квартиры Александры Ивановны, пока, наконецъ, съ наступленіемъ Великаго поста 1863 г. и совсѣмъ не прекратились мои посѣщенія ея семейства, вслѣд-

ствіе рѣзкаго поступка моей бывшей ученицы, которая не задумалась на мою письменную просьбу прислать мнѣ одно изъ моихъ многихъ писемъ къ ней (гдѣ я подробно описывалъ ей жизнь моей знакомой Елисаветы Алексѣевны Кублицкой) возвратила мнѣ всѣ мои письма при письмѣ, которое своимъ тономъ глубоко огорчило меня. Матушка и сестра, получивъ это письмо наканунѣ дня причащенія Св. Таинъ, на 1-ой недѣлѣ Великаго поста, когда всѣ мы говѣли въ Софійскомъ соборѣ на поздней обѣднѣ, удержали его у себя и вручили мнѣ только въ Субботу по возвращеніи изъ церкви послѣ причастія Св. Таинъ, объяснивъ: «Мы догадывались, что письмо ничего тебѣ отраднаго не принесетъ; потому и рѣшили, чтобы не огорчать тебя и не разстраивать твой духъ, отдать тебѣ письмо только послѣ Св. Причастія; утѣшенный и просвѣтленный небесною радостію, думали мы, ты легче перенесешь земное огорченіе». О любовь святая! Такъ бы и было, а не было только по дѣйствію этой материнской любви. А сердце мое точно чуяло, чтó меня ожидаетъ. Когда я приступалъ къ Св. чашѣ, помню и теперь такія между прочимъ мысли проходили въ душѣ моей въ эти святыя минуты: «Тяжела доля ваша, стражи мира и порядка въ обществѣ, и въ то время, какъ другіе наслаждаются въ мирѣ и безопасности благами жизни, вы обречены на лишенія, не знаете, чтò такое покойная жизнь, какъ часто и счастіе семейной жизни вамъ недоступно. Миръ, счастіе, благо общее всегда требуютъ жертвы частныхъ жизней, и ими только совершается общее благо. Господи, Ты и меня зовешь приносить Тебѣ жертву моей личной жизни Твоему святому дѣлу служить просвѣщенію дѣтей Твоихъ Твоего народа. Дай же Самъ и силу совершить Тебѣ эту жертву; дай мудрость, бодрость, терпѣніе. Своею благодатію Самъ соверши, чтò внушилъ въ душу мою, съ дней дѣтства, призвавъ меня къ Себѣ». И пламенна была молитва моя къ сладчайшему Подвигоположнику. Прихожу, и подаютъ мнѣ письмо и при немъ пачку писемъ, писанныхъ къ ученицѣ въ теченіе 1858—1862 годовъ, писемъ, которыя истекли изъ чистѣйшихъ побужденій высоко настроенной души, желавшей моей любимой ученицѣ, чтобы и ей были доступны въ полнотѣ сердца тѣ сладкія утѣшенія жизни, чтобы и ей сіялъ въ жизни тотъ свѣтъ невечерній, незаходимый, какими жила и какимъ осіявалась и моя душа въ общеніи, еще отъ дѣтства и донынѣ, съ Св. церковью. Моя чистая, свѣтлая, въ простотѣ сердца хранимая любовь была потоптана, не скажу отвергнута, а забыта и презрѣна... Конечно, «только христіанинъ способенъ на истинный подвигъ жизни» повторялъ я себѣ эти слова, которыя въ былую, лучшую пору говорила и моя ученица, когда еще не подошла она подъ то вліяніе, которое, въ нѣдрахъ ея собственной семьи, измѣнило ее совершенно. Объ

этомъ здѣсь только намеки. Горько было перенесть это жизненное испытаніе; но Богъ далъ мнѣ силы перенесть, а любовь и участіе матушки и сестры облегчили тяжкое горе оскорбленнаго сердца, и я еще съ большею охотою и рвеніемъ предался своимъ занятіямъ музыкою. Купивъ фисгармонику, я сталъ уже играть и пѣснопѣнія церковныя въ переложеніяхъ Турчанинова, подаренныя мнѣ въ это время моею незабвенною Елисаветою Алексѣевною, съ которою я продожалъ быть въ перепискѣ по попрежнему, и народныя пѣсни въ композиціи Едличка; выписалъ себѣ и всѣ концерты Бортнянскаго и другія его духовно-музыкальныя сочиненія, тоже и всѣ духовно-музыкальныя сочиненія Львова; самъ сталъ перелагать для фортепьяно бывшія у меня въ пѣвческой партитурѣ ноты и терпѣливо, усидчиво занимался музыкою. Я былъ утѣшенъ несказанно, когда могъ уже разыгрывать и концерты Бортнянскаго. Музыкою моею услаждалась и матушка моя, любившая церковныя пѣснопѣнія, но теперь лишенная счастія слышать хорошее церковное пѣніе за отдаленностью квартиры отъ Академіи и Семинаріи. Уже заболѣвъ, она со слезами на глазахъ слушала: «Да молчитъ всякая плоть человѣча», Турчанинова, и сколько тихаго счастія выражало ея лицо въ эти минуты! Но это было и послѣднее, что̀ я игралъ при ней на фисгармоникѣ: до самой ея кончины я не прикасался къ инструменту, такъ какъ моя матушка вовсе не могла переносить музыку, до того ея нервы были разстроены; ее безпокоилъ даже слабый стукъ клавишами, когда я, не приводя въ дѣйствіе педалей, прикасался только къ клавіатурѣ, безъ звуковъ, только ради упражненія пальцевъ, разыгривая гимны, или когда такимъ же способомъ разучивалъ что либо новое, чтобы не безпокоить своею однообразною игрою, пока разучиваю, своихъ сосѣдей, которые до того тяготились моею игрою, что вздумали заложить кирпичомъ двери, соединявшія наши квартиры. Дѣйствительно, игра на фортепьяно не столь тяжела для постороннихъ, для сосѣдей, по легкости и прерывчитости, по преимущественной мелодичности звуковъ, какъ игра на фисгармоникѣ съ ея полною гармоніею, тягучестью и непрерывностью звуковъ, отчего фисгармоника и не годится для разучиванія пьесъ еще несвободными въ игрѣ пальцами.

О, какое утѣшеніе находилъ я въ фисгармоникѣ, когда, возвратившись съ похоронъ матушки, вечеромъ уже я проигралъ концертъ Бортнянскаго: «Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя?», тотъ самый концертъ, звуки котораго укрѣпляли мою надежду къ Богу, въ ожиданіи, чѣмъ разрѣшится моя просьба объ опредѣленіи меня на службу, когда я слушалъ его исполненіе въ семинар-

ской церкви. Какъ сладки были мнѣ звуки фисгармоники послѣ пятимѣсячнаго лишенія этой отрады!.. Съ того времени фисгармоника стала моимъ не только лучшимъ, но единственнымъ въ жизни другомъ, утѣшителемъ, собесѣдникомъ, внушителемъ лучшихъ настроеній души. У стѣны, гдѣ стояла фисгармоника, надъ нею висѣли и картины, которыя возводили мое чувство къ Источнику моего блага жизненнаго, Кому я обязанъ этимъ счастіемъ всей моей жизни: ликъ Спасителя, шествующаго по водамъ: Онъ же у колодца Іаковлева съ женою Самарянкою. Онъ и мнѣ Источникъ живой воды, текущей въ животъ вѣчный, откуда и я пью обильно чистѣйшія утѣшенія вѣры и ободреніе въ жизненныхъ испытаніяхъ. Къ Нему обращены взоры и души вотъ этихъ живущихъ Имъ людей. Его ищетъ вотъ эта мать, молящаяся у придорожнаго креста, о Немъ думаютъ вотъ эти дѣти, творящія первую свою въ жизни милостыню во имя Его. Тутъ же и портреты людей, жившихъ духомъ и къ тому же идеалу добра и красоты возносившихся въ своей жизни: Бортнянскій, Львовъ, Глинка, митрополитъ Филаретъ Московскій, Карамзинъ.

Когда мы перешли въ новую квартиру, фисгармоника заняла видное мѣсто въ нашемъ уютномъ, прелестномъ уголкѣ. Здѣсь я не боялся уже такъ безпокоить сосѣдей своею игрой: двери въ сосѣднія квартиры были наглухо заложены, и звуки проходили только въ видѣ неопредѣленнаго гула. Я уже сталъ играть Гайдна «Семь словъ Спасителя на крестѣ», Баха—«Страсти Христовы по Евангелію отъ Матѳея и Іоанна», Моцарта Requiem, Россини Stabat Mater, ораторіи Генделя, и другія произведенія церковной музыки Запада. За это время составился у меня богатый запасъ нотъ, достаточно и изъ написанныхъ собственно для фисгармоники; нѣкоторыя изъ нихъ были присланы въ даръ мнѣ и отъ А. И. Д—вой, которая вмѣстѣ съ семействомъ своимъ въ 1863 году переѣхала на жительство въ Петербургъ, откуда и переписывалась со мною, питая ко мнѣ свое прежнее, незабвенное для меня расположеніе, чѣмъ и поддерживались непрерывно мои добрыя отношенія къ семейству, гдѣ я жилъ въ первые годы моей службы самою свѣтлою, исполненною духа и силы жизнію любящаго сердца...

Однако, жизненныя скорби и испытанія не прошли безслѣдно для моего слабаго тѣла. Къ лѣту 1866 г. я почувствовалъ первые приступы разстройства нервовъ, дотолѣ мнѣ вовсе неизвѣстнаго болѣзненнаго состоянія. Быть-можетъ, я былъ отчасти ослабленъ и умственною работой, которою я около этого времени былъ занятъ посвящая ей ночное время, когда я такъ любилъ писать, думать, сочинять.

Около того времени въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилась въ фельетонѣ статья, за подписью «Учитель», о переводѣ на Малороссійскій языкъ учебниковъ для народныхъ училищъ Юго-Западнаго края, о введеніи мѣстнаго нарѣчія вообще въ преподаваніе по сельскимъ училищамъ. Хлопоманство, украинофильство не бросало своихъ затѣй и добивалось вторгнуться и въ школу, какъ удалось ему засѣсть въ мозгу своихъ тупологовыхъ сторонниковъ. Обнаружилось, что статью эту писалъ учитель 2-й Кіевской Гимназіи Др.... Я возмущенъ былъ наглымъ посягательствомъ на народную школу этихъ наѣздниковъ-степняковъ-Печенѣговъ, и рѣшился вступиться за школу: собралъ сборники народныхъ Малороссійскихъ пѣсень и другія еще кое-какія замѣтки, и съ горячностью и энергіей обличителя вредныхъ затѣй и идей усѣлся писать статью; ночи преимущественно шли на эту любимую мою работу, работалъ и днемъ. Но я люблю работать, что̀ говорится, запоемъ, перерывовъ не могу допускать. Трудно мнѣ взяться за дѣло, для меня, ужъ это истинно вѣрно въ пословицѣ сказано, «лиха бѣда начало», а тамъ не оторвусь отъ дѣла. Такъ и эту статью я написалъ, все свое время ей отдавъ въ теченіе весеннихъ мѣсяцевъ 1866 года; тамъ нужно было переписать на-чисто. Все готово: «Кіевлянинъ» потребовалъ, по своему обыкновенію, значительныхъ сокращеній; я отдалъ статью въ «Кіевскій Телеграфъ». Юнгъ охотно взялъ ее, и она пошла въ Іюлѣ уже въ печать. Между тѣмъ наступило ужасное время: 11-го Іюня открылась въ Кіевѣ страшная холера, первая послѣ 1852 года. Борясь со страхомъ, я все же долженъ былъ самъ почти ежедневно по утрамъ ходить въ типографію Телеграфа, подлѣ Михайловскаго монастыря, прочитывать страшно ошибочную корректуру, боясь искаженій: ими такъ славился Юнгъ въ своемъ изданіи. Статья моя была озаглавлена: «Южно-Русская школа, Южно-Русская поэзія, Южно-Русскій языкъ»; напечатана въ №№ 67—74 Кіевскаго Телеграфа за 1866. Князь Ш.-Шихматовъ сердечно благодарилъ меня за статью; за то косился на меня его помощникъ, М. А. Туловъ, по убѣжденіямъ близкій къ хлопоманству, хотя, вѣроятно, только въ отношеніи къ языку, и едва ли серьезно имѣвшій что-либо общее съ безумными затѣями раздѣленности и обособленности, о чемъ такъ и наяву грезила и теперь еще грезитъ хлопоманская безтолочь. Я предложилъ князю, не признаетъ ли онъ полезнымъ разослать мою статью по всѣмъ училищамъ Округа. Онъ одобрилъ мою мысль. Тогда я попросилъ Юнга отпечатать нужное число оттисковъ статьи, и опять начались у меня кропотливая работа надъ корректурою и путешествія въ типографію въ самый разгаръ холеры. Статья

была разослана мною по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ края: въ университетъ—три экз., въ гимназіи—по два, въ училища, дворянскія и уѣздныя, по одному экз. (цѣна 25 коп.) Одинъ изъ смотрителей, именно Овручскаго дворянскаго училища, И. А. Абрамовичъ, на препроводительной бумагѣ приписалъ на сторонѣ: «Великое спасибо за правду».

Тогда же начались мои нервные припадки. Засыпаю, еще слабо лишь дремлю, вдругъ подергиваетъ руку или ногу, или подергиваніе пробѣжитъ чрезъ все тѣло. Этого никогда не было со мною дотолѣ, и я обезпокоенно разсказываю женѣ М. А. Тулова, бывавшей отъ времени до времени у сестры, и только она меня посвятила въ тайну моего новаго болѣзненнаго состоянія, какъ и сама нервная женщина. «Это нервы у васъ начинаютъ разстраиваться». Это было первое слово «о нервахъ», какое на 33-мъ году возраста мнѣ пришлось услышать въ примѣненіи къ своему здоровью, да и вообще о нервахъ въ ту пору еще мало говорили. Ну и начали же мои нервы разстраиваться не на шутку. То одеревенѣетъ рука, то нога, то вдругъ вскипетъ обѣ руки, и обѣ онѣ очутятся сведенными одна съ другою внизу живота, то страшнымъ образомъ разболится голова и пр. Но особенно мучительно было для меня частое, иногда даже каждую недѣлю, повтореніе состоянія кошмаровъ, по своего рода. Засну, и такъ не болѣе какъ черезъ часъ, вдругъ голова отяжелѣетъ, какъ камень лежитъ на подушкѣ, ни туда, ни сюда не двину, и въ это время вдругъ чудится мнѣ, то разбойникъ отворяетъ двери и крадется, то подходитъ ко мнѣ злодѣй, то медвѣдь лапою своею давитъ меня, то наваливается на меня что-то мучительно-тяжелое и гнететъ меня, то точно поднимаетъ меня что-то и обвѣваетъ холодомъ, то въ головѣ точно молнія сверкнетъ съ одного конца въ другой. Я силюсь двинуться, ворочаюсь... не могу шевельнуться, и начинаю кричать, вѣрнѣе мычать, не будучи въ силахъ выйти изъ оковъ этого тяжелаго состоянія, и только окликъ моей Сашечки изъ ея комнаты «Николай! Николай!» приводитъ меня въ сознаніе, возвращаетъ мнѣ силу владѣть собою... Я просыпаюсь, весь смятенный, въ страхѣ, весь похолодѣлый. Кажется, сестра моя сквозь сонъ, даже не давая себѣ отчета, окликала меня:—такъ обычно было это мучительное явленіе въ нашей тихой жизни! И, о сколько разъ я, ложась спать, думалъ серьезно, что я уже не встану на утро, и покорно предавалъ свой духъ въ руцѣ Божьи! Мысль о смерти во время сна стала привычною спутницей моего сна. Съ нею я засыпалъ, готовясь къ ней молитвою и мысленнымъ «прости», что̀ и говорилъ въ глубинѣ души своей милой сестрѣ. Появлялись иногда въ это же время, во время сна, боли у сердца, точно его что-то сильно ущемитъ;

вдругъ что-то его точно стѣснитъ, придавитъ, и мнѣ такъ мучительно больно...

По совѣту врачей, я сталъ меньше заниматься, почти ежедневно подолгу гулять, дѣлая значительныя прогулки, и преимущественно проводилъ время свое въ Ботаническомъ саду, невдалекѣ отъ нашей квартиры, всегда, когда только можно было здѣсь гулять, съ Апрѣля по почти конецъ Октября. Сюда выходила и сестра, и мы вмѣстѣ, забравшись въ уединенное мѣсто, просиживали здѣсь по цѣлымъ часамъ: она что-нибудь работала, я—читалъ. Но чаще я одинъ гулялъ здѣсь, исходя весь садъ снизу до верху, и здѣсь спасался отъ шума и гула уличнаго, который былъ такъ тяжелъ для моихъ разстроенныхъ нервовъ. Тишина сада, точно это было мѣсто внѣ города, гдѣ-либо въ деревнѣ, прелестное мѣстоположеніе, холмистое, совершенно закрытое отъ вѣтра, недоступное и городской пыли, прохлада въ самый знойный день, доставляемая тѣнью роскошныхъ каштановъ и орѣховъ, вообще роскошная и разнообразная растительность, успокоительно-цѣлебно дѣйствовали на мои разстроившіяся тѣлесныя силы, ободряли и душу. Здѣсь я и проводилъ свои досуги во весь этотъ длинный періодъ жизни, съ 1862 по 1874 годъ. Только глубокая осень выгоняла меня отсюда, но не раньше, какъ когда и входъ въ садъ закрывался для постороннихъ. И съ какою безпредѣльною благодарностью къ Богу я оставлялъ каждый день и затѣмъ каждую осень до новой весны этотъ чудный міръ поэзіи и прелести! Господь посылалъ тяжелыя испытанія мнѣ въ жизни, отъ которыхъ и тѣло ослабѣвало; но Его же благость, и въ какомъ обиліи, исполняла мою жизнь и радостями чистыми, невыразимыми, которыя, можно сказать, окружали меня со всѣхъ сторонъ. Не только садъ Ботаническій питалъ душу мою, укрѣплялъ тѣло, вся мѣстность, гдѣ была моя квартира, вся такъ расположена, что удобства на каждомъ шагу обставляли мою жизнь, содѣйствуя и тѣлесной бодрости и душевной свѣтлости. Кромѣ сада, тутъ же у моей квартиры, обширнѣйшая университетская площадь (теперь, увы, вся почти застроенная домами), обсаженная со всѣхъ четырехъ сторонъ величаво-высящимися тополями, гдѣ такъ всегда бывало вольно и свободно дышать на этомъ просторѣ, особенно въ вечернюю пору, гдѣ тоже по цѣлымъ часамъ я гулялъ, обходя площадь со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ направленіяхъ; тутъ же прекрасный длиннѣйшій, версты на три, если не болѣе, бульваръ, отъ Бессарабской площади до Тріумфальныхъ воротъ. Все это такія прекрасныя, поэтическія мѣста для прогулки по цѣлымъ часамъ, прогулки не безъ мысли, не безъ богатаго матерьяла на каждомъ шагу къ восхищенію, къ серьезному раз-

мышленію и даже поученію... именно и поученію. По бульвару путь пролегаетъ мимо мѣстъ заключенія арестантовъ гражданскаго вѣдомства; и вотъ разъ въ вечернюю пору прохожу я здѣсь бульваромъ мимо и вдругъ слышу: за рѣшетками оконъ, во мракѣ казармы, раздаются тихіе, умилительные звуки церковныхъ пѣснопѣній. «Взбранной Воеводѣ побѣдительная!» поютъ арестанты, среди царствующей вокругъ тишины спустившихся сумерокъ лѣтняго вечера: трогательныя минуты! . И площадь, и бульваръ—все отъ моей квартиры рукой подать. Да и квартира моя, что за поэтическій уголокъ, какой видъ широкій раскрывался изъ нашихъ оконъ на Липки, на гору Института и Царскаго сада, на цитадель, съ верхушкою Лаврской колокольни!... Вообще, съ Флоровской гостиницы и донынѣ, по милости Божіей, всѣ мои квартиры, и въ Кіевѣ, и въ Екатеринославѣ, здѣсь даже, въ Острогѣ, все съ такими широкими видами: такъ вольно, нестѣсненно смотрѣть изъ оконъ на разстилающійся просторъ ниже во всѣ стороны, такъ, можно сказать, я избалованъ, изнѣженъ этою поэтическою обстановкой моего жилья, что въ глубинѣ души не могу не признать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи, не могу не признать въ этой свободѣ, въ этомъ просторѣ тоже особеннаго благодѣянія мнѣ Божьяго: все такъ удовлетворяетъ душу, такъ расширяетъ и воскрыляетъ мои помыслы и стремленія въ область свободы и свѣта и для духа, не только для тѣла; все такъ способно успокоить душевное смятеніе, утѣшить скорбь, разсѣять тоску и, еще находясь въ тѣсномъ пространствѣ жилья, уже «жить одною жизнью съ чуднымъ міромъ Божьимъ»...

Такъ природа, мать-цѣлительница, и укрѣпляла меня, и поддерживала мои ослабѣвшія силы во весь этотъ длинный періодъ, до 1874 года. Однако, искать приходилось врачеваній и въ болѣе существенномъ употребленіи цѣлебныхъ силъ ея. Съ этою цѣлью, по совѣту доктора С. П. Алферьева, я предпринялъ далекую поѣздку, вмѣстѣ съ сестрою, въ Самару, чтобы полѣчиться кумысомъ, все для укрѣпленія нервовъ, хотя, впрочемъ, къ этой цѣли, по отзыву врача, скорѣе должно было привести не столько лѣченіе кумысомъ, сколько путешествіе, развлеченіе, какъ лучшее средство укрѣпленія нервовъ. Я испросилъ себѣ трехъ-мѣсячный отпускъ, и 14-го Іюня 1867 года мы уѣхали съ сестрою изъ Кіева въ почтовомъ дилижансѣ, чрезъ Черниговъ, Гомель и Рославль въ Москву.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ДАВНО МИНУВШИХЪ.

I.

Больное мѣсто въ жизни Русскаго духовенства, вопросъ о вдовыхъ священнослужителяхъ, подвергался не разъ, какъ извѣстно. различнымъ пертурбаціямъ и измѣненіямъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія встрѣчаемся съ довольно любопытнымъ случаемъ изъ этой области. Въ Сентябрѣ 1800 г. отъ неизвѣстныхъ лицъ принесено было на высочайшее имя „донесеніе", „въ разсужденіи вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, въ каковомъ они положеніи прежде состояли, да и понынѣ состоятъ". Положеніе это, по мнѣнію доносителей, было самое безотрадное: „они, во-первыхъ, по своимъ качествамъ дѣлаются предъ Богомъ и церковію противными", такъ начинали ходатаи свое довольно - безтолково написанное „донесеніе"; „во-вторыхъ, прихожанамъ, гдѣ они жительство имѣютъ, совсѣмъ отвратительными. Они, овдовѣвъ, каковыхъ мы видимъ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ своемъ, и на лицахъ ихъ еще не увянулъ цвѣтъ нѣжнодышущей ихъ юности, они по сложенію крѣпости тѣла и по натуральнымъ своимъ склонностямъ, безъ смѣшенія плотскаго соитія совсѣмъ быть не могутъ. И тѣмъ самымъ они намъ прихожанамъ, подаютъ неограниченный соблазнъ и омерзѣніе, и за то получаютъ они повседневное наше къ себѣ отвращеніе, а по оному, какъ себѣ, такъ и насъ, яко непочитающихъ, какъ должно, пастырей, низводятъ въ адское мученіе". Въ своей ревности объ улучшеніи нравственности вдовыхъ священнослужителей, благочестивые прихожане не забыли и о тѣхъ изъ нихъ, которые въ своемъ несчастіи уклонились отъ міра, съ цѣлью проводить жизнь въ монашествѣ. „Положеніе" этихъ, по мнѣнію доносителей, было также не хорошо. „Но другіе изъ нихъ", продолжали они, „которые совѣстію угрызаемые, хотя заключили себя отъ онаго и въ темноту уединенія, однакожъ, какъ намъ очень извѣстно, что они въ оное мѣсто поступили совсѣмъ противъ своего желанія; ибо есть изъ нихъ и таковые, которые, по природной своей боязни, никакъ быть не могутъ въ семъ уединенномъ мѣстѣ, особливо въ смертно-пожираемой оного скукѣ, и оттого они тамъ болѣе бесѣдуютъ съ Бахусомъ, а нежели съ предвѣчнымъ Богомъ Которому при вступленіи своемъ въ сей святѣйшій чинъ, какъ иногда мысленные, такъ же равно и откровенные давали обѣты до послѣдняго своего издыханія содержать себѣ въ Его святѣйшемъ законѣ". Для улучшенія

дѣла, просители предлагали такой проэктъ: вдовыхъ священнослужителей отрѣшить отъ священнослуженія, но запретить имъ „съ таковымъ же расположеніемъ“ поступать и въ монашество, а, дозволивъ вступать во второй бракъ, поручить имъ обученіе Закону Божію и грамотѣ малолѣтнихъ дѣтей своихъ прихожанъ, или вообще предоставить избрать родъ жизни по желанію. Обезпечить ихъ, какъ преподавателей, просители находили возможнымъ писцовой церковной землею, гдѣ она имѣется „сверхъ указной пропорціи“ (?), такъ какъ эта земля, по ихъ мнѣнію, была совершенно излишня для пользующихся ею священно-церковнослужителей, „въ разсужденіи высочайше положеннаго имъ... съ прихожанъ жалованья, которымъ оные священно и церковнослужители, хотя бы и безъ приходовъ были (sic), то могутъ тѣмъ жалованіемъ содержать себя въ доволномъ изобиліи“. Въ заключеніе ходатаи, „съ болѣзненнымъ сердцемъ и съ прискорбною душею“ просили Императора обратить вниманіе на ихъ донесеніе и „возстановить“ въ нихъ „какъ сердечную тишину, такъ и душевное спокойствіе“.

Любопытенъ разборъ этого дѣла въ Синодѣ, куда оно было препровождено по высочайшему повелѣнію П. Х. Обольяниновымъ при секретномъ предписаніи, „дабы на основаніи законовъ о надлежащемъ устройствѣ по сему предмету сдѣлано было положеніе“. Синодъ слушалъ дѣло три раза: 17 Октября и 5 Декабря 1800 г. и 14 Января 1801 г. и разсудилъ такимъ образомъ: одни изъ вдовыхъ отличаются хорошею жизнью, другіе же, не будучи въ состояніи перенесть неудобствъ одинокой жизни „и по противоборствію плоти противъ духа“, снимаютъ санъ и опредѣляются въ „церковническія“ званія или отсылаются въ свѣтскія команды.

Дѣйствуетъ указъ Петра I отъ 30 Апрѣля 1724 года *). Для надзора же за священниками существуютъ „закащики“, которые, „аки духовные фискалы“, доносятъ о лицахъ дурного поведенія архіереямъ для соотвѣтствующаго распоряженія; этого права на доносъ не лишены и сами прихожане. Относительно же „тишины уединенія“, слова подателей не что иное, какъ клевета: въ монастыри принимаются лица не моложе 30 лѣтняго возраста, никто не можетъ приневоливать къ принятію монашества, въ каковомъ порочные люди нетерпимы и т. д.; запретить же вдовымъ священнослуженіе было бы крайнимъ беззаконіемъ и несправедливостію. Относительно права ихъ обучать дѣтей есть указъ Синода, касающійся *собственныхъ* дѣтей духовенства; но они могутъ заниматься обученіемъ дѣтей и своихъ прихожанъ. Вдовому духовенству дозволено вступать и во второй бракъ, при условіи снятія сана, а также и избрать себѣ другой родъ жизни, но принуждать къ этому Синодъ не можетъ: такое принужденіе могло бы быть

*) „Вдовыхъ поповъ и діаконовъ, которые училися въ школахъ и могутъ послужить въ проповѣди Слова Божія, обнадежить, что ежели они вступятъ во второбрачіе, то по отрѣшенію священнодѣйствія могутъ быть при архіереяхъ въ учителяхъ и у дѣлъ въ духовныхъ совѣтахъ и управленіяхъ“.

сочтено насиліемъ совѣсти принуждаемыхъ. Если же прихожане соблазняются исповѣдываться у такихъ священниковъ (на что также указывали просители), то могутъ имѣть духовника изъ другого прихода. Наконецъ, сдѣлавъ ссылку на законъ относительно содержанія духовенства и проч., Синодъ замѣчалъ въ заключеніе, что если они, просители, истинные христіане и помнятъ слова Спасителя: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, запрети ему, и аще покается, остави ему. И аще седмищи на день согрѣшитъ къ тебѣ и седмищи на день обратится, глаголя каюся: остави ему* (Лк. XVII, 3—4), то могутъ, оставя клевету, получить отъ Подателя всѣхъ благъ сердечную тишину и душевное спокойствіе. Къ новому же положенію о вдовомъ духовенствѣ Синодъ не смѣетъ и приступить. Это опредѣленіе было подписано м. Амвросіемъ (Подобѣдовымъ), архіеп. Павломъ, Иринеемъ, прот. Благовѣщенскимъ, архим. Михаиломъ и оберъ-священникомъ Озерецковскимъ.

II.

Въ 1802 году на Югѣ Россіи, въ Конотопѣ, и въ Петербургѣ возгорѣлось довольно характерное, трагическое дѣло о смерти священника Андреевскаго. Конотопскій стряпчій донесъ Черниговскому прокурору, что въ духовномъ правленіи г. Конотопа „оказался содержавшійся въ ономъ подъ карауломъ священникъ Николай Андреевскій скоропостижно умершимъ, по увѣренію штабъ-лѣкаря, отъ пострѣла“. Но Конотопскій городничій узналъ, что священникъ былъ закованъ въ правленіи на цѣпь, и потребовалъ отъ духовнаго правленія разъясненія этого факта. Трое первоприсутствующихъ отозвались, что священникъ былъ закованъ безъ ихъ согласія, по приказанію первоприсутствующаго, протопопа Щербацкаго, якобы за пьянство, и что самая цѣпь въ правленіи учреждена Щербацкимъ. Когда же городничій предъявилъ требованіе самому Щербацкому, чтобы онъ „объяснился о томъ священника Андреевскаго цѣпью штрафованіи“, Щербацкій отказалъ въ этомъ, указавъ, что дастъ объясненіе „по своей командѣ“. Сдѣлать это ему пришлось довольно скоро. Черниговскій прокуроръ отнесся по дѣлу къ министру юстиціи, и дѣло перешло въ Синодъ, откуда было послано къ Черниговскому архіерею требованіе о разныхъ свѣдѣніяхъ по дѣлу, между прочимъ и о томъ, „какое онъ, преосвященный, съ своей стороны имѣлъ движеніе, когда дошло то до его свѣдѣнія?“ Въ отвѣтъ Викторъ Черниговскій прислалъ нужныя сообщенія, между прочимъ, сообщилъ и рапортъ протопопа Щербацкаго, который доносилъ, что 5-го Октября онъ шелъ отъ вечерни и въ это время замѣтилъ Андреевскаго, „идучаго по пути его“; приведя его въ правленіе, онъ приказалъ ему остаться здѣсь „чрезъ ночь“, подъ наблюденіемъ сторожа, съ которымъ поутру онъ, Андреевскій, „завтрикалъ“, а на другой день протопопа извѣстили, что заключенный „отъ приключившагося ему апоплексическаго пострѣлу жизни лишился“. Грустное это дѣло имѣло благіе результаты. Мѣстная дикастерія тогда же, еще при разборѣ дѣла, постановила, чтобы священнослужителей на цѣпи не содержать и призывать ко взысканіямъ по законнымъ опредѣленіямъ духовнаго

правленія. Но описанный случай вызвалъ еще болѣе обширное высочайшее повелѣніе; „при семъ случаѣ“ объявлена была высочайшая воля „объ умѣренномъ обхожденіи съ духовными чинами“, и по всей Россіи печатными указами (26 Марта 1803 г.) было предписано, „чтобы съ людьми духовнаго званія во всѣхъ случаяхъ начальники духовные поступали съ благоразумною кротостію и обходились умѣренно, сообразно духовному чину и нравственному ихъ состоянію“. Протопопу Щербацкому велѣно было объявить строжайшій выговоръ и подтвердить о должномъ обхожденіи съ духовными лицами, подъ страхомъ сужденія по законамъ.

III.

„Трусливый архимандритъ“: вотъ какое названіе, безспорно, заслуживаетъ настоятель Антонова монастыря (Новг. губерніи), ректоръ семинаріи Аѳанасій, много пострадавшій вслѣдствіе своей мнительности, по слѣдующему поводу. 29-го Мая 1804 г., въ 2 часа пополуночи, въ Антоновомъ монастырѣ, стоящемъ недалеко отъ Новгорода, упала колокольня; паденіе ея не сопровождалось никакими жертвами, и даже не были повреждены сосѣднія зданія; колокола также оказались цѣлыми, и вскорѣ были откопаны и повѣшены на свое мѣсто. Казалось, все обошлось благополучно. Но не такъ думалъ объ этомъ ректоръ Аѳанасій. Викарій Новгородской епархіи, Евгеній, доносилъ м. Амвросію, что архимандритъ, „представя мысленно себѣ яко бы о несмотрѣніи своемъ и что за то будетъ сужденъ и наказанъ, впалъ въ ипохондрію“. Напрасно Евгеній употреблялъ всѣ силы къ тому, чтобы вывести робкаго настоятеля изъ мрачнаго настроенія духа: „не было къ тому способовъ“. Положеніе архимандрита, видимо, было серіозно; его мнительность, очевидно, перешла въ прямую болѣзнь; въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія донесеніе Амвросію братіей монастыря и правленіемъ семинарія о томъ, что 19 Іюня Аѳанасій, „бывъ въ крайнемъ безпамятствѣ, накололъ на тѣлѣ своемъ ножемъ нѣсколько ранъ“. Ранъ этихъ оказалось 10. Къ Аѳанасію былъ приглашенъ инспекторъ врачебной управы. Какъ ни казалось дѣло плоуо, однако пошло на улучшеніе. „Инспекторъ“ прилагалъ стараніе къ излѣченію больного и, наконецъ, доносилъ уже, что „показанный архимандритъ начинаетъ нѣсколько здоровьемъ наслаждаться“. Когда дѣло подверглось разбору въ Синодѣ, Аѳанасію пришлось плохо. То, чего онъ боялся, не погубило его, а его мнительность была причиной задержки его службы на долгое время. Синодъ опредѣлилъ запретить ему священнослуженіе, уволить отъ занимаемыхъ должностей и послать въ другой монастырь подъ надзоръ настоятеля, а когда онъ выздоровѣетъ, или окажется вовсе неспособнымъ къ службѣ, о томъ доложить. И хотя Евгеній доносилъ, что ректоръ уже „совершенно выздоровѣлъ“ и въ удостовѣреніе представлялъ свидѣтельство „инспектора“ Гриневскаго, Синодъ все-таки велѣлъ послать его въ Полтавскій архіерейскій домъ; впрочемъ, указано было поручить ему, по возможности, учительскую должность, и находиться тамъ онъ долженъ былъ до полнаго выздоровленія. Въ 1806 г. Сильвестръ Полтавскій

далъ объ Аѳанасіи отличный отзывъ; съ отличной похвалой отозвался объ немъ и Ѳеофанъ Полтавскій въ 1807 г., прося опредѣлить его куда-либо. Наконецъ, уже только въ 1808 году, Аѳанасій былъ назначенъ настоятелемъ Воронежскаго Алексѣевскаго монастыря. Памятна осталась ему, вѣроятно, Антоновская колокольня...

IV.

Любопытную черту изъ дѣятельности нашей миссіи въ Сибири сообщаетъ дѣло о бракахъ новокрещенныхъ инородцевъ, возникшее въ 1804 г., любопытную и въ юридическомъ, и въ историческомъ смыслѣ. Веніаминъ епископъ Иркутскій просилъ Синодъ разрѣшить ему нѣкоторыя недоумѣнія касательно указаннаго вопроса. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Якуты и Тунгузы, жившіе въ Амгинской парохіи, вели кочевой образъ жизни и, переходя съ мѣста на мѣсто, собирались лишь однажды въ годъ на короткое время для уплаты податей въ казну, а затѣмъ опять расходились; этимъ временемъ ихъ сбора пользовался миссіонеръ, прот. Дьячковскій, для обращенія ихъ въ православную вѣру вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Но такъ какъ въ это время случались посты, когда вѣнчаніе браковъ по уставу церкви воспрещено, то новообращенные годъ отъ году оставались невѣнчанными, отчего происходили семейныя несогласія и даже раззоренія цѣлыхъ семействъ. Такъ доносилъ прот. Дьячковскій и просилъ разрѣшить вѣнчаніе инородцевъ съ прежними ихъ женами и въ посты „а безъ сего, прибавлялъ онъ“, по ихъ Азіатическому и незрѣлому еще ихъ вниманію за нескорымъ ихъ вѣнчаніемъ открывается имъ удобность (на) разорваніе союза съ ихъ раззорительностію, поелику... они тѣхъ женъ имѣютъ... колымомъ, т. е. покупая немалымъ капиталомъ“.

Императоръ Александръ I, узнавъ объ этомъ, повелѣлъ А. Н. Голицыну, чтобы онъ снесся съ м. Амвросіемъ (Подобѣдовымъ), а этотъ послѣдній далъ бы отвѣтъ еп. Веніамину. Интересенъ этотъ отвѣтъ, сдѣланный Амвросіемъ и сообщенный имъ Синоду. Имѣя въ виду, что новокрещены уже соединены бракомъ по ихъ прежнимъ обрядамъ, на основаніи 12, 13 и 14 стиховъ VII гл. 1-й Посланія къ Коринѳянамъ, Амвросій находилъ, что для нихъ не требуется исполненія всѣхъ обычныхъ брачныхъ обрядовъ, а достаточно лишь „утвердить“ бракъ ихъ слѣдующимъ образомъ: въ самый день крещенія или на другой день послѣ причащенія прочесть въ церкви брачное евангеліе и послѣднюю молитву брачнаго чина со словами: „симъ благословеніемъ утвержденъ и освященъ да пребудетъ бракъ ихъ“, а затѣмъ произнести отпускъ и сдѣлать бракосочетавшимся надлежащее „увѣщаніе“. При этомъ владыка прибавлялъ, что такому „утвержденію“ брака бывали и примѣры. Во всякомъ случаѣ любопытное сокращеніе брачнаго чина....

V.

Въ заключенiе не можемъ не представить одну характерно-бытовую картинку, которая такъ и сквозитъ изъ „доношенiя“ въ Синодъ Кiевскаго протопопа и благочиннаго Дражевскаго, рѣшившагося отнестись непосредственно въ высшее церковное управленiе съ довольно оригинальной жалобой. Въ своемъ „доношенiи“ протоiерей горько жаловался на то, что юноши духовнаго званiя, окончившiе курсъ въ Кiевской Академiи, а также по неспособности уволенные изъ нея, игнорируютъ дѣвицъ духовнаго званiя и вступаютъ въ бракъ съ дочерьми Кiевскихъ мельниковъ, сапожниковъ, кожевниковъ и даже крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, имѣя въ виду приданое, которое дается за этими невѣстами; слѣдствiемъ такого положенiя вещей является то, что дочери священниковъ и причетниковъ оказываются вынужденными выходить замужъ также за лицъ крестьянскаго званiя и черезъ то теряютъ свои льготы, присвоенныя имъ по правамъ состоянiя. Указывая на это обстоятельство, какъ на дѣло весьма обидное, протопопъ и доложилъ Синоду. Послѣднiй, хотя и отослалъ „доношенiе“ къ Серапiону Кiевскому съ приказанiемъ имѣть доносителя въ дикастерiи на примѣчанiи за подачу просьбы помимо епархiальнаго архiерея, однако, ссылаясь на Св. Писанiе, правила св. отцевъ и законы, приказалъ, чтобы если показанiе протоiерея справедливо, „о прекращенiи вышеозначенныхъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей поступокъ приняты были надлежащiя мѣры“.

К. Лавровъ.

„СѢВЕРНАЯ ПОЧТА“ ИЛИ „НОВАЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“ ВЪ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Архивно - библіографическая замѣтка).

Въ концѣ 1809 года императоръ Александръ I повелѣлъ, чтобы при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ издаваемы были особенныя вѣдомости, подъ заглавіемъ: „Сѣверная Почта“, или „Новая С.-Петербургская Газета“. Любопытно прослѣдить судьбу этого изданія въ Ярославской губерніи, что̀ мы и сдѣлаемъ, на основаніи архивныхъ документовъ.

Въ програму „Сѣверной Почты“ входили, между прочимъ, извѣстія: „о каковомъ-либо добродѣтельномъ подвигѣ, описаніе какого-нибудь происшествія, достойнаго свѣдѣнія публики, необыкновенное происшествіе въ натурѣ (sic.), съ подробнымъ онаго описаніемъ, открытіе какого-нибудь полезнаго заведенія, установленіе фабрики, распространеніе хлѣбопашества или какого-нибудь другого хозяйственнаго предмета, о ярмаркахъ и о происшествіяхъ, на оныхъ случающихся, и тому подобныя свѣдѣнія, паче же до народной промышленности, торговли и нравственности касающіяся“.

Ярославскимъ губернаторомъ въ то время былъ князь Михаилъ Николаевичъ Голицынъ, братъ министра духовныхъ дѣлъ, знаменитаго при Александрѣ I-мъ князя Александра Николаевича Голицына, нѣсколько разъ измѣнявшаго свои политическіе и религіозные взгляды. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что не ему принадлежала мысль (во всякомъ случаѣ очень полезная) объ изданіи „Сѣверной Почты“: эту мысль слѣдуетъ отнести къ почину высокообразованнаго Осипа Петровича Козодавлева, который разсчитывалъ оживить свою газету посредствомъ оффиціальныхъ корреспондентовъ (губернаторовъ, предводителей дворянства, земскихъ исправниковъ и городничихъ), но, къ сожалѣнію, жестоко ошибся, большинство этихъ властей рѣшительно не уразумѣло, чего хочется Козодавлеву. Допустимъ, что исправники и городничіе были люди отмѣнно храбрые въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами, но они боялись печатнаго слова и мало „упражнялись“ въ ономъ; мѣстное же дворянство не особенно интересовалось газетами.

Такъ, напримѣръ, Мышкинскій городничій Языковъ донесъ *), что „по силѣ предписанія, приложенное объявленіе (о „Сѣверной Почтѣ“) живущимъ

*) Рапортъ отъ 15 Сентября 1809 г., за № 1026.

здѣсь (въ городѣ Мышкинѣ) всѣмъ благороднымъ дворянамъ, купечеству и прочимъ (?) отъ меня объявлено; но на сіе мое объявленіе, какъ благородные дворяне, такъ купечество и прочіе жители, что они желаютъ ли оныя (вѣдомости) получать или нѣтъ, о томъ мнѣ никто не далъ знать. А о прочемъ прописываемомъ: о заведеніи и установленіи фабрикъ, то во всемъ непремѣнное исполненіе чинено быть имѣетъ безъ всякаго упущенія" и т. д. Не былъ счастливѣе и Романовскій городничій, коллежскій асессоръ Зуевъ. Тщетно онъ убѣждалъ всѣхъ Россіянъ во ввѣренномъ ему городѣ подписаться на „Сѣверную Почту": ни одинъ не подписался [1]). Борисоглѣбскій магистратъ прибѣгнулъ даже къ суровымъ мѣрамъ, командировавъ своихъ сотскихъ съ требованіемъ „о полученіи вышеписанной газеты и вообще (?) учинить дѣятельное и неопустительное исполненіе"; но увы, безъ желаемыхъ послѣдствій [2]). Ратуша нынѣ безуѣзднаго города Петровска отрапортовала, что „на полученіе какихъ-либо газетъ изъ Петровскихъ жителей никого желающихъ не оказалось" [3]). Любимскій городничій Василій Филипповичъ донесъ, что предписаніе губернатора „о происшествіяхъ, при всякомъ ихъ случаѣ, будетъ незабвенно"; однако и этотъ высокій слогъ въ дѣлѣ подписки на „Сѣверную Почту" нисколько не помогъ [4]). Даниловскій земскій судъ возложилъ на своего предсѣдателя, т.-е. земскаго исправника, коллежскаго асессора Анучина, спеціальную миссію „посѣтить всѣ дворянскія усадьбы, дабы благородные дворяне учинили подписку на „Сѣверную Почту", но желанія на полученіе сей газеты никто опять-таки не изъявилъ [5])

Въ интересахъ библіографіи нѣтъ ни малѣйшей надобности повторять одно и тоже, т.-е. отказы на подписку министерской газеты. Даже въ губернскомъ городѣ Ярославлѣ, какъ видно изъ донесенія полицеймейстера Боярскаго, подписка не сопровождалась успѣхомъ [6]). Наконецъ, въ городѣ Ростовѣ, „послѣ многократныхъ усилій", полицеймейстеру Голохвастову удалось привлечь купца Ивана Мокроусова подписаться на „Сѣверную Почту", даже въ двухъ экземплярахъ. Извѣщая объ этой побѣдѣ, Голохвастовъ рапортовалъ кн. Голицыну: „О добродѣтельныхъ же происшествіяхъ (sic) извѣстія къ вашему сіятельству доставляемы быть имѣютъ" [7]). Нашелся также подписчикъ въ гор. Борисоглѣбскѣ, именно купецъ Никита Селиверстовъ [8]), но „добродѣтелей въ семъ городѣ не оказалось". Слѣдуетъ ли винить за

---

[1]) Донесеніе 26 Сентября, № 861.

[2]) Рапортъ 12 Сентября, № 535.

[3]) Донесеніе 23 Сентября, № 329, за подписью ратмановъ Якова Низовцева и Андрея Лапшина.

[4]) Рапортъ отъ 26 Сентября, № 861.

[5]) Донесеніе отъ 21 Октября, № 1645, подписанное дворянскимъ засѣдателемъ Петромъ Бобоѣдовымъ; скрѣпилъ секретарь Иванъ Корсунскій.

[6]) Отъ 4 Октября 1810 г., № 7775.

[7]) Отъ 25 Сентября, № 1556.

[8]) Донесеніе Борисоглѣбскаго гор. магистрата отъ 10 Ноября, за № 607. Подписали: бургомистръ Ларіонъ Кузнецовъ и ратманы Иванъ Васильевскій и Иванъ Сыроѣжинъ.

то администрацію Ярославской губерніи? Развѣ отъ нея зависѣло творить „добродѣтельные поступки“, для наполненія ими страницъ „Сѣверной Почты?“

Наконецъ, все было найдено: и чрезвычайныя происшествія оказались, и поступки, „выражавшіе въ крайней степени добродѣтель“, тоже обрѣлись. Мы не желаемъ шутить. Ничего, кромѣ благодарности, не заслуживаетъ, напримѣръ, слѣдующее объявленіе, доставленное въ „Сѣверную Почту“ Ярославскимъ губернаторомъ, объ одномъ замѣчательномъ уродѣ женскаго пола *).

„Престарѣлая бѣдная мѣщанка, живущая (въ Ярославлѣ) единственно своими трудами, содержитъ у себя изъ человѣколюбія 22 года несчастную дѣвицу, съ младенчества въ странномъ уродствѣ находящуюся. Лицо сей дѣвицы представляетъ совершенную женщину: оно полное, пріятное, имѣетъ правильныя черты; цвѣтъ здоровый, съ большимъ румянцемъ; глаза свѣжіе, показывающіе здоровое сложеніе; шея короткая; туловище самое малое однако же имѣетъ небольшія груди; руки и ноги весьма малы, кривы, сухи и могутъ имѣть слабое движеніе только нѣкоторыми пальцами. Матрена (имя сей дѣвицы) лежитъ безъ движенія на спинѣ, не имѣя помощи отъ рукъ и ногъ, 44 года, но кажется гораздо моложе, и помѣщается въ небольшой корзинѣ. Она разговариваетъ съ пріятностію и удовольствіемъ; при самомъ жалкомъ ея положеніи, виденъ въ ней нравъ пріятный и болѣе веселый. Назадъ тому 10 лѣтъ она могла назваться красавицей. Память имѣетъ острую, знаетъ въ году всѣ праздники, показываетъ, который когда бываетъ, упражняется въ молитвѣ и благоговѣніи, знаетъ наизусть многія молитвы. Родилась она въ деревнѣ Ярославскаго уѣзда отъ крестьянина; на 15-мъ году лишилась матери. Послѣ того, спустя 7 лѣтъ, отецъ, не въ состояніи будучи болѣе содержать ее въ такомъ положеніи и не имѣя семейства, рѣшился вывезти ее на дорогу, въ надеждѣ—не возьметъ ли кто? Добродѣтельная женщина, мѣщанка, имѣвшая у себя прежде разслабленную старуху, за которой ходила 7 лѣтъ, по смерти ея, узнавъ о сей несчастной, выпросила у отца къ себѣ Матрену, любитъ ее, какъ дочь, содержитъ въ совершенной чистотѣ, кормитъ ее съ собою одною ложкой, и не только нимало не тяготится, но, съ прискорбіемъ чувствуя склонность (преклонность?) лѣтъ, опасается, чтобъ, въ случаѣ болѣзней и смерти не оставить бѣдную безъ призрѣнія... О, рѣдкое человѣколюбіе! Твореніе, безъ малѣйшаго движенія лежащее на спинѣ, не жалуется ни на какую боль, не имѣетъ пролежней, сохраняетъ всю свѣжесть здороваго человѣка, не скорбитъ о своемъ положеніи, но въ кротости, безъ ханжества и съ бодростью духа благодаритъ Творца, её милующаго, какъ рѣдкость въ природѣ!“

Авторомъ этой статейки былъ Ярославскій полицеймейстеръ Алексѣевъ. Въ немъ, надо полагать, билось сердце доброе, хотя и не особенно

*) Приводимъ вездѣ по архивнымъ рукописямъ, которыя могли быть напечатаны въ неимѣющейся у насъ „Сѣверной Почтѣ“ и съ нѣкоторыми измѣненіями.

опытное „съ литературной стороны“. Канцелярія Ярославскаго губернатора признала необходимымъ сдѣлать слѣдующее дополненіе къ упомянутой статейкѣ: „Впрочемъ, когда сія несчастно-рожденная лишится настоящей своей покровительницы, или сія послѣдняя будетъ не въ состояніи далѣе её поддерживать, въ такомъ случаѣ здѣшнее *правительство* не оставитъ первую безъ призрѣнія“ [1]). Такъ и случилось: въ несчастной женщинѣ и ея благодѣтельницѣ, вслѣдствіе этой филантропической рекламы, напечатанной въ „Сѣверной Почтѣ“, приняли участіе нѣкоторыя высокопоставленныя особы и между прочимъ супруга Ярославскаго, Тверскаго и Новгородскаго генералъ-губернатора, принца Георгія Голштейнъ-Ольденбургскаго, великая княгиня Екатерина Павловна. Въ пользу карлицы-урода собрано было болѣе 1000 рублей.

Наконецъ, мало-по-малу стали появляться „примѣры добродѣтелей“. Это мы видимъ изъ слѣдующаго случая: Мышкинскій земскій судъ донесъ губернатору [2]), что „въ минувшемъ Декабрѣ мѣсяцѣ (1809 г.), явясь въ Мышкинское отдѣленіе для пріема рекрутъ присутствіе, помѣщика Ивана Волынскаго, дер. Алпатова, крестьянинъ Никита Марковъ Щеголевъ, пріѣхавшій изъ С.-Петербурга на перемѣнныхъ лошадяхъ, обратился съ чрезвычайною просьбой, что онъ желаетъ поступить въ военную службу, вмѣсто поступающаго въ оную отъ вотчины брата его родного, изъ любви и сожалѣнія къ нему съ женою и малолѣтнимъ сыномъ, для чего онъ нарочно и изъ С.-Петербурга съ поспѣшностію и чтобъ предупредить поставку брата его, ѣхалъ, который въ оную уже и поступилъ, за что благородное здѣшнее собраніе, въ награду его чувствительности, пожертвовало ему 100 рублей, о каковомъ его, Щеголева, *самовольномъ* собою пожертвованіи, вмѣсто брата его, вашему сіятельству земскій судъ симъ и доноситъ“. Изъ этого рапорта губернатора князь Голицынъ (конечно, не безъ сотрудничества своего секретаря), составилъ корреспонденцію для „Сѣверной Почты“ и доставилъ ее О. П. Козодавлеву [3]).

Городъ Рыбинскъ позавидовалъ городу Мышкину: въ послѣднемъ явился добродѣтельный человѣкъ, а въ Рыбинскѣ таковаго не оказалось. Полицеймейстеръ Голохвастовъ старался доставить матеріалы для „Сѣверной

---

[1]) Дѣло 1809 г., за № 1879: „О доставленіи извѣстій для помѣщенія въ газету „Сѣверная Почта“.

[2]) Отъ 8 Января 1810 г., № 64, за подписью исправника Опочинина, одного изъ предковъ покойнаго библіографа и библіофила Ѳедора Константиновича Опочинина, завѣщавшаго свое собраніе книгъ Мышкинскому земству, для его библіотеки.

[3]) При сообщеніи отъ 15 Января 1810 г., № 270. Замѣтимъ кстати, что Ярославскій губернаторъ, великолѣпно владѣвшій Французскимъ разговорнымъ и письменнымъ языкомъ, писалъ по-русски такъ плохо, съ такими грубыми ошибками, что современный Русскій грамотѣй невольно приходитъ въ ужасъ, читая архивныя княжескія писанія по-русски. Въ тоже самое время его сосѣдъ по губерніи и современникъ, Владимирскій губернаторъ, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, упражнялся въ Русской поэзіи не безъ успѣха. Л. Т.

Почты“, но тщетно: добродѣтели не было, а слѣдовательно и „публиковать“ о ней не представлялось возможности. Но, къ счастію, 7 Сентября 1810 г. явились къ нему, Рыбинскому полицеймейстеру, сразу четыре добродѣтельныя персоны; это были крестьяне Рыбинскаго уѣзда, вотчины г. Глѣбова, дер. Липняги, Иванъ Никитинъ, вотчины гр. Салтыкова, дер. Муромца, Ѳедоръ Егоровъ и Николай Ивановъ и, наконецъ, Рыбинскій посадскій Петръ Васильевъ Пошехоновъ, которые не воспользовались найденными ими на улицѣ деньгами, въ количествѣ 325 рубл., а были до того добродѣтельны, что представили эту находку на благоусмотрѣніе полицейскаго начальства [1]). Козодавлеву, для его газеты, доставлено было извѣстіе и о таковомъ добродѣтельномъ поступкѣ.

Въ древнемъ городѣ Ростовѣ также все обстояло благополучно: ни особенно выдающихся добродѣтелей, ни чрезмѣрно-ужасающихъ пороковъ, по самымъ тщательнымъ полицейскимъ розыскамъ, не было обнаружено. Ростовскій полицеймейстеръ могъ донести губернатору только о нижеслѣдующемъ [2]):

„Предложеніемъ вашего сіятельства повелѣно, чтобы о добродѣтельныхъ происшествіяхъ въ городѣ, заслуживающихъ вниманія быть помѣщенными въ „Сѣверной Почтѣ“, вашему сіятельству доносить, во исполненіе котораго имѣю честь донести.

„Чиновники, дворяне и почетное купечество въ Ростовѣ, одушевленные горячностію къ Государю Императору Александру Павловичу и Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, въ вѣрноподданнической любви, по единодушному согласію, ознаменовали день коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ всеобщимъ празднествомъ. По выслушаніи въ соборной церкви всѣми божественной литургіи, совершенной Богоявленскаго Авраамієва монастыря архимандритомъ Антоніемъ, принесено съ колѣнопреклоненіемъ отъ всѣхъ теплое моленіе о долголѣтнемъ и благоденственномъ царствованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, и при семъ было произнесено приличное радостному дню слово іереемъ Александромъ, а въ пять часовъ пополудни собрались всѣ, по условному сигналу, въ домъ купца Орлова, избранный по удобству близъ берега озера Неро, для празднества, и оттуда сдѣлали на шлюпкахъ и лодкахъ, съ музыкою и пѣсенниками, гулянье, а по склоненіи дня къ ночи, на нарочито-устроенныхъ полуцыркульно плотахъ. Въ отдаленіи отъ берега была иллюминована колоннада и другія подобія обелисковъ (?), и сожженъ фейерверкъ и щитъ въ видѣ храма, съ надписью вверху: „*Ростовъ*“, а по срединѣ храма, въ солнечномъ сіяніи, вензельныя слова Ихъ Императорскихъ Величествъ блистали въ прозрачныхъ огняхъ; а подъ ними на жертвенникѣ: „*Сердца пылающихъ*“, съ над-

[1]) Рапортъ отъ 17 Сентября 1810 г., за № 2183.

[2]) Донесеніе надворнаго совѣтника Симоновскаго отъ 17 же Сентября 1810 года за № 192.

писью у подножія: „*Во вѣки не угаснемъ!*“ При зажженіи щита пили за здравіе Ихъ Императорскихъ Величествъ всѣ посѣтители и угощались, прилично славному дню, при играніи музыки. Зрители, собравшіеся во многолюдствѣ, изъявляли разными потѣхами свое удовольствіе“.

Намъ неизвѣстно, въ этой ли самой редакціи была напечатана корреспонденція изъ Ростова къ Козодавлеву; но далѣе увидимъ, что онъ относился съ благодарностью къ Ярославскому губернатору, кн. Голицыну за его офиціальное сотрудничество въ „Сѣверной Почтѣ“. Козодавлевъ имѣлъ нужду въ фактахъ. Но что̀ можно было извлечь изъ фактовъ, доставленныхъ (скажемъ для примѣра) Любимскимъ земскимъ судомъ: „Заведеній, фабрикъ и распространенія хлѣбопашества не замѣчается; а также на бываемыхъ ярмаркахъ въ селахъ Пречистой, Ко̀зѣ, въ Предтечѣ, что̀ въ Осѣку, и въ Предтечѣ на Соши, происшествій, заслуживающихъ вниманія, не произошло; а если бы таковыя произошли, и заведенія были бы заведены (sic), какъ-то фабрики и распространеніе хлѣбопашества, сверхъ извѣстнаго начальству, то бы непремѣнно вашему сіятельству сей судъ имѣлъ честь донести въ тоже время“? и т. д. [1]). Или (приводимъ другой примѣръ) могъ ли Ярославскій губернаторъ сообщить товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, что въ Ростовскомъ уѣздѣ, касательно подписки на „Сѣверную Почту“ далеко не все обстоитъ благополучно? Развѣ Козодавлеву понравилась бы слѣдующая выдержка изъ донесенія того же земскаго суда: „По справкѣ въ семъ судѣ оказалось, что, во исполненіе прежняго вашего сіятельства предписанія и по резолюціи сего суда, ко всѣмъ господамъ благороднымъ дворянамъ, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ подписаться на полученіе „Сѣверной Почты“ или „Новой С.-Петербургской Газеты“, посыланы были въ округу нарочные, по инструкціямъ; однако никто изъ благородныхъ дворянъ, чрезъ данныя отъ себя подписки, получать помянутой газеты желанія не изъявилъ; въ здѣшней же округѣ (уѣздѣ) помѣщиками новыхъ заведеній къ распространенію промышленности и къ удобренію землепашества (sic), равно и ничего къ хозяйству относящагося, во весь прошедшій годъ, по новой методѣ заводимо не было“ и т. д. [2]). Получая подобныя донесенія, кн. Голицынъ ограничивался лаконическою помѣткою: „*къ делу*“, или „*Принять ксведенію*“, что̀, конечно, приводило въ содроганіе его секретаря Крылова, человѣка грамотнаго и немало потрудившагося въ Ярославской семинаріи при изученіи грамматики Ломоносова, которая даже господъ губернаторовъ обязывала быть болѣе осторожными въ дѣлѣ орѳографіи...

Но если, съ одной стороны, Ростовское дворянство не доставляло ни малѣйшей пользы „Сѣверной Почтѣ“, упорно отказываясь отъ подписки на газету, и не приступало къ улучшенію своего хозяйства, то, съ другой стороны, дворянство Даниловскаго уѣзда дѣйствовало нѣсколько иначе, и князь

---

[1]) Рапортъ отъ 20 Сентября, за № 1775.

[2]) Донесеніе отъ 19 Сентября 1810 г., за № 1786.

Голицынъ съ удовольствіемъ получилъ слѣдующій рапортъ мѣстнаго земскаго суда [1]): „Сей судъ, руководясь предписаніями вашего сіятельства касательно издаваемой при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ „Сѣверной Почты“, почитаетъ приличнымъ ко внесенію въ оную нижеслѣдующій хозяйственный предметъ (sic). Даниловскій помѣщикъ, отставной штабсъ-капитанъ и кавалеръ Дмитрій Богдановичъ Философовъ, еще въ 1806-мъ прошломъ году пріобрѣтши одно зерно голаго овса для испытанія, способенъ ли сего рода хлѣбъ къ произрастенію въ здѣшнемъ климатѣ, посадилъ оное на открытомъ воздухѣ въ такое время, когда и прочій яровой хлѣбъ высѣвался въ обыкновенно, а не съ излишествомъ удобренную въ саду своемъ гряду; отъ зерна того происшелъ гроздъ, имѣющій 30 стеблей, съ которыхъ снято совершенно вызрѣвшихъ 1200 зеренъ, изъ коихъ по нѣскольку сообщилъ онъ, господинъ Философовъ, своимъ знакомымъ, извѣстя ихъ о столь изобильномъ приплодѣ отъ одного зерна, имъ полученномъ. Оные, послѣдуя его примѣру, садили тотъ овесъ начально въ гряды, а потомъ, высѣвая обыкновенно съ прочими яровыми сѣменами въ поляхъ, замѣтили, что продуктъ сего рода къ произрастенію здѣсь, по климату и по качеству земли, весьма удобенъ; доказательно сіе тѣмъ болѣе, что разведено онаго по здѣшней округѣ отъ одного зерна въ 4 года до 7 четвертей. О чемъ вашему сіятельству сей земскій судъ симъ почтительнѣйше доноситъ“. Это извѣстіе князь Голицынъ не медля сообщилъ въ „Сѣверную Почту“.

Не знаемъ, явилось ли на страницахъ оффиціальной газеты любопытное донесеніе Мышкинскаго исправника, лейбъ-гвардіи прапорщика Опочинина. Онъ рапортовалъ такъ [2]):

„Въ минувшемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ сего года Мышкинской округи, вотчины господина полковника и кавалера Михаила Петровича Селифонтова, при сельцѣ Артемьевѣ, усмотрѣно мною вещество изъ пруда вытасканное, по приказанію его, г. полковника, людьми изъ тины, похожее на вату, которое сходствутъ много съ настоящею выдѣланною ватою, такъ что ничѣмъ почти одна отъ другой не различествуетъ, о чемъ къ припечатанію въ „Сѣверной Газетѣ“ (sic) вашему сіятельству на разсмотрѣніе симъ почтеннѣйше и репортую“.

Губернаторъ впалъ въ недоумѣніе: какое же такое вещество, сходное съ ватою, можетъ быть обнаружено въ Мышкинскомъ уѣздѣ? Въ здравомъ ли умѣ и въ твердой ли памяти обрѣтается бывшій лейбъ-гвардеецъ Опочининъ? Вѣдомо ли ему, что хлопокъ, изъ коего дѣлается вата, есть произведеніе теплаго климата, а отнюдь не хладнаго Мышкинскаго уѣзда? Понятно, прежде, чѣмъ статейкѣ данъ былъ надлежащій ходъ, князь М. Н. Голицынъ сдѣлалъ запросъ [3]). „Не оставьте донести мнѣ безъ замедленія, какой точно

[1]) Отъ 20 Октября 1810 г., за № 1800.
[2]) Отъ 7 Октября 1810 г., № 21.
[3]) 14 Октября 1810 г., № 4599.

видъ составляетъ вещество, вытасканное изъ пруда въ сельцѣ Артемьевѣ, и изъ какихъ частей оно состоитъ, т. е. изъ земли, глины, корней, травы и тому подобнаго? Въ чемъ именно сходствуетъ оно съ настоящею ватою, и не можетъ ли оно служить, по надлежащей обдѣлкѣ или безъ оной, къ каковому-либо употребленію? Гдѣ оно теперь находится, и можно ли изъ этого пруда достать его еще какое-либо количество? Однимъ словомъ, дайте мнѣ о семъ веществѣ полное понятіе и свѣдѣніе". Исправникъ рапортовалъ [1]), что „вытасканное изъ пруда въ сельцѣ Артемьевѣ вещество имѣетъ сначала зеленый, а отъ солнечнаго зноя, по созрѣніи, бѣлый видъ; оно есть изъ тины, на поверхности воды, въ томъ прудѣ находящейся; а чтобъ яснѣе видѣть, въ чемъ оно сходствуетъ съ настоящею ватою и можетъ ли служить къ какому употребленію, для того часть сего вещества при семъ вашему сіятельству представляю, каковаго довольное количество находится въ домѣ г. Селифонтова; въ прудѣ же томъ нынѣ болѣе не осталось, а въ предбудущее время можно надѣяться, что и еще будетъ довольное количество". Губернаторъ не преминулъ сообщить О. П. Козодавлеву статейку „объ оной игрѣ природы" [2]). Вѣроятно, и эта, такъ сказать, подозрительная статейка была напечатана. Быть можетъ, и въ ней заключалась частичка правды. Вопросъ этотъ подлежитъ рѣшенію господъ натуралистовъ, а не вѣдѣнію библіографа и архивиста.

Вообще, въ Мышкинскомъ уѣздѣ накоплялось матеріаловъ для „Сѣверной Почты" болѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ Ярославской губерніи. Очевидно одно изъ двухъ: или тамошняя земская полиція возымѣла наклонность къ литературнымъ упражненіямъ, повинуясь волѣ начальства, или же Мышкинскій земскій судъ не опускалъ изъ виду даже „происшествій въ натурѣ", тогда какъ другіе земскіе суды думали, что „натура" можетъ существовать и безъ корреспонденцій въ „Сѣверной Почтѣ", хотя первая и входила въ програму послѣдней. Такъ, напримѣръ, приводимъ два донесенія означеннаго суда [3]): 1) „Въ теченіе минувшаго Сентября сего 1810 года первой половины продолжались въ здѣшней округѣ морозы, а въ послѣдней наступила столь ясная, тихая и вёдреная погода, которая къ окончанію жатвы и уборки землепашцамъ съ полей хлѣба, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сѣна, много способствовала, каковыхъ временъ осени (sic) давно уже жители припомнить не могутъ, о чемъ, для припечатанія въ „Сѣверной Газетѣ" (sic) вашему сіятельству на разсмотрѣніе земскій судъ симъ почтительнѣйше и доноситъ". 2) „Минувшаго Сентября 10-го числа сего года, въ столь необыкновенное и опозданное время, Мышкинской округи, казенной Масловской вотчины, надъ деревнею Желниной послѣдовалъ сильный громовый ударъ, отъ котораго стоявшій въ огуменникѣ еловый колъ расшибленъ въ мелкія части. Впрочемъ селенію и жителямъ онаго никакого вреда

---

[1]) 31 Октября, № 25.
[2]) При письмѣ отъ 9 Ноября 1810 г., за № 5087.
[3]) Оба отъ 10 Октября 1810 г., за №№ 2129 и 2130.

не причинено, о чемъ вашему сіятельству, для припечатанія въ „Сѣверной Почтѣ“, земскій судъ симъ почтеннѣйше и репортуетъ“.

Подписка на 1811 годъ нѣсколько увеличилась, хотя, судя по нашимъ документамъ, пренумерантовъ было всё-таки не болѣе 18-ти на всю Ярославскую губернію. Козодавлевъ благодарилъ князя Голицына слѣдующимъ оффиціальнымъ письмомъ [1]: „Читая „Сѣверную Почту“, ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, замѣтить изволили, съ какою точностью помѣщаются въ оную доставляемыя вами извѣстія. Но какъ я таковыхъ давно отъ васъ милостивый государь мой, не имѣлъ удовольствія получать, то и побуждаюсь сей предметъ возобновить въ памяти вашей, оставаясь увѣреннымъ, что вамъ пріятно будетъ, посредствомъ постояннаго сообщенія мнѣ разныхъ для „Сѣверной Почты“ статей, пріобрѣсть новое право на мою къ вашему сіятельству признательность и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать къ тому, чтобы случаи, до ввѣренной вамъ губерніи касающіеся, извѣстны были публикѣ“.

При другомъ письмѣ [2]) Козодавлевъ доставилъ кн. Голицыну 10 экземпляровъ объявленія объ изданіи „Сѣверной Почты“, программа которой на 1811 годъ нѣсколько расширилась: „Помѣщаемы будутъ, сверхъ всего, и всѣ извѣстія до торговли относящіяся, каковыя входили доселѣ въ *„Коммерческія Вѣдомости“*, отъ бывшаго министерства коммерціи издававшіяся, и по нынѣшнему раздѣленію дѣлъ въ вѣдѣніе внутренняго министерства поступившія“. „Изъ сего объявленія увидите вы, милостивый государь мой (продолжалъ Козодавлевъ), что какъ цѣна на „Сѣверную Почту“, такъ мѣсто и способъ принятія оной на будущій 1811 годъ, останутся прежніе и во всемъ точно на заведенномъ въ нынѣшнемъ году порядкѣ. Изъявляя черезъ сіе вашему сіятельству признательность мою за содѣйствіе ваше въ умноженіи подписокъ на нынѣшній 1810 годъ на полученіе „Сѣверной Почты“ и за снабженіе меня извѣстіями ко внесенію въ оную, покорнѣйше прошу употребить все ваше стараніе и нынѣ, дабы распространить сколь возможно употребленіе сей газеты во ввѣренной вамъ губерніи и не оставить частою присылкою извѣстій обо всемъ томъ, что̀ въ оной ни случится любопытнаго, важнаго и вообще всего примѣчанія достойнаго. Чѣмъ болѣе найдете вы охотниковъ къ подпискѣ на сію газету и чѣмъ чаще будете снабжать оную свѣдѣніями, ко внесенію приличными, тѣмъ къ большей обяжете меня благодарности. Между различными родами извѣстій должно быть отнынѣ помѣщаемо и всё то, что̀ касается до торговли вообще“.

Изъ упомянутаго „объявленія“ мы узнаёмъ, что „Сѣверная Почта“ обѣщала помѣщать „всѣ статьи, до торговли относящіяся, табели, прейсъ-куранты и проч., сколько мѣсто листа позволитъ, а по надобности, сверхъ обыкновеннаго листа, будутъ выходить и прибавленія. Цѣна же подписки на сію газету остается при всемъ томъ прежняя, то есть здѣсь, въ Петер-

[1]) Письмо отъ 13 Декабря 1810 г., № 546.

[2]) По почтовому департаменту, за № 1272.

бургѣ, по 12 рубл., а съ пересылкою въ иные города и мѣста по 15 рубл. въ годъ. Подписка для полученія „Сѣверной Почты" или „Новой С.-Петербургской Газеты", на слѣдующій 1811 годъ, начнется съ 1-го числа наступающаго Октября и будетъ приниматься на прежнемъ основаніи въ почтамтахъ, почтовыхъ конторахъ и во всѣхъ мѣстахъ почтоваго вѣдомства".

Не рѣшаемся утомлять читателей дальнѣйшими подробностями о томъ „сотрудничествѣ", какое принимали въ „Сѣверной Почтѣ" Ярославскіе администраторы, болѣе или менѣе высокопоставленные. Есть основаніе предполагать, что самъ Ярославскій, Тверской и Новгородскій генералъ-губернаторъ, принцъ Георгъ Голштейнъ-Ольденбургскій, весьма слабо знакомый съ Русскимъ языкомъ, являлся корреспондентомъ министерской газеты, чрезъ посредство своихъ секретарей. Такъ, напримѣръ, въ 1811 году принцъ сообщилъ статейку объ Ярославской „благородной труппѣ", которая дала спектакль на театрѣ, устроенномъ въ домѣ статскаго совѣтника Карновича, въ пользу двухъ взрослыхъ дѣвицъ, воспитанницъ Ярославскаго дома призрѣнія ближняго [1]).

„Сѣверная Почта" существовала съ Ноября 1809 по 1820 г. и выходила по два листа въ недѣлю [2]). Полное изданіе ея состоитъ изъ 10 книгъ; оно уже въ 1828 г. оцѣнялось Смирдинымъ въ 250 рубл. асс. Теперь полный экземпляръ этой почтенной (для своего времени) газеты, вѣроятно, можно найти только въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Л. Н. Трефолевъ.

---

[1]) Письмо принца Георга къ князю Голицыну отъ 25 Февраля 1811 г., въ архивномъ дѣлѣ за № 1879.

[2]) „Роспись Россійскимъ книгамъ", Смирдина, № 9757. Въ 60-хъ годахъ издавалась, подъ тѣмъ же названіемъ, газета тоже при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, по программѣ, довольно близкой къ своей предшественницѣ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ТЮТЧЕВА.

1870.

Varsovie, 6 Juillet. C'est à mon arrivée ici que j'ai appris que la guerre était déclarée. C'est comme qui dirait le commencement de la fin du monde. Je supprime les réflexions, car l'intelligence humaine reste confondue et inerte en présence de pareilles éventualités. Je pars aujourd'hui même pour Berlin, en étant assuré que c'est la voie la plus directe pour arriver à Carlsbad. Je trouverai Berlin dans une agitation extrême... Ici j'ai été reçu à bras ouverts par l'excellent maréchal Berg, qui m'a choyé et festoyé toute la journée. J'ai dîné chez lui, et puis il m'a conduit à Lazenky assister à la représentation d'un ballet en plein air sur ce théâtre si connu du palais de Lazenky... Le bruit a couru déjà hier que les Français avaient envahi le Luxemburg, et on s'attend d'un moment à l'autre à recevoir la nouvelle de la première rencontre.

Варшава, 6-го Іюля. Про объявленіе войны я узналъ по пріѣздѣ сюда. Какъ будто кто сказалъ, что начинается конецъ свѣта. Подавляю всякія размышленія, потому что умъ человѣческій останавливается въ смятеніи и безсиліи предъ подобными случайностями*). Сегодня же ѣду въ Берлинъ, будучи убѣжденъ, что это кратчайшій путь въ Карлсбадъ. Берлинъ найду я въ крайнемъ волненіи... Здѣсь принялъ меня съ распростертыми объятіями добрый фельдмаршалъ Бергъ, ласкавшій и угощавшій меня цѣлый день. Я у него обѣдалъ, а послѣ онъ повезъ меня въ Лазенки на представленіе балета, даннаго подъ открытымъ небомъ въ хорошо извѣстномъ театрѣ Лазенковскаго дворца.

Вчера уже прошелъ слухъ, что Французы завладѣли Люксембургомъ, и съ минуты на минуту ждутъ извѣстія о первомъ столкновеніи.

---

*) Вспомнимъ, что жившій долго въ чужихъ краяхъ и въ этомъ 1870-мъ году скончавшійся въ Парижѣ А. И. Герценъ, который близко наблюдалъ политическое положеніе средней Европы, предсказывалъ за нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ не только войну Германіи съ Франціею, но и то, кому достаться должна побѣда. П. Б.

Carlsbad, 21 Juillet (2 Août). Ici on est toujours encore dans l'attente, mais c'est le calme sinistre qui précède le premier coup de tonnerre. Comme il n'y a rien de plus misérablement stupide que l'homme, on a déjà eu le temps d'émousser le sentiment de l'attente, et maintenant il faudra le rude contact de la réalité elle-même pour raviver dans les masses le sentiment de la situation. Il est certain que cette réalité se fait déjà rudement sentir dans l'Allemagne proprement dite et que la désolation est déjà grande à l'heure qu'il est, et nous ne sommes qu'au début.

Карлсбадъ, 21-го Іюля (2-го Августа). Здѣсь еще продолжаютъ ждать, но это—зловѣщее спокойствіе, наступающее передъ первымъ ударомъ грома. Такъ какъ человѣкъ существо тупое до послѣдней степени, то чувство ожиданія уже успѣло притупиться: теперь нужно будетъ суровое соприкосновеніе съ дѣйствительностью, чтобы оживить въ толпѣ сознаніе положенія. Правду сказать, эта дѣйствительность уже сурово даетъ себя чувствовать въ собственной Германіи, и уныніе въ настоящее время уже распространилось широко; а мы еще только при началѣ.

Töplitz, 30 Juillet (11 Août). Ce qui se passe a l'air d'un rêve. Les Français ne se défendent pas mieux que les Autrichiens contre l'ascendant irrésistible de la fortune de la Prusse. Le sort de la France remis aux chances d'une seule bataille, qui se livre peut-être en ce moment... Le vieux Barberousse les yeux déjà tous grands ouverts pour faire place à l'Empire Germanique, et tout cela accompli à moitié dans l'espace de moins d'une semaine... On se frotte les yeux, et on se demande si l'on rêve ou si on est éveillé.

Теплицъ, 30 Іюля (11 Августа). То, что происходитъ, похоже на грёзу Противъ неодолимо восходящаго счастія Пруссіи Французы защищаются не лучше Австрійцевъ. Судьба Франціи, ввѣренная случайностямъ одного сраженія, быть-можетъ рѣшается въ настоящее мгновеніе... Старый Барбаруссa широко открылъ глаза, Германская имперія воскресаеть, и это на половину уже свершилось менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли... Протираешь себѣ глаза и спрашиваешь, наяву ли все это или снится.

Töplitz 5 (17) Août. La France va descendre au rang d'une puissance de second ordre. Ses échecs militaires ne sont que des symptomes de cette démoralisation intime et profonde qui a envahi tout l'organisme. Je ne crois plus à une réaction, il n'y a plus assez de vitalité. Ce ne sera même plus comme en 1814 et 15. L'ennemi auquel elle a à faire n'aura pas pour elle les ménagements de l'emper. Alexandre I, et pour le coup il est plus que probable qu'elle perdra, si elle

succombe dans la lutte, l'Alsace et la Lorraine, qui sans l'intervention de la Russie lui auraient déjà été enlevées dès 1815. Or, une pareille amputation, ce serait la mort pour un organisme aussi affaibli que le sien. Les poètes vont se mettre à la besogne, et les vingt années qui restent encore jusqu'à l'anniversaire séculaire de 1789 seront employées à parachever cette cœvre de destruction progressive et désormais inévitable. Oui, ce serait là un triste spectacle, et on frémit à l'idée de ce qui doit se passer dans le cœur de tout Français à cette heure-ci. On comprend Thiers pleurant à sanglots dans une des dernières séances de la Chambre. Nous ferons, je suppose, tout notre possible pour empêcher ce démembrement de la France; mais à nous seuls, que pouvons nous, et Bismark n'est pas homme à se laisser toucher par les belles phrases de notre diplomatie.

Теплицъ, 5-го (17) Августа. Франція нисходитъ въ рядъ второстепенныхъ державъ. Ея военныя неудачи только признакъ глубокаго внутренняго разложенія, охватившаго все ея существо. Я болѣе не вѣрю въ поворотъ къ лучшему: у нея уже не достанетъ для этого жизненныхъ силъ. Даже не будетъ того, что̀ въ 1814 и 1815 годахъ. Врагъ, съ которымъ она имѣетъ дѣло, не отнесется къ ней съ той снисходительностью, какъ Александръ I; болѣе чѣмъ вѣроятно, что, потерпѣвъ въ борьбѣ пораженіе, она потеряетъ на этотъ разъ Эльзасъ и Лотарингію, которыя безъ вмѣшательства Россіи были бы у нея отняты еще съ 1815 года. А подобная операція равна смерти для столь ослабленнаго организма. Объ этомъ позаботится поэтъ, и двадцать лѣтъ, остающіяся еще до дня столѣтней годовщины 1789 года, будутъ потрачены на то, чтобы закончить работу разрушенія, все подвигающагося впередъ и отнынѣ неизбѣжнаго. Да, то будетъ печальное зрѣлище. Содрагаешься при мысли о томъ, что̀ должно происходить въ этотъ часъ въ сердцѣ каждаго Француза. Понимаешь Тьера, рыдавшаго на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Палаты. Полагаю, что̀ мы употребимъ всѣ усилія, чтобы помѣшать этому расчлененію Франціи; но что̀ можемъ мы сдѣлать одни? А вѣдь Бисмаркъ не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ можно растрогать прекрасными фразами нашей дипломатіи*).

Varsovie, 13 Août. Depuis ma dernière lettre écrite de Töplitz, j'ai visité, comme j'en avais eu l'intention, Prague, Vienne et Cracovie, et cette seconde moitié de mon voyage m'a été particulièrement agréable. A Prague j'ai été fêté... Et puis en ce moment il y a, comme toujours

*) Живучи въ Петербургѣ Прусскимъ посломъ, Бисмаркъ часто видался съ Ѳ. И. Тютчевымъ, въ особенности на вечерахъ графа Д. Н. Блудова (дочь котораго, графиня Антонина Дмитріевна, сохраняла съ нимъ сношенія даже до выхода его въ отставку), а черезъ много лѣтъ, пріѣхавъ къ намъ уже съ *своимъ* императоромъ, Бисмаркъ навѣстилъ Ѳедора Ивановича. П. Б.

à l'époque des grandes calamités publiques, un immense intérêt en commun qui rapproche singulièrement les hommes. C'est le sentiment de passagers à bord du même navire et d'un navire en perdition. Il est vrai que pour nous autres Russes ce qui atténue ce sentiment de solidarité c'est que nous nous savons en possession d'un bâteau de sauvetage plus grand que le navire qui sombre.

Варшава, 13-го Августа. Послѣ своего послѣдняго письма я посѣтилъ, какъ и намѣревался, Прагу, Вѣну и Краковъ; эта вторая половина моего путешествія лично для меня была очень привлекательной. Въ Прагѣ меня чествовали... Притомъ въ настоящее время, какъ всегда въ эпохи великихъ народныхъ бѣдствій, господствуетъ могущественное стремленіе къ общительности, которое удивительно сближаетъ людей между собой. Это тоже чувство, которое испытываютъ пассажиры на палубѣ одного и того же корабля, притомъ погибающаго корабля. Правда, у насъ, Русскихъ, это чувство общности ослаблено сознаніемъ, что у насъ имѣется спасательная лодка, которая побольше самагò тонущаго корабля.

Moscou, 20 Septembre. C'est demain que je quitte Moscou très content du séjour que j'y ai fait. Il y a dans cette localité quelque chose qui me calme et me repose d'une manière toute particulière. Il y a là tout un ordre d'impressions qui m'y attendent à poste fixe. Le boulevard de la Tverskaïa ne manque jamais son effet sur moi. Le jour de la S-te Sophie, j'ai dîné chez Катковъ, dont la femme est une Sophie, en société de la famille entière et les nombreuses gouvernantes, ce qui fesait un total d'une trentaine de personnes... J'ai communiqué à Катковъ mes appréciations faites sur les lieux, et les nouvelles arrivées depuis n'ont pas tardé de les confirmer. Ici, comme dans toute la Russie, il est vrai, l'hostilité contre les Allemands est très-grande. On s'y donne à coeur joie dans la presse, ce qui irrite, dit-on, beaucoup l'Empereur, qui se sent froissé de ce manque d'accord entre ses sentiments et ceux de ses fidèles sujets, et il est certain que c'est là une circonstance fâcheuse, surtout si cette disposition allait s'aggravant. Toutefois l'acceuil qui a été fait à Thiers a été très courtois, et on parlait même d'une ovation que le public de Pétersbourg comptait lui faire à moins qu'on s'y oppose en haut lieu... On m'a cité un propos du général Fleury que je crois vrai. Après avoir dit que par la chute de l'Empire il se trouvait lui et sa famille reduits à un revenu annuel de six mille francs, il a ajouté: «Tout de même nous nous sommes fièrement amusés pendant dix-huit ans». Seulement ces pauvres gens ne peuvent pas ajouter, comme jadis le roi Jérome: «Morgen wieder lustig». A moins que, la Prusse aidant, l'orgie ne recommence pour consoler la France de ses défaites. Hier dans la «Gazette de Pétersbourg» il y avait

une fort belle lettre de monseigneur Dupanloup et qui par le contraste avec tout ce pathos malsain de V. Hugo et consorts indique l'ordre d'idées où la France trouverait son salut, si ce malheureux pays pouvait être sauvé.

Москва, 20 Сентября. Я разстаюсь съ Москвою завтра очень довольный своимъ пребываніемъ въ ней. Есть что-то въ этомъ городѣ, совершенно особымъ образомъ успокоивающее и умиротворяющее меня. Здѣсь есть цѣлый кругъ впечатлѣній, вѣрно ожидающихъ меня на своихъ опредѣленныхъ мѣстахъ. Никогда не случалось, чтобы не произвелъ на меня своего дѣйствія Тверской бульваръ. Въ день Святой Софіи я обѣдалъ у Каткова, жену котораго зовутъ Софіей, въ обществѣ всѣхъ его семейныхъ и многочисленныхъ гувернантокъ, что̀ составляло итогъ человѣкъ въ тридцать... Я сообщилъ Каткову свои взгляды, создавшіеся на мѣстѣ, и извѣстія, полученныя позже, не преминули подтвердить ихъ. Правда, здѣсь, какъ и во всей Россіи, всѣ очень враждебно настроены противъ Нѣмцевъ. Въ печати отъ всего сердца отдаются этой враждѣ, что̀, какъ говорятъ, сильно сердитъ Государя, оскорбленнаго такимъ отсутствіемъ согласія между своими чувствами и чувствами своихъ вѣрноподданныхъ*); въ самомъ дѣлѣ, это непріятное обстоятельство, особенно если наклонность къ тому усилится. Все же пріемъ, оказанный Тьеру, былъ очень любезный; поговаривали даже, что Петербургское населеніе хотѣло сдѣлать ему овацію, но этому воспротивились въ высшихъ кругахъ... Мнѣ передавали слова генерала Флери, которыя кажутся мнѣ подлинными. Сказавъ, что послѣ паденія имперіи, ему и его семейству приходится ограничиться ежегоднымъ доходомъ въ шесть тысячъ франковъ, онъ добавилъ: „что̀ бы тамъ ни было, а мы хорошо позабавились эти восемнадцать лѣтъ“. Только бѣдняжкѣ не приходится добавлять, какъ когда-то король Іеронимъ: „Morgen wieder lustig“ (Завтра снова веселье), если только при содѣйствіи Пруссіи оргія не возобновится съ начала, чтобы утѣшить Францію въ ея пораженіяхъ. Вчера въ Journal de S-t Pétersbourg было помѣщено прекрасное письмо монсиньера Дюпанлу; своей противоположностью съ нездоровымъ паѳосомъ В. Гюго и его сотоварищей она указываетъ на тотъ кругъ идей, въ которомъ Франція найдетъ свое спасеніе, если только спасеніе возможно для этой несчастной страны.

---

*) Остановившись въ этомъ году въ Москвѣ, Ильинскомъ и на пути въ Крымъ, императоръ Александръ Николаевичъ не скрывалъ своихъ горячихъ сочувствій торжествовавшей Германіи, за обѣдомъ пилъ здоровье короля Вильгельма, въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ говорилъ воспитанницамъ о томъ, какъ Господь караетъ Наполеона III-го за его гордыню; идя по разукрашенной лѣстницѣ на торжественный обѣдъ къ Московскому генералъ-губернатору, лично раздавалъ листки полученныхъ въ тотъ день депешъ о новыхъ Прусскихъ побѣдахъ, а потомъ, когда Пруссаки дошли до Версаля, привѣтствовалъ побѣдителя Русскими словами: „Ай да дядя!“. Слова эти были тогда же напечатаны по русски въ передовой статьѣ Англійской газеты Times. П. Б.

S-t Pétersbourg, 27 Septembre. A un dîner que j'ai fait aux îles chez la grande-duchesse Hélène, j'ai vu le ministre de la guerre. J'ai recueilli beaucoup de détails sur le séjour de Thiers, et tous ceux qui en parlaient se croyaient obligés d'ajouter combien je leur avais manqué. C'était comme un mot d'ordre... Il se trouve que la grande-duchesse ne l'a pas vu; car Thiers, comme me l'a dit plus tard le chancelier, s'était fait une règle de ne demander audience à aucun membre de la famille impériale, l'Empereur compté. Néanmoins il a été reçu par le grand-duc Constantin et a été satisfait et touché de l'accueil sympathique qui lui a été fait. Mais aussi c'est là tout ce qu'il a obtenu, et il ne pouvait guère s'attendre à autre chose. Le pauvre vieillard faisait peine à voir. A plusieurs reprises, en parlant de la France, les larmes lui venaient couper la parole. Il a bien volontiers reconnu l'absurdité de leur politique envers nous, à la quelle il a participé tout comme les autres, et cela par suite des mêmes motifs qui sont leur prodigieuse ignorance de tout ce qui n'est pas eux et surtout de ce qui est nous. Il a parlé de Napoléon III avec mépris, bien entendu, mais sans violence. Il a raconté que peu de jours après la déclaration de la guerre, au moment de l'entrée en campagne, Napoléon s'était aperçu qu'il n'avait pas deux cens mille hommes dans la main. Il a fait dire à Thiers qu'il reconnaissait maintenant que celui-ci avait eu raison... Est-ce croyable?... J'ai vu le chancelier à Tsarskoë; il avait été prevenu par Jomini de ma visite et a été, comme toujours, affectueux au possible. Ce qui m'a fait plus de plaisir encore, c'est que je lui ai trouvé les appréciations les plus justes quant à la situation. Il n'est nullement la dupe de Bismark et il m'a assuré que *d'autres* ne l'étaient guère non plus. Dieu le veuille et que cette appréciation-là ne soit pas un effet de son optimisme. Ici, l'immense majorité du public est, comme partout en Russie, décidément anti-prussienne avec une nuance plus particulière dans le militaire, ce qui, dit-on, a causé quelque surprise en certain lieu.

С.-Петербургъ, 27 Сентября. На обѣдѣ у великой княгини Елены на островахъ я видѣлъ военнаго министра. Я разузналъ много подробностей о пребываніи Тьера, а всѣ говорившіе о немъ считали себя обязанными добавлять, что въ тѣ дни имъ очень не доставало меня. Словно всѣ сговорились... Оказалось, что великая княгиня не видала его. Дѣло въ томъ, что Тьеръ, какъ сказалъ мнѣ позднѣе канцлеръ, принялъ за правило не искать аудіенціи ни у кого изъ членовъ императорскаго семейства, не исключая и самого Императора*). Не смотря на то, онъ былъ принятъ великимъ княземъ Кон-

*) Тьеръ бывалъ въ Петербургѣ у старой своей знакомой по Парижу, княгини Е. Э. Трубецкой. П. Б.

стантиномъ и былъ удовлетворенъ и тронутъ пріемомъ, оказаннымъ ему; но вмѣстѣ съ тѣмъ, то было все, чего онъ достигъ. Ничего другого не могъ онъ и ожидать. Жалко было смотрѣть на бѣднаго старика. Нѣсколько разъ слезы прерывали его рѣчь, когда онъ говорилъ о Франціи. Онъ охотно признавалъ безуміе ихъ политики по отношенію къ намъ, въ которой и самъ участвовалъ вмѣстѣ съ другими, конечно, подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ: ихъ чудовищнаго невѣжества относительно всего не ихняго, особенно же всего нашего. О Наполеонѣ III онъ говорилъ, понятно, съ презрѣніемъ, но безъ злобы. Онъ разсказывалъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны, при началѣ первыхъ военныхъ дѣйствій, Наполеонъ замѣтилъ, что у него нѣтъ и двухсотъ тысячъ человѣкъ подъ рукой. Онъ велѣлъ сказать Тьеру, что теперь признаётъ, какъ былъ тотъ правъ... Мыслимо ли это?.. Въ Царскомъ видѣлъ я канцлера. Жомини предупредилъ его о моемъ посѣщеніи, и онъ, какъ всегда, былъ до крайности любезенъ. Но еще болѣе обрадовало меня, что я нашелъ его вполнѣ правильно оцѣняющимъ современное положеніе. Ни въ какомъ случаѣ онъ не кукла въ рукахъ Бисмарка; онъ увѣрялъ меня, что это нельзя сказать и о *другихъ*. Да будетъ такъ; пусть и эта оцѣнка не окажется результатомъ его оптимизма. Здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, настроеніе громаднаго большинства рѣшительно противъ Пруссіи; у военныхъ замѣчается при этомъ особый оттѣнокъ, вызвавшій, какъ говорятъ, нѣкоторое изумленіе въ извѣстномъ кругу.

9 Octobre. A propos des évènements du jour, on commence à trouver l'entre acte un peu trop long, et puisque la pièce doit continuer, on voudrait hâter la levée du rideau. D'autre part on fait circuler des bruits dans le sens de la pacification, et cela par le fait de l'intervention amicale de l'Empereur de Russie, auquel de part et d'autre on serait convenu d'offrir le rôle d'arbitre. Mais je crains, hélas, que ce ne soit trop beau pour être vrai, tout en reconnaissant que cette douce nature aurait mérité un pareil triomphe. Ce qui est certain, c'est qu'ici on est très préoccupé du désir d'empêcher à tout prix l'horrible extrêmité d'un bombardement de Paris... si bravement accepté par V. Hugo, qui voit déjà Notre Dame accepter avec *gaîeté* (le mot y est) les projectiles qu'on va lui envoyer.

9 Октября. Что̀ касается событій дня, то начинаютъ находить антрактъ слишкомъ долгимъ; такъ какъ представленіе должно продолжаться, то является желаніе поторопить поднятіе занавѣса. Съ другой стороны распространяютъ слухи въ смыслѣ примиренія, и притомъ будто бы благодаря дружественному вмѣшательству Русскаго Императора, которому и та, и другая сторона согласились предоставить посредничество. Но, увы! я боюсь, что это слишкомъ хорошо для того, чтобы быть справедливымъ, хотя и признаю, что такой мягкій характеръ заслуживаетъ подобнаго торжества. Несомнѣнно однако, что здѣсь всѣми владѣетъ желаніе во что бы то ни стало помѣшать столь

ужасной крайности какъ бомбардированіе Парижа... принятой столь развязно Викторомъ Гюго, который уже видитъ, какъ соборъ Парижской Богоматери весело (это подлинное выраженіе) встрѣчаетъ посылаемыя въ него ядра.

Pétersbourg, 15 Octobre. On parle de tentatinios de médiateur; c'est l'Angleterre qui en a pris l'initiative, et c'est là, je l'avoue, ce qui me les rend suspectes. Je suis assez tenté, je l'avoue, d'être de l'avis de Катковъ, qui est persuadé que si l'Angleterre s'est mise sérieusement à travailler à l'oeuvre de la paix, c'est qu'elle aura reconnu que les chances commençaient à tourner en faveur de la France. Nous, comme toujours, nous nous associerons avec beaucoup de bonne foi à cette oeuvre-là et avec encore plus de niaiserie. L'agent militaire prussien, qui est ici m-r de Werder, vient de partir pour le quartier-général de Prusse; il serait curieux et édifiant d'assister à son entrevue avec Bismark. Notre amour-propre national, je suppose, n'y trouverait pas son compte. Et cependant, en dépit de toutes ces tentatives pacificatrices, je commence à croire à quelque catastrophe épouvantable qui est au bout de tout cela et qui ne sera pas précisément à l'avantage des Prussiens. Le sentiment Européen se trouverait désappointé si les choses se passaient autrement.

Петербургъ, 15 Октября. Говорятъ о попыткахъ посредничества; починъ взяла на себя Англія и, сознаюсь, это уже дѣлаетъ его для меня подозрительнымъ. Сознаюсь, я склоненъ присоединиться къ мнѣнію Каткова, который убѣжденъ, что если Англія рѣшилась серьезно работать въ пользу мира, то, значитъ, она замѣтила, что успѣхъ начинаетъ переходить на сторону Франціи. А мы, какъ всегда: мы присоединимся къ этой работѣ съ самыми лучшими намѣреніями и съ еще большей недальновидностью. Здѣшній Прусскій военный агентъ, г. Вердеръ, только что уѣхалъ въ главную квартиру Прусскаго штаба; было бы любопытно и назидательно присутствовать на его свиданіи съ Бисмаркомъ. Наше народное самолюбіе, какъ мнѣ кажется, не очень-то было бы удовлетворено. И вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на всѣ миролюбивыя попытки, я начинаю вѣрить въ потрясающую катастрофу, которою все это закончится и которая окажется вовсе не на пользу Пруссаковъ. Европейское чувство будетъ слишкомъ покороблено, если событія свершатся иначе.

20 Octobre. Hier j'ai assisté au couvent de Nevsky à la cérémonie de l'abjuration de treize *Чехъ*; cela fesait penser à tant de choses et toucher, pour ainsi dire, au doigt le nœud qui les relie. Ce n'est pas sans un sens profond que le mot latin religio vient du verbe *relier*, *religare*; c'est, hélas, faute de ce lien essentiel que tout se disloque et se dissout dans cette pauvre France, qui dans toute la plénitude de ses ressources s'en ira sous nos yeux par pièces et morceaux... Il devient de plus en plus évident qu'une entente existe entre la Prusse et le parti

Bonapartiste, qui n'hésiterait pas à faire un pacte avec le diable en personne pour ressaisir le pouvoir. Il n'est pas impossible qu'une aussi abominable combinaison réussisse, mais il est encore plus impossible que tôt ou tard elle ne retombe d'un poids bien lourd sur la tête de ceux qui y ont pris part. Dernièrement la p-sse Lise Troubezkoi a reçu une lettre de Guizot que l'on dit très intéressante et dont elle a voulu se servir comme d'une amorce pour m'attirer encore une fois à Tsarskoë; mais j'ai résisté... Il y a eu mutation dans les régions de l'administration de la presse: le ci-devant président du Comité a été remplacé par un général-major de la suite, un nommé Шидловскій. Il est arrivé, précédé de toutes sortes de légendes formidables. Pour mon compte je l'ai trouvé fort bien, homme d'esprit d'ailleurs et très prévenant. Il a visité l'autre jour mon Comité, où je l'ai reçu à la tête de tous les employés en grande tenue. Tout s'est passé le mieux du monde avec une courtoisie toute chinoise. Sa mission est, dit-on, de réfréner la presse; il pourra aussi, je suppose, dans ses moments de loisir s'occuper d'empêcher l'eau à couler.

20 Октября. Вчера въ Невскомъ монастырѣ я присутствовалъ на обрядѣ отреченія тринадцати Чеховъ; это вызывало такъ много мыслей, заставляло, такъ сказать, пальцемъ коснуться того узла, которымъ они связаны. Не безъ глубокаго смысла Латинское слово *religio* происходитъ отъ глагола *religare*, связывать. Увы! въ силу именно этой существенной связи все распадается и разрушается въ бѣдной Франціи, которая, не смотря на полноту своихъ внутреннихъ силъ, на нашихъ глазахъ разсыпается въ куски, въ дребезги. Становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что существуетъ соглашеніе между Пруссіей и Бонапартистами, которые безъ колебанія заключатъ союзъ съ самимъ дьяволомъ, только бы опять заполучить власть въ свои руки. Нѣтъ ничего невозможнаго въ успѣхѣ такой чудовищной попытки; но гораздо болѣе невозможно, чтобы рано или поздно она не пала страшной тяжестью на головы ея участниковъ. Недавно княгиня Лиза Трубецкая получила письмо отъ Гизо, какъ говорятъ, очень любопытное: она хотѣла воспользоваться имъ, какъ приманкой, чтобы еще разъ завлечь меня въ Царское, но я устоялъ... Въ области управленія по дѣламъ печати есть перемѣна: бывшій президентъ Комитета замѣненъ генералъ-майоромъ свиты, нѣкіимъ Шидловскимъ. Его прибытію предшествовалъ цѣлый рядъ невѣроятнѣйшихъ росказней. Что до меня, я имъ доволенъ; къ тому же онъ показался мнѣ человѣкомъ умнымъ и очень предупредительнымъ. На дняхъ онъ посѣтилъ мой Комитетъ, гдѣ я принялъ его во главѣ всѣхъ чиновниковъ въ парадной формѣ. Все произошло какъ нельзя лучше съ совершенно Китайской вѣжливостью. Его назначеніе, какъ говорятъ: обуздать печать. Для минутъ досуга, какъ мнѣ кажется, найдется ему еще одно занятіе: пусть старается остановить теченіе воды.

1871.

Pétersbourg, 8 Juillet. Le grand intérêt du moment pour moi c'est le procès Нечаевъ, auquel j'assiste quotidiennement pendant des heures entières. Il serait impossible de rendre tout ce qu'il y a là de palpitante actualité et toutes les choses tristes et fatales que cela vous fait toucher au doigt. Je pourrais écrire des volumes là-dessus, mais à quoi bon?

Петербургъ, 8 Іюля. Важное событіе дня составляетъ для меня дѣло Нечаева, на которомъ я ежедневно провожу цѣлые часы. Невозможно передать такъ, чтобы стало вполнѣ осязательнымъ, сколько въ немъ животрепещущей современности, сколько горестнаго и роковаго. Я могъ бы исписать объ этомъ цѣлые томы, но къ чему?

13 Juillet. Ici l'intérêt de tout le monde et le mien en particulier est absorbé par le procès. Il y a longtemps que rien ne m'a autant impressionné. Tous les jours à midi et en frac uniforme je suis à l'audience (c'est tout dire), et j'y reste quelquefois jusqu'à six heures du soir. Maintenant c'est le tour de la défense, et j'ai eu aussi l'occasion d'entendre parler les meilleurs avocats de notre jeune bureau, et non sans une grande satisfaction. Je ne nous savais pas aussi avancés. En général tout ce monde de la magistrature judiciaire est comme le puissant embryon d'une Russie nouvelle. On y réspire l'avenir et un avenir, Dieu merci, bien différent du milieu dans lequel nous vivons présentement... C'est incroyable à quel point ce grand fait d'une magistrature régulière et autonome s'est acclimaté chez nous. On n'y sent pas le moins du monde la crudité de l'innovation: tout y fonctionne avec facilité et aplomb. Un de leurs, dont le talent de la parole vraiment très brillant, m'a fait le plus de plaisir, c'est assurément le prince Ouroussoff. L'autre jour, avant la séance, il est venu me trouver et m'a dit très amaiblement que ce qui l'avait soutenu dans les endroits scabreux de son grand discours, c'était l'idée de m'avoir pour auditeur... C'est vers la fin de la semaine que sera rendu le jugement pour les accusés de cette première catégorie, mais il y en a d'autres encore. Toute cette soi-disant conspiration, nulle comme danger pour l'état, est très grave à titre de symptôme et, ce qui est plus grave encore, hélas... ce sont les médecins traitants!

13 Іюля. Здѣсь любопытство всѣхъ и мое въ частности поглощено дѣломъ Нечаева. Уже давно ничто не производило подобнаго впечатлѣнія. Каждый день въ полдень, и притомъ въ форменномъ фракѣ, я уже присутствую на судѣ (этимъ все сказано), оставаясь тамъ иногда до шести часовъ вечера. Въ настоящее время слово принадлежитъ защитѣ, и кстати я имѣлъ

случай слышать лучшихъ адвокатовъ нашего юнаго суда, сознаюсь, съ чувствомъ рѣшительнаго удовлетворенія. Я не зналъ, что мы сдѣлали такіе успѣхи. Въ общемъ весь этотъ міръ судебной магистратуры представляетъ какъ бы могущественный зародышъ новой Россіи. Чувствуется вѣянье будущаго и, благодареніе Богу, будущаго совсѣмъ отличнаго отъ той среды, въ которой мы живемъ теперь... Просто невѣроятно, до какой степени привилось у насъ великое дѣло самостоятельной и узаконенной магистратуры. Въ ней ни въ малѣйшей степени не чувствуется обычныхъ неудобствъ новшества: всѣ отправленія совершаются легко и увѣренно. Наибольшее удовольствіе доставилъ мнѣ, конечно, князь Урусовъ*), обладающій дѣйствительно блестящимъ даромъ слова. На другой день, до засѣданія, онъ отыскалъ меня и очень любезно сказалъ мнѣ, что въ трудныхъ мѣстахъ длинной рѣчи его поддерживало сознаніе, что среди слушателей нахожусь я... Приговоръ для обвиняемыхъ перваго разряда будетъ произнесенъ къ концу недѣли, но есть еще и другіе. Весь этотъ такъ называемый заговоръ совершенно ничтоженъ въ смыслѣ государственной опасности, но онъ очень опасенъ какъ признакъ болѣзни, а еще опаснѣе врачи, взявшіеся лѣчить ее.

20 Juillet. Avant-hier j'ai eu une assez bonne demi-journée. Le temps s'était remis, et je suis allé par le nouveau chemin de fer de Finlande à Pargolovo faire une visite longtemps promise à quelques-uns de mes collègues de Comité. A mon débarqué j'ai été intercepté par un des Lamansky, dont la nombreuse, patriarchale et intelligente tribu est établie là. C'est aussi là que j'ai dîné à une heure quelque peu indue, il est vrai, en société de trois générations et avec le concours improvisé de toutes les personnes qui tenaient à me voir, tels que Maïkoff et consorts. Le soir grande promenade au parc, qui est fort beau et rentrée tardive en ville non sans quelque fatigue, pour avoir trop marché et trop parlé. Hier a recommencé le procès pour les inculpés de la seconde catégorie, qui sont au nombre de 32. Il en restera encore plus de quarante à juger; le chiffre de 84 conspirateurs, qui devrait être formidable, n'est que ridicule par l'insignifiance absolue des personnages et des actes. Pas moins les frais du procès se montent déjà maintenant à la somme de 250 mille roubles.

20 Іюля. Третьяго дня я довольно хорошо провелъ полдня. Погода опять улучшилась, и я поѣхалъ по новой Финляндской желѣзной дорогѣ въ Парголово, такъ какъ давно уже обѣщалъ посѣтить кое-кого изъ моихъ сотоварищей по Комитету. При выходѣ я перехваченъ былъ однимъ изъ Ламан-

*) Князь Александръ Ивановичъ Урусовъ, донынѣ не ослабѣвшій въ своемъ ораторскомъ искусствѣ, которое недавно съ такимъ блескомъ проявилось въ Екатерининской залѣ Московскаго Окружнаго Суда по дѣлу о злоупотребленіяхъ Московскаго Кредитнаго Общества. П. Б.

скихъ, поселившихся тамъ всѣмъ своимъ родомъ, многочисленнымъ, патріархальнымъ, по поистинѣ просвѣщеннымъ. Тамъ я и обѣдалъ, правда, немного въ неурочное время, въ обществѣ трехъ поколѣній, при чемъ неожиданно собрались всѣ желавшіе повидать меня, какъ Майковъ [1]) и его сотоварищи. Вечеромъ—большая прогулка по прекраснѣйшему парку и запоздалое возвращеніе въ городъ не безъ нѣкоторой усталости, такъ какъ пришлось слишкомъ много ходить и слишкомъ много говорить. Вчера возобновилось дѣло для подсудимыхъ второго разряда, которыхъ 32 человѣка; остается еще больше сорока. Число заговорщиковъ 84 должно было бы казаться угрожающимъ, но оно только смѣшно въ виду безусловной ничтожности лицъ и поступковъ. Не смотря на то, расходы по веденію дѣла уже теперь доходятъ до 250 тысячъ рублей.

22 Juillet. Hier j'ai rencontré au chemin de fer de Pavlovsk Jomini, tout récemment revenu de Paris. Il est intimement persuadé qu'avant trois ans la France recommencera la lutte et qu'au lieu de payer les derniers millards elle aimera mieux les employer à faire la guerre aux Prussiens, ce qui peut-être ne serait pas raisonnable, mais ce qui paraît naturel. Quant à Paris, il a repris toutes ses anciennes allures, moins toutefois la turbulence des faubourgs. Mais ceci aussi ne tardera pas à revenir. J'ai parlé aussi à quelqu'un revenu d'Allemagne, où il avait été envoyé avec une mission scientifique. Il m'assure qu'il a trouvé partout des dispositions très bienveillantes envers nous et une grande bonne volonté à reconnaître, à la suite de leur empereur, le service que la Russie leur a rendu.

22 Іюля. Вчера на Павловской желѣзной дорогѣ я повстрѣчалъ Жомини [2]), только что вернувшагося изъ Парижа. Онъ глубоко убѣжденъ, что, до истеченія трехъ лѣтъ, Франція возобновитъ борьбу и предпочтетъ не выплачивать послѣднихъ милліардовъ, а употребить ихъ на войну съ Пруссаками. Это, быть можетъ, не будетъ разумно, но кажется естественнымъ. Что до Парижа, то все въ немъ опять идетъ по старому, впрочемъ исключая волненій въ предмѣстьяхъ; но это не замедлитъ возобновиться. Говорилъ я также съ однимъ господиномъ, вернувшимся изъ Германіи, куда онъ былъ посланъ съ ученымъ порученіемъ. Онъ увѣряетъ меня, что встрѣчалъ вездѣ самое доброжелательное расположеніе къ намъ и полную готовность вслѣдъ за своимъ императоромъ признать оказанную Россіей услугу.

---

[1]) Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, служившій въ Комитетѣ иностранной цензуры, коего Ѳ. И. Тютчевъ былъ предсѣдателемъ. П. Б.

[2]) Баронъ Александръ Генриховичъ Жомини, сынъ славнаго военнаго историка, служилъ старшимъ совѣтникомъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ членомъ совѣта былъ Ѳ. И. Тютчевъ. П. Б.

Pétersbourg, 14 Septembre. En fait de nouveaux arrivés il y a le nouveau ministre de Grèce Boudouris, que nous avons beaucoup vu et même connu comme tout jeune homme dans le temps à Munich. Il est venu me voir et m'a réellement étonné par la vivacité de ses souvenirs. C'était à croire que nous nous étions rencontrés l'avant-veille seulement. Il m'a cité jusqu'à certains propos qu'il prétend avoir été dits par moi dans le temps... car il paraît qu'alors déjà je disais des *mots*... En présence de toutes ces mémoires si vivantes, si conscientes du passé, je me sens comme anéanti. Je me sens plus qu'aux trois quarts plongé dans le néant, qui ne laisse survivre en moi que le sentiment de l'angoisse... Le télégraphe nous a fait connaître hier le résumé d'une publication faite au nom d'une assemblée *d'Anciens Catholiques* réunie en ce moment à Munich et signée par Doellinger et trois ou quatre noms très autoritaires. Pour la première fois un appel est fait dans ce document à l'Eglise d'Orient, et l'entente avec elle signalée comme un fait possible et désirable. Ce qui est certain, c'est que dernièrement sur l'initiative du grand-duc Constantin quelqu'un d'ici a été envoyé à Munich vers Doellinger, et ce quelqu'un est notre ami *Осининъ.*

Петербургъ, 14 Сентября. Въ числѣ новоприбывшихъ есть новый Греческій посланникъ Будурисъ, котораго мы часто видали и съ которымъ даже были знакомы въ свое время въ Мюнхенѣ, какъ съ очень молодымъ человѣкомъ. Онъ посѣтилъ меня и рѣшительно изумилъ живостью своихъ воспоминаній. Можно было подумать, что мы встрѣчались всего только третьяго дня. Онъ даже повторялъ нѣкоторыя выраженія, которыя по его утвержденію были сказаны въ то время мною... Выходитъ, что уже тогда я говорилъ острыя слова... Предъ этими воспоминаніями столь живучими, столь властными надъ прошлымъ, я чувствую себя какъ бы уничтоженнымъ. Я чувствую, что болѣе чѣмъ на три четверти уже погруженъ въ небытіе, которое оставляетъ живыми во мнѣ только ощущенія тоски и томленія... Телеграфъ сообщилъ намъ вчера содержаніе объявленія, сдѣланнаго отъ имени съѣзда Старокатоликовъ, собраннаго въ настоящее время въ Мюнхенѣ; объявленіе подписано Дöллингеромъ и тремя-четырьмя очень выдающимися именами. Въ первый разъ въ этомъ объявленіи призывъ обращенъ къ Восточной церкви, и единеніе съ ней названо событіемъ возможнымъ и желательнымъ. Вполнѣ достовѣрно, что по почину великаго князя Константина отсюда былъ недавно посланъ нѣкто въ Мюнхенъ къ Дёллингеру; этотъ нѣкто – нашъ другъ Осининъ.

3 Octobre. J'ai eu des nouvelles très circonstanciées de ce qui s'est passé à Munich par le retour d'*Осининъ*, qui a assisté au Congrès et dont les impressions, qu'il en a rapportées, sont des plus favorables. Il parle avec animation du serieux chrétien de cette réunion et du

grand sentiment de la vraie tradition, qui s'y est fait pied. Au reste nous allons en juger par nous-mêmes bientôt, attendu que les rapports télégraphics des séances vont paraître. *Осининъ* prépare de son côté un rapport adressé au Synode sur sa participation au congrès.

3-го Октября. Я получилъ очень обстоятельныя извѣстія о томъ, что̀ происходило въ Мюнхенѣ, такъ какъ вернулся Осининъ, присутствовавшій на съѣздѣ; онъ вынесъ оттуда самыя благопріятныя впечатлѣнія. Онъ съ воодушевленіемъ говоритъ о искреннемъ христіанствѣ этого съѣзда и о вѣрномъ чувствѣ истиннаго преданія, утвердившемся тамъ. Впрочемъ, мы скоро будемъ имѣть возможность судить объ этомъ сами, такъ какъ появятся телеграфическіе отчеты о засѣданіяхъ. Осининъ съ своей стороны готовитъ отчетъ для Синода о своемъ участіи въ съѣздѣ.

*

Тутъ кончаются выдержки изъ писемъ Ѳ. И. Тютчева къ его супругѣ Эрнестинѣ Ѳеодоровнѣ, сдѣланныя ею самою. Читатели „Русскаго Архива" оцѣнили эти случайныя, отрывочныя, но полныя глубокаго содержанія замѣтки достопамятнаго гражданина, политика и вѣщаго художника, какимъ былъ Тютчевъ. Кто-то назвалъ эти его письма „стихотвореніями въ прозѣ"; но кромѣ достоинства художественнаго, это своего рода лѣтопись за четверть слишкомъ вѣка Русской государственной жизни, какъ политической, такъ и внутренней. Почти всякое сколько-нибудь значительное событіе вызывало откликъ въ сердцѣ и мысляхъ Тютчева, всецѣло преданныхъ Россіи. Благодарная память потомства будетъ обращена и къ той прекрасной душѣ, которая сочувственно воспринимала его наблюденія, его сѣтованія, его величавыя упованія. Русскій переводъ писемъ Ѳ. И. Тютчева принадлежитъ В. Я. Брюсову. П. Б.

*

Н. Ѳ. Щербинѣ.

Вполнѣ понятно мнѣ значенье
Твоей болѣзненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Предъ идеаломъ красоты...

Такъ узникъ Эллинскій порою,
Забывшись сномъ среди степей,
Подъ Скиѳской вьюгой снѣговою,
Свободой бредилъ золотою,
И небомъ Греціи своей.

Ѳ. Тютчевъ.

1857 г.

Эти стихи сообщены намъ В. Я. Брюсовымъ. Они не вошли ни въ одно изъ собраній стихотвореній Ѳ. И. Тютчева и появились въ Полномъ Собраніи сочиненій Н. Ѳ. Щербины (изд. 1873). П. Б.

О СОБРАНІЯХЪ СОЧИНЕНІЙ Е. А. БАРАТЫНСКАГО.

Собраніе сочиненій Е. А. Баратынскаго сдѣлано со вниманіемъ и съ любовью его сыновьями: въ 1869 г. Л. Е. Баратынскимъ, въ 1884 году— Н. Е. Баратынскимъ. Въ это собраніе включены только тѣ стихотворенія, которыя самъ поэтъ помѣщалъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ своихъ сочиненій, но пропущенныя произведенія перечислены въ особомъ указателѣ; текстъ напечатанныхъ стиховъ провѣренъ по разнымъ изданіямъ и рукописямъ, къ стихамъ приложенъ сводъ разночтеній. Этотъ трудъ навсегда останется основаніемъ для изданія сочиненій Баратынскаго; новые издатели могутъ вносить въ него лишь второстепенныя поправки и пополненія. Но Баратынскій одинъ изъ тѣхъ писателей, каждая строка которыхъ дорога намъ. Поэтому нельзя счесть излишнимъ указаніе даже на мелкіе пропуски и ошибки въ собраніи его сочиненій.

1.

Важнѣйшій недостатокъ изданій 69 и 84 гг. –неполнота. Издатели считали своимъ долгомъ не перепечатывать того, что̀ самъ Баратынскій не помѣщалъ въ собраніи своихъ сочиненій. Но и они не вполнѣ строго выполнили это намѣреніе, помѣстивъ въ своемъ изданіи *варіанты*, а среди нихъ цѣлыя стихотворенія въ первоначальной обработкѣ, позднѣе отвергнутой поэтомъ. Баратынскій имѣетъ право на полное собраніе сочиненій. Значеніе Баратынскаго, какъ поэта, столь велико, что никакіе юношескіе неудачные стихи не могутъ его умалить; никакая вновь обнародованная черта его жизни не можетъ затмить его свѣтлый обликъ, какъ человѣка. Его читатели, его поклонники хотятъ узнать его сколько можно полнѣе, и во всякомъ случаѣ хотятъ знать все, что̀ онъ самъ хотя однажды счелъ возможнымъ напечатать для всѣхъ.

Въ 1894 году, въ годъ пятидесятилѣтія со дня смерти Баратынскаго, появился цѣлый рядъ новыхъ изданій его сочиненій *). Изъ нихъ только въ

---

*) Къ списку, помѣщенному въ изд. 84 г., надо присоединить еще слѣдующія названія:

1. Сочиненія „Дешевая Библіотека“ А. С. Суворина. Спб. 94 г.
2. Полное собраніе сочиненій. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ 94 г.
3. Полное собраніе сочиненій. Изд. Е. Павловой. Спб. 94 г.
4. Сочиненія. Прилож. къ газ. Гражданинъ за Авг.—Сент. 94 г.

одномъ, въ изданіи „Сѣвера“, подъ ред. И. Н. Божерянова, сдѣлана попытка собрать всѣ напечатанные стихи Баратынскаго. Для такой работы существовали два пособія: перечень пропущенныхъ стихотвореній, приложенный къ изд. 84 г., и списокъ всѣхъ напечатанныхъ стихотвореній Баратынскаго, составленный М. Н. Лонгиновымъ и приложенный къ изд. 69 г. Г. Божеряновъ воспользовался лишь перечнемъ и напечаталъ 29 стихотвореній изъ числа указанныхъ тамъ. Кромѣ того, онъ напечаталъ еще два стихотворенія, разысканныя имъ самимъ, но изъ нихъ только одно (*Выздоровленіе*, Благонамѣр. 1821 г.), дѣйствительно отдѣльное произведеніе, другое же („*Заснули рощи*“, Невск. Зрит. 1820 г.) только варіантъ къ стихотв. „*Изъ Лафара*“ (стр. 21 по изд. 84 г. [1]); въ изд. 27 г. названо „*Утѣшеніе*“, правда, пропущенный въ изданіяхъ 69 и 84 гг., но указанный въ спискѣ М. Лонгинова. Въ предисловіи г. Божеряновъ называетъ изданіе, сдѣланное подъ его наблюденіемъ „дѣйствительно полнымъ собраніемъ“. Но это невѣрно.

Вопервыхъ, г. Божеряновъ напечаталъ даже не всѣ стихотворенія, на которыя указано въ изд. 84 г., какъ на пропущенныя; именно, остались неперепечатанными три изъ нихъ: Леда (Мнемозина 1825 г.) и двѣ эпиграммы (Моск. Телегр. 1826 г. и Утренняя Заря 1840 г.).

Вовторыхъ, въ спискѣ М. Лонгинова г. Божеряновъ могъ бы найти указанія еще на два стихотворенія, хотя и не упомянутыя въ перечнѣ пропущенныхъ, но въ изд. 84 г. все же не вошедшія. Это эпиграмма „*Писачка въ Фебовъ дворъ*“ (Литер. Газ. 1830 г., № 33) и „*Случай*“ (изд. 27 г., стр. 94; изд 35 г., безъ заглавія, стр. 80).

Послѣднее стихотвореніе замѣчательно тѣмъ, что самъ Баратынскій помѣстилъ его въ отдѣльномъ изданіи своихъ сочиненій; слѣдовательно, изданія 69 и 84 г. не полно воспроизводятъ сборники 27 и 35 г. Г. Божеряновъ не замѣтилъ этого, потому что не сличалъ изданія 84 г. съ прежними: онъ слѣпо перепечаталъ его, повторивъ даже опечатки [2]).

---

5. Полное собраніе сочиненій. Прилож. къ журн. Сѣверъ за Авг.—Сент. 94 г.

6. Поэмы и стихотворенія „Шоколадная Библіотека“ С. Васильева. Спб. 95 г.

7. Избранныя сочиненія. Изд. И. Глазунова. Спб. 96 г.

Изъ этого видно, что и списокъ, составленный С. Венгеровымъ, („Русскія книги“) не полонъ. Что касается до указанной тамъ среди сочиненій Е. А. Баратынскаго книги „Тринадцать дней или Финляндія. Мск. 1809 г.“, то явно, что она не можетъ принадлежать перу поэта Баратынскаго, которому въ 1809 г. было всего 9 лѣтъ.

[1]) И дальше всѣ указанія страницъ относятся къ изд. 84 г.

[2]) Изъ нихъ одна очень важная. Въ послѣднемъ стихѣ стихотв. „*Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье*“ (стр. 209) надо читать „миръ“, а не „міръ“, какъ напечатано въ изд. 69 и 84 г. и у Божерянова.

И чистоту поэзія святая
И миръ отдастъ причастницѣ своей.

Такъ эти стихи и напечатаны въ изд. 35 г.

Въ-третьихъ, наконецъ, въ Русск. Архивѣ 1890 г., № 2, помѣщено еще одно стихотвореніе Баратынскаго, напечатанное съ рукописи, „Объ одномъ литературномъ кружкѣ".

Такимъ образомъ въ изданіи подъ ред. г. Божерянова не достаетъ *шести* напечатанныхъ стихотвореній Баратынскаго [1]). Но есть основанія предполагать, что списокъ М. Лонгинова неполонъ. Г. Божеряновъ напечаталъ стихотвореніе, не указанное въ немъ, „Выздоровленіе" (1821 г.). Мною замѣченъ еще слѣдующій пропускъ. По указаніямъ М. Лонгинова, три стихотворенія: „*Любви примѣты*" (стр. 129), „*Сей поцѣлуй*" (стр. 128) и „*На кровы ближняго селенья*" (стр. 130), появились впервыя въ изданіи 27 г., почему издатели и печатали ихъ подъ этимъ годомъ. Но это невѣрно. Эти три стихотворенія были раньше напечатаны въ „Благонамѣренномъ" за 1822 г. (т. X, стр. 443 и сл.) и принадлежатъ, слѣдовательно, къ однимъ изъ самыхъ раннихъ произведеній поэта. Эти пропуски даютъ право думать, что издатели Баратынскаго могутъ отыскать въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ еще нѣсколько забытыхъ его стихотвореній.

Кромѣ того, списокъ М. Лонгинова относится только къ стихотвореніямъ Баратынскаго [2]); издателямъ же придется пополнить и собраніе его прозы. Въ отдѣльномъ изданіи поэмъ „*Эда и Пиры*" (Спб. 1826 г.) передъ каждой изъ нихъ были помѣщены предисловія, которыя не перепечатывались затѣмъ ни въ одномъ изъ слѣдующихъ изданій. Между тѣмъ эти предисловія знакомятъ со взглядами Баратынскаго въ 26 году на поэзію, на первыя поэмы Пушкина, на свои собственныя произведенія. Въ томъ же изданіи къ обѣимъ поэмамъ есть эпиграфы. Для *Эды* взята Французская пословица: „On broutte là où l'on est attaché" (Гдѣ привязанъ, тамъ и пасешься); эпиграфъ къ *Пирамъ* изъ Стерна: „Воображеніе раскрасило тусклыя окна тюрьмы Серванта". Конечно, эти предисловія должны быть включены въ полное собраніе сочиненій Баратынскаго [3]).

Нѣтъ причинъ исключать изъ такого собранія и переводы Баратынскаго въ прозѣ. Изд. 69 г. указываетъ два изъ нихъ: „О колоколахъ" изъ Шатобріана (Сынъ Отеч. 1822 г., № 3) и „Прокаженный города Аосты", изъ гр. дэ-Мэстра (Библ. для Чтенія 1822 г., № 2). Я уже не говорю о необходимости пополнить собраніе писемъ Баратынскаго, значительная часть которыхъ до сихъ поръ или необнародована, или разсѣяна въ повременныхъ изданіяхъ.

---

[1]) Они кромѣ „Леды" собраны въ приложеніи къ этой статьѣ.

[2]) Въ 1864 г. М. Лонгиновымъ былъ помѣщенъ въ Русск. Арх. общій списокъ напечатанныхъ произведеній Баратынскаго, и въ стихахъ, и въ прозѣ, но онъ еще очень неполонъ.

[3]) Они воспроизведены въ приложеніи къ этой статьѣ.

2.

Извѣстно, что Баратынскій передѣлывалъ свои стихи по нѣскольку разъ, даже послѣ ихъ появленія въ печати. Такія передѣлки особенно любопытны у поэта-мыслителя. Это не только замѣна одного опредѣленія другимъ, не только стараніе нарисовать образъ отчетливѣе, сдѣлать стихъ болѣе звучнымъ, это углубленіе самой мысли стихотворенія, а иногда и видоизмѣненіе ея. Баратынскій нерѣдко даже жертвовалъ красотой стиха ради вѣрности выраженія. Вотъ почему разночтенія его стиховъ особенно дороги его читателямъ; это какъ бы отдѣльныя произведенія.

Собраніе разночтеній къ стихамъ Баратынскаго было сдѣлано въ изд. 69 года и повторено въ изд. 84 г. Собраніе это составлено тщательно и заслуживаетъ отъ всѣхъ занимающихся поэзіей Баратынскаго глубокой благодарности. Однако, и оно не чуждо пропусковъ и ошибокъ.

На первомъ мѣстѣ надо поставить стихи, которые совсѣмъ не были приняты во вниманіе издателями 69 и 84 г. или остались имъ неизвѣстны. Таково, во-первыхъ, стихотвореніе „*Заснули рощи*", напечатанное г. Божеряновымъ и составляющее одинъ изъ первоначальныхъ набросковъ перевода „Изъ Лафара" (стр. 21 и вар. стр. 6). Таковы затѣмъ два стихотворенія изъ напечатанныхъ въ Благонамѣренномъ 1822 г.: „*Любви примѣты*" и „*Сей поцѣлуй*".

Стихотв. „*Любви примѣты*" названо тамъ (какъ и позднѣе, въ изд. 27 г.) „*Догадка*", что придаетъ ему особый оттѣнокъ. При этомъ стихи 11—14 читаются такъ:

Ты вся въ огнѣ,
Бѣдняжка Скромность!
Сихъ взоровъ томность
Понятна мнѣ.

Это сообщаетъ стихотворенію страстность, которой нѣтъ въ позднѣйшей обработкѣ.

Стихотв. „Сей поцѣлуй" напечатано въ Благонамѣренномъ такъ:

П о ц ѣ л у й.

(Доридѣ).

Сей поцѣлуй, дарованный тобой,
Преслѣдуетъ мое воображенье:
И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатлѣнье.
Случайнымъ сномъ забудусь ли порой —
Мнѣ снишься ты, мнѣ снится наслажденье.
Блаженствую обманутый мечтой,
Но въ тотъ же мигъ встрѣчаю пробужденье.
Обманъ исчезъ, одинъ я, и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

Такая форма стихотворенія, въ 10 стиховъ вмѣсто 8, еще разъ показываетъ ходъ работы у Баратынскаго. Онъ выпускалъ все, что̀ читатель могъ угадать самъ, сжималъ свои стихи до послѣдней возможности.

Что̀ касается до разночтеній, собранныхъ изданіемъ 69 г., то и тамъ необходимы поправки и пополненія, частью потому, что матеріалъ расположенъ тамъ неотчетливо, частью въ виду мелкихъ пропусковъ.

Вотъ примѣры пропусковъ:

Къ сонету „*Мы пьемъ въ любви отраву сладкую*“ (стр. 86) не указано чтеніе послѣдняго стиха въ Сѣверн. Цвѣтахъ на 1825 г.:

Тебѣ предаться могъ бы вновь.

Въ разночтеніяхъ стихотв. „*Финляндія*“ (стр. 22) по Сыну Отеч. 1821 г. пропущенъ стихъ. Послѣ словъ „Златые призраки, златыя сновидѣнья“ тамъ читается:

Желанья пылкія, слетитеся толпой!

Въ разночтеніяхъ посланія къ Б—ну (стр. 38) по Сыну Отеч. того же года пропущено чтеніе перваго стиха:

Нѣтъ, нѣтъ, Булгаринъ, ты не правъ!

и чтеніе 17-го стиха:

Не замѣчая крикуновъ.

Притомъ не указано, что посланіе озаглавлено полной фамиліей—Булгарину.

Въ разночтеніяхъ къ эпиграммѣ „*Свои стихи То—овъ піитъ*“ (стр. 125) не указано, что въ изд. 27 г. фамиліей піита взято „Тощевъ“.

Затѣмъ вотъ примѣры неотчетливаго расположенія матеріала:

Въ разночтеніяхъ къ стихотв. „*Пѣсня*“ (стр. 33) указано, что 5-й ст. въ изд. 27 г. читается:

На часахъ стоитъ печально

но не указано, что такъ же онъ читается и въ Сынѣ Отеч. („*Русская пѣсня*“). Не указано, кстати сказать, что 7—стихъ тамъ же читается:

Онъ несется вслѣдъ за ними.

Въ разночтеніяхъ къ стихотв. „*Брату*“ (стр. 13) не указано, что такъ же, какъ въ Благонамѣренномъ, стихи эти читаются и въ Невскомъ Зрителѣ на 1820 г.

Въ разночтеніяхъ посланія къ Булгарину, о которомъ шла рѣчь выше, не ясно, что ст. 5—6 читаются и въ Сынѣ Отеч.:

Изъ своеволія страстей
Съ себя мы правилъ не слагали.

Не лишнимъ было бы также указать, что слово „Опытность“ напечатано тамъ съ прописной буквы, и что въ ст. 8 читается „предъ суровой“ (т.-е. опытностью) вмѣсто „предъ суровымъ“ (т.-е. опытомъ).

Все это мелочи, но стихи Баратынскаго заслуживаютъ полнаго собранія разночтеній. Кромѣ того, важно знать, что̀ даетъ изданіе: полный ли сводъ разночтеній, или только выборъ наиболѣе любопытныхъ изъ нихъ? Приведенные примѣры показываютъ, что „собраніе варіантовъ“ 69 г. не совсѣмъ полно.

3.

Собирая всѣ передѣлки, какія Баратынскій дѣлалъ въ своихъ стихахъ, издатели 69 и 84 г. не обратили вниманія на измѣненія имъ *заглавій* своихъ произведеній. Часто одно и тоже стихотвореніе носитъ у Баратынскаго въ разныхъ изданіяхъ не одинаковыя названія, что̀ иногда тоже придаетъ стихамъ новый оттѣнокъ. Извѣстно, напр., что поэма „Цыганка“ называлась раньше „Наложница“.

Въ изданіи 27 г. большинство стихотвореній означено заглавіями; напротивъ, въ изданіи 35 г. заглавія оставлены лишь у очень немногихъ; бо́льшей частью выкинуты даже означенія „*элегія*“, „*эпиграмма*“ и указанія, кому написано посланіе. Въ этомъ изданіи нѣтъ заглавій надъ такими произведеніями, какъ „*Смерть*“ (стр. 167), „*Дѣвь доли*“ (стр. 61), „*Водопадъ*“ (стр. 40), „*Звѣзда*“ (стр. 89), „*Муза*“ (стр. 176), „*Бѣсенокъ*“ (стр. 163) и т. п. Издатели 69 и 84 г. не держались никакого опредѣленнаго взгляда въ вопросѣ о заглавіяхъ, иногда слѣдовали изданію 35 г., иногда возстанавливали заглавіе изъ перваго сборника.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно возстановить измѣненное заглавіе по списку М. Лонгинова; но въ этомъ спискѣ всегда указано только *одно* заглавіе, и притомъ не всегда первое. Стихотвореніе, означенное въ изд. 84 г. „С. П. Д.“ (стр. 135), у М. Лонгинова названо „*Къ жестокой*“, какъ и въ изд. 27 г., гдѣ оно было напечатано впервыя. Стихотв. „*Мы пьемъ въ любви отраву сладкую*“ (стр. 86) озаглавлено „Сонетъ“, какъ въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1825 г. (въ изд. 27 г. оно названо „Любовь“, а въ изд. 35 г. оставлено безъ заглавія). Но эпиграмма „*Не трогайте Парнасскаго пера*“ (стр. 110) оставлено у М. Лонгинова безъ заглавія, хотя при первомъ появленіи въ печати называлась „*Совѣтъ*“ (Моск. Телегр. 1826 г.). Названо по первому стиху и стихотв. „*Разсѣиваетъ грусть*“ (стр. 27), которое впервыя было напечатано (Сынъ Отеч. 1821 г.) подъ заглавіемъ „*Унытіе*“, а позднѣе названо „*Лагерь*“.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ измѣненныхъ заглавій, при чемъ выбраны именно такія, на которыя нѣтъ указанія у М. Лонгинова, или указанія не полны.

Стихотв., въ позднѣйшихъ изданіяхъ называемое *„Деревня“* (стр. 28) въ изд. 27 г. названо *„Родина“*, а раньше, въ Сынѣ Отеч. 1821 г., *„Сельская элегія“*. Понятенъ поводъ, побудившій Баратынскаго послѣ 27 г. измѣнить заглавіе *„Родина“*: въ 1828 году онъ написалъ стихи *„Судьбой наложенныя цѣпи упали съ рукъ моихъ“*, которымъ гораздо болѣе идетъ такое названіе.

Стихотв. *„Черепъ“* (стр. 87) въ изд. 27 г. называлось *„Могила“*, что едва ли не болѣе мѣтко указываетъ на его содержаніе.

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Ребячески надъ ямой хохотала.

Стихотв. *„Онъ близокъ, близокъ день свиданья“* (стр. 15) въ Невск. Зрит. 1820 г. оставлено безъ заглавія, а въ изд. 27 г. названо *„Ропотъ“*.

Стихотв. *„Когда взойдетъ денница золотая“* (стр. 113) въ изд. 27 г. названо *„Пѣсня“*.

Такихъ измѣненій заглавій можно указать очень много; имъ мѣсто въ собраніи разночтеній. Въ текстѣ же необходимо держаться единообразія, называя, напр., стихи такъ, какъ этого хотѣлъ поэтъ въ послѣднемъ изданіи сдѣланномъ подъ его наблюденіемъ.

Менѣе всего можно одобрить введеніе издателемъ новаго заглавія, какого у самого поэта не было; между тѣмъ издатели обыкновенно позволяютъ себѣ это въ посланіяхъ. Очень часто поэтъ означаетъ то лицо, которому посвящены стихи лишь начальными буквами или уменьшительнымъ именемъ. Въ посмертныхъ изданіяхъ такія указанія обыкновенно замѣняются полной фамиліей. Конечно, точное означеніе лица важно, но ему мѣсто въ примѣчаніяхъ; оно не должно вторгаться въ текстъ поэта, измѣнять заглавіе, выбранное имъ самимъ.

Вотъ примѣры изъ сочиненій Баратынскаго.

Первое появившееся въ печати его стихотвореніе называется теперь *„М. А. Панчулидзевой“* (стр. 1). Такого заглавія у Баратынскаго нѣтъ; въ изд. 27 г. надъ этими стихами было помѣчено:

Женщинѣ пожилой,
но все еще прекрасной.

Стихотв., первоначально написанное по-французски (*„Выдь, дохни намъ упоеньемъ*, стр. 94), въ изд. 27 г. было озаглавлено:

Дѣвушкѣ,
имя которой было
Аврора.

Позднѣе, въ изд. 35 г. оно было помѣчено: „Аврорѣ Ш...“. Одно изъ этихъ заглавій должно сохранить и современному издателю, потому что читателю прежде всего важно *имя* Аврора.

Съ другой стороны, нѣтъ причинъ скрывать полное имя тамъ, гдѣ его ставилъ самъ поэтъ. (Выше указано посланіе Б—ну, которое въ Сынѣ От. озаглавлено полно *Булгарину).* Такъ же нѣтъ причинъ не указывать на заимствованія, гдѣ такія указанія сдѣланы самимъ авторомъ. Напр., въ изд. 27 г. отмѣчено, что стихотв. *Наяда* (стр. 115) переводъ изъ А. Шенье, а стихотв. *Лета* (стр. 60) переводъ изъ Миллъвуа. Въ изд. 84 г. читатель этихъ указаній не находитъ.

4.

Въ изд. 69 и 84 г. чтеніе стиховъ Баратынскаго было свѣрено съ первоначальными изданіями, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и съ подлинными рукописями поэта. Не смотря на то, текстъ Баратынскаго едва ли можно считать окончательно установленнымъ. Какъ примѣръ, укажу стихотв. *„Благословенъ святое возвѣстившій“* (стр. 267), дважды печатавшееся при жизни самого поэта. Въ мелкихъ изданіяхъ (Суворина, Іогансона) оно теперь начинается такъ:

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой-нибудь неправедный изгибъ
Сердецъ людскихъ, предъ нами обнажившій
Двѣ области: сіянія и тьмы.

Въ Современникѣ 1839 г. и въ отдѣльномъ сборникѣ *Сумерки* 1842 г. нѣтъ запятой послѣ слова *„людскихъ“*, и на концѣ четвертаго стиха стоитъ точка; но именно непонятность такого чтенія и вызвала поправки новѣйшихъ издателей. Кажется, всего вѣрнѣе будетъ сохранить всѣ знаки, какъ въ *Сумеркахъ*, и прибавить *запятую* предъ словомъ „изгибъ“. Тогда стихотвореніе будетъ читаться такъ (правописаніе *Сумерекъ):*

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой нибудь неправедный, изгибъ
Сердецъ людскихъ предъ нами обнажившій.
Двѣ области—сіянія и тьмы—
Изслѣдовать равно стремимся мы.
Плодъ яблони со древа упадаетъ:
Законъ небесъ постигнулъ человѣкъ!
Такъ въ дикой смыслъ порока посвящаетъ
Насъ иногда одинъ его намекъ.

Баратынскій говоритъ о *неправедномъ,* т.-е. порочномъ человѣкѣ, сохранившемъ во глубинѣ разврата живую душу, даръ творчества. Такой человѣкъ раскроетъ предъ своими читателями новыя тайны души, особый изгибъ сердецъ. Наблюденію и изученію подлежатъ обѣ области жизни: и свѣтъ и мракъ, и добродѣтель и порокъ. Близкія къ этому мысли Баратынскій развиваетъ и въ предисловіи къ *Наложницѣ.* Въ своихъ произведеніяхъ онъ самъ хотѣлъ принести откровенія изъ области тьмы; въ этомъ отношеніи замѣчательно, что почти всѣ герои и героини его поэмъ—люди падшіе, отвергнутые обществомъ: Эда, княгиня Нина, Елецкой, Цыганка Сара.

Вѣрность подобныхъ догадокъ можетъ быть утверждена только справкой въ подлинной рукописи поэта. Пока же въ большинствѣ случаевъ приходится слѣдовать старымъ изданіямъ, печатавшимся подъ наблюденіемъ самого поэта. Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы слѣдовали имъ строго, обращая вниманіе и на правописаніе, и на знаки препинанія. Въ приведенныхъ выше стихахъ, Баратынскій, можетъ быть, не сриѳмовалъ бы „человѣкъ“ съ „намѣкъ“, еслибъ не писалъ обоихъ словъ черезъ *ѣ*.

Укажу еще стихи, гдѣ принятое чтеніе возбуждаетъ сомнѣніе. Въ Сумеркахъ стихотв. на стр. 60 начинается такъ:

Что за звуки? Мимоходомъ,
Ты поешь передъ народомъ
Старецъ нищій и слѣпой!

Въ изд. 84 г. (стр. 256) запятая перенесена на конецъ второго стиха, что вполнѣ понятно, такъ какъ третій стихъ—явно обращеніе. Но въ томъ же изданіи выпущенъ вопросительный знакъ въ первомъ стихѣ, чѣмъ измѣняется смыслъ стиховъ. Опечатка это или поправка?

Стихотв. 1844 г. къ Н. Боратынской („*Когда дитя и страсти и сомнѣнья*“, стр. 277) по формѣ напоминаетъ собой сонетъ, но въ немъ не достаетъ тогда одного четверостишія. Выпущено оно, или не было написано?

Подобные вопросы (ихъ можно поднять немало) ждутъ своего отвѣта отъ рукописей Баратынскаго. Кромѣ точнаго чтенія, несомнѣнно принадлежащаго самому поэту, эти рукописи дадутъ, вѣроятно, и рядъ новыхъ произведеній и новыхъ разночтеній. Въ письмахъ Баратынскому случается упоминать о ненапечатанныхъ стихахъ. Къ изд. 69 г. приложенъ снимокъ съ черноваго наброска Баратынскаго его стиховъ „*На посѣвъ лѣса*“. Въ этомъ наброскѣ встрѣчаются любопытныя уклоненія отъ общеизвѣстнаго чтенія, напр.:

Отвѣта нѣтъ! отвергнулъ струны я,
Но не мечту; печальный, но незлобный...

Какъ стихотв. „*Спасибо злобѣ хлопотливой*“ (стр. 272), такъ и „*На посѣвъ лѣса*“ (стр. 274), было отвѣтомъ Баратынскаго критикамъ его Сумерекъ, особенно Бѣлинскому. Баратынскій, самъ называвшій себя „звѣздой разрозненной плеяды“, не ожидалъ, что молодая критика отнесется къ нему такъ же свободно, какъ къ любому новичку въ литературѣ. Онъ былъ глубоко уязвленъ, готовъ былъ „отвергнуть струны“, „но не мечту!“—добавляетъ этотъ черновой набросокъ, гдѣ поэтъ называетъ себя „печальнымъ, но *незлобнымъ*“.

Многое можно ожидать отъ изученія рукописей Баратынскаго для пониманія самаго послѣдняго времени его жизни. Баратынскій не закончилъ полнаго круга своего развитія, смерть остановила его на порогѣ знаменательныхъ для него дней. На это есть явныя, хотя слишкомъ неполныя, указанія въ его стихахъ и письмахъ.

Въ первую половину жизни Баратынскій обнаруживалъ холодный, математическій строй мысли, склонный къ матеріализму. Въ тѣ годы Баратынскій выше всего ставилъ разсудокъ, науку, въ разгаръ романтизма продолжалъ „умомъ оспаривать сердечныя мечты". Удѣломъ мудреца онъ считалъ „спасительный хладъ", „бездѣйствіе", писалъ пантеистическіе гимны къ „отрадной, обѣтованной, всепримиряющей" Смерти.

Приблизительно съ 35 года, съ лѣтъ мужества и самостоятельности мысли, Баратынскій начинаетъ выходить на другую дорогу. Въ стихотв. „*Осень*" (1837 г.) онъ говоритъ о послѣднемъ озареніи, о высшей мудрости, какой можетъ достигнуть человѣкъ на осень дней своихъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ все тотъ же:

лучшій жизни кладъ,
Даръ опыта, мертвящій душу хладъ.

но рядомъ поставленъ другой исходъ, другая возможность:

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою не видящей границъ
И *утоленнымъ* разумѣньемъ.

„Сумерки" уже ясно говорятъ, что Баратынскій разочаровался въ своемъ прежнемъ кумирѣ, въ наукѣ; выше разсудочности онъ ставитъ теперь фантазію, непосредственное вдохновеніе, дѣтскую вѣру. Одно изъ самыхъ позднихъ стихотвореній въ Сумеркахъ—„*Ахиллъ*" (1841 г.) говоритъ о необходимости современному духовному бойцу опереться на живую вѣру.

Вскорѣ послѣ „Сумерекъ" Баратынскимъ написана его Молитва.

Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли,
И на строгій Твой рай
Силы сердцу подай.

Въ 1843 г. Баратынскій исполнилъ свое давнишнее желаніе, поѣхалъ за границу. Зиму 43—44 г. онъ прожилъ въ Парижѣ, весной отправился въ Италію, которая по предкамъ была ему не чуждая. Вступая на корабль, направляясь въ давно желанную страну, Баратынскій какъ бы плылъ къ новой жизни.

Много мятежныхъ рѣшилъ я вопросовъ,
Прежде чѣмъ руки Марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь, надежды символъ.

Въ Неаполѣ Баратынскій внезапно захворалъ и умеръ, раньше чѣмъ пріѣхали врачи. Онъ не досказалъ намъ о послѣднемъ озареніи своей души.

Валерій Брюсовъ.

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ Е. А. БАРАТЫНСКАГО.

I. Случай.

Вчера ненастливая ночь
Меня застала у Лилеты.
Остаться ль мнѣ, идти ли прочь,
Межъ нами долго шли совѣты.

*

Но въ чашу свѣтлаго вина
Наливъ съ улыбкою лукавой,
Послушай, молвила она:
Вино совѣтникъ самый здравый.

*

Я пилъ; на что жъ рѣшился я,
Благимъ внушеньемъ полной чаши?
Побрелъ по слякоти, друзья,
И до зари сидѣлъ у Паши.

(Изд. 27 г., изд. 35 г.).

II. Леда. *)

Ужъ близокъ полдень; небо знойно;
Кругомъ все пусто, все спокойно,
Рѣка прохладна и свѣтла;
Брега стрегутъ кусты густые...
Покровы пали на цвѣты,
И Леды прелести нагія
Прозрачной влагой приняты.
Легко возлегшая на волны,
Легко скользитъ по нимъ она;
Роскошно пѣнясь, перси полны
Лобзаетъ жадная волна...
Сначала онъ, чуть зримый окомъ,
Блуждаетъ въ оплывѣ широкомъ
Кругомъ возлюбленной своей,..
Въ пучинѣ часто исчезаетъ,
Но сокрываяся отъ глазъ

---

*) Близкое подражаніе стихамъ Парни Léda.

Изъ водъ глубокихъ выплываетъ...
Все ближе къ милой каждый разъ.
И вотъ плыветъ онъ рядомъ съ нею,
Ей смѣлость лебедя мила:
Рукою нѣжною своею
Его осанистую шею
Младая дѣва обняла...

III.—VI. Эпиграммы.

1.

„Что ни толкуй, а я великій мужъ!
Былъ воиномъ, носилъ не даромъ шпагу;
Какъ секретарь, судебную бумагу
Вамъ начерно перебѣлю; къ тому жъ
Я знаю свѣтъ: не все держусь я бѣса:
Съ ханжой ханжа, съ повѣсою повѣса;
Въ одномъ лицѣ могу всѣ лица я
Представить вамъ“... „Хотя подъ старость вѣка,
Макаръ мой другъ, Макаръ, душа моя,
Представь лицо честного человѣка“.

(Моск. Телегр. 1826 г.).

2.

Писачка въ Фебовъ дворъ явился.
„Довольно глупъ онъ!“ богъ шепнулъ;
„Но самоучкой онъ учился,
Пускай присядетъ: дайте стулъ.“
И сѣлъ онъ чванно. Нектаръ носятъ;
Его, какъ прочихъ, кушать просятъ;
И нахлебался тотчасъ онъ
И загорланилъ. Но раздался
Тутъ Фебовъ голосъ: „Какъ! зазнался?
Эй, Надоумко, вывесть вонъ“.

(Литер. Газ. 1830 г.).

3. На Н***.

Въ рукахъ у этого педанта
Могильный заступъ, не перо:
Журнальнаго негоціанта
Какъ разъ подроетъ онъ бюро.
Онъ громогласный запѣвала,
Да запѣвала похоронъ...
Похоронилъ онъ два журнала
И третій похоронитъ онъ.

(Утренняя Заря 1840 г.).

4. Объ одномъ литературномъ кружкѣ.

Братайтеся! Къ взаимной оборонѣ
Ничтожностей своихъ вы рождены,
Но здравый смыслъ не братъ у васъ въ притонѣ,
Бездарные писцы-хлопотуны.
Наоборотъ союзнымъ во благое
Реченнаго, любезные друзья,
„Аминь, аминь“ сказалъ Онъ вамъ, гдѣ двое
Вы будете, не буду съ вами Я.

(Русск. Арх. 1890 г.).

Предисловія къ поэмамъ „Эда“ и „Пиры“.

Эда, Финляндская повѣсть.
On broutte là où l'on est attaché.
Proverbe.

Сочинитель предполагаетъ дѣйствіе небольшой своей повѣсти въ 1807 году, передъ самымъ открытіемъ нашей послѣдней войны въ Финляндіи.

Страна сія имѣетъ нѣкоторыя права на вниманіе нашихъ соотечественниковъ любопытною природою, совершенно отличною отъ Русской. Обильная историческими воспоминаніями, страна сія была воспѣта Батюшковымъ, и камни ея звучали подъ конемъ Давыдова, пѣвца-наѣздника, именемъ котораго справедливо гордятся поэты и воины.

Жители отличаются простотою нравовъ, соединенною съ нѣкоторымъ просвѣщеніемъ, подобнымъ просвѣщенію Германскихъ провинцій. Каждый поселянинъ читаетъ Библію и выписываетъ календарикъ, нарочно издаваемый въ Або для земледѣльцевъ.

Сочинитель чувствуетъ недостатки своего стихотворнаго опыта. Можетъ быть, повѣсть его была бы занимательнѣе, ежели бъ дѣйствіе ея было въ Россіи, ежели бъ ходъ ея не былъ столько обыкновененъ, однимъ словомъ, ежелибъ она въ себѣ заключала болѣе поэзіи и менѣе мелочныхъ подробностей. Но долгіе годы, проведенные сочинителемъ въ Финляндіи, и природа Финляндская и нравы ея жителей глубоко напечатлѣлись въ его воображеніи. Чтожъ касается до остальнаго, то сочинитель могъ ошибиться; но ему казалось, что въ поэзіи двѣ противоположныя дороги приводятъ почти къ той же цѣли: очень необыкновенное и совершенно простое, равно поражая умъ и равно занимая воображеніе. Онъ не принялъ лирическаго тона въ своей повѣсти, не

осмѣливаясь вступить въ состязаніе съ пѣвцомъ Кавказскаго Плѣнника и Бахчисарайскаго Фонтана. Поэмы Пушкина не кажутся ему бездѣлками. Нѣсколько лѣтъ занимаясь поэзіею, онъ замѣтилъ, что подобныя бездѣлки принадлежатъ великому дарованію, и слѣдовать за Пушкинымъ ему показалось труднѣе, нежели идти новою собственною дорогою.

Пиры, описательная поэма.

Воображеніе раскрасило тусклыя окна тюрьмы.
Серванта-Стернъ.

Сія небольшая поэма писана въ Финляндіи. Это своенравная шутка, которая, подобно музыкальнымъ фантазіямъ, не подлежитъ строгому критическому разбору. Сочинитель писалъ ее въ веселомъ расположеніи духа: мы надѣемся, что не будутъ судить его сердито.

(Эда и Пиры. Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. Спб. 1825 г.).

РАЗЪЯСНЕНІЕ О ПРОИСХОЖДЕНІИ СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА „ЗЕМЛЯ И МОРЕ“.

(Библіографическая попытка).

Въ бытность свою въ Кіевѣ, 8 Февраля 1821 г., Пушкинъ написалъ извѣстную идиллію „Земля и море“, для которой матеріалъ позаимствовалъ у жившаго во II-мъ вѣкѣ до Р. Х. Сиракузскаго идиллика Мосха. Какъ извѣстно, Пушкинъ совершенно не зналъ по-гречески; одно изъ его „Подражаній древнимъ“, „Изъ Аѳенея“ (1833 г.), напримѣръ, переложено съ Французскаго перевода. Идиллія, о которой идетъ рѣчь, только черезъ четыре года по ея созданіи была напечатана Пушкинымъ въ изданіи Воейкова „Новости Литературы“, т. XI (1825 г., № 1), стр. 27. Л. Поливановъ въ своемъ извѣстномъ изданіи сочиненій Пушкина (т. I, стр. 99) замѣчаетъ о происхожденіи этого стихотворенія: „Въ чьемъ переводѣ ознакомился Пушкинъ съ идилліей Мосха, неизвѣстно (у А. Шенье ея нѣтъ)“. Поливановъ въ своемъ изданіи приводитъ самый Греческій текстъ и подстрочный его переводъ. Не трудно убѣдиться, что это „чисто-Пушкинское“, по выраженію Бѣлинскаго, глубоко-лирическое стихотвореніе представляетъ собою довольно близкое переложеніе Греческаго подлинника.

Пишущій настоящія строки встрѣтилъ въ извѣстномъ Альманахѣ барона А. А. Дельвига „Сѣверные Цвѣты“ на 1825 г. (новое изданіе 1881 г., приложенное къ „Русскому Архиву“, стр. 278—279), переводъ этой идилліи Мосха подъ заглавіемъ „Море и Земля“, принадлежащій перу *Масальскаго*. Подъ заглавіемъ находятся слѣдующія слова: *„Съ Греческаго, 1820“*. Если сличить переводъ Масальскаго со стихотвореніемъ Пушкина, то легко замѣтить, что переработка великаго поэта гораздо ближе къ переводу Масальскаго, чѣмъ къ подлинному тексту Мосха, и близкая связь между ними рѣзко бросается въ глаза. Можетъ быть, Пушкинъ и съ этимъ произведеніемъ древности познакомился въ переводѣ на Французскій или на другой Европейскій языкъ; не знаю также, былъ ли напечатанъ переводъ Масальскаго гдѣ-нибудь раньше созданія Пушкинской идилліи, т.-е. раньше 8 Февраля 1821 г. Однако, я считаю возможнымъ заключить, что Пушкину могъ быть извѣстенъ, если не въ печати, то въ рукописи, этотъ переводъ, который, судя по датѣ (1820 г.), написанъ годомъ раньше Пушкинской идилліи.

Предоставляю спеціалистамъ-библіографамъ рѣшить этотъ маленькій вопросъ, рождающійся при изученіи лирики великаго поэта и, можетъ быть, не безинтересный.

Николай Лернеръ.

Одесса, 5 Сентября 1899 года.

ЗАМѢТКА О СТИХОТВОРЕНІИ А. С. ХОМЯКОВА „ЗВѢЗДЫ".

Въ замѣткѣ о стихотвореніи А. С. Хомякова „Звѣзды" (см. „Русскій Архивъ" 1899, II, 581) было указано на соотвѣтствіе этото стихотворенія съ однимъ мѣстомъ изъ сочиненій Александра Винэ, выдающагося Швейцарскаго богослова, весьма любимаго Алексѣемъ Степановичемъ. Дѣйствительно совпаденіе такъ близко, что можно было бы счесть „Звѣзды" простымъ переложеніемъ мысли Винэ. Конечно отъ такого заимствованія стихотвореніе не теряетъ своего достоинства и останется навсегда перломъ Русской поэзіи. Но мнѣ кажется, что если уже говорить о подражаніи, то и Винэ, и Хомякова надо свести къ одному первоисточнику—Канту.

Звѣздное небо во всѣ вѣка влекло къ себѣ „людей восторженныя очи", всегда оно манило пытливые умы своей тайной, и передъ этой „огненной книгой" всякій мыслящій человѣкъ долженъ былъ преклониться со смиреннымъ изумленіемъ, такъ какъ она живымъ языкомъ говоритъ о вещахъ превосходящихъ наше пониманіе. Такимъ безсильнымъ чувствуетъ себя человѣкъ передъ небеснымъ сводомъ, „горящимъ славой звѣздной", и лишь въ глубинѣ своей души находитъ онъ нѣчто, что даетъ ему возможность освободиться отъ гнетущаго сознанія своего ничтожества, бодро продолжать свой жизненный путь и не только

„Съ безсмертной душой
Передъ тлѣнной звѣздой
Не склоняться во прахѣ смиренно",

но даже признать, что

„Передъ вѣчной красой
Жизнь былинки степной
И звѣзды долговѣчной—мгновенье".

Все это прекрасно выражено Кантомъ въ концѣ его „Критики практическаго Разума".

Привожу это дивное мѣсто.

„Двѣ вещи наполняютъ душу всегда новымъ и все болѣе и болѣе захватывающимъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ чаще и внимательнѣе занимается ими размышленіе: звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ.

„То и другое не надлежитъ искать и только предполагать: они не покрыты темнотой и не находятся въ таинственной области внѣ моего кругозора; я вижу ихъ передъ собой и непосредственно связываю ихъ съ сознаніемъ моего существованія.

„*Первое* начинается съ того мѣста, которое я занимаю во внѣшнемъ чувственномъ мірѣ, и расширяетъ эту связь въ необозримое пространство, въ коемъ міры идутъ за мірами, системы за системами и къ тому же въ безграничномъ промежуткѣ времени ихъ періодическаго движенія, начавшагося когда-то и продолжающагося доселѣ.

„*Второе* начинается съ моего невидимаго „я“, съ моей личности, и поставляетъ меня въ мірѣ, имѣющемъ истинную безконечность, но доступномъ лишь разсудку; съ этимъ міромъ (а черезъ него и со всѣми другими видимыми мірами) я познаю себя не только въ случайной, какъ съ тѣмъ, видимымъ, но во всеобщей и необходимой связи.

„Въ первомъ случаѣ видъ безконечнаго множества міровъ, такъ сказать, уничтожаетъ мое значеніе, какъ *животнаго творенія*, которое, пробывъ короткое время (неизвѣстно какимъ образомъ) одареннымъ жизненною силою должно отдать планетѣ (единой точкѣ во вселенной) матерію, изъ коей оно было составлено; во второмъ, напротивъ, возвышается мое достоинство, какъ *разумнаго существа*, безконечно, посредствомъ моей личности, въ которой нравственный законъ открываетъ мнѣ жизнь независимую отъ животнаго и даже отъ всего чувственнаго міра, по крайней мѣрѣ на сколько это можн усмотрѣть изъ цѣлесообразнаго назначенія моего бытія, даннаго этимъ закономъ, назначенія, которое не ограничивается условіями и предѣлами этой жизни, а идетъ въ безконечность“.

Во всякомъ случаѣ видно, что и Винэ, и Хомяковъ усердно изучали Канта, и эта превосходная страница не могла имъ быть неизвѣстна. Конечно, „Критикою практическаго разума“ внушено было Винэ его дѣленіе истинъ на истины сердца, самоочевидныя, не нуждающіяся въ доказательствахъ и не опасающіяся критическаго къ себѣ отношенія, и на истины разума; Хомяковъ же говорилъ: „Счастливъ тотъ, кто закалилъ свой умъ въ холодныхъ, но чистыхъ струяхъ Кантова мышленія“. Ю. Б.

ЕЩЕ О КНЯЗѢ ГЕОРГІИ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ ГРУЗИНСКОМЪ.

Въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива", за сей годъ, помѣщена статья г. Юдина подъ заглавіемъ „Волжскій Царь", въ коей князь Георгій Александровичъ Грузинскій представленъ какимъ-то *дикимъ человѣкомъ, злодѣемъ,* почти безумцемъ, служащимъ исключеніемъ въ средѣ ему подобныхъ по званію и положенію въ свѣтѣ. Приводятся слова г-жи Хвощинской, взятыя изъ ея Записокъ, будто подъ начальствомъ Грузинскаго было нѣсколько разбойничьихъ шаекъ, которыя занимались грабежомъ по Волгѣ. Сдѣланы даже попытки подтвердить такіе о немъ отзывы разными оффиціальными дѣлопроизводствами провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ; наконецъ, какъ бы въ подтвержденіе всего сказаннаго, упоминается, что князю Грузинскому былъ, одно время, воспрещенъ выѣздъ изъ его имѣнія.

Князь Грузинскій уже давно скончался, и вообще время его жизни и дѣятельности принадлежитъ къ концу прошлаго и началу настоящаго столѣтія. Не смотря на мои старческія года (78 л.), я могъ быть свидѣтелемъ его дѣятельности только въ юношескія мои лѣта, но тѣмъ не менѣе хорошо его помню и, по семейнымъ своимъ отношеніямъ, имѣлъ возможность слышать и знать о его наклонностяхъ, характерѣ и дѣйствіяхъ на столько, что, не отрицая особенностей, его отличавшихъ и многихъ незаконныхъ и своевольныхъ его поступковъ, въ тоже время могу, по справедливости, удостовѣрить, что вышеуказанная характеристика князя Грузинскаго слишкомъ къ нему строга и, во всякомъ случаѣ, одностороння.

Во-первыхъ, всѣ приводимыя выдержки изъ оффиціальныхъ дѣлопроизводствъ о поступкахъ князя далеко не подтверждаютъ дѣлаемыхъ о немъ заключеній, не говоря уже о словахъ г. Хвощинской, ни съ чѣмъ несообразныхъ. Всѣ эти данныя выказываютъ князя лишь человѣкомъ буйнымъ, съ своевольнымъ характеромъ, неподчиняющимся мѣстнымъ властямъ и ихъ требованіямъ, прибѣгающимъ къ самосуду. Но кому неизвѣстно, насколько можно довѣрять подобнымъ, такъ называемымъ, оффиціальнымъ даннымъ, взятымъ изъ дореформенныхъ присутственныхъ мѣстъ, и насколько вѣрно отражаются въ нихъ дѣйствительно происшедшіе случаи? Послѣднимъ, смотря по желанію заинтересованныхъ въ томъ служебныхъ лицъ, придавался тотъ или другой оттѣнокъ, что, между прочимъ, видно и по приведеннымъ у г-на Юдина выдержкамъ изъ дѣлъ Курликова, Хватова, Аверьянова и т. д.

Затѣмъ, не приняты во вниманіе ни характеръ того времени, ни обычаи и строй общества, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ князь Грузинскій. Упущено изъ виду, что онъ, въ свое время, пользовался большимъ вліяніемъ и значеніемъ въ обществѣ, не вслѣдствіе только богатства, знатности рода и связей, но и по личнымъ качествамъ, какъ человѣкъ съ выдающимся умомъ, образованіемъ и готовностію быть полезнымъ всѣмъ, кто обращался къ нему за помощію нравственною или матеріальною. Онъ не только не былъ скупъ и своекорыстенъ, но скорѣе расточителенъ. Онъ немало жертвовалъ въ монастыри и духовенству, пріобрѣталъ для церквей дорогую утварь и облаченія, охотно помогалъ нуждающимся и, наконецъ, послѣ его кончины оказалось, что имъ ежегодно выплачивались пенсіи и пособія разнымъ лицамъ, на сумму въ нѣсколько тысячъ. Онъ былъ почти вѣчнымъ губернскимъ предводителемъ въ Нижегородской губерніи, не бѣдной лицами, выдававшимися изъ среды мѣстныхъ дворянъ по состоянію и другимъ условіямъ, которыя даютъ право на такое высокое званіе. Князя нерѣдко избирали посредникомъ и судьею въ спорахъ и тяжбахъ не одни мѣстные крестьяне и инородцы, почитавшіе его какимъ-то оракуломъ въ подобныхъ дѣлахъ, но и лица другихъ сословій, не исключая и богатыхъ торговцевъ. Князь имѣлъ высшія государственныя отличія, былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и т. д.

Такимъ образомъ личность князя Грузинскаго и его дѣйствія не возбуждали въ его современникахъ тѣхъ чувствъ омерзѣнія и не вызывали того недоумѣнія и осужденія, которыя невольно овладѣваютъ читателемъ, который знакомится съ нимъ по статьѣ г. Юдина.

Дѣло въ томъ, что тогда встрѣчалось немало подобныхъ князю Грузинскому лицъ; ибо какъ состояніе и характеръ судовъ и администраціи, такъ и общій строй общества приводили къ тому, что самосудъ и своеволіе были настолько общи, что далеко не поражали современниковъ и не возбуждали въ нихъ особаго осужденія: обратно, такія дѣйствія встрѣчали во многихъ одобреніе, и большинство было готово, при первомъ же случаѣ, разрѣшать свои споры и неудовольствія самосудомъ, не прибѣгая къ властямъ и закону. Необходимо принять во вниманіе и то, что конецъ прошлаго столѣтія совпадаетъ съ высшимъ развитіемъ въ Россіи крѣпостничества, когда многимъ жаловались крестьяне десятками тысячъ душъ, когда вся мѣстная администрація и суды, въ особенности въ низшихъ инстанціяхъ, были заражены такимъ взяточничествомъ и произволомъ, которымъ въ настоящее время съ трудомъ вѣрится. Немного прошло съ того времени лѣтъ, но настоящее поколѣніе съ усиліемъ можетъ себѣ представить что̀ дѣлалось у насъ тогда на Руси. Лично мнѣ памятно наше общество съ конца тридцатыхъ годовъ и еще болѣе, съ конца сороковыхъ, когда, оставивъ службу, я поселился въ деревнѣ. Слѣдуя установившемуся обычаю, какъ это ни было мнѣ противно, я посылалъ ежегодно, въ извѣстные сроки, нѣкоторую дань уѣзднымъ чиновникамъ, что̀ не избавляло каждаго изъ насъ отъ благо-

дарностей и взятокъ, какъ скоро имѣлась надобность обратиться къ служебному міру. Знакомиться съ законами и правами своими никому не приходило на умъ, такъ какъ все зависѣло отъ доброй воли служебныхъ лицъ, ихъ умѣнія и догадливости въ обходѣ закона и отъ размѣра взятки. Пословица не бойся суда, бойся судьи, вполнѣ оправдывалась существовавшими порядками. Примѣровъ можно бы привести сотни, но я ограничусь наиболѣе подходящимъ, какъ происшедшимъ въ мѣстности, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ князь Грузинскій.

Мнѣ представилась возможность прикупить къ Самарскому имѣнію нашему смежную съ нимъ деревню, и для того я нашелъ нужнымъ перезаложить въ Опекунскомъ Совѣтѣ свое Нижегородское имѣніе, находящееся въ Терюшевской волости (когда-то выдѣленное изъ общаго имѣнія князей Грузинскихъ). Приступивъ къ этому, я наткнулся на два препятствія: первое то, что я совсѣмъ забылъ о необходимости быть введеннымъ во владѣніе имѣніемъ, которое досталось мнѣ по кончинѣ моей матери, а второе, что на имѣніи этомъ лежало запрещеніе, такъ какъ тѣмъ обезпечивалось исполненіе моего обязательства ежегодно, до конца жизни брата моего, вносить ему извѣстную сумму.

Отправляясь въ Нижній, я снабдилъ себя письмомъ къ предсѣдателю Палаты князю Т. о возможно-снисходительномъ отношеніи къ моему дѣлу, и передавъ письмо это немедленно по назначенію, получилъ обѣщаніе, что меня не задержатъ. Затѣмъ я посѣтилъ исправника, отъ котораго, съ кучей любезностей, услышалъ, что онъ недѣли чрезъ двѣ имѣетъ въ виду быть въ той мѣстности, гдѣ мое имѣніе, соберетъ крестьянъ и введетъ меня во владѣніе, послѣ чего распорядится составленіемъ дознанія о количествѣ земли и проч., такъ что недѣли чрезъ три-четыре все будетъ исполнено, и мнѣ можно будетъ обратиться въ Палату за полученіемъ свидѣтельства. Подобная медленность, далеко не устраивавшая меня, была очевидно преднамѣренная: почему, оставивъ всякія церемоніи, я вынулъ изъ бумажника 100 рублей и, кладя ихъ на столъ, сказалъ: такъ какъ мнѣ нужны отъ васъ документы къ завтрашнему дню, а потому вашимъ писцамъ вѣроятно придется поработать и ночью, то я прошу васъ принять эти деньги на необходимые по сему расходы. На это я получилъ отвѣтъ, что все будетъ исполнено, и дѣйствительно всѣ документы были мнѣ доставлены на другой день утромъ. Не думаю, чтобы подобный случай былъ возможенъ въ настоящее время.

Что касается до другихъ присутственныхъ мѣстъ, то собрать необходимыя справки я поручилъ одному чиновнику, снабдивъ его приличною суммою на расходы. Такъ какъ этотъ мой повѣренный нѣсколько медлилъ своимъ приходомъ, то я сталъ было тревожиться; наконецъ онъ является и объявляетъ, что хотя онъ всѣмъ, кому нужно было, далъ денегъ, и всѣ исполнили требуемое отъ нихъ, но что депутатъ отъ дворянства не подписываетъ справки, требуя новой себѣ прибавки. Устранивъ и это препятствіе,

я отправился въ Палату, гдѣ меня не задержали, но секретарь попенялъ мнѣ за то, что я обращался къ управляющему Палатою, такъ какъ это могло все дѣло испортить. Къ счастію моему и удовольствію секретаря, управляющій уѣхалъ на охоту, и дѣло обошлось безъ него. При этомъ, существовавшее запрещеніе нисколько не задержало выдачу свободнаго отъ него свидѣтельства, увеличивъ лишь размѣръ благодарности секретарю.

Понятно, что князь Грузинскій не составлялъ исключенія и также, какъ и всѣ, платилъ чиновникамъ извѣстную дань; но кромѣ того, большинство служебныхъ лицъ, въ особенности въ Макарьевѣ, не только получали отъ него пособія и подарки, но были ему обязаны многимъ, какъ относительно опредѣленія ихъ на мѣсто, такъ и заступничества за нихъ предъ ихъ начальствомъ. Чтó мудренаго, что, при подобныхъ условіяхъ, князь Грузинскій относился къ служебному персоналу безъ особаго уваженія и брезгливо, принимая за личное оскорбленіе, когда эти господа, неожиданно проникнувшись необычайною для нихъ ревностію въ исполненіи казенныхъ требованій, являлись въ имѣніе съ разными непріятными для него взысканіями, хотя бы и правильными? Въ подобныхъ случаяхъ князь не особенно заботился о размѣрѣ и видѣ наносимыхъ имъ обидъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что всегда найдутся средство и способъ получить отъ нихъ не только полное прощеніе, какъ это мы видимъ изъ приводимаго г. Юдинымъ примѣра съ Веселовскимъ, но и готовность, во всякое время, быть ему покорнѣйшими слугами.

Г. Юдинъ упоминаетъ о расправѣ князя Грузинскаго въ питейномъ заведеніи, почему нахожу не лишнимъ передать бывшій со мною случай и въ этой области, чтобъ показать чтó такое былъ, въ то время, винный откупъ и каковы были его отношенія къ суду и администраціи.

Въ Калужскомъ имѣніи нашемъ у насъ была довольно полно снабженная цѣнными растеніями оранжерея, и при ней наемный садовникъ. Въ мое отсутствіе изъ деревни, откупщикъ Молчановъ сманилъ нашего садовника, который тайно увезъ изъ оранжереи нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ въ кадкахъ, поставивъ ихъ въ ближайшій кабакъ. Мой бурмистръ, узнавъ о воровствѣ, и также, что видѣли, какъ нѣсколько деревьевъ въ кадкахъ вывозились изъ кабака въ городъ, немедленно собравъ крестьянъ, въ качествѣ свидѣтелей, отправился въ кабакъ, гдѣ и нашелъ нѣсколько мнѣ принадлежащихъ деревьевъ, которыя еще не успѣли быть отправлены къ откупщику. Онъ отобралъ у кабатчика эти деревья и перевезъ ихъ въ мою оранжерею. Тотчасъ же началось весьма спѣшно производимое слѣдствіе прибывшимъ на мѣсто отдѣленіемъ суда, гдѣ обвинялся, по прошенію откупщика, бурмистръ въ томъ, что будто бы онъ ворвался въ кабакъ съ толпою соучастниковъ, взломалъ сундукъ сидѣльца и выкралъ какъ наличную выручку, такъ и многое изъ имущества сидѣльца, который и съ женою, изъ страха, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ ближайшую

рощу. Слѣдствіе велось самымъ пристрастнымъ образомъ. записывалось не то, что́ показывали допрашиваемые, а о воровствѣ садовника деревьевъ, совершенно умалчивалось. Очень естественно, что бурмистръ былъ бы обвиненъ и весьма бы сильно пострадалъ, еслибъ на его счастіе, не вмѣшался въ дѣло нашъ приходскій священникъ, приглашенный для приведенія къ присягѣ и подписи безграмотныхъ. Сей послѣдній, былъ мнѣ многимъ обязанъ и, желая выгородить бурмистра, сталъ требовать чтобъ записывались показанія болѣе точно, безъ опущеній и перемѣнъ. При этомъ священникъ объявилъ, что онъ обо всемъ напишетъ мнѣ, и что я горячо вступлюсь за бурмистра. Конечно, это не смутило чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ: помѣщикъ молодъ и, пожалуй, попробуетъ бороться съ откупщикомъ, на свое горе. Да и вы напрасно въ это дѣло вмѣшиваетесь; смотрите, чтобъ не было и вамъ худо! Обо всемъ этомъ я былъ подробно извѣщенъ и, зная, что борьба съ откупщикомъ дѣйствительно мнѣ не подъ силу, я обратился къ уѣздному стряпчему Молодикову, родственнику Молчанова и бывшему, при моемъ тестѣ, управляющимъ нашимъ имѣніемъ, съ просьбою способствовать прекращенію этого дѣла, поставивъ ему на видъ, что какъ ни силенъ откупщикъ, и какъ ни надѣются на его заступничество чиновники, но что на все есть мѣра, и когда это беззаконіе будетъ доведено до свѣдѣнія губернатора, то едва ли имъ поздоровится. Надо думать, что дѣйствительно побоялись доводить это дѣло до крайности, почему бурмистръ былъ оставленъ въ покоѣ, но за то, ни о воровствѣ садовника, ни объ увезенныхъ изъ оранжереи деревьяхъ, совсѣмъ не было упомянуто, а деревья, которыя не были захвачены въ кабакѣ, безслѣдно исчезли.

Понятно, что кн. Грузинскій, въ случаѣ столкновенія съ откупомъ, не слишкомъ церемонился съ сидѣльцемъ кабака и другими служащими въ откупѣ, прибѣгая къ самосуду, ибо ожидать въ такихъ дѣлахъ отъ служебныхъ лицъ правды и справедливости было бы наивностію.

Выше я сказалъ, что лицъ, подобныхъ князю Грузинскому, было въ то время немало, и онъ не составлялъ особаго исключенія, а въ доказательство этого приведу слѣдующій случай. Въ Рязанской губерніи, въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, жилъ богатый помѣщикъ Измайловъ, въ дѣйствіяхъ своихъ мало уступавшій князю Грузинскому и о поступкахъ коего, еще недавно, ходили въ народѣ разныя легенды. Между прочимъ, у него возбудился споръ о проходящей въ лѣсной дачѣ межѣ съ сосѣдомъ его по имѣнію, всесильнымъ генералъ-адъютантомъ Балашевымъ, бывшимъ въ то время генералъ-губернаторомъ пяти губерній, къ коимъ принадлежала и Рязанская. Измайловъ, не придя къ соглашенію съ Балашевымъ и зная на опытѣ, что ему нечего ожидать помощи и защиты, или справедливости отъ мѣстнаго чиновничества, сплошь зависящаго отъ доброй воли Балашева, объявилъ окрестнымъ крестьянамъ, чтобъ, въ извѣстный день, всѣ желающіе явились въ лѣсъ съ топорами и подводами, гдѣ имъ дозволялось вырубить и увезти безплатно весь лѣсъ, находящійся на спорномъ

пространствѣ, не смотря на значительную его стоимость. Все это было исполнено и, главное, Измаиловъ не подвергся никакому взысканію.

Чтобъ ярче характеризовать тогдашніе нравы, позволяю себѣ напомнить поступокъ одного Воронежскаго помѣщика, осмѣлившагося ударить по щекѣ нынѣ канонизированнаго преосвященнаго Тихона, навлекшаго на себя гнѣвъ этого помѣщика лишь попыткою убѣдить его въ необходимости примириться съ враждующимъ съ нимъ. Наконецъ, не будетъ лишнимъ упомянуть здѣсь и о весьма характерномъ поступкѣ самаго министра торговли, коему г. Юдинъ приписываетъ актъ преднамѣреннаго уничтоженія огнемъ ярмачныхъ зданій въ Макарьевѣ, какъ единственномъ способѣ достигнуть перевода ярмарки изъ Макарьева въ Нижній. Если уже самому министру не оставалось другого средства достигнуть неоспоримо полезной государственной цѣли, относительно перевода ярмарки изъ Макарьева въ Нижній, какъ прибѣгнуть къ подобному варварскому и безобразному способу, то какъ осуждать частныхъ лицъ, дозволявшихъ себѣ самовольныя дѣйствія, подобно кн. Грузинскому, Измаилову и многимъ другимъ?

Дѣло въ томъ, что уровень образованія тогдашняго общества, какъ я уже выше упомянулъ, до того отличался отъ намъ современнаго, что невозможное въ настоящее время было не только возможно тогда, но казалось естественнымъ и никого не поражало своею дикостію. Умалчивая о томъ, что̀ происходило въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ настоящаго, буду говорить лишь о томъ, чему я былъ самъ свидѣтелемъ въ мои отроческіе года и мою молодость.

За малымъ исключеніемъ, въ большинствѣ случаевъ, наличный составъ помѣщиковъ состоялъ изъ лицъ мало или совсѣмъ не учившихся въ учебныхъ заведеніяхъ, съ молода служившихъ немного лѣтъ въ армейскихъ полкахъ, и выдя въ отставку въ чинахъ, рѣдко превышающихъ оберъ-офицерскій рангъ, не умѣя и не желая заниматься хозяйствомъ, или какими-либо техническими производствами, не интересуясь литературой и знаніями, они отъ скуки безпрерывно посѣщали другъ друга, оставаясь въ гостяхъ по недѣлямъ и болѣе, незамѣтно для себя привыкали къ вину и картежной игрѣ. Часть этихъ господъ увлекалась охотою, и тогда, сообразно съ средствами, а иногда и превышая ихъ, содержалось значительное число охотничьей прислуги, нерѣдко однообразно одѣтой въ подобіе мундировъ, куча собакъ разныхъ породъ, лошадей и т. д. Каждую осень, ожидаемую съ нетерпѣніемъ, эти любители охоты покидали на нѣсколько недѣль свои дома и кочевали по полямъ и лѣсамъ, не только ближайшимъ къ ихъ имѣніямъ, но и по цѣлымъ уѣздамъ своихъ и сосѣднихъ губерній. Не смотря ни на какую погоду, всѣ ночевали въ походныхъ палаткахъ, составляя шумныя бесѣды, на коихъ передавались, не безъ преувеличенія, подвиги какъ лично ихъ, такъ и принадлежавшихъ имъ собакъ, лошадей и разнаго наименованія охотничьей прислуги. Естественно, что такія сборища не обходились безъ

попоекъ и оргій, при которыхъ непослѣдними дѣйствующими лицами бывали дураки, дуры и шуты, и среди нихъ бывали особенно излюбленные, какъ напримѣръ Абрашка, котораго всѣ старались разсердить, такъ какъ онъ неистово ругался; Николай Давыдовичъ, почти слѣпой старикъ, съ оттѣнкомъ церковнымъ, читавшій на память апостолъ, шестопсалміе и др. Его однажды, пьянаго, шутовски повѣнчали на одной хромой дурѣ, которая приняла это въ серьезъ и ухаживала за старикомъ. Ему сочинили шутовскій акаѳистъ и т. д. Еще зналъ я Рязанскую дуру, неистово декламировавшую какіе-то стихи и затѣмъ падавшую на полъ, въ не совсѣмъ приличной позѣ, что́ особенно нравилось зрителямъ и возбуждало неумолкаемый хохотъ. Дураковъ заставляли ѣсть и пить всякую гадость, намѣшивая имъ въ вино горчицу, соль, перецъ, табакъ и т. д. Однимъ словомъ, происходили невыразимыя безразсудства, переходившія даже границы всякихъ приличій, и въ этомъ участвовала не одна молодежь, но и древніе старцы, среди шума и гама, какъ бы молодѣвшіе. Если въ эту компанію попадалъ, почему-либо, новичекъ, или посторонній охотничьей гурьбѣ человѣкъ, то его старались довести до опьяненія; случалось, что приносили самоваръ, который вмѣсто воды наполнялся водкою, коньякомъ или ромомъ, и на замѣчаніе, что поданный чай или пуншъ слишкомъ крѣпокъ, предлагали ему самому разбавить его прямо изъ самовара: при этомъ недоумѣніе одураченнаго новичка, замѣчавшаго, что питье его становится все болѣе и болѣе крѣпкимъ, возбуждало взрывъ общей радости!

Очень естественно, что въ случаяхъ, когда оргія переходили границы умѣренности, начинались споры, ссоры между охотниками, а въ случаѣ, если кто изъ постороннихъ этимъ собраніямъ лицъ навлекалъ на себя неудовольствіе ихъ, то совершались всякаго рода своеволія, насилія и безобразія; извѣстна была, для подобныхъ случаевъ, команда прислугѣ: труби на драку! Случалось, что пострадавшіе отъ такихъ насилій приносили въ присутственныя мѣста жалобы, которыя, однако, по большей части, оставались безъ результатовъ, такъ какъ, съ одной стороны, трудно было должнымъ образомъ оформить и собрать требуемыя судомъ доказательства и данныя, а съ другой, такъ какъ среди лицъ, причинявшихъ насилія и безпорядки, почти всегда бывали такія, благоволеніе которыхъ высоко цѣнилось мѣстными служебными лицами, почему эти послѣднія не очень охотно давали ходъ обращеннымъ къ нимъ жалобамъ. Впрочемъ, подобные споры иногда развивались въ обширныя, нескончаемыя тяжбы и доходили до высшихъ инстанцій, доставляя служащимъ хлѣбъ, а тянущимся одни хлопоты и убытки. Мнѣ самому случайно попалось въ руки прошеніе въ Правительствующій Сенатъ, поданное на одного моего однофамильца, котораго жалобщикъ обвинялъ въ томъ, что двумя набѣгами и однимъ гвалтомъ онъ причинилъ ему ущербъ чести и увѣчье въ здоровьѣ!

Вотъ та среда, среди которой жилъ и дѣйствовалъ князь Грузинскій, конечно не смѣшиваясь съ нею. Будучи цѣлою головою выше его окру-

жающихъ, что мудренаго, что онъ не считалъ ихъ себѣ равными, а при живости и вспыльчивости характера позволялъ себѣ дѣйствія, по нашимъ, современнымъ понятіямъ нетерпимыя, почти невѣроятныя. Притомъ онъ былъ сильно избалованъ тѣмъ особымъ почтеніемъ и угодливостію, съ которыми къ нему относились многіе изъ его окружающихъ. Такъ однажды онъ приказалъ своему довѣренному, посланному по какому-то дѣлу въ Петербургъ, въ случаѣ недостатка въ деньгахъ, взять требующуюся сумму у торговавшаго въ Петербургѣ богача - купца, братъ коего жилъ въ Лысковѣ. Такъ какъ этотъ богачъ отказалъ въ ссудѣ деньгами довѣренному князя, то сей послѣдній позвалъ къ себѣ брата, провинившагося въ глазахъ князя-богача, разругалъ и побилъ его. Когда же, чрезъ нѣсколько дней, доложили князю, что обиженный имъ купецъ, платящій 1-ю гильдію, имѣетъ въ виду подать на него за обиду прошеніе, то онъ сказалъ: Вотъ вздоръ какой! Скажите ему, что тогда-то пріѣду къ нему обѣдать. И что же? Не только весь гнѣвъ побитаго купца 1-й гильдіи исчезъ, но онъ сталъ во всѣ стороны посылать и всячески хлопотать, какъ бы достать аршинныхъ стерлядей и всякихъ рѣдкостей, чтобы достойно принять его свѣтлость! (такъ звали князя его окружающіе).

Сколько мнѣ извѣстно, князь Георгій Александровичъ Грузинскій два раза подвергался опалѣ. Въ первый разъ, когда Грузины, приписывая разныя случавшіяся съ ихъ страною бѣды и невзгоды тому обстоятельству, что бывшіе ихъ цари увезли съ собою въ Россію многія народныя святыни, и между ними крестъ святой Нины, сдѣланный изъ виноградныхъ лозъ и связанный ея волосами, просили о возвратѣ его. Во исполненіе этого прошенія Государемъ Павломъ Петровичемъ повелѣно было взять у кн. Грузинскаго крестъ святой Нины и отослать его въ Тифлисъ: но князь креста не отдалъ, возразивъ, что ему не извѣстенъ законъ, дающій право отнимать у Русскаго дворянина его имущество, безъ всякой съ его стороны вины и безъ суда. Государю не угодно было повторить приказаніе; но когда, вскорѣ послѣ сего, его величество проѣзжалъ чрезъ Нижній, по пути въ Казань, то приказалъ, чтобы князь Грузинскій не встрѣчалъ его, но уѣхалъ бы въ деревню. По вопареніи государя Александра Павловича, князь Грузинскій самъ представилъ ему этотъ крестъ и снова занялъ должность губернскаго предводителя.

Г-нъ Юдинъ, между другими обвиненіями, взводитъ на князя Грузинскаго и пристанодержательство, практикуемое имъ, будто бы, съ корыстной цѣлію и дѣлаетъ это напрасно, такъ какъ князь, хотя дѣйствительно дозволилъ жить въ своихъ имѣніяхъ бѣглымъ отъ помѣщиковъ крѣпостнымъ, но, поистинѣ, не только не имѣлъ въ виду утилизировать ихъ трудъ, или вообще извлекать изъ нихъ положенія какую-либо для себя пользу, но дѣлалъ это единственно изъ милосердія. Многимъ изъ нихъ выдавалась мѣсячная дача мукою и крупою, и даже иногда назначалось и небольшое пособіе, если имъ поручали какое-либо дѣло, въ случаѣ когда они себя объявятъ какими-либо

мастерами и т. д. Но надо имѣть въ виду, что такого мнимо-умѣлаго народа было у князя слишкомъ много и среди своихъ крѣпостныхъ, которыхъ на каждое дѣло и занятіе бывало по нѣскольку человѣкъ, какъ-то обыкновенно практиковалось у всѣхъ помѣщиковъ, въ особенности богатыхъ. У каждаго изъ насъ бывало дворни болѣе чѣмъ нужно, и она, обыкновенно, составляла тягость для имѣнія. Тоже было и у кн. Грузинскаго, и проживавшіе у него бѣглые люди, по большей части, ни въ какое дѣло не употреблялись, и если не попадались въ какихъ-либо дурныхъ поступкахъ, то о нихъ совсѣмъ забывалось. Что же касается до примѣра, приводимаго относительно Курликова, платившаго князю *наравнѣ съ его крѣпостными*, съ каждой души по 70 рубл., то тутъ есть какое-либо недоразумѣніе: вообще крестьяне намъ платили, за пользованіе всею землею, находящеюся въ имѣніи, лишь по 30 рубл. ассигнаціями въ годъ съ души; по сему надо полагать, что Курликовъ платилъ такую высокую цѣну, по исключительнымъ условіямъ: онъ, можетъ быть, имѣлъ лавку на базарѣ и т. под. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ князь Грузинскій не былъ исключеніемъ, такъ какъ бѣглые отъ господъ находили, безъ особаго труда, укрывательство себѣ у весьма многихъ, не только дворянъ, но и у купцовъ, даже крестьянъ. Наконецъ могу сослаться на весьма извѣстную группу заводовъ и фабрикъ, находившуюся на границѣ Орловской и Калужской губерній, гдѣ еще въ 40-хъ годахъ этого столѣтія главнымъ ядромъ были бѣглые, жившіе и работавшіе почти безъ жалованія, за одно содержаніе, лишь изъ увѣренности, что ихъ не выдадутъ ни ихъ помѣщикамъ, ни полиціи. Этотъ классъ рабочихъ приносилъ большіе прибытки хозяину заводовъ.

Вышеупомянутые порядки продолжались въ имѣніи князя Грузинскаго многіе годы, не возбуждая никакихъ особыхъ исторій и неудовольствія. Случалось, что владѣлецъ узнавалъ о мѣстѣ жительства своего бѣглаго холопа, но или оставлялъ это безъ послѣдствій, или вчиналъ по сему дѣло, которое, по большей части, ничѣмъ не кончалось; бѣглый скрывался, и начинались новыя дѣйствія по розыску его; иногда эти люди представляли господамъ выкупъ за себя и т. д.

Но случилось поссориться князю Грузинскому съ бывшимъ въ Нижнемъ губернаторомъ Бутурлинымъ, который, зная, что нѣтъ ничего легче, какъ возбудить на кн. Грузинскаго обвиненіе въ укрывательствѣ бѣглыхъ крѣпостныхъ людей, и тѣмъ подвергнуть его большимъ неудовольствіямъ, приказалъ полиціи провѣрить всѣхъ живущихъ при дворѣ и имѣніяхъ князя постороннихъ людей. Къ дознанію было приступлено энергически, и князю пришлось принимать поспѣшно мѣры, чтобъ отклонить отъ себѣ надвигающуюся на него грозу, а потому онъ поспѣшно, частію скупилъ отъ помѣщиковъ тѣхъ бѣглыхъ, которыхъ было можно пріобрѣсти, другимъ далъ средство откупиться отъ господъ, а затѣмъ тѣхъ, которыхъ почему-либо нельзя было такимъ образомъ узаконить, старался по возможности укрыть, разославъ ихъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ родственниковъ. Понятно, что и

чиновничество, до извѣстной степени, оказало ему возможное содѣйствіе, и гроза эта, вѣроятно, прошла бы безъ дурныхъ послѣдствій. Но губернаторъ Бутурлинъ, стараясь, по возможности, очернить князя Грузинскаго, донесъ государю императору Николаю Павловичу о неблагонадежности Нижегородскаго дворянства, среди котораго, ихъ предводитель князь Грузинскій, по своему значенію и вліянію, представляется какъ бы атаманомъ.

При такихъ исключительныхъ для Нижегородскихъ дворянъ условіяхъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Государю угодно посѣтить Нижній-Новгородъ. Не смотря на почти открытыя неудовольствія дворянъ съ губернаторомъ, они все-таки надѣялись, что Государь Императоръ будетъ такъ къ нимъ милостивъ, что не откажетъ въ всеподданнѣйшей ихъ просьбѣ осчастливить дворянство посѣщеніемъ ихъ бала, въ дворянскомъ собраніи, которое для того стали поспѣшно приводить въ порядокъ, такъ какъ оно давно не было ремонтировано. Обвѣсили стѣны, окна и двери шелковыми тканями, украсили комнаты мебелью и растеніями и сдѣлали все возможное, чтобъ, не смотря на короткій срокъ, привести помѣщеніе собранія въ нарядный, приличный видъ.

Предъ пріѣздомъ Государя Императора сдѣлалось извѣстнымъ, что князю Грузинскому приказано было отправиться въ деревню, и что встрѣчать Государя будетъ исправляющій должность губернскаго предводителя Иванъ Семеновичъ Крюковъ, два сына коего, по несчастію, были сосланы въ Сибирь, какъ Декабристы.

Когда, по пріѣздѣ Государя, Бутурлинъ доложилъ его величеству, о надеждѣ дворянства на милостивое посѣщеніе имъ бала дворянства, то было объявлено что не только приглашеніе отклонено, но что даже повелѣно было снять въ помѣщеніи собранія всѣ украшенія, къ чему и было немедленно приступлено.

Но затѣмъ, на слѣдующее утро, пріунывшее и огорченное дворянство было несказанно обрадовано милостями Государя, которому сдѣлалось извѣстнымъ, чрезъ рапортъ, поданный мѣстнымъ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ графу Бенкендорфу, сопровождавшему Государя, что взведенное на дворянство Бутурлинымъ обвиненіе несправедливо и что какъ самъ губернскій предводитель дворянства, такъ и все дворянство, слѣдуя примѣру своихъ предковъ еще со временъ князя Пожарскаго и другихъ, состоятъ напусерднѣйшими и вѣрноподданнѣйшими слугами Государя Императора, во всякое время будучи готовы на жертву, не только имущества, но и жизни на пользу Государя и отечества.

Какъ только Государь вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ, то прямо обратился къ жандармскому полковнику, подавшему этотъ рапортъ, милостиво протянулъ ему руку, благодарилъ его за то, что правильно понялъ характеръ своихъ обязанностей и исполнилъ свою должность безъ всякаго лицепріятія.

Въ объясненіе сего послѣдняго слѣдуетъ сказать, что жандармскій полковникъ, въ своемъ рапортѣ шефу жандармовъ, послѣ изложенія сущности дѣла, присовокупилъ, что конечно губернаторъ не рѣшился бы такъ непра-

вильно доносить Государю Императору. если бъ не разсчитывалъ на благоволеніе его сіятельства графа Бенкендорфа, подъ особымъ покровительствомъ коего онъ состоялъ.

Хотя спѣшно, но вновь стали украшать собраніе, которое однако не могло быть уже доведено до состоянія, соотвѣтствовавшаго желаніямъ дворянства. Вечеромъ, Государь нѣсколько разъ, подъ руку съ супругою исправлявшаго должность губернскаго предводителя Крюкова, обошелъ залы собранія, милостиво бесѣдовалъ со многими выдающимися по служебнымъ отличіямъ дворянами, и съ князя Грузинскаго была снята опала.

Въ заключеніе полагаю возможнымъ упомянуть и о высказанномъ г-жею Хвощинскою, въ ея Запискахъ, относительно того, что будто отцемъ ея матери, жандармскимъ полковникомъ Н. Д. Бахметевымъ открыты злодѣянія князя Грузинскаго, состоящія въ содержаніи разбойничьихъ шаекъ на Волгѣ, за что, будто бы, князю Грузинскому былъ запрещенъ выѣздъ изъ имѣнія его Лыскова. Не имѣя возможности документально провѣрить такое обвиненіе г-жи Хвощинской, я бы просилъ обратить вниманіе на слѣдующее. Корпусъ жандармовъ былъ основанъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ во дни его священнаго коронованія; по этому, какъ слѣдствіе произведенное жандармомъ Бахметевымъ, такъ и открытіе злодѣянія кн. Грузинскаго, должны были произойти въ царствованіе сего Государя, а слѣдовательно, нѣтъ никакого вѣроятія, чтобъ за подобное преступленіе князь понесъ бы столь легкое наказаніе. Потому я почитаю себя вправѣ совершенно отвергнуть такое обвиненіе, относя его къ разряду сплетенъ, тѣмъ болѣе, что фамилія Бахметевыхъ была въ полной ссорѣ съ княземъ Георгіемъ Александровичемъ Грузинскимъ. Отношенія послѣдняго къ своему семейству нерѣдко отзывались послѣдствіями вспыльчиваго характера князя, доводившаго его даже до сценъ, вполнѣ заслуживавшихъ сожалѣнія, что послужило поводомъ, однажды, явиться къ князю въ домъ родственникамъ его супруги, урожденной Бахметевой, съ цѣлію освободить ее отъ неистовствъ князя. Посѣщеніе это было обставлено возможно оффиціально. съ участіемъ. между прочимъ, жандармскаго полковника: но княгиня объявила прибывшимъ, что ничего подобнаго ихъ предположеніямъ между мужемъ и ею не происходитъ и рѣшительно отказалась отъ посредничества и участія въ ея судьбѣ пріѣхавшихъ родственниковъ. Не тутъ ли кроется источникъ столь невѣроятнаго навѣта г-жи Хвощинской на князя Грузинскаго?

Вотъ все что имѣю сказать о князѣ Георгіи Александровичѣ Грузинскомъ. Это была натура одаренная пылкимъ темпераментомъ, приводившимъ его нерѣдко къ крайнимъ поступкамъ своеволія и самоуправства; но, какъ только проходилъ гнѣвъ и нервы успокоивались. выступало наружу его доброе сердце, и онъ также готовъ былъ на благодѣянія, какъ за нѣсколько минутъ на всякое оскорбленіе. Къ сожалѣнію, зло кричитъ. а добро молчитъ. Объ излишествахъ князя печатаютъ, а о милостяхъ и добрыхъ дѣяніяхъ его не только молчатъ. но. повидимому, ихъ готовы даже отрицать.

Воздадимъ же каждому свое должное.

Андрей Шишковъ.

КЪ ИСТОРІИ КЛАССИЦИЗМА ВЪ РОССІИ.

Мнѣніе (графа) С. С. Уварова (1826).

Изъ журналовъ засѣданій Комитета объ устройствѣ училищъ видно, что Комитетъ желалъ ввести преподаваніе Греческаго языка и словесности во всѣхъ гимназіяхъ и исключить изъ нихъ Французскій языкъ. Весьма замѣчательно, что противъ этого желанія тогда возсталъ лучшій знатокъ и другъ древне-классическаго образованія, графъ С. С. Уваровъ. Онъ вошелъ въ Комитетъ съ слѣдующимъ особымъ мнѣніемъ, которое мы рекомендуемъ вниманію нашихъ приверженцевъ классическаго образованія, quand même, требующихъ, чтобы у насъ преподаваніе Греческаго языка введено было немедленно во всѣ гимназіи. Вотъ что̀ писалъ въ 1826 году С. С. Уваровъ [1]).

«Страннымъ показаться можетъ, что человѣкъ, посвятившій бо̀льшую часть свободнаго времени жизни на изученіе древнихъ языковъ, сверхъ того, въ одиннадцатилѣтнее управленіе свое здѣшнимъ [2]) учебнымъ округомъ, употребившій всѣ средства (и не безъ успѣха) ко введенію оныхъ языковъ въ публичное и частное воспитаніе, нынѣ обязаннымъ себя находитъ отдѣлиться мнѣніемъ отъ почтенныхъ сочленовъ, полагающихъ включить Греческій языкъ въ число предметовъ, назначенныхъ къ преподаванію *во всѣхъ* гимназіяхъ. Но да дозволено ему будетъ, при подписаніи журнала засѣданія, изложить откровенно свои сомнѣнія, помня, что одинъ древній сказалъ: я люблю Платона и Аристотеля, но еще болѣе люблю истину.»

«Преподаваніе древнихъ языковъ есть основаніе всякаго образованія, и не я, конечно, буду утверждать, чтобъ можно было достигнуть нѣкоторой твердой степени просвѣщенія безъ сего знанія; но въ семъ случаѣ нельзя не принять въ уваженіе, что Греческій и Латинскій языки въ совокупности требуютъ много времени и средствъ къ изуче-

---

[1]) Предъидущія строки и слѣдующія за мнѣніемъ Уварова, взяты изъ письма М. И. Топильскаго къ извѣстному латинисту А. М. Кубареву, который нѣкогда и сообщилъ ихъ въ „Русскій Архивъ“. Письмо писано изъ Петербурга въ Москву 16 Августа 1864 года. П. Б.

[2]) Т.-е. Петербургскимъ. П. Б.

нію, слишкомъ еще у насъ рѣдкихъ, чтобы распространить по всей имперіи безусловно и, такъ-сказать, однимъ почеркомъ пера, преподаваніе сихъ столь важныхъ и столь обширныхъ языковъ. У насъ господствуетъ совершенный недостатокъ въ учителяхъ и даже недостатокъ во времени, ибо преподаваніе десяти разныхъ предметовъ должно принудить сокращать и тѣснить кругъ ученія. Какую выгоду можно ожидать отъ слабаго, незрѣлаго, поверхностнаго преподаванія Греческаго языка (языка, сдѣлавшагося наукою), въ отдаленныхъ нашихъ губерніяхъ? Гдѣ найдутся способные учители, когда мы имѣемъ, сверхъ профессора Грефе, въ Европѣ къ первоклассньшъ Гелленистамъ причисленнаго, едва ли трехъ или четырехъ его же учениковъ, могущихъ вступить на каѳедру? Какую пользу можно ожидать отъ сего преподаванія, когда мы обязаны почитать оное, такъ-сказать, побочнымъ предметомъ и когда включается въ учебный курсъ десять разнообразныхъ предметовъ постояннаго преподаванія?»

«Не находя нужнымъ долѣе распространяться о сомнѣніи моемъ касательно успѣшнаго преподаванія Греческаго языка *во всѣхъ* гимназіяхъ, я ограничиваюсь слѣдующими предложеніями:

«1) Языкъ Латинскій, какъ легчайшій, обыкновеннѣйшій и, такъ-сказать, приноровленный къ практической жизни, ввести въ общій гимназическій курсъ; 2) Греческій языкъ преподавать въ гимназіяхъ, состоящихъ при университетахъ, т.-е. въ двухъ столицахъ, въ Харьковѣ, въ Казани, въ Дерптѣ, можетъ быть въ Ригѣ и Митавѣ, гдѣ находятся гимназіи въ полномъ значеніи слова.»

«Я осмѣливаюсь думать, что такое распредѣленіе удобно и совершенно соотвѣтствуетъ положенію нашихъ школъ и даже ожиданіямъ правительства».

Комитетъ *) не уважилъ мнѣнія своего сочлена, С. С. Уварова. Однако, Греческій языкъ не былъ тогда введенъ во всѣ гимназіи, потому что императоръ Николай Павловичъ, разсматривая краткія выписки изъ журналовъ засѣданій Комитета, собственноручно сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: «Я считаю, что Греческій языкъ есть роскошь, когда Французскій—родъ необходимости; а потому на это согласиться не могу, а требую подробнаго изложенія причинъ».

Причины эти изложены были комитетомъ слѣдующимъ образомъ:

*) Комитетъ этотъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, адмирала А. С. Шишкова, изъ генералъ-лейтенантовъ: графа Ливена и графа Сиверса, тайныхъ совѣтниковъ: гр. Ламберта, Сперанскаго и Уварова, дѣйств. ст. сов. Шторха, ст. сов. Перовскаго, флигель-адъютантовъ Перовскаго и графа Строганова.

«Въ предпочтеніи Греческаго языка Французскому и вообще древней словесности новѣйшей Комитетъ руководствовался слѣдующими уваженіями.»

Два главные недостатка давно уже были замѣчены въ воспитаніи нашего юношества: 1) поверхностное обученіе многихъ предметовъ вмѣстѣ, или, какъ сіе изображено въ манифестѣ 13-го Іюля 1826 года, *роскошь полузнаній*, и 2) склонность заниматься предметами легкими и нѣкоторый родъ отвращенія или равнодушіе къ занятіямъ, коихъ пріобрѣтеніе предполагаетъ навыкъ къ труду и строгое, непрерывное упражненіе. Сему ложному направленію воспитанія были разныя причины; но одною изъ главнѣйшихъ, по мнѣнію Комитета, есть преобладаніе Французской словесности, въ нѣкоторыхъ училищахъ допущенное. Молодой воспитанникъ, обладающій симъ языкомъ, когда при томъ онъ одаренъ нѣкоторою природною остротою, по самому свойству сей словесности, блистательной и разнообразной, скоро увлекается въ обольщеніе и мнитъ, что онъ все знаетъ, потому только, что посредствомъ сего языка все знать можетъ, что отъ него всегда зависитъ, безъ дальняго труда и изысканій, поровняться въ знаніяхъ со всѣми. Ежедневное употребленіе сего языка въ обществѣ утверждаетъ его въ семъ обольщеніи; легкій, пріятный, часто блистательный разговоръ, исполненный острословія, удобность фамильярной бесѣды съ высшими, удостовѣряютъ его, что онъ по одному знанію сего языка принадлежитъ уже къ лучшему избранному обществу *), что онъ все уже сдѣлалъ, чтобы отдалить себя отъ толпы людей непросвѣщенныхъ, чтобы быть и называться человѣкомъ благовоспитаннымъ, не имѣя нужды ни углубляться въ наукахъ, ни продолжать начатки ученія. Отсюда презорливость въ правахъ, самонадѣянность въ поступкахъ, отвращеніе отъ труда, стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ и, наконецъ, праздность ума, лѣность и бездѣйствіе душевныхъ способностей. Несправедливо было бы утверждать, чтобъ сіи послѣдствія нашего воспитанія были для всѣхъ общими. Второе воспитаніе, воспитаніе службы и дѣятельности жизни часто поправляютъ недостатки перваго; но самое сіе поправленіе, самая борьба съ худыми привычками и безплодное раскаяніе доказываютъ, сколь направленіе перваго воспитанія было у насъ ложно и во многихъ случаяхъ можетъ быть пагубно. Сіи разсужденія, на опытѣ и ежедневномъ наблюденіи основанныя, привели Комитетъ къ той мысли, чтобы при усо-

*) Гдѣ-то на вечерѣ Пушкинъ долго бесѣдовалъ съ одною дамой, и когда онъ отошелъ отъ нея, пріятель спросилъ его, умна ли она. Право не знаю, отвѣчалъ Пушкинъ: мы съ нею говорили по-французски. П. Б.

вершеніи училищъ искать всѣхъ возможныхъ способовъ положить злу сему твердую преграду. Для сего не найдено лучшаго и дѣйствительнѣйшаго средства, какъ усилить въ нашихъ училищахъ, начиная съ гимназій, обученіе древней Латинской и Греческой словесности. Древняя словесность, по крайней мѣрѣ столь же богатая разнообразными ея произведеніями, какъ и всѣ новѣйшія, имѣетъ передъ ними два рѣшительныхъ преимущества: 1) Самородную, такъ сказать первообразную оригинальность и 2) возбужденіе и навыкъ къ труду, безъ коего въ ней даже и поверхностныхъ успѣховъ одержать не можно. Соединеніемъ сихъ преимуществъ наука древнихъ языковъ производитъ двѣ весьма важныя пользы: первую—она пріучаетъ умъ ко внимательности, трудолюбію, къ изысканію началъ первообразныхъ, не останавливаясь на поверхности и на легкомъ подражаніи; вторую—она самою трудностію успѣховъ и тщетностію всѣхъ притязаній, полученныхъ безъ труда, пріучаетъ къ скромности, какъ и всякое основательное ученіе, а скромность есть первый признакъ и первая потребность истиннаго просвѣщенія. Молодой гимназистъ, окончивъ курсъ сей словесности въ гимназіи, не возмнитъ, что онъ знаетъ все, но будетъ знать столько, что получитъ вкусъ и желаніе знать болѣе, и сіе желаніе, сіе чувство недостающаго усовершенія будетъ сопровождать его не только въ университетъ, но и внѣ его, и такимъ образомъ онъ не прежде почувствуетъ свои силы и пріобрѣтенную имъ степень совершенства, какъ въ лѣтахъ зрѣлости, когда опасныя обольщенія самонадѣянности съ лѣтами юности, съ опытами жизни, уже миновались. Тогда знаніе языковъ, богатство его памяти, съ трудомъ имъ пріобрѣтенное, не будетъ онъ расточать на чтеніе романовъ и мелкихъ Французскихъ сочиненій, обратитъ оныя не на тщетныя политическія состязанія и мечтательныя умозрѣнія, но на твердое образованіе его разсудка, на раскрытіе и усовершеніе умственныхъ способностей»...

Не смотря на это возраженіе, въ уставѣ положено было ввести Греческій языкъ только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ (Уставъ 1828 г.).

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО МИТРОПОЛИТА ИННОКЕНТІЯ.

(Необычайная химическая экспертиза).

Это было въ 1875 году, черезъ полтора года послѣ моего перехода въ Московскій Университетъ. Меня тогда еще мало знали въ Москвѣ, но мнѣ главнымъ образомъ, какъ оффиціальному представителю химіи въ Университетѣ, довелось участвовать въ дѣлѣ, которое я хочу здѣсь разсказать. Случай этотъ, на мой взглядъ, представляется достаточно интереснымъ для характеристики времени, а также и личности высокаго пастыря Православной Церкви, пользовавшагося глубочайшимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его истинныя чувства и апостольскую дѣятельность между инородцами Восточной Сибири. И моимъ товарищамъ по наукѣ будетъ тоже вѣроятно не безъинтересно ознакомиться съ однимъ изъ крайне оригинальныхъ случаевъ химической экспертизы Можно сказать, что не только у насъ, но и нигдѣ въ мірѣ никому не приходилось производить такого химическаго изслѣдованія. У протестантовъ оно немыслимо по существу ихъ религіозныхъ воззрѣній; у католиковъ вопросъ окончился бы въ ту или другую сторону властью епископа или папы. Нынѣшнимъ лѣтомъ я встрѣтилъ въ одной Нѣмецкой газетѣ слѣдующее извѣстіе: «Недавно распространилось черезъ газеты извѣстіе о явленіи Богородицы въ лѣсу близъ Унтербимбаха (въ Гессенѣ), и съ тѣхъ поръ на томъ мѣстѣ, гдѣ ребенокъ имѣлъ видѣніе, собираются подобно какъ въ Лурдѣ во Франціи, ежедневно тысячи народа. Епископское управленіе въ Фульдѣ обратило, наконецъ, на это вниманіе всѣхъ священниковъ окрестныхъ приходовъ, предложивъ имъ удерживать своихъ прихожанъ отъ сходокъ въ лѣсу Унтербимбаха по поводу предполагаемаго чудеснаго явленія».

Только православный архипастырь могъ прибѣгнуть къ помощи науки для прекращенія въ самомъ началѣ заблужденія, хотя почтеннаго по своему источнику, но вреднаго по невѣжественному происхожденію и тѣмъ тенденціямъ къ матеріальной эксплуатаціи народнаго чувства, которыя тотчасъ же не замедлили себя проявить.

Разскажу все по порядку.

Лѣтомъ, живя на дачѣ близъ Москвы, я получилъ приглашеніе отъ С. М. Соловьева, бывшаго тогда у насъ ректоромъ, пріѣхать къ нему въ Университетъ для переговоровъ по одному важному дѣлу. При свиданіи онъ сказалъ мнѣ, что генералъ губернаторъ князь Долгоруковъ просилъ его указать ему химика для участія въ одной комиссіи, и Соловьевъ назвалъ меня. «Тамъ какой-то вопросъ о явленномъ образѣ», прибавилъ Сергѣй Михайловичъ: «князь Долгоруковъ самъ объяснитъ вамъ, въ чемъ дѣло. Если вы согласны, а отказываться неловко», сказалъ онъ, замѣтивъ, что я выражаю нѣкоторую нерѣшительность, «поѣзжайте по возможности скорѣе; дѣло довольно спѣшное». Я отвѣчалъ готовностью быть къ его услугамъ «хотя», замѣтилъ я, «мнѣ трудно пока себѣ представить, чѣмъ я могу быть полезенъ». Узнавъ, что я могу видѣть князя Долгорукова въ тотъ же день, я сейчасъ же отправился къ нему и былъ немедленно принятъ, хотя пріемъ уже кончился. Я съ нимъ не былъ тогда знакомъ и не имѣлъ о немъ никакого понятія. Князь Долгоруковъ самъ былъ незадолго передъ тѣмъ назначенъ въ Москву и не успѣлъ еще пріобрѣсти той популярности у всѣхъ слоевъ населенія, которою онъ впослѣдствіи пользовался. Онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе своей особенной любезностью и простотой, отличавшей его отъ другихъ сановныхъ особъ. Онъ просилъ меня не отказаться отъ участія въ комиссіи, составленной по желанію митрополита Иннокентія, по поводу случая съ однимъ образомъ въ Маріинской больницѣ. «Исторія эта», прибавилъ онъ, «извѣстна Государынѣ Императрицѣ, очень интересующейся ея разъясненіемъ. Съ подробностями дѣла вы можете ознакомиться въ моей канцеляріи. Скажите завѣдующему отъ меня, чтобы онъ вамъ показалъ дѣло».

«Такъ какъ г-нъ профессоръ согласенъ помочь намъ, то напишите сыну владыки *), чтобы они поторопились назначить депутата отъ духовенства», сказалъ князь, подозвавъ къ себѣ дежурнаго чиновника. Разговоръ нашъ происходилъ съ глазу на глазъ въ амбразурѣ окна въ гостиной.

Изъ дѣла я узналъ слѣдующее. Въ Маріинской больницѣ лѣчился одинъ Сербъ, пріѣхавшій въ Россію учиться иконописи. Онъ далъ обѣтъ по выздоровленіи написать образъ въ церковь больницы и впослѣдствіи, когда уже сталъ выздоравливать, просилъ позволенія переписать образъ, висѣвшій надъ дверью въ больничную церковь. Ему не нравился довольно грубо написанный *на стеклѣ* образъ Нерукотвореннаго Спаса, и онъ хотѣлъ вмѣсто его написать Александра Невскаго. Полу-

*) Т. е. сыну митрополита Иннокентія, священнику Гаврiилу Ивановичу. П. Б.

чивъ разрѣшеніе, онъ снялъ образъ, смылъ краски, сдѣлалъ углемъ образъ Александра Невскаго и поставилъ стекло въ деревянныя стойки въ одной изъ комнатъ больницы. На другой день кто-то изъ больныхъ замѣтилъ живописцу, что онъ нарисовалъ фигуру не въ серединѣ стекла, а нѣсколько ближе къ одному краю. Къ удивленію живописца фигура оказалась дѣйствительно не въ серединѣ, между тѣмъ какъ ему помнилось, что нарисовалъ онъ ее какъ слѣдуетъ. Онъ смылъ угольный рисунокъ и опять поставилъ стекло въ рамки. Вслѣдъ затѣмъ ему говорятъ, что на стеклѣ появился первоначальный образъ. Это оказалось справедливымъ, и слухъ о томъ быстро распространился по всей больницѣ. Разница съ прежнимъ образомъ была лишь въ томъ, что вмѣсто масляныхъ красокъ появилось прозрачное изображеніе на фонѣ матоваго стекла. Разсказы о необычайномъ появленіи Нерукотворнаго лика, который хотѣли уничтожить, не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на больничное населеніе, тѣмъ болѣе, что главная часть ихъ принадлежитъ къ такому классу, гдѣ склонность къ суевѣрію есть обыкновенное явленіе. Происшествіе оставалось однако загадочнымъ и для людей болѣе развитыхъ. Прежде всего, конечно, узналъ объ этомъ смотритель больницы, а затѣмъ всѣ врачи и главный врачъ Севастицкій. Но сіи послѣдніе, повидимому, старались держаться въ сторонѣ. Я не припомню, чтобы въ «дѣлѣ» были какія-нибудь указанія на отношеніе гг. врачей ко всему происшествію.

Между тѣмъ икона или, правильнѣе, стекло отъ прежней иконы сдѣлалось предметомъ поклоненія. Съ каждымъ днемъ число больныхъ, молившихся передъ ней, увеличивалось; дѣлались скромныя приношенія мѣдными деньгами, и больные обращались къ священнику съ просьбой служить передъ иконой молебны, въ чемъ онъ не отказывалъ. Какимъ образомъ узналъ объ этомъ митрополитъ Иннокентій, я не припомню: въ «дѣлѣ», кажется, не было о томъ указанія. Но онъ вызвалъ къ себѣ мѣстнаго благочиннаго, протоіерея церкви Троицы на Листахъ, и потребовалъ отъ него объясненія; благочинный отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. Владыка приказалъ собрать свѣдѣнія и донести ему. Въ свою очередь и смотритель донесъ о всемъ почетному опекуну больницы Н.

Такимъ образомъ началось настоящее офиціальное дѣло съ различными рапортами, показаніями свидѣтелей и т. п. Между сими послѣдними обращало на себя вниманіе показаніе одной женщины, разсказавшей слѣдующее. Ей предстояло перенести, по ея мнѣнію, очень трудную операцію. Наканунѣ операціи она много молилась въ церкви, отслужила молебенъ и потомъ особенно усердно помолилась передъ

новоявленнымъ образомъ. «Благодаря этому», говорила она, «я перенесла операцію совершенно спокойно».

Существенное значеніе въ дѣлѣ имѣло донесеніе или, собственно говоря, доносъ смотрителя, что аптекарь больницы будто бы похваляется, что онъ знаетъ такое средство, съ помощью котораго можно свести изображеніе со стекла. Смотритель сообщилъ рапортомъ по начальству о дошедшихъ до него свѣдѣніяхъ. Находясь во враждебныхъ отношеніяхъ къ аптекарю, смотритель вставилъ эти больничныя сплетни въ свое донесеніе почетному опекуну. (Объ отношеніяхъ между смотрителемъ и аптекаремъ я узналъ уже послѣ).

Всѣ эти обстоятельства побудили митрополита обратиться къ генералъ-губернатору съ офиціальнымъ письмомъ, въ которомъ онъ высказывалъ желаніе, чтобы была назначена комиссія, подъ предсѣдательствомъ архимандрита Чудовскаго монастыря Веніамина, съ участіемъ еще другихъ представителей духовенства *и лицъ, пользующихся по своему положенію общественнымъ довѣріемъ.*

Я не дѣлалъ по этому дѣлу никакихъ письменныхъ замѣтокъ; но помнится, что подчеркнутое выраженіе почти буквально было таково въ письмѣ митрополита, и затѣмъ оно было употреблено также въ письмѣ ко мнѣ генералъ-губернатора, которое я получилъ, когда далъ согласіе на участіе въ комиссіи.

Первое засѣданіе состоялось въ Чудовомъ монастырѣ въ покояхъ архимандрита. Не зная хорошенько, что̀ мнѣ придется дѣлать, я захватилъ съ собой на всякій случай немного крокусу (порошокъ для полировки стекла). Въ составѣ комиссіи были, кромѣ предсѣдателя, еще слѣдующія лица: чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора полковникъ (нынѣ генералъ) Мерчанскій, покойный художникъ-академикъ Сорокинъ, благочинный, священникъ больницы, аптекарь, смотритель и я. Главнаго врача больницы, кажется, съ нами не было.

Когда всѣ собрались, отецъ Веніаминъ принесъ намъ запечатанный многими печатями деревянный ящикъ съ образомъ. По вскрытіи ящика передъ нашими глазами оказалось круглое, матовое стекло, на которомъ было прозрачное изображеніе Нерукотворнаго лика, какъ его обыкновенно рисуютъ. Было ли это нарисовано или вытравлено, никто изъ присутствующихъ сказать не могъ, но во всякомъ случаѣ работа была очень изящная, съ самыми тонкими тѣневыми чертами.

По осмотрѣ стекла наступило глубокое молчаніе. Всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ въ какомъ-то смущенномъ состояніи, очевидно не зная, что̀ дальше дѣлать. Только довольно-самоувѣренная физіономія смотрителя поглядывала бойко на присутствующихъ. Я наконецъ прервалъ молчаніе вопросомъ предсѣдателю: что̀ ему будетъ угодно знать отъ

комиссіи? Онъ отвѣчалъ, что предоставляетъ самой комиссіи рѣшить, что слѣдуетъ предпринять. Опять молчаніе.

«Мнѣ кажется, насколько я понялъ задачу комиссіи, мы должны присутствовать при тѣхъ опытахъ, которые хотѣлъ сдѣлать съ образомъ г-нъ аптекарь», сказалъ я.

Тотчасъ послѣ этихъ словъ встаетъ сидящій противъ меня молодой блондинъ и рекомендуется, что онъ аптекарь больницы. Со смущеннымъ видомъ и, какъ мнѣ показалось, значительно испуганный, онъ заявилъ, что не предлагалъ никакихъ опытовъ.

«Въ особенности въ вашемъ присутствіи, г-нъ профессоръ, какое значеніе могутъ имѣть мои опыты? Я только говорилъ, что въ химіи извѣстна плавиковая кислота, которая растворяетъ стекло» прибавилъ онъ.

Аптекарь, на этотъ разъ, былъ Русскій, т. е. православный. Его смущеніе и страхъ были поэтому вполнѣ понятны. Будь то Нѣмецъ, онъ бы не стѣснился, потому что по своей религіи онъ обязанъ, такъ-сказать, не признавать явленнаго образа.

Сообразивъ все коварство смотрителя больницы, желавшаго поставить въ опасное положеніе аптекаря и признавая его замѣчаніе относительно плавиковой кислоты совершенно правильнымъ, я увидалъ, что мнѣ приходится выручать собрата по наукѣ, слишкомъ, можетъ быть, неосторожно, на этотъ разъ, показавшаго свои химическія познанія. Я предложилъ сдѣлать нѣкоторыя испытанія, при чемъ архимандритъ передалъ намъ желаніе владыки, чтобы при опытахъ, по возможности, не касаться лика образа.

«Желаніе владыки будетъ исполнено», отвѣчалъ я. «Тѣ опыты, которые я позволю себѣ предложить комиссіи, могутъ быть сдѣланы на мѣстахъ, гдѣ нарисованъ убрусъ (полотенце). Но прежде чѣмъ къ нимъ приступить, позвольте мнѣ поставить одинъ вопросъ; безъ отвѣта на него никакіе опыты не могутъ имѣть значеніе. Я смотрю на это дѣло такъ: если этотъ образъ есть твореніе рукъ Божескихъ, то оно не можетъ быть уничтожено руками человѣческими?..».

Я остановился, ожидая отвѣта, который очень скоро послѣдовалъ со стороны отца архимандрита въ утвердительномъ смыслѣ. Тогда я попросилъ, чтобы мнѣ дали масла изъ лампадки, горѣвшей въ углу передъ образомъ, и смазалъ имъ часть изображенія. Получилось сплошь прозрачное мѣсто. При тщательномъ вытираніи изображеніе конечно появлялось снова.

«Такимъ образомъ мы по произволу можемъ уничтожить и снова вызывать изображеніе», обратился я къ комиссіи.

Благочинный однако выразилъ сомнѣніе въ доказательности этого опыта. Тогда я потеръ въ одномъ мѣстѣ крокусомъ: изображеніе совсѣмъ исчеало, и получилось полированное, прозрачное стекло. Многіе изъ присутствующихъ, и въ ихъ числѣ архимандритъ, находили, что этихъ опытовъ достаточно.

«Да, очевидно, что это образъ обыкновенный», сказалъ отецъ Веніаминъ.

Священникъ все время молчалъ: но протопопъ находилъ, что эти опыты не убѣдительны. Я обратилъ вниманіе коммиссіи на то, что не сомнѣваюсь въ томъ, что плавиковая кислота уничтожитъ все изображеніе, но, повидимому нѣкоторымъ членамъ желательно было выяснить, какимъ образомъ получилось изображеніе. Это конечно было бы интересно знать, ибо тогда все сразу стало бы понятно. Но это не входило въ задачи комиссіи, и я со своей стороны затруднялся отвѣчать на такой вопросъ. Художникъ Сорокинъ тоже отказался дать какое-либо объясненіе.

Тогда я предложилъ пригласить въ слѣдующее засѣданіе комиссіи г. Подключникова, о которомъ я случайно незадолго передъ тѣмъ слышалъ, какъ объ извѣстномъ реставраторѣ церковной живописи, разсчитывая, что его продолжительная практика, можетъ быть, дастъ намъ какія-нибудь указанія. Сорокинъ подтвердилъ слышанное мною о Подключниковѣ; и рѣшено было его пригласить.

Въ слѣдующее засѣданіе Подключникову разсказали всю исторію явленія образа. Но этотъ очень живой, сухощавый старикъ, видимо знающій себѣ цѣну, однако не могъ намъ ничего объяснить.

«Никогда у меня такого случая не бывало. А вѣдь я и образъ этотъ прежній знаю. Плохо онъ былъ написанъ; очень грубо. Теперь весь рисунокъ получился гораздо тоньше. Я помню даже, что рисовавшій его (онъ назвалъ имя живописца) употребилъ тогда для рисовки сиккативъ».

— Что такое сиккативъ? спросилъ я.

— Это лакъ такой есть. Его прибавляютъ, чтобы скорѣе высохли краски.

— А какъ смываютъ масляныя краски?

— Мыломъ, разведеннымъ на спирту.

— Спиртъ берутъ очень крѣпкій?

— Нѣтъ, не особенно крѣпкій. Какъ случится.

Это былъ для меня лучъ свѣта въ темнотѣ. Въ составъ лаковъ входятъ различныя смолы, изъ которыхъ нѣкоторыя трудно растворяются даже въ очень крѣпкомъ спиртѣ. При смываніи прежняго изо-

браженія часть смолы могла остаться на стеклѣ и, заполнивъ его матъ, дать вполнѣ отчетливое прозрачное изображеніе.

При этомъ должны были получиться также и различные, болѣе или менѣе свѣтлые оттѣнки. Я объяснилъ, что комиссіи оставалось только провѣрить мои соображенія соотвѣтствующимъ опытомъ. Въ случаѣ положительномъ вопросъ, занимавшій насъ всѣхъ въ большей или меньшей степени, вполнѣ разъяснялся. Комиссія по этому охотно согласилась на мое предложеніе испытать дѣйствіе эѳира, въ которомъ всѣ смолы растворяются легче, чѣмъ въ алкоголѣ. Опытъ предоставили сдѣлать въ тотъ же вечеръ мнѣ вдвоемъ съ архимандритомъ.

Я досталъ изъ фотографическаго магазина большую фотографическую стоячую ванну, захватилъ изъ лабораторіи эѳиру, и отправился къ архимандриту. Наполнивъ ванну до половины эѳиромъ и погрузивъ туда стекло отъ образа, плотно заткнувъ отверстіе полотенцемъ, мы поставили все въ какую-то старинную гостиную съ портретами патріарховъ и митрополитовъ на стѣнахъ. Отецъ Веніаминъ сказалъ мнѣ, что въ эти комнаты никто кромѣ его не входитъ, а ключъ отъ нихъ всегда находится у него.

На другой день собрались всѣ члены комиссіи. Пріѣхалъ и Подключниковъ, заинтересовавшись разрѣшеніемъ этого «живописнаго» дѣла. Когда образъ былъ вынутъ изъ ванны, то оказалось, что вся часть изображенія, погруженная въ эѳиръ, исчезла. Но эѳиръ вслѣдствіе волосности поднимался нѣсколько выше уровня жидкости въ ваннѣ и, растворяя на пути своемъ смолы, опять стекалъ обратно, частью испаряясь. Вслѣдствіе этого получились еще свѣтлые потоки, служившіе новымъ доказательствомъ, что все изображеніе получилось отъ оставшейся на матовомъ стеклѣ смолы, бывшей въ сиккативѣ и не смытой спиртомъ.

Особенно былъ доволенъ разрѣшеніемъ вопроса благочинный. Онъ жалъ мнѣ обѣими руками руку, приговаривая: «Ну, теперь нѣтъ уже никакого сомнѣнія. Очень, очень вамъ благодаренъ. Вы меня совершенно успокоили.»

Во избѣжаніе суевѣрнаго поклоненія образу, въ случаѣ возвращенія его въ больницу, по предложенію кого-то изъ своихъ духовныхъ сочленовъ, комиссія, въ заключеніе своего протокола, выразила мнѣніе, что образъ въ Маріинскую больницу возвращать не слѣдуетъ.

Профессоръ **Владимиръ Марковниковъ.**

Гейдельбергъ.
2 Августа (19 Іюля) 1899.

ПИСЬМО АДМИРАЛА БУТАКОВА КЪ КНЯЗЮ А. И. БАРЯТИНСКОМУ СЪ ЗАМѢТКАМИ М. Г. ЧЕРНЯЕВА.

Помня вашъ здравый, ясный взглядъ на дѣла *нашего* Востока, ваши убѣжденія, *какъ* намъ должно дѣйствовать и къ *чему* стремиться въ Средней Азіи, основанныя на незыблемомъ основаніи, что дважды два четыре, наконецъ, помня полныя довѣрія бесѣды, которыми вы меня удостоивали, рѣшаюсь обратиться къ вамъ по поводу послѣднихъ событій, совершившихся въ Туркестанѣ, въ надеждѣ, что вы не сочтете этого нескромностью.

Вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстно о занятіи нашими войсками Туркестана и Чемкента. Мнѣ сдается, что вы должны были воскликнуть: «Къ чему это? Для какихъ результатовъ?» и навѣрно вы бы не допустили до этого несчастнаго пріобрѣтенія, если бъ были здѣсь.

Я разстался съ Сыръ-Дарьею въ Январѣ нынѣшняго года (выжили оттуда, попросту сказать), но я имѣю вѣрныя извѣстія о неприкрашенной сути дѣла и позволяю себѣ думать, что она будетъ не безинтересна для васъ. Начну съ краткаго обзора прошлогоднихъ происшествій.

Лѣтомъ 1863 года были снаряжены двѣ рекогносцировочныя экспедиціи отъ Оренбургскаго Отдѣльнаго корпуса: рѣчная, подъ моимъ начальствомъ, для изслѣдованія Сыръ-Дарьи на пароходахъ, насколько возможно вверхъ отъ нашихъ фортовъ, и сухопутная, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Черняева, для подкрѣпленія меня въ случаѣ нужды (что̀, par parenthèse, я считалъ совершенно лишнимъ) и для рекогносцировки сосѣдства Туркестана и Каратаускихъ горъ. Обоимъ намъ было предписано полнѣйшее миролюбіе и употребленіе оружія только въ крайней необходимости.

Я отправился съ двумя пароходами, 40-ка и 20-ти сильными, и желѣзною 2-хъ-пушечною баржей, и поднялся на 800 верстъ выше Форта Перовскаго; послѣднюю часть на 20-ти сильномъ пароходѣ, оставя главную силу свою на 115 верстъ назади. Былъ я на развалинахъ Отрара, гдѣ умеръ Тамерланъ, и Туката, разореннаго Тамерланомъ. Нашелъ, что рѣка великолѣпная, шириною отъ 150 до 400 сажень, съ глубинами отъ 3-хъ до 5 сажень и теченіемъ отъ 3-хъ до

4-хъ узловъ *). Берега низменные, затопляемые въ разливы; по закраинамъ ихъ и на островахъ тотъ же кустарникъ и тѣ же деревца, что около Форта Перовскаго и Джулека. На всемъ пройденномъ мною разстояніи нѣтъ никакой осѣдлости. Города въ Туркестанскихъ и Ташкентскихъ владѣніяхъ построены на вытекающихъ изъ горъ притокахъ Сыръ-Дарьи; но за то слѣды обширныхъ системъ оросительныхъ канавъ, попадавшіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, кромѣ окрестностей Отрара и Туннката, доказываютъ, что въ 13-мъ столѣтіи и позже тутъ было многолюдное, трудолюбивое и осѣдлое населеніе.

До самаго города Ташкента я не дошелъ, потому что сжегъ все топливо, какое только было, а на берегахъ не нашелъ чѣмъ дополнить. По моимъ астрономическимъ наблюденіямъ, Ташкентъ, поставленный на картахъ по обсерваціямъ Іезуитовъ, находится въ сущности около полутора градуса широты южнѣе, чѣмъ считается.

Сухопутный отрядъ (полковникъ Черняевъ) осмотрѣлъ окрестности города Туркестана, перевалилъ черезъ Каратаускія горы на сѣверный скатъ ихъ и подошелъ на видъ крѣпости Сузака. Бывшіе при авангардѣ Киргизы, подъ начальствомъ зауряднъ-сотника изъ Киргизовъ же, подскакали довольно близко къ стѣнамъ Сузака, и по нимъ сдѣлали оттуда пушечный выстрѣлъ, не задѣвшій никого. Зауряднъ-сотникъ поскакалъ къ авангарду, а начальникъ его, капитанъ генеральнаго штаба, не задумываясь нисколько, принялся пускать въ Сузакъ боевыя ракеты. Когда ихъ тамъ лопнуло штукъ 15-ть, жители принудили Коканскій гарнизонъ сдаться и Черняевъ вошелъ въ Сузакъ побѣдителемъ, принялъ депутацію старшинъ и обнадежилъ ихъ въ покровительствѣ Россіи. Послѣ этого онъ пошелъ къ городу Чулакъ-Кургану и продѣлалъ тамъ тоже самое (безъ бомбардировки).

По возвращеніи, Черняевъ описалъ яркими красками богатство почвы и обработанность полей и садовъ Сузака и Чулака (въ послѣднемъ жители отапливаются мѣстнымъ каменнымъ углемъ), вывелъ, что вся Сыръ-Дарьинская линія можетъ продовольствоваться провіантомъ оттуда, а Аральская флотилія получать минеральное топливо; что 60,000 кибитокъ Киргизовъ-кунградцевъ поступитъ въ подданство Россіи и проч. и проч. На основаніи всѣхъ этихъ, весьма преувели-

*) По этой великолѣпной рѣкѣ, даже въ нижней ея части, пароходы, заказываемые Бутаковымъ съ большими затрудненіями въ теченіе 16 лѣтъ командованія имъ Аральскою флотиліею, едва могли двигаться при помощи людей. Пароходы сидѣли въ водѣ $4^1/_2$ ф., а перекаты имѣли $2^1/_2$—3 ф. Я неоднократно испытывалъ это путешествіе водою. Все малочисленное населеніе Сыръ-Дарьинской линіи возмущалось дармоѣднымъ существованіемъ этой флотиліи. Бутаковъ находилъ опору въ морскомъ вѣдомствѣ и, не смотря на представленія генералъ-губернаторовъ, флотилія просуществовала съ 1848 г. до моего назначенія. Я ее упразднилъ. М. Ч.

ченныхъ данныхъ, военный министръ рѣшился въ нынѣшнемъ году занять Сузакъ и Чулакъ для соединенія границъ степей вѣдомствъ Оренбургскаго и Западной Сибири.

А. П. Безакъ, чтобъ метнуть дальше своего бывшаго подчиненнаго, предложилъ соединить границу отъ Джулека (восточнаго укрѣпленнаго пункта Сыръ-Дарьинской линіи), черезъ Туркестанъ и Чемкентъ, на Аулье-Та (западный пунктъ Сибирской линіи).

Въ началѣ весны военный министръ говорилъ со мною объ этомъ въ пріемной Государя, когда я былъ дежурнымъ. Я высказалъ ему прямо, что, по моему мнѣнію, «соединеніе границъ» только фраза, не имѣющая практическаго значенія; но если ей суждено перейти въ фактъ, то выгоднѣе граница черезъ Сузакъ и Чулакъ, при чемъ Каратаускія горы останутся къ Югу, сохранится прямое сообщеніе съ Россіей, потребуется меньше издержекъ, и меньшее число Русскаго войска будетъ обречено на каторжную жизнь. Пограничная же линія по южную сторону Каратаускихъ горъ, черезъ Туркестанъ и Чемкентъ, занимая мѣста населенныя, потребуетъ несравненно больше войска, для удержанія ихъ въ повиновеніи; горы отдѣлятъ линію отъ свободнаго сообщенія съ Россіей, предѣлы Россіи расширятся безъ всякой пользы еще больше; издержки будутъ огромныя, а выгоды никакой. Въ заключеніе я сказалъ ему тоже, что говорилъ вамъ о покойномъ Катенинѣ, когда имѣлъ честь обѣдать у васъ en tête à tête въ началѣ 1860 года, а именно, что «графство Муравьева-Амурскаго бросилось въ носъ всѣмъ генералъ-губернаторамъ дальнихъ странъ и что они не могутъ успокоиться, пока не пріобрѣтутъ себѣ дешевыми лаврами этой почести»; во вторыхъ, что занять эти мѣста не трудно, но не легко будетъ удержать ихъ и, наконецъ, чего ждутъ отъ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній? Я прибавилъ, что понимаю важность занятія дельты Аму-Дарьи и готовъ хоть сейчасъ отправиться для этого снова въ степь, но что распространеніе наше въ сторону Ташкента лишено всякой portée politique. Военный министръ разсмѣялся и сказалъ, что также думаетъ не разрѣшать Безаку проведенія границы по его проекту *).

Лѣтомъ нынѣшняго года я былъ въ плаваніи съ великими князьями Алексѣемъ Александровичемъ и Николаемъ Константиновичемъ. По возвращеніи въ половинѣ Августа, я узналъ, что дѣло уже сдѣлано, что Туркестанъ занятъ, Чемкентъ также, и «граница соединена» (!!?)...

Не угодно ли оцѣнить достоинство новыхъ пріобрѣтеній по слѣдующимъ выпискамъ изъ частныхъ писемъ, полученныхъ мною съ Сыръ-Дарьи?

---

*) Какая неприличная выходка противъ А. П. Безака, который, правда, не любилъ Бутакова за тунеядство, при громадныхъ расходахъ на флотилію! М. Ч.

«Мѣстоположеніе Туркестана не находка: 40 верстъ отъ берега Сыръ-Дарьи и верстъ на 5 отъ нея разливы, такъ что лошади по грудь. Есть сады у жителей, которые продаются по 200 и 300 рублей съ виноградниками. Сѣнокошеніе верстъ за 20 и 40, и люди постоянно по колѣно въ водѣ, отчего народъ послѣ 3-хъ дневной работы возвращается съ распухшими ногами: они должны быть постоянно при оружіи и съ конвоемъ. Жители топятъ кизякомъ, который покупаютъ по 7 и 8 коп. за пудъ. Саксаула [1]) нѣтъ [2]). Вотъ вамъ новопріобрѣтенная благодать! Мало горя было насчетъ топлива, теперь еще больше».

Не забудьте, что въ Туркестанѣ одна изъ главныхъ магометанскихъ святынь, мечеть Хазретъ-Султана, которой постройку приписываютъ Чингисъ-Хану и къ которой куча народа изъ всей Средней Азіи ходитъ на поклоненіе. Слѣдовательно, мы подняли противъ себя весь магометанскій фанатизмъ.

Овладѣніе Туркестаномъ было не легко: нашъ отрядъ изъ 1400 человѣкъ былъ трое сутокъ противъ города съ 1500-тысячнымъ гарнизономъ и 10.000 жителей; ему чуть не пришлось возвратиться ни съ чѣмъ.

А вотъ эпизодъ, доказывающій, каково тамъ будетъ держаться (это еще только начало, и въ самое лучшее время года, когда пароходы сильно могутъ помогать, а что то скажетъ зима?)

«Я вамъ писалъ, что Черняевъ (начальникъ Сибирскаго отряда, занявшій Чемкентъ) требовалъ къ себѣ навстрѣчу отрядъ. Изъ Туркестана пошелъ Мейеръ (капитанъ генеральнаго штаба) съ ротою стрѣлковъ и сотней казаковъ. Они наткнулись на сильное скопище, которое разбили, но съ порядочной потерей. Трое офицеровъ ранено, 17 человѣкъ нижнихъ чиновъ убито, а всего убитыхъ и раненыхъ 70 человѣкъ изъ 300».

Судите, каково будетъ транспортамъ и почтарямъ [3]).

Не знаю, каковъ Чемкентъ для житья Русскому гарнизону; не могу также сказать, какъ силенъ былъ Сибирскій отрядъ. Но при тяжкихъ трудахъ Туркестанскаго гарнизона, хотя тамъ назначенъ комендантомъ человѣкъ толковый (артиллер. полковн. Качаловъ), надобно

[1]) Толстый приземистый кустарникъ, дающій большой жаръ; имъ отапливаются пароходы Аральской флотиліи во внутреннихъ плаваніяхъ. М. Ч.

[2]) И въ теченіе 16 лѣтъ Аральская флотилія, ничего не дѣлая, истребила весь саксаулъ по берегу Сыръ-Дарьи. М. Ч.

[3]) Черезъ три мѣсяца по взятіи моемъ Ташкента, я устроилъ правильное почтовое сообщеніе съ Оренбургомъ, котораго въ теченіе 17 лѣтъ не существовало. Сообщеніе было также безопасно, какъ и въ Россіи. Ничто не оправдалось. Зиму мы провели благополучно, а съ весны продолжали военныя дѣйствія. Если и былъ такой слухъ, то повѣрить ему могъ только тотъ, кто не зналъ положенія дѣлъ въ Азіи. М. Ч.

опасаться сильной смертности и врядъ ли мясная порція будетъ обезпечена людямъ, которымъ придется зимовать въ сакляхъ и кибиткахъ. Сколько безплодныхъ страданій предстоитъ этимъ бѣднякамъ!—и главное за что? для чего? Все это крайне грустно: а чего ждать, если мы потерпимъ неудачу!..

Я сильно опасаюсь, что черезъ годъ туда придется послать не два или три батальона, а шесть или восемь, съ огромными издержками. Мы удерживались на Сыръ-Дарьѣ съ ничтожными силами единственно потому, что Коканъ былъ терзаемъ постоянными междоусобными рѣзнями, а Бухарскій эмиръ ходилъ туда чуть не каждый годъ военными походами, болѣе или менѣе неудачными; да и занимали мы мѣста безъ осѣдлаго населенія. Теперь дѣло другое: обладаніе «невѣрными», святой мечети Хазретъ-Султана можетъ соединить магометанъ фанатизмомъ и вдохнуть имъ на время единодушіе. Повторяю, я особенно боюсь зимы, когда пойдутъ болѣзни и смертность въ изнуренномъ и скверно-помѣщенномъ гарнизонѣ. Дай Богъ, чтобъ я ошибся!..

Я не досказалъ повѣсти о Сузакѣ. Жители его ждали до Октября (1863 г.) прихода Русскихъ, которымъ не было физической возможности явиться для ихъ защиты. Наконецъ, боясь за свои головы, они послали депутацію съ повинною въ Ташкентъ, и, приплатившись значительно за свои вины, приняли къ себѣ снова Коканскій гарнизонъ. Мнѣ писали, что они бросили Сузакъ, когда нашъ отрядъ тронулся изъ Форта Перовскаго, вырубили свои сады и были главными защитниками Туркестана.

Зимою съ 1862 на 1863 годъ разнесся у насъ въ степи отъ Бухарскихъ купцовъ слухъ, будто бы Англичане устраиваютъ пароходы въ верховьяхъ Аму-Дарьи, около Балха. Чтобъ противудѣйствовать имъ, если бъ эти извѣстія подтвердились, рѣшено было занять дельту Аму-Дарьи. Я знаю это потому, что Безакъ спрашивалъ моего мнѣнія, какіе бы пункты я полагалъ занять и съ какимъ числомъ войска? Но тутъ вспыхнули Польскія дѣла, слухи оказались вздоромъ, и дѣло это оставлено. Когда Государь принималъ меня въ своемъ кабинетѣ, послѣ пріѣзда моего изъ степи въ концѣ Февраля, разсматривалъ карту моихъ изслѣдованій и расспрашивалъ меня съ большимъ интересомъ, я говорилъ ему о важности занятія дельтовъ Аму-Дарьи. Онъ отвѣчалъ, что это дѣло отложено, но идея не покинута. Теперь мы нажили себѣ въ Средней Азіи столько хлопотъ, что кажется можно считать эту отличную идею окончательно покинутою!

Письмо это было доставлено въ „Р. Архивъ“ А. Л. Зиссерманомъ. По нашей просьбѣ, М. Г. Черняевъ написалъ къ нему свои эти замѣтки. Время—лучшій судья. П. Б.

ловъ и его товарищи по типографіи и журналу въ 1792 году", бросающая нѣкоторый новый свѣтъ на первоначальную литературно - издательскую дѣятельность нашего баснописца.

Напечатано въ сборникѣ и знаменитое письмо императора Александра Павловича къ графу Н. А. Толстому 8-го Сентября 1812 года о Сперанскомъ и о высылкѣ его въ Пермь изъ Нижняго; оно нашлось въ собраніи Ѳ. Ѳ. Мазурина, поступившемъ въ собственность Архива. Среди Мазуринскихъ рукописей открытъ списокъ Судебника царя Ѳедора Ивановича, доселѣ неизвѣстный. Онъ подготовляется къ печати.

О важномъ и обширномъ трудѣ В. А. Ульяницкаго „Историческій очеркъ Русскихъ консульствъ за границей", мы не имѣемъ возможности дать отзывъ.—Особенное вниманіе привлекаетъ новая работа князя Н. В. Голицына, уже заявившаго себя прекраснымъ трудомъ о посланныхъ Борисомъ Годуновымъ за границу для ученія Русскихъ юношахъ, „Портфели Г. Ф. Миллера" (Свѣдѣнія о поступленіи ихъ въ Архивъ и описать трехъ портфелей). Разъяснить что такое эти знаменитые портфели, изъ которыхъ изслѣдователи Русской исторіи, начиная съ Карамзина, черпаютъ обильною рукою разнообразныя свѣдѣнія, значитъ оказать важную услугу нашей исторіографіи. Однако, при настоящемъ положеніи описи портфелей, работа эта является чисто-египетскою. Два неизданные тома описи, составленные кн. М. А. Оболенскимъ, далеко не выясняютъ научной цѣнности матеріала. Новое подробное описаніе трехъ портфелей можно признать весьма удачнымъ. Пожелаемъ, чтобы у молодого трудолюбиваго ученаго достало охоты и силъ довести начатую работу до конца.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899 года.

(Годъ 37-й).

«Русскій Архивъ» въ 1899 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1899 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годъ 1898—8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1900 года.
ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1899

12.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1899.

О ПЕРСИДСКОМЪ ПОХОДѢ, ПРИ ГОСУДАРѢ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ БЫВШЕМЪ.

Распространеніе и безопасность Россійской торговли было одно изъ главнѣйшихъ дѣлъ, о которомъ государь Петръ Великій имѣлъ всегдашнее стараніе. Персія и Индія были такія государства, кои могли оную привести въ цвѣтущее состояніе. Области Персидскія, лежащія у береговъ Каспійскаго моря, изобиловали толикимъ богатствомъ, что изъ одной Гиланской вывозилось шелку, не считая другихъ произведеній, болѣе 70,000 пудовъ въ годъ. Сей великій торгъ повсюду производимъ былъ почти чрезъ однихъ Армянъ. Государь, желая обратить оной въ свое государство, постановилъ съ ними конвенцію, по которой они обязались весь шелкъ доставлять въ Россію, и отнюдь не возить его въ Левантъ и въ другія мѣста Турціи, и даже въ самой Персіи не продавать другимъ народамъ. За сіе доставилъ онъ взаимно и имъ великія выгоды въ торговлѣ Россійской. И дабы сей договоръ учинить твердѣйшимъ, сдѣлалъ онъ то, что оную конвенцію подтвердилъ и самъ шахъ Персидскій. Однакоже Армяне не соблюли своего обязательства: они великую часть шелка тайно провозили въ Турецкія области, отъ чего намѣреніе Государя не имѣло желаемаго дѣйствія.

Поелику съ правительствомъ Персидскимъ не было никакого постановленія въ разсужденіи торговли Россійской, въ Персіи производимой, отъ чего и подвергалась она по причинѣ частыхъ мятежей всегдашнему несчастію, и болѣе убытка, нежели пользы приносила: то сіе и побудило Государя отправить къ шаху Гуссеину посла своего господина Волынскаго, для постановленія съ нимъ торговаго договора, который и заключенъ въ 1718 году. Но и отъ сего торговля Россійская не возымѣла съ сей стороны нималаго приращенія. Возставшіе въ Персіи жестокіе мятежи не токмо привели ее въ вящшее разореніе, но и совсѣмъ пресѣкли: ибо во время нападенія на Шамахію владѣльцевъ Лезгинскаго Даудъ-бека и Кази-Кумыцкаго Сурхая, бывшіе въ Персіи Россійскіе купцы мятежниками ограблены и почти всѣ лишились жизни. Хотя же Государь многократно требовалъ отъ шаха за то удо-

вольствія; но сей владѣтель, утѣсненный возмутившимися противъ него подданными, не въ состояніи былъ учинить онаго. Монархъ требовалъ сего удовольствія и отъ самыхъ главныхъ мятежниковъ, но они о томъ и не думали.

Все сіе съ давняго уже времени побуждало его къ принятію въ свое покровительство лежащихъ при Каспійскомъ морѣ Персидскихъ областей и къ населенію ихъ Россійскимъ войскомъ, прежде нежели могутъ оными овладѣть и въ конецъ разорить мятежники Персидскіе или Турки. Но война Шведская не допускала его до произведенія того въ дѣйство. По славномъ же окончаніи оной, не взирая на слабость здравія своего, предпринялъ онъ съ арміею трудный походъ въ Персію. Къ чему наипаче побуждало его съ одной стороны желаніе помочь утѣсненному шаху, а съ другой, доставивъ удовольствіе въ учиненныхъ мятежниками подданнымъ его обидахъ, оградить навсегда твердою безопасностію предѣлы государства и не допустить въ сосѣдство желавшихъ овладѣть ближайшими къ онымъ Персидскими областями Турковъ, къ которымъ уже и прибѣгли мятежники, отдавая себя и похищенныя ими земли въ покровительство ихъ.

Вслѣдствіе сего и далъ онъ повелѣнія свои о учиненіи потребныхъ къ сему походу пріуготовленій, а 15-го Маія 1722 года и самъ отправился въ Астрахань. Прибывъ туда 15-го Іюля, повелѣлъ онъ обнародовать и разсѣять по Персіи переведенный на Персидской, Татарской и Турецкой языки манифестъ, которымъ всѣ жители обнадеживаемы были въ безопасности и въ покровительствѣ его.

Но, дабы имѣть благовидную причину къ употребленію оружія противъ Персидскихъ мятежниковъ, предписалъ онъ бывшему въ Персіи консулу своему Семену Аврамову, чтобы онъ старался преклонить шаха къ отправленію въ Россію посла, для заключенія съ онымъ о семъ предметѣ договора.

Предъ отправленіемъ же въ походъ, далъ онъ наставленіе войску о соблюденіи здоровья: строго запретилъ употребленіе въ Персіи всего соленаго, предписалъ имѣть осторожность отъ тамошнихъ плодовъ и въ питьѣ воды, отъ 9-го часа утра до 5-ти часовъ пополудни не велѣлъ ни ходить, ни сидѣть безъ шляпъ, гдѣ нѣтъ кровли; днемъ ни подъ кровлею, ни на голой землѣ не спать.

Снабдивъ такимъ наставленіемъ свое войско, отправилъ онъ конницу въ Персію сухимъ путемъ подъ начальствомъ генерала-маіора Кропотова, давъ повелѣніе слѣдовать оной изъ Царицына горами. Съ

сею конницею отправились и три корпуса Донскихъ и Малороссійскихъ казаковъ и Татаръ. А флотъ, состоявшій изъ 274 судовъ, выступилъ въ море 17-го Іюля. Надъ онымъ главное начальство имѣлъ генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ; Государь же командовалъ передовыми судами. Всего войска, какъ сухимъ путемъ, такъ и на флотѣ отправленнаго, напечатанныя въ иностранныхъ земляхъ извѣстія полагаютъ 106,000 человѣкъ; но за вѣрность сего показанія ручаться не можно, ибо о семъ нѣтъ достовѣрнаго свѣдѣнія.

28-го Іюля флотъ достигнулъ Аграханскаго мыса, и тогда же происходило выступленіе войска въ лагерь, назначенный Государемъ при рѣкѣ Аграханѣ. Выступленіе сіе было весьма трудное; ибо суда не могли за мелкостію подойти къ берегу саженей за 70, а мостовъ сдѣлать было не изъ чего; почему солдаты принуждены были выносить на себѣ провіантъ свой, аммуницію и всѣ тягости. Самъ Монархъ участвовалъ въ сихъ трудахъ. По выгрузкѣ всего, поставленъ лагерь и названъ Аграханскимъ ретраншементомъ; ибо, Государь приказалъ войску для нечаяннаго непріятельскаго нападенія укрѣпить оной валомъ

Не прежде, какъ чрезъ недѣлю можно было оттуда выступить и намѣреніе сего похода приводить въ исполненіе; ибо лошади, отправленныя изъ Астрахани при конномъ войскѣ сухимъ путемъ, еще не бывали. Медленію сему причиною была трудность пути и недостатокъ въ водѣ и въ фуражѣ; а сверхъ того, при вступленіи сего войска въ Дагестанъ, произошло помѣшательство и отъ нападенія, учиненнаго отъ жителей большой и укрѣпленной деревни, Эндери называемой. Ибо, когда бригадиръ Ветераній, отправленный отъ генерала-маіора Кропотова съ 4 драгунскими полками для занятія сей деревни, сталъ къ ней приближаться, то жители оной 23-го Іюля, въ числѣ 5,000 человѣкъ, въ узкомъ мѣстѣ нечаянно на идущихъ Россіянъ напали; однакоже были прогнаны. При семъ со стороны Россіянъ потеряно 70 человѣкъ драгунъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ раненыхъ. Наконецъ полковникъ Наумовъ, по маломъ сопротивленіи, вошелъ въ сію деревню и, положа на мѣстѣ до 300 человѣкъ, превратилъ ее въ пепелъ. Въ сей деревнѣ находилось до 3000 дворовъ. Въ ней получена знатная добыча. Остальные жители разбѣжались въ горы, куда преслѣдовать ихъ было не можно.

По прибытіи сего бригадира къ главному войску, Государь повелѣлъ всѣ островскія лодки поставить за Ракушечной островъ, лежащій неподалеку отъ берега Аграханскаго залива, за которымъ сильные вѣтры и волны не могли повредить ихъ. Потомъ, оставя 200 человѣкъ регулярнаго войска, всѣхъ больныхъ и 1000 казаковъ подъ началь-

ствомъ полковника Маслова, 5-го Августа пошелъ со всею арміею подъ Дербентъ; съ судами же, въ Аграханскомъ заливѣ стоявшими, повелѣлъ поручику Соймонову идти къ острову Чеченю и тамъ, соединясь съ командиромъ всѣхъ ластовыхъ судовъ капитаномъ Фонъ Верденомъ, слѣдовать къ Дербенту.

Августа 6-го Государь прибылъ съ арміею къ рѣкѣ Сулаку и въ два дни, хотя и съ превеликою нуждою, вся армія перебралась чрезъ оную на камышевыхъ плотахъ.

Султанъ Махмутъ изъ Аксая и отправленной изъ Тарху посланникъ отъ шамхала, по переправѣ чрезъ рѣку Сулакъ, были у Государя на аудіенціи. Они подтвердили свое подданство, обѣщая къ повелѣніямъ его всякое послушаніе. Монархъ подтвердилъ всѣ ихъ права и преимущества.

Августа 11-го Государь, оставя часть пѣхоты съ повелѣніемъ дождаться остальной конницы, идущей съ генералъ-маіоромъ Кропотовымъ, самъ съ передовымъ войскомъ вступилъ въ походъ; и хотя на томъ пути много находилось рѣчекъ, изъ горъ въ море текущихъ, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воды совсѣмъ не доставало, чего ради шамхалъ приказалъ рыть колодези; но вода въ нихъ была малая и мутная, такъ что принуждены были пробыть около сутокъ безъ воды.

12-го Августа шамхалъ встрѣтилъ Государя за 5 верстъ отъ Тарху и проводилъ его въ назначенный у города лагерь. Чрезъ три дни вся армія прибыла къ сему для сбора опредѣленному мѣсту. Шамхалъ предлагалъ Монарху войска свои къ услугамъ, но онъ ихъ не принялъ.

Въ сіе время прибыли къ Императору депутаты отъ наиба или намѣстника Дербентскаго и предали себя въ покровительство его. Сей наибъ избираемъ былъ изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ жителей и былъ подтверждаемъ въ достоинствѣ его отъ шаха, однакоже состоялъ подъ властію Дербентскаго султана, которой имѣлъ надъ Дербентомъ и подсудными оному мѣстами почти безпредѣльную власть и получалъ съ доходами съ земли отъ шаха въ годъ жалованья, считая Россійскими деньгами, по 50,000 рублей.

16-го Августа армія выступила изъ Тарху, но претерпѣла нѣкоторой вредъ отъ невѣрности двухъ тамошнихъ владѣльцовъ, султана Махмута изъ Утемиша и Усмея Хайтанскаго, которые хотя оказывали всякое доброхотство бывшему у нихъ отъ Астраханскаго губернатора г. Волынскаго послу, но въ сіе время поступили непріятельски. Ибо,

когда Монархъ Августа 18-го, прошедъ область Байнакъ, прибылъ на то мѣсто, гдѣ земля Утемишъ соединяется съ Хайтанами, то послано было нѣсколько казаковъ для разсматриванія той земли; но жители не дозволяли подходить къ нимъ близко, а султанъ приказалъ безчеловѣчнымъ образомъ изрубить отправленнаго къ нему съ письмами казацкаго есаула съ тремя казаками; войско же его, состоявшее изъ 10,000 человѣкъ своихъ и изъ 6000 Усмеевыхъ, хотѣло нечаяно напасть на Россіянъ, но было разбито и преслѣдовано до самаго Утемиша, который превращенъ въ пепелъ. Тоже самое учинено и съ 6 другими его владѣнія мѣстечками. Число побитыхъ непріятелей простиралось до 1000 человѣкъ. Скота взято 7000 быковъ и до 4000 барановъ, не считая другого ихъ имущества, безъ всякой почти потери съ Россійской стороны. Нѣсколько подданныхъ сего султана, взятыхъ въ плѣнъ, казнены смертію за учиненное ими съ есауломъ казацкимъ безчеловѣчіе.

Сіе происшествіе было причиною, что армія не прежде 21-го числа паки выступила въ походъ. Въ пути семъ великой жаръ, недостатокъ въ водѣ и возставшій сильной вихрь, поднявшій превеликую пыль, учинили переходъ сей самымъ труднѣйшимъ, а особливо для тяглыхъ лошадей и скота. Однакоже Императоръ во весь день пробылъ на лошади. Въ сіе-то время велѣлъ онъ обрѣзать себѣ волосы и изъ оныхъ сдѣлать парикъ, которой надѣвалъ по вечерамъ, кои тамъ довольно холодны, днемъ же накрывалъ себя большою шляпою.

Въ семъ же пути Бакинскіе жители прислали письмо къ Императору, которымъ предавали себя въ его покровительство.

За версту отъ Дербента встрѣтилъ его наибъ сего города и поднесъ ему серебреный ключъ отъ онаго. По вступленіи въ Дербентъ, пѣхотное войско расположено было лагеремъ на равнинѣ близъ моря, а конница и казаки поставили свой станъ при рѣкѣ Милукентіи, за 5 верстъ отъ ея устья. Капитану же Фонъ Вердену, стоявшему съ флотомъ подъ городомъ, поелику тамошняя рейда открыта всѣмъ вѣтрамъ и худой для якорей имѣла грунтъ, велѣно стать при устьѣ той же рѣки и, сдѣлавъ на берегу ея ретраншементъ, выгрузить изъ судовъ весь хлѣбъ.

Въ Дербентѣ, по обѣимъ сторонамъ сего города, на рѣчкахъ Милукентіи и Артабугамѣ, повелѣлъ Государь сдѣлать двѣ крѣпостцы, дабы оныя въ случаѣ непріятельскихъ на Дербентъ покушеній послужили новымъ укрѣпленіемъ городу; а равно были нужны и тогда, ежели бы и самые Дербентцы вздумали учинить возмущеніе. Наибу далъ чинъ

Россійскаго генерала-маіора и предоставилъ ему начальство надъ Дербентскою Персидскою ландмилиціею.

Между тѣмъ Россійскимъ войскомъ занятъ какъ весь Дербентской уѣздъ, такъ и сосѣдственной оному уѣздъ же, называемый Мушкура, лежащій при Каспійскомъ морѣ между рѣками Самурою, или Еламою и Бельбелеею, изъ которыхъ послѣдняя отдѣляетъ его отъ Шабрана. Прежде сего въ сей области были изрядныя и богатыя селенія подъ именемъ деревень, но оныя въ минувшемъ году отъ мятежниковъ разорены; однакоже жители паки туда собрались, и нѣкоторыя деревни построились, изъ коихъ въ одну, называемую Дедели, окруженную каменною стѣною, введенъ былъ Россійской гарнизонъ. Вся сія страна, впрочемъ весьма изобильная, имѣетъ многія небольшія рѣки, рыбную ловлю, лѣса, луга и изрядныя пашни. Въ лѣсахъ, по большей части состоящихъ изъ высокихъ и толстыхъ буковъ и дубовъ, въ изобиліи растутъ яблони, груши, сливы, орѣхи, квиты, меспелы и другіе плоды, а особливо множество дикаго винограда. Луга почти безпрестанно зеленѣютъ, и хотя въ Іюнѣ и въ Іюлѣ мѣсяцахъ высыхаютъ отъ жаровъ, но тѣмъ пріятнѣе бываютъ послѣ, а особливо въ Декабрѣ и Генварѣ, когда всѣ луга покрываются травами и цвѣтами. Сей уѣздъ снабдѣвалъ до мятежей хлѣбомъ, пшеницею и Сарацынскимъ пшеномъ не токмо весь Ширванъ, но и Дагестанъ и прочія окрестныя мѣста. Въ немъ приготовляли также множество шелка, и хотя сей промыслъ во время смятеній былъ разоренъ, но въ ономъ городѣ паки завелись сіи фабрики. Всѣ сіи мѣста Государемъ въ томъ же Августѣ мѣсяцѣ заняты.

Хотя до сего времени жители города Баку и охотно отдавались въ покровительство государево; но вдругъ они, или паче начальники ихъ, поступили совсѣмъ противнымъ образомъ. Они не токмо не приняли предлагаемаго имъ покровительства, но и не пустили въ городъ поручика Лунина, посланнаго къ нимъ отъ Государя съ манифестомъ, отвѣтствуя на оной, что они и безъ чужой помощи отъ мятежниковъ обороняться могутъ.

Таковой неожидаемой поступокъ принудилъ Императора къ принятію другихъ мѣръ. Онъ рѣшился довесть ихъ къ послушанію силою оружія; но непредвидѣнное приключеніе принудило его оставить до времени какъ сіе, такъ и другія предпріятія.

Когда ластовыя съ хлѣбомъ суда стали предъ устьемъ рѣчки Милукентія, и когда, по повелѣнію Монарха, ретраншементъ у оной былъ сдѣланъ, и нѣсколько хлѣба уже выгружено, въ то время за ночь

предъ сею выгрузкою возсталъ съ Сѣвера жестокой вѣтръ, отъ котораго тѣ суда потекли столь сильно, что не оставалось иного средства, какъ только отрубить якори и, притянувшись къ берегу, садиться на мель. Всѣ 13 судовъ принуждены были учинить сіе, и мука почти вся помокла. По выгруженіи остальной неподмокшей муки, разломали сіи суда и дрова употребили на печеніе хлѣбовъ; но хлѣба сего было весьма недостаточно къ произведенію намѣреній монаршихъ. Къ большему же несчастію капитанъ Виллебуа, коему поручены были 30 провіантомъ же нагруженныхъ судовъ, для приведенія оныхъ изъ Астрахани въ Персію, хотя и прибылъ съ оными въ Аграханской заливъ, но суда его были въ такомъ худомъ состояніи, что далѣе не могли идти.

Когда же хлѣба нашлось токмо на одинъ мѣсяцъ, а какъ въ сіе позднее время изъ Астрахани достать онаго было не можно: то и положено походъ нынѣ отмѣнить и, оставя гарнизонъ въ Дербентѣ, возвратиться въ Астрахань.

Тогда послано было приказаніе къ капитану Виллебуа, чтобъ онъ не отваживался пускаться въ море съ своими судами, а буде уже вышелъ, то возвратился бы къ Аграханскому ретраншементу, дабы тамъ войско на возвратномъ пути своемъ могло у него запастися хлѣбомъ. Между тѣмъ Виллебуа, опасался, чтобы войско въ Дербентѣ не претерпѣло недостатка въ провіантѣ, пустился на счастіе въ море; но лишь только выступилъ, какъ поднялась жестокая буря съ Юга, отъ которой всѣ суда начали течь, такъ что принуждены были посадить оныя, равно, какъ и подъ Дербентомъ, на мель, у самаго конца Аграханскаго мыса. Въ такомъ-то состояніи застало сію эскадру посланное отъ Государя повелѣніе. Къ счастію осталось еще столько неподмоченаго провіанта, что какъ войско прокормить на возвратномъ походѣ, такъ и оставленные въ Персіи гарнизоны удовольствовать можно было.

Наконецъ Государь, оставя въ Дербентѣ довольной къ содержанію города и уѣзда въ послушаніи гарнизонъ подъ командою полковника Юнгера, въ началѣ Сентября мѣсяца выступилъ изъ онаго со всею своею арміею сухимъ путемъ къ Аграханскому ретраншементу и путь сей прошелъ безъ всякихъ непріятныхъ приключеній.

20-го Сентября Императоръ прибылъ къ рѣкѣ Сулаку. Осмотрѣвъ по сей рѣкѣ всѣ мѣста и найдя выгоднѣйшее на берегу оной въ 20 верстахъ отъ ея устья, на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Аграхань отъ нея отдѣляется, заложилъ своими руками новой городъ и наименовалъ его

крѣпостію Святаго Креста. Сіе избранное Монархомъ мѣсто имѣло великія выгоды, потому что тамъ довольно было для строенія лѣсу и для скота паствы, и что посредствомъ онаго можно было содержать въ обузданіи Дагестанцовъ и имѣть сообщеніе съ Дербентомъ. Къ названію же города сего крѣпостію Св. Креста подала Монарху случай самая сія земля, которая издревле называлась Греческимъ словомъ Ставрополь, то-есть Св. Крестъ. Онъ при себѣ сдѣлалъ тутъ небольшіе шанцы и далъ планъ, по которому надлежало построить регулярную крѣпость о шести бастіонахъ; а какъ онъ желалъ, чтобы она имѣла способное сообщеніе съ моремъ, то по сему плану должно было запрудить рѣку Сулакъ при самой крѣпости и всю воду въ рѣку Аграхань согнать, дабы оною свободнѣе было на всякихъ судахъ подходить къ самой крѣпости. Во время сей работы прибыли къ Монарху 40.000 Калмыковъ, которые, соединясь съ 1.000 Донскихъ казаковъ, подъ командою Донскаго наказнаго атамана Краснощокова, раззорили, по повелѣнію Государя, мѣста владѣнія Усмея и Утемишскаго султана, великое число жителей порубили, селенія сожгли и возвратились къ арміи съ 350 плѣнныхъ и съ 11.000 рогатаго скота, безъ всякой съ своей стороны потери.

Между тѣмъ Императоръ ѣздилъ на Терскія теплицы, именемъ Св. Петра нареченныя; по возвращеніи же къ крѣпости Св. Креста опредѣлилъ перевести въ оную какъ гарнизонъ и жителей Терскихъ, такъ и поселившихся у онаго изъ Нижнія Кабарды Черкасъ. Туда же повелѣлъ переселить съ рѣки Дону 1.000 семей казаковъ, назнача подъ поселеніе оныхъ разныя по рѣкамъ Аграхану и Сулаку мѣста.

Наконецъ Государь, оставя въ крѣпости Св. Креста съ частію пѣхоты и драгунъ и съ корпусомъ казаковъ, полковника Леонтія Соймонова начальникомъ оной и опредѣливъ на время укрѣпить и Аграханской ретраншементъ, отпустилъ конницу регулярную и нерегулярную прежнимъ сухимъ путемъ въ Астрахань, а самъ 26-го Сентября напередъ пѣхоты послѣдовалъ къ оному ретраншементу.

По прибытіи въ сей ретраншементъ, занялся Монархъ до своего въ Астрахань отъѣзда исправленіемъ онаго, и когда между тѣмъ все къ отъѣзду было изготовлено. Тогда, поруча войско генералу-адмиралу, отправился моремъ въ Астрахань, куда и прибылъ благополучно 4-го Октября. Но генералъ-адмиралъ, отправившись чрезъ 3 дни съ арміею, претерпѣлъ ужасную бурю, продолжавшуюся 4 сутки; однакоже всѣ суда спаслись и счастливо возвратились въ Астрахань. Впрочемъ, въ продолженіе сего похода было не безъ урона; перемѣнныя обстоятель-

ства мореплаванія, климата, пищи и трудность столь далекаго сухопутнаго похода не могли не произвесть болѣзней, отъ коихъ нѣкоторое число и померло. Самъ Государь имѣлъ нужду поправить и собственное свое здравіе, изнуренное несказанными трудами и неусыпными о сохраненіи воиновъ своихъ попеченіями.

Въ сію бытность Государя въ Астрахани получено отъ визиря Гиланскаго письмо къ губернатору Волынскому, что Гиланскіе жители, отъ мятежниковъ утѣсняемые, ничего столько не желаютъ, какъ прибытія Россійскаго войска, которое бы приняло ихъ въ свое защищеніе. Монархъ, дабы не упустить сего случая, тогда же (сіе было въ Ноябрѣ мѣсяцѣ) отправилъ моремъ полковника Шипова и капитана-лейтенанта Соймонова съ 2 баталіонами солдатъ для занятія области Гиланской. Генералу же маіору Матюшкину предписавъ слѣдовать съ 4 полками къ Бакѣ и оною овладѣть, отправился изъ Астрахани въ Москву 13 Декабря.

Отправленные въ Персію съ полковникомъ Шиповымъ суда, по претерпѣніи великой бури, прибыли наконецъ въ морской заливъ или озеро, Зинзили называемое, и стали на якорѣ въ виду Ряща. Шиповъ послалъ въ сей городъ извѣстить тамошняго визиря о своемъ прибытіи и требовать, дабы прислали къ нему лошадей въ Перибазаръ для перевозки тягостей чрезъ семь верстъ до Ряща. Но непостоянной Рящинской визирь и народъ объявили, что они не могутъ безъ указа своего шаха принять въ городъ Россійскаго войска. Однакоже наконецъ принуждены были согласиться на сіе, и полковникъ Шиповъ вошелъ въ городъ. Таковое вступленіе было весьма непріятно для визиря. Чрезъ нѣсколько времени началъ онъ понуждать г. Шипова къ выходу изъ города; но, видя, что всѣ представленія его остаются тщетными, въ слѣдующемъ 1723 году въ Февралѣ мѣсяцѣ вознамѣрился вытѣснить Россіянъ изъ города вооруженною рукою. Но Шиповымъ приняты были такія мѣры, что непріятели безъ труда разбиты и разсѣяны. На мѣстѣ и въ погонѣ побито ихъ болѣе 1.000 человѣкъ. Такимъ образомъ устрашенные Персіяне принуждены были усмириться. Послѣ сего Шиповъ принялся строить на Казбинской дорогѣ съ Персидской стороны земляную о пяти бастіонахъ крѣпость, которая служила бы Рящѣ цитаделью, защищающею оную съ западной стороны, такъ какъ съ восточной защищалъ ее находившійся на концѣ города караванъ-сарай, занятой Шиповымъ при вступленіи его въ городъ и обращенной въ крѣпость.

Во время сихъ происшествій въ Рящѣ, Соймоновъ осмотрѣлъ большой западной рукавъ рѣки Куры и назначилъ мѣсто, гдѣ быть городу, которой вознамѣрился Государь построить.

6-го Іюля генералъ-маіоръ Матюшкинъ прибылъ къ Бакѣ. Когда же султанъ, начальникъ Бакинской, не захотѣлъ добровольно сдать города; то Матюшкинъ учинилъ на оной сильное нападеніе, что и принудило султана отворить ворота. Почти всѣ жители вышли изъ сего города безъ оружія, а Матюшкинъ занялъ его 26-го Іюля.

Между тѣмъ прибылъ въ Санктъ-Петербургъ отправленный къ Государю шахомъ Гуссеиномъ изъ первѣйшихъ чиновниковъ его посолъ Измаилъ-бекъ, съ прошеніемъ помощи противъ Миръ-Магмута. Хотя же шахъ Гуссеинъ въ сіе время былъ уже умерщвленъ, но посолъ имѣлъ также полномочіе и отъ сына его Тахмасиба. Почему 12-го Сентября между имъ и Россійскими министрами постановленъ договоръ, которымъ всѣ при Каспійскомъ морѣ лежащія Персидскія области, а именно: Дагестанъ, Ширванъ, Гилань, Мазандеранъ и Астрабатъ уступлены въ вѣчное владѣніе Россіи. Во взаимности сего Монархъ обязался подать помощь несчастному шаху.

Турки безпокойнымъ окомъ смотрѣли на таковыя пріобрѣтенія Государя. Но какъ онъ не хотѣлъ прерывать съ ними мира, то дѣло и доведено до того, что султанъ назначилъ коммисаровъ, которые бы дѣла, до Персіи касающіяся, обще съ Россійскими разсмотрѣли; а между тѣмъ учиненъ предварительно и проектъ договора въ слѣдующей силѣ:

1. Чтобъ султану Турецкому можно было честнымъ образомъ отъ предпріятій своихъ на Персію отступиться, то бы шаху Тахмасибу прислать къ нему знатное посольство съ прошеніемъ о прекращеніи въ Персидской монархіи войны и о дозволеніи Императору Россійскому содержать заключенные съ нимъ шахомъ договоры.

2. Чтобъ Россійскому Императору владѣть лежащими въ Персіи мѣстами между Кавказскими горами и берегомъ Каспійскаго моря со всѣми уѣздами и окрестностями Дербента, Баки, Гилани, Мазандерана и Астрабата до рѣки Оссы.

3. Чтобъ предѣлы между обоими государствами назначены были между Шамахою и Бакою.

4. Чтобъ Туркамъ, кромѣ прежде завоеванныхъ ими городовъ, еще уступлены были Эриванская, Тавризская и Казбинскія области до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ древніе Турецкаго владѣнія предѣлы находилися.

На основаніи сего предварительнаго постановленія Порта Оттоманская заключила съ Монархомъ 27-го Іюня 1724 года въ Констан-

тинополѣ договоръ, по коему Государь остался спокойнымъ обладателемъ вышеупомянутыхъ областей.

Въ семъ же году построена новая крѣпость неподалеку отъ Ряща по Казбинской дорогѣ, а крѣпость Св. Креста окончена строеніемъ; почему Государь повелѣлъ Терекъ перевесть въ сію послѣднюю, а тамъ сдѣлать редутъ на высокомъ мѣстѣ человѣкъ на 150 или на 200 и поставить 4 пушки; ретраншементъ же въ Аграханскомъ заливѣ раззорить.

Около сего времени отправленный изъ города Баку бригадиромъ княземъ Барятинскихъ полковникъ Зембулатовъ къ рѣкѣ Курѣ, взялъ во владѣніе Россійское всю Саліамскую область. Княгиня Саліамская Ханума, вкравшись въ его довѣренность, однажды зазвала его со всѣми бывшими при немъ офицерами къ себѣ на обѣдъ, и когда они, сидя за столомъ, развеселились, то она велѣла своимъ людямъ нечаянно напасть на нихъ и всѣхъ ихъ порубить. Оставшіеся въ лагерѣ солдаты, опасаясь равномѣрнаго нападенія, которому безъ офицеровъ противиться не надѣялись, принуждены были возвратиться въ Баку.

Между тѣмъ многочисленная Персидская армія безпокоила нападеніями своими бывшихъ въ Рящѣ Россіянъ, но всегда была отъ нихъ прогоняема. Хотя генералъ-порутчикъ Матюшинъ и представлялъ шаху о таковыхъ, въ противность заключеннаго договора чинимыхъ, непріятельскихъ дѣйствіяхъ; но никакого отвѣта на сіе не воспослѣдовало. Слабый шахъ во всемъ зависѣлъ отъ своихъ министровъ, которые принудили его даже не ратификовать онаго договора.

Въ 1725 году шамхалъ, почтя построеніе крѣпости Св. Креста въ своемъ сосѣдствѣ себѣ за обиду и будучи возбуждаемъ Турками, собралъ до 30.000 своего войска и осадилъ сію крѣпость; но начальствовавшій въ оной генералъ-маіоръ Кропотовъ разбилъ его войско и всю его землю раззорилъ. Послѣ онаго происшествія Императоръ совсѣмъ отмѣнилъ сіе достоинство и приказалъ имѣющему главное начальство въ Ширванѣ генералу всегда отправлять его должность.

Сочинитель этой записки, напечатанной здѣсь съ рукописи прошлаго вѣка, намъ неизвѣстенъ. Ею не пользовались ни В. В. Комаровъ въ прекрасной статьѣ своей („Русскій Вѣстникъ" 1867, Апрѣль), ни С. М. Соловьевъ въ 18 томѣ своей исторіи. П. Б.

ОТЪ ДУНАЯ ДО ЦАРЬГРАДА.

II часть *).

I. Прибытіе лейбъ-гвардіи уланскаго полка на Дунай.—Царскій смотръ.—Мокрая позиція.

11 Сентября 1877 г. вся гвардейская кавалерія пришла на Дунай. Въ тотъ же день подъ вечеръ мы съ Киселевымъ ѣздили въ г. Зимницу, около которой раскинулась бивуакомъ гвардейская кавалерія. Уже стемнѣло, когда мы переѣхали на Румынскій берегъ, и первый попавшійся солдатикъ указалъ намъ, гдѣ стоятъ полки. Сначала заѣхали въ лейбъ-гусарскій полкъ, а потомъ уже въ уланскій. Въ потьмахъ спрашиваю кого-то: «здѣсь стоитъ уланскій полкъ?» «Здѣсь», подходя ко мнѣ, отвѣчалъ кто-то. «Это вы, ваше благородіе, вы цѣлы?» радостно заговорилъ, узнавъ меня, унтеръ-офицеръ Гуйванъ. «Здравствуй, Гуйванъ; слава Богу, цѣлъ, какъ видишь; покажи-ка мнѣ палатку третьяго эскадрона». Онъ меня довелъ до палатки, въ которой я нашелъ весь составъ офицеровъ эскадрона, праздновавшихъ приходъ свой на Дунай. Всѣ удивились моему неожиданному появленію. Вопросы посыпались со всѣхъ сторонъ, гдѣ былъ, былъ ли въ сраженіяхъ, видѣлъ ли Турокъ, о томъ, въ какомъ положеніи дѣла, о знакомыхъ и т. д. Я насколько могъ удовлетворялъ ихъ любопытству, распрашивая въ свою очередь С.-Петербургскихъ знакомыхъ и, кажется, было больше вопросовъ, чѣмъ отвѣтовъ. Побывалъ я еще въ нѣсколькихъ палаткахъ, и вездѣ было такое же праздничное настроеніе: всѣ толковали о предстоящемъ завтра переходѣ Дуная. Одинъ, черезчуръ развеселившійся, все время твердилъ: «Завтра мы переходимъ Рубиконъ, завтра я посылаю телеграмму: я слава Богу живъ, перешелъ Дунай, молитесь!» Слова эти онъ подчеркивалъ пальцемъ въ воздухѣ. Видя, что съ ними толку не будетъ, я ушелъ къ командиру полка, ген. Эттеру, которому передалъ предписаніе объ откомандированіи меня изъ Кавказской бригады, и уже ночью мы съ Киселевымъ вернулись домой въ г. Систово.

---

*) См. выше стр. 321.

На другой день я съ утра переодѣлся въ уланскую форму, и пошли мы по городу. «Воейковъ! Воейковъ!» слышу, кричитъ кто-то. Обертываюсь и вижу шт.-ротм. А. Н. Сафонова. Мы расцѣловались. «Ты что тутъ дѣлаешь?» спросилъ онъ. «Собираюсь ѣхать въ полкъ».— «Поѣдемъ вмѣстѣ: у меня здѣсь четверка», предложилъ Сафоновъ. Въ самомъ дѣлѣ я увидѣлъ неподалеку стоявшую артельную телѣгу, запряженную четверкой обозныхъ лошадей съ обознымъ солдатомъ на козлахъ.

Пошли въ трактиръ, гдѣ за стаканомъ добраго, хотя и кислаго, Болгарскаго вина разсказывали другъ другу, что произошло со времени нашей разлуки въ Питерѣ. «Я тоже ѣду въ полкъ», сказалъ шт. рот. Сафоновъ; откомандировался отъ главной квартиры. Что Өедоровъ, живъ ли?» Я сказалъ, что слава Богу былъ живъ, а теперь не знаю.

Послѣ полудня, распростившись съ Киселевымъ и моимъ вѣстовымъ Колесниковымъ и приказавъ денщику съ вьюкомъ и моей лошадью ѣхать слѣдомъ, мы съ шт. рот. Сафоновымъ въ огромной обозной телѣгѣ, куда свободно помѣстилось бы человѣкъ двадцать, направились въ с. Туркасливу, гдѣ должна была остановиться гвардейская кавалерія, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Въ полку насъ встрѣтили снова съ распросами. О вчерашнемъ всѣ забыли; нѣкоторые даже увѣряли, что и меня въ первый разъ видятъ.

Къ намъ собрались почти всѣ офицеры полка и болтали до поздней ночи, пока не разошлись по палаткамъ спать. Странно было послѣ службы въ Кавказской бригадѣ, гдѣ все отличалось спокойствіемъ и патріархальностью, видѣть, какъ суетятся, какъ выставляютъ караулы и аванпосты по уставу, тогда какъ стоянка наша еще была вдалекѣ отъ боевой линіи. Какъ утромъ, такъ и вечеромъ, трубачи играли зорю, а въ Варшавской бригадѣ игралъ хоръ, что всѣмъ очень нравилось. Когда выступалъ съ бивуака полкъ, играли генералъ-маршъ, и при появленіи штандарта командовали: «сабли вонъ!» что очень ихъ тупило.

Когда пришло время обѣдать, насъ позвали въ столовую. Что такое, думаю, за столовая? Оказалось это большая изба, въ которой стояли наскоро сбитые кое изъ чего столы и скамьи, и гдѣ распоряжался Жидъ или что-то въ этомъ родѣ, прибывшій съ полкомъ изъ Румыніи.

Мнѣ объяснили, что онъ взялся содержать во весь походъ офицерскую столовую, а другой такой же аферистъ поставлять фуражъ. Я усумнился въ продолжительной дѣятельности того и другого.

Много было разговоровъ о томъ, что гусарскій полкъ обѣдаетъ въ полномъ составѣ и съ музыкой, а у насъ этого нѣтъ; поговорили, поговорили, но играть музыка такъ и не играла. Впослѣдствіи все это бросили. Иногда, входя во вкусъ бивуачной жизни, пробовали приготовлять что нибудь изъ съѣдобнаго сами и преимущественно шашлыки, но это были какіе-то сухари.

Я тоже, научившись въ Кавказской бригадѣ жарить шашлыки, приготовилъ себѣ, и стряпня моя вышла на славу; я далъ попробовать. Шашлыкъ всѣмъ пришелся по вкусу. Одному до того понравилось, что онъ тутъ же объявилъ, что сегодня вечеромъ устраиваетъ балъ съ шашлыкомъ и что кухня будетъ подъ управленіемъ вновь прибывшаго шашлычныхъ дѣлъ мастера. Вечеръ вышелъ удачный, шашлыки и Болгарское винцо подъ открытымъ небомъ Балканскаго полуострова уничтожались съ бо̀льшимъ аппетитомъ, чѣмъ филе-де-бѣфъ съ трюфелями и шампанскимъ у Донона въ Питерѣ. Когда я вытаскивалъ изъ за голенища свою трубку, а изъ кармана кисетъ съ табакомъ, всѣ смѣялись: у всѣхъ еще были запасы папиросъ изъ Россіи или Румыніи. Я имъ говорилъ, что запасы папиросъ у нихъ скоро кончатся, придется учиться дѣлать самокрутки, которыя курятъ почти всѣ, но что трубка для коннаго несравненно удобнѣе.

Удивлялись также, когда я бралъ пальцами уголекъ изъ костра для закуриванія. Я имъ говорилъ, что когда они испытаютъ всѣ прелести войны, то ничему не будутъ удивляться. Потомъ конечно всѣ обтерпѣлись и свыклись; но пока имъ казалось, что это тоже, что̀ въ лагерѣ подъ Краснымъ.

Всѣ въ новенькомъ, чистенькомъ и со всѣми причудами лагерной Красносельской обстановки и нѣкоторые, выходя куда нибудь изъ палатки, надѣвали еще перчатки. На этой стоянкѣ къ намъ на бивуакъ пріѣзжалъ генералъ Гурко, герой перехода за Балканы черезъ Шипку. Онъ ѣздилъ по бивуаку, осматривалъ лошадей, разговаривая со всѣми его окружавшими. Вскорѣ вся гвардія должна была поступить подъ его начальство, а теперь, въ ожиданіи прихода гвардейской пѣхоты, кавалерія готовилась къ царскому смотру. Полки должны были переходить ближе къ театру военныхъ дѣйствій черезъ Горный Студень, гдѣ въ то время была ставка Государя и главнокомандующаго В. К. Николая Николаевича Старшаго. Черезъ нѣсколько дней, т. е. 17 Сентября, утромъ вычищенные и во всемъ новенькомъ выступили полки къ Горному Студню.

Общимъ видомъ гвардейской кавалеріи Государь остался очень доволенъ, благодарилъ всѣхъ, разговаривая со всѣми его окружавшими,

какъ отецъ послѣ долгой разлуки съ дѣтьми, благословлялъ ихъ на новые подвиги, достойные ихъ славныхъ предковъ.

Полки перешли къ селенію Дольней Липницѣ, гдѣ намъ пришлось простоять довольно долго.

Дежурствъ на этой стоянкѣ было много. Кромѣ дежурнаго по полку были еще дежурные по эскадронамъ, обязанность которыхъ была водить эскадроны на водопой.

Это было учреждено оттого, что испугались чего-то лошади одного изъ эскадроновъ, шедшаго на водопой подъ командой вахмистра, при слѣдованіи полка черезъ Румынію: лошади разбѣжались, и многихъ еще теперь приводили изъ Румыніи оставленные для ихъ розыска люди. Въ первый разъ какъ было назначено это дежурство, пошли смѣняться къ командиру полка цѣлой вереницей въ десять человѣкъ. Это было сдѣлано ради шутки. Всѣ хохотали. Командиръ полка, увидавъ это шествіе, приближавшееся къ его палаткѣ, разсмѣялся и объявилъ, что на будущее время дежурные по эскадронамъ смѣнялись бы сами собой. Кромѣ этого дежурства, наряжали взводъ въ караулъ для охраны ближайшихъ деревень, послѣ нѣсколькихъ случаевъ воровства.

Мнѣ тоже пришлось быть какъ-то въ этомъ караулѣ. Занявъ выѣзды деревни часовыми, мы съ корн. Ѳедоровымъ сами расположились на площади. Болгарскій священникъ, домъ котораго стоялъ тутъ же на площади, пригласилъ насъ къ себѣ и очень радушно угощалъ всякой домашней стряпней. Дежурство прошло благополучно. Нѣсколько солдатиковъ порывались пройти подъ разными предлогами въ деревню, но ихъ не пустили. На возвратномъ пути послѣ смѣны, аванпосты, выставленные кругомъ всего бивуака, окликнули насъ издали: «кто идетъ?» «Разъѣздъ», отвѣтили мы. «Что̀ пропускъ?» «Граната!» и насъ пропустили. Въ этотъ вечеръ вездѣ былъ сильный туманъ, вторая цѣпь пѣшая насъ не замѣтила, и мы благополучно добрались до палатки.

Какъ-то вечеромъ узнаёмъ, что на слѣдующій день снаряжается нѣсколько разъѣздовъ. Это всѣхъ заинтересовало, и мы старались узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что подрядчикъ откуда-то узналъ, что Турки будто бы появились не вдалекѣ, о чемъ и сообщилъ чиновнику по хозяйственной части полка, Бирюкову, а этотъ командиру полка. Я увѣрялъ, что недавно проѣзжалъ по этой мѣстности и никоимъ образомъ Турки появиться тутъ не могутъ; но всѣхъ охватилъ воинственный пылъ, и разъѣзды были посланы. Проходивъ сутки, они вернулись на другой день утромъ. Конечно всѣ бросились узнавать ново-

сти. «Ну кого вы тамъ видѣли? Должно быть все враки.» Пріѣхавшіе сначала разсказали намъ, что у нихъ чуть не цѣлое сраженіе было, но скоро признались, что никого и ничего не видали. Трактирщикъ и подрядчикъ, вѣроятно испугавшіеся нашествія Турокъ, въ туже ночь бѣжали, и намъ приходилось теперь продовольствовать самимъ и лошадей, и себя. Достали откуда-то косы, и цѣлыя команды снаряжались косить, гдѣ только попадалась трава, и возить ее на вьюкахъ на бивуакъ. Эти фуражировки производились ежедневно. Офицерамъ же пришлось устроить артели, выбравъ артельщиковъ, которые ежедневно отправлялись въ деревню и у Болгаръ закупали попавшуюся провизію. Полкамъ пришлось самимъ продовольствовать нижнихъ чиновъ, и тутъ вышла пресмѣшная исторія. Солдатики какой-то части увели какъ-то у Болгаръ буйвола. Болгары пришли жаловаться начальнику дивизіи. Онъ собралъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, спрашивая, въ какой части виновные, но никто не зналъ. Тогда начальникъ дивизіи отпустилъ ихъ, приказавъ къ завтрашнему утру узнать, какой части солдаты увели буйвола, а буйволъ между прочимъ исчезъ безслѣдно.

Собрались утромъ командиры, но ничего не могли сказать новаго. Генералъ ихъ допрашивалъ, но всѣ отвѣчали: «не у меня, не у меня». Разсердившійся начальникъ дивизіи закричалъ: «Ну, стало быть я укралъ, я укралъ!» Всѣ молчали; тогда онъ досталъ нѣсколько золотыхъ и отдалъ Болгарину, низко кланявшемуся, говоря: «На, получи! Всѣ правы, я виноватъ, я укралъ», и распекши командировъ, отпустилъ ихъ.

Командиръ каждый ѣздилъ съ своимъ вѣстовымъ и эти-то вѣстовые, держа лошадей поодаль, прислушивались, что̀ тамъ у начальства происходитъ; конечно всего они не слыхали, а слышали, только гнѣвные возгласы генерала: «я укралъ! я укралъ!» и видѣли какъ онъ отдалъ «желтички» братушкѣ. Поэтому они и поняли все происходившее по своему. Вернувшись они разсказали товарищамъ, что командиры два раза собирались, и только по второму разу дивизіи начальникъ сознался, что онъ укралъ буйвола, и «деньги командиры при себѣ заставили его отдать». «Мы видѣли, какъ и деньги отдалъ». Впослѣдствіи разсказали конечно начальнику дивизіи, что вышло изъ его розысковъ буйвола, чему онъ много смѣялся, и долго мы не могли безъ смѣху вспомнить, какая можетъ получиться несообразность изъ пустяковъ.

Превосходная погода, стоявшая все время, не смотря на позднюю осень, вдругъ испортилась, пошли дожди и наступили холода. Бивуакъ превратился въ болото; люди и лошади вязли, палатки промокли и нисколько не защищали отъ воды; въ нихъ была такая же

грязь какъ и снаружи. Начались различныя изобрѣтенія: кто окапывалъ палатки канавой, кто обваливалъ валикомъ, кто рылъ яму, обносилъ ее насыпью и поверхъ ставилъ палатку; одинъ изобрѣтатель превзошелъ всѣхъ, выкопавъ яму съ выступомъ, въ которомъ устроилъ каминъ. Но насыщенная почва и продолжавшіеся дожди уничтожали всѣ выдумки. Канавки наполнялись водой, валики размывались, а ямы превращались въ колодцы. Приходилось переносить палатки на новыя мѣста, т. е. на новыя лужи, появились дезинтерія и лихорадки. Этотъ бивуакъ такъ и остался въ воспоминаніи подъ названіемъ «Мокрой позиціи». Повсюду слышались жалобы, что насъ безцѣльно держатъ на мокротѣ и дождѣ, а не ставятъ въ пустыя деревни, которыхъ было достаточно кругомъ. Слышались даже ссылки на Прусскую армію: утверждали, что тамъ всегда въ походѣ кавалерію ставятъ по деревнямъ. Наконецъ приказали намъ расположиться по деревнямъ. Эта вѣсть всѣхъ обрадовала.

Нашъ полкъ перешелъ въ д. Горную Липницу, а остальные по другимъ деревнямъ.

Кругомъ все было спокойно, доносился только отдаленный гулъ осадныхъ батарей изъ подъ Плевны. Службы почти никакой не было, кромѣ нѣсколькихъ конныхъ постовъ и коннаго караула въ цѣлый взводъ, стоявшаго на площади въ деревнѣ.

Мы расположились совсѣмъ какъ дома; собирались то у одного, то у другого изъ товарищей, устраивались вечеринки, играли въ карты, больше въ штосъ, макао и банкъ. Однимъ словомъ, обжились и поговаривали заняться эскадронными ученіями и, кажется, манежной ѣздой.

Кто-то распространилъ слухъ, что насъ теперь не пустятъ въ дѣло, а будутъ беречь на закуску, т. е. для какого-то генеральнаго сраженія, которое Турки по какимъ-то соображеніямъ предполагаютъ дать намъ подъ Адріанополемъ или Константинополемъ. Нѣкоторымъ изъ Россіи прислали полушубки, что̀ было уже не лишнее въ настоящее время: былъ уже Октябрь мѣсяцъ.

II. Въ отрядѣ князя Карла Румынскаго. Горный Дубнякъ.

Отъ бездѣлья мы начали уже скучать, когда пришелъ приказъ выступить. Мы должны были войти въ составъ Плевненскаго отряда, который находился подъ общимъ начальствомъ князя Румынскаго Карла.

Гвардейская пѣхота подошла, и намъ въ полномъ составѣ приказано было выступить по направленію Лежановыхъ мостовъ, а оттуда черезъ Боготъ и Парадимъ на Софійское шоссе. Проходя дер.

Боготъ, князь Румынскій, жившій въ то время въ ней, выѣхалъ насъ встрѣтить. Мы прошли мимо него справа по шести. Князь здоровался съ эскадронами по русски. Его окружали свита и конвой, что-то въ родѣ нашихъ гусаръ, на караковыхъ лошадяхъ съ пиками и очень широкими на нихъ значками; это были райтары. При этомъ прохожденіи вышла комическая случайность, которую никто не подозрѣвалъ, а князь Карлъ съ Румынами вѣроятно и по сіе время остается въ недоумѣніи. Дѣло въ томъ, что полки, проходя по Румыніи, слышали всюду мотивъ «клейнепостильона». Когда мы услышали его въ первый разъ, почему-то намъ представилось, что это Румынскій гимнъ. Трубачи его разучили, и вотъ на смотру князя Румынскаго всѣ полки, проходя поочереди, сыграли ему этотъ гимнъ. Только въ Санъ-Стефано мы узнали свою ошибку, услыхавъ тотъ же гимнъ во всѣхъ конкордіяхъ.

Когда мы подходили къ деревнѣ Бѣжановой, насъ остановили, приказавъ спѣшиться. Передъ нами былъ крутой спускъ, съ котораго артиллеристы на лямкахъ спускали орудія. Гора была покрыта кустарникомъ и небольшими деревьями, а внизу разстилалась равнина съ деревушкой, прорѣзанная извивающейся по ней рѣкой Видомъ.

Орудія были спущены, и раздалась команда: «къ конямъ» и затѣмъ «садись». Тутъ произошла комичная сцена. Одинъ изъ командировъ эскадрона, присѣвъ на колѣняхъ передъ пнемъ записывать что-то въ памятную книжку, задремалъ и не слыхалъ команды. Вахмистръ подошелъ и сталъ будить его: «Ваше высокоблагородіе! ваше высокоблагородіе!» «А! что? наступать? садись!» кричитъ дремавшій очнувшись. Забывъ про пень, онъ шагнулъ впередъ, зацѣпился за него и летитъ кубаремъ съ большой сумкой черезъ плечо. При всей своей серьозности вахмистръ, еще «Николаевскій», расхохотался, а про насъ и говорить нечего. Виновникъ всего этого стоялъ, протирая глаза и не понимая что̀ случилось. Мы смѣясь объясняли ему, что это перетянула его надѣтая черезъ плечо сумка. Конечно, понявъ наконецъ, въ чемъ дѣло, командиръ присоединился къ нашему хохоту. Спустившись въ равнину, мы подошли къ дер. Бѣжаново, гдѣ и расположились бивуакомъ. Пока разбивали коновязи, надъ деревней показался столбъ дыма. «Пожаръ!» кто-то крикнулъ, и всѣ бросились тушить. Конечно загорѣвшуюся избу разнесли по бревнушку, и пожаръ кончился. Всѣмъ досталось за это; потому что узнали, что это солдатики пошли поискать, не осталось ли чего въ деревнѣ и какъ-то заронили огонь. Впрочемъ ходили слухи, что этимъ Турки-шпіоны давали знать своимъ о приходѣ нашихъ войскъ. Къ вечеру подошелъ обозъ, который еще не отставалъ отъ полка. При Варшавской бригадѣ въ обозѣ были какія-

то кухни, которыя варили пищу на ходу, и по приходѣ на бивуакъ, оставалось только изъ этихъ кухонь-котловъ черпать шти да хлебать. Это было удобно и всѣмъ очень нравилось, пока не было большихъ переходовъ, да въ сухую хорошую погоду; а когда дороги испортились, да еще пришлось по горнымъ тропинкамъ ходить, то обозы были оставлены, и необходимое пошло на вьюкахъ, а пища варилась въ традиціонныхъ котелкахъ.

На другой день были посланы разъѣзды къ с. Телишу и с. Горному Дубняку. Вернувшіеся разсказывали, что видѣли Турокъ и тѣ стрѣляли по нимъ. Это была первая встрѣча съ Турками и первый огонь по гвардіи. Въ эту же ночь 11 Октября мы должны были выступить подъ Горный Дубнякъ.

Цѣлый день продолжались приготовленія: чистились и оправлялись. Это было первое дѣло, къ которому готовилась гвардія. Рѣшено было не спать; костры горѣли всю ночь: на нихъ жгли все что̀ попадалось подъ руки въ Турецкой брошенной деревнѣ. Тутъ пылали и бочки, и ящики, и столы, и сундуки буковаго и краснаго дерева. Приказано было при выступленіи не гасить костровъ, чтобы Турки не догадались о нашемъ движеніи.

Бивуаки были оживлены: кто сидѣлъ у костровъ, разговаривая о предстоявшемъ дѣлѣ, кто писалъ письмо домой. Лица у всѣхъ были озабоченныя, но смѣхъ и шутки не прекращались, хотя слышалось изъ кучекъ: «Вотъ мы теперь всѣ вмѣстѣ, а завтра, можетъ быть, кого нибудь не хватитъ». «Гдѣ, спросятъ, такой-то? Скажутъ убитъ». Нѣкоторые сидѣли поодаль, задумавшись; другіе бродили отъ костра къ костру, отъ одной кучки къ другой. По всему было замѣтно, что завтрашній день сидѣлъ у всѣхъ въ головѣ; да и не мудрено: вѣдь въ первый разъ люди становились лицомъ къ лицу съ настоящимъ врагомъ, и надо было исполнить свое назначеніе, къ которому готовились и которому посвятили себя.

Мы со старшимъ Лёвстремомъ сидѣли у костра, попивая коньякъ, и вмѣсто закуски я предложилъ запивать холодной водой. «Гдѣ ты выучился такъ закусывать?» спрашивалъ Лёвстремъ, «недурно». Около полуночи поднялись лейбъ-гусары и пошли подъ Телишъ.

Они шли въ шинеляхъ, чтобы красные мундиры на сѣрыхъ лошадяхъ не бросались въ глаза Туркамъ издали, и снявъ съ нихъ флюгера. Кто-то предложилъ нашему командиру тоже снять флюгера, но онъ отвѣтилъ: «я командую уланами, а не казаками».

Часа два спустя приказали и намъ сѣдлать. Сборы прошли спокойно, безъ суеты. Всякій сознавалъ важность наступавшей минуты. Подкинули еще въ костры и, соблюдая полнѣйшую тишину, тронулись съ бивуака.

Ночь была морозная, и намъ было чувствительно идти въ мундирахъ, такъ какъ парадная сторона не была еще брошена.

Начальникъ дивизіи въ тепломъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ объѣзжалъ полки, тихо здороваясь, и ему также тихо отвѣчали. Мы дошли до деревни Свинаря на рѣкѣ Видъ и у брода остановились. Зубъ на зубъ не попадалъ, до того прозябли. Приказано было слѣзть и стоять тихо. Просили разрѣшенія надѣть шинели, но разрѣшенія не послѣдовало, и начальство ушло въ избу.

Мы были въ полномъ невѣдѣніи, долго ли тутъ простоимъ и далеко ли до Горнаго Дубняка, и только по строжайшей тишинѣ, которая соблюдалась, мы догадывались, что недалеко

Сонъ начиналъ одолѣвать, а холодъ продолжалъ пробирать и, несмотря на запретъ, мы повытаскивали кто бурку, какъ пальто. Нѣкоторые улеглись вздремнуть.

Такъ мы простояли до разсвѣта. По ту сторону рѣки показалась гвардейская пѣхота; она несла фашины, направляясь также къ Горному Дубняку, а егеря шли подъ Телишъ.

Пропустивъ пѣхоту, мы переправились въ бродъ черезъ рѣку и пошли къ Софійскому шоссе, въ промежутокъ между Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ.

День 12 Октября былъ днемъ крещенія гвардіи, покрывшей себя за эту кампанію новой боевой славой.

Справа раздался выстрѣлъ, послышалось шипѣніе гранаты, и вотъ она легла и разорвалась неподалеку отъ полка. Мы посмотрѣли вправо, ничего не видать, а тутъ ужъ слѣва послышался другой выстрѣлъ и тоже граната легла около насъ. Оказалось, что мы попали подъ перекрестный огонь Телиша и Горнаго Дубняка, укрѣпленія которыхъ еле обрисовывались на горизонтѣ.

Гранаты ложились то справа, то слѣва, и намъ приходилось подвигаться къ шоссе, маневрируя по разнымъ направленіямъ, чтобы не дать Туркамъ пристрѣляться. Эти команды были учреждены въ каждомъ эскадронѣ незадолго передъ кампаніей. Собственно говоря, это была

таже цѣпь разъѣздовъ, только подъ другимъ названіемъ. Мы шли въ взводныхъ колонахъ, имѣя впереди наѣздниковъ, которымъ удалось тотчасъ же перервать телеграфную линію, соединявшую Горный Дубнякъ съ Телишемъ. Ротмистръ Н. Н. Баструевъ въ это время читалъ письмо, полученное отъ жены, и не замѣчалъ, какъ его лошадь безъ повода бродила по всѣмъ эскадронамъ, пока одна изъ гранатъ не разорвалась тутъ же у самыхъ ея ногъ, вернувъ сѣдока къ дѣйствительности. Очнувшись, онъ посмотрѣлъ кругомъ и смѣясь сказалъ: «я теперь напишу женѣ, что читалъ ея письмо подъ гранатами». Послышалась канонада съ нашей стороны, и Туркамъ пришлось свои орудія направить по нашимъ батареямъ, выѣхавшимъ на позицію и по нашей пѣхотѣ, залегшей уже впереди орудій, завязавъ кое-гдѣ перестрѣлку. Телишъ тоже оставилъ насъ въ покоѣ: тамъ наступали егеря и лейбъ-гусары. Мы перешли шоссе и стали на возвышенности передъ Горнымъ Дубнякомъ тыломъ къ Телишу, чтобы не допустить какого бы то ни было сообщенія между ними. Орудія гремѣли и тамъ и тутъ, ружейная трескотня разгоралась по всей линіи; пѣхота переходила въ наступленіе и, перебѣгая отъ закрытія къ закрытію, приближалась къ Турецкимъ ложементамъ. Горный Дубнякъ стоялъ передъ нами, какъ на ладонкѣ, окутанный дымомъ, а на нѣкоторомъ разстояніи кольцемъ охватывали его наши ружейные дымки; кое-гдѣ слышалось ура.

Но вотъ началось общее наступленіе: пѣхота пошла горячо, и намъ было видно, какъ рѣдѣла ихъ цѣпь. Въ нашу сторону потянулись вереницы раненыхъ, пробираясь къ перевязочнымъ пунктамъ, расположеннымъ сзади насъ вдоль шоссе. Кто самъ шелъ опираясь на ружье, кого вели товарищи, полегче раненые, а кого несли; стоновъ не было слышно: крѣпились. Санитары съ носилками сновали тамъ и сямъ.

Этотъ первый натискъ, по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, былъ отбитъ, и пѣхота залегла за закрытіями, продолжая перестрѣлку въ ожиданіи второй атаки, а батареи наши загремѣли съ новой силой. Пули, перелетая, ложились между нами; мы стояли держа лошадей въ поводу, расходиться было не приказано; многіе слѣдили въ бинокль за ходомъ сраженія, а большинство дремало и сидя—и лежа. Изрѣдка, чтобы очнулись, кричали: «къ конямъ!» Дремавшіе вскакивали, протирали глаза и лѣзли на лошадей, воображая, что сейчасъ будетъ наступленіе; но ихъ успокаивали, и снова они принимались за прежнее.

У Телиша тоже гудѣли орудія, слышалась ружейная трескотня, и посылаемые разъѣзды вернувшись доносили, что тамъ не лучше нашего и вскорѣ потребовали подкрѣпленія для прикрытія отступавшихъ егерей. Нашъ полкъ тронулся на рысяхъ по направленію къ Телишу,

но съ дороги насъ вернули обратно къ Горному Дубняку. Такъ мы простояли до сумерокъ. Не разъ наша пѣхота ходила въ атаку, цѣлый день то тамъ, то тутъ слышалось ура, но каждый разъ страшный огонь Турокъ останавливалъ ее.

Все поле было усѣяно убитыми и ранеными. Темнѣло. Горный Дубнякъ держался. Ужъ не видно было дыма, а полымя изъ орудій освѣщало редуты и поле съ массой мелькавшихъ ружейныхъ огоньковъ. Совсѣмъ уже въ темнотѣ раздалось дружное ура. «Опять атакуютъ», сказалъ кто-то. «Какъ бы до завтра не пришлось отложить», замѣтилъ другой. «Не подошли ли подкрѣпленія изъ Плевны?» догадывались третьи.

Орудія смолкли, и надъ Горнымъ Дубнякомъ показалось зарево· это наша пѣхота подожгла Турецкіе шалаши. Еще разъ дружное ура раздалось въ укрѣпленіи, переходя въ какой-то гулъ, и ружейная стрѣльба стала мало по малу стихать. Зарево росло. Ружейные огоньки мелькали уже только въ укрѣпленіи, но и тѣ начинали рѣдѣть. Горный Дубнякъ былъ взятъ, и Абдулъ-Евли-паша сдался съ остатками своего гарнизона. Зарево отъ пожара стало потухать, смѣняясь бивуачными огнями. Усталая пѣхота хлопотала около костровъ въ ожиданіи отдыха. Всѣ были довольны. Только отъ Телиша приходили неутѣшительныя извѣстія. Разсказывали, что егеря потеряли много товарищей убитыми и ранеными и что гусары, прикрывая ихъ отступленіе, многихъ раненыхъ вывозили изъ подъ Турецкихъ укрѣпленій.

Мы выставили посты противъ Телиша. Кругомъ все затихло. Вдругъ въ Горномъ Дубнякѣ послышалась снова ружейная трескотня; мы недоумѣвали, поскакали узнать, уже не подкрѣпленіе ли изъ Плевны пришло. Стрѣльба прекратилась, и посланные вернувшись сказали, что это случайно въ темнотѣ развели костеръ на кучѣ патроновъ, брошенныхъ Турками, которые, конечно, нагрѣвшись стали лопаться. Все окончилось благополучно, несчастій съ людьми не было.

Мнѣ въ эту ночь пришлось стоять на крайнемъ посту праваго фланга, надъ оврагомъ. Ночь была лунная, и я, не желая, чтобы мой часовой былъ виденъ далеко, поставилъ пѣшаго; но объѣзжавшее начальство замѣтило мнѣ, что по уставу полагается конный часовой. Я отвѣтилъ, что примѣнился къ случаю; но начальство сказало, что мой постъ очень важный, что оврагомъ могутъ пройти Турки и чтобы я имѣлъ за нимъ неусыпное наблюденіе, а коннаго часоваго все таки поставилъ бы.

Конечно сейчасъ же былъ выставленъ на пригоркѣ конный часовой съ пикой, и я, будучи увѣренъ, что Турки, увидя такой монументъ, конечно не пойдутъ на насъ, приказалъ размунштучить лошадей и водить по очереди ихъ на водопой, въ оврагъ къ ручью. Достали сѣна и задали конямъ корму. Кругомъ все замолкло. Я, закутавшись въ бурку, легъ, и люди тоже прикурнули.

Ночь прошла совершенно тихо; да, кажется, не было случая, чтобы Турки ночью предпринимали что нибудь. Я уже не зналъ, чему это приписать: или они темноты боялись, или спать любили, или просто считали, что довольно и дня для войны.

На разсвѣтѣ насъ смѣнили, и мы, отойдя въ главный караулъ, застали полковника Адамовича, распоряжавшагося у костра чаемъ. «Не хотите ли чайку?» Я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе.

Утренній морозъ пробиралъ порядкомъ. Меня разбудили, когда пріѣхалъ генералъ Гурко и приказалъ нашему дивизіону идти съ нимъ на рекогносцировку Телиша. Рекогносцировка была пустая. Мы наступали развернутымъ фронтомъ, имѣя впереди наѣздниковъ, завязавшихъ перестрѣлку съ Черкесами. Ген. Гурко осматривалъ внимательно Телишскія укрѣпленія въ бинокль, а намъ приказалъ спѣшиться. Осмотрѣвъ позиціи, ген. Гурко отошелъ назадъ и поѣхалъ въ свой штабъ, а мы отошли къ деревнямъ Чирикову и Свинарю, расположившись въ дубовой рощѣ на бивуакъ. Развели костеръ и уже собрались стярпать, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ со стороны Телиша, другой, третій. Всѣ зашевелились. «Сѣдлай!» раздалась команда. Нашъ эскадронъ, быстро посѣдлавъ, выѣхалъ на рысяхъ изъ опушки рощи къ Софійскому шоссе, гдѣ уже стоялъ командиръ полка, недоумѣвая, откуда доносятся выстрѣлы. «Куда вы скачете, ротм. Баструевъ?» закричалъ онъ, «развѣ вашъ эскадронъ дежурный?» Ротм. Баструевъ, остановивъ насъ и подъѣхавъ къ ген. Эттеру, сказалъ по французски: «стрѣляютъ, я посѣдлалъ раньше и выѣхалъ». «Во фронтѣ не говорятъ по французски, а по русски» замѣтилъ ген. Эттеръ, «ступайте назадъ». Мы пошли обратно въ рощу, откуда выходилъ въ это время дежурный эскадронъ. Стрѣльба прекратилась; оказалось, это казаки, завидя на рѣкѣ гусей, устроили на нихъ охоту и вѣроятно уже облизывались на будущее жаркое, не подозрѣвая, какую они произвели тревогу.

III. Телишъ.

Наканунѣ взятія Телиша ночью нашъ 1-ый дивизіонъ сталъ на аванпостахъ. Посты разставили по опушкѣ кукурузнаго поля. Ночь была тихая и темная. Сидя на землѣ, покуривалъ я трубку, разгова-

ривая съ солдатиками, надо было отогнать сонъ, но сонъ одолѣвалъ; нѣтъ, нѣтъ, кто нибудь да задремлетъ. Незамѣтно легъ и я въ бороздку и, подставивъ подъ голову руку, задремалъ. Рука затекла, заломило въ кисти; я проснулся, посмотрѣлъ по сторонамъ, люди спятъ. Разбудилъ, поговорилъ съ часовымъ и опять прилегъ, разговаривая и покуривая. Надъ дремавшими подсмѣивались, но глаза сами собой смыкались, а въ особенности къ разсвѣту.

Ночь прошла спокойно, начинало разсвѣтать, наступило 16-ое Октября. Передъ нами открылось ровное поле съ Телишскими укрѣпленіями, передъ которыми стояла сторожевая цѣпь Черкесовъ, разъѣзжавшихъ изъ стороны въ сторону на разномастныхъ лошадяхъ. Слышался лай собакъ, которыхъ, какъ говорили, Черкесы брали съ собой на посты. Игралъ Турецкій рожокъ. Черкесы отъ нечего дѣлать пустили по насъ нѣсколько пуль; я не велѣлъ отвѣчать, чтобы не возбудить безполезной перестрѣлки, и Черкесы успокоились. Заиграли Турецкіе рожки въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и вмигъ Телишскія укрѣпленія покрылись красными фесками. Турки, выскочивъ на брустверъ, что-то кричали, махая руками. Мы подумали, что это призывъ къ утренней молитвѣ. Фески скрылись, и все успокоилось; по немного погодя опять заиграли рожки, и опять Турки высыпали на брустверъ. Мы не могли понять, что̀ съ ними случилось. «Что это они дѣлаютъ?» спрашивали уланы, «молятся что ли своему Аллаху?» Турки скрылись и показался дымокъ, а вслѣдъ затѣмъ грянуло орудіе. «Что за чортъ! Неужели они по нашей цѣпи изъ пушекъ хотятъ стрѣлять, вотъ дураки-то», сказалъ кто-то. Черкесы тоже стали изрѣдка пострѣливать. За первымъ орудіемъ грянуло второе, и пошла писать. Гранаты рвало въ самой цѣпи и около; въ одной изъ нихъ оторвало руку рядовому 2-го эскадрона Петрунову *).

Наша цѣпь молчала. Приказано было всею цѣпью отступать къ главному караулу. Отступая мы поднимались на возвышенность, гдѣ за гребнемъ увидали приближавшуюся нашу пѣхоту съ артиллеріей; тогда мы поняли безпокойство Турокъ, замѣтившихъ съ укрѣпленія наши войска, раньше чѣмъ увидали ихъ мы; по нимъ-то они и открыли огонь изъ орудій, а попадали въ насъ.

Не успѣли мы дойти до главнаго караула, какъ намъ опять приказали идти назадъ и стоять, пока наша пѣхота пройдетъ впередъ сквозь нашу цѣпь.

---

*) По окончаніи похода Петруновъ поступилъ швейцаромъ въ полковой клубъ.

Мы вернулись и не успѣли еще занять прежнія мѣста, какъ пѣхота прошла нашу цѣпь, и мы отступили въ главный караулъ.

Отсюда мы пошли на лѣвый флангъ нашего расположенія. Первый эскадронъ пошелъ въ прикрытіе нашей батареи, обстрѣливавшей Телишъ, а нашъ эскадронъ въ прикрытіе батареѣ, дѣйствовавшей по Софійскому шоссе, тыломъ къ Телишу, по наступавшимъ отъ дер. Радомірцы Турецкимъ подкрѣпленіямъ. Наше вниманіе невольно привлекла картина бомбардировки Телиша, слышенъ былъ только громъ орудій; говорятъ, въ этой бомбардировкѣ участвовало 90 нашихъ орудій. Турки отвѣчали настойчиво, хотя орудій у нихъ было мало.

Бомбардировка смолкла, послали въ Телишъ предложить сдаться. Турки отказались. Тогда огонь снова возобновился и превратился въ одинъ сплошной ревъ. Со всѣхъ сторонъ наши орудія обстрѣливали Телишъ: батареи наши, окутанныя дымомъ, не скупились на снаряды. Пѣхота наша не шла въ атаку, давая полную волю артиллеріи, которая то залпами батарей, то отдѣльными выстрѣлами, то залпами шрапнелей поражала Турокъ.

Телишъ стоялъ въ дыму; намъ ясно было видно, какъ рвались наши гранаты въ центрѣ укрѣпленій и на брустверахъ, а въ тоже время взвивались надъ укрѣпленіями дымовыя яблочки: это были наши шрапнели, осыпавшіе Турокъ массой пуль сверху

Но вотъ Турки не выдержали, и въ дыму показался бѣлый флагъ. Орудія смолкли, и радостное ура всѣхъ войскъ огласило равнину. Намъ приказано было присоединиться къ 1-му эскадрону. Мы пошли, но услыхавъ слѣва выстрѣлы, повернули на нихъ. Идя безъ дороги на выстрѣлы, мы наткнулись на глубокій обрывистый оврагъ, поросшій колючимъ кустарникомъ; но тропинка была найдена, и мы быстро взобрались на противуположную сторону оврага. Тутъ кто-то намъ попался и сказалъ, что это наши атаковали Турокъ и отступаютъ. Послышались какіе-то залпы. «Рысью маршъ», скомандовалъ ротм. Баструевъ. Быстро миновавъ кусты, выѣхали мы на поляну, на которой увидали отступающіе и отстрѣливающіеся два нашихъ эскадрона 3-й и 4-й; за ними виднѣлись Черкесы, а дальше изъ кустовъ Турецкая пѣхота поражала ихъ перекрестными залпами. Мимо насъ проскакалъ на Черкесской лошади съ разорваннымъ мундиромъ шт.-ротм. Сулима. Его лошадь была убита. Сзади его на крупѣ сидѣлъ солдатикъ, тоже оставшійся безъ лошади. Нѣкоторые тутъ валились пораженные пулями.

Мы сразу попали подъ перекрестный огонь непріятельской пѣхоты; пули свистали на разные голоса, слышались крики: «Къ пѣшему строю

слѣзай!», раздалась откуда-то команда. Ротм. Баструевъ не принялъ этой команды, а развернувъ эскадронъ, скомандовалъ: «сабли вонъ! рысью маршъ!» На правомъ флангѣ произошло замѣшательство: нѣсколько лошадей попадало. «Что̀ такое?»—«Проволока, лошади запутались», отвѣтилъ старый вахмистръ Ѳедоръ Мартиновичъ; оказалось потомъ, что это было дѣло Турокъ. Немедленно же лошади были распутаны, и мы опять шли впередъ, но Черкесы этимъ временемъ воспользовались и удрали.

«Спросите, душа моя, у ген. Эттера, прикажетъ ли онъ атаковать?» сказалъ мнѣ ротм. Баструевъ. Я не успѣлъ подъѣхать къ ген. Эттеру, какъ ротм. Баструевъ былъ уже рядомъ со мной и спрашивалъ самъ: «позвольте атаковать?» «Это башибузуки, не стоитъ», отвѣчалъ Эттеръ *по французски*. Рот. Баструевъ вспомнилъ слова ген. Эттера на опушкѣ Свинарской рощи и, приложивъ руку къ козырьку, сказалъ: Мы, ваше превосходительство, квиты», догналъ эскадронъ и повернулъ назадъ. Турки, видя появленіе свѣжей части, сверкнувшія на солнцѣ сабли, быстро отступили къ караулкѣ на шоссе. Въ догонку имъ наша батарея посылала гранаты. Мы перешли шоссе вправо и стали развернутымъ фронтомъ къ Телишу, выславъ наѣздниковъ, завязавшихъ перестрѣлку съ авангардомъ подкрѣпленій, шедшихъ къ Телишу отъ дер. Радомірцы. У Телиша раздалось ура; наши войска привѣтствовали выходившій изъ укрѣпленій Турецкій гарнизонъ, не дождавшійся своихъ подкрѣпленій, которыхъ мы не допускали къ нимъ. Отъ нашихъ наѣздниковъ прискакалъ посланный съ донесеніемъ, что Турки наступаютъ, необходимо подкрѣпленіе. «Ротмистръ Баструевъ, пошлите взводъ», приказалъ ген. Эттеръ. «Первый взводъ!» сказалъ Баструевъ. «Сабли вонъ, рысью маршъ!» скомандовалъ я и двинулся на пригорокъ, изъ за котораго къ намъ летѣли пули; одна уже свалила кого-то въ третьемъ эскадронѣ, его тотчасъ же на пикахъ отнесли назадъ. «Стойте, куда вы скачете», кричалъ догоняя меня ротм. Баструевъ. Я остановилъ взводъ. «Вѣдь приказали атаковать», говорю ротм. Баструеву. «Поѣзжайте къ ген. Эттеру, спросите что̀ вамъ дѣлать.» Подъѣзжаю къ ген. Эттеру, «что прикажите дѣлать?» спрашиваю. Генералъ молчитъ и ѣдетъ дальше, я за нимъ, повторяю вопросъ. «Ступайте на мѣсто!» приказалъ онъ. Я поставилъ взводъ на мѣсто. Нѣсколько минутъ спустя, второй посланный прискакалъ съ новой просьбой подкрѣпленія.

Стрѣльба участилась. «Ротмистръ Баструевъ, пошлите полуэскадронъ переколоть этихъ дураковъ тамъ!» сказалъ генералъ Эттеръ. «Второй полуэскадронъ!» приказалъ ротм. Баструевъ. «Сабли вонъ, рысью

маршъ!» скомандовалъ поручикъ Гордѣевъ и взъѣхалъ на рысяхъ на пригорокъ. «Маршъ! маршъ!» послышалась его команда съ пригорка, и полуэскадронъ исчезъ. «Маршъ, маршъ!» подхватилъ еще кто-то тамъ. Ротм. Баструевъ провожалъ ихъ и, увидѣвъ съ пригорка, что полуэскадрона мало, повелъ нашъ полуэскадронъ рысью, но у пригорка ген. Эттеръ остановилъ насъ. «Остановитесь, ротмистръ Баструевъ, куда вы идете», сказалъ онъ. Ротм. Баструевъ, остановивъ насъ, одинъ поѣхалъ слѣдить за ходомъ атаки, чтобы въ случаѣ необходимости подкрѣпить нашихъ. Намъ съ корнетомъ Гертикомъ тоже захотѣлось посмотрѣть, что̀ тамъ творится, и мы въѣхали на возвышенность. Турокъ гнали по всѣмъ направленіямъ. Ротм. Баструевъ наблюдалъ, а къ нему въ это время бѣжали два Турка съ ружьями. Онъ совершенно хладнокровно кричалъ имъ: «брось ружья, брось ружья, подлецы»; но Турки, не понимали его, ружей не бросали, продолжая приближаться. Мы подъѣхали къ ротм. Баструеву, который, не замѣчая насъ, продолжалъ кричать Туркамъ, чтобы они бросили ружья и когда они уже стояли около него, онъ досталъ револьверъ и, показывая его Туркамъ, кричалъ: «я въ васъ буду стрѣлять! брось ружья!» Мы не выдержали и расхохотались. Тогда онъ обернулся и, увидавъ насъ, сказалъ: «Какіе болваны! Я имъ говорю брось ружья, а они не слушаются, душа моя». Турки въ это время кланялись и повторяли «аминъ, аманъ»; у одного зіяла глубокая сабельная рана на затылкѣ.

Конечно эти Турки были взяты въ плѣнъ. Передъ нами растилалось поле, покрытое собраннымъ въ копны ячменемъ, представляя для Турокъ удобство закрытій; они, разбившись на кучки, то изъ за одной, то изъ за другой копны посылали въ насъ пули. Наши должны были каждую кучку атаковать отдѣльно; происходило что-то похожее на игру въ прятки.

Вскорѣ нашъ полуэскадронъ послали поддержать своихъ; мы тоже начали гоняться кругомъ копенъ за Турками. Навстрѣчу намъ шелъ рядовой Шаповаловъ, ведя въ поводу свою лошадь съ сидящимъ на ней корнетомъ Жандромъ, у котораго, какъ оказалось въ первый же моментъ атаки, лошадь наскакала на штыки Турокъ и повалилась, придавивъ собой корнета Жандра. Турокъ ударилъ Жандра штыкомъ; но штыкъ, скользнувъ по портсигару, ранилъ его въ животъ, а когда Турокъ вторично занесъ надъ нимъ штыкъ, то подоспѣвшій Шаповаловъ разрубилъ ему саблей черепъ, а штыкъ Турка скользнулъ надъ бровью Жандра, оцарапавъ ему лобъ.

Немного погодя, мы увидали поручика Гордѣева; онъ несъ сѣдло и плакалъ говоря: «убили подлецы моего скакуна; насквозь прострѣлили», добавилъ онъ, показывая сѣдло.

Нѣкоторые Турки прятались въ копны; другіе, представляясь мертвыми, стрѣляли въ затылокъ проѣзжавшему всаднику.

Мы добрались и до этихъ невидимыхъ стрѣлковъ, ощупывая каждую копну пиками. Тогда уже волей-неволей таинственный стрѣлокъ подавалъ голосъ и кубаремъ вылеталъ изъ копны. Наконецъ, кого могли всѣхъ уничтожили, и стрѣльба прекратилась.

Послышался сигналъ «апель» со стороны полка. Подобрали мы своихъ убитыхъ и мѣшки съ какими-то сапогами и недоуздками, которые растеряли Турки, и двинулись къ полку. Кто верхомъ, кто ведя лошадь въ поводу, собирались уланы со всѣхъ сторонъ.

Мы съ Гертикомъ ѣхали вдоль бороздки поросшей высокой травой; въ одномъ мѣстѣ сверху травы была накинута солома. Проѣзжая мы не обратили на это вниманіе, а когда проѣхали, услыхали сзади, что что-то зашуршало, обернулись и видимъ изъ-подъ соломы выползалъ съ ружьемъ Турокъ и цѣлился въ насъ, но сію же минуту ѣхавшій нѣсколько позади насъ уланъ, котораго Турокъ не замѣтилъ, приткнулъ его пикой къ землѣ. Турокъ въ конвульсіяхъ, цѣпляясь руками за пику, которую уланъ тащилъ уже назадъ, оборвалъ какъ-то флачекъ. «Ишь, поганецъ, флачекъ даже оборвалъ», сказалъ онъ съ неудовольствіемъ и, ткнувъ его еще разъ пикой, поѣхалъ дальше. Смотримъ, по шоссе отъ Телиша ѣдетъ рысью нашъ унтеръ-офицеръ и, подгоняя нагайкой ведетъ на этишкетѣ, накинутомъ на шею, Турка. «Взялъ въ плѣнъ Турку!» докладываетъ онъ подъѣхавши. Оказалось, офицеръ. Вскорѣ весь полкъ собрался. Черкесы еще толпились у караулки на шоссе, но нѣсколько гранатъ, пущенныхъ по нимъ заставили ихъ отступить; нѣсколько Турокъ сами сдались въ плѣнъ, видя, что дѣваться имъ некуда, и мы всю эту маленькую компанію плѣнныхъ немедленно отправили въ штабъ отряда.

Турки отступили къ деревнѣ Радомірцамъ.

Смеркалось, когда мы отошли съ шоссе къ д. Овчей Могилѣ, окруженной буковымъ лѣсомъ, гдѣ на полянкѣ стали бивуакомъ.

Пріѣхалъ бригадный командиръ ген. Клодъ, благодарилъ ген. Эттера и, обратясь къ полку, благодарилъ всѣхъ, сказавъ: «Вы отстояли сегодня одни весь лѣвый флангъ и разбили Турецкія подкрѣпленія Шервета-паши». Ген. Эттеръ былъ очень доволенъ и тоже благодарилъ полкъ.

Откуда-то появился кувшинчикъ Болгарскаго вина, и ген. Клодъ съ ген. Эттеромъ выпили по стакану за здоровье полка. Слова и тосты все время покрывались восторженными криками «ура». Офицеры

качали Эттера и Клода. Но вотъ на Болгарской «каруцѣ» привезли нѣсколько убитыхъ въ атакѣ уланъ. Ура стихло, и весь полкъ собрался кругомъ покойниковъ; ихъ положили въ наскоро сколоченные гроба, и нашъ полковой священникъ, протоіерей Смѣловъ, началъ служить панихиду. Довольно стройно въ темнотѣ раздавалось «со святыми упокой» хора пѣвчихъ, составленнаго изъ желающихъ. Всѣ тихо молились, кой у кого теплились свѣчи, кругомъ все было тихо, даже лошади присмирѣли, освѣщаемыя огнемъ костровъ.

Пропѣли вѣчную память, и гроба, перенесенные товарищами, были опущены въ приготовленную уже могилу, при залпахъ изъ карабиновъ. Каждый бросилъ горсть земли. Насыпали холмикъ и поставили крестъ. Всѣ крестясь, молча разошлись по бивуаку, сознавая величіе минуты, и я думаю у каждаго была мысль: «а завтра и меня могутъ также зарыть».

Но, когда дошли до палатокъ, настроеніе мало-по-малу разсѣялось; начались разсказы и воспоминанія минувшаго дня. «Гдѣ рот. Сафоновъ»? спрашивали.—«Раненъ въ ногу пулей навылетъ».—«А какова штука съ корн. Ухинымъ, слышали?»—«Что̀ такое?»—«Поцѣловался съ пулей».—«Какъ такъ поцѣловался?» недоумѣвали.—«Да очень просто, пуля только ободрала верхнюю губу чуть-чуть». Корнетъ Ухинъ оставался въ строю; рана хотя была легкою, но безъ лихорадки, безъ которой, какъ намъ говорили доктора, не обходится ни одна рана, не обошлось. «А должно быть шт. ротм. Ефимовичу жарко было бѣжать въ мѣховомъ мундирѣ?» смѣялся кто-то.—«Куда бѣжать?»—«Да отъ Черкесовъ; лошадь убили подъ нимъ во время атаки, а эскадронъ ужъ отступалъ, онъ и догонялъ его, пока кто-то изъ рядовыхъ подалъ ему лошадь». Въ другомъ углу кто-то увѣрялъ, что ген. Эттеръ разрубилъ пополамъ Турку и что самъ повелъ 4-й эскадронъ въ атаку.

Рядовой Шаповаловъ былъ героемъ дня въ эскадронѣ; ему уже сулили Георгіевскій крестъ за спасеніе своего офицера.

«Куда такой-то дѣвался»? спрашивали солдатики третьяго эскадрона, безпокоясь о пропавшемъ товарищѣ; но никто не зналъ и не видалъ его послѣ атаки; черезъ нѣсколько дней голову этого солдата нашли у караулки, повѣшенную на дерево. Замѣчательно, что при выступленіи полка изъ Петергофа, когда послѣ молебна по командѣ полкового командира полкъ повернулся, чтобы идти, у этого солдата свалилась фуражка на дорогу, а какая-то тутъ же въ толпѣ стоявшая старушка сказала: «быть тебѣ безъ головы». Тогда конечно этимъ словамъ значенія не придали, а теперь поневолѣ ихъ вспомнили.

Раненыхъ людей и лошадей оказалось порядочно, убитыхъ было меньше. Почти всѣ ранены были опасно, нѣкоторые даже смертельно. Это сообщилъ намъ Николай Матвѣевичъ Парамоновъ, нашъ старинный полковой «классный лекарь» по прозванію «Матьясъ», милѣйшій человѣкъ; офицеры ужасно его любили и обращались помимо доктора къ нему за всякимъ пустякомъ, а также и въ важныхъ случаяхъ. Этотъ разъ ему пришлось даже лошадей перевязывать.

Не смотря на позднее время, бивуакъ былъ оживленъ: появилось Болгарское винцо, провозглашали тосты, ходили отъ палатки къ палаткѣ, чтобы подѣлиться впечатлѣніями дня, впервые пережитыми. Про Петрунова разсказывали, что онъ, съ раздробленной рукой, не желалъ обратиться на чужой перевязочный пунктъ и отыскивалъ свой, пріѣхавъ верхомъ.

Утромъ мы пошли побродить по окрестностямъ и, проходя деревней, брошенной жителями, вдругъ видимъ идетъ Турецкій солдатъ «низамъ» въ полной боевой амуниціи съ ружьемъ на плечѣ. Мы остановились. Что̀ такое, среди Русскаго лагеря шагаетъ «низамъ» какъ дома. Этотъ низамъ между тѣмъ совершенно спокойно шелъ къ намъ навстрѣчу. Мы его остановили, взяли ружье и отвели къ полковому командиру. Онъ объяснилъ свое появленіе, сказавъ, что отсталъ и идетъ къ своимъ войскамъ. Его отправили плѣннымъ въ Горный Дубнякъ, гдѣ былъ штабъ генерала Гурко. Не могу не вспомнить комичной сцены, происшедшей на этомъ бивуакѣ. Я съ Подшиваловымъ, нашимъ ветеринарнымъ врачомъ, сидѣлъ подъ деревомъ на травѣ и торговалъ у него боченокъ, который мнѣ очень нравился и который я только подъ Константинополемъ получилъ отъ него. Слышимъ крикъ, оборачиваемся, что же мы видимъ? Бѣжитъ, еле касаясь земли, курица и оретъ, за ней несется, стараясь схватить ее на лету, денщикъ, а за денщикомъ и самъ Б—овъ бѣжитъ съ палкой, ругательски ругаясь. Вся эта вереница несется по лагерю, производя неистовый шумъ и возбуждая всеобщій смѣхъ. Дѣйствующія лица не замѣчаютъ эффекта, который они произвели на окружающихъ, потому что курица спасается отъ ножа денщика, а денщикъ отъ палки Б—ва, дѣйствовавшаго такъ энергично, чтобы не лишиться супа изъ курицы и курицы изъ супа. Наконецъ, къ общей радости курица поймана, Б—овъ радуется и, замѣтивъ общій хохотъ, самъ начинаетъ хохотать надъ своимъ увлеченіемъ.

Меня Телишъ наградилъ матрацомъ, который я взялъ изъ палатки какого-то паши. Матрацъ былъ не лишній, на немъ было помягче спать,

чѣмъ на голой землѣ. Онъ мнѣ служилъ весь походъ, слѣдуя повсюду со мной на вьюкѣ. По занятіи Телиша много говорили про тѣ звѣрства, которыя Турки произвели надъ егерями. Разсказывали даже, что нашли въ укрѣпленіи офицеровъ, у которыхъ на животахъ Турки разводили костры. Теперь всѣхъ хоронили. Какая-то международная коммиссія составила протоколы объ этихъ безчинствахъ Турокъ *).

IV. Бивуакъ.—Магалета.—Экспедиція къ гор. Рахову.—Царскій объѣздъ Плевенскихъ позицій.

Съ паденіемъ Горнаго Дубняка и Телиша, двухъ передаточныхъ пунктовъ Софійскаго шоссе, Османъ-паша со всѣмъ гарнизономъ лишился подвоза провіанта и подхода подкрѣпленій, а мы съ занятіемъ этихъ пунктовъ замыкали кольцо обложенія Плевны, предоставляя осаднымъ батареямъ и времени докончить паденіе ея.

Оставался еще Дольній Дубнякъ, занятый Турками; но онъ, такъ же какъ и Плевна, былъ замкнутъ и долженъ былъ пасть самъ собой. Теперь всѣ войска приводились въ порядокъ, подсчитывали убыль, писали реляціи, пополняли патроны и снаряды и вообще отдыхали и оправлялись.

Черезъ нѣсколько дней меня послали за приказаніемъ въ Горный Дубнякъ, откуда приказано завезти приказанія въ дер. Свинарь, гдѣ расположенъ былъ штабъ нашей дивизіи. Со мной попутчикомъ поѣхалъ врачъ Ивановъ, да мой вѣстовой.

Мы выѣхали на шоссе у Телиша, гдѣ еще хоронили егерей и насыпали могилы.

Уже смеркалось и накрапывалъ дождикъ, когда мы въѣхали въ укрѣпленіе Горнаго Дубняка. Я пошелъ въ штабъ, гдѣ встрѣтилъ ординарца генерала Гурко, нашего ротмистра Г. А. Скалона. Приходилось дожидаться приказаній, и ротм. Скалонъ предложилъ мнѣ стаканъ чаю съ ромомъ. Тучи заволокли небо и настала полная темнота; дороги въ дер. Свинарь я не зналъ, а потому просилъ распорядиться дать мнѣ проводника. Нарядили Донского казака. «Знаешь дорогу въ Свинарь?» спрашиваю.—«Знаю», отвѣчаетъ.—«Не собьемся?»—«Никакъ нѣтъ».—«Ну поѣдемъ». Получивъ приказаніе и поблагодаривъ ротм. Скалона, мы отправились въ путь. Дождь льетъ, темень непроглядная, дорога размокаетъ, покрывается лужами. По сторонамъ виднѣются бивуачные огни и кое-гдѣ зарево; это отъ большихъ бивуаковъ.

*) В. В. Верещагинъ изобразилъ это дѣло егерей въ картинѣ „Побѣдители и побѣжденные“.

Казакъ ѣдетъ впереди, вглядываясь въ дорогу. «Смотри, братъ, не сбейся», говорю ему.—«Не собьемся», отвѣчаетъ. На дорогѣ попался колодецъ, «вотъ онъ колодецъ», говоритъ казакъ: «тутъ надо свернуть». Свернули, ѣдемъ дальше, а дождь все поливаетъ. Только смотрю, не много проѣхавъ, казакъ начинаетъ озираться, «ну думаю, готово—сбились». «Что̀ сбились?» спрашиваю его.—«Да вотъ отъ этого колодца, что̀ проѣхали, свертокъ, да этотъ не тотъ», отозвался онъ, нагибаясь, чтобы разсмотрѣть слѣдъ. Остановились. «Куда же теперь ѣхать? говорю. «Надо вернуться къ колодцу и оттуда искать дорогу». «Какъ же ты говорилъ, что знаешь дорогу?»—«Да я тутъ только проѣзжалъ днемъ, а теперь запамятовалъ», отвѣчалъ казакъ. Вернулись къ колодцу, нашли дорогу, поѣхали. «Ну смотри, не заблудись опять», говорю.—«Ну, теперь доѣдемъ».

Дождикъ промочилъ насъ насквозь, лилъ за шиворотъ, чувствовалась легкая усталость, лошади шлепали по разбрюзглой землѣ. Вдали мелькнули огоньки. «Вонъ онъ Свинарь», заявилъ казакъ. Ѣдемъ ближе—деревня; подъѣзжаемъ, какой-то плетень: что-то непохоже на Свинарь. Остановились, осмотрѣлись, насколько позволяла темнота. «Нѣтъ, не Свинарь», рѣшили мы. «Вы постойте тутъ, а я проѣду потихоньку въ деревню, посмотрю чья», сказалъ казакъ, и тихо сталъ пробираться въ улицу, скрывшись за угломъ избы. Не прошло и минуты, смотримъ, скачетъ назадъ и подскакавъ говоритъ шопотомъ: «Турки, надо скорѣе ѣхать назадъ». Мы рысью покатили назадъ. «Откудова Турки?» спрашиваю его.—«Я въ окошко избы взглянулъ, а тамъ Турецкіе солдаты сидятъ; я скорѣе назадъ, они меня не видали», тихо разсказывалъ онъ.—«Какая же это деревня?» допытывались мы и рѣшили, что должно быть Дольній Дубнякъ. «Надо опять искать колодецъ», говоритъ Донецъ. Сколько мы ни искали колодца, а найти его намъ не удалось.

Дождь не переставалъ, мы окончательно промокли, пробирала дрожь. Остановились среди темноты, не зная, куда теперь направить свои стопы. Кругомъ виднѣлись огни костровъ, указывавшіе мѣсто биваковъ, но которые наши, которые Турецкіе—мы не знали; даже не знали, кто въ какой сторонѣ. Окончательно сбились. Стояли, оглядываясь по сторонамъ и стараясь угадать, въ какой сторонѣ хоть приблизительно должны были быть наши. Нѣсколько разъ пробовали ѣхать на эти огни, но въ темнотѣ огни казались очень близко, а на самомъ дѣлѣ разстояніе было порядочное, и послѣ каждой попытки достичь огней мы останавливались; а огни, казалось, какъ бы уходили отъ насъ на прежнее разстояніе. Нѣсколько разъ казакъ одинъ про-

бовалъ доѣхать до костровъ, но не доѣхавъ возвращался назадъ, говоря: «Далеча», или «это, кажется, не наши». Долго мы блудили, не находя дороги и направленія, пока не замѣтили мелькающіе огоньки, казавшіеся ближе остальныхъ и какъ бы въ лѣсу. Рѣшили, чьи бы эти огни ни были, а доѣхать до нихъ. Сначала эти огни тоже какъ бы бѣжали отъ насъ, но мы ихъ настойчиво преслѣдовали и, наконецъ, подъѣхали къ опушкѣ лѣса. Теперь мы ясно видѣли костры въ чащѣ лѣса и бродившія около нихъ тѣни. Тихонько между деревьями пробирались мы къ кострамъ, прислушиваясь къ говору; но говоръ хоть и слышался, но еще неясный: нельзя было разобрать, Русскій или Турецкій. Вдругъ натыкаемся на лошадей, привязанныхъ къ дереву, осматриваемъ ихъ, и видимъ лошади Турецкія, сѣдла Черкесскія. «Вотъ это должно быть попались», шепчемъ мы; но все-таки подкрались еще впередъ и остановились, прислушиваясь. Рѣшили, что если это Турки и если они насъ замѣтятъ, то немедленно бросаться на нихъ, «на авось», а Русскій авось великое дѣло: авось они, ошалѣвши сразу, вообразятъ, что насъ много, а мы уйдемъ въ переполохѣ, да можетъ быть кой-что и съ собой захватимъ на память. Стали прислушиваться, и хотя слышимъ говоръ, но опять онъ сливался, какъ вдругъ огласило тишину родное Русское слово. Мы просіяли. «Наши!» сказали мы. Я послалъ казака впередъ предупредить ихъ, что мы свои, чтобы не надѣлать сумятицы. Оказалось, это наши погоньщики стояли тутъ обозомъ и, узнавъ, что мы свои, успокоились. Кое-какъ объяснили они намъ дорогу въ дер. Свинарь, по которой мы вскорѣ и доѣхали туда. Дѣло подходило уже къ разсвѣту, и мы совсѣмъ измучились и промокли. Ивановъ ушелъ спать, его путешествіе здѣсь закончилось; а мнѣ еще надо было дальше ѣхать. Казака я отпустилъ и, найдя палатку адъютанта, передалъ ему приказаніе и сказалъ, что я дальше дороги не знаю и сюда-то еле добрался, усталъ и измокъ. «Дайте мнѣ проводника, я не знаю куда ѣхать», закончилъ я свою претензію. «Откуда я вамъ возьму проводника? У меня нѣтъ«, сердясь, съ просонья проговорилъ онъ. «Ну такъ я дальше не поѣду; я не знаю дороги и лягу здѣсь спать», разсердился я въ свою очередь. Адъютантъ, видя, что скоро отъ меня не отдѣлается и спать я ему не дамъ, сердито кликнувъ денщика, приказалъ ему привезти съ летучей почты солдата. Оказалось, что почту съ нашимъ бивуакомъ какъ разъ отъ нихъ содержали конно-гренадеры. «Васъ по почтѣ проводятъ», сказалъ адъютантъ, кутаясь въ одѣяло. Я поблагодарилъ его, сказавъ, что давно бы онъ объяснилъ, что есть почта, такъ нечего было бы и горячиться.

Въ желудкѣ ощущалась пустота; я пошелъ къ маркитанту достать что-нибудь поѣсть и выпить. Насилу добудился Жида, и только пообѣщавшись и его и фургонъ его разбить, добился, наконецъ, прескверваго коньяку и еще какой-то гадости на закуску, за что вознагражденіе потребовано было чуть не десятерное.

Пріѣхалъ съ почты солдатъ конно-гренадеръ, и мы съ Назаровымъ, моимъ вѣстовымъ, поѣхали по почтѣ, передаваемые съ одного поста на другой. Я сильно усталъ, глаза слипались и, не смотря на всѣ усилія, поминутно засыпалъ, но сейчасъ же открывалъ глаза, чтобы снова задремать. Отъ этой борьбы между сномъ и дѣйствительностью, мнѣ въ моментъ дремоты стали представляться какія-то небылицы. То я видѣлъ, что мой провожатый, ѣхавшій впереди, летѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ лошадью; я открывалъ глаза, и все попрежнему ѣдемъ шагомъ, всѣ на своихъ мѣстахъ; то я видѣлъ, будто бы выросло громадное дерево и загораживало мнѣ дорогу; невольно осаживаю коня, открываю глаза, и никакого дерева нѣтъ. Много подобныхъ картинъ мерещилось мнѣ всю дорогу, и только когда стало разсвѣтать, я подъѣхалъ къ бивуаку. Генералъ Эттеръ сидѣлъ у своей палатки передъ костромъ, задумчиво ковыряя палкой уголья. Передавъ ему приказаніе, я только успѣлъ добраться до своего Телишскаго тюфяка, какъ раздался богатырскій храпъ. Но не долго мнѣ пришлось отдохнуть. Въ восемь часовъ полкъ долженъ былъ выступать.

Полку приказано было перейти въ деревню Горная Магалета. Идя туда, мы переходили черезъ Горный Дубнякъ, гдѣ былъ штабъ ген. Гурко, который вышелъ и, пропуская насъ мимо себя, здоровался съ эскадронами.

Деревня Горная Магалета расположена подъ горой у рѣчки, а на горной плоскости стала бивуакомъ вся наша гвардейская дивизія на отдыхъ. Службы никакой не было. Теперь даже не окружали себя тройными цѣпями постовъ, какъ это дѣлали на «мокрой позиціи», считая такой расходъ людей и лошадей непроизводительнымъ, приберегая силы ихъ для будущаго. Приходилось только ѣздить за сѣномъ и ячменемъ, да изрѣдка посылали небольшіе отряды по различнымъ направленіямъ: такъ былъ посланъ отрядъ подъ городъ Врацу, который и заняли безъ особенныхъ хлопотъ, одною кавалеріей. Горный Дубнякъ, гдѣ появился маркитантъ, привлекалъ всѣ близъ стоявшія войска; онъ даже отчасти напоминалъ Красное Село. Начальство и многіе офицеры жили по домамъ, а пѣхота стояла кругомъ лагеремъ. Мы часто ѣздили туда, покучивали слегка у маркитанта и узнавали всякія новости, въ которыхъ

недостатку тутъ не было. Почему-то всѣ вообразили, что съ обложеніемъ Плевны почти все кончено, и что теперь надо подождать ея паденія, а тогда и по домамъ. Даже пустили слухъ, что кому-то Великій Князь сказалъ, что на елку будемъ въ Петербургѣ. Всѣ радовались скорому концу; какъ-то сразу всѣмъ надоѣла война, считали, что хорошенькаго понемножку. Только орудійные залпы изъ-подъ Плевны, гудѣвшіе и день и ночь, напоминали дѣйствительность.

На эту стоянку къ намъ въ полкъ пріѣхалъ какой-то офицеръ Сербской службы, Шевалье-де-Колиньи, Австрійскаго или Венгерскаго происхожденія, или еще какого-то, не помню, и былъ опредѣленъ къ намъ вольноопредѣляющимся. Такія личности являлись повсюду, опредѣляясь на службу въ ряды арміи, а затѣмъ, по окончаніи войны, также быстро исчезали неизвѣстно куда.

Эта стоянка ознаменовалась милостью Государя, пожаловавшаго нашему полку 30 Георгіевскихъ крестовъ. Пожелавъ объѣхать Плевненскія позиціи и поблагодарить войска за службу, Государь, въ награду уланскому полку за Телишское дѣло, потребовалъ для этого объѣзда себѣ въ конвой эскадронъ нашего полка. Четвертый эскадронъ былъ посланъ въ конвой, и Государь Императоръ благодарилъ его, какъ представителей полка, милостиво разговаривалъ съ офицерами и нижними чинами, разспрашивалъ ихъ объ атакѣ *). Остальные три, оставивъ для порядка на бивуакѣ часть людей, посланы были подъ городъ Раховъ, расположенный на берегу р. Дуная, съ приказаніемъ взять его, если это окажется возможнымъ.

Наканунѣ выступленія пріѣхалъ изъ главной квартиры братъ одного изъ нашихъ офицеровъ и привезъ мнѣ темлякъ ордена Св. Анны 4-й степени на саблю. Награда эта вышла мнѣ по представленію изъ Кавказской бригады; конечно, я его сейчасъ же надѣлъ на саблю. Это была моя первая награда, и только у нѣкоторыхъ эскадронныхъ командировъ въ нашемъ полку былъ этотъ орденъ (за усмиреніе Польскаго мятежа 63-го года), а теперь на моей саблѣ красовался такой же темлякъ. Я, конечно, былъ въ восторгѣ, а остальные завистливо поглядывали на него, поздравляя меня съ монаршей милостью.

Выступивъ рано утромъ на другой день, мы къ вечеру прошли семидесятиверстное разстояніе до города Рахова. На дорогѣ къ намъ присоединился лазутчикъ изъ главной квартиры, уроженецъ этого города. По его свѣдѣніямъ оказалось, что г. Раховъ занятъ шестью ты-

---

*) Впослѣдствіи полкъ получилъ надпись на шапки: „За Телишъ 16 Октября и Балканы 18 Декабря 1877 г.“

сячами пѣхоты при орудіяхъ и восемью сотнями Черкесовъ. Эти силы Турокъ были для насъ очень внушительны: насъ было только два съ половиной эскадрона. Придя уже въ темнотѣ на мѣсто, мы спустились въ какую-то равнину, выставили на дорогахъ караулы и не разсѣдлывая дожидались разсвѣта. Послали разъѣзды, которые попортили телеграфъ, но Турокъ не встрѣтили. Въ деревню, около которой мы расположились, часто заходили Черкесы, по разсказамъ Болгаръ, но въ настоящее время ихъ нигдѣ не было видно. Они же подтвердили свѣдѣнія нашего лазутчика о численности гарнизона города Рахова.

Намъ приказано было соблюдать строжайшую тишину, даже разговаривать тихо, а о кострахъ и помину не было. Ротм. Баструевъ, вернувшись отъ полкового командира, тихо намъ объ этомъ сообщилъ и распорядился, чтобы спали по очереди, и тотчасъ же, по своей разсѣянности, крикнулъ во все горло «вахмистра!» Мы уже привыкли къ такой разсѣянности Баструева и смѣясь замѣтили ему, что онъ самъ не исполняетъ своего приказанія. «Забылъ, чортъ ихъ дери, душка моя», сказалъ онъ.

Кое-какъ кутаясь во что было съ собой, мы укладывались подремать, въ ожиданіи разсвѣта. Плана относительно нашихъ дѣйствій выработано не было; рѣшили, что «утро вечера мудренѣе».

Все дремало; только изрѣдка слышался окрикъ на лошадей въ полголоса, или тоже въ полголоса какое-нибудь распоряженіе вахмистра. Вдругъ среди ночной тишины слышимъ крикъ: кого-то распекаютъ за то, что заснулъ не въ свою очередь и упустилъ лошадь. Слышимъ голосъ ротм. Баструева, но гдѣ-то не у насъ. «Вахмистра! вахмистра!» требовалъ онъ гдѣ-то. Наконецъ все затихло. «Что такое, думаемъ, куда онъ забрался и опять нарушаетъ тишину». Немного погодя, виновникъ шума пришелъ къ намъ и смѣясь разсказалъ, какой съ нимъ вышелъ странный случай. «Вижу безпорядки, упустилъ кто-то лошадь, я его распекъ и кричу вахмистра; смотрю, приходитъ Пьявкинъ. Ты зачѣмъ въ мой эскадронъ попалъ?» спрашиваю его.—Это, говоритъ, первый эскадронъ, ваше высокоблагородіе.—Какъ первый эсакдронъ?—Такъ точно, первый эскадронъ, ваше высокоблагородіе, говоритъ.—Смотрю, и въ самомъ дѣлѣ, люди не мои. Это чортъ знаетъ, какъ я туда попалъ», закончилъ онъ смѣсь. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и ротм. Бобылевъ, командиръ перваго эскадрона, котораго въ темнотѣ не было видно, лежа подъ моей буркой, хохотали отъ души надъ разсѣянностью ротм. Баструева. Когда онъ кончилъ разсказъ, ротм. Бобылевъ пресерьезно поблагодарилъ его за бдительность и сказалъ, что

теперь онъ можетъ спать спокойно, зная, что порядокъ въ его эскадронѣ возстановленъ. Всѣ, конечно хохотали, не исключая и самого Баструева.

Такъ простояли мы всю ночь, а утромъ 24 Октября, когда стало разсвѣтать, мы увидали, что стоимъ въ какой-то котловинѣ съ двумя выходами: одинъ, черезъ который мы вошли, а другой въ г. Раховъ. Вечеромъ мы не замѣтили этого неудобства, но теперь поспѣшили ее покинуть.

По выходѣ изъ котловины, намъ открылся невдалекѣ городъ Раховъ, окруженный редутами и ложементами. Впереди ихъ бѣлѣли конусообразныя палатки Турецкаго лагеря. Здѣсь наши войска не тревожили ихъ, и они благодушествовали на свѣжемъ воздухѣ.

Мы остановились, ожидая по обыкновенію появленія Черкесовъ; но они не показывались, а изъ палатокъ кой-кто перебирался въ городъ, остальные вѣроятно сдѣлали это раньше, хотя никакого безпокойства не было замѣтно ни въ городѣ, ни въ лагерѣ, близъ котораго паслось стадо барановъ и бродило нѣсколько лошадей. Никого не было видно. Мы наблюдали и обсуждали, какъ намъ поступить. Съ нами былъ офицеръ генеральнаго штаба. Выслали наѣздниковъ подъ начальствомъ шт. ротм. Манюкина осмотрѣть поближе, уже не убѣжали ли Турки. Наѣздники пошли впередъ, подошли къ лагерю, все спокойно, Турки не стрѣляютъ, хотя на брустверахъ виднѣлись линіи красныхъ фесокъ. Заглянули въ палатки, пусто. Мы удивлялись такому равнодушію Турокъ: бывало они не скупились на снаряды встрѣчать насъ, а то вотъ сидятъ и молчатъ и точно въ волшебномъ очарованіи смотрятъ на насъ. Кто-то разохотился и, увлеченный ихъ спокойствіемъ, предложилъ атаковать ихъ въ пѣшемъ строю. Это нѣкоторымъ понравилось такъ, что начали обсуждать, съ которой стороны будетъ удобнѣе наступать. Видя увлеченіе начальства, полковникъ Горденинъ замѣтилъ, что недаромъ Турки молчатъ, что они поджидаютъ насъ ближе, видя нашу малочисленность или же предполагаютъ, что мы авангардъ и поджидаемъ главныя силы для наступленія. «Если мы пойдемъ на приступъ, то конечно они поймутъ, въ чемъ дѣло и не будутъ сидѣть равнодушно. Конечно, если прикажутъ», сказалъ онъ командиру, мы будемъ атаковать, но надо позаботиться заблаговременно отправить штандартъ съ кѣмъ нибудь домой, а тогда уже некому будетъ его везти. Вѣдь семьдесятъ верстъ отъ своего расположенія, и такой отрядъ противъ насъ», окончилъ онъ свои доводы. Возможность потерять штандартъ и доводы Якова Александровича Горденина подѣйствовали и отрезвили пылкія головы.

Скомандовали садиться и отозвали наѣздниковъ, хозяйствовавшихъ въ это время въ палаткахъ Турокъ. Мы тронулись назадъ, забравъ двухъ плѣнныхъ, лошадей и стадо барановъ, да еще какую-то «каруцу» *), запряженную парою буйволовъ. Въ эту каруцу были посажены плѣнные, тоже при допросѣ подтвердившіе численность Турокъ и что они приготовились и ждутъ наступленія главныхъ нашихъ силъ. Послѣ насъ ходилъ большой отрядъ Румынъ всѣхъ родовъ оружія и съ бригадой нашей кавалеріи, при чемъ отрядъ этотъ взялъ городъ съ потерей 1400 челов. Хороши бы мы были, если бы рѣшились атаковать Раховъ. Только теперь Турки, сообразивъ, что это все тутъ было, и авангардъ, и главныя силы, немедленно же открыли въ догонку намъ огонь изъ орудій и выслали Черкесовъ преслѣдовать.

Трофеи свои, конечно, мы подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ людей послали впередъ, а сами отступали, отстрѣливаясь отъ насѣдавшихъ Черкесовъ.

Отступали мы по дорогѣ, пролегавшей по равнинѣ окаймленной возвышенностями, по которымъ шли боковые наши разъѣзды въ виду возможности обхода насъ Черкесами. Но Черкесы, не любившіе далеко отходить отъ своей пѣхоты, стали мало по малу отставать и скоро совсѣмъ бросили преслѣдовать насъ.

Когда же Черкесы совсѣмъ отстали, мы сдѣлали маленькій привалъ, а затѣмъ покойно дошли до деревни Князевой, гдѣ остановились на ночлегъ. Это большое и богатое Болгарское село. Братушки намъ сказали, что къ нимъ иногда заходятъ изъ Рахова Черкесы.

Мы расположились бивуакомъ за деревней, принявъ всѣ предосторожности на случай нечаяннаго нападенія. Простоявъ весь слѣдующій день, мы затѣмъ вернулись въ Магалету.

Здѣсь уже насъ ожидали снова слухи, что паденіе Плевны вотъ, вотъ ожидается, что Туркамъ ѣсть нечего, что говорятъ это выгоняемые ими Болгары изъ города, державшіеся тамъ раньше для различныхъ работъ.

Разсказывали о состязаніи въ храбрости генераловъ Скобелева 2-го и Гурки на одной изъ нашихъ батарей, гдѣ будто бы они, стоя подъ гранатами, лопавшимся около и между ними, продолжали разговаривать и не обращали на нихъ вниманія.

Разсказывали, какъ ген. Тотлебенъ бомбардировалъ Плевну, что онъ, не обстрѣливая какой нибудь редутъ, приманивалъ туда Турокъ какъ на

*) Телѣгу.

болѣе спокойный и когда ихъ набиралось туда достаточно, онъ приказывалъ дѣлать по этому редуту залпы; то по телеграфу приказывалъ обстрѣливать ту или другую часть позиціи, производя этимъ переполохъ въ городѣ. «Плевна теперь окружена желѣзнымъ кольцомъ», говорили, и это выраженіе всѣмъ очень нравилось. Осадныя батареи гудѣли не переставая.

Становилось холодно на бивуакѣ, и полки поставили по деревнямъ. Намъ было назначено стать въ деревню Бренницы, при переходѣ въ которую не могу не вспомнить курьеза съ шинелями и лихорадкой.

Не смотря на начало Ноября, насъ все таки водили въ однихъ мундирахъ, холодъ иногда бывалъ довольно чувствительный; и нашъ эскадронъ на одномъ изъ переходовъ просилъ у командира полка разрѣшенія надѣть шинели. Намъ это разрѣшили; но черезъ нѣсколько времени командиръ полка, подъѣхавъ къ эскадрону, спросилъ у ротм. Баструева: «Отчего одному вашему эскадрону холодно, ротмистръ?» «У меня много людей въ лихорадкѣ», не долго думая, отвѣчалъ эскадронный командиръ. «Выѣзжай впередъ кто въ лихорадкѣ!» скомандовалъ генералъ Эттеръ. Этого никто не ожидалъ, и никто не выѣхалъ; но Баструевъ нашелся. «Они всѣ у меня въ лихорадкѣ, ваше превосходительство», пресерьозно сказалъ онъ. Генералъ Эттеръ, кусая губы, чтобы не разсмѣяться, отъѣхалъ и насъ оставилъ въ покоѣ и въ шиняхъ. Въ «кештахъ», т. е. избахъ, все таки было лучше стоять: сухо и не было вѣтра, хотя топить приходилось почти не переставая. Печи въ кештахъ большею частью съ пролетной трубой, и вмѣсто стеколъ въ рамахъ промасленная бумага.

V. Въ Балканахъ. Д. Ромны.

Теперь, стоя на этихъ квартирахъ, намъ приказано было, вмѣсто сборовъ на ёлку въ Петербургъ, готовиться къ дальнѣйшему походу на Балканы, куда, какъ говорили братушки: «сичко Турцѣ бѣгалъ», т. е. всѣ Турки убѣжали. Главнымъ образомъ заботились заготовить провіантъ всему отряду. Съ этой цѣлью кавалеріи было поручено собирать зерновой хлѣбъ, доставляя его на мельницы, гдѣ артиллеристы мололи, а затѣмъ опять мы эту муку развозили въ пѣхотные полки, гдѣ были устроены хлѣбопекарныя печи и сушили сухари. Мнѣ, какъ и всѣмъ, пришлось конвоировать съ мельницы обозъ въ нѣсколько Болгарскихъ «каруцъ» или телѣгъ, запряженныхъ парами буйволовъ и нагруженныхъ кулями съ мукой. На мельницѣ выдавалась накладная, въ которой значилось, сколько вѣсомъ муки. Вѣсъ конечно опредѣлялся глазомѣрно или на какихъ нибудь допотопныхъ вѣсахъ и считался на

«оки». Получивъ такую накладную, я съ обозомъ отправился въ деревню Свинарь, гдѣ были устроены печи одного изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ. Цѣлый день шагомъ тащились буйволы. Подводчики Болгары остроконечными длинными палками тыкали ихъ въ задъ: это мѣстный способъ погонять буйволовъ, и буйволы мѣрно выступали по дорогѣ впередъ.

Это медленное движеніе и однообразіе мѣстности чрезвычайно утомляли и нагоняли дремоту на всѣхъ насъ. Я не выдержалъ и перебрался съ сѣдла на кули и солдатамъ разрѣшилъ поочереди дѣлать тоже.

Довольно поздно дотащились мы до дер. Свинаря и не сразу въ темнотѣ нашли офицера, завѣдующаго хлѣбопекарней, который любезно пригласилъ меня переночевать у него. Утромъ завѣдующій будитъ меня: «вставайте, надо перевѣшать муку». Я удивился, «какъ вѣшать муку? я ее безъ вѣсу принималъ, у насъ и вѣсовъ никакихъ нѣтъ». «Вы должны сдать намъ столько-то окъ по накладной», пристаетъ завѣдующій. «Какія тамъ оки? Я вамъ говорю, что вѣсовъ у насъ нѣтъ; мы не вѣшали, и я не знаю, про какія оки тамъ пишутъ», ворчалъ я недовольный, что мѣшаютъ мнѣ спать. «Иначе я не могу принять», стоитъ на своемъ завѣдующій. «Хотите, такъ вѣшайте; я довѣряю своему унтеръ-офицеру, а мнѣ все равно: я спать хочу», завертываясь въ полушубокъ, объявилъ я завѣдующему, и тотъ, видя, что вставать и вѣшать я не собираюсь, ушелъ. Сколько времени они тамъ вѣшали, не знаю; но только когда я проснулся и пилъ чай, вернулся завѣдующій. «Не хватаетъ немножко», объявилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ. «Ну, что жъ» говорю, «все равно; я не вѣшалъ, принималъ съ мельницы на глазокъ». Поворчавши немного и видя мое полное равнодушіе къ его взвѣшиваніямъ, завѣдующій выдалъ расписку въ полученіи.

Передъ отъѣздомъ завѣдующій предложилъ мнѣ закусить; люди тоже хотѣли ѣсть, но съ собой ничего не было взято, а завѣдующій не согласился отпустить хлѣба или сухарей и какъ я ему ни доказывалъ, что мы одного православнаго воинства съ нимъ и что его хлѣбопекарня не оскудѣетъ, если онъ намъ дастъ нѣсколько окъ хлѣба, но такъ я и не могъ убѣдить его. Пришлось дать денегъ, чтобы люди купили тутъ же у продававшихъ пѣхотныхъ солдатиковъ хлѣба и, простившись съ завѣдующимъ, мы отправились домой. Каруцы были пусты и, выѣхавъ за деревню, я влѣзъ въ одну изъ нихъ, разрѣшивъ людямъ тоже размѣститься по каруцамъ, ведя въ поводу лошадей, а чтобы расшевелить и прибавить быстроты буйволамъ, посовѣтовалъ попихивать ихъ изрѣдка въ задъ вмѣсто палокъ пиками. Буйволы приободрились и пошли рысцой, а потомъ, отдѣливъ граціозно хвосты и помахивая

ими, перешли въ легкій галопъ. Болгары остались довольны и смѣялись моей изобрѣтательности. Сдѣлавъ на полпути привалъ, мы еще засвѣтло пріѣхали домой.

Стоянка наша и наше бездѣйствіе начали намъ надоѣдать, и мы отъ нечего дѣлать придумывали разныя развлеченія: составили хоръ и часто собираясь въ нашей избѣ, пѣли разные романсы и хоровыя пѣсни, пробовали даже устроить хоръ свистуновъ, но это не удалось. Сюда пріѣхалъ къ намъ изъ Кавказской арміи штабъ-ротмистръ Ханъ Нахичеванскій, оправившійся отъ раны. Конечно начались чествованія его, конецъ которымъ положило выступленіе къ Балканамъ.

Изъ деревни Бреншицы нашъ полкъ пошелъ по Софійскому шоссе на Балканы черезъ деревню Радомірцы въ деревню Яблоницу. На Петербургскую елку надежды уже не было. Въ дер. Яблоницѣ мы остановились бивуакомъ; тутъ лейбъ-гусарскій полкъ праздновалъ свой полковой праздникъ. Сюда подошло нѣсколько пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ. Мѣстность была очень живописная: это было что-то суровое, но величественное; кругомъ высились вершины горъ, покрытыя еще зеленѣвшимся лѣсомъ, среди котораго вздымались гранитныя скалы.

Особенно красивъ былъ въ горахъ восходъ солнца. Я какъ-то ѣздилъ за сѣномъ въ горы и долго не могъ оторвать глазъ отъ этой восхитительной картины. Когда показавшіеся изъ-за горъ золотистые лучи восходящаго солнца мало-по-малу окрашивали Востокъ пурпуромъ, утесы и вершины, отливая всевозможными цвѣтами, выступали въ причудливыхъ очертаніяхъ, тогда какъ ущелья и долины покоились еще во мракѣ. Еще долго можно было бы любоваться этой картиной, которую я видѣлъ въ первый разъ; но лошади были навьючены, и надо было идти на бивуакъ.

Черезъ нѣсколько дней нашъ 1-й дивизіонъ былъ посланъ въ горы въ деревню Ромны, расположенную на рѣкѣ Искерѣ для наблюденія, разъѣздами, за Лютаковымъ и Новочиномъ, небольшими Турецкими укрѣпленіями близъ Арханейской долины и за дорогой изъ крѣпости Видина. Приказаніе было получено поздно, и мы, собравшись наскоро, почти въ сумеркахъ, выступили съ бивуака. Справа по одному по тропинкамъ пробирались мы горами и уже въ совершенной темнотѣ подошли къ Ромнамъ. Вся деревня всполошилась, думая, что это Турки. Жители, привычные къ тревогамъ, живо собрали свой скарбъ и скотъ, чтобы скрыться въ укромныхъ уголкахъ горъ. Замѣтивъ такое смятеніе по шуму въ деревнѣ, полковникъ Горденинъ, нашъ дивизіонеръ, остановилъ дивизіонъ, а самъ съ трубачомъ въѣхалъ въ селеніе и

догнавъ бѣгущихъ Болгаръ, успокоилъ ихъ. Болгары, увидѣвъ Русскаго капитана, какъ они называли всѣхъ офицеровъ, пришли въ неописанный восторгъ. Къ нимъ, какъ они говорили, еще ни разу не заходили Русскія войска. Они бросились къ намъ навстрѣчу крича: «Добре дошли, братушки, добре дошли», здороваясь со всѣми за руку, поглаживали лошадей и насъ похлопывали по плечу, цѣловались, однимъ словомъ всячески старались выразить намъ свое удовольствіе и радость. Мы еще стояли за деревней, чтобы дать вполнѣ имъ успокоиться, а командирамъ выбирать мѣсто для расположенія эскадроновъ.

Когда мы вошли въ деревню вмѣстѣ съ толпой братушекъ, то увидали, что на площади остальная часть Болгаръ уже развели костры и въ котлахъ варили намъ угощеніе; женщины, дѣти, старики, однимъ словомъ все населеніе деревни толпилось вокругъ насъ и котловъ. Одни разсматривали насъ со всѣхъ сторонъ, болтая безъ умолку, а другіе возились около костровъ, ощипывая куръ, подкладывая дрова и поджаривая на угольяхъ кукурузу и баранину.

Эта ночь походила на какой-то праздникъ Ивана Купалы.

Болгары не давали намъ покоя, распрашивая про Турокъ. Спрашивали, какъ поживаютъ царь Николай и царь Александръ. Часто приходилось слышать вопросы о царѣ Николаѣ. Одни, т. е. старики и старухи, помнившіе еще войну съ Турціей Николая I и слыша вдобавокъ одинаковое имя нашего главнокомандующаго, думали, что до сихъ поръ царствуетъ у насъ императоръ Николай I. Другіе принимали главнокомандующаго за царя, не понимая вѣроятно титула великаго князя; но большинство знало, что царствуетъ у насъ Царь Александръ, а войсками командуетъ его братъ, князь Николай. Когда мы говорили, что они слава Богу здоровы, то братушки оставались довольны и говорили «да живіо царь Александръ! да живіо князь Николай». Нѣкоторые при этомъ крестились.

Сейчасъ же начались нескончаемые разсказы про баши-бузуковъ и Турокъ. «Сичко Турцы земалъ и айда на Балканъ»; другіе жаловались, говоря «ималъ булка [1]), ималъ момча [2]), сичко рѣзалъ башибузукъ».—«Отчего вы сами не собираетесь партіями и не прогоните баши-бузуковъ, когда они приходятъ васъ грабить?» спрашивали мы Болгаръ.—«Какъ его прогнать? отвѣчали они намъ, Турцы за единъ часъ застрѣлятъ изъ пушки!» [3]) Это означало, что Турка далеко стрѣ-

---

[1]) Жена.

[2]) Сынъ.

[3]) Пушка; а наша пушка у нихъ топа.

ляетъ и что у нихъ такого оружія нѣтъ. Оттуда Турки уже бѣжали, и на наши вопросы объ нихъ Болгары радостно восклицали: «Турцы айда на Балканъ, сичко бѣгалъ». Изъ ихъ разсказовъ видно было, что съ Турецкими войсками они еще кое-какъ мирились, но баши-бузуковъ и Черкесовъ положительно ненавидѣли.

Мирнымъ Туркамъ Болгары, желая показать свое преимущество въ настоящее время, на каждомъ шагу старались надѣлать всякихъ непріятностей, за ихъ прежнія притѣсненія. Намъ приходилось часто охранять Турокъ отъ своеволія братушекъ, объяснять имъ, что это мирные жители; но Болгары не принимали никакихъ резоновъ, говоря, что и эти мирные жители также притѣсняли ихъ. Въ брошенныхъ Турками домахъ Болгары тотчасъ же поселялись и ставили на дверяхъ крестъ, углемъ или мѣломъ, а съ своего дома стирали, увѣряя, что это домъ его, а тотъ Турецкій. Намъ было въ сущности все равно, какой домъ разобрать на топку, потому что дровъ заготавливать было некогда, да и негдѣ, и Турецкіе дома разбирались на костры. Часто Болгары приходили, прося подарить тотъ или другой брошенный Турецкій домъ. Мы конечно великодушно дарили. Тогда Болгаринъ просилъ дать ему записку въ удостовѣреніе, что домъ ему подарилъ такой-то капитанъ. Записку сейчасъ же мы ему давали, и братушка, вполнѣ счастливый, поселялся спокойно въ своемъ новомъ домѣ. Такимъ образомъ мы порядочно пораздарили домовъ по всей Болгаріи; но не знаю, имѣли ли значеніе наши записки при водвореніи порядка въ Болгарскомъ княжествѣ.

Скотину, какъ и дома, Болгары мѣтили крестомъ, и мы не имѣли права брать ее, а немѣченная означала Турецкую и считалась нашей; ее также часто дарили Болгарамъ, а иногда и сами Болгары мѣтили Турецкую скотину и увѣряли, что эта ихняя. Вообще Болгары встрѣчали насъ очень радушно, въ особенности гдѣ мы появлялись въ первый разъ. Въ мѣстахъ же гдѣ проходили часто наши войска, они были ужъ не такъ радушны и на вопросы, нѣтъ ли того или другого, они отвѣчали: «нема, братушка, хичъ*) нема, Турцы сичко земалъ», и щелкали при этомъ по обыкновенію ногтемъ о зубы, что должно было означать знакъ неоспоримой правды, и это намъ напоминало шишъ. Это весьма понятно: надо же было имъ самимъ чѣмъ-нибудь питаться, а раздавъ все пришлось бы голодать. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, вблизи которыхъ стояли Турецкія войска, радость при встрѣчѣ нашихъ войскъ смѣнялась часто огорченіемъ, когда Болгары узнавали, что мы скоро

*) Ничего.

уйдемъ, что это только разъѣздъ или рекогносцировочный отрядъ. Они боялись мщенія Турокъ за наше посѣщеніе и за ихъ радушіе къ намъ, чему бывали нерѣдко примѣры. Часто Болгары изъ такихъ деревень, собравъ свой скарбъ и навьючивъ имъ всѣхъ своихъ животныхъ, уходили съ нами вмѣстѣ. Часто Турки, придя въ деревню въ большомъ числѣ и захвативъ семейство какого-нибудь Болгарина, посылали самого его къ нашимъ войскамъ сказать, что башп-бузуки въ маломъ числѣ бьютъ и грабятъ въ деревнѣ, при чемъ они предупреждали Болгарина, что въ случаѣ неисполненія имъ ихъ приказанія они перерѣжутъ его семейство. Дѣлать было нечего, Болгаринъ шелъ и разсказывалъ въ нашемъ лагерѣ всю эту исторію, не смотря на свою ненависть къ исконнымъ врагамъ и свою завѣтную мысль освободиться отъ нихъ. Семья все-таки ему была дорога̀, а Турки въ случаѣ непослушанія Болгарина исполняли, не задумываясь, свои угрозы. Мы это знали и посылали всегда, если была необходимость и возможность, достаточно сильный отрядъ, и Турки поспѣшно уходили. Да и самъ Болгаринъ большею частью разсказывалъ всю правдивую исторію своего посольства, прося поскорѣе освободить его семейство.

Такъ почти до разсвѣта провозились мы съ «братушками», и только послѣ радушной кормежки и наболтавшись вдоволь, они насъ развели по своимъ «кештамъ» на ночлегъ, а утромъ уже мы размѣстились какъ слѣдуетъ, учредивъ на площади деревни караулъ, по взводу отъ эскадрона. Кромѣ того, ежедневно посылался взводъ въ разъѣздъ къ Новочину и Лютакову. Разъѣздъ этотъ, выступая на разсвѣтѣ, долженъ былъ пройти по горамъ верстъ 45 до Новочина, посмотрѣть, тамъ ли Турки, что̀ они дѣлаютъ и, зайдя на возвратномъ пути въ деревню, въ горахъ, смѣнить сторожевой постъ и къ вечеру вернуться домой.

При этомъ намъ поручалось составить кроки́ дорòги и описать все видѣнное. Рапортъ этотъ отсылался въ штабъ генерала Гурки.

Первый разъѣздъ вернулся поздно вечеромъ, пройдя весь путь, составивъ кроки́ и рапортъ. Оказалось, что на половинѣ дороги, въ деревнѣ Своды, стоялъ нашъ 4-й эскадронъ, который посылалъ разъѣзды къ Новочину и Лютакову. Далѣе, противъ укрѣпленій, стояли лейбъ-гусары, которые тоже наблюдали за этими укрѣпленіями днемъ. Обо всемъ этомъ мы въ штабъ донесли, прося разрѣшенія, въ виду сбереженія лошадей, разъѣздамъ ходить только въ деревню Своды.

Пришла моя очередь идти въ разъѣздъ. Чуть стала заниматься зорька, я выступилъ съ разъѣздомъ въ горы. Погода была прелестная,

утренній морозъ давалъ себя чувствовать, былъ Ноябрь мѣсяцъ. Дорога, тропинка, все время шла по горамъ, то пересѣкая небольшіе горные потоки, то лѣпясь съ боку гранитной стѣны, то поднимаясь, то опускаясь, то извиваясь вдоль ущелья. Мѣстами попадались небольшія площадки, окруженныя горами, покрытыми еще зеленымъ лѣсомъ. Проходя ущельемъ, слышу я кто-то кричитъ: «бра-туш-ка-а-а!.. бра-туш-ка-а-а!» Прислушиваюсь, крикъ продолжается. Мы оглядываемся во всѣ стороны, но никого не видно. Наконецъ, замѣчаемъ на самой вершинѣ горы машетъ руками Болгаринъ и бѣжитъ къ намъ. Мы остановились подождать его, сошли съ лошадей отдохнуть и оправиться, предполагая, что братушка хочетъ предупредить насъ о чемъ-нибудь важномъ, что, можетъ быть, ему съ вершины видно движеніе какого-нибудь Турецкаго отряда.

Болгаринъ быстро спускался, то пропадалъ въ зелени и за камнями, то снова появлялся, пока, еле переводя духъ, добѣжалъ до насъ Потъ съ него лилъ градомъ. «Добре дошли, братушка», говоритъ онъ, тяжело дыша и протягивая намъ руку.

«Здравствуй, братушка», отвѣчали мы, здороваясь съ нимъ. Братушка обошелъ всѣхъ насъ, со всѣми поздоровался, погладилъ лошадей и совершенно спокойно, какъ будто сдѣлалъ дѣло, пошелъ назадъ. Мы смотрѣли ему вслѣдъ, ожидая, что̀ будетъ дальше; но братушка уходилъ къ себѣ обратно на вершину горы. Солдаты смѣялись. «Стоило бѣжать, чтобы поздороваться! Какъ вѣдь запыхался-то, я думалъ Черкесовъ увидалъ, или баши-бузуковъ», замѣтилъ кто-то. Болгарина я вернулъ и спросилъ, не видать ли гдѣ-нибудь съ вершины Турокъ. Оказалось, что Турокъ онъ не видалъ, а самъ съ семействомъ спасается тамъ отъ нихъ. Много намъ попадалось такихъ отшельниковъ въ укромныхъ уголкахъ Балканъ.

Дальше, намъ приходилось часто переходить въ бродъ быстрыя горныя рѣчки, съ каменистымъ дномъ, усѣяннымъ мелкимъ валунцемъ, по которому стучали подковы нашихъ лошадей, и эхо горъ повторяло этотъ звукъ. Дойдя до нашего 4-го эскадрона, въ деревнѣ Своды, я получилъ всѣ нужныя свѣдѣнія, выкормилъ лошадей и, отдохнувъ, выступилъ обратно. Тропинка пошла берегомъ рѣчки, подымаясь постепенно все выше и выше, и при этомъ настолько узкая, что двумъ коннымъ разъѣхаться было бы почти невозможно. Она проходила какъ бы по карнизу гигантскаго строенія: справа вздымалась гранитная стѣна, а слѣва—отвѣсный обрывъ въ рѣчку. На самой вершинѣ этой горы находилась деревушка, гдѣ стоялъ нашъ сторожевой постъ, ко-

торый я смѣнилъ, а тотъ спустился съ другой стороны въ долину. Уже въ темнотѣ вернулся я въ Ромны. Кромѣ этихъ разъѣздовъ, службы у насъ не было, и свободнаго времени было достаточно, такъ что мы отъ нечего дѣлать охотились по уткамъ по рѣкѣ Искеру. Охотничьи ружья замѣнили намъ Турецкія «пибоди»; часто промахнувшись по уткѣ, пуля рекошетировала очень красиво по водѣ, и нѣкоторые стрѣляли, чтобы только полюбоваться рекошетомъ.

Отчасти проводили мы время въ разговорахъ съ Болгарами, приходившими къ намъ съ распросами о событіяхъ войны и о томъ, возвратятся Турки, или мы ихъ гонимъ уже безвозвратно.

Какъ-то ночью, когда я былъ дежурный со взводомъ, прибѣжалъ Болгаринъ изъ сосѣдней деревушки съ извѣстіемъ, что живущій тамъ Турецкій Цыганъ занимается шпіонствомъ и только-что пришелъ изъ Турецкаго лагеря. Кромѣ того, онъ разсказывалъ, что около деревни ходилъ Турецкій скотъ. Меня немедленно послали арестовать этого Цыгана и забрать скотъ.

Я вышелъ еще въ потемкахъ. Болгаринъ, очень веселый, бѣжалъ со мной рядомъ, разсказывая разныя разности. На разсвѣтѣ я подошелъ къ небольшой деревнѣ. «Капитанъ», обратился ко мнѣ Болгаринъ, «дай мнѣ двухъ братушекъ, я съ ними пойду къ кештѣ Цыгана, чтобы онъ не убѣжалъ». Я ему далъ двухъ уланъ, сдѣлавъ имъ наставленіе быть осторожными и осмотрительными и не попасться въ ловушку. Братушка повелъ ихъ въ обходъ, а я съ остальнымъ взводомъ направился къ въѣзду въ деревню. Подъѣзжая къ околицѣ, мы увидали толпу народа, двигавшуюся по улицѣ къ намъ. Мужчины, женщины и дѣти всѣ выбѣжали встрѣчать насъ. Такую шумную встрѣчу намъ устроили братушки потому, что въ этой деревнѣ Русскихъ, какъ оказалось, видѣли въ первый разъ. Шумъ былъ страшный; всѣ на разные лады выражали привѣтствія; кто кричалъ: «добре дошли, братушки», кто—«живіо Русскіе войнцы», другіе кричали: «живіо царь Александръ и царь Николай!» Всѣ они хватали насъ за руки, похлопывали по ногамъ, нѣкоторые подпрыгивали и похлопывали по плечу, одни вели подъ уздцы нашихъ лошадей, остальные бѣжали сбоку. Насъ вели къ лачужкѣ Цыгана, гдѣ уже дожидался Болгаринъ съ двумя нашими уланами. Мы слѣзли съ лошадей; братушки сейчасъ же приняли ихъ и съ большимъ удовольствіемъ проваживали по площади; нѣкоторые взяли носить пики. Радость братушекъ была неимовѣрная; они, суетясь, бѣгали по всѣмъ направленіямъ. Появились котелки съ виномъ и медомъ и, не спрашивая, хочетъ кто или нѣтъ, подносили ко-

телокъ уланамъ ко рту, и они пили; другіе принесли хлѣба и опять-таки не спрашивая, хочетъ ли кто, одѣляли ихъ всѣхъ, давая куски въ руки или кладя ихъ прямо въ карманы, пихая туда же и папушники табаку. Все это выражало ихъ крайній восторгъ. Я полагаю, что братушкамъ просто хотѣлось посмотрѣть Русскихъ «войниковъ», и потому они придумали Цыгана-шпіона.

Цыгана и все его семейство, состоявшее изъ жены и младенца, я забралъ. Избушка была обыскана, и кромѣ заржавленнаго пистолета ничего не оказалось. Болгары накинулись на скудные пожитки Цыгана; одни кричали: «это мое», другіе—«это мое», и все растащили; даже въ печи стоявшіе горшки, въ которыхъ что-то варилось, были вынуты и переколоты. Ожесточеніе Болгаръ возрастало; были даже поползновенія на самого Цыгана, но я запретилъ его трогать. Турецкой скотины оказалось всего нѣсколько барановъ; братушки успѣли уже ее присвоить себѣ.

Напутствуемые благословеніемъ Болгаръ и желая, въ свою очередь, имъ всего хорошаго, мы выѣхали обратно, сопровождаемые за деревню всѣмъ населеніемъ.

Уланы были слегка навеселѣ и оживленно болтали дорогою о радушіи Болгаръ, находя ихъ «чудными». Нѣсколько братушекъ шли съ нами и проводили насъ вплоть до деревни. Цыгана и пистолетъ отправили въ штабъ генерала Гурко, а барановъ оставили себѣ.

Вскорѣ насъ перевели въ деревню Своды, гдѣ стоялъ нашъ 4-й эскадронъ. Здѣсь простояли мы недолго, продолжая содержать тѣже разъѣзды къ Лютакову и Новочину.

Въ одинъ изъ этихъ разъѣздовъ былъ посланъ полуэскадронъ, по взводу отъ 1-го и 2-го эскадроновъ, подъ общей командой поручика Будберга, въ томъ числѣ и мой взводъ. Выступивъ рано, мы вскорѣ по горамъ дошли до деревни Боженицы. Съ вершины горы, на которой она стояла, открывался видъ на всю равнину съ Турецкими укрѣпленіями.

У Турокъ все было спокойно, все было по старому, на своемъ мѣстѣ. Не успѣли мы спуститься въ долину, какъ я почувствовалъ себя что-то худо, голова кружилась; вслѣдствіе этого я принужденъ былъ возвратиться со своимъ вѣстовымъ въ дер. Боженицу. Дорога изъ Боженицы все время идетъ одноконная, по краю обрыва, надъ рѣчкой, постепенно спускаясь въ равнину Новочина.

Въ деревнѣ, расположившись въ домѣ у пылавшаго очага, я почувствовалъ себя лучше, а братушкѣ поручилъ приготовить что-нибудь поѣсть.

Накрапывавшій съ утра дождикъ пошелъ сильнѣе. Немного погодя, вернулся Будбергъ и тоже подсѣлъ къ очагу. Люди только-что успѣли поставить лошадей подъ навѣсъ и укрыться сами по избамъ, какъ дождь хлынулъ какъ изъ ведра. Братушка поставилъ передъ нами котелокъ съ какимъ-то варевомъ, за которое мы съ удовольствіемъ принялись, но не успѣли отвѣдать его приготовленія, какъ вбѣжалъ въ комнату Болгаринъ и кричитъ: «Черкесы, Черкесы!» Мы вскочили. «Бѣги, займи скорѣй опушку деревни», сказалъ мнѣ поручикъ Будбергъ. Я наскоро одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Пор. Будбергъ стоялъ на балконѣ и смотрѣлъ въ бинокль на дорогу. Въ деревнѣ поднялась суматоха; жители, привыкшіе къ этимъ передрягамъ, всѣ были въ сборѣ. Скарбъ уже былъ уложенъ въ каруцы, а большинство на вьюки, и уходили уже въ горы. Я, собравъ выбѣжавшихъ на улицу своихъ людей, побѣжалъ съ ними къ опушкѣ деревни, обнесенной плетнемъ и обрытой впереди его канавой. Добѣжавъ до плетня, я приказалъ людямъ разсыпаться вдоль него, но не стрѣлять, боясь ошибки: могли и наши Кубанцы или Терцы идти съ той стороны. Въ это время съ пригорка спускалась сотня въ буркахъ и башлыкахъ, съ развѣвающимся впереди значкомъ. Прибѣжалъ и пор. Будбердъ съ остальными людьми. Приближавшіеся шли спокойно; мы выжидали, пока они подъѣхали къ изгороди, и тутъ я узналъ, что это Кубанцы, по впереди ѣхавшему сотенному командиру Парахоменко.

Посмѣявшись переполоху, произведенному ими, Болгары сейчасъ же увидали ошибку и тоже возвратились по домамъ.

Немного отдохнувъ, мы поѣхали въ деревню Своды; впереди поѣхалъ пор. Будбергъ, за нимъ по одному оба взвода, а я сзади ихъ. Разговаривая съ Парахоменко, мы немного отстали, и взводы ушли за поворотъ. Подъѣзжаемъ къ перекрестку. Болгаринъ-проводникъ, не зная куда идти, направо или налѣво, спросилъ меня; я шелъ въ первый разъ по этой дорогѣ и тоже не зналъ, куда слѣдуетъ повернуть; рѣшили вправо, зная по расположенію, что деревня правѣе.

Тропинка, сначала спускавшаяся, начала понемного подниматься, и мы влѣзли, наконецъ, на вершину горы, у подножья которой мелькали огоньки нашей деревни, а спуститься нельзя—обрывъ.

Проводникъ побѣжалъ искать дорогу; мы его, конечно, выругали и слѣзли, чтобы отдохнуть, пока онъ вернется. Тутъ я чуть было не

остался безъ лошади. Я ее пустилъ пощипать травы, а поводъ закинулъ за луку, какъ это бывало раньше. Когда Болгаринъ пришелъ, отыскавъ дорогу, я всталъ, чтобы взять лошадь, но она бросилась отъ меня и поскакала, скрывшись въ лѣсу. Вѣстовой, бывшій при мнѣ, поскакалъ за ней, но въ темнотѣ, да еще по камнямъ, не могъ догнать и вернулся съ пустыми руками. У Парахоменки въ сотнѣ на счастье оказалась заводная лошадь и, благодаря его любезности, я доѣхалъ въ деревню. Дивизіонъ нашъ уже ушелъ подъ Орханье, а на завтра намъ надо было его догонять. «На чемъ догонять?» думалъ я. Заводныхъ лошадей не было, и я рѣшилъ остаться здѣсь, пока мнѣ не пришлютъ изъ полка другого коня. Вечеромъ пришелъ унтеръ-офицеръ и доложилъ, что, сейчасъ на улицѣ кто-то скакалъ ему навстрѣчу; онъ окликнулъ и отвѣта не получилъ, а скакавшій повернулъ обратно. Мы подумали, не моя ли это лошадь, и оказалось вѣрно; потому что, когда всѣ заснули, она сама пришла и стала въ своемъ взводѣ.

Утромъ мы ушли подъ Орханье.

VI. Занятіе города Орханье.—Арабъ-Конакъ.

Къ полку нашъ дивизіонъ присоединился въ Орханейской долинѣ, во время рекогносцировки Орханейскихъ укрѣпленій отрядомъ генерала Эллиса, въ который вошелъ и нашъ полкъ. Мы подошли въ самый разгаръ этой рекогносцировки, когда наѣздники наши завязали перестрѣлку съ Черкесами, а пѣшая батарея посылала гранаты по укрѣпленіямъ, расположеннымъ за городомъ.

Турки отвѣчали изъ горныхъ орудій, но снаряды ихъ ложились въ цѣпи наѣздниковъ, не долетая до насъ, да и нашимъ девятифунтовымъ орудіямъ приходилось подрывать хоботъ, чтобы снарядъ достигалъ Турецкихъ укрѣпленій. Орханейская долина представляетъ довольно большую площадь, окруженную горами, а къ Югу виднѣлись вершины Большихъ Балканъ. Среди этой равнины расположенъ небольшой городъ Орханье, надъ которымъ возвышалась какая-то оранжевая башня; мы эту башню приняли за колокольню Греческой церкви, и не стрѣляли по ней. Городъ былъ брошенъ жителями и войсками. По долинѣ извивалось Софійское шоссе, проходя черезъ городъ и скрываясь въ ущельяхъ горъ, по склонамъ которыхъ расположены были редуты и ложементы, а за ними раскинулся Турецкій лагерь. Склоны горъ пестрѣли конусообразными бѣлыми палатками, а въ одномъ мѣстѣ виднѣлись двѣ соединенныя вмѣстѣ палатки оранжеваго цвѣта.

Предполагая, что это палатка самого паши, мы направляли по ней выстрѣлы, но впослѣдствіи оказалось, что это была конюшня паши.

Войска въ Турецкомъ лагерѣ, видя нашу малочисленность и не предполагая ничего серьезнаго съ нашей стороны, оставались въ покоѣ и продолжали свои занятія. Кое-гдѣ дымились костры. Турки варили обѣдъ. Въ городѣ не было замѣтно никакого движенія, только изрѣдко мелькали Черкесы, наблюдая за нами.

Черезъ нѣсколько часовъ перестрѣлки, мы отошли назадъ на бивуакъ, за деревню Провцы.

На пути черезъ деревню Провцы, брошенную жителями, намъ попалось стадо свиней. Сейчасъ же началась охота по этому вкусному звѣрю. Многіе спѣшились и ловили ихъ арканами; а одинъ, желая свинью подловить на пику, погнался за ней верхомъ, проткнулъ ее, но не соразмѣрилъ удара: пика воткнулась въ землю и выбила улана изъ сѣдла. Онъ растянулся вмѣстѣ съ лошадью и свиньей на берегу пересѣкавшаго деревню ручья, что̀ возбудило общій смѣхъ. Охота эта вышла неожиданная, и нельзя было видѣть безъ смѣха, какъ возились люди со свиньями, путая ихъ арканами, а тѣ вырывались съ неистовымъ крикомъ и сбивали ихъ съ ногъ. Хохотали всѣ, и зрители, и дѣйствующія лица. Наконецъ, къ общей радости, свиньи были переловлены, и мы поздравили себя съ хорошимъ ужиномъ. За деревней были расположены укрѣпленія Правецъ, взятыя л.-гв. Семеновскимъ полкомъ и стрѣлками. Впереди ихъ теперь стали наши аванпосты, а въ самыхъ укрѣпленіяхъ главный караулъ, полкъ же расположился на бивуакѣ. Офицеры нашего эскадрона помѣщались въ сараѣ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, почему-то безъ одной стѣны, которую завѣсили палатками. Лѣстницы не было, и мы карабкались наверхъ по кирпичамъ.

Отрядъ нашъ, подъ командой генерала Эллиса, состоялъ изъ нашего полка, лейбъ-гусарскаго, пѣшей батареи, л.-гв. Московскаго полка и бригады стрѣлковъ, тогда какъ Турецкій отрядъ, защищавшій Орханейское ущелье, состоялъ изъ нѣсколькихъ таборовъ, т.-е. баталіоновъ, съ горною артиллеріей и нѣсколькихъ сотенъ Черкесовъ. На другое утро мы опять выступили подъ г. Орханье.

Взводъ нашего эскадрона, подъ командой корнета Гертига, занялъ ложементы, брошенные Турками лѣвѣе города и, какъ вчера, завязалась довольно жаркая перестрѣлка съ Черкесами. Батарея наша также выѣхала дальше впередъ на холмикъ и обстрѣливала Турецкій лагерь.

Мы сегодня хотѣли ближе познакомиться съ укрѣпленіями Турокъ, и офицеру генеральнаго штаба было поручено осмотрѣть ихъ.

Лейбъ-гусары въ это время осматривали Лютаковскія укрѣпленія. Часа въ четыре вернулись мы на бивуакъ, чтобы на завтра утромъ повторить опять тоже. На разсвѣтѣ услыхали мы сильную канонаду, какъ бы впереди насъ и позади Турокъ; никто не могъ объяснить намъ, что̀ это за канонада.

15-го Ноября въ обыкновенное время выступили мы подъ Орханье и, придя на старое мѣсто, нашли все какъ было на своихъ мѣстахъ. Казалось только, какъ будто палатки порѣдѣли и въ лагеряхъ было какое-то особенное движеніе, а дальше въ горахъ виднѣлись отдѣльныя части Турецкихъ войскъ. Эти колонны куда-то двигались. Черкесы попрежнему выѣхали на перестрѣлку, но вскорѣ ушли. Орудія наши открыли огонь по лагерю, но отвѣта не послѣдовало.

На правомъ флангѣ нашего расположенія показалась сотня Черкесовъ, какъ бы желая атаковать насъ. Нашъ эскадронъ былъ высланъ навстрѣчу, и Черкесы, немедленно укрывшись въ городъ, ушли дальше въ укрѣпленія. Въ лагерѣ, какъ и всегда, кое-гдѣ дымились костры Мы недоумѣвали, что̀ все это значитъ. «Не ушли ли они совсѣмъ», догадывались нѣкоторые, «а можетъ быть заманиваютъ?» Недоумѣніе было общее, и чтобы разсѣять его, нашъ полкъ послали пройти городъ, осмотрѣть его и пройти къ укрѣпленіямъ. Пошли на рысяхъ, кто прямо въ городъ, а кто въ обходъ. Въ городѣ ни души, вездѣ все тихо и пусто; идемъ дальше къ укрѣпленію—тоже нѣтъ никого. Турки бѣжали, и лагерь оказался брошенъ. Ихъ напугала, какъ оказалось, канонада, которую мы слышали утромъ. Они предполагали, что мы ихъ отвлекаемъ, тогда какъ другой нашъ отрядъ обходитъ ихъ съ тылу.

Впослѣдствіи оказалось, что это генералъ Гурко бралъ городъ Этрополь. Сейчасъ же былъ посланъ эскадронъ преслѣдовать Турокъ, но ихъ и слѣдъ простылъ, а повсюду попадались брошенныя телѣги съ кладью и патронами, да нѣсколько Турокъ засѣло въ караулкахъ на шоссе.

Генералъ Эттеръ подалъ сигналъ трубачамъ и приказалъ играть маршъ, чтобы съ музыкой войти въ городъ Орханье, но лишь только трубачи заиграли, какъ немедленно ихъ разогнали. Трубы оказались всѣ поломаны, такъ что невозможно было извлечь изъ нихъ сколько-нибудь пріятный звукъ. Меня послали со взводомъ узнать, не бѣжали ли Турки изъ Лютакова. Я поѣхалъ, но лишь только въѣхалъ на возвышенность, отдѣлявшую Орханейскую долину отъ Лютаковской, какъ изъ редута показался дымокъ, а вслѣдъ за нимъ разорвалась недалеко отъ насъ граната. Мы остановились. Турки сами заявляли о своемъ

существованіи, продолжая посылать по насъ гранаты. Постоявъ немного, мы повернули назадъ, чтобы доложить о пребываніи Турокъ въ Лютаковѣ. На спускѣ въ равнину намъ встрѣтился генералъ Эттеръ съ батареей и лейбъ-гусарами. Онъ шелъ на выстрѣлы. «Это по васъ стрѣляли Турки?» спросилъ онъ, поровнявшись со мной. «По насъ, сидятъ еще», сказалъ я и поѣхалъ отыскивать свой эскадронъ.

Пѣхота наша заняла ложементы Орханье, ожидая, не будетъ ли нападенія изъ Лютакова.

Проѣзжая мимо Турецкаго лагеря и замѣтивъ козъ, бродившихъ между палатками, мы заѣхали туда захватить ихъ.

По всѣмъ признакамъ, быстро, должно быть, Турки бросили свои позиціи: даже на кострахъ, еще тлѣвшихъ, стояли котелки съ варившимся въ нихъ рисомъ, и ложки были воткнуты въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; никто не тронулъ этого риса, боясь какой-нибудь хитрости со стороны Турокъ.

Уланы осмотрѣли палатки и побрали тамъ всякой всячины. Много валялось въ лагерѣ свиней, которыхъ Турки покололи штыками, чтобы онѣ сдохли и не достались намъ. Въ одномъ мѣстѣ лежалъ убитый Болгаринъ, прикрытый какою-то тряпкой, вѣроятно заподозрѣнный въ шпіонствѣ или не исполнившій какихъ-нибудь порученій Турокъ.

Невольно залюбовался я тщательною отдѣлкой и замѣчательнымъ устройствомъ укрѣпленій; какъ игрушечные, красовались они, гдѣ посыпанныя песочкомъ, гдѣ зеленѣлись, обложенныя дерномъ. Въ ложементахъ для каждаго солдата устроено было небольшое углубленное сидѣнье, а между сидѣньями стояли ящики съ патронами; такъ они и были брошены.

Это изобиліе патроновъ поражало насъ; слѣдовательно Турокъ, сидя въ своемъ мѣстѣ, куда бы ни совалъ рукой, даже зажмурившись, непремѣнно попадалъ въ ящикъ съ патронами, и только этимъ порядкомъ можно объяснить себѣ тотъ убійственный огонь, которымъ они насъ постоянно угощали. Повидимому, Турки хлопотали не о нападеніи, а разсчитывали засыпать насъ свинцомъ и озадачить непрерывнымъ огнемъ.

Въ одномъ изъ ущелій за укрѣпленіями находилась деревня Врачеша; тамъ было захвачено нами нѣсколько Турокъ, сидѣвшихъ передъ очагомъ въ избѣ и мирно болтавшихъ, покуривая. Они ошалѣли, когда мы, привлеченные дымомъ изъ трубы, вошли въ избу.

Нѣкоторые было бросились къ ружьямъ, стоявшимъ въ углу, но сейчасъ же оставили ихъ въ покоѣ и сдались безъ сопротивленія. Они даже не подозрѣвали, что ихъ войска давно ушли и мы уже хозяйничаемъ у нихъ въ лагерѣ.

Изъ лагеря мы пошли догонять своихъ. Все шоссе было усѣяно ящиками съ патронами и гранатами, телѣгами, нагруженными палатками и всякимъ имуществомъ; зарядные ящики и все это доказывало ту поспѣшность, съ которой Турки уходили, чуть ли не превращая это отступленіе въ бѣгство. Кое гдѣ по шоссе стояли небольшія каменныя караулки, около которыхъ валялось по пяти-семи убитыхъ Турокъ. Это наши, преслѣдуя, бѣгущихъ, должны были выбивать «низамъ», засѣвшій въ эти караулки и стрѣлявшій изъ оконъ, чтобы задержать наше преслѣдованіе.

Корнетъ Брамсъ взялъ такую караулку приступомъ.

Вскорѣ намъ встрѣтился нашъ первый эскадронъ съ полков. Горденинымъ, возвращавшійся изъ преслѣдованія. Я спросилъ, гдѣ второй эскадронъ; полков. Горденинъ сказалъ, что идетъ слѣдомъ, но такъ какъ очередь выставить посты эту ночь была нашего эскадрона, то послалъ меня занять оба ущелья у деревни Врачеши постами.

Въ первомъ ущельѣ я поставилъ постъ еще засвѣтло; въ другомъ къ сторонѣ Лютакова пришлось ставить совсѣмъ въ темнотѣ, а деревня, расположенная въ этомъ ущельѣ, тянется безъ конца. Я не рѣшился идти далеко по ней, не зная мѣстности и на первой просторной площадкѣ поставилъ постъ съ приказаніемъ осмотрѣть и не зѣвать. Теперь мнѣ самому надо было выбраться изъ этого лабиринта, чтобы донести гдѣ мною поставлены посты. Долго не могъ я выѣхать изъ деревни, все попадая изъ двора во дворъ. Наконецъ влѣзъ на какую-то каменную высоту; лошадь остановилась и не идетъ; я слѣзъ, ощупываю ногами и чувствую, что стою на краю обрыва, повернулъ назадъ, кое-какъ спустился и выѣхалъ на открытое мѣсто, но сбился съ направленія куда ѣхать. Гдѣ-то игралъ пѣхотный рожокъ, я поѣхалъ на него; немного спустя, послышался стукъ копытъ по шоссе, топотъ приближался, я окликнулъ. Оказалось, нашъ унтеръ-офицеръ, посланный отыскивать меня. Тутъ уже по шоссе было не трудно добраться до эскадрона, который, ставъ въ главный караулъ у входа въ ущелье выставилъ постъ на шоссе къ сторонѣ Арабъ-Конака. Ночь была довольно морозная, а изъ ущелья, какъ изъ громадной трубы, дулъ сильный холодный вѣтеръ. Не было возможности даже развести костеръ: дрова разносило въ разныя стороны. Мы отошли немного на-

задъ и стали за выступомъ скалы, гдѣ вѣтеръ насъ не тревожилъ. По склону выступа, у котораго мы стояли, бѣлѣлись брошенныя Турецкія палатки; я съ двумя уланами полѣзъ туда и, выбравъ одну, притащилъ внизъ. Разставивъ ее, мы всѣ забрались въ нее и развели даже маленькій костеръ у входа.

Турецкія палатки очень удобныя, и я былъ доволенъ, что Орханье меня наградило одной изъ нихъ, въ которой я укрывался отъ непогоды и палящихъ лучей южнаго солнца весь походъ. Я привезъ ее съ собой въ Россію, гдѣ она долго служила мнѣ шалашомъ въ пчельникѣ.

Большіе склады достались намъ отъ Турокъ, въ которыхъ наши уже успѣли побывать и привезти оттуда черныя суконныя лазаретныя одѣяла съ зеленой луною на одномъ углу; они намъ послужили одѣялами и лошадямъ попонами. Тамъ же отыскали запасы пшеничныхъ галетъ Англійскаго приготовленія. Это родъ нашихъ сухарей, приготовленныхъ въ видѣ лепешекъ. Долго мы возились съ ними, чтобы размягчить ихъ, но все не удавалось; я разсердившись бросилъ галетку въ костеръ, она попала на уголь и черезъ нѣсколько минутъ мы замѣтили, что галетка распухаетъ, мы ее вытащили и попробовали на зубъ; оказалось, что она размякла, и секретъ былъ открытъ. Кромѣ того оказался громадный запасъ ячменю и другихъ вещей въ деревнѣ Врачеши, куда на другой день поставили пѣхотный караулъ, чтобы удалить оттуда непрошенныхъ хозяевъ.

Утромъ посты смѣнили, и полкъ пошелъ съ отрядомъ ген. Эллиса по Софійскому шоссе на Арабъ-Конакъ. Шоссе тянулось ущельемъ, извиваясь между скалъ, мѣстами покрытыхъ уже пожелтѣвшей травой и коряжникомъ, а вершины покрыты были, какъ шапкой, лѣсомъ.

Кое-гдѣ по краямъ шоссе торчали ноги или руки убитыхъ Турокъ, которыхъ въ торопяхъ кое-какъ только сверху засыпали землей. Не доходя Арбъ-Конака, занятаго и укрѣпленнаго Турками, насъ остановили и приказали расположиться вправо отъ шоссе.

Кое - какъ мы примостились на склонѣ горы у потока, гдѣ также расположился нашъ лазаретный фургонъ съ докторами. Никакихъ запасовъ ни людямъ, ни лошадямъ у насъ не было.

Такъ провели мы ночь. Утромъ сталъ накрапывать дождикъ. Мы ждали какого нибудь распоряженія, надо было позаботиться о хлѣбѣ насущномъ. Со стороны Турокъ послышалась перестрѣлка. Смотримъ, скачетъ ординарецъ нашего командира полка, поручикъ В. Ф. Ореусъ л.-гв. коннаго полка, прикомандированный къ намъ на время войны,

поѣхавшій къ генералу Элиссу, съ приказаніемъ нашему дивизіону немедленно выступить по шоссе къ палаткѣ начальника отряда. Живо посѣдлавъ на рысяхъ, подошли мы къ палаткѣ ген. Элисса, гдѣ остановились и спѣшились. Дождь полилъ какъ изъ ведра и хотя скоро кончился, но насъ промочило насквозь.

Наконецъ вышелъ нашъ полковой командиръ, скомандовалъ «садись!» и повелъ насъ по шоссе къ Арабъ-Конаку. Намъ сказали, что Турки бросили укрѣпленія какъ въ Орханье, и бѣгутъ, а мы идемъ ихъ преслѣдовать. Впереди шелъ авангардъ, взводъ 1-го эскадрона, подъ командою корнета Брамса. Между эскадронами шли два орудія гвардейской Донской батареи съ своимъ батарейнымъ командиромъ, полковникомъ Короченцевымъ; взводъ лейбъ-гв. Московскаго полка замыкалъ шествіе. Въ такомъ порядкѣ мы втянулись въ ущелье, упиравшееся въ высокую гору, вершина которой была окутана туманомъ; здѣсь шоссе сворачивало круто вправо, куда скрылся нашъ авангардъ.

Мы остановились у поворота; послышался залпъ. «Это залпъ, говорю я ротм. Баструеву».—«Нѣтъ, душа моя, это вѣтеръ шумитъ», отвѣтилъ онъ; но послышались новые залпы, убѣдившіе насъ, что это не вѣтеръ. Вернулся корн. Брамсъ со взводомъ и доложилъ ген. Эттеру, что Турки въ нѣсколько ярусовъ по обѣ стороны шоссе нарыли ложементы, сидятъ въ нихъ и встрѣтили его залпами. Мы были въ полномъ недоумѣніи: какъ же это Турки бѣгутъ и въ тоже время сидятъ въ ложементахъ и стрѣляютъ. Генералъ Эттеръ приказалъ выдвинуть орудіе и открыть огонь. «Куда прикажете стрѣлять, ваше превосходительство?» спросилъ полковникъ Короченцевъ. «Вотъ именно (это была его любимая поговорка) стрѣляйте куда нибудь» отвѣтилъ ген. Эттеръ сердясь, что выходитъ какое-то недоразумѣніе. Въ это время съ Турецкой стороны прибѣжалъ Болгаринъ, работавшій у нихъ на мельницѣ гдѣ-то неподалеку на горной рѣчкѣ и воспользовавшійся первой удобной минутой для побѣга.

Конечно его сейчасъ же засыпали вопросами, чтò дѣлаютъ Турки, гдѣ они, уходятъ или нѣтъ? и т. д.

Болгаринъ сказалъ, что, напротивъ, Турки и не думаютъ уходить, а укрѣпляются и что главный редутъ ихъ, на который они тащутъ въ настоящее время орудія, именно эта гора, подъ которой мы теперь стояли, а что онъ какъ только услыхалъ, что Русскіе близко, бѣжалъ отъ Турокъ. Теперь всѣ встали втупикъ, какъ преслѣдовать непріятеля, не желающаго бѣжать, и чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, послали поручика Ореуса доложить генералу Элису обо всемъ и спросить

дальнѣйшихъ распоряженій. Пор. Ореусъ вернувшись доложилъ, что генералъ Элисъ сказалъ: «примѣняйтесь къ обстоятельствамъ». Постоявъ немного въ раздумьѣ, мы повернули назадъ. Все это, какъ выяснилось потомъ, произошло черезъ небрежную рекогносцировку, произведенную офицеромъ генеральнаго штаба, рѣшившимъ только на основаніи слышаннаго шума, что Турки бѣгутъ, почему мы были посланы ихъ преслѣдовать и, благодаря туману, окутавшему ихъ главную батарею, которая обстрѣливала шоссе, они насъ не видали, и мы остались цѣлы.

VII. Въ Орханейской долинѣ.—Д. Чуріакъ.—Арабъ-Конакъ — Д. Лепсаны.

Дѣлать намъ на Арабъ-Конакѣ положительно было нечего, и насъ въ тотъ же день отпустили въ Орханейскую долину, куда мы пришли уже вечеромъ и стали на бивуакъ, не доходя города вправо отъ шоссе; а 2-ой дивизіонъ ушелъ на изслѣдованіе перевала въ Софійскую долину по тропинкамъ для обхода Арабъ Конака, по направленію къ дер. Чуріаку.

Поставили палатки, развели костры и предались отдыху. Я сразу почувствовалъ себя дома. Въ моей палаткѣ помѣстились всѣ офицеры нашего эскадрона. На другой день вернулся второй дивизіонъ, и полкъ перешелъ на другую сторону шоссе на полянку, гдѣ было нѣсколько хатъ, въ которыхъ размѣстились офицеры. Такъ мы простояли нѣсколько дней безъ всякаго дѣла.

Выйдя какъ-то утромъ наружу, мы услыхали со стороны Арабъ-Конака сильную стрѣльбу. Это всѣхъ взволновало; мы знали, что нашъ отрядъ на горахъ, сравнительно съ Турецкимъ, ничтоженъ, хотя и подошли туда еще пѣхота и артиллерія. Вскорѣ прибыли посланные съ Арабъ-Конака съ требованіемъ подкрѣпленія артиллеріи и съ донесеніемъ, что Турки атакуютъ наши позиціи всѣми силами. Послана была не помню какая батарея, а нашъ полуэскадронъ съ ротм. Баструевымъ во главѣ пошелъ въ прикрытіе. Взводомъ командовали я и корн. Гертигъ.

Въ сумеркахъ мы пришли на горы, куда за нами шли также и лазаретные фургоны.

Раненыхъ было порядочно. По шоссе всюду навстрѣчу намъ попадались фургоны съ ранеными, а кто могъ плелся пѣшкомъ; атака была отбита, и теперь шла разборка и приборка. Разсказывали про Московскій полкъ, какъ ихъ командиръ, полковникъ Гриппенбергъ, подоспѣвшій съ баталіономъ навыручку нашихъ батарей, бывшихъ почти уже въ рукахъ насѣдавшихъ Турокъ, крикнувъ: «Разступись ар-

тиллерія, Московцы идутъ!», стремительной атакой въ штыки опрокинулъ неожидавшихъ такого натиска Турокъ, и орудія были спасены.

Батарею нашу сейчасъ же послали на горы, а насъ оставили ночевать. На другой день приказано было одинъ взводъ отпустить, а другому оставаться. Ротм. Баструевъ, чтобы рѣшить кому оставаться, а кому идти назадъ, далъ намъ съ корн. Гертигомъ тянуть узелки; мнѣ вышло оставаться. Взводъ мой поставили за главнымъ пѣхотнымъ карауломъ у потока. Поставили и забыли про насъ. Мы сидѣли около костра, поглядывая на огонекъ. Лошади стояли понуро, безъ корма. Людей разобрали для разныхъ командировокъ: одного поставили караулить муку, и онъ, чувствуя по себѣ, что мы голодаемъ, провернулъ дыру въ кулѣ и насыпалъ себѣ муки въ карманы, и когда его смѣнили, то принесъ намъ. Обрадованные такой находкой, мы отыскали жестяную крышку и, смазывая ее кусочкомъ завалявшагося сальца, немножко съ загарцемъ, начали печь не то блинцы, не то лепешки, которыми одѣлялъ насъ по очереди пекшій ихъ уланъ.

У пѣхоты, на небольшой полянѣ внизу, паслось цѣлое стадо барановъ; я далъ денегъ одному изъ людей и послалъ войти въ соглашеніе съ караульнымъ, но посольство оказалось неудачнымъ, и снова принялись за лепешки.

Весь слѣдующій день мы простояли ничего не дѣлая и не получая никакихъ приказаній; намъ даже не объяснили цѣли нашего пребыванія здѣсь.

На слѣдующее утро насъ разбудила ружейная и артиллерійская стрѣльба. Перестрѣлка мало-по-малу становилась серіозной, пули ложились, въ главномъ караулѣ нѣсколько человѣкъ было ранено. У меня обошлось благополучно; мы только послушивали, какъ они посвистывали на разные голоса. Начальство задвигалось, поскакали ординарцы, адъютанты, офицеры генеральнаго штаба; все пришло въ движеніе, одни мы оставались покойны и забыты. Когда перестрѣлка угрожала перейти въ наступленіе, то передъ нами явился штабный съ вопросомъ: «гдѣ вашъ офицеръ?» Я поднялся и подошелъ. «Я командую взводомъ», говорю ему. «Вамъ приказано, въ случаѣ если Турки собьютъ нашу пѣхоту и артиллерію, остановить ихъ своими атаками», сказалъ штабный. Я обернувшись посмотрѣлъ на своихъ людей, копошившихся у костра и, показывая ему, замѣтилъ: Кого же я остановлю? Вотъ весь мой взводъ, я самъ девятый».—«Это все равно», сказалъ онъ уходя, «такъ приказано».

Въ скоромъ времени взводъ Астраханскихъ драгунъ смѣнилъ насъ. Уходя изъ авангарда, мы прошли мимо палатки начальника отряда, который благодарилъ насъ отъ души. Дѣло это кончилось небольшимъ количествомъ убитыхъ и раненыхъ съ нашей стороны и массой у Турокъ. Отъ Арабъ-Конака до Орханье стояла уже летучая почта отъ нашего третьяго эскадрона. На пути къ Орханье намъ попался навстрѣчу корнетъ Гертигъ, который, чтобы поддразнить меня, пресеріозно сказалъ: «Тебя Баструевъ назначаетъ ѣхать за фуражемъ». Я, недовольный безтолковымъ сидѣньемъ на Арабъ-Конакѣ, сразу не понялъ шутки. «Ну нѣтъ», говорю, мы устали, и никуда я не поѣду, кромѣ какъ домой; ступай самъ за фуражемъ».

Жизнь на бивуакѣ около Орханье потекла скучная; даже маркитанта, помѣстившагося въ городѣ почти, не посѣщали: надоѣлъ.

Погода сдѣлалась измѣнчивая, временами моросилъ дождикъ и шелъ снѣгъ, сейчасъ же таявшій. Развлекались игрой въ штосъ, банкъ; но макао ихъ вытѣснило. Тишина нарушалась частыми перестрѣлками, доносившимися съ Арабъ-Конака. Слухи изъ-подъ Плевны приходили самые разнорѣчивые, имъ никто не вѣрилъ. Ждали съ нетерпѣніемъ развязки подъ Плевной и похода за Балканы. Это однообразіе было нарушено маленькимъ пожаромъ у офицеровъ 4-го эскадрона, устроеннымъ по винѣ корнета Ѳедорова, вернувшагося изъ Кавказской бригады обратно въ полкъ. Онъ, лежа на соломенной постели около печки, мечталъ по обыкновенію о чемъ-то, забавлялся подбрасываніемъ этой соломы въ печь и по разсѣянности не замѣтилъ, какъ загорѣлась постель, пока товарищи, увидавъ это, закричали ему. Бросились тушить; но моментально дымъ, наполнивъ маленькую комнатку, выгналъ всѣхъ вонъ. Сбѣжались деньщики и кое-какъ потушили этотъ пожаръ. Этотъ случай нѣсколько оживилъ насъ; шуткамъ не было конца.

Еще была довольно скучная и однообразная служба: содержаніе аванпостовъ по дивизіонно, чередуясь съ лейбъ-гусарами, противъ Лютаковскаго укрѣпленія, занятаго еще небольшимъ отрядомъ Турокъ, которые походили болѣе на засыпающихъ осенью мухъ и нисколько насъ не безпокоили.

На аванпостахъ промокали мы насквозь и, грѣясь кое-какъ у костровъ, попивая кипяченый въ котелкѣ чай, засыпали тутъ же на землѣ, покрытой лужами, вокругъ того же костра, кутаясь въ бурки. Не смотря на запрещеніе по уставу разводить костры на аванпостахъ, на каждомъ посту у насъ тлѣлись костры, по которымъ мы отыскива-

ли ихъ ночью для смѣны. Крайній, на лѣвомъ флангѣ, постъ былъ яблокомъ раздора: тамъ были двѣ плетневыя стѣны подъ крышей. Въ этой развалинѣ разводили мы костеръ, и весь постъ съ офицеромъ, исключая конечно часоваго, укрывался отъ непогоды. Этотъ крайній постъ стоялъ у подошвы возвышенности, занятой Финскими стрѣлками, которые, наблюдая зорко за укрѣпленіемъ, не позволяли Туркамъ ночью разводить костровъ; они стрѣляли почти безъ промаха по бродившимъ тѣнямъ около огней, результатомъ чего было, что тѣни разбѣгались и костеръ загасалъ, а Турки мерзли. Когда выпалъ снѣгъ, Лютаковъ былъ брошенъ Турками, и мы нашли тамъ нѣсколько человѣкъ замерзшими.

Разъ какъ-то ночью, смѣнившись съ постовъ, лежали мы бесѣдуя около костра; темнота была, какъ говорится, «хоть глазъ коли», такъ что посланный унтеръ-офицерскій разъѣздъ, не разглядѣвъ оврага, оборвался и свалился въ кручу; но все обошлось благополучно. Вдругъ слышимъ быстро приближающійся конскій топотъ. «Что такое? Ужъ не случилось ли что-нибудь въ цѣпи?» Всѣ насторожились. Прискакалъ нашъ унтеръ-офицеръ съ постовъ и докладываетъ командиру дивизіона, что у нихъ впереди цѣпи бѣгаютъ Турки съ какими-то огоньками и забѣгаютъ намъ въ тылъ. Мы удивились, зачѣмъ это Турки будутъ бѣгать, да еще съ огоньками и какимъ образомъ они могутъ забѣгать къ намъ въ тылъ. Сейчасъ же были посланы разъѣзды, которые ни Турокъ, ни огоньковъ не нашли; такъ мы и остались въ недоумѣніи, что̀ это могло быть.

Дни тянулись за днями. Но вотъ какъ-то будятъ насъ ночью: «приказаніе». «Что такое»? спрашиваемъ. «Приказано немедленно приготовиться къ выступленію, но куда не сказано», отвѣтилъ принесшій. Распоряженія по эскадронамъ были сдѣланы, и мы въ ожиданіи приказанія выступать заснули, привыкшіе къ измѣнчивости этихъ предупредительныхъ приказаній. Предусмотрительность наша оправдалась: мы проспали спокойно до утра, и выступать намъ не пришлось. Утромъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій и приказаній, мы всѣ собрались посреди бивуака къ пріѣхавшему фотографу Иванову, который состоялъ при арміи. Изъ Орханье доносился какой-то гулъ. Только-что онъ успѣлъ снять съ насъ группы, какъ видимъ скачетъ изъ Орханье пор. Оресусъ, машетъ фуражкой, и что-то кричитъ. Когда онъ подскакалъ ближе, мы слышимъ: «Плевна взята! ура! Сразу ура огласило равнину, фуражки полетѣли вверхъ, восторгу не было конца, всѣ кричали ура, поздравляя другъ друга, обнимались, цѣловались; однимъ словомъ, восторгъ былъ всеобщій, да и было отчего. Вѣдь уже надоѣло намъ си-

дѣть сложа руки. Невольно не разъ вспоминались слова Пушкина: «ворчали старики, чтожъ на зимнія квартиры, не смѣютъ развѣ наши командиры изорвать чужіе мундиры о Русскіе штыки». Въ пылу восторга, слышимъ выстрѣлы, оборачиваемся въ ту сторону и видимъ пожаръ около нашей избы; бѣжимъ узнать что̀ случилось; оказывается горитъ шалашъ, въ которомъ помѣщались нашъ полковой караулъ и нѣсколько плѣнныхъ. Стрѣльба же происходила отъ патронныхъ сумокъ у караульныхъ, которые впопыхахъ не успѣхи ихъ взять изъ шалаша. Тушить было опасно, патроны лопались, и пули свистали въ разныя стороны. Шалашъ сгорѣлъ, но домъ остался цѣлъ.

Со стороны Арабъ-Конака послышались залпы изъ орудій и ружей. Это наши, узнавъ о паденіи Плевны, посылали привѣтствія при крикахъ ура по Турецкимъ укрѣпленіямъ, возвѣщая имъ о плѣненіи Османа-паши. Вѣроятно Турки не особенно были довольны такимъ привѣтствіемъ и ошеломленные внезапно посыпавшимися на нихъ снарядами не сразу поняли ихъ значеніе. Теперь мы узнали, что 28 Ноября Османъ-паша, желая прорваться изъ Плевны на Софійское шоссе, повелъ стремительную атаку на войска нашего обложенія, и этотъ натискъ всѣхъ силъ Турокъ на одно звено обложенія могъ имѣть временный успѣхъ и, чтобы задержать его быстрое движеніе по шоссе въ случаѣ прорыва, сдѣлано было распоряженіе нашему и лейбъ-гусарскому полкамъ подъ командой генерала Эттера выступить къ дер. Яблоницы, т. е. на средину между нами и Плевной, и прикрывать стоявшіе тамъ обозы нашего отряда.

Нашъ маленькій отрядъ, имѣя передъ собой многочисленныхъ Турокъ на Арабъ-Конакѣ, только и могъ выдѣлить навстрѣчу 40-тысячной арміи Османа два полка кавалеріи, и поэтому генералъ Эттеръ, сознавая, чего отъ насъ требуютъ и что поддержки ждать намъ нельзя, попросилъ придачи двухъ орудій нашимъ полкамъ, сказавъ вотъ именно что: «Дайте намъ два орудія, мы костями ляжемъ на пушкахъ и не отступимъ».

Съ паденіемъ Плевны, вся масса осаждавшихъ ее войскъ освободилась и, послѣ нѣкотораго отдыха, должна была двинуться на подкрѣпленіе передовымъ отрядамъ. У насъ начались приготовленія къ переходу Балканъ. Зима вступила и здѣсь въ свои права: равнины и горы покрылись глубокими снѣгами, на бивуакѣ стоять было холодно, и насъ перевели въ городъ, размѣстивъ по домамъ. Морозы и гололедки установились не хуже нашихъ Русскихъ, такъ что Турки и Болгары говорили съ увѣренностью, что мы съ собой принесли свои холода.

Г. Орханье оживился. Пріѣхалъ маркитантъ дѣйствующей арміи, Львовъ, открылъ лавочку и трактиръ, въ которомъ можно было получать обѣдъ изъ консервовъ; конечно, это было только громкое названіе той ужасной гадости, которую подавали намъ за одипъ рубль. Надо отдать справедливость, что цѣна обѣда была дешевая; за то уже все остальное отличалось непомѣрными цѣнами, и не смотря на это, въ трактирѣ происходили даже маленькіе кутежи, обходившіеся очень дорого. Лавочка положительно осаждалась съ утра до ночи желающими получить разные продукты. Толпа денщиковъ и вѣстовыхъ была громадная, а надъ толпой стоялъ шумъ и гамъ невообразимый. Приходилось по нѣскольку часовъ дожидаться очереди: двери были заперты, и торговля производилась въ окно; старались проникнуть черезъ заднюю дверь внутрь. Офицерамъ была нѣкоторая привилегія: ихъ пускали внутрь, но съ неохотою и только тѣхъ, которые хорошо уже поплатились. Иногда желавшіе получить извѣстное количество чего-нибудь получали меньше, отъ недостатка этого товара въ лавочкѣ. Вообще, продукты были не по цѣнѣ. Но мы мирились, признавая это неизбѣжнымъ зломъ войны.

Подкрѣпленія изъ-подъ Плевны мало-по-малу подходили, и всѣ и все готовились къ переходу Балканъ, а мы уже успѣли побывать тамъ. На нашу долю выпало наблюденіе за тропой перевала черезъ нихъ и за Турецкими войсками, расположенными въ Софійской долинѣ, у деревень Потопа и Еленицы.

Ежедневно чередуясь съ лейбъ-гусарами, ходили мы по полуэскадрону въ деревню Чуріякъ, расположенную по ту сторону Балканъ, у входа въ ущелье Софійской долины. Въ деревушкѣ этой стоялъ безсмѣнно третій эскадронъ Астраханскихъ драгунъ, къ которому присоединялись и мы, для охраны ущелья отъ вторженія Турокъ.

Пришла моя очередь идти въ Чуріякъ, и нашъ полуэскадронъ, утромъ выступивъ изъ Орханіи, пошелъ къ Арабъ-Конаку, а затѣмъ, не доходя его, свернулъ вправо на тропинку и стало подыматься по глубокому снѣгу въ горы.

Тропинка, доступная пѣшеходамъ и одиночнымъ всадникамъ съ вьюками, была чрезвычайно крута и въ настоящее время года, занесенная глубокимъ снѣгомъ, представляла довольно утомительное препятствіе. Слѣду не было, намъ пришлось спѣшиться и, утопая по поясъ въ снѣгу, карабкаться вверхъ, держась за намотанный на руку хвостъ лошади, поминутно останавливаясь, чтобы перевести духъ. Подъемъ считался верстъ восемь. Склоны горъ были покрыты лѣсомъ и кустарникомъ, куда набивало сугробы снѣга.

Съ большимъ трудомъ добрались мы до вершины перевала, гдѣ стоялъ казачій постъ. Тутъ у костра присѣли мы отдохнуть, но не успѣли придти въ себя, какъ послышались выстрѣлы, и мы, узнавъ отъ казаковъ, что это началась перестрѣлка въ Чуріакѣ, немедленно двинулись впередъ къ спуску, въ полной увѣренности, что спускаться будетъ легче; но вышло наоборотъ. Южный склонъ, покрытый рѣдкимъ лѣсомъ и подверженный сильнымъ вѣтрамъ, сдувавшимъ снѣгъ, представлялъ собой ледяную гору, по которой было такъ легко спускаться, что не знали за что̀ бы удержаться, чтобы не полетѣть торчмя головой, вмѣстѣ съ лошадьми, въ кручу. Приходилось лошадей, направивъ на какое-нибудь препятствіе, слегка поталкивать. Онѣ катились, часто садясь на крупъ, натыкаясь на камышекъ пріостанавливались и опять катились до слѣдующей остановки, а мы катились сами по себѣ вслѣдъ за ними, иногда кубаремъ. Навстрѣчу намъ попались вьюки драгунъ; отъ нихъ мы узнали, что Турки въ большомъ числѣ кавалеріи и Черкесы атакуютъ ущелье. Ускорить свое движеніе мы не могли, и катясь по одному, съѣхали, наконецъ, на уступъ, который былъ виденъ изъ ущелья. Тамъ дальше пошелъ спускъ нѣсколько легче, и по мѣрѣ нашего приближенія къ подошвѣ его перестрѣлка стала утихать. Турки, увидѣвъ нашу растянутую вереницу и предположивъ, что насъ много, медленно начали отступленіе. Мы сошли въ долину и присоединились къ драгунамъ и гусарамъ, которые уже возвращались въ деревушку. Отъ нихъ мы узнали, что Турки сегодня въ большомъ количествѣ и настойчиво наступали въ ущелье. Мы думали, какъ бы не пришлось отступать, поэтому и вьюки отправили назадъ, но благодаря тому, что мы во-время появились на спускѣ, Турки отступили. Эта охрана ущелья въ Чуріакѣ было очень серьезное и въ тоже время безпокойное порученіе. Всего полтора эскадрона стояло противъ двухъ отрядовъ Турокъ, расположенныхъ лагеремъ при деревняхъ Потопѣ и Еленицѣ, въ составѣ всѣхъ родовъ оружій.

Наши полуэскадроны не разсѣдлывали и не раздѣвались, находясь всегда наготовѣ, тогда какъ драгуны, стоявшіе здѣсь, безъ смѣны разсѣдлывали.

Турки, аккуратно каждый день послѣ молитвы, такъ около 12-ти или часа, являлись на перестрѣлку, ведя ее съ меньшимъ или бо̀льшимъ азартомъ, смотря вѣроятно по вдохновенію, а затѣмъ отходили опять къ себѣ въ лагерь. Такъ случилось и при насъ. Только-что мы успѣли пообѣдать, какъ прискакалъ драгунъ и крикнулъ въ окно: «Черкесы наступаютъ!» Нашъ полуэскадронъ, какъ уже осѣдланный, сейчасъ же двинулся въ ущелье; вслѣдъ за нимъ пришли драгуны, спѣ-

шились, залегли по гребню за выступы и камни, поджидая приближенія Черкесовъ, но Черкесы почему-то близко не подъѣзжали. Поболтавшись недолго передъ нами и обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, они ушли на Потопъ, а мы возвратились въ деревню. Черезъ нѣсколько времени опять насъ потревожили, но тоже напрасно.

Ночь прошла спокойно, и на другой день мы выступили обратно уже послѣ полудня, подождавъ на всякій случай, не замышляютъ ли Турки на сегодня чего-нибудь, но опасенія оказались напрасными: Черкесы не показывались.

Лѣзть обратно на гору по льду было очень затруднительно: вѣтеръ дулъ встрѣчный, сильный, духъ даже захватывало. Съ большими усиліями добрались мы до площадки, на вершинѣ перевала, къ казачьему посту, гдѣ отдохнули. Спускаться теперь было нѣсколько лучше; хотя снѣгу было много, но мы и наша смѣна протоптали тропу. Ближе къ шоссе встрѣтились намъ саперы и Преображенцы, присланные расчищать тропу для артиллеріи и для всего отряда генерала Гурко, т.-е. для общаго перехода чрезъ Балканы.

Орханье наполнялась прибывающими войсками и ихъ штабами, почему насъ перевели изъ Орханье назадъ по шоссе, въ дер. Лежаны. Мы поселились въ домѣ, гдѣ жило семейство Болгаръ, въ которомъ была весьма древняя старуха, помнившая еще походъ Русскихъ при Николаѣ I, въ 1828-мъ г., и не особенно лестно отзывавшаяся о нихъ. Когда на ея разговоры о ходѣ военныхъ дѣйствій, мы ей стали разсказывать, что мы скоро перейдемъ Балканы, возьмемъ Филипополь, Адріанополь, а потомъ Константинополь, и освободимъ ихъ, и что скоро у нихъ будетъ свой князь и т. д., старуха сказала: «Знаю я Москова; сичко земе и Едрене [1]), и кокошку [2]), и Константинполь земѣ и бюилѣ [3]) и сичко земе. Добро тука [4]) направили Московы съ царемъ Николаемъ».

Въ домѣ, занимаемомъ нами, въ окнахъ были вставлены рамы, съ натянутой промасляною бумагой; это все-таки нѣсколько предохраняло насъ отъ стужи и вѣтра, которые въ настоящее время не уступали нашимъ.

---

[1]) Адріанополь.

[2]) Курица.

[3]) Буйволы.

[4]) Здѣсь.

Мнѣ пришлось какъ-то ѣхать за приказаніями. Былъ сильный морозъ и страшная гололедка. Я въ полушубкѣ и буркѣ, накинувъ на голову башлыкъ, отправился въ деревню Врачешу. Это разстояніе хотя верстъ пять, но при гололедкѣ и вѣтрѣ, да на плохо кованной лошади, поѣздка очень непріятная и затруднительная. Дѣлать нечего, ѣхать было надо. Какъ только выѣхалъ я на шоссе, у лошади ноги раскатились въ разныя стороны, и мы съ ней чуть не растянулись; пришлось свернуть въ сторону и ѣхать краемъ шоссе по снѣгу. Стемнѣло; то и дѣло лошадь то скользитъ, то вязнетъ, вѣтеръ нижетъ насквозь, я ругаюсь; лошадь что-то споткнулась, я ее ударилъ нагайкой, она сразу подалась въ сторону, и я почувствовалъ, что опустился внизъ и ни съ мѣста. Оказалось, что въ сторонѣ отъ дороги была занесенная снѣгомъ яма, въ которую мы съ лошадью и провалились. Пришлось самому сначала выкарабкиваться, а потомъ лошадь вытаскивать. Кое-какъ я добрался до Врачеши. Я не зналъ, гдѣ стоитъ генералъ Раухъ, у котораго слѣдовало получить приказаніе, а въ темнотѣ и въ безалаберно построенной деревнѣ трудно найти что-нибудь. Спрашивалъ я у попадавшихся на улицѣ пѣхотныхъ солдатъ: «гдѣ стоитъ генералъ Раухъ?»—«Не могу знать». Это всегдашній отвѣтъ, который я нахожу очень безсмысленнымъ и который меня всегда сердитъ. Не даромъ Суворовъ не любилъ этого отвѣта и называлъ такихъ солдатъ «немогузнайками». Уже по второму отвѣту я началъ ругаться. Проѣзжая мимо одного изъ домовъ, вижу стоитъ часовой у дверей. «Кто здѣсь живетъ?» спрашиваю. «Не могу знать».—«Да какъ же ты не знаешь, у кого стоишь на часахъ?»—«Не могу знать», упорно заладилъ онъ. Съ такимъ дуракомъ не о чемъ было больше разговаривать, и я поѣхалъ дальше. Въ потьмахъ натыкаюсь на сарай, откуда слышится говоръ: вижу выходитъ пѣхотный унтеръ-офицеръ. «Гдѣ живетъ генералъ Раухъ?» кричу я ему. Онъ началъ мнѣ объяснять. Я обрадовался, что наконецъ мои поиски увѣнчались успѣхомъ. «Доведи, братъ, меня пожалуйста», говорю ему. Унтеръ-офицеръ ведетъ меня къ дому, гдѣ стоялъ часовой. «Вотъ здѣсь, ваше высокоблагородіе», говоритъ. «Ну спасибо, братецъ», поблагодарилъ я его и, привязавъ къ забору лошадь, вошелъ въ дверь. Большая комната была полна солдатъ, разныхъ родовъ оружія и наименованій. Тутъ были и строевые, и нестроевые, пѣхотные, артиллеристы и кавалеристы, писаря, вѣстовые, ординарцы и т. д. Все это состояло при штабѣ. Противъ двери тянулась, пересѣкая комнату, стойка, что̀ показывало, что здѣсь раньше была лавка или трактиръ. За стойкой сидитъ писарь. «Гдѣ здѣсь получить приказаніе?» спрашиваю его. «Вотъ извольте списать», говоритъ онъ, подавая мнѣ писанный приказъ. Я сажусь, списываю; вижу

до насъ это совсѣмъ не касается, но дѣлать нечего, доканчиваю. «Больше приказаній нѣтъ?» спрашиваю писаря. «Отъ генерала еще будетъ, извольте подождать».—«Гдѣ же, здѣсь ждать?»—«Такъ точно». Я оглянулся кругомъ. Комнату застилалъ густой дымъ отъ табаку и печки. Солдаты, сидя и лежа, расположились на полу, по всѣмъ угламъ комнаты. Отъ постоянно отворявшейся двери въ комнату всякій разъ врывался бѣлый клубъ холоднаго пара, и морозъ въ ней былъ такой же, какъ и на улицѣ. «Куда эта дверь?» спросилъ я писаря, ткнувъ пальцемъ по направленію двери, виднѣвшейся въ туманѣ, въ лѣвой сторонѣ комнаты. «Тамъ живетъ адъютантъ генерала; они и приказаніе принесутъ». Я пошелъ къ адъютанту и отрекомендовавшись сказалъ, что пріѣхалъ за приказаніемъ, но что оставаться въ той комнатѣ невозможно. Не дождавшись приглашенія, я расположился, поджавши ноги, на полу. Тутъ встрѣтился знакомый конно-гренадерскій офицеръ, тоже пріѣхавшій за приказаніемъ. Адъютантъ, видя мою безцеремонность, сказалъ: «подождите здѣсь, приказъ будетъ часа черезъ два». Завязался разговоръ, во время котораго я перебрался потихоньку на кровать адъютанта и полеживалъ, въ ожиданіи приказа. Такъ благодушествовалъ я съ часъ, пока адъютанту не пришла мысль спросить меня, какого я полка. Вопросъ этотъ не могъ показаться страннымъ въ то время, потому что костюмы у всѣхъ были чрезвычайно разнообразны: всякій ходилъ въ чемъ попало; только было приказано, чтобы на всякомъ костюмѣ были погоны, для отличія офицеровъ отъ нижнихъ чиновъ. На мнѣ былъ черный полушубокъ, подпоясанный саблей, и Кубанская папаха, такъ что на самомъ дѣлѣ было трудно опредѣлить, какого я полка. «Лейбъ-уланскаго», отвѣтилъ я. «Такъ вѣдь вамъ приказаніе нужно получить въ Орханіе, а не у насъ. Вы отряда графа Шувалова, а не нашего».—«Да какъ же меня послали сюда?»—«Это ошибка».—«Ну такъ до свиданья». Досадно мнѣ было, что даромъ прокатился въ такую погоду, и теперь надо возвращаться обратно, такъ какъ Орханіе находилось на полпути отъ насъ во Врачешу.

Въ Орханіе пришлось тоже ожидать приказаній, получивъ которыя я часа въ два ночи пріѣхалъ въ нашу канцелярію къ адъютанту. «Ну», говорю ему, «спасибо за такую прогулку».—«А, что?»—«Да то, что ты меня вмѣсто Орханіе послалъ во Врачеши». «Такъ это ошибка», отвѣтилъ онъ, хладнокровно позѣвывая.

Приказаніе особеннаго ничего не заключало: дѣлались различныя распоряженія относительно приготовленій къ переходу Балканъ. Приготовленія эти шли дѣятельно: запасались фуражемъ, сухарями, одеждой и провизіей, спиртомъ, вообще и каждый отдѣльно запасался кто чѣмъ

могъ. Изъ бараньихъ и овечьихъ шкуръ шили самодѣльныя подобія сапогъ или, лучше сказать, насапожники, что-то въ родѣ трубокъ, надѣвавшихся на сапоги и такія же трубки на руки, долженствовавшія изображать рукавицы.

Маркитантъ Львовъ торговалъ на славу. Картежная игра не прекращалась, всѣ вошли во вкусъ. Я помню, какъ-то вечеромъ у насъ въ избѣ собралось человѣкъ десять, и началась игра въ макао или макашку, какъ мы ее называли; это была у насъ излюбленная. Сначало ставка была рубль, затѣмъ прибавилась до золотого, а потомъ и пошла во всю. Горячились сильно; мнѣ везло, я набилъ золотыми всѣ карманы рейтузовъ и боковой мундира и ужъ наколачивалъ задніе карманы, когда фортуна повернулась ко мнѣ затылкомъ, и карманы мало-по-малу опустѣли. Кое-кто сильно проигрался. Въ банкѣ стояло нѣсколько сотъ золотыхъ; шли кто сколько хотѣлъ, шли и ва-банкъ. Къ общему удовольствію игра кончилась почти ни въ чью.

Почти ежедневно по утрамъ снаряжался полуэскадронъ съ офицеромъ въ д. Врачешу, за ячменемъ. Это была цѣлая комедія, потому что тотъ, кого будили ѣхать, увѣрялъ, что очередь не его, а называлъ кого нибудь другого; будили этого другого, который конечно не соглашался ѣхать и въ концѣ концовъ, перебудивъ всѣхъ, чтобы только поспорить и посердить любителей спанья, ѣхалъ конечно первый разбуженный, довольный тѣмъ, что надѣлалъ общаго сумбура.

Для полученія фуража отъ начальства выдавался ярлыкъ эскадроннымъ командирамъ на то количество ячменя, которое позволяется ему взять изъ Врачешскихъ складовъ. Вѣсъ конечно опредѣлялся на глазокъ, другого приспособленія не было. Ярлыки эти выдавались для того, чтобы каждая часть получала столько, сколько ей нужно корма, а не тащили бы безъ толку. Наши эскадронные командиры были недовольны такимъ стѣсненіемъ, и вотъ какими-то судьбами квартирмейстеръ нашего эскадрона унтеръ-офицеръ Дутченко нашелъ въ концѣ Врачеши цѣлый домъ на отшибѣ, биткомъ набитый ячменемъ и плохо охраняемый часовыми, о чемъ, конечно, донесъ ротмистру. Ротмистръ возрадовался и сейчасъ же снарядилъ полуэскадронъ за фуражемъ. Послѣ утренняго сумбура выяснилось, что на самомъ дѣлѣ была моя очередь ѣхать.

Собравшись я спросилъ ярлыкъ; оказалось, что ярлыка нѣтъ. «Вы, душа моя, такъ возьмите: Дутченко знаетъ», говоритъ Николай Никитичъ. «Да вѣдь меня прогонятъ и ничего не дадутъ», возразилъ я. «Попробуйте, душа моя: Дунченко проведетъ, онъ знаетъ», уговари-

валъ меня Баструевъ. Дѣлать нечего, я поѣхалъ. «Надо, ваше высокородіе, свернуть влѣво и зайти сзаду деревни», говорилъ мнѣ таинственно Дутченко, когда мы подходили къ Врачешѣ; «тамъ мы черезъ крышу достанемъ». Я направился по его указанію. «Ну», говорю ему, «ты дѣлай какъ знаешь, только чтобы намъ не попало». Подъѣхали къ дому, который, какъ видно, Турки, заперевъ изнутри двери и окна, насыпали какъ закромъ подъ самыя балки. Разобрали крышу и начали набивать кули. Часовой, поговоривъ съ Дутченко, ушелъ за уголъ и тамъ караулилъ другой домъ. Насыпавъ полные мѣшки, положили мы ихъ на переднія луки сѣделъ, сѣли сами и справа по одному двинулись въ обратный путь къ шоссе, теперь уже черезъ деревню по мощеной камнемъ и изрытой улицѣ, не допускавшей другого построенія. Прежнимъ путемъ проѣхать съ такимъ грузомъ было нельзя.

Пришлось проѣзжать площадью, занятою пѣхотнымъ карауломъ, гдѣ тутъ же въ домѣ жилъ комендантъ, слѣдившій за правильнымъ расходованіемъ складовъ.

Какъ ни въ чемъ не бывало, я впереди, а за мной чуть не цѣлый эскадронъ выѣхали шагомъ на площадь и пошли къ выѣзду. Мѣшки наши сразу бросились въ глаза караульнымъ, намъ что-то закричали. Я продолжалъ идти дальше; тогда выбѣжалъ унтеръ-офицеръ, а я, какъ будто ничего не замѣчая, скомандовалъ «рысью» и отъѣхалъ въ сторону, пропуская мимо себя людей, какъ бы осматривая, въ какомъ порядкѣ они идутъ.

Унтеръ-офицеръ, добѣжавъ до меня, сказалъ: «комендантъ спрашиваетъ, что̀ везете?» «Ячмень», говорю. «Пожалуйте ярлыкъ!» продолжаетъ онъ приставать. «Какой ярлыкъ?» спрашиваю удивленно. «На отпускъ изъ склада». «Сейчасъ поищу», отвѣтилъ я и полѣзъ по всѣмъ карманамъ искать ярлыкъ, посматривая искоса на уходившій полуэскадронъ. Люди, видя, что пожалуй могутъ остановить и отобрать все, прибавили ходу. Дождавшись, когда послѣдній солдатъ съѣхалъ съ площади, я объявивъ, что ярлыка у меня нѣтъ, повернулъ коня и ускакалъ вслѣдъ за своими изъ деревни, предостава кричащимъ мнѣ вслѣдъ остановиться, вернуться и разбираться самимъ, какъ имъ заблагоразсудится.

Отбѣжавши отъ деревни порядочно, мы пошли шагомъ и доставили благополучно ячмень домой къ великой радости Баструева. Долго мы смѣялись надъ этой продѣлкой и вѣроятно, благодаря нашимъ разнообразнымъ костюмамъ, караульные не могли опредѣлить, какого мы были полка, почему и въ полкъ не сдѣлали запроса. «Ну, что̀ если бы меня поймали, что̀ бы вы стали дѣлать?» смѣялся я Баструеву.

Орханіе и окрестности все больше и больше оживлялись. Освободившіяся изъ подъ Плевны войска все прибывали. Мы иногда отправлялись на шоссе посмотрѣть, не попадется ли кто изъ знакомыхъ. Тутъ мнѣ пришлось видѣть, какъ-то поздно вечеромъ, проходившій пѣхотный полкъ. Сильно утомлены солдаты, но идутъ бодро приткнувшись одинъ къ другому, а какъ только кто упадетъ и не встаетъ, «что такое?», оказывается уже спитъ. И много труда стоило растолкать такого. Намъ говорили, что даже на ходу ухитрялись спать, продолжая машинально шагать. Въ этотъ вечеръ къ гололедицѣ и холоду присоединилась еще мятель; положеніе этого полка б ыло очень затруднительное

Съ каждымъ днемъ приближался знаменитый переходъ черезъ Балканы. Наконецъ получили приказъ, назначавшій на слѣдующій день выступленіе. Обозы велѣно было оставить на мѣстѣ, а выступать только съ вьюкомъ. Долго выбирали, кого оставить командовать обозомъ и вѣроятно, какъ самаго младшаго, потому что охотника не находилось, оставили меня. Не смотря на скверную перспективу хожденія по горамъ, по поясъ въ снѣгу, холодному и голодному, я все-таки былъ ею доволенъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ АРХІЕПИСКОПУ НИЛУ.

О С. А. Юрьевичѣ.

Нижеслѣдующія выдержки сдѣланы изъ писемъ къ Ярославскому архіепископу Нилу (1798—1874) родной сестры генералъ-адъютанта Юрьевича, Александры Алексѣевны Селезневой. Это была особа близко знакомая съ большинствомъ тогдашнихъ духовныхъ владыкъ, о которыхъ она сообщала разныя «новости» архіепископу Нилу, своему земляку (по Могилевской губерніи [1]).

I.

С.-Пб. 8 Сентября 1864 г.

Христосъ и Матерь Божія Печерская посреди насъ, и да будутъ между нами отъ нынѣ и до вѣка!

.... Благодаритъ васъ и достойнѣйшій мой братъ, другъ и благодѣтель, Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ, за вашъ ему поклонъ. Онъ также поручилъ мнѣ свидѣтельствовать вамъ его усердное почтеніе и сказать, что всегда вспоминаетъ свое съ Великимъ Княземъ, Наслѣдникомъ престола, а нынѣ благополучно царствующимъ Царемъ и отцомъ народа путешествіе, всегда любезно вспоминаетъ васъ, святой владыко, и вашъ имъ любвеобильный пріемъ [2]).

Августа 13-го числа сего года его вѣнценосный питомецъ, Е. В. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, изволилъ посѣтить его на дачѣ его, въ городѣ Павловскѣ, которая выстроена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, уже почти 40 лѣтъ, какъ Его Величество изволилъ учиться стрѣлять въ цѣль. Тогда это мѣсто было загородное, а нынѣ окружено

---

[1]) Для образчика выписываемъ изъ письма отъ 19 Марта 1865 года слѣдующія строки: „Еще доложу вамъ, святой владыка, что теперь всѣ наши владыки, слава Богу, здоровы; но первосвятитель нашъ (Исидоръ) часто хвораетъ отъ неусыпныхъ трудовъ, а еще болѣе отъ неправды и клеветы человѣческой... А сегодняшній нашъ дорогой имянинникъ, Филаретъ Уфимскій, созерцательно ко всему присматривается и прислушивается; а в. Р. а. П. чрезъ князя С. попалъ въ салоны в. к. М. Н. и в. к. Н. Н. и тамъ ораторствуетъ, вообразивъ, что онъ митрополитъ Платонъ Екатерининскаго вѣка!“ Князь С.— это Суворовъ, а в. Р. а. П.—владыка Рижскій архіепископъ Платонъ. Л. Т.

[2]) Вѣроятно, здѣсь разумѣется „пріемъ“ въ г. Вяткѣ, гдѣ преосвященный Нилъ занималъ епископскую каѳедру до переѣзда въ Иркутскъ, а потомъ въ Ярославль. Л. Т.

великолѣпными дачами, изъ коихъ дача брата моего занимаетъ самое лучшее мѣсто и самое огромнѣйшее пространство. Изъ нея дивный видъ на рѣку Славянку, которую воспѣвалъ знаменитый поэтъ Жуковскій, на дворецъ Скавронскихъ (нынѣ казенный), на дачи Брюлова, Башуцкаго, Урусова и другія, весьма красивыя дачи, каскады, водопроводы, фантастическіе мостики и бесѣдки.

Кромѣ братниной дачи, которая выстроена на многознаменательномъ нынѣ мѣстѣ, еще здѣсь братомъ поставленъ бѣлаго мрамора памятникъ, съ надписями тѣхъ лицъ и того времени, съ бюстомъ Его Величества, тоже того времени, и съ ружьемъ, изъ котораго онъ своими, тогда маленькими, ручками изволилъ стрѣлять въ цѣль.

Вотъ на этомъ-то мѣстѣ, 13 Августа, Его Величество и изволилъ около полутора часа бесѣдовать и чай кушать предъ своимъ отъѣздомъ въ Москву; изволилъ подъ ручку съ братомъ обходить весь садъ его дачи, разспрашивать названіе каждой бесѣдки и каждой дорожки, ибо всѣ онѣ имѣютъ особенныя названія, по фантазіи членовъ братняго семейства. Мѣсто же, гдѣ бесѣдка съ памятниками въ честь Его Величества, называется «Тётинъ поворотъ», или «Тёти Саши любимый видъ»; ибо я, когда еще и памятника не было устроено, гостивши у брата на дачѣ, всякій разъ любовалась видами съ сего мѣста и всѣхъ сюда всегда приглашала наслаждаться искусствомъ, природой и изобрѣтеніями ума человѣческаго, чрезъ даръ, данный ему отъ Бога.

На этомъ-то мѣстѣ изволилъ вспомнить Государь меня, свою «кумушку», ибо я имѣла честь съ Его Величествомъ, 17 лѣтъ тому назадъ, крестить у брата сына Александра, который и теперь, благодареніе Богу, живъ и здоровъ, и благонравіемъ и ученіемъ дѣлаетъ отраду всѣмъ роднымъ. Государь изволилъ спросить о моемъ здоровьѣ и что̀ я подѣлываю? И когда ему братъ отвѣтилъ, что я смиренно подвизаюсь въ дѣлахъ вѣры, благочестія и милосердія, Государь замѣтилъ: «*Прекрасно дѣлаетъ. Какъ Марія, она благую часть избрала; пусть и за насъ молится.*» И потомъ изволилъ сказать, что у меня прекрасный вкусъ и взглядъ: когда въ городѣ Павловскѣ, въ царскомъ саду, самую лучшую аллею называютъ *красною*, то этотъ видъ можно, по всей справедливости, назвать *самымъ прекраснымъ* изъ всего города и окрестностей Павловска, и, поцѣловавши брата въ лобъ, поклонился дѣтямъ и, пославши мнѣ свой милостивый поклонъ, въ веселомъ расположеніи духа изволилъ уѣхать, сказавши: «Этотъ разъ 30-го (Августа) не буду въ Александро-Невской Лаврѣ»...

II.

С.-П.—бургъ, 1 Декабря 1864 года

Христосъ посреди насъ и Матерь Божія Знаменская да будутъ съ нами отъ нынѣ и до вѣка и во вѣки вѣковъ. Аминь! *).

. . . . Теперь позвольте попросить у васъ, святой владыко, молитвеннаго благословенія для трехъ племянницъ моихъ, выходящихъ замужъ, и для дочери милаго и добраго брата моего, г. Юрьевича, въ особенности. Старшая дочь его, фрейлина Двора Е. И. Величества, Марья Семеновна Юрьевичъ, въ будущемъ мѣсяцѣ выходитъ замужъ за генерала, окружнаго начальника инженеровъ въ Москвѣ, Красовскаго, ближайшаго родственника дѣйств. тайн. совѣтника Жемчужникова, который очень друженъ съ моимъ братомъ, еще съ 1818 года, съ начала ихъ службы. Его Величество Императоръ Александръ Николаевичъ изволитъ быть ихъ посаженымъ отцомъ.

III.

19-го Марта 1865 года. С.-Петербургъ.

. . . Давно, давно душа моя жаждала бесѣды съ вами, богомудросмиренномудрый владыко; но дѣло отставало отъ желанія: то мужъ, то братъ, то сама я были нездоровы. У насъ, въ столицѣ, многое множество было больныхъ нынѣшнюю зиму отъ сильныхъ холодовъ. Братъ еще и по сіе время нездоровъ. Послѣ Бога и Царицы Небесной, болѣе всѣхъ искусствъ (sic) его оживляло и исцѣляло частое посѣщеніе его вѣнценоснаго питомца. Его Императорское Величество почти каждый день изволилъ его посѣщать и услаждать своими сладко - дышащими и отрадными рѣчами, говоря ему, что онъ (С. А. Юрьевичъ) всегда ему былъ драгоцѣненъ, а теперь еще болѣе безцѣненъ, потому что сумѣлъ его сберечь въ возрастѣ Наслѣдника и передалъ его цѣлымъ, здравымъ и невредимымъ его тогда невѣстѣ, а нынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ.

. . . . Не такъ, не такъ поступили съ его первенцомъ, Наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ!...

Но, слава и благодареніе Богу, что здоровье его (Наслѣдника) стало видимо поправляться, и что Наслѣдникъ съ Императрицею изволитъ прибыть въ нашу столицу въ началѣ Іюня мѣсяца. «Если Богу угодно будетъ, то и свадьба (на принцессѣ Дагмарѣ) 30-го Августа

---

*) Опускаемъ въ слѣдующихъ письмахъ подобныя благочестивыя воззванія. Л. Т.

совершится». Эти слова Его Императорское Величество изволилъ сказать 13 Марта у брата на дому, въ день весьма достопримѣчательный для Ихъ Императорскихъ Величествъ и для брата моего тоже: ибо онъ въ первый разъ, въ путешествіи своемъ по Германіи, изволилъ увидѣть въ Дармштадтѣ тогда невѣсту, а нынѣ Императрицу Марію Александровну. Это было 13 Марта 1837 года. Всѣ бывшіе тогда въ свитѣ уже перемерли. Князь Долгорукій, Адлербергъ, да братъ мой, тогда бывшіе въ Его Высочества свитѣ, только одни и остались. Братъ мой и потому еще для Ихъ Величествъ незамѣнимъ и незабвененъ, что онъ былъ первый, который указалъ на эту принцессу, которая, по молодости своихъ лѣтъ, тогда даже не была помѣщена на листѣ назначенныхъ невѣстъ. Въ этотъ день особенно осыпаютъ брата моего всевозможными дарами сердца своего всѣ истинно любящіе его... И нынѣ было тоже...

. . . . Не знаю, имѣла ли я честь писать вамъ, святой владыка, что братъ мой выдалъ старшую дочь свою, фрейлину Марью Семеновну, 10 сего Генваря, замужъ за отличнаго человѣка, красавца тѣломъ и душою, за генералъ-маіора инженера Красовскаго, начальника 4-го округа инженеровъ въ городѣ Москвѣ, гдѣ они и живутъ на великолѣпной квартирѣ, и лѣтомъ, и зимой, и тамъ, гдѣ имъ угодно, ибо и всѣ дворцовыя зданія въ его распоряженіи. Его Императорское Величество изволилъ быть посаженымъ (отцомъ) и благословилъ образомъ Матери Божіей Иверской, въ золоченой ризѣ и, кромѣ того, многимъ ущедрилъ. Всего ей было дано на милліонъ рублей, въ томъ числѣ 300 тыс. сер. отъ матери ея....

IV.

22-го Іюля 1865 г. С.-Пб.

Давно, давно желала имѣть честь и утѣшеніе письменно бесѣдовать съ вашей священной особой, но сначала болѣзнь моего брата, друга, и отца, и благодѣтеля мѣшала мнѣ, а вотъ теперь и смерть его. кромѣ слезъ и молитвъ, молитвъ и слезъ, долго не позволяла мнѣ ничѣмъ себя развлечь. Но вотъ теперь, облегчивъ себя бесѣдою съ Богомъ, хочу утѣшить себя бесѣдою и съ Его избранниками, и въ особенности съ вами.

Вы, святой владыка, изволили знать моего брата, воспитателя и, наконецъ, друга нынѣшняго Государя, Семена Алексѣевича Юрьевича, генерала отъ-инфантеріи и генерала-адъютанта. Итакъ, съ прискорбіемъ душевнымъ и сердечнымъ, увѣдомляю васъ, святой владыка, о его кончинѣ, послѣдовавшей 13 Іюня, въ Воскресенье, въ 3-мъ часу попо-

лудни. Она была тиха, мирна, и не только непостыдная, но даже праведная, святая: ибо братъ мой въ этотъ день удостоился видѣть у своего болѣзненнаго ложа три раза Самого Христа Спасителя. Сначала два раза братъ не повѣрилъ, полагая, что это мечта; но когда въ третій разъ удостоился Его узрѣть съ двумя Его учениками, Лукою и Клеопою, тогда сталъ онъ читать молитву: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую» и т. д. и попросилъ еще разъ пріобщиться Святыхъ и Животворящихъ Христовыхъ Таинъ, послѣ чего послалъ своего сына и наслѣдника, 18-лѣтняго лицеиста, къ Государю Императору доложить, что онъ непремѣнно сегодня отойдетъ въ обитель Отца Небеснаго.

Когда сынъ возвратился съ радостнымъ извѣстіемъ, что Государь сейчасъ прибудетъ изъ Царскаго Села въ г. Павловскъ къ брату, на дачу его, тогда братъ сказалъ: «Нѣтъ, сынъ мой, сегодня я уже не успѣю проститься съ земнымъ Царемъ, ибо Небесный Царь меня зоветъ къ Себѣ! Хорошо, что я при каждомъ свиданіи прощался съ земнымъ Царемъ и питомцемъ моимъ»... И сталъ всѣхъ призывать, сталъ всѣхъ благословлять, поучать, помнить Бога и ближняго, и въ особенности не забывать меня, любимую сестру его и ихъ тетю, и всегда чтить, и ни въ чемъ не отказывать, и самъ болѣе другихъ вспомнилъ меня въ своей духовной. Потомъ, взявши дѣтей за руки, сталъ поручать ихъ Отцу Небесному и благодарилъ Его за все и за всѣхъ, и съ небесною на устахъ улыбочкой сталъ протягиваться и протянулся на вѣки вѣчные! И четыре дня лежалъ онъ, какъ живой, весьма пріятный.

По кончинѣ брата, сынъ его опять поскакалъ къ Государю Императору, котораго встрѣтилъ уже на пути къ намъ. Его Величество плакалъ по немъ, какъ по отцѣ своемъ, и самъ изволилъ не только распорядиться похоронами, что̀ касается до военныхъ и многосложныхъ почестей, воздаваемыхъ заслуженному генералу, но даже и панихидами. Изволилъ приказать, чтобы по три панихиды было каждый день: первая въ 12 часовъ утра, вторая въ 8 часовъ вечера, а третья (собственно для Его Императорскаго Величества и для всей Его Царской фамиліи мужского пола), въ 3½ часа пополудни, и на каждую изволилъ пріѣзжать со своими великими князьями, сыновьями и братьями.

А на отпѣваніи, 16 числа, въ церкви Гошпитальной города Павловска, были и принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій со своими сыновьями, и князья Романовскіе, и пріѣзжіе принцы, и многое множество вельможъ Императорскаго Двора, какъ военныхъ, такъ и статскихъ.

Во время отпѣванія Его Императорское Величество со всѣми вышеупомянутыми царскими особами не на своемъ мѣстѣ изволилъ встать, а возлѣ меня, и самъ изволилъ своею свѣчею зажечь мою свѣчу въ моихъ рукахъ, изъ которой потомъ всѣ старались получить огоньки, и мнѣ многіе совѣтовали сохранить сію многознаменательную свѣчу. И много еще мнѣ оказывалъ своихъ царскихъ милостей. Еще, когда Его Величество изволилъ пожаловать на первую панихиду къ брату моему на домъ, и увидавши тамъ въ траурѣ меня, родную сестру своего любимца, весьма похожую на своего брата лицомъ, то Его Величество изволилъ скоропоспѣшно взять мою руку съ горькими слезами и удостоилъ два раза крѣпко-крѣпко поцѣловать её, говоря: «*Кого, кого мы съ вами лишились?*» И самъ, со своими, изволилъ и гробъ своего воспитателя нести на погребальную колесницу, въ 6 лошадей запряженную, въ трауръ облаченныхъ и украшенныхъ княжескимъ гербомъ нашей фамиліи князей Мстиславскихъ *). Самъ Государь, сѣвши на лошадь и окруженный вышеупомянутыми лицами, изволилъ отдавать честь незабвенному своему наставнику и другу, командуя многочисленными полками и артиллеріей тоже...

Предали землѣ тѣло покойнаго брата моего за 36 верстъ отъ гор. Павловска въ Троицко-Сергіевской пустынѣ, гдѣ и все его семейство погребено...

Говоръ безчисленной публики, трогательное церковное погребальное пѣніе, печальная военная музыка и многочисленные пушечные выстрѣлы еще и по сіе время раздираютъ слухъ сердца моего и память скорбной души моей о незабвенномъ и незамѣнимомъ для меня братѣ и благодѣтелѣ, о которомъ и васъ, святой владыка, попрошу иногда помянуть. Помяните о рабѣ Божіемъ, бояринѣ Симеонѣ, много чтившемъ васъ!

V.

25 Іюля 1865 года. С.-Петербургъ.

. . . . У брата трое дѣтей: двѣ дочери и сынъ 18 лѣтъ, молодой человѣкъ, который остался наслѣдникомъ всѣхъ его имѣній и всѣхъ его почестей, очень умный, расторопный, и пока еще неизбалованъ, то вполнѣ достойный сынъ своего достойнѣйшаго отца, которому (т. е. сыну) Государь Императоръ изволилъ сказать въ первыя минуты по

---

*) Сообщая дословно эти историческіе матеріалы, мы, конечно, не рѣшаемся вступать въ какія-либо генеалогическія изысканія о происхожденіи С. А. Юрьевича: для насъ достаточно и того, что онъ представлялъ собой очень почтенную личность, какъ „воспитатель“ будущаго Царя-освободителя. *Л. Т.*

кончинѣ его отца: «*Ну, молодой человѣкъ, старайся подражать своему отцу, быть добрымъ и всегда честнымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ, то и тебя буду любить и никогда не забуду*»...

.... Послѣ разлуки со старшей дочерью (Марьей Семеновной, вышедшей замужъ за инженернаго генерала А. К. Красовскаго), братъ скоро и захворалъ. 9 Іюня, за три дня до своей смерти, обручилъ онъ и вторую дочь свою съ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, тоже отличныхъ правилъ, весьма образованнымъ и милымъ и весьма по сердцу невѣстѣ пришедшимся: съ коллежскимъ совѣтникомъ Сергѣемъ Михайловичемъ Загоскинымъ. И онъ любимецъ нынѣшняго Государя. Свадьба ихъ будетъ, по благословенію и желанію покойнаго родителя, въ концѣ сего Августа. И когда, послѣ обрученья, мы всѣ поздравляли почти что уже умирающаго отца, то братъ меня такъ обнималъ, такъ крѣпко цѣловалъ и со слезами благодарилъ меня за молитвы мои, и впредъ просилъ не забывать молиться объ немъ и по смерти его!... И такъ крѣпко онъ сжималъ меня въ своихъ, почти для меня родительскихъ, объятіяхъ, что едва насъ, высокопреосвященнѣйшій владыка, розняли!... И это было у него предчувствіе, что онъ меня въ сей жизни видитъ въ послѣдній разъ. Точно такъ и вышло, что ни старшей его дочери, ни меня не случилось во время его кончины: она была въ Москвѣ, а я проводила мужа, по дѣламъ, въ Московскую губернію, но скоро возвратилась...

.... Лобзая душой и сердцемъ (sic!) ваши святыя руцѣ, прошу прощенія, что такъ много утруждаю васъ своими длинными и несвязными письмами, но отъ избытка чувствъ уста глаголютъ!...

Сообщилъ **Л. Н. Трефолевъ.**

ВОСПОМИНАНІЯ Н. Д. БОГАТИНОВА *).

1875—1883.

Утромъ къ 7 часамъ мы пріѣхали въ Черниговъ, и пока дилижансъ оставался на станціи, успѣли побывать въ древнемъ Черниговскомъ соборѣ, поклонились нетлѣннымъ мощамъ Святителя Ѳеодосія Углицкаго, почивающимъ подъ спудомъ. Шоссе въ Черниговской и Могилевской губ. проходитъ по унылымъ, болотистымъ мѣстамъ; приходилось пить воду по станціямъ желто-зеленую съ гнилымъ запахомъ, а по мѣстамъ, гдѣ болотъ нѣтъ, песчаныя безплодныя пространства тянутся на цѣлыя версты, гдѣ вѣтеръ, бушуя на раздольѣ, производитъ такіе наносы песку, точно это степь Африканская, а не родная Россія. Бѣдности природы соотвѣтствуютъ и убогія жилища поселянъ, ряды избъ мрачныхъ, немазанныхъ, ни одного деревца, страшное однообразіе, тоска царитъ здѣсь безысходная: въ другомъ мѣстѣ изба стоитъ у самаго болота, и женщина раннимъ утромъ, по колѣно въ водѣ, работаетъ что-то. Гнетущая тоска охватывала душу во весь этотъ день переѣзда до Гомеля, не смотря на прекрасную погоду. На станціи за Гомелемъ опять подали намъ перекладную, и мы опять въ страшно сырой вечеръ пустились по разбитому шоссе. Вдругъ нашла туча страшная, громъ, молнія, полился дождь ливнемъ, и въ это самое время пришлось проѣзжать по болоту, по фашинамъ вмѣсто шоссе и какъ разъ на этомъ мѣстѣ встрѣтился съ нашею перекладною дилижансъ, пущенный съ того конца пути, не смотря на порчу пути, и нашей перекладной пришлось свернуть съ дороги. Чтобы не опрокинуться на поворотѣ, сошли мы изъ повозки прямо въ грязь и воду.

Но «въ дорогѣ не болѣютъ» говорятъ люди бывалые, и истинно такъ: измокшіе до рубахи, не успѣвшіе порядкомъ согрѣться, мы съ сестрою благополучно совершили ночной переѣздъ до Гдовска, куда пріѣхали свѣжіе, веселые, и сестра даже чувствовала себя бодрѣе. День былъ прелестнѣйшій, солнечный, теплый, безвѣтренный. Отсюда весь путь до Подольска въ теченіе двухъ дней была прекраснѣйшая

---

*) См. выше стр. 371.

«прогулка по Россіи». Послѣ тоски Могилевской, душа радовалась этой шири родной земли, покоящейся на солнцѣ въ украшеніи богатыхъ, роскошныхъ лѣсовъ, прорѣзываемыхъ шоссе на протяженіи цѣлыхъ верстъ. Утромъ-красавцемъ развернулся предъ нами раскинутый по холмамъ, весь утопающій въ зелени, вольный на своемъ просторѣ Рославль, прелестная мѣстность. Былъ Субботній день, мы могли быть и въ церкви, вблизи станціи. И люди пошли живѣе, веселѣе, ямщики-удальцы бодрили нашъ шибко катившійся среди лѣсовъ поѣздъ шестеркою. Вскрикиванія, взмахи кнута, приговариванія, все это такъ оживляло переѣздъ.

Чтò за прелесть и жизнь въ этомъ задерживаніи кареты при спускѣ къ рѣчкѣ или ручью по дорогѣ, и затѣмъ въ этомъ живомъ, бойкомъ, во весь духъ разгонѣ лошадей въ гору. Незамѣтно въ этихъ непрестанныхъ новыхъ наблюденіяхъ прошелъ третій день переѣзда *). Ночь мы провели въ Юхновѣ, я на своемъ мѣстѣ, сестра входила на станцію, гдѣ и отдохнула. Пошли мѣста все памятныя Русскому сердцу по великому историческомъ пути Отечественной войны: здѣсь народъ отстаивалъ свою отчизну на каждомъ шагу, преслѣдуя непрошеннаго гостя. И къ оживленію пути отъ восторга при видѣ этой бодрой народной жизни, которая тутъ уже представилась въ замѣчательномъ разнообразіи народнаго труда и всюду бросавшейся въ глаза дѣятельности, присоединялось строгое настроеніе души, исполненной благоговѣнія къ великимъ испытаніямъ родной земли, бодро пережитымъ ею и въ далекомъ, и въ близкомъ прошедшемъ. Былъ свѣтлый Іюньскій день, а послѣ полудня на поляхъ было порядочно холодно: крестьяне работали въ полушубкахъ. Къ вечеру уже было холодно, точно осенью. Вонъ она Калужская и Московская губерніи въ половинѣ Іюня-то! А у насъ на Югѣ теперь земля нѣжится въ теплѣ и холѣ лѣтняго солнышка. Вечеромъ къ 8 часамъ, перезябши, пріѣхали въ Подольскъ, и тутъ разстались съ дилижансомъ. Отсюда уже былъ проложенъ желѣзный путь до Москвы, и мы впервыя сѣли въ вагонъ, впервыя даже увидѣли вагоны и весь этотъ новый міръ движенія и оживленія. Съ напряженнымъ вниманіемъ, съ сосредоточенною думою, обращенными къ великому прошлому отечества, я всматривался въ оживленную картину, которую представляла матушка-Москва, куда мы прибыли къ 10 часамъ. Былъ общій по всей Москвѣ благовѣстъ праздничный. Спросили: будутъ служить молебенъ благодарственный о

*) Къ 5 часамъ пріѣхали въ Малоярославецъ. Сердце билось отъ радости, что Богъ привелъ видѣть мѣсто, гдѣ грудью Русскій народъ загородилъ путь хищному Наполеону.

благополучномъ возвращеніи Государя Императора изъ путешествія на всемірную выставку въ Парижѣ, гдѣ 25 Мая, въ день Вознесенія Господня, было сдѣлано покушеніе на его жизнь Полякомъ Березовскимъ. Тяжелые годы переживала тогда Русская земля. Въ 1865 году 12 Апрѣля скончался наслѣдникъ Русскаго престола Николай Александровичъ въ Ниццѣ, а еще такъ недавно въ 1864 году онъ совершилъ большое путешествіе по Россіи. 4-го Апрѣля 1866 года впервыя Россія вздрогнула отъ перваго покушенія на жизнь Государя; еще на устахъ и въ мысли было имя Коммиссарова Костромского, и карточки его съ любовью разсматривались въ семейныхъ альбомахъ, еще съ живою горечью негодованія произносилось ненавистное имя Каракозова, а тутъ новое испытаніе для Россіи. Понятно, какъ горяча была благодарность Богу за спасеніе дорогой жизни Государя отъ руки новаго цареубійцы. Мы поспѣшили въ Успенскій соборъ; онъ биткомъ былъ наполненъ народомъ, когда мы вошли впервыя въ это святилище земли Русской. Совершали благодарственный молебенъ. Могу ли выразить глубину охватившаго меня чувства при такой необычайной обстановкѣ? И вдругъ, при возглашеніи многолѣтія Царю и царствующему дому, обращается ко мнѣ какой-то Москвичъ и съ улыбкою, съ полнымъ довольствомъ въ лицѣ, говоритъ: «Каково-то вынесъ высоко?» Слова эти относились къ звучному басу дьакона, высоко кончившаго послѣднія слоги «Многая лѣта!».. Горькимъ чувствомъ отозвались въ душѣ моей эти ребяческія слова степеннаго Москвича, вся душа котораго занята была въ эту торжественную минуту зычнымъ басомъ дьякона, а не молитвою къ Богу. Вышли изъ собора, а въ это время вся Москва вмѣстѣ съ Иваномъ Великимъ ликовала подъ звуки общаго церковнаго звона. Какая торжественная минута! Что за ощущеніе отъ этого необычайнаго благовѣста всѣхъ Московскихъ церквей, потрясающаго, исполняющаго душу необычайнымъ чувствомъ восторга и умиленія! Пошелъ порядочный дождь, мы съ сестрою укрылись въ проходѣ Тайницкихъ воротъ. Видя предъ собою соборы Кремля, я спросилъ у стоявшаго подлѣ меня Москвича: «что̀ это за соборъ?» позвольте спросить. А онъ, не посмотрѣвъ даже, отрѣзалъ: «Полякъ! Кремля не знать?» Это Москвичъ изъ моего южнорусскаго говора заключилъ мигомъ, что я Полякъ только потому, что не вытягиваю и выпѣваю *о* за *а* и не говорю *г* жестко, съ удареніемъ. Какая исключительность патріотизма чисто-Московскаго! Какая требовательность безумная, чтобы вся великая Россія была Москвою, и весь народъ Русскій сталъ Москвичами, знающими до точности расположеніе и видъ каждой Московской достопримѣчательности! У, тяжелый патріотизмъ Московской заправы! И тутъ опять, въ этихъ трехъ-четырехъ словахъ, сказалась

мнѣ матушка Москва, какъ и въ словахъ сказанныхъ мнѣ, незнакомому совсѣмъ человѣку: «Каково вынесъ-то высоко!»

Послѣ обѣда пошелъ я за покупкою; вижу—красивая церковь; спрашиваю, подошедши къ лавочнику-молодцу, сидѣвшему у дверей лавки, что за церковь. «Не знаю», грубо отвѣчалъ молодецъ и не посмотрѣлъ даже на меня. И стало больно на душѣ отъ этой грубости, зачерствѣлости и исключительности Московскаго духа... А между тѣмъ, что шагъ по улицѣ, то икона съ теплящеюся лампадкою; вотъ рыба въ садкахъ въ лавкѣ, и теплится лампадка предъ золотомъ сіяющею иконой. Проходишь мимо складочнаго подворья, посреди двора большая, въ богатомъ убранствѣ, святая икона и неугасимая лампада. Входишь въ трактиръ пообѣдать—дорогая икона, горитъ лампадка... Пока пройдешь отъ гостинницы къ Кремлю, три-четыре часовни поразятъ тебя блескомъ своихъ многочисленныхъ иконъ, свѣчи, лампады... На улицахъ, надъ воротами домовъ, иконы. Въ Кремлевскихъ соборахъ иконы залиты золотомъ. Въ Благовѣщенскомъ даже въ притворѣ иконы большаго размѣра и въ ширину, и высоту, кажется, Св. Троицы, представляютъ массу золота, толстою ризой покрывающаго и закрывающаго икону... Скорбно припомнились, при видѣ всей этой наружной набожности, горькія слова Хомякова: «Къ чему мнѣ злато? Къ чему огни? Къ чему куренья?»... Это чудное стихотвореніе внушено глубоко-вѣрующей душѣ поэта не гдѣ-либо, а именно здѣсь, въ Москвѣ*), гдѣ на каждомъ шагу царятъ обрядъ, форма, и чувствуешь, что въ этой бездушной формѣ обрядовой набожности, выставляющей себя напоказъ, вся душа Москвы.... Понятно, что на такой почвѣ могъ развиться, окрѣпнуть Русскій расколъ, окаменѣть въ своемъ закоренѣломъ поклоненіи формѣ, буквѣ, когда здѣсь все, можно сказать, только и живетъ буквою закона, безъ любви въ сердцѣ, безъ горячей преданности духу закона... Въ Успенскомъ соборѣ служатъ молебенъ. Пока мы оставались въ соборѣ, чтобы приложиться къ мощамъ святителей Московскихъ, успѣли отпѣть три молебна, и священникъ, читавшій Евангеліе надъ головами молящихся, не читалъ собственно, а, произнося наизусть хорошо затверженное, оглядывалъ съ высоты своего мѣста у иконостаса весь соборъ. Въ церкви Василія Блаженнаго за всенощной, канона вовсе не читали, а пѣли ирмосъ за ирмосомъ, и въ тоже время одинъ изъ причта полагалъ на головы усердствующихъ вериги желѣзныя блаженнаго Василія. Но человѣческое недомысліе и недочувствіе не въ силахъ были сокрыть всею своею густою мглой

*) Н. Д. Богатиновъ ошибается; эти стихи внушены были Хомякову Исаакіевскимъ соборомъ. П. Б.

свѣта, какимъ озарено это священное для каждаго Русскаго мѣсто. И я съ сердечнымъ умиленіемъ молился въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ освящается царская власть земли Русской, гдѣ почиваютъ великіе подвижники и радѣтели о землѣ родной, святители Петръ, Іона, Филиппъ-страдалецъ, гдѣ гробницы патріарха Гермогена-мученика, Филарета и другихъ. Въ Архангельскомъ соборѣ кто не преклонится съ благоговѣніемъ предъ гробницами Донского, Ивана III? Кто въ смущеніи не задумается надъ гробницею этого тирана-изувѣра Ивана IV, въ крови человѣческой утопившаго человѣческій разумъ и совѣсть, и въ минуты душевнаго просвѣтленія совершающаго въ чернической рясѣ подвиги молитвы и сокрушенія? Кто не умилится предъ ракою блаженнаго отрока Димитрія-царевича?.. Да, въ Кремлѣ Московскомъ развертывается вся Русская исторія Московскаго періода, съ ея кровавыми страницами, съ ея опричиною и стрѣльцами, съ ея казнями и бунтами, и страшно-тяжело всматриваться въ эти памятники прошлаго, отъ которыхъ вѣетъ дыханіемъ темницъ и подземелій .. Такъ и предстаютъ воображенію пытки несчастныхъ жертвъ изувѣрства; обильно взошли на этой страшной почвѣ плоды Татарщины, и бѣдный Русскій народъ много вынесъ и выстрадалъ, пока Кремль Московскій сталъ средоточіемъ жизни Русской въ лучшемъ смыслѣ, пока сталъ онъ, въ пору Наполеона, и жертвенникомъ, на которомъ принесена была очистительная жертва правдѣ Божьей за людское жестокосердіе и самодурство. Въ Кремлѣ точно чувствуешь, что на этомъ мѣстѣ вѣка исторической жизни народа протекли не тихой смѣною постепеннаго развитія жизни, а пронеслись бурями и ураганами, рвавшими и раскидывавшими туда и сюда народныя силы, прежде чѣмъ онѣ образовали великое ядро могучаго царства на Востокѣ Европы.

Мы пробыли въ Москвѣ три дня и, кромѣ соборовъ Кремлевскихъ, были и въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ съ умиленіемъ молились предъ гробницею великаго святителя Алексія, и въ церкви Спаса на Бору, чтобы поклониться могилѣ св. Стефана Пермскаго. На могилѣ лежитъ и св. крестъ, съ которымъ совершалъ онъ свой подвигъ апостольства въ Пермской землѣ. Были въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ, воздвигнутомъ при императорѣ Николаѣ I-мъ, въ Грановитой палатѣ, въ Оружейной палатѣ. Все здѣсь поражало насъ, провинціаловъ, своею громадностью, оффиціозностью въ размѣрахъ и прелестью въ отдѣлкѣ. Впервыя здѣсь мы видѣли и картины художественной кисти, и рядомъ съ этимъ блескомъ, свободою—низенькія, сводныя жилья царской семьи XVII вѣка. Мы были счастливы, что могли видѣть еще этнографическую выставку, въ Манежѣ, разныхъ племенъ и народовъ Россіи. Были и

въ зданіи Сената, въ Окружномъ Судѣ, и тоже впервыя видѣли эту новинку въ Русской жизни, всю эту судейскую обстановку, эту «публику», въ будни наполнявшую залы суда, и въ уголовномъ, и въ гражданскомъ отдѣленіи, и сразу я почувствовалъ недовѣріе къ этой формѣ новаго суда, развивающаго въ «публикѣ» праздность, лѣнь и вредное любопытство, въ ущербъ стойкимъ основаніямъ общественной нравственности, трудолюбію и простотѣ. За то налюбовался я круглою залой Сенатскаго зданія. Свѣту сколько, входовъ сколько!..

Когда мы прибыли въ Сергіеву Лавру, шла обѣдня; протѣсниться было положительно невозможно отъ множества богомольцевъ, почему мы до конца обѣдни осмотрѣли обитель внутри, были въ ея Успенскомъ соборѣ, любовались прелестною внутреннюю отдѣлкой трапезной залы Лавры, особенно потолкомъ залы. Съ какимъ благоговѣніемъ я опустился на колѣни предъ могилою многострадальнаго Максима Грека! Какъ тяжело стало на душѣ, когда подошли мы къ могиламъ несчастной семьи Годунова, у входа въ Успенскій соборъ. А вотъ и знаменитый фронтонъ Успенскаго собора, съ надписью знаменитаго митрополита Платона: «Богу вѣдомому! . Между тѣмъ обѣдня кончилась, и мы могли свободно войти и въ Троицкій соборъ. Съ глубокимъ благоговѣніемъ мы преклонились предъ святынею всей Русской земли и приложились къ св. мощамъ Преподобнаго. Но молебенъ и здѣсь живо отслужили и начали уже другой, когда мы оставили церковь. Въ ризницѣ монахъ, проводившій насъ, посѣтителей, заученно-однообразно, безъ оттѣнка мысли, проговорилъ страницу изъ какого-нибудь подробнаго описанія ризницы, безъ жизни, безъ смысла, такъ что досадно было за его такое усердіе. Предъ выходомъ вдругъ столпились... Оказалось, что солдатъ отставной поставленъ стражемъ, чтобы каждый выходящій платилъ что-нибудь по ризницѣ: кто давалъ, кто нѣтъ; поднималась суета, шумъ, слышались громкія слова: «не выпущу»... Я тоже не далъ ничего, глубоко возмущенный такимъ нахальствомъ у самаго входа въ соборъ.

На другой день по Нижегородской желѣзной дорогѣ пустились мы къ Нижнему...

Но могу ли я здѣсь приводить воспоминанія о моемъ путешествіи въ Самару и обратно въ Кіевъ, въ порядкѣ, послѣдовательно? Это цѣлое событіе въ моей жизни. Проѣхать по Волгѣ отъ Нижняго до Царицына, далѣе Дономъ отъ Калача до Ростова и моремъ до Таганрога, отсюда Донскими и Екатеринославскими степями до Екатеринослава и отсюда уже Днѣпромъ вверхъ до Кіева—достаточно только

намѣтить этотъ путь, чтобы имѣть понятіе, какое великое богатство разнообразнѣйшихъ впечатлѣній должно было остаться въ душѣ.

Возвратились мы въ Кіевъ 17 го Августа, но еще не истекъ срокъ моего отпуска, а отъ дороги я положительно былъ разбитъ и обезсиленъ, почему поспѣшилъ оставить городъ и провелъ остальное время отпуска по 14-е Сентября въ моемъ миломъ Голосѣевѣ.

Я состоялъ членомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, возникшаго въ Петербургѣ года два-три назадъ, коего предсѣдателемъ въ то время былъ какой-то князь Голицынъ. Помню, послѣ покушенія на жизнь Государя въ 1866 г., стали собираться пожертвованія на устроеніе иконъ въ память чудеснаго спасенія жизни Государя. Я этому не сочувствовалъ и предпочелъ съ своею жертвою личною и нѣсколькихъ немногихъ мнѣ единомысленныхъ обратиться въ это Общество, признавая болѣе пріятною жертвою Богу служеніе посильное, хотя матеріальнымъ средствомъ, дѣлу христіанскаго просвѣщенія заблуждающихся, нежели устроеніе иконъ, часовень и пр. Князь Голицынъ предложилъ мнѣ открыть въ Кіевѣ отдѣленіе Миссіонерскаго Общества и за содѣйствіемъ его открытію отнесся къ генералъ-губернатору Безаку и митрополиту Арсенію. Такая безтактность и безцеремонность князя поразили меня. Безъ всякаго сношенія со мною, безъ согласія съ моей стороны, вести дѣло такъ! Точно я въ своемъ скромномъ положеніи учителя гимназіи, да еще никому неизвѣстнаго, кромѣ родителей и учениковъ, что-нибудь значу и могу что-нибудь сдѣлать для Общества, и мнѣ писать уже о приведеніи въ исполненіе задуманнаго плана, о настоящемъ торжественномъ открытіи отдѣленія собраніемъ, молебномъ и пр.! Уже митрополитъ дѣлаетъ запросъ, когда будетъ открытіе и гдѣ, и назначаетъ священника служить молебенъ. Уже Безакъ зоветъ меня къ себѣ тоже освѣдомиться о предполагаемомъ отдѣленіи Общества, при чемъ даетъ и свою лепту 10 рублей! Тому и другому я поспѣшилъ объяснить рѣшительный отказъ отъ порученія и согласился быть только простымъ сборщикомъ пожертвованій по записной книжкѣ отъ Общества, объявилъ объ этомъ въ «Кіевлянинѣ», напечатавъ и списокъ случайныхъ жертвователей, но какихъ? Иду, напр. къ директору 2-й Гимназіи Слѣпушкину съ записною книжкою, предлагая пожертвовать. Онъ идетъ къ женѣ; слышу смѣются, выноситъ одинъ рубль. «Нельзя не сочувствовать этой почтенной цѣли; но у насъ и на мѣстѣ столько есть нуждъ, тоже заслуживающихъ вниманія»: это въ дополненіе къ рублю. Встрѣчаю знакомаго купца, очень богатаго, прошу его. «Нѣтъ, извините, это не по нашей части; обращайтесь къ чиновникамъ». Разъ, прихожу къ профессору-доктору за совѣтомъ; онъ

спрашиваетъ: «Скажите, это вы, сборщикъ Миссіонерскаго Общества?» и насмѣшливо улыбается. Конечно, при подобномъ настроеніи общества, мои сборныя книги вращались только въ средѣ моихъ сослуживцевъ (и то очень немногихъ) и моихъ учениковъ, да еще немногихъ знакомыхъ изъ духовенства, которые изъявили желаніе ежегодно вносить извѣстную сумму. Разъ, митрополитъ Арсеній чрезъ меня переслалъ въ Общество свои пожертвованія, 50 рублей, записавшись въ сборную книгу. Года два такъ велось мною это дѣло; но сборщикъ-то я былъ плохой, да и инымъ и не могъ быть: кругъ моихъ знакомыхъ крайне простъ, ограниченъ; мои сослуживцы, мои ученики и немногіе изъ Академіи и Семинаріи, вотъ и всѣ, къ кому я могъ обращаться съ предложеніями о пожертвованіяхъ, а печатное приглашеніе въ «Кіевлянинѣ», разъ помѣщенное, не принесло ни одного гроша. Между тѣмъ, Общество скоро разстроилось и закрылось съ тѣмъ, чтобы уступить мѣсто уже прочно поставленному Обществу подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы при живѣйшемъ участіи Св. Синода, и возникло уже въ новомъ видѣ въ Москвѣ по начинанію митрополита Иннокентія.—Только такимъ легкимъ дѣломъ стороннимъ я и могъ заниматься въ это время, кромѣ своего учительскаго дѣла. Эти годы были самыми тяжелыми годами въ моей жизни. Всегда болѣзненный, немощный, за все это время я ни одной строчки не напечаталъ, и если писалъ что̀, то только письма къ моимъ искреннимъ и добрымъ знакомымъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Кублицкой и Александрѣ Ивановнѣ Давыдовой. Ни одной книги серіозной не прочелъ; стану читать, въ головѣ точно туманъ надвигается, мятется, движется, что-то давитъ, читаю одно и тоже мѣсто по два, по три раза, чтобы понять. Только и читалъ, что сатиры Щедрина въ Отечественныхъ Запискахъ и подобное же легкое чтеніе, да газеты просматривалъ, а когда становилось нѣсколько легче, читалъ и болѣе серіозное, напр. богословскія сочиненія Хомякова, Исторію Церкви Гётте на Французскомъ языкѣ; но все это читалось урывками, медленно. Только фисгармоника и поддерживала бодрость духа, сглаживала и скрашивала эти острыя и мрачныя обнаруженія моего разстроеннаго здоровья. На урокахъ не разъ я заговаривался: думая назвать одного ученика, называлъ другого и даже не замѣчалъ этой ошибки; произношеніе даже затруднялось; я искажалъ слова, смѣшивая звуки, при разговорѣ забывалъ вдругъ названія самыхъ обыкновенныхъ вещей.

Разъ, гуляя, я проходилъ по улицѣ; вдругъ мимо меня пронеслась испуганная лошадь, разбивая дрожки, и что же? Моментально,

безсознательно, я отклонился отъ прямого пути по тротуару и вдругъ очутился уже на мостовой, увлекаемый какою-то невѣдомою силою по направленію къ мѣсту несчастія. Я уже писалъ выше, что въ этомъ мучительномъ состояніи я боялся прикасаться къ бритвѣ, брать въ руки ножъ: такъ и впивались глаза въ лезвее съ мыслію объ его страшномъ значеніи, какъ-то мучительно и неотвязчиво останавливалась мысль, вертѣлось въ головѣ что-то крайне тревожное. Я сталъ очень простудливъ: горло особенно часто болѣло и скребло тамъ что-то; не могъ ходить противъ вѣтру, и оттого съ наступленіемъ теплаго времени испытывалъ просто муку: куда ни пойдешь въ церковь, окна, двери настежъ. На лѣто я вовсе прекращалъ посѣщеніе своей гимназической церкви, гдѣ всегда приходилось ссориться изъ-за сквозного вѣтра съ инспекторомъ Паліенкомъ и съ церковнымъ служителемъ, а когда же бывалъ здѣсь, то забирался въ переднюю, запиралъ наружную дверь изъ корридора и тутъ ссорился, не пуская проходить этою дверью; словомъ, я шелъ въ церковь, непремѣнно ожидая каждый разъ непріятныхъ разговоровъ. Я чаще всего бывалъ въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ на хорахъ находилъ мѣстечко, защищенное отъ сквозняка; когда бывалъ въ Михайловскомъ, то тоже забирался на хоры...

По возвращеніи изъ Голосѣева въ 1869 г. я чувствовалъ себя на столько бодрымъ, что рѣшился просить двухнедѣльнаго отпуска въ Петербургъ, и 29 Августа отправился туда

Около часу я простоялъ предъ картиною Флавицкаго: Христіанкіе мученики. Привлекла эта картина мое вниманіе преимущественно живостью красокъ, естественностью освѣщенія, рельефностью фигуръ. Я чувствовалъ себя здѣсь, въ святилищѣ искусства, несказанно счастливымъ. Эти дорогія впечатлѣнія изъ міра искусства глубоко, глубоко заронились въ мою душу, и съ такимъ обновленіемъ духа я оставилъ негостепріимный Петербургъ. Такъ его называю потому, что за всѣ восемь дней пребыванія въ немъ я не видѣлъ хорошаго постояннаго солнца.

Едва дождался я вакаціи, и опять въ мое Голосѣево. Гуляя въ саду, я часто встрѣчался и съ митрополитомъ Арсеніемъ и разъ, въ 9 часовъ вечера, узналъ отъ него впервыя о возгорѣвшейся войнѣ между Франціей и Германіей.

Я написалъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Голосѣева, большую статью: «Старые обычаи и новые взгляды», помѣщенную въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей 1870 года №№ 47, 49, 50 и 51. По отзыву читавшихъ мои прежніе печатные труды, это было лучшее изъ

всего, что̀ я писалъ. Я это и самъ сознавалъ, ибо писалъ, можно сказать, вдохновенно, и особенно ту часть статьи, гдѣ рѣчь идетъ о таинствѣ брака.

Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, когда разъ зашла рѣчь, отчего же я самъ, такъ сердечно, съ такою вдохновенною любовью изображая христіанскій бракъ, не женюсь, замѣтилъ: «Понятно отчего. Вы высоко возносите идеалъ супружества; хотѣли вы этотъ идеалъ осуществить, но гдѣ же это возможно? По крайней мѣрѣ страшно трудно, и вы рѣшаетесь лучше отказаться отъ супружества, чѣмъ въ жизни, въ дѣйствительности, измѣнить этому высокому и святому идеалу.»... Истинно такъ. Надъ этимъ идеаломъ задумывался я еще съ 1858 года, и было время, когда, казалось, моя святая идея христіанской жизни въ бракѣ была близка къ осуществленію... Инымъ изъ моихъ духовныхъ знакомыхъ моя статья, однако, не понравилась. Ректоръ Академіи, арх. Филаретъ, который вообще былъ ко мнѣ очень внимателенъ и даже бывалъ у меня праздниками съ визитомъ, принимая и у себя, послѣ появленіи этой статьи, уже сталъ отсутствовать изъ дому въ мой приходъ, и трижды сряду... Протоіерей Ѳаворовъ, профессоръ богословія въ Университетѣ, тоже сталъ тяготиться моими посѣщеніями, и лишь приду, все собирается ѣхать то въ комитетъ какой-либо, то въ Академію и пр. и когда я просилъ его сказать мнѣ свое мнѣніе о статьѣ, лаконически отозвался: «Вы человѣкъ традиціи». Вѣроятно, онъ въ ту минуту противополагалъ меня «человѣку науки и самостоятельнаго сужденія» и, не находя въ моей сердечной статьѣ и тѣни академической учености (которой, дѣйствительно, и нѣтъ въ ней) не особенною заслугою для меня и не особенною честью считалъ мою вѣрность церковному пониманію жизни. «Традиція!»... Больно отозвались въ душѣ моей эти слова признанія церковнаго міросозерцанія чѣмъ-то недостойнымъ высокаго ума. «Человѣкъ традиціи», сколько презрительнаго слышится въ этомъ отзывѣ! Этотъ отзывъ о традиціи нѣсколько былъ знако̀мъ мнѣ, но совершенно при другомъ обстоятельствѣ. Въ пору моего сильнѣйшаго нервнаго разстройства, въ эти злополучные годы 1866—1870 г., я топталъ довольно таки пороги врачей. У кого я не бывалъ? И у Шварца, и у Алферьева, и у Меринга, и у Мацони, и у Покровскаго, ища облегченія своимъ недугамъ. Какихъ совѣтовъ не надавано мнѣ? Какихъ страховъ не насказали? «Нужно жениться; такое состояніе какъ ваше, можетъ довести до эпилепсіи, съ ума сходятъ!» П... такъ убѣждалъ меня: «нельзя молодому человѣку держаться буквально церковнаго ученія о бракѣ, какъ таинствѣ...» Далѣе, понятно, что̀ совѣтывалось. Эти ехидны, шипящія въ тиши своихъ кабинетовъ, сколько

они молодыхъ жизней отравили смертоносьымъ ядомъ своихъ авторитетныхъ совѣтовъ. Какой духъ вносятъ они въ свои лекціи по медицинскимъ аудиторіямъ! Но Господь сохранилъ меня отъ этого яда медицинскихъ знаменитостей: далъ мнѣ крѣпкую увѣренность, что Заступникъ мой спасетъ, сохранитъ и помилуетъ Своею благодатію душу Ему ввѣрившуюся и ввѣрившую Ему всю свою жизнь. Иное говорили люди здраваго ума, не омраченнаго новыми теоріями физіологіи. Когда я сѣтовалъ предъ И. Я. Р..., что мучусь ночными кошмарами, онъ успокоивалъ: «Это возрастъ вашъ такой, переживете эту пору, пройдетъ...» И когда я о. Назарію Ѳаворову передавалъ, въ какое смущеніе привелъ меня врачъ, грозившій мнѣ падучею болѣзнію, онъ успокоительно замѣтилъ: «Они всѣ такъ думаютъ да и живутъ, какъ думаютъ. Охота есть, женитесь; нѣтъ, не бойтесь: Господь сохранитъ...» И Господь сохранилъ меня. Мнѣ было уже въ то время 37 лѣтъ, и съ 1871 года я рѣже и рѣже испытывалъ тѣ ужасныя состоянія галлюцинацій, которыя приводили меня въ страхъ за эти тяжелые годы испытанія. И мысль моя окрѣпла, и я попрежнему сталъ писать коечто и для печати. Такъ въ періодъ до 1874 года были напечатаны мои статьи въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей: «Братія св. храма» (1872 г. №№ 26 и 27), «Тяготы священства» (1873 №№ 1 и 2), большая статья: «По поводу печатныхъ и устныхъ мнѣній о монастыряхъ» (1873 №№ 28—31), въ «Гражданинѣ»; «Къ вопросу о монастыряхъ» (1873. № 31.) въ «Другѣ Народа» «Отрывки изъ воспоминаній Кіевскаго сторожила» 1873 г. №№ 2, 3, 4, въ Циркулярѣ по управленію Кіевскимъ учебнымъ округомъ; «Патріотизмъ въ воспитаніи» (1870 №№ 3, 4) (эта же статья была помѣщена и въ Страннинѣ, нѣсколько раньше и за нее я получилъ Странникъ за прежнія семь лѣтъ въ видѣ вознагражденія). У меня собралось за статьи въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей довольно заработанныхъ денегъ, и я рѣшился сбыть свою Вѣнскую фисгармонику, очень крикливую и пискливую, и купить Парижскую Дебена, мягкую, нѣжную и съ бо́льшимъ числомъ регистровъ, отдалъ Вѣнскую и, приплативъ къ ней кажется 150 р., пріобрѣлъ Дебеновскую съ 13-ю регистрами. Теперь, имѣя прекрасную, хотя и небольшую, фисгармонику, я съ наслажденіемъ предавался занятіямъ музыкою, хотя и съ большими перерывами: внизу была больная жена И. Я. Ростовцева, и я все время ея болѣзни вовсе не игралъ; тоже было, когда и сестра моя была больна тифомъ. Но пора этаго лишенія проходила, и я съ прежнею любовью спѣшилъ къ своему дорогому другу, фисгармоникѣ, постоянно дополнялъ собраніе нотъ и объ одномъ горько сожалѣлъ: болѣзненность моя мѣшала съ самого начала развить достаточно механизмъ бѣглой игры, отчего я могъ разыгрывать только музыку спо-

койнаго темпа и плавнаго движенія, а многія неисчерпаемыя богатства церковной музыки Западной церкви, да и многіе изъ концертовъ Бортнянскаго и Львова требовали отъ меня невозможныхъ усилій, ставя преграды моему наслажденію. Тиха, скромна была наша жизнь. Я и сестра и все одна и таже наша прислуга, Александра, съ 1858 года жившая у насъ; постоянная тишина, миръ, невозмутимое спокойствіе, чтеніе и музыка. Квартира маленькая еще болѣе стала милою, когда, возвратившись изъ Петербурга, я убралъ стѣны обѣихъ комнатъ привезенными оттуда фотографіями и другими картинами, большими и маленькими, особенно изъ міра дѣтей, нарочно мною собранными въ немаломъ числѣ, именно изъ этого дорогого мнѣ міра, гдѣ текла и нынѣ, благодареніе Богу, протекаетъ моя жизнь. Такъ убранная квартира представляла маленькую картинную галлерею. .

Дальнѣйшія страницы Воспоминаній Н. Д. Богатинова заняты описаніями его недуговъ и благочестивыми разсужденіями. Въ самомъ концѣ помѣта: „29 Марта 1884 г. Острогъ. Учительская Семинарія“. *Н. Б.*

Нѣсколько словъ о Н. Д. Богатиновѣ.

Я хорошо помню Н. Д. Богатинова, такъ какъ былъ его ученикомъ, поступивъ въ I-й классъ Кіевской I-й гимназіи въ концѣ Августа 1854 г. Дубницкаго (стр. 425) я уже не засталъ, и Русскій языкъ преподавалъ намъ Постеловскій (онъ же и надзиратель). Чему онъ насъ училъ—не помню; но вспоминаю, что онъ заставилъ насъ покупать какую-то сѣраго вида и плохой печати брошюрку, имъ изданную, въ которой было напечатано нѣсколько первыхъ стиховъ изъ Фелицы Державина, раздѣленныхъ по стопамъ; стоила эта брошюрка, кажется, 7 копѣекъ. За плохой отвѣтъ Постеловскій билъ ученика кольцомъ (на указательномъ пальцѣ) по головѣ; говорили, что это больно; но я самъ не испыталъ; а видать—не рѣдко видалъ.

Богатиновъ былъ невысокаго роста, довольно плотный, шатѐнъ съ нѣсколько вьющимися волосами; лицо у него было не выразительное, пожалуй бы, довольно красивое, если бы на немъ не было множества прыщей. Ходилъ онъ медленно, говорилъ тихо и слейно, каждому слову старался придать выраженіе. Учитель онъ былъ прекрасный, и мы ему обязаны знаніемъ языка въ предѣлахъ гимназическихъ требованій и безошибочнымъ правописаніемъ; между тѣмъ уроки его были не трудны, подготовляться къ нимъ почти не приходилось. Особенно онъ заинтересовывалъ насъ письменными работами, и мы охотно писали ему сочиненія; я, наприм., помню, что написалъ для него сочиненіе еще въ I-мъ классѣ гимназіи: изобразилъ весну по отрывку изъ Евгенія Онѣгина („Гонимы вешними лучами“). Въ IV-мъ классѣ писались сочиненія уже вполнѣ порядочныя, а дальше—не знаю, такъ какъ ни теоріи словесности, ни исторіи Русской литературы я у Богатинова не учился.

Охотно онъ читалъ намъ отрывки изъ нашихъ классическихъ писателей; особенно любилъ Жуковскаго, многія стихотворенія котораго мы заучили; я помню, съ какимъ чувствомъ читалъ онъ разсказъ о смерти Зораба и жалобахъ Рустема; мы плакали....

Тѣмъ не менѣе Богатиновъ не пользовался у насъ особенной симпатіей, хотя именно хотѣлъ быть любимъ своими учениками. Онъ не искалъ среди нихъ популярности, подобно Янсону; но видимо хотѣлъ стать съ ними въ близкія отношенія, заслужить ихъ довѣріе, и это ему не удавалось. Его любили, какъ почти всѣхъ нашихъ учителей—не больше; между тѣмъ Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго (нынѣ извѣстный ученый, профессоръ Петербургскаго университета), Рупневскаго и особенно Девьена мы любили гораздо больше, хотя Петрушевскій вовсе не старался сблизиться съ учениками, а Рупневскій былъ даже грубоватъ и могъ въ запальчивости хватить ученика линейкой по спинѣ (что̀ я испыталъ на себѣ). Но Петрушевскій, Девьенъ и Рупневскій были люди большой умственной силы; гимназисты чувствовали ту безконечную пропасть, которая лежала между знаніями своими и этихъ трехъ наставниковъ, и безпредѣльно преклонялись предъ ихъ авторитетомъ. Въ Богатиновѣ же, да и во многихъ другихъ учителяхъ того времени, чувствовались люди рядовые, знанія, недавно усвоенныя и недалеко ушедшія отъ знаній развитого гимназиста высшаго класса. А молодость такъ чутка.

На стр. 428 Богатиновъ упоминаетъ, что онъ бралъ къ себѣ въ отпускъ дѣтей изъ пансіона, учениковъ I-го класса. Я былъ въ числѣ таковыхъ. Помню, Богатиновъ взялъ меня и еще кого-то изъ моихъ товарищей въ отпускъ въ Субботу, послѣ уроковъ, если даже не послѣ обѣда. Первымъ дѣломъ онъ повелъ насъ къ вечернѣ, потомъ мы напились у него чаю и часовъ до 9 разговаривали о томъ, о чемъ могли говорить дѣти: о своихъ родныхъ, да о Гимназіи; онъ же все время дѣлалъ намъ наставленія. Сестры его я не помню, но мать была совсѣмъ простая женщина, типа Кіевской мѣщанки. Припоминается, что я въ разговорѣ сказалъ какое-то рѣзкое выраженіе, кого-то назвалъ подлецомъ. Боже мой! Богатиновъ чуть не заплакалъ и началъ меня стыдить; пилилъ, пилилъ безъ конца; я, впрочемъ былъ изъ любимыхъ его учениковъ. Спалось намъ у него хорошо. Въ Воскресенье утромъ мы были съ Богатиновымъ въ церкви, пообѣдавъ очень скромно и неприхотливо, гуляли, а къ 7 ч. вечера онъ уже доставилъ насъ въ пансіонъ. Словомъ, время мы провели у него скучновато. Потомъ онъ взялъ въ отпускъ иныхъ пансіонеровъ и т. д.; другіе учителя этого не дѣлали, развѣ ученикъ былъ ихъ родственникъ или изъ знатной семьи.

На стр. 431 Богатиновъ сообщаетъ о пріемѣ въ Кіевѣ императора Александра II, въ 1857 г. И объ этомъ крупномъ для Кіева событіи помнится мнѣ кое-что не только слышанное, но и видѣнное; ограничусь дополненіемъ къ разсказу Богатинова.

Намъ гимназистамъ показывали тріумфальные ворота: показали какъ нашъ актовый залъ, библіотека и другія комнаты были приготовлены для царскаго пріема. Пансіонеровъ, сколько я помню, никуда не выводили изъ зданія Гимназіи, и мы изъ слуховыхъ оконъ 3-го этажа смотрѣли на царскій балъ, хотя трудно было увидѣть что либо кромѣ громадной въ видѣ спирали зеленой люстры съ восковыми свѣчами. Неудовлетворенный видѣннымъ, я пошелъ спать въ дортуаръ и вдругъ проснулся отъ чего-то холоднаго, брошеннаго мнѣ прямо въ лицо. Опомнился—оказался большой кусокъ мороженаго; я сталъ его уписывать, но дѣло было интереснѣе. Гимназисты, послѣ разъѣзда, пробрались въ буфетъ, гдѣ нашли обиліе благъ земныхъ и начали пировать: старшій братъ мой, принявшій въ этомъ участіе, вспомнилъ обо мнѣ и отправился меня будить, захвативъ на всякій случай кусокъ мороженаго. Конечно, мы тотчасъ же сбѣжали внизъ и пристали къ пирующимъ, не разбирая, что́ намъ приходилось ѣсть и въ какомъ порядкѣ. Я послѣ мороженаго захватилъ рябчика, потомъ какой-то сыръ; мы что-то и пили. А затѣмъ вошелъ въ буфетъ какой-то важный баринъ и сказалъ намъ по польски: „Прошу васъ, господа, выпить за здоровіе Государя“. Тогда прислуга (не мѣшавшая нашему пиру) стала откупоривать Шампанское и угощать насъ. Мы пили, кричали ура! Потомъ пили за угощавшаго насъ пана и т. д. Досидѣлись мы до бѣла свѣта, и многіе пошли въ дортуары далеко нетвердою поступью.

А. Маркевичъ.

Одесса.
15 Іюля 1899 г.

При печатаніи воспоминаній Н. Д. Богатинова въ „Русскомъ Архивѣ“ нѣкоторыя фамиліи прочтены неправильно: Учитель, инспекторъ І-й Кіевской гимназіи названъ Пристичемъ, его фамилія была *Пристюкъ*. Вмѣсто Постаневскій надо Постеловскій; вмѣсто Кулаковскій надо Куликовскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И. В. ЕФИМОВА О ГРАФѢ Н. Н. МУРАВЬЕВѢ-АМУРСКОМЪ *).

Въ концѣ Мая 1848 года, управляя, съ Января того года, казеннымъ Илгинскимъ винокуреннымъ заводомъ (около 400 верстъ отъ Иркутска, на Илгѣ, притокѣ Лены), я получилъ предписаніе явиться къ новому генералъ-губернатору Восточной Сибири, Н. Н. Муравьеву. Слухъ объ его пріемѣ и дѣятельности достигъ уже и въ ту глушь, въ которой я жилъ. Не желая, да и не имѣя привычки, медлить по службѣ, я въ тотъ же день, какъ получилъ предписаніе, выѣхалъ, утромъ на другіе сутки былъ въ Иркутскѣ и, прибравшись съ дороги, поѣхалъ къ Муравьеву. Когда ему обо мнѣ доложили, то онъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Войдя туда и поклонившись ему, я доложилъ, что я такой-то и явился по его предписанію. Онъ вышелъ изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ, подалъ мнѣ руку и сказалъ: «Я слышалъ о васъ много хорошаго. Въ то время, когда всѣ боялись откупа, вы преслѣдовали его злоупотребленія и за это потерпѣли. Я надѣюсь, что и при мнѣ будете служить хорошо. Я вызвалъ васъ сюда, чтобы видѣть васъ и поручить вамъ содѣйствовать моему чиновнику особыхъ порученій Бершадскому, съ которымъ вы завтра же должны ѣхать обратно въ заводъ, къ раскрытію злоупотребленій вашего предшественника». Выслушавъ все это и поклонившись за добрыя слова, я сказалъ ему: «Позвольте, в. в—во, остаться мнѣ на четыре дня. У меня очень больна жена и здѣсь лѣчится». Два раза повторилъ Муравьевъ свое приказаніе, и два раза я повторилъ ему мою просьбу. Тогда онъ, подумавъ немного, позвалъ бывшаго въ сосѣдней комнатѣ Бершадскаго, и когда тотъ вошелъ, то онъ, представивъ насъ другъ другу, указывая на меня сказалъ: «Съ нимъ ничего не подѣлаешь. Я

---

*) „Русскому Архиву" не можетъ быть недорого имя графа Н. Н Муравьева-Амурскаго (1803—1881), государственное служеніе котораго на дальнемъ нашемъ Востокѣ имѣетъ столь важное значеніе для исторіи, и мы должны поблагодарить Ивана Владимировича Ефимова за дозволеніе привести эти страницы изъ его книжки: „Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій предъ судомъ профессора Н. Н. Буцинскаго", С.-ПБ. 1896. П. Б.

оставляю его въ Иркутскѣ на четыре дня. Вы отправляйтесь завтра, а онъ пріѣдетъ вслѣдъ за вами». Все это оба мы съ Бершадскимъ исполнили, какъ было приказано.

Вотъ первое мое свиданіе съ Николаемъ Николаевичемъ.

*

Въ концѣ Августа того же года я, совершенно неожиданно для меня, былъ, по распоряженію Николая Николаевича, переведенъ на такую же должность въ Александровскій, тоже винокуренный, но гораздо болѣе значительный заводъ [1]), въ 70 верстахъ отъ Иркутска. (Тамъ теперь центральная тюрьма). Проѣзжая къ новому мѣсту служенія, я опять явился къ Муравьеву и выслушалъ отъ него повтореніе, что онъ надѣется на хорошую службу. Должности начальниковъ этихъ заводовъ не требовали никакихъ разъѣздовъ и были, какъ говорится, сидячія. Я думалъ, что также буду сидѣть и я. Случилось противное. Только-что я кончилъ пріемъ завода, въ Ноябрѣ 1848 г., какъ получаю предписаніе Муравьева произвести закупъ хлѣба для винокуренныхъ заводовъ и другихъ мѣстъ гражданскаго вѣдомства и пріѣхать въ Иркутскъ за деньгами. Передавъ управленіе только-что принятымъ заводомъ помощнику (казначею завода), я отправился въ тотъ же день въ Иркутскъ и на завтра явился къ Муравьеву. Потребовавъ меня въ кабинетъ, гдѣ никого, кромѣ насъ съ нимъ, не было, онъ высказалъ причину, по которой закупъ хлѣба поручается мнѣ, и добавилъ: «Хотя постановленіемъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, утвержденнымъ мною, высшая цѣна за пудъ ржаной муки назначена 30 к.; но если нельзя будетъ пріобрѣсти ее по этой цѣнѣ, то вы не стѣсняйтесь, понемногу прибавляйте. Я надѣюсь, что вы безъ надобности этого не сдѣлаете. Только пусть это разрѣшеніе останется между нами, и вы о немъ никому не говорите» [2]).

Откланявшись Муравьеву и получивъ изъ казначейства деньги, я отправился по Иркутскому округу (впослѣдствіи изъ него сдѣлано три: Иркутскій, Балаганскій и Верхоленскій) исполнять порученный мнѣ закупъ. Съ перваго приступа къ нему я убѣдился, что купить дешевле 32 копѣекъ нельзя, и началъ покупать по этой цѣнѣ. Время отъ времени, но не дольше какъ чрезъ двѣ недѣли, я представлялъ Муравьеву рапортъ о количествѣ купленнаго хлѣба, который и передавался имъ

---

[1]) Заводы Илгинскій и Александровскій были тогда казенные. Составъ рабочихъ былъ изъ каторжныхъ.

[2]) Точно такое же распоряженіе отдано было имъ Бернгарду Васильевичу Струве, съ которымъ мы двое, каждый для назначенныхъ ему вѣдомствъ, независимо другъ отъ друга, и покупали. Прежде, въ случаѣ неудачи покупки хлѣба съ торговъ, посылались комиссіи, а намъ Муравьевъ поручилъ двоимъ и порознь другъ отъ друга. Оба мы порученія, данныя намъ, исполнили.

управлявшему 3-мъ отдѣленіемъ Главнаго Управленія, члену Совѣта, Н. Е Тюменцову. Забавное у меня съ послѣднимъ вышло по этому закупу однажды недоразумѣніе. Пріѣхавъ къ моимъ роднымъ въ то время, когда я былъ у нихъ (проѣздомъ чрезъ Иркутскъ изъ одной мѣстности въ другую) онъ, довольно строгимъ, какъ бы начальническимъ тономъ, спросилъ меня: «Что это вы дѣлаете?»—«А что?»—«Вы покупаете ржаную муку по 32 к., тогда какъ разрѣшено только по 30 к.».—«Какъ же я куплю по вашей цѣнѣ, когда по ней не продаютъ?»—«Мы васъ, за нарушеніе предписанія, отдадимъ подъ судъ».—«Ну, что же дѣлать, и отдавайте», сказалъ я. Этого не случилось: вѣроятно, послѣ, когда кончился закупъ, Муравьевъ открылъ причину моего произвола. Умный и дѣльный человѣкъ былъ Тюменцовъ (одинъ изъ числа нѣсколькихъ, оставшихся еще отъ временъ Трескина), но привыкшій, какъ и нѣкоторые другіе, при предмѣстникахъ Муравьева, изображать изъ себя большое начальство. Муравьевъ же нивелировалъ всѣхъ такъ, что дѣйствительно оставалось только начальство въ предѣлахъ той власти, которая каждому предоставлена закономъ, и совѣтники и начальники отдѣленій изъ своихъ рамокъ уже не выходили.

*

Въ первыхъ числахъ Апрѣля 1849 г. Муравьевъ опять вытребовалъ меня въ Иркутскъ, и когда я къ нему явился въ кабинетъ, то онъ, предложивъ сѣсть, началъ говорить мнѣ: «Вы знаете, что Илгинскій заводъ предположено закрыть, и разрѣшеніе на это получится скоро; значитъ, нужно уменьшить на немъ команду рабочихъ и сдѣлать это заблаговременно. Теперь мнѣ разрѣшено устроить желѣзодѣлательный заводъ Николаевскій, въ Братской волости, Нижнеудинскаго округа. Съ Урала уже пріѣхалъ строитель завода, горный инженеръ Бароцци-де-Эльсъ; вотъ я и думаю взять съ Илгинскаго завода ему, для Николаевскаго, 150 человѣкъ каторжныхъ. Но онъ, какъ высказался мнѣ, народа этого совершенно не знаетъ, а вы знаете его хорошо; то, пожалуйста, познакомьте его съ ними, сообщивъ ему всѣ нужныя свѣдѣнія. Я пошлю за нимъ тотчасъ, а вы поѣзжайте домой, къ себѣ: онъ къ вамъ пріѣдетъ». Выслушавъ все это, я спросилъ, не будетъ ли еще какихъ приказаній и, получивъ отрицательный отвѣтъ, попросилъ позволенія, покончивъ разговоръ съ Бароцци, возвратиться въ заводъ. Послѣ этого я уѣхалъ къ себѣ. Вскорѣ пріѣхалъ ко мнѣ И. А. Бароцци, и я, насколько могъ, ознакомилъ его съ бытомъ и характеромъ каторжныхъ, для выбора которыхъ и отправленія съ военнымъ конвоемъ онъ долженъ былъ ѣхать въ Илгинскій заводъ самъ. Нужно замѣтить, что по всему тракту отъ Илги до Иркутска прежде не было

этапныхъ, для провода партій, помѣщеній (есть ли теперь, не знаю), и поэтому онъ высказалъ опасеніе, что часть каторжныхъ можетъ разбѣжаться. Зная хорошо ихъ характеръ, я говорилъ ему, что при человѣчномъ, дружескомъ къ нимъ отношеніи это едва ли можетъ случиться. При этомъ я имѣлъ неосторожность сказать, что если бы я былъ на его мѣстѣ, то провелъ бы ихъ безъ всякаго военнаго конвоя, взявъ только съ нихъ слово, что не убѣгутъ. Тѣмъ кончился нашъ разговоръ. Бароцци отъ меня уѣхалъ, а я послалъ на станцію за лошадьми и, когда привели и запрягли ихъ, вышелъ и сѣлъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать. Только-что хотѣли двинуться, какъ пріѣзжаетъ жандармъ и, подходя къ тарантасу, говоритъ мнѣ, что меня требуетъ генералъ [1]). Я приказалъ тотчасъ вынести вещи, отправить назадъ лошадей и, переодѣвшись, поѣхалъ къ Муравьеву. Вхожу въ кабинетъ, и онъ тотчасъ же спрашиваетъ меня: «Вы, Из. Владим., говорили Бароцци, что на мѣстѣ его, выбравъ каторжныхъ, провели бы ихъ безъ конвоя?» Зная Муравьева, я тотчасъ догадался, къ чему это клонится, и повторилъ то, что̀ было мною сказано. Тогда онъ встаетъ, подаетъ мнѣ руку и говоритъ: «Ну, такъ поѣзжайте въ Илгу, выберите рабочихъ, только крѣпкихъ, здоровыхъ и не стариковъ, и проводите ихъ сами; только поскорѣе, чтобы застать меня здѣсь, до отъѣзда въ Камчатку, а теперь садитесь и разскажите, какъ вы думаете это сдѣлать». Сѣвъ, я попросилъ его позволить мнѣ: 1) для выигрыша времени, сокращенія пути и уменьшенія расходовъ, вести ихъ не на Иркутскъ, а прямо черезъ волокъ съ Илги на Ангару [2]), и тамъ сдать ихъ Бароцци въ условленномъ между нами мѣстѣ; 2) для охраны багажа и присмотра, чтобы кто изъ рабочихъ, при проходѣ селеній, гдѣ есть кабаки, не забѣжалъ въ кабакъ и не напился, взять изъ казачьей команды шесть казаковъ; 3) чтобы, въ случаѣ надобности, земское волостное и сельское начальство оказывало мнѣ содѣйствіе, и 4) снять кандалы со всѣхъ каторжныхъ. Муравьевъ сказалъ, что пришлетъ сейчасъ мнѣ обо всемъ этомъ предписаніе, пожелалъ исполнить хорошо порученіе

---

[1]) Въ Иркутскѣ такъ звали только генералъ-губернатора, остальныхъ же генераловъ по занимаемымъ ими должностямъ.

[2]) Я велъ ихъ такъ: отойдя отъ завода къ Знаменкѣ 3 версты, свернулъ на Чуловшину, Монастырщину, Балыхту, здѣсь перевалилъ чрезъ Березовой хребетъ, потомъ на Муйскую, Устьудинскую, Милославскую, и сдалъ Бароцци въ Яндахъ; а обыкновенный путь долженъ былъ быть: Знаменка, Пономарева, потомъ вверхъ по Ленѣ до Качуга, оттуда до Иркутска, затѣмъ Московскимъ трактомъ, уже по этапамъ, до Тулуна, отъ него, по дорогѣ къ Братскому острогу, до деревни Далоновой и, наконецъ, въ заводъ. Привожу здѣсь этотъ маршрутъ для того, что, можетъ быть, кто-нибудь изъ читателей поинтересуется увидѣть на картѣ разницу разстоянія путей обыкновеннаго и того, по которому велъ я. Въ Илгинскій заводъ изъ Александровскаго я выѣхалъ 13 Апрѣля, а въ Иркутскъ, кончивъ порученіе, возвратился утромъ 15 Мая.

и, пожавъ мнѣ руку, добавилъ: «Постарайтесь застать меня здѣсь, я поѣду 15 Мая». Разставшись съ нимъ, я поѣхалъ въ свой заводъ, а оттуда вскорѣ же въ Илгинскій, гдѣ выбралъ 153 человѣка каторжныхъ, самыхъ здоровыхъ, большею частью изъ числа осужденныхъ въ кандалы на срокъ отъ 5 до 20 лѣтъ и, заготовивъ для нихъ, что̀ было нужно, отправился съ ними въ дорогу. Сколько дней шли мы, теперь не помню. Выйдя на Ангару, я остановился, не доходя двѣнадцати верстъ до Яндовъ, куда долженъ былъ приплыть Бароцци, въ деревнѣ Милославской, такъ какъ въ ней не было кабака, а въ Яндахъ онъ былъ. Здѣсь прожилъ я, въ ожиданіи Бароцци, болѣе недѣли и, наконецъ, получивъ отъ него увѣдомленіе, что онъ приплылъ въ Янды, отвелъ ему туда всю мою партію, заковавъ рабочихъ попрежнему въ кандалы, которыя были мною имъ приказано снять по выходѣ изъ завода. Я успѣлъ застать Николая Николаевича въ Иркутскѣ, въ день его отъѣзда. Поблагодаривъ за исполненіе, онъ поручилъ меня вниманію и расположенію остававшагося на мѣсто его Иркутскаго губернатора, Владимира Николаевича Зарина, бывшаго у него въ кабинетѣ, когда я пришелъ туда съ моимъ докладомъ. Привожу все это въ примѣръ того, какъ скоро, рѣшительно, безъ лишней траты бумаги и чернилъ, все дѣлалось у Муравьева; потому именно, что онъ, гдѣ только это было возможно, распоряжался лично самъ, избѣгая излишней переписки.

Этотъ эпизодъ описанъ у Б. В. Струве, въ книгѣ его «Воспоминанія о Сибири», стр. 37 и 38. Но тамъ вкрались двѣ ошибки: первая та, что будто бы на порученіе это вызвался я самъ, тогда какъ его далъ мнѣ Н. Н. Муравьевъ, и вторая,—что козаковъ было 24, тогда какъ ихъ было только шесть. Всей козачьей команды въ Илгинскомъ заводѣ было только 12 человѣкъ, и я взялъ изъ нихъ половину. Б. В. Струве, которому я указывалъ на эти ошибки, хотѣлъ ихъ исправить, но помѣшала смерть.

*

По возвращеніи Муравьева изъ Камчатки, мнѣ, по дѣламъ службы, случалось не разъ быть въ Иркутскѣ; но ни разу, когда я къ нему являлся, онъ не позвалъ меня въ кабинетъ, а принималъ въ залѣ и никогда не подавалъ, какъ это бывало прежде, руки. Я видѣлъ, что онъ за что-то на меня сердится. Но за что, не знаю, такъ какъ ничего за собою не имѣлъ. Такъ продолжалось довольно долго. Наконецъ, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ, когда ему обо мнѣ доложили, онъ приказалъ позвать меня въ кабинетъ. Входя туда, я неплотно прикрылъ за собою входную дверь, а онъ, отвѣтивъ на мой поклонъ, тотчасъ же сказалъ: «прикройте хорошенько, чтобы не было слышно;

я хочу васъ погонять», и видя мой удивленный взглядъ, сейчасъ же добавилъ: «какъ человѣкъ, который васъ любитъ». Исполнивъ его приказаніе, я подошелъ къ столу, за которымъ онъ сидѣлъ, и онъ, подавъ мнѣ чрезъ столъ руку, приказалъ садиться; но я остался на ногахъ. Тогда онъ началъ: «Мнѣ сказалъ Владимиръ Николаевичъ (Заринъ), что вы, не получивъ награды, къ которой я васъ представлялъ, обидѣлись, небрежно исполняли возложенный на васъ безъ меня, лѣтомъ, закупъ хлѣба и не докупили всей назначенной пропорціи». Слова о представленіи меня къ наградѣ и объ отказѣ въ ней были для меня новостью, и я впервые тутъ отъ него объ этомъ услыхалъ. Объяснивъ ему все это, я добавилъ, что закупъ хлѣба сдѣланъ мною даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ было мнѣ приказано; заводъ на первое дѣйствіе хлѣбомъ обезпеченъ; продолжать же закупъ еще было невозможно, потому что, по случаю начавшейся жатвы, земледѣльцы не имѣли бы возможности выполнить подряда, Владимиръ Николаевичъ сказалъ ему ошибочно, потому что былъ самъ обманутъ невѣрнымъ ему докладомъ. Муравьевъ видимо былъ недоволенъ и живо спросилъ меня: «вы знаете, кто это ему такъ доложилъ?» Я отвѣчалъ ему, чтобы онъ позволилъ умолчать. Онъ повторилъ свой вопросъ, а я повторилъ свой отказъ и за тѣмъ сказалъ, что, въ избѣжаніе на будущее время подозрѣній, что я, не получая наградъ, обижаюсь и манкирую службой, прошу его ни къ какимъ наградамъ меня не представлять и что самая лучшая награда для меня то расположеніе и довѣріе, которыми я у него пользуюсь. Онъ началъ доказывать, что для молодаго человѣка (мнѣ не было 30 лѣтъ) награды лестны. Я повторилъ высказанныя раньше слова, а затѣмъ, выпросивъ перемѣну двоихъ оставшихся мнѣ отъ предмѣстника чиновниковъ, откланялся и уѣхалъ. Нужно добавить, что съ 1848 г. до отъѣзда моего въ Енисейскую губернію (въ Мартѣ 1856 года) это былъ единственный случай неудовольствія на меня Муравьева.

*

Лѣтомъ 1852 года, но не помню, въ какомъ мѣсяцѣ, Муравьевъ вызвалъ меня въ Иркутскъ, и когда я къ нему явился, то онъ предложилъ мнѣ принять обязанность земскаго исправника Иркутскаго округа, раздѣленнаго потомъ, какъ уже выше сказано, на три. Предложеніе это онъ объяснялъ тѣмъ, что округъ этотъ, прежде чѣмъ раздѣлить, необходимо исправить и взыскать много накопившихся какъ хлѣбныхъ, такъ и денежныхъ недоимокъ, а также исправить запущенныя дороги. Не желая принимать на себя обязанности, которая (какъ хорошо зналъ я) потребуетъ, при обширности округа, разъѣздовъ въ разное время не менѣе девяти мѣсяцевъ въ году, я просилъ меня отъ

этого избавить, оставивъ по прежнему въ заводѣ. Не смотря на это, онъ попробовалъ еще убѣждать меня; но я все-таки отказался, добавивъ, что въ противномъ случаѣ я буду просить его уволить меня въ отставку. Нужно сказать, что за нѣсколько мѣсяцевъ до того времени я, безъ всякихъ служебныхъ поводовъ, а собственно потому, что меня приглашали, на выгодныхъ для меня условіяхъ, на пріиски Е. А. Кузнецова по Ленѣ (въ компаніи тогда еще съ К. П. Трапезниковымъ) просилъ уже позволенія выйдти въ отставку; но Муравьевъ тогда убѣдилъ меня остаться на службѣ. Значитъ, теперь я имѣлъ полное право повторить мою просьбу, и Муравьевъ, вѣроятно, сознавая это, оставилъ меня въ заводѣ.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же года, когда я пріѣхавъ по дѣламъ службы въ Иркутскъ и явился къ Муравьеву, то онъ, поговоривъ со мною немного, приказалъ, чтобы я пришелъ къ нему, не помню въ тотъ ли день, или назавтра, вечеромъ. Исполняя это приказаніе, я къ нему явился и былъ тотчасъ позванъ въ кабинетъ. Тамъ я засталъ его одного за письменнымъ столомъ, и онъ, подавъ мнѣ, когда я подошелъ къ столу, руку, предложилъ сѣсть противъ него. Оказалось, что онъ призвалъ меня собственно для того, чтобы опять предложить должность исправника. Дорого цѣня всегдашнія ко мнѣ довѣріе и расположеніе, я высказалъ ему это, добавивъ, что не въ силахъ отказаться и соглашаюсь, но только на извѣстныхъ условіяхъ. По требованію его, я высказалъ ихъ ему подробно, и онъ, вполнѣ согласившись съ ними, никогда не нарушалъ ихъ самъ и не дозволялъ нарушать другимъ. Закончивъ этотъ разговоръ, я хотѣлъ было уже встать и откланяться, какъ онъ меня спросилъ: «Скажите, Ив. Вл. давно ли вы знакомы «съ П..ъ?» Удивленный подобнымъ, постороннимъ къ дѣлу вопросомъ, я подумалъ и, припомнивъ, отвѣчалъ, что съ 1845 года. Тогда онъ вдругъ сказалъ мнѣ: «Я бы вамъ совѣтовалъ прекратить это знакомство». Взволнованный этимъ совѣтомъ, я вскочилъ съ кресла и придвинулъ его такъ, что спинка пришлась вплоть къ столу, а ножки оказались подъ столомъ. Вижу, что Муравьевъ смотритъ на меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Тогда я сказалъ ему: «Простите, в. в. п—во, что я не могу исполнить вашего желанія». Смотря на меня пытливо и наклонивъ немного на право голову (это была у него, мнѣ кажется, привычка) онъ спросилъ меня: «А почему же?» Я отвѣчалъ ему: «А потому, что вы первый будете имѣть право назвать меня подлецомъ, если мои знакомства съ людьми я буду соображать съ вашимъ къ нимъ расположеніемъ или нерасположеніемъ». На этомъ кончился нашъ разговоръ о знакомствѣ съ П..ъ. Я хотѣлъ уже откланяться; но находчивый всегда Николай Николаевичъ, не желая, должно быть, такъ

круто порвать, перешелъ къ служебнымъ вопросамъ и отпустилъ меня тогда, когда мы ихъ закончили.

*

Въ Январѣ 1853 года я былъ переведенъ изъ завода на должность исправника въ Иркутскъ, куда, сдавъ заводъ, и пріѣхалъ въ Февралѣ, за нѣсколько дней до отъѣзда Николая Николаевича въ Петербургъ. По заведенному искони порядку я долженъ былъ провожать его до границы моего округа, если не будетъ приказано ѣхать до первой станціи слѣдующаго. Онъ выѣхалъ изъ Иркутска въ Февралѣ (числа не помню) вмѣстѣ съ своею женою, Екатериной Николаевной, въ трехъ экипажахъ. Вмѣстѣ съ ними ѣхали Н. Д. Свербеевъ, кажется Молчановы и кто еще, не помню. До Биликтуя (50 верстъ отъ Иркутска) провожала его часть близкихъ ему лицъ, и здѣсь былъ устроенъ обѣдъ. По окончаніи его, я уѣхалъ на слѣдующую станцію, Мальта (32 версты) раньше, чтобы распорядится всѣмъ нужнымъ. Была уже ночь, часовъ 12. Вскорѣ прибыли другіе экипажи; но вмѣсто 3-хъ ихъ прибыло только 2. Удивленный этимъ, я спросилъ прибывшихъ, гдѣ же Николай Николаевичъ и Свербеевъ? Мнѣ сказали, что ѣдутъ за ними; но такъ какъ этого не было, я тотчасъ послалъ па встрѣчу людей и лошадей, опасаясь, не случилось ли чего при спускѣ, не доѣзжая $1\frac{1}{2}$—2 верстъ до станціи, съ большой горы, а самъ ждалъ на станціи. Не прошло и $\frac{1}{4}$ часа, какъ всѣ они возвратились и впереди ихъ, на простыхъ крестьянскихъ дровняхъ, Николай Николаевичъ и Свербеевъ, у котораго голова повязана платкомъ, а фуражка его на Николаѣ Николаевичѣ. Спрашиваю, что̀ случилось; а онъ мнѣ говоритъ: «Вотъ видите, Ив. Вл., что̀ случилось: ѣздили ловить каторжныхъ, а поймали генералъ-губернатора». Ничего изъ этого не понимая, я проводилъ ихъ въ комнаты и узналъ, что все благополучно, но только при спускѣ съ горы неловко заторможенный возокъ легъ набокъ, и лошади остановились. Лакей и ямщикъ, вдвоемъ, опрокинуть на полозья его не могли; а поэтому, влѣзши на него, открыли верхнюю дверцу, чрезъ которую и должны были вылѣзать кверху оба пассажира. Такъ какъ фуражка Николая Николаевича гдѣ-то, въ возкѣ, завалилась, то Свербеевъ и далъ ему свою. Когда они, теперь уже въ четверомъ, хотѣли опрокинуть на полозья возокъ, то въ это время подъѣхало къ нимъ, на двухъ дровняхъ, нѣсколько человѣкъ. Это были посланные изъ Иркутскаго солевареннаго завода за преслѣдованіемъ бѣжавшихъ каторжныхъ. Николай Николаевичъ, приказавъ имъ пособить поднять и привезти возокъ, самъ сѣлъ на одни изъ дровней и со Свербеевымъ пріѣхалъ на станцію. Вскорѣ привезли и возокъ. По-

смѣявшись надъ поимкою генералъ-губернатора, поѣхали дальше, и я благополучно проводилъ ихъ до границы округа.

Если бы подобное происшествіе случилось при комъ либо изъ предмѣстниковъ Муравьева, то само собою, первый гнѣвъ разразился бы—виноватъ, или невиноватъ—надъ исправникомъ, а потомъ уже и надъ другими по очереди. Подобныхъ вспышекъ у Муравьева, сколько разъ мнѣ ни случалось встрѣчать и провожать его, никогда не бывало. Встрѣченную въ дорогахъ неудачу онъ никогда ни на кого, какъ разскажу я дальше, не складывалъ, умѣя разсудить, что это простая случайность, какихъ, во время своихъ безчисленныхъ поѣздокъ, онъ испыталъ слишкомъ много.

*

Въ первой половинѣ Марта 1854 г. я выѣхалъ встрѣтить возвращавшагося изъ Петербурга Муравьева въ граничное селеніе моего округа «Зиму». Зимняя дорога уже исчезла, а колесная была плоха, потому-что все, растаявшее на ней за день, ночью замерзало, и образовалась *колоть.* Точно также на обѣихъ рѣкахъ, протекающихъ въ этомъ селеніи (Зима и Ока), ледъ былъ плохъ, и нужно было принять, для безопасности, нѣкоторыя мѣры предосторожности. Муравьевы пріѣхали ночью, и я, попросивъ позволенія, поѣхалъ впередъ. Назавтра, въ Заларинской станціи, гдѣ мы закусывали и пили чай, я доложилъ Николаю Николаевичу, что съ Мальтинской станціи (не доѣзжая 30 съ небольшимъ верстъ до Иркутска) намъ, для безопаснаго переѣзда черезъ Ангару, ледъ которой около Иркутска былъ уже ненадеженъ, необходимо будетъ переѣхать на правый берегъ Ангары и ѣхать уже не Московскимъ, а Ангарскимъ трактомъ. Муравьевъ съ этимъ согласился, и я, когда мы пріѣхали въ Мальту, распорядился послать въ Иркутскъ нарочнаго о заготовленіи по тракту лошадей съ запискою управлявшему тогда Иркутскою губерніею Б. В. Струве о томъ, что генералъ-губернаторъ пріѣдетъ Ангарскимъ трактомъ. Хотя Муравьевъ ничего объ этомъ не зналъ, но полагаю, что подозрѣвалъ и, избѣгая, при въѣздѣ въ Иркутскъ, встрѣчи, совершенно неожиданно, когда мы закусывали, сказалъ мнѣ: «Нѣтъ, Ив. Вл., я передумалъ, поѣдемте Московскимъ трактомъ». Удивленный такимъ измѣненіемъ маршрута, я сказалъ: «Какъ вамъ угодно; но мы очень рискуемъ. Вы сами хорошо знаете, что Ангара, замерзая, заливаетъ мѣстность въ первой станціи (тогда Зуевская, 24 версты), и мы, при ненадежности въ этихъ мѣстахъ льда, можемъ ночью гдѣ нибудь провалиться, или, подъѣхавъ къ Ангарѣ противъ Иркутска, увидѣть, что переправиться нельзя, и опять возвращаться, чтобы попасть на трактъ, по которому я васъ хочу везти. Кромѣ того, ваши экипажи очень плохи; я боюсь, что они мо-

гутъ сломаться и поэтому, когда мы пріѣдемъ въ Александровскій заводъ, то тамъ на нѣсколько часовъ нужно остановиться; тамъ отдадимъ въ казенныя кузницы пересмотрѣть ихъ и подправить. Вы, между тѣмъ, отдохнете, а потомъ раньше и выѣдемъ». Я добавилъ еще, что если бы не было съ нами Екатерины Николаевны, то я бы и не противорѣчилъ. Муравьевъ согласился. Мы пріѣхали въ заводъ, отдали исправить экипажи и выѣхали такъ рано, что на первую отъ завода станцію Еловку (15 верстъ) пріѣхали со свѣтомъ.

Пріѣхавъ на слѣдующую, Уриковскую, станцію (слишкомъ 30 верстъ) и видя, что, судя по времени, Муравьевы должны были пріѣхать, а между тѣмъ ихъ нѣтъ, я распорядился послать на встрѣчу имъ ямскую повозку, и вотъ, почти черезъ часъ, пріѣзжаютъ они съ однимъ тарантасомъ; другого не было. Муравьевъ благодаритъ за присланную повозку и разсказываетъ, что у оставленнаго тарантаса разсыпалось одно колесо, а затѣмъ добавилъ: «теперь вѣрно не увернешься отъ встрѣчи; нужно побриться и подчиститься». Станція состояла изъ двухъ комнатъ: одной для проѣзжающихъ, а другой ямщицкой, на стѣнахъ которой развѣшена была и сбруя (трактъ не почтовый). Сказавъ своему Савелью (это былъ Татаринъ Сейфула, переименованный, для удобства, въ Савелья), чтобы онъ подалъ бритвенный приборъ *) Муравьевъ пошелъ въ ямщицкую, тамъ обрился, подчистился, и мы поѣхали въ Иркутскъ (18 верстъ), гдѣ, у въѣзда въ Знаменское предмѣстье, его встрѣтили начальствующія лица и общество.

*

На другой послѣ этого день приходитъ ко мнѣ Бернгардъ Васильевичъ Струве и показываетъ донесеніе къ нему, какъ не сдавшему еще управленія губерніею, Иркутской Губернской Почтовой Конторы, которая, основываясь на рапортѣ смотрителя Черемховской станціи (120 верстъ отъ Иркутска, по Московскому тракту), увѣдомила его, что въ ту ночь, когда мы были въ Александровскомъ заводѣ, проѣхалъ изъ Иркутска какой-то курьеръ, которому хотя и дали лошадей, но такъ какъ подорожная его написана съ нѣкоторыми отступленіями, то смотритель счелъ нужнымъ объ этомъ донести. Обсудивъ это обстоятельство, Струве и я пришли къ заключенію, что навѣрно это бѣжалъ кто нибудь изъ политическихъ ссыльныхъ. Чтобы убѣдиться, не изъ за

*) Нѣсколько разъ, по дѣламъ службы, мнѣ случалось приходить къ Муравьеву утромъ раньше 8 часовъ, когда онъ брился. Вотъ тогда-то и видѣлъ я, что приборъ этотъ очень не важный: кисточка, простой ремень, пара бритвъ и мыленка, все порознь, не въ шкатулкѣ. Муравьевъ, извинившись, предлагалъ садиться и докладывать. Мнѣ кажется, все это хорошо показываетъ, на сколько простъ и не затѣйливъ онъ былъ въ своихъ привычкахъ.

Байкала ли, я тотчасъ послалъ на почтовую станцію, находившуюся противъ моей квартиры, чтобы принесли книгу для записки проѣзжающихъ. Оказалось, что никого изъ за Байкала по курьерской подорожной не было. Тогда мы рѣшили, что это кто нибудь уже изъ мѣстъ ближайшихъ къ Иркутску, и я высказалъ подозрѣніе, что это, вѣроятно, изъ солевареннаго завода Антоній Величко. Струве, узнавъ, что изъ числа моихъ засѣдателей одинъ теперь въ Иркутскѣ, сказалъ, что нужно послать его, по курьерской подорожной, догонять бѣжавшаго, и поручилъ мнѣ прислать его къ нему, чтобы тотчасъ получить подорожную и выѣхать. Былъ посланъ засѣдатель Гуринъ, который, явившись въ свое время по пріѣздѣ въ Красноярскъ къ губернатору В. К. Падалкѣ, узналъ отъ него, что Величко застрѣлился въ тамошней Губернской Почтовой Конторѣ, когда его начали разспрашивать о неправильностяхъ его подорожной. Въ тотъ же день, какъ былъ посланъ Гуринъ, пріѣхалъ еще засѣдатель Скрябинъ, котораго и послали для собранія свѣдѣній въ Александровскій винокуренный и Иркутскій солеваренный заводы, при чемъ и Скрябину я тоже указалъ на Величку. Когда по возвращеніи его оказалось, что бѣжалъ дѣйствительно Величко, и я доложилъ объ этомъ Муравьеву, то онъ сказалъ: «Я слышалъ, что теперь у своего товарища Пасербскаго гоститъ въ солеваренномъ заводѣ Добричъ (оба политическіе ссыльные) «и что онъ, какъ человѣкъ состоятельный, далъ Величкѣ денегъ на дорогу» *). Я, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, зная, что Величко былъ въ отрядѣ конноработчихъ и получилъ деньги изъ казны на вывозку лѣсныхъ матеріаловъ и покупку для этого лошадей, объяснилъ это Муравьеву. Кромѣ того, зная всѣхъ, находившихся подъ моимъ вѣдѣніемъ, жившихъ, какъ въ деревняхъ, такъ и въ Иркутскѣ, по окончаніи сроковъ работъ, государственныхъ (Декабристовъ) и политическихъ (Поляковъ) преступниковъ и будучи со многими изъ нихъ, а въ томъ числѣ и съ Добричемъ, какъ людьми хорошими и очень образованными, близко знакомъ, я добавилъ, что я увѣренъ вполнѣ, что Добричъ никогда не могъ не только способствовать, но и сочувствовать побѣгу и всегда старался бы удержать отъ этого Величку. «Однакоже вы все-таки поѣзжайте въ солеваренный заводъ и сами хорошо разузнайте, а пріѣхавши завтра, мнѣ доложите», сказалъ мнѣ Муравьевъ. Я поѣхалъ въ заводъ и остановился тамъ у остававшагося еще въ работѣ бывшаго эмигранта Пасербскаго, у котораго гостилъ, какъ сказано выше, и Добричъ. Съ ними провелъ я весь день, ночевалъ, а назавтра вече-

---

*) Добричъ, по окончаніи работъ, былъ на поселеніи и жилъ, какъ и многіе другіе его товарищи, въ Иркутскѣ, потомъ въ 1855 г. былъ возвращенъ, а въ 1875 г. я нашелъ его уже въ Варшавѣ, въ магазинѣ ихъ торговаго дома.

ромъ явился къ Муравьеву, который приказалъ человѣку позвать меня въ кабинетъ. Тамъ сидѣлъ съ нимъ Яковъ Дмитріевичъ Казимирскій, начальникъ Сибирскаго Жандармскаго Округа, служившій прежде при комендантѣ Петровскаго каземата С. Р. Лепарскомъ. Раскланявшись съ ними, я, по указанію Муравьева, сѣлъ противъ него къ столу и за тѣмъ, доложивъ о моей поѣздкѣ, прибавилъ о Добричѣ то, что̀ говорилъ и раньше. Тогда Муравьевъ сказалъ: «Вотъ Яковъ Дмитріевичъ говоритъ, что лучше всего будетъ выслать всѣхъ Поляковъ, живущихъ въ Иркутскѣ и округѣ его, за Байкалъ, потому что оттуда труднѣе бѣжать». Удивленный желаніемъ принять такую мѣру, я началъ доказывать, что нельзя же за вину одного наказывать всѣхъ, и вотъ на эту тему между Казимирскимъ и мною началось преніе. Муравьевъ вмѣшивался въ него мало, больше слушалъ, изрѣдка, смотря на меня, немного улыбался, а потомъ вдругъ меня спросилъ: «да вы знаете ихъ всѣхъ?» Конечно, всѣхъ безъ исключенія лично, а со многими и хорошо знако̀мъ, отвѣчалъ я ему. Тогда онъ, взявъ лежавшую передъ нимъ довольно толстую тетрадь (списокъ всѣхъ жившихъ въ Иркутскѣ и округѣ политическихъ преступниковъ), подалъ ее мнѣ съ карандашомъ и сказалъ: «просматривайте и противъ каждаго дѣлайте отмѣтки о благонадежности». Оговорившись, что, для сокращенія работы, я буду ставить крестики противъ тѣхъ, кого не могу одобрить, я началъ просматривать списокъ. Муравьевъ и Казимирскій смотрятъ, какъ я перевертываю листы и не дѣлаю никакихъ отмѣтокъ. Наконецъ, противъ двухъ стоявшихъ одна за другой фамилій:—«Мѣстковскій» и «Хмѣлевскій», я ставлю крестики и говорю: «Вы не подумайте, что я поставилъ потому, что они неблагонадежны въ политическомъ отношеніи, или могутъ убѣжать. Я не могу ихъ одобрить только потому, что на нихъ мнѣ часто жалуются за неисполненіе ими принятыхъ на себя подрядовъ (доставки лѣсныхъ матеріаловъ)». Кромѣ этихъ двухъ отмѣтокъ на спискѣ я больше ихъ не дѣлалъ и передалъ его Муравьеву. Казимирскій началъ опять настаивать на своемъ, и я, обратившись къ Муравьеву, сказалъ: «Ваше высокопревосходительство, конечно, въ вашей власти выслать всѣхъ; но этимъ вы повредите многимъ изъ нихъ въ имущественномъ отношеніи, а всѣмъ, заставивъ ихъ отвѣчать за поступокъ одного, сдѣлаете величайшую несправедливость». Тогда начался разговоръ между Муравьевымъ и Казимирскимъ. Въ концѣ концовъ послѣдній спросилъ меня: «А примите ли вы, такъ настойчиво защищая ихъ, на себя за нихъ отвѣтственность?» Вопросъ былъ неожиданный и слишкомъ мудреный; но, подумавъ немного, я отвѣчалъ: «Извольте, принимаю, но съ тѣмъ: 1) что если замѣчу за кѣмъ-либо изъ нихъ что либо подозрительное и доложу объ этомъ, то таковаго, по докладу

моему, выслать немедленно за Байкалъ, и 2) чтобы выслать туда нынѣ же двоихъ пріѣхавшихъ оттуда, для пріисканія занятій, а также, вѣроятно, для свиданія съ товарищами: Карпинскаго и Рупрехта». Такъ, кончился нашъ разговоръ, и всѣ Поляки остались на моей отвѣтственности. Въ тотъ же день я поѣхалъ къ одному изъ числа ихъ, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ товарищей и имѣвшему на нихъ большое вліяніе, Александру Бѣлинскому, разсказалъ все и взялъ съ него слово, что они будутъ беречь и себя и меня, и чуть что за кѣмъ замѣтятъ, то мнѣ скажутъ. Не помню, но кажется, я передалъ объ этомъ еще Юліану Сабинскому, человѣку тоже очень уважаемому среди товарищей и замѣчательному лингвисту.

Все это было въ Мартѣ, а въ концѣ Іюля или началѣ Августа, когда Муравьевъ, еще въ Апрѣлѣ, уѣхалъ въ первую Амурскую экспедицію, приходитъ ко мнѣ Бѣлинскій и разсказываетъ, что они подозрѣваютъ, какъ бы не бѣжалъ Пасербскій. Зная, что онъ строитъ себѣ въ солеваренномъ заводѣ домъ, я высказалъ, что подозрѣніе ихъ едва ли основательно. Но Бѣлинскій сказалъ, что это ничего не значитъ, и они на него не надѣются; почему, оберегая меня и своихъ товарищей, онъ счелъ обязанностію меня предостеречь. Поблагодаривъ его, я тотчасъ поѣхалъ къ Карлу Карловичу Венцелю, Иркутскому военному губернатору, заступавшему мѣсто Муравьева, и, какъ только онъ меня принялъ, я спросилъ его о томъ, что извѣстно ли ему все, переданное мною выше. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и къ этому добавилъ, что такъ какъ Казимирскій теперь въ Иркутскѣ, то, чтобы я пересказалъ ему все, а потомъ они, по взаимному соглашенію, и примутъ мѣры. Пріѣхавъ отъ него къ Казимирскому, я обо всемъ ему доложилъ. Пасербскаго привезли изъ завода безъ замедленія и отослали за Байкалъ, гдѣ потомъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, по вступленіи на престолъ Государя Императора Александра II, онъ и получилъ прощеніе. Добавлю къ этому, что Рупрехтъ и Пасербскій, какъ читалъ я въ свое время въ газетахъ, оба участвовали потомъ въ послѣднемъ возстаніи.

*

Выше я говорилъ, что Николай Николаевичъ совѣтовалъ мнѣ прекратить знакомство съ П...ъ. Это былъ очень умный и ловкій человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ тогда докторовъ Иркутска, и сначала, но только очень непродолжительное время, пользовавшійся у Николая Николаевича даже расположеніемъ. Знакомые почти десять лѣтъ, мы видались другъ съ другомъ довольно часто. Однажды, какъ-то вечеромъ заѣхавъ къ нему, я засталъ его въ какомъ-то тяжеломъ настроеніи. Спрашиваю, что̀ это значитъ, и онъ говоритъ, что ему передали отъ

Николая Николаевича совѣтъ или, лучше сказать, приказаніе оставить Иркутскъ, что̀ для него будетъ разорительно въ имущественномъ и тяжело въ семейномъ отношеніи. Вотъ и не знаетъ, что̀ ему дѣлать. Я посовѣтовалъ ему: или поѣхать къ Муравьеву, или послать письмо; но онъ сказалъ, что тотъ, вѣроятно, его не приметъ, письмо же оставитъ безъ отвѣта. Тогда я, замѣтивъ ему, что у него есть паціенты и знакомые изъ штаба Муравьева, посовѣтовалъ ему обратиться чрезъ кого-нибудь изъ нихъ; но онъ сказалъ, что тоже не ждетъ ничего хорошаго: они могутъ пообѣщать переговорить или передать письмо, но ни того, ни другого не исполнятъ. Долго толковали мы и не могли выдумать ничего утѣшительнаго. Наконецъ, я, не видя для него никакого исхода, сказалъ ему: «Вотъ что, напишите вы ему письмо, объяснивъ всѣ ваши обстоятельства, привезите его ко мнѣ, я поѣду съ нимъ и буду просить Муравьева, а вы у меня подождете результата» Обрадованный П..ъ сказалъ, что онъ напишетъ и, прежде чѣмъ запечатать, дастъ прочитать мнѣ; но я отказался отъ этого, чтобы имѣть право сказать Муравьеву, что содержанія письма не знаю, а знаю только одно, что П..ъ проситъ позволенія остаться въ Иркутскѣ. Такъ онъ и сдѣлалъ: на завтра вечеромъ, часовъ около шести, привезъ мнѣ письмо, съ которымъ я и поѣхалъ къ Муравьеву. Войдя въ залъ, я засталъ тамъ совѣтника главнаго управленія И. М. Осипова. Когда лакей доложилъ Муравьеву, то онъ, выйдя и поздоровавшись съ нами, позвалъ меня въ кабинетъ. (Позвалъ меня раньше, чѣмъ И. М. Осипова, вѣроятно, потому, что съ нимъ у него должно было быть больше разсужденій и дѣла). Только что мы вошли, онъ, не садясь, спросилъ меня: «Ну что̀, Ив. Вл.?» Я отвѣчалъ: «Простите меня, в. в. в—во, что я пришелъ безпокоить васъ просьбою за человѣка, который навлекъ на себя ваше неудовольствіе». «А это вѣрно за П..а?» Подтвердивъ это, я разсказалъ коротко, въ какихъ тотъ находится обстоятельствахъ, и подалъ письмо. Взявъ и не распечатывая, Муравьевъ вертѣлъ его въ рукахъ, а потомъ сказалъ: «Вы не знаете, за кого вы просите. Его пусти только на порогъ, такъ онъ тотчасъ влѣзетъ вамъ на шею», и показываетъ это рукою. Я думалъ уже, что просьба моя не удастся; но однакожъ, извиняясь, повторилъ ее. Тогда Муравьевъ, сказавъ мнѣ о П..ѣ, что это страшный интриганъ, занимающійся разными сплетнями, вмѣшательствомъ въ чужія дѣла и толкованіемъ ихъ по своему, добавилъ: «Передайте ему, что я скоро уѣзжаю на Амуръ; пусть онъ остается здѣсь; но если, возвратясь, узна̀ю, что онъ все-таки продолжаетъ прежнее, то пусть уже не взыщетъ». Письмо, которое все время вертѣлъ въ рукахъ, не распечатывая, онъ отдалъ мнѣ для возвращенія П..у. Я поблагодарилъ и откланялся. П..ъ, которому я

пріѣхавъ домой, передалъ нераспечатанное письмо, ужасно испугался: но я успокоилъ его, передавъ условія, на которыхъ ему было разрѣшено остаться. Послѣ этого П..ъ прожилъ въ Иркутскѣ все время управленія Муравьева и выѣхалъ въ концѣ Корсаковскаго въ Петербургъ, по окончаніи всѣхъ своихъ въ Иркутскѣ дѣлъ.

*

19 Апрѣля 1854 г. былъ назначенъ выѣздъ Муравьева въ Амурскую экспедицію, и въ тотъ же день долженъ былъ состояться, въ Глазковскомъ предмѣстьѣ (на лѣвомъ, противъ Иркутска, берегу Ангары), прощальный обѣдъ, который онъ принялъ отъ общества. Явившись къ нему наканунѣ, я просилъ позволенія уѣхать впередъ въ Култукъ и сдѣлать тамъ нужныя приготовленія къ нашей поѣздкѣ верхомъ по Кругобайкальской дорогѣ *). Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я остался на обѣдъ и ѣхалъ одновременно съ нимъ; но я, поблагодаривъ за позволеніе, отказался и уѣхалъ. Пріѣхавъ въ Култукъ, я распорядился о приготовленіи къ раннему утру лошадей. На завтра, только-что подали мнѣ самоваръ, прискакалъ съ послѣдней къ Култуку станціи (помнится Большеглубоковской) загонщикъ и сказалъ, что его послали, какъ только-что пріѣхалъ на нее генералъ. Приказавъ привести къ моей квартирѣ лошадей и сѣдлать ихъ, я вышелъ встрѣтить Николая Николаевича. Вскорѣ пріѣхалъ и онъ съ чиновникомъ особыхъ порученій А. И. Бибиковымъ и неизмѣннымъ своимъ Савельемъ. Первыя его слова, послѣ того, какъ я доложилъ ему, что все готово, были: «Охъ, Ив. Вл., если бы вы знали, какъ у меня болитъ голова». Улыбнувшись, я сказалъ ему: «Вѣрно васъ очень усердно провожали». «Да ужъ очень усердно», отвѣтилъ онъ и попросилъ самоваръ. Я сказалъ ему, что у меня все на столѣ, и мы вошли въ комнату. Когда тамъ онъ опять пожаловался, что у него болитъ голова, я сказалъ ему: «Простите меня и позвольте предложить вамъ лѣкарство; можетъ быть, оно поможетъ». «Какое?» спросилъ онъ меня. Тогда я посовѣтовалъ ему выпить рюмку водки. «Да вѣдь я не пью ея и съ собою не вожу», сказалъ онъ. Я предложилъ ему своей, и онъ выпилъ. Потомъ мы закусили, напились чаю и поѣхали. До первой станціи «Утуликъ»—33 версты. На 18-ой верстѣ пришлось переправляться въ бродъ чрезъ р. «Безъимянку», и вода была въ полбрюха лошади, а затѣмъ, около самой уже станціи, второй бродъ чрезъ р. Утуликъ и съ такимъ же уровнемъ воды. Перемѣнивъ здѣсь лошадей, мы проѣхали еще 25 верстъ

*) Геннадій Ивановичъ Невельской (стр. 327) ошибся, сказавъ, что Муравьевъ, въ первую Амурскую экспедицію, уѣхалъ послѣднимъ путемъ по льду. Это было уже во вторую, въ концѣ Марта или началѣ Апрѣля. Тогда мы переѣхали Байкалъ по льду.

до станціи «Хара-Муринъ», гдѣ и ночевали, расположившись: мы съ А. И. Бибиковымъ на полу, а Николай Николаевичъ на единственной скамьѣ. По пріѣздѣ сюда, съ позволенія Николая Николаевича, я послалъ нарочнаго на слѣдующую станцію «Лангатуй», съ распоряженіемъ не давать никому изъ остановившихся тамъ ночевать, до нашего проѣзда, лошадей. Зная, что впереди насъ ѣдутъ тоже на Амуръ новобрачные Сгибневы, но не зная, сколько они занимаютъ лошадей, я боялся, что, угнавъ ихъ, они заставятъ насъ потерять день. Раннимъ утромъ мы поѣхали въ Лангатуй, гдѣ нашли Сгибневыхъ и пріѣхавшаго на Амурскую службу юнаго тогда лейтенанта, а теперь вице-адмирала, Я. И. Купріанова. Не желая, въ ожиданіи возврата забираемыхъ нами лошадей, стѣснять молодыхъ Сгибневыхъ и стѣсняться самъ, оставаясь на сутки съ ними на одной маленькой станціи, онъ попросилъ Муравьева позволить ему ѣхать съ нами, и тотъ позволилъ. Но такъ какъ, за удовлетвореніемъ насъ, свободною оставалась только одна лошадь, то весь багажъ свой Я. И. оставилъ со Сгибневыми, а съ собою взялъ только шинель, привязавъ ее у себя въ торокà. Только-что засѣдлали намъ новыхъ лошадей, мы поѣхали дальше на слѣдующую станцію «Нукунъ-Дабанъ» (18 верстъ) на вершинѣ хребта того же имени и, перемѣнивъ здѣсь лошадей, поѣхали на станцію «Снѣжную». (Это, хорошо не помню, 22 или 25 верстъ разстоянія). Когда мы ѣхали къ Нукунъ-Дабану и потомъ дальше къ Свѣжной, то Муравьевъ жаловался, что какая-то пряжка сѣдла третъ ему ногу, хотя это и было собственное его сѣдло. Останавливались, поправляли; но пряжка все-таки терла, и потому рѣшили поправить ее уже на Снѣжной.

Отъѣхавши отъ Нукунъ-Дабана менѣе половины, Муравьевъ спросилъ меня, знаю ли я хорошо дорогу? Я ѣздилъ по ней раньше и отвѣтилъ: «Конечно; да здѣсь, если бы даже и хотѣлось заблудиться, такъ нельзя; потому что глубокая снѣжная траншея, по которой мы ѣдемъ и которая тянется до самаго спуска въ долину р. «Снѣжной», не позволитъ свернуть въ сторону; дальше же, верстъ 6—7, пойдетъ уже дорога безснѣжная и хорошимъ мѣстомъ». «Ну, такъ пусть всѣ они, сказалъ Муравьевъ, поѣдутъ впередъ, а мы остановимся и поѣдемъ вдвоемъ. Они пріѣдутъ, всѣмъ распорядятся, и когда мы пріѣдемъ, то закусимъ и спать, а на-завтра, со свѣтомъ, впередъ». Такъ и сдѣлали, и мы остались только вдвоемъ. Нужно добавить, что какъ Муравьеву, такъ и мнѣ, лошади съ Нукунъ-Дабана попали необыкновенно-тряскія, такъ что мы ѣхали почти все время шагомъ. О многомъ мы переговорили. Вдругъ онъ сказалъ: «Сегодня, кажется, 21-е число, и сегодня уѣзжаетъ изъ Иркутска въ Якутскъ преосвященный Иннокентій». Под-

твердивъ число, я добавилъ о моемъ сожалѣніи, что мнѣ не удастся его видѣть и просить по моему дѣлу. «Какому?» спросилъ онъ. Я отвѣчалъ, что относительно исправленія моего метрическаго свидѣтельства; въ немъ, по излишнему вниманію лично ко мнѣ столоначальника Главнаго Управленія, пріискана ничего незначущая ошибка, изъ-за которой найдено невозможнымъ представить къ чину и вотъ, ради этого, я, служа уже на коллежскаго совѣтника, остаюсь все еще въ чинѣ титулярнаго. Муравьевъ замѣтилъ: «развѣ коллежскаго ассесора, а не совѣтника»; но я подтвердилъ ему, что именно служу на коллежскаго совѣтника. Тѣмъ кончился разговоръ нашъ о моихъ чинахъ, и мы вскорѣ спустились съ Нукунъ-Дабанскаго хребта къ р. «Снѣжной», которую и переѣхали въ бродъ. Воды въ ней было далеко меньше, чѣмъ въ Безымянкѣ и Утуликѣ, о которыхъ я говорилъ выше. Только-что мы переѣхали на правый ея берегъ, какъ Муравьевъ остановилъ свою лошадь и соскочилъ съ сѣдла. Когда и я сдѣлалъ тоже, то онъ спросилъ меня: «Вы-то для чего же слѣзли? Я хочу пройтись и дать отдохнуть ногѣ, которую давитъ пряжка». Я отвѣчалъ ему: «Вы, генералъ-губернаторъ, пойдете пѣшкомъ, а я, исправникъ, поѣду верхомъ; это выйдетъ такъ, какъ бы я велъ васъ за карауломъ». Онъ разсмѣялся, и мы пошли вмѣстѣ до станціи, гдѣ, не зная этого, удивлялись, что насъ долго нѣтъ, и потомъ увидѣли, что мы идемъ пѣшкомъ. Муравьевъ былъ ниже меня ростомъ, но шелъ такимъ крупнымъ шагомъ, что идти съ нимъ въ ногу было мнѣ затруднительно. Когда я высказалъ ему, что удивляюсь такому крупному шагу, то онъ отвѣтилъ, что привыкъ имъ ходить въ походахъ, и въ особенности на Кавказѣ, а за симъ посмѣялся надъ тѣмъ, что я не умѣю ходить въ ногу и путалъ бы строй, если бы въ немъ былъ.

Опасаясь, чтобы на утро не попали намъ такія же трясскія лошади, какія у насъ были, я тотчасъ, по приходѣ на станцію, послалъ ямщика за Тунгузомъ, содержателемъ лошадей, жившимъ недалеко отъ станціи, и когда онъ пріѣхалъ, то, побранивъ его за дрянныхъ лошадей, приказалъ, чтобы къ утру были приготовлены самыя лучшія. Закусивъ и напившись чаю, мы легли спать, Муравьевъ на такой же скамьѣ, какъ и въ прошлую ночь, а мы (А. И. Бибиковъ, Я. И. Купріановъ и я) рядомъ на полу. Если бы къ намъ прибавили еще одного спутника, то лечь ему было бы уже негдѣ: такъ малы были выстроенныя когда-то на этой, такъ-называемой Игумновской, дорогѣ станціи.

Раннимъ утромъ, по обыкновенію, опять въ походъ, къ станціи «Темникъ», верстъ 25 или 28 отъ «Снѣжной». Лошадей Тунгузъ доставилъ, дѣйствительно, отличныхъ, а Николаю Николаевичу ходкаго и

на рѣдкость крѣпкаго и сильнаго иноходца. Дорога здѣсь, большею частью, очень хорошая; онъ пускалъ его полнымъ ходомъ, и мы должны были за нимъ уже скакать. Намъ съ Бибиковымъ, людямъ привычнымъ, это было ни почемъ; но тогда еще юноша и морякъ, не привыкшій къ верховой ѣздѣ, Я. И. Купріановъ, видимо, такою ѣздой очень утомлялся. Перемѣнивъ въ Темникѣ, кромѣ Муравьевской, лошадей и закусивъ, мы поѣхали послѣднюю станцію моего округа «Алсакъ». Муравьевъ, которому иноходецъ его понравился, поручилъ мнѣ спросить ямщиковъ, можетъ ли тотъ безъ вреда выдержать вторую станцію, и когда тѣ сказали, что можетъ, то онъ и поѣхалъ на немъ.

Въ Алсакѣ (тоже 20 съ чѣмъ-то верстъ) долженъ былъ встрѣтить уже исправникъ Верхнеудинскаго округа, Ѳ. А. Беклемишевъ. Дорогою я доложилъ Муравьеву, что при спускѣ съ хребта въ долину Алсака мы, вѣроятно, найдемъ телѣжки, которыя вышлетъ Ѳ. А. Беклемишевъ, такъ какъ тамъ начиналась уже колесная дорога. Тѣмъ же я утѣшалъ и Якова Ивановича Купріанова, уже очень утомленнаго. Такъ оно и случилось: спускаясь съ хребта, мы увидѣли двѣ телѣжки, и когда подъѣхали къ нимъ, то я предложилъ Николаю Николаевичу сѣсть въ телѣжку; но онъ отказался и поѣхалъ верхомъ. Такъ мы и поскакали. Скакалъ съ нами и Яковъ Ивановичъ, не согласившійся ни за что пересѣсть въ телѣжку; но за то, когда мы пріѣхали въ «Алсакъ», гдѣ встрѣтилъ насъ Ѳ. А. Беклемишевъ, то онъ былъ такъ измученъ, что едва-едва могъ слѣзть со своей лошади.

Получивъ здѣсь отъ Николая Николаевича письмо къ Екатеринѣ Николаевнѣ, я распростился съ нимъ и возвратился въ Иркутскъ.

*

Въ концѣ Августа того года Екатерина Николаевна поѣхала навстрѣчу Николая Николаевича, возвращавшагося съ Амура чрезъ Якутскъ, и я, проводивъ ее до границы Киренскаго округа, остался въ Приленскомъ краѣ моего округа, чтобы, пока получу свѣдѣнія о времени пріѣзда Муравьева, повѣрить въ разныхъ вѣдомствахъ того края пробные умолоты хлѣба. Урожай того года, во всѣхъ вѣдомствахъ округа, оказался изобильный, на славу, давно небывалый. Закончивъ умолоты, я возвратился въ Усть-Илгу, послѣднюю на Ленѣ станцію моего округа. Въ ожиданіи Муравьева, я прожилъ здѣсь еще съ недѣлю, и вотъ, не помню котораго числа, но не ранѣе какъ въ двадцатыхъ числахъ Сентября, рано утромъ прискакалъ ко мнѣ загонщикъ отъ Киренскаго исправника, съ извѣщеніемъ, что Муравьевъ на сосѣдней станціи. Поручивъ бывшему при мнѣ засѣдателю (нужному по дѣламъ и въ Иркутскѣ) ѣхать туда впередъ и озаботиться о томъ,

чтобы не встрѣтилось задержки и медленности въ нашемъ проѣздѣ, я приказалъ пристегнуть для меня къ легкой почтовой лодкѣ пару лошадей, приготовить нѣсколько ихъ также для лодки Муравьева, и пошелъ ждать его на берегъ Лены. Раннимъ утромъ подошла его лодка къ устью р. Илги, впадающей съ лѣвой стороны въ Лену. Какъ только закрѣпили ея причалъ, я взошелъ на нее. Муравьевъ вышелъ изъ каюты, простился съ сопровождавшимъ его Киренскимъ исправникомъ, поздоровался со мной и разрѣшилъ отправиться впередъ, предваривъ, что на станціи «Жигаловой» (30 верстъ отъ Илги) они будутъ обѣдать. При этомъ онъ попросилъ меня купить, если можно, налима. Онъ любилъ уху, а налимами тогда въ томъ краю было «хоть прудъ пруди». Я сказалъ, что, конечно, можно, и отправился въ своей лодкѣ впередъ. Лодка была безъ крыши, легкая, бичевникъ хорошій, и я противъ воды шелъ ровно три часа. Придя въ «Жигалову», я имѣлъ довольно времени, чтобы распорядиться о налимѣ и о томъ, чтобы къ тому мѣсту, гдѣ должна была пристать лодка Муравьева, подали, съ запряженными уже лошадьми, присланные изъ Иркутска раньше два его тарантаса.

Вскорѣ прибыла лодка Муравьевыхъ, и когда они изъ нея вышли, то Екатерина Николаевна, увидѣвъ тарантасы, спросила: «развѣ далеко до станціи?» Я отвѣчалъ, что не больше полверсты; тогда она сказала: «нѣтъ, мы пойдемъ пѣшкомъ; утомились, долго сидя въ лодкѣ». Вотъ и пошли мы тихонько. Первымъ вопросомъ Николая Николаевича былъ: «каковъ нынѣ урожай?» Я отвѣчалъ ему: «Давно небывалый, но я боюсь одного», и пріостановился. Тогда онъ съ живостію сказалъ: «Чего вы боитесь? Говорите». Я отвѣчалъ ему: «Боюсь того, ваше в—во, чтобы вы, въ виду обильнаго, давно небывалаго урожая, не стали покупать хлѣбъ для казенныхъ мѣстъ дешевою цѣною, тогда какъ нужно поддержать крестьянъ». Онъ остановился и спросилъ меня: «а какую, думаете вы, нужно дать цѣну?» Я обдумывалъ и молчалъ. Тогда онъ живо спросилъ меня: «довольно ли 25 коп. за пудъ ржаной муки?» Считая эту цѣну хорошею (что̀ и подтвердилось потомъ, такъ какъ зимою въ этотъ годъ хлѣбъ на рынкѣ спускался даже до 18 к. за пудъ) я снялъ фуражку, поклонился и спросилъ его: «Такъ позволите считать вопросъ рѣшеннымъ и торги по этой цѣнѣ, когда они будутъ, утвердите?» «Да, да, сказалъ онъ, пусть продавцы, хоть бы и убѣждали ихъ понизить цѣну *), не понижаютъ». Такъ на дорогѣ къ

*) Когда въ Октябрѣ мѣсяцѣ съѣхались въ Иркутскъ довѣренные разныхъ вѣдомствъ для продажи хлѣба и явились ко мнѣ, то я приказалъ имъ на окончательномъ торгѣ въ Губернскомъ Совѣтѣ остановиться на 30 к., а въ Совѣтѣ Главнаго Управленія спустить до 25 к. и больше не понижать. Такъ все было исполнено, и земледѣльцы остались очень довольны. Н. Е. Тюменцовъ, при встрѣчѣ гдѣ-то со мною, вскорѣ послѣ этого,

станціи была вырѣшена цѣна на хлѣбъ, и по ней была произведена покупка его для казенныхъ мѣстъ. Придя на станцію, Муравьевъ самъ, въ дорожной кострюлѣ, принялся варить уху. Пока онъ ее готовилъ, изъ словъ его я замѣтилъ, что онъ недоволенъ Иркутскомъ.

Приготовивъ уху, онъ приказалъ Савелью раскупорить взятые съ Амура консервы, какую-то дичь и ананасы, а также бутылку Шампанскаго. Какъ оно съ нимъ попало, не знаю: онъ никогда его съ собою не возилъ. Потомъ мы приступили къ обѣду. Наливъ въ стаканы Шампанскаго, онъ обратился ко мнѣ, довольно иронически, съ вопросомъ: «Знаете ли, за чье здоровье мы будемъ пить?» Я тотчасъ же, предупреждая дальнѣйшія его слова, поспѣшилъ отвѣтить: «Не знаю, ваше в. в—во, за чье будете пить вы; но я выпью исключительно за здоровье Екатерины Николаевны и ваше». Тогда онъ, опять съ ироніей, сказалъ: «Мы будемъ пить за здоровье Иркутска, которому я благодаренъ за излишнее вниманіе къ моимъ дѣйствіямъ». Не смотря на это, я выпилъ тостъ, о которомъ сказалъ выше, добавивъ только, что, какъ единственный наличный представитель Иркутска, я искренно и почтительнѣйше благодарю за память о немъ. Кончивъ обѣдъ, поѣхали дальше. Изъ словъ Муравьева, при нашихъ остановкахъ на станціяхъ, я замѣтилъ, что онъ недоволенъ Б. В. Струве *) и, видимо, на него сердитъ. Хотя я, сколько это было, при непродолжительныхъ разговорахъ, возможно, старался того обстаивать, но онъ не обращалъ на мои слова вниманія, какъ бы не слыхалъ, и переводилъ разговоръ на другое. Въ Иркутскъ мы пріѣхали ночью, и потому, сколько могу припомнить, никакой встрѣчи, кажется, не было. На завтра у Муравьева былъ общій пріемъ.

*

Въ концѣ зимы 1855 г. ожидались въ Иркутскъ, для Амура, 10 тяжелыхъ орудій, изъ которыхъ каждое, какъ говорили, было вѣсомъ въ 520 пудовъ. Не помню, какъ ихъ называли; кажется, или бомбическими, или 15-дюймовыми. Хотя перевозкою ихъ и спѣшили, но такъ какъ зимняя дорога уже исчезала, то надѣяться довезти ихъ до Иркутска было нельзя, и поэтому считалось бы очень удачнымъ довезти ихъ до Иркутскаго солевареннаго завода, гдѣ, при заводскихъ средствахъ, можно бы было сдѣлать для нихъ, сообразные съ ихъ вѣсомъ, проч-

---

сказалъ, что, въ виду отличнаго урожая, довѣренные, раньше утвержденія цѣнъ, пришлются ко мнѣ для убѣжденія къ пониженію. Я отвѣчалъ ему: напрасно такъ сдѣлаете, потому что я раньше имъ совѣтовалъ, но они ниже 25 к. продать не соглашаются. Такимъ образомъ хлѣбъ былъ купленъ по той цѣнѣ, которую назначилъ Муравьевъ въ „Жигаловой“.

*) Объ этомъ недовольствѣ упоминаетъ самъ Б. В. Струве въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Сибири“, стр. 178.

ные станки или телѣги, на которыхъ и везти за Байкаломъ до того мѣста, откуда можно будетъ отправить уже сплавомъ. Перевозка орудій этихъ по моему округу была, точно также, какъ и въ 1854 г., поручена Муравьевымъ мнѣ *). Мнѣ же онъ поручилъ и заготовленіе для нихъ станковъ или телѣгъ. Отправляясь на встрѣчу орудій, которыя сопровождалъ до солевареннаго завода одинъ изъ моихъ засѣдателей, я привезъ къ Муравьеву модель станковъ. Разсмотрѣвъ ее, онъ одобрилъ и приказалъ мнѣ по ней ихъ строить. Имѣя въ виду спѣшность дѣла и опасаясь, какъ бы въ солеваренномъ заводѣ не встрѣтилось недостатка въ рабочихъ силахъ и матеріалахъ, я доложилъ ему объ этомъ. Выслушавъ меня, онъ взялъ на столѣ листъ бумаги и написалъ на немъ слѣдующее: «По требованію Иркутскаго исправника, г. Ефимова, предписываю для снаряженія колесъ подъ артиллерію давать *немедленно* кузнецовъ и просто рабочихъ, а также плотниковъ, изъ заводовъ солевареннаго, Александровскаго винокуреннаго и Тельминской казенной фабрики, сколько нужно; сверхъ того, изъ всѣхъ сихъ мѣстъ отпускать и желѣзо на тотъ же предметъ, подъ его, г. Ефимова, расписку. 14 Марта 1855 года, Иркутскъ. Генералъ-лейтенантъ Муравьевъ».

Получивъ отъ него это предписаніе, я отправился въ Иркутскій солеваренный заводъ и тамъ немедленно приступилъ къ устройству означенныхъ телѣгъ. Оно было кончено въ Пятницу на Страстной недѣлѣ Великаго поста; къ этому же дню были приведены лошади, а рано утромъ, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія Христова, мы двинулись по дорогѣ къ Иркутску. Но, не доѣзжая до него 26 верстъ, я, въ виду начавшейся здѣсь дурной дороги, чтобы не затруднять людей и не мучить лошадей, распорядился вывезти весь обозъ на берегъ р. Ангары и оставить тутъ до того времени, какъ начется и кончится ледоходъ. Какъ только онъ кончился, пушки и телѣги были взяты судовщикомъ, купцомъ Русановымъ, на баркасъ, переправлены чрезъ Байкалъ и сданы тамъ, для доставки дальше, начальству Верхнеудинскаго округа.

Послѣ этого порученія Муравьевъ приказалъ мнѣ, когда придутъ въ мой округъ ожидавшіеся для Амура нарѣзные штуцера, принять ихъ и поспѣшить доставить. Исполненіе этого я поручилъ засѣдателю Гурину и зналъ, что все будетъ исполнено, но 27 Марта получилъ отъ Муравьева съ жандармомъ на клочкѣ бумаги, оторванномъ отъ конверта, записку: «Прошу Ивана Владимировича увѣдомить меня немедленно, какія сдѣланы распоряженія о провозѣ штуцеровъ, которые идутъ на 15 тройкахъ и теперь должны быть въ Нежнеудинскѣ. Му-

*) Въ 1854 г. (теперь уже не помню хорошо) было перевезено мною чрезъ Байкалъ болѣе 20 тоже тяжелыхъ, но легче этихъ, пушекъ и много возовъ боевыхъ къ нимъ снарядовъ. Въ Посольскѣ я сдалъ ихъ начальству Верхнеудинскаго округа.

равьевъ». Адресъ на обрывкѣ этомъ: «г. Ефимову, весьма нужное». Такъ какъ это не было офиціальное предписаніе, то и я наскоро отвѣчалъ запискою (адресуя ее его в. п-ву Николаю Николаевичу Муравьеву): «Честь имѣю почтительнѣйше доложить вашему высокопревосходительству, что съ порученіемъ о препровожденіи до Иркутска штуцеровъ посланъ мною, 25 сего мѣсяца, нарочный къ засѣдателю Гурину, которымъ и будутъ доставлены штуцера въ Иркутскъ безъ замедленія. Исправникъ Ефимовъ. 27 Марта 1855 года». Не прошло часа, какъ тотъ же самый жандармъ возвращается и подаетъ мнѣ мою записку, на полѣ которой Николаемъ Николаевичемъ написано: «Г. исправнику Ефимову. Онъ долженъ самъ проводить ихъ отъ Зимы до Иркутска, чего однакоже онъ не зналъ, или не думалъ. Г. л. Муравьевъ». Изъ адреса, сдѣланнаго Муравьевымъ на запискѣ, самаго текста и подписи, я видѣлъ, что онъ недоволенъ и вѣроятно сомнѣвается въ точномъ исполненіи его распоряженія. Подозрѣвая, что вѣроятно кто нибудь, или по излишней услужливости, или по неопытности и незнанію хода дѣла, вмѣшавшись со стороны, передалъ обо всемъ не такъ, какъ было должно, я тотчасъ поѣхалъ къ Муравьеву и успокоилъ его въ томъ, что штуцера будутъ доставлены своевременно, что̀ и было исполнено.

*

Въ срединѣ Святой Недѣли Муравьевъ вмѣстѣ съ Екатериной Николаевной, послѣ обѣда, даннаго ему обществомъ, въ 4 верстахъ отъ Иркутска, въ станицѣ «Разводной», отправился за Байкалъ еще по льду, по послѣднему пути. Экипажи, со снятыми колесами, были поставлены на сани, и съ нами, на случай переправы черезъ щели, были взяты доски. Проводивъ его такимъ образомъ въ Апрѣлѣ въ Посольскѣ, я встрѣтилъ его возвращающимся изъ этой второй Амурской экспедиціи уже на Ленѣ, опять въ Усть-Илгѣ, въ Декабрѣ. Онъ ѣхалъ одинъ, а Екатерина Николаевна выѣхала изъ Якутска послѣ. Поэтому я, проводивъ его до Иркутска, возвратился утромъ 23 Декабря опять въ Усть-Илгу, куда въ тотъ же день пріѣхала и она; а рано утромъ, 25 Декабря, мы были уже въ Иркутскѣ. Здѣсь приведу я нѣсколько словъ изъ нашего съ нею разговора въ Усть-Илгѣ. Когда мы тамъ закусывали, она неожиданно спросила меня: «Иванъ Владимировичъ, а что вашъ чинъ?» Удивленный подобнымъ вопросомъ, я отвѣчалъ тоже вопросомъ: «Да вы-то какъ же знаете о моемъ чинѣ?» «Мнѣ говорилъ объ этомъ Nicolas», отвѣчала она. Описывая выше Кругобайкальскую нашу съ Николаемъ Николаевичемъ поѣздку, я упомянулъ уже о бывшемъ у меня съ нимъ по этому поводу разговорѣ. Я его при этомъ ни о чемъ не просилъ, словъ моихъ ни въ какую памятную книжку

онъ не записывалъ, да и занятъ былъ далеко болѣе серьезными дѣлами, чтобы помнить о моемъ чинѣ. Оказалось, что онъ помнилъ и вошелъ въ переписку о моемъ метрическомъ свидѣтельствѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ; но корабль Россійско-Американской К° «Ситха», на которомъ были отправлены всѣ документы, былъ въ 1855 году взятъ въ плѣнъ непріятелемъ. Не доказываетъ ли этотъ, хотя и очень не важный, случай, какъ заботился Муравьевъ о служащихъ? Онъ даже разсказалъ объ этомъ Екатеринѣ Николаевнѣ. Разговоръ нашъ съ нею я заключилъ, сказавъ: «Теперь производство мое въ чинъ зависитъ уже отъ лорда Пальмерстона, а не отъ Николая Николаевича», и объяснилъ причину этого, чему она очень смѣялась.

*

Въ Январѣ 1856 года Муравьевъ командировалъ меня къ исправленію должности горнаго исправника золотыхъ промысловъ сѣверной части Енисейскаго округа, и я, проводивъ его, уѣзжавшаго въ Петербургъ (въ послѣдній разъ, какъ Иркутскій земскій исправникъ) до Зиминской станціи, переѣхалъ на службу въ Енисейскую губернію. Тамъ нѣкоторые изъ управлявшихъ промыслами (попавшими, по несостоятельности ихъ владѣльцевъ, въ управленіе опекъ, администрацій и конкурсовъ) люди, старавшіеся «ловить въ мутной водѣ рыбу», за то, что я требовалъ отъ нихъ соблюденія установленныхъ закономъ правилъ и обстаивалъ рабочихъ, повели противъ меня, у Енисейскаго губернскаго начальства, интриги. Вслѣдствіе ихъ, Муравьевъ, проѣзжая въ 1857 г. чрезъ Красноярскъ въ Петербургъ, распорядился перевести меня на такую же должность по золотымъ промысламъ Бирюсинской системы. Бывъ на пріискахъ, объясниться съ нимъ я не могъ. Но, считая себя обиженнымъ этимъ распоряженіемъ и находя, по моимъ убѣжденіямъ, невозможнымъ и безполезнымъ дѣлу служить при потерѣ довѣрія, я подалъ прошеніе, въ которомъ прямо и откровенно сказалъ, что не желаю продолжать службу, и просилъ уволить меня въ отставку. Меня уволили 8 Февраля 1858 г. еще до возвращенія Муравьева. Получивъ аттестатъ о службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ получивъ и принявъ приглашеніе лучшихъ и болѣе солидныхъ золотопромышленниковъ поступить на службу къ нимъ (на службѣ этой я былъ 10 лѣтъ), я рѣшилъ дождаться въ Иркутскѣ Муравьева, и, чтобы не осталось между нами никакихъ недоразумѣній, объясниться съ нимъ. Дня чрезъ 2 или 3 послѣ пріѣзда его въ Иркутскъ, явившись къ нему часовъ въ 8 утра, я былъ принятъ попрежнему такъ, какъ бы ничего между нами не произошло, и онъ очень удивился, узнавъ, что я уже въ отставкѣ. (Объ этомъ вѣрно ему еще не доложили). Послѣ разговора, продолжавшагося

по крайней мѣрѣ часъ, въ которомъ было мною высказано ему все подробно, я всталъ и хотѣлъ откланяться. Онъ также всталъ и, подавъ мнѣ руку, сказалъ: «Иванъ Владимировичъ, если вы будете имѣть надобность въ службѣ, то мѣсто для васъ у меня всегда готово». Поблагодаривъ его, я отвѣтилъ: «Дай Богъ, чтобы я не встрѣтилъ въ этомъ никогда надобности». Находчивый всегда Муравьевъ, не выпуская руки моей, началъ говорить то и другое, и опять сказалъ: «Я долженъ повторить вамъ, Иванъ Владимировичъ, что если вы будете имѣть надобность въ службѣ, то мѣсто для васъ у меня всегда готово». «Простите (отвѣчалъ я ему) меня, в. в. п-во, что и я долженъ повторить желаніе, чтобы Богъ далъ мнѣ никогда не имѣть въ этомъ надобности. Давъ слово поступить на службу частную, я не могу измѣнить его». Тогда онъ сказалъ мнѣ: «да, правительственная служба не представляетъ достаточнаго обезпеченія», и мы разстались. Такъ кончилась моя служба при Муравьевѣ, и вотъ минуло 38 лѣтъ, какъ я въ отставкѣ.

*

Простившись съ Николаемъ Николаевичемъ въ Петербургѣ, послѣ перваго Амурскаго обѣда *), который Сибиряки и служившіе въ В. Сибири давали ему 1 Марта 1861 г., послѣ поднесенія, въ память заключенія Айгунскаго трактата, часовъ (что̀ все описано уже И. П. Барсуковымъ), я возвратился въ Сибирь и съ того времени не видѣлся съ нимъ до 1875 года. Въ началѣ Іюня того года, пріѣхавъ въ Парижъ, я тотчасъ же отправился въ нашу церковь и, узнавъ тамъ о квартирѣ его (помнится, улица Мироменилъ, 83), поѣхалъ къ нему. Хотя это было только часовъ въ 9 утра, но я его уже не засталъ. Лакей, сказавъ мнѣ, что онъ по обыкновенію ушелъ гулять, и застать его можно въ 11 часовъ, спросилъ мою карточку. Я попросилъ его сказать Николаю Николаевичу, что былъ Сибирякъ, который пріѣдетъ опять къ 11 часамъ, и уѣхалъ, не оставивъ карточки. Пріѣзжаю въ 11 часовъ, а лакей говоритъ мнѣ, что Николай Николаевичъ приходилъ и опять куда-то ушелъ. Удивленный этимъ, я начинаю его разспрашивать, какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты раздается: «дома, дома!» Выбѣгаетъ Муравьевъ и начинаетъ обнимать меня, спрашивая, я ли былъ утромъ и почему не оставилъ карточки. Я отвѣчалъ, что мнѣ хотѣлось испытать, узнаетъ ли онъ меня чрезъ 14 лѣтъ. Екатерины Николаевны не было

*) Этотъ обѣдъ, по предложенію бывшаго Иркутскаго военнаго губернатора К. К. Венцеля, послужилъ началомъ ежегодно, если не ошибаюсь, съ тѣхъ поръ повторяющихся Амурскихъ обѣдовъ. Поэтому бывшій 25 Февраля сего года обѣдъ, въ которомъ имѣлъ честь участвовать и я, обозначенъ № 34 едва ли правильно. Если не было никакихъ перемѣнъ, то его слѣдовало бы считать № 36.

дома. Она, какъ онъ сказалъ мнѣ, ушла гулять и скоро возвратится. Мы пошли въ комнату, изъ которой онъ ко мнѣ выбѣжалъ, сѣли тамъ, и онъ началъ меня распрашивать о моихъ дѣлахъ и семьѣ, потомъ, пріостановивъ разговоръ, какъ бы вслушиваясь, сказалъ: «вотъ и жена пришла», а затѣмъ уже крикнулъ: «Catherine, Catherine! Ефимовъ пріѣхалъ и все такъ же насъ любитъ, какъ прежде». Пришла Екатерина Николаевна, мы съ нею поздоровались, и она пригласила насъ завтракать. Завтракъ нашъ, за разговорами и воспоминаніями, тянулся до 3-хъ часовъ, не смотря на то, что Николай Николаевичъ долженъ былъ вечеромъ уѣхать на какой-то свой обычный курортъ. Оба они съ большимъ сочувствіемъ и любопытствомъ распрашивали о Сибири и знакомыхъ. Когда мы встали изъ-за стола, и я съ ними простился, то Николай Николаевичъ спросилъ меня, куда я пойду. Я отвѣчалъ ему, что мнѣ необходимо нужно зайти въ какой-нибудь магазинъ, чтобы заказать себѣ платье, но что, не зная ничего въ Парижѣ, я какъ въ лѣсу. Тогда онъ тотчасъ же вызвался проводить меня въ свой (Aux montagnes d'Écosse), гдѣ я и могу заказать все, что̀ нужно. Опасаясь, что это какой-нибудь аристократическій и дорого̀й магазинъ, я высказалъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что недорого̀й и что тутъ заказываетъ, какъ онъ выразился, «другого рода аристократія». Пришли въ магазинъ, онъ меня отрекомендовалъ и, тутъ распростившись, ушелъ, при чемъ оба мы искренно пожалѣли, что такъ мало другъ съ другомъ провели времени.

*

Въ Маѣ 1876 и 1877 годовъ, живя въ Петербургѣ, я, по поводу вопроса о Сибирскомъ университетѣ, въ газетѣ, издававшейся В. А. Полетикой («Биржевыя Вѣдомости», переименованныя потомъ въ «Молву»), помѣстилъ двѣ мои статьи о томъ, что университетъ этотъ гораздо правильнѣе и полезнѣе будетъ устроить въ Томскѣ, а не Омскѣ. Въ послѣдней изъ этихъ статей я говорилъ, между прочимъ, что при рѣшеніи этого вопроса необходимо узнать мнѣніе хорошо знакомыхъ съ Сибирью бывшихъ генералъ-губернаторовъ: Западной Сибири Дюгамеля и Восточной—графа Муравьева-Амурскаго; губернаторовъ: Томскаго—Озерскаго и Тобольскаго—Деспота-Зеновича и, какъ родившагося и служившаго въ Сибири, князя М. С. Волконскаго, бывшаго тогда попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа. Всѣмъ означеннымъ выше лицамъ, кромѣ графа Муравьева, я доставилъ по экземпляру моихъ статей, а Николаю Николаевичу хотѣлъ послать въ Парижъ. Но, узнавъ, что онъ только-что пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ Большой Конюшенной, въ гостиницѣ Демута, я отправился, утромъ 16 Мая, къ нему; но уже не засталъ дома и поэтому,

оставивъ обѣ статьи, на карточкѣ моей написалъ, что разсчитываю вполнѣ на сочувствіе его къ Томску и пріѣду завтра. Такъ я и сдѣлалъ, пріѣхавъ къ нему въ обычные 8 часовъ утра. Поздоровавшись, онъ тотчасъ же съ живостью сказалъ: «Неужели вы думали, что я буду говорить за Омскъ? Конечно, университетъ должно устроить въ Томскѣ. Вездѣ, гдѣ только будетъ можно и нужно, я буду это отстаивать. Я писалъ уже сюда объ этомъ изъ Парижа, когда Головнинъ поздравилъ меня телеграммою о разрѣшеніи устройства университета, но не въ Томскѣ, а въ Омскѣ, что это было бы большою ошибкой». Потомъ разговоръ перешелъ на дѣла Сибири, и я, по убѣжденію моему, высказалъ ему сожалѣніе, что онъ рано оставилъ Сибирь. Отвѣтъ его былъ обычный: разстроенное здоровье. Много разъ бывалъ я у Муравьева въ это его здѣсь пребываніе, и когда встрѣчался у него съ А. И. Деспотомъ-Зеновичемъ, то оба мы высказывали ему наше сожалѣніе о раннемъ оставленіи Сибири, и получали одинъ и тотъ же отвѣтъ. Въ послѣдній разъ я былъ у него проститься, предъ моимъ отъѣздомъ въ Сибирь, въ первой половинѣ Августа 1877 года. Я засталъ тогда у него вдову М. С. Корсакова, Александру Корниловну, и А. И. Деспота-Зеновича. Посидѣвъ довольно долго, я откланялся; но Муравьевъ, простившись со мною въ комнатѣ, вышелъ въ корридоръ и тамъ, опять обнявъ меня, сказалъ: «Ну, Иванъ Владимировичъ, больше въ мірѣ этомъ мы не увидимся». Слова его оправдались.

*

Предоставляю читателю, не предубѣжденному противъ Муравьева, дѣлать о личности его изъ описанія моего свое заключеніе; но думаю, что всякій согласится, что это былъ человѣкъ доступный возраженіямъ и умѣвшій выслушивать независимыя мнѣнія, не терпѣвшій канцелярскаго формализма и волокиты, простой и добрый въ обращеніи и непритязательный къ неудобствамъ, какія испытывалъ въ своей подвижной жизни. Какъ каждый человѣкъ, да еще столько потрудившійся и встрѣчавшій еще, при пылкомъ характерѣ своемъ, столько раздражавшихъ его противодѣйствій и недоброжелательствъ, конечно, и онъ былъ не безъ ошибокъ и недостатковъ; но всѣ они съ избыткомъ вознаграждаются, какъ вышеупомянутыми его свойствами, такъ еще далеко болѣе всѣмъ тѣмъ, что̀ сдѣлано имъ для Отечества.

Я же, въ заключеніе, повторю здѣсь о всемъ написанномъ мною слова одного рано погибшаго писателя:

„Повѣрьте, это все сначала
По пунктамъ истина скрѣпляла".

Да не подумаетъ кто-нибудь изъ прочитавшихъ эти воспоминанія, что, говоря въ нихъ по необходимости и о себѣ, я дѣлалъ это съ цѣлію самовосхваленія. Строки эти никогда бы не показались на свѣтъ, а остались у дѣтей моихъ, въ моей, которую я пишу для нихъ, автобіографіи. Появленіемъ въ печати теперь онѣ обязаны исключительно г. Буцинскому, показавшему, на основаніи подобранныхъ имъ для составленія рецензіи недостовѣрныхъ источниковъ, Муравьева такимъ, что никто его не узнаетъ.

Нашъ славный Пушкинъ сказалъ: «Злословіе даже безъ доказательствъ оставляетъ почти вѣчные слѣды». Вотъ, чтобы не осуществилось этого, необходимо, для охраненія памяти Муравьева отъ такихъ отзывовъ, какіе сдѣлалъ г. Буцинскій, всѣмъ оставшимся въ живыхъ сослуживцамъ и сотрудникамъ Николая Николаевича, а также и бывшимъ его преемникамъ, по возможности, дать о немъ свои правдивые отзывы.

Этого потребуетъ исторія, суда которой Муравьеву бояться нечего.

Іюнь 1896 г.
С.-Петербургъ.

КАВАЛЕРГАРДЫ ПРИ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

Исторія кавалергардовъ 1724—1799—1899.

По случаю столѣтняго юбилея кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, составилъ С. Панчулидзевъ, т. 1-й СПБ. 1899. Бол. 4-ка XXIV+401.

11-го Января 1899 г. исполнилось столѣтіе непрерывнаго существованія кавалергардовъ, какъ части войска. Нынѣшніе г-да офицеры-кавалергарды рѣшили издать, въ ознаменованіе сего событія, исторію своего полка и поручили эту работу своему сослуживцу, С. А. Панчулидзеву. Августѣйшій Шефъ полка, Вдовствующая Императрица, Марія Ѳеодоровна, оказала милостивое содѣйствіе предпринятому изданію, и оно сразу стало въ необыкновенныя условія: планъ удостоился высочайшаго разсмотрѣнія и одобренія, и Государь изъявилъ высочайшую волю прочитывать корректуру изданія.

Планъ таковъ: издать иллюстрированную исторію кавалергардовъ въ 4-хъ томахъ и иллюстрированный же сборникъ біографій кавалергардовъ, также въ 4-хъ томахъ.

Лежащій передъ нами 1-й томъ исторіи, изданный съ большимъ вкусомъ, снабженный снимками съ рѣдкихъ портретовъ и гравюръ, содержитъ въ себѣ: 1) описаніе службы кавалергардовъ при коронованіяхъ государей и 2) исторію кавалергардовъ съ 1726 по 1762 г., т. е. по кончину Елисаветы Петровны.

Авторъ труда сумѣлъ сдѣлать занимательною и первую часть; вторая же прочтется съ неослабнымъ интересомъ даже такъ называемою большою публикою. Правда, при изложеніи событій со смерти Петра I до кончины Елисаветы, С. А. Панчулидзевъ, не даетъ новаго освѣщенія совершавшимся переворотамъ, но за то всѣ прежде высказанные взгляды историковъ ему хорошо извѣстны и, какъ видно, самостоятельно по первоисточникамъ провѣрены, а участіе гвардіи въ дворцовыхъ „дѣйствахъ" описано рукою мастера.

Авторъ настойчиво приводитъ совершенно правильный взглядъ, что было бы ошибочно видѣть въ лейбъ-компанцахъ какихъ-то Преторіанцевъ, такъ какъ въ то время гвардія, пополняясь изъ разныхъ слоевъ общества, была дѣйствительно представительницей всего народа.

Вполнѣ самостоятельнымъ является С. А. Панчулидзевъ въ IV главѣ своего труда „Лейбъ-компанія". На основаніи неизданныхъ и даже неописанныхъ документовъ (главнѣйшимъ образомъ Архива Главнаго Штаба), онъ даетъ намъ живую картину быта лейбъ-компаніи, этой „гвардіи" по преимуществу, т.-е. ближайшихъ тѣлохранителей. Свѣдѣнія, добытыя изслѣдователемъ, чрезвычайно любопытны; и онъ, надѣемся, проститъ намъ, что мы приведемъ извлеченія изъ его книги, предназначенной къ сожалѣнію лишь для небольшаго круга читателей.

Императрица Елисавета Петровна, въ благодарность Преображенцамъ за 25 Ноября 1741 года, уже 31 Декабря учредила такъ называемую лейбъ-компанію. „...Гренадерскую роту Преображенскаго полка (было написано въ указѣ) жалуемъ: опредѣляемъ ей имя лейбъ-компанія, въ которой капитанское мѣсто мы соизволяемъ сами содержать и оною командовать... Оной нашей лейбъ - компаніи, всѣхъ вышеписанныхъ какъ унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ, кромѣ заротныхъ чиновъ, всемилостивѣйше жалуемъ дворянами". Въ первый разъ явилась лейбъ-компанія въ сборѣ на крещенскій парадъ въ формѣ гвардіи Петра I-го. Первоначальное желаніе Государыни было, чтобы лейбъ-компанцы имѣли верховыхъ лошадей. Съ этою цѣлью былъ отправленъ въ Мартѣ 1742 г. въ Малороссію камеръ-лакей Платонъ Гордѣевъ съ приказаніемъ набрать 400 лошадей, но Гордѣевъ съумѣлъ набрать лишь 17 лошадей. Милость и заботливость Елисаветы къ новой гвардіи доходили до того, что она разрѣшила караульнымъ во дворцѣ отдавать честь лишь ей и сидѣть по ночамъ, а не стоять. Принцъ Людвигъ Гессенъ - Гомбургскій былъ назначенъ капитаномъ - поручикомъ. На его долю выпала неблагодарная задача упорядочить новыхъ гвардейцевъ, у которыхъ, изъ „подлости" на высоту попавшихъ, отъ милостей Государыни кружилась голова. Каково было состояніе лейбъ - компанцевъ, мы видимъ изъ ниже слѣдующаго.

Императрица обращала особое вниманіе на красоту и выправку часовыхъ во время торжествъ, но часто заботы о чистотѣ въ обмундированіи и благопристойности стоянія на часахъ оказывались тщетными; мы читаемъ многократныя приказанія, дабы часовые на полъ и стѣны не плевали и т. п.

Рядомъ съ приказаніями о соблюденіи формы и чистоты обмундированія, чтобъ „ходили на караулъ и на куртаги всегда въ косахъ и во всякой чистотѣ,... чтобъ... мундиръ былъ чистъ, рубашки, галстухи и на ногахъ-щибель - манжеты были бѣлые,... сапоги вычищены, и у каждаго были привиты *хритовыя* косы"... идутъ именные приказы болѣе серьезнаго характера: чтобъ всѣ члены лейбъ-компаніи „содержали себя, какъ регулъ и воинскій порядокъ требуетъ, и командирамъ своимъ были послушны, чинъ чина почитали бъ, а постороннему генералитету и прочимъ штабъ и оберъ-офицерамъ отдавали бъ почтеніе, кому надлежитъ, помня высочайшую... оказанную имъ милость", и чтобы л.-компанцы не дерзали „посторонне и не въ свое дѣло и должность мѣшаться, и мимо настоящей команды гдѣ индѣ докладывать" (стр. 253—254).

Приказанія эти мало исполнялись, и порядокъ могъ быть установленъ лишь самыми крутыми мѣрами; но Императрица снисходительно смотрѣла на проступки людей, оказавшихъ ей трогательную преданность, и наказанія всегда были ею смягчаемы. Самъ принцъ Людвигъ, добрый человѣкъ, научившійся по - русски, рѣшительно былъ неспособенъ установить дисциплину; у него не было исправныхъ инструкторовъ, и онъ поручилъ управленіе нѣкоему Гринштейну, авантюристу темнаго происхожденія, который, хотя и „штрафовалъ даже поручиковъ и лейбъ-компаніи гренадеръ палкою", ничего не могъ сдѣлать съ буйными гвардейцами: высшіе чины, даже фельдмаршалы не были гарантированы отъ ихъ „продерзостей".

18 Октября 1743 года гренадеръ (кавалергардъ) Прохоръ Кокорюкинъ, „идучи отъ биржи весьма пьянымъ образомъ, такъ, что едва идти и говорить могъ, вошелъ съ азартомъ во дворъ Акинѳія Демидова, гдѣ чинилъ слѣдующіе непорядки: войдя къ прачкѣ, изрубилъ тесакомъ лохань и изодралъ на прачкѣ рубашку. Отъ прачки Кокорюкинъ отправился къ другимъ квартирантамъ и въ помѣщеніи пріѣзжихъ „Кунгурцовъ“ вылилъ изъ ведра воду, снялъ съ одного человѣка шубу и хотѣлъ ее взять себѣ, изрубилъ столъ, при чемъ „за неимѣніемъ у тѣхъ Кунгурцовъ волосъ, дралъ ихъ за уши немилостивно... Услыша тѣ непорядки...“, писалъ принцу Гессенгомбургскому фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ, „и дабы и смертнаго въ безпамятствѣ убійства не воспослѣдовало“, послано сказать Кокорюкину, „чтобъ онъ отъ такихъ худыхъ дѣйствій воздержалъ себя, а иначе онъ, Кокорюкинъ, имѣетъ быть отосланъ въ команду подъ карауломъ“.

Кое-какъ удалось посланнымъ „свести“ Кокорюкина со двора Демидова; но, подойдя къ сосѣднему дому Строгоновыхъ (гдѣ жилъ кн. Долгоруковъ), Кокорюкинъ началъ ругаться непристойной бранью, а затѣмъ сѣлъ въ стоявшую у крыльца коляску и говорилъ: „отвезите меня до квартиры моей“. Выйдя изъ коляски, Кокорюкинъ вынулъ изъ ноженъ тесакъ, воткнулъ его въ землю передъ крыльцомъ, а потомъ влѣзъ на крыльцо, говоря: „я-де пришелъ поклонъ отдать къ фельдмаршалу и надлежитъ-де мнѣ его видѣть, на что адъютантъ кн. Долгорукова отвѣчалъ: „не хорошо, г. поручикъ, поступаешь и безчестишь домъ фельдмаршала“; но Кокорюкинъ продолжалъ настаивать на допущеніи его до фельдмаршала. „Караульный унтеръ-офицеръ и предстоявшіе у крыльца часовые... многократно ему..., не чиня... никакихъ озлобленій, говорили: извольте, господинъ поручикъ, идти въ свою „квартиру“, но онъ не слушался. Тогда фельдмаршалъ, высунувшись въ окно, кричалъ Кокорюкину: „долго ль стоять на крыльцѣ, пора идти на свою квартиру“, и что если самъ не пойдетъ, то отошлетъ его въ команду подъ карауломъ. Наконецъ Кокорюкинъ ушелъ, шатался по городу и только къ вечеру, потерявъ шапку и тесакъ, весь въ грязи и избитый былъ доставленъ въ лейбъ-компанію“. Взысканія на Кокорюкина не было наложено (257—8).

Другой гренадеръ, Емельянъ Ворсинъ, находясь въ караулѣ, самовольно ушелъ съ него и хотя отсутствовалъ всего часъ, „но явился весьма пьянъ“. На замѣчаніе дежурнаго капрала, зачѣмъ уходилъ безъ спроса, „Ворсинъ, *не говоря ничего*, бранилъ его, Ваксова, по... многократно“. Но мало того, что Ворсинъ самъ напился, онъ напоилъ допьяна сидѣвшаго подъ арестомъ гренадера Рудомазина. Рудомазинъ сначала избилъ армейскаго караульнаго сержанта, затѣмъ подрался уже съ Ворсинымъ. Рудомазину связали руки, но онъ ихъ развязалъ „и, взявъ дубину, ушелъ въ чуланъ и говорилъ: „ежели-де кто ко мнѣ подступится, лучшему расшибу лобъ“. Черезъ три дня тотъ же арестованный Рудомазинъ, сбивъ „желѣза“ съ арестованнаго гренадера Шарогородскаго, вмѣстѣ съ нимъ уходитъ изъ-подъ ареста. Можно сказать, что Рудомазинъ какъ бы взялъ на себя обязанность увода соаре-

стованныхъ съ нимъ въ кабаки, при чемъ, если арестованный посаженъ на цѣпь, Рудомазинъ его и отъ этой цѣпи освобождаетъ. Черезъ годъ (20 Іюля 1745 года) дежурный сержантъ доносилъ, что „содержащійся подъ арестомъ гренадеръ Дементій Дубовъ напился пребезмѣрно пьянъ и въ томъ пьянствѣ чинилъ непорядочные поступки, и шумствовалъ, и дрался..., за что посаженъ былъ въ цѣпь, но и отъ того не воздержался и учинилъ наипущіе таковые жъ непорядочные поступки“. Затѣмъ Дубовъ и Рудомазинъ, „разломавъ цѣпь“, ушли изъ подъ ареста, при чемъ Рудомазинъ избилъ армейскаго караульнаго сержанта и выбилъ въ двухъ окнахъ рамы и одну совершенно изломалъ“ (258—259).

Въ 1745 году принцъ Людвигъ уѣхалъ за границу, и его мѣсто занялъ графъ А. Г. Разумовскій. Дѣло не пошло лучше. Онъ не могъ вывести „безмѣрное и безчувственное“ пьянство и „шумство“, такъ какъ и самъ предавался Бахусу и „пьяный былъ весьма неспокоенъ“.

Въ книгѣ „Словесныхъ приказовъ“ за 1755 годъ читаемъ подъ 17-мъ Мая: „Обрѣтающійся на караулѣ во дворцѣ поручикъ и лб.-к. гренадеръ Никита Корченко съ караулу ушелъ безъ позволенія команды и, напившись пьянъ, валялся передъ покоями Его И. Высочества... и поднятъ безъ чувства: и на оное его высокографское сіятельство (Разумовскій) изволилъ приказать помянутаго Корченка арестовать и отдать за такіе непотребные поступки подъ караулъ“.

Ровно черезъ 10 дней имѣется тамъ же слѣдующая запись: „Капитанъ и лб.-к. гренадеръ Никита Максинъ сего Мая 27 числа, будучи пьянъ, пришедъ въ домъ ясновельможнаго гетмана гр. К. Г. Разумовскаго и обнажа свою шпагу, рубилъ по стекламъ и сверхъ того билъ палкою людей, о которыхъ его непристойныхъ поступкахъ е. в. с—ву гр. А. Г. Разумовскому докладывано, и е. в. с-во словесно изволилъ приказать онаго Максина, за такіе его поступки, лб.-компаніи при дежурствѣ арестовать“.

Гренадеръ Гречухинъ 5 Сентября, „въ бытность въ домѣ Ея И. Вел. на караулѣ, напившись пьянымъ, приводилъ въ караульню невѣдомо какихъ двухъ человѣкъ, мужиковъ, и хотѣлъ было подчивать пивомъ, только отъ того капраломъ Талеровымъ былъ унятъ“. Тогда Гречухинъ, наливъ себѣ кружку пива, сталъ было пить и не послушался запрещенія капрала. Когда же Талеровъ сталъ его выводить изъ-за стола, уговаривая лечь спать, то Гречухинъ, ухватясь за Талерова „руками, оторвалъ на плечѣ помочь да рукавный обшлагъ“. Ругаясь площадной бранью, Гречухинъ ударилъ рукою по щекѣ три раза и вытолкнулъ изъ караульной слугу сержанта Журавлева за то, что тотъ сказалъ ему, что о тѣхъ его бранныхъ словахъ сержанту донесетъ“. Когда же начальникъ караула, сержантъ Журавлевъ, именемъ пр. Гессенгомбургскаго приказалъ Талерову арестовать Гречухина, то послѣдній арестовать себя не далъ, говоря: „пущай-де его свѣтлость самъ арестуетъ“. Въ концѣ-концовъ Гречухина удалось арестовать прапорщику Зотову, при чемъ его заковали. Посаженный на цѣпь, Гречухинъ сначала кричалъ, „что и изъ-подъ караула уйдетъ“, а затѣмъ „со злости цѣпь переломилъ“. „Канцелярія лейбъ-компаніи“ такъ аттестовала Гречухина: Гречухинъ

и прежде сего за пьянство и прочія продерзости неоднократно хотя держанъ былъ подъ арестомъ, только воздержаться не могъ, посему канцелярія справкою объявляетъ, что впредь къ воздержанію въ немъ, Гречухинѣ, никакой надежды имѣть не можно".

Судъ приговорилъ Гречухина къ отсѣченію головы, мотивируя приговоръ тѣмъ, „что онъ въ бытность въ такомъ знатномъ мѣстѣ, яко то въ домѣ Ея. И. Вел. на караулѣ, напился пьянъ, такъ что не точію отъ него надѣяться было можно, чтобъ онъ тотъ караулъ по надлежащему, какъ его требовала офицерская должность, исправить въ состояніи находился... паче же за ослушаніе команды и упрямство". Пока шелъ судъ, Гречухинъ, будучи скованъ подъ арестомъ, взялъ тайно изъ своего же подсумка патронъ съ пулею и, выйдя въ сѣни, зарядивъ ружье караульнаго лб.-компанца кн. Мустафина, выстрѣлилъ. Отъ выстрѣла разорвало ружье, при чемъ Гречухину повредило лѣвую руку. Гречухинъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что, находясь „подъ арестомъ скованъ немалое время", отъ того „въ крайней опасности и страхѣ находился", а въ ночь съ 13 на 14 Ноября и поутру и „въ превеликой тоскѣ". (284—285). Елисавета Петровна помиловала Гречухина, приказавъ отослать въ „дальніе полки, понизя чиномъ".

Отчасти дурному поведенію караульныхъ способствовало то, что ихъ отпускали обѣдать и ужинать домой: многіе изъ нихъ, получивъ „порцевыя" деньги, вмѣсто того, чтобы идти домой, отправлялись въ кабаки, гдѣ напивались и скандалили; оттуда, уже въ пьяномъ видѣ, возвращались въ караулъ, гдѣ просыпались, но иногда вовсе въ караулъ уже и не попадали. Въ Іюнѣ 1746 года въ Петергофѣ графъ Разумовскій отдалъ приказаніе: „ежели которые гренадеры находиться будутъ въ пьянствахъ и въ другихъ непристойныхъ поступкахъ, таковымъ порціи не производить".

Въ 1746 году кавалергардъ Егоръ Хлопотовъ, находясь съ караульной командою въ Петергофѣ, „напившись пьянъ невѣдомо гдѣ, сталъ бранить гренадера Ѳедора Заворуева безъ всякой причины всякими скверными и непотребными словами, и при томъ при всѣхъ гренадерахъ называлъ Заворуева воромъ и многократно приступалъ къ нему и хотѣлъ бить его"; а когда сержантъ Охлестышевъ сказалъ ему: „для чего ты такъ пьянъ напиваешься, и честь свою офицерскую не хранишь, и своего брата безъ причины обидѣлъ и называешь воромъ?", Хлопотовъ и при сержантѣ продолжалъ ругаться и называть Заворуева воромъ. Охлестышевъ велѣлъ его арестовать и снять съ него тесакъ, „опасаясь, чтобы кого не уязвилъ, вѣдая его безпутные поступки". Отведенный въ свою палатку, Хлопотовъ продолжалъ кричать: наконецъ, схвативъ кирпичъ, угрожалъ имъ и выгналъ всѣхъ гренадеръ изъ палатки. Мало того, выйдя изъ нея и подойдя къ палаткѣ Охлестышева, „всячески бранилъ его. Однако мы ему все уступали", доносилъ Охлестышевъ, „думали, что онъ учувствуется и кричать перестанетъ; однакоже онъ кричалъ и пилъ". Наконецъ Хлопотовъ ушелъ во дворецъ „безъ тесака въ кафтанѣ, волосы растрепавши и рубашку распустя", но, увидѣвъ, „что *кавалергардовъ на часахъ нѣтъ* (т. е., что Императрица отсутствуетъ), паки пришелъ въ лагерь и никому покоя не давалъ, то я, видя его такіе

поступки, чтобъ кого до смерти не уязвилъ, приказалъ капралу Талерову взять напольныхъ (армейскихъ) полковъ капрала и семь человѣкъ солдатъ, чтобъ его поймать и взять въ караульню, то Хлопотовъ оному капралу Талерову весьма противился и едва его не умертвилъ, однакоже съ великимъ трудомъ связали, и притомъ кричалъ „караулъ".

Не только офицеры гвардіи, но и унтеръ-офицеры имѣли входъ на придворные спектакли и маскарады, иногда даже туда допускались и рядовые съ ихъ фамиліями. При этомъ требовалось, чтобы жены офицеровъ, если онѣ помѣщаются въ партерѣ, „были въ шлафорахъ, безъ мантилій, безъ платковъ и безъ капоровъ, но въ прочихъ пристойныхъ къ тѣмъ шлафорамъ убранствахъ". Приведемъ маскарадную инструкцію лейбъ-компанцамъ.

„Ея Императорскаго Величества изъ придворной конторы въ нижеписанныя коллегіи и канцеляріи. Ея Императорское Величество изволила указать именнымъ своего Императорскаго Величества указомъ сего Января 18 дня, то-есть въ будущую на сей недѣлѣ Пятницу, такожъ и впредъ до наступленія Великаго поста, въ одинъ день, которой впредъ къ тому назначенъ будетъ, при дворѣ Ея Императорскаго Величества быть публичнымъ маскарадамъ противъ того, какіе минувшаго Декабря 2-го и сего Января 2-го чиселъ при дворѣ Ея Императорскаго Величества маскарады были, и на оные пріѣздъ имѣть противъ прежняго-жъ всѣмъ знатнымъ чинамъ и всему дворянству Россійскому и чужестранному съ фамиліями, окромѣ малолѣтныхъ, въ приличныхъ маскахъ, а притомъ платья перегримскаго и арликинскаго и непристойнаго деревенскаго, такожъ на маскарадныхъ платьяхъ мишурнаго убранства и хрусталей нигдѣ не было бъ; а кто не изъ дворянъ, тотъ бы въ оной маскарадъ быть не дерзалъ, и при себѣ не имѣть никакихъ оружій подъ опасеніемъ штрафа. А для исчисленія сколько въ ономъ маскарадѣ всѣхъ дамскихъ и кавалерскихъ персонъ дѣйствительно быть имѣетъ, пропускъ чинить по билетамъ же и для того объ ономъ Ея Императорскаго Величества высочайшемъ соизволеніи тѣмъ персонамъ учинить повѣстки, при чемъ объявить, чтобъ тѣ персоны, кто въ оной маскарадъ желаютъ, для пропуску билетовъ требовали точно на то число персонъ, сколько въ томъ маскарадѣ быть имѣютъ, дабы во исчисленіи персонъ не было помѣшательства, ибо въ минувшіе маскарады многія персоны, получа билеты, не были, да изъ тѣхъ же персонъ, кто получитъ билеты, другимъ таковымъ, кому въ силу именнаго Ея Императорскаго Величества указа въ томъ маскарадѣ быть не подлежитъ, тѣхъ билетовъ отнюдь не давали подъ опасеніемъ, ежели кто оное учинитъ, тотъ самъ впредъ въ таковой же маскарадъ допущенъ быть не имѣетъ, а тотъ, кто оной билетъ возметъ и со онымъ въ тотъ маскарадъ быть дерзнетъ, а ему въ томъ маскарадѣ быть не подлежитъ, тотъ за оное будетъ штрафованъ: ибо въ минувшій послѣдній сего Января 2 числа маскарадъ была такая персона, которая отважилась отдать билетъ такой, которой въ томъ маскарадѣ быть не подлежало. Того ради во исполненіе онаго Ея Императорскаго Величества именнаго указа отъ оной придворной Ея Императорскаго Величества конторы для объявленія о томъ, кому надлежитъ, во оныя коллегіи и канцеляріи чрезъ сіе со-

общается, и при томъ требуется, чтобы, по объявленіи онаго, кто въ томъ маскарадѣ дѣйствительно быть имѣютъ, съ требованіемъ на то число персонъ билетовъ въ придворную контору присланы были письменныя извѣстія немедленно, съ прописаніемъ, кому тѣ билеты отдать надлежитъ, а ежели кто изъ дворянства особливо кромѣ команды на свою персону и фамилію билетовъ требовать будетъ, то и оныя бъ потому жъ присылали за своими руками требованія: ибо, хотя въ минувшіе маскарады нѣкоторымъ персонамъ билеты раздаваны были и безъ присылаемыхъ за ихъ руками требованіевъ, точію нынѣ тѣ за руками извѣстія потребны за вышеписанными резоны, что ежели, паче чаянія, какое замѣшательство учинится, то бъ можно было узнать, отъ кого оное послѣдовало, а пропускъ тѣмъ будущимъ въ маскарадѣ персонамъ приказано чинить противъ прежняго и при томъ, чтобъ тѣ персоны при входѣ у дверей маски снимали, такъ какъ и прежде оное было, и которыхъ приставленные гофъ-фуріеры точно знать не могутъ, то и о чести ихъ спрашивать приказано, дабы подъ тѣмъ видомъ таковыя, кому въ томъ маскарадѣ быть не подлежитъ, пройтить не могли, и для объявленія о томъ, кому надлежитъ, съ сего сообщенія въ нижеписанныхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ благоволено бъ было списать точныя копіи. На подлинномъ подписано такъ: Дмитрій Шепелевъ, Семенъ Нарышкинъ". Караульную службу при лейбъ-компаніи несли армейцы Петербургскаго гарнизона.

Служба этихъ армейскихъ карауловъ при лб.-компаніи была не изъ легкихъ; мы уже видѣли, какова она была при арестантской, но даже и внѣ ея она была сопряжена съ немалыми непріятностями, такъ напр., „гренадеръ Андрей Каскѣевъ, идучи по галдареѣ, подошелъ къ стоящему часовому Козлову и, навалившись на него, безъ всякой причины сталъ бить и за волосы драть". Козловъ сначала постарался объяснить Каскѣеву „со всею учтивостью", что онъ „на часахъ стоитъ, и такъ безрезонно на него нападать, а особливо часового бить, не надлежитъ"; но Каскѣевъ продолжалъ драться, что вынудило Козлова кричать „караулъ". Донося о семъ случаѣ Разумовскому, квартермистръ Ласунскій присовокупилъ, что, „ежели гг. поручики и лб.-компаніи гренадеры такіе непорядочные поступки станутъ впредъ чинить, то стоящимъ на часахъ солдатамъ никакъ быть невозможно, о чемъ и прежде сего вашему высокографскому сіятельству о такихъ непорядочныхъ поступкахъ отъ меня рапортами представлено было" (316—317).

Вотъ и другой случай. Находившійся подъ арестомъ гренадеръ Иванъ Локтевъ „своевольно хотѣлъ идти на квартиру свою", и когда „стоящій на часахъ въ арестантской солдатъ Екимовъ ему съ учтивостью объявилъ, чтобъ онъ въ неуказанные часы на квартиру не ходилъ, и при томъ объявлялъ же, что они имѣютъ приказъ, чтобъ на квартиру не отпускать, то Локтевъ безъ всякаго резону онаго часового ударилъ въ рожу, а самъ пошелъ изъ арестантской вонъ". За Локтевымъ пошелъ другой солдатъ, Станковъ, замѣтивъ котораго, Локтевъ ударилъ его полѣномъ по головѣ. Возвратясь въ арестантскую, Локтевъ вскорѣ опять ушелъ, при чемъ снова билъ по щекамъ и дралъ за волосы другого уже часоваго. Вернувшись наконецъ въ арестантскую, Локтевъ „чинилъ великій шумъ", ругался, дрался и нако-

нецъ бросился на арестованнаго же гренадера Хлопотова, „кусалъ его за груди зубами“. „Хлопотовъ, обороняясь, схатилъ палку, билъ его тою палкой, а потомъ схватились оба и изодрали на себѣ рубахи“. Дали знать дежурному сержанту, который, придя въ арестантскую, велѣлъ связать Локтеву руки веревкою, „дабы болѣе не учинилъ ссоры и драки“. На другой день Локтевъ опять самовольно ушелъ, при чемъ, придя въ квартиру гренадера Мясникова, выломалъ у него дверь и замахивался на Мясникова топоромъ. Локтева схватили; дежурный сержантъ приказалъ сковать его въ желѣза, но „токмо, за неимѣніемъ оныхъ, не скованъ“ (320).

27 Іюля 1750 года гренадеръ Карпъ Смирной (Смирновъ), назначенный „на караулъ въ дежурную (на дневальство при лб.-компаніи), пришелъ въ нагольной шубенкѣ и въ туфляхъ“. Причиною того, что Смирновъ явился на службу въ такомъ мало подобающемъ нарядѣ, было то, что онъ „безчувственно всегда бываетъ пьянъ и ходитъ на улицѣ и въ кабаки, надѣвъ на мундирный камзолъ шубенку нагольную и въ туфляхъ“, такъ какъ „пропилъ не только „камзолъ новаго строенія“, но и „позументъ съ аммуниціи“ (321). Этотъ Смирновъ вообще отличался крайнимъ безобразіемъ.

Если буянили солдаты, то офицеры нисколько имъ не уступали.

Въ 1745 году гренадеръ Першуткинъ въ теченіе двухъ недѣль исправлялъ капральскую должность. 17 Іюня сержантъ у „кавалергардовъ“ Охлестышевъ, собирая команду въ Петергофъ, смѣнилъ Першуткина и приказалъ ему немедленно выйти въ строй въ „кавалергардскомъ уборѣ“ для отправленія въ Петергофъ. Першуткинъ обратился къ Охлестышеву съ просьбой уволить его отъ этой командировки, представляя при томъ, что онъ „правилъ безсмѣнно двѣ недѣли капральствомъ“. На это Охлестышевъ закричалъ: „выходи жъ поскорѣй, а не то я, какъ каналью,—палкою!“ „Мы не каналіи, и бить насъ не годится“, отвѣтилъ Першуткинъ и пошелъ одѣваться „въ кавалергардскую аммуницію“. Тогда Охлестышевъ, остановя Першуткина, ткнулъ его въ грудь палкою, на что Першуткинъ сказалъ: „вы лучше бы изволили арестовать, а не палкою бить“. Охлестышевъ арестовалъ Першуткина и приказалъ дежурному капралу Васкову отвести его въ караульную. Васковъ, взявъ за руку Першукина, повелъ его, при чемъ Охлестышевъ „сзади ударилъ Першуткина три раза палкою по плечамъ“. Вся эта дикая сцена происходила передъ фронтомъ отправляемой въ Петергофъ „кавалергардской команды“. Изъ строя раздались голоса, что Охлестышевъ бьетъ Першуткина напрасно, и что офицера бить не годится.—„Я изъ васъ офицерство выбью“, закричалъ Охлестышевъ, обращаясь къ кавалергардамъ.—„Не ты насъ пожаловалъ, и бить офицера не годится“, отвѣчалъ ему Чижухинъ.—„А тебѣ что за дѣло, не тебя бьютъ“.—„Сегодня Першуткина бить палкою вы изволили, а завтра и я тоже отъ васъ могу получить!“—„Развѣ вы бунтъ хотите сдѣлать, каналіи! Всемилостивѣйшая Государыня приказала васъ палкою бить.“—„Объяви намъ приказъ, а тогда и бей“, закричали кавалергарды, а Ѳома Шаховъ прибавилъ: „Это не Кіевскій походъ*) палкою бить“ (328—229).

*) Т. е. когда, въ 1744 г., Государыня ѣздила въ Кіевъ, и лейбъ-компанцы учинили въ Нѣжинѣ шумный скандалъ. П. Б.

Исключительное положеніе лейбъ-компанцевъ вызывало зависть и вражду другихъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ.

Вражда эта весьма характерно высказалась во время праздника св. пророка Иліи на Пороховыхъ заводахъ. Сержантъ Игнатьевъ и пятеро гренадеръ находились тамъ на праздникѣ. Игнатьевъ въ компаніи съ купцами гулялъ въ палаткѣ, и къ нимъ „пришли четыре человѣка артиллерійскихъ канонеровъ умышленно съ великимъ невѣжествомъ и стали кричать на всѣхъ: „чего ради вы пьете виноградное вино, вы бы брали здѣсь съ кабака“. Затѣмъ послѣдовала драка. За Игнатьева вступились остальные лб.-компанцы, отчего драка еще болѣе увеличилась, при чемъ дежурный сержантъ-артиллеристъ, *иноземецъ* Христіанъ Эмротъ, кричалъ: „бей лейбъ-компанію до смерти въ мою голову“. Тогда бывшіе на праздникѣ остальные гвардейскіе солдаты начали унимать артиллеристовъ, но послѣдніе и ихъ избили. За лб.-компанцевъ вступился Царицынскій казакъ Голубинъ, который „отъ великой своей горячности, услыша такой злодѣйскій крикъ и вымыселъ, не могъ вытерпѣть, не щадя своего живота для имени Ея Императорскаго Величества, всенароднаго благополучія и оказанныхъ оной лейбъ-компаніей вѣрныхъ заслугъ“ (332).

Надо однако замѣтить, что, не смотря на зависть гвардіи къ лейбъ-компаніи, достаточно было того, чтобы на л.-компанцевъ напалъ „Нѣмецъ“—и тѣже гвардейцы вступались за товарищей.

Нерѣдко у лейбъ-компанцевъ происходили схватки и съ полиціей.

Въ 1744 году на пикетѣ на Красной площади въ Москвѣ стоялъ сержантъ Новгородскаго пѣхотнаго полка Кацорубовъ; увидя садившагося на лошадь лб.-компанца Михаила Малыгина, Кацорубовъ „безъ всякой причины“ сказалъ: „вотъ-де они-то.., щеголи-то“, а на замѣчаніе Малыгина, зачѣмъ онъ такъ ихъ всѣхъ ругаетъ, отвѣчалъ: „развѣ-де васъ бояться?“ при чемъ плюнулъ Малыгину въ глаза и ударилъ въ щеку. Затѣмъ Кацорубовъ позвалъ солдатъ своего пикета и вмѣстѣ съ ними билъ и таскалъ за волосы Малыгина. Избивъ Малыгина, солдаты „ругательски, яко злодѣя, примкнувъ штыки, отвели его въ полицію“. Но бывали случаи, что и лб.-компанцы сами нападали на полицію; такъ, въ 1746 году „Кіевскаго драгунскаго полка патруличчной роты“ капитанъ Штемпель заѣхалъ съ драгунскимъ объѣздомъ въ гости къ лб.-компанцу Маслову. Чтобы попасть къ Маслову, Штемпелю пришлось пройти чрезъ комнату гренадера Князева, у котораго были тогда гости, въ томъ числѣ гренадеры Свіязевъ, Чижухинъ и Новиковъ. Штемпель прошелъ, не снимая шляпы; къ тому же драгунъ, прошедшій со Штемпелемъ къ Маслову, выйдя отъ Маслова, въ покоѣ Князева надѣлъ шляпу. Князеву и его гостямъ все это показалось обиднымъ; они избили драгуна и вытолкнули его вонъ, а затѣмъ Свіязевъ пошелъ къ Штемпелю жаловаться. Штемпель обѣщалъ, „за ночнымъ теперь временемъ, дать управу на другой день, но однакожъ они, тѣмъ не удовольствуяся, взяли намѣреніе побить Штемпеля и вздумали между собою сказать, будто Штемпель жену Князева въ сѣняхъ выбранилъ, а дочери его ногу отдавилъ, а понеже они тогда сидѣли безъ мундировъ, то надѣли мундиры“. Когда Штем-

пель, въ сопровожденіи Маслова и гренадера Самсонова, выходилъ отъ Маслова, Свіязевъ его остановилъ и вновь сталъ требовать „управы“ на драгуна, „а Штемпель, видя его въ спальной шапкѣ“, надѣвъ шляпу, ему отвѣтилъ, что разберетъ дѣло завтра. Князевъ, выбранивъ площадной бранью Штемпеля, „шляпу съ него схватя“, бросилъ ее на столъ, а его ударилъ въ щеку. Когда Штемпель сгоряча, ничего не разобравъ, ухватился за косу Самсонова, „то Чижухинъ, ударя Штемпеля, схватилъ за руку и, отъ Самсонова съ косою оторвавъ, сшибъ съ ногъ на землю, гдѣ его били Чижухинъ взятою отъ Князева тростью, а потомъ и Князевъ, взявъ трость отъ Чижухина, ею же билъ“, Свіязевъ же билъ кулаками и топинками“. Самсоновъ бросился разнимать, „но Князеву показалось, будто бы Самсоновъ Штемпелю помогаетъ“, а потому онъ „ударилъ Самсонова въ щеку и, обнажа шпагу, говорилъ: „буде кто вступится,—всѣхъ переколю!“ Новиковъ, Самсоновъ и Масловъ, „опасаясь, чтобъ Князевъ въ такомъ сердцѣ ихъ не закололь, ушли въ сѣни, а Князевъ, Свіязевъ и Чижухинъ“, продолжая бить, вытащили Штемпеля въ сѣни, „гдѣ Князевъ билъ его шпажнымъ ефесомъ, а Свіязевъ топинками“. Въ сѣняхъ Штемпель кричалъ „караулъ“, а какъ вытащили его на крыльцо, драгуны намѣрялись, чтобы взять хотя одного изъ помянутыхъ гренадеръ, токмо Чижухинымъ бывшею тогда у него шпагою съ ножнами отбиты прочь и взять не допущены“. Драгуны только схватили на крыльцѣ Штемпеля и увезли его. Судъ приговорилъ: Князеву, Свіязеву и Чижухину „отсѣчь у каждаго одну руку“; Новикова— написать въ солдаты вѣчно; Самсонова, Маслова и подлекаря Арефьева „ежели бъ прилежное намѣреніе къ разнятію имѣли не допустить капитана Штемпеля бить,—въ страхъ и въ осторожность какъ имъ, такъ и другимъ, лишить чинами и написать Маслова и Самсонова въ прапорщики, а Арефьева въ у.-офицеры впредъ до выслуги“. Императрица всѣхъ помиловала (337—338).

Когда лейбъ-компанецъ совершалъ проступокъ, то или его наказывали въ порядкѣ дисциплинарномъ, „репримандомъ“ и „крѣпкимъ репримандомъ“, назначеніемъ не въ очередь на службу, содержаніемъ подъ карауломъ, арестомъ съ отобраніемъ оружія, арестомъ на хлѣбъ и воду, арестомъ въ ножныя желѣза, арестомъ на цѣпи, съ приковываніемъ ко стулу, денежнымъ штрафомъ, или приказывали „по силѣ воинскихъ артикуловъ содержать *фергеръ* и *кригехтъ*“.

Мы видѣли, что лб.-компанцы пьютъ, дерутся между собою и съ посторонними, а когда они допиваются до бѣлой горячки, или когда удается съ ними временно справиться, то сначала они кричатъ, „караулъ“, а затѣмъ доходятъ и до „слова и дѣла“. Ихъ отсылаютъ въ Тайную Канцелярію къ гр. А. И. Шувалову, который, во-первыхъ, успѣлъ подъ руководствомъ Андрея Ивановича Ушакова выработать себѣ опытный глазъ въ этихъ дѣлахъ, а во-вторыхъ, будучи самъ офицеромъ лб.-компаніи, не могъ не знать про состояніе ея дисциплины; въ результатѣ—обратное препровожденіе виновнаго въ лб.-компанію. Тамъ дѣло большею частью ограничивалось арестомъ, а въ случаѣ, если объявившій „слово и дѣло“ оказывался дѣйствительно „въ состояніи меленхоліи“, то его отсылали въ монастырь“ (348).

По большей части, не смотря на проступокъ, лб.-компанцы оставляются въ лб.-компаніи, но иногда ихъ переводятъ въ наказаніе въ армію. Наприм. гренадеръ Василій Егачевъ, неоднократно наказанный за пьянство и буйство, въ 1761 году спился до „слова и дѣла“. Егачева отослали въ Тайную Канцелярію; при допросѣ Егачевъ „показалъ, что онъ, то „слово и дѣло“ сказывалъ ли, того, за приключившимся ему отъ меленхоліи безпамятствомъ, не помнитъ“. Тайная Канцелярія прислала его обратно въ канцелярію лб.-компаніи, „не учиня ему за то никакого штрафа, что онъ находится въ командѣ лб.-компаніи, и заптребно разсудила, чтобъ объ ономъ Егачевѣ изслѣдовано было при лб.-компаніи“. Графъ Разумовскій поручилъ слѣдствіе гр. Гендрикову. Спрошенный о состояніи здоровья Егачева шт.-лѣкарь Эгиди показалъ, „что онъ, Егачевъ, прежде часто репортовался больнымъ и болѣе отъ невоздержности своей обращался въ питье, а въ меланхоліи какъ прежде, такъ и въ тогдашнее время, когда былъ отсылаемъ въ Тайную Канцелярію, не былъ. Да и лб.-компаніи священникъ объявляетъ, что въ то время, при отсылкѣ его въ оную канцелярію, былъ онъ, Егачевъ, исповѣданъ и, какъ видно, что передъ онымъ весьма былъ пьянъ, такъ что отъ той слабости при немъ, священникѣ, тогда его вырвало; однако не внѣ ума находился. Да и прежде онъ, Егачевъ, обращался всегда въ пьянствѣ, за что по командѣ лб.-компаніи неоднократно былъ штрафованъ; также и нынѣ всегда бываетъ пьянъ и оттого придти можетъ весьма къ дурному состоянію“. Егачевъ былъ переведенъ въ армію *сержантомъ* (350).

Страницы, гдѣ говорится о женахъ лейбъ-компанцевъ, даютъ также богатый матеріалъ для бытописателя XVIII вѣка. Онѣ были по большей части пособницами въ безобразіяхъ мужей своихъ. Въ рапортѣ сержанта Ивинскаго графу Разумовскому мы читаемъ:

„Поручикъ и лб.-компаніи гренадеръ Леонтій Ведерниковъ весьма спился и такъ ослабѣлъ, что не можетъ на ногахъ стоять; при томъ же просилъ меня самъ, чтобъ какимъ ни есть порядкомъ (онъ) воздержанъ былъ отъ пьянства. Сего ради я велѣлъ оставить его въ дежурной и, по малу давая вина, вытрезвить: а въ квартирѣ его вытрезвить невозможно: сказываютъ, что и жена его великая пьяница“ (357).

Кромѣ пьянства и картежная игра со всѣми послѣдствіями процвѣтала среди лейбъ-компанцевъ. Даже „копіисты являлись въ сихъ преступленіяхъ“. Александръ Соколовъ игралъ въ карты съ лейбъ-гвардейскимъ Преображенскаго полка фурьеромъ Желтухинымъ и выигралъ у него векселей на 570 р. При этомъ одинъ вексель былъ подложный, другой (на имя купца Караулова) хотя и былъ писанъ съ разрѣшенія послѣдняго, но Карауловъ не зналъ, что онъ идетъ за карточный долгъ. Николай Протодьяконовъ самовольно написалъ изъ лб.-компаніи въ магистратскую контору указъ, чтобъ помянутаго купца Караулова—за дозволеніе на свое имя писать вексель—высѣчь кнутомъ и сослать на каторгу. „Карауловъ, испугавшись, далъ Протодьяконову деньгами 24 р., да на гостинномъ дворѣ изъ лавки разныхъ вещей на 12 р. 10 коп.“ Кромѣ того оказалось, что Протодьяконовъ взялъ съ фельдшера лб.-компаніи Рыкунова 28 р. „во взятокъ“ изъ 60 р., по-

лученныхъ Рыкуновымъ „за обиду“, нанесенную женѣ его „Нѣмцемъ, золотошвейнымъ мастеромъ“. Судъ постановилъ: *„понеже Протодьяконовъ находится въ лб.-компаніи немалое время,* и прежде въ продерзостяхъ ни въ какихъ не бывалъ, и содержался (по настоящему дѣлу) подъ арестомъ многое время, къ томужъ по молодымъ лѣтамъ предписанную вину Ея И. В-ву впредъ заслужить можетъ...., — бить палкою и, выключа изъ лб. - компаніи, отослать въ Военную Коллегію для опредѣленія въ полкъ солдатомъ“. Соколова же судъ приговорилъ, не подвергая тѣлесному наказанію, перевести въ армію тѣмъ же сержантскимъ чиномъ (396).

Не подлежитъ сомнѣнію, что положеніе священниковъ лб.-компаніи давало имъ возможность оказывать покровительство при дворѣ, и мы видимъ, что священнику лб.-компаніи, Кириллу Тарловскому, данъ былъ Запорожскимъ кошевымъ Калнишевскимъ, „удѣлъ земли“, и сдѣланы при томъ многія льготы „за многооказанныя имъ, Тарловскимъ, къ намъ, войску Запорожскому, въ С.-Петербургѣ услуги и что онъ и впредъ къ войску надобенъ“ (397).

Вотъ въ какихъ словахъ священникъ Козицкій характеризуетъ въ своемъ „репортѣ“ графу Разумовскому дьячка Ермолаева: „Не исправляя своей должности, какъ и всей командѣ довольно извѣстно, но явственно мнѣ и всѣмъ командирамъ своимъ во всемъ противится и, ни въ чемъ не слушая, началъ себя весть безъ всякаго опасенія, весьма безчинно пьянствовать, картежничать..., и понынѣ въ мотовствѣ остается и потому при церкви... вовсе сталъ быть неугодный“. Козицкій просилъ: „Ермолаева... отъ церкви отрѣшить“, а вмѣсто него по примѣру того, какъ существуетъ въ Преображенскомъ полку, „на томъ же жалованьи опредѣлить нѣсколько лучшихъ пѣвчихъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Козицкій ходатайствовалъ, „какъ по штату и по желанію всей команды... для лучшаго имени Божьяго прославленія и церкви Божіей сладкопѣніемъ украшенія... искусна опредѣлить дьякона“, при чемъ указывалъ на одного изъ своихъ дьячковъ, „понеже онъ человѣкъ состоянія добраго и не пьянъ“. Дьячки „за понесенные труды... выпущались изъ корпуса... для произведенія въ попы“. Въ 1759 году дьячкамъ дано разрѣшеніе „внѣ церкви Божьей носить шпаги противъ (по примѣру) лб.-гвардіи полковыхъ дьячковъ“ (398).

Но если лучшая часть гвардіи отличалась такою распущенностью, то, въ еще болѣе печальномъ положеніи должна бы была находится армія. Однако подвиги нашихъ солдатъ въ Семилѣтнюю войну ярко показываютъ высокія качества Русскаго войска Елисаветинскаго царствованія. Дѣло въ томъ, что какой нибудь пропившій аммуницію солдатъ при необходимости становился героемъ, удивлявшимъ своей отвагой и самоотверженіемъ.

Приведенныя выписки, далеко не исчерпывая всего ново-напечатаннаго матеріала, показываютъ, что книга С. А. Панчулидзева, кромѣ своего прямаго назначенія служить исторіею полка, весьма цѣнна для изученія быта времени Елисаветы, когда совершался незамѣтный, но рѣшительный поворотъ въ нашей народной жизни. Отъ всей души желаемъ бо́льшаго распространенія „Исторіи Каварлергардовъ“, которая является важнымъ пособіемъ для историка XVIII вѣка и занимательнымъ чтеніемъ для любителей Русской исторіи. Ю. Б.

НА ПОЯВЛЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ФЛОТА ПОДЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ (1854).

Въ № 7 „Современника“ за 1854 г. напечатано, безъ заглавія и подписи, слѣдующее стихотвореніе, авторъ котораго намъ неизвѣстенъ. Мысли, выраженныя въ этихъ стихахъ, напоминаютъ отдѣльныя мѣста изъ писемъ Ѳ. И. Тютчева того же времени, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года (особенно письмо отъ 19 Іюня). В. Б.

Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ!

Пушкинъ.

Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ судебъ
Поставлены мы зрителями нынѣ:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идутъ противъ Россіи.
Пожаръ войны полміра охватилъ,
И заревомъ зловѣщимъ освѣтились
Дѣянія державъ миролюбивыхъ...
Обращены въ позорища вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
Къ намъ двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И, наконецъ, приблизились, стоятъ
Предъ укрѣпленной Русскою твердыней...
И нынѣ въ урнѣ роковой лежатъ
Два жребія... И наступаетъ время,
Когда Рѣшитель міра и войны
Исторгнетъ ихъ всесильною рукой
И свѣту потрясенному покажетъ.

14 Іюня 1854.

(Въ день появленія соединеннаго флота вблизи Кронштадта).

(Сообщено В. Я. Брюсовымъ).

АНГЛИЧАНЕ ВЪ ЗАЛИВѢ ПОСЬЕТА.

Ниже слѣдующая служебная бумага обращена къ командиру 1-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона (который въ 1875 г. расположенъ былъ на самомъ дальнемъ краю Россіи) Михаилу Васильевичу Савелову. Сынъ его, извѣстный генеалогъ, Леонидъ Михаиловичъ, сообщая намъ эту бумагу, пишетъ:

„Посылаю вамъ документъ, который, я думаю, будетъ теперь, когда весь міръ занятъ образомъ дѣйствія Англичанъ, весьма умѣстенъ на страницахъ „Русскаго Архива", какъ небольшая иллюстрація характера великихъ мореплавателей. Документъ этотъ сохранился въ бумагахъ моего покойнаго отца, Михайла Васильевича Савелова, часть которыхъ была уже напечатана въ „Русскомъ Архивѣ" (1895, № 3). Написанъ онъ карандашомъ, повидимому весьма спѣшно, что̀ видно по слогу, который не отличается литературными достоинствами. Весьма возможно, что столомъ служила спина солдата, или же собственное колѣно командира роты."

Командиру баталіона.

Въ 2½ часа пополудни подходили къ обоимъ берегамъ два 12-ти весельныхъ Англійскихъ баркаса съ цѣлью высадиться на берегъ для осмотра; но часовые, знаками и голосомъ, высадиться не позволили. Они пробовали объѣзжать съ трехъ сторонъ и нахально въ трехъ мѣстахъ приставали къ берегу, въ одномъ даже мѣстѣ одинъ офицеръ вышелъ на мысъ; но я вмѣстѣ съ подчаскомъ *) лично успѣлъ перебѣжать черезъ гору къ тому мѣсту, и онъ, увидавъ насъ, сейчасъ же возвратился въ шлюпку, и шлюпка отвалила, перешла къ мысу Эгершельдъ и тамъ, приставъ къ обрывистому берегу, долго что-то стояла.

Вниманіе часовыхъ и людей, находившихся на мысѣ Эгершельдѣ, было отвлечено въ это время другимъ Англійскимъ баркасомъ, подошедшимъ къ мысу съ противоположной стороны.

Подозрѣваю, и мнѣ даже показалось, что изъ шлюпки два или три человѣка вышли и остались на берегу въ кустахъ. Но это мое предположеніе; навѣрное сказать не могу. Мною посланъ на Манзовской душегубкѣ фельдфебель съ приказаніемъ: взявъ подчасковъ, тщательно осмотрѣть то мѣсто и поблизости въ кустахъ и за каменьями, гдѣ

*) Подчасокъ—помощникъ часоваго. У Даля: „кто назначенъ для смѣны часоваго въ случаѣ необходимой нужды". *П. Б.*

приставалъ баркасъ. Когда шлюпки отъѣхали, то, остановясь отъ мыса въ разстояніи одного кабельтова, преспокойно въ подзорныя трубы, или какіе либо другіе инструменты, разсматривали наши укрѣпленія.

Считая нужнымъ обо всемъ вышеизложенномъ донести вашему высокоблагородію, присовокупляю, что нахожу необходимымъ и положительно безотлагательнымъ:

1) Самое главное, сегодня же усилить часовыхъ, какъ на томъ, такъ и на другомъ берегу; на мысъ Эгершельдъ послать офицера (на распорядительность унтеръ-офицера я не разсчитываю), на мысъ Голдобинъ послать паровой баркасъ или хотя какую нибудь шлюпку для сообщенія съ городомъ въ случаѣ экстреннаго донесенія (иначе я не имѣю рѣшительно никакой возможности дать вамъ знать о чемъ либо) и ко мнѣ офицера, дабы ночью я могъ лично провѣрить посты и бдительность часовыхъ на мысѣ Эгершельдѣ. Кромѣ того шлюпка необходима въ случаѣ внезапнаго заболѣванія нижнихъ чиновъ, а до утра, до прихода парохода, не имѣя фельдшера, можетъ человѣкъ умереть; береговое же сообщеніе по случаю грязи и неимѣнія никакой лошади совершенно невозможно.

При невыполненіи просимаго, я, ваше в-діе, не имѣю возможности ручаться за вполнѣ успѣшное охраненіе батарей.

Еще разъ повторяю, что людей у меня очень мало.

Поручикъ. . . . . . (*не разобрано*).

*

Послѣ Пушкинскихъ торжествъ.

Мнѣ снилося: печальный и суровый,
Возсталъ поэтъ великій предо мной,—
Теперь прославленъ цѣлою страной,
А въ жизни только видѣвшій оковы...
И онъ сказалъ: „Вѣкъ наступаетъ новый!
„Но зла, да лжи губительной волной
„Залитъ, увы, и нынѣ край родной.
„Какъ прежде, силы тёмныя готовы...
„И весь дрожу отъ гнѣва я въ могилѣ,
„Что и онѣ явиться поспѣшили
„На честный праздникъ памяти моей“...

Сергѣй Бердяевъ.

Іюнь 1899 г.
Кіевъ.

Еще о стихахъ Пушкина „Земля и Море".

Въ 11-мъ выпускѣ „Р. Архива" сего года я напечаталъ Разъясненіе о происхожденіи стихотворенія А. С. Пушкина „Земля и море". Моя библіографическая попытка, имѣла цѣлью выяснить, чѣмъ пользовался не знавшій Греческаго языка и потому не бывшій въ состояніи читать Моска въ подлинникѣ, Пушкинъ, когда, въ 1821 году, писалъ (прошедшее чрезъ горнило его собственнаго творчества) переложеніе идилліи Эллинскаго поэта. Я счелъ возможнымъ заключить, что онъ для этого воспользовался написаннымъ въ 1820 году, но напечатаннымъ лишь въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ", 1825 года переводомъ Масальскаго.

Уже по напечатаніи моей замѣтки я встрѣтилъ въ І-мъ томѣ сочиненій Пушкина, изданномъ Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей Л. Н. Майкова, разъясненіе о происхожденіи разсматриваемой идилліи болѣе вѣроятное, чѣмъ предложенное мною. Въ отдѣлѣ „Примѣчаній", на 186—187 стр., говоря о Лицейскомъ профессорѣ Пушкина Н. Ѳ. Кошанскомъ, Л. Н. Майковъ упоминаетъ объ изданной имъ книгѣ „Цвѣты Греческой поэзіи" (Москва, 1811), въ которой помѣщены, въ подлинникѣ съ комментаріемъ и въ переводѣ „произведенія Біона и Моска" и т. д. Въ выноскѣ же Л. Н. Майковъ говоритъ, что издатель предназначалъ свою книгу не для спеціалистовъ, а для всѣхъ образованныхъ читателей и даже читательницъ; и дѣйствительно, его сборникомъ пользовались, между прочимъ, Батюшковъ и позже *Пушкинъ; послѣдній заимствовалъ отсюда въ 1821 году идиллію Моска „Земля и море"*. Хотя почтенный академикъ и не приводитъ тому доказательствъ въ своей бѣглой выноскѣ, тѣмъ не менѣе его толкованіе о происхожденіи Пушкинской идилліи гораздо достовѣрнѣе предложеннаго мною. Очень возможно, что трудомъ Кошанскаго пользовались и Масальскій, и Пушкинъ. Нигдѣ мнѣ не удалось достать эту книгу; но, думаю, лучше всего рѣшило бы вопросъ сличеніе съ переводомъ Кошанскаго перевода Масальскаго и вдохновеннаго переложенія Пушкина.

Николай Лернеръ.

Одесса, 9 Ноября 1899 года.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О ПУШКИНѢ.

Первый томъ издаваемыхъ Академіею Наукъ сочиненій Пушкина можно назвать первою главою въ исторіи его творчества: онъ содержитъ въ себѣ Лицейскія его стихотворенія. Мы уже имѣли случай указывать на значеніе Царскосельскаго Лицея въ жизни Пушкина («Русскій Архивъ» 1889, III, 508). Царское Село въ нашей исторіи было въ теченіе многихъ десятилѣтій почти тѣмъ же, что̀ Версаль для королевской Франціи XVIII вѣка. Черезъ него, до позднѣйшихъ временъ, чуть ли не до открытія Николаевской желѣзной дороги, Финскій Петербургъ сообщался съ настоящею Россіею. Его высокое мѣстоположеніе, бодрящій воздухъ, живыя воды и чудная растительность привлекали къ нему Екатерину Великую и любимаго ея внука (котораго любовь къ природѣ должна быть цѣнима потомствомъ: въ дальнихъ своихъ поѣздкахъ по Россіи онъ приказывалъ разводить сады по городамъ, и ему же обязана Москва своимъ Кремлевскимъ садомъ).

Александръ I-й возымѣлъ плодотворную мысль устроить въ Царскомъ Селѣ учебное заведеніе для двухъ своихъ младшихъ братьевъ, которымъ замѣнялъ онъ отца, будучи старше одного изъ нихъ на 19 лѣтъ, а другого на 21 годъ. Невольно думается о томъ, сколько могло бы произойти добра, если бы мысль эта исполнилась, если бы великіе князья Николай и Михаилъ Павловичъ воспитались въ Лицеѣ, въ товариществѣ съ дѣтьми хорошихъ Русскихъ семействъ. Николай Павловичъ, уже съ Генваря мѣсяца 1809 года означенный именемъ *Цесаревича* на медали съ его изображеніемъ (хранящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ) и намѣченный въ преемники Александру Павловичу (въ виду бездѣтности обоихъ старшихъ внуковъ Екатерины Великой) могъ-бы съ раннихъ лѣтъ пріобрѣсти надежныхъ и извѣданныхъ слугъ своего державства. Оба брата могли бы избѣгнуть страсти къ солдатчинѣ, которой такъ опасалась ихъ великая бабка относительно второго своего внука *).

*) Увѣряютъ, что Екатерина, замѣтивъ за Константиномъ Павловичемъ наклонность къ Нѣмецкой солдатчинѣ, однажды, въ его отсутствіе, приказала въ коридорахъ Зимняго дворца разставить трубочистовъ съ метлами и когда удивился тому возвратившійся съ прогулки отрокъ, ему было доложено, что это бабушка приказала, если угодно забавиться, а солдаты надобны на другое.

Но благому намѣренію Александра Благословеннаго не суждено было исполниться: обоихъ великихъ князей задумали послать учиться въ Лейпцигъ, и только гроза 1812 года помѣшала тому. Пушкинъ и его товарищи могли знать о такомъ первоначальномъ назначеніи ихъ Лицея. Во всякомъ случаѣ они чувствовали себя избранниками молодаго поколѣнія, съ будущностью незаурядною. Въ стѣнахъ лицейскаго зданія они могли почитать себя какъ бы причастными царской семьѣ, главу которой и членовъ видали очень часто, а по праздникамъ молились съ нею въ той же церкви, раздѣлявшей ихъ помѣщеніе отъ остальныхъ покоевъ великолѣпнаго Елисаветинскаго дворца. Лицеисты пользовались и царственною роскошью дворцовой обстановки. Въ то самое время, когда другія училища въ Имперіи имѣли самыя простыя и скудно снабженныя помѣщенія, когда въ нетопленныхъ семинаріяхъ, по выраженію митрополита Филарета, надо было дыханіемъ собственныхъ устъ согрѣвать храмину учености, отроки Царкосельскаго Лицея кушали чуть не на серебрѣ, и Пушкинъ невольно усвоилъ себѣ привычки широкаго, беззаботнаго житія, отъ которыхъ потомъ трудно ему было отвыкать, когда пришлось жить

Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ.

Тамъ же, въ Царскомъ Селѣ, которое еще полно было разсказами дворцовой прислуги и преданіями незадолго передъ тѣмъ протекшей жизни, развилось въ Пушкинѣ, съ ранней поры отрочества, его любострастіе, которому онъ рабствовалъ и благодаря Африканской природѣ своей. По словамъ лицейскаго товарища его, А. Д. Комовскаго, онъ «до того былъ женолюбивъ, что отъ одного прикосновенія къ рукѣ танцующей, во время лицейскихъ баловъ, взоръ его пылалъ, и онъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, какъ ретивый конь среди молодого табуна». О томъ свидѣтельствуетъ и теперешній первый томъ его сочиненій: онъ почти весь состоитъ изъ стиховъ, посвященныхъ богу любви, такъ что Пушкинъ, издавая свои стихи въ 1826 году, на заглавномъ листѣ поставилъ слова Латинскаго поэта: aetas prima canat amores (т. е. въ первомъ возрастѣ воспѣвается любовь). Излишне объяснять это подражаніемъ Батюшкову и чтеніемъ Парни. Въ Царскомъ Селѣ само преданіе навѣвало и возбуждало мысли любовныя. Можетъ быть, въ числѣ статуй въ тамошнихъ садахъ былъ и тотъ идолъ, о которомъ Пушкинъ впослѣдствіи писалъ, говоря про изображенія двухъ бѣсовъ:

Женообразный, сладострастный,
Сомнительный, но лживый идеалъ;
Волшебный демонъ, лживый, но прекрасный.

Во всякомъ случаѣ Пушкинъ уже тогда могъ въ сильной степени испытывать то, что̀ позднѣе выражено имъ въ стихахъ:

Напрасно я бѣгу къ Сіонскимъ высотамъ;
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.

Въ шесть лѣтъ лицейской жизни Пушкинъ, кажется, не бывалъ у своихъ родителей и своей бабушки, переселившихся въ Петербургъ изъ разореннаго Французскимъ нашествіемъ Московскаго гнѣзда ихъ. Въ посланіи къ сестрѣ своей (1814 года) онъ писалъ, что «быстрою стрѣлой на Невскій брегъ примчится», но это вѣроятно было только мечтаніемъ: лицеистамъ, сколько извѣстно, не дозволялись домашніе отпуски. За то въ предѣлахъ Царскаго Села они пользовались рѣдкою даже и въ нынѣшнихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ свободою, и строгаго порядка въ ихъ жизни не было, почему въ 1816 году, т. е. за годъ передъ тѣмъ, какъ Пушкинъ кончилъ ученіе, назначенъ, вѣроятно, чтобы подтянуть заведеніе, Нѣмецъ Энгельгардтъ. О распущенности лицеистовъ сохранился цѣлый рядъ свидѣтельствъ; но обученіе по тому времени было наилучшее, а главное достоинство учрежденія состояло въ томъ, что лицеисты были связаны между собою тѣсною дружбою, которая и осталась между ними на всю ихъ жизнь. Подглядываніе другъ за другомъ, желаніе отличиться передъ начальствомъ почитались гнусными. Извѣстенъ анекдотъ о томъ, что однажды императоръ Александръ Павловичъ, войдя въ классъ, спросилъ: «Кто тутъ первый?»—«Здѣсь нѣтъ первыхъ, воскликнулъ отрокъ Пушкинъ, здѣсь всѣ вторые». Можетъ быть, это и выдумано; но самая выдумка эта есть показаніе важное для исторіи Русской педагогіи. А что изъяновъ въ воспитаніи было много, это не подлежитъ сомнѣнію: въ числѣ старшей лицейской прислуги или такъ называемыхъ «дядекъ» находился въ теченіе двухъ лѣтъ при Лицеѣ молодой Константинъ Сазоновъ, совершившій, по словамъ барона М. А. Корфа, «шесть или семь убійствъ въ Царскомъ Селѣ и его окрестностяхъ». Подобные дядьки конечно не затруднялись помогать лицеистамъ въ покупкѣ вина и въ чемъ другомъ.

Значеніе прислуги мало оцѣнивается въ нашихъ біографическихъ разысканіяхъ; а между тѣмъ несомнѣнно, что иной разъ прихожія и дѣвичьи въ отношеніи воспитательномъ бываютъ важнѣе гостиныхъ и болѣе прибранныхъ комнатъ.

Не отъ одной няни своей Арины Пушкинъ учился чистотѣ Русской рѣчи; по уму своему, онъ съ раннихъ поръ цѣнилъ даровитость безграмотнаго простонародья, а по живому и глубоко-доброму своему нраву легко сходился съ мужиками, дворниками и вообще съ прислугою. Позднѣе знавали мы прекраснѣйшихъ людей, твердившихъ о на-

родности и о нашей отъ нея отчужденности, и затруднявшихся бесѣдовать съ селяниномъ-крестьяниномъ. Не таковъ былъ Пушкинъ. У него были пріятели между лицейскою и дворцовою Царскосельскою прислугою. Покойная княгиня В. Ѳ. Вяземская разсказывала, какъ въ первые мѣсяцы супружеской жизни напугалъ Пушкинъ молодую жену свою, ушедши гулять и возвратившись домой только на третьи сутки: оказалось, что онъ встрѣтился съ дворцовыми ламповщиками, которые отвозили изъ Царскаго Села на починку въ Петербургъ подсвѣчники и лампы, разговорился съ ними и добрался съ ними до Петербурга, гдѣ и заночевалъ.

Отъ Царскосельскихъ старожиловъ Пушкинъ еще въ Лицеѣ могъ наслушаться преданій объ Екатерининскомъ и Павловскомъ царствованіи, да и о томъ, что̀ дѣлалось при Александрѣ Павловичѣ. Нельзя довольно пожалѣть, что онъ сжегъ свои Записки, сохранивъ изъ нихъ только нѣсколько листковъ (о чемъ писалъ князю П. А. Вяземскому 14 Августа 1826 г.). Трагическая судьба Павла Петровича не могла не быть предметомъ его долгихъ и частыхъ думъ, а также позднѣе бесѣдъ съ гр. Ланжерономъ въ Одессѣ, когда сей легкомысленный генералъ давалъ ему читать письма Александра Павловича, писанныя къ нему въ царствованіе Павла. Извѣстно, что Пушкинъ замышлялъ написать отдѣльное произведеніе, подъ заглавіемъ «Павелъ Первый». Что̀ касается до самого Александра Павловича, то зоркій отрокъ Лицея имѣлъ всю возможность наблюдать его и за нимъ изъ оконъ своей комнаты, выходившихъ прямо на широкій дворцовый подъѣздъ, и въ церкви, и въ садахъ, въ которыхъ любилъ подолгу прогуливаться Государь и которые были прозваны его «зеленымъ кабинетомъ». Вниманіе молодого Пушкина слѣдило за «нашимъ Агамемнономъ» и въ его торжественныхъ появленіяхъ, и въ поѣздкахъ въ Баболовскій дворецъ. Въ рукописяхъ Пушкина сохранился довольно схоже набросанный имъ портретъ Государя, воспроизведенный въ нынѣшнемъ академическомъ изданіи сочиненій его. Позднѣе Пушкинъ изобразилъ его въ стихахъ, озаглавивъ «Къ бюсту завоевателя»; стихи эти были плодомъ его долгихъ думъ о Государѣ, но онъ при жизни своей не оглашалъ ихъ, такъ какъ умѣлъ цѣнить и свѣтлыя стороны его личности и близко зналъ причины его недостатковъ.

Простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

Сколько въ этихъ стихахъ, тоже Пушкинымъ не оглашенныхъ, высокаго сердечнаго благородства!

Мы увѣрены, что передъ Пушкинымъ и его наблюдательностью не сокрылись тѣ психологическія осложненія, которыя только въ наши дни начинаютъ вскрываться въ характерѣ удивительнаго Государя, недаромъ названнаго въ Бородинской поминкѣ В. А. Жуковскаго «міра свѣтлая звѣзда». И Государь не могъ не обращать вниманія на мальчика-Пушкина, о которомъ съ самаго 1814 года говорилъ уже весь Лицей, а въ слѣдующіе годы все Царское Село. Къ тому же и внѣшностью своею, подвижностью, тѣмъ, по чему А. О. Смирнова впослѣдствіи такъ мѣтко прозвала его «искрою», Пушкинъ рѣзко выдѣлялся въ средѣ товарищей. На лицейскомъ актѣ 1815 г., когда Державинъ обнялъ Пушкина, Государь не присутствовалъ, находясь на Вѣнскомъ конгрессѣ, равно и на выпускномъ экзаменѣ въ Іюнѣ 1817 года; но, возвратившись окончательно изъ чужихъ краевъ и проводя подолгу даже и зимнее время въ Царскосельскомъ дворцѣ, онъ имѣлъ нерѣдко случаи слышать про Пушкина, хоть бы по поводу княжны В. М. Волконской, за которой по ошибкѣ приволокнулся Пушкинъ. Извѣстно, что Александру Павловичу нравился простой бытъ зажиточныхъ чужестранцевъ. Его воспитатель Лагарпъ былъ женатъ на дочери Петербургскаго банкира Бентинка. Въ Петербургѣ Государь ѣзжалъ пить чай къ банкиру Ливіо, въ Царскомъ бывалъ у придворнаго банкира-Португальца Веліо и его супруги братъ которой преподавалъ музыку въ Лицеѣ и вечера которой оживлялъ своимъ присутствіемъ лицеистъ Пушкинъ. Веліо могли передавать Государю про остроумныя выходки и шутки, на которыя былъ Пушкинъ такой мастеръ. Вотъ почему Государь несомнѣнно огорчился, когда, черезъ три года по оставленіи Пушкинымъ Царскаго Села, Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ привезъ ему запрещенные его стихи, и въ числѣ ихъ столь яркое описаніе центральной въ жизни Государя ночи:

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъемный.

Въ этой удивительной строфѣ послышался Александру Павловичу голосъ потомства, и ему было горько, что ничѣмъ не выражена была его неповинность, непризнаніе которой у насъ и въ чужихъ краяхъ составляло предметъ постоянной, до самой кончины, муки его чудеснаго сердца, съ дѣтства уязвляемаго разнаго рода противорѣчіями.

Эти стихи относятся уже къ тому времени, когда Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ и „перегоралъ въ огнѣ страстей", какъ о томъ свидѣтельствуетъ недавно изданная переписка князя Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Стихотворенія тѣхъ годовъ должны войти во второй томъ сочиненій его, появленія котораго ожидаемъ, съ увѣренностью, что будетъ онъ изданъ такъ же тщательно, какъ и первый. П. Б.

ЧТО ДАЕТЪ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

(Замѣтка).

Нѣтъ сомнѣнія, что издатели 1887 года не дали такого собранія сочиненій Пушкина, которое можно бы было счесть образцовымъ. Какъ уже было указано критикой, въ лучшихъ изданіяхъ того времени, П. А. Ефремова и П. О. Морозова, оказались значительные недостатки. Между прочимъ П. А. Ефремовъ не пользовался для этого изданія рукописями, а П. О. Морозовъ не обратилъ должнаго вниманія на печатныя изданія, выходившія при жизни Пушкина. Кромѣ того изданія 1887 года давали слишкомъ мало разночтеній.

Академическое изданіе пытается пополнить эти недостатки. Важное его значеніе, какъ свода разночтеній, явно съ перваго взгляда. Менѣе замѣтно, что̀ сдѣлано имъ для установленія точнаго Пушкинскаго текста. Само изданіе не нашло нужнымъ указывать вездѣ на поправки, вносимыя имъ въ чтеніе Пушкинскихъ стиховъ. Между тѣмъ изъ 138 стихотвореній, вошедшихъ въ первый томъ, большинство является въ измѣненномъ видѣ: въ нихъ болѣе 300 поправокъ, сравнительно напримѣръ съ изданіемъ Литературнаго Фонда. Пушкинъ въ Академическомъ изданіи въ значительной степени—новый Пушкинъ.

Задача настоящей статьи, подробнѣе выяснить значеніе Акад. изданія въ исторіи Пушкинскаго текста. Я постараюсь показать, какія поправки внесло оно на основаніи старыхъ изданій и рукописей, и что̀ сдѣлано имъ для собранія разночтеній. Раньше этого однако необходимо разсмотрѣть тотъ методъ, тѣ общіе пріемы, какими руководилось Акад. изданіе, выбирая то или другое чтеніе.

1. Методъ, принятый въ Академическомъ изданіи.

Обновленіе Пушкинскаго текста достигнуто въ Акад. изданіи двумя путями. Во-первыхъ, имъ устранены (или почти устранены) случайныя ошибки прежнихъ издателей, и это составляетъ его неоспоримую заслугу. Во-вторыхъ, Акад. изданіемъ внесены въ текстъ всѣ поправки, которыя Пушкинъ когда-либо дѣлалъ къ своимъ стихамъ. Въ 1825 г., подготовляя первое изданіе своихъ стихотвореній, Пушкинъ пересматривалъ свои лицейскіе стихи и передѣлывалъ ихъ. Нѣкоторыя изъ исправленныхъ такимъ образомъ сти-

хотвореній онъ дѣйствительно ввелъ въ изданіе 1826 года, впрочемъ очень немногія *). Акад. изданіе признало за основной текстъ передѣлки 1825 года, а первоначальныя чтенія отнесло къ варіантамъ. Но справедливо ли это?

Вполнѣ понятно стремленіе издателей дать каждое произведеніе въ его окончательной обработкѣ, но Пушкинскія исправленія его лицейскихъ стиховъ не подходятъ подъ это правило. Здѣсь дѣло идетъ о поправкахъ, дѣлаемыхъ черезъ *десять* лѣтъ послѣ того, какъ стихотвореніе было написано. Великій поэтъ, авторъ Бориса Годунова, передѣлываетъ робкіе опыты начинающаго юноши. Конечно, онъ исправитъ многое, онъ исключитъ плохіе стихи, замѣнитъ неудачныя выраженія болѣе вѣрными, но онъ уничтожитъ этимъ и главное значеніе стихотвореній. Чѣмъ дороги намъ лицейскія стихотворенія Пушкина? Не художественными своими достоинствами, или по меньшей мѣрѣ не одной художественностью. Если бы поэтъ, создавшій ихъ, умеръ въ юности, его знали бы и изучали очень немногіе. Въ лицейскихъ стихахъ Пушкина дорогъ первый лепетъ генія, первые шаги величайшаго изъ нашихъ поэтовъ. Вотъ почему гораздо важнѣе, что̀ именно написалъ Пушкинъ 15—16 лѣтъ отъ роду, чѣмъ то, какъ онъ исправилъ эти во всякомъ случаѣ не лучшія свои произведенія въ пору разцвѣта своего дарованія. Пушкинъ могъ имѣть свои причины не издавать иныхъ стиховъ, а иные давать лишь въ позднихъ передѣлкахъ, мы же хотимъ знать всего Пушкина и слѣдить за нимъ на всѣхъ ступеняхъ его развитія.

Врядъ ли даже большую часть измѣненій 1825 года, дѣйствительно, можно назвать *исправленіями* стиховъ. Часто то были лишь мимолетныя попытки. Пушкинъ скоро самъ убѣждался въ невозможности передѣлывать тѣ стихи, которые были написаны такъ давно, при господствѣ иныхъ настроеній и иныхъ мыслей. Цѣлый рядъ этихъ поправокъ 1825 года остался неоконченнымъ. Акад. изданіе поставлено черезъ то въ неудобное положеніе: пришлось печатать начало стихотворенія съ поправками, а конецъ въ неисправленномъ видѣ (напр. стих. *Сраженный Рыцарь*). Мало того, есть случаи, когда эти поправки еще настолько безсвязны, что само Акад. изданіе не нашло возможнымъ включить ихъ въ текстъ. Такъ въ примѣчаніи, гдѣ приведены разночтенія перваго посланія къ Галичу (стр. 173) сказано: „Весьма возможно, что эти варіанты суть позднѣйшія поправки, но согласовать ихъ съ общимъ ходомъ изложенія въ первоначальномъ текстѣ не представляется возможнымъ“. Еще хуже обошлось дѣло съ посланіемъ къ Дельвигу (*Послушай, музъ невинныхъ*... стр. 136). Тамъ такія неоконченныя поправки были включены въ текстъ, и черезъ это одинъ стихъ остался безъ риѳмы.

---

*) Анненковъ насчитывалъ 23, и за нимъ это число повторяютъ современные біографы Пушкина. Но Анненковъ несправедливо относилъ къ лицейскимъ эпиграмму „*Охотникъ до журнальной драки*“ (1824 г.), а Акад. изданіемъ не включены въ число лицейскихъ еще двѣ эпиграммы: „*Какъ брань тебѣ не надоѣла*“ и „*Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный*“.

А тамъ и напечаталъ.
И что же? Радъ не радъ,
Но вотъ уже я братъ
Тому, сему, другому...
Что дѣлать! Виноватъ!
Измѣнникъ! Съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно...

Тогда какъ въ первоначальномъ чтеніи, напечатанномъ въ посмертномъ изданіи, эта риѳма есть:

Тому, сему, другому,
Риѳматову, Пустому...

Правда, Пушкинъ упоминаетъ о риѳмѣ

часто холостой
На зло законамъ сочетанья.

Но у него самого въ лицейскихъ стихотвореніяхъ такого примѣра нѣтъ.

Изъ прежнихъ издателей Анненковъ въ большинствѣ случаевъ такъ именно и смотрѣлъ на эти позднія поправки. Въ текстѣ онъ печаталъ первоначальную обработку, а о позднѣйшихъ передѣлкахъ сообщалъ въ примѣчаніяхъ (напр. *Мое завѣщаніе*, *Наѣздники*), хотя впрочемъ случалось ему поступать и иначе. Въ такихъ стихотвореніяхъ, которыя были передѣланы очень значительно, Анненковъ помѣщалъ обѣ обработки рядомъ. Въ этомъ ему слѣдовали и позднѣйшіе издатели. Между тѣмъ Акад. изданіе даже въ такихъ стихотвореніяхъ находило иногда возможнымъ удовольствоваться приведеніемъ въ примѣчаніяхъ однихъ разночтеній (напр. стих. *Къ Морфею*).

Въ связи съ предпочтеніемъ, оказываемомъ Акад. изданіемъ позднѣйшему тексту, стоятъ его отношенія къ правописанію и внѣшнему виду стиховъ. Изъ заглавій Акад. изданіе беретъ, конечно, самыя позднія, но иногда идетъ при этомъ, пожалуй, слишкомъ далеко. Стихотв. *Старикъ* было три раза напечатано при жизни Пушкина, всѣ три раза съ помѣтой „Изъ Марота“ или „Изъ Маро“; эта помѣта исчезла лишь въ посмертномъ изданіи; въ Акад. изданіи ея тоже нѣтъ. Тоже самое надо сказать о стихотв. *Лицинію*; всѣ раза, когда оно появлялось въ печати при жизни Пушкина, оно носило помѣту „Съ Латинскаго“, Акад. изданіемъ выпущенную. Неужели обстоятельство, что это стихотвореніе не представляетъ буквальнаго перевода какого-нибудь отдѣльнаго произведенія Латинской словесности, можетъ оправдать измѣненіе подлиннаго Пушкинскаго заглавія? Но вѣдь въ такомъ случаѣ придется изгнать изъ сочиненій Пушкина заглавіе „Изъ VI Пиндемонте“ и помѣту „Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи“ при Скупомъ Рыцарѣ.

Что касается до правописанія, то Акад. изданіе нашло возможнымъ лишь очень въ немногомъ отступить отъ современнаго; едва ли не всѣ осо-

бенности сводятся къ допущенію окончаній *ова* и *ой* (въ им. пад. м. р.), да и то лишь въ риѳмахъ. Между тѣмъ старинное правописаніе имѣло свои права̀, а главное не могло не имѣть вліянія на языкъ и рѣчь Пушкина. Къ стих. *„Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“* въ Акад. изданіи приложенъ снимокъ съ рукописи (писано рукой Пушкина); тамъ ясно читается напр. *алеи*, но Акад. изданіе печатаетъ *аллеи*; тамъ же Пушкинъ употребляетъ форму *съ тополомъ;* сходную форму, *тополовъ,* читаемъ и въ его посланіи *Къ Батюшкову*, какъ оно напечатано въ Росс. Муз. 1815 года; Акад. изданіе въ обоихъ случаяхъ исправляетъ *съ тополемъ* и *тополей*, измѣняя самый звукъ стиха. Въ 220 стихѣ стихотв. *Сонъ* (рукописи котораго не сохранилось) въ посмертномъ изд. характерное чтеніе *въ—головахъ* (съ тире); Акад. изд. печатаетъ просто *въ головахъ*. Вообще въ Акад. изд. слова *въ вѣкъ, въ слѣдъ* вездѣ напечатаны раздѣльно, тогда какъ въ книгахъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ чаще встрѣчается слитная форма *ввѣкъ, вслѣдъ*. Точно такъ же уничтожено обычное въ началѣ вѣка правописаніе—щастіе, уже ли, раз—(въ приставкахъ вм. рас—) и т. под. Въ юности Пушкинъ, какъ указываетъ и Анненковъ (т. II стр. 91), очень обильно употреблялъ прописныя буквы: Музы, Грація, Фортуна, даже Истина, Слава, Столица, Океанъ писались имъ съ большихъ буквъ; кажется, не было бы никакого неудобства сохранить эту черту времени и отроческой наивности. Между тѣмъ даже названія народовъ, которыя во времена Пушкина всѣ писалась съ большой буквы, въ Акад. изд. напечатаны съ малой (гальскіе орлы, галлъ, римлянинъ, но Русская земля).

Тоже самое надо сказать о разстановкѣ знаковъ препинанія; оно часто совсѣмъ не согласно съ тѣмъ, какое принято въ изданіяхъ современныхъ Пушкину. Къ стихотв. *Пирующіе Студенты* приложенъ снимокъ съ подлинной Пушкинской рукописи. По нему видно, что Акад. изд. безъ особой надобности замѣняетъ точку съ запятой въ 6 стихѣ простой запятой; въ 7 ст. у Пушкина нѣтъ знака, а онъ необходимъ по смыслу; Акад. изд. ставитъ двоеточіе; 8 стихъ въ рукописи:

Разсудокъ—Богъ съ тобою!—

Акад. изд. печатаетъ:

Разсудокъ, Богъ съ тобою!

Въ стих. Наполеонъ на Эльбѣ въ Сынѣ Отеч. 1815 года напечатано

Полнощи Царь младой! ты двигнулъ ополченья

Въ Акад. изд.:

Полнощи царь младой, ты двигнулъ ополченья.

Такихъ примѣровъ можно бы привести очень много.

Въ дальнѣйшей части статьи я не касаюсь правописанія и знаковъ препинанія и, говоря о текстѣ, имѣю въ виду только измѣненія цѣлыхъ выраженій и отдѣльныхъ стиховъ.

II. Поправки, на основаніи старыхъ изданій.

Всего менѣе можно было ожидать отъ Акад. изданія поправокъ въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя не сохранились до нашихъ дней въ рукописяхъ. Между тѣмъ оказалось, что, не смотря на работу нѣсколькихъ поколѣній библіографовъ, первоначально напечатанный текстъ Пушкина оказался значительно испорченнымъ; въ цѣломъ рядѣ случаевъ приходилось восходить къ первоисточнику, чтобы рѣшить, какое изъ чтеній, даваемыхъ современными издателями, правильнѣе.

Характернымъ примѣромъ можетъ служить „*Городокъ*“. Часть этого стихотв. была помѣщена въ Росс. Музеумѣ (1815 г.), и именно въ эту часть позднѣйшіе издатели внесли особенно много искаженій. Стихъ 52 *) въ Росс. Музеумѣ читается:

Не слышитъ стукъ докучный.

Уже посм. изд. напечатало „*Не слышенъ*“; это повторилъ Анненковъ, а въ 87 г. и изд. Лит. Фонда. Стихъ 283 читается въ Р. М.

Съ бумагой и съ перомъ.

Посм. изд. повторило его точно, но уже у Анненкова второе *съ* выпало; нѣтъ его и въ изд. Л. Ф. Болѣе мелкое искаженіе появилось въ ст. 195, гдѣ, начиная съ посм. изд., печаталось *столь* вмѣсто *толь*. Стихъ 11 читается въ Р. М.

Зѣвая веселился.

Такъ напечатали его и посм. изд. и Анненковъ, но Гаевскій въ своей извѣстной статьѣ (Совр. 1863 г.) нашелъ нужнымъ исправить его „*Зѣвалъ и веселился*, что̀ и было принято изданіемъ Л. Ф. Въ этомъ же изданіи ошибочно напечатанъ стихъ 362.

Но тотчасъ и вѣстей.

гдѣ вмѣсто *и* поставлено *же*. Всѣ эти отступленія отъ текста Росс. Музеума исправлены Ак. изданіемъ. Кромѣ того въ Ак. изд. введена еще слѣдующая догадка: стихи 382—4 читаются въ немъ:

На риѳмы Удалова
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ.

Это даетъ ясный смыслъ, тогда какъ въ Росс. Музеумѣ чтеніе явно испорченное:

Не слушая ее
Ни риѳмы Удалова.
Такъ нѣкогда... и т. д.

---

*) Счетъ стиховъ по Акад. изданію.

Въ стих. *Мечтатель* по Росс. Муз. возстановленъ Ак. изданіемъ ст. 6 въ строфѣ 4.

Молчаньемъ вдохновенный.

Большинство изданій (посм., Анн., Л. Ф.) печатали „*мечтаньемъ*". Ст. 8 той же строфы начинается словами *На лирѣ*, тогда какъ въ изд. Л. Ф. напечатано „*По лирѣ*". Замѣчательна поправка стиховъ 5, 6 и 8 въ строфѣ IX, сдѣланная Ак. изд. Въ этихъ стихахъ, какъ въ Росс. Муз., такъ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ, стоятъ глаголы во множ. числѣ: *гоните*, *плѣняйте*, *кажите;* между тѣмъ по смыслу ожидается глаголъ въ единств. числѣ, какъ выше: *летай*. Ак. изд. печатаетъ: *гони ты*, *плѣняй ты*, *кажи ты*, что̀ очень вѣроятно.

Любопытна исторія текста посланія къ Батюшкову (*Философъ рѣзвый и піитъ*). Е. Якушкинъ въ извѣстной статьѣ въ Библ. Зап. (1858 г.), исправляя ошибки Анненковскаго изданія, утверждалъ, что это посланіе напечатано тоже невѣрно, что въ Росс. Муз. читается ст. 5. *Почто на лирѣ* ст. 15 *Довольный щастливымъ началомъ*, ст. 7 *рушенномъ*, ст. 9 *безсмысленныхъ*. Изъ этихъ поправокъ справедлива только одна, именно ст. 15; въ экз. Росс. Муз., находящемся въ Чертковской библіотекѣ, всѣ остальные стихи оказались напечатанными именно такъ, какъ у Анненкова. Между тѣмъ одною изъ поправокъ Е. Якушкина воспользовалось изд. Л. Ф. и напечатало „*безсмысленныхъ поэтовъ*" вмѣсто „*безчисленныхъ*". Въ Акад. изданіи — текстъ Росс. Музеума *).

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ исправленій текста по старымъ изданіямъ:

Въ отрывкѣ *Кольна* по Вѣстн. Евр. (1814 г.) исправленъ ст. 3. *въ любви невольна* (Анн. и Л. Ф. „*невольной*"), ст. 48 *въ туманахъ* (Анн. и Л. Ф. „*въ туманѣ*") и ст. 71 *Въ жилище* (Анн. и Л. Ф. „*Въ жилищѣ*").

Въ посланіи къ Галичу (*Гдѣ ты, лѣнивецъ мой*) по Росс. Муз. исправленъ ст. 22. *Бѣгутъ за днями дни* (Л. Ф.—*Бѣгутъ ужъ дни за днями*) и ст. 118 *Здѣсь розовой денницѣ* (Л. Ф—„*Гдѣ розовой*".)

Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ напечатаны въ Ак. изд. съ рукописи; но ошибки въ изд. Л. Ф. возникли лишь оттого, что оно не точно держалось текста Росс. Муз. Ст. 2 въ строфѣ XVII читается въ Р. М. „*Въ сѣнистыхъ рощахъ*" (Л. Ф.—*Въ тѣнистыхъ*). Ст. 3 въ строфѣ XVIII въ Р. М. „на ихъ надменны выи" (посм. изд., Анн., Л. Ф.—„*на ихъ надменной выи*").

Въ стих. *Къ молодой актрисѣ* въ ст. 28 посм. изд. напечатало „*не стыдясь*"; Анненковъ и изд. Л. Ф. исправили „*застыдясь*"; Акад. изд. вер-

*) Другую подобную ошибку дѣлаетъ Е. Якушкинъ, утверждая, что въ посланіи къ Жуковскому, какъ оно напечатано въ Сынѣ Отеч., 40 г. ст. читается *стихосложитель;* въ дѣйствительности тамъ читается *стопосложитель*; но эту ошибку легче объяснить опиской или опечаткой.

нулось къ первому чтенію. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ подолнительныя примѣчанія (стр. 411), нашлась подлинная рукопись этихъ стиховъ, которая можетъ рѣшить это сомнѣніе.

Подобныя же поправки замѣчены мною *) еще въ стихотв.: „*Наполеонъ на Эльбѣ* (ст. 78), *Блаженство* (ст. 26 и 59), *Несчастіе Клита* (ст. 4), *Фавнъ и Пастушка* (отд. IV ст. 13), *На возвращеніе Государя Императора* (ст. 15).

Надо впрочемъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, воспроизведенныхъ Ак. изданіемъ съ печатныхъ текстовъ, попадаются стихи, возбуждающіе сомнѣніе. Кромѣ того иногда оно слишкомъ рабски слѣдуетъ своимъ образцамъ, повторяя чтеніе явно ошибочное.

Въ стих. *Къ другу стихотворцу*, напечатанному по тексту Вѣстн. Евр. ст. 71 читается:

Въ чести съ сосѣдями, въ миру, въ довольствѣ жилъ.

между тѣмъ и въ журналѣ, и у Анненкова (который видѣлъ рукопись этихъ стиховъ) передъ словомъ *довольство* нѣтъ *въ*.

Стих. *Наполеонъ на Эльбѣ* напечатано съ текста, даннаго въ Сынѣ Отеч. 1815 г. Въ ст. 78 при этомъ возстановлено чтеніе *сгибнетъ* (а не *гибнетъ*, какъ читало большинство изданій). Но въ ст. 88 напечатано „*мгновенно мгла сокрыла*", тогда какъ въ С. О. читаемъ:

Но зришь ли? гаснетъ день, мгновенно *тьма* сокрыла
Лице пылающей зари.

Стих. *Козакъ* помѣщено въ позднѣйшей обработкѣ такъ, какъ оно напечатано въ Росс. Муз. Между тѣмъ въ строфѣ XIV Ак. изд. печатаетъ „*счастливъ былъ*", тогда какъ въ Р. М. „*счастливъ сталъ*". Врядъ ли правильно и чтеніе въ строфѣ IV:

Здѣсь дорога въ деревушки.

Въ Р. М. напечатано *къ деревушки*; Анненковъ поправилъ „къ деревушкѣ", что̀ было принято позднѣйшими издателями.

Въ стих. *Измѣна* Ак. изд. печатаетъ согласно съ чтеніемъ Росс. Музеума (ст. 73—74):

Хладно тронися
Грустью моей.

„Холодно тронуться" не имѣетъ смысла; вѣроятно должно читать, какъ исправлено въ нѣкоторыхъ изданіяхъ: „Хладна, тронися".

---

*) При сравненіи съ изданіемъ Лит. Фонда.

Въ стих. *Опытность* ст. 5 напечатанъ согласно съ чтеніемъ В. Евр. *„Пустъ не смѣйся“*—выраженіе невозможное. Въ изд. Л. Ф. напечатано: *„Тотъ не смѣйся“*, но это потиворѣчитъ общему смыслу стиховъ. Не должно ли читать: *„Хотъ не смѣйся“*?

Въ посл. Дельвигу (*„Любовью, дружествомъ и лѣнью“*) ст. 13—15 читаются въ Акад. изд. какъ и въ большинствѣ другихъ:

Я мирныхъ звуковъ наслажденія
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ!

Не должно ли читать „лирныхъ звуковъ“, тѣмъ болѣе, что въ первоначальной обработкѣ этому мѣсту соотвѣтствуетъ стихъ:

Ребенокъ, лирной звукъ я чувствовать умѣлъ?

Въ стих. *Блаженство* ст. 19—20 напечатаны согласно съ чтеніемъ В. Е.:

Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ кивая головой?

„Слушать пѣсенки“—выраженіе невозможное. Не должно ли читать:

Слушалъ, пѣсенки ночной
Въ ладъ кивая головой?

Въ стих. *Она* необходимо въ ст. 2 читать *плѣнила* (а не *плѣнилъ*, какъ въ Ак. изд.) для риѳмы съ Лила. Кромѣ того въ ст. 1 и 3 лучше бы читать *тобой, душой* (а не *тобою, душою*), потому что Пушкинъ въ лицейскихъ стихахъ обыкновенно выдерживалъ чередованіе мужскихъ и женскихъ окончаній.

III. Поправки на основаніи рукописей.

Изъ поправокъ, основанныхъ на чтеніи рукописей, особенно важны тѣ, которыя возстанавливаютъ текстъ, испорченный въ печати.

Среди нихъ на первомъ мѣстѣ надо указать на стих. *Безвѣріе*. Оказывается, въ Трудахъ Общ. Люб. Росс. Сл. оно было напечатано съ произвольными передѣлками, принадлежащими чужой рукѣ (В. Л. Пушкину?) Въ печати не разъ уже указывалось на ошибочность этого текста, но по рукописи *Безвѣріе* въ Акад. изданіи напечатано впервыя. Текстъ рукописи даетъ нерѣдко совершенно иной смыслъ, чѣмъ чтеніе Трудовъ. Говоря о невѣрующемъ,

Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье,

Пушкинъ, согласно чтенію Трудовъ, восклицалъ:

Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье.

А въ рукописи эти стихи (5—6) читаются:

Смирите гордости жестокой изступленье:
Имѣетъ онъ права на ваше снисхожденье.

Въ ст. 14, по чтенію Трудовъ, цѣна дружества и любви названа *„невозвратной“*, а въ рукописи *„обманчивой“* и т. под. Всѣхъ поправокъ болѣе 30; кромѣ того многіе стихи перенесены на другое мѣсто.

Значительное число поправокъ внесено и въ стих. *Къ Сестрѣ*, на основаніи рукописи, писанной рукой того самаго лица, къ которому посланіе обращено. Совершенно измѣнены ст. 86—87:

Тобою похищенный,
Явился заключенный.

(Анн. и Л. Ф.: *Явился заключеннымъ, Навѣки погребеннымъ*). Въ ст. 89 устранено непріятное столкновеніе *с* и *з*:

Сомкнувшись надо мною.

(Анн. и Л. Ф.: *Сомкнувшися за мною*); ст. 108—109 вовсе нѣтъ въ изд. Анн. и Л. Ф.:

Сквозь слезъ смотрю въ рѣшетки,
Перебирая четки.

Въ другихъ стихахъ поставлено *въ доль* вмѣсто *вдоль*, *лучъ* вмѣсто *ночь* и т. под. [1])

Важныя дополненія, впрочемъ уже бывшія раньше въ печати, сдѣланы по рукописи въ отрывкѣ *Бова* (ст. 17, 20—22, 26—27, 30—39).

Въ стих. *Наслажденіе* напечатанъ по рукописи ст. 1 въ строфѣ III-й:

Я вслѣдъ... по цѣли отдаленной.

Въ стих. *Простите, вѣрныя дубравы* исправленъ 1-й стихъ который въ нѣкоторыхъ изданіяхъ читается *Простите, милыя дубравы*.

По рукописи измѣнено обычное чтеніе многихъ стиховъ въ посланіи къ Жуковскому „*Благослови поэтъ*“... (ст. 5, 17, 38 и др.).

Меньшее значеніе имѣетъ, на мой взглядъ, внесеніе въ текстъ всѣхъ позднѣйшихъ поправокъ Пушкина, хотя черезъ то нѣкоторыя произведенія явились въ новомъ, необычномъ видѣ.

Такъ въ совершенно неизвѣстной обработкѣ помѣщены въ Акад. изданіи посланія Зубову (*Въ альбомъ*) и Дельвигу (*Послушай, музъ невинныхъ*); значительно измѣнено стих. *Слеза* [2]); *Наѣздники* напечатаны въ той обработкѣ, которую описалъ Анненковъ въ примѣчаніи (т. II стр. 151), т. е. съ пропускомъ 40 стиховъ (изъ нихъ 16 первыхъ и 8 послѣднихъ); элегія *Подражаніе* напечатана въ томъ же видѣ, какъ у Анненкова, тогда какъ почти всѣ издатели 87 года выбрали болѣе раннюю обработку, сообщенную Е. Якушкинымъ.

Многими изъ рукописей, которыя послужили основаніемъ для Акад. изд., пользовался и П. О. Морозовъ, приготовившій изд. Л. Ф.; но онъ принялъ во вниманіе далеко не всѣ поправки 25 года. Болѣе чѣмъ въ *двадцати* стихотвореніяхъ внесены Акад. изданіемъ такія пропущенныя исправленія [3]).

---

[1]) Такъ какъ поправки эти не отмѣчены въ примѣчаніяхъ, то вотъ ихъ перечень: исправлены ст. 36, 86—87, 89, 96, 101, 102, 104, 106, 108—109.

[2]) Надо замѣтить, что „канула“ во 2 ст. IV стр. читается уже въ посм. изд. и у Анн. (въ нѣкоторыхъ изд. ошибочно „каплула“).

[3]) 1814 г. Пирующіе студенты (I. 11. II. 4. IV. 1. и выпущ. 1 строфа). 1815 г. Мое завѣщаніе (ст. 55 и выпущ. 8 стиховъ), Моему аристарху (ст. 21, 31, 45, 63 и выпущ. 1 ст.).

Въ примѣчаніяхъ Акад. изданіе далеко не всегда отмѣчаетъ сдѣланное имъ исправленіе текста. Поэтому, встрѣчая различіе въ чтеніи Акад. изданія съ прежними, нерѣдко не знаешь, имѣешь ли дѣло съ Пушкинской поправкой или съ простымъ возстановленіемъ чтенія, испорченнаго издателями. А такъ какъ Акад. изд. не чуждо опечатокъ, то въ иныхъ случаяхъ возможно предположить, что оно даетъ чтеніе невѣрное.

Вотъ примѣры такихъ исправленій, не отмѣченныхъ въ примѣчаніяхъ.

Въ первоначальной обработкѣ стих. *Друзьямъ* первые два стиха читаются одинаково и въ посм. изд., и у Анн., и въ изд. Л. Ф.

Кчему веселые друзья,
Мое тревожитъ васъ молчанье?

Въ Акад. изд. (примѣч. стр. 315) читаемъ:

Къ чему, веселые друзья,
Мое тревожить вамъ молчанье.

Въ томъ же стих. въ ст. 5 Акад. изд. читаетъ *бралъ*, а посм. Анн. и Л. Ф. *взялъ* .

Въ стих. *Письмо къ Лидѣ* ст. 18 читается въ Акад. изд.:

И жаркимъ ласковымъ устамъ.

а у Анн. и въ изд. Л. Ф.—„*ласковымъ словамъ*“.

Когда такія не отмѣченныя поправки согласны съ чтеніемъ заслуживающихъ вниманія изданій, имъ приходится вѣрить. Таково чтеніе *Нашъ Либеръ*, какъ въ посм. изд. и у Анненкова, а не *Намъ Либеръ* (*Погребъ* IV. 1), или *Рюмокъ грозное молчанье*, какъ въ посм. изд. и у Анн., а не *грустное молчанье* (*Воспоминаніе* III. 3) и т. под. Но иногда такія неожиданныя поправки противорѣчатъ рѣшительно всѣмъ прежнимъ изданіямъ. Въ такихъ случаяхъ позволительно считать ихъ за ошибки Академическаго изданія.

Въ стих. *Мое завѣщаніе*, кромѣ поправокъ, указанныхъ въ примѣчаніи, есть еще слѣдующее разночтеніе: ст. 55 читается—

Тебѣ дарю я лѣнь и лиру

между тѣмъ и въ посм. изд., и у Анн., и въ изд. Л. Ф.—„*и лѣнь и лиру*“

1816 г. Фіалъ Анакреона (12, 19, 20, 27); Посланіе Лидѣ (ст. 11); Заздравный кубокъ (1, 3); Окно (III. 1, 5, 7); Къ Морфею (ст. 10); Къ Ней (III. 2. IV. 1.); Мѣсяцъ (17, 21); Пѣвецъ (II. 5); Осеннее утро (10, 12, 19, 26); Опять я вашъ (12, 15); Молодой вдовѣ (14, 15, 21, 26, 28).

1817 г. Письмо къ Лидѣ (3, 18, 22); Товарищамъ (7, 8, 19, 20, 22, 24).

Въ первоначальныхъ чтеніяхъ, приведенныхъ въ примѣчаніяхъ: Разлука (ст. 21); Друзьямъ (2, 5); Въ альбомъ Зубову (ст. 3) и нѣк. др.

Въ стих. *Фіалъ Анакреона* подобное же разночтеніе въ ст. 27:

Я плавать не умѣю

(посм. изд., Анн., Л. Ф.—*А плавать...*)

Въ стансахъ изъ Вольтера въ строфѣ III и въ текстѣ (стр. 261) и въ примѣч. (стр. 364) Акад. изд. печатаетъ *Своимъ...*, хотя по обычному словоупотребленію надо бы *Къ своимъ...*

Кто примѣняться не умѣетъ
Къ своимъ премѣнчивымъ годамъ.

Такъ обычно и печатается.

Можно также не довѣрять въ стих. *Къ Наташѣ* чтенію ст. 7 въ стр. III—*Дома...* Всѣ изданія, слѣдуя указанію Гаевскаго, печатаютъ *Домо.*

Подобныя же ошибки въ стих. *Торжество Вакха* (послѣдній стихъ) и въ первоначальной обработкѣ посланія къ Зубову (примѣч. стр. 380 ст. 3).

IV. Собраніе разночтеній.

Акад. изданіе напечатало не мало разночтеній въ первый разъ, еще большее число собрало ихъ изъ разныхъ повременныхъ изданій.

Къ сожалѣнію, Акад. изданіе въ тѣхъ случаяхъ, когда въ его распоряженіи были рукописи, обращало вниманіе почти исключительно на рукописное чтеніе. Нечего и говорить, какъ важно знать, въ какой именно формѣ самъ Пушкинъ издавалъ свои стихи; но даже искаженія, которымъ они подвергались въ печати, не лишены интереса: въ этомъ искаженномъ видѣ ихъ знали иногда цѣлыя поколѣнія, къ нимъ именно относятся замѣчанія нашихъ критиковъ, а между тѣмъ Акад. изданіе часто совершенно замалчиваетъ такіе варіанты.

Стих. *Къ Ней (Эльвина, милый другъ)* было при жизни Пушкина напечатано въ Сѣв. Наблюдателѣ (1817 г.). Акад. изд. печатаетъ его съ позднѣйшими поправками по рукописи, въ примѣчаніяхъ даетъ разночтенія изъ другой рукописи, а о текстѣ журнала ограничивается очень неяснымъ указаніемъ, что въ немъ исправлена только II—ая строфа; но этого недостаточно: ст. I стр. IV въ журналѣ читается:

И въ радости нѣмой, въ восторгахъ наслажденья.

Такое чтеніе въ Ак. изд. не указано нигдѣ.

Стих. *Пѣвецъ* тоже было напечатано въ Сѣв. Набл. 1817 г. Ак. изданіе утверждаетъ, что въ журналѣ данъ первоначальный текстъ, изъ котораго приводитъ два варіанта, между ними ст. 5 „*Встрѣчали ль вы?*„ Это не вѣрно: ст. 5 читается въ Сѣв. Набл. такъ же какъ въ Ак. изд.

Встрѣчали вы?

Въ примѣч. къ элегіи *Счастливъ, кто въ страсти...* приводятся разночтенія изъ рукописей; но ничѣмъ не указано, что въ различныхъ изданіяхъ различно читается ст. 8 стр. II-ой. Въ Ак. изд.:

Любви не позабуду ль слезы?

Въ изд. Л. Ф. утвердительно, безъ *ль*; въ посм. изд. и у Анненкова:

Моей любви забуду слезы.

Посланіе къ Дельвигу *(Послушай, музъ невинныхъ...)* сохранилось въ трехъ рукописяхъ, представляющихъ три послѣдовательныя обработки этихъ стиховъ. Акад. изд. печатаетъ изъ нихъ самую позднюю въ текстѣ и самую раннюю въ примѣчаніяхъ; среднее же чтеніе, помѣщенное въ текстѣ изданіемъ Л. Ф., не указано вовсе. А между тѣмъ въ ней есть отдѣльныя выраженія и цѣлые стихи, не встрѣчающіеся въ двухъ другихъ. Таковы:

Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслѣдъ.

Въ Акад. изд. вмѣсто нихъ стихъ съ лишней стопой „*Жужжишь стихами до надсаду*“. Ср. еще ст. 47.

Въ примѣчаніяхъ къ элегіи „*Подражаніе*“ Ак. изд. печатаетъ ея первоначальный текстъ, говоря, что онъ оставался „вовсе неизданнымъ доселѣ“. Но этотъ текстъ очень немногимъ отличается отъ обработки, сообщенной Е. Якушкинымъ и принятой изданіемъ Л. Ф., которой Ак. изд. однако не сообщаетъ. Вотъ эти различія: ст. 1. *Она безмолвно сѣла* (Ак. изд. *въ молчаньи сѣла*); ст. 8 *взоръ моихъ очей* (Ак. изд. *вздохъ*—?); ст. 30 *тогда, тогда* (Ак. изд. *тогда* одинъ разъ). Кромѣ того есть еще одинъ стихъ между 27 и 28, безъ котораго не выходитъ риѳмы:

Едва дыша въ болѣзненномъ бореньи.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ Акад. изд. намѣренно исключаетъ прежнія чтенія Пушкинскихъ стиховъ. При посланіи *Къ Сестрѣ* оно вовсе не приводитъ разночтеній, „въ виду авторитетнаго происхожденія текста“. *Надпись къ портрету Чаадаева* приведена въ единственномъ чтеніи, хотя въ разныхъ изданіяхъ появлялась въ очень разнообразныхъ видахъ. Эпиграмма *на лицейскаго дядьку, оказавшагося убійцей* печатается такъ, какъ въ статьѣ Гаевскаго; слѣдовательно не приведено чтенія, извѣстнаго Анненкову:

Съ мольбой, съ зажженною свѣчою
Паду передъ иконою святою,
Спасенъ я Промысломъ благимъ:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель докторомъ моимъ.

Посл. *Къ Жуковскому (Благослови, поэтъ...)* напечатано съ рукописи, по рукописи приведены и разночтенія, такъ что остаются намѣренно исключенными чтенія, данныя въ Сынѣ Отеч. 1840 г., перешедшія затѣмъ въ посм. изд., въ изд. Анн. и Л. Ф.

Посл. *В. Л. Пушкину* напечатано по тому тексту, который данъ въ *Полярной Звѣздѣ* 1858 г., хотя впрочемъ въ ст. 20 напечатано *ученье* (П. Зв.—*ученья*), въ ст. 29 *посланье* (П. Зв.—*посланья*), въ ст. 55 *Святкахъ* (П. Зв. *святцахъ*). Въ примѣчаніяхъ никакихъ разночтеній не дано. Между тѣмъ посланіе это напечатано Е. Якушкинымъ съ другого списка, а нѣсколько мелкихъ разночтеній еще съ другого списка сообщилъ А. Меринскій (Библ. Зап. 58 г. № 24). Надо еще замѣтить, что списокъ, съ котораго это стихотвореніе напечатано въ Пол. Зв., не можетъ считаться вполнѣ исправнымъ: между прочимъ стихи 26—29 довольно неожиданно перебиваютъ рѣчь дяди.

Мною замѣчено также, что въ Акад. изданіи не упомянуто нѣсколько разночтеній, приведенныхъ въ разныхъ изданіяхъ.

Таковы слѣдующіе отрывки изъ картинъ *Фавнъ и Пастушка*, приведенные въ Берлинскомъ изданіи Пушкина (1861 г.).

Отд. I ст. 16—17

Когда же въ скромной хатѣ
Пастушку на кровати
Застанетъ тихій сонъ...

Отд. IV послѣ ст. 10

Такъ дѣвица мечтала,
Подъ часъ и воздыхала.
Вдругъ слышится глухой
Ей шорохъ за кустами.
И вотъ, блеснувъ очами,
Предъ нею богъ лѣсной.

Пропущены разночтенія, приводимыя Е. Якушкинымъ, къ посланію *Къ Пущину (Взглянувъ когда нибудь)* ст. 7—8

Мечты младой души твоей,
Печали, радости, надежды, наслажденья.

и ст. 15:

О милый, вѣченъ, вѣченъ онъ.

И такое же разночтеніе къ стансамъ изъ Вольтера (VI ст. 4)

Что значитъ послѣ жить, дышать.

Очень можетъ быть, что Акад. изд. не признаетъ многія изъ этихъ разночтеній подлинными; но такое мнѣніе слѣдовало бы обосновать или хотя оговорить. Теперь же читатель не знаетъ, считать ли отсутствіе этихъ стиховъ въ Акад. изданіи случайнымъ или намѣреннымъ. Тоже самое надо сказать о цѣлыхъ стихотвореніяхъ, пропущенныхъ Акад. изданіемъ.

V. Мелкія поправки.

Въ примѣчаніяхъ къ различнымъ стихотвореніямъ мною замѣчены слѣдующія опечатки въ ссылкахъ:

Къ Батюшкову, стр. 67, указано изд. Анн. т. II, стр. 125; надо т. II стр. 25.

Къ Живописцу, стр. 137, указ. посм. изд. т. IX стр. 325; надо т. IX стр. 385.

Мечтатель. стр. 202. указ. посм. изд. безъ означенія тома; надо т. IX стр. 403.

Къ Машѣ, стр. 223, указ. посм. изд. т. IX стр. 228; надо т. IX стр. 288.

Наѣздники, ст. 252, указ. изд. Анн. т. I стр. 151; надо т. II стр. 151.

Къ Морфею, стр. 283, пропущено указаніе, что это стих. напечатано въ посм. изд. т. IX стр. 390.

Мѣсяцъ, стр. 293, указ. посм. изд. т. IX стр. 323; надо т. IX стр. 322.

Слово милой, стр. 326, указ. посм. изд. безъ означенія тома; надо т. IX стр. 328.

Тамъ же—указ. изд. Анн. т. II стр. 155; надо т. II стр. 140.

Къ Каверину, стр. 356, указ. посм. изд. т. IX стр. 485: надо т. IX стр. 465.

Товарищамъ, стр. 386, указ. посм. изд. т. IX стр. 169; надо т. IX стр. 397.

*

Очевидно опечаткой должно считать тѣ случаи, когда стихъ, приведенный какъ варіантъ, повторяется буквально такъ же, какъ въ текстѣ.

Окно стр. II ст. 6 (стр. 213 и 271).

Товарищамъ ст. 22 (стр. 279 и 387).

*

Въ примѣчаніяхъ къ стих. *Къ Лицинію* указано, что оно напечатано впервыя въ Росс. Муз. 1815 г., гдѣ оно, дѣйствительно, и помѣщено. Чтò же значатъ слова того же примѣчанія (стр. 123): „Любопытно, что это стихотвореніе, встрѣченное похвалами близкихъ къ Пушкину лицъ, долго оставалось не напечатаннымъ, тогда какъ многіе другіе піесы, менѣе замѣчательныя, удостоились этой чести еще до выхода его изъ лицея... Только въ 1825 г. Пушкинъ занялся исправленіемъ (этого посланія), когда предназначилъ его къ печати въ числѣ немногихъ другихъ своихъ произведеній 1815 года“?

*

О Посланіи В. Л. Пушкину сказано (примѣчанія стр. 389): „начало и конецъ посланія были впервыя изданы въ Библ. Зап. 58 г. и въ Полярн. Зв. 58 г.“. Въ Библ. Зап., дѣйствительно, напечатаны лишь начало и конецъ посланія; но въ Пол. Зв. оно помѣщено все.

*

Въ примѣчаніяхъ къ стансамъ изъ Вольтера сказано о четвертой строфѣ, что въ первоначальной обработкѣ въ ней „всѣ четыре стиха помѣщены въ обратномъ порядкѣ“. Это должно относиться къ пятой строфѣ; въ посм. изд. и у Анн. стихи ея напечатаны въ такомъ порядкѣ: 3, 4 ,2, 1.

Валерій Брюсовъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ.

(29 Окт. 1899, № 740).

Въ № 5 „Русскаго Архива“ за текущій годъ помѣщена статья г. Юдина: „Le roi de Volga“, составленная, кстати сказать, уже по изданнымъ Нижегородской Архивной Комиссіей матеріаламъ, хотя г. Юдинъ объ этомъ и умалчиваетъ. Въ концѣ своей статьи г. Юдинъ дѣлаетъ болѣе чѣмъ странный упрекъ по адресу Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи и совершенно извращаетъ приводимый имъ въ примѣчаніи случай покражи архивныхъ дѣлъ. По этому поводу, отъ имени Нижегородской Архивной Комиссіи, сообщаются нижеслѣдующія разъясненія.

Исчерпавъ готовый матеріалъ о князѣ Грузинскомъ *), г. Юдинъ заключаетъ: „Здѣсь невольно приходится умолчать о деревенской жизни князя Грузинскаго за послѣдующія 20 слишкомъ лѣтъ (съ 1789 по 1810), такъ какъ въ мѣстныхъ архивахъ не сохранилось о томъ данныхъ, очевидно потому, что дѣла эти мѣстными канцеляристами не признавались годными и уничтожены, или же прикарманены кѣмъ-нибудь изъ доморощенныхъ архивистовъ: ибо трудно повѣрить, чтобы за это время князь смирилъ свой буйный характеръ“.

Эту тираду г. Юдинъ сопровождаетъ слѣдующимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ: „Въ бытность мою въ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ мнѣ удалось узнать, что изъ числа оставшихся отъ бывшихъ уѣздныхъ судовъ дѣлъ, особенно Макарьевскаго и Семеновскаго, заключавшихъ въ себѣ бумаги о Керженскомъ расколѣ, изъ Ивановской башни, гдѣ дѣла, еще неразобранныя, лежали сложенныя, какъ дрова, сторожемъ съ одной интеллигентной личностью было украдено и продано слишкомъ 30 возовъ архивныхъ бумагъ“. („Р. Архивъ“ 1899 г. № 5, стр. 126).

Чтобы рѣшиться говорить огульно о „прикарманиваніи“ архивныхъ дѣлъ „доморощенными архивистами“, нужно быть или слишкомъ безцеремоннымъ или совершенно игнорировать простыя правила приличія. Для столь „недоморощеннаго“ архивиста, какъ г. Юдинъ, ни то, ни другое непростительно: своимъ упрекомъ онъ компрометируетъ одного себя и никого больше. Но г. Юдинъ не смущается подобнымъ обстоятельствомъ и отъ огульнаго упрека переходитъ къ извращенію факта кражи архивныхъ дѣлъ. Вопервыхъ, ни въ одной изъ крѣпостныхъ башень, служащихъ помѣщеніемъ для архива комиссіи, архивныя дѣла не валялись и не валяются, какъ

*) Дѣло, на которое г. Юдинъ ссылается, описано и напечатано въ 8-мъ выпускѣ „Дѣйствій“ Комиссіи, стр. 373—375.

дрова, а хранятся на полкахъ, въ порядкѣ годовъ и нумераціи; вовторыхъ, покражи архивныхъ дѣлъ изъ Ивановской башни никогда не было. Единственный случай кражи, о которомъ, очевидно, слышалъ г. Юдинъ, имѣлъ мѣсто въ 1893 г. и не въ Ивановской, а въ Тайницкой башнѣ, гдѣ хранились уже разобранныя и описанныя Архивной Комиссіей дѣла *), не представлявшія уже той цѣнности, какую онѣ имѣли бы до ихъ обслѣдованія и описи. По обнаруженіи преступленія, отъ имени самой Архивной Комиссіи было возбуждено преслѣдованіе виновныхъ черезъ полицейское управленіе отношеніемъ отъ 22 Сентября 1893 г. за № 25, а впослѣдствіи значительная часть похищенныхъ бумагъ была возвращена. Виновниками кражи были сторожъ Комиссіи крестьянинъ Коминъ и бывшій сторожъ той же Комиссіи мѣщанинъ Хохлышевъ, которые и были привлечены къ суду и приговорены къ тюремному заключенію—первый на 6, второй на 3 мѣсяца; привлекался въ соучастіи съ ними еще сторожъ Мининскаго сада Кашинъ, но послѣдній по суду оправданъ. Никакой интеллигентной личности въ кражѣ не было замѣшено. Объ этой кражѣ и приговорѣ мирового судьи было доложено Архивной Комиссіи въ засѣданіи ея 3 Октября 1893 года.

(*Сообщено*).

ПОПРАВКИ.

Въ Ноябрьской книжкѣ „Русскаго Архива" въ переводѣ одного изъ писемъ Ѳ. И. Тютчева выпущено одно слово, существенно измѣняющее смыслъ даннаго мѣста. Просимъ нашихъ читателей внести эту поправку на стр. 431, строка 21-я снизу. Напечатано: Увы! въ силу именно этой... надо читать: Увы! въ силу *отсутствія* именно этой.

Къ стр. 192-й въ Воспоминаніяхъ Н. Н. Татлиной, въ примѣчаніи сказано, что попечителемъ графа Шереметева былъ П. Ѳ. Малиновскій. Это не вѣрно. Говорится о Прокофіи Михаиловичѣ Духовницкомъ.

Напечатанное на стр. 447 и 448-й стихотвореніе „Леда" есть только отрывокъ. Полное см. „Мнемозина" 1824 года.

На стр. 450, на строкѣ 5-й сверху пропущено одно слово: надобно *труднѣе* и *отважнѣе*.

---

*) Описи дѣлъ Арзамасскаго, Васильскаго, Макарьевскаго, Нижегородскаго и Семеновскаго уѣздныхъ судовъ и Нижегородскаго Уѣзднаго Полицейскаго Управленія напечатаны въ „Дѣйствіяхъ" Архивной Комиссіи; указатель этихъ описей помѣщенъ во II т. „Дѣйствій".

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ „РУССКОМУ АРХИВУ"

1899 года*).

*) „Русскій Архивъ" состоитъ изъ трехъ книгъ, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Римская цифра Указателя означаетъ книгу, Арабская—страницу.

*

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1899 года

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

ОТЪ КОМИССІИ ДЛЯ СОБИРАНІЯ И ИЗДАНІЯ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ИСТОРІИ ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ виду исполняющагося въ 1902 г. столѣтія основанія Императорскаго Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго, Университета, комиссія, озабочиваясь возможно полнымъ собраніемъ матеріаловъ для составленія какъ Біографическаго Словаря профессоровъ и преподавателей, такъ и Исторической Записки о состояніи и дѣятельности Университета, обращается съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ о доставленіи въ непродолжительномъ времени могущихъ у нихъ оказаться матеріаловъ въ Юрьевскій Университетъ, на имя г. ректора. Все доставленное будетъ принято комиссіею съ глубочайшею благодарностью и сохранено въ цѣлости впредь до востребованія.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900 года.

(Годъ 38-й).

«Русскій Архивъ» въ 1900 году будетъ выходить по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.